НИИГН

A CODE OF DOCUMENTS AND MATERIALS ON HISTORY AND CULTURE OF THE MORDOVIAN LAND

Recollections

The series is begun in 2010

The editor-in-chief of the series
Honoured Scientist of the Russian Federation,
Doctor of History, Professor *V. A. Yurchenkov*

E d i t o r i a l c o u n c i l:
V. A. Yurchenkov (chairman), E. V. Glazkova (executive secretary),
N. S. Krutov, V. V. Maresyev, Yu. A. Petrov, N. V. Petrushkin,
P. N. Tultaev, A. M. Chushkin, V. I. Sharapov, Yu. F. Yushkin

Saransk
The Research Institute of the Humanities
by the Government of the Republic of Mordovia
2016

СВОД ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ МОРДОВСКОГО КРАЯ

Воспоминания

Серия основана в 2010 году

Главный редактор серии
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор исторических наук, профессор *В. А. Юрчёнков*

Р е д а к ц и о н н ы й с о в е т:
В. А. Юрчёнков (председатель), Е. В. Глазкова (отв. секретарь),
Н. С. Крутов, В. В. Маресьев, Ю. А. Петров, Н. В. Петрушкин,
П. Н. Тултаев, А. М. Чушкин, В. И. Шарапов, Ю. Ф. Юшкин

Саранск
НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия
2016

THE GREAT PATRIOTIC WAR: SPOKEN HISTORY

Evidences of battle participants, rear workers and children of war

Volume 3

E d i t o r i a l b o a r d:

V. A. Yurchenkov, E. N. Bikeykin (executive editor),
E. V. Glazkova, T. M. Guseva, O. V. Zarubina, I. V. Zubov,
A. N. Kelina, I. G. Kildyushkina, G. A. Kursheva, V. A. Lomshin,
L. I. Nikonova, E. G. Skvortsova, A. V. Chernov

Saransk
The Research Institute of the Humanities
by the Government of the Republic of Mordovia
2016

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: УСТНАЯ ИСТОРИЯ

Свидетельства участников боев, работников тыла и детей войны

Том 3

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:

В. А. Юрчёнков, Е. Н. Бикейкин (отв. редакторы),
Е. В. Глазкова, Т. М. Гусева, О. В. Зарубина, И. В. Зубов,
А. Н. Келина, И. Г. Кильдюшкина, Г. А. Куршева, В. А. Ломшин,
Л. И. Никонова, Е. Г. Скворцова, А. В. Чернов

Саранск
НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия
2016

УДК 94(470)''1941/1945''
ББК Т3(2)6
В 272

Печатается по решению Ученого совета
НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

Книга издана в рамках реализации ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 — 2020 годы)»
при финансовой поддержке ФАДН России
и Министерства по национальной политике Республики Мордовия

С о с т а в и т е л и:
Е. Н. Бикейкин, С. В. Видяйкин,
Т. Ю. Задкова, Н. Н. Зоркова, С. А. Ивлиев, В. А. Юрчёнков

В 272 **Великая Отечественная война: устная история** : Свидетельства участников боев, работников тыла и детей войны / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия ; сост.: Е. Н. Бикейкин [и др.] ; [ред. совет: В. А. Юрчёнков (пред.), Е. В. Глазкова (отв. секретарь) и др. ; редкол.: В. А. Юрчёнков, Е. Н. Бикейкин (отв. редакторы) и др.]. — Саранск, 2016. — Т. 3. — 728 с. — (Свод документов и материалов по истории и культуре мордовского края. Воспоминания).

ISBN 978-5-00008-034-4 (т. 3)
ISBN 978-5-00008-031-3

В сборнике представлены воспоминания участников и современников Великой Отечественной войны — уроженцев и жителей Мордовии. В него вошли изданные ранее материалы, а также неопубликованные свидетельства, отложившиеся в архивах и музеях Мордовии.

Адресован историкам и всем интересующимся вопросами истории Великой Отечественной войны.

УДК 94(470)''1941/1945''
ББК Т3(2)6

ISBN 978-5-00008-034-4 (т. 3)
ISBN 978-5-00008-031-3

© НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2016
© Бикейкин Е. Н., Видяйкин С. В., Задкова Т. Ю., Зоркова Н. Н., Ивлиев С. А., Юрчёнков В. А., составление, 2016

В. И. МАЙКОВ

Майков Виталий Иванович (6.4.1914, с. Новые Алгеши ныне Цильнинского района Ульяновской области) — участник боевых действий. Окончил Одесское пехотное училище (1938). В РККА — с 1938 г., на фронте — с 1941 г. Полковник. Демобилизован в 1975 г. Жил в г. Саранске. Награжден орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, медалями[*].

2005 г.

В 4.00 22 июня 1941 г. вступил в бой с немецко-фашистскими войсками в должности начальника штаба 173-го стрелкового полка 90-й стрелковой дивизии Западного, а потом Ленинградского фронтов.

Боевой путь в начале войны под натиском превосходящих сил противника в основном в составе 90-й дивизии складывался из отступательных боев и сражений с берегов Немана на Шяуляй, Елгаву, Ригу, Псков, Лугу, Пушкин, Ленинград.

Мне, участнику Великой Отечественной войны с первой же минуты вероломного нападения фашистской Германии, невольно вспоминается тяжелый начальный период этой страшной борьбы непосредственно на восточно-прусской границе, на участке Пограмантис — Таураге, где мы по р. Юра (Паюрис) строили укрепленную линию.

Соединение 18-й армии немецко-фашистских войск из группы «Север», сосредоточив основные силы в направлении Тильзит — Шяуляй, создав почти шестикратное превосходство по всем родам войск и видам вооруженных сил, после сильной артиллерийско-авиационной подготовки первой же атакой прорвало фронт, переправилось через р. Неман (так как наши войска не взорвали мосты через нее) и наступало вглубь Литвы. Самолеты-истребители противника с бреющего полета обстреливали чуть ли не каждую машину на дорогах, отдельных солдат на разных участках фронта.

Нам пришлось многое пережить. С болью в сердце мы оставляли родные города и села. Однако, несмотря на тяжелые условия борьбы, наши отступающие войска на отдельных рубежах оказывали врагу ожесточенное сопротивление, проводили контрудары и контратаки, и противник нес значительные потери. В основной своей массе Красная армия сохраняла боеспособность. В этом сказались высокие моральные качества советских людей, их преданность своей Родине и делу коммунистической партии. Части, оказавшиеся в окружении, продолжали героическую борьбу, прорывались или переходили к партизанским методам действия и держали в непрерывном напряжении тыл немецко-фашистских войск.

Публикуется по изданию:
Зернов А. Н., Котков С. К. Шагнувшие в бессмертие. Саранск, 2005. С. 18.

[*] **Зернов А. Н., Котков С. К.** Шагнувшие в бессмертие. Саранск, 2005. С.18 ; http://podvignaroda.mil.ru ; http://kkulikeev-yaltch.edu.cap.ru

Н. Ф. МАЙОРОВ

Майоров Николай Федорович (18.5.1923, с. Пермиси ныне Большеберезниковского района Республики Мордовия — 22.11.2000, г. Саранск) — участник боевых действий. На фронте — с 1942 г. С боями прошел от Сталинграда до Чехословакии. Гвардии капитан. Командир роты противотанковых ружей 49-го стрелкового полка 50-й стрелковой Запорожско-Кировоградской Краснознаменной ордена Суворова дивизии. Был тяжело ранен. Уволен из армии в 1946 г. по состоянию здоровья. Заслуженный работник культуры МАССР. Член Союза журналистов СССР. Награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, Красной Звезды, медалями, в том числе «За оборону Сталинграда»[*].

1990 г.

Сталинград... Не счесть, сколько раз он упоминался в сводках Совинформбюро, несметное количество раз вырывалось это название из уст жен и матерей: «Наш-то, под Сталинградом!».

А защищали город все советские люди: русские и украинцы, белорусы и грузины, татары и мордва... Да разве можно перечислить национальности всех его защитников?

Вместе со всеми пришлось участвовать в разгроме врага под Сталинградом и мне. После окончания Рязанского военно-пехотного училища несколько молодых лейтенантов, в их числе и я, были направлены в действующую армию. Уже по пути в Сталинград наш эшелон два раза подвергся бомбежке вражеской авиации. К счастью, прямых попаданий не было, в Камышине разгрузились. А дальше до места назначения добирались пешком и на попутных автомобилях, доставляющих грузы для передовой. Чувствовалась близость фронта. Отчетливо доносился гул артиллерийской стрельбы, взрывы крупных снарядов. Временами охватывала тревога: «Что меня ждет там, на передовой, — жизнь или смерть? Тот, кто не боится смерти, тот не воевал». Мысленно хотелось все это быстрее увидеть, испытать на себе. Выдержу ли я, можно сказать, еще юноша?..

В штабе 27-й гвардейской стрелковой дивизии получил направление и первую офицерскую зарплату, а на рассвете следующего дня был уже в землянке командира полка, тихоокеанского моряка, капитана третьего ранга Бондаря. Первые расспросы: кто и откуда, обстрелян или нет? Затем он рассказал о роте, в которой предстояло мне быть командиром. И как бы между прочим сказал: «В сумерках проводят вас на передовую, в роту. Там сейчас за командира старшина».

...К вечеру покинул землянку командира полка и в сопровождении его связного направился к передовой, которая протянулась чуть впереди небольшой высоты,

[*] Мордовия, XX век: культурная элита. Саранск, 2010. Ч. 1. С. 355 ; http://podvignaroda.mil.ru

обозначенной на полевой карте под номером 92. Находим блиндаж старшины. Связной комполка представил меня: «Вот ваш новый командир».

Да, на войне я был командиром. Но старшие по возрасту солдаты поговаривали, что рядовым, мол, на фронте полегче. Взял винтовку или автомат, вырыл окоп и жди команду. Не знаю — так или не так, но на войне всем достается, только командиру все же больше.

Приняв командование ротой, я в тот же вечер вместе со старшиной (фамилию не помню, но помню, что был он из Казахстана) обошли окопы, проверили дозорных. И так каждый декабрьский день, пока готовились к наступлению. Пополняли боеприпасы, распределяли по отделениям и взводам вновь прибывших. В роту, кроме меня, прибыло еще два командира: замполит и взводный. Замполит был сибиряк, старший лейтенант Горбунов. Он уже участвовал в боях и прибыл из госпиталя. Взводным был младший лейтенант, новичок, как и я. С ними как-то стало веселее, надежнее.

К началу января численность роты возросла до 80 человек. А 7 января 1943 г. командование Донского фронта направило окруженным войскам врага ультиматум с предложением капитулировать и тем самым сохранить жизнь солдатам. Ультиматум был отклонен.

И вот настал день 10 января. В 8 часов 05 минут с высотки, где размещался наблюдательный пункт, взвилась серия ракет, и тут же воздух вздрогнул от начавшейся канонады нескольких тысяч орудий, минометов, залпов катюш. Пока шла артобработка гитлеровских позиций, мы находились в своих укрытиях. Враг тоже не молчал, огрызался залпами своих орудий. Несколько снарядов упало в расположение моей роты.

Наступление нарастало. В воздухе появились краснозвездные штурмовики. 55 минут шел артобстрел противника. Ровно в 9 [часов] из укрытий вышли наши танки с десантами на борту и устремились вперед. За ними двинулась пехота. Поднялась с насиженного места и моя рота.

«Вперед!», «Только вперед!» — слышны команды. По рыхлому снегу пройдены сотни метров. Вот уже видна первая линия вражеской траншеи. Огрызаются гитлеровские пулеметы, то там, то здесь рвутся мины. Вот уже появились первые убитые и раненые из моего подразделения. Три противотанковых ружейных расчета залегли и бронебойными пулями начали бить по огневым точкам врага. Вскоре один из вражеских пулеметов замолк. Натиск нарастает. Враг отступает вглубь кольца, оставив десятки убитых солдат.

Зимний день короток. Вот уже и сумерки. В тот день наш полк углубился в оборону противника километров на восемь и остановился в балке, на противоположной стороне которой укрепились фашисты. Это была вторая оборонительная линия фрицев.

Вечером командиров подразделений собрал комполка Бондарь. Он сказал, что наш полк несколько отстал от соседей, и поставил новую задачу. Получили задание я и мой сосед, комроты, старший лейтенант Калинин. Решено было атаковать врага ночью. В три часа утра около двухсот солдат первого батальона скрытно, без шума

двинулись вперед. Враг молчит. Метров сто осталось до его траншей. Идем и волнуемся. «Почему молчат гитлеровцы? Может, скрытно оставили свою оборону и удрали»?» — думали мы. Но вдруг поле брани осветила ракета, и тут же заговорили фашистские пулеметы. Пришлось залечь на снег.

Через некоторое время раздалась команда комбата: «Коммунисты и комсомольцы, вперед!» — и вслед за ним все бойцы встали и с криками «Ура!» бросились в атаку. Две-три минуты потребовалось, чтобы пробежать расстояние до вражеской линии. В ход были пущены гранаты. Бой был коротким. Мы его выиграли. Десятки фашистов были уничтожены, более 20 взяты в плен. Мы тоже понесли потери. В моей роте были ранены замполит Горбунов, старшина и около десяти бойцов. Пятеро убиты. А через день в бою геройски погиб командир роты Калинин.

Боевые операции по уничтожению врага продолжались. Мы двигались в направлении, где располагались заводы «Красный Октябрь», «Баррикады». Но до них еще далеко. Впереди нас была станция Гумрак. Враг оборонял эти места ожесточенно. Почему? Узнали позже. За Гумраком на склоне пологой горы находились искусно замаскированные блиндажи фельдмаршала Паулюса и его штаба, а также полевой аэродром.

Несмотря на яростное сопротивление, враг вынужден был отступать. Преследуя противника, мы освободили Гумрак, оттуда направились в район рабочего поселка «Красный Октябрь». Из январских боев мне запомнился еще и такой эпизод. К концу месяца наша часть вышла к балке Вишневая. Это название соответствовало местности. На ее склонах росли вишни, яблони и другие фруктовые деревья. К вечеру наступление приостановилось. Уставшие воины в затишье стремились к отдыху, искали убежища и тепла. Я со своим связным оказался в покинутой гитлеровцами землянке. Вскоре туда вошли еще двое бойцов моей роты. Тепло. Вздремнули. Но солдатский сон чуткий. Проснулись и тут же затопили бочку-печку. Готовимся к завтраку. Разложили хлеб, открыли консервную банку. И вдруг слышим, кто-то по обледеневшему проходу покатился вниз и в сидячем положении въехал в землянку. Смотрим, это гитлеровец с винтовкой в руке. Честно признаться, все мы оторопели от такой встречи. Не ожидал такого «знакомства» и фриц. Он тоже испугался. Но мы овладели положением и тут же обезоружили его. Один из солдат выскочил из блиндажа, чтобы узнать, что там. Но было тихо.

Никто из нас не знал немецкого языка. А фриц все что-то рассказывал, жестикулировал руками. Мы поняли его так: он был в дозоре, заснул, замерз и решил погреться в своей землянке. Пока он отсутствовал, немцы отступили, позабыв своего дозорного. Ему было лет 40 — 45. Как-то даже жалко его стало. Подсадили ближе к печке, накормили тем, что у нас было. В знак благодарности он все бормотал: «Гут руссе! Гитлер капут!». А когда рассвело, мы его сопроводили к колонне пленных фашистов. А их уже скопилось в балке не одна сотня.

Из балки Вишневой с боями двигались в сторону завода «Красный Октябрь» и с таким же названием поселка. Враг почти не сопротивлялся. Кругом развалины. Из подвалов и других укрытий в одиночку и группами сдавались в плен фашистские вояки.

2 февраля маршал артиллерии Н. Н. Воронов и командующий Донским фронтом генерал-полковник К. К. Рокоссовский доложили в ставку о том, что войска фронта в 16.00 второго февраля 1943 г. закончили разгром и уничтожение сталинградской группировки противника.

Были пленены генерал-фельдмаршал Паулюс и его штаб. Правда, это сделали воины другой дивизии. Но то, что город на Волге был спасен, что здесь завершилось одно из величайших сражений Отечественной войны, радовало нас, всех советских людей.

За успешное выполнение заданий командования и проявленные при этом мужество и героизм десятки воинов нашего полка были представлены к награде. Я был награжден орденом Красной Звезды. Его я получил месяца через три, когда наша часть уже находилась за несколько сот километров от Сталинграда, на берегу Северского Донца, что близ городка Красный Лиман. Первый боевой орден мне вручил командарм теперь уже не 62-й, а 8-й гвардейской армии генерал-лейтенант В. И. Чуйков, впоследствии Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза.

Публикуется по изданию:
Майоров Н. Ф. Это было под Сталинградом //
В боях за Родину. Саранск, 1990. С. 44 — 48.

А. А. МАКАРОВ

Макаров Александр Архипович (4.9.1923, с. Кочкурово ныне Кочкуровского района Республики Мордовия) — участник боевых действий. В РККА — с 1942 г., на фронте — с августа 1943 г. Служил в составе 5-й гвардейской армии 18-го танкового корпуса 170-й танковой бригады командиром танка, позже — командиром танкового взвода. Являлся спецдефектовщиком интендантского имущества 112-й отдельной армейской роты по сбору трофейного имущества 5-й гвардейской танковой армии. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, медалью «За отвагу»[*].

2005 г.

Форсирование Днепра имело свои особенности: переправа происходила ночью, берег реки — очень крутой, да еще непрерывный артиллерийский и минометный обстрел. И был инструктаж, что даже если умирать — ни звука.

Форсирование началось. Подошла и наша очередь. Механик загнал танк на понтон, и его потащили на лебедке. «Поскорей бы добраться до противоположного берега», — думали тогда все. Многие гибли, так и не достигнув его. Темно, со всех сторон обстрелы, но вдруг пустили осветительную ракету, тут и нас «нащупали». Было страшно, возникало чувство обреченности, но все помнили приказ и важность операции. И вот он, долгожданный берег. Переправа благополучно завершилась. Танк отцепили, и уже под гусеницами зашуршал гравий. Но нужно было еще подняться на крутой берег по узкой рыхлой дороге, и это мы преодолели. И сразу вступили в бой за населенный пункт Мишунин Рог. После него вошли в один из домов, хотели заночевать. Страшная картина предстала пред нами: убитые фашистами женщина и двое маленьких детей. Ждали утра в танке. На рассвете пришел десант. И опять в атаку за с. Ивановка. Во время боя наткнулись на мину, и весь экипаж контузило. У меня нарушилась речь. Нас хотели отправить в госпиталь, но мы остались при части (через 1,5 недели стало лучше).

За форсирование Днепра я был награжден медалью «За отвагу» и назначен командиром танкового взвода. Тысячи людей погибли в этой операции, но все понимали, что победа на этой реке имела важное экономическое и стратегическое значение: она открыла дорогу на Киев. Советские войска взломали вражескую оборону на правом берегу Днепра и к концу 1943 г. создали важные стратегические плацдармы, которые обеспечили нашим войскам благоприятные условия для развертывания новых наступательных действий в начале 1944 г.

Мы же, молодое тогда поколение, в результате этого сражения закалили свою волю и обрели высокие моральные качества, которые остались у нас на всю жизнь.

---

[*] **Зернов А. Н., Котков С. К.** Шагнувшие в бессмертие. Саранск, 2005. С. 144 — 145 ; http://podvignaroda.mil.ru

К сожалению, в ноябре 1943 г. в бою под Байрачками я получил ранение, попал в госпиталь и пробыл там до января 1944 г., а затем был направлен в запасной полк. 1,5 месяца пробыл в командировке по «экономии горючего» (ездил по частям), а по возвращении командиром батальона был назначен на 6 месяцев начальником связи своего подразделения. Это ранение было роковым, так как в танкисты меня больше не взяли. После войны до 1953 г. служил в армии командиром роты механизации.

В 1953 г. вернулся в Мордовию.

Публикуется по изданию:
Зернов, А. Н. Котков С. К.
Шагнувшие в бессмертие.
Саранск, 2005. С. 144 — 145.

Н. П. МАЛКИНА

Малкина Наталья Павловна, уроженка с. Дубенки ныне Дубенского района Республики Мордовия. Участница боевых действий. На фронте — с 1942 г. Военный водитель. Награждена орденом Отечественной войны 2-й степени, 11 медалями[*].

2005 г.

В действующую армию я попала в мае 1942 г. На сборы дали только 2 ч и сразу на подводах отправили до станции. Мне было тогда всего 18 лет — время расцвета, молодости, надежд, мечтаний. И все перечеркнула война. Привезли нас в Москву и зачислили курсантами в школу шоферов. Но вскоре моих землячек — Веру Сульдину и Аню Романову — по состоянию здоровья отправили обратно домой, а я продолжила учебу. В конце июля, после окончания двухмесячных курсов и принятия присяги, нас — две роты девушек — отправили на Северо-Западный фронт.

Боевое крещение мы приняли на ст. Бологое Калининской обл[асти]. Только сошли с поезда, как вдруг все небо, словно черные тучи, обложили вражеские самолеты. Началась бомбежка. Мы, неопытные еще бойцы, разбежались кто куда, подняли неистовый крик. Несколько человек спрятались в старой воронке от бомб, крепче прижимаясь к родной земле, спасаясь от нарастающего воя. Но вот заработали наши зенитки, и небо стало проясняться. После бомбежки мы все собрались вместе, чумазые, плачущие от страха. Правда, потерь не было. Все были живы. В тот же день нас зачислили в 160-й отдельный автотранспортный батальон и отправили на место дислокации в выползовские леса. Начали рыть землянки. Работали только по ночам, днем нельзя было — вражеские самолеты преследовали даже одного солдата. Устроившись на новом месте, мы, бывшие курсанты, стали возить на грузовиках боеприпасы, горючее на аэродромы, на передовые позиции. Сначала ездили в паре с опытными водителями — проходили стажировку. Но и потом в рейсы уходили по двое, так как они были дальние и опасные. Мужчинам на войне было трудно, но женщинам — еще тяжелее. Бессонные ночи, трудные военные дороги, артобстрелы, бомбежки, повседневные лишения и тяготы — что только ни пришлось испытать нам в военные годы. Теряли подруг. Из одного такого рейса не вернулась наша лучшая боевая подруга — Соня Владимирова. Она подорвалась вместе с грузовиком. Эту утрату мы тяжело переживали всем батальоном.

В январе 1944 г. нашу часть перебросили на Третий Прибалтийский фронт, который освобождал Каунас и Вильнюс. В июле этого же года батальон воевал в составе Третьего Белорусского фронта, нами были взяты занятые немцами Витебск и Смоленск. Военные водители все время находились в пути. Больно было видеть каж-

[*] **Зернов А. Н., Котков С. К.** Шагнувшие в бессмертие. Саранск, 2005. С. 132 — 134.

додневно одну и ту же картину: сожженные села, обгорелые печные трубы, мертвые тела замученных мирных жителей.

Питались в основном сухим пайком, а бывало, что по нескольку дней вообще ничего не ели, не то что бы не было пищи, а после увиденного — залитого кровью снега, переполненных трупами людей и животных рек и озер, пожарищ и пепелищ — в горло не лез кусок хлеба.

Если скажут, что человек ко всему привыкает, не верьте, к войне, [к] смерти нельзя никогда привыкнуть. Обо всем не расскажешь. В иное даже не поверишь в мирной жизни. Лет десять мне еще после войны снились бомбежки. Про себя скажу, что родилась я под счастливой звездой. За 3,5 года войны ни разу не была ранена. В Восточной Пруссии пересеклись наши военные дороги с братом Василием. Два раза я посетила часть, где он воевал. Встреча была трогательной, оба мы плакали, спрашивали друг у друга, кто что знает о доме, о матери. Василий тогда уже был раненым, с одним глазом. Он рассказал мне, как на его глазах погиб наш двоюродный брат Алексей Малкин.

День Победы я встретила там же, в Восточной Пруссии, в Тильзите. Наша автоколонна была в пути, перед рассветом мы остановились, чтобы передохнуть. Вдруг услышали стрельбу, поднялись по тревоге, думали, что на нас напали немцы. И вдруг возгласы: «Победа! Победа!». Мы сначала не поверили. Но когда через некоторое время наш командир батальона сообщил, что немцы капитулировали, — что тут началось! Плакали от радости и горечи за тех, кто не дожил до этих дней, смеялись, пели, танцевали.

«Наконец-то, скоро домой», — думали мы. Но, увы! Нас погрузили в железнодорожный состав и повезли на восток. Куда, мы даже не знали, уже в пути нам сказали, что едем воевать с японцами. Добрались до Читы, а там своим ходом — в Монголию, в Маньчжурию. Возили боеприпасы, горючее, продукты. Но война здесь шла всего лишь месяц. После разгрома японцев наша часть опять вернулась в Читу. Домой я попала только в ноябре 1945 г.

Публикуется по изданию:
Зернов А. Н., Котков С. К.
Шагнувшие в бессмертие.
Саранск, 2005. С. 132 — 134.

И. С. МАЛЬЧЁНКОВ

Мальчёнков Иван Сергеевич (1922, с. Вырыпаево ныне Ромодановского района Республики Мордовия) — участник боевых действий. В РККА — с 1941 г. Разведчик-мотоциклист. Был дважды ранен. Награжден орденом Красной Звезды, медалями[*].

2005 г.

1 097-й стрелковый полк формировался в составе 326-й стрелковой дивизии на основании директив М[осковского] в[оенного] о[круга] № 106, 639 от 31.08.41 [г.] в Мордовской АССР, с. Ромоданово, с 31 августа по 27 сентября 1941 г.

Одним из первых военачальников частей дивизии прибыл майор М. М. Свиридов, назначенный командиром 1 097-го стрелкового полка, формирование которого проходило в с. Ромоданово. В Доме культуры разместился штаб, а личный состав расселили на квартирах местных жителей.

До начала мобилизации ромодановцев в 1 097-й полк райвоенкоматом уже были призваны 725 человек. В 409-й стрелковый полк, сформированный в Саранске, попали 542 уроженца района.

По мере формирования 1 097-го полка (в сентябре 1941 г. он был полностью укомплектован) в окрестностях с. Ромоданово проходила строевая учеба его подразделений. Многие новобранцы оставались в гражданской одежде, они учились рыть окопы, минировать поля, ходить в атаки, пели известную песню «Вставай, страна огромная...».

Формирование и подготовка дивизии шли по ускоренной (для военного времени) программе.

В первых числах ноября 1 097-й полк передислоцировался в Саранск, где бойцы принимали присягу. В красном уголке одного из батальонов полка коммунисты, сыны мордовского народа Василий Костин, Николай Беззубов, Василий Долганов, Павел Мазайкин клялись беспощадно громить врага. Уроженец с. Алово Атяшевского района Павел Семенович Тюгашкин был секретарем партийной организации полка.

4 ноября 1941 г. 326-я стрелковая дивизия уходила на новое место дислокации, каждый из полков получил свой маршрут, а также координаты пункта назначения. Вышли в сторону с. Кочкурово. Праздник революции — 7 ноября — встретили в дороге. 1 097-й полк одним из первых прибыл в пригород Пензы и расположился вокруг с. Мертовщина. Находясь в Пензе, бойцы добрым словом вспоминали жизнь в с. Ромоданово, о чем писали в письмах домой.

---

[*] **Зернов А. Н., Котков С. К.** Шагнувшие в бессмертие. Саранск, 2005. С. 22 — 23 ; http://podvignaroda.mil.ru

По состоянию на 27 октября 1941 г. 1 097-й стрелковый полк фактически насчитывал 2 828 человек личного состава, хотя по штату полагалось только 2 754.

22 ноября вся дивизия распределилась по эшелонам. Через два дня прибыли на ст. Желобово, сосредоточились в г. Сапожок Рязанской обл[асти], где по распоряжению командира дивизии полковника Андреева приступили к вооружению и обмундировке. На 13 600 человек в дивизии приходилось лишь 700 винтовок.

В конце ноября 1 097-й полк приступил к выполнению боевых заданий, действуя на открытом левом фланге Западного фронта, с 10 октября его возглавил Г. К. Жуков. Полк был полностью укомплектован, одним из первых в дивизии, оружием и боеприпасами.

Публикуется по изданию:
Зернов А. Н., Котков С. К.
Шагнувшие в бессмертие.
Саранск, 2005. С. 22 — 23.

А. М. МАМАЕВ

Мамаев Алексей Михайлович (28.8.1925, с. Караванное ныне Тужинского района Кировской области — 22.9.1995, г. Саранск) — участник боевых действий. После окончания Муромского минометного училища (1943) — на фронте. Был трижды ранен и контужен. С 1965 г. работал в г. Саранске. В 1986 — 1995 гг. — директор Мемориального музея военного и трудового подвига 1941 — 1945 гг. Награжден орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, Дружбы, медалями[*].

1990 г.

Второе ранение на войне я получил в августе 1943 г. После излечения в полевом госпитале 21-й армии Третьего Белорусского фронта был направлен в свою часть. Осень выдалась холодной и дождливой. В родной 597-й артполк 22-й гвардейской стрелковой дивизии пришел на третьи сутки. Располагался он в нескольких километрах от Днепра, в районе города Орши. Обрадовался, когда нашел свой минометный расчет. Отдыхать практически не было времени. Полковые артиллеристы и минометчики получили приказ разместить огневые позиции ближе к Днепру. Старательно выкопали огневую позицию для миномета, траншею для боеприпасов, защитный окоп с перекрытием и проходы, соединяющие огневую позицию со складом боеприпасов. Все кругом замаскировали. Несколько впереди от нас зарылись в землю пехотинцы. Они строили блиндажи и перекрытия над траншеями. Устанавливались пулеметные точки, противотанковые ружья. На прямую наводку выкатывались 45-и 76-миллиметровые пушки. Работа в эти темные осенние и дождливые ночи проводилась под огнем немецкой артиллерии.

Наша штурмовая авиация наносила сокрушительные удары по оборонительным рубежам фашистов, а артиллерия и катюши, в том числе и наша батарея, уничтожали живую силу, боевую технику, разрушали вражескую оборону. Мой расчет вел методический огонь по противнику. Фашистам удалось засечь наши позиции. Они открыли бешеный артиллерийско-минометный огонь. Наш миномет перевернуло, а Василия Кокоулина тяжело ранило. Потеряв наводчика, мы остались вдвоем с Блиновым. По приказу командира батареи сменили огневые позиции. Перебрались в кустарник, ближе к водной глади Днепра, где когда-то был вкопан гитлеровский танк. Построив огневую позицию, мы удобно установили свой миномет. Вся эта тяжелая и сложная работа требовала знаний и расторопности. Много труда было вложено и в пополнение запаса боеприпасов — склады боеприпасов полка находились в пяти километрах от нас.

По приказу командира полка были переформированы расчеты с целью усиления их боеспособности. Нам прислали новичка. Все подразделения получили боеприпасы и продовольствие. Снабдили нас бутылками с горючей смесью и гранатами. Каждый

---

[*] Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2003. Т. 1. С. 519 ; Мордовия, XX век: культурная элита. Саранск, 2010. Ч. 1. С. 365.

расчет обязан быть готов ко всякой неожиданности. Фашисты могли пойти в контрнаступление или открыть огонь.

Техники и других средств для проведения переправы у нас почти не было, не считая нескольких надувных лодок. Материалы для постройки плотов расчеты собирали в разных местах. Сколачивали плоты из бревен полусгоревших сараев. Мы дружно сколотили два плота, связали их проволокой и трофейным телефонным проводом. Аккуратно спустили плоты на воду. Закрепили их, чтобы не унесло быстрым течением Днепра. На один из плотов уложили ящики с боеприпасами и продовольствием, а на другой установили свой 82-миллиметровый миномет. Усталые и промокшие, но воодушевленные верой в успех, мы были готовы идти в бой, освобождая родную землю от фашистов.

— Война — это ожесточенное зло, — подумал я, — которое навязал нам Гитлер. Агрессивная и кровопролитная война была им планово разработана, а захватнические войны всегда заканчиваются для агрессоров крахом.

Мы были уверены за свой минометный расчет, батарею и полк, за то, что сражение за Днепр выиграем.

Перед рассветом началась артиллерийская подготовка, которая длилась 45 минут. В сторону фашистских оборонительных рубежей полетели снаряды катюш. Плотный артиллерийский огонь вела наша артиллерия. Мне был дан приказ первым погрузиться со своим расчетом на плоты. Плоты были связаны между собой телефонным проводом так, чтобы расстояние между ними было не менее восьми метров. Плоты относило быстрым течением, но мы добрались до середины Днепра. Увидев группу отступающих фашистов, я на ходу открыл по ним минометный огонь. Враг ответил яростным огнем по штурмующим Днепр подразделениям. Разорвавшийся рядом с нашим вторым плотом снаряд поднял мощный водяной столб, который подбросил плот. Несколько ящиков с боеприпасами упало в воду. Мы с Михаилом Блиновым упорно гребли, чтобы быстрее добраться до правого берега. Пехотинцы, переправившись на берег, вели рукопашный бой. Плотный артиллерийский огонь и удары нашей авиации продолжали разрушать огневые позиции врага и его живую силу и технику. Наши минометные расчеты смогли за 20 минут переправиться через Днепр. Причалив к берегу, мы с Михаилом разгрузили плоты, вытащили и собрали свой миномет. Ящик с минами и другими боеприпасами уложили вблизи. Получив команду и прицельные исходные данные, открыли огонь по отступающим фашистам. Под натиском нашей пехоты они вынуждены были покидать второй оборонительный рубеж. Эта была трудная победа, за которую пришлось заплатить большой ценой: мы потеряли многих своих друзей и товарищей.

Время стирает гнетущую тяжкую боль переживаний и страданий, боль, которую нам пришлось перенести в те страшные кровавые годы. Приходится жить с ощущением этой боли, а поэтому невозможно забыть того, как пришлось страдать армии и народу. Нельзя забыть прежде всего во имя наших детей, их светлого будущего.

Публикуется по изданию:
Мамаев А. М. В боях за Днепр //
В боях за Родину. Саранск, 1990. С. 67 — 69.

В. А. МАНЯКИН

Манякин Виктор Андреевич (1923, территория Большеберезниковского района Республики Мордовия) — участник боевых действий. В РККА — с августа 1941 г., на фронте — с мая 1942 г. Гвардии старший лейтенант. Воевал на Северо-Западном, Сталинградском, Донском, Юго-Западном, Третьем Украинском и Первом Белорусском фронтах в должностях командира взвода управления, начальника разведки артиллерийского дивизиона. После увольнения из армии окончил юридический институт. Работал в прокуратуре, затем в МВД МАССР. Награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, Красной Звезды, медалями, в том числе «За оборону Сталинграда»[*].

1990 г.

В июле 1943 г. 8-я гвардейская армия, переформировавшись после Сталинградского сражения, вошла в состав Третьего Украинского фронта. Свои боевые действия она начала с наступления на донбасскую группировку противника. Форсировав Северский Донец, вступила в бой в районе города Изюм Харьковской области.

Я в это время командовал взводом управления батареи 154-го артполка. Как только наша пехота форсировала реку, мне было приказано выдвинуться в ее боевые порядки, чтобы участвовать в подавлении артогнем огневых точек противника, мешавших продвижению нашей пехоты. Бои были жаркие. В течение одного дня приходилось многократно корректировать огонь нашей батареи. Было подавлено и уничтожено несколько пулеметных точек, две минометные батареи. За эти боевые действия я впервые был награжден медалью «За отвагу».

В начале октября мы вели бои на подступах к Запорожью. И здесь я находился в боевых порядках пехоты. Артбатарея вела огонь прямой наводкой. Танки врага непрерывно контратаковали. Из четырех орудий в нашей батарее уцелело лишь одно; из личного состава в строю осталось несколько человек, да и те были ранены. Выведены из строя были и офицеры.

Картина боя батареи разворачивалась так. Увидев, что пехота, продвижению которой мешали два вражеских самоходных орудия, залегла, я подбежал к действующему орудию и вместе с оставшимися в живых бойцами перекатил орудие в небольшую лощину. Выбрав удобную позицию, стал вести наблюдение за самоходками. Они беспрерывно вели огонь болванками по нашему орудию, не достигая цели, — орудие находилось в укрытии. Немцы сделали попытку зайти во фланг нашему орудию. Воспользовавшись этим, мы, подпустив их на расстояние 350 — 400 метров, тремя выстрелами подожгли оба танка. Как только самоходки загорелись, наша пехота поднялась в атаку. Фашисты в беспорядке отступили.

Вечером 13 октября наши войска вступили в Запорожье. К утру следующего дня город был полностью очищен от оккупантов.

---

[*] В боях за Родину. Саранск, 1990. С. 93 ; http://podvignaroda.mil.ru

Наши бои с самоходками наблюдал со своего наблюдательного пункта командир дивизии генерал-майор Глебов, который здесь же, на поле боя, вручал мне за эту операцию орден Красной Звезды.

С сентября 1944 г. до конца войны я служил в 82-й гвардейской стрелковой дивизии той же 8-й гвардейской армии. Во время боев за город-крепость Познань мне как начальнику разведки артдивизиона приходилось поддерживать непосредственную связь с командирами стрелковых батальонов 242-го гвардейского стрелкового полка, корректируя наш артогонь. Особенно запомнились бои по ликвидации крупной вражеской группировки и взятию цитадели с 15 по 23 февраля 1945 г. Результатом наших слаженных действий стало уничтожение нескольких минометных батарей и других огневых точек противника, а также живой силы врага. За познанские бои я был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

Последний боевой орден — Отечественной войны 1-й степени — я получил за успешные действия по отражению многочисленных контратак гитлеровцев на Ландвер-канале в Берлине. Чтобы отбросить наши части с плацдарма, немцы беспрерывно бросались в контратаки. Положение было тяжелое. Мной был вызван артогонь нашего полка, можно сказать, на себя. Снаряды ложились буквально в десяти — двадцати метрах от командного пункта командира батальона, с которым я находился и откуда мне пришлось корректировать артогонь. Все контратаки врага были отбиты, гитлеровцы были отброшены, и плацдарм остался в наших руках. А через несколько дней гарнизон города капитулировал. 2 мая 1945 г. стало днем взятия Берлина советскими войсками.

Публикуется по изданию:
Манякин В. А. Боевые действия артразведчиков //
В боях за Родину. Саранск, 1990. С. 93 — 95.

М. М. МАРТЫНОВ

Мартынов Михаил Максимович (13.6.1921, бывшая деревня Карлино на территории Темниковского района Республики Мордовия — 5.2.1994, г. Краснослободск) — участник боевых действий. Полный кавалер орденов Славы (3.11.1944; 10.1.1945; 15.5.1946). В РККА — с 1940 г., на фронте — с 1941 г. Прошел курсы огнеметчиков. Участвовал в боях за г. Керчь, Новороссийск, в освобождении Польши, Чехословакии. Награжден также орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями[*].

Не позднее 1970 г.

Воевал я в дни Великой Отечественной войны в 26[-м] отдельном огнеметном батальоне Четвертого Украинского фронта. Шли бои за освобождение города Новороссийска. В районе цементного завода была сильно укрепленная оборона немцев — долговременные огневые точки, доты с перекрытыми траншеями из железобетонных плиток. Наша оборона была неудобной. Слева — Черное море, справа — цементный завод и Сахарная высота. В этом районе наш 26[-й] отдельный огнеметный батальон занял оборону, и мы стали устанавливать фугасные огнеметы. За 16 ночей наши огнеметы были установлены для штурма немецкой обороны. Мои огнеметы были установлены на три немецких дота на расстоянии шестидесяти метров от немецких траншей. Установив все огнеметы, командиром батальона майором Сухих была дана команда: «Приготовиться к штурму переднего края немецкой обороны!».

Это было 23 сентября 1943 г. Ночью перед рассветом была дана команда рвать огнеметы. Мои огнеметы сработали отлично. Уничтожены 3 огневые точки, сожжено до взвода немецких солдат и много оружия. Когда мы вошли в траншеи противника, оставшихся немцев уничтожили огнем из автоматов и забросали гранатами. За взятие города Новороссийска правительство наградило меня орденом Славы 3-й степени.

Войска Четвертого Украинского фронта преследовали немцев на подступах к мысу Херсонес. Вечером перед нашим огнеметным батальоном была поставлена задача — овладеть мысом Херсонес. Командир нашего батальона сказал: «Нам, огнеметчикам, выпала доля счастья — добить немцев на мысе Херсонес». Ночью мы начали наступление. Немцы открыли сильный огонь из всех видов оружия и перешли в контратаку. Я со своим отделением расстреливал немцев в упор, поливая их свинцовым огнем и забрасывая гранатами. Немцы не выдержали такого натиска огня и повернули назад. Когда дошли до передовой противника, я ворвался в траншею и огнем из автомата и гранатами отбил у немцев ручной пулемет и отдал его рядовому своего отделения Ходыкину Федору, который бил немецким пулеметом немцев. Потеряв последнюю позицию на мысе Херсонес, противник хотел спастись на водном транспорте через Черное море, но было уже поздно. Мы забрасывали немцев гранатами, косили их автоматным и пулеметным огнем. После всего

[*] Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2003. Т. 1. С. 522 ; Война на всех одна. Саранск, 2015. С. 261 — 262.

этого немцы перестали сопротивляться и стали сдаваться в плен. За храбрость, проявленную в боях за мыс Херсонес, меня наградили орденом Славы 2-й степени.

Это было в Чехословакии. Командир роты капитан Янковский послал меня с моим отделением в разведку. Задача была такова: разведать, где находятся немцы и какое у них оружие. Выполнив приказание, мы взяли одного живого немца, т. е. языка. Этот немец был доставлен в штаб и передан начальнику штаба майору Щербакову.

ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 60. Л. 68 — 69.
Машинопись. Копия.

1970 г.

Советские войска очищали Северный Кавказ от немецких захватчиков. Шли бои за город Новороссийск. Немцы рассчитывали здесь задержаться, привести в порядок свои изрядно потрепанные части.

Позиция для обороны была выгодной. Подход к городу — это узкая полоса, слева — Черное море, справа — скалы. Местность открытая. Огонь долговременных немецких укреплений был настолько плотным, что нельзя голову поднять. Но город надо было взять, не дать врагу передышки. И большая доля ответственности за взятие города ложилась на огнеметный батальон, в котором служил я.

...Ночь. Слышен шум морского прибоя. Да изредка ночную тишину прорезает сухая очередь немецкого пулемета. Чуткое ухо может услышать приглушенный шепот бойцов.

— Кажется, все в сборе. Предупреждаю: без шума, никаких разговоров, — тихо говорит командир отделения. — Двигаться за мной друг за другом на определенной дистанции. Идем на передовую, вся местность простреливается, будьте осторожнее, в случае чего — ложитесь, не дожидаясь команды.

Горстку храбрецов скрыла тьма. Шуршание гальки под ногами скрадывалось шумом морской волны. Так же бесшумно двигались к передовой и другие бойцы отдельного огнеметного батальона. Шли осторожно, но быстро.

Ночь на юге коротка. Под покровом темноты нужно подготовить огневые позиции.

Отделение пришло на отведенный рубеж.

Теперь — за работу. Лопатами пользоваться нельзя. Верхний слой гальки нужно разгребать руками, можно пользоваться ножом, штыком. Шум может привлечь немца.

В полном молчании бойцы отделения принялись за работу. Что нужно сделать, чтобы установить 36 огнеметов, запрятать электрический провод во избежание его повреждения пулей или осколком, бойцы уже знали. Не впервые им действовать этим грозным оружием.

Позиция быстро подготовлена. Принялись за рытье окопчиков для себя. Установлены огнеметы. Проводка тщательно укрыта.

— Огнеметное отделение к бою готово, — доложил по телефону командир. Бойцам разрешено отдыхать, но об отдыхе никто не думал. Все охвачены томительным ожиданием боя.

Медленно приближалось время атаки. Бойцы отделения заняли свои места. И вдруг разорвалась утренняя тишина. Все вокруг загрохотало, завыло. Наша артиллерия принялась за обработку переднего края противника.

Пришло время действовать и огнеметам. Точно работали бойцы, давая то одиночные, то групповые залпы. Струя огня направлялась в щели и амбразуры долговременных укрытий. Огненного смерча немцы не ожидали. Уцелевшие в панике бежали из укреплений.

В голубое небо взвилась ракета. Сигнал атаки. Поднялась пехота. Ожили некоторые огневые точки противника. И снова решающее слово сказали огнеметчики — огненные струи направились к заговорившим пулеметам, и они замолчали. Атака продолжала успешно развиваться. Вскоре Новороссийск был освобожден от немецких захватчиков.

Затем бои за Керчь... Под огнем противника я установил восемь огнеметов в тридцати метрах от вражеских дзотов. Эти огнеметы подавили огневую точку гитлеровцев.

Последние месяцы 1944 г. Я командую отделением 26-го минометного Карпатского батальона. Наши войска ведут наступление в Закарпатье. 2 октября фашисты предприняли контратаку в районе высоты 749. Вместе с сержантом Симоненко мы подпустили врага метров на шестьдесят и открыли автоматный огонь. Контратака гитлеровцев захлебнулась. Невзирая на обстрел, мы устанавливали огнеметы на переднем крае вражеской обороны, уничтожали гитлеровцев ураганным огнем.

В декабре 1944 г. фашисты контратаковали наши части на западном берегу реки Ондава. Но мы отразили контратаку. В ожесточенной схватке я уложил пять гитлеровцев, но и сам был ранен. С поля боя не ушел, так как гитлеровцы пошли в новую контратаку. Только после второй схватки по приказу командира пришлось покинуть поле боя. За участие в этих сражениях меня наградили орденами Славы 3-й и 2-й степени.

1945[-й] год... Развернулись наступательные бои по окончательному разгрому немецких войск на территории Чехословакии.

Наша рота в районе Добры встретила сильное сопротивление противника, засевшего на высоте. Требовалось немедленно очистить высоту от фашистов, открыть путь для дальнейшего продвижения роты. Эту задачу командование возложило на меня. Взяв с собой двух бойцов своего отделения, я приступил к действиям. Отдав приказ своим бойцам вести с левого фланга отвлекающий огонь короткими очередями, я скрытно подполз к вражеской огневой точке и забросал ее противотанковыми гранатами. Два пулемета и восемь фашистов были уничтожены.

За проведение этой операции меня наградили орденом Славы 1-й степени. Но орден нашел меня уже в родных краях. Закончилась для меня война в столице Чехословакии — Праге.

Много пройдено, много пережито... В 1940 г. девятнадцатилетним парнем я был призван в армию. Потом война... Лишь в 1946 г. вернулся я в Мордовию, родные места, родные колхозные поля...

<...>

Публикуется по изданию:
Мартынов М. М. Из огнеметов — по врагу //
Бойцы вспоминают... Саранск, 1970. С. 154 — 158.

А. П. МАРУСОВ

Марусов Александр Павлович (17.9.1922, с. Сетолово ныне Почепского района Брянской области) — участник боевых действий. Окончил Серпуховское авиационно-техническое училище. На фронте — с 1943 г. Сержант. С 1974 г. работал в Мордовском госуниверситете. Заслуженный деятель науки Республики Мордовия. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями, в том числе «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.»[*].

2011 г.

22 июня 1941 г. я с другом шел по улице Коломенского поселка города Москвы в почтовое отделение. Из репродуктора услышали сообщение В. М. Молотова о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз.

Меня вызвали в военкомат и отправили в Серпуховское военно-техническое училище. Там мы изучали авиационную технику, в частности, самолет штурмовик Ил-2. Строевую подготовку преподавал грамотный, строгий и требовательный полковник Н. И. Смелков. Курсанты с большим уважением относились к нему. Преподаватели самолетостроения, моторостроения, приборостроения и других дисциплин умело преподносили свои знания нам. Они также учили нас, как побеждать противника.

Фашисты быстро продвигались в центр России, и наше училище было эвакуировано в г. Кзыл-Орда Средней Азии (Казахстан).

После окончания училища в 1943 г. в звании сержанта меня направили авиамехаником в 957-й штурмовой авиационный полк, который формировал майор С. Ф. Бамшин в городе Кинели Куйбышевской области. Степан Филатович, карел по национальности, рассказал нам о Карельской Советской Республике и о своем желании защищать ее территорию. Он поехал в Москву к министру обороны Советского Союза Н. А. Булганину за разрешением направить наш полк на Карельский фронт. Министр удовлетворил его просьбу. Наш командир в прошлом воевал на Хал-Хинголе, имел опыт работы с людьми и бережно относился к коллективу, учил нас быть настоящими защитниками Родины. Ему удалось убедить начальника по обеспечению обмундированием в необходимости выдать новую военную форму, в том числе и хромовые сапоги, всем командирам и бойцам. В полку было 30 девушек: мотористки, прибористки, парашютоукладчицы. По штату был положен врач. Прислали двух: мужчину и женщину. Он отдал предпочтение врачу-женщине. Грамотная, доброжелательная Слава Моисеевна Ревзина поддерживала здоровье всего коллектива полка. После войны жила и работала в Днепропетровске. Писала кандидатскую диссертацию по травматологии.

Надо отметить, что работа автомеханика очень ответственная. Перед полетом в самолете проверяли агрегаты, шасси, оружие — все до мелочей. Летчик всегда был

[*] Мордовия, XX век: культурная элита. Саранск, 2010. Ч. 1. С. 374 ; **Марусов А. П.** Передаем эстафету в надежные руки // Ветераны и сегодня в строю. Саранск, 2011. С. 48 — 50.

уверен в исправности своего корабля. Удача полета зависит и от соответствующей связи летчик — воздушный стрелок. Они друг друга должны понимать с «полуслова», т. е. воздушный стрелок обязан интуитивно чувствовать каждый поворот самолета, видеть окружающую обстановку и быстро реагировать.

Мы, механики полка, провожая летчиков в полет, с нетерпением ждали их возвращения на аэродром. Удачно выполненное боевое задание — большая радость не только для летчиков и воздушных стрелков, но и для нас, авиамехаников и всего коллектива полка.

Вылет на боевое задание требует от летчика собранности и самодисциплины. Полеты всегда трудны и ответственны. Встреча с врагом в воздухе вырабатывает у летчика быструю реакцию на события и маневренность самолета.

Были потери летчиков, воздушных стрелков и в нашем полку. Невозвращение экипажа с боевого задания — боль для всех. После удачного полета и выполнения задания, снятие стресса у экипажа выражалось по-разному. Некоторым необходим сон, иным достаточно 100 граммов водки. Моя память хранит воспоминания о Евгении Усове, который после возвращения вышел из кабины и на крыле своего самолета танцевал и пел песни под аккомпанемент механика Николая Тимченко, игравшего на баяне.

После одного из боевых вылетов не вернулись на аэродром командир полка С. Ф. Бамшин и воздушный стрелок С. И. Войцеховский. Их самолет был сбит. Коллектив полка переживал до слез. Их искали наземные войска по линии фронта и наши летчики на самолете По-2 в течение недели.

Командовать полком прибыл подполковник П. А. Мунтян — умелый, знающий летчик. Под его руководством мы воевали до Победы.

Авиационных механиков в полку было много, но более близкие отношения у меня сложились с Федором Трястовским и Сашей Шамшиным. Первый после войны закончил пединститут и работал директором школы в г. Переяслав-Хмельницкий Киевской области, а Саша работал на авиационном заводе в г. Самаре. После войны в День Победы мы встречались и в Москве, и в Ленинграде. На одной из встреч стало известно, что С. Ф. Бамшин попал в плен, и освободили его американцы. Американский врач сказал, что он вряд ли выживет. Его вес был 40 кг, а до плена — 80. Но Степан Филатович поправился и прилетел на встречу с нами из Красноярска в Москву. Сколько было радости!..

В карельском городе Петкеранте мы вспоминали погибших и в память о них на наши деньги открыли памятник на левом берегу реки Уксы около Петкеранта.

По-разному сложились наши судьбы после войны. На ежегодные встречи приезжало все меньше и меньше однополчан. На последней встрече в 1987 г. было 12 сослуживцев. В настоящее время я переписываюсь с Горошевыми Ф. П. и А. С. из города Усолье-Сибирское Иркутской области, с Гороховой Л. М. из Астрахани.

Постепенно уходим мы, победители в этой трудной и страшной войне.

Надеюсь, что последующие поколения будут чтить и защищать честь нашего солдата-освободителя, историю и достоинство своей великой Родины.

Публикуется по изданию:
Марусов А. П. Передаем эстафету в надежные руки //
Ветераны и сегодня в строю. Саранск, 2011. С. 48 — 50.

Е. Н. МАРЧЕНКОВ

Марченков Ермолай Никифорович (1911, с. Красный Шадым ныне Ковылкинского района Республики Мордовия) — участник боевых действий. В РККА и на фронте — с сентября 1941 г. После ранения демобилизован. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, медалью «За отвагу»[*].

Не позднее 1966 г.

19 сентября 1941 г. я прибыл на формирование в 1 099-й стрелковый полк, где был зачислен связистом в отдельный взвод связи, где проходил боевую и политическую подготовку. 326[-я] с[трелковая] д[ивизия] формировалась на территории Мордовской АССР до 5 ноября 1941 г., после чего, то есть 5 ноября, [был] сделан маневровый поход пешим маршем до Бессоновского района Пензенской области. В пути следования мы занимались боевой подготовкой. В Бессоновском районе мы находились в лесу по 24 ноября, где принимали боевую закалку и боевую подготовку. 25 ноября 1941 г. мы погрузились в эшелон и перебросили нас, всю 326-ю дивизию, в город Сапожок Рязанской области, где мы пробыли до 4 декабря 1941 г. 4 декабря мы получили всю боевую технику в 7 часов вечера и своим ходом отправились на фронт.

Коварный враг обходил столицу нашей Родины Москву с правого фланга, даже уже вступил на территорию Рязанской области. Когда мы двигались на фронт, нам было жутко, в деревнях все население не спало, одеты и обуты все, дети готовились к эвакуации. Со злодейшим фашизмом мы первую встречу сделали в Скопине, тут же я попал в 3-й батальон 1 099-го стрелкового полка к командиру батальона старшему лейтенанту Ильинскому Сергею Ивановичу связным. Тов[арищ] Ильинский имел большой фронтовой опыт потому, что он — участник Гражданской войны. Здесь мы продвижение врага приостановили, сломили его сопротивление и погнали его на запад. Крепко и коварно враг сопротивлялся, но [благодаря] хорошо подкованной 326-й стрелковой дивизии и умелому командованию немецкие изверги несли большие потери и, откатываясь назад, жгли наши города и села, уничтожали мирное население, детей, стариков и женщин. У наших бойцов больше набралось энергии отомстить врагу за его варварство. В особенности это было [у] комбата старшего лейтенанта Ильинского, который сам все время находился на передовой. Он имел большую военную стратегию, большой военный опыт, так что мы врага преследовали и день и ночь, не давая ему укрепиться, но войска бойцов имели незначительные потери. Благодаря умелому руководству ком[андного] состава мы полностью освободили Московскую область, перешли на территорию Тульской области. В Тульской области мне приходилось драться очень упорно за города Мщевск, Плавск,

[*] ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 37. Л. 102 — 104 ; http://podvignaroda.mil.ru

Козельск, Белёв. В Козельске мы захватили большие немецкие трофеи: 3 эшелона с боеприпасами, с машинами и танками, которые враг не успел эвакуировать.

Дойдя до узловой станции Сухиничи, наша дивизии смогла окружить 35-тысячную армию врага, которая была крепко вооружена, но, несмотря на это вооружение, мы эту армию полностью ликвидировали. Враг стремился прорвать наше кольцо, но ему не удавалось. Немецкие изверги пускали на нашу армию бронепоезд со Смоленска, чтобы разрезать наше кольцо, но благодаря нашей мощной артиллерии все вражеское сооружение летело в воздух.

5 января 1942 г. наш 1 099-й стрелковый полк в 10 часов утра за Сухиничи на станции Шлипова отрезал железную дорогу, по которой враг давал подкрепление из Смоленска. В этот период меня и комбата Ильинского тяжело ранило с вражеского бронепоезда.

Благодаря умелому командованию комбата Ильинского Мордовская стрелковая дивизия ни одного метра не шагала назад, а только вперед. Она была сформирована, весь ее личный состав, только из Мордовии, кроме частично ком[андного] состава. Мне желательно знать о комбате Ильинском — не знаю, он жив или нет, потому что он был очень тяжело ранен в грудь, но не знаю его адреса. С нашей 326-й дивизии есть еще товарищи, которые были более ...*, чем я. Это Соколов Прохор Дмитриевич, проживающий в Кр[асном] Шадыме Ковылкинского района, Кочетков Василий Иванович — проживает в селе Казеевка Инсарского района.

ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 37. Л. 102 — 104.
Машинопись. Копия.

* Слово неразборчиво.

Ф. Г. МАТЮШКИН

Матюшкин Федор Григорьевич (31.5.1897, с. Кузоватово ныне Кузоватовского района Ульяновской области) — участник боевых действий. До 1943 г. — первый секретарь Лямбирского райкома ВКП(б), начальник политотдела Рузаевской МТС. После военной переподготовки — на фронте. Принимал участие в освобождении Западной Украины, в боях на Сандомирском плацдарме, в Висло-Одерской операции. Капитан. После демобилизации — на партийно-советской работе в г. Саранске. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды[*].

23 февраля 1960 г.

НЕ ПОМЕРКНЕТ СЛАВА ЗАЩИТНИКОВ РОДИНЫ (ЗАПИСКИ СТАРОГО СОЛДАТА)

Много раз я собирался написать и изложить на бумаге все то, что я видел и пережил со многими товарищами Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, но этого сделать не мог, так как я все время находился на партийной и советской работе и всегда был перегружен своей основной работой... Когда ушел на пенсию, у меня снова появилось желание написать хотя бы некоторые боевые эпизоды, происходившие во время Великой Отечественной войны. Для этого я использовал сохранившиеся свой дневник и подробную топографическою военную карту города Бреслау, где происходили уличные бои в течение 2,5 месяцев. Конечно, это будут только отдельные эпизоды тех сражений, которые развертывались на поле боя, где довелось мне участвовать. Но вместе с воспоминаниями других товарищей они в какой-то мере помогут нашей советской молодежи поглубже и конкретнее представить себе величественную картину героического подвига нашего многонационального народа в борьбе против смертельного врага — немецкого фашизма в период Великой Отечественной войны. Мне также хочется, чтобы наша молодежь помнила и никогда не забывала подвига своих отцов и дедов, чтобы она еще больше дорожила теми победами, которые были завоеваны советскими воинами в борьбе с многочисленными врагами в период Гражданской и Отечественной войн, чтобы она зорко следила за происками империалистических хищников и всегда была готова встать на защиту своей социалистической Родины.

Великая Отечественная война

Великая Отечественная война застала меня на партийной работе, а в июне 1943 г. вместе со многими партийными работниками я был мобилизован в Советскую армию. По окончании военной переподготовки при Московском военном округе меня

[*] ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 22. Д. 806. Л. 1 — 72 ; http://podvignaroda.mil.ru

и нескольких моих товарищей направили на Первый Украинский фронт. Штаб фронта находился в городе Житомире. Мне до этого не приходилось видеть таких огромных разрушений, которые сделали гитлеровцы во временно оккупированных советских районах, а город Житомир был превращен в руины. Из Житомира нас отправили в город Проскуров, куда ехали через населенные пункты Новоград-Волынск, Шепетовка, Старая Константиновка. Все эти населенные пункты, в том числе и Проскуров, почти полностью были разрушены и сожжены.

В Проскурове нам недолго пришлось находиться, всего четверо суток. За это время немецкие самолеты каждую ночь делали налеты на город, главным образом на железнодорожную станцию. Из Проскурова нас по несколько человек отправляли по частям, которые находились на фронте. Я и подполковник Шагалин получили назначение в Ромадано-Киевскую дивизию. Шагалин был кадровым офицером, на фронте с первых дней войны, два раза был ранен, в армии все время находился на политической работе.

До штаба дивизии мы ехали на 25 грузовых автомобилях, на которых ехали солдаты на пополнение дивизии. На западном берегу реки Сбручь, у опушки леса, автоколонна остановилась на привал. Во время привала один из красноармейцев костерил гитлеровские полчища за их злодеяния во временно оккупированных советских районах. Подполковник на это ответил, что немцы разрушают и жгут наши города и села, но они не понимают то положение, что они жгут не только наши города и села, а жгут саму Германию. Поджигатели сами сгорят, и скоро такое время наступит. Тогда они не будут говорить, [что] это не мы разрушали и жгли ваши города и села, а фюрер, но мы им скажем: «Не только Гитлер жег, но и ты вместе с Фрицем, Рудольфом, Гансом и им подобными. Гитлер для вас был Богом, а для нас он негодяй, зверь, вампир, один из таких фрицев, каким являешься и ты. Умел грабить и уничтожать, умей держать и ответ. Не мы будем предъявлять обвинение, а все те, кто терпел ужасные муки и страдания от вашего фюрера и лично от вас, преступников. Когда гитлеровцы будут просить защиту, то защищать их будет некому, так как не только наши народы страдают от ужасов войны, но и народы всей Европы». Все присутствующие солдаты и офицеры одобрили слова подполковника и в один голос заявили, что они беспощадно будут бить гитлеровских бандитов за их злодеяния.

По всему маршруту движения украинские труженики приветствовали нас, а когда автоколонна останавливалась в каком-нибудь населенном пункте, женщины угощали нас фруктами и другими пряностями, а деревенские девушки солдатам преподносили букеты цветов, и все они желали нам скорее покончить с гитлеровской армией и с победой вернуться на Родину, к мирному труду.

Когда мы приехали в штаб дивизии, части дивизии вели бои в Западной Украине. В штабе дивизии мне предлагали принять разведроту, но я попросил начальника штаба, чтобы меня назначили в часть, так как я еще не участвовал в боях в этой войне, и обстановка для нового человека еще не знакома. Моя просьба была удовлетворена, и я получил назначение в часть. Полк, куда я был назначен, находился на переформировании на Тарнопольщине. На второй день я отправился в полк, иду по дороге и думаю: «Вот я снова на фронте. „Век жить — не поле перейти“, — гласит народная пословица. Воевал с немцами в Первую мировую войну

и в первые дни советской власти, воевал с белогвардейцами и белополяками в период Гражданской войны, а сейчас буду воевать с гитлеровскими захватчиками».

В штабе полка тепло приняли меня. Начальник штаба полка майор Шилов расспросил меня, откуда я прибыл, где работал до войны, участвовал ли в боях с гитлеровцами, на все вопросы ли дал исчерпывающие ответы.

— Значит, вы участник Первой мировой и Гражданской войн? — спросил меня Шилов.

— Да, — ответил я ему.

— В каких частях воевали во время Гражданской войны?

— В 25-й Чапаевской и 7-й Владимирской дивизиях.

— Это очень хорошо, чапаевец, старый вояка, а сейчас будете воевать в Ромадано-Киевской Краснознаменной дивизии. Мы пока оставим вас при штабе полка для особых поручений, а когда познакомитесь с личным составом полка и с обстановкой, тогда видно будет, где вас лучше использовать.

После этого меня пригласил на беседу заместитель командира полка по политической части подполковник Лаптев, который подробно ознакомил меня с боевыми традициями полка, с обстановкой Первого Украинского фронта и дал мне ценные советы. Подполковник Лаптев и майор Шилов являлись кадровыми офицерами, они были чуткими товарищами и всегда давали хорошие советы солдатам и офицерам, воспитывали солдат и офицеров бесстрашию и мужеству, в трудные минуты боевых действий их всегда можно было видеть среди солдат, и своими подвигами воодушевляли их. Они были участниками первых боев против немецко-фашистских захватчиков, оба были по три раза ранены.

Через несколько дней я принял командование подразделением. Личный состав в большинстве своем были сибиряки, которые неоднократно участвовали в боях. На другой день вечером провели партийное собрание, где три товарища были приняты в партию, которые активно участвовали в боях. [Речь шла] об усилении массово-политической работы среди солдат, особенно среди вновь прибывших, которые не участвовали в боях. Было обращено внимание на поведение отдельных бойцов, которые проявляли некоторые грубости среди местного населения. Перед концом собрания выступил заместитель политчасти командира батальона капитан Окопов. Он ознакомил присутствующих с обстановкой на фронтах и об открытии второго фронта нашими союзниками.

Во время стоянки с личным составам проводились усиленные занятия. Больше всего было обращено внимания на стрелковую подготовку, на подготовку солдат к наступательным и уличным боям, борьбу с танками противника. Занятия проводились на практике, с выходом на местность. Кроме того, ежедневно по два часа отводилось на политзанятие.

С офицерским составом проводили занятия старшие офицеры, имевшие большой боевой практический опыт. Эти занятия проводились на практике, с применением боевой техники, с участием пехотных подразделений, в конце каждого проведенного занятия производился разбор. Старшие офицеры разъясняли, какие были допущены ошибки и недостатки тем или другим офицером. Такие занятия были очень полезными для нас.

После того, как полк полностью был укомплектован личным составом, он выступил на передовую линию. На третий день к рассвету сосредоточился на ис-

ходные рубежи для наступления. Немцы от нашего рубежа находились в одном из населенных пунктов, на расстоянии около одного километра. Впереди лежащая местность была кое-где пересеченная, обросшая кустарником, что благоприятствовало для приближения к противнику и нанесению ему внезапного удара. Весь день с обеих сторон производился артиллерийский обстрел, но артиллерийский огонь противника большого вреда не причинял.

Для выявления огневых точек противника от каждого батальона высылались группы автоматчиков, местами им удавалось проползти на близкое расстояние и открывать по гитлеровцам автоматные очереди. Немцы не могли молчать на дерзкие вылазки автоматчиков, они по ним открывали огонь из пулеметов и минометов, а в это время наши артиллеристы засекали их. Ночь прошла спокойно, немцы все время освещали впереди лежащую местность ракетами. К утру начался проливной дождь, местами дождевая вода заставила некоторые подразделения переменить свое место расположения. Летние дожди обычно бывают кратковременно, но на этот раз лили целый день. Конечно, в летнее время дожди не приносят большого вреда и не отражаются на здоровье солдат, как это бывает осенью, но все же под открытым небом неприятно было лежать. Но ничего не поделаешь, фронтовая обстановка на считается ни с чем. Дождь, буран, вьюга, мороз и т. д. иногда даже приносят очень большую пользу для внезапного нападения на противника.

Перед рассветом следующего дня наши артиллеристы и минометчики открыли губительный огонь по расположению противника, несколько орудий и минометов разных калибров выбрасывали по цели сотни тонн раскаленного металла. Затем к батареям присоединились наши знаменитые катюши. Вскоре появились наши штурмовики и на бреющем полете начали из своих пушек и пулеметов поливать гитлеровцев и, сделав свое дело, улетели обратно, но тут же снова начали бить наши батареи. В расположении противника поднимались к небу облака дыма, немцы метались, как волки в ловушке. Вначале они давали ответные удары из орудий и минометов, но по мере нарастания мощи нашего артиллерийского огня, артиллерия противника была почти полностью парализована.

Уже совсем рассвело, наша артиллерия перенесла свой огонь в глубину противника, солдаты по отделениям перебегали по мокрому полю. Когда пехотные подразделения стали накапливаться к исходному рубежу для атаки, немцы по ним открыли пулеметный огонь и огонь из минометов, уцелевших от нашего артиллерийского огня.

— Не подниматься! Ползти за мной вперед, — донесся голос лейтенанта Захарова.

Лейтенант быстро и ловко полз по полю, давая пример своим солдатам.

«Вперед!» — закричал старший сержант Комиссаров, чувствуя, что должен во что бы то ни стало подчинить своей воле молодых не обстрелянных солдат. Тяжело дыша, оставляя позади себя убитых и раненых бойцов, выбирался он из-под пулеметного и минометного огня противника, за ним ползли и остальные солдаты его взвода. Через несколько минут весь полк достиг исходного рубежа для атаки. Гул артиллерии, трескотня пулеметов и автоматов вдруг сливается с гулом наших танков. Вот они привлекаются к нашим боевым порядкам, слышны были крики командиров взводов: «Проходы, проходы для танков!».

Объезжая воронки, пересекая наши боевые порядки, они двинулись в атаку. За танками поднялась пехота, и с криками «Ура!.. Ура!..» она ворвалась в деревню. На окраине деревни немцы почти не оказывали сопротивления. Убитые и раненые гитлеровцы валялись на переднем краю и на улицах деревни. Немногие уцелевшие бегали, падали на колени и поднимали руки вверх, что-то кричали, но их не было слышно, потому что все звуки перекрывал рев моторов и удары орудий. Танкисты, не видя сопротивлявшегося врага, били по тем местам, в которых враг мог укрыться. Вскоре вся деревня была освобождена от противника, а танки продолжали движение и били по подозрительным местам и движениям на флангах, а главное, посылали свою огневую мощь в глубину обороны противника, чтобы ошеломить его еще издалека, расстроить систему противотанкового огня, если она уцелела, прижать гитлеровцев к земле, не дав им оправиться после обработки нашей артиллерией.

Наступление продолжалось целый день. Только к вечеру полки нашей дивизии встретили сильное сопротивление со стороны противника, который к этому времени успел оправиться и подтянуть резервы на заранее подготовленный рубеж обороны.

Под огнем противника пехотные подразделения начали окапываться, сначала солдаты рыли окопы лежа, затем углубляли их с колена. В это время довольно низко прошел «костыль», через некоторое время на большой высоте прошли немецкие бомбардировщики, по ним наши зенитчики открыли огонь, один из самолетов загорелся и грохнулся на землю, а остальным все же удалось перелететь заградительную зону зенитного огня. Вскоре вторая волна бомбардировщиков стала подходить к линии фронта.

— Где же наши Илы? Почему их пропускают безнаказанно через линию фронта? — спрашивали друг у друга бойцы.

Вдруг кто-то из них крикнул: «Илы!.. Илы!..».

— Гонят сволочей! — крикнул комсорг Литвиненко.

Многие солдаты прекратили рыть окопы и лежа наблюдали за воздушным боем. Немцы тоже прекратили по нам свой артиллерийский огонь. По-видимому, их тоже заинтересовали наши Илы. Воздух наполнился тревожным жужжанием сражающих самолетов, Илы догнали немецких бомбардировщиков, врезались в их строй и навязали им бой. Издалека и снизу трудно было понять ход боя, так он был стремителен, но вот один «юнкерс» окутался дымом, второй полетел вниз, разваливаясь на куски.

— Так их, сволочей, не суй свой поганый нос в чужой огород, жарко! — кричал Литвиненко.

Вечером немцы совсем прекратили артиллерийский и минометный обстрел нашего переднего края обороны. Только дальнобойные орудия стреляли по нашим тыловым частям, снаряды которых глухим визгом перерезали сопротивление воздуха над нашими головами и далеко позади рвались, доносясь до нас, как громовые раскаты. Поздно вечером к нам пришел на передовую линию подполковник Лаптев с двумя разведчиками. Как только он подошел к нам, я доложил ему обстановку.

— Замечательный к[омандный] п[ункт] у тебя, товарищ капитан, — шутливо сказал Лаптев.

— Мы и так благодарили наших артиллеристов, — ответил я, — за то, что они нам заранее приготовили к[омандный] п[ункт].

— Поздравляю, поздравляю тебя, товарищ капитан, с первым боевым крещением с немецкими оккупантами. Мы с командиром полка остались довольными боевым действием вашего подразделения.

— Благодарю вас, товарищ подполковник, нам ведь не первый раз приходится встречаться с иноземными врагами лицом к лицу. После окончания Гражданской войны я думал, что вряд ли придется третий раз сражаться с внешними врагами, но, как видите, снова пришлось взяться за оружие.

— Во время Гражданской войны, наверное, такой техники не было, — заговорил лейтенант Захаров, — и воевать было намного легче, чем сейчас, да и потери тогда, вероятно, были незначительны.

— Потери и тогда были большие, но, конечно, не такие, как сейчас. Тогда Красная армия была вооружена легкой артиллерией, правда, кое-где были и тяжелые пушки, но их было очень мало, кроме легкой артиллерии, на вооружении были станковые пулеметы, а самое главное — русские штыки и буденовские клинки.

— Прошли те времена безвозвратно, — сказал Лаптев, — тогда неоткуда было брать такую военную технику. Страна была разорена четырехлетней империалистической войной. Да и промышленность дореволюционной России была неразвита. Только благодаря советской власти наша страна за короткий исторический срок превратилась в страну крупной индустрии, которая сейчас бесперебойно снабжает нас первоклассной военной техникой. А как у вас с боеприпасами, перебоя не было?

— Перебоя не было, — ответил я, — но у автоматчиков оставалось только по одному диску. Когда немцы пошли в контрнаступление, я тут немножко сробел, так как автоматчики кричали: «Патроны на исходе!». Хорошо, что артиллеристы выручили нас, они прямо с ходу сбросили с передков свои орудия и с открытых позиций, прямой наводкой начали лупить гитлеровцев.

Послышался приближающийся гул наших бомбардировщиков. Когда они начали пересекать линию фронта, немцы открыли по ним огонь из зенитных орудий, через несколько минут вторая партия перелетела линию фронта, затем третья.

— Это они летят, наверное, бомбить Львов, — проговорил лейтенант Захаров, — наделают им там дел, это не сорок первый год, когда они безнаказанно разрушали и жгли наши мирные города и села.

Во время нашей беседы пришли двое связных из штаба полка и сообщили Лаптеву, что его в штабе полка ожидает начальник политотдела дивизии. Он попрощался с нами, пожелал успеха в предстоящих боях и ушел вместе со связными и разведчиками в штаб, а нам в термосах принесли ужин.

— Сегодня и борщ добрый, товарищ капитан, — заговорил за ужином вестовой Шевченко, — повара нам казали, шо сегодня ловко фрицев побили, посему и добрый борщ.

— А если бы плохо били фрицев, тогда чем бы кормить стали нас? — спросил лейтенант Захаров.

— Гарбузами, да еще сырыми. Забув сорок перший рок, як немец окружал нас, толи и гарбузов негде было браты.

— Шевченко, кого ты хочешь кормить сырыми гарбузами? — спросил телефонист.

— А ты зараз мовчи, як тоби будимо спрашиваты, тоди и балакай, а зараз набивай сваю торбу, як колхозный бугай.

— Какую торбу?

— Пузу, як ты не разумеешь, шо за торба.

Утром был получен приказ командира полка об укреплении переднего края обороны и усилении наблюдения за противником, который, по данным разведки, готовился в контрнаступление при поддержке танков. Приказ командира полка тут же был доведен до каждого солдата. После этого начались усиленные работы по усовершенствованию наспех вырытых окопов. Противник весь день производил методический артиллерийский обстрел наших позиций. Вечером наши саперы в нескольких местах заложили противотанковые мины.

На второй день, как только стало рассветать, немцы начали артиллерийский обстрел переднего края нашей обороны. Один из снарядов разорвался недалеко от переднего края, трое солдат бросились в снарядную яму. Это бывает, когда слабонервные солдаты оставляют свои места и бегут в снарядную воронку, так как очень редко случается, чтобы в одну и ту [же] воронку мог попасть другой снаряд. Но оставлять свои места солдатам строго воспрещается, потому что это может вызвать среди других бойцов паническое настроение. Лейтенант Захаров тут же приказал этим солдатам вернуться на свои места.

— Эх вы, торопыги! — крикнул Кравцев солдатам, когорые выходили из снарядной воронки. — Прежде времени пары спускаете.

Немцы наращивали свой артиллерийский огонь — и все затянулась клубами бурого дыма. Солдаты усилили наблюдение за противником, пулеметчики припали к своим пулеметам, спустя 7 — 10 минут немецкие батареи перенесли свой огонь вглубь нашей обороны. Впереди нашего батальона появилось семь танков противника, ведя огонь по расположению батальона, быстро приближались к переднему краю. За танками бежали немецкие автоматчики, вот-вот немецкие танки своими гусеницами начнут давить наши пехотные подразделения, казалось, что никакая сила не может остановить их. Но такая сила таилась в расположении обороны полка, и когда немецкие танки приблизились в полосу заградительного артиллерийского огня, на них обрушился смертоносный огонь наших орудий и минометов. По ним били сорокапятки, полковые пушки, 76-м[илли]м[етровые] противотанковые пушки, тяжелые гаубицы. Казалось, что вся земля вокруг нас поднялась со своего места и обрушилась на немецкие танки. Впереди все было окутано дымом и пылью. Только видно было, как из двух немецких танков просачивалось пламя огненных языков. Когда стали рассеиваться дым и пыль, кроме двух горящих танков стояли еще два танка с подбитыми гусеницами, один из которых напоролся на противотанковую мину, а второй был подбит снарядом, а остальные танки вместе с автоматчиками отошли на свои исходные рубежи. Ночью гитлеровцы дважды пытались ремонтировать разбитые гусеницы двух танков, но это им не удалось, наши пулеметчики и артиллеристы держали их на прицеле.

Всю ночь шла усиленная подготовка для наступления, солдатам выдали полный комплект боеприпасов и на двое суток сухой паек.

Наступление началось на рассвете по всему участку нашей дивизии. После мощного артиллерийского и минометного огня пехотные подразделения поднялись со своих мест и побежали вперед. Пройдя около двухсот метров, по ним открыли огонь из огневых точек, уцелевших от нашего артиллерийского огня. Солдаты сначала залегли, но вскоре перебежками и ползком начали продвигаться вперед. В это время прибежали к танкам противника, у которых накануне были подбиты гусеницы, артиллеристы и саперы. Убедившись, что танки не заминированы, артиллеристы забрались в танки. Орудия и башни оказались в полной исправности, в наличии имелось несколько снарядов. Они повернули орудия в сторону противника и открыли огонь по уцелевшим огневым точкам противника. Это дало возможность пехотинцам без больших потерь выбить противника из занимаемого рубежа.

Во второй половине дня снова завязались бои с противником. При выходе из одного населенного пункта наш батальон прошел под слабым артиллерийским огнем противника. На правом фланге была слышна пулеметная трескотня. Мы поняли, что противник оправился и успел стянуть силы для обороны. В это время ко мне на лошади прискакал командир полка подполковник Говорухин и приказал мне ударить противника по его открытому правому флангу. Я тут же с двумя ротами направился в обход, а одну роту оставил для прикрытия нашего левого фланга. Как только успели пройти мы около одного километра, неожиданно для нас немецкие разведчики открыли ружейно-пулеметный огонь с опушки березовой рощицы. Не теряя ни минуты, мы быстро перебежали открытую местность и залегли у опушки лесочка. Нужно было срочно выяснить обстановку, но в это же время немцы открыли по нам минометный огонь. Осколки мин, как густой дождь, разлетались вокруг, послышались стоны раненых солдат.

Вопрос был ясен, что немцы начали укреплять свой правый фланг, об этом подтвердили и наши разведчики. Оценив обстановку, я тут же приказал ползком ползти вперед, чтобы скорее выйти из-под минометного огня противника. Когда вышли на противоположную окраину леса, обстановка сразу же выяснилась. Немцы находились в населенном пункте, который почему-то на карте не был отмечен, а на этом месте обозначался только отдельный дом. На правом фланге стрельба усилилась, я тут же подумал: «Наверное, первый батальон ведет бой с противником». Медлить было нельзя, я приказал командирам рот продолжать наступление и указал им исходный рубеж для атаки, тем самым дал возможность первому батальону нанести лобовой удар по противнику. Как только солдаты поднялись в наступление на намеченный рубеж для атаки, противник снова открыл по нам минометный огонь, но он продолжался недолго, так как наши артиллеристы и минометчики к этому времени успели занять новые огневые позиции и ударили по расположению противника. В результате этого огневая система противника была парализована, и два наших батальона быстро вышли на окраину деревни и бросились в атаку. После кратковременного боя два батальона противника полностью были разгромлены.

К исходу дня наш полк выбил противника еще из одного населенного пункта. Преследуя остатки разбитых, в панике отступающих частей противника, наша дивизия сосредоточилась в районе города Броды. С этого дня началась усиленная подготовка к новому наступлению на Львовском направлении.

Подготовка к большему наступлению на Львовском направлении продолжалась несколько дней. Все эти дни проходили с большим боевым напряжением. Солдаты продолжали усовершенствовать траншеи, тысячи рук бросали землю в сторону противника. Все работы производили в ночное время и хорошо маскировали от взоров неприятеля. За это время все подразделения были полностью укомплектованы личным составом.

Для защиты оборонительного рубежа, особенно тех подступов, по которым могли бы двигаться немецкие танки, артиллеристы устанавливали все полковые орудия и часть пушек из приданного противотанкового дивизиона. Эти подступы были также саперами заминированы противотанковыми минами.

Всеми работами по созданию обороны непосредственно руководил командир полка. Он лично проверял, как были выработаны районы обороны всех пехотных подразделений, большое внимание обращал на то, как распределяются и маскируются на оборонительном рубеже все огневые средства полка и какое взаимодействие устанавливается между ними. Всем нам он строго приказал, чтобы основные очаги были тщательно замаскированы, и [мы] только в нужные, решительные минуты, и по возможности внезапно, вступили в действие. Замполит части Лаптев постоянно находился на передовой линии. Используя короткие перерывы во время работ, его политработники во всех ротах проводили политбеседы по текущим вопросам. Товарищ Лаптев и политработники полка поднимали боевой дух солдат и офицеров.

На передовой линии фронта, во время стоянки частей на месте, все эти работы являлись обычным явлением после наступательных боев, и это вполне закономерно, потому что противник мог перейти в контрнаступление и сорвать нашу подготовку. А когда оборона советских войск будет хорошо укреплена, тогда контрнаступление неприятеля будет опрокинуто с большими потерями для него.

Через некоторое время командир дивизии генерал Бакланов созвал совещание командиров полков и батальонов. На этом совещании он ознакомил нас с обстановкой на Первом Украинском фронте и на других фронтах. Обратил большое внимание на подготовку частей к наступательным боям, а главное — на правильное взаимодействие пехотных частей с артиллерией и с танковыми частями. Затем он сообщил нам, что из показаний немецких пленных видно, какое упадочное настроение царит среди немецких солдат, они уже мало стали верить в геббельсовскую пропаганду. Но это не значит, что они не будут сопротивляться. Раненый зверь становится очень опасным, поэтому мы должны обрушиться со всей нашей мощью и добить этого зверя в его собственной берлоге.

Немцы, без сомнения, ожидают удары на Львовском направлении. Поэтому в целях внезапности командующий решил провести общую атаку фронтом на рассвете назначенного дня. Перед атакой будет проведена мощная артиллерийская подготовка. Затем пойдут танки. Вместе с ними пойдет пехота, кроме этого нас будет сопровождать значительное количество самолетов.

Огромная работа происходила и войсковых тылах. Здесь беспрерывным потоком находились в движении сотни и тысячи грузовых автомобилей и повозок. Они перевозили с железнодорожных станций для фронта пополнение людского состава,

оружие, огнеприпасы, продовольствие, обмундирование и другое военное имущество. Когда посмотришь на эту величественную картину, то становится ясно, как героический рабочий класс, колхозное крестьянство и советская интеллигенция своим самоотверженным трудом помогают фронту. Такая тесная связь тыла с фронтом является одной из предпосылок победы над врагом.

Мы, советские воины, находясь на фронте, не нуждались ни в чем. Всего у нас было достаточно для того, чтобы быстрее разгромить гитлеровские полчища. Я тут вспомнил Первую мировую войну, когда нам на фронте не хватало винтовок и боевых патронов для них, не говоря уже об артиллерии и снарядах. Солдат кормили только чечевичной похлебкой.

Каждую ночь из батальонов и частей посылались разведчики, которые незаметно переползали линию сторожевого охранения противника, высматривали расположение огневых точек, неприятельских блиндажей, минных полей и сторожевых постов. Все, что было ими замечено, они доносили своим командирам, а те уточняли их и, в свою очередь, передавали командирам полков, которые заносили на карту и отсылали в штаб дивизии. Кроме этого, производились аэрофотосъемки расположения противника. Все данные от войсковых и воздушной разведки тщательно наносили на карту, размножали их и передавали командному составу, включая и командиров рот. При помощи этих схем все командиры знакомились с оборонительными укреплениями противника, изучали подступы к ним, выбирали артиллерийские и минометные позиции, устанавливали наблюдательные пункты.

Артиллеристы заняты были изучением полученного материала, знакомились с целями, производили пристрелку по намеченным целям. Наблюдательные пункты батарей выносились на передовую линию основных позиций, а часть их — в расположение сторожевого охранения. Каждому пехотному батальону придавался артиллерийский корректировщик со средствами связи. Это давало возможность корректировать огонь и осуществить поддержку наступающей пехоте.

Во время этой подготовки наша разведгруппа в составе старшего сержанта Комиссарова, красноармейцев Трескиба, Овчинникова, Николаева, Безрукова и двух саперов с миноискателями получила задание произвести разведку переднего края обороны немцев в районе одного сожженного немцами хутора, выявить огневые точки и минные поля противника.

Передний край обороны противника от расположения нашего полка находился [примерно в] двух километрах. Местность была изредка покрыта мелкими кустарниками, а поблизости переднего края обороны немцев находилось несколько сожженных и разрушенных украинских домиков (хутор), от которых остались от огня крестьянские печи и глинобитные стены. Разведгруппа была вооружена ручным пулеметом и автоматами и ручными гранатами.

Наступила ночь, небо было покрыто облаками. Это благоприятствовало нашим разведчикам скрытно добраться до намеченного рубежа для разведки. Время подходит для выступления. Задача, поставленная перед группой, была всем ясна. Первым из траншеи вышел командир разведгруппы Комиссаров, за ним пулеметчик Трескиба, а затем и остальные.

Старший сержант в этой мгле свободно ориентировался. Он в течение трех дней изучал эту местность. Только разведгруппа скрылась из нашего поля зрения, в это время к нам пришел начальник штаба полка майор Шилов. Я ему доложил обстановку, и мы вышли из наблюдательного пункта и залегли около кустарника. Спустя некоторое время ночную тишину прервали выстрелы из автоматов, и тотчас же за ними открылась беспорядочная стрельба, а затем взрывы ручных гранат. По всему батальону была объявлена тревога. Солдаты в подразделениях заняли свои места в траншеях и усилили наблюдение. Через несколько минут снова наступила тишина, только передний край обороны противника беспрерывно освещался ракетами. Но тишина продолжалась недолго: как и раньше, были слышны автоматные очереди, пулеметная стрельба и взрывы гранат.

— Вероятно, наши разведчики наткнулись на сторожевое охранение немцев или же на засаду, — сказал я Шилову.

— Я боюсь, чтобы они не попали в руки противника, — проговорил Шилов.

— Комиссаров никогда не попадет в руки противника, я в этом убежден.

— Не ругайся, товарищ капитан, они не в городки играть пошли с немцами, а в разведку.

Немцы открыли артиллерийский огонь по расположению нашего полка, и их снаряды рвались перед передним краем обороны. Мы с майором тут же спустились в траншею. Артиллерийский налет продолжался недолго. Но зато на месте нахождения разведгруппы слышны были беспрерывные разрывы мин.

— Товарищ майор, все же разведгруппа существует. По-видимому, немцы решили уничтожить ее минометным огнем.

— После этого налета, — сказал майор, — немцы, наверняка, на них пойдут в атаку. Надо сейчас же послать на выручку взвод автоматчиков.

— Автоматчики лейтенанта Захарова наготове, они ожидают приказа.

Пока мы разговаривали с майором, минометный налет прекратился, и наступила тишина. Тогда мы решили автоматчиков не посылать, хотя они были уже рядом с нами в траншее.

Вскоре разведгруппа вернулась в расположение батальона и привела с собой двух пленных немецких солдат и тяжелораненого Овчинникова, который вскоре скончался. Ранения получили один из автоматчиков и сапер. После краткого допроса пленных немцев в сопровождении старшего сержанта Комиссарова отправили в штаб полка. Вместе с ними ушел и майор, а пулеметчик Трескиба рассказал нам, как разведгруппа пробивалась от немцев.

— Когда мы добрались до сожженных домов, Комиссаров дал нам знать, чтобы остановились и лежали на земле, а сам с Овчинниковым и с саперами пошел осматривать третий дом с левого фланга. Через какие-нибудь 3 — 5 минут вернулся к нам Овчинников и передал приказание старшего сержанта, чтобы мы все пришли к нему. Только что мы успели расположиться в хате, как немец из соседнего дома дал по нашему дому автоматную очередь, а за ним стали стрелять и еще несколько немецких солдат.

— Они, наверное, заметили, когда вы заходили в избу? — спросил я Трескибу.

— Может быть, и заметили.

— А дом, из которого немцы стреляли по вам, далеко находился от вашего месторасположения?

— Как вам сказать, товарищ капитан, примерно в 50 — 70 метрах.

— А дальше что с вами произошло?

— А дальше старший сержант приказал, чтобы мы заняли круговую оборону. Я свой пулемет выставил на подоконник в сторону немцев, а остальные товарищи заняли другие окна, чтобы немцы не могли нас обойти с флангов. Надо благодарить хозяина, который строил этот дом, стены глинобитные и толстые, оконные просветы были во всех четырех сторонах. И лишь мы успели занять свои места, как немцы стали подкрадываться к нам. Я тут же дал по ним короткие очереди, кто-то еще из автомата ударил по ним, но в это время ко мне подбежал старший сержант и говорит: «Прекрати стрельбу, немцы удрали куда-то». Затем немцы снова стали появляться, но тут мы их угостили как следует. Правда, у Николаева в это время пуля разбила приклад автомата и повредила правую руку, а Овчинников был тяжело ранен. Немцы потеряли не менее двадцати человек. Но нельзя было ожидать, что они откажутся прикончить такую маленькую группу. Через некоторое время они снова полезли в атаку, на этот раз с большим нахальством, с криками: «Рус, сдавайся!».

— Я вам сдамся, сволочи! — крикнул старший сержант.

Затем он выскочил в окно и, пробежав несколько метров, метнул в немцев противотанковую гранату. Немцы поздно шарахнулись в стороны. Разлет осколков противотанковой гранаты сделал свое дело, только двое немецких солдат почему-то остались невредимы, и мы их захватили в плен. После этого немцы уже не лезли на нас. Только мы стали собираться в обратный путь, как с пронзительным высвистом около хаты разорвалась мина. И вслед за ней обрушился минный шквал. Вокруг все бушевало разрывами мин и осколков. «Надо уходить немедленно, иначе здесь немцы сцапают», — сказал старший сержант. Затем он мне приказал дать из пулемета длинную очередь, чтобы немцы не сомневались, здесь ли разведчики. Я выполнил его приказание, и тут же стали собираться. Старший сержант приказал Безрукову нести тяжелораненого Овчинникова и сказал: «Оставлять Овчинникова ни в коем случае нельзя, лучше умереть, чем этого парня отдать на поругание гитлеровской гадине». Безруков взял Овчинникова на спину и пошел вслед за товарищами, а старший сержант и я шли позади всех, прикрывали разведгруппу от внезапного нападения. Жалко Овчинникова, хороший был товарищ.

За время подготовки к наступлению наша авиация каждую ночь наносила бомбовые удары по коммуникациям врага, главным образом по железнодорожным узлам и базам, которые питали всем необходимым свою армию и спасали ее от разгрома со стороны советских войск.

Накануне 14 июля 1944 г. одна рота нашего полка получила приказ выдвинуться вперед и произвести разведку боем, если противник окажет сильное сопротивление. Роту должны поддержать минометным и артиллерийским огнем и стрелковыми ротами соседних батальонов. Такие разведки боем проводились все время, и ничего [не]обычного в этом не было. Для того чтобы разведчики могли подойти вплотную к траншеям противника, ночью саперы проделали в минных полях, ле-

жавших между нами и противником, несколько широких проходов, а на этих проходах были оставлены проводники.

В три часа утра рота вылезла из окопов и без крика, без выстрела ворвалась в траншеи противника. Завязалась короткая рукопашная схватка. Немцы не выдержали ее, часть их была истреблена, а часть в панике бежала на вторую линию своих оборонительных позиций.

Чтобы прикрыть свои войска и остановить порыв наступающих, немцы открыли заградительный огонь из орудий и минометов. В ответ заговорили наши минометы и артиллерия, которые подавляли и уничтожали огневые точки противника, а тяжелая артиллерия заставила замолчать батареи противника. В это время на помощь атакующей роте из окопов вышли остальные роты батальона, а в траншеях второй линии бой вели уже все батальоны полка. Немцы не выдержали наши удары и в панике начали отступать. Через некоторое время они предприняли контратаку, но она очень дорого обошлась им. Около двухсот трупов с расстегнутыми куртками лежали в разных позах, уткнувшись в землю. Здесь определился успех наступающих батальонов. В третьей линии окопов и еще дальше, в глубине немецкой обороны, продолжала бить наша тяжелая артиллерия, и вступили в бой гвардейские минометы, наши знаменитые катюши. По выражению немецких пленных солдат и офицеров, это был кромешный ад.

Во второй половине дня стало известно, что все части на Львовском направлении перешли в наступление.

К вечеру наш полк выбил противника из третьей линии окопов. Последующие три дня шли ожесточенные наступательные бои. Каждый населенный пункт, каждую рощу приходилось брать с боем. Немцы дрались с отчаянием обреченных, они бросали свежие резервы, но их размалывали наши танковые части и штурмовая авиация. В этих боях решающую роль сыграли танковые соединения генерал-полковника Рыбалко, Катукова и других.

Немцы долго и упорно совершенствовали и укрепляли свою оборону на этом фронте, придавая ей исключительное значение. Для строительства оборонительных сооружений гитлеровцы использовали несколько тысяч пленных красноармейцев и местных крестьян. По показаниям местных жителей, больше половины пленных красноармейцев, которые работали по укреплению немецкой обороны, умерли с голода, а некоторые были расстреляны гитлеровскими палачами.

Воины Первого Украинского фронта вновь показали свою преданность коммунистической партии и советскому правительству, для них не было и не может быть неприступных оборонительных рубежей противника. Шквал огня и металла, обрушенный нашей артиллерией и авиацией на оборону врага, смел с лица земли многочисленные доты и дзоты, блиндажи, огневые точки противника и открыл путь нашим славным танкистам и пехоте.

18 июля 1944 г. Совинформбюро сообщило, что войска ПервогоУкраинского фронта, перейдя в наступление, при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации, прорвали сильную глубоко эшелонированную оборону немцев на Львовском направлении и за три дня наступательных боев продвинулись в глубину до 30 километров, расширив прорыв до 200 километров.

19 июля наша дивизия форсировала реку Западный Буг, а 20 июля левофланговые части выбили противника из железнодорожного узла и города Рава-Русская. Это были важные опорные пункты обороны немцев на Западной Украине. В этом районе наголову были разбиты 357-я немецкая дивизия и 509-й отдельный немецкий танковый батальон.

27 июля освободили город Львов, древнюю столицу Западной Украины. В Первую мировую войну, летом 1916 г., русские войска немало крови пролили на Львовском направлении, особенно в болотистой местности у реки Сгоход, но город Львов так и не удалось освободить от австро-германских войск, так как во главе русской армии находились продажные и бездарные царские генералы.

Сандомирский плацдарм

С 27 июля по 3 августа большие сражения происходили к выходу реки Вислы, а 3 августа под прикрытием мощного артиллерийского огня и авиации наши части форсировали ее юго-западнее города Сандомира. Первыми переправились через реку на подручных средствах пехотные подразделения, которые на западном берегу реки заняли маленький плацдарм. Затем была организована переправа танков на понтонах и плотах. Во время переправы через Вислу над немецкими траншеями бушевали смертоносный ураган артиллерийского и минометного огня и бомбовые удары нашей авиации. За два дня боев наши части захватили плацдарм на левом берегу реки протяжением по фронту до 30 километров и в глубину до 25 километров.

Немцами были построены на левом берегу реки сильные укрепления, для этого они использовали дамбу. Они всеми силами старались отбросить наши части на восточный берег реки. Однако под ударами наших частей немцы теряли одну позицию за другой. 5 августа была почти полностью разгромлена Саксонская дивизия, только что переброшенная из центральной Нормандии. Немецкие генералы хорошо знали, что Висла являлась последним стратегическим барьером к границам гитлеровской Германии. Потерять Вислу — значит открыть путь к Берлину. Поэтому они и не жалели своих солдат и бросали их на верную гибель.

За расширение плацдарма происходили бои в течение нескольких дней, за это время нашим частям приходилось ломать долговременные сооружения противника. После того как гитлеровцы были отброшены из укрепленной полосы, части нашей дивизии захватили железнодорожную станцию Горы высокие и несколько населенных пунктов. Противник к этому времени успел подтянуть резервы, в числе их была танковая дивизия СС, и перешел в контрнаступление. Бои носили исключительно тяжелый характер.

Учитывая большое превосходство сил противника, наше командование приняло решение отходить на новые рубежи. Во время отхода временами обстановка складывалась исключительно тяжелая. Танки противника врывались в боевые порядки наших подразделений. Были и такие случаи, когда в некоторых подразделениях происходило замешательство среди молодых бойцов. В эти тяжелые минуты командиры, комсомольцы и коммунисты своими героическими подвигами восстанавливали бое-

вой порядок среди солдат и снова били врага наверняка. Пять тяжелых танков противника выползли из лесочка один за другим, черные с белыми крестами на бортах, покачиваясь на выбоинах, медленно расползались по полю и шли прямо на наш батальон. Среди некоторых солдат поднялись крики: «Танки противника!», хотя они были видны всем, но все же когда появлялись танки противника в каком-либо направлении, все равно были слышны такие тревожные крики со стороны отдельных бойцов. Но все остальные солдаты на это не обращали никакого внимания, не падали духом, а уничтожали танки неприятеля. И на этот раз, не доходя 100 — 150 метров до боевых порядков батальона, артиллеристы старшего лейтенанта Абрамова открыли по ним прямой наводкой беглый огонь. Из дул орудий сразу же, раз за разом, выплескивались огненные вспышки. Первые выпущенные снаряды разорвались вокруг танков. Затем один из снарядов ударил в борт головного танка. Танк, выскочив из дыма, вдруг на полном ходу с лязгом круто повернулся, расстилая по жниве широкий и тяжелый пласт гусеницы, и тут же остановился. В этот момент попал в него другой снаряд, раздался взрыв, и от танка высоко поднялось густое пламя, как от большого сухого костра. Второй танк был подбит недалеко от боевых порядков. Третьему танку все же удалось проскочить через цепь наших солдат и своими гусеницами смять одну противотанковую пушку. В это время старший сержант Комиссаров, находясь в укрытии недалеко от танка, бросил в него противотанковую гранату, которая разорвалась под гусеницей. Танк стал своим неуклюжим корпусом крутиться на одном месте. Немецкие танкисты не сдавались в плен, они продолжали вести из пулемета огонь по нашим солдатам, но тут же вторая противотанковая пушка, находившаяся недалеко от танка, ударила по башне. Так был подбит и третий танк, а остальные успели скрыться от возмездия.

Во второй половине дня немцы снова возобновили свои атаки. На этот раз они использовали свою авиацию, которая после артиллерийского налета на бреющем полете обстреливала наши боевые порядки и сбрасывала бомбы. После авиации гитлеровцы повели наступление, но наши пехотные подразделения не дрогнули и встретили их мощным огнем артиллерии и минометов, а [когда] немцы подползали на близкое расстояние, их уничтожали ружейно-пулеметным огнем и переходили в контрнаступление. Противник и на этот раз не добился никаких успехов и в панике отступил на свой исходный рубеж. Только поздно вечером на рубеже нашей дивизии установилась тишина, а за ночь части дивизии отошли на новые рубежи.

Через два дня противник снова предпринял бешеные атаки на нашу дивизию, но ни на один шаг не смог продвинуться к нашему рубежу. Несколько танков противника было разбито и сожжено за какой-нибудь четырехчасовой бой. Сотни гитлеровцев легли перед передним краем нашей обороны. С нашей стороны потери тоже были велики. Только благодаря выгодному рубежу обороны, который проходил вдоль дамбы левого берега Вислы, дивизия могла отразить превосходящие силы противника.

Вот один из характерных примеров: под прикрытием артиллерийского огня и нескольких танков немцы густою цепью бросились в атаку. Казалось, вот-вот они опрокинут наши передовые подразделения в Вислу, но к этому моменту командир дивизии генерал Бакланов с наспех сколоченным резервом прибыл к месту сраже-

ния и своим боевым мастерством быстро восстановил положение на переднем крае обороны. Советские воины, воодушевленные своим командиром дивизии, не только выдержали натиск превосходящей силы врага, но и сами перешли в контратаку и отбросили его на безымянную высоту (на 12 км). В этом бою артиллеристы старшего лейтенанта Абрамова подбили три танка, и два танка противника были подорваны противотанковыми гранатами красноармейцем Великановым и сержантом Князькиньм. Сам Бакланов в этом бою получил тяжелое ранение, осколком снаряда оторвало ему руку, и получил контузию. За проявленное мужество и геройство генералу Бакланову было присвоено звание Героя Советского Союза. Командование дивизией было возложено на полковника Ерошенко.

Захваченные в плен немецкие солдаты и офицеры показали, что немецкое командование поставило перед своими войскам задачу — разрезать советский плацдарм на западном берегу Вислы на две части и захватить переправу, но этого оно не добилось. 18 августа части нашей армии штурмом овладели городом Сандомиром.

После этих кровопролитных боев на Сандомирском плацдарме наступило полное затишье, которое продолжалось до 15 января 1945 г. За это время противник не предпринимал никаких наступательных операций за исключением разведки с боем, но все эти вылазки немцев терпели полный крах.

С первых же дней после этих боев наши части приступили к фортификационным работам для длительной обороны. Они строили оборонительные сооружения: рыли траншеи, соединяли их ходами сообщения, строили пулеметные гнезда, артиллерийские и минометные позиции, наблюдательные пункты. Перед передним краем обороны прокладывали противопехотные мины, а в уязвимых местах закладывали противотанковые мины, для солдат строили землянки, в окопах бойницы с козирками и т[ак] д[алее]. Все оборонительные сооружения были хорошо замаскированы от взора противника.

Всеми фортификационными работами на нашем участке обороны непосредственно руководил командир полка подполковник Говорухин. Он все время находился на переднем крае обороны и давал командирам подразделений конкретные указания и ценные советы. После первоочередных работ по строительству оборонительных сооружений пехотные части поочередно выводились на переформирование, где получали пополнение личного состава, который прибывал из украинских населенных пунктов в Польшу (Замостье, Холм, Красностав и др.). После освобождения этих районов от гитлеровской оккупации украинцы из этих районов посылали своих представителей к командующему Первым Украинским фронтом маршалу Коневу, которые ходатайствовали о принятии молодежи украинской национальности, проживающей на территории Польши, в ряды Советской армии Первого Украинского фронта, для совместной борьбы против общего врага — немецкого фашизма.

Советское правительство удовлетворило просьбу украинского народа. После этого тысячи молодых украинских патриотов влились в ряды Советской армии. Большинство из них ранее служили в польской армии, и поэтому не требовалась для них длительная военная подготовка. Кроме этих украинцев, получали пополнение из Западной Украины и из других районов Советского Союза.

После переформирования наш полк вышел на передовую линию обороны, где заменил один из полков нашей дивизии. Участок обороны полка проходил вдоль западной окраины населенного пункта Виняры, который расположен в живописном месте на левом берегу Вислы. Вся возвышенность в западной части села была покрыта лиственницей и мелкими кустарниками. Каменные дома в Винярах были разрушены, а деревянные сожжены еще в 1939 г. во время нашествия гитлеровских орд на Польшу, только сохранились декоративные деревья вдоль улиц и на огородах.

Наступила осень, листья на деревьях покрывались разноцветной окраской, многие из них уже падали на землю, погода была сухая. Вокруг пахло резким, приятным запахом сухой октябрьской листвы.

При наступлении похолодания солдатам пришлось очень много поработать по усовершенствованию своих блиндажей и землянок. Кроме того, в каждом батальоне пришлось построить для бойцов бани, а в первой половине ноября все летнее обмундирование было заменено зимним.

За время нахождения в обороне с офицерским составом периодически проводились военные занятия при штабе полка. Занятия проводились главным образом по тактике, с выходом на местность, а с солдатами на передовой линии в землянках в свободные часы от нарядов проводились политбеседы.

Однажды во время перерыва занятий с офицерским составом заместитель командира дивизии по строевой части полковник Маско рассказал нам один из случаев, который произошел при несении караульной службы в Саратовском гарнизоне во время Первой мировой войны.

— В районе верхнего базара, — начал свой рассказ Масько, — находился продовольственный склад, который снабжал воинские части продуктами питания, а тогда в городе было более десяти запасных полков разных родов войск: пехотные, кавалерийские, артиллерийские, саперные, кадетский корпус школы прапорщиков и т. д.

Для охраны этого склада наш полк ежедневно наряжал унтер-офицерский караул. И вот однажды, после полуночи, помощник дежурного по гарнизону поручик со своим коневодом объезжал проверять караулы. Не доезжая до караульного помещения, где находился караул нашего полка, они остановились, офицер соскочил со своего коня, передал лошадь коневоду и приказал ему, чтобы тот ждал его на месте, а сам, не заходя в караульное помещение, побежал проверять часовых. Когда он стал подходить к одному из часовых, тот не откликался, тогда поручик начал искать и нашел его спящим на порожних ящиках, рядом с ним лежала его винтовка. Поручик осторожно подкрался к часовому и незаметным образом взял винтовку, а затем побежал в караульное помещение. Дневальный, дежуривший у входа в караульное помещение, окликнул:

— Стой, кто идет?

Офицер ответил:

— Свои!

— Пропуск!

Поручик ответил название пропуска, и дневальный пропустил его в караульное помещение. Войдя в коридор, винтовку часового поставил за дверь, а сам вошел в караульное помещение. Караульный начальник отдал ему рапорт:

— Ваше благородие, унтер-офицерский караул Его Императорского Величества состоит из пяти постов, при двух разводящих, начальника караула и его помощника. В карауле на постах никаких происшествий не случилось, караульный начальник такой-то.

— Не случилось? — спросил поручик.

— Так точно, ваше благородие, — ответил караульный начальник.

— Не случилось? — вторично спросил поручик.

— Так точно, ваше благородие.

Третий раз переспросил офицер караульного начальника, ответ был тот же самый.

Тогда помощник дежурного по гарнизону взял с собой разводящего, который обслуживал это пост, и пошел с ним проверять часовых. В первую очередь офицер с разводящим направились к тому часовому, у которого он взял винтовку. Не доходя несколько шагов до поста, часовой окликнул:

— Стой, кто идет?

Поручик предупредил разводящего, чтобы не откликаться, часовой снова крикнул:

— Стой, кто идет?

И одновременно щелкнул затвором винтовки, но офицер, по-видимому, второпях, не слышал это, а разводящий, между прочим, шепотом сказал офицеру, что надо отозваться, иначе часовой будет стрелять. Поручик на это не обратил никакого внимания и побежал прямо на часового, и, когда приблизился вплотную, тот произвел выстрел из своей винтовки и смертельно ранил помощника дежурного по гарнизону, который через несколько минут скончался. Это было целое происшествие по всему гарнизону.

— Откуда взялась у часового винтовка? — спросил полковника капитан Герасимов.

— Винтовка у часового оказалась вот откуда, — продолжал свой рассказ Масько. — Когда помощник дежурного по гарнизону взял у часового винтовку и ушел с ней в караульное помещение, то часовой проснулся, схватился, а винтовки около него не оказалось. Тогда он, недолго думая, бросил пост и побежал в караульное помещение. Дневальный, который стоял у входа в караульное помещение, в это время смотрел в окно, что происходит в караульном помещении [не видел], а часовой тем временем вошел в коридор, который освещался маленькой электролампочкой, и сразу увидал около двери свою винтовку, схватил ее и побежал на свой пост. Винтовка как была заряжена четырьмя патронами, в таком положении и осталась. Офицер даже не сообразил, чтобы разрядить ее.

Караульный начальник тут же об этом чрезвычайном происшествии доложил дежурному по гарнизону, а тот коменданту города и начальнику гарнизона. В общем, пошла губерния писать.

Через некоторое время караульное помещение окружили казаки. Пришла новая смена караула. После сдачи постов и караула весь состав старого караула был обезоружен и отправлен в тюрьму.

Следствие по этому делу продолжалось очень долго, правда, через месяц выпустили из-под ареста многих солдат. Остались только под арестом караульный начальник, его помощник, разводящий, который обслуживал этот пост, часовой, застреливший поручика, и дневальный, который в это время дежурил у входа в караульное

помещение. Только через три месяца над ними был суд. Судил их военно-полевой суд при закрытых дверях, но из-за недоказательства умышленного убийства поручика все они были приговорены к немедленной отправке на фронт в штрафную роту.

— А где вам стало известно, что именно это произошло так, как вы нам рассказали? Часовой же не признался на суде, а офицер был убит? — спросили мы полковника.

— Об этом стало известно после Октябрьской революции 1917 г., когда сам этот солдат, который убил офицера, рассказал своим товарищам на фронте. Я тогда тоже в это время находился на фронте в одной дивизии с этим солдатом, и эти слухи дошли и до меня.

Длительное время находиться в обороне не особенно приятно, потому что выйти из своей «норы» наружу ни в коем случае нельзя, лишь только в ночное время, и то с большой осторожностью, так как за каждым солдатом охотились неприятельские снайперы. Правда, наши снайперы были лучшими охотниками за гитлеровцами. Если за все время обороны на Сандомирском плацдарме в нашем батальоне были убиты немецкими снайперами одиннадцать солдат и один офицер, ранено пять солдат, то только снайперы Васильев, Потапов и Надиров за это время истребили более пятидесяти гитлеровцев. В обороне всякая оплошность солдата приводит к гибели. Достаточно при помощи какого-нибудь предмета высунуть свою каску из траншеи, как по ней неприятельские снайперы начнут щелкать разрывными пулями. Но война не бывает без обороны той или иной воюющей армии.

Во время Первой мировой войны тоже были моменты, когда некоторые армии и даже целые фронты находились длительное время в обороне. Это[го] требовала сама обстановка. Особенно когда война принимает затяжной характер. Для того чтобы выбить противника из сильно укрепленного рубежа, тем более после продолжительных наступательных боев, надо иметь время для тщательной подготовки войсковых соединений для дальнейшего наступления.

В 1916 г. Юго-Западный фронт готовился в наступление в течение нескольких месяцев и только когда был тщательно подготовлен, тогда русские войска перешли в наступление на широком фронте. Выбили противника из сильно укрепленных рубежей и добились неплохих успехов. Австро-германские войска на этом фронте потерпели большое поражение, но полной победы над противником не имели, так как другие фронты не поддержали наступления Юго-Западного фронта. Конечно, тогда обстановка была совершенно другая, во главе русской армии находились продажные генералы, которые наживали себе военные карьеры за счет крови русских солдат, а некоторые из них были агентами разведки Вильгельма II.

Советские генералы и офицеры, воспитанные на идеях марксизма-ленинизма, твердо усвоившие передовую советскую военную науку, прививали советским воинам высокие морально-боевые качества, умело сочетали в себе личную отвагу с искусством руководить на поле боя.

Когда наши части находились в обороне на Сандомирском плацдарме, офицеры и солдаты, кроме своих непосредственных обязанностей, выполняли еще и другие дела, как это бывает на заводах и фабриках, где рабочие и инженерно-технический персонал,

кроме своих обязанностей, занимаются рационализацией своего производства. На фронте тоже занимались своего рода рационализацией, только в другом направлении. Здесь, в обороне, офицеры и солдаты изобретали разные капризы* для противника, чтобы он за время обороны находился в психическом состоянии, изматывали и уничтожали его живую силу. Приведу такие примеры. Правый фланг линии обороны нашего полка проходил по возвышенности и упирался к левому берегу Вислы, но между рекой и нашим правым флангом был небольшой промежуток в виде коридора. Там находились немцы, которые все время производили из пулеметов методический обстрел вдоль населенного пункта Виняры. Перед солдатами и офицерами батальона капитана Одинцева встал вопрос, каким способом ликвидировать эти опасные для нас огневые точки противника. Артиллерийским и минометным огнем уничтожить их было нельзя, так как недалеко от них находились наши траншеи. Тогда солдаты внесли свои рационализаторские предложения — путем взрыва уничтожить не только эти огневые точки противника, но и выбить его из этого коридора. Для этого нужно было привезти большую железную бочку, туда вложить 150 — 200 килограммов взрывчатки, рассчитать согласно расстоянию от наших окопов до намеченного объекта размер бикфордового шнура, к шнуру прикрепить капсюль-детонатор, скорость движения бочки по крутизне возвышенности, а для тяжести и инерции насыпать в бочку земли и выкатить ее по склону возвышенности как подарок гитлеровцам от Святого Духа. Крутизна ската от нашего правого фланга до неприятеля вполне позволяла катиться бочке. Когда об этом доложили Говорухину, он одобрил эту затею и сам принял активное участие в этом деле. Он приказал командиру саперного подразделения организовать все необходимое для выполнения предложения солдат. Тут же пришел на место, где должны провести рекомендуемое предложение. Детально ознакомился с местностью, а после этого дал дополнительные указания и советы, как применить эту самодельную мину. На второй день к исходу дня все было приготовлено. Погода благоприятствовала в нашу пользу, шел осенний мелкий дождичек, в четыре часа утра бочку с взрывчаткой подняли на бруствер траншеи и выкатили ее по намеченному направлению.

Никто не предполагал, что самодельная мина упадет в траншею у входа в блиндаж гитлеровцев, так как ее направили на огневые точки противника. Но так как она катилась с большой скоростью, то во время толчков изменила свое направление и упала в самое хорошее место, лучшего не надо было желать. Как только она упала в траншею, сразу же раздался оглушительный взрыв. От немецкого блиндажа с восемнадцатью солдатами ничего не осталось, все взлетело в воздух. Рядом с солдатским блиндажом находился офицерский блиндаж, в этом блиндаже находился немецкий офицер и его денщик. Их учесть была тоже такая, как восемнадцати гитлеровцев.

После взрыва немецкие пулеметчики, которые дежурили у своих пулеметов, и часовые на своих постах так растерялись от взрыва, [что] не могли даже сделать ни одного выстрела по нашим штурмующим группам, которые захватили их в плен и закрепили за собой весь немецкий коридор. Когда совсем рассветало, немцы предприняли несколько атак за утраченный ими коридор, но все гитлеровские атаки были

* Вероятно, следует читать «каверзы».

отбиты. В этой маленькой операции было взято двенадцать немецких солдат, два ручных и один станковый пулеметы, большое количество боеприпасов и ликвидирован опасный очаг на нашем правом фланге.

Между нашим левым и правым соседним полком был разрыв шириною около одного километра, который образовался в связи с тем, что местность была очень топкая, и траншеи рыть для обороны было невозможно. В середине разрыва у подножья возвышенности находился отдельный, деревянный жилой дом с соломенной крышей, а во дворе находился колодец с журавлем. Жильцы из этого дома куда-то эвакуировались. Во время наблюдения за этим домом наши разведчики заметили, что немцы в ночное время приходят туда за водой. Старший сержант Комиссаров изъявил желание с группой автоматчиков устроить там засаду и захватить гитлеровских водоносов. Об этом я доложил командиру полка. На второй день он пришел на передний край обороны, ознакомился с местностью, где находился отдельный дом, и был очень доволен нашим намерением. По моей просьбе он обещал прислать саперов с миноискателями, так как немцы могли заминировать противопехотными минами подступы к дому.

Вечером 26 октября к нам пришли саперы, ознакомились с местностью, а затем, когда наступила ночь, они сначала сделали проход перед передним краем нашей обороны, который был заминирован противопехотными минами. После этого с миноискателями двигались к направлению намеченного объекта. За ними шла группа автоматчиков во главе с Комиссаровым. Подступы к дому действительно были заминированы противопехотными минами. Саперы сняли мины, затем проверили весь дом. Убедившись, что дом не заминирован, группа Комиссарова вошла в дом, а саперы вернулись обратно. В это время пришел ко мне начальник штаба полка майор Шилов. После краткой беседы мы с ним из траншеи вышли на свежий воздух. Погода была сухая, только изредка кое-где на переднем крае обороны слышны были отдельные выстрелы из автоматов, но зато немцы постоянно освещали весь передний край ракетами, так что нашим солдатам не было надобности расходовать свои ракеты.

— Как думаешь, батько, приведут твои автоматчики фрицев? — спросил меня Шилов

— Мне думается, приведут, — ответил я ему, — раз подступы к дому были заминированы, значит, они действительно приходят туда за водой, а может быть, даже устраивают и засады.

— Ну, что же, будем ждать, авось и клюнет, а это было бы кстати, давно уже не приводили языка.

— Если сегодня не приведут, то завтра ночью приведут.

— А что, они и завтра там будут дежурить?

— Да, им было дано такое задание, что если сегодня ночью не придут немцы, то оставаться там до следующей ночи.

— А продуктами снабдили их?

— Выдали сухой паек.

— А сами они не могут попасть в немецкую ловушку, как это было под Бугом, забыл?

— Тогда обстановка была другая, и задание было другое, и местность не позволяла их выручить из беды. Хорошо, что многие из них вырвались из немецкой ловушки, только двоих потеряли. Сейчас другое дело, если даже фрицы по какой-нибудь случайности обнаружат их и попытаются сделать вылазку, то мы их наверняка уничтожим.

— Какими огневыми средствами располагаешь для прикрытия?

— Два станковых пулемета находятся на изгибе левого фланга. Кроме этого, в прошлую ночь по договоренности с командиром полка мы перетащили полковую пушку на новую огневую позицию, которая в случае вылазки противника будет бить прямой наводкой, картечью, так что для прикрытия у нас все предусмотрено.

— А связь с автоматчиками?

— От полковой пушки до автоматчиков провели телефонную связь.

После этого разговора мы перебрались к полковой пушке. Артиллеристы дежурили у своего орудия. Разговаривать по телефону с автоматчиками без их вызова не разрешалось.

Все наши ожидания не дали положительных результатов, немцы не приходили за водой.

— Слушай, батько, а может, фрицы за водой придут прямо к тебе, на командный пункт?

Когда Шилов промолвил эти иронические слова, все артиллеристы засмеялись.

— Ко мне фрицы за водой не придут. Если сегодня ночью не приходили, то на следующую ночь они приедут. Терпение надо иметь, товарищ майор.

— Посмотрим.

— Обязательно посмотрим фрицев, которых приведет старший сержант Комиссаров.

Стало рассветать, мы с майором по ходам сообщений ушли на командный пункт и как только вошли туда, как дежурный телефонист сообщил нам, что звонил командир полка и приказал, чтобы я позвонил ему. Но не успел я подойти к аппарату, как раздался звонок. Я тут же догадался, что вызывает меня Говорухин и поднял трубку и тут же сказал, что батько у телефона.

— Где твои фрицы? — спросил меня Говорухин.

— По-видимому, немцы не приходили за одеколоном (за водой), орлы остались ожидать хорошую погоду (автоматчики остались до следующей ночи).

Только в ночь с 28 на 29 октября немцы изволили явиться в «гости» к нашим автоматчикам. Их было трое. Как только они стали черпать из колодца воду, наши автоматчики бросились на них и обезоружили. Немцы не успели даже и крикнуть. Старший сержант был очень довольный такой добычей, ему насчет языков везет, он никогда не приходил без ценной добычи. Когда пленных привели на к[омандный] п[ункт], Комиссаров мне доложил, что задание выполнено, получайте трех немецких верзил.

Действительно, все пленные были высокого роста, худощавые, грязные. Обмундирование на них было изношенное, эрзац-ботинки на них были обмотаны тряпками. У одного пленного все лицо было в крови. Когда я спросил Комиссарова, почему у него лицо в крови, то он мне ответил: «Товарищ капитан, вы лучше спросите его самого, почему у него лицо в крови».

Оказывается, когда пленного схватили у колодца, то он успел ударить пустым ведром нашего автоматчика по голове, а в это время красноармеец Заема ударил немца автоматом по лицу, вот почему у этого пленного так было лицо украшено. После краткого допроса пленных отправили в штаб полка.

Накануне праздника XXVII годовщины Великой Октябрьской социалистической революции при штабе полка состоялось совещание командного и политического состава полка. На этом совещании командир полка и его замполитчасти поздравили нас с наступающим праздником Великого Октября и проинструктировали нас, какие мероприятия должны провести в подразделениях с солдатами в дни праздника. После окончания совещания всем командирам и политработникам были розданы ценные подарки, переданные на фронт рабочими, колхозниками и советской интеллигенцией из СССР. Были получены подарки и для всех солдат, которые были розданы им вечером. Все мы были очень довольны и выразили большую благодарность трудящимся нашей страны за их отеческую заботу о своих защитниках. Утром перед завтраком всем солдатам поднесли по сто граммов ратификату*.

На этот раз немцы сидели в своих траншеях спокойно. Вокруг стояла исключительная тишина, не было слышно ни единого выстрела, словно мы в это время находились не на фронте. Только обстановка напоминала каждому солдату и офицеру, что они праздник проводят не у себя на родине, а на фронте, перед озверевшим врагом после его тяжелого ранения.

После того, как мы обошли всех солдат, которые находились в траншеях на передовой линии, поздравили их с праздником Великого Октября, угостили ратификатом и вернулись на командный пункт. Артиллерийские корректировщики к этому времени успели накрыть праздничный стол и ждали нашего прихода. Только что успели сесть за стол, раздался звон телефонного аппарата корректировщика лейтенанта Александрова. Его телефонист поднял трубку, а мы все насторожились, думали, что-то, наверное, произошло нехорошее.

— Товарищ лейтенант, вас к телефону требует майор Куприяшкин, — сказал телефонист.

В то время, когда Александров подошел к телефону, я в это время подумал: «Куприяшкин, знакомая фамилия, неужели это наш Куприяшкин — сын мордовского народа из города Саранска», и тут же подошел к Александрову и спросил его:

— Как зовут майора Куприяшкина?

Он левой рукой прикрыл телефонную трубку и мне сказал, что его зовут Тихоном Ефимовичем.

— Кончишь разговор — передашь трубку мне, — сказал я ему.

Когда лейтенант кончил свой разговор, передал телефонную трубку мне.

— Здравствуйте, товарищ майор! Поздравляю вас с праздником Великого Октября!

— Здравствуйте! Благодарю вас. Кто со мной говорит? — послышался голос Куприяшкина в телефонной трубке.

---

* Следует читать «ректификату».

— С вами говорит Федор Матюшкин, который работал вместе с вами в городе Саранске.

— Неужели это вы, товарищ Матюшкин?

— Да, это я.

— Какими судьбами ты очутился на фронте?

— Такими, как и ты.

— Как проводишь праздник?

— Хорошо, как сам?

— Тоже хорошо, желаю тебе успехов, как-нибудь встретимся. До свидания!

Товарищ Куприяшкин в это время находился в минометном полку, заместителем командира полка по политической части. Минометный полк в это время находился за Вислой, а во время наступления он все время поддерживал нашу дивизию, и мы друг друга не знали до этого дня.

Светлый праздник Октября, встреча со своим земляком, которого давно я не видел и не знал, где он находится, хотя это произошло по телефону, у меня еще больше поднялось настроение, как-то и на душе стало приятно.

Я снова сел за стол и поднял вместе со своими товарищами чарку в честь Великого праздника Октября и за наши вооруженные силы.

Во время обеда наш корректировщик артиллерии Александров о чем-то задумался. Капитан Баскаков положил ему руку на плечо и сказал:

— О чем задумался, братишка, неужели у тебя семеро под лавкой бегают?

— Сейчас бы краешком глаза посмотреть на Красную площадь, как проходит демонстрация мимо мавзолея В. И. Ленина, — ответил Александров.

— Да, время 10.00 часов, — сказал я им, — сейчас кто-то из маршалов принимает парад воинских частей московского гарнизона, затем они пройдут мимо правительственной трибуны, а за ними демонстрация трудящихся Москвы.

— Кончится война, — обратился капитан Баскаков к лейтенанту, — тогда приедешь в Москву и будешь смотреть не краешком глаза, а обоими своими серыми глазами, конечно, при условии, если останешься живым.

Как-то после обеда на переднюю линию пришли к нам замполитчасти Лаптев и корреспондент газеты «На разгром врага» лейтенант Филиппов. Их заинтересовало настроение солдат и в каких условиях они находятся. После краткой беседы мы все трое по траншее направились к землянкам, где размещались свободные от нарядов солдаты. Не доходя первой землянки, меня Лаптев предупредил, чтобы дневальный, дежуривший у входа в землянку, не дал знать солдатам о нашем приходе к ним. Так я и сделал. Подошли мы к первой землянке, прислонились к стенке траншеи и стали слушать разговор солдат. Дверь в землянку была открыта, и весь разговор между ними нам был хорошо слышен.

— Кто вычистил свой автомат? Давай сюда, — спрашивал солдат старший сержант Комиссаров.

Ему кто-то из бойцов после окончания чистки дал свой автомат. Осмотрев автомат, старший сержант сказал:

— Молодец, товарищ Хуссаинов, автомат, как зеркало. А у тебя, товарищ Ахметов?

— Я мал-мал не кончал своя машинка, — ответил Ахметов.

После осмотра четырех автоматов Комиссаров остался довольным. Но вот подает свой автомат Храпунов. Осмотрев автомат у Храпунова, Комиссаров сказал ему:

— Ты почему так небрежно относишься к своему оружию? Лень тебе как следует вычистить?

— У меня, товарищ старший сержант, в канале ствола раковины, и хорошо никак нельзя вычистить, — ответил Храпунов.

— Ты очковтирательством не занимайся. Два месяца прошло, как тебе выдали новый автомат взамен винтовки. Вот сам ты колхозник, неужели в колхозе так же относился к общественному добру? Ты вот хорошенько подумай своими шариками, какой дорогой ценой для нашего государства эти автоматы обходятся. Но не забывай и то, что ты находишься на фронте. Вдруг немцы предпримут наступление, чем будешь отбиваться?

— Автоматом.

— С этим грязным автоматом далеко не уедешь. Сейчас же мне вычисти свой автомат, как чистят твои товарищи. Понятно, тебе?

— Понятно, товарищ старший сержант.

— Товарищ старший сержант, — обратился к нему снайпер Потапов, — посмотрите мою снайперскую.

— Этого еще не хватало, чтобы у снайпера осматривать винтовки.

— Прошу все же осмотреть.

— Давай посмотрим.

Осмотрев снайперскую винтовку Пахомова и автоматы других солдат, Комиссаров остался довольным.

После этого мы трое зашли в землянку. Комиссаров доложил Лаптеву, чем занимаются солдаты его взвода и сколько солдат находится на дежурстве на переднем крае обороны. Лаптев поздоровался с солдатами. Затем коротко проинформировал их о положении на фронтах Отечественной войны. После этого завязалась дружеская беседа.

— Товарищ подполковник, долго мы будем сидеть здесь на одном месте? — спросил подполковника Потапов.

— А что, надоело вам сидеть на одном месте, скучновато? — в свою очередь спросил подполковник Потапова.

— Конечно, надоело, надо скорее разделаться с немчурой.

— Для того, чтобы окончательно разделаться с гитлеровскими полчищами, — сказал Лаптев, — надо сначала хорошо подготовиться, а для этого надо иметь время. Как только подготовимся, тогда обрушимся с такой мощной силой на врага, что больше останавливаться нигде не будем до окончательного его разгрома.

— Правильно! — ответили все присутствующие.

— Товарищ старший сержант, я слышал, что у вас во взводе имеются солдаты, которые небрежно относятся к своим обязанностям?

— У нас, товарищ подполковник, таких солдат нет во взводе.

— А кому вы недавно сделали замечание за плохое содержание автомата?

— Мне, товарищ подполковник, — ответил Храпунов.

— Правильно вам сделали такое замечание?

— Правильно, товарищ подполковник.

Когда Лаптев спрашивал Комиссарова, кому он делал замечание по поводу плохого содержания оружия, все солдаты были в недоумении.

— Товарищ подполковник, откуда вам это известно? — спросил Комиссаров.

— Об этом поговорим после, а сейчас давайте послушаем Храпунова, почему он плохо относится к своим обязанностям.

— Товарищ Храпунов, — крикнул Комиссаров, — выйдите в середину землянки и расскажите товарищу подполковнику, почему так несерьезно относитесь к своим обязанностям.

Храпунов вышел на место, указанное старшим сержантом. Опустив голову, он шепотом проговорил:

— Виноват, товарищ подполковник, больше этого со мной никогда не случится.

— Товарищ Храпунов, так делать нельзя, — сказал подполковник. — Ты находишься на фронте, у тебя должно быть оружие в полном порядке, и нарушать свой высокий долг нельзя. Каждый солдат в Советской армии, находясь на фронте или же в тылу, должен быть прежде всего дисциплинированным, беспрекословно выполнять приказы своих командиров, всемерно беречь военное и народное имущество. Вы бы посмотрели на себя, небритый, и лицо, наверное, сегодня еще не мыл, так нельзя себя вести. Посмотрите на своих товарищей. Как на них приятно смотреть! Что же не смотрите на них?

Храпунов поднял голову и окинул своими глазами товарищей, а те все молча глядели на него. Снайпер Потапов встал со своего места и обратился к подполковнику:

— Товарищ подполковник, я думаю вот что надо сделать: пускай Храпунов даст свое честное солдатское слово, что он впредь не будет допускать нарушений воинского долга.

— А вот скажите мне, — обратился подполковник ко всем солдатам, — как ваш Храпунов дрался с гитлеровцами на дамбе?

— Дрался он хорошо, — ответили все участники боев на дамбе.

— Тогда пусть Храпунов даст перед вами солдатское слово, что с ним больше этого никогда не случится, — сказал подполковник.

— Товарищи! — обратился к солдатам Храпунов, — даю вам честное солдатское слово, что со мной больше этого никогда не случится и буду выполнять все свои обязанности честно и добросовестно.

— Как у вас с питанием? — спросил солдат подполковник.

— С питанием у нас хорошо, — ответили все солдаты.

На этом была закончена беседа с солдатами. Подполковник попрощался с нами, и мы вышли из землянки. Здесь Лаптев спросил меня, где находится взвод лейтенанта Рза-заде, который недавно прибыл к нам с группой лейтенантов из военного училища.

— Вы желаете видеть его?

— Я ему дал слово, как только представится возможность побывать на левом фланге, то обязательно навещу.

Мы тут же направились в расположение взвода лейтенанта Рза-заде, который размещался в одном из подвальных помещений разрушенного помещичьего дома. Когда мы зашли в помещение, лейтенант доложил Лаптеву о состоянии взвода и чем он занимается. После краткой беседы с солдатами и лейтенантом мы направились на командный пункт. Не заходя в мою землянку, Лаптев со своим связным ушел в штаб полка, а мы с корреспондентом зашли в землянку. После стакана чая корреспондент Филиппов попросил меня, чтобы я на беседу вызвал снайперов-отличников. Я тут же через связных вызвал ему снайперов Васильева, Пахомова и Надирова, с которыми он провел беседу и познакомился со снайперскими журналами.

13 ноября в газете «На разгром врага» появилась заметка под заголовком «Метко бьют врага». Привожу дословно эту заметку:

«Отлично действуют снайперы подразделения капитана Матюшкина. Только за несколько дней они уничтожили восемнадцать фашистских извергов. Красноармеец Васильев убил 10 немцев, красноармейцы Надиров и Потапов истребили по четыре гитлеровца.

Товарищи Васильев, Надиров и Потапов являются хотя и молодыми, но успешно совершенствующими свое боевое мастерство снайперами.

Красноармеец Потапов прибыл на фронт недавно. Проезжая по областям, бывшим в оккупации у немцев, он видел много разрушенных и сожженных ими наших городов и сел. Ранее, участвуя в наступательных боях, видел Потапов замученных и расстрелянных фашистами советских людей, в груду пепла и щебня превращенные их жилища.

Неугасимой ненавистью к врагу разгорелось сердце воина. И решил он истребить как можно больше гитлеровских убийц. Пламенем справедливой мести пылает сердце и у Потапова. Чтобы проверить свои мысли в действии, все они настойчиво овладевают искусством меткой стрельбы.

Вдохновленные горячими призывами коммунистической партии, наши снайперы еще крепче сжимают свое грозное оружие, еще тщательнее выслеживают фашистов и бьют их без промаха.

Лейтенант
Ф. Филиппов».

Сотни и тысячи смельчаков-снайперов мстили немецким фашистам за их злодеяния. Ош выслеживали гитлеровских солдат и офицеров и уничтожали их. Во время оборонительных боев использовали щели разрушенных домов, чердаки и крыши разных строений, на деревьях устраивали разные приспособления, одни для себя, а другие ложные, в полевых условиях складки местности и т. д. и т. п. Подчас не считаясь с опасностью для жизни, они в ночное время подкрадывались на очень близкое расстояние к противнику и целыми днями охотились за гитлеровцами.

Однажды на Сандомирском плацдарме с опушки леса немецкий снайпер все время обстреливал разрывными пулями по месту расположения Потапова. По-видимому, немец заметил его. Это очень разозлило Потапова, да плюс к этому и бойцы посмеивались над снайпером, они упрекали его: «Какой ты снайпер, когда самому тебе немец прохода не дает». Потапов и Васильев договорились между

собой во чтобы то ни стало выследить расположение немецкого снайпера и уничтожить его.

Ночью Потапов подполз очень близко к опушке леса, откуда немецкий снайпер постоянно беспокоил его, и выбрал себе удобное место под одним кустарником. Когда рассветало, Васильев через каждые пять — десять минут стрелял по месту расположения немецкого снайпера. Немец давал ответные выстрелы. Так началась снайперская перестрелка. В это время Потапов заметил немецкого снайпера и выстрелил в него, немец тут же с дерева грохнулся на землю, к нему подбежал другой немецкий солдат и стал поднимать его. Васильев этого и ждал. Он тут же уложил второго немца. Потапов не мог стрелять во второго немца, так как его могли обнаружить гитлеровцы. Он весь день пролежал перед носом немцев, только ночью вернулся в подразделение. Солдаты приветствовали его, и были все очень довольны его удачной охотой. Так довольны бывают колхозники, когда охотники удачно истребляют волчьи стаи, которые наносят большой урон коллективному хозяйству.

От Вислы до Одера

Закончилась пятимесячная оборона на Сандомирском плацдарме. 15 января 1945 г. началось всеобщее наступление по всему нашему фронту.

17 января после непродолжительных боев дивизия наша освободила город Островец и несколько населенных пунктов. В городе и его окрестностях было освобождено более пяти тысяч военнопленных красноармейцев. Все они были измучены и истерзаны гитлеровскими палачами. Многие из них были так измучены, что даже не могли двигаться.

24 января освободили город Пиотрикув, захватили в плен около трех тысяч немецких солдат и офицеров и много военного имущества. Население польских городов и сел радостно встречало советских воинов как своих освободителей от гитлеровской тирании. Они приглашали советских солдат и офицеров к себе на завтраки и обеды, мы их благодарили за гостеприимство, а наведать их у нас не было времени. Все наши части устремились гигантскими шагами на запад.

Грозный вал наступления советских войск катился к границам гитлеровской Германии. 28 января в районе Крейцбурга пересекли польско-германскую границу, и бои начались на территории смертельного врага.

Во всех населенных пунктах немецкие жители покидали свои жилища и бежали вглубь Германии. Оставались, кроме стариков и старух, еще те, которые были недовольны гитлеровским режимом. Во всех населенных пунктах жители оставляли весь свой скот на произвол судьбы. Крупный рогатый скот, лошади, свиньи бродили по улицам и огородам, ища себе корм.

Куда ни посмотришь — везде и всюду горели немецкие помещичьи усадьбы и населенные пункты. Здесь я вспомнил слова подполковника Шагалина, сказанные на привале у реки Сбруч, когда он говорил нашим солдатам, что немцы жгут не только наши города и села, но они жгут города и самой Германии. Почему горели немецкие жилища? Да потому, что гитлеровские вояки цеплялись за каждый насе-

ленный пункт и яростно сопротивлялись, и их приходилось выбивать из этих населенных пунктов огнем и мечом. Вот почему они горели.

В одном из населенных пунктов нам пришлось встретить такую поразительную картину: весь скот поголовно был уничтожен бежавшими от возмездия гитлеровцами. Они, проиграв войну, убивали не только русских, польских, французских и других военнопленных солдат, но и уничтожали свой скот. В этом населенном пункте мы встретили 65-летнего Рудольфа Кауфмана. Он хорошо знал русский язык, так как с 1916 по 1918 г. находился в России как военнопленный. На наш вопрос, почему гитлеровцы уничтожили весь скот в их селе, он нам ответил:

— Это работа особых пограничных отрядов СС-Гитлер.

— А почему местные жители бежали из своих насиженных мест?

— Агенты Геббельса нам говорили, что за русскими войсками идут специальные каратели от поляков, которые поголовно истребляют все немецкое население. Они поверили им и побросали свои дома.

— Вот русские солдаты находятся у вас вторые сутки, а где же польские каратели?

— Нам так говорили.

— А вы сами почему не поверили агентам Геббельса и не эвакуировались?

— Я не верил агентам Геббельса. Я русских хорошо знаю, они не позволят полякам уничтожать немецких мирных жителей, да и сами поляки не пойдут на это гнусное дело.

— А почему гитлеровская армия не считалась с мирным населением Польши и во временно оккупированных районах Советского Союза? Там немецкие солдаты и офицеры расстреливали и вешали не только взрослых людей, но убивали подростков и даже детей. Вы верите этому гнусному делу?

— О да, я верю вам, нам было об этом известно. Когда раненые наши солдаты возвращались к себе домой, они нам об этом рассказывали, и мы были очень недовольны этими гнусными делами эсесовцев.

— Многомиллионная гитлеровская армия ведет войну в течение пяти лет, — сказал я Кауфману. — Эту армию надо прокормить, кроме того, надо прокормить более 60-миллионное население, без продовольствия, особенно без мяса, армия не может существовать, тем более, когда она воюет. А у вас в каждом населенном пункте так много скота, как будто Германия и армию не имеет. Откуда у вас накопилось столько скота?

— Не только армия фюрера, — ответил Кауфман, — но и все население Германии живет за счет оккупированных стран, главным образом за счет России. Кроме того, фюрер каждому юнкеру (помещику) и крестьянину раздавал в виде вознаграждения лошадей, крупный рогатый скот и даже свиней, которые привозились из оккупированных стран.

— А вы что получили от фюрера?

— Мне дали одну корову.

— А что от вас за это получил фюрер?

— Двух сыновей.

Когда он сказал эти слова, на глазах у него появились слезы, и он о чем-то задумался.

— Значит, вы поменяли своих сыновей за одну корову? Дешево вы их продали.

— Я их не продавал, они насильно были мобилизованы.

— Почему вы так загрустили, у вас даже на глазах слезы появились?

— Из-за своих сыновей. Они оба погибли на Восточном фронте, а жена старшего сына не послушала меня и с внучатами бежала вместе с соседями неизвестно куда.

На территории Германии бои носили исключительно тяжелый характер, гитлеровцы дрались с большим ожесточением, не считаясь с огромными потерями. Особенно упорные бои происходили, как я уже указывал, в населенных пунктах, которые они превращали в крепости. Но благодаря превосходству нашей военной техники эти населенные пункты стирались с лица земли. Советские воины заявляли: «Это не 1941 г., когда гитлеровские полчища почти безнаказанно разрушали и грабили наши советские города и села. Мы сейчас отплачиваем гитлеровским разбойникам за все их злодеяния. Война может кончиться только тогда, когда последний гитлеровский насильник упадет, обливаясь кровью на своей земле».

Быстрое движение наших частей вглубь Германии временами задерживалось при форсировании водных преград, на которых были взорваны мосты, приходилось строить новые переправы, а эти работы очень трудоемкие. Кроме того, остатки разбитых вражеских частей, разбежавшиеся по лесам, иногда перехватывали пути, затрудняли движение наших тыловых частей. Преодолевая все эти препятствия, советские вооруженные силы беспрерывным потоком шли на Запад, в фашистское логово — Берлин.

За короткий период времени, т[о] е[сть] с 15 января по 3 февраля 1945 г. войска Первого Украинского фронта с беспрерывными боями прошли от реки Вислы до реки Одер расстояние более 500 километров.

В ходе наступательных боев пехотные соединения во взаимодействии с артиллерийскими, бронетанковыми и авиационными войсками ломали долговременные крепко укрепленные районы немцев, преодолевали водные преграды, на которых гитлеровские войска надеялись задержать стремительное наступление на Запад, этим самым они хотели оттянуть час своей гибели. Но никакие долговременные укрепленные районы и водные преграды не могли задержать могучую наступательную силу советских воинов. Они стремились к одной цели: выполнить указание коммунистической партии — добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить Знамя Победы над Берлином.

Советские воины, овладевшие первоклассной военной техникой, которую дали героический рабочий класс и инженерно-техническая интеллигенция, били врага наверняка. Территория от Вислы до Одера была устлана трупами немецких солдат и офицеров. Пленные немецкие солдаты и офицеры в один голос заявляли, что Германия больше с Россией воевать никогда не будет.

3 февраля наши части в районе Глейнау вышли к реке Одер и на плечах противника, по льду, перешли на западный берег реки, где завоевали маленький плацдарм.

Немцы делали отчаянные попытки, чтобы отбросить переправившиеся части за Одер. Они ежедневно по 5 — 6 раз бросали свои части в контратаку, но их попытки были безуспешными. Их подпускали на близкое расстояние, затем из всех видов оружия обрушивались на них, и все контратаки фашистов отбивались с большими для них потерями. А в это время на восточном берегу реки шла напряженная работа. Саперы

строили переправу, им помогали пехотные подразделения. Нужно было во что бы то ни стало быстро построить переправу, для того чтобы переправить танки и артиллерию. Немцы все время обстреливали район переправы артиллерийским огнем. Кроме этого, и погода была очень плохая, все время шли дожди, временами падал мокрый снег. Одер вздулся, вода сломала ледяной покров, она местами поднялась выше, чем обычно, вышла из берегов и угрожала нашему плацдарму, и, несмотря на все эти трудности, в течение четырех суток переправа была построена.

7 февраля в 5.00 часов началась мощная артиллерийская подготовка, продолжавшаяся в течение пятидесяти минут. В районе переправы было сосредоточено около трехсот орудий и минометов. Артиллерийский и минометный огонь был настолько мощным и неожиданным для немцев, что они буквально были деморализованы. Били залпами огромные осадные пушки-гаубицы, их снаряды летели далеко в немецкий тыл и сокрушали оборонительные сооружения врага, поднимали в воздух доты и офицерские блиндажи, сокрушали фашистские артиллерийские батареи. Ухали полки гаубицы, не отставали в быстроте стрельбы и семидесятишестимиллиметровые длинноствольные пушки. Отрывисто и глухо били тяжелые минометы, а сквозь гром артиллерии были слышны продолжительные залпы гвардейских минометов. Вдруг с маленького плацдарма поднимаются в воздух пылающие огнем большие ящики, и обрушиваются на голову неприятеля летающие торпеды. Даже сорокапятки, находясь на передовой линии, не отставали, так сказать, от старших братьев, они били по заранее намеченным целям.

Вслед за мощным артиллерийским и минометным огнем, под прикрытием штурмовой авиации, через переправу двинулись танки, артиллерия и пехота.

Вот наши танки проходят через передний край обороны нашего плацдарма и с большой скоростью приближаются к противнику. Вдруг солдаты закричали:

— Смотрите!.. Смотрите!.. Подбили наш танк, сволочи.

Это одно немецкое противотанковое орудие каким-то образом уцелело от нашего артиллерийского огня, и оно вело огонь по нашим танкам, и один из снарядов разбил ему гусеницу. Тут же обратно послышались крики солдат:

— Смотрите, как наш танк у рощи утюжит фашистских артиллеристов.

Это второй наш танк обнаружил немецкое противотанковое орудие и своими гусеницами смял его и весь орудийный расчет. Самоходные орудия расчищали путь танкистам. Несколько танков Т-34 начали утюжить передний край обороны противника. В это время с криками «Ура!!!» пехота поднялась в атаку на неприятеля. Немцы не выдержали стремительный натиск наших частей и в панике начали отступать, бросая свою уцелевшую технику, тяжелораненых солдат и офицеров, а часть из них начала сдаваться в плен.

В глубине немецкой обороны завязались танковые бои, но они продолжались недолго. Наши танкисты в этом бою подбили и уничтожили 17 танков противника.

Проходя через немецкий укрепленный район повсюду можно видеть трупы немецких солдат и офицеров, развороченные нашей артиллерией доты и блиндажи. Спустя некоторое время по большаку в направлении на город Лигницу прошла наша танковая колонна с десантниками.

К исходу дня 8 февраля развернулись бои за крупный населенный пункт в районе города Лигницы, который был мощным опорным пунктом противника. Быстро продвигаясь вперед, наши танковые части совместно с десантниками, обходным маневром, ворвались в населенный пункт с северо-западной стороны, а пехотные части завязали бой с противником на восточной окраине села.

Надвигалась ночь, в населенном пункте от нашего артиллерийского огня начались пожары, горели бензохранилища и дома. Наши танки из своих орудий вели огонь по домам, где находились гитлеровцы. Точно стальная метла обдирала со стен зданий карнизы, балконы, углы. Все это поднимало сплошную завесу от известковой пыли и дыма. А в это время советские воины, прижимаясь к стенам домов, продвигались перебежками, захватывая дом за домом, улицу за улицей. Был такой момент, когда трудно было разобраться в обстановке, тем более в ночное время. Наши солдаты и немцы наскакивали друг на друга, в упор стреляли из автоматов, бросали гранаты, в помещениях даже пускали в ход финки. Нужно было нам перебежать через одну из улиц, чтобы лучше руководить боем. Со мной находился заместитель командира полка майор Табашников. Немцы обстреливали эту улицу ружейно-пулеметным огнем. Недалеко от нас, за углом, находились полковые пушки, которые поддерживали пехотные подразделения во время штурмовки жилых кварталов. В это время к нам подошла на поддержку одна резервная рота. Майор Табашников приказал командиру батареи выпустить несколько снарядов по немецким пулеметчикам. Артиллеристы тут же выкатили одну пушку на новую огневую позицию и прямой наводкой подавили огневые точки противника. Когда артиллеристы открыли огонь, резервная рота вместе с нами проскочила через улицу и захватила полуподвальные помещения трехэтажного дома, а на верхних этажах остались немцы. В полуподвальном помещении была захвачена группа немецких солдат в плен. Мы через переводчика уговорили двух пленных немцев, чтобы они пошли к своим на верхние этажи и уговорили остальных немецких солдат, чтобы и те сдались в плен, и их жизнь будет в безопасности. Правда, сначала они отказывались, но затем согласились, и спустя несколько минут они вернулись и привели с собой еще 27 немецких солдат. Это были фольштурмовцы.

На второй день к вечеру весь населенный пункт был очищен от неприятеля. Было взято в плен около 500 солдат и офицеров и много военной техники. После взятия этого населенного пункта отдыхать долго не пришлось, так как наши танковые части за прошедшие сутки приблизились к городу Бреслау и завязали бои на его подступах.

Утром 11 февраля наши части вышли на автостраду Берлин — Бреслау. Вся автострада на протяжении нескольких километров была захламлена разбитой военной техникой, трупами немецких солдат и офицеров. Это была работа наших славных летчиков и танкистов. Один из автоматчиков-сибиряков, уроженец Иркутской области, проходя мимо разбитой немецкой техники, сказал: «Вот вам, мерзавцы, посеяли ветер — пожинайте бурю».

В тот же день Совинформбюро сообщило, что войска Первого Украинского фронта форсировали реку Одер северо-западнее города Бреслау, прорвали сильно укрепленную долговременную оборону немцев на западном берегу реки и за четы-

ре дня наступательных боев продвинулись вперед до 60 километров, расширив прорыв до 100 километров по фронту.

В ходе наступления войска фронта овладели городами Лигница, Штейнау, Нойманрк и Ган — важнейшими узлами коммуникации и мощными опорными пунктами обороны немцев на западном берегу Одера.

Весь день 12 февраля наши части преследовали разбитые части противника, которые отступали по направлению к городу Бреслау. К вечеру совсем занепогодило. Над потемневшей землей бесконечной чередой потянулись большие густые тучи. Иногда ветер размашисто засевал землю весенним дождем, а ночью дождевые тучи плотно обложили небосвод, начался сильный холодный дождь.

За ночь наш полк совершил большой переход. Мы двигались через открытые поля. На рассвете вошли в лес и, пройдя около двух километров, остановились на дневку. Несмотря на холодную погоду, все солдаты тут же попадали на землю и крепко заснули, только сторожевое охранение бдительно охраняло отдыхающий полк.

К полудню погода улучшилась, солнце быстро нагрело землю, воздух стал чистым, земля дышала теплым воздухом, повсюду разносился хвойный запах.

Но воздушная тревога помешала солдатам продолжать свой отдых, она быстро рассеяла сон у всех бойцов. Немецкие самолеты покружились над лесом и, беспорядочно сбросив свои бомбы вне расположения полка, улетели на запад. После воздушной тревоги все солдаты развесили свои шинели на сушку и принялись за чистку оружия. Как только закончили чистку оружия, подъехали походные кухни, а после принятия пищи полк получил приказ о выступлении.

14 февраля завязались бои за населенный пункт Принхендорф. После кратковременной схватки немцы отступили к Лобрюкк. Когда происходили бои за Принхендорф, наши разведчики захватили в плен троих немецких пулеметчиков с ветряной мельницы, которые обстреливали наши наступающие подразделения.

Когда вели их по улице, старший из разведчиков все время кричал на них:

— Комен, комен... шнель.

Гитлеровцы затравленно озирались, послушно исполняя приказания разведчика сержанта Козлова. Когда остановились у штаба батальона, Козлов доложил, что троих успели захватить с пулеметом, а остальные «разбежались».

Козлов сначала пристально посмотрел на стоявшего впереди немца и размахнулся автоматом, чтобы ударить его, но тут же опустил автомат. Немец весь побледнел и задрожал:

— Бить беззащитного врага — не геройство, — проговорил Козлов.

Затем он начал спрашивать этого же немца:

— Как дела? Как дела?.. Оглох, мерзавец, с перепуга, гад, даже своего языка не понимает. Как дела, спрашиваю?

— Шлехей, — наконец понял немец.

— Вполне согласен, — подтвердил Козлов. — Дела ваши, действительно, плохие. Одним словом, капут Гитлеру!

— Капут! Капут! — хором с радостью забормотали гитлеровцы.

— Много русских побили, гады?

— Нет, мы не убивали, мы недавно на фронте, мы фолькштурм. Эсэс убивал русских, — ответили немцы.

После допроса пленных отправили в штаб полка.

Сержант Козлов был не только бесстрашным разведчиком, но и хорошим переводчиком.

Во время боев в этом населенном пункте погиб смертью храбрых наш любимый снайпер Васильев. Он был по национальности татарин, из Татарской АССР.

Пленные немцы рассказали нам, что немецкое командование группирует в районе Бреслау большое количество войск, где можно ожидать большие сражения. В приказе фюрера было сказано, что Бреслау должен стать для русских неприступной крепостью.

Завершающие бои

15 февраля наш полк выбил противника из населенных пунктов Лобрюкк и Операу.

В этих населенных пунктах были разгромлены два пехотных батальона и эсэсовская военная школа противника, а к исходу дня подошел к Клетендорфу, что в 3 — 4 километрах юго-западнее города Бреслау. Клетендорфу немцы придавали большое значение как последней опоре к крупному промышленному центру Бреслау. Все дома немцами были превращены в доты, улицы были забаррикадированы. Этот населенный пункт они считали крепостью.

Погода была очень плохая, все время шли дожди. Все мосты на железных дорогах и шоссейных были взорваны противником. Вследствие этого очень трудно было подтягивать технику и боеприпасы. Солдатам подчас приходилось идти по колено в грязи, но никакие трудности не могли задержать советских воинов.

Вечером командир полка подполковник Демин созвал совещание командиров батальонов и спецподразделений. На этом совещании он кратко изложил обстановку на нашем участке фронта и задачу перед полком на 16 февраля. Затем несколько слов сказал замполитчасти подполковник Лаптев. Он в своем выступлении указал на правильное использование партийных и комсомольских сил в подразделениях и на правильное взаимоотношение солдат с местным населением.

По прибытию на место командиры батальонов провели совещания со своими командирами рот и спецподразделений, где подробно разъяснили им задачу на 16 февраля. Согласно приказу командира полка, наступление на Клетендорф было назначено на 7.00 часов. Всю ночь шла подготовка к наступлению. Командиры рот с командирами спецподразделений выявляли огневые точки противника, засекали их для подавления и уничтожения.

Во время наблюдения лейтенант Надольский доложил мне, что противник на наш правый фланг перебрасывает мелкими группами пехоту. Тут же были приняты меры предосторожности. Он также заметил, что на водонапорной башне находится наблюдательный пункт противника. Артиллерийский корректировщик лейтенант Жирнов определил координаты и передал их командиру гаубичной батареи капитану Артюх[у].

— Ну и погода на земле гуннов, — промолвил лейтенант Надольский.

— Да, что и говорить, — сказал лейтенант Жирнов, — замечательная. Через некоторое время мы с погодой договоримся и быстро вышвырнем этих гуннов из Клетендорфа, а там и из Бреслау.

— А Бреслау большой город? — спросил один из телефонистов Надольского.

— Большой, крупный промышленный и торговый центр, — ответил тот.

— Немцы за этот город будут держаться очень крепко.

Разговор был прерван телефонным звонком. Я подошел к телефону. Телефонист передал мне трубку. Я сразу узнал голос командира полка. Он мне сообщил, что скоро начнется артподготовка. Не успел я подняться на наблюдательный пункт, как он весь затрясся от первых артиллерийских залпов. Я тут же вспомнил слова В. И. Чапаева: «Началось!». Он всегда это слово выговаривал, когда начиналась артиллерийская подготовка. И подумал: «Воскресить бы тебя, Василий Иванович, посмотрел бы на современную военную технику, тогда бы ты иначе заговорил. А что мы воевали против колчаковцев и уральских белогвардейцев с трехдюймовками, да и тех было маловато, тогда большая надежда была на живую силу — штыки и клинки. А сейчас до наступления производится мощная артиллерийская подготовка, плюс авиация и танки и еще кое-что».

Над нашим наблюдательным пунктом летели сотни снарядов и мин. Весь этот раскаленный металл обрушивается на голову ненавистного врага.

Лейтенант Жирнов взял меня за руку и спрашивает:

— Где водонапорная башня?

Когда я посмотрел в сторону башни, то ее уже там не оказалось, наши артиллеристы сравняли ее с землей. Во время артиллерийской подготовки слышно было и работу сорокапяток. Находясь в боевом порядке пехоты, они, как дятлы, клевали огневые точки противника, находившиеся в домах на окраине Клетендорфа.

После артиллерийского огня завизжали гвардейские минометы. Впереди ничего не было видно, вся окраина Клетендорфа была покрыта дымом и пылью. Вслед за огнем гвардейских минометов поднялась пехота на штурм, везде и всюду были слышны крики «Ура!..». Завязался уличный бой. Батальон капитана Герасимова, действуя на правом фланге, вышел на южную окраину населенного пункта. Боясь полного окружения, противник в панике начал отступать.

Во время уличных боев за Клетендорф комсорг Литвиненко, перебегая со своим отделением через одну из улиц, заметил в двухэтажном доме ожившую огневую точку противника. Его отделение тут же атаковало этот дом, а он с двумя бойцами побежал вперед, прижимаясь к стене, добежал до огневой точки и бросил в окно ручную гранату, где находился пулемет врага. После взрыва гранаты отделение во главе с комсоргом ворвалось в дом. Оставшиеся в живых немцы сдались в плен.

Солдаты Трескиба, Петросьян, Смирнов, Гусев и сержант Князькин ворвались в полуподвальное помещение в одном из домов, где находились гитлеровцы. В мгновенной схватке уничтожили десяток гитлеровцев. Погиб комсомолец Петросьян, был тяжело ранен Смирнов.

Младший сержант Липатов ворвался в один из домов, где находилась группа гитлеровцев. Держа в руках противотанковую гранату, он крикнул: «Хенде хох!». Немцы

подняли руки вверх, но один из эсэсовцев выстрелил из револьвера в Липатова. Тяжело раненный Липатов крикнул: «Получайте, гады!» и бросил в них гранату. Четверо из фашистов были убиты и двое тяжело ранены. Героически погиб и сам Липатов.

Командир батареи старший лейтенант Большаков в разгар уличных боев запряг по паре лошадей к своим пушкам и под сильным огнем противника довез их до перекрестка улиц и прямой наводкой уничтожал огневые точки неприятеля, тем самым дал возможность пехотным подразделениям продвигаться вперед и расчищать дома от противника.

Обо всех этих героических подвигах тут же узнали все солдаты полка и с еще большим ожесточением били врага. Многие из них были награждены правительственными наградами. Младший сержант Липатов посмертно был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

Вслед за Клетендорфом развернулись бои за населенный пункт Харттлиб. Немцы сосредоточили свои силы вдоль правого берега реки Лое. На каменной стене кладбища были ими сделаны амбразуры для ручных и станковых пулеметов и бойницы для автоматчиков. Мосты через реку были взорваны, единственной переправой был железнодорожный мост. Хотя и этот мост был разрушен, но его фирмы висели над водой, и пехотинцы могли бы переправиться на противоположный берег. Но сразу по мосту переправиться нельзя, так как немцы его держали под сильным огнем. Вскоре наши артиллеристы заняли новые огневые позиции, их корректировщики установили с ними телефонную связь, и тут же началась артиллерийская обработка по переднему краю обороны неприятеля. За 10 — 15 минут артподготовки вся стена с северной стороны кладбища была превращена в развалины. Под прикрытием огня артиллерии и минометов первый батальон перебрался по железнодорожному мосту и ударил противника во фланг. Немцы вынуждены были отступить к городу Бреслау. К вечеру наш полк сосредоточился в предместье города Бреслау — Критерн. Тем самым завершилось полное окружение бреславской группировки в городе. Фашистским воякам уже некуда было бежать и неоткуда получать пополнения.

Среди бреславской группировки царила полная растерянность. Одни немецкие генералы считали необходимым немедленно оставить город и пробиваться на запад, другие считали, что это окружение не опасно и скоро будет ликвидировано, так как русские имеют временный перевес сил. Но из Берлина последовал грозный приказ фюрера: «Держаться до последнего солдата». Гитлер требовал от окруженной группировки стойкость и дал клятву, что он их скоро выручит из окружения.

Город Бреслау до поражения гитлеровской Германии во Второй мировой войне являлся главным городом прусской провинции Нижней Силезии. Он был крупным торговым центром, в нем проживало 619 тысяч жителей. Судоходная река Одер и скрещение железнодорожной линии способствовали росту оборотов торговли между Германией и другими странами. На основе Силезских каменноугольных залежей в городе выросла крупная тяжелая промышленность, машиностроение, сталелитейные, локомотиво-вагонные, судостроительные заводы, текстильные фабрики. Здесь же имелись заводы: автомобильный, механический, сахарный, винокуренный, химический. Особенно большое развитие промышленности произошло накануне Второй мировой войны. Во время войны быстрое развитие получила военная промышленность, пат-

ронно-снарядный завод «Архимедес» и другие — крупный военный арсенал, две мощные гидроэлектростанции и одна тепловая.

Согласно Потсдамскому соглашению 1945 г., территория по Одеру и Нейсе перешла вместе с городом Бреслау [к] Польской народной республике. Эти земли являлись исконными землями Польши.

Немецкие фашисты в городе и его окрестностях мобилизовали все людские резервы и бросили их в бой для защиты города. В числе взятых в плен мы видели людей различных возрастов, были 16 — 18-летние юноши, были и 60 — 65-летние старики, которых называли фолькштурмовцами. За три дня боев в предместье города было захвачено около 2 000 тысяч фолькштурмовцев. Они были очень неприглядные, голодные, изнуренные и все проклинали Гитлера и его сообщников.

Однажды таких фолькштурмовцев построили у штаба батальона для отправки в штаб полка. Один из наших солдат с большой иронией крикнул: «Хайль Гитлер!». На это фолькштурмовцы ответили: «Найн, найн. Капут Гитлер! Хайль Сталин!». Но среди них были и отъявленные эсэсовцы, которые вели себя очень вызывающе, тех отправляли отдельно от фолькштурмовцев под усиленным конвоем.

18 февраля командующий нашей армией генерал-полковник Глуздовский, во избежание лишних жертв и особенно среди городского населения, предъявил немецкому командующему бреславской группировкой ультиматум о капитуляции всех вооруженных сил в городе. С ультиматумом были посланы парламентеры, но гитлеровский генерал не принял наших парламентеров и отклонил капитуляцию. В ответ на это 20 февраля было назначено всеобщее наступление на город.

Наш полк был сосредоточен в юго-западной части города Бреслау вдоль железнодорожной насыпи. Перед ним стояла задача: выбить противника с объектов 56 — авторемонтной мастерской, 75 — из Зюд-парка с последующей задачей захватить спортплощадку и жилые кварталы 651, 652, 664, 674.

19 и в ночь на 20 февраля шла усиленная подготовка к выполнению полученной задачи. Беспрерывно проводили наблюдения за противником, выявляли его огневые точки, засекали их и передавали артиллеристам и минометчикам для их подавления и уничтожения.

С наблюдательного пункта были видны темные контуры города, шел беспрерывный гул советских батарей, ведущих огонь по важнейшим объектам противника, главным образом по военным заводам, арсеналу, аэродромам, казармам, патронно-снарядному заводу, радиостанции и т. д. От прямых попаданий снарядов везде и всюду поднимались клубы черного дыма, горели бензохранилища и военно-промышленные объекты врага.

Вечером во всех ротах провели партийные собрания с участием комсомольцев. На этих собраниях коммунисты и комсомольцы заверили партию и правительство, что они с честью выполнят возложенную на них задачу. На этих же собраниях рассмотрели заявления о приеме в партию.

Поздно вечером наши разведчики сумели захватить двух пленных фашистских солдат, один из них был ранен своими солдатами во время перехода через железнодорожную насыпь и вскоре скончался, другой пленный дал нам ценные сведения о

расположении частей неприятеля и местонахождении наблюдательных пунктов и артиллерийских огневых позиций.

После артиллерийской подготовки пехота пошла на штурм. Преодолев железнодорожную насыпь, она выбила немцев из авторемонтных мастерских и на плечах противника ворвалась в трамвайный парк. Рядом со входом в трамвайный парк находилось двухэтажное здание, первый этаж был занят нашими бойцами, а на втором этаже оставались гитлеровцы. Командир взвода Рза-заде выпустил фаустпатрон в окно, где находились немцы. Взрывной волной была разрушена стена к выходу лестничной клетки, от штукатурки поднялась пыль. В это время его бойцы по лестнице побежали на второй этаж, ворвались во вторую половину помещения, где еще находились гитлеровцы, и автоматными очередями уничтожили их. Из другой комнаты трое гитлеровцев прыгнули в окно и тут же разбились.

Во всех помещениях трамвайного парка шла трескотня автоматов и ручных пулеметов, взрывы ручных гранат. Когда я побежал вдоль трамвайных вагонов, неожиданно меня схватил за руку комсорг Литвиненко и крикнул: «Ложись, товарищ капитан!». Мы тут же легли под трамвайный вагон, затем он мне показал, где находится смотровая яма, из которой немцы вели огонь из автоматов по нашим солдатам. Тогда мы с Литвиненко подползли ближе к смотровой яме и бросили на гитлеровцев гранаты. Все они были уничтожены.

Во время схватки в трамвайном парке был тяжело ранен лейтенант Рза-заде, пали смертью храбрых пулеметчик Вислов, солдаты Лавренюк и Стрельников, шестеро бойцов получили легкие ранения.

Когда рота лейтенанта Рахманова стала обходить трамвайный парк по Зюд-парку, немцы поспешно стали отходить к жилым кварталам. Порыв наступления происходил с такой быстротой, что противник не успел засесть в жилые дома южной части квартала 658, которые заняли наши солдаты.

Только что мы успели занять три четырехэтажных дома, как немецкая пехота при поддержке трех самоходных орудий и двух легких танков стала обходить нас с обоих флангов. В это время нарушилась связь с командиром полка и с артиллеристами. Обстановка сложилась для нас очень тяжелая. Вражеские самоходки стали в упор бить по домам, занятым нашими солдатами. Командиры своими личными примерами воодушевляли своих солдат. В трудные минуты они все время находились вместе с ними и отражали натиск вражеской пехоты.

— Бей фашистских гадов! — крикнул я, — выдержим, нет еще такой силы, которая одолела бы советских богатырей. У Чапаева мы видывали не такое.

Тут же я приказал лейтенанту Дорофееву бить из противотанковых ружей по фашистским самоходным орудиям и танкам. Вскоре его бойцы подожгли два танка. Солдаты от восторга кричали:

— Смотрите! Смотрите, как горят фашистские танки!

В это время немецкие самоходки отошли в соседний квартал, но продолжали вести по нам огонь. Один из немецких снарядов разворотил простенок второго этажа, где у окна находился ручной пулемет Киреева, его тяжело ранило. В контратаку бросилась гитлеровская пехота. Наши солдаты встретили ее дружным автоматным

и пулеметным огнем. Контратака немцев захлебнулась. Особенно здесь был умело использован станковый пулемет сержанта Антонова. Он своим метким огнем преградил путь наступлению немцев с северной стороны. Пулемет очень хорошо был замаскирован и приспособлен в полуподвальном помещении, и огонь с которого был открыт, когда немцы подошли на расстояние 100 — 150 метров.

Связист-рядовой Емец под ураганным огнем противника исправил связь. Когда у солдат стали кончаться патроны, он по моему распоряжению с группой бойцов сквозь пламя и разрывы снарядов доставил боеприпасы на огневую позицию. Отважный связист при отражении контратаки неприятеля истребил пять вражеских солдат.

Вскоре вражеские самоходки снова подошли к домам и стали бить в упор, а за ними поднялась вторично в контратаку пехота противника. Не теряя ни минуты, корректировщики тут же по телефону передали минометчикам и на батарею старшего лейтенанта Коновалова, затем в гаубичную батарею капитана Артюха свои координаты и вызвали огонь на себя.

Ливень мин и снарядов обрушился на головы врага. Хотя дело прошлое, но признаться, что не очень приятно было находиться под губительным огнем своих минометов и орудий, но этого требовала обстановка. Одни только минометчики капитана Баскакова выпустили более 100 мин, лейтенанта Антоненко — около 150 мин. Исключительно метко стреляли артиллеристы офицеров Коновалова и Артюха. Хорошо корректировал артиллерийский огонь из гаубичной батареи лейтенант Жирнов.

В этой схватке геройски дрались пехотинцы: комсорг-сержант Литвиненко убил 9 гитлеровцев, парторг-старшина Калганцев, когда одна вражеская самоходная пушка вела огонь по одному из домов, не отходя от окна, метко разил контратакующих гитлеровцев.

Сержант Князев после ранения командира взвода лейтенанта Ягодина принял командование на себя.

Воодушевленные героическими подвигами своих командиров, мужественно сражались с фашистами сержант Пищиков, солдаты Шереда, Гарнага и многие другие.

После шестичасового боя немецкий батальон потерпел полное поражение. От огня наших славных пехотинцев, минометчиков и артиллеристов на поле боя осталось свыше ста трупов немецких солдат и офицеров.

В одном из домов, в полуподвальном помещении обнаружили старуху-немку и троих малолетних детей, которые со слезами на глазах просили, чтобы их не убивали. Когда я спросил старуху, через переводчика, почему они не ушли в центр города, как другие немецкие семьи, она мне ответила, что ей говорили некоторые жители, что русские солдаты не трогают мирных жителей. Затем я спросил ее, а где же мать этих детей? Она на это ответила, что их мать погибла во время бомбардировки города вашей авиацией, а отец пропал без вести в Африке. Мы их успокоили тем, что снабдили хлебом, сахаром и консервами, старуха крепко благодарила нас и послала проклятие Гитлеру.

Я, как участник трех больших войн, бывал во многих сражениях с неприятелем, был дважды тяжело ранен, но в такую обстановку не попадал. Достаточно слышать крики солдат: «Окружили нас!». Нужно было поднять настроение солдат, а это сумели сделать командиры, коммунисты и комсомольцы, и мы вышли из этого боя победителями. Были трудные минуты, когда несколько раз обрывалась связь, а немецкие

самоходки подходили к домам и в упор стреляли из пушек по нам, а пехота противника дважды предпринимала контратаки. Мы в этом бою вышли победителями над немецко-фашистскими солдатами потому, что нас воспитала коммунистическая партия, мы являлись советскими воинами и знали, чьи интересы защищали.

На второй день заместитель командира дивизии по строевой части полковник Масько и командир полка подполковник Демин, его замполитчасти подполковник Лаптев поздравили нас с победой над гитлеровским батальоном.

За героические подвиги многие солдаты и офицеры были награждены орденами и медалями Советского Союза.

Читатель может спросить меня, как же это могло случиться, что две роты оторвались от основных сил полка и очутились в окружении? На фронте такие случаи бывают, тем более в уличных боях. Произошло это по следующим обстоятельствам: когда преодолевали железнодорожную насыпь, два наших батальона не могли преодолеть сильно укрепленный участок противника, где были сооружены доты и дзоты, артиллерийский огонь не мог их разрушить из-за высокого насыпа, и пехота наша вынуждена была временно задержаться. Только на второй день обходным маневром был преодолен этот укрепленный район.

После двухдневного перерыва развернулись бои на улице Лоя. Гитлеровцы огрызались очень жестоко, стреляли из каждого дома, из каждого окна. Казалось, что перед нашими солдатами и офицерами не просто городские улицы, а дома, начиненные огнем или же взрывчаткой. Бывали случаи, когда наши пушки выпускали сотни снарядов по маленькой площади, по группе домов, обрушивали несколько десятков снарядов по одному дому. Немецкие огневые течки переставали стрелять. Пехота поднималась на штурм — и вдруг гитлеровцы опять открывали стрельбу, но уже с нового места, с новых огневых позиций открывали по ней бешеный огонь.

Немцы располагали большими возможностями маневра на улицах своего города, они эти возможности заранее готовили и использовали полностью, но советские воины при умелом руководстве своих командиров шаг за шагом преодолевали все преграды гитлеровцев и наносили им сокрушительные удары. После трехдневных ожесточенных боев мы вышли к городскому кладбищу и главному трамвайному парку. В этих боях героически погиб капитан Одинцов, ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, и пал смертью храбрых командир полка подполковник Демин.

На должность командира полка был прислан подполковник Банатин, молодой энергичный товарищ, кадровый офицер. На его груди сияли четыре боевых ордена Советского Союза. Умело руководил боевыми операциями в уличных боях и хорошо использовал боевую технику, тем самым сберегал живую силу. Каждое оперативное решение принимал обдуманно и всегда согласовывал с командирами батальонов. На всех совещаниях с командирами батальонов он всегда предупреждал их, чтобы беречь людей, умело использовать военную технику. В трудные минуты боя он появлялся на командном или же наблюдательном пункте батальона и давал хорошие советы командиру батальона, в результате этого выигрыш боя всегда был на стороне батальона.

После того как немцы были отброшены из трамвайного парка и из городского кладбища, нам дали кратковременный отдых, красноармейцы получили возможность помыться

в бане, сменить белье. Они мылись поочередно, одни мылись, другие находились на передовой линии. Вечером на второй день отдыха во всех батальонах провели партийно-комсомольские собрания, на которых обсуждали вопросы: о международном и внутреннем положении СССР и о боевых действиях союзников на Западном фронте. На нашем собрании по первому вопросу выступил замполитчасти подполковник Лаптев, по второму вопросу выступил замкомандира полка по строевой части майор Табашников. Коммунисты и комсомольцы были очень довольны сообщениями по этим вопросам.

— Скажите, товарищ подполковник, по всем признакам, война с гитлеровской Германией скоро закончится. Будут ли войны после разгрома фашистской Германии? — спросил Лаптева комсорг Литвиненко.

— На этот вопрос мне очень трудно сейчас ответить, — сказал Лаптев, — но все же отвечу. Если в Германии после войны установится другой общественный строй, скажем народный, тогда войны может и не быть в Европе. Следует также сказать, что после окончания войны обстановка может сложиться в пользу трудящихся масс в ряде других капиталистических стран Европы и Азии, и народы этих стран, используя такую обстановку, могут взять власть в свои руки, тогда еще больше будет шансов о недопущении войн в Европе и Азии. Наша коммунистическая партия, идя по заветам Ленина, всегда боролась и будет бороться, чтобы избегать военных конфликтов вообще, а жить в мире со всеми странами мира, независимо от их политического и экономического уклада жизни. Все международные спорные вопросы решались бы мирным путем, без применения силы.

— Кто сейчас осмелится напасть на нашу страну, когда мы добиваем такого сильного врага человечества, как немецкий фашизм? — сказал коммунист Князев.

— Так говорить нельзя, товарищ Князкин*, — сказал Лаптев, — пока существуют капиталистические страны, там найдутся и новые поджигатели войны. Поэтому и по окончанию войны почивать на лаврах нельзя, а надо всемерно укреплять могущество нашей Родины, а когда мы будем сильнее, чем передовые капиталистические страны, скажем США, тогда легче будет бороться за мир во всем мире, и трудящиеся массы всех стран будут нас поддерживать.

После непродолжительного перерыва боев 5 марта в ночном бою мы овладели жилым кварталом 634, захватили 18 немецких солдат и одного офицера в плен, а после трехдневных ожесточенных боев пала крепость Гинденбург, главный очаг сопротивления немецких фашистов в юго-западной части города.

Уличные бои, особенно в крупных городах, ни в коем случае нельзя сравнивать с боями на широких просторах в открытой местности, даже нельзя их сравнивать и на пересеченной местности. В полевых условиях солдатам есть возможность осматривать впереди лежащую местность, примеряться** к местности, поддерживать связь с товарищами, они слышат команду своего непосредственного командира и его условные знаки. При обороне они хорошо осваивают расположение противника, выявляют и засекают его огневые точки и т. д. Командному составу имеются все возмож-

---

* Так в документе.

** В документе «применяться».

ности хорошо управлять боем, использовать военную технику, поддерживать связь с соседними подразделениями и частями.

В уличных боях, где имеется большое количество предприятий, 4 — 6-этажных домов и разных учреждений, водных преград, железнодорожных вокзалов и станций и т. д. и т. п. Я имею в виду город Бреслау, где происходили уличные бои в течение 2,5 месяцев. В этом городе все жилые дома, учреждения и предприятия были между собой объединены подземными ходами сообщения. Кроме того, через каждую улицу имелись такие же сообщения в нескольких местах. Если бы в мирное время побывать в таком городе, то едва ли кто мог подумать, что имеются такие подземные сооружения, построенные для военных целей.

В уличных боях очень трудно использовать военную технику, особенно когда противник находится от тебя через улицу, в подвальных или же полуподвальных помещениях, а иногда и рядом, в соседнем доме. А иногда были и такие случаи, когда наши солдаты занимали первые этажи домов, а на вторых этажах находились немцы. Здесь артиллерию и минометы использовать очень трудно, даже и невозможно, авиация тоже не может сбросить свой бомбовый груз на передовые позиции противника. В этих боях нужна была самая высокая огневая активность пехоты. Для этого во время передышки во всех подразделениях проводили беседы с рядовым и сержантским составом об использовании всей огневой мощи своего оружия в уличном бою.

— Идешь в атаку — стреляй на ходу, ни на минуту не прекращай огня! Штурмуешь дом — заливай огнем все окна, щели стен, амбразуры. Добежал через улицу к дому — бросай в окно гранату!

Эти лозунги были темой беседы с молодыми бойцами.

В ходе наступления нашим подразделениям приходилось брать с боя каждое здание. Немцы вели огонь с чердаков, с крыш, из подвалов и т. д. Были случаи, когда в домах и на лестничных клетках велись бои только ручными гранатами. В уличных боях командирам подразделений приходилось действовать самостоятельно, даже сержантскому составу в отдельных случаях также приходилось действовать самостоятельно.

Несмотря на жестокое сопротивление противника и на все его преграды и препятствия, советские солдаты продвигались со всех сторон к центру города.

Батальону предстоял штурм квартала 695 к выходу на улицу Гете. Накануне боя вместе со своим заместителем по политчасти капитаном Карповым мы во всех ротах провели беседы об использовании огневой мощи своего оружия.

Перед началом штурма, по сигналу своих командиров, пехотинцы совместно с пулеметчиками и фаустниками открыли такой сосредоточенный, массированный огонь, что полностью парализовали огневую систему противника и успешно захватили жилой квартал.

В этом бою сержант Зюзюкин огнем своего автомата расчистил себе дорогу, первым ворвался во вражеский дом, забросал гитлеровцев гранатами и тем самым обеспечил боевой успех взводу. Когда командир взвода лейтенант Беспалов вышел из строя, он принял командование. После занятия дома Зюзюкин повел свой взвод на штурм автогаража, немцы не успели зажечь гараж и отступили. Взводом Зюзюкина было захвачено 17 новых грузовых автомобилей и другое имущество.

Также хорошо действовали станковые пулеметчики лейтенанта Багдасарова и младшего лейтенанта Изовских. Пулеметчик Шибист из пулемета, установленного на втором этаже дома, засек три пулеметные точки противника и уничтожил их. Пехота после этого поднялась в атаку, немцы в панике отступили.

Командир расчета станкового пулемета старшина Павел Сидоров прикрывал своим огнем правый фланг первой роты. Гитлеровцы перешли в контратаку. Сидоров со своим пулеметом преградил путь противнику и уничтожил до 30 немецких солдат, контратака немцев была отбита.

Бронебойщик Иван Чернышев из противотанкового ружья уничтожил в этом бою легкий танк противника и подавил три огневые точки.

В этот же день мой правофланговый сосед, батальон капитана Герасимова, выбил немцев из квартала 698, а 697[-й] и 696[-й] кварталы остались в руках противника.

На второй день предстояла задача во что бы то ни стало очистить от немцев 696[-й] квартал, а моему соседу было дано задание выбить гитлеровцев с квартала 697 и тем самым выровнять фронт по улице Гете.

В центре квартала 697 находился большой серый пятиэтажный дом, который и был главным объектом штурма, а на его южной стороне был расположен небольшой парк, служивший нам до некоторой степени подступом для броска пехоты на штурм.

В первую очередь нужно было выбить неприятеля из этого серого дома, так как, по словам пленных немцев, его превратили в крепость. Выбор пал на роту, которой командовал старший лейтенант Попов. Ему было дано два станковых пулемета, два противотанковых ружья, десять фаустников, кроме того, его роту поддерживали 76- м[илли]м[етровая] полковая батарея, находившаяся в северной части городского кладбища, и 123-м[илли]м[етровые] минометы капитана Баскакова.

После тщательной подготовки, перед сумерками, по сигналу, началась огневая подготовка. Пулеметы своим огнем поливали все окна, амбразуры и щели, артиллеристы прямой наводкой подавляли и уничтожали огневые точки противника. Минометы Баскакова также обрушились на гитлеровцев, перед броском пехоты фаустники выпустили по немцам около 30 фаустпатронов. Благодаря хорошей огневой подготовке рота без больших потерь сделала замечательный бросок через парк и выбила противника из первых трех этажей. Но весь дом рота не могла занять, на четвертом и на пятом этажах остались немцы, отрезанные от земли и лишенные всякой связи с другими частями. Когда рота Попова завязала бой в сером доме, другие две роты батальона захватили два четырехэтажных дома в этом квартале. Полностью очистить серое здание рота Попова не могла в связи с наступлением темноты. Сколько немцы ни бросали ракеты, но мы все же сумели роту обеспечить подкреплением, в числе их были и подрывники. Здание оказалось каким-то учебным заведением, здесь не было отдельных секций, а была коридорная система с центральные ходом в середине здания, это облегчало роте во время штурмовки.

Как гитлеровцы ни старались кричать ночью своим с верхних этажей об оказании помощи, но последние почему-то оставались глухими. Даже не откликались на их вызовы.

Ночью подрывники по обоим флангам третьего этажа заложили взрывчатку к потолкам. Для того чтобы обезопасить наших солдат, их перевели в центральные комнаты. Только стало рассветать, как на обоих флангах здания прозвучали оглушительные

взрывы. Солдаты тут же за собой взяли столы и стулья, которые поставили в комнаты, где произвели взрывы, и по ним перебрались на четвертый этаж. Оставшиеся в живых вражеские солдаты бегали из комнаты в комнату, выбегали в коридор, но их настигали автоматные очереди наших бойцов, а взвод сержанта Зюзюкина после взрывов по центральной лестнице перебрался на пятый этаж, находившиеся там гитлеровцы не стали сопротивляться и сдались в плен.

Когда все здание было очищено от противника, мы увидали результаты вечернего и утреннего рукопашного боя: во всех помещениях здания, на центральной лестнице валялись трупы гитлеровцев в серых куртках. Вот один из них уткнулся навзничь в каске с орлом, рядом был пригвожден штыком к лестнице другой немец. Далее на втором этаже — гитлеровец, светловолосый гигант. Он, должно быть, хотел бежать в комнату, но, не добежав до двери, рухнул вниз лицом. У него затылок был пробит несколькими пулями из автомата, его длинные ноги были скорчены, а недалеко от него возле глазета* лежал еще один гитлеровец. По-видимому, когда начались бои внутри здания, у него расстроился желудок и, наверное, когда он стал выходить оттуда, его настигла автоматная очередь нашего солдата.

Через некоторое время весь 696[-й] квартал почти полностью был очищен от противника. Н[аблюдательный] п[ункт] батальона перенесли в сохранившийся четырехэтажный дом. Вскоре к нам на н[аблюдательный] п[ункт] прибыл заместитель политчасти Лаптев. Мы все перебрались на чердак, откуда хорошо было вести наблюдение за противником. Телефонисты быстро установили связь с командиром полка и с артиллерией. Немцы из шестиствольных минометов и орудий обстреливали расположение полка.

Во время наблюдения были выявлены расположения немецких минометов, капитан Баскаков что-то записывал у себя на блокноте. А лейтенант Жирнов читал нотацию своим телефонистам, почему те долго не могли установить связь с батареей. Подполковник Лаптев передал мне бинокль, а сам подошел к Баскакову.

— Что вы делаете, товарищ Баскаков? — спросил его Лаптев.

— Записываю координаты расположения немецких минометов, товарищ подполковник, — ответил Баскаков.

— Немцы лупят по нам, а вы с Жирновым медлите.

— Связь еще не налажена, товарищ подполковник.

— Лейтенант Жирнов, а вы что там делаете с телефонистами? — спросил его Лаптев. — Почему наши орудия молчат?

— Сейчас заговорят, товарищ подполковник, — ответил Жирнов.

Спустя несколько минут телефонная связь с минометчиками и с артиллерией была установлена. Баскаков и Жирнов дали координаты, и тут же были слышны разрывы первых мин и снарядов. После их разрыва уточнили данные, а затем передали их снова на батарею, снова грохот разрывов. Немецкие минометы тут же замолчали. А я в это время докладывал по телефону командиру полка о выполнении его приказа. После этого мы с подполковником спустились на к[омандный] п[ункт] батальона, где он мне рассказал о Баскакове:

---

* Следует читать «клозета».

— Капитан Баскаков по национальности еврей, коммунист, одесский портовый рабочий, рос беспризорником, затем воспитывался в детколонии, в 1938 г. в Красной армии, окончил военное училище, участник первых боев войны, несколько раз ранен. Замечательный товарищ, пользовался большим авторитетом среди своих подчиненных

Кольцо окружения сжималось с каждым днем, гитлеровцы упорно сопротивлялись, бои принимали ожесточенный характер. Во избежание лишних жертв личного состава наших частей началась толовая война. Создавались специальные подрывные группы во главе с саперами. Эти группы в 3 — 4 человека в ночное время подкрадывались через улицы к домам, где находились немцы, неся за собой телефонный кабель, а в другом конце кабеля привязывались мешки со взрывчаткой, и при помощи этого кабеля они перетаскивали к себе толовые шашки в мешках. Затем их подкладывали к намеченным объектам, заряжали капсюлем-детонатором с бикфордовым шнуром, зажигая последний, и тут же перебегали в укрытие. После взрыва пехота с криками «Ура!!!» переходила на штурм, добивала оставшихся гитлеровцев, закрепляла за собой захваченные дома. Для немцев такая война не по вкусу, и они вынуждены были на ночь оставлять те дома, которые находились от нас на близком расстоянии, оставляя в них незначительное количество обреченных солдат, которые охраняли подступы к этим домам. Когда стало нам известно о таком маневре немцев, наши штурмовые группы, проникая к этим домам, добивали обреченных гитлеровцев и закрепляли за собой дома. Тогда немцы начали минировать тротуары около тех домов, где они сосредоточивались, а для маскировки противопехотных мин на тротуарах применяли битый кирпич у разрушенных домов нашей артиллерией и авиацией. Но и этот маневр гитлеровцев быстро был разгадан нашими разведчиками. На помощь подрывникам пришли саперы с миноискателями, которые разминировали проходы, и толовая война продолжалась.

В предместье города и в самом городе нашими частями были захвачены у противника ползучие мины, наши саперы быстро освоили их и использовали для разрушения долговременных сооружений противника.

Во время кратковременного затишья ко мне на командный пункт пришел мой земляк товарищ Куприяшкин Т. Е. Я был очень рад его приходу. Мы очень долго беседовали между собой. После беседы вместе сфотографировались. «Это будет нам на память о бреславских сражениях», — сказал на прощание Куприяшкин.

На командном пункте батальона всегда многолюдно, кроме своих офицеров и связистов, вы можете встретить здесь корректировщиков и их связистов (телефонистов и радистов) от приданных и поддерживающих батарей, саперов и разведчиков и других.

После того как я проводил своего земляка майора Куприяшкина, зашел на командный пункт. Меня окружили корректировщики и начали спрашивать, что за майор приходил навещать меня и на каком языке мы с ним разговаривали. Я им ответил, что он мой земляк из города Саранска Мордовской автономной республики, где мы до войны работали вместе преподавателями в мордовском Комвузе, а разговор вели на мордовском языке, служит он сейчас в минометном полку заместителем командира полка политчасти, и этот полк постоянно поддерживает нас. После этого мой заместитель капитан Белоусов спросил меня, служил ли я раньше в Красной армии и участвовал ли в боях во время Гражданской войны. Я ему ответил, что служил, и

в течение трех лет мне приходилось участвовать в многочисленных боях и сражениях, и дважды был ранен.

В это время вокруг меня собрались корректировщики, связисты, которые были свободны от дежурства. Капитан Белоусов и другие офицеры попросили меня рассказать им хотя бы один из боевых эпизодов Гражданской войны. Я, конечно, с большим удовольствием согласился:

— В апреле 1919 г. наш полк формировался в городе Сызрани и был отправлен на Восточный фронт в состав 25-й Чапаевской дивизии. Следует заметить, что наш полк формировался почти из добровольцев — рабочих города и из окрестных деревень, и в большинстве своем личный состав полка был участником Первой мировой войны.

Тогда наша страна находилась в огненном кольце, колчаковская армия подходила к Волге, армия генерала Деникина с юга наступала на Москву, а Петрограду угрожала опасность со стороны белогвардейской армии генерала Юденича, на севере свирепствовали интервенты. Большие трудности были с продовольствием, вооружением, обмундированием. Но, несмотря на все эти трудности, партия большевиков во главе с В. И. Лениным сумела мобилизовать рабочий класс и трудовое крестьянство на борьбу с внутренней контрреволюцией и с внешними врагами. Во всех городах формировались красные полки и дивизии, которые отправляли на фронт, а некоторые войсковые соединения шли на фронт в походном порядке.

В конце апреля наш полк выгрузился на станции Толкай Самаро-Златоустовской железной дороги. Передовые отряды колчаковцев находились в 5 — 6 верстах от станции, которых удерживали усталые от непрерывных боев красноармейские части. На второй день все полки Чапаевской дивизии перешли в наступление на бугурусланскую группировку белогвардейцев. За четыре дня напряженных боев части дивизии освободили десятки населенных пунктов от колчаковцев и вышли на линию Бугуруслан — Бузулук, где были сосредоточены главные силы противника. В первых числах мая наш полк освободил от белогвардейцев волостной центр Завяловку и вышел на левый берег реки Б[ольшой] Кинель, западнее с. Н[овое] Заглядино, и сосредоточился вдоль железнодорожного полотна.

В селе Н[овое] Заглядино был сосредоточен колчаковский пехотный полк Иисуса Христа. Это был хорошо вооруженный офицерский полк, который прикрывал левый фланг бугурусланской группировки генерала Ханжина. Передовая линия этого полка находилась на западной окраине села.

Перед нашим полком была поставлена задача форсировать водную преграду (Б[ольшой] Кинель) и овладеть Н[овым] Заглядино. Расстояние между противником и расположением нашего полка было примерно 700 — 800 метров. Река в это время являлась большим препятствием, вода выходила из берегов, местами пойма была затоплена водой. Накануне наступления вечер был тихий и теплый, только в районе Бугуруслана изредка бухала наша артиллерия. Артиллерийский гул не помешал нам слушать молебен, проводившийся в офицерском полку Колчака. В конце молебна было слышно пение церковного хора: «Многая лета адмиралу Колчаку и его христолюбивому воинству». Но красноармейцы готовились отслужить другой молебен, молебен за упокой Колчака и его полка Иисуса Христа.

Пулеметчик Кирилл Бикаев, наш односельчанин, слушал пение церковного хора и что-то про себя разговаривал.

— Кирилл, слышишь, что происходит в стане врагов? — спросил его ездовой пулеметной тачанки Малов.

— Слышу, слышу, браток, — ответил Кирилл, — Бог им не поможет, его нет и не существует. Вот завтра мы им покажем, где раки зимуют.

— О чем разговор ведете? — спросил их недалеко лежащий на земле комсомолец Юдин.

— Мы с Маловым разговариваем о том, как колчаковцы у Бога просят помощи на завтрашний день. Это, наверное, наш поп Серебряков служит им молебен.

— А может быть, и он, — ответил Малов. — Он ведь тогда сбежал из села с белогвардейцами, когда красноармейские части освобождали наше село от белогвардейцев.

— Разве он мог тогда оставаться на месте, — сказал Кирилл, — он же был контрразведчиком у белых, его бы сразу расстреляли, как тумоловского попа и киватского дьякона. Они все трое работали в одной шайке, наш-то успел улизнуть, а тех захватили врасплох. Подумать только надо, считались священнослужителями и святыми отцами, а занимались контрой. Вот поймать бы долгогривого паразита, я бы его, сволоча, вот на этом телеграфном столбе повесил.

— Да разве можно их вешать, — промолвил один из присутствующих красноармейцев. — Они же являются духовными пастырями.

— Я дал бы ему такого пастыря, что и на том свете стал бы меня вспоминать. Это не духовные пастыри, а предатели трудового народа.

Ночь прошла очень быстро, перед рассветом незаметно для противника красные бойцы подползли к левому берегу реки Б[ольшой] Кинель, два станковых пулемета системы «максим» были расположены на левом фланге полка в районе водяной мельницы, остальные пулеметы были расположены у железнодорожной насыпи. К нашему удавлению, вода в Кинели к утру настолько убавилась, что местами красноармейцы перешли ее вброд и расположились на ее левом берегу, а там, где нельзя было переправиться вброд, бойцы быстро соорудили переправы из местных материалов. Когда противник заметил накапливание наших подразделений для атаки, открыли по ним артиллерийский огонь, а с церковной колокольни открыли огонь из станкового пулемета. Батарея противника была расположена на церковной площади и вела огонь с открытых позиций, и нам было хорошо видно. Пулеметы, которые были расположены у мельницы, сразу же открыли огонь по батарее противника. Их пулеметный огонь был настолько метким, что орудия противника вынуждены были замолчать. Другие пулеметы, располагавшиеся у полотна железной дороги, вели огонь по переднему краю обороны противника, через головы своих бойцов, тем самым давали им возможность накапливаться для нанесения штыкового удара по противнику на правом берегу реки, а огневая точка противника, находившаяся на колокольне в церкви, была подавлена расчетом станкового пулемета Исаева И. П. Бой продолжался в течение четырех часов. Погода резко изменилась, шел холодный весенний дождь. Командир полка вместе с комиссаром Уваровским перенесли свой командный пункт к водяной мельнице, где им было хорошо наблюдать за полем боя и руководить им.

За меткий огонь по белогвардейцам они тут же вынесли благодарность моим пулеметчикам, которые заставили замолчать (подавили) батарею противника.

Командир полка, взвесив обстановку, через своего адъютанта дал приказ командирам батальонов приготовиться к атаке, а адъютант через связных передал приказ командира полка командирам батальонов.

В это время комиссар полка побежал к переправе и перебрался на правый берег реки, где лежали бойцы и вели огонь по противнику, и под огнем противника побежал на правый фланг первого батальона.

— Товарищ комиссар, товарищ комиссар, ложись!!! — повсюду кричали красноармейцы, — а то убьет вас.

— Не убьет! — крикнул комиссар, — приготовиться в атаку.

Как только командиры рот получили приказ идти в атаку, они подняли своих пехотинцев, и весь полк неудержимой лавиной с криками «Ура!!!» как один бросился в атаку. Завязался штыковой бой, красные бойцы почти полностью истребили офицерский полк. Были взяты трофеи: два трехдюймовых орудия, четыре станковых пулемета, много винтовок и боеприпасов, 155 колчаковских солдат были взяты в плен. В это же день части Чапаевской дивизии освободили город Бугуруслан.

На следующий день весь полк был выстроен на церковной площади, где была вырыта общая братская могила для павших героев в борьбе с белогвардейскими полчищами. На похороны пришли все граждане села, приехал и сам В. И. Чапаев. Перед собравшимися выступили: комиссар полка Уваровский, командир роты Кузнецов и несколько красноармейцев, а также командир дивизии Чапаев. Выступающие призывали красных бойцов и командиров отомстить белобандитам за смерть павших героев. Когда стали опускать тела павших героев в могилу, был дан троекратный залп (салют) из винтовок. На могиле верных защитников советской власти на длинном шесте колыхался красный флаг, к шесту была прибита дощечка с надписью:

5-5-1919 года
Вечная слава павшим героям-чапаевцам
в борьбе с белогвардейцами
за советскую власть.

Ломая на своем пути яростное сопротивление противника, мы освобождали советских людей от белогвардейской тирании. С такой надежной силой, как Красная армия, армия трудового народа, нельзя было не победить. Она под руководством коммунистической партии и ее вождя В. И. Ленина вырвалась из оков темных сил капиталистов и помещиков и знала, чьи интересы защищает. Надо было только уметь ею управлять. Такими талантами управления обладали лучшие полководцы Гражданской войны, воспитанные коммунистической партией, в числе их был и товарищ Чапаев.

Мой рассказ об этом эпизоде был одобрен всеми присутствующими офицерами и солдатами, и слушали они с большим интересом.

С 8 по 23 марта кровопролитные бои происходили между улицами Лое и Штрасседер. Наш полк находился в южной стороне улицы Гете. Накануне 8 марта проводи-

лась тщательная подготовка. Сорокапятки и полковые пушки были расположены за разрушенными домами, их дула были высунуты из проломов на огневые точки противника. 76-м[илли]м[етровые] противотанковые пушки никак нельзя было протащить через проломы, и пришлось для них в каменных стенах устраивать специальные амбразуры для стрельбы прямой наводкой. Гаубичные орудия были расположены на перекрестках улиц, для их маскировки были устроены баррикады из разного городского инвентаря и транспорта. Орудия были расположены с расчетом на уничтожение огневых точек противника, главным образом в угловых домах.

Вечером провели в батальоне партийное собрание с участием комсомольцев. На этом собрании были рассмотрены заявления о приеме в партию сержанта Князева и лейтенанта Викторова. После краткого обсуждения они, как бесстрашные воины, единогласно были приняты в партию. Кроме этого, на собрание всем присутствующим коммунистам и комсомольцам был зачитан приказ командира полка о предстоящих боях батальона на 9 марта.

После партийного собрания мы с товарищем Карповым прошли по расположению батальона, беседовали с солдатами и офицерами о предстоящих боях. Все они в один голос заявили, что боевая задача, поставленная перед батальоном, будет выполнена с честью.

9 марта, рано утром, наши минометы оглушительно рявкнули так, что эхо пошло греметь вдоль улиц. Орудия начали бить прямой наводкой по огневым точкам неприятеля. Во всех ротах штурмовые группы были наготове, с ними вместе были наготове и саперы-подрывники со взрывчатками. Вот артиллерийский и минометный огонь прекратился. Послышались крики «Ура!!!» наших солдат. Немцы в ответ на это открыли огонь из автоматов и из сохранившихся после артиллерийского огня пулеметов. В это время снова наши пушки и минометы открыли огонь по расположению противника. Здесь наши артиллеристы били по тем целям, которые открывали огонь после первого артиллерийского налета. Во время второго артиллерийского огня наши солдаты снова открыли огонь из всех видов орудия. Такой массированный огонь продолжался в течение 6 — 7 минут. После этого саперами на улицу были брошены дымовые шашки. Штурмовые группы проскочили через улицу Гете и тут же с боем захватили дома в южной части квартала 695. Для немцев все произошедшее было так неожиданно, что многие из них были убиты, другие вынуждены были бежать из домов раньше, чем сообразили, а третьи сдались в плен, это были фолькштурмовцы. К вечеру весь квартал был очищен от противника. На второй день батальон выбил неприятеля из жилого квартала 632.

Вечером я получил приказ Банатина, где было сказано: 15 марта первому батальону овладеть жилым кварталом 633. В моем распоряжении были лишь одни сутки. За это время мы с командирами рот при тщательной разведке выявили очаги сопротивления противника. Наметили основные объекты для штурма. С командирами батарей выбрали огневые позиции для орудий с расчетом, чтобы они могли своим огнем расчистить путь для наступления пехотных подразделений. Вечером мы с товарищем Карповым побывали в ротах, беседовали с командирами и солдатами о предстоящем бое, все они горели желанием, чтобы скорее покончить с вражеской группировкой в городе. Когда вернулись на командный пункт батальона, нас ожидал заместитель ком-

полка по строевой части майор Табашников. Он привел с собой нам группу огнеметчиков с грозным оружием для гитлеровцев.

Все было предусмотрено и рассчитано для нанесения удара батальоном по гитлеровцам, и об этом я доложил командиру полка.

За это время я ужасно устал и захотел немного вздремнуть. Табашников посмотрел на меня и сказал, чтобы я лег часика на два отдохнуть. Только я успел положить голову на стол и стал засыпать, как все вокруг затрясло, загрохотало, так бывает только после сильного землетрясения. Тут же я вскочил на ноги и крикнул: «Что случилось?». Табашников ответил:

— Произошел какой-то большой взрыв во дворе.

Мы все трое выскочили во двор, но ничего не было видно, весь двор был окутан дымом и пылью. Когда пыль рассеялась, к нашему удивлению, один из двухэтажных домов, находившийся позади двора, был превращен в руины. После выяснилось, что под этим домом немцами были заложены мины замедленного действия. Они, отступая из этого квартала, наверное, рассчитывали на то, что после бомбардировки нашей авиацией дом остался неразрушенным, значит, его могут использовать советские части под штаб или на другие нужды, но, к нашему счастью, дом был пустой.

Перед рассветом началась артиллерийская подготовка, которая длилась недолго. По моему сигналу саперами были сброшены дымовые шашки на улицу, и под прикрытием дымовой завесы все роты перешли в наступление. Перебегая по развалинам домов, штурмовые группы выбивали немцев из щелей и подвалов разрушенных домов. Рота Попова, наступая на правом фланге батальона, выбила гитлеровцев из полуподвальных помещений трехэтажного дома, а на верхних этажах находились немцы. На помощь к роте были посланы огнеметчики. Они своими огнеметами помогли бойцам быстро захватить весь дом, часть гитлеровцев была убита, а другие сдались в плен.

В течение целого дня продолжались бои за овладение этим кварталом. Только к вечеру весь квартал был очищен от противника.

В одном из подвалов бойцы обнаружили около 600 фаустпатронов, которые немцы не успели взорвать. Следует сказать, что к этому времени почти во всех подразделениях полка были подготовлены группы фаустников, и это трофейное оружие как раз нам было необходимо, так как у нас они были на исходе.

В ночь с 17 на 18 марта в расположение роты Попова перебежал немецкий солдат. Когда привели его на к[омандный] п[ункт] батальона, мы все были удивлены его состоянием. Обмундирование на нем было очень изношенное, сам грязный и изнуренный.

— Довоевались, — сказал один из телефонистов, — он совсем не похож на того фрица, который топтал нашу землю в первые годы войны, а жалкий трусишка, противно и смотреть на него.

— Ты чего там разоряешься? — возразил ему один из разведчиков, — он же к нам добровольно перешел, значит ему не по душе гитлеровская власть.

— Сейчас им всем не нравятся гитлеровские порядки, когда находятся они на краю гибели, — снова прозвучал голос телефониста, — небось, [в] первые годы войны не переходили добровольно на нашу сторону.

— Почему ты так плохо выглядишь? — спросил немца переводчик Данилюк.

Немец на это ответил, что все немецкие солдаты в осажденном городе находятся в таком состоянии, уличные бои изматывают последние наши силы, днем и ночью идут бои, русские все время нажимают на нас, особенно нас изматывает ваша артиллерия и авиация. Кроме этого, и продовольственные ресурсы на исходе, солдатам выдают только по 400 грам[мов] хлеба и бульон из конины.

Затем мы спросили немца, может быть, он голодный, есть хочет?

Наш перебежчик это понял без переводчика и проговорил:

— О, да! Кушай, кушай хлешо.

Я велел своему связному Данилюку налить ему служебную порцию разведенного спирта, открыть одну консервную банку и дать хлеба. Когда все это было приготовлено, наш перебежчик был очень удивлен, что с ним так поступили, он этого, конечно, никак не ожидал. Вначале он отказывался от спиртного напитка, но мы его уговорили, полагая, что у него язык лучше развяжется. Во время еды мы ему никаких вопросов не задавали. Адъютант батальона капитан Староватов, наблюдая, как перебежчик кушает, с большой иронией сказал:

— Здорово уплетает, наверное, плохо их кормят, не жует, а глотает пищу.

— Пусть жрет, — с ненавистью проговорил сержант Осипов. — Может быть, он нам сообщит что-нибудь новое, раз перебежал на нашу сторону.

Когда немец наелся досыта, он нам сообщил, что немецкие солдаты находятся в очень тяжелых условиях. Если первые дни после окружения города русскими транспортные самолеты в ночное время могли доставлять продовольствие и боеприпасы, то сейчас это стало почти невозможно. Только за последние 10 — 13 дней советские зенитчики сбили 37 транспортных самолетов. Многие немецкие солдаты давно бы перешли на сторону русских, но они боятся эсэсовцев, которые очень строго следят за ними. Кроме того, эсесовцы пугают солдат, что русские расстреливают всех немецких военнопленных. На вопрос, как же ему удалось перебежать на сторону советских войск, перебежчик ответил, что они вдвоем находились в одной из полуподвальных комнат, сначала хотели перебежать вдвоем, но его товарищ побоялся, а он все же решил перебежать. Затем он рассказал нам, какая часть находится против нас, где расположены ее огневые точки.

После этого разговора мы стали уговаривать, чтобы он обратно пошел к своему товарищу и уговорил его перейти к нам, и он охотно согласился и дал даже клятву, что вернется обратно, если его не задержат эсэсовцы, а если задержат, то ему будет капут.

О нашем намерении я по телефону доложил командиру полка Банатину, он на эту затею согласился. После этого, в сопровождении наших разведчиков до места его перехода на нашу сторону, перебежчик Герман Бланк ушел за своим товарищем.

Ждали час, ждали другой, а перебежчика не было. За это время я несколько раз по телефону разговаривал с командиром роты Поповым, не вернулся ли Герман, а он только посмеивался над нами, зачем мы его отпустили обратно.

— Товарищ капитан, — обратился ко мне лейтенант Жирнов, — вы мало ему дали спирта и плохо его накормили. Поэтому он и не является обратно.

— Вы не смейтесь, — ответил ему Баскаков, — цыплят по осени считают, чем Бог не шутит, пока черти спят, авось, и приведет целую роту фолькштурмовцев.

— Роту он не приведет, а своего товарища может привести, — сказал Карпов.

— Товарищ капитан, — обратился ко мне дежурный телефонист, — вас командир полка просит к телефону.

Банатин спрашивал меня, почему я долго не докладываю ему о перебежчике. На это я ответил, что он еще не вернулся, наверное, обманул нас и вряд ли вернется.

— Ну и черт с ним, что не вернется, — ответил он мне.

Спустя несколько минут после нашего разговора с Банатиньм, Попов по телефону мне сообщает, что перебежчик привел с собой целый взвод солдат, во главе с командиром взвода Отто Матерн, оружие сложили на переднем крае обороны роты: два ручных пулемета, 14 автоматов, 3 карабина и 1 револьвер.

Как только нам сообщили перебежчики, что все они ушли из углового дома юго-западной части 629[-го] квартала, рота Попова тут же без боя заняла его. Немцы, находившиеся в соседних домах, схватились тогда, когда весь дом был уже занят ротой.

После краткого допроса перебежчиков отправили в штаб полка, их был 21 чел.

На второй день немцы три раза бросались [в] контратаку на роту Попова, чтобы обратно вернуть угловой дом, но никакого успеха не имели.

22 марта, после непродолжительного артиллерийского налета, начались бои за овладение 629[-м] кварталом. Рота старшего лейтенанта Попова, преодолевая бешеное сопротивление гитлеровцев, к 15.00 часам вышла на улицу Седан. Рота лейтенанта Баранова штурмовала дома в восточной части квартала, но из-за сильного, плотного огня противника с угловых домов с северной части квартала она не могла вместе с ротой Попова выйти на улицу Седан и вынуждена была закрепиться на захваченных ее домах. Когда Баранов об этом доложил мне, я тут же приказал командиру роты лейтенанту Рахманову выделить взвод автоматчиков и группу фаустников на помощь Баранову. По прибытию автоматчиков в расположение роты Баранова возобновились бои по ликвидации очагов сопротивления в северо-восточной окраине квартала.

В это время мы начали переносить к[омандный] п[ункт] батальона на новое место, мой заместитель по строевой части капитан Белоусов и лейтенант Жирнов со своими телефонистами первыми начали перебираться через развалины домов. Вслед за ними и я со своими связистами. Кругом шла стрельба из автоматов и пулеметов, разрывы мин и снарядов, один из немецких снарядов разорвался недалеко от нас, осколком снаряда был убит телефонист Зайцев, ранена радистка Маринка. Когда пыль от разрыва снаряда рассеялась, мы начали пробираться дальше. У входа одного из подвальных помещений встретил нас Белоусов, я распорядился, чтобы немедленно установили телефонную связь с к[омандным] п[унктом] командира полка и с командирами рот, а сам остался на месте, чтобы хорошо ориентироваться и разобраться с обстановкой. К моему удивлению, впереди через небольшую площадь находился п-образный трехэтажный дом, уцелевший от разрушения артиллерийского огня и от бомбардировки с воздуха. Дверь каменного забора, тянувшегося от одного крыла дома до другого, была открыта, и я предполагал, что в этом доме находятся солдаты из роты Попова. Долго не думая, я тут же вернулся в подвальное помещение. Взял с собой двух телефонистов с катушкой и

с аппаратом, связистов и четырех разведчиков. Белоусову поручил, чтобы быстрее подтянули приданную нам артиллерию ближе к боевым порядкам пехоты, а также и сорокапятки. После этого мы все направились в п-образный дом, телефонисты тянули за собой нитку для связи. Только что успели пройти через двор и зайти на лестничную клетку нижнего этажа правого крыла дома, как немцы из левого крыла по нам открыли пулеметный огонь. Один из разведчиков, сержант Козлов, был тут же убит.

На всех трех этажах комнатные двери были закрыты внутренними замками. Троих разведчиков оставил охранять лестничную клетку, а я со связистами перебрался на чердак. Черепичная крыша в двух местах была разрушена снарядами. Пока телефонисты включали свой телефонный аппарат на кабель, я подошел к разбитой крыше и с большой осторожностью стал смотреть, что происходит во дворе. Во время наблюдения я заметил на правом крыле нижнего этажа у окна одной из комнат пулеметчиков противника. Недолго думая, я со своим связным Данилюком дали по ним несколько очередей из автоматов и прикончили их. Тогда гитлеровцы из других окон открыли огонь из автоматов по окнам левого крыла. Они предполагали, что по пулеметчикам стреляли из противоположного крыла советские солдаты. Но там находились не советские солдаты, а немцы, но и те, в свою очередь, открыли огонь по своим. Мы из чердака во двор бросили пять ручных гранат. Пока немцы стреляли друг в друга, телефонисты установили связь с Белоусовым, я тут же передал ему все происходящее в п-образном доме и где мы находимся, и что немцы колотят друг друга. Он мне сообщил, что одну полковую пушку успели установить на площади и сейчас будут бить по правому крылу, а сам организует всех, кто находится при к[омандном] п[ункте] батальона и поведет на штурм дома.

Пока мы разговаривали по телефону, внизу стрельба прекратилась. По-видимому, немцы разобрались, в чем дело. Через две-три минуты полковая пушка открыла огонь, выпустив несколько снарядов по правому крылу дома, и тут же послышались крики «Ура!!!». Это Белоусов повел свою наспех организованную штурмовую группу в атаку, к ним присоединились и артиллеристы. Мы, в свою очередь, быстро спустились с чердака к лестничной клетке и из автоматов начали бить во все двери комнат, затем разбили их и ворвались в комнаты. Вскоре весь п-образный дом был очищен от противника. К этому времени рота лейтенанта Баранова достигла своей цели. Когда к[омандный] п[ункт] батальона перенесли в п-образный дом, Белоусов мне сказал:

— Вот и мы достигли своей цели. К[омандный] п[ункт] батальона в п-образном доме.

Ночью мы с лейтенантом Большаковым договорились сорокапятки сосредоточить в расположении роты Попова, а рано утром со своими связными пошли туда осмотреть место, где установить их. Когда мы шли туда, немецкие снайперы не стреляли по нам, правда, мы шли опасными местами и с большой осторожностью, кое-где приходилось пробираться ползком. Когда добрались до расположения роты, старший лейтенант Попов порекомендовал нам, где лучше использовать сорокапятки. После осмотра места, рекомендуемого Поповым, мы согласились и решили ночью перетащить эти пушки туда. После непродолжительной беседы с Поповым мы начали снова перебираться на к[омандный] п[ункт] батальона. Нас автоматчики из роты Попова предупредили, что надо идти очень осторожно, так как немецкие снайперы недавно

ранили одного нашего солдата. Когда мы дошли до опасного места, лейтенант Большаков без всякого предупреждения быстро перебежал обстреливаемое пространство, и немецкие снайперы не успели по нему сделать ни одного выстрела. Затем перебежал его связной, по нему снайперы успели сделать два выстрела, но связной добрался благополучно.

— А кто теперь из нас первый побежит? — спросил меня Данилюк.

Я ему ответил:

— На желающего.

— Тогда разрешите мне, товарищ капитан.

— Давай!

Данилюк выскочил из укрытия и быстро побежал через обстреливаемое пространство, и я почему-то не заметил, когда он упал, только слышал насколько отдельных ружейных выстрелов. И когда только стал я бежать, мгновенно увидал Данилюка, лежавшего у пролома стены вниз лицом. Я быстро проскочил через пролом, снайперские пули ударились о кирпич у самого пролома. Мне Большаков крикнул:

— Товарищ капитан, Данилюка убили немецкие снайперы.

Мы все трое сняли свои каски и отдали Данилюку последний долг. Так погиб наш любимый переводчик товарищ Данилюк, сам он родом был из Тарнопольской области. Ночью санитары отнесли его труп на солдатское кладбище и похоронили.

После трехдневного перерыва боев наши разведчики приволокли пленного немца. Это было как раз кстати. Необходимо было выяснить, какие планы намеревается предпринять немецкое командование на нашем участке боевых действий, так как в западной части города немцы предпринимали ряд контратак с целью прорвать кольцо окружения и пробиться к своим главным силам в этом направлении. Кроме этого нужно было узнать настроение солдат противника и жителей города. Пленного захватили, когда по ходу сообщения между домами, ночью, он шел на передний край обороны своего подразделения.

Пленный оказался заядлым эсэсовцем — Надберш Гольф, в возрасте 35 лет, до 1936 г. проживал в городе Кельн, занимался торговлей, а затем вступил в гитлеровскую армию добровольцем, по званию обер-ефрейтор. Этот мерзавец побывал во Франции, Греции, воевал под Москвой, под Сталинградом был ранен, после выздоровления попал в Бреславскую группировку. По его словам, командование Бреславской группировкой получило приказ от Гитлера ни в коем случае не капитулировать к русским, что в скором времени наступит перелом по всему Восточному фронту. Пленный также сообщил о больших потерях немецких солдат в осажденном городе, даже некоторые части перестали существовать. Пленный эсэсовец во время допроса через каждое слово просил, чтобы его не расстреляли, что он не виновен во всех злодеяниях над мирными жителями, где он находился на фронтах. Это делали другие, которые находились за линией фронта, а он как фронтовой солдат выполнял приказы своего непосредственного командира, касающиеся боевых действий. Разведчик Архипов с большой ненавистью крикнул на пленного:

— Хватит, довоевались, мерзавцы!

После допроса пленного ефрейтора отправили в штаб полка.

Вокруг стояла тишина, только в западной части города наша артиллерия производила методический обстрел города, главным образом военные объекты и арсенал.

После ужина, старший группы разведчиков сержант Архипов подсел к радистке артдивизиона капитана Артюх[а] и завел с ней разговор по бытовым вопросам. Сначала они разговаривали между собой шепотом, а спустя несколько минут, когда на к[омандном] п[ункте] остались дежурные телефонисты и мы с Карповым, у них разговор перешел на явь.

— Вы не скромничайте, Надежда Петровна, а скажите же, сколько вам лет? — спросил ее Архипов.

— А это зачем вам? — ответила она.

— Просто я хотел вас спросить.

— Я уже старуха.

— Вы не заговаривайте, у меня зубы крепкие, я вас спрашиваю от всей души.

— Мне лет уже порядочно, поэтому я и ответила вам, что я старуха. Если вы очень интересуетесь, сколько мне лет, то я вам скажу, мне 28 лет.

— А замужем была?

— А вам не все ли равно, что это за допрос?

— Именно не все равно. Вот что я вам хочу сказать, мне тоже 32 года, сейчас я остался почти одинокий, если можно так сказать. У меня была жена и маленькая девочка, правда, девочка и сейчас жива, но жену мою расстреляли гитлеровцы. Это произошло, когда немцы оккупировали Смоленскую область, она у меня работала учительницей. В нашем районе, где проживала моя семья, был организован партизанский отряд, она все время оказывала активную помощь этому отряду. Передавала партизанам сведения о расположении немецких карателей, распространяла среди населения партизанские листовки, она знала немецкий язык, ее часто приглашали партизаны в качестве переводчика во время допроса пленных гитлеровцев.

Затем Архипов опустил голову и о чем-то задумался. Надежде Петровне тоже стало горестно, и она попросила его продолжать свой рассказ дальше.

— Очень тяжело мне рассказывать, Надежда Петровна, она у меня была очень ласковая женщина, крепко любила меня. Придешь с работы — она начнет рассказывать, как воспитывает детей в школе, о работе с родителями, а вот ее сейчас не стало. Скоро кончится война, кто останется в живых, демобилизуется и вернется к своим родным и близким, к женам, а у меня ее нет. Хорошо, что остались в живых моя дочурка и старуха-мать.

— Как же она могла попасть в руки этих палачей?

— Случилась эта трагедия так: одна бывшая кулачка, вражеская порода, узнала каким-то образом, что моя жена Ольга Владимировна имеет связь с партизанами, и доложила немецкому коменданту. Ну и тут же ее арестовали, стали ее допрашивать о действиях партизан, об их месте расположения. Она им никаких сведений о партизанах не сообщила. Затем ее пытали, всячески над ней издевались, но никаких сведений о партизанах она им не сообщила. Тогда немецкий комендант распорядился привести от моей матери нашу девочку. Когда ее привели, он запер ее в классную комнату, а через перегородку сидела арестованная моя жена. Целый день держали голодной девочку и

всячески издевались над ней. Моя жена все это через перегородку слышала. Какое нужно было иметь для матери терпение! Когда немецкий комендант и на этот раз не смог добиться от моей жены сведений о партизанах, он приказал своим палачам вывести жену и дочурку во двор школы и под угрозой расстрела девочки стал снова производить допрос. Дочурка наша кричала, плакала. Ее не пускали близко к матери. Немецкий комендант, не добившись никаких сведений от моей жены, вынул из своей кобуры пистолет и приказал своим палачам поставить девочку к забору школы. Когда все было это сделано, он выстрелил по направлению к девочке, моя жена тут же упала в обморок, а девочка благим голосом кричала: «М-а-м-а! Зачем убили мою маму?». Она побежала к матери, но палачи не пустили ее к матери, а куда-то увели. Жену поволокли, где она находилась под арестом и раньше.

— Палачи! Звери! — крикнула радистка, — надо мстить и мстить беспощадно за их злодеяния. Зачем отправили в штаб этого негодяя Гольца, нужно было его здесь прикончить, я бы его сама отправила на тот свет.

Все присутствующие на к[омандном] п[ункте] внимательно слушали разговор Архипова с радисткой, а она опустила голову и о чем-то задумалась.

— Прошу вас, Надежда, не расстраиваться, — сказал Архипов, — таких случаев очень много было, немецкие изверги наделали очень много бедствий для нашей страны. Кончится война, залечим раны, нанесенные немецкими фашистами, а за все их злодеяния Гитлер и его шайка предстанут перед справедливым народным судом, и суд вынесет справедливый приговор.

— Правильно! — раздались голоса всех присутствующих.

— Когда слухи дошли до моей матери, — продолжал свой рассказ Архипов, — что немцы увезли куда-то ее внучку, она со слезами на глазах побежала к немецкому коменданту, но ее туда не пустили и сказали, что девочку отправили в Германию. На другой день немцы привели лесного сторожа и кулачку, сделали очную ставку. Комендант спросил сторожа, знает ли он эту учительницу и видел ее когда-либо в лесу. Сторож ответил, что он ее вообще не знает и никогда не встречался с ней. Тогда комендант спросил кулачку, откуда ей известно о связях учительницы с партизанами. Та ответила, что она видала несколько раз, как партизаны приходили к ней на квартиру и каждый раз подолгу о чем-то разговаривали. Но моя жена отвергла эти доводы кулачки. Ночью немецкие палачи расстреляли мою жену у дубовой рощи недалеко от нашего села.

Через два дня на наше село был сделан внезапный партизанский налет. Четырех немецких палачей взяли в плен и несколько гитлеровцев убили во время схватки, но немецкий комендант каким-то образом сумел улизнуть от возмездия. Вечером партизаны привезли труп моей жены и с почестью похоронили на кладбище. После похорон командир партизанского отряда велел собрать всех граждан села. Когда все были в сборе, привели четырех немецких палачей и кулачку. Командир отряда поднялся на скамейку и прочитал им приговор о смертной казни через повешение. Приговор тут же был приведен в исполнение. Об этом я узнал, когда Красная армия освободила Смоленскую область. В это время находился я в военном госпитале на излечении после ранения, а когда выздоровел, меня отпустили на побывку домой, и вот обо всем мне рассказали наши односельчане.

— А девочка ваша где сейчас находится? — спросила его радистка.

— У моей матери, ее не увозили в Германию, после расстрела жены полиция передала бабушке.

После этого трагического рассказа я взял троих разведчиков, и мы пошли в расположение рот. Сначала прошли дома, где находились солдаты первой и второй роты, беседовали с командирами рот и солдатами. Затем направились в расположение третьей роты, которая находилась в развалинах у одной из улиц. Ночь была очень темная, шли мы друг за другом, впереди шел сержант Архипов, и вдруг рядом с нами раздался голос фрица: «Хальт!» и тут же началась очередь за очередью стрельба из автоматов. Мы все как один попадали на развалины, пули свистели над нашими головами, ударялись о битый кирпич. Архипов в сторону фрицев бросил гранату, после взрыва гранаты началась стрельба и позади нас, это открыли огонь автоматчики из третьей роты. Мы оказались между двух огней. Вскоре стрельба стихла, как только стали отходить к своим, снова поднялась стрельба с обеих сторон, но мы уже перебрались в безопасное место. Когда стрельба прекратилась, мы направились к месту расположения роты. Вскоре без всякого приключения добрались до командира роты, который мне доложил, что на правом фланге его роты немцы бросали гранаты и дважды открывали огонь из автоматов. Выслушал его, а затем я рассказал о случившемся. На к[омандный] п[ункт] вернулись, когда на улице стало уже рассветать. Я рассказал капитану Карпову, как мы натолкнулись на немцев во время обхода расположения батальона. Он был удивлен случившимся. Спустя некоторое время принесли нам завтрак. Во время завтрака позвонил мне командир роты Попов и доложил, что его бойцы принесли в термосах соленый кипяток, и просил выяснить, в чем дело. Я сначала не поверил ему, но когда сказал капитану Карпову, тот налил себе в стакан из чайника кипяток. Выпив несколько глоточков этого чая, остальное он из стакана выплеснул в угол. «Безобразие, вредительство, — проговорил он, — сколько раз я вам говорил, товарищ капитан, что хозяйственник лейтенант Беляков не справляется со своими обязанностями и надо бы его давно определить на другую работу или же послать в резерв». «Но его прислали нам на должность хозяйственника, кроме того, его раны еще как следует не зажили», — сказал я Карпову.

— Ну, тогда хлебай соленый чай, когда тебе так нравится, — ответил мне Карпов.

Об этом происшествии доложили командиру полка. Замполитчасти подполковник Лаптев лично проверил этот неприятный факт, и оказалось, что вместо сахарного песка, который находился в мешках рядом с солью, тоже в таких же мешках, повара перепутали и в кипяток насыпали соль. По цвету очень трудно было различить, сахарный песок белый и соль почти такая же белая, но никакого вредительства не было, да и не могло быть.

После завтрака капитан Карпов подошел к радистке, сел рядом с ней на стул и спросил:

— Надежда Петровна, что вы такая хмурая и невеселая? О ком вы так скучаете?

— Я ни о ком не скучаю, товарищ капитан, — ответила радистка.

— Вот до вас была радисткой Маринка, она была веселая, жизнерадостная, бывало, и песенку споет. В свободное время потанцует с ребятами, бедовая была девушка, а вы все время о чем-то думаете.

— Маринка — еще молоденькая девушка, а я — женщина. Она не пережила столько горя и страдания, сколько пережила я.

— Расскажите нам, что вы пережили?

— Я потеряла мужа и своих родителей.

— При каких обстоятельствах вы их потеряли?

— Перед началом войны мы с мужем жили в городе Одессе. Он служил в Красной армии, а я работала телеграфисткой. Родители в то время жили в Конотопе. Когда началась война, немецкие самолеты обрушивались на город, мой муж был тяжело ранен и на четвертый день скончался в госпитале. В этот же день я получила записку от старшей сестры госпиталя, что мой муж находится в тяжелом состоянии и просит меня, чтобы я пришла к нему, но он уже находился в отдельном помещении вместе с другими погибшими воинами. Знаете, товарищ капитан, мне очень тяжело дальше рассказывать.

Радистка наклонила свою голову, вынула из кармана гимнастерки носовой платочек и стала вытирать слезы. Капитан Карпов облокотился на столик, где стояла рация, и стал успокаивать ее. В это время зашел на к[омандный] п[ункт] сержант Архипов. Он посмотрел на радистку и ушел в другое помещение, где находились его разведчики.

— Когда я пришла в госпиталь, меня повели в помещение, — продолжала свой рассказ радистка, — где находился мой муж. Когда мы вошли во двор, из этого помещения выносили тела погибших на автомашину и отправляли их на братское кладбище. Я лишь помню, как зашла в это помещение, что у меня отнялись ноги, в глазах потемнело, так была расстроена, что не могу и рассказать. Вскоре я разыскала своего мужа, у него вся голова была забинтована, лицо было бледное. Примерно через полчаса пришла другая автомашина, в которую погрузили пятерых погибших командиров, в числе их был и мой муж. Я сопровождала их до кладбища. После похорон я не могла оставаться в Одессе и на третий день выехала к своим родителям. Но родителей я уже не застала, по словам соседей, они эвакуировались в город Куйбышев. Я не могла оставаться там и попутным эшелоном с эвакуированными гражданами выехала вглубь страны. Через три недели я добралась до Куйбышева, но и там своих родителей не нашла, и сейчас не знаю, где они находятся.

В Куйбышеве в это время были курсы радистов, и я, правда, с большим трудом была зачислена на эти курсы. По окончании их я стала радисткой.

— Какое звание было у вашего мужа? — спросил ее Карпов.

— Он был старшим лейтенантом.

— На этой войне погиб не только ваш муж, она осиротила и лишила жизней сотни тысяч людей. У каждого из нас погибли на этой войне близкие, друзья и товарищи, у Архипова жена, у нашего командира батальона Матюшкина погибли два брата и сын, у меня тоже погиб сын, и мы не слезами отвечаем за наше горе, а снарядами, минами, гранатами, пулей и т. д.

— Все это правильно, товарищ капитан, но забыть своего мужа, с которым я вместе прожила в течение шести лет, никак нельзя.

— Скоро кончится война, перейдем на мирную жизнь, найдете себе близкого товарища и заживете счастливой семейной жизнью. А от Архипова далеко не ухо-

дите. Он видите, как за вами страдает, нет того дня, чтобы не подошел к вам. Однажды он мне по секрету сказал. Если бы, говорит, по окончанию войны наша радистка согласилась за меня выйти замуж, я бы обязательно женился на ней, она мне очень нравится.

— Товарищ капитан, кончится война, тогда и будет видно, он человек очень скромный, и я таких уважаю.

Ночь прошла незаметно, на улице стало рассветать, к нашему командному пункту принесли в термосах завтрак. Все мы расселись вокруг стола и начали принимать пищу. После завтрака командир полка вызвал нас на совещание.

Весь день на нашем участке фронта стояла тишина. Солдаты поочередно ходили мыться в баню, писали письма своим родным и близким, чинили свое обмундирование.

Для советских воинов, сражающихся за город, во всех батальонах были открыты однодневные дома отдыха. Дома отдыха имели комнаты — читальню, столовую, парикмахерскую и спальни. В первую очередь пропускали тех солдат, которые отличились в бою. Отдыхающие поступали утром. Здесь они проходили баню, стрижку и бритье, починку обмундирования. В комнатах отдыха они писали письма своим родным и близким, читали газеты и журналы, играли в шашки, шахматы и домино. В доме отдыха нашего батальона была организована и комната для любителей музыки. В этом отношении нужно отдать должное моему заместителю [по] политчасти капитану Карпову. Здесь имелись: пианино, аккордеон, двухрядная гармошка и балалайка. В этой комнате постоянно было шумно и весело.

В красном уголке лучшие агитаторы проводили беседы о боевых успехах советских войск на фронтах, о международном и внутреннем положении СССР.

Отдыхающие получали усиленное питание.

Вот один из откликов, который оставили в книге отзывов старший сержант Вечканов и солдат Медведев: «Нам, бойцам стрелкового батальона капитана Матюшкина, очень понравился дом отдыха. Нас подстригли, побрили, выдали чистое белье, хорошо кормили. После этого мы отдыхали. С нами провели беседу, познакомили со сводкой Совинформбюро, читали свежие газеты. После отдыха мы чувствуем себя бодрыми, готовыми крепче бить врага. Мы очень благодарны тем, кто проявил инициативу об организации домов отдыха».

В осажденном городе немцы несли большие потери не только в личном составе своих частей, но еще большие потери были среди городского населения. Учитывая это, наше командование в конце марта вторично послало парламентеров командованию Бреславской группировкой о капитуляции, но и на этот раз немецкое командование отвергло это предложение. Несмотря на то что городское население несколько раз посылало депутацию, которая просила командование о прекращении военных действий в городе и принять предложение русских о капитуляции, но немецкое командование и слышать не хотело, даже некоторые представители были арестованы, а часть из них была расстреляна, как изменники Германии.

Когда немецкое командование не приняло предложение о капитуляции, на второй день началась беспрерывная бомбардировка города с воздуха и возобновились уличные бои за уничтожение немецкой группировки в городе.

10 апреля наша дивизия была передислоцирована на восточную окраину города, где противник оттеснил малочисленные пехотные подразделения соседней дивизии в район Пиршам.

Вечером наш полк сосредоточился на северной окраине населенного пункта Пиршам, а на рассвете 11 апреля под прикрытием артиллерийского огня перешел в наступление. Большую помощь наступающим подразделениям пехоты оказывали самоходные пушки, которые сопровождали их своим огнем и гусеницами.

Мой батальон наступал на левом фланге полка вдоль северо-восточной окраины зеленой зоны на дачные дома. Опрокидывая немногочисленные группы автоматчиков противника, батальон вышел из зеленой зоны и попал под сильный заградительный огонь противника и вынужден был несколько отойти и залечь. Я об этом тут же доложил командиру полка, он мне на помощь направил две самоходные пушки, которые с ходу начали расчищать путь для наступающего батальона. Кроме этого, гаубичные орудия перенесли свой огонь по тем очагам противника, из которых немцы вели заградительный огонь. Гитлеровские фаустники успели по нашим самоходкам выпустить несколько фаустпатронов, но бесцельно.

После того как основные огневые очаги были подавлены и уничтожены, батальон возобновил наступление и с небольшими потерями захватил дачные дома. 12 апреля наши части полностью восстановили прежнее положение в районе Пиршам.

12 апреля перед моим батальоном была поставлена задача выбить противника из Ост-парка и захватить водяную мельницу Кнопер-Мюле, тем самым дать возможность развернуть наступательные бои в районе металлургического завода «Вольф» и прачечного комбината.

Накануне 14 апреля мой батальон расположился на правом фланге полка вдоль дамбы по южному берегу водного канала Обере Оле. Батальону были приданы полковая батарея, батарея 76-м[илли]м[етровых] противотанковых пушек и взвод саперов для строительства переправы.

После того как батальон занял исходный рубеж для наступления, я приказал командирам рот выделить специальные разведгруппы для выявления огневых точек противника.

Старший группы коммунист Петров из роты лейтенанта Лапасова с тремя солдатами приступил к выполнению задачи. Незаметно для противника разведгруппа на лодке переправилась на противоположный берег водного канала. Вслед за этой группой лейтенант Лапасов начал переправлять взвод автоматчиков со станковым пулеметом. Немцы обнаружили переправляющихся на лодках и открыли по ним минометный огонь. Одна лодка была повреждена, трое из бойцов были убиты, остальные четыре человека получили ранения, но все же взвод во главе с командиром взвода успел переправиться и захватил маленький плацдарм, к ним присоединилась и разведгруппа коммуниста Петрова.

В это время наши артиллеристы и минометчики открыли беглый огонь по расположению противника. Под прикрытием огня артиллерии саперы быстро навели переправу через водный канал. Вскоре весь батальон переправился на противоположный берег и перешел в наступление. Целый день 14 апреля продолжался кровопро-

литный бой в Ост-парке. Гитлеровцы трижды бросались в контратаку на батальон. И когда с левого фланга наши два батальона с соседним полком перешли в наступление в районе металлургического завода, немцы, боясь быть отрезанными в Ост-парке, начали отступать, мы буквально на их плечах овладели водяной мельницей. Таким образом, возложенная задача на мой батальон была выполнена.

15 апреля возобновились бои в районе металлургического завода «Вольф» и прачечного комбината. В этом районе немецкая группировка была взята в клещи, но она оказывала отчаянное сопротивление. Здесь каждый каменный дом, складские помещения были превращены в опорные пункты сопротивления. По немецким укреплениям были выпущены десятки летающих торпед. Артиллеристы прямой наводкой сокрушали очаги сопротивления врага. На одной из улиц два немецких самоходных орудия вели огонь по наступающим пехотным подразделениям, артиллеристы старшего лейтенанта Абрамова выкатили свои пушки на новые огневые позиции и прямой наводкой подбили их. Под прикрытием огня артиллерии и минометов штурмовые группы продвигались вперед и очищали от гитлеровцев дома и улицы.

Во дворе прачечного комбината рота Баранова дважды пыталась штурмовать занимаемые под складом помещения, где находились немцы, но успеха не имела. Тогда мы решили произвести атаку ночью с помощью огнеметов. Об этом я доложил командиру полка. Сначала он со мной не соглашался и приказал немедленно очистить от немцев складские помещения, а когда пришел сам в расположение батальона и убедившись, что действительно нельзя днем проскочить через открытый двор до противника, согласился со мной, и мы стали готовиться к ночной атаке.

Такие моменты очень часто бывают в уличных боях, когда нельзя использовать артиллерию и минометы, перед атакой, когда вокруг неприятельского объекта находятся сплошные каменные строения. Вот и на этот раз артиллерию нельзя было использовать. Кроме этого рота была расположена на очень близком расстоянии от противника, поэтому мы с Банатиным и решили выбить гитлеровцев с помощью фаустпатронов и огнеметов. К 12 часам ночи все было приготовлено для нанесения внезапного удара по противнику. В час ночи начался ружейно-пулеметный огонь по расположению противника, и одновременно группа фаустников выбросила около 30 фаустпатронов, а тем временем огнеметчики подползли вдоль каменных стен на близкое расстояние к противнику и начали их выкуривать из занимаемых объектов, а через некоторое время штурмовые группы проскочили через двор в расположение противника, и началась рукопашная схватка. Часть из них была уничтожена, некоторые были взяты в плен, а остальные в панике отступили.

Преследуя отступающих гитлеровцев, штурмовая группа комсорга Литвиненко заметила перебегающих немцев к одному из полуразрушенных домов. Литвиненко дал знать своим автоматчикам, и по развалинам все они перебежали вслед за комсоргом, чтобы преградить путь отступающим немцам к полуразрушенному дому. Вокруг шла такая стрельба, что второпях комсоргу очень трудно было понять, откуда и кто стрелял. Перебежав до намеченного места, штурмовая группа расположилась в одном из подъездов и стала ждать перебегающих немцев, которые не предполагали, что русские автоматчики просочились к этому дому. Как только немцы приблизились на

близкое расстояние, автоматчики комсорга открыли по ним огонь и бросили несколько ручных гранат. Часть гитлеровцев была убита, тринадцать немецких солдат были взяты в плен. Эта вылазка наших автоматчиков помогла роте Баранова с небольшими потерями занять прачечный комбинат. Тем временем рота Попова выбила немцев из большого серого здания, превращенного ими в крупный опорный пункт обороны. За прошедшие сутки боев немцы понесли в районе металлургического завода и прачечного комбината огромные потери, и много было взято в плен. В своем показании капитан Рихтер Шульц рассказывал: «Я был преподавателем тактики в унтер-офицерской школе. Когда советские войска подошли к Одеру, школу бросили на фронт, а меня назначили ее командиром. Немецкое командование считало оборону на реке Одер неприступной и уверяло, что на этом участке русские не пройдут. Однако советские войска прорвали наши укрепления, и мы вынуждены были с большими потерями отступать до Бреслау, а сейчас оказался в числе пленных».

Лейтенант Отто Шундт сказал: «Результаты последних боев окончательно убедили меня в том, что никакие, даже самые мощные, укрепления уже не спасут нас от неизбежной гибели. Сегодня от моей роты осталось всего тринадцать человек, а остальные 55 человек почти все похоронены вашей артиллерией под развалинами домов, я вместе с тринадцатью солдатами сдался в плен. Только безумное командование не принимает условия о капитуляции русского командования».

На второй день возобновились бои по ликвидации последних очагов сопротивления немцев в районе металлургического завода. К исходу дня наши части полностью овладели этим объектом.

После восстановления положения в восточной части города полки нашей дивизии стали на кратковременный отдых. Через день командиры рот, батальонов, полков и спецподразделений были вызваны в штаб дивизии. Командир дивизии полковник Ерошенко ознакомил нас по карте с новой полосой боевых действий дивизии и определил для каждого полка участки, где они должны сосредоточиться для нанесения удара по противнику. После ознакомления мы направились совместно с проводниками для принятия районов от частей, которые направлялись на другое место боевых действий. Старшим от нашего полка был начальник штаба полка майор Шилов. Сначала мы все шли вместе. Пройдя несколько кварталов, нас встретили проводники от каждого батальона сменяемой части, которые предупредили нас об опасных местах, обстреливаемых немецкими снайперами. Мне посчастливилось получить район для батальона, к которому нужно было пройти через развалины, обстреливаемые снайперами. Наш проводник рассказал нам, как преодолеть эти опасные места. Если это происходило в ночное время, то такой опасности мы бы не имели, а это происходило днем. Первым перебежал под обстрелом снайперов наш проводник. По нему снайперы выпустили несколько пуль, но он пробежал так быстро, что немецкие снайперы не могли его взять на мушку. Предстояло перебежать мне, как командиру батальона, показать пример своим подчиненным. Но беда у меня была в том, что я в это время страдал радикулитом, об этом знали и мои командиры рот. Старший лейтенант Попов с насмешкой мне сказал:

— Давай, товарищ капитан, махни, авось пройдет у вас радикулит.

Я со злостью на свою болезнь крикнул: «Пошел!». Бежал очень быстро, куда и девался мой радикулит, так что самый верный способ лечения радикулита — бег. За мной перебежал Попов, затем и остальные. Вторую улицу мне было легче преодолеть.

Когда пришли на к[омандный] п[ункт] сменяемого батальона, мои командиры рот долго смеялись надо мной. Ночью после ознакомления с районами мы вернулись в полк. На второй день вечером выступили для занятия новых районов, которые мы приняли накануне. Смена частей проходила без каких-либо приключений, так как это происходило ночью и с большой осторожностью.

После освоения полками своих новых участков, для боевых действий с противником, командование дивизии созвало совещание командиров полков, батальонов и приданных ему спецчастей. На этом совещании были подведены итоги боев за прошедшие две недели. После этого командир дивизии Ерошенко поставил перед дивизией задачу: очистить от противника жилые кварталы между улицами Франкфурт и Пепельвиц, с последующей задачей захватить военный арсенал, металлургический завод и выйти к реке Одер. Срок подготовки к этой операции был дан очень ограниченный. Нужно было хорошо изучить расположение противника и какими огневыми средствами он располагает, где они находятся, и умело распределить боевую технику для их подавления и уничтожения. По выявлению огневых точек неприятеля всегда большую роль придавали разведгруппам, они своими вылазками выявляли огневые точки противника. И на этот раз они дали хорошие результаты. Артиллеристы заняли огневые позиции, из которых хорошо можно было бить прямой наводкой по расположению противника, уничтожать его огневые точки.

На другой день вызвал меня командир полка Банатин и сообщил, что в расположении моего батальона будут использованы летающие торпеды — «Лука м...», как их называли наши солдаты. Это грозное оружие впервые было применено в уличных боях в городе Бреслау. Во время беседы зашел к нам незнакомый мне майор.

— Вот, товарищ майор, — обратился Банатин к майору, — познакомьтесь, наш командир батальона Матюшкин, чапаевец Гражданской войны, наш батько.

Меня называли все офицеры полка батько или же батя, так как я по годам был старше всех офицеров.

— Очень приятно, — сказал майор.

Мы с ним крепко пожали друг другу руки, и завязалась между нами дружеская беседа. Затем Банатин развернул карту города и ознакомил майора с расположением моего батальона и рекомендовал, где можно использовать эти торпеды. Батальон был расположен в двух кварталах 76, 61, с выходом на улицу Берен, а на противоположной стороне улицы находились немцы.

Перед батальоном была поставлена задача: выбить противника из 79[-го] квартала, перескочить железнодорожную насыпь и выйти к арсеналу. Дома вдоль улицы Берен, где находились немцы, были превращены в крепость. Поэтому и решили здесь использовать торпеды.

По окончанию беседы Банатин предупредил меня, чтобы установку торпед производить как можно осторожнее, незаметно для противника, и ни в коем случае не вызывать с его стороны огня. Достаточно попасть одной пуле в торпеду, как она тут

же может разорваться и сделает большие жертвы. По предложению Лаптева договорились до установки организовать радиопередачу для немецких солдат, а они за последнее время с большим удовольствием слушали радиопередачи на немецком языке и во время радиопередач не открывали огня, только эсесовцы иногда стреляли по расположению радиопередач. После всего этого мы с майором пришли на к[омандный] п[ункт] батальона, и я тут же вызвал к себе командиров рот и спецподразделений, ознакомили их с теми мероприятиями, которые будут проводить саперы. Выбор для установки торпед пал в расположение роты Баранова [на] четырехэтажный полуразрушенный дом. Рассказали о тех опасностях, которые могут возникнуть при установке торпед, и дали им полный инструктаж. После этого мы с майором в сопровождении командира роты Баранова пришли на место расположения его роты, осмотрели весь дом и решили установить торпеды на втором этаже на подоконниках, наклоном на полуподвальные помещения, где находились немцы.

Ночью во время радиотрансляции перетащили торпеды в дом и установили их на место. Когда устанавливали их, никаких приключений не произошло, гитлеровцам, по-видимому, понравилась радиопередача.

Время тянулось очень долго, нужно было иметь чертовские нервы, чтобы спокойно ждать намеченное время. Над головами наших солдат находились 17 ящиков с торпедами. Больше всех нервничал сам майор, потому что по его инициативе здесь были применены торпеды в уличных боях. Ночь прошла благополучно, наступило время пуска торпед, всех солдат, где находились торпеды, оттянули назад в укрытие.

Старший лейтенант из саперного батальона по приказанию майора подошел к аппарату и включил ток. Сразу же произошло что-то невероятное, оглушительный взрыв потряс воздух, землю и дома, а те дома, где находились немцы, превратились в развалины, и они были похоронены под руинами домов. Как только произошел взрыв, весь батальон бросился через руины штурмовать сохранившиеся дома в этом квартале. После кратковременной схватки весь квартал был очищен от противника.

Батальону предстояло преодолеть железнодорожную насыпь, но немцы изо всех сил пытались удержать поднявшихся солдат у подходов к району арсенала и к заводам. Они встретили их из-за насыпи сильным пулеметным огнем, огонь велся беспрерывно, солдаты вынуждены были залечь. Наши наблюдатели сразу определили, что у немцев за насыпью стальные бронированные колпаки, где сидят пулеметчики. На помощь к нам пришли артиллеристы лейтенанта Большакова. Они при помощи пехотинцев втащили свои сорокапятки на третий этаж дома, стоявшего перед насыпью, и открыли огонь по бронированным колпакам. Вражеские огневые точки были уничтожены, но к этому времени противник подбросил свежие силы — фолькштурмовцев, которые неоднократно бросались в контратаку. Все контратаки были отбиты с большими для них потерями, и много было взято в плен. К исходу дня батальон перешел в наступление и после непродолжительных боев захватил 129[-й] квартал. Пулеметчик Кранцев участвовал в отражении трех контратак и уничтожил из своего станкового пулемета десятки гитлеровцев.

В течение шести дней продолжались кровопролитные бои на подступах к арсеналу и военным заводам. Во время этих боев погиб заместитель командира полка по

политической части подполковник Лаптев. Его похоронили с большой почестью на офицерском кладбище.

День 28 апреля прошел в подготовке к штурму арсенала. Все делалось быстро и напряженно. В расположение нашего полка прибыли четыре самоходных орудия и гаубичная батарея. Кроме этого, наш полк поддерживался гвардейскими минометами. Командир дивизии Ерошенко лично руководил подготовкой штурма. Он побывал во всех полках дивизии, давал практические указания и советы командирам полков и батальонов, в некоторых подразделениях беседовал с бойцами и офицерами.

Во время подготовки к штурму на переднем крае обороны не прекращались бои, немцы несколько раз пытались контратаковать наши части, но никакого успеха они не добились. Все происходило так, как будто никакой подготовки для наступления не было, и немцы не предполагали, что на них готовят сокрушительный удар, что их участь уже сочтена.

На второй день, как только начало рассветать, ударили сотни орудий и минометов разных калибров. Гаубичные орудия, самоходные и 76-м[илли]м[етровые] пушки били прямой наводкой по зданиям, где находились гитлеровцы. В воздухе несколько раз появлялись наши самолеты. Они бросали свой бомбовый груз на военные объекты, происходили оглушительные взрывы. Вслед за авиацией ударили гвардейские минометы и летели торпеды с горящими ящиками. Наши фаустники тоже не отставали от артиллеристов и минометчиков, они выпустили по ближним целям сотни фаустпатронов.

После мощного огневого налета смекалистыми саперами были взорваны в нескольких местах стены домов, и штурмовые группы бросались в образовавшиеся бреши. Бои вспыхивали за комнаты, за лестницы, за отсеки в подвальных помещениях.

Штурмовые группы Попова первыми ворвались в многоэтажный дом, где засели немецкие солдаты. Несмотря на то что артиллерия почти полностью разрушила это здание, немцы продолжали ожесточенно отстреливаться из подвалов и из-за развалин. Завязался упорный ближний бой. Советские воины забросали немцев ручными гранатами, расстреливали в упор из автоматов. Через некоторое время враг был выбит из всего дома.

В упорных уличных боях наши солдаты и офицеры проявляли мужество и умение. Одну нашу штурмовую группу встретил сильный огонь из подвала. Саперы Минега и Зайцев под прикрытием дымовой завесы забросали окна подвала гранатами и заложили взрывчатку. После взрыва стена обрушилась и похоронила под собой немцев.

Рота лейтенанта Рахманова умелым маневром обошла квартал и ударила немцам с тыла. Немцы сначала пытались пробиться, но, встреченные метким огнем автоматчиков, вскоре подняли руки.

По одной из улиц вместе с пехотинцами двигалась сорокапятка лейтенанта Большакова. Командир штурмовой группы старшина Алистратов помогал перетаскивать пушку через развалины и проломы. Когда немецкий пулемет заставил залечь группу среди развалин, расчет пушки быстро пришел на помощь, уничтожив пулемет врага. Командир орудия сержант Зяблин заметил немца-фаустника. Меткой очередью из автомата немец был уничтожен.

Нельзя пройти мимо бесстрашного сына Родины старшего сержанта Романа Павлюка. Это он в уличных боях уничтожил десятки гитлеровцев. Это старший сержант Павлюк только в одном бою из снайперской винтовки истребил 17 немцев. На боевом счету старшего сержанта много было зафиксировано выведенных из строя вражеских пулеметов.

Павлюк был стремителен в атаке и стоек в отражении вражеских контратак. В одном из боев немецкий танк шел на горстку бойцов, среди которых был парторг Павлюк. Коммунист Павлюк не растерялся, он показал, как надо бороться с немецким танком. Пропустив танк на близкое расстояние, он бросил под гусеницу противотанковую гранату. После взрыва танк своим неуклюжим корпусом сначала крутился на месте, а затем замер. Немецкие танкисты открыли люк и с поднятыми руками вылезли из танка.

В наступлении не теряй ни одной секунды, используй последнюю минуту артподготовки и атакуй противника, веди сильный огонь, примеряйся к местности — вот каков боевой закон Павлюка, который приносил ему победу. Стены многих взятых с боем домов в осажденном городе повторяли написанное на них имя сына Отечества Романа Павлюка.

Здесь он беспощадно мстил немецко-фашистским молодчикам за горе и муки, причиненные нашему народу. Сердце патриота клокотало от страшного гнева. Еще не все счеты были сведены с врагом. У него в неволе на германской каторге находилась дочь. Отец, солдат и коммунист, торопился [к] ней на помощь.

Павлюк — один из сотен, из тысячи героев боев, которые происходили на улицах осажденного вражеского города.

Каждый день уличных боев увеличивал семью героев, приумножал их славу. Во время преодоления железнодорожной насыпи солдаты Зимин и Гусев первыми ворвались в расположение противника и своими автоматами расчистили путь для наступления взвода. Геройски сражался комсорг Литвиненко. В трудную минуту, презирая смерть, он выстоял один против целой группы немцев и спас жизнь своему командиру, тяжелораненому офицеру.

Слава им — отважным героям — сынам Отечества Павлюку, Зимину, Литвиненко.

24 — 25 апреля беспрерывные бои шли в районах арсенала и военных заводов, немецкое командование бросило в бой последние резервы. К исходу дня 25 апреля на к[омандный] п[ункт] батальона, запыхавшись, прибежали связные от командиров рот с донесением, которые сообщили, что пехотные подразделения вышли на улицу Шенауер, но ввиду сильного пулеметного огня противника из амбразур и бойниц, приспособленных в каменном заборе арсенала в противоположной стороне улицы, наступление приостановлено. Об этом я тут же доложил командиру полка по телефону. Он мне приказал выбрать новый к[омандный] п[ункт] батальона, откуда было бы хорошо вести наблюдение за противником, и сам сообщил, что скоро будет у меня новый к[омандный] п[ункт].

К[омандный] п[ункт] батальона мы выбрали в расположении второй роты, которая захватила большое здание к выходу на улицу Шенауер. Перебравшись на новый к[омандный] п[ункт], я с артиллерийскими корректировщиками перебрались на тре-

тий этаж здания, телефонисты установили связь с командиром полка, с командирами рот и с артиллерией.

С нового к[омандного] п[ункта] были видны все сооружения противника, откуда он вел огонь по расположению батальона. Вскоре на к[омандный] п[ункт] прибыли командир полка и его новый заместитель по политической части подполковник Михаилов. Выяснив обстановку, тут же он сообщил командиру дивизии. Только он успел положить телефонную трубку на место, как в соседней комнате произошел оглушительный взрыв немецкого снаряда. От взрывной волны и удара рассыпалась вся штукатурка. В помещении, где мы находились, образовалось столько пыли, что мы очутились как в газокамере. Когда пыль рассеялась, мы еле опознали друг друга, все были покрыты пылью, точно как работники мукомольной мельницы после продолжительной работы. Спустя несколько секунд на чердаке снова раздались взрывы немецких снарядов.

— Вот сволочи, как узнали, что в этом здании находятся командир полка со своим заместителем, — проговорил лейтенант Жирнов.

— Товарищ подполковник, — обратился я к командиру полка, — прошу вас, идите на свой командный пункт, немцы это здание взяли под артиллерийский обстрел.

— Здесь без артиллерийской подготовки продолжать наступление невозможно, — сказал подполковник. — Требуется вмешательство артиллерии и саперов, надо в нескольких местах сделать проходы и подавить огневые точки противника, только тогда пехота может проскочить в арсенал. Усильте наблюдение и ждите дополнительных указаний.

После непродолжительной беседы командир полка со своим заместителем ушли на свой командный пункт.

Наши артиллеристы всю ночь вели методический обстрел по расположению противника. Под прикрытием артиллерийского огня и дымовых завес нашим саперам удалось в нескольких местах при помощи взрывчатки проделать проходы в каменном заборе. Через эти проходы пехотные подразделения мелкими группами проскочили в арсенал и завязали бои за его овладение. К вечеру 26 апреля большая часть арсенала и несколько заводских районов были захвачены нашими частями.

26 апреля Совинформбюро сообщило, что в Бреслау наши войска вели уличные бои в западной части города, где заняли 26 кварталов, несколько заводских районов и большую часть арсенала, в котором захватили 110 орудий.

28 апреля полностью очистили арсенал от противника.

30 апреля вечером мы хотели отметить канун первого мая. Только что расселись за стол, как дежурный телефонист подошел ко мне и доложил, что всех командиров батальонов и их заместителей политчасти вызывают на совещание к командиру полка. Все присутствующие офицеры при штабе батальона предполагали, что нас вызывают для того, чтобы там отметить праздник первого мая. Чтобы не испортить настроение офицеров, капитан Карпов попросил меня выдать из энзе пол-литра ратификату, что мною было и сделано. После этого мы с Карповым ушли в штаб полка. Когда все приглашенные были в сборе, командир полка сообщил нам, что бои за овладение Берлином принимают решающий характер, и не сегодня завтра вражеская столица будет захвачена нашими войсками, а мы все еще топчемся на месте. Затем он нам огласил приказ командующего армией, в котором указывалось о принятии реши-

тельных мер к завершению разгрома немецкой группировки в городе. В приказе указывалось, что наземным войскам будут оказывать большую помощь авиация и тяжелая артиллерия.

После этого Банатин ознакомил нас с боевой задачей на первое мая.

— Это в честь первого мая, — бросил реплику капитан Баскаков.

— Праздник первого мая будем праздновать, когда очистим город от немецких фашистов, — ответил Баскакову замполитчасти Матвеев.

В ночь на первое мая наш полк сосредоточился в районе пивоваренного завода. После непродолжительной артиллерийской подготовки в ночном бою выбили немцев из этого района.

2 мая ожесточенные бои происходили к выходу реки Одер. Мой батальон наступал вдоль железнодорожного полотна, идущего от станции Фридельвольде до городской ТЭЦ. Батальону предстояло преодолеть ряд укреплений противника. Под прикрытием артиллерийского огня батальон выбил противника из его переднего края обороны, но перед второй линией обороны батальон попал под сильный огонь противника и вынужден был залечь. Гитлеровцы вели огонь из дотов, приспособленных к отдельным строениям. На помощь батальону прибыли две самоходные пушки и батарея 76-м[илли]м[етровых] противотанковых пушкек старшего лейтенанта Абрамова, которые обрушились на огневые точки врага. Благодаря этому вскоре батальон захватил и вторую линию обороны немцев.

После занятия второй линии обороны немцев, я тут же доложил командиру полка об обстановке, и начали переносить расположение к[омандного] п[ункта] батальона на новое место. В это время немцы усилили артиллерийский и минометный огонь из-за Одера. К[омандный] п[ункт] наметили перенести в полуразрушенное здание. Только что успели пробежать 50 — 60 метров, как попали под сильный минометный огонь противника, пришлось ползти ползком. Но вскоре минометный огонь был перенесен на другой участок, и мы благополучно добрались на новый к[омандный] п[ункт]. Телефонисты быстро наладили связь с командиром полка, с командирами рот и с артиллерией, а мы с корректировщиками вышли на н[аблюдательный] п[ункт], чтобы вести наблюдение за действиями своих рот и за противником. Только успели подняться на н[аблюдательный] п[ункт], как немцы снова открыли артиллерийский и минометный огонь по расположению батальона. За каких-нибудь 15 — 20 минут нас осыпало обломками стен от близких разрывов немецких снарядов и мин. Немцы дважды поднимались в контратаку, но успеха не имели. В такой момент, когда я находился под таким сильным огнем противника, сказать, что в эти минуты я командовал батальоном, было бы не совсем правильно, хотя я и был недалеко от него. Здесь не только командиры рот, но и командиры взводов действовали самостоятельно, в такие моменты даже и солдаты действовали самостоятельно. Нужно было только одно — оставаться на месте и отражать контратаки противника.

Сначала я предполагал, что основной удар немцев направлен на мой батальон, но вскоре выяснилось, что направление немецкого удара было направлено на моего соседа. Я подполз по обломкам стен к телефону для того, чтобы сообщить Банатину о направлении главного удара немцев на батальон капитана Мезина. Телефон находил-

ся недалеко от меня в подвальном помещении. Только я успел поднять телефонную трубку, как раздался рядом с нами оглушительный взрыв от тяжелого снаряда немцев. Вместе с взрывом обвалилась над подвалом стена, и обломками кирпича завалило проход подвального помещения, и мы оказались, как в мышеловке. Кроме того, от сильного удара и взрыва рассыпалась вся штукатурка внутри подвального помещения. Стало совсем темно, капитан Карпов, находясь около меня, крикнул:

— Товарищ капитан, живой?

— Живой, — ответил я.

— Мертвых нет, все живы и здоровы, — кричал Баскаков, — только выйти нам негде, проход завален обломками кирпича.

Когда я пришел в себя, снова поднял телефонною трубку и стал вызывать «Орла», это был позывной командира полка, но «Орел» не отвечал, связь была порвана. Положение было не особенно хорошее. Нужно было срочно сообщить командиру полка об обстановке, а тут, как на зло, связь не работала, и проход завален. Вскоре капитан Карпов со связистами нашли другое отверстие в виде люка, который, к нашему счастью, не был завален обломками кирпича, и связисты быстро восстановили связь с командиром полка, и я тут же сообщил ему обстановку. Трескотня пулеметов и автоматов не переставала, после отражения контратаки противника весь полк перешел в наступление, и к исходу дня немцы были выброшены за Одер.

Во время наступательных боев, и особенно в последние дни, наша авиация беспрерывно наносила удары с воздуха, она бомбила не наугад, а обрабатывала основные объекты противника, которые мешали продвижению нашей пехоты.

2 мая нам сообщили о полной капитуляции немецких войск в столице гитлеровской Германии — Берлине.

С 3 по 5 мая проводилась подготовка к форсированию Одера, но форсировать нам его не пришлось, 6 мая немецкий гарнизон принял условия о капитуляции нашего командования.

[В] 10.00 часов жители Бреслау вышли из подвалов и из других укрытий на улицы и стояли у домов и заборов, расхаживали по улицам, дети держали за руки своих матерей, они наблюдали, как гитлеровские вояки складывали свое оружие и выстраивались на последний «парад».

По улицам Бреслау потянулись длинные колоны пленных немецких солдат и офицеров. Они шли не как в первые годы войны, не кричали: «Хайль Гитлер!», а двигались молча, словно как за трупом Гитлера. Все они были грязные и в оборванном обмундировании. Лица были худые, замученные, и [они] еле двигали ноги.

Толпы местных жителей выстраивались у домов, на площадях и на развалинах. Тысячи глаз были устремлены на гитлеровских вояк. Но ни один из солдат не смотрел в глаза местным жителям города. Хотя со стороны толпы и раздавались какие-то отдельные возгласы, но пленные никакого внимания на это не обращали. Они молча продолжали свой бесславный путь, указанный нашими автоматчиками.

В городе стало тихо, ни единого выстрела и взрыва, как будто не было и войны. Но когда свои взоры окинешь на разрушенный город, и думаешь: «Как же мы преодолевали эти руины, по ним же очень трудно было проходить, а наши солдаты пре-

одолевали их с ожесточенными боями». Местами трудно было разобраться, где находились улицы и где стояли дома. Все слилось вместе, одни руины. Только в самом центре города уцелели жилые кварталы, но и те во многих местах были разрушены от нашей авиации и тяжелой артиллерии.

Вечером части были расквартированы в западной части города. Повара приготовили хороший вкусный обед из двух блюд. Перед обедом всем солдатам выдали по бокалу виноградного вина и по одной бутылке пива. В течение двух с половиной месяцев уличных боев им не приходилось так свободно принимать пищу, как на этот раз. Обедали на свежем воздухе, везде и всюду между солдатами шли веселые разговоры, вспоминали о прошедших боях и о потерянных своих товарищах. Старший возрастной состав вел разговор о скором возвращении на Родину, к рабочим станкам и колхозному хозяйству, к своим родным и близким.

После обеда во всех подразделениях солдаты пели песни, играли на аккордеонах и на двухрядных гармошках. Во второй роте сибиряки устроили цирковое представление. Среди них нашелся клоун, который был так хорошо загримирован и своим выступлением насмешил солдат до слез. Мы думали, что он до войны работал где-нибудь в цирке, но он был слесарем на одном из заводов Барнаула. Только в 22.00 часов, после того как сигналист заиграл отбой, все смолкло, стало тихо, солдаты-победители отдыхали, за исключением караула.

6 мая после завтрака проводилась чистка оружия. В этот же день все бойцы получили новое белье, помылись в бане, изношенное обмундирование было заменено новым. В красных уголках солдаты и офицеры писали письма своим родным и близким. В этих письмах они поздравляли своих родных и близких с победой над гитлеровской Германией.

9 мая, день победы над гитлеровской Германией. Накануне этого дня во всех батальонах состоялись торжественные собрания, посвященные дню победы над гитлеровской Германией. Какая это была радость для наших солдат и офицеров! Перед торжественными собраниями солдаты и офицеры обнимали и целовали друг друга, поздравляли с победой. Везде и всюду были слышны крики «Ура!!!». Провозглашали лозунги:

Да здравствует героическая Советская армия!

Да здравствует героический рабочий класс!

Да здравствует колхозное крестьянство!

Да здравствует советская интеллигенция!

Да здравствует наша славная коммунистическая партия, вдохновитель и организатор всех наших побед!

После торжественных собраний был организован показ кинокартин и выступления артистов из самих же солдат.

9 мая в живописном месте, в западной части города, был организован митинг в присутствии всех воинских частей дивизии. На митинге все солдаты и офицеры гордо стояли ровными рядами. Они гордились своими победами над немецко-фашистскими ордами. Горды были своими знаменитыми полками и дивизиями, своей любимой социалистической Родиной. Их вела к победе наша коммунистическая партия. На

митинге выступили представители всех родов войск. После митинга все части торжественным маршем прошли мимо трибуны, где находились командиры корпуса, дивизии, работники политотдела дивизии, представители от штаба армии и Герои Советского Союза.

После торжественного марша солдатам были накрыты праздничные столы.

Вечером командир дивизии полковник Ерошенко пригласил к себе на вечер всех командиров полков, батальонов и спецчастей. После торжественной части был дан концерт. Затем был организован офицерский ужин.

За 77 дней уличных боев в городе Бреслау наши части понесли немалые потери личного состава нашей армии, но немецкая группировка в осажденном городе имела гораздо большие потери в людском составе, так как мы имели превосходство в военной технике.

Всех павших советских воинов во время уличных боев похоронили в живописном месте, в предместье Бреслау. Офицерское и солдатское кладбища хорошо были благоустроены. У центрального входа офицерского кладбища на высоких постаментах поставили две 76-м[илли]м[етровые] противотанковые пушки, которыми наши славные артиллеристы от Сталинграда до Бреслау подбили несколько десятков танков и сокрушали долговременные сооружения противника. У могилы каждого офицера была сделана полукруглая мраморная доска, на ней высечены воинское звание, фамилия, даты рождения и смерти. На мраморной доске у могилы нашего заместителя командира полка по политической части подполковника Лаптева было высечено:

Подполковник Лаптев А. С.
1910 — IV — 1945.

18 мая 1945 г. на территории кладбища состоялся траурный митинг, посвященный павшим советским солдатам и офицерам за свободу и независимость нашей Родины. На траурный митинг приехали представители всех родов войск нашей армии, представители войска Польского. На митинге присутствовали также большие толпы местных жителей города Бреслау.

Траурный митинг открыл представитель штаба армии полковник Еремин. После открытия митинга он попросил всех присутствующих почтить павших героев минутным молчанием.

С речами выступили участники уличных боев, офицеры и солдаты, представители от политотдела дивизии и от войска Польского. В своих речах они вспоминали имена многих павших героев, которые отдали свою жизнь за свою Отчизну. В их речах звучали слова ненависти [к] смертельным врагам человечества, проклятие главному фашистскому палачу Гитлеру и его преступной шайке.

От имени личного состава всех частей ораторы заверили коммунистическую партию, ее ленинский Центральный комитет и советское правительство, что они и впредь будут зорко стоять на страже за великие завоевания советского народа, и если империалистические хищники осмелятся снова напасть на нашу социалистическую Родину, то они получат такое же возмездие, какое получили германские империалисты и их сателлиты.

В городе Бреслау и его окрестностях нашими частями было освобождено более десяти тысяч пленных красноармейцев и около тридцати тысяч невольников, которые были привезены гитлеровцами из оккупированных стран Европы и из временно оккупированных районов Советского Союза. Среди них были русские и украинцы, литовцы и латвийцы, эстонцы, французы и нидерландцы, югославы и датчане, поляки и греки. В большинстве среди них были женщины и девушки.

Все эти люди работали на немецких заводах и фабриках, у помещиков и кулаков. Они были настоящими рабами немецких империалистов и юнкеров. Их заставляли работать по 12 — 16 часов в сутки за кусок эрзац-хлеба и похлебку из конины с картофельной скорлупой. Работали они на самых тяжелых работах, жили в сырых подвалах и холодных бараках. По всей гитлеровской Германии таких людей насчитывалось несколько миллионов, многие тысячи из них гибли от голода и от непосильного труда на немецких рабовладельцев.

И вот, когда немецкие войска были разгромлены советскими вооруженными силами, все они были освобождены от гитлеровского рабства и стали возвращаться домой, на Родину. Все центральные автострады и проселочные дороги были запружены людьми. Одни шли на восток, другие — на запад, третьи — на юг. Это было настоящее Великое переселение народов IV — VI вв. Все они были веселыми и жизнерадостными.

На разных языках приветствовали советских воинов, Коммунистическую партию Советского Союза за освобождение от гитлеровского рабства.

На руках, через плечо и за спиной каждый нес свой маленький багаж, который был приобретен за время нахождения 4 — 5 лет в гитлеровской неволе. А сколько их оставалось по месту работы, которые вследствие болезни не могли двигаться к сборным пунктам для отправки их на Родину. Для таких людей советская военная администрация организовала врачебные пункты скорой помощи и больницы.

Вот и немецкие беженцы возвращались к своим родным местам из Западной Германии, у многих беженцев дети ехали на подводах, а некоторые везли их на маленьких тележках. Они шли молча, с грустью на лице. Когда по дороге встречали советских воинов или же офицеров, они снимали шляпы и низко кланялись, а их детишки, сидя на подводах или же в ручных тележках, кричали:

— Гибт мир дас брод![*]

Для бывших немецких рабов и немецких беженцев были организованы питательные пункты, откуда они получали продукты питания по определенной норме.

Передвижение людей происходило в течение нескольких дней. Особенно большое передвижение происходило по центральной автостраде Берлин — Бреслау, Бреслау — Варшава.

Великая Отечественная война закончилась полным разгромом гитлеровской Германии и ее сателлитов. Советские вооруженные силы в ожесточенных боях со смертельным врагом отстояли свободу и независимость нашей Родины и освободили от гитлеровской тирании страны Европы.

---

[*] Дайте нам хлеба!

Ни стальные колонны танков, ни черные стаи самолетов, выкованные на всех заводах закабаленной Европы, не могли сломить сопротивление советских вооруженных сил. Они отбивали бешеный натиск озверевшего врага.

На степных просторах Украины, в лесах и на гранитных сопках Севера, под Москвой и Ленинградом, у Севастополя и Сталинграда шли ожесточенные бои не на живот, а на смерть с гитлеровскими полчищами.

От Москвы до Берлина, от Волги до Эльбы разбитая гитлеровская армия проложила бесславный путь. По обочинам этого пути валялись раздутые и раздавленные трупы гитлеровских вояк, разбитые и сожженные танки, автомобили, орудия разных калибров, ящики со снарядами и другое военное имущество. Все было усеяно тем бесстрашным и бесполезным ломом, который всегда покрывал путь разгромленной армии. Наши солдаты заявляли, что гитлеровский путь оказался от Москвы до Берлина короче, чем от Берлина до Москвы. На тысячи километров тянулась дорога смерти немецко-фашистских захватчиков. Народы Советского Союза знают, как поступать с иноземными захватчиками.

Нельзя забывать последние сражения, происходившие перед окончательным разгромом гитлеровской Германии на ее территории. Немецкие фашисты перед своей гибелью, сознавая те злодеяния, которые были совершены ими над нашими мирными жителями во временно оккупированных советских районах, дрались до последнего вздоха. Но никакая сила не могла остановить советских чудо-богатырей по разгрому гитлеровских полчищ. Советские войска выполняли указание коммунистической партии — разгромить врага в его собственном логове и водрузить Знамя Победы над Берлином. Эта гигантская задача партии была выполнена благодаря героическому усилию рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции, которые под руководством коммунистической партии снабжали фронт современной военной техникой, боеприпасами, продовольствием, обмундированием и т. д. Если за весь период Первой мировой войны царская армия получила 55,6 млн снарядов и мин, то в период Второй мировой войны советские вооруженные силы получили от социалистической промышленности 775,6 млн снарядов и мин, сотни тысяч танков, самолетов, орудий, минометов, пулеметов и другого военного имущества.

Советский народ и его вооруженные силы одержали победу над смертельным врагом потому, что коммунистическая партия являлась вдохновителем и организатором всенародной борьбы против гитлеровской Германии и ее сателлитов.

ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 19. Л. 106 — 239.
Машинопись. Копия.

1986 г.

...ЛЬВОВ, САНДОМИР, БРЕСЛАУ: ИЗ ФРОНТОВОГО ДНЕВНИКА

15 июня 1943 г. Призван в ряды Красной армии. С 20 июня по 25 июля находился при Горьковском облвоенкомате, читал курс текущей политики для курсантов военной школы. Позже сам проходил переподготовку в Москве. Получил назначение: Первый Украинский фронт.

7 июня 1944 г. Прибыл в штаб 218[-й] Краснознаменной Ромадано-Киевской ордена Суворова 2-й степени стрелковой дивизии. Направлен в 667[-й] стрелковый полк этой дивизии.

Беседа с начальником штаба майором Шиловым и замкомандира полка по политчасти подполковником Лаптевым.

Принял роту. Бойцы в основном сибиряки. Перед боем провели партийное собрание. Повестка дня: усиление массово-политической работы среди личного состава. Коммунистов — 12, комсомольцев — 9.

20 июня 1944 г. Полк занял исходные рубежи для наступления. Местность пересеченная, покрытая кустарником.

Наши танки ворвались в деревню. Немцы в панике отступили. У них большие потери. Наступление продолжалось весь день. К вечеру враг оказал сильное сопротивление. Видимо, подтянул резервы.

Тяжело ранен комбат. Комполка Говорухин приказал мне принять батальон и ударить противника по его правому флангу. Артиллеристы парализовали огневую систему врага, и мы выбили его из села. Странно, на карте значится отдельный дом, а фактически — село.

Наши войска освободили еще несколько населенных пунктов Западной Украины. Впереди — город Броды.

19 августа 1944 г. По всему Первому Украинскому фронту и соседним готовится наступление на Львовско-Сандомирском направлении. Польша — прямой путь на Германию.

Прибыло пополнение. Почти все ребята обстрелянные. С такими легче в бою.

Части Первого Украинского перешли в наступление. Три дня не смолкали ожесточенные бои. Сопротивление фашистов сломлено. 27 июля освобождены нами от немецкой оккупации Львов, Станислав, Перемышль.

В конце июля войска фронта под прикрытием мощного огня артиллерии и авиации форсировали Вислу юго-западнее польского города Сандомира. Два дня не смолкали бои. Мы захватили небольшой плацдарм на левом берегу реки. За расширение его бились несколько суток. Большие потери личного состава.

Тяжелое выпало сражение. Несколько немецких танковых атак отбили наши артиллеристы. Фашисты пытались рассечь наши части и продвинуться к Висле, но наши бойцы с честью выстояли. 18 августа Сандомир освобожден. Нелегко он нам дался.

20 сентября 1944 г. Относительно спокойно. Сооружаем оборонительные укрепления.

Идут дожди. Холодно. Утепляем землянки. Построили хорошую баню. Солдаты очень довольны. Говорят, будто дома побывали. Шутят: «Вот бы пивка еще...».

Встретился с начальником штаба Шиловым. Я почему-то ему понравился. Навещает часто. Сидим на лужайке. Ночь сегодня теплая, прекрасная.

30 ноября 1944 г. Получили праздничные подарки с «большой земли». Мне досталась кожаная куртка. Солдаты благодарили рабочих и крестьян за столь большое внимание и заботу. Настроение у всех приподнятое.

Накануне праздника — 27[-й] годовщины Октября — совещание у комполка. 7 ноября, после обхода передовой линии командирами, на н[аблюдательном] п[ункте] был накрыт праздничный стол.

В середине ноября в батальон пришли подполковник Лаптев и корреспондент дивизионной газеты «На разгром врага» Филиппов. Беседовали с бойцами. В ноябре в газете [вышла] заметка о наших доблестных снайперах. Заметку буду хранить.

10 января 1945 г. Началось наступление по всему фронту. Грозный вал наших войск катится к Германии.

Население Польши встречает нас хлебом-солью, приглашает в гости. Разговорились с крестьянином, шестидесятипятилетним Рудольфом Гофманом. Он поляк. Сказал, что люди напуганы геббельсовской пропагандой: мол, за русскими войсками идут особые подразделения карателей. Они поголовно уничтожают все население. Пришлось разъяснять населению о задачах и целях Советской армии, о ее отношении к мирным жителям.

С января по февраль войска Первого Украинского фронта прошли от Вислы до Одера более 500 километров. Вперед, вперед!

14 февраля 1945 г. Впереди — Бреслау (Вроцлав).

Утром разведчики привели пленных немецких офицеров. Они рассказали, что фашистское командование группирует в районе Бреслау большое количество войск. В приказе фюрера сказано, что Бреслау должен стать для русских неприступной крепостью.

Гитлер мобилизовал все людские резервы Германии и бросил в бой, точнее — в огонь. Даже детей. В предместье города мы захватили около 3 000 таких вояк. Как они кричали! Как плакали!..

22 марта 1945 г. На утро намечено наступление наших войск. После артподготовки пехота пошла на штурм города. Немцы жестоко сопротивляются. Много наших солдат и офицеров ранено, убито.

Вышибли немцев из трамвайного парка, с городского кладбища. Хорошо действовали пулеметчики лейтенанта Багдасарова, младшего лейтенанта Изовских, танкисты, артиллеристы.

Вечером в расположение роты капитана Попова пришел немецкий солдат. Оборванный, грязный, голодный. Накормили его и отправили обратно, чтобы привел своих сослуживцев. Он вернулся со взводом при полном оружии.

Снова бои в районе металлургического завода и прачечного комбината.

10 апреля 1945 г. Взяли в плен 38 фашистских офицеров. Лейтенант Гольц сказал: «Приказ Гитлера — не сдавать Бреслау. Но, я думаю, что уже самые мощ-

ные укрепления не спасут нас от неизбежной гибели. Сегодня от моей роты осталось всего тринадцать человек. Остальные похоронены вашей артиллерией. Но наше безумное командование не принимает условия русских о капитуляции».

Последний день апреля. Относительное затишье на участках боев. Решили организовать вечер, посвященный 1 Мая, но из этой затеи ничего не вышло. Ночью — совещание у комполка. Поставлена задача — уничтожить группировку города Бреслау.

Наш 667[-й] стрелковый полк сосредоточился возле пивоваренного завода. После продолжительной артиллерийской подготовки мы выбили немцев из этого района.

6 мая 1945 г. Бреслау полностью окружен. Фашисты отвергают условия капитуляции. Они это делали уже несколько раз. Но в этот день немецкой группировке пришел конец. Войсками Первого Украинского фронта она была рассечена и уничтожена.

Жители города вышли на улицы. Они с любопытством смотрят, как фрицы складывают оружие. А вскоре пленные потянулись длинными вереницами по всем улицам — грязные, оборванные, жалкие.

9 мая 1945 г. Тишина. Никто не стреляет. Кругом радость, ликование народное. Победа! Победа!

В этот торжественный день в городе митинг. Присутствуют представители всех родов войск. Было много речей. Мне как старому солдату-чапаевцу тоже предоставили возможность выступить.

В Бреслау погибло много наших солдат и офицеров. Всех павших похоронили с почестями. У входа на кладбище водрузили на постамент пушку.

Многолюдно в Бреслау. Здесь, в других городах Польши, наши войска вызволили из фашистского рабства около 30 тысяч людей разных национальностей, вывезенных немцами из различных стран. Теперь они возвращаются домой. Идут по автострадам, проселочным дорогам. Идут на запад, на восток, на юг. На родных языках они приветствуют своих освободителей — советских солдат. Этот людской поток не иссякает несколько дней.

Фашизм принес народам многих стран неисчислимые бедствия. Это не должно повториться!

Мне думается, что больше войны не будет. Никогда!!!

Публикуется по изданию:
Совет. Мордовия. 1986. 16 апр. С. 4.

М. Н. МАТЯЕВ

Матяев Михаил Николаевич (29.10.1923, с. Каймар ныне Краснослободского района Республики Мордовия) — участник боевых действий. В РККА и на фронте — с 1941 г. С боями дошел до Австрии. Награжден медалями[*].

2005 г.

В 1941 г. ушел в школу ФЗО (фабрично-заводское обучение) — г. Свердловск. Набор проводился по желанию. Когда началась война, как лучших комсомольцев нас взяли в авиатехническое училище, в г. Баку. Затем его расформировали, и я попал в военно-воздушную десантную школу, располагавшуюся в Ногинске (Подмосковье). Здесь мы проходили серьезную подготовку — нас обучали действиям в условиях войны. Кормили хорошо, но и сильно загружали. Учили прыгать с парашютом с самолетов, водить машины. Мы овладевали умением вести жесткий рукопашный бой и выживать в экстремальных ситуациях. В общем, делали из нас десантников — настоящих, хорошо и разносторонне подготовленных. В военно-воздушных десантных войсках я служил около года.

Затем нас хотели забросить в тыл врага, но не сделали этого. Мы попали в 40-ю гвардейскую стрелковую дивизию, а в августе 1942 г. — под Сталинград.

2 ноября 1942 г. немцы пошли в наступление. Мы оборонялись, удалось отбросить их. В ходе военных действий под хутором Дубовой я получил ранение в ногу. Меня поместили в госпиталь Ростовской обл[асти]. Там же вручили медаль «За отвагу».

Зимой 1943 г. попал я в запасной полк, стоявший в Ворошиловградской обл[асти]. Сформировали 110-й противотанковый батальон, с которым я дошел до Запорожья. Затем меня по приказу командования направили офицером связи в штаб армии. Но через одну неделю этот батальон был почти полностью разбит фашистами за Днепром. Осталось пять офицеров и двадцать солдат, которые совершенно случайно выжили после жестокого боя. В этом сражении погиб мой лучший друг — гвардии старшина Севастьянов Иван Егорович. Можно сказать, мне крупно повезло, что я остался в живых. Я, конечно, жалею моих боевых товарищей. В памяти останутся они до конца моих дней. Спустя 4 — 5 месяцев после этого происшествия я попал в 103-й гвардейский артиллерийский полк, где был командиром отделения разведки до конца войны.

20 августа 1944 г. началась Ясско-Кишиневская операция. В итоге двухдневных боев оборона противника была прорвана. Сюда подтянули крупные подвижные мотострелковые соединения, которые 24 августа освободили столицу Молдавии г. Кишинев и замкнули в кольцо окружения немецко-румынскую группу армий «Южная Украина». Мы уничтожали фашистов и захватывали пленных. Танкисты давили безжалостно немецкие обозы. Когда танки подъезжали к нам, мы видели, как на гусеницах болтались руки, ноги людей. Это было ужасно.

[*] **Зернов А. Н., Котков С. К.** Шагнувшие в бессмертие. Саранск, 2005. С. 239 — 241.

Осенью 1944 г. мы заняли стратегически важную высоту — Голый Дол, где был очень удобный наблюдательный пункт. В это время к нам вышли молдавские партизаны и сообщили, что недалеко — на расстоянии 7 — 8 км — в районе хутора Заславье скопилось очень много немцев. Когда мы хотели сообщить об этом в дивизион, связи уже не было. В это время со стороны штаба бригады услышали едва доносившиеся крики «Ура!». И мы пошли на соединение с ними. Наши пушки били прямой наводкой по гитлеровцам. В результате проведения этой операции [было] взято около 5 тыс. пленных и освобождена Молдавия. Я был награжден медалью «За боевые заслуги». Ясско-Кишиневская операция является примером стремительного окружения сил противника и быстрого их разгрома.

После этого мы попали в Румынию. Страна капитулировала. Оттуда нас направили в Болгарию. 8 сентября 1944 г. наши войска вошли на территорию этого государства. Советский Союз объявил ему войну, потому что болгарское правительство продолжало поддерживать союз с гитлеровской Германией. Мы установили контакт с Народно-освободительной повстанческой армией Болгарии. 9 сентября в Софии началось восстание. Созданное отечественным фронтом правительство разорвало отношения с Германией и объявило ей войну. И что интересно, все болгары желали, чтобы в их город из союзников вошли советские войска, а не американские. Потому что наши народы были более близки друг другу. Солдаты болгарской армии уходили с границы домой со словами: «Ас на майку» (с болгарского языка «Я пошел к матери»). Потому что были уверены в их защите со стороны наших войск. 16 сентября мы вступили в столицу Болгарии Софию.

После мы направились в Венгрию. Были бои за Будапешт. В конце 1944 г. около озера Балатон произошла стычка с немцами. Фашистские танки большим потоком надвигались на нас. Они вырастали, как грибы из-под земли, неожиданно. Я помогал подносить снаряды к орудию, оглянулся назад и увидел, что прямо на нас надвигается вражеская машина. Стоял оглушающий гул, ничего не было слышно. Я схватил противотанковую гранату и удачно попал в броню танка. Он остановился и загорелся. Немцы в панике начали выпрыгивать из горящей машины. В этот момент рядом с нами оказался командир батареи — гвардии капитан Лузгин. С его помощью мы почти в упор расстреляли экипаж немецкого танка.

Когда взяли Будапешт, нас перебросили в Австрию. В это время война заканчивалась. Меня снова отправили в Болгарию, где я служил до демобилизации.

День Победы над фашистской Германией останется в памяти как одна из самых знаменательных дат в моей жизни.

Публикуется по изданию:
Зернов А. Н., Котков С. К.
Шагнувшие в бессмертие.
Саранск, 2005. С. 239 — 241.

Н. Н. МЕЛЬНИКОВ

Мельников Николай Николаевич, житель г. Саранска. Участник боевых действий. Военный фельдшер. Принимал участие в форсировании Одера. Войну завершил в г. Берлине[*].

1989 г.

Я не люблю рассказывать о себе, хотя случаев в жизни было много, но об особо запомнившихся эпизодах из войны расскажу. Мне было 19,5 лет, когда началась война. Я был студентом (тогда не называли медицинское училище) фельдшерско-акушерской школы в г. Саранске. После окончания этой школы меня сразу же отправили на фронт. Отец дал мне наказ: «Лечи, сынок, не только лекарствами, но и добрым словом. Оно порой лучше всякого лекарства». На том и расстались. Когда в сентябре враг рвался на восток, мне было приказано срочно доставить в Брянскую городскую больницу тяжело раненного капитана. Когда подъехали к больнице, город уже был под бомбежкой, но я успел сдать его, и ему сразу же сделали операцию. А назад, к месту нахождения медсанбата, хотя я добрался и благополучно, но зря. Не было уже моего медсанбата, снялся он с места. И догнать мне его не пришлось. Попал в окружение. Так было обидно и тяжело на душе за то, что так я бессилен перед этими гадами, но чудом я вышел из окружения и был направлен военным фельдшером в один из отрядов разминирования. И вот помню переправу через Одер. Это был апрель 1945 г. Враг отступал, но сопротивлялся, собака, жестоко. С большим трудом нашим передовым частям удалось занять небольшой плацдарм на противоположном берегу реки. Наши попытки подослать днем подкрепление были бесполезными. И тогда командование приняло такое решение: ночью провести минирование подходов к занятому плацдарму. Под постоянным обстрелом врага, а он, гад, не скупился на огонь, я всю ночь находился среди минеров, оказывал раненым медицинскую помощь. Наши войска с ходу заняли часть города Фурстенвальда. Но вторую его половину, что на противоположном берегу, занять не удалось. Отступив, немцы взорвали мост. И вновь ночная операция по обеспечению переправы. От разрывов мин, снарядов вода в реке словно кипела. А ведь был апрель, вода в реке была ледяная, и мне не раз и не два приходилось лезть в ледяную воду, чтобы спасать раненых.

Вот так, в постоянной заботе о здоровье советских воинов, хотя каждую минуту грозила мне смерть, дошел я, Николай Мельников, тогда молодой, бравый лейтенант медслужбы, вместе со своими боевыми товарищами до фашистского логова — Берлина. Немцы отчаянно сопротивлялись, но наш желанный час настал — немец капитулировал.

Ну, мы считали себя уже победителями и, осматривая рейхстаг, видели, как наши солдаты оставляли на его стенах и колоннах свои автографы. И вдруг мне в голову

[*] Личный архив В. А. Юрчёнкова.

пришла мысль, и я сказал боевым друзьям: «А что, ребята, разве мы не заслужили, чтобы оставить немцам зарубку на память, а? Ну-ка, Жаткин, подставь-ка мне свою спину». И я, встав на плечи товарища, быстро нацарапал острием штыка: «Ура! Саранск — Берлин, победа, лейтенант Мельников Н. Н.».

А потом меня поезд помчал на восток, к себе домой. И вот хоть сейчас по болезни, ну и по возрасту, ушел на пенсию, для меня, оставившего автограф на стенах побежденного рейхстага, — это незабываемо.

Личный архив В. А. Юрчёнкова.
Записано Тюгаевым Александром,
студентом МГУ им. Н. П. Огарева.

П. Д. МИЛКИН

Милкин Павел Дмитриевич (1903, с. Урусово ныне Ардатовского района Республики Мордовия) — участник боевых действий. В РККА и на фронте — с 1941 г. Прошел боевой путь от Тульской области до Кенигсберга. Принимал участие в Советско-японской войне. Инвалид Великой Отечественной войны. Награжден орденом Красной Звезды[*].

1969 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О БОЕВОМ ПУТИ 326-й МОРДОВСКОЙ ДИВИЗИИ

Мы из села Урусово, Ардатовского района, были мобилизованы Ардатовским райвоенкоматом 6 сентября 1941 г. в составе 14 человек. Василий Федорович Азоркин, Петр Алексеевич Бухалов, Алексей Васильевич Смирнов, Филипп Ефимович Кудашов, Василий Федотович Юртаев, Иван Степанович Юртаев, Кузьма Игнатьевич Юртаев, Павел Кузьмич Мосин, Никита Михайлович Исайкин и другие.

Из города Ардатова нас по железной дороге отправили до станции Красный Узел (Ромодановского района).

По прибытии на станцию Красный Узел (село Ромоданово) из мобилизованных на территории Мордовской АССР формировали 1 079-й[**] стрелковый полк 326-й Мордовской стрелковой дивизии 10-й резервной армии. Командир 1 079-го стрелкового полка — фамилию которого не помню, а командовал 326[-й] стрелковой дивизией полковник Андреев.

С 18 сентября 1941 г. в полку начали изучение стрелкового вооружения, проводились полковые, батальонные и ротные технические занятия. В неделю два раза проводились политические занятия, пронизывая всю жизнь соединения, частей и подразделений. Боевые лозунги партии были «Смерть немецким оккупантам!», «Все для фронта, все для победы над врагом!». Все мы, красноармейцы, верили в силы и мощь советского народа и его армии в разгроме фашистской Германии.

4 ноября 1941 г. наш полк маршем из Ромоданово отправили в Пензенскую область в село Пазелки, примерно 40 километров от города Пензы.

Наступали холода, весь личный состав дивизии и полков квартировался в лесу. Красноармейцы жили в землянках. Не хватало обмундирования, большинство красноармейцев ходили в ботинках, пилотках и без теплого белья. Но мы не падали духом, а продолжали учебу по боевой и политической подготовке.

В конце ноября войска 10-й армии инспектировал К. Е. Ворошилов. Он вникал во все вопросы, всем интересовался. Побывал в большинстве частей соединений.

---

[*] ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 37. Л. 56 — 58 ; http://podvignaroda.mil.ru

[**] В документе ошибка: в состав 326-й стрелковой дивизии входил 1 097-й стрелковый полк.

Он требовал, чтобы с ходу красноармейцы по-настоящему овладевали навыками, нужными в боевой обстановке.

24 ноября мы начали собираться к выезду на фронт. 28 ноября нас посадили в железнодорожные вагоны и отправили из города Пензы на фронт. Доехав до станции Сапожки Тульской области, все части 326[-й] стрелковой дивизии высадили на опушке леса, где замаскировались от налетов немецкой авиации. До вступления в бой нас всех, красноармейцев, переобмундировали, дали теплые вещи, т. е. новые шинели, теплое белье, шапки-ушанки и теплые валенки. Вооружили новыми карабинами и автоматами. Артиллерийскую часть подразделений вооружили новыми пушками 45-, 57-, 76-миллиметрового калибра.

6 декабря 1941 г. все полки дивизии вступили в первый бой. 1 079-й стрелковый полк после артиллерийского полка, пехота пошла в атаку. Немцы, не выдержав атаку наших бойцов, стали отступать. В короткое время мы освободили районный центр Петухи, а затем и город Сухиничи. Помню, ночью нас в составе 8 человек послали в разведку. Мы поползли в немецкие окопы, добрались до штаба подразделения и утащили оттуда чемодан с важными документами. А как оттуда стали возвращаться обратно, на нас обрушился шквал огня. Четыре человека из восьми в эту ночь остались мертвыми лежать на сырой земле. Погиб тогда и уроженец села Баево А. Т. Сульдин.

За эту операцию меня наградили орденом Красной Звезды. В середине декабря, во время успешных наступлений, я был ранен в правую руку. Несмотря на острую боль, я продолжал стрелять по фашистам из автомата.

Массовый героизм проявил в боях за овладение городом Сухиничи наш 3-й стрелковый батальон (фамилию командира батальона не помню).

За проявленные в боях массовый героизм и отвагу многие бойцы 1 079-го стрелкового полка были награждены орденами и медалями Советского Союза.

В этих боях с немецко-фашистскими оккупантами в конце декабря пали лучшие силы мордовского народа. Среди них мои земляки, уроженцы с. Урусово, Филипп Ефимович Кудашев, Кузьма Игнатьевич Юртаев, Никита Михайлович Исайкин — житель села Жабино Урусовского сельсовета Ардатовского района, Алексей Тихонович Сульдин — житель села Баево Ардатовского района.

В военном госпитале я на излечении находился в течение трех месяцев. После излечения меня снова направили в действующую армию в составе 139-го стрелкового полка. 7 марта 1943 г. в боях на фронте в направлении города Орел был вторично ранен. После излечения меня направили в 129-й дорожный батальон, мы восстанавливали железные дороги, разрушенные войной. Отечественную войну закончили в Германии в городе Кенигсберге (Калининграде). С 9 [августа] по 3 сентября 1945 г. воевал на фронте против японских самураев.

30 сентября 1945 г. я был демобилизован из рядов Советской армии.

ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 37. Л. 56 — 58.
Машинопись. Копия.

В. Б. МИРОНОВ

Миронов Вениамин Борисович (29.12.1912, с. Константиновка ныне Ромодановского района Республики Мордовия — 20.8.1980, г. Саранск) — участник боевых действий. Герой Советского Союза (1945). В РККА — с 1934 г. Окончил Томское артиллерийское училище (1936), ускоренный курс Военной академии им. М. В. Фрунзе (1941). Прошел с боями от Сталинграда до Берлина. Гвардии подполковник. 20 апреля 1945 г. возглавил штурм опорного пункта немцев в пригороде Берлина. Был ранен, но командовал боем. Участник Парада Победы в г. Москве 24 июня 1945 г. После войны продолжил службу в армии. С 1955 г. — в запасе. Награжден орденом Ленина, тремя — Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, тремя — Красной Звезды, медалями[*].

1956 г.

Начало войны застало меня в Москве. Я был слушателем прославленной Военной академии имени Фрунзе.

Вскоре нам был сделан досрочный выпуск. Знаний было достаточно для того, чтобы выполнять серьезные боевые поручения. Я получил задание сформировать в подмосковном городке Малаховке воздушно-десантный батальон и выброситься в составе корпуса генерала Казанкина в тыл центральной немецкой группировки на территории Смоленской области. Мы должны были отвлечь на себя часть сил противника, наступавших на Москву, совершать в тылу врага диверсии, разрушать фашистские коммуникации.

В конце ноября с одного из подмосковных аэродромов на 25 самолетах мы поднялись в воздух и взяли курс на запад. Из окон самолетов были видны пожары в Можайске, Вязьме, а затем и в Смоленске. Линию фронта сверху определить было трудно.

Но вот и деревня Озерище — место нашей выброски. Я подошел к двери самолета, нащупал кольцо парашюта, подал команду: «За мной, пошел!» и прыгнул в ночной мрак. Вскоре последовал сильный рывок: все в порядке, парашют открылся. Один за другим приземлились все бойцы. Не теряя времени, мы приступили к выполнению боевой операции.

В первые же ночи взлетели на воздух железнодорожные мосты и фронтовые склады с боеприпасами и продовольствием. Затем начались жестокие бои с противником. С десантниками в это время соединился кавалерийский корпус под командованием генерала Белова. К нам примкнуло также много партизан. В тылу врага, в районе г. Дорогобуж, образовалась «малая советская земля» площадью до четырех тысяч квадратных километров. Фашистам пришлось снять из-под Москвы несколько крупных соединений.

---

[*] Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2003. Т. 1. С. 546 ; Война на всех одна. Саранск, 2015. С. 150 — 151.

Боевая задача была выполнена нами успешно. По тылам врага наши части прошли более 300 километров. Через брянские леса мы подошли к линии фронта и 24 июня 1942 г. соединились со своими войсками. Москва в это время была уже вне опасности.

Публикуется по изданию:
Миронов В. Б. В тылу врага //
Совет. Мордовия. 1956. 23 дек.

1957 г.

Минуло двенадцать лет с тех пор, как отгремели бои Великой Отечественной войны. В те суровые годы славный боевой путь прошла наша часть — 347-й гвардейский Брестский орденов Суворова и Кутузова полк тяжелых самоходных орудий. Восемьдесят процентов личного состава в полку были коммунисты и комсомольцы. Много замечательных подвигов совершили они в боях за Родину. Сейчас, в канун 40-й годовщины Великого Октября, я как бывший командир полка с волнением и гордостью вспоминаю воинов, которые с честью отстаивали завоевания Великой Октябрьской социалистической революции от посягательств фашистских захватчиков.

В январе 1945 г. наши войска прорвали оборону гитлеровцев на Висле. Наш полк был введен в прорыв за танковой бригадой. Мы задержались у переправы. Наступила ночь. Переправившись через реку в абсолютной темноте, самоходки двинулись за танками, стараясь идти по их следам. Начавшаяся пурга заметала следы. Тогда мы повели машины по компасу. Шли много часов подряд. Командир роты лейтенант Мусатов доложил, что механики-водители начинают засыпать от усталости. А отдыхать было нельзя, ибо противник мог закрепиться на промежуточных рубежах. Остановились всего на десять минут. Воины вышли из машин, умылись снегом, сделали небольшую разминку и… снова пошли вперед. На рассвете догнали танки и с ходу вступили в бой.

Помнятся решительные действия начальника штаба майора Захаркина. Мы очищали берег реки Одер от фашистских войск. Полк находился в лесу. Неожиданно была контратакована большой группой гитлеровских танков соседняя часть. Самоходки немедленно двинулись в бой. Ими командовал майор Захаркин. Огнем с места и с коротких остановок самоходчики уничтожили семь фашистских танков и отбили контратаку врага.

Волнующим был эпизод освобождения узников фашизма из тюрьмы во время боев за Берлин. Самоходки Бушуева, Качалина, Моногорова, Борисова, Витавского, Кириченко, Земскова и Заева разбили огнем из орудий каменную стену и здание тюрьмы. Огневые средства противника были подавлены. Из подвала тюрьмы вышли заключенные поляки, французы, болгары, англичане и американцы. Наши воины отнеслись к освобожденным с большим участием. Они поделились с ними продуктами, нуждающимся оказали медицинскую помощь.

В бою за северо-восточную окраину Берлина отличился офицер Мусатов. Когда в машину попал вражеский снаряд и она загорелась, мужественный офицер пересел на другую самоходку и продолжал управлять подчиненными. После боя Мусатов был принят в члены коммунистической партии.

Храбро выполняла свой долг санинструктор Людмила Лапина, прибывшая к нам с Кузбасса по комсомольской мобилизации. Десятки раненых бойцов вынесла она из-под обстрела. Однажды Людмила была ранена. Несмотря на это, она не ушла с поля боя и продолжала перевязывать раненых.

В бою за Кюстрин был ранен командир роты старший лейтенант Бельчиков. Солдат Аксянов отнес офицера в воронку от авиабомбы. Во время очередного обстрела он прикрыл своим телом командира и ценою своей жизни спас его.

Лейтенант Хоруженко при штурме Берлина двигался на самоходном орудии в первом эшелоне атакующих. Над своей машиной он развернул Красное знамя, намереваясь водрузить его на первое здание северо-восточной окраины Берлина. Осколок снаряда смертельно ранил офицера. Члены экипажа подхватили знамя из рук умирающего командира. Через несколько минут мы увидели знамя на здании, занятом подчиненными лейтенанта Хоруженко.

Можно было бы привести сотни примеров, рассказывающих об изумительной храбрости, решительности и стойкости наших советских людей. Вспоминая их, часто думаешь: «Где же вы теперь, друзья мои — однополчане?». Знаю одно — где бы вы ни были, вы честно трудитесь на благо нашего социалистического Отечества. Молодым воинам, которые пришли нам на смену, хочется от всей души пожелать высоко нести боевые знамена, с такой же самоотверженностью выполнять свой воинский долг, как выполняли его фронтовики в боях за честь, свободу и независимость нашей Родины.

Публикуется по изданию:
Миронов В. Б. Высоко нести боевые знамена //
Крас. звезда. 1957. 12 окт.

1958 г.

Немеркнущей славой покрыли себя героические защитники Брестской крепости в первые дни Великой Отечественной войны. Их подвиг явился образцом верности воинов Советской армии своему долгу, беспредельной преданности социалистической Родине. Память о героических защитниках Бреста навсегда войдет в историю великой битвы советского народа за свою свободу, честь и независимость как одна из славных ее страниц.

Склоняя голову перед светлой памятью героев крепости над Бугом и воздавая должное ее живым защитникам, я хочу коротко рассказать о том, как мы освобождали Брест от немецко-фашистских захватчиков.

Было это в конце июля 1944 г. Преодолев пинские болота, части нашего соединения получили задачу: выйти на линию Пружаны — Пелище с тем, чтобы здесь

решительным ударом танков, мотопехоты и самоходных установок прижать фашистов к Бугу и уничтожить их.

Выполнение этого приказа вынудило бы немцев, несмотря на наличие в районе Бреста огромных сил, поспешно оставить город.

В первый эшелон наступающих были выделены лучшие части полковников Куликова и Ершова, подполковника Карпенко и Героя Советского Союза майора Данилюка. Боевые действия этих частей поддерживали минометчики подполковника Пузанова, катюши майора Прокопенко, самоходные установки подполковника Симонова.

После мощного артиллерийского и авиационного удара вражеская оборона под Пружанами была прорвана, и советские воины неудержимой лавиной хлынули на запад.

Пытаясь приостановить стремительное продвижение наших войск, гитлеровцы на рубеже Каменец — Пелище — Жабинка предприняли упорное сопротивление, осыпая наступающих градом пуль и снарядов. Одновременно фашистское командование начало стягивать в этот район крупные силы из Бреста и Каменца с целью задержать наше продвижение.

Чтобы помешать врагу выполнить этот коварный план, полковник Куликов решил прорваться через Пелище в тыл к немцам, захватить узел шоссейных дорог в Видомле и расстреливать в упор подходившие колонны противника.

Ночью, при поддержке танкистов Героя Советского Союза майора Бартовского и артиллеристов майора Сергейчука, я с двумя батальонами своих солдат решительной атакой выбил гитлеровцев из села и овладел Пелищами. В это время полковник Куликов на танках с выключенными фарами ринулся к Видомле. Вслед за ним, оставив в Пелищах две роты солдат, на Видомлю двинулись и мои подразделения.

Наши смелые действия вызвали среди фашистов большую панику. Они, словно угорелые, бросались на своих машинах из стороны в сторону, почти везде попадая под огонь и гусеницы танков полковника Куликова.

С рассветом мы заняли выгодные высоты восточнее Видомли и огнем своих пушек очистили от вражеских войск все дороги, идущие из Бреста, а пехота решительной атакой выбила противника из города.

Многих героев этой славной операции Правительство СССР наградило орденами и медалями. Отмечены также особо отличившиеся части, в том числе и та, в которой в те годы я служил.

Многие герои в боях за Брест сложили свои головы. Смертью храбрых погиб и верный сын своего народа полковник Куликов.

Пусть вечно живут в народе имена героев, грудью вставших на защиту священных рубежей своей Родины. На их славных боевых традициях воспитываются новые поколения бесстрашных борцов за коммунизм.

Публикуется по изданию:
Миронов В. Б. В боях за освобождение Бреста //
Заря. [Брест]. 1958. 23 февр.

1958 г.

Самой грандиозной операцией в Великой Отечественной войне была Берлинская. Она явилась завершающим этапом всей войны. В этой операции с нашей стороны участвовало: 41 тысяча артиллерийских орудий, 8 тысяч самолетов, 6 300 танков и сотни тысяч воинов. Перед решающим наступлением 18 тысяч солдат, офицеров и генералов изъявили желание вступить в члены нашей партии, чтобы идти в сражение коммунистами.

На правом берегу реки Одер и Кюстринском плацдарме все леса, населенные пункты и выемки местности были заполнены нашими войсками. Для подавления обороны Берлина к Одеру был подвезен 1 миллион 300 тысяч пудов снарядов и авиабомб. Чтобы ослепить противника во время ночной атаки, на Кюстринском плацдарме было установлено 200 прожекторов огромной светолучевой силы.

С 15 марта 1945 г. началась непосредственная подготовка к штурму фашистского логова. В результате разведки и всестороннего изучения вражеской обороны было установлено, что обороняющийся гарнизон Берлина состоит из 500 тысяч гитлеровцев, что всю территорию от Одера до Берлина враг опоясал оборонительными сооружениями: около 5 непрерывных траншей имела главная полоса обороны по левому берегу Одера. Озера, реки, каналы, овраги, все населенные пункты были приспособлены для длительного сопротивления. На подступах к Берлину гитлеровцы соорудили три мощные оборонительные полосы.

Одерско-Нейсенский оборонительный рубеж был до сорока километров глубиной. Особенно укреплялись Зеловские высоты и земляные дамбы на Одере. Сильно укрепленный Берлинский оборонительный район защищался тремя кольцевыми обводами. Сам город представлял собой гигантскую крепость. Он разбивался на 9 оборонительных секторов во главе с комендантами. В девятом секторе находилось гитлеровское правительство.

Баррикады, противотанковые рвы и заграждения, завалы, бетонированные доты сооружались на каждой улице города. 16 железнодорожных путей, 30 вокзалов, метро, река Шпрее, каналы, корпуса заводов и других зданий использовались для укрепления общей системы обороны города на площади 82 тысяч гектаров.

Непосредственно в полосе наступления полка, которым я командовал, оборонялись подразделения 1-й автополевой дивизии, 11[-й] мотодивизии СС «Норманд», отряд фольксштурма и батальон засады в подвалах зданий.

Мы учитывали силы противника и готовились к битве так, чтобы наверняка его победить.

17 апреля 1945 г. стрелковые соединения, поддержанные массированным огнем артиллерии и авиации, прорвали фашистскую оборону на Одере. Мой полк устремился к северо-восточной окраине Берлина. У каждого воина было желание — в числе первых ворваться в немецкую столицу. На всех танках, самоходках и автомашинах было написано: «Вперед на Берлин!», «Даешь Берлин!».

В первом эшелоне нашего полка наступали роты тяжелых самоходок старших лейтенантов Мусатова, Иванова и Орлеанского совместно с пехотой войсковой части Героя Советского Союза полковника Хотимского.

Особенно отличилась в бою рота Мусатова. Она наступала на главном направлении вдоль шоссе Мальхов — Берлин. В двух километрах от Берлина наши подразделения были обстреляны зенитными пушками противника. Валентин Мусатов сосредоточил огонь своей роты по вражеским зениткам.

Гитлеровцы в панике бросились в город, оставляя исправные пушки. Вдруг из кювета дороги показался дымок, и в воздухе прошипел фаустпатрон. Мусатов прижался к бронестенке машины и с волнением ждал разрыва фашистской гранаты, но она упала на мягкую пашню и не разорвалась. Другой панцерфауст угодил в машину Мусатова. Самоходка загорелась. Командиру роты вместе с экипажем удалось потушить объятую пламенем машину. Лицо и руки Валентина Мусатова обгорели, из головы сочилась кровь. Несмотря на острую боль, он не бросил управление ротой. Вскочив на машину лейтенанта Бушуева, он продолжал по радио отдавать распоряжения экипажам самоходок.

Храбро действовал и лейтенант Хоруженко. Он направил свою машину на вражеские окопы и подавил в них пехоту, одновременно сокрушая огнем пушек укрепления противника на окраине города. Фашисты осыпали самоходку смельчака снарядами и пулями, но он упорно продвигался вперед. Когда в машине не осталось ни одного снаряда, экипаж Хоруженко продолжал поливать врага из автоматов, а затем пустил в ход гранаты.

Хоруженко не заметил, как из города вышла самоходка врага. «Фердинанд» открыл огонь, и в воздухе засвистали «болванки». Тяжело раненный командир, задыхаясь от огня и газа, лежал под самоходкой, стреляя из пистолета в приближающихся фашистов. А когда они окружили машину, советский офицер приказал своему экипажу покинуть самоходку и стал один прикрывать огнем своих товарищей. Когда гитлеровцы вскарабкались на самоходку, Хоруженко взорвал машину. Гитлеровцы взлетели в воздух. Погиб и Тихон Хоруженко.

Доблестно воевал механик-водитель Федор Коротков. Он раздавил своей самоходкой минометную батарею противника и вынудил к сдаче целый взвод гитлеровцев. Ему снарядом оторвало обе ноги, но он в горячке продолжал вести стальную махину одними руками и полностью овладел позицией врага.

Он умер 21 апреля. Над его могилой был произведен салют из той самой пушки, которой Коротков командовал в боях. Мастера вождения самоходок, Герои Советского Союза техники-лейтенанты Александр Болдырев и Павел Коростелев отомстили за погибших товарищей. Вместе с пехотой они ворвались в Берлин, а за ними вошли в город и другие подразделения.

Публикуется по изданию:
Миронов В. Б. Штурм Берлина. (Воспоминания) //
Колхоз. стройка. 1958. 23 февр. С. 3 — 4.

1958 г.

Перед 40-й годовщиной Советской армии и военно-морского флота я написал письма семьям своих однополчан с целью узнать, как они живут в настоящее время, поздравить их со славным юбилеем. В ответ мне как бывшему командиру полка прислано несколько десятков писем от жен, детей, отцов, матерей, сестер и братьев погибших воинов.

Жанна — дочь погибшего в бою за Берлин механика-водителя тяжелой самоходки техника-лейтенанта Федора Ивановича Короткова — пишет: «Дорогой товарищ командир, большое спасибо Вам, что не забываете о моем папе и о нас с мамой. Когда папа уезжал в 1941 г. на фронт, мне был всего один годик. Очень хочется знать, какой он был как воин и как человек. Теперь мне уже восемнадцатый год, и я учусь в техникуме».

Дочери боевого друга я послал письмо и рассказал о героическом подвиге ее отца.

Особенно взволновало меня письмо жены погибшего в бою за Штеттин старшего лейтенанта Дмитрия Павловича Виноградова. Анна Ивановна Виноградова сообщает, что живет в селе Красная Горка Молоковского района Калининской области, получает пенсию и работает в колхозе. Все свои силы она отдает воспитанию сына Виктора, который учится в шестом классе. Виктор совсем не знает отца. И мать и сын очень просили меня хотя бы коротко написать, как воевал Дмитрий Павлович.

В своем ответном письме я рассказал им о подвиге Виноградова. Однажды он доставлял в роту боевой приказ. Эта рота была отрезана фашистами от полка. Виноградов геройски преодолел вражескую огневую завесу и доставил приказ. Но, выполняя боевое задание, отважный воин был смертельно ранен.

Из Акмолинска на мое письмо ответила сестра прославленного механика-водителя самоходки Гумара Салихова — Сара Саитовна Салихова. Она просила подробно описать, как погиб ее брат, отданы ли были необходимые почести при его похоронах. Она решила воспитать своих детей такими же мужественными и смелыми, каким был ее брат Гумар. Саре я ответил, что техник-лейтенант Салихов в числе первых ворвался на своей боевой машине в Кюстрин, беспощадно громил на железнодорожной станции вражеские воинские эшелоны и погиб при разрыве авиабомбы. Салют над могилой Гумара был дан из орудия той самой самоходки, которую он водил в боях.

Под Берлином нашему полку пришлось поддерживать огнем наступление мотопехоты, которой командовал славный сын армянского народа генерал-майор Амаяк Григорьевич Бабаян. Когда пехота отстала от самоходок, Бабаян вышел в ее боевые порядки и личным примером воодушевил воинов на атаку. В этом бою отважный патриот Родины погиб. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Недавно я получил письмо из Тбилиси от старшего брата генерала. Макар Григорьевич пишет, что сын генерала — Юра живет в Ереване. Он хочет собрать о своем отце подробные сведения. Я написал Юре о подвиге его отца.

Публикуется по изданию:
Миронов В. Б. Письма о героях //
Крас. звезда. 1958. 23 марта.

1958 г.

1. ПЕРВОЕ БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ
(Командование дивизионом 819[-го] арт[иллерийского] полка 295[-й] стр[елковой] дивизии)

22 июня 1941 г. хорошо оснащенная и мобилизованная немецко-фашистская армия напала на нашу страну.

В начале войны как слушатель академии им[ени] Фрунзе я впервые встретился с воздушным противником в столице нашей Родины — Москве.

Немецкие летчики по 2 — 3 раза в день сбрасывали на Москву фугасные, осколочные и замедленного действия бомбы. Особенно много бомб сбрасывалось маленьких, зажигательного действия. Как дежурный по крыше академии, в рукавицах и ватной куртке, я сбрасывал с крыши эти «зажигалки» на асфальт, не допуская сжечь здание академии.

В середине июля 1941 г. немцы подошли к столице советской Украины — Киеву и начали штурмовать город. Получив академический диплом и возглавив воинский жел[езно]дор[ожный] эшелон с артиллеристами, мне довелось выехать на защиту Киева в должности командира арт[иллерийского] дивизиона.

Воинский эшелон, хотя и был «литерным», предназначенным для экстренной переброски, продвигался сравнительно медленно, так как по 10 — 12 раз в день приходилось останавливаться в поле и отбивать воздушные атаки противника.

При бомбовых ударах немцев и остановке эшелона бойцы рассредоточивались по полю и вели огонь по атакующим самолетам из винтовок и пулеметов. Зенитных орудий в эшелоне не было. Вскоре мы приспособили прямо с пути 76-м[илли]-м[етровые] пушки 1937 г. для стрельбы по самолетам бризантной гранатой. Расставив эти пушки на платформах в разные стороны, мы значительно улучшили ПВО эшелона, и фашистские стервятники не стали бесконечно снижаться над эшелоном до 200 метров.

Прибыв в Киев, мы увидели там полную картину осажденного города. Немцы обложили город с трех сторон. Жители города от малого до старого, проливали пот, работая на окопных оборонительных работах. Мужчины-рабочие организовались в ополчение и занимали окопы вместе с бойцами. Расположили пушки к западу от города. Противника долго ждать не пришлось. Как черные копны сена, впереди появились идущие в шахматном порядке немецкие танки. «Издали они вроде не очень страшные», — заметил один из наводчиков. «Подобьем пару, другую, так совсем будет не страшно», — проговорил старшина батареи, участник боев с Финляндией в 1939 г.

Но, когда наши пушки начали осыпаться градом вражеских снарядов, настроение расчетов быстро изменилось. Некоторые номера расчетов побежали в щели. «Стоять на местах, стрелять по танкам, первой батарее по головному, второй — по второму, — подал я команды. — Огонь! Второй и третьей батареям отбивать атаку танков справа». Загорелись первых два танка. Бойцы, принимавшие первое боевое

крещение, в один голос все закричали: «Горят гады» и начали наперебой кричать: «Бей фашистских гадов!».

Вскоре атака была отбита.

Так отбивали мы по 3 — 4 атаки в день от древнего и знаменитого по своей красоте города Киева.

Оборона длилась около месяца.

К середине августа 1941 г. я получил назначение командиром воздушно-десантного дивизиона и отправился обучать и формировать этот дивизион в Люберцы под Москву.

2. В ТЫЛУ ВРАГА
(Командование воздушно-десантным дивизионом)

При помощи инструкторов-парашютистов обучился сам и обучил солдат прыгать с парашютом и действовать в тылу врага.

В мае 1942 г. началась выброска моего дивизиона в тыл противника в район: Ельня, Д[о]рогобуж, Смоленск, а фронт проходил под Москвой.

На аэродроме Монино, под Москвой, мне было дано 25 самолетов ПС-84, на которые я рассадил дивизион.

29 мая 1942 г. в 11.00 ночи при встречном ветре отряд поднялся в воздух, я приказал летчикам иметь дистанции по 5 летных минут и лететь разными трассами, чтобы всем сразу не стать жертвой немецких истребителей, в случае столкновения с ними, а также чтобы не обнаружить район выброски, который противник мог разбомбить.

Взяв в свой самолет взвод управления дивизиона, я вылетел с первым самолетом. Было уже совсем темно, моросил дождь, дул встречный ветер, но мы делали все усилия и настойчиво летели на запад, на высоте 800 метров.

Вдруг мы быстро и круто пошли вверх и достигли высоты 4 500 метров, — это означало, что перелетали линию фронта, стало холодно и трудно дышать.

Посмотрев в окно самолета, я увидел множество разрывов зенитных артснарядов. К счастью, они не долетали до самолета, и лишь отдельные обессилившие осколки ударяли по крыльям машины.

Над линией фронта мы выбросили несколько связок агитационной литературы для оккупированного населения и для немецких войск.

Вскоре увидели 6 костров, которые жгли партизаны. Об этом условном знаке мы договорились с ними по радио.

«Приготовиться к выброске», — подал я команду. Бойцы завозились в самолете, но не сразу встали, так как у каждого было столько же навьючено груза, сколько десантник весит сам (парашют, автомат, боеприпасы, гранаты, тол, кинжал, питание).

Наконец пришло время совершить первый боевой прыжок. Я открыл дверь самолета, нащупал в темноте кольцо парашюта и, набравшись мужества, послал свое тело в ночную мглу. На лету уже скомандовал бойцам: «За мной! Пошел!».

Пролетев камнем метров 60, я почувствовал сильный рывок за плечи и бедра. В нескольких местах была содрана кожа. Это раскрылся купол парашюта и уменьшил скорость падения. Внизу в темноте ничего не было видно. В тревоге мучает вопрос — «Куда приземлюсь? На кол, в озеро, на дерево? На здание?».

...Вдруг вопрос разрешился, ноги увязли в трясину на берегу озера у деревни Озерище. Вынимаю фонарь и начинаю подавать разноцветные сигналы для сбора к себе бойцов. Минометы и пулеметы, выброшенные на парашютах в мягких мешках, бойцы собирали в одно место.

Наутро, увязав взаимодействие с партизанами и прорвавшимися в рейд окруженными кавалеристами генерал-лейтенанта Белова, мы приступили к выполнению боевого задания.

Винтовками с беззвучным выстрелом мы снимали часовых в ночное время у намеченных для взрыва объектов, а иногда делали им «тихую смерть» кинжалами, предварительно набрасывая часовым на головы плащ-палатку, а рот зажимали локтями.

После взрыва объекта мы скрывались в дневное время в зарослях болот и лесах подальше от места нападения. Засады для уничтожения офицеров и солдат противника делали так, чтобы противник подошел до 10 метров, и расстреливали его наверняка, чтобы никто не мог убежать из лиц, намеченных для уничтожения.

Помню, нам удалось взорвать недалеко от Дорогобужа один немецкий пороховой склад, и взрыв произошел такой силы, что второй склад с боеприпасами метрах в 400 взорвался сам от детонации.

Много десантники, под моим командованием, разрушили железных дорог.

По выполнении задания мы хотели пробиться к своим войскам, действующим с фронта в направлении Москвы, но тогда на этом направлении было столько немецких войск, что эта попытка была безуспешной.

Наша разведка была уничтожена. Тогда отряд и я повернул[и] на юг, и, совершив 300-к[ило]м[етровый] марш в тылу врага по ночам, мы ушли в брянские леса.

В брянском лесу мы встретили маленький партизанский отряд около х[утора] Ивановка, состоящий из 17 человек. Эти партизаны помогли найти слабое место в немецкой обороне в лесу, в районе Жилино, для прорыва обороны немцев с тыла.

Ночью 24 июня 1942 г. такая атака началась. Немецкая оборона состояла из ряда пулеметов, обращенных в тыл (видимо, для защиты от партизан), линии дзотов и заслонов автоматчиков в сторону фронта. Перед «тыловыми» пулеметами были минные поля.

Развернувшись в цепь, десантники доползли к обороне противника с тыла без единого выстрела. Противник не подозревал нашего приближения. Пни деревьев улучшали нашу маскировку при освещениях ракетами со стороны врага.

Вдруг несколько бойцов одновременно подорвались на минах, немцы всполошились, и море огня трассирующих и разрывных пуль было направлено в сторону десантов цепи. Но огонь этот был над нашими головами и десантников не задевал. Больше никто вперед не полз, несмотря на все мои усилия.

И вот проползающий младший лейтенант Ермишкин объявил вдоль цепи легенду — «что на левом фланге наши пробились к своим. Кто не хочет немецкого

плена, братишки, за мной». И вот из цепи выполз один, второй, третий, и тронулась вся цепь десантников. Вот некоторые храбрецы вползли уже между дзотов. Немцы из дзотов начали стрелять друг в друга. У немцев поднялась паника.

Перед утром мы отбросили последние заслоны автоматчиков. Начало светать. Несколько дней не евши, утомленные преследованием немецких жандармов и беспрерывными боевыми операциями, десантники, собрав последние силы, побежали по нейтральной зоне к своей обороне. Увидев окопы нашей полевой армии, мы облегченно вздохнули.

Вдруг поднялась каска с красной звездой передового наблюдателя. Наблюдатель, видимо, дремал и, встрепенувшись, закричал не своим голосом: «Стой! Кто идет?!». Впереди орудия прямой наводки готовились к бою. «Стой, не стреляй! Братцы, это мы! Свои! Десантники!» И весь воздушно-десантный отряд бросился обнимать бойцов полевой пехоты. Некоторые из десантников, добравшись до окопа пехоты, свали[ва]лись в него и теряли сознание. За этот бой я получил повышение в звании сразу от ст[аршего] лейтенанта до майора.

В это время осколок мины попал мне в голову, пилотка замокла кровью. «Неужели в мозг?» — мелькнула мысль, но осколок застрял в кости черепа и был удален врачами.

3. В ОБОРОНЕ СТАЛИНГРАДА

В течение нескольких дней мы привели себя в порядок и снова получили полевые пушки. Враг в июле 1942 г. рвался к Сталинграду. Положение наших войск было исключительно тяжелым. Вместе со своими солдатами я выехал под Сталинград. Прямой дорогой проехать было невозможно, и мы ехали через Саратов по левому берегу Волги, затем севернее Сталинграда через Волгу переправлялись на пароме. После переправы, ночью подтянув пушки к Дону, в район станции Качалинской, мы приступили к подготовке оборонительного рубежа.

Расположив пушки на левом берегу Дона и подготовив заградительные и сосредоточенные огни на правом берегу, мы начали ожидать немцев. Наши части под прикрытием своих арьергардов группами отходили на левый наш фланг в направлении г. Калач и совхоза «Котлубань». Наконец под градом артиллерийских снарядов миновал позиции дивизиона арьергардный батальон танкистов.

Танкисты на ходу отстреливались у переправы через Дон, они открыли ураганный огонь по противнику и вели его, пока не перешли все танки, затем саперы взорвали мост, в тот момент, когда на него въехали первых два немецких танка с крестами на бортах. Когда рассеялся дым от взрыва, контуженные немецкие солдаты, ехавшие на танках в качестве десанта, беспомощно барахтались и чего-то кричали на своем языке на середине реки. «По плавающим немцам первой батарее залпом огонь!» — подал я команду.

Снаряды попали в середину плавающей группы, после чего на реке стало тихо, за рекой на горизонте виднелась пыль. Вскоре эта пыль начала распространяться по всем дорогам на нашем участке по правобережью реки. Это двигались маршем немецкие войска. В бинокль можно было различить двигающиеся в колоннах авто-

машины, танки, пушки и разные повозки. Две батареи ахнули залпами по наступающим колоннам врага, через несколько секунд в разных местах загорелись немецкие машины. Соседние наши арт[иллерийские] батареи также начали стрельбу. Впереди застрекотали пулеметы нашей пехоты. Противнику не удалось подойти к реке с ходу, и он начал развертывание. Несколько батарей сразу становились на огневые позиции, во все кусты ползли танки и арт[иллерийские] самоходы, пехота разбегалась в боевой порядок.

«Ну, братцы, держись, бой будет не на шутку», — предупредил я расчеты орудий. Орудия стреляли без остановки то по одному, то по другому участку целей, то по скоплениям противника, то прямой наводкой. Стволы нагревались так, что к ним нельзя было прикоснуться рукой. Но бой еще только начинался. Вот мотоциклисты немцев на большой скорости подъехали к переправе.

Первая батарея не замедлила ахнуть залпом по мотоциклетной группе, и видно было, как вражеские храбрецы бились на берегу в предсмертной судороге.

За час до темноты немцы начали огневой налет. Авиация противника то с пике, то с бреющего полета сбрасывала на дивизион бомбы. Немцы стянули сюда самолеты почти со всех европейских стран. Немецкая артиллерия начала стрелять в накладку авиабомбами. Забившись на дно блиндажей, мы в ожидании смерти переносили минуты немецкой арт[иллерийской] подготовки. Только наблюдатель сидел в щели и громко передавал наблюдения.

«У переднего орудия пробило люльку! — кричал он. — Блиндаж второй батареи вместе с людьми завалило землей», «Делают заход тридцать... сорок... бомбовозов противника!» и так далее.

Но вот минуты огневого грома окончены, и наблюдатель докладывает: «Товарищ командир, немецкая пехота и танки идут в атаку!». «Расчеты к орудиям!» — подал я команду. Но половина орудий уже была выведена из строя, во второй батарее не было людей, разбив по одному человеку на уцелевшие орудия, я подал команду: «По атакующему противнику — огонь!».

От первых снарядов поредели немецкие цепи пехоты. Но справа уже совсем близко, в шахматном порядке, на полном ходу шли немецкие танки. Их было сорок. Заметив наш дивизион они начали вести по нему огонь. Мы повернули свои орудия по танкам и дали первый залп. Несколько немецких танков вспыхнули. «Что за черт? — подумал я. — Горят даже от осколков». Но, как после выяснилось, для придания массовости танковой атаке немцы покрыли несколько автомашин фанерой и, покрасив их под цвет танков, пустили в атаку второй линии. Первая линия настоящих танков упорно вела огонь и обходила орудия. В это время немецкая пехота уже вплавь переплывала Дон.

Получив разрешение на отход, под прикрытием первой батареи и доблестных наших ночных бомбовозов У-2, я начал отводить орудия к Сталинграду через совхоз «Котлубань». Немцы начали преследовать нас утром следующего дня. Но мы уже подготовились к бою на окраине Сталинграда.

Из Сталинграда мне пришлось выехать по срочному вызову в Москву для нового назначения на Северо-Западный фронт.

4. ТРУДНОСТИ ВОЙНЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ (Выполнение обязанностей начальника штаба артиллерии 6-й воздушной десан[тной] стр[елковой] дивизии)

В конце 1942 г. наши войска на Северо-Западном фронте сжимали в тиски 16[-ю] немецкую армию в районе Демьяновска. Наше командование напрягало все усилия для окончательного уничтожения этой группировки немцев, и мне пришлось в этом деле принять участие. На этом участке появились новые трудности. Бездорожье вынуждало делать настилы дорог из леса. В сторону от таких дорог не проходили ни лошади, ни автомашины, и пушки расставлялись в боевой порядок самими артиллеристами.

Много пота и мучения было со стороны воинов этого фронта затрачено на каждую перемену боевых порядков войск. Под снегом всю зиму стоит вода и не позволяет рыть блиндажи и окопы. Излишние потери заставляли делать окопы способом искусственной насыпи, а для орудий среди болот сооружать плоты. Блиндажи делали также из бруствера.

Все это сильно изматывало воинов. В этих боях мне пришлось управлять большой группой артиллерии, действуя в должности начальника от штаба артиллерии дивизии. Центром руководства, как правило, был артиллерийский н[аблюдательный] п[ункт] с телефонными коммутаторами и с главной радиостанцией артиллерийской сети. Здесь же была вся документация по планированию огнем. Этот н[аблюдательный] п[ункт] артиллеристы называли огневой диспетчерской. Сюда поступали на огонь заявки от пехоты и танков, и артиллерийские снаряды посылались немедленно по назначению, указанному пехотой и танками.

5. ОРЛОВСКО-КУРСКАЯ ДУГА (Выполнение обязанностей нач[альника] штаба артиллерии 1[-го] мех[анизированного] корпуса)

Летом 1943 г. наше командование предвидело наступление немцев на Орловско-Курской дуге, и поэтому на этом участке готовилась не только мощная оборона, но и дальнейший разгром врага — последующее наступление. Переехав на этот участок, я впервые вошел в семью танкистов. В боевых действиях под Курском и Белгородом я сразу почувствовал всю сложность и трудность управления быстроподвижными подразделениями.

Подвижные средства (мотоциклы, автомашины, броневики, транспортеры и радио) были основными средствами управления. Были случаи, когда неделями приходилось находиться на колесах и на ходу, работая по радио. Запомнились бои под Прохоровкой. Это были огромные бои многих тысяч танков. Я корректировал огонь арт[иллерийской] группы из танка. «Прохоровское побоище» представляло из себя горящий город боевой техники врага.

Немцы наступали... Они хотели выскочить нам в тыл, к Москве. Когда я прибыл в район Прохоровки, немецкая артиллерия и минометы осыпали градом снаря-

дов окрестные леса и села, особенно дороги. Группы вражеских самолетов, как закрепленные за каждой дорогой, контролировали все наши передвижения. Части Воронежского фронта вод натиском «тигров», «фердинандов» и «пантер» отходили в северо-восточном направлении. Но вот части Степного фронта, стоявшие ранее позади Воронежского фронта, с ходу вступили в бой с измотавшимся в боях противником. Прохоровская битва огромных сил обеих сторон дала перелом на фронте в нашу пользу. В прицел танка я наблюдал перемешавшиеся танки с крестами и звездами. Трудно было понять: кто куда стреляет.

С этого момента начали наступать не немцы, а наши войска и гнали врага до самого Днепра.

6. БОРЬБА ЗА ДНЕПР
(Эпизод переправы)

На наспех подготовленных рубежах под Белгородом, Харьковом и Полтавой мы успешно и быстро сбивали противника. Южнее города Кременчуг наша пехота с ходу переправилась на правый берег Днепра, наши танки и артиллерия устремились в том же месте переправляться черед Днепр на паромах в ночное время. Немцы арт[иллерийским] огнем и ударами авиации с воздуха старались воспрепятствовать переправе, но приостановить переправу все же не могли.

Однако на захваченном плацдарме был в это время такой расход снарядов, что их приходилось переправлять и днем. Однажды с пятью бойцами, погрузив снаряды на паром, я только успел отплыть до середины реки, как вижу вдоль реки идут гуськом в пике на наш паром 35 бомбовозов противника. «Ну, братцы, гляди в оба!» — сказал я и подал команду: «Упреждать взрывы бомб и нырять глубже в воду». Это спасло нас от поражения осколками.

Наконец воздушная атака кончилась. Паром без людей с боеприпасами уже далеко плыл вниз по течению реки, никем не управляемый, его поцарапало осколками бомб, но попаданий не было. На обоих берегах горели автомашины и дома. Мы все бросились вплавь догонять паром и вскоре, установив управление веслами, доставали боеприпасы на плацдарм. Бойцы, которые не могли плавать, погибли в этом переплете.

7. ВОЙНА В БЕЛОРУССИИ (ПРИМЕР ЗАСАДЫ)
(Выполнение обязанностей зам[естителя] командира 19[-й] механизированной бригады)

В первой половине 1944 г. Украина в значительной своей части была уже освобождена от немецких оккупантов, но Белоруссия еще продолжала оставаться у немцев. Наше командование принимало меры для освобождения Белоруссии, и я со своим корпусом прибыл в то время в район Жлобина. Леса и болота Белоруссии в летний период представили для нас новые трудности в организации проведения наступления.

Эти трудности заключались в ограниченной проходимости танков и ограниченных возможностях для развертывания частей в боевые порядки. В бой вступали передовые подразделения. Наблюдательные пункты почти отсутствовали. Эффективность стрельбы была удовлетворительной только прямой наводкой. Наличие хорошей маскировки с воздуха облегчало нашу ПВО.

Лесные массивы и болота давали возможность легче окружить и обходить противника и попадать в такое же положение самим. Весьма легко наскочить на засаду противника и самим устраивать такие засады против врага. Разведка всех массивов и тростников полностью никогда не может быть выполнена. Помня, как мы наскочили на танковую немецкую засаду, немцы выбрали для засады такие места, где дорога проходила гатью и далее шел бугорок с лесом. Только наши броневики и танки вытянулись в колонну, как в голову и хвост колонны посыпались снаряды. Несколько танков и броневиков загорелись. Стороной из противотанковых орудий мы выслали группу уничтожить засаду и пока заряжали пушки и отыскивали противника, немецкие танки и арт[иллерийские] самоходы уже исчезли.

Вот пример нападения из засады батареи Су-76 на немецкую колонну артиллерии. По одной из дорог наши легкие самоходки далеко обошли противника, оставшегося на других дорогах, и, перейдя на одну из таких дорог, где двигались отступающие немецкие артиллеристы, из лесного массива сразу обрушились огнем на врага. Стрельба велась в хвост, в голову и в середину колонны. Пока полевые пушки немцев, не пораженные на марше, занимали огневую позицию, они также были расстреляны во вторую очередь. После такого нападения самоходчики на полном газу скрылись, чтобы не вступать в бой со следующей, начавшей развертываться колонной. В этом нападении самоходчики уничтожили противника, превышающего себя в десять раз.

В июле 1944 г. я прорвался с двумя батальонами пехоты к Западному Бугу, севернее Бреста, и вместе с танками полковника Куликова и Бортовского овладел Брестом.

8. ОТ ВИСЛЫ ДО ОДЕРА
(Командование 75[-м] и 347[-м] самоходными полками)

В начале 1945 г. наше командование, не ограничиваясь выходом наших войск на Вислу, решило разгромить врага в его логове.

Началась знаменитая операция наших войск от Вислы до Одера в направлении от Варшавы через Познань к Кюстрину.

С этого момента мне пришлось стать во главе группы тяжелых артсамоходов. За 12 дней с боями артсамоходы прошли от Магнушева до Кюстрина 700 км, 56 км в сутки, или 9 км в час, с боями на многочисленных рубежах в оперативной глубине обороны противника. Двигаясь по несколько суток, водители танков и самоходок засыпали за рычагами управления машин. Проводилась большая борьба со сном.

В этой операции артсамоходы применялись для непосредственной поддержки танков: стреляли в закрытых позициях, но главное, применялись как противотанковый резерв и вступали в бой огнем прямой наводкой.

Однажды наши войска, совершая марш через Гротенталь, обнаружили на фланге противника танки. Разведка наша донесла, что на левом фланге в дер[евне] Фридрихсберг имеются танки и артиллерия противника и что в случае их выдвижения на север, они могут отрезать путь и задержать наступление наших войск.

Артсамоходы немедленно были выдвинуты из противотанкового резерва в заслон в качестве неподвижного боевого охранения. Часть самоходов заняла оборону около шоссе полукольцом. Часть самоходок была в резерве. Автоматчики заняли оборону в 200 метров впереди самоходок, чтобы предостеречь их от фаустников.

С вечера были подготовлены заградительные и сосредоточенные огни и составлены схемы огня. Развертывалась телефонная связь в каждой батарее. Выход из населенного пункта, который мы заняли для заслона, был кому бы то ни было воспрещен. Как только стало темно, противник начал атаку.

Развернув в боевой порядок до роты танков, после короткого обстрела деревни, противник с ходу хотел ее занять, но, пользуясь подготовленными данными в дневное время, самоходные батареи, освещая местность ракетами, первыми же залпами зажгли один танк. От его пламени стало отлично видно остальные немецкие танки и колонну артиллерии на марше. В течение нескольких минут были еще подбиты три танка противника, остальные повернули обратно.

Огонь был перенесен по полевой артиллерии. Выполнив свою задачу и пропустив все свои войска на марше, артсамоходы снялись с заслона, догнали свое соединение.

Другой пример действия артсамоходок в противотанковом резерве еще более характерен. В Германии под селом Клебов противнику ценой больших потерь удалось вклиниться в наши боевые порядки. Наши танкисты и пехота не успели после атаки закрепить захваченный рубеж, как немцы бросили в контратаку 40 танков.

Танки противника начали было уже выходить на наши тылы, тогда из резерва, развернувшись в движении, навстречу немецким танкам вышли тяжелые артсамоходы. С первых залпов артсамоходы подбили 7 немецких танков и, зацепившись за лесной массив, заняли на его опушке оборону. Сколько ни пытался противник развить успех своей контратаки, все его попытки были отбиты с большими для него потерями.

Наутро артсамоходы огнем поддерживали атаку своих танков и очистили от немцев правый берег реки Одер. Члены экипажей на больших маршах вели боевые машины по очереди и по очереди на ходу спали прямо в самоходках.

9. БОЙ ЗА БЕРЛИН

15 апреля 1945 г. мы сдавали большое и последнее боевое испытание. Мы шли брать Берлин!

Прорвали оборону врага на Кюстринском плацдарме (на р[еке] Одер).

В ожесточенном бою овладели Зеловскими высотами и ринулись к городу.

Огромная сеть шоссейных дорог и разных проводов свидетельствовала о близости огромного европейского города, но мы привыкли ориентироваться, находить свои участки и направления атак.

«Вперед на Берлин!» — был лозунг каждого воина в этом сражении. Тяжелые артсамоходы от укрытия к укрытию, от высотки к высотке непрерывно обстреливали оборону противника, шли в атаку на последнее село перед Берлином — Мальхов.

Одновременно шла рекогносцировка исходных позиций для атаки Берлина. Измокшие от дождя автоматчики бежали за артсамоходами и танками и впереди их.

Поднявшись на крышу пятиэтажного дома в дер[евне] Мальхов я увидел оборону немцев на окраине Берлина (северная окраина городского района Вейсензее).

Окопы полного профиля, заполненные пехотой, опоясывали город. На крышах домов и заводов стояли малокалиберные зенитные пушки и пулеметы. Разведывали и установили, что в полосе наступления нашего полка оборонялись подразделения 11-й мотодивизии СС «Норманд».

Из глубины Берлина стреляли шестиствольные минометы, на улицах города сооружались баррикады. В окнах верхних и средних этажей зданий располагались пулеметы и автоматчики, подвалы зданий занимались фаустниками. В панике бегали по улице женщины и дети. Далее, еле видно, возвышался рейхстаг, похожий издали на одногорбого верблюда.

На следующий день наша атака началась. Несмотря на огонь зенитных орудий, танки и самоходы настойчиво продвигались вперед. Артиллерийская поддержка с нашей стороны была огромной силы. Часто я наблюдал, как зенитки врага слетали с крыш. Наша пехота, рассыпавшись во все уголки города, очищала дом за домом от противника.

Я ехал в боевых порядках полка на своей Су-122. Только достиг[ли] совместно первых домов Берлина, как в наши машины посыпались гранаты, фаустпатроны, патроны и автоматный огонь. Загорелась самоходка ротного старшего лейтенанта Мусатова. Я провел дополнительную рекогносцировку и потребовал по радио решительным броском ворваться в Берлин. Механик моей машины — Герой Советского Союза техник-лейтенант Болдырев быстро повел машину к городу, невзирая на разрывы вражеских снарядов. Роты возобновили движение вперед.

В Берлине мы быстро растолкались по укрытиям, чем спаслись от уничтожения. Из укрытий я сосредоточил огонь по подвалам и чердакам зданий, где засел враг. Это были первые сведения о Первом Белорусском фронте о вступлении наших войск в Берлин. За это мне было присвоено звание Героя Советского Союза.

Когда огонь противника стих, самоходчики, обстреляв огнем из орудий и ДШК* все этажи противоположного порядка зданий с двух сторон, поставили на крайнем здании Берлинского городского района Вейсензее красный флаг и атаковали первый перекресток улиц вместе со штурмовыми группами.

Эти штурмовые группы состояли из двух танков и двух-трех Су-112, роты автоматчиков и взвода саперов.

Вкопанный на перекрестке «тигр» подбил два наших танка. В это время одна из самоходок развалила баррикаду, проломила задом двор и вышла в сад.

---

* Крупнокалиберный пулемет Дегтярева и Шпагина.

С фланга из сада бронебойным снарядом «тигр» был насквозь прострелен, и его длинное орудие с большим дульным тормозом беспомощно опустилось вниз.

Очистив один перекресток за другим, я выводил группу артсамоходок и танков к химико-технологическому институту на переправу через канал Шпандауэр — Берлин. Движение шло по улицам Тегеля в Берлине.

Перед переправой завязалось единоборство наших самоходок с батареей зенитной артиллерии немцев, стоящей на позициях ПВО Берлина у Зименештадта.

Выдвигаясь по улице к переправе, была в бок пробита наша головная Су-122. Немцы, не поняв, что машина была уже безвредной, открыли по ней огонь всей батареей.

В это время остальные четыре артсамохода, выйдя на другую улицу из-за углов зданий, дали один залп по зенитной батарее врага.

Две фашистские пушки разлетелись на части.

Лишенные броневой защиты расчеты гитлеровских орудий от последующих выстрелов наших с[амоходных] а[ртиллерийских] у[становок] не выдержали и разбежались.

Остальные четыре зенитки были раздавлены гусеницами наших самоходок. В это же время рота автоматчиков полка завязала огневой бой с пехотой противника, у переправы.

Артсамоходы, разделавшись с немецкими зенитками, открыли сосредоточенный огонь по пехоте противника, обороняющей зап[адный] берег канала Шпандауэр — Берлин.

Через час боя автоматчики переплыли вплавь этот канал и с боем под прикрытием огня самоходок овладели плацдармом.

Все части первого мехкорпуса устремились на эту переправу и к 1 мая 1945 г. завязали бой за переправу на реке Шпрее. Решением командира корпуса была одновременно выделена группа из 30 танков и с[амоходных] а[ртиллерийских] у[становок] со специальным заданием: ловить членов гитлеровского правительства. Эта группа действовала самостоятельно.

1 мая 1945 г. в зоопарке я со своим полком с[амоходных] а[ртиллерийских] у[становок] соединился с танкистами Первого Украинского фронта. 2 мая немцы с утра капитулировали. Потянулись тысячи пленных немцев по улицам Берлина. Они вылазили со всех подвалов и блиндажей, которые еще не были захвачены нашими войсками. У переправы через Шпрее пленные наложили ворох оружия более дома среднего размера.

10. ПАРАД ПОБЕДЫ В МОСКВЕ
(Прием у тов[арища] Сталина)

По окончании войны мне выпала большая честь быть на Параде Победы и на приеме у товарища Сталина в честь участников Великой Отечественной войны, по приглашению нашего правительства 24 июня 1945 г.

ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 36. Л. 280 — 300.
Машинопись. Копия.

Не позднее 1958 г.

БУДЬ СТОЙКИМ И ВЫНОСЛИВЫМ*

Дорогие товарищи моряки-каспийцы!

Советская армия и наш доблестный военно-морской флот находятся накануне своего славного сорокалетия. Замечательный путь прошли вооруженные силы социалистического государства за четыре десятилетия своего существования. Пламенный советский патриотизм, нерушимая верность своему воинскому долгу, массовый героизм — вот отличительные черты бойцов нашей армии, нашего флота. Такими воспитала их коммунистическая партия, в мудром руководстве которой заключается источник всех наших побед.

Четверть века находился я в боевом строю. В годы Великой Отечественной войны в рядах родной Советской армии прошел с боями от Сталинграда до Берлина. На множестве примеров, свидетелем и очевидцем которых мне довелось быть, я убедился, что победа завоевывается лишь теми воинами, которые беспредельно преданы своей Родине, сильны телом и духом, всесторонне познали свое оружие и научились с успехом применять его в самой сложной обстановке, проявляют большую выносливость и решительность.

Расскажу вам о таком боевом эпизоде. Тяжелая самоходка лейтенанта Тихона Хоруженко, наступая в составе полка на северо-восточную окраину Берлина, вырвалась далеко вперед. С ходу раздавила она вражескую минометную батарею, проутюжила окоп, заполненный гитлеровцами. Неожиданно перед гусеницами самоходки возникла массивная неприятельская баррикада. Из нее ежом торчали толстые рельсы. Стоило бы советской боевой машине задержать свой порыв, как в нее посыпались бы фаустпатроны. Мастер вождения офицер Василий Кузнецов хорошо понимал это. И он, развив максимальную скорость, всей мощью лобовой брони врезался в стенку баррикады. Препятствие частично разрушилось. Защищавшие завал фашисты, ошеломленные неожиданным маневром самоходчиков, на какое-то мгновение отпрянули от бойниц. Воспользовавшись замешательством гитлеровцев, советские воины повели боевую машину через баррикаду. Шестидесятитонная громада плавно перевалила через рубеж и теперь уже громила врага за укрытием. Экипаж Хоруженко уничтожил в глубине вражеской обороны закопанный в землю немецкий танк, зенитное орудие и шестиствольный миномет.

Но вот снаряды израсходованы. Самоходка недвижима. Кругом враги. Наши воины — маленький экипаж советской самоходки — встретили врага гранатами, уничтожающим автоматным огнем. К машине со всех сторон ползли фашисты с панцерфаустами, а навстречу им летели гранаты старшины Тарасова, рядового Новолыгина. За броней машины слышались оглушительные разрывы и стоны раненых гитлеровцев.

Но вот по неподвижной советской самоходке открыл огонь вынырнувший из дыма длинноствольный фашистский «фердинанд». Его снарядами наша машина была по-

* Обращение В. Б. Миронова к морякам-каспийцам, опубликованное в газете Каспийской флотилии «Каспиец» — старейшем периодическом издании вооруженных сил. Номер газеты и дата публикации неизвестны.

вреждена. Хоруженко получил тяжелую рану в живот. Экипаж машины задыхался в ядовитом дыму. Командир приказал экипажу оставить машину, а сам решил прикрыть отход боевых товарищей огнем из пистолета. Пока Кузнецов, Тарасов и Новолыгин выбирались из подбитой самоходки, Хоруженко успел пристрелить двух фашистов. В этот момент машина взорвалась и погребла под собой бесстрашного советского офицера, бившегося до последнего патрона. Герои Советского Союза офицеры-самоходчики Александр Болтырев и Павел Коростелев отомстили за погибшего боевого товарища.

А вот еще пример. 29 мая 1942 г., возглавляя воздушно-десантное подразделение, я был сброшен в тыл врага в район Ельня — Дорогобуж — Смоленск. Еще в самолете обнаружилось, что у десантника старшины Ермишкина нарушилась укладка парашюта. Прыгать в этом случае категорически запрещено инструкцией. Но воин не мог себе представить, что ему теперь не удастся принять участие в предстоящем бою. И он скрыл неполадку. Подвергая свою жизнь страшной опасности, Ермишкин скомкал парашют и совершил прыжок. К счастью, парашют раскрылся. Страшен для врага был этот воин-патриот, бившийся в составе подразделения десантников в тылу врага. За выполнение этого опасного задания командования все наши парашютисты были награждены орденами. Мне, являвшемуся в ту пору старшим лейтенантом, было присвоено внеочередное воинское звание «майор».

Надо сказать, что война, являющаяся испытанием моральных и физических сил бойца, вновь и вновь подтвердила исключительную важность закалки организма, необходимость систематических тренировок. Мне довелось совершать в годы войны многокилометровые марши, воевать долгие сутки без отдыха, подолгу сидеть в болоте, буквально по горло в студеной воде. И организм хорошо выдержал эти испытания. А все потому, что задолго до войны тренировал свое тело, готовился переносить любые испытания. Так, в 1935 г., будучи курсантом училища, я принял участие в тысячекилометровом лыжном походе, продолжавшемся 10 дней. В 40-градусный мороз и пургу мы преодолели всю дистанцию. Через год я совершил лыжный поход, не останавливаясь и не сходя с лыж ровно сутки. За 24 часа прошел без отдыха 198,2 километра. Наш физрук майор Переманов сопровождал меня на конной повозке и... отстал. На 85[-м] километре, не выдержав безостановочной гонки, пала его лошадь. А уже будучи слушателем Военной академии имени М. В. Фрунзе, я систематически и упорно отрабатывал разнообразные тактические приемы, часами ползал по-пластунски.

Дорогие товарищи, флотская молодежь! Мы, ветераны боевого строя, завещаем вам быть достойными преемниками воинской славы наших доблестных вооруженных сил. Учитесь военному делу без устали. Загодя готовьте себя к подвигу. Никогда не забывайте, что героями не рождаются. Героем в наших замечательных армии и флоте может стать каждый. Надо только с полной отдачей сил готовить себя к беззаветной защите любимого Отечества от агрессивных действий его врагов.

Герой Советского Союза.

ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 29. Л. 5.
Машинопись. Копия.

1960-е гг.

ЧАСТЬ 1. НА ПОМОЩЬ ПОЛЬСКИМ БРАТЬЯМ

Глава 1. Встреча с боевым другом

Покинув Брест, мы движемся к Варшаве. В воздухе кружатся снежинки. Поле покрывается слоем сухого белого пуха, а порывистый ветер сгоняет его в сторону от дороги, в мелкий березовый кустарник. Пахнет гарью от воронок. Глухо работает мотор нашей машины, и струится от него тепло. Машина покрыта брезентом, изрешеченным пулями и осколками. В лицо ударяет то теплый, то холодный воздух, и от этого беспрерывного воздушного круговорота шумит в голове. А когда ветерок начинает дуть вдоль дороги, под брезент вместе с холодным воздухом врывается сизый дымок из выхлопных труб обгоняющих нас танков. Четвертый год я шагаю по дорогам войны, и всюду за мной следует этот запах сгоревшей солярки. Он мне уже кажется приятным. Ветеранам «стальной гвардии» — танкистам, самоходчикам и трактористам, — наверное, знакомо это чувство.

Мы идем без остановки и привалов, чтобы успеть выполнить задачу дня и сосредоточиться в лесах под Варшавой. Впереди уже больше часа «маячит» крытая полуторка и сдерживает наше движение. Но вот еще снежный сугроб, и дорога становится наказанием для шоферов. Здесь скопилась целая колонна застрявших автомашин, застряла и полуторка. Наша машина подошла к ней и остановилась. Шоферы начали лежа выбрасывать из-под машин серые глыбы грязного спрессованного снега.

Вдруг дверка полуторки открылась, и из машины вылез невысокий, коренастый человек в желтом полушубке. На плечах — погоны майора. Когда он откинул белый бараний воротник, я сразу же узнал его. Это был мой боевой товарищ по начальному периоду войны Николай Федорович Осадчий. Я снова вспомнил огненные смерчи на Северо-Западном фронте, вспомнил и рассказы Николая Федоровича о своей жизни.

Пришел он в армию с Житомирщины. Из зоотехника получился неплохой армейский политработник, но прежде ему пришлось побывать десять лет на комсомольской работе, семь лет на партийной да поучиться в полковой школе и в академии имени Ленина.

В 1941 г. 27 июня его ранили на Северо-Западном фронте, 5 августа 1944 г. — на Днепре, но он снова в строю...

— Коля!.. — крикнул я, быстро вылезая из машины. Осадчий широко раскрыл большие серые глаза, развел руки, и мы обнялись, хлопая друг друга по плечам.

— Борисыч! Вот не думал, не гадал здесь увидеть, — басовито хрипел Николай.

Мне было радостно встретить его не только как товарища, как друга, но и как советчика в трудные минуты жизни. Я принимал его советы, несмотря на то, что был выше его по должности и званию. Все, что шло от Осадчего, — его идеи, добрые мысли — все это было от чистого сердца, все глубоко им обдумано и проанализировано.

— Пойдем ко мне в машину, у меня печка топится. Обогреемся, закусим немного. Двинемся-то не скоро.

— С большим удовольствием. Ну, рассказывай, где ты и как ты.

Николай показал вправо и гордо сказал: «Смотрите! Завидуйте! Это идет «стальная гвардия»!

Действительно, восхищаться было чем. В стороне от дороги по ровному полю на большой скорости двигалась колонна тяжелых самоходно-артиллерийских установок. Плавно покачивались длинные и толстые стволы пушек. На бронекорпусах — крупнокалиберные пулеметы для стрельбы по самолетам и наземным целям. Каждая стальная громада метров десять длиной и 60 тонн весом. Я видел эти машины в бою под Харьковом и под Брестом, а теперь они стремительно обходят с юга горящую Варшаву. Холодная массивная бронь тяжелых самоходок слегка покрыта инеем, и потому они кажутся седыми.

Чтобы легче представить себе мощность моторов этих самоходок, их можно сравнить с моторами тракторов. Помню, когда в Константиновском колхозе, в Мордовии, заводили два трактора по 50 лошадиных сил каждый, то рокот этих тракторов слышала вся деревня. А ведь здесь рокочут и ревут десятки стальных громад. В каждой из них работает 2-тонный мотор мощностью в 700 лошадиных сил. А мощность полковой колонны имеет десятки тысяч таких сил. Рев слышит вся варшавская округа. Тяжелые самоходные пушки пробивают насквозь броню тяжелого немецкого танка «тигра», разрушают дзоты, выбивают врага из каменных домов, проламывая их стены. Танкисты полюбили самоходчиков за то, что они никогда не отставали от танков и поддерживали их мощным огнем прямой наводкой в атаках. Но самоходки могли стрелять и с закрытых позиций, из-за гор поражать врага на дистанциях до 17 километров. А врытая в землю тяжелая самоходка — это гроза для вражеских танков в обороне.

— Ну как? — спросил Николай, когда мы вошли в машину.

— Здорово! — сказал я.

Николай подложил в печку дров, открыл банку с тушенкой, вынул из полевой сумки две ложки, и мы начали свой обед.

— Так вот у этой армады нет пока хозяина, нет командира полка — отправили на лечение. Я здесь заместитель командира по политчасти, трудно одному. А впереди у нас Висла, а за Вислой предстоят жестокие бои с отборными частями 9-й армии и 46-го танкового корпуса фашистов.

Беспокойство друга мне было понятно.

Николай выпустил изо рта тонкую струйку дыма и спросил:

— Ну, а что вы делали все это время?

Я ответил, что после учебы в Томском артиллерийском училище и академии имени Фрунзе участвовал в обороне Киева, выбрасывался в тыл врага на Смоленщину во главе батальона парашютистов, оборонял Сталинград. Затем был Северо-Западный, Курско-Орловская дуга, Днепр, Белоруссия, Брест. Под Брянском стукнуло в спину, ну ничего, отдышался.

— Большие дороги, — сказал Осадчий и вспомнил: — Рассказывали мне, что вас под Москвой сразу повысили в звании со старшего лейтенанта до майора. Как это произошло?

Я засмеялся и ответил, что был такой «грех». Боевые действия в тылу врага — это, брат, штука серьезная. Николай лукаво улыбнулся, бросил самокрутку, потер рукой переносицу, а потом, нахмурив порыжевшие брови, сказал:

— Вам нужно принять командование тяжелым полком. Вы знаете танки, артиллерию, имеете боевой опыт и военные знания.

— У меня уже есть полк легких самоходок, и там я привык к людям, — удивившись, ответил я.

Но собеседник мой не думал шутить, яро начал доказывать необходимость такой перестановки для решения общей задачи корпуса и пообещал поставить этот вопрос перед командованием и политотделом соединения.

Провожая меня, Осадчий просил подумать обо всем, что он говорил.

Глава 2. Новые беспокойства и заботы

Вот она, Центральная Польша, — ровная, засыпанная снегом. Всюду хутора и небольшие рощицы.

...Походный, видавший виды газик трясется на снежной ухабистой дороге, развороченной гусеницами тяжелых танков. Они идут впереди. Через ветровое стекло мне видны их стальные башни и орудия, обращенные на запад.

Советская армия, освободив свою родную землю, спешит на помощь исстрадавшейся Варшаве. Издали доносится канонада — наши передовые части уже ведут бой, теснят врага за Висленский вал.

Я откинулся на сидение, устало закрыл глаза. Вспомнилась землянка, смуглое лицо и седеющая голова командира корпуса генерала Кривошеина, его короткое, крепкое рукопожатие.

Наша беседа длилась недолго. Генерал сообщил, что я назначен командиром полка тяжелых самоходных орудий. Принять полк надо немедленно.

— Ну, смотрите, подполковник, — на прощание сказал Кривошеин, — мы вверяем вам «стальную гвардию». Командовать ей — дело почетное, но нелегкое. Действуйте так, чтобы мне не пришлось вас ругать!

Все это было сегодня утром. Видно, Осадчий немало потрудился.

...Я открыл глаза. Рядом покачивалось широкоскулое смуглое, сосредоточенное лицо моего старого, испытанного товарища в боевых походах — шофера Петра Юдина.

— Где-то встретим мы Новый, сорок пятый год?

— На новом месте. Теперь мы с тобой «тяжелые самоходчики». Как тебе это нравится?

— Это здорово! Давно мечтал послужить в таком полку. Машины там — громадные, идут — земля дрожит!

Я вынул карту, полученную в штабе корпуса, развернул ее на коленях. Красная линия, обозначавшая передний край, проходила по западному берегу Вислы, невдалеке от Магнушева и Сандомира. Коричневый кружок, обведенный вокруг соснового бора, обозначал район сосредоточения 347-го тяжелого полка. Вблизи три села —

Стары, Вулька Ружанская и Хмельники. Прикинул по масштабу расстояние до Варшавы — шестьдесят километров. В сторону от нее, справа, вытянулись две большие красные стрелы — Второй Белорусский фронт. Слева от Сандомирского плацдарма третья стрела — Первый Украинский фронт. В центре наступления шли войска Первого Белорусского фронта, в составе которого наступала 1-я Польская армия.

Задача ясна: полк тяжелых самоходок будет действовать в составе главных сил Красноградского механизированного корпуса от Магнушева на Кюстрин. Что нас ожидает за Вислой? Думаю, что на обширных полях Польши танкам и самоходкам можно будет развернуться. Условия для маневра есть. Кривошеин, видимо, постарается использовать огневую мощь тяжелых самоходок для прорыва укреплений разных видов, да и в борьбе с танками противника мы будем играть не последнюю роль. Страшная штука — эти танковые бои. Здесь, брат, не зевай. Решительность действий, быстрота удара приносят успех. А малейшая неповоротливость — и поминай как звали. Признаюсь, после Курско-Орловской битвы я с особым уважением отношусь к самоходчикам и танкистам. Эти люди, как мне кажется, были властелинами боя, повелителями мощных машин, первыми шли в атаку.

Осадчий говорил, что полк начал боевые действия от Москвы, сражался за Киев, Житомир, Брест. Значит, в полку есть ветераны. А какова партийная организация? Но ведь там Осадчий! Многое зависит и от штаба полка. Займусь-ка в первую очередь начальником штаба, его заместителями, их делами.

Эти мысли так увлекли меня, что я не заметил, как газик подошел к сосновому бору. Под густыми сосновыми ветками чернели кучи земли. Над ними клубился дымок. Солдаты занимались строевой подготовкой. Офицеры ходили в сводной колонне, энергично ударяя сапогами о мерзлую землю. Группа автоматчиков расчищала дорожку, а саперы строили дощатую трибуну. Рядом, вдоль елового кустарника, стояли тяжелые самоходки. Их было много. Ящики со снарядами лежали в стороне, прямо на снегу, танковые печи сложены в кучу в кустах, без труб. Это меня расстроило. Как можно тратить время перед боем на парадный комфорт, когда не подготовлены боевые машины?

Я подошел к солдатам, которые чистили дорожку.

— Для чего вы это делаете? — спросил я их.

— Да вот прошел слух, что наш фронт принимает маршал Жуков, а ведь он все-таки первый заместитель верховного главкома, — пояснил молодой солдат, назвавшийся Юрием Головачевым.

— Ну и что ж из этого?

Кто-то из солдат тихо прибавил: «А, може, маршал в полк приедет...». Головачев положил лопату на пень и недовольным голосом продолжил: «Всю войну прошел, вырыл больше тысячи окопов, понимал, для чего это мне нужно, а вот зачем дорожки делать перед боем, не знаю».

— И я думаю, что ни к чему. Не нужны теперь маршалу ваши дорожки и парады. Ему нужна готовность к бою. Понятно?..

— Вот это по-моему сказано. А вы кто будете?

— Я ваш новый командир полка, вместе будем воевать за Вислой.

Головачев вытянулся и удивленно проговорил:

— Эх, черт возьми, не думал я... — и, оглянувшись на своих товарищей, во все горло крикнул: «Полк, смирно!»... Однополчане оглянулись на нас и застыли как вкопанные. Услышав эту команду, из штабной землянки выбежал майор в черном полушубке с полевой сумкой на боку. Последовала команда «вольно». Майор отрекомендовался, что он начальник штаба полка Захаркин Михаил Иванович. Я представился и приказал снять людей с занятий, загрузить самоходки снарядами, заправить горючим все машины. Он немедленно отдал распоряжение офицерам, и работа у самоходок закипела.

Осмотрев возможные выходы рот из леса по тревоге, я зашел в землянку Осадчего.

В землянке был слабый свет, пахло свежей сосновой древесиной. Николай Федорович сияющий шел мне навстречу, быстро застегивая воротник гимнастерки. Потом налил в кружку горячего чаю, снял с моих плеч шинель и просто сказал:

— Очень хорошо, что вы здесь.

Потягивая чай, замполит рассказывал, что полк в политотделе корпуса считается партийно-комсомольским, что вести в бой тяжелые самоходки разрешается только офицерам, имеющим диплом техника. Командиры машин тоже офицеры. Но в полку и сержантов много. Наводчики, замковые и заряжающие — старшины и сержанты. А вот в роте автоматчиков, в разведке, в подразделениях обслуживания много солдат, но это такие солдаты, которые в любое время могут выполнить обязанности одного из членов экипажа.

Зазвенел телефон. Осадчий бросил папироску в печку, взял трубку:

— А, это парторг Постников? Я вас слушаю, Анатолий Трифонович. Беседу с механиками «Об эксплуатации нашей техники в зимних условиях»? Обязательно проведи. Что? Не днем, а вечером. Командир приказал готовить машины к бою, и эту работу не срывать! Все... Действуйте!

Мне понравилось, что Осадчий поддержал авторитет командира полка. От этого многое будет зависеть в нашей совместной работе.

Я заметил, что у Осадчего на столике лежат две книжки. Одна из них — В. И. Ленин «О защите социалистического отечества», вторая — «Устав бронетанковых и механизированных войск». Как видно, Николай Федорович занимается и политическими, и военными вопросами. Что ж, это необходимо политработнику.

Я спросил Осадчего о Михаиле Ивановиче Захаркине, хотя знал, что Захаркин старый штабник, в полку со дня его организации, окончил Ульяновское гвардейское ордена Ленина танковое училище. Оказывается, он мне почти земляк: родился в селе Крюкове под Пензой, но моложе на четыре года. Еще до войны стал кадровым офицером. Осадчий не случайно назвал его «человеком брони».

В землянку вошел высокий лейтенант. Лицо его разрумянилось на морозе. На тонких, высоко поднятых над коричневыми глазами, бровях блестели капельки растаявшего снега.

— Дежурный сообщил, что вы меня вызывали, — доложил он.

Осадчий взял со столика треугольный конверт, подошел к лейтенанту и сказал:

— Вот письмо с Сумщины из Ямного, от вашей матери, товарищ Хоруженко. Она пишет, что беспокоится за вас, что не пишете ей письма. Как же так?

— Виноват, товарищ майор.

— Этого мало. Вы поймите, что каждое ваше слово для матери — больше, чем радость, это — сама жизнь.

— Немножко последние бои меня отвлекли. Да разве я позволю...

— Любовь к матери нужно показывать не на словах, а на деле.

У Хоруженко глаза стали влажными.

У меня создалось впечатление, что этот лейтенант, как говорят, «имеет совесть» и попал в «проработку» впервые. Но такой разговор для него все-таки не лишний.

Хоруженко ушел. И я тоже распрощался с хозяином землянки.

В лесу было уже темно. Между высоких сосен виднелось черное звездное небо. Над лесом носились ночные истребители, и струи огня прочерчивали небо. Проходя мимо одной из землянок, я услышал шум: кто-то громко ругался. Я зашел туда.

На хвойных ветках под шинелями лежали солдаты и дрожали от холода. На доске тускло коптила гильзовая лампа. Совсем рядом послышались слова: «Печку новому командиру полка забрали, шофер его приходил». Кто-то из солдат ворчливо добавил: «Командир — человек, а мы, выходит, не люди...». Это было для меня хуже пощечины, и я громко сказал:

— Сержант Юдин за то, что взял у вас печку, будет наказан. Я сам принесу вам ее.

Когда я принес печку в солдатскую землянку, ко мне подошел полный невысокий старшина с морщинистым лицом и шрамом на щеке. Солдаты называли его старшиной Холодовым, а которые постарше — просто Иваном Ивановичем.

— Как же вы, товарищ командир, обойдетесь без печки, ведь на воле морозно? Солдаты вас в беде не оставят.

— А штабная машина на что? Там, брат, найду приют.

Глава 3. Штабных дел мастер

Михаила Ивановича Захаркина я застал в штабе. Он склонился над картой, которая была исчерчена синим, красным, черным и коричневым карандашами. Рядом лежали боевые документы. На столике установлены телефоны и радиостанции. Китель начальника штаба аккуратно подогнан. Полное лицо тщательно выбрито, веки немного припухли, видимо, от работы по ночам. Маленькие глаза строги и внимательны.

Михаил Иванович даже во время работы не снимал снаряжение: пистолет и полевая сумка были всегда при нем. Он требовал, чтобы это правило соблюдали все работники штаба.

Он доложил мне, что нужно подготовить окопы для самоходок на восточном берегу Вислы, чтобы подвести боевые машины ближе к противнику и замаскировать их. Потом попросил разрешения проверить роты:

— Почему же люди отвлекались на парадные церемонии? — спросил я.

— На это были указания сверху.

— Почему не боролись за время?

Захаркин пожал плечами, удивленно посмотрел на меня и нерешительно сказал:

— Боролся, но не победил. — И после паузы добавил: — Не успел использовать все ходы, все козыри, а победить мог бы.

— Вот это другое дело.

Зазвонил телефон. На этот раз уже не из роты, а со знаменитого Магнушевского плацдарма. Начальник разведки полка капитан Козлитин доложил, что он с разведчиками противника пока не видит.

Захаркин строго приказал:

— Подвиньтесь к окопам противника поближе — к берегу реки Пилицы. Понятно? И больше настойчивости, Иван Федорович, вы же старый разведчик. Действуйте, друг мой.

Я отметил про себя, что в тоне начальника штаба был не только приказ, слова звучали по-домашнему, тепло, подкупающе...

Знакомясь с приказом командира корпуса, я нашел пункт с благодарностью М. И. Захаркину за красивое, четкое и содержательное оформление графических документов.

— Читали это?

— Переоценили они меня, не такой уж я чертежник, как они думают, — смутился Захаркин.

До войны и на фронте я немало встречал начальников штабов и штабных офицеров, и высокой оценки за графику удостаивались немногие. Дело в том, что военная графика — это искусство, это очень тонкое и трудное дело. Ведь описывать события значительно дольше, чем перенести их динамику на чертеж.

— Как вы овладели этим искусством, Михаил Иванович?

— Старание. Труд. Тренировка, — коротко ответил он.

Наша беседа затянулась. Захаркин записал мои распоряжения о боевых стрельбах из самоходок с коротких остановок. Затем предложил немного отвлечься и выйти в «мир эфира». Оказывается, он проводит полковое радиоучение. Я был от души благодарен ему за это и решил своими ушами услышать ответы командиров тяжелых самоходных рот, которым в первую очередь придется в бою отдавать приказы, от которых буду принимать донесения:

— «Клен — один». «Клен — два». «Клен — три». «Клен — четыре». Я — «Клен». Как меня слышите?

В порядке очереди отозвались голоса командиров рот — Ивана Карасева, Николая Иванова, Петра Целибьева, Порфирия Бельчикова. Все ответили четко и громко.

— Замечательно! Вы действительно мастер штабных дел.

— Видите ли, Вениамин Борисович, штабная работа настолько многообразна, что и у хорошего штаба могут быть недостатки, — ответил он и рассказал, что на прошлой неделе штаб увлекся боевой работой и ослабил контроль за тыловыми

подразделениями. В результате кладовщики не выдали многим солдатам положенные сто граммов водки, а выпили ее сами. Кладовщиков, конечно, наказали, но этого могло и не быть, если бы вовремя проконтролировать.

— Да, но ведь не ошибается только тот, кто ничего не делает.

Глава 4. «Отец механиков»

Осадчий и Захаркин помогают мне проверять работу экипажей, состояние машин и вооружения. Я знакомился с людьми. Особенно запомнился мне здоровенный сорокалетний механик-водитель. Захаркин взял у него удостоверение и прочитал:

— Куклин Василий Филиппович, самоходку ведет от Соликамска. Через Москву прибыл в Польшу. Всего мотор под управлением этого механика проработал 3 000 моточасов с хвостиком.

Кто-то из офицеров восторженно протянул:

— Он у нас «отец механиков». Поездил на своем веку...

Куклин нахмурил густые брови. Но глаза оставались добрыми, с теплинкой.

— Точная у вас бухгалтерия, — пробасил он. И я заметил, как на его правой щеке покраснело белое пятно — след ожогов в бою за Киев. — Но с фашистами я веду счет не для этого.

Офицеры улыбнулись. Захаркин качнул головой и что-то записал в блокнот.

— Почему Куклина зовут «отцом механиков»? — шепотом спросил я Осадчего.

— Видимо, потому, что к нему все механики обращаются за помощью, да и пожилой он, вот и считают его вроде как за отца.

— Понятно. Ну, что ж, приступим к соревнованию. Подана команда «По машинам!», а затем — «Машины к бою!».

Осадчий пустил стрелу секундомера и с волнением следил, кто же будет первый.

Куклин сразу же вырвался вперед. Надолго я запомнил эти сильные, морщинистые руки, почерневшие от масла и газойля. Раны на пальцах зажили, и они покрылись тонкой белой кожей.

След в след за «отцом механиков» шли его ученики — техники-лейтенанты Федор Коротков, Гумар Салихов, братья — Иван и Василий Кузнецовы, Павел Коростелев, Александр Болдырев, Николай Галкин.

Захаркин все уверял, что старик победит.

Автоматчики, стоявшие в стороне от самоходок и следившие за ходом технических состязаний, замахали руками и закричали: «Давай, батя, жми. Покажи, где раки зимуют!..».

Когда самоходка остановилась, Куклин вылез из нее, вытер паклей руки и спокойно стал на левом фланге построившегося экипажа. Глаза его лукаво блестели, на щеках появился легкий румянец.

Я поздравил Куклина с победой, но он нахмурился.

— Вы что, недовольны?

— Рано радоваться, товарищ командир. Другие отстали, видно, мало помогал им.

Мне захотелось ближе познакомиться с «отцом механиков», и мы с Осадчим пригласили его в штабную машину.

Глава 5. Девушка в серой шинели

Где-то за лесом рвутся бомбы, а я сижу в землянке и работаю над планом перемещения полка ближе к Висле. У печурки, развалившись на дровах, спит адъютант — старший лейтенант Дмитрий Виноградов. Его лицо раскраснелось, губы что-то шепчут. Он ходил с разведчиками за Вислу и, видно, изрядно устал.

На столе зазвонил телефон. Начальник санитарной службы корпуса полковник Гардон просит выслать машину за медикаментами и носилками в медсанбат. Он предупредил о трудностях медицинского обслуживания самоходного полка в боях. По его мнению, самоходный полк носится в наступлении, как метеор, и никакие врачи догнать его не могут. Полковник сообщил также, что послал к нам санинструктора, которая выносила раненых из-под носа у немцев при форсировании Днепра под Кременчугом и Мишуриным Рогом, в Пинских болотах и под Брестом.

И вот в землянку вошла девушка в солдатской шинели. Из-под занесенного снегом синего берета выбивалась непокорная русая прядь. На тонких темных бровях блестели снежинки. Приложив озябшую руку к берету, доложила:

— Санинструктор Людмила Лапина. Прибыла для дальнейшего прохождения службы, — и подала предписание из корпуса.

— Садитесь, — сказал я.

Она с трудом опустилась на табурет, морщась от боли, потерла правую ногу.

— Что с ногой-то?

— Пустяки. Задело под Брестом, у Видомли.

— Где служили раньше?

— В сорок втором прибыла на фронт по комсомольской путевке. До этого работала в Кемерове, на заводе «Карболит». Воевала в минометном полку. Была ранена, лечилась в госпитале в Пружанах.

...Не женское дело война. Но и женщины впряглись в ее страшную колесницу. На заводах — они, в колхозах — они. И на фронте... Своими хрупкими руками выполняют тяжелую солдатскую работу, от которой и у сильных мужчин преждевременно седеют головы.

Как-то в 1941 г., при отступлении, наша батарея проходила через большую деревню. Небо от жары было белесое, а мы — серые от пыли. Пью я у колодца воду, прямо из деревянной, покрытой мхом, бадьи. Подходит женщина лет двадцати двух-двадцати трех. Подперла щеку рукой, да и говорит:

— Что, защитники, уходите?! Нас бросаете. Возьмите меня, командир, в солдаты. Я уже вдова, а детей нет.

Говорит серьезно, без издевки, а я улыбаюсь.

— Ты не смейся. Дело толкую. По всему видно, что вам, одним мужикам, не выдержать против немца. Сейчас надо как в ладной семье: муж за гуж, жена за другой.

— Товарищ Лапина, предупреждаю: у нас будет труднее, чем в минометном полку. Самоходки не стоят за боевыми порядками пехоты, они под огнем врываются в расположение врага.

— Знаю, товарищ подполковник. Сама попросилась в ваш полк.

Лицо девушки стало суровым, и мне показалось, что я ее где-то видел. Я сказал ей об этом.

— Так точно, товарищ подполковник. Помните, как переправлялись через Днепр у Мишурина Рога. Немцы бомбили берег. Вас тогда завалило землей, и я, — девушка улыбнулась, — вас на белый свет вытащила.

— Ах, да, вспомнил. Тогда вы были тоненькая, как спичка, в волосах кусочки глины. Санитарная сумка на боку толстая-толстая. И что вы только в нее клали?

Людмила залилась звонким заразительным смехом.

— Хлеб, товарищ командир, про запас. Ведь в бою всякое бывает. Не всегда кухню дождешься.

...Долго мы еще вспоминали, как шли от Днепра в село Желтое ночью, пешком, в дождь, оставив у переправы разбитые машины, как снова попали под бомбежку. Потом Людмила нахмурила брови и заметила:

— Тяжелее всего было под Брестом. Собирали раненых на поле между Пелищами и Видомлей, укладывали их в бронетранспортеры, продвигались за танками Матвея Бортовского. Танки прошли через немецкий окоп удачно. А наш бронетранспортер наскочил на противотанковую мину. Меня выбросило из него метров на десять в сторону, а раненые погибли. Жаль, хорошие были ребята.

И я будто снова увидел бои севернее Бреста в июле 1944 г. Жара. С танками Бортовского и Куликова мы прорывались в тыл врага к Видомле и, захватив участок шоссе между Брестом и Белостоком, вклинились в стык немецко-фашистских войск, ускорив освобождение Бреста. Там героически сражался с фашистами командир 37-й мехбригады полковник М. М. Куликов, умерший от ран под Видомлей. Многие танкисты были убиты, ранены.

На Людмилу я теперь смотрел другими глазами. Она тоже была там. Спасла жизнь многим бойцам и командирам, а теперь собирается идти на штурм Варшавы и Берлина.

Глава 6. Шумят могучие моторы

Вьюжный январский вечер 1945 г. Глухо гудят сосны. В тесной землянке тепло. Железная печка раскалена докрасна. На столе горит светильник, сделанный из гильзы малокалиберного снаряда. Я лежу на нарах и сквозь дрему слышу, как мой шофер Юдин и ординарец Горошихин собираются в дорогу. Через несколько часов наш полк покинет место сосредоточения и перейдет в выжидательный район, расположенный восточнее Магнушева. Там начнется организация боя.

Звенит упавший на пол котелок.

— Тише ты, — упрекает ординарца Юдин. — Дай командиру хоть перед маршем отдохнуть, ведь прошлую ночь совсем не спал.

— Ничего, — говорю я и поднимаюсь с нар, — все равно не усну.

Надеваю шапку и выхожу из землянки посмотреть, как полк готовится к маршу. Иду к парку боевых машин. Самоходчики несут к ним свое немудрое имущество: шинели, чемоданы, термосы. Механики-водители прогревают моторы. От шума машин с высоких сосен хлопьями летит иней. Над лесом поднялась полная луна, осветила самоходки, фигуры воинов, темные ели. Встревоженные шумом машин, поляки прибежали из Вульки.

— Пане, цо то есть? Може, знов паврутили немцы?

Осадчий терпеливо успокаивает их.

Полк приготовился к маршу. Даю команду: «Экипажам быть в машинах» и иду к своей землянке. Надо хоть часок отдохнуть, пока нет сигнала на движение к Висле. Навстречу попадается командир 4-й роты Бельчиков, одетый в белый полушубок. На правом боку у него — пистолет, на левом — противогаз, на груди — бинокль.

— Вы что здесь делаете?

— Осматриваю территорию бывшего расположения роты. Вот что нашел, — показывает плащпалатку, ложку и обойму с патронами.

— Эх, растеряхи! — говорю я. — Передайте другим командирам рот, чтоб сделали то же самое. Пусть проверят, не осталось ли каких-нибудь писем или бумаг, по которым можно установить, кто здесь стоял.

Молодец Бельчиков — верен себе: всегда предусмотрителен, осторожен. Среднего роста, плотный, с залысинами на лбу, он самый старший по возрасту среди командиров рот. За 40 лет жизни научился многому. Любит повторять слова какого-то полководца о том, что воевать надо кашей и лопатой. А потому строго следит, чтобы рота была сыта, боевая техника и оружие в полном порядке. Цену бдительности он понял еще до войны, когда служил в милиции.

В моей землянке уже пусто. Юдин и Горошихин забрали все вещи в машину. Слушаю, как возятся мыши, и словно проваливаюсь в темноту — усталость берет свое. Но мозг не успокаивается. Во сне видится воздушный десант над Смоленском, диверсии в тылу врага...

Меня будит громкий звук горна. В дверь входит начальник штаба.

— Тронулись!..

— Да, давайте команду.

Окидываю прощальным взглядом землянку — недолгий солдатский дом. Сколько их было за войну! И почему-то всегда, покидая временный приют, чувствуешь грусть. Видно, это от извечной солдатской тоски по родному дому.

С рассветом на землю опустился густой туман. Под его покровом наша колонна двинулась по маршруту, проходящему через города Сточек и Желехув, к лесу, расположенному восточнее Магнушева.

Из просеки, справа, вытягивалась колонна бронетранспортеров 57-го разведывательного батальона нашего корпуса. Первый бронетранспортер по целине вел остроносый чернявый сержант. Полосатая стальная машина врезалась в снежные сугробы, словно огромная щука.

Кто-то из ветеранов сказал:

— Видно, за рулем сидит опытный воробей. Желторотик так бы не провел.

А вот большая поляна. Противник обстреливает ее сразу же, как только заметит машины. Самоходчики насторожились. Каждый гадал: «Пройдет или не пройдет?». Бронетранспортер легко маневрирует и быстро, зигзагами проскакивает между поднимающимися огненными фонтанами. В водителе я узнал своего земляка Федора Павловича Макарова, уроженца села Кочунова, жителя Ромоданова.

— Привет, «Мордовия», — крикнул я ему. — Вижу хватку старого тракториста!

Макаров снял серую ушанку и, махая ей, ответил:

— Здравия желаю, товарищ подполковник.

У развилки дорог регулировщица, увидев нас, тряхнула заиндевевшими кудряшками, выбившимися из-под серой солдатской шапки:

— «Стальной гвардии» влево!..

Болдырев выглянул из люка. Головная самоходка, притормозив левую гусеницу, развернулась. Она легко вывернула с корнем сосну, проехала по ней, переломила ее, вдавила в мерзлый грунт.

Проложив дорогу в самой чаще леса, полковая колонна остановилась. В больших зеленых брезентовых палатках и автобусах здесь разместился штаб корпуса.

Из автобуса, стоявшего поодаль, вышли двое военных. В одном из них, одетом в черный полушубок, в низко надвинутой папахе, я узнал генерала Семена Моисеевича Кривошеина. Другой, повыше, в серой шинели, был начальник политотдела корпуса полковник Анатолий Федорович Корякин.

Я доложил командиру корпуса о результатах марша.

Он подошел к самоходке Болдырева, спросил, как работает мотор, надежна ли ходовая часть. Называл лейтенанта по имени. Почти всех мастеров вождения генерал знал не только в лицо, но по имени и отчеству, а ведь в корпусе их не одна сотня. Это очень характерная черта в облике Кривошеина.

Кавалерист, конник Буденного, он сражался на многих фронтах Гражданской войны. Потом изучил новый тогда вид оружия — танки. Знакомился с тактикой танковых войск в зарубежных армиях, сражался в Испании против фашизма, его имя значится в списке героев Испании и в «Истории Великой Отечественной войны».

С подчиненными генерал порой бывает жестковат. Ну да на войне без этого нельзя, по собственному опыту знаю. Когда Семен Моисеевич доволен кем-нибудь, то называет его на ты, по фамилии или имени и отчеству. А если гневается, то обращается на вы и только по званию.

Кривошеин и Корякин вынули из планшеток карты. Комкор уточнил мне границы выжидательного района, велел обратить особое внимание на маскировку и усилить разведку в направлении Варки и Сохачева — в обход Варшавы с юго-запада.

Когда начальство уехало, в штабном автобусе собрались Виноградов, Захаркин и Осадчий. Ясно было, что нашему полку предстоит в составе подвижных частей корпуса войти в прорыв немецкой обороны.

О вводе танковых и механизированных соединений в прорыв написано много книг. Авторы их требуют расчленения колонны на рубеже ввода. Но в практике Великой Отечественной войны это редко выполнялось. Не так-то это легко.

Мне приходилось в составе 1-го механизированного корпуса входить в прорыв на Курско-Орловской дуге, в направлении Белгорода и Харькова, в Белорусской операции под Жлобином, при освобождении Бреста... И нигде нельзя было даже подумать о расчленении в «горловине» прорыва. Войска расчленялись, как правило, минуя ее.

Необходимость быстрых действий не позволяла ждать, когда будут разминированы и оборудованы многочисленные маршруты. Войска пробивали себе 2 — 3 пути за передовыми отрядами и шли по ним бесконечными сплошными колоннами. Бывало и так, что части подолгу стояли в выжидательных районах перед переправами и другими препятствиями. Те, которые стремились обойти колонны своих соседей, все-таки не могли решить вопрос расчленения, а только больше усложняли положение, образуя на дороге две и даже три рядом стоящие колонны.

Поэтому я довольно ясно представлял себе, как будет происходить ввод нашего полка в прорыв, тем более, что на самом рубеже путь пересекает речка Пилица.

— Черт бы ее побрал, — вздыхает Виноградов, склонившись над картой. — Речка-то пустяковая, а может задержать наступление.

Об этом думаем и мы с Осадчим и Захаркиным. Лед, конечно, не выдержит шестидесятитонные громады, и придется форсировать реку вброд. Но где эти броды? Их надо еще разведать.

К нам подъехал подполковник Анатолий Михайлович Пажитнов — мой заместитель по строевой части. Это был стройный офицер со скуластым, слегка продолговатым, горбоносым лицом. Родом из Воронежской области. Долго служил в армии, в Ленинграде, еще до войны. Он был первым организатором 347-го полка под Москвой в августе 1943 г. и очень хорошо знал возможность наших подразделений. Анатолий Михайлович был уже в выжидательном районе, организовал там рытье окопов для самоходок и сообщил, что к Висле надо двигаться побыстрее, пока не рассеялся туман. Противник обстреливает оба берега реки огнем дальнебойной артиллерии и ведет разведку авиацией.

Какую роту пустить в прорыв первой? От командира головной роты, от его опыта и инициативы зависит многое. Он может ускорить прохождение полка через горловину прорыва, форсирование Пилицы, а может и задержать нашу колонну.

Первой обсуждалась кандидатура командира третьей роты Петра Абрамовича Целибьева. В полку его зовут «морская душа», потому что он перед войной служил во флоте и боевое крещение принял на Балтике. Был ранен, а из госпиталя попал в Ульяновское танковое училище и вот уже два года отлично воюет на тяжелых самоходках.

У Целибьева высокий чистый лоб, большие глаза. И весь он страстный, смелый, словно бы рвущийся вперед. Любит море и стихи. Как-то я зашел к нему в землянку. Целибьев стоял возле раскаленной печки и своему другу, командиру самоходки Тихону Хоруженко читал:

Пусть стану прахом, пеплом и песком
Я, звавшийся когда-то моряком,
Не уцелевшим в памяти ничьей,

Но облик той, чье пламенное имя
Вело меня дорогами морскими,
Навек в стекле стиха окаменей.

— Чье это? — спросил я.

— Поэта-моряка, Алексея Лебедева. Нашего балтийца, — ответил Целибьев.

Мне нравится этот смелый офицер, но уж слишком горяч. И, взвесив все, я остановил свой выбор на старшем лейтенанте Бельчикове. Главный довод — его спокойная деловитость и инициатива. Сообщаю о своем решении Осадчему, Пажитнову и Захаркину, а затем идем в роты. Ставлю задачи на дальнейшее движение командирам только устно. Рации не включаем, чтобы противник не узнал о нашем приближении.

И вот полк снова несется на запад по левому маршруту корпуса, через Кисельск, Желехув и с ходу вступает в Привислинские леса. Условия для маскировки здесь хорошие: не только полк, но и корпус не найдешь в этой густой зелени.

Глава 7. Наш командарм

В лесу полк расположился огромным полукольцом под прикрытием заснеженных сосен. Кончив рыть окопы для боевых машин, экипажи устроились на перекур. Начались бесконечные солдатские разговоры.

— А что, товарищ старший лейтенант, уже известно, кто нас завтра в бой поведет? — спрашивает наводчик Иван Иванович Холопов у своего командира лейтенанта Кириченко.

— Как кто? Я!

— Нет, в армейском масштабе?

— Командарм Богданов.

— Да, ведь Семен Ильич под Люблином ранен, вроде в госпитале.

— Уже вернулся в строй и командует.

— Значит, к самому наступлению подоспел. Это хорошо. Он лентяям и трусам пощады не дает, в тылах их не держит, а сам всегда в первом эшелоне.

— Да, ничего не скажешь, силен наш Семен, — отозвался Кириченко.

И тут вдруг густой ельник раздвигается, появляется высокий, плечистый человек в светло-серой генеральской шинели. Настоящий русский богатырь. Ему без малого шестьдесят, а сколько в нем энергии! Движения резкие и быстрые, лицо без морщин, густо загоревшее. Из-под новенькой папахи глядят строгие большие глаза с голубым оттенком. Это генерал Богданов.

Осмотрев расположение полка, командарм подходит к нам и сильным баритоном произносит:

— Ну, здравствуйте, самоходчики! Вот уже не думал, не гадал, что так провинюсь перед вами: не только должности, звания — фамилии и отчества лишили, просто Семеном кличете.

— Виноват, товарищ командующий, — вытянулся Кириченко.

— Ладно, друзья. Я не в обиде, — смеется Богданов и переводит взгляд на меня и Захаркина. — А ну, командиры, ответьте: вводить в прорыв ваши самоходки отдельным маршрутом или с колоннами других войск?

— Лучше с мотопехотой и танками первого эшелона, товарищ командующий, — ответил Захаркин.

— А как думает командир полка?

— По-моему, отрывать самоходки от танков нецелесообразно, — ответил я. — Правда, мы сильно разворотим дороги, но колесные машины можно пустить по другому маршруту.

Богданов на секунду задумался, потом коротко сказал:

— Что ж, быть по сему!

Видимо, командарм задавал этот вопрос не только нам. Отлично зная тактику танковых войск, он тем не менее любил спрашивать мнение солдат и офицеров. Но не обошлось и без неприятностей. Богданов увидел проходящую мимо нас самоходку, на которой не было средств для самовытаскивания машины. Командарм сразу же изменился в лице, щеки стали багровыми.

— Что это такое, товарищ Миронов? Что у вас делают заместители? Один из лучших полков армии не обеспечен лопатами, ломами, бревнами. Ай-ай-ай... — бушевал Богданов.

Я знал, что Семен Ильич не любил оправданий.

Богданов был выдающимся полководцем бронетанковых войск Советского Союза. Под его руководством крупные танковые соединения не раз одерживали победы над врагами. Особенно прославилась 2-я гвардейская танковая армия. Она была сформирована в начале 1943 г. и наносила мощные удары по врагу в районе Орла, Курска, Киева, Житомира, под Уманью, Яссами, Люблином, Варшавой, а сейчас готовилась освобождать оставшуюся часть Польши и штурмовать Берлин.

Многие уроженцы Мордовии, сражавшиеся в составе этой армии, хранят самые добрые воспоминания о человечности, мужестве и боевых способностях своего командующего. Среди них: председатель Мордовского обкома профсоюза работников просвещения Яков Иванович Осипов, механики Ромодановского сахарного завода Александр Давидович Фадеев и Федор Павлович Макаров, колхозник артели «Заветы Ильича» Ромодановского района Роман Филиппович Уланов, жительница г. Саранска пенсионерка Людмила Петровна Лапина (Миронова), служащий станции Красный Узел Михаил Абрамович Ежов и другие.

Командарм посоветовал нам глубже изучить боевую задачу и противника за Вислой и поехал в штаб Кривошеина. Его бронетранспортер быстро скрылся за поворотом лесной дороги.

Солдаты и офицеры окружили меня и просили подробнее рассказать о Богданове. Я посмотрел на часы. Время на беседу можно было выкроить.

— Добро, хлопцы. Расстилайте брезенты, усаживайтесь поудобнее.

Вокруг пня, на котором я сидел, быстро образовался полевой клуб.

— Командарм Богданов прослужил в Советской армии тридцать восемь лет. Если считать, что до войны у солдат был двухлетний срок срочной службы в

армии, то наш командующий отслужил в войсках за 19 человек, то есть за целый взвод.

Среди самоходчиков послышались голоса: «О... эх ты..!». Я продолжал:

— Рабочий-путиловец Богданов дрался с немцами еще во время империалистической войны в чинах от солдата до поручика, в 1917 г. подавлял восстание белых частей в Финляндии.

В 1920 г. Семен Ильич во главе батальона сражался с белополяками. Под Волковысском он был ранен в ногу. В 1921 г. вновь был в боях с бандами Антонова.

Отечественную войну Богданов начал полковником, к концу ее он стал маршалом бронетанковых войск. В тяжелых боях 1941 г. под Брестом Семен Ильич, проявляя стойкость, храбрость, инициативу, лично водил в контратаки части 30-й танковой дивизии.

9-й танковый корпус под руководством Богданова от Сталинграда до Курска ведет тяжелые, но победные бои. Его 2-я танковая армия под Корсунь-Шевченковским в 1944 г. нанесла поражение 1-й и 17-й фашистским дивизиям и танковой дивизии СС «Адольф Гитлер». После этого особенно возрос авторитет командующего. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза. В июле 1944 г. под Люблином при переправе через Западный Буг Богданов в четвертый раз был тяжело ранен в правое плечо. Его правая рука парализована навсегда. Он приветствует нас левой. Теперь он снова прибыл к нам, чтобы командовать армией в боях за Вислой.

— Это железный человек, — сказал старшина Холопов.

— Уважать такого человека хочется от всего сердца, — добавил солдат Головачев.

— Подождите, товарищи, пусть командир закончит, — сказал лейтенант Хоруженко и просил не перебивать.

— Богданов любит наступательный бой, оборона ему не по душе. Но уж когда надо, проявляет волю и упорство в обороне.

Три раза выбирали Богданова в войсках депутатом Верховного Совета СССР.

На первый взгляд Семен Ильич кажется суровым и неподступным человеком. Но у него большая душа. А как он вручает ордена героям! Он целует бойцов и плачет.

Имя командарма Богданова навечно вписано в историю Великой Отечественной войны. Его жизнь — яркий пример для всех солдат.

Беседа закончена, а самоходчики не расходятся.

— За таким человеком можно пойти в огонь и в воду, — заключает сержант Городенцев.

Глава 8. Через Вислу

15 января 1945 г. Едва брезжит скупой рассвет, а наш полк уже идет к переправе через Вислу. Туда же нескончаемым потоком движутся войска: в походных колоннах идет пехота, мощные гусеничные тягачи тащат орудия, грузовики везут боеприпасы, военное имущество.

Наша колонна входит в село Ванаты. У обочины дороги — польские крестьяне. Мужчины машут шапками. Женщины улыбаются. Посередине деревни на палке лист фанеры. На нем написано: «Добже пожалувать, Советска Армия!».

Миновав село, поднимаемся на поросшую молодым сосняком высоту и видим Вислу. Она широкой полосой легла поперек нашего маршрута. Через Вислу перебросили три моста, а саперы срыли береговые откосы, улучшили дорогу на плацдарм, к исходным позициям, севернее Магнушева.

Движение колонны продолжается. Уже виден знаменитый Магнушевский плацдарм. Небольшой клочок за Вислой, опаленный двухмесячными боями. Всего 8 километров шириной.

Моя машина поравнялась с зенитным орудием, расчет которого состоял из девушек. Бойкие молодые зенитчицы, работая у пушки, оживленно разговаривали, смеялись. Они были в солдатских шинелях и касках, издали их трудно было отличить от мужчин. Выдавала девушек лишь черные да белокурые косы, выбивавшиеся из-под касок. Я услышал, как командир расчета — белокурая румяная толстуха — звонко крикнула:

— Орудие вправо ноль-тридцать... каждый в своем секторе — наблюдать!

Самоходчики с улыбкой смотрели на зенитчиц. Одна из них оглянулась на красавца Гумара.

Но тут послышался строгий окрик командира расчета:

— Внимание, на самоходчиков не смотреть! За противником наблюдать...

Иван Иванович Холопов укоризненно заметил:

— Что же ты, милая, сама на нас смотришь, а подругам не велишь! Это не порядок!

Раздался хохот.

У моста я встретил начальника штаба нашей армии генерал-лейтенанта Радзиевского и командира корпуса Кривошеина. Увидев наши самоходки, они забеспокоились.

— Надо будет поосторожнее пропускать эти громады, — сказал Радзиевский, с тревогой глядя на мосты.

Алексей Иванович Радзиевский был молодым, но талантливым генералом. Впоследствии он стал автором ученого труда «Применение танковой армии в наступательных операциях фронта», кандидатом военных наук. С людьми был всегда вежлив, корректен, охотно выслушивал других командиров, стоящих ниже его по должности.

Окончив Военную академию имени Фрунзе и Академию Генерального штаба, Алексей Иванович был отлично подготовлен в вопросах управления крупными соединениями в боях и особенно хорошо разбирался в оперативном искусстве. В 1941 г. он был начальником штаба легендарного кавалерийского корпуса Доватора.

В июне 1942 г., прорываясь под Брянском из тыла врага с батальоном воздушных десантников, я встретился с кавалеристами Радзиевского. Они помогли нам огнем и обеспечили прорыв из фашистского «ада». Но Алексей Иванович не хуже знал и бронетанковые войска. Кривошеин и Радзиевский были моими наставниками и учителями. У них я, в то время еще молодой командир полка, учился науке побеждать.

Подойдя ко мне, Радзиевский стал подробно объяснять, как осторожно, без рывков нужно вести самоходки, чтобы не разрушить мост. Вдруг в морозном воз-

духе раздались высокие, воющие звуки. Это дали залп «катюши» нашего земляка Михаила Абрамовича Ежова, уроженца села Анненкова.

Начался прорыв немецкой обороны общевойсковыми соединениями. Плацдарм загудел от артиллерийской канонады. Потом все небо заполнила авиация: самолеты эшелонами шли на запад. Вскоре за Магнушевым, в расположении противника, послышалось глухое уханье рвущихся бомб.

Рев самолетов, грохот орудий, визг минометов, шум танков и самоходок слились в сплошной гул. Плацдарм застонал, затрясся, заревел, окутался огнем и дымом.

К мосту подошла длинная колонна танков из армии Катукова. Они остановились в ожидании своей очереди. Переправлялись строго по графику штаба армии.

У нас в полку была хорошо отработана сигнализация флажками, исключавшая необходимость словесных команд. Пажитнов подал сигнал: «Двигаться на переправу по одной машине с дистанцией в двести метров». Первой пошла машина Болдырева.

Генералы стояли сбоку от моста. Затаив дыхание, следили за самоходкой. Мост узкий, механик должен направить машину строго по середине настила. Внизу бурлила и пенилась вода.

Мост зашатался, задрожал, заскрипел. Настил стал оседать на прогоны. Зеленоватая вода хлынула поверх льда могучим потоком.

— Утонет машина! — забеспокоился Радзиевский. Но самоходка медленно поползла вперед. Когда она продвинулась еще метров на тридцать, Кривошеин радостно улыбнулся и, махнув рукой, крикнул:

— Ни черта, пройдет! Ведь машину-то сам Болдырев ведет!.. Через минуту Болдырев был на противоположном берегу. Выйдя из машины, он подбежал ко мне. Его круглое, с мягким подбородком, курносое лицо было очень молодым.

— Можно пропустить! — сказал он, глядя на колонну стальных громад и на товарищей по оружию.

— Не бойтесь, ребята! Давайте, по одному вперед! — крикнул он так звонко, что над сонной Вислой прокатилось эхо.

Часа через два полк вступил на истерзанную землю плацдарма. Он окаймлен извилистыми желтыми линиями. Это вражеские окопы. Земля повсюду изрыта. Кажется, на ней лежит гигантская желтая паутина.

В центре плацдарма, там, где был город Магнушев, черное пятно — развалины. Когда-то вокруг Магнушева рос лес, но и от него остались только пни. В морозном воздухе раздаются высокие, воющие звуки. В немецких окопах откликается невидимое уханье. Впереди, совсем близко, снаряды выворачивают глыбы гнилого торфа, пахнет плесенью. Автоматчики лезут в эту плесень и плюются.

Берега Вислы в дыму, а из дыма прыгают язычки пламени. Это бьют гаубицы и тяжелые минометы. На переправах, на плацдарме, в привислинских лесах усиливается возня и рокот танков и самоходок. А пехота наседает на врага, готовит нам «дыру» в его обороне.

Наша полковая колонна остановилась в мелколесье, недалеко от переправы, ожидая своей очереди. Через Вислу пошли танки передового отряда.

Погода прояснилась. Плацдарм осветило солнце. Послышался прерывистый гул, характерный для немецких «юнкерсов». Поблескивая на солнце, они идут прямо к переправе. Ударили зенитные батареи, и голубое небо запятнали темные и белые комочки разрывов.

В кустарнике за дорогой мелькает синий берет Людмилы. Она перевязывает первых раненых.

Ко мне подбегает адъютант Митя Виноградов.

— Товарищ командир, — кричит он, — ложитесь, убить могут.

Мы с Осадчим грохнулись в выбоину на дороге, сделанную гусеницами танков. Рядом, рывком, падает адъютант, а за ним — подполковник Пажитнов. Зенитный огонь нарастает.

Радисты приползли с рацией, и я по радио узнавал, что происходит в ротах.

Бомбардировщики противника снова пытаются прорваться к мосту. Но переправа прикрыта надежно. Бьют зенитные пулеметы наших самоходок. Я вижу, как стреляет старшина Холопов. Он наводит пулемет недолго — одну-две секунды, и трассы пуль пересекают цель. Старшина словно прирос к оружию. Его голова движется вокруг турели вместе с прицелом, плечи прижаты к упорам. Патроны расходуются экономно, но с пользой. Видимо, у Холопова очень хорошее зрение и наметан глаз на подвижных целях. Вот еще очереди — короткая, потом длинная. Его пулемет словно говорит противнику: «Стой! Стой!».

Трассирующие пули тянутся к головному «юнкерсу», который идет среди густых разрывов зенитных снарядов, славно заколдованный. Иван Иванович изменяет прицел и всаживает длинную очередь прямо в корпус стервятника. «Юнкерс» дымит, разворачивается, тянет за Пилицу и взрывается в воздухе.

— Ура! — кричат солдаты.

А зенитный огонь все нарастает. Еще два бомбардировщика пылающими факелами пошли к земле.

Мимо нас бежит солдат Головачев и весело кричит:

— Братцы, смотрите, что в небе-то делается! Ад кромешный.

— Чего разбегался? — цыкает на него Пажитнов. — Убьют. Ложись!..

Солдат шлепается в глубокий снег. Десятка два наших Яков яростно атакуют «юнкерсов», гонят их на запад.

— Вставай, хлопцы, опасность миновала, — говорю я офицерам.

— Хотели нас побрить, а ушли стриженными, — усмехается Виноградов, стряхивая снег с полушубка.

Танки заканчивают переправу.

Первый танк ведет учитель из Мордовии, старший сержант Яков Иванович Осипов. Крышка люка открыта, мне хорошо видно суровое худенькое лицо водителя. Два года назад, еще в Краснослободской средней школе, он изучил трактор, а теперь неплохо овладел и танком.

Мои земляки воюют отлично. Электромеханик из Красного Узла Александр Давыдович Фадеев под огнем противника, лежа на боку, восстанавливает подбитую полевую пушку. Он заместитель командира дивизиона по технической части. У него

много забот: обеспечить артиллеристов так, чтобы у них всегда пушки были готовы к бою. Тяжела эта задача.

Отсутствие нужных запасных частей заставляет Фадеева проявлять находчивость. Он надевает ватный трофейный костюм. Под огнем отвинчивает части от немецких пушек и подгоняет их к своим.

Колхозник Константиновского колхоза Ромодановского района Роман Филиппович Уланов тоже ремонтирует подбитые танки и самоходки.

Он прошел с боями от Сталинграда до Магнушева. В одном из боев пал героической смертью его сын Вениамин. А вот он, отец солдата, упорно шагает с войсками нашей армии к логову фашизма, чтобы отомстить врагу за сына, завоевать счастье своему народу.

Когда я подошел к командирской самоходке, на крыле ее сидела Людмила и дула на озябшие пальцы. Шинель ее была в крови, волосы растрепаны, берет съехал на затылок.

— В таком виде вас и мамаша не узнала бы, — пошутил я.

— Отец и мать у меня умерли, я круглая сирота. Людмила подняла голову, глаза ее были полны слез.

— Как ваша Мордовия, товарищ подполковник, хороший край?

— Мордовия — моя родина.

— Кончим войну, поеду в Мордовию. Возьмете, товарищ командир?

И хотя меня озадачил этот вопрос, я сказал:

— Конечно, возьму.

После налета вражеской авиации в полку был наведен порядок. Но разместиться среди множества войск оказалось нелегко. Место, отведенное нам, заняли минометчики и резерв двадцать шестого корпуса. Я не стал спорить и пошел на розыск танков полковника Вайнруба, вместе с которым предстояло действовать. Около них и окопали самоходки, в километре севернее Магнушева.

Я был от души рад, что действовать придется с Евсеем Григорьевичем Вайнрубом. Самоходчики его знали как энергичного и грамотного танкиста. Он окончил академию имени Фрунзе. В битве за Москву героически защищал нашу столицу с Тульского направления, участвовал в освобождении родной Белоруссии. Я был уверен, что в тяжелые минуты Вайнруб не подведет. Танкисты 219-й Кременчугской танковой бригады были такими же смелыми, как и он.

К вечеру обстановка прояснилась. Стрелковые соединения 5-й ударной армии овладели передним краем немецкой обороны и вели бой за вторую и третью траншеи первой позиции. Но ввод подвижной группы пока не был разрешен. Приказано ждать сигнала «Буря» по телефону и радио.

Отрадные сведения поступали со Второго Белорусского фронта. Войска под командованием Маршала Советского Союза К. Рокоссовского вели успешное наступление севернее Варшавы.

Успешно также наступала и обходила Варшаву с севера 47-я армия Первого Белорусского фронта под командованием генерала Ф. И. Перхоровича. Хорошую инициативу проявил командующий 1-й Польской армией Герой Советского Союза генерал С. Поплавский.

Используя успешные действия 47-й, 5-й ударной, 61-й и 2-й гвардейской танковых армий, он добился разрешения у военного совета Первого Белорусского фронта и ввел в бой свою армию в направлении Варшавы раньше намеченного срока. Пехоту он переправил через Вислу по льду, а первую танковую бригаду имени Героев Вестерплятте, 4-й тяжелый танковый полк и 13-й самоходный полк по мосту на Магнушевский плацдарм. Этот маневр облегчил освобождение Варшавы.

Слева войска Первого Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза И. Конева наносили мощные удары по врагу с Сандомирского плацдарма.

Танки подвижной группы прошли через мост и расположились справа и спереди от нашего полка.

Теперь здесь был целый «стальной город». Танки были выкрашены в белый цвет. Их экипажи словно замерли, ожидая команды, чтобы неудержимой стальной лавиной устремиться к Одеру.

Глава 9. В горловике прорыва

— «Рама»! Я — «Коршун». Отвечай, как слышишь? — сотни раз повторяет в микрофон Захаркин.

«Рама» — позывной начальника разведки полка капитана Козлитина. Со своими людьми он ушел в подразделение пехоты, которое ведет бой с противником вдоль нашего маршрута. Информация о положении дел на переднем крае совершенно необходима. Ведь после атаки обстановка может быстро измениться. Я это знаю по опыту боев в Сталинграде, Белоруссии и сообщений от Козлитина жду с нетерпением.

На Козлитина положиться можно. Отличный разведчик. До войны был бухгалтером — профессия вовсе не героическая. И внешность такая же — обычное русское лицо, спокойные темные глаза, немного задумчивые. Фигура ладная, сильная, но за три года войны форма так к ней и не пристала — сидит мешковато, поштатски. От своих солдат Козлитин, однако, требует бравого воинского вида, лихости.

«Рама» по-прежнему не отзывается, и я звоню начальнику разведки майору Зайцеву. Но его разведка тоже ничего не сообщила. В томительном ожидании медленно тянется время. Наконец в приемнике раздается долгожданный голос: «Рама»! Я — «Коршун». Примите «радио».

Козлятин сообщил, что пехота переправилась через Пилицу и овладела первой позицией противника. Немцы упорно сопротивляются, вторая их позиция — на рубеже Пясечно — Юзефув.

Значит, придется ночевать на плацдарме. Появились и новые заботы, нужно принять меры, чтобы люди не обморозились, чтобы прогревались машины.

Позвонил Кривошеин и предупредил: «Смотрите, чтобы по сигналу у вас все сразу заработало. Люди и техника должны быть в полной боевой готовности».

— Нужно у боевых машин на дежурство назначить одного из лучших механиков-водителей. Кого бы вы предложили? — обратился я к Захаркину. Он сдвинул брови, подумал и сказал: «Можно доверить Федору Ивановичу Короткову. Парень очень старательный».

Коротков прибыл на инструктаж в штабную машину. Черные глаза, темно-русые волосы.

— Какое училище закончили?

— Челябинское танковое.

— Что делали до армии?

— Работал шофером Орехово-Зуевской МТС.

— Продежурить у машин до утра можете без отдыха?

Коротков обиделся.

— За кого вы меня принимаете, товарищ командир? В гражданке на шоферской работе я по трое суток не спал и ничего, терпел. Но посылать на дежурство механика-водителя тяжелой машины перед боем нежелательно, товарищ командир.

— Вы что, вздумали указывать старшим? Коротков стал доказывать, что водитель к утру потеряет способность к длительному бою и маршу.

— У вас есть понятие о воинской дисциплине?

— У меня нет семьи, — сказал он. — Жена меня бросила, нет никого у меня, кроме маленькой дочурки Жанны[1]. Я хочу идти в бой в полной силе.

Я не имел привычки отменять свои распоряжения. Но на этот раз мне пришлось это сделать. На дежурство пойдет офицер, который не связан с вождением самоходок.

Наконец все хлопоты кончены. Можно и самому поспать, а сон не идет. Возможно, завтра бой... Кажется, все продумано, предусмотрено, и все же сердце теснит тревога. Так всегда бывает, перед каждым боем.

Ночь на плацдарме тянулась долго.

Сигнал «Буря» поступил утром, когда Захаркин зачитывал мне сообщение Козлитина о том, что противник отходит на Сохачев. Вызываю срочно командиров рот и напоминаю: при отражении контратак противника роте Иванова развертываться вправо от Бельчикова, ротам Целибьева и Карасева влево.

Зашумел наш полк. Его «голос» куда громче танковых частей. Впереди идет самоходка Бельчикова. Он по радио предупреждает экипажи машин о фугасах, взрыватели которых выглядывают из земли слева и справа от дороги. Они похожи на маленькие зеленые стаканчики. Только Бельчиков этого не делает, внимательно наблюдая за дорогой.

Коротков ведет машину без рывков, быстро преодолевает окопы, разворачивает машину и точно направляет в узкий проход в надолбах. Я еще раз убеждаюсь в справедливом требовании Федора отдохнуть перед боем.

Противник методически обстреливает нас из тяжелых дальнобойных орудий. Снаряды ложатся близко, поднимая в воздух глыбы желтой земли. Один снаряд падает

---

[1] В настоящее время Жанна Федоровна Короткова живет в г. Саранске по ул. Пролетарской, д. 77, кв.13, работает воспитателем детского сада № 45 при электроламповом заводе.

в двух метрах от нашей самоходки и, к счастью, не взрывается. Все прячутся в машины, закрывают люки. Только Бельчиков этого не делает, внимательно наблюдая за дорогой.

Вот мы уже в горловине прорыва. Всюду следы разрушительной работы нашей артиллерии: развороченные блиндажи, трупы немецких солдат, разбитые противотанковые пушки... Всюду дощечки с надписью: «Опасно! Мины!». Кое-где остались и немецкие указатели — череп со скрещенными костями...

Как я и ожидал, на Пилице мы задержались. Нелегко было вырваться с плацдарма через узкую горловину двум танковым армиям с многочисленными частями усилия. В первую очередь командование пропускало танковые бригады, назначенные в передовые отряды, а наш полк входил в состав главных сил первого мехкорпуса.

Мы оказались как бы в стальной «коробке», вылезти из которой было не просто. Впереди стояли две танковые колонны бригады Вайнруба, справа — несколько рядов танков и артиллерии корпуса Веденеева, слева — самоходки Козлова и Данилюка, позади — артиллерия мехбригад, части Прокопенко и Пузанова. Между ними втиснулась колонна танков Гаркуши из армии Катукова. Истребительная авиация надежно прикрывала нас с воздуха.

— Пойду к танкистам посмотрю, нельзя ли как-нибудь ускорить продвижение, — сказал Осадчий.

Возвращается он повеселевший, с дельным предложением: помочь танкистам найти броды, оборудовать подходы к ним. Протолкнем танки за реку и сами выскочим в чистое поле.

Я приказал отправить к реке наших людей с пилами, топорами, лопатами. А брод отыскать вызвался командир 4-й роты Бельчиков.

Разделся и полез в воду. Перешел на другой берег и показал, где лучше вести машины, где твердое дно.

Я поблагодарил его за службу, а старшина поднес ему кружку водки, которая только условно называлась «сто граммов».

Бойцы расчистили подъезд к реке, заткнули паклей щели в машинах, чтобы в них не попала вода, и двинулись на переправу. Стоя у берега, Бельчиков командовал механикам:

— Точнее ведите машины! Не заезжайте за границы брода!

...Проскочив узкую горловину прорыва, 1-я и 2-я танковые армии вышли на оперативный простор и устремились к Одеру.

Ночью поднялась метель. Ветер свистел и выл над сохачевским полем. Белесая мгла скрыла и отступающего противника и колонны наших войск. Танки Вайнруба, с которыми мы должны взаимодействовать, ушли вперед, их следы сразу же замело.

— Неприветливо встретила нас завислинская земля, — ворчал Захаркин.

Недалеко на западе началась артиллерийская стрельба, но вспышек выстрелов не видно. Останавливаю полк: не наскочить бы на противника. Высылаю вперед головную походную заставу — роту Карасева и с ним подполковника Пажитнова. Снова двигаемся вперед. Но тут из хвоста колонны сообщают, что

механики-водители не видят впереди идущих машин. Это сообщение насторожило нас.

Я вижу в полуоткрытый люк, как Захаркин протирает залепленное снегом лицо, с большим напряжением всматривается в ночную мглу и в микрофон говорит командирам самоходок:

— Следите за механиками, помогайте им ориентироваться.

Колонна грохочет, чувствую движется по шуму, врассыпную, а тут еще впереди автоматная очередь: трр... потом другая... третья... Залаяли собаки... Значит, впереди хутор. Болдырев остановил самоходку, вытер паклей руки, вылез из машины и лег на снег.

— Что там?

— Слышу немецкую речь, или мне показалось...

В четвертой роте первой самоходкой командовал молоденький, но очень смелый лейтенант по фамилии Мусатов, сын пензенской учительницы, коммунист с годичным стажем. В начале войны он окончил Ульяновское танковое училище.

Мусатов сбросил с плеч полушубок, взвел автомат, позвал к себе Болдырева и Холапова, шепотом что-то сказал им и обратился ко мне:

— Чего ждать, разрешите нам, мы мигом... Они скрылись в темноте.

Тем временем Осадчий собрал механиков в кружок и разъяснил им, как преодолеть усталость во время длительного вождения машины: «Держитесь по одному следу, требуйте помощи от других членов экипажей», — доносятся слова замполита.

Смотрю я на водителей, освещаю их фонариком. Потные, разгоряченные, в потертых комбинезонах, с запачканными маслом лицами, они прижимаются друг к другу. По существу, вот от этой группы людей зависит судьба полка.

Подходит Мусатов и тяжело говорит: «Путь свободен!»...

...Приказываю ехать с зажженными фарами — в такую ночную метель это безопасно. Вспыхивает огонь. В белых лучах густо вьются снежинки, но ехать уже можно, хоть вокруг бушует и свистит ветер, гонит снежную пыль.

По шуму моторов определяю — все самоходки идут в колонне. Техник по ремонту инженер-капитан В. С. Одарчук передает по радио из хвоста колонны — отстающих машин нет. Правда, отстает автомобильный транспорт и тылы. Но я надеюсь на энергию и инициативу своего заместителя по снабжению капитана интендантской службы К. К. Кравченко. Наступит рассвет, и он нас догонит. Бывший учитель стал неплохим хозяйственником.

К утру пурга утихла. О, радость! На снегу следы танков Вайнруба. Мы увеличиваем скорость и видим впереди красные огоньки, а потом и силуэты родных тридцатьчетверок.

Я рассчитывал без остановок дойти до Сохачева. Но водители до того устали, что засыпают за рычагами управления. Остановил колонну, вызвал к себе механиков-водителей, приказал делать физзарядку. Было странно видеть, как ночью, в поле, в тылу врага, люди размахивали руками, подпрыгивали, приседали. Затем все растирали снегом лица и руки, а Болдырев даже потер снегом голову.

— Ты про запас снегу за пазуху наложи, — пошутил водитель Гумар, — до самого Берлина спать не будешь.

— До Берлина не знаю, а уж до Сохачева докачу, — садясь в машину, отозвался Александр.

Колонна самоходок продвинулась вперед километра на три, и вдруг на дороге со стороны Сохачева появилась голубая немецкая легковая автомашина «Оппель блиц». Мы знали, что в таких машинах обычно разъезжают фашистские генералы.

В первых трех самоходках солдаты зарядили пушки. Но в это время «Оппель блиц» остановился, дверка открылась, и из нее показалось наивное, улыбающееся лицо моего земляка Александра Фадеева.

Я был и рассержен, и обрадован.

— Сашка! Сумасшедший! Ведь еще секунда, и тебя разнесло бы на куски.

— Я захватил трофей, и меня же бить, — невозмутимо ответил он.

Мы посоветовали Фадееву прикрепить к радиатору красный флаг.

— Да где я его возьму? — возразил Саша и куском белой глины на боку машины написал огромные буквы «СССР».

* * *

Как я и ожидал, утром прибыл наш бородач — Кравченко. Из его доклада выяснилось, что колесным машинам было еще хуже, чем нам. Они застревали в снегу. Но спасибо автоматчикам роты Муравьева, помогли солдаты, разрывали сугробы, всю ночь толкали машины.

Мне вспомнился один эпизод, о котором рассказал как-то Каллистрат Карпович Кравченко. Было это на Пилице. Берега ее во многих местах были заминированы. Поэтому Кравченко повел тыловую колонну по следам самоходок. А ведь самоходки разворотили снег и землю сильнее любого плуга.

Небольшой щупленький солдат Финогенов первым повел трехтонку через реку. На половине пути машина вдруг накренилась — и несколько снарядов упали из кузова в воду. «На помощь!» — крикнул солдатам Кравченко.

Автоматчики Федор Земсков, Юрий Головачев и Сергей Сурков бросились в холодную воду и стали толкать машину. К ним присоединились кладовщик старшина Федор Верещагин, повар Филипп Зюльев, санитар Федор Аилов, мотоциклист Александр Харьков и старшина ремвзвода Александр Татарчук. Саперы Кабельбек Бабашев и Иван Гаврюхин достали со дна снаряды. При малейшем толчке снаряды могли взорваться. У Финогенова на лице выступил холодный пот. Но саперы осторожно и удачно уложили снаряды в машину.

Санинструкторы Люда Лапина и Маргарита Иванченко тоже толкали машину и тоже кричали: «Раз-два, взяли», а потом притащили солдатам теплое белье из санитарной машины.

Особенно трудно приходилось шоферам-девушкам. В полку их несколько: Аня Ашурина — статная, румяная. Водит машину с мужской шоферской сноровкой. При

случае умеет прикрикнуть на солдат. На «техлетучке» работает автослесарем Анфиса Мочалова[2]. Сама и машину водит. В самые сильные морозы носит берет, говорит, что кровь у нее горячая и холод ей нипочем. Глядя на Анфису, этому веришь — такая она задорная и крепкая. Хорошо водит грузовую машину Валя Храмцева — она опытный шофер, но через воду и снег им самим, конечно, не пробиться. Посылаю на помощь колесному транспорту гусеничные тягачи, и дело идет на лад.

Между тем стало светло. Мучительная ночь с 16 на 17 января 1945 г. осталась позади.

Движение к Сохачеву продолжается.

Из-за окутанной дымом Варшавы встает солнце. Огромным багровым шаром всплывает оно над горящей польской столицей. Первый Белорусский фронт совершает гигантский маневр, обходя Варшаву с юга и запада, а войска 47-й армии — с севера. Наш полк находится на самом острие танкового клина — 1-го мехкорпуса.

Снова остановка. Впереди танки. Из штаба корпуса получили радиограмму об освобождении Варшавы. Бойцы и командиры поздравляли друг друга с победой. А Осадчий еще больше воодушевил нас. Он сказал, что каждый воин нашего полка будет носить на груди медаль «За освобождение Варшавы». Самоходчики долго аплодировали, а потом слушали салют из Москвы освободителям Варшавы. Но вот генерал Кривошеин передал срочное распоряжение:

— Вы, кажется, там митингуете? Не время этим заниматься. Командование фронтом требует от нас ускорить выход на Одеро-Нейссенский оборонительный рубеж, захватить плацдарм на Одере и тем облегчить овладение Берлином.

— Но за этот рубеж придется вести бой, — заметил я.

— Есть сведения, что немецкие войска еще не заняли подготовительных позиций. Надо опередить врага, — закончил генерал.

— Дело серьезное, — сказал я Захаркину. — Ведь мы находимся от этих позиций за полтысячи километров! И люди у нас сильно устали.

Остановил колонну, приказал: «Водителям час спать. Остальным за работу: подготовить машины к дальнейшему маршу».

Инженер Одарчук доложил, что у экипажей работы немного: нужно лишь заправить машины, почистить фильтры.

Меня очень тревожила пассивность зампотеха Бедова. Последние дни самоходчики обращались только к Одарчуку, совсем забыв о существовании Бедова. Но майора это не трогало. Под разными предлогами он часто уезжал в тыл.

Твердо решаю поставить на место Бедова Одарчука.

Снова прозвучал сигнал «по машинам», и колонна стремительно понеслась вперед. Уже виден горящий Сохачев. Бригады мехкорпуса ведут за него бой. Врываемся в город. На улицах появляются поляки. Они бегут за самоходками, что-то кричат, подсаживают ребят на машины. Воины принимают детишек и, прокатив их, бережно ссаживают на землю.

Худой старик останавливает мою машину.

---

[2] Сейчас она живет в Кривом Роге, ее фамилия — Пупышева.

— Я рабочий Домбровский. В лесу, за городом, находится немецкий штаб, он разгромлен, а офицеры переоделись в цивильное и ушли в лес. У немцев тоже это есть, — показывает он на мой автомат.

— А такие у них есть? — Осадчий кивает на самоходку.

Домбровский улыбается.

— О, нет! — энергично машет рукой. — Таких у немцев не видел.

— Правильно, отец! Им будет капут, а вам спасибо за помощь, — я крепко жму руку старику.

Сообщаю комкору о полученных сведениях, прошу разрешить остановиться и уничтожить врага.

— Двигайтесь только вперед, а я уж сам приму меры, — приказывает Кривошеин.

«Значит, наша стремительность важнее всего», — подумал я.

Короткий январский день близится к концу. На ночевку колонна свернула в лес, западнее городка Избицы. Самоходки рассредоточились вдоль просек. У подножия огромных сосен звонко журчал незамерзающий ручей. На зеленых ветках лежал снег, деревья казались полосатыми. Над лесом висело большое красное солнце. Здесь будет привал. Но как встретит нас этот чужой лес? Ведь здесь действуют банды Власова и Бандеры. Нехорошие у меня были предчувствия. К тому же только что санитары пронесли на носилках тяжелораненых двух наших полковников: командующего артиллерией корпуса Селезнева и заместителя командира корпуса по технической части Рубинова.

Захаркин и Пажитнов оцепили лес патрулями, но оказалось, что несчастье подстерегает нас в другом месте.

Глава 10. Тяжелые сюрпризы

Утром на лохматые сосны лег туман. Я стою возле самоходки лейтенанта Ионина и держу в руках боевой листок — «молнию», выпущенную в роте старшего лейтенанта Н. Е. Иванова. Крупные буквы жгут глаза: «Враг старается нанести нам удар в спину. Будьте бдительны».

А на броне лежат завернутые в плащпалатки тела механика-водителя лейтенанта Горьева и наводчика сержанта Шаронова. Много раз отважные самоходчики встречались со смертью в бою. А она настигла их тихим зимним вечером на привале.

Вот как это произошло.

Самоходка лейтенанта Ионина остановилась на ночлег возле домика лесника. Выставив у боевой машины охрану, лейтенант вместе с механиком-водителем Горьевым и сержантом Шароновым зашел в домик. В комнатах было пусто: хозяева бежали и, видимо, весьма поспешно, на полу валялись разбросанные вещи, немецкие газеты.

Кто был на фронте, знает, как заманчив для солдата ночлег под крышей, в теплой хате. Можно ли отказаться от такого счастья? Зашли в дом лесника и солдаты других экипажей, в том числе Иван Иванович Холопов. Он обнаружил на кухне тесто для блинов, разведенное в большой деревянной кадушке.

— Блины на ужин! — воскликнул он. — Что об этом думают «братья-славяне»?!

«Братья-славяне» думали, что к свиной тушенке горячие блины будут как нельзя кстати, и Иван Иванович принялся за дело со сноровкой бывалого солдата. Он растопил плиту, нашел чугунную сковородку с длинной ручкой. Кто-то принес соломы, постелил ее на полу в столовой, и все легли отдыхать.

— После блинов напишу отцу письмо в Арзамас, — сказал Володя Горьев Ионину. — А ты, Петя, часто домой пишешь?

Вдруг приоткрылась дверь, раздалась автоматная очередь. Лейтенант Ионин почувствовал сильный удар в бок.

— К оружию! Немцы! — крикнул он, вскакивая на ноги.

...На тарелке уже выросла солидная стопка румяных блинов. Иван Иванович заглядывал в кадушку — много ли еще осталось, наливает тесто на сковородку и... слышит стрельбу. Бросается из кухни в столовую, где отдыхают самоходчики. Перед открытой дверью — рыжий немец с большим горбатым носом. Мгновенно оценив обстановку, Иван Иванович изо всех сил бьет эсэсовца сковородкой по голове. Тот падает. Для верности наносит еще один удар по темени и приходит в ужас. На соломе, убитые наповал, лежат лейтенант Владимир Федорович Горьев и сержант Шаронов. Остальные на ногах, хватаются за оружие. Лейтенант Ионин, зажимая рану в боку, проламывает окно ногой и командует:

— Гранатами, огонь!

В дом уже вбегают самоходчики — они услышали выстрелы. Немцев вокруг нет. Тогда все наклоняются над убийцей. Он мертв. Из раны на голове, повыше правого уха, течет кровь, заливая коротко остриженные волосы. Испачканное тестом лицо пахнет духами. Под штатским пальто — мундир капитана гитлеровской армии. На мундире железный крест, значки «За зимнюю кампанию 1941 года», «За Крым»...

Самоходчики накрыли убитых товарищей плащпалаткой, перевязали Ионина и выбросили на улицу труп фашиста.

— Почтим друзей молчанием, — сказал Холопов.

Ко мне подходит командир первой роты капитан Карасев и шепчет: «Ионина отвезли в полевой госпиталь».

— Родственники об этом знают?

— Жене сообщили в Шадринск. Рана скверная, но неопасная, — он понижает голос, словно мертвые его могут услышать. — Могилу выкопали.

— Горьева отвезти на братские — в Сохачев! Сегодня ваша рота пойдет впереди колонны, — говорю я.

— Есть, — отвечает капитан и добавляет. — До слез жаль товарищей. Обидно умирать теперь — ведь конец войны уже виден.

Капитан вздыхает, и ни я, ни он не знаем, что жить командиру первой роты тяжелых самоходок, бывалому воину Ивану Карасеву осталось несколько часов.

...И снова наш полк движется к Одеру. Дорога хорошая, и водители жмут на всю «железку» — со скоростью сорок километров в час. Сердце радуется такому темпу. Через несколько часов стремительного марша я останавливаю полк на малый привал: пусть передохнут водители.

Лейтенант Хоруженко достал гармонь и, широко развернув меха, крикнул:

— А ну, ребята, разомнем косточки. Самоходчики не заставили себя упрашивать. Первым вышел Гумар Салихов, а за ним, лихо сдвинув шлем набок, пустился вприсядку Саша Болдырев. Не вытерпели и девушки. Белой лебедью поплыла по кругу Фиса Мочалова, за ней — Люда Лапина.

А писарь хозчасти татарка Миногян Усмановна Егорова выбивала каблуками на утоптанном снегу дробь и пела:

Одер, матушка-река,
Привечай большевика.
Его роль здесь велика —
Бить фашиста-дурака.

Любили наши самоходчики эти немудреные фронтовые частушки, которые рождались тут же, в полку. Девушку поддержал припевкой уроженец Мордовии солдат Уланов:

Мы стальные самоходки
В наступленье поведем,
Силой гусениц и пушек
Всех фашистов разобьем.

А Болдырев пропел свежую, только что сложенную частушку:

Самоходок «тигры» ждали
Возле леса у реки,
А дождались — запылали —
Били их большевики.

К капитану Карасеву, одиноко стоявшему в стороне, подошел Бельчиков, с улыбкой спросил:

— Что, соловушка, не весел?

— Тоскливо что-то на душе, сам не знаю почему.

— Полно, Ваня, не грусти... Покажи, как командиры рот плясать умеют. Сам-то я для этого уже староват — сорок стукнуло. А ты у нас молодой, вспомни, как, бывало, под Брестом...

Лихо умел плясать капитан Карасев. А в тот пасмурный январский день, под вековыми соснами, возле заиндевевших самоходок он превзошел самого себя. Да еще порадовал нас своей белореченской припевкой. Я не помню ее содержания. Но она была посвящена его матери, Екатерине Егорьевне Карасевой.

С сожалением смотрю на часы. Ведь на войне не знаешь, когда еще выпадет такая счастливая минута. Подаю сигнал, и в ротах звучат команды: «По машинам! Моторы заводи!».

К югу от нас, над самым горизонтом, виднеется дымное облако. Оттуда, словно отдельные раскаты грома, доносится грохот боя. Это Познань. Вчера, 25 января, войска, действующие на левом фланге Первого Белорусского фронта, замкнули кольцо фашистского окружения. 2-я танковая армия обходит Познанский укрепленный район с севера, она стремится выйти к Одеру, к Кюстрину.

Но задача эта сложная. По рекам Нетце и Варта, а также в междуречье от Чарникау до города Обороники и далее на юг до Познани гитлеровцы создали «Померанский вал». Этот мощный оборонительный пояс сооружался одиннадцать лет под личным наблюдением Гитлера. Долговременные фортификационные сооружения были хорошо увязаны с полевой обороной. «Померанский вал» состоял из нескольких, тщательно оборудованных оборонительных рубежей, полос прикрытия и отсеченных позиций.

Местность, через которую идет наш полк, холмистая. Хочется быстрее пройти ее, но не тут-то было. На шоссе лежат десятка два мин от немецкого миномета. Из головной самоходки вылезает Иван Софронович Карасев, чтобы убрать их на обочину. Путь для полка расчищен. Но вот он наклоняется над последней миной и... — взрыв, огонь веером и дым. У мин были взведены взрыватели.

Карасев падает. Мы стоим над трупом товарища в скорбном молчании, обнажив головы. Изменило капитану солдатское счастье, которое хранило его четыре года. Он защищал Брестскую крепость, был комиссаром бронепоезда, потом перешел в танковые войска строевым командиром. Похоронили Карасева в братской могиле в Чарникау.

Снова команда: «По машинам!». Лязгают гусеницы, рычат моторы. Скорее, скорее, война не ждет.

Шоссе взбегает на холм. Отсюда видны темно-синие хвойные леса на берегу Варты. Остроконечные черепичные крыши домов Рагозена, над которыми возвышается костел.

Впереди нашего полка, в узкой теснине, застрял танк. И сразу же образовалась «пробка». Молоденький танкист неумело копался в моторе и никак не мог его завести. К нему подошел «отец механиков». Засучив рукава комбинезона на толстых, обросших черными волосами руках, он спокойно сказал танкисту: «А ну, посторонись, сынок».

«Отец механиков» поднял люк, повозился в проводке и так же тихо и даже ласково сказал:

— Заводи, сынок, езжай и учись не мешать людям, когда они делают большое дело.

Танкист сразу же завел мотор. На его лице была счастливая улыбка. Никто больше не ругался и не шумел.

— Вот это сила, — сказал танкист, глядя в след «отцу механиков», — и отблагодарить его не успел. Да кто он?

В Рагозене нас встретил Кривошеин. Темное, худощавое лицо его еще больше осунулось. Глаза ввалились.

— Передовой отряд застрял под Оборониками. У противника очень сильная оборона. Ввел в бой мотопехоту и танки Задорожного, но и это не помогло.

Я доложил Кривошеину, что полк может с ходу вступить в бой.

— Что ж, превосходно! — лицо генерала повеселело. Он вынул из полевой сумки карту с множеством красных и синих знаков вокруг местечка Обороники и вдоль реки Варта. «Видно, давно идет бой», — мелькнуло у меня.

Комкор стал объяснять обстановку:

— Мы стоим перед бывшей польско-германской границей, в междуречье Нетце и Варты. Оправа от нас — город Чарникау, прямо на запад — Обороники. Прикрывая северный фланг обороны Познани, противник ценой больших потерь удерживает позиции. Но мы не можем здесь долго задерживаться. Надо сломить сопротивление врага, не дать ему укрепиться на Одере.

Комкор поставил нам задачу: вместе с мотопехотой Задорожного, танками Вайнруба и Бортовского атаковать противника в направлении Обороников и овладеть ими.

— Желаю удачи, Миронов! — Генерал крепко пожал мне руку и поехал к месту боя.

«Ну, кажется, от маршей переходим к настоящим боям, раз дело коснулось главных сил корпуса», — подумал я, чувствуя, как сильно забилось сердце. Первый раз в жизни в танковом бою мне приказано командовать тяжелыми боевыми машинами.

Пажитнов повел полк на исходные позиции, а я поехал вперед, в Рожново, отыскивать командиров частей Задорожного, Вайнруба и Бортовского, чтобы согласовать с ними свои действия.

Позиции немцев были выгодны для обороны. Обороники стоят на западном, высоком берегу Варты. Противник мог просматривать боевые порядки наших войск, обстреливать их, укрываясь среди зданий.

На окраине Рожнова я увидел бойцов, лежавших на снегу. В кустах стояли командирские танки с белыми башнями. Это был командный пункт. В неглубоком окопчике устроились командиры. Вот они, мои старые друзья: командир 219-й Кременчугской танковой бригады полковник Евсей Григорьевич Вайнруб. Он всегда ходит в потертой кожаной куртке, сбив папаху на затылок. Это придает ему бравый вид, хотя по возрасту он не молод, учился в двух академиях — Фрунзенской и Бронетанковой и потому считается «зубром» военной тактики. Но иногда на досуге Евсей Григорьевич прикидывается сугубо гражданским человеком, вспоминает о лесах и лесном техникуме, в котором он когда-то учился, и мечтает быть после войны конструктором на каком-нибудь автомобильном или тракторном заводе. Но теперь Вайнруб занят только боем за Обороники.

Воспаленные от бессонницы глаза его нахмурились, поседевшие волосы выбились из-под папахи и прилипли к морщинистому лбу.

Командир 35-й мехбригады подполковник Яков Степанович Задорожный на три года моложе Вайнруба, но выглядит гораздо старше его. Он многое пережил: участвовал в Польской кампании в 1939 г., воевал с белофиннами в 1940 г., устанавливал советскую власть в Литве в 1940 г., вместе с Вайнрубом учился в академии механизации и моторизации.

По характеру Задорожный — полная противоположность Вайнрубу: всегда спокоен. Никогда я не видел, чтобы Яков Степанович вспылил, закричал. При встречах он всегда деликатно улыбался и почесывал худенькое лицо.

— Для «Померанского вала» твои «коробки» очень нужны. Изучай Обороники, — сказал Вайнруб и, надев очки, стал чертить на карте задачи батальонам и ротам 347-го полка.

В окопе на корточках сидел молоденький майор. Смеющимися черными глазами он показал мне: «Давай, лезь в эту дыру». Это Матвей Нестерович Бортовский. Самый молодой командир полка в армии.

Всех трех командиров я хорошо знал. Вместе мы служили на Украине и в Белоруссии, вместе участвовали в боях, не раз перевязывали друг другу раны.

— Пришел на помощь? — тепло приветствовал меня Бортовский, — давая место в окопе.

Я развернул карту и стал слушать объяснения Вайнруба. Евсей Григорьевич требовал от нас решительных действий. Задорожный с Бортовским уже атаковали противника, но безуспешно. Теперь Вайнруб и Задорожный усиленно вели разведку, готовились к новой атаке.

Я посмотрел на Обороники в бинокль и увидел длинную черную полосу перед Вартой — противотанковый ров. Возле него горел танк «шерман» из полка Бортовского. За рекой, в подвалах городских зданий, трещали немецкие пулеметы.

Задорожный пояснил свою задачу:

— Мы имеем приказ до наступления темноты овладеть Оборониками. Будем вести бой с форсированием реки. Вторая атака назначена после артиллерийского огневого налета по Обороникам. В начале и в конце этого налета вступают в дело гвардейские минометы дивизиона майора Петра Михайловича Прокопенко. Минометный полк подполковника Пузанова занял огневые позиции впереди командного пункта.

Нашему полку надлежало обеспечить атаку мотопехоты и танков на западную окраину Обороников. Усвоив боевую задачу, я разместился в старых немецких окопах, вблизи командирских танков Вайнруба, вместе с Пажитновым, Захаркиным и Осадчим.

Посмотрел я на своих заместителей и только теперь понял, как утомили их марши. Захаркин только присел на бруствер, закрыл глаза и «клюет» носом, Осадчий приплясывает, чтобы не уснуть. Только Пажитнов, кажется, тверже всех — тщательно рассматривает оборону немцев в Оборониках и приговаривает: «Каменные домики, в подвалах пушки, в окопах пулеметы. На обрыве берега Варты дзот, колючая проволока».

...Вчетвером мы обсудили задачи ротам. Времени на организацию боя было так мало, что задачу командирам рот я поставил по карте. С танками 9-го танкового полка Бортовского и правофланговым батальоном Вайнруба шли в атаку роты самоходок Бельчикова и Иванова. Рота самоходок Целибьева должна была атаковать Обороники слева с танками 4-го танкового полка 35-й мехбригады Задорожного.

Целибьев, Бельчиков и Иванов ушли в роты сразу же. Отлично усвоил задачу Иванов. Видно, во 2-м Ростовском артиллерийском училище ему дали прочную

военную подготовку. Муравьев задержался. Он любил готовиться к атаке не спеша и еще долго советовался с Осадчим, как лучше автоматчикам подползти к дзоту.

Вот тогда-то и произошел случай, который запомнился мне на всю жизнь. Командиры, оставив у боевых машин для охраны заряжающих, вместе с экипажами поднялись на холм и стали изучать подступы к Обороникам. Внезапно из-за леса появилось звено «мессершмиттов». С бреющего полета они обстреливали наш полк. Один снаряд попал в самоходку.

Из открытого люка машины лейтенанта Борисова вырвался белый язык пламени. Загорелись пороховые заряды. Огонь мог ежесекундно переброситься на снаряды, взрыв грозил не только самоходке Борисова, но и соседним машинам. Вдруг пламя исчезло. Мы подбежали к самоходке, заглянули в люк. В лицо пахнуло селитрой, жжеными тряпками. На потушенных зарядах лежал без сознания сержант Иван Александрович Манохин. Огонь преградил ему доступ к огнетушителям. Он телом закрыл горящие пороховые заряды и погасил пламя.

Манохина осторожно вытащили из машины. Лицо его казалось сплошным багровым волдырем, обгорели грудь и живот. Наш полковой врач майор медицинской службы Попик сокрушенно покачал головой: едва ли выживет. А какой герой!..

Бывший тракторист с хутора Клетская почта Волгоградской области ничем особенным в полку не выделялся. Воевал исправно, как и все. Но вот случилось такое, и он, не задумываясь, бросился в огонь.

Иванов печально глядя на носилки с Иваном Манохиным, сказал: «Вот у них вся семья такая. Отец Ивана — дед Александр — герой Русско-японской и Гражданской и сейчас жив, а дети Ивана — Николай и Алексей — исправно служат в армии. Жена сержанта — Зинаида Макаровна — мне писала о них. А Иван о себе ничего не рассказывал — любил не слово, а дело...».

Глава 11. Варта в огне

Над Вартой повисла белая полоса морозной дымки. Ветер стих. Тишина. Но вот с артиллерийского командного пункта в воздух взлетела красная ракета, и сразу же завыли катюши. Вслед за ними открыли огонь пушки и гаубицы. Заработали моторы танков и самоходок. По полю пополз сизый дым от перегоревшей солярки.

Противник изредка отвечал, стреляя болванками. Ох, как противен этот дикий свист летящего металла! Противотанковые средства подавить не удалось. Это поняли и командиры рот. Бельчиков по радио просил разрешения обойти Обороники с севера и согласовать действия с танкистами.

— Ведите сначала огонь с места, а как только танки двинутся в атаку, стреляйте с коротких остановок. Боевой порядок «уступ слева». Укрывайтесь за деревьями, — передал я распоряжение всем командирам рот.

Танки выползли из окопов и двинулись к Обороникам. Огненные трассы снарядов перекрещивались в воздухе. Вслед за мехпехотой и танками пошли наши самоходки. Плавно покачивались их громадные, пестрые, приземистые корпуса. Противник открыл ураганный огонь из пушек.

Танки и самоходки уже несли потери. Загорелись передние танки. Накренилась одна самоходка. Бельчиков доложил: у машины подбита ходовая часть. Я радировал командирам рот, чтобы они отъехали вправо к роще и замаскировались в кустарнике. Танки Вайнруба тоже стали отходить, укрываясь за стогами сена.

Автоматчики старшего лейтенанта Муравьева, обогнав самоходки, рассыпались по снежной пойме Варты, не позволяя противнику применить фаустпатроны.

Атака явно не удавалась. На командном пункте забегали связисты. Кто-то крикнул: «С тыла идет машина командарма!».

Новенький зеленый бронетранспортер подошел к нашим окопам. Из него вышел Богданов. На этот раз он был одет в зеленый плащ. На груди цейссовский бинокль. Правая раненая рука на перевязи.

Ко мне нагнулся Пажитнов:

— Пропадай наша телега все четыре колеса.

— Да уж даст духу, лучше бы ему на глаза не попадаться, — согласился Захаркин.

Откровенно говоря, все мы чувствовали себя виноватыми и ожидали неприятной нахлобучки. Богданов, поприветствовав нас левой рукой, опустился в окоп солдата-наблюдателя и стал в бинокль рассматривать немецкие укрепления. Потом подошел к нам, спросил:

— Разучились воевать? Ай-ай-ай! И это на четвертом году войны! — перевел взгляд на Кривошеина.

— Вы искали обход на северо-запад, в направлении Чарникау?

— Нет, я там разведку не вел, — нерешительно ответил Семен Моисеевич.

Кто-то попытался дать объяснения, но Богданов, не слушая, коротко и ясно отдал боевой приказ:

— На участке Чарникау оборона противника гораздо слабее, чем под Оборониками. Надо организовать глубокий обход Обороников с севера, ударить по тылам врага на территории самой Германии и продвинуться к Одеру.

Вскоре он уехал, а у нас словно отлегло на душе. Стало все ясно и просто.

...Итак, прежде всего надо вывести из боя машины. Сделать это днем нелегко.

Приказ решили объявить командирам рот условным кодом. Но оказалось, что у самоходок, которые вели бой, осколками побило радиоштыри.

— Черт побери эти радиоштыри! Придется ползать на животе, — проворчал Пажитнов.

— Что ж, нам не привыкать, — отозвался я. — Сделаем так: мы с вами пробираемся на главное направление к Бельчикову, Иванову и Муравьеву, Осадчий — к Целибьеву.

...Через несколько минут мы с Пажитновым уже ползли по снегу вдоль рощи, севернее Обороников. Пули свистели над головами, сбивали ветки со старых раскидистых берез. Миновав участок ровного поля, мы оказались в небольшой лощине.

Ныли руки и поясница, сердце сильно билось, кровь стучала в висках. В валенках было полно снегу, ноги промокли, а брюки обмерзли и не сгибались.

Рядом разорвался снаряд. Воздушная волна ударила в лицо. К счастью, осколки нас не задели.

Впереди, в окопе, стояла самоходка.

— Ну, теперь уже недалеко, — радостно сказал Пажитнов.

— Бегом! — крикнул я.

Мы сделали бросок и увидели самоходчиков. На жалюзи сидели озябшие Бельчиков и Иванов. Рядом стояла переносная рация с пробитым приемником. Они управляли боем с помощью посыльных, которые ползли от самоходки к самоходке и передавали распоряжения командиров рот экипажам.

Экипаж второй самоходки уничтожил дзот. Однако долго держал машину на одной и той же позиции. Легко и под удар угодить! Только действиями Хоруженко командир роты был доволен вполне.

— Молодец, Тихон! Образцово работает!

Через минуту подошел ко мне и сам Тихон Хоруженко. Бинокль на его груди был пробит пулей, шлем поцарапан осколками, правая щека была в крови.

— Крепко засел немец, но ночью получит двойной удар, уверен.

— Не ударять надо, а обходить. За образцовую стрельбу спасибо, молодец! Но не нужно пренебрегать маневром. Маневр — это козырь «стальной гвардии».

Я объявил приказ: первой отходит его рота, затем рота Иванова. Пехота оставляет здесь небольшой заслон.

Начали выводить самоходки из боя. Одна за другой они пятились назад, чтобы скрыть от противника уязвимые места. Наш химик догадался пустить густую дымовую завесу, вскоре за нею скрылись Обороники.

В роще, под Рожновом, полк собрался в колонну. Двинулись на север к Чарникау. Мы ехали в машине лейтенанта Мусатова, ее вел Гумар.

Дорога от Рожнова до Рагозена была вся в выбоинах, в воронках. Но самоходка преодолевала препятствия так плавно, словно плыла по воде. Я похвалил водителя за отличную езду. Он улыбнулся:

— Это моя третья специальность.

— Остальные?

— Летчик и ветеринар.

— Здорово! Когда же успел их приобрести?

— Три года учился в Казанском зоотехникуме, потом окончил в Уфе авиашколу. А теперь вот — самоходчик.

В самоходке Бельчикова исправили радиостанцию, и я перешел к нему. Экипаж отдыхал после боя, разместившись на днище машины. Наверху, накрывшись брезентом, спали пять автоматчиков. Наблюдателя не было. Я указал на это Бельчикову. Он удивился.

— А зачем он, едем ведь в тыл.

И вдруг, словно в ответ, раздалось несколько выстрелов. Один из автоматчиков вскрикнул: «Ой, ранили!». Бельчиков бросился к люку:

— Хлопцы, в машину!

Солдаты, тесня друг друга, ввалились в люк.

Я взглянул в триплекс. Видно было, как на фоне темных зданий, словно огни электросварки, блестели вспышки выстрелов.

— Ничего не понимаю! — ворчал Бельчиков. — Утром здесь прошел весь полк, и вдруг — противник.

— Это, наверно, оставшиеся в нашем тылу немцы пробиваются к своим. Можно получить удар в спину, — ответил я. — Вспомните, как погибли Горьев и Шаронов.

Мы обошли город по снежному полю и снова выбрались на асфальт. Здесь колонна выровнялась, набрала скорость. Впереди, на обочине, высокий человек в офицерской шинели размахивал руками, требуя остановки. Я узнал командира дивизиона катюш майора Прокопенко.

— Что случилось, Петро?

— Выручай, Мироныч! Мои катюши в роще, за Рагозеном. В городе немцы. Они уничтожат боевые машины. Дай мне одну самоходку. Мы объедем город и спасем минометы.

Я вызвал Хоруженко и приказал ему вместе с майором Прокопенко отправиться за Рагозен.

«Возвращаться в район, занятый немцами, одной самоходке, конечно, рискованно. Ну да, на войне все рискованно. И Тихон Хоруженко за себя постоять сумеет. Найдет обход. Его взять нелегко», — думал я, глядя вслед уходящей назад самоходке.

Через полчаса Тихон докладывал по радио:

— Прорываюсь через лес севернее Рагозена. Нас обстреляли немецкие автоматчики. Немцы движутся в сторону Обороников.

На этом разговор с Тихоном прервался.

— Надо было дать Тихону побольше солдат, — говорю я Захаркину, — но где их взять?

Тот настроен мрачно: могут погибнуть люди, самоходка и минометы. Я молчу, но про себя думаю: «Конечно, могут, но немцы стараются прорваться к своим войскам, за Варту. Им не выгодно под Рагозеным вступать в затяжной бой».

Долго движемся молча. А когда колонна остановилась на малый привал, Бельчиков высунулся из люка, радостно крикнул:

— Товарищ командир, Хоруженко едет! Несется на всех парусах.

Подошла самоходка Тихона. Он выскочил из машины, подойдя ко мне, доложил:

— Майор Прокопенко доставлен на огневую благополучно. В лесу, восточнее Рагозена, вел стрельбу из зенитного пулемета по автоматчикам противника. Проехали лес на большой скорости. Подняли там такой грохот, что немцы заметались, как зайцы. Они хотели захватить катюши, да не тут-то было: минометчики и самоходчики отбили атаку фашистов. На «огневую» к майору подошел наш мотоциклетный батальон.

— Ну, молодец, Тихон Иосифович, — сказал я Хоруженко. — А как Прокопенко?

— Доволен, что выручил его из беды. Расцеловал меня. «Я, говорит, обязан вам жизнью».

— А письма семье послал? — вспомнил я беседу в землянке Осадчего.

— Послал, товарищ командир, — засмеялся Тихон.

Глава 12. Врываемся в фашистскую Германию

Колонна спустилась с холма и вышла на бывшую польско-германскую границу.

— Подумать только! — волновался Захаркин, поднимая к глазам бинокль. — Мы подошли к Германии вплотную и завтра вступим на ее территорию. Здесь прорвем «Померанский вал».

Несколько дней назад во всех подразделениях прошли беседы на тему: «Что значит мщение врагу». Организовал их Осадчий. Германия перед нами, а у русского солдата для «мщения врагу» имеются достаточные основания.

Я присутствовал на такой беседе в роте Муравьева. Солдатам разъяснили, что наша армия — армия-освободительница, что справедливая кара постигнет только тех немцев, которые творили преступления против советского, польского и других народов, а не весь немецкий народ.

— Как же это понимать? — спросил тогда здоровенный автоматчик Аникушин, прибывший в полк с последним пополнением. — У меня фрицы избу спалили, а жену и мальца живыми в огонь бросили.

Солдат стоял раздвинув ноги, крепко сжимая висящий на шее автомат. Из-под надвинутой на брови шапки были видны горящие глаза. Тут заговорили сразу несколько человек. У каждого свой счет с фашистом.

Слово попросил Холопов.

— Извиняюсь, — сказал он, — я, конечно, не из вашей роты, но хотел бы сказать: ненавидим мы немцев?! Еще как. А придем в Германию, нешто немецких детей в огонь бросать будем? Для этого фашистом быть надо. А вот в бою фриц должен быть в двух видах — либо пленный, либо мертвый!

За рекой Нетце по широкой пойменной равнине, засыпанной снегом, изредка перебегали немцы в белых халатах. Танки Вайнруба строчили по ним из пулеметов, не давая подойти к реке — саперы строили там мост.

За равниной тянулись холмы, покрытые кустарниками. Еще дальше виднелась небольшая плоская гора. На склоне ее ровными рядами стояли белые домики с высокими коньками крыш — это Рунау — первое немецкое село. На склоне горы, словно кучи земли, темнели дзоты.

К нам на бронетранспортере подъехал генерал Кривошеин и крикнул:

— Двигайтесь к переправе и поддержите Вайнруба. Семен Моисеевич всегда появлялся вовремя. Сотрясая мостовую, колонна с грохотом ввалилась на узкую улицу Чарникау.

Невдалеке от окраины, с холма, Богданов в бинокль смотрел на Нетце. К нему то и дело с докладами подходили офицеры и генералы.

На дороге я встретил командира минометного полка Василия Павловича Пузанова. Его полк окапывался прямо на улицах города. Минометные трубы торчали из стен зданий, из окопов. Семен сказал: «Построим мост и утром двинемся в Германию. Вы понимаете, в Германию? Вот она, за рекой, гляди на нее». Видно было, как волновался Пузанов.

— Порядок! Значит, завтра будем на немецкой земле! — радостно ответил я.

Продвинувшись ближе к переправе, мы расставили самоходки на восточном берегу Нетце, используя для укрытий развалины заводов и домов. Я разыскал Вайнруба. Он расположился недалеко от разрушенного моста, в глубоком окопе, под белой маскировочной сетью. Вокруг комбрига сидели командиры танковых батальонов и штабные офицеры в белых халатах. Лицо Вайнруба осунулось. Нос у него стал еще длиннее, а все лицо потемнело.

— Вот, самоходчик, смотри, — крикнул комбриг, — мой первый батальон занял рубеж вправо от моста по берегу реки, второй — слева, а третий — во втором эшелоне в центре города, сзади нас. По приказу командира корпуса ваш полк поддерживает 219-ю танковую бригаду. Поддержите огнем танковые батальоны первого эшелона бригады на переправе и во время атаки Рунау.

Я взглянул на ведущие бой танки. От них за реку тянулись огненные трассы снарядов и пуль. Противник отвечал из пулеметов и противотанковых пушек, расположенных у подножия горы.

— А где сосредоточить главные усилия?

— Главный удар мы нанесем правым флангом, — ответил Вайнруб. Взглянув на взорванные прогоны моста и покосившиеся бревенчатые сваи, он добавил:

— Саперы всю ночь будут строить мост, а мы прикроем их огнем с места.

— А какие цели в первую очередь должны уничтожить самоходки? — спросил я.

Вайнруб показал на Нетцу.

— Во-он лесок, видишь? На опушке его — черные пятна. Это их орудия. Бейте по ним, остальные цели разведайте сами.

Полковник вздохнул, обеими руками провел по лицу:

— Устал, Мироныч! Башка трещит. Давай закурим, что ли... Хотя ты, кажись, некурящий.

— Ничего, за компанию попробую.

Я втянул горький дым и закашлялся. Вайнруб рассмеялся.

— Э, брат, какой же ты самоходчик! Водку не пьешь, курить не умеешь.

Несколько минут мы сидели молча, смотрели за реку, отдыхали. Мне очень нравился Вайнруб — временами резкий, вспыльчивый, но прямой, откровенный.

Недалеко от нас разорвался тяжелый снаряд, от удара взрывной волны мы полетели в окоп.

— Подкараулил-таки, проклятый! — сказал Вайнруб, выковыривая песок из носа.

К нам подошел Захаркин.

— Можно открывать огонь из тяжелых? — спросил он. — Саперы уже выходят на мост.

Мы пошли в роты, всматриваясь в номера самоходок, разыскивая командирские машины. Самоходка Бельчикова стояла в кустах. Возле нее лежали заместитель начальника штаба полка по оперативной работе майор Шабалин и командир роты. В бинокль они изучали позиции противника. Майор часто бывал в ротах. А ведь ему уже за сорок, да к тому же и здоровье неважное. Бывало, по целым ночам мучает его кашель. Но Шабалин не ставил вопрос о переводе его на более легкую работу,

не просил эвакуации в тыл. Долгое время он был начальником разведки полка и сейчас помогает Бельчикову разобраться в обстановке, исполняет обязанности заместителя начальника штаба.

— Смотрите, — говорит он, — перед нами первая линия укреплений «Померанского вала». Она проходит за поймой, по склонам гор. Видите черное пятно — это дзот. На опушке рощицы окопаны пушки, но брустверы их окопов засыпаны снегом и выглядят как белые пятна.

— Это понятно. А за холмами что?

— Вторая линия укреплений, а потом третья.

Шабалин все делал не торопясь, тщательно, обстановку объяснял со всеми подробностями, требуя повторения.

Линия немецких окопов, вырытых параллельно руслу реки, хорошо просматривалась. Бельчикову я поставил задачу — обеспечить наступление левофлангового танкового батальона, Иванову и Целибьеву — правофлангового. Автоматчики Муравьева придавались самоходным ротам для охраны машин.

— Кого из вашей роты лучше послать командовать «кочующими орудиями?» — опросил я Бельчикова.

Бельчиков кивнул на низенького, худощавого, с острым носом, младшего лейтенанта:

— А вот Николай Савельевич Воробьев. Он на эти дела мастер.

Мы послали в город Воробьева. За ним пошла машина Качалина. Остальные подразделения, штаб и тыл полка Захаркин разместил на центральных улицах города.

Офицеры разошлись по подразделениям.

Я пошел проверить работу офицеров и экипажей в роте Бельчикова. Самоходки стояли среди каменных развалин, прижавшись к уцелевшим стенам заводского корпуса. Бельчиков вместе с командирами машин вышел на рекогносцировку. Он облюбовал глубокий длинный окоп в двухстах метрах от реки.

Вперед поползли автоматчики. Головачев теперь был за командира отделения.

Офицеры склонились над картой. А Хоруженко шумно вздохнул. Он всегда не сразу усваивал задачу.

— В чем дело, Тихон? — спросил Бельчиков.

— Хочу уточнить. Вот на опушке леса белый дом с красной крышей. Это ориентир на правой границе моего сектора?

— Правильно, — подтвердил командир роты, — а левый — отдельное дерево на вершине горы. Ясно?

— Как будто бы ясно... Дзоты достаются мне.

— Повтори еще разок на всякий случай.

...Но вот задача усвоена. Бельчиков оглядел товарищей.

— Помните, друзья, сколько раз мы говорили: «Добраться бы до Германии!». Ну вот и добрались. Давайте докажем, что наше обещание — разгромить врага на его земле — не пустые слова. Перед нами Рунау — большое, сильно укрепленное немецкое село. Помните, в нем живут не поляки, а немцы, среди них много фашистов.

Я тоже с интересом смотрю на селение по ту сторону реки, на высокие коньки домов, на колючую проволоку. Вот она, фашистская Германия! Завтра мы вступим на ее землю.

Я говорю Бельчикову, что хочу посмотреть стрельбу одного из экипажей 4-й роты. Но на самом деле мне просто в этот исторический момент хочется быть в самоходке, которая первой будет стрелять по Германии.

Мы с Бельчиковым садимся в машину лейтенанта Сергея Ивановича Кириченко. Полный, с большим широким лицом, лейтенант готовит пушку к стрельбе. Командир роты одевает танковый шлем. Вот уже раздаются его команды:

— По батарее — осколочными!.. — Эти команды Бельчиков произносит с необычным подъемом, а короткое, суровое слово «огонь» звучит прямо-таки торжественно.

От выстрела зазвенели броневые стенки машины, дрогнула земля. То место в «круглой роще», где стоят немецкие пушки, заволокло дымом.

Кончится война, пройдут годы, отстроят разрушенные города и деревни, воронки и окопы зарастут травой. На земле будут жить новые поколения людей, которые о Великой Отечественной войне узнают только из учебников, романов да кинофильмов. А поймут ли они радость и гордость тех, которые в те кровавые годы первыми ворвались на немецкую землю?

Справа от нас, из-за развалин, раздался выстрел соседней самоходки, а через несколько секунд снаряд полностью разрушил немецкий дзот за рекой.

— Кто стрелял? — спросил я Бельчикова.

Тот только пожал плечами. Но как бы в ответ на мой вопрос я услышал в наушниках радиоприемника голос Захаркина. Михаил Иванович восторженно докладывал: «Видели, как работает мой земляк — пензенский голубятник?».

— Какой голубятник?

— Да тот, с темно-русым чубом — учительский сынок, воспитанник Ульяновского. Да вы его еще хотели проверить на деле.

— А, да, да, помню. Это Мусатов, молодец!

...По пушкам самоходки стреляют в упор, прямой наводкой, стреляют долго, ожесточенно. Рота Целибьева ведет огонь по пехоте, обороняющей Рунау. Село пылает, подожженное снарядами сразу в нескольких местах. А Целибьев все бьет и бьет по нему.

Однако, несмотря на сильный огонь, противник предпринимает контратаку. При поддержке артиллерийского огня немецкая пехота в белых маскировочных халатах ринулась к переправе. И сразу же в приемнике загремел хриповатый голос Вайнруба.

— Миронов, ты там не спишь? Нет! Ну, гляди в оба, а то Германия ощетинилась. Поддержи тяжеленькими, браток. Бей. Вон... вдоль дороги, по лесу.

Затем незадолго до смерти со мной говорил командир бригады Задорожный. И разговор был какой-то необычный, теплый, дружеский.

— Ты меня видишь? Да, до меня рукой подать. Вот я, ближе церкви. Ну повесели мою пехоту осколочными, она рада будет. А уж до Берлина дойдем, за нами не пропадет. Украина Мордовию не подведет.

— Дадим по-твоему, по-украински, сполна, Яша, не беспокойся, — ответил я.

Гитлеровцев встретила рота Иванова.

Осадчий после этого боя сказал ему, что он может подавать заявление для вступления кандидатом в члены партии.

И я от души обещал написать ему рекомендацию.

...Чтобы спасти положение, противник решил выдвинуть в Чарникау резервы из глубины обороны, откуда-то из-за Рунау. По роте Бельчикова стала бить артиллерия. Рядом с нашей самоходкой разорвалось несколько снарядов, и стена, у которой стояла машина, обвалилась. Каменные глыбы ухнули на броню.

— Старшина Холопов, попробуйте открыть крышки люков.

Иван Иванович толкнул одну крышку, потом вторую. Они не открывались.

Молоденький сержант-москвич Иван Васильевич Городенцев, оказавшийся с нами в машине, побледнел и с горечью сказал:

— Ну вот и дошли до Берлина...

Бельчиков предложил крикнуть всем разом и, словно дирижер, поднял руки вверх. Под взмахом его рук мы крикнули:

— Открой...те!..

Но кругом было тихо. Еще раза два повторили крик. Снова тишина. Настроение у нас испортилось. Холопов молча сопел. А Бельчиков нахмурился и деловито рассуждал:

— Нам надо обдумать, как снять груз с самоходки. Надо подумать... Но без помощи мотора мы отсюда не выберемся. Надо думать о заводке.

Механик-водитель Болдырев дважды пробовал завести мотор стартером. Но он не заводился, а после нескольких вспышек отработанные газы проникли в машину. У меня закружилась голова. Но больше всего беспокоила потеря радиосвязи с полком и Кривошеиным. Ведь полк ведет бой. Начали заводить мотор сжатым воздухом, который был заготовлен в специальном баллоне. И вот первая проба — вспышка. Вторая проба — задрожала машина, и медленно заработал мотор.

— Ура! — закричали все.

Болдырев включил передачу заднего хода, и самоходка рванулась назад. Камни с шумом свалились с машины. Холопов открыл крышки люков, и мы полной грудью стали вдыхать свежий воздух. Затем я исправил радиостанцию и услышал голос Евсея Григорьевича.

...Вайнруб просил усилить огонь по Рунау. За перебои в радиосвязи он отчитывал командиров танковых батальонов и «разносил» меня. Мне пришлось извиниться.

Главное — налажена связь с полком. Поговорил по радио с Захаркиным, Ивановым, удостоверился: все в порядке. Но вот разговор с Кривошеиным оказался не весьма приятным.

— Я вас вызываю целых полчаса, товарищ подполковник, — грозно отчитывал меня генерал. — Что это вы беспрерывно мотаетесь по ротам! Не забывайте — вы командир полка, а не рядовой солдат. И штаб у вас не на месте. Будьте на своем командном пункте и управляйте полком!

Эти слова охладили мой пыл, заставили задуматься о своем месте в бою. Я искоса взглянул на солдат — не услышали ли они в трубке голос генерала. Нет, слава Богу, каждый занят своим делом. Да, надо срочно исправить ошибку. Я выбрался из самоходки, направился на командный пункт. Захаркин был там.

— Где офицеры? — грозно спросил я. Он удивленно взглянул на меня.

— Как где? Работают в подразделениях.

— Ну вот, я так и знал! Сейчас же соберите свой штаб и впредь не рассылайте сразу всех офицеров. Ведь это орган управления, а не команда посыльных.

— Виноват, товарищ командир. Это мы исправим. — Захаркин побежал к радиостанции.

Предстояло всем полком провести стрельбы по важнейшим объектам вражеской обороны. Я стал подавать команды:

— «Клен — один». «Клен — два». «Клен — три». «Клен — четыре». Я — «Клен». Прямо на горе отдельное дерево. Влево ноль двадцать — артбатарея. Сосредоточенным... подавить!

Прошла минута, загрохотали пушки. Батарея противника окуталась дымом. Подавив огонь немецкой батареи, полк рассеял скопления вражеской пехоты в лощине между сопками, сделал огневой налет на передний край вражеской обороны и уничтожил огневые средства в траншеях первой позиции противника, в полосе наступления танковой бригады. Я на деле убедился в справедливости упреков Семена Моисеевича и вспомнил его добрым словом. Да, в ротах надо бывать, но не в разгар боя. В бою надо командовать полком. Что ж, будем неуклонно следовать этому правилу. Тем временем собрался наш штаб. Шабалин организовал связь с пехотой. Козлитин выслал разведку за реку и информировал меня о поведении противника. Захаркин и другие офицеры помогали мне управлять подразделениями по радио.

В разгар боя почувствовалась нехватка боеприпасов. Командиры рот требовали снарядов, а часть шоферов взвода боепитания и погрузочная команда вышли из строя. На подвозку снарядов направили всех незанятых в бою шоферов, в том числе и девушек. А грузить снаряды пришли поляки — человек шесть немолодых мужчин. Один из них, Юзеф Шелковский, сказал, что они рады помочь Советской армии.

Наступил самый ответственный период боя. Пехота готовилась переправиться по льду на противоположный берег Нетце. Меня по радио вызвал Кривошеин. На этот раз голос у генерала был ласковый.

— Вениамин Борисович, прикрой огоньком пехотинцев. Да смотри, чтобы противник не отбросил их назад. Ты сейчас на КП? То-то же! Вот теперь и мне легче работать. Учти, что за мостом надо создать плацдарм.

Мы с Захаркиным стали искать огневые средства врага, которые могут помешать переправе. В первую очередь следовало подавить вражеские пулеметы на склонах гор, иначе они покосят людей Хотимского. Я немедленно передал соответствующее распоряжение в роты.

Мы стали наблюдать за рекой: справа и слева от моста ожидалась атака пехоты. Но, кроме снежных сугробов, там ничего не было видно. Прошло еще полчаса, и

на льду появились темные фигуры солдат. Их было не более двух десятков. Вскинув на руку автоматы, они двигались разомкнутой шеренгой.

— Кажется, пошли, — сказал Захаркин, не отрывая глаз от бинокля.

— Нет, Михаил Иванович, это не пехота... Солдат мало. Пожалуй, разведчики, — возразил я, глядя в стереотрубу.

Прошло еще минут пятнадцать, и по льду двинулась врассыпную солдатская лавина. Бойцы в белых халатах перебежками продвигались к вражескому берегу и стреляли из карабинов.

— Вот это пехота... Пошла, матушка! На всю жизнь запомню: советские солдаты вступают в Германию! — взволнованно говорил Захаркин. Кто-то звонил по телефону, но он не слышал звука зуммера, увлекся атакой.

За пехотой по льду двинулись минометчики, буксируя на стальных катках тяжелые трубы и опорные плиты минометов. Осмелели и артиллеристы малокалиберных пушек. Они тоже тащили свои орудия по льду. Но вот на самой середине реки колеса одной из пушек продавили лед. Солдаты из орудийного расчета побежали обратно на берег, набрали досок, принесли веревки. Вскоре им удалось вытащить пушку. Тем временем на глазах у противника саперы строили мост.

Здоровенный солдат, сбросив с себя шинель, гимнастерку, в одном белье опустился в холодную воду, чтобы укрепить болты в сваях. Когда он вылез на мост, немецкий снайпер подстерег его.

Взмахнув руками, солдат упал. На место погибшего встал другой сапер. Наступление продолжалось.

Ко мне подошел Осадчий:

— Пойду-ка я в Германию, побеседую еще там с солдатами.

Он взял под мышку доску с надписью: «Советские воины! Смелее врывайтесь в логово врага! Смерть немецким захватчикам!» и спустился на лед. Затем, пригибаясь, он догнал пехотинцев и прибил доску к уцелевшему телеграфному столбу.

Казалось, сделано небольшое дело, но солдаты и офицеры, прочитав призыв, ускоряли шаг, крепче сжимали в руках оружие, быстрей устремлялись вперед, в глубь вражеской территории.

В Чарникау загрохотали пушки. Я начал прислушиваться к стрельбе самоходок Воробьева. Недавно он вел огонь с центральной площади города, а теперь его орудия стреляли с северной окраины Чарникау.

Козлитин привел долговязого немецкого офицера, взятого в плен его разведчиками вблизи Рунау. Оказалось, что он командовал дивизионом звукометрической разведки. На мой вопрос, сколько разведали артиллерийских батарей, офицер показал составленную им схему. На ней были нанесены несуществующие батареи — результат отличной работы «кочующих орудий» Воробьева.

— Ваше командование получило такую схему? — спросил я.

— Да, я послал ее командиру семьдесят третьей пехотной дивизии, — ответил немец и потом робко спросил: «Стрелять меня командир будет?».

— Нет, мы пленных не убиваем, — ответил я. Когда пленного увели, я спросил Козлитина, как ему удалось захватить его. Иван Федорович рассказал, что он еще

в детстве в селе Лошаковке, под Курском, по ночам научился руками соловьев ловить. Эта сноровка пригодилась ему для разведывательной работы — тихий подход, резкий бросок решают успех.

Стемнело. Наступила длинная январская ночь. Бой разгорелся еще с большей силой. Вспышки орудийных выстрелов и разрывы снарядов освещали улицы города, отбрасывая на них ломкие тени. Возле походной кухни толпились самоходчики, позванивая котелками.

Проходя мимо, я остановился в стороне, наблюдая, как толстый усатый повар ловко орудует черпаком. Это был наш кормилец Филипп Степанович Зюльев.

— А ну, самоходчики, — говорил он, — горяченького, прямо с огня, кому добавить? Солдат спит и ест про запас. Так что подставляй котелки.

Зюльева в полку любили. Могучего сложения, с румяным добродушным лицом, он во время боя нагружался термосами и вместе со своим помощником солдатом Смирновым полз на огневые позиции. И случалось, что, добравшись до самоходчиков, Зюльев сокрушенно говорил:

— Сегодня, братцы, борщ густоват будет: фриц термос прострелил, и вся жижа вытекла.

В молодости Зюльев воевал на бронепоезде, служил в Рузаевке, а теперь стареват и доволен поварской службой. Но, конечно, не только от Зюльева зависело питание солдат и офицеров. Здесь большую роль играл начальник продовольственного снабжения полка Касьян Иасонович Комар.

Ветеран трех войн, воспитанник Киевского училища самоходной артиллерии, он имел большой боевой опыт и умел ориентироваться по карте в самых сложных условиях. Комар всегда кормил в первую очередь те роты, которые вели бой.

Комар никогда не отставал от частей. Он брал у Захаркина карту с обстановкой на нашем участке фронта и толстыми линиями коричневого карандаша подчеркивал маршрут движения кухни, указывая обходы тыловых колонн и объезды препятствий. У Одарчука начпрод требовал машину, у которой все колеса были ведущими. И такую машину ему всегда выделяли. Однажды под Сохачевом Комар, вырвавшись вперед, оказался со своей кухней впереди танков и самоходок. Богданов увидел его и пригрозил посадить под арест. Комар был сильно огорчен, весь день тяжело вздыхал.

В Чарникау Комар в первую очередь отправился с кухней в роты Бельчикова, Иванова и Целибьева, ведущие бои в первом эшелоне танков. Но сегодня после ужина вышла неприятность. Командир роты автоматчиков сообщил по телефону, что Головачев остался без ужина. Он относил пакет в штаб корпуса, а когда пришел, то на кухне еды не оказалось.

Узнав об этом, начпрод побледнел. Он побежал к телефону, схватил трубку, вызвал командира роты.

— Вы что же это, товарищ Муравьев? Сами наелись, а про солдата забыли? Да вы не смейтесь, а отвечайте мне: чем теперь будете Головачева кормить? Просите извинения... Ладно уж... вышлю ему хлеба и сала.

Закончив разговор, он еще долго ворчал:

— Вечно что-нибудь да случится у этих автоматчиков!

Захаркин улыбнулся и, обратившись ко мне, сказал:

— Вот так Комар! «Накрутил хвоста» командиру роты, и никаких гвоздей!

Мое внимание привлек шум самоходок. Началась переправа через Нетце. Со мной два офицера — Целибьев и Хоруженко, давнишние друзья.

— Тиша, ты мне папирос не одолжишь? — просит Целибьев. — Черт знает, что будет в этой Германии.

— Держи пару пачек. У меня есть еще.

— Спасибо. Из дома что пишут? Как жена?

— Полина у меня пошла в гору. Как немцев погнали из Мариуполя, устроилась на работу в индустриальный техникум. Кадры готовит. Карточку на продукты получает по второй группе.

— А, кажется, совсем недавно была девчонкой. Помнишь, как мы на море купаться бегали?..

— Как же! Еще покупаемся.

— Да, если живы останемся.

— Слушай, Абрамыч, — неуверенно проговорил Хоруженко, — в наступление первым пойдешь, не теряй голову, не лезь сгоряча куда не следует.

Петр сам попросился у меня пойти на территорию Германии в голове полковой колонны. И когда к рассвету построили мост, вслед за танками на другой берег Нетце пошла его рота. А остальные самоходки под командованием Пажитнова наступали с юга, обстреливали окраину села. На улицах Рунау было пусто, немцы затаились. Эта тишина беспокоила.

Машина Целибьева, опередив самоходки, первой ворвалась в Рунау. Сделав несколько выстрелов по крайним домам, она вступила на улицу села. Целибьев пренебрегал опасностью. Путь самоходке преградил глубокий ров. Механик-водитель лейтенант Аверьянов умело преодолел препятствие и остановил машину. Из орудия сверкнуло длинное пламя. Целибьев вел огонь с коротких остановок.

Вдруг послышался удар. Огромный огненный столб взвился над машиной. Через секунду донесся глухой взрыв. А из палисадника крайнего дома поднялось облачко — стреляли оттуда. Я тут же послал Шабалина к командиру мотострелкового батальона с просьбой ускорить наступление на Рунау. Из села прибежал Головачев, доложил, что в правый борт машины Целибьева ударил фаустпатрон. В самоходке взорвались снаряды. Командир роты и экипаж погибли.

С окраины Рунау, там, где еще дымился остов взорвавшейся самоходки, послышались длинные автоматные очереди. Сначала мы думали, что это стреляют немцы. Но, присмотревшись через стереотрубу, я понял, что огонь ведется из кювета в сторону противника. Но ведь село еще у немцев. Наша пехота туда не добралась?! Кто же там ведет бой?

Оказывается, произошло чудо. Машина Целибьева взорвалась, экипаж погиб, а ехавший на броне наводчик, старшина Степан Иванович Козинский, остался жив. Взрывом его швырнуло в кювет, ранило в обе ноги. Придя в себя, он увидел, что к нему бегут немцы. Превозмогая страшную боль, Козинский отстреливался из

автомата. Когда патроны кончились, три здоровенных немца стали приближаться к нему, стараясь взять его в плен.

— Товарищи, помогите! — закричал Козинский. Невдалеке оказался старшина ремонтного взвода Александр Николаевич Татарчук — земляк и приятель Козинского. Он бросился на выручку друга. Из-за угла дома застрелил двух немцев, а третий убежал. Татарчук взвалил приятеля на спину и притащил к нам на командный пункт.

— Чтобы сохранить жизнь, надо срочно ампутировать обе ноги, — сказал врач, осмотрев Козинского.

Старшина лежал с закрытыми глазами, но был в сознании и слышал слова врача.

— Если надо, режьте. Только у меня дома семья. Что будет с ней?

Санитары унесли раненого, и я подумал, что, вероятно, больше никогда его не увижу, ничего о нем не узнаю. Однако уже после войны, спустя много лет мне дали прочитать письмо Козинского своему другу-однополчанину. Он писал: «Операция прошла успешно, остался жив. Но жена со мной жить не пожелала — испугалась протезов...».

— А Татарчук каков?

— Наградить его стоило бы, — заметил Осадчий.

А старшина Александр Татарчук уже работал у технической летучки, грузил какие-то металлические части в кузов машины. Его широкоплечая здоровенная фигура сгибалась под тяжестью груза. Он даже и не заикнулся, что совершил подвиг. Учитель Варваринской школы из-под Кустаная, еще неженатый, только вчера вступивший в члены нашей партии, образцово ведет ремонтное хозяйство в полку — вот и все, что мы знали об этом скромном человеке.

Кривошеин наградил его орденом Славы 3-й степени, передав приказ по телефону.

А немецкое село еще не было взято.

Захаркин по рации вызвал всех командиров машин роты Целибьева:

— Говорит второй. Слушайте и выполняйте мои команды! По «панцирфаустникам», что в саду крайнего дома, — огонь!

Самоходки ворвались в село. Пехота тоже вошла в Рунау. Немцы выбегали из подвалов и падали, скошенные меткими выстрелами наших пехотинцев. В селе сдался в плен батальон гитлеровского «фольксштурма», спешно присланного сюда Гитлером из Берлина.

Задача, поставленная перед нами, была решена, но полк при этом понес тяжелую потерю: погибли самоходка с экипажем, много солдат. «Нужно больше заниматься разведкой», — сделал я вывод. Тем не менее настроение у всех было приподнятое, как всегда, после взятия сильно укрепленного пункта противника.

Ночевать пришлось в Рунау. Мы с Виноградовым зашли в двухэтажный особняк. В коридоре было темно и тихо. Открыли дверь в одну из комнат. У стен — мягкие кресла, обтянутые красным бархатом, на окнах — тяжелые гардины. Маятник больших часов мерно отстукивает время. На стене — портрет Гитлера. Нос у него пробит осколком, отчего стал похож на уродливую новогоднюю маску.

Открыли дверь во вторую комнату и сразу попятились назад. На полу, в луже крови, лежали три посиневших трупа: Бауэр (помещик) застрелил жену и ребенка, затем покончил с собой.

За окном послышались крики:

— Эшелон! Эшелон идет! Немцы!

Мы выбежали из дома. Немцы не подозревали о нашем присутствии. На платформах и в открытых товарных вагонах сидели солдаты, стояли пушки и автомашины.

— Чего же вы стоите? Огонь! — крикнул я Хоруженко.

Он бросился к самоходке.

— По эшелону! Осколочным! Беглый огонь! — послышалась команда.

В соседних домах вылетели стекла от воздушной волны. Со второго выстрела паровоз лег набок. Снаряд разбил колеса, котел. Сильная струя пара высоким султаном поднялась над машиной. Паровоз заревел, словно издыхающий зверь. Немцы соскакивали с платформ, готовились к бою? Поздно! Рота автоматчиков и самоходка Хоруженко опередили их.

— Вот что может натворить одна самоходка при поддержке автоматчиков! — восторженно говорил Бельчиков, глядя на искореженные вагоны и подбитый паровоз.

От эшелона прибежал запыхавшийся Головачев.

— Товарищ командир, ну и наделали дел наши самоходчики. Трофеев в вагонах страх сколько! За неделю не вывезти! И обмундирование, и снаряды, и продовольствие!

Я приказал Кравченко сдать трофеи на корпусной склад. Итак, мы вторглись в Германию. В «Померанском вале» образовалась сквозная дыра. А ведь Гиммлер говорил, что «Померанский вал» непреодолим...

Глава 13. Вперед, к Одеру

Танковая армия Богданова узким клином все глубже врезалась в оперативную оборону противника. Острие этого клина тянулось к Одеру, к Кюстрину.

Корпуса Кривошеина, Телякова и Веденеева рвались вперед, невзирая на опасность, которая нависала над ними с севера.

Наш полк, действуя в авангарде корпуса Кривошеина, подходил к Бюссову. По пути на своем бронетранспортере нас догнал Богданов. Я доложил, что меня беспокоят фланги. Разведка доносит: справа под Штаргардтом сосредоточивается большая вражеская группировка, слева, в фридеберских лесах, остались немецкие танки, пехота и артиллерия.

— Да, если бы не эти группировки, — сказал командарм, — мы взяли бы Берлин с ходу, не задерживаясь на Одере. — И, спросив меня, где сейчас Кривошеин, добавил: — Ничего, не бойтесь, наступайте, а о флангах мы подумаем.

Семен Ильич уехал. Не прошло и получаса, как меня по радио вызвал Кривошеин.

— Не хотелось мне останавливать ваш полк, а придется, — сказал он. — Возможны контратаки противника на Бюссов. Мы подошлем вам батальон пехоты.

Вместе с ним займите оборону в Бюссове. А части корпуса пойдут лесом, на Кюстрин.

— А до какого времени удерживать Бюссов?

Я знал, что догонять механизированные колонны своего соединения не так-то легко.

— Я вам сообщу, — ответил генерал и выключил передатчик.

Вызываю Козлитина. Он только что вернулся из разведки. Я привык видеть разведчика всегда жизнерадостным, подтянутым, чистым, побритым. На этот раз лицо его было заросшим, полушубок в дырах, глаза потускнели. Козлитин сильно устал.

— Ну, капитан, докладывайте, что у вас хорошего? Козлитин развернул потертую карту.

— Утешительного мало, товарищ командир. Противник всего лишь в трех километрах южнее Бюссова. В лесах он сосредоточивает пехоту, артиллерию и танки...

Козлитин умолк.

— И это все? — спросил я.

— Состав группировки и намерения противника установить не удалось. Войска сильно охраняются. Наш разведдозор уничтожен...

— Этого недостаточно, — резко сказал я. — Сегодня ночью пойдете в разведку снова, мне надо знать намерения противника. Козлитин молча взглянул на меня.

— Вы слышали мой приказ о повторной разведке?

— Да, — вяло ответил он.

Я понимаю, что разведчик утомлен до предела. Но что делать? Полк должен спешно занимать оборону в непосредственной близости от врага. Для этого нужны подробные сведения о нем. А их нет.

— Больше терпенья, капитан! — советую я. Козлитин свернул карту и твердо произнес:

— Сведения будут к двум часам ночи! Я пожал ему руку.

— Давай действуй, Иван Федорович. Сам понимаешь, сведения нужны, как воздух.

Радист доложил, что меня снова вызывает корпусная рация. Взяв трубку, я услышал строгий голос Кривошеина:

— Выходите быстрее на Бюссов! Почему долго стоите?

Комкор быстро положил трубку. Было ясно: от действия нашего полка в какой-то степени зависит боевой успех корпуса. Медлить нельзя.

— Полковую колонну в Бюссов вести поротно. Автоматчикам занять оборону впереди самоходок, — сказал я Захаркину. — Вызывайте командиров рот.

Первыми подошли Бельчиков и Иванов. Стоя возле моей машины, они пристально вглядывались в сосновый лес, темневший между Бюссовым и Фридебергом.

Южнее от нас лежит обширная пойма. Там сходятся две извилистые белые полосы — это Нетце впадает в Варту, а немного дальше, в долине, Варта впадает в Одер. Эти три реки имеют много мелких притоков. Реки противник, несомненно,

использует для обороны. Но нас больше всего интересует бюссовский лес, который растянулся с востока на запад километров на десять.

Этим лесом в Семилетнюю войну 1756 — 1762 гг. прорывались к Берлину герои Суворова. Нам выпала честь — наступать теми же тропами.

Бельчиков и Иванов по возрасту как сын с отцом, но по должности равные. Друг друга они иначе и не зовут как «дружище».

— Ну, дружище, попадем в первый эшелон, поддержи огоньком, — говорит Бельчиков.

— Для тебя, дружище, жизни не жалко, не только огня.

Из ближайшей самоходки вылезает Гумар.

— Пока вы здесь стратегию разводили, я план вечерней прогулки составил, — сказал он.

— Выдумщик.

— Решил большого языка притащить. По пути хорошо бы зайти к ванюше. Он меня сегодня «угощал», теперь моя очередь.

Ванюшей солдаты называли немецкий шестиствольный миномет.

— А, может, этот визит катюше поручить. Я думаю, у нее удачнее получится, — весело предложил Бельчиков.

— Как «поцелует», сразу сдохнет, — засмеялся Гумар.

— Прекратите разговоры! — раздался голос Захаркина. — Слушайте командира полка!

Все офицеры вышли на высотку восточнее Бюссова. Я отдал приказ. В первый эшелон назначены Бельчиков и Иванов. Сигналы ночной контратаки — две белые ракеты.

Через полчаса наш полк уже занимал позиции. Самоходчики выбирали места для машин.

Я пошел к ближайшей машине. Иван Иванович Холопов изучал поле предстоящего боя. Он внимательно рассматривал его через прицел.

Я спросил, что он думает об обороне.

— Хорошо, что склон обращен к нам: удобнее будет поражать цели. А ручей помешает немецким истребителям танков подойти к нашим машинам.

— Какие есть ориентиры?

Иван Иванович еще плотнее прижался лбом к резиновой прокладке прицела.

— Вижу отдельные кусты, телефонный столб с подпоркой.

Я обернулся к Павлову. Он удалял смазку со снарядов. Этот молодой, очень смелый и, в общем, хороший солдат перед выходом на Магнушевский плацдарм получил взыскание — в неурочное время пошел проститься с девушкой и нарушил дисциплину. Командир роты его наказал.

Болдырев регулировал стартер. Он так увлекся работой, что не заметил, как я открыл люк.

Весь вечер готовились самоходчики к атаке. Поле, занятое полком, стало пустынным. Все зарылись в землю. Трудно было поверить, что здесь разместились сотни людей, десятки громадных машин.

По дороге в штаб я встретил разведчиков. Они шли гуськом, согнувшись, ступая след в след друг другу. Впереди размашисто шагал Козлитин. В фронтовой песне поется, что от смерти мы были в четырех шагах, я часто думал: «Козлитин был и того ближе».

Что ждет его в чужом, полном опасностей, лесу? Мне захотелось сказать разведчикам что-то теплое. Подошел к капитану.

— Ну, как, Иван Федорович, пошли?

— Пошли, товарищ командир. Да вот только сильно метет. Ничего не видно. Так можно и на немца наступить.

— Задачу надо выполнять осторожно. Смотрите, сами не станьте языками, — предупредил я.

— Мы не из таких.

Я пожелал разведчикам успеха, и они бесшумно скрылись в темноте.

По брусчатой мостовой я иду в центр Бюссова. Штаб полка расположился в просторном доме. На стене у входа — обрывки какого-то фашистского приказа. Меня беспокоит связь с генералом Кривошеиным. Ведь мы находимся в отрыве от соединения и должны непрерывно информировать командира корпуса о нашем положении.

Заместитель начальника штаба по оперативной работе майор Шабалин застегивает полушубок.

— Нитка с корпусом есть? — спрашиваю я, имею в виду телефонный провод.

— Тянут, товарищ командир, — отвечает майор, виновато опуская глаза.

— Тянут! Два часа как мы заняли оборону, а провод все тянут.

— Сейчас все будет готово, — говорит Шабалин, — разрешите действовать?

Когда за майором закрылась дверь, я лег на раскладную койку и сразу же уснул. Ночью меня разбудил шум, стук сапог. Вскочив с постели, увидел Козлитина, который вталкивал в дверь двух немецких ефрейторов с крестами на груди.

— Ну, идите, идите! Чего встали! Небось, у Гитлера были героями.

Один из пленных был здоровенный верзила с обрюзгшим лицом. Второй почти вдвое ниже, худенький, совсем мальчик. Войдя в комнату, высокий остановился, щуря серые выпуклые глаза. Яркий свет электролампы ослепил его. Щуплый боязливо выглядывал из-за широкой спины верзилы. У обоих на рукавах нашиты знаки «СС» и фашистская свастика.

Увидев меня и Захаркина, пленные испуганно попятились. Высокий быстро заговорил по-немецки. Козлитин перевел:

Мы — отец и сын. Оба больны.

Захаркин стал просматривать документы пленных. В комнате было тихо. Только Козлитин шепотом ругался, осматривая раненую руку.

— Эти «больные» при захвате оказали нам сильное сопротивление: дрались и кусались, — сказал он, исподлобья поглядывая на немцев.

— Шпрехен зи русиш? — обратился Захаркин к пленным.

— Они по-русски не говорят, — пояснил капитан.

— Спросите их, какое они имели задание, — сказал я капитану.

Высокий немец ответил дрожащим, хриплым голосом:

— Я... Я... майн хаус нах Берлин. Козлитин резко перебил его.

— Врет! Они шли не домой, в Берлин, а разведывали группировку наших войск, даже составили схему расположения огневых средств. Правда, с ошибками. Он протянул мне листок, разрисованный цветными карандашами.

Высокий немец упал на колени.

— Я говорю... на русский язык. Я все расскажу... не убейт нас...

— Вот гадина! Сразу не сознался, — с негодованием проговорил капитан.

— Обещайте им жизнь и допрашивайте, — сказал я капитану.

Пленные дали много ценных показаний. Нам стало известно, что из Фридеберга на Бюссов готовилась ночная атака, что в лесу у немцев имеется до двух рот танков с пехотой и дивизион артиллерии. Наши разведчики подтвердили эти данные. Я был доволен действиями Козлитина.

— Молодец, капитан! Выполнил свое обещание. Спасибо! А как же вы их захватили?

Козлитин вынул папиросу.

— Разрешите курить?

— Курите.

— Когда мы подошли к лесу, то залегли в кювете. Лежали тихо, прислушиваемся, может, каким звуком враг себя выдаст. Но кругом тихо, только деревья шумят. Выслал двух солдат вперед.

И вдруг словно меня под бок толкнули. Знаете такое ощущение — кто-то рядом есть. Я даже дышать перестал. Слышу тихий голос, почти шепот. Речь немецкая.

Даю знак Хорькову — следуй за мной. Тихо ползем на голоса. Возле куста видим два темных силуэта.

— Твой левый, — шепчу Хорькову, касаясь губами его уха. — Давай!

Мне достался маленький, правда, верткий, жилистый. Схватил его за горло, а он успел прокусить руку. Придавил к земле. У Хорькова хлопот было много. Помогли остальные разведчики. Связали фрицев, заткнули им рты и поползли к себе.

Вот, собственно, и все.

Глава 14. Тревожная ночь

Захаркин по телефону сообщил командирам рот о намерениях противника. Шабалин пошел к Бельчикову, чтобы на месте уточнить возможные направления вражеских атак.

Я предупредил резервную роту о том, что, вероятно, введу ее в бой, если потребует обстановка. Но больше всего меня беспокоило главное направление, где стояли в обороне роты Бельчикова, Иванова и Муравьева. С Постниковым и Виноградовым мы отправились в эти подразделения. Прошли темной улицей, свернули в еще более темный переулок: кругом тихо, пустынно, нигде ни души. Миновав окраину, вышли в поле. У шоссе темнела одна из самоходок Бельчикова. За машиной слышался голос

зампотеха Бедова. Он проводил беседу «Об опыте эксплуатации самоходок в зимних условиях». Мы удивились: обычно Бедов никогда не бывал в боевых порядках рот.

— Непонятно, что с ним стало, — сказал Постников.

— Надо ведь показать, что он тоже воевал, — со смехом произнес Виноградов.

Мы прислушались. Бедов говорил громко, заплетающимся языком:

— Самоходки были подготовлены, и полк без задержки прошел от Магнушева в район Познани, а потом уже сюда.

Кто-то из техников засмеялся. Из люка выглянул Бельчиков:

— Товарищ майор, зачем говорить неправду? В районе Познани наш полк не был. Познань еще не освобождена. Немцы там окружены, но пока не уничтожены.

Бедов, шатаясь, пошел к своей машине.

— Вот так «просветил» офицеров! — заметил кто-то.

— Почему Бедова не заменили? — спросил меня Постников.

— Уже есть приказ по корпусу. На его место назначен Владимир Сергеевич Одарчук.

— Правильно. Давно бы так. Одарчук технически грамотен, энергичен, на него можно положиться.

Бельчиков доложил, что противник пока активных действий не предпринимает.

— Почему никто не остановил нас? — спросил я. — Где охрана ротной позиции?

— Я вас узнал издали.

Я взглянул на самоходку командира роты. Чехол с пушки снят, ствол опущен из походного положения в боевое. Рядом с зенитным пулеметом стоял трофейный ручной пулемет с ребристой поверхностью ствола.

— Это еще зачем?

— На случай прорыва немецкой пехоты к нашей позиции, — ответил Бельчиков, поправляя на поясе гранаты.

— Да у вас тут целая коллекция оружия. Только кинжалов нет и головых шашек не хватает, — засмеялся Постников, рассматривая оружие, сложенное на корпусе машины.

— Будут еще тол и фугасы. Майор Захаркин выслал ко мне взвод саперов. Они заминируют подступы к самоходкам, — пояснил командир роты.

Да, Бельчиков приготовился к бою тщательно.

У других самоходок нас встречали часовые, спрашивали пароль. Никто из самоходчиков не спал. Люди прислушивались к малейшему шуму, готовились к бою.

По глубокому снегу мы подошли к автоматчикам. Их окопы были близко от врага.

— Как себя чувствуете, товарищи?

Солдат, окоп которого был ближе других, положил автомат на снежный бруствер и сдвинул на спину белый капюшон. Я узнал Юрия Головачева.

— Ничего, товарищ подполковник, крепимся. Только вот дрожь до костей пробирает.

— Патронов с собой много захватил? — спросил Постников.

— Если будет сильный бой, на часок хватит, а там подносчики принесут.

— Да тут и за пятьдесят метров немца не увидишь. Вот если бы осветить поле ракетами...

— Обязательно осветим, — сказал я.

Мы пошли вдоль цепи. Солдаты лежали в неглубоких окопах. Перед нами вытянулась сутулая фигура Муравьева. Командир роты тоже дрожал от холода.

— Надо солдатам погреться. Пусть ходят по очереди в ближайшие домики Бюссова, — отдал он рапорт.

Муравьев ответил, что хотел их обогреть, но побоялся — вдруг немец полезет.

...Мы прошли вдоль позиций автоматчиков еще с полкилометра и свернули на Бюссов. Из леса послышался рокот танков. По нарастающему шуму моторов и движущимся огонькам было ясно: приближается противник. Пленные сказали правду. Было два часа ночи. Я подошел к самоходке, водителем которой был боевой, опытный офицер Потеев.

— У вас радиостанция работает?

— Все в порядке. Действует на полную мощность.

— Буду управлять боем с вашей машины! — я полез в командирский люк. За мной последовали Постников, Виноградов и подошедшие к нам Захаркин и Шабалин. Члены экипажа опустились на днище.

Захаркин смотрит на поле в люк и что-то отмечает на карте. Он спокоен. Его не выведет из равновесия ни черт, ни дьявол — удивительный характер. Майор Шабалин, напротив, не может скрыть волнения.

— Огонь нужен, товарищ командир, — говорит он.

Захаркин включил радио, начал связываться с командирами рот. Ответил Муравьев. Голос его был необычно громким.

— Немецкие танки совсем близко. Где командир?

— Петр Иванович, не волнуйся, — говорю я. — Освети поле ракетами и огнем отсекай немецкую пехоту от танков.

— Есть начинать бой! — закричал Муравьев.

В небо взлетели осветительные ракеты. Стало видно, как по полю врассыпную движутся чужие машины, за ними, пригибаясь, бегут пехотинцы. Раздалась стрельба из автоматов. Над нами пронеслось несколько вражеских снарядов, послышались взрывы в Бюссове.

Пехота противника залегла, но танки продвигались к ручью. В треск пулеметных и автоматных очередей, в разноголосый гул боя ворвались отрывистые, как выхлопы мотора, выстрелы вражеских пушек. Самоходки Бельчикова дали по танкам залп. Фашистские «панцири» остановились. Остальные наши роты также начали осыпать снарядами противника. В ответ пронеслась стая болванок. Три немецких танка загорелись, отбрасывая на снег багряные блики. Артиллерийская дуэль разгоралась с каждой секундой.

Вражеские танки и пехота снова двинулись вперед. Я решил ввести в бой роту Иванова, но с ней не было радиосвязи. Николай Егорович, видимо, забыл перейти на запасную радиоволну. К нему я послал адъютанта.

Виноградов долго не возвращался, и я начал уже беспокоиться о нем. Вспомнил, что забыл сказать о письме его жены, Анны Ивановны, на мое имя. Она спрашивала о здоровье мужа и писала, что родила сына, назвали его Виктором, как просил отец. Очень хотелось, чтобы он увидел его.

...Дмитрий возвратился потный, возбужденный, часто дышал. Связь с Ивановым была восстановлена. На его шапке торчал клок ваты.

— Уже у самой самоходки зацепило, — пояснил он.

Мы с Захаркиным поздравили Дмитрия с прибавлением семейства. Он с радостью пожал нам руки и обещал достать у немцев вина.

Я выглянул в люк. Снежное поле беспрерывно освещалось огненными вспышками. Мне хотелось подпустить немцев ближе и ударить по ним в упор. И вот, пора!

— Огонь!

Полковой залп, словно зарево, осветил поле боя.

Не выдержав огня, немцы залегли. Воспользовавшись их замешательством, я приказал командирам рот продолжать атаку. Самоходки и автоматчики широким фронтом двинулись к лесу, не прекращая огня. Из-под гусениц машин взлетели тучи сыпучего снега. Роты, словно соревнуясь, устремились вперед.

Перед мостом Потеев повернулся ко мне:

— Ручей переезжать по мосту или вброд?

— По мосту.

В это время перед машиной взорвался снаряд. Александр Иванович вскрикнул:

— Ничего не вижу. Держите машину! Ранен в левый глаз.

Виноградов бросился к тормозу. Мы с Захаркиным пробрались к Потееву в отделение управления, сделали перевязку. Виноградов хотел заменить водителя: он был в тяжелом состоянии. И все-таки набрался мужества вести машину дальше.

— Пока не выполним задачу, машину не отдам. Сам поведу, — возразил Потеев и повел самоходку через узкий мост.

Захаркин открыл крышку люка:

— В крайнем случае выпрыгнем.

Но Потеев уверенно работал рычагами управления, только при толчках охал от боли. Машина, глухо постукивая гусеницами по бревенчатому настилу, вышла на противоположный берег ручья.

Немцы отступили в лес. На снегу валялись их трупы, дымились четыре подбитых танка. А самоходки лейтенантов Мусатова и Хоруженко добивали врага на лесной опушке.

Экипажи старшего лейтенанта Бушуева и младшего лейтенанта Шевчука отрезали от танков большую группу пехоты и пленили ее с помощью автоматчиков Муравьева.

Стрельба утихла. К нашей самоходке подошла санинструктор Людмила Лапина. Двое санитаров несли за ней носилки. Где только не появлялась эта девушка!..

А ведь под Брестом она лишилась чашечки в правом колене и теперь прихрамывала.

— Раненые есть? — крикнула она. Потеев замахал руками.

— Нет, нет, на носилки я не лягу.

— А немцам можно оказывать помощь? — спросила Людмила.

— Конечно! Они теперь обезврежены. Собирайте их оружие и перевязывайте раненых, — ответил я.

Подъехала санитарная машина. Потеев вылез из самоходки.

— Жалко мне свою машину, жалко полк. Но я вернусь, — сказал он, прощаясь с экипажем. — Пишите в город Нерехту, там моя семья, — крикнул он, когда «санитарка» уже тронулась.

Пока машина не скрылась с глаз, Потеев все махал и махал рукой. Ведь он вместе с полком ходил в атаки под Житомиром, Киевом, освобождал Бердичев, Брест.

Узнав о подвиге Потеева, Кривошеин 24 февраля 1945 г. подписал приказ по корпусу о награждении его орденом Отечественной войны 1-й степени.

...Начало светать. Повалил густой снег. По дороге севернее Бюссова двигались последние машины нашего тыла, за ними — три танка из походной заставы. Значит, корпус прошел. Задача выполнена.

Правда, не обошлось и без ЧП. Из Бюссова к 1-й роте подошла совершенно чистая самоходка. На нее все обратили внимание. Самоходки, участвующие в бою, были в пыли и снегу, побиты осколками.

— Товарищ командир, видимо, эта машина в бою не участвовала, — сказал комсорг полка лейтенант Гуцев.

— Позовите ко мне ее командира.

Вскоре комсорг возвратился с лейтенантом Георгием Гуковым.

Не доходя до меня шагов десять, Гуков остановился, глядя себе под ноги.

У нас и раньше бывало, что из-за какой-либо неисправности самоходка отставала на марше от полка. Но офицеры сразу давали о себе знать и к бою оказывались в своей роте. Так, например, случилось с машиной лейтенанта Емельянова. Чтобы оповестить командира роты о случившемся, Емельянов послал старшину Ламтатидзе. Но догнать самоходный полк на марше не так-то просто. Старшина гнался за ним через всю Польшу, но приказ выполнил.

С Гуковым все обстояло иначе. Он умышленно не догнал полк. Такой поступок на фронте приравнивался к дезертирству.

— Подойдите ближе, — приказал я.

Гуков сделал несколько шагов, остановился, по-прежнему глядя в землю.

— Офицером давно стали?

— Месяц назад.

Я смотрю на его понурую фигуру, по-юношески тонкую шею, на едва пробивающийся пушок над верхней губой. Парнишка перетрусил, испугался первого боя. Это бывает не только с юнцами. Людей, не знающих страха, нет. Но побороть в себе страх могут многие, почти все.

Гуков поднимает на меня виноватые глаза.

К нам подходят Осадчий, Виноградов, Одарчук, офицеры из экипажей.

— Вот что, Гуков. Вас будет судить офицерский суд чести. — И обращаюсь к собравшимся: — Товарищи офицеры, лейтенант Гуков умышленно отстал от полка, чтобы не участвовать в бою.

Офицеры, еще не остывшие от ночного боя, смотрели на Гукова сурово и презрительно:

— «Схитрил», земляк, опозорил «стальную гвардию», — сказал Иванов и плюнул в сторону.

— На чужой спине вздумал кататься, — подал голос Виноградов.

Гуков пошатнулся, словно от удара, кровь отлила от лица.

— Я устранял в машине неисправности, — едва слышно произнес он.

— Не ври! — прервал его капитан Одарчук. — Машина у тебя исправна, я сам проверил!

Затем взял слово наш парторг — старший лейтенант Постников. Он говорил о героических традициях тяжелых самоходчиков, о подвигах наших воинов. В заключение сказал, что члены экипажа Гукова не подтвердили его оправдание.

— Простите, товарищи, я исправлюсь. Я в бою это докажу, — едва переводя дух, проговорил Гуков.

Последнее слово было за мной. Я поверил Гукову. Он только вступает в жизнь, на фронте новичок и, думается, что сможет преодолеть свой страх, стать смелым воином. Только поэтому я не отдал его под суд военного трибунала. Но оставлять его в нашем гвардейском полку было нельзя. Суд чести решил: перевести лейтенанта Гукова в другой — негвардейский, 1 822-й самоходный полк, возглавляемый майором Данилюком.

— Правильно, — раздались голоса, — пусть повоюет там.

Забегая вперед, скажу, что Гуков сдержал свое слово. Он одним из первых форсировал реку Шпрее и погиб в сражении за Шарлоттенбург, при штурме Берлина.

Из штаба корпуса привезли пакет. Полку приказано догнать корпус, оставив на месте небольшой заслон. Это было радостное известие — ведь двигаться предстояло в глубь Германии, к Одеру. Решили идти на марше со скоростью не менее тридцати километров в час.

Полк двинулся на запад. От длительной качки я задремал в машине. На малом привале меня разбудил Болдырев:

— Кончается горючее.

Я вышел из машины. Кругом был лес. Колонна стояла под густыми соснами. Кто-то спросил Болдырева, где мы находимся.

— Вот за тем лесом будет Нойдамм. До Кюстрина остается километров двадцать пять.

Подошел Бельчиков.

— Что делать? Газойля в самоходках совсем мало. Три дня назад Кравченко и Осадчий были посланы за горючим в тыл, под Варшаву, но их все еще не было.

Шло время, а полк стоял. Солдаты и офицеры уныло смотрели на дорогу. Но вот старшина Холопов радостно крикнул:

— Везут солярку и бензин!...

Появился огромный тягач на таких же гусеницах, как и самоходка. За ним тянулась целая колонна цистерн. С тягача спрыгнули Осадчий и Кравченко. Вид у обоих был усталый, лица заросли, полушубки помяты и потерты. Осадчий рассказал, что они еле преодолели снежные заносы.

Вскоре стальные громады снова двинулись на запад. Механики-водители, стараясь наверстать упущенное, давали самую высокую скорость. Но дорога стала хуже: вся в воронках. В авангарде шла вторая рота. Головную машину вел «отец механиков».

Глава 15. Хороша водица в Одере!

30 января 1945 г. бригады Хотимского, Вайнруба, Ершова, наш полк и полк средних самоходок подошли к Кюстрину с севера и завязали бой за город. В этот же день Козлитин прислал мне флягу с одерской водой — вещественное доказательство, что разведка вышла на восточный берег реки на участке Альт-Древитц — Кюстрин. Осадчий хлебнул из фляги и гордо сказал: «Хороша водица в Одере!».

Захаркин добавил:

— Из этой реки пили воду Суворов и Кутузов.

Итак, мы прорвались к Одеру — последнему водному рубежу немецкой обороны на пути к Берлину, вошли в непосредственное соприкосновение с «Одерским валом». Казалось, что река замерзла только в последние два-три дня. Снегу на ней не было, и солнечные лучи отражались от гладкой поверхности льда, как от зеркала. Восточный берег был крутой, обрывистый, к западному прилегала обширная пойма, окаймленная высохшим камышом. Левее поймы лежал Кюстрин. Немцы считали его «воротами Берлина». Здесь мы имели дело с прочной, глубоко эшелонированной обороной врага.

Я поехал в Альт-Древитц разыскивать Кривошеина. По пути встретил Козлитина. Он сообщил о построении немецкой обороны. Противник собирается оборонять Кюстрин, чтобы обеспечить эвакуацию боевой техники и заводского оборудования на западный берег Одера, а также выиграть время для окончания строительства Одеро-Нейссенского оборонительного рубежа и занятия его войсками.

Козлитин показал мне подробную схему целей, составленную на основании длительных наблюдений за противником, допроса пленных, обобщения данных авиации, пехоты, танкистов.

Перед мостами через Одер в два ряда сооружены пулеметные и орудийные дзоты. И одна особенно интересная деталь: на дорогах между городом и мостами скопляются железнодорожные эшелоны и войска. Станция забита поездами и военными грузами.

— Надо уничтожить эти эшелоны. Если они уйдут за Одер, то смогут перегруппироваться и снова пойдут в бой, — сказал Козлитин.

Предложение Козлитина показалось мне настолько важным, что я решил попросить Кривошеина нанести удар немедленно.

Я пошел в Альт-Древитц, где находился штаб корпуса.

Вдруг меня кто-то окликнул. Обернулся, смотрю — майор Козлов. Когда я командовал легким самоходным полком, он был моим заместителем.

— Где штаб корпуса? — спросил я.

Козлов указал на соседний дом и тяжело вздохнул.

— Что-нибудь случилось?

Майор махнул рукой.

— Откомандировали с должности командира полка. Вот предписание... — Губы майора дрогнули.

Мы присели на куски кирпичей, и майор с горечью рассказал о своей беде.

Восточнее города Бан легкие самоходки были поставлены в оборону без горючего. «Тигры» атаковали их во фланг. Лишенные маневра, самоходки не могли не только оказать сопротивление вражеским танкам, но и отойти на другой рубеж. Почти все машины погибли.

— Как же вы допустили это? — удивился я. Козлов тяжело вздохнул:

— Тыловики не подвезли горючее, а выводить полк из боя я не решился.

Мы простились. В мрачном настроении я вошел в просторный подвал какого-то дома. Кривошеин сидел за столом. На столе стояло несколько телефонов. Он встретил меня вопросом: — Что, в пути много самоходок оставил?

— Все привел, только две автомашины отстали. Да и те должны подойти.

Кривошеин молча взял у меня карту, красными линиями обвел мосты через Одер и станцию в Кюстрине. Это как раз то, о чем говорил Козлитин. Генерал все уже учел в своем приказе.

— Учтите, — предупредил Кривошеин, — переход ваших подразделений с закрытых позиций на открытые для стрельбы прямой наводкой потребует особой быстроты в действиях экипажей.

В штабе полка меня с нетерпением ждали Шабалин и Захаркин. Я сообщил им, о чем говорил генерал, и мы обсудили некоторые детали. Затем Шабалин и Козлитин занялись планированием боя, а я с Захаркиным и командирами рот отправился на бронетранспортере выбирать огневые позиции и наблюдательные пункты.

Перед нами открылась живописная панорама старинного немецкого города Кюстрина. Он словно прижался в уголок, образуемый реками Вартой и Одером. Вдалеке, среди белых каменных зданий, видна серая крепость с черными бойницами, похожими на маленькие тюремные окна. Из крепости бьет немецкая артиллерия, и снаряды с шелестом проносятся над нашими головами, разрываясь где-то за Альт-Древитцем.

На окраине города с нашей стороны — большой завод с высокой кирпичной трубой — центр обороны фашистов.

Наш бронетранспортер, вспарывая гусеницами снежную целину, идет по широкой лощине.

— А ну-ка, остановись, — говорю я водителю. — Здесь удобное место для огневых позиций.

Старшему лейтенанту Муравьеву приказываю разместить автоматчиков впереди самоходок на склонах высотки для охраны боевых машин.

Вскоре подошли солдаты. Тускло блеснули лопаты, вверх взлетели комья земли. Работали бойцы быстро, сноровисто, без перекуров.

— И сколько я этой землицы за войну перекопал, — говорил автоматчик Головачев, налегая на лопату. — Уж такое наше солдатское дело: чуть прилег — окапывайся. Солдата земля от смерти спасает.

Недалеко от меня солдаты окапывали полевую пушку. Рядом на камне сидел худенький невысокий офицер. Я посмотрел на него и обрадовался.

— Черт возьми, да это же Саша Фадеев, земляк. Мы крепко пожали друг другу руки, присели на камень. Стали вспоминать о родной Мордовии.

Говорил Саша, и глаза его становились задумчивыми, смотрели куда-то вдаль, словно и впрямь он Мордовию видел.

Помнится, еще в Ромоданове односельчане называли Фадеева «техником до мозга костей». Таким он стал и на фронте. Жаль было расставаться с Сашей, но надо готовиться к бою. Мы простились...

К подготовленным позициям, развернутым фронтом, из рощи понеслись самоходки. От их шума и грохота шарахнулась стая черных кабанов, за которыми быстро бежали полосатые кабанята. Они быстро хрюкали и визжали. Солдаты провожали их смехом. А у подполковника Пажитнова даже руки задрожали.

— Эх, если бы не «закон» маскировки, поели бы мы кабанятинки.

Я пошел вдоль позиций и услышал у одной из них голос парторга Постникова. Вокруг него — небольшая группа солдат. Сбив ушанку на затылок, капитан говорил:

— Интересное совпадение, друзья, получается. Сегодня последний день января 1945 г. И в этот же последний январский день 1813 г., 132 года назад, великий полководец Михаил Илларионович Кутузов разгромил в этих местах отходящие от Москвы недобитые части войск Наполеона. Так будем достойны славы наших предков, товарищи!

Солдаты обещали Постникову не подкачать, а старшина Холопов, напирая на «о», сказал: — Вот здорово, если бы наш полк орденом Кутузова наградили!

Я остался доволен беседой.

Наблюдательные пункты для полка и для рот выбрали на одном рубеже — в двух километрах от переднего края обороны противника, который черной полосой извивался вдоль северной окраины города. Есть возможность сосредоточить огонь самоходок по станции, мосту, крепости.

Высота, где мы находились, уже была изрыта вдоль и поперек, а работы по оборудованию все продолжались. На небольшой площадке образовалась густая сеть окопов. В них размещались приборы по управлению огнем, рации, телефоны. Когда Шабалин увидел, что кабель, подтянутый к КП, лежит на снегу, он так прикрикнул на телефонистов, что те бегом кинулись зарывать провод в грунт.

— Тоже мне, связисты, — ворчал Иван Петрович. — Неужели трудно сообразить, что открытый провод сразу же пробьют осколки, порвут самоходки. Безобразие!..

Впереди окопов командира полка и начальника штаба разместилась охрана — солдаты, наблюдатели с пулеметами.

Итак, все вопросы были решены, кроме взаимодействия с Вайнрубом. Где же мой заместитель Пажитнов? Ведь это он должен наладить связь с танкистами Вайнруба. Прошло уже более двух часов, как он уехал к ним.

— Если взаимодействие до темноты не организуем, то дело плохо, — волновался Михаил Иванович.

Мне тоже не по себе. Решаю принимать срочные меры, чтобы связаться с танкистами.

— Юдин! Машину к КП! Срочно!

Шофер выскочил из окопа, кинулся было к легковой, стоявшей в кустах. Но тут из-за высоты показался бронетранспортер, в нем ехал мой заместитель в изодранной осколками шапке, с перевязанной головой.

— Стой, Петро... Отставить машину!

Пажитнов сошел с транспортера и, шатаясь, направился к КП.

— Прошу извинить за задержку: три раза попадал под обстрел артиллерии, — сказал он, вынимая из кармана записную книжку. Она была в крови.

Мы сели в окоп. Пажитнов доложил о результатах своей поездки. Он договорился с Вайнрубом и Бортовским начать боевые действия в семь часов утра.

— А что будет делать мотопехота? — спросил я.

— Хотимский во время нашего наступления переправит ее на противоположный берег Одера, справа от нас. Надо только пехотинцев поддержать огнем...

...Уже стало совсем темно, когда я зашел в блиндаж нашего парторга Анатолия Постникова. Здесь было тесновато, но уютно.

Парторг сидел за столом, на котором лежали вырезки из газет и журналов, и готовился к беседе. Дело в том, что вражеская оборона на Одере имела свои особенности. Укрепления расположены на значительной глубине, сеть их гуще, чем на Висле. Ведь Одер — последний рубеж висло-одерской оборонительной системы немцев. Разгромить его — значит ускорить наше наступление на Берлин.

Как раз об этом и хотел поговорить Постников с бойцами. Кстати, партийная организация полка всегда, а особенно в бою, была нашей прочной опорой.

Анатолий Постников был смел и хладнокровен. А это требуется от политработников не в меньшей степени, чем от строевого командира. Ведь призывать солдат к подвигу, агитировать их не щадить жизни в бою — пустое дело, если сам прячешься за спины товарищей. Наш парторг был не такой. Вот один из примеров.

В бою под Бюссовым первая рота во время контратаки отстала от боевых порядков полка. Там появились Анатолий Постников и Николай Осадчий. Парторг заменил убитого водителя. Вскоре положение в роте было выправлено.

Простившись с Постниковым, я пошел на КП. Из-за Одера дул холодный ветер, вихрил сыпучий снег. Луна узким краем выглядывала из-за туч, словно наблюдатель из окопа, прикрытого кустами. Слева смутно угадывались в темноте длинные стволы пушек самоходок. В машине звучит гармонь. Мягкий баритон вполголоса поет:

Синенький, скромный платочек
Падал с опущенных плеч...

...Да, у солдат жизнь и смерть по одной дорожке идут. Для кого-то из нас эта ночь последняя.

Глава 16. Атака

Первое утро на Одере. Кругом тишина. Над рекой и поймой висит туман, но горбатый мост уже виден. Рассеялась тьма и над городом. Скупой свет утреннего солнца ложится на землю Германии.

На наблюдательном пункте идут последние приготовления к бою. Начальник штаба вызывает роты по радио, а я — по телефону. В телефонной трубке послышался голос Кривошеина:

— Начать работу!

С командного пункта корпуса взлетела красная ракета и погасла над Альт-Древитцем.

— По скоплениям противника у мостов, участок сто один, сосредоточенным... — подал я команду ротам. Захаркин продублировал эту же команду серией красных ракет.

Раздались первые орудийные выстрелы. Вскоре они слились в сплошной гул. Снаряды со свистом понеслись к целям. Перед мостом, среди вражеских машин и пехоты, поднялись столбы дыма.

Фашисты метались по берегу, падали на снег. Их автомашины и танки шарахнулись за дома, чтобы укрыться. Некоторые уже горят.

На станции Кюстрин бушевало пламя — горели эшелоны. Наши самоходки перенесли огонь на передний край немецкой обороны — в район кирпичного завода.

Оставив старшим на КП Захаркина, я поехал с Юдиным на позицию четвертой роты проверить действия экипажей. Мы прибыли в самый разгар боя. Самоходки вели интенсивный огонь. Люки открыты, автоматчики подают через них снаряды заряжающим.

Хоруженко выполняет обязанности старшего на позиции. Он по пояс высунулся из люка, держа в правой руке телефонную трубку, в левой — трубку рации. Приняв команду от Бельчикова, Тихон тут же по радио передает экипажам данные для ведения стрельбы. Он говорит то строго, то с улыбкой, то кого-то отчитывая за ошибку в установке прицела, то кладет трубку на броню и подсчитывает на листке бумаги данные для следующей команды.

— Хохол дело знает, — заметил Юдин.

Я заглянул в самоходку Кириченко. Горячий воздух от выстрела ударил мне в лицо. В ушах зазвенело. Экипаж работал превосходно. Вот Кириченко, приложив трубку рации к уху, принял команду от Тихона, сразу же повторил ее экипажу.

— По противотанковому орудию, угломер пятьдесят шесть двадцать, прицел сто, уровень тридцать ноль один, веер сосредоточенный, осколочным, один снаряд!.. Огонь!..

Павлов бросился к отсеку с боеприпасами.

— Открывай, милок, ворота Берлина, — с улыбкой сказал он, вытирая пот с лица.

Иван Иванович, работая подъемным и поворотным механизмами орудия, навел ствол пушки на центр города.

Вокруг самоходок снег растаял, мерзлая земля превратилась в грязь. Стволы орудий накалились, к ним нельзя было прикоснуться. Автоматчики шлепали сапогами по жидкой глине и все подносили и подносили снаряды.

— Вот так самоходная артиллерия! Зиму в весну превратила! — Головачев улыбнулся, поднял снаряд на жалюзи. — Сегодня для нас горячий денек, а для немцев прямо-таки жара.

Он был без полушубка, без шапки, рукава гимнастерки по локоть засучены, русые волосы слиплись от пота. Глаза озорно блестели.

Но вот налет окончен. Зарокотали танки в лесу, позади огневых позиций. Начинался новый этап боя.

Тяжело переваливаясь, самоходки пошли вперед. Я поехал в командирской машине. Захаркин и Пажитнов, сидя рядом со мной, вглядывались в пылающий Кюстрин.

— Пожалуй, не миновать нам уличных боев, — вздохнул Михаил Иванович.

Предположение его вскоре оправдалось. Наши самоходки были обстреляны огнем противотанковых пушек.

Я приказал командирам рот открыть огонь по вражеским орудиям. Экипажи били в упор на расстоянии, не более 700 метров. В это время из-за Альт-Древитца вышли танки. Не встретив серьезного сопротивления, они на большой скорости понеслись к Кюстрину, обгоняя самоходки. Вайнруб подал нам сигнал:

— Двигаться за танками!

У домов, правее завода, блеснули огни, и вокруг танков взметнулись разрывы. Вайнруб сразу же стал грозным.

— Чего смотрите? Бейте пушкарей! Не дают ходу моим «коробкам», — кричал он.

Наши тяжелые снаряды обрушились на врага. Немецкие пушки умолкли. Танки Вайнруба и Бортовского ворвались в Кюстрин. На башне первого цифра 25.

Этот танк моего земляка — учителя из Мордовии Якова Ивановича Осипова.

В наушниках слышу голос Кривошеина: «Дайте две самоходки Бортовскому для штурмовой группы».

А впереди, в Кюстрине, бушевала огненная буря.

И в гуще танков и самоходок шла теперь вперед машина Гукова. Я переживал за него, как за родного сына, и радовался его успеху, потому что знал: этот человек на наших глазах перерождается, преодолевает боязнь, напрягая всю свою волю и нервы в самом пепле войны.

Действовать в штурмовых группах — дело не простое: нужны смелость и сообразительность. Поэтому на задание послали лучших командиров — Мусатова и Хоруженко. На главную улицу пошла рота Бельчикова, находившаяся от Вайнруба ближе всех. Машины шли в густом дыму.

Мы хотели ехать за Бельчиковым, но увидели у заводских ворот «тигра». Его огромная пушка с черным дульным тормозом поворачивалась из стороны в сторону, словно нюхала воздух, отыскивая себе добычу.

— Стреляй, Анатолий! — сказал я.

Пажитнов нажимает электроспуск. 122-миллиметровый снаряд косо ударяется в наклонную стенку башни и делает рикошет. «Тигр» круто поворачивается и на полной скорости, взметая снег, устремляется в город. Второй снаряд настигает его.

Немцы сопротивлялись отчаянно. Гитлер по радио обратился к личному составу армейской группировки «Висла» и ее командующему Гиммлеру и приказал «оборонять» «Одерский вал» до последнего солдата. Мы об этом знали и, откровенно говоря, не рассчитывали с ходу выскочить на западный берег Одера. Но мы сделали это.

Через Одер, по льду, уже шли пехотинцы Хотимского. По ним ударили пулеметы с островов. Густо поросший тальником и покрытый снегом, он лежал почти посредине реки. Движение пехоты замедлилось. Перебежки стали короче.

Война на льду увеличивает потери: здесь не окопаешься.

Вот на штурм пошли автоматчики Муравьева. Они скользили по льду, на ходу стреляя из автоматов. Немцы перенесли огонь на них. Трассирующие пули понеслись с острова. Огонь был настолько плотным, что автоматчики залегли.

Муравьев, припав ко льду, хотел связаться с самоходчиками и попросить поддержки. Но пулеметная очередь полоснула рядом, обдав его ледяными брызгами. Радист был убит, рация повреждена.

Муравьев провел по лицу — кровь. Видимо, осколками льда поцарапало. Хотел вытереться, но снова пулеметная очередь. Он опять припал ко льду, словно хотел вдавиться в него. А когда огляделся, то увидел, что Аникушкин, который был рядом с ним, неподвижно лежит, закрыв голову руками.

— Аникушкин, ты что, ранен?

Солдат повернул к командиру осыпанное осколками льда лицо.

— Пока дышу.

В этот момент к ним пришел на помощь Бельчиков. Его экипаж подавил пулеметный огонь немцев.

Муравьев поднялся и с криком «Ура!» побежал к острову. Рота последовала за ним. Тяжело топая коваными сапогами, командира обогнал Аникушкин. Легко, словно спринтер на стометровке, бежал Юрий Головачев. Не отставал от него с забинтованной рукой и автоматчик Ермолаев. А навстречу, из развороченной снарядами траншеи, затараторили вражеские автоматы. Всплеснув руками, головой вперед ткнулся Ермолаев. Кто-то еще вскрикнул рядом с Муравьевым, но порыв автоматчиков уже не остановить. В траншее началась рукопашная. На Аникушкина бежал немец в распахнутой шинели с парабеллумом. Выстрелом опалило ухо, снесло погон. Аникушкин упер ствол автомата немцу в живот и дал очередь.

Рота Муравьева захватила остров. Но едва автоматчики успели окопаться, на них обрушился огонь немецкой артиллерии. Снаряды кромсали остров, заваливали траншеи, ходы сообщений, выворачивали с корнем кусты. Вздыбленная земля медленно опадала, а дым, сносимый ветром, плыл над островом. Вдруг грохот стих, словно отдалился. А на льду с немецкой стороны, в просветах между дымными клубами, возникли чужие темные фигуры.

— Рота! Пли! — скомандовал Муравьев.

Головачев стрелял рядом с Аникушкиным. Немцы подбегали все ближе, а метров за тридцать стали швырять гранаты. Но сильный огонь автоматов заставил их повернуть обратно.

Тогда на остров обрушилась немецкая артиллерия, а потом пошли бомбардировщики. Ревущий металл буквально перепахивал небольшой клочок земли посредине реки. Казалось, там уже никого не осталось. Но стоило вражеской пехоте пойти в контратаку, как ее встречал плотный автоматный огонь.

Когда наша артиллерия принудила к молчанию немецкие пушки, стрелявшие по острову, а истребители прикрыли его с воздуха, я связался по радио с Кривошеиным.

— Кто у вас командует автоматчиками? — спросил он.

— Муравьев. Помните, который говорит по-вятски.

— Знаю. Он до армии в председателях колхоза ходил.

— Тот самый, товарищ генерал, руководил колхозом «Новая жизнь» на Кировщине.

— Вручите ему орден Отечественной войны 2-й степени. Отлично действовал. Награду вышлю с нарочным, приказ подпишу сейчас же.

Скоро на броневике приехал офицер от Кривошеина и привез орден. Я взял его и пополз к острову. С трудом среди солдат разыскал Петра Ивановича. Он лежал в воронке. В посиневшей и дрожащей от холода руке Муравьев держал бинокль, пробитый осколками. Валенки и полы его шинели обледенели. Лицо было забрызгано грязью, губы запеклись, потрескались.

— Простите, товарищ командир, мы немножко здесь измазались, — приветствуя меня, сказал Муравьев.

— Черт с ней, с грязью, бой без этого не бывает. А вот что ты со своей ротой сидишь в трещине «Одерского вала», — это важно. И Хотимский хвалил за помощь. Его пехота захватила и удерживает Кюстринский плацдарм. Трещат «ворота Берлина», понимаешь?

— Если бы не понимал, не сидел бы здесь.

— От имени Президиума Верховного Совета СССР за мужество и отвагу вручаю вам орден.

— Служу Советскому Союзу! — простуженным голосом сказал Муравьев, беря награду.

Я крепко пожал его руку и пошел к Кюстрину.

На улицах города шел бой. Немцы стреляли из окон, с чердаков, из подвалов, из дзотов били пушки. Методически обстреливали нас минометы.

На берегу Одера загорелась нефтебаза, и над городом почернело небо.

Нам хотелось захватить еще невзорванный мост через Одер. Но как это сделать? Как сломить огненную дугу предмостных укреплений? А эта дуга укрепляется все сильнее и сильнее. Да и старая крепость брызжет нам в спину пулеметным и артиллерийским огнем.

Я вызываю по радио командиров рот. Первым отвечает Николай Иванов.

— Как дела, Николай Егорович?

— Дела, как сажа бела, — отвечает он, — снаряды кончаются. Жду девушек, они должны подвезти машину бронебойных. Здесь с осколочными ни к мосту, ни к крепости не сунешься.

— Снаряды доставим. Не беспокойтесь. Стреляйте по крепости. Распределите цели-бойницы по экипажам и бейте, пока полк не выйдет к мосту.

— Понятно, — ответил Иванов.

Скоро крепостная стена оделась дымом и каменной пылью. Долго долбили крепость самоходчики. Наконец она умолкла, словно замерла. К мосту двинулись танки Бортовского и самоходки четвертой роты. В первой линии вместе с танками шли машины Мусатова. Бельчикова, Моногорова и Заева. Время от времени самоходки останавливались, и тогда из пушек вырывались длинные языки пламени. Труднее приходилось пехоте 19-й мехбригады. Пулеметный огонь то и дело прижимал ее к земле.

У моста все сметено, перепахано, разрыхлено. Повсюду трупы немецких солдат. Из разрушенных амбразур торчат стволы поврежденных пушек.

Танки и самоходки уже ведут огонь по второй линии укреплений. Но путь преграждает глубокий ров. Машина Бельчикова подошла к нему и остановилась. Потом стала осторожно спускаться в ров.

— Что он делает? Перевернет машину! — крикнул Пажитнов.

У самоходки Бельчикова оборвалась правая гусеница, машина беспомощно сползла на дно рва. Чтобы не терять управления ротой, он выскочил из машины, побежал к другой самоходке.

— Вот силен парень, — сказал Виноградов, не отрываясь от триплекса.

Но вдруг Бельчиков взмахнул руками и упал на снег. Потом поднялся и снова упал.

— Похоже, ранен. Видите, не может встать, — сказал Захаркин.

— Вперед! Через ров! — крикнул я водителю.

В это время старший сержант Аксянов, заряжающий в экипаже Бельчикова, бросился спасать своего командира. Рывком он добежал до раненого и взвалил его на спину. Обратно ко рву пополз на четвереньках. Пули свистели вокруг него. И вот когда Аксянов уже опустил Бельчикова в ров, вражеская пуля настигла смельчака. Он упал.

Наша самоходка, преодолев ров, с близкой дистанции разбила дзот, из которого строчил пулемет. Мы бросились к раненым. Самят Софиулович Аксянов лежал на спине, широко раскинув руки. Пуля попала ему в висок. Бельчиков стонал. У него была раздроблена нижняя челюсть.

...Наступление продолжается. Из корпуса поступило распоряжение: передать весь участок боя подошедшим частям армии генерала Берзарина, двигаться на север под Кенигсберг, очистить правобережье Одера от немецких войск до Балтики включительно.

Это и понятно. Нельзя наступать на запад, не разгромив Штаргардской группировки немцев. Она угрожала нам ударом во фланг и тыл.

Глава 17. Вверх по широкому Одеру

К ночи над Одером наступило затишье. Снег падал крупными хлопьями, словно хотел поскорее прикрыть поле боя, только что политое кровью.

Приказываю Пажитнову и Захаркину вывести полк из боя и прибыть в Альт-Древитц. А сам с Виноградовым направляюсь в штаб корпуса.

По дороге связываюсь с командирами рот. Они уже получили приказ. Только рота Бельчикова, потеряв командира, находилась в тяжелом положении: машины действовали без управления, связи не было. Узнав об этом, Виноградов попросил разрешения помочь роте. Бессменный мой помощник часто выручал нас, не считаясь ни с какими трудностями и опасностями.

— Иди! Действуй!.. — согласился я.

Оставлять 4-ю роту без командира было невозможно. Я принял решение — на место Бельчикова назначить Валентина Мусатова. Мне нравились его спокойствие, неторопливость, способность даже в самую тяжелую минуту не терять хладнокровия, трезво оценивать обстановку. Кроме того, Мусатов был хорошо подготовлен в Ульяновском танковом училище и командовал самоходкой с первого дня создания полка.

На склоне горы, восточнее Кюстрина, показалась пехота — шла армия Берзарина. Ей навстречу двигались самоходки Иванова. Машины ползли медленно, покачиваясь стальными корпусами.

— Вот эти против «тигров» хороши... Небось, с такими воевать не скучно, — говорили пехотинцы.

Альт-Древитц погрузился в темноту. Время выступать. Подаю команду. Заработали моторы самоходок, и колонна двинулась по дороге на Кенигсберг — Одерский.

За Одером качались голубые лучи прожекторов. Немцы старательно искали в ночном небе советские самолеты.

Позади нас, в стороне Кюстрина, по-прежнему пылало огромное красное зарево. Колонна двигалась без остановок.

Пажитнов ехал в головной машине и не останавливал полк на привал. Ко мне в самоходку сел Шабалин, и мы занялись изучением местности вокруг Кенигсберга, определяя возможность обхода города с флангов. Между Одером и Кенигсбергом лежала лесисто-болотистая равнина в пятнадцать километров шириной.

Шабалин сложил карту и тяжело вздохнул.

— Ты что, Иван Петрович?

— Жена пишет из Энгельса: трудновато стало с тремя ребятишками. Просит, чтобы в отпуск приехал. А какой отпуск, когда все время бои.

— Поезжай в Москву за автомашинами. У меня наряд есть, — предлагаю я. — По дороге домой заскочишь.

Лицо Шабалкина светлеет, но ненадолго.

— Это было бы здорово, да у нас есть офицеры, у которых дела хуже моих. Вот у лейтенанта Куклина — пятеро детей, мал мала меньше и жена больная. Он мне показывал письма от нее. Сердце от этих писем сжимается. У адъютанта Мити Виноградова жена и дочь болеют, обе в больнице, а сын — совсем малыш — один дома.

— Я напишу местным властям, чтобы помогли семьям воинов, — говорю я Шабалину.

...На рассвете колонна остановилась в лесу. Через просеку виднелась восточная окраина Кенигсберга.

— Выходи, хлопцы, приехали! — кричал Пажитнов, расхаживая вдоль колонны.

Из машин стали вылезать самоходчики с заспанными лицами, без ремней, с расстегнутыми воротниками, в помятых шапках. У некоторых снаряжение сползло набок. Только Мусатов был подтянут, как всегда. Я обратился к бойцам:

— Все видите товарища Мусатова?

Бойцы оглянулись на нового командира роты, недоумевая, в чем дело.

— Приведите себя в порядок, как это сделал он.

К Мусатову подошел командир самоходки лейтенант Хоруженко, хлопнул его по плечу и сказал:

— Ну, Валя, что будем дальше делать?

Мусатов не сделал лейтенанту замечания. Осадчий заметил это и неодобрительно покачал головой.

Хуже того, когда Мусатов начал отдавать распоряжения солдатам о занятии исходных позиций, командиры самоходок стояли в стороне. Осадчий снова покачал головой и сказал:

— Так дело не пойдет, молодому командиру помогать надо. Мы отозвали Мусатова в сторону, сели на сваленный ствол сосны и провели с ним беседу об обязанностях командира.

Люди в полку утомлены, им надо бы немного отдохнуть, но в полк приехал командующий артиллерией армии генерал Григорий Давыдович Пласков. Он был в то время членом военного совета армии и дал нам такой нагоняй, что мы об отдыхе и думать забыли.

— Командарм приказал только вперед, — кричал он, расхаживая по лесу. — Отдыхать будем после победы.

— Приказ есть приказ, — сказал Осадчий и направился к солдатам, собравшимся у кухни, разъяснять обстановку. Самоходчики шутили:

— Вчера были в «гостях» у кюстринских немцев, а сегодня вечером пойдем к кенигсбергским. Как-то нас они встретят?

— Вина вряд ли поставят, а уж «огонька» будет вдоволь, — сказал Павлов.

— Положим, у нас такого «угощенья» побольше, чем у них, — заметил старший сержант Николай Гольдман.

Мимо прошли автоматчики, но командира роты среди них не было.

— Где Муравьев? — спросил я Головачева.

— Был около кухни, а сейчас не знаю.

«Что-то у него здесь не ладно, — подумал я. — Муравьев никогда не посылал на позиции одних солдат, а тут исчез».

Вдруг услышал:

— Товарищ Муравьев, где вы пропадаете? О вас командир полка спрашивал. — Это говорил Захаркин.

В штабной автобус поднялся Муравьев.

— Что случилось? — спросил я.

— Беда, товарищ командир... При выезде из Кюстрина автоматчики были рассажены на жалюзи самоходок. Ночью заснули на броне, тут и случилось несчастье: в темноте наскочила идущая сзади самоходка, концом ствола раздавила двух солдат.

Воцарилось тяжелое молчание. Из-за неосмотрительности нелепо погибли два наших товарища.

— Надо побелить орудийные чехлы, вывести на концы стволов электропроводку от аккумуляторов и подключить электролампочки, — предложил я.

В машину вошел Одарчук с целой стопой бумаг.

— Около кухни собрались механики-водители, — сказал он, — которым надо вручать удостоверения о новом классе вождения.

Мы с зампотехом пошли к механикам. Водители сидели на разостланном брезенте в потертых и засаленных комбинезонах. Над ними плавало сизое облако табачного дыма. Все с жадностью сосали самокрутки. Не курил только Василий Филиппович Куклин.

— Как самочувствие?

Все как по команде побросали окурки, встали.

— Откровенно говоря, побаливает место ниже спины и спать хочется, — ответил за всех «отец механиков».

Началось вручение.

— Корпусная комиссия под председательством врио заместителя командира корпуса по технической части инженера Гребенюка непосредственно в боях и на маршах проверила работу наших механиков-водителей и дала им высокую оценку, а многим из них повысила класс вождения самоходок, — сказал зампотех.

Наступила тишина.

— Техник-лейтенант Коростелев!

Павел вышел вперед, стройный, худощавый, с задубленным ветрами и морозами лицом. Он стоял, как на параде.

Когда под Вулькой он впервые сел за рычаги и чуть не свалил с вала самоходку, над ним многие смеялись. Но в ночном марше от Магнушева до Сохачева он уже успешно вел машину, сделав около ста километров за сутки. Это для него был серьезный экзамен. К Павлу в полку стали относиться с уважением, а кое-кто и обращаться за советом.

— Вам присвоена квалификация водителя тяжелых боевых машин первого класса. Поздравляю, желаю еще больших успехов и удач в бою, — сказал я Коростелеву, пожимая руку.

Коростелев поблагодарил, радостно улыбаясь, взял удостоверение.

— Я сибиряк и считаю своей обязанностью умножать боевые заслуги сибиряков, — ответил он после заминки.

— Молодец!

Потом я вручил удостоверение Болдыреву, Куклину и другим. Когда «отец механиков» получил книжечку, все дружно зааплодировали.

Одарчук, очень любивший технику и людей, которые непосредственно на ней работали, хотел обставить эту процедуру поторжественней. Ждал от меня речей и сам порывался их произносить. Но пришлось его разочаровать: в полку были на исходе боеприпасы. Мой заместитель по тылу уже уехал на станцию Бад-Шенфлис, и я с нетерпением ждал эшелона.

За лесом, где проходила железная дорога, засвистел паровоз. Вскоре ко мне подошел высокий худой железнодорожник.

— Я машинист, привез вам боеприпасы. Автовзвод размещался рядом, за кустами, и я громко позвал:

— Ломако! Ломако!.. Где там командир автовзвода Ломако!?

— Нашего лейтенанта к командиру полка! — послышались за кустами солдатские голоса. Через минуту тонкая фигура Ломако стояла передо мной.

— Вот машинист боеприпасы привез, организуйте разгрузку вагонов и доставку грузов. Да позовите начпрода. Машиниста и всю поездную бригаду нужно накормить.

— А я один, — ответил машинист, — потому и разгрузочными делами занимаюсь.

— Где же остальные?

— Погибли, — выдохнул он. — Нас на перегоне фашистская авиация прихватила, один я уцелел.

И здесь же происходит радостное событие. С попутной машиной из госпиталя вернулся механик-водитель Саша Потеев. Первым его увидел Гумар.

— Сашенька, дорогой! Ребята, смотрите, кто приехал!..

На Александра с визгом и смехом налетали девушки: Фиса Мочалова, Миногян Егорова, Люда Лапина, Валя Храмцова.

— Молодец, Саша, отыскал свой полк, — щебетали они. — А выглядит-то, прямо орел! И щечки, словно яблочки, налились. Как добрался к нам, Сашок?

Механики-водители Болдырев, Салихов, Коротков, Коростелев, парторг Постников и комсорг Гуцев подхватили Александра и стали качать под веселый визг девчат.

— Братцы, хватит! Я же самоходчик, а не летчик, — кричал Потеев.

Наконец Сашу поставили на землю, и начались разговоры о бое под Бюссовом. Захаркин вспомнил, как Потеев, раненный в глаз, вел самоходку через узкий мост, давил немцев в окопах.

— Тебе командование за этот бой орден Отечественной войны 1-й степени в госпиталь послало.

— Орден получил, спасибо. А от того боя в голове и до сих пор шумит. Самоходка-то моя цела?

Потеева ведут к боевой машине, замаскированной кустами.

— Вот она, любовь твоя. Тебя дожидается! Александр обнимает ствол пушки, вскакивает на крыло, нежно гладит рукой стальную громаду и, улыбаясь, говорит:

— Жива, моя родная. Дождалась! Целый месяц не виделись. Сколько раз она мне жизнь спасала.

Наблюдая эту сцену, Захаркин, по натуре не склонный к сентиментальности, растрогался.

— А ведь машина тоже может «скучать и ждать». Вы только посмотрите на них...

Я тоже испытываю какое-то особое чувство радостного волнения. И все потому, что полк стал твоей семьей, твоим домом.

* * *

Для взятия Кенигсберга командование первого мехкорпуса выделило значительные силы. Город был невелик, но, расположенный в среднем течении Одера, он имел важное стратегическое значение на северо-восточных подступах к Берлину.

Наступление планировалось на 4 февраля 1945 г.

Утром 4 февраля из-за леса выдвинулась туча, заснегопадило. Снежинки, словно комары-толкунцы, кружились в воздухе.

Метельная мгла то вздымалась, то падала. Вдруг потянуло теплом. Пошел дождь, да такой бурный, почти весенний ливень! На дорогах расплылись следы гусеничных тракторов, перегреваясь, загудели автомобильные моторы, из-под колес полетели мокрый снег и грязь. Это затруднило наступление.

Как-то я зашел в штаб корпуса за картами. Кривошеин обдумывал, как в сложившейся обстановке применить танки, самоходки, пехоту и артиллерию, советовался с командирами частей.

— Если мы в морозы по Польше проходили более сотни километров в сутки, то в распутицу здесь, пожалуй, и десяти километров не пройдешь, — говорил он.

Особенно его беспокоила артиллерия корпуса.

За мотопехотой и танками по этой воде автотягачи не угонятся. В конце концов для буксировки пушек. Кривошеин выделил бронетранспортеры на гусеницах.

После всестороннего изучения задачи и обстановки генерал решил применить танки и самоходки для непосредственной поддержки пехоты. Замысел был таков: на Кенигсберг с востока наступает бригада Хотимского с нашим полком, а бригада Вайнруба обходит город с севера. В резерв выделен мотострелковый батальон из бригады прибывшего генерала Бабаяна; бригада Ершова с ротой самоходок лейтенанта Иванова отправлялись для наступления на город Бан.

Мы договорились с Хотимским о совместных действиях.

Михаила Васильевича Хотимского я знаю много лет. Он член партии с 1925 г. До войны командовал полком при бронетанковой академии, а в 1921 г. участвовал в боях с бандами Антонова на Тамбовщине вместе с Богдановым С. И. Он всегда спокоен, уравновешен, умеет выслушать и оценить чужое мнение. Поэтому воевать рядом с Михаилом Васильевичем легче. Он достойно носит звание Героя Советского Союза.

Вместе с Хотимским мы пошли на западную опушку леса, изучили оборону противника, подходы к Кенигсбергу.

— К городу хорошие подходы. Восемь шоссейных дорог выходят из Кенигсберга в разные стороны. Атакуем врага сразу с флангов и с фронта, — решил Хотимский. — Главный удар вдоль шоссе: Бад — Шенфлис — Кенигсберг. Полный и уже пожилой человек, Хотимский шел черезвычайно легко. Он опускался в овраг, про-

лезал по кустарнику, несколько раз ложился, просматривал город, работал на карте. Я не успевал за ним.

На полянке стояли два пня: мы присели отдохнуть. Михаил Васильевич посмотрел на голубое чистое небо.

— Побывать бы теперь в Москве... Жена у меня там — Мария Федоровна. Но ты не думай, что я москвич. Я гродненский старожил из Шершева. Никак не могу привыкнуть к московскому шуму.

За рекой возвышалось несколько многоэтажных зданий. Одно из них, самое большое, с решетками на окнах, — тюрьма. Рядом с ней городская ратуша. С другой стороны — кирха с высокой, нацеленной в небо остроконечной колокольней.

— Туда с севера ударит Вайнруб, — заметил Хотимский.

Оставался неразрешенным один вопрос, который больше всего беспокоил меня: было неясно, где мы встретимся с танками Вайнруба. Из опыта боев под Москвой и в Сталинграде я знал, как трудно в городе, да еще ночью соединиться со своими войсками при атаке с двух направлений.

— Давайте условимся: как только овладеем тюрьмой, двинемся на соединение с танками Вайнруба к западной окраине города, — предложил Хотимский.

— Добро! Только надо радировать об этом Вайнрубу.

Мы расстались.

В полку меня встретил наш воспитанник Юра, худенький, сероглазый мальчуган лет одиннадцати. Он один из многих тысяч детей, которых осиротила война.

На Украине, в сожженной дотла деревеньке Букрине, под Киевом, самоходчики увидели мальчика, который копался в теплой еще золе. На наши вопросы ответил: зовут Юра, тятя на войне, мамку немец угнал, а дом, вот он — зола, да печь со сбитой трубой.

Парнишку накормили, и он пригрелся у нас. Хотели при удобном случае сдать его в детдом, а пока внесли в списки части и поставили на все виды довольствия. Полковой портной, не мудрствуя лукаво, сшил ему форму, и стал мальчик солдатом.

Конечно, не место ребенку на фронте, но что делать? Об этом мы с Осадчим и Захаркиным говорили часто. Убить могут мальчишку, да и учиться ему надо. А тут науки суровые: выучился на мотоцикле ездить, из автомата стрелять. Хотели своими силами пока обучать по школьной программе, но ничего не вышло. Бои, марш, марш, бои... Решили после войны определить Юру в школу, а пока по возможности оберегали от опасностей и воспитывали как умели. Увидев меня, Юра заговорил о том, что он уже достаточно взрослый и пора его назначить в экипаж самоходки.

— Дядя Ваня Холопов говорит: «Хватит с мотоциклом возиться, пора, брат, «в люди выходить».

Мальчик с тревогой смотрел мне в лицо. — Вон Павлов, Черепанов, Новолыгин пришли в полк после меня и уже воюют на самоходках.

— Погоди, не волнуйся. Слушай внимательно. Юрий исподлобья смотрел на меня.

— Пойми, дорогой мой, работать на самоходке могут только взрослые. Кроме ловкости и умения, там нужна большая сила. Если тебя зачислить в экипаж, ты надорвешься, заболеешь, ляжешь в госпиталь. Из полка уйдешь. Что хорошего?

— Ну вот, опять нельзя, — растерянно проговорил мальчик.

— Надо учиться и учиться много. Тогда достигнешь своей цели. Чтобы стать командиром полка, мне пришлось окончить среднюю школу, военное училище, академию, пройти службу от солдата до подполковника.

Мальчик успокоился.

— Хорошо, товарищ командир. Я буду учиться. Вот возьмем Берлин, начну с Суворовского! — уже весело добавил он и побежал к своему мотоциклу.

У машины политсостава слышится звонкий голос комсорга полка:

— Комсомольцы — делегаты от рот, беседа будет здесь, подходи!

Гуцев проводил беседу на тему: «Комсомольская организация — опора и боевой помощник командира». Говорит он, пожалуй, не очень красноречиво, но зато убежденно, а главное о самом насущном и важном.

Я прислушиваюсь к голосу Гуцева и думаю, что действительно комсомольцы для меня и «опора», и «боевые помощники». В полку много молодежи. По понятию мирного времени — мальчишки. Но война сурова. Одни молодые жизни она обрывает, другие, словно железо в огне, закаляет. Юноши становятся заправскими солдатами, героями. Таковы наши комсомольцы Болдырев, Салихов, Виноградов. Да и девушки: Мочалова, Лапина, Иванченко...

Многие вчерашние комсомольцы уже стали коммунистами.

— В боях за Кюстринскую крепость, — рассказывает Гуцев, — комсомолка Миногян Егорова вынесла с поля боя трех раненых солдат и с автоматом в руках участвовала в атаке Кюстрина. За это она награждена медалью «За боевые заслуги».

Комсомольцы аплодируют. Подруги целуют Миногян.

А мне можно разок от имени механиков-водителей? — говорит с шуткой Салихов. Девушка лукаво грозит Салихову.

Комсорг поднимает руку, прекращает смех.

— Товарищи! Предлагаю почтить память нашего товарища комсомольца Самята Аксянова, отдавшего жизнь ради спасения своего командира в бою.

Лица у всех становятся суровыми. Комсомольцы встают, снимают шапки...

В штабном автобусе меня ждал адъютант.

— К нам пополнение прибыло, — доложил он. — Лейтенант Гречин на должность командира 3-й роты вместо «морской души» — Пети Целибьева.

А потом уже неофициально Виноградов добавил:

— Мой земляк. Тоже из Калининской области.

— Отлично! Давай его личное дело.

Первые сведения о лейтенанте Гречине умерили мою радость: ему всего девятнадцать лет, за плечами — средняя школа, танковое училище, недолгое командование самоходкой. И такому молодому парнишке надо доверять роту!? А справится ли он? На раздумье времени нет, да по существу и выбора тоже нет. В полку уже давно не хватает офицеров. Отдел кадров корпуса, до сих пор не прислал нам ни одного. Гречин первый.

— Позови лейтенанта, — говорю я адъютанту.

Гречин — высокий, стройный, над верхней губой темнеет пушок. Держится уверенно, докладывает точно по уставу, движения четкие. Видимо, в училище с будущими

офицерами занимались основательно... И, надеюсь, не только строевой подготовкой. В общем, лейтенант Гречин оставляет приятное впечатление, но уж очень молод...

— Принимайте третью роту и сегодня ночью в бой. Наступать будете на Кенигсберг с первым мотострелковым батальоном. Увяжите свои действия с пехотой.

— Постараюсь не подвести, товарищ командир. Разрешите идти? — Гречин, не отрывая руки от головного убора, поворачивается налево кругом и уходит, четко печатая шаг.

Я звоню начальнику штаба и прошу присмотреть за новым командиром роты, помочь ему на первых порах. Боевую задачу третьей роте поставлю раньше, чем другим подразделениям. Пусть Гречин ее изучит поосновательнее.

Захаркин, побывав в третьей роте, проверил новичка и остался им доволен.

...Наступила ночь — пасмурная, дождливая. Машины рассредоточились по полю. Прошли автоматчики, шлепая сапогами по лужам. В феврале — дождь. Да, это не наша Мордовия. На Одере весна начинается значительно раньше.

Я подошел к своей самоходке, залез в башню. Со мной сели Постников, Захаркин и Виноградов.

Итак, снова вперед, на врага!

Глава 18. Пороховая буря в Кенигсберге

Наступление на Кенигсберг началось. Взвились белые ракеты. Хотимский сообщил по радио, что пехота пошла в атаку.

— Моторы заводи! — скомандовал Мусатов.

Под прикрытием огня полевой артиллерии самоходки двинулись к городу. Но вот одна самоходка, правее шоссе, застряла в болоте. Виноградов осветил ее ракетой, и я по номеру определил, что это машина Гречина. Вызвал его по радио.

— Что же вы? В начале атаки отстали от роты!

— Я сейчас побегу и догоню роту, — виновато ответил он.

— Запрещаю! Вас убьют на первых же ста метрах. Захаркин по радио передал Одарчуку, чтобы тот вытащил тягачом застрявшую машину и выручил новичка из беды.

Противник все еще не оказывал сопротивления. Это беспокоило: немцы могли допустить самоходки к первой траншее и расстрелять их в упор. Я решил предупредить экипажи. Остановил роты. Они открыли огонь по окопам. Тут же затрещали пулеметы, загремели пушки.

Мы продвинулись уже метров на шестьсот, когда немцы остановили нас шквальным огнем пулеметов и гаубиц. Перед самоходками выросли багрово-черные столбы разрывов.

Раздался резкий гудок в рации. Вызывал Хотимский.

— Если будем стоять на месте, наступление сорвется. Да и Кривошеин по головке не погладит, — взволнованно говорил он.

— Что вы предлагаете?

— Сейчас подниму пехоту, а вы прикройте нас огнем.

Автоматчиков и разведчиков тоже посылайте в атаку.

— Хороший случай проверить коммунистов в бою, — сказал Постников и пошел вдоль длинной цепи автоматчиков. В кустах он нашел Муравьева.

Я открыл командирский люк и следил за действиями парторга.

— До утра лежать собираетесь? — спросил Анатолий.

— Нам самим тут не сладко, — хмуро отозвался командир роты. — Надо действовать. Что думает Хотимский?

— Будет продолжать атаку. Как только даст красную ракету, пойдем вперед. Это приказ командира полка.

Муравьев снова попытался поднять роту в атаку, но не получилось: враг бил из пулемета. Справа от автоматчиков взвилась красная ракета, пролетела над цепью и погасла. Постников поднял автомат над головой и громко крикнул:

— За Родину, в атаку, вперед!

Пехота Хотимского тоже пошла в атаку.

Автоматчики все ближе и ближе подходили к черной полосе бруствера. Загремело «Ура!», но снова ударили вражеские пулеметы. На правом фланге солдаты не выдержали плотного огня немцев, залегли. Левый фланг продолжал атаку. Вот две темные фигурки вскочили на бруствер, скрылись в окопе.

— Наши уже в немецкой траншее, — закричал Постников. — Передайте по цепи: наши ворвались в траншею, ведут бой! Перебежками по-одному, вперед! — скомандовал он.

Командир отделения автоматчиков сержант Алексей Земсков поднялся и тут же упал. Шквальный огонь прижимал бойцов к земле. Тогда парторг вскочил и с криком «Ура!» бросился к немецкой траншее. Остальные последовали за ним. Немцы успели дать лишь несколько коротких очередей.

Рядом с Постниковым упал автоматчик. К нему подбежала Людмила.

— Сейчас перевяжу, родной, потерпи!

Сняв с бойца шинель, девушка потащила его к ближайшей воронке.

В окопе началась рукопашная.

Парторг спрыгнул в траншею и сразу же увяз в жидкой глине. На него с разбегу налетел немец, выстрелил из пистолета. К счастью, пуля пробила шинель. Постников ударил его прикладом в лицо и, когда тот покачнулся, выстрелил из автомата.

Бригада Хотимского, опередив нас, уже ворвалась на окраину города. На улицах слышался гул танков — значит Вайнруб тоже не дремлет.

— Я знаю Вайнруба, — сказал Захаркин. — Вот посмотрите, к рассвету его танки будут здесь.

Оставив самоходку в укрытии на окраине Кенигсберга, мы с Виноградовым пошли по темному, узкому, как туннель, переулку. Надо было восстановить связь с Хотимским. В центре города пылали пожары, освещая желтую ратушу, красную кирху и мрачное здание тюрьмы. Вдруг Виноградов споткнулся о провод.

Связь Хотимского! У немцев кабель синий и красный, а это наш — черный.

Наблюдательный пункт бригады разместился в разрушенном доме. Увидев нас, полковник удивился.

— Как вы нашли меня? В этих ущельях целый батальон может затеряться.

Хотимский склонился над планшетом и, рассматривая его, сказал:

— Давайте созовем командиров рот и батарей и прямо отсюда — с н[аблюдательного] п[ункта] — покажем им улицы, по которым надо наступать.

Вскоре к пылающим обломкам сарая начали подходить командиры подразделений разных родов войск. Хотимский объявил состав штурмовых групп, потом сам повел командиров по темным улицам, на ходу объясняя обстановку.

Был второй час ночи, когда я вернулся в свою самоходку. По главной улице мы подъехали к кирхе. Мрачная, из красного кирпича, стоит она как гигантский столб. Купола ее уходят в темное небо. Мне показалось, что на башне что-то шевелится. Но, может быть, просто показалось?

Вдруг — выстрел, и солдат, стоявший у костра, вблизи от командирской машины, упал замертво. Козлитин с двумя разведчиками бросился в кирху. Минут через десять с колокольни что-то упало: это разведчики сбросили немецкого снайпера.

Пехота Хотимского завязала бой на коротких дистанциях. За мостом действовали наши саперы. Они взорвали здание, в котором засел враг. Из темноты выросла огромная копна серого дыма.

Саперным взводом у нас командовал старший лейтенант Горбачев, по виду сугубо штатский человек. Но сколько в нем было упорства!

Снова вперед по улице пошла самоходка Воробьева. Перед ней появились немцы. Выстрел, дым — смотрю, немцев уже нет.

...Победа давалась нелегко. В течение часа мы продвинулись на два квартала: фашисты цеплялись за каждый дом.

— Надо усилить нажим на противника, вынудить его до утра оставить город, — сказал Захаркин, рассматривая карту.

— Что ты предлагаешь, Михаил Иванович?

— Просить у Кривошеина подбросить еще пехоты, а то у Хотимского людей осталось немного.

Я не согласился с начальником штаба: хотелось взять город своими силами. Но Захаркин настаивал. Осадчий поддержал его.

Нам невыгодно ждать рассвета. И Хотимский так думает. Я с ним говорил по радио. Помощь необходима.

Я учел мнения заместителей.

— Ладно! Вызывайте Кривошеина, — и придвинулся к рации.

— Товарищ первый! Противник остановил наше наступление в центре города орудийным и пулеметным огнем, а также активными действиями истребителей танков. Есть необходимость в высылке вашего «сынка», который сейчас «отдыхает» в установленном месте.

Переключив радио на прием, я стал с волнением ждать ответа. Кривошеин недолюбливал подобные просьбы. Но генерал заговорил неожиданно мягким тоном. Оказывается, он уже послал к нам резервный батальон 35-й мехбригады.

— К Одеру, западнее Кенигсберга, надо прорваться сразу же после овладения городом, — добавил генерал.

Вскоре на улице показались солдаты в новых шинелях. Ко мне подошел комбат, высокий, худощавый капитан. На карте и на местности он показал направление своих действий — через железнодорожную станцию, городскую ратушу и западную окраину города.

В помощь батальону я назначил роту Мусатова, а Гречина оставил Хотимскому для поддержки его пехоты.

Посыльный вызвал Мусатова. Тот пришел хмурый, недовольный.

— Нельзя посылать в наступление одни самоходки, — сетовал он. — У Хотимского людей мало, они ведут бои от самой Вислы, потери большие, а пополнения нет. Разве так можно воевать? В каждом доме сидят «панцирфаустники».

— Не волнуйтесь, — сказал я. — Пехота к нам прибыла. Вот комбат. Знакомьтесь!

Мусатов подал руку капитану, недоверчиво спросил:

— А может быть, и у вас такое же положение, как у Хотимского?

— Нет. Мой батальон еще не был в боях.

— Это плохо... Если люди не воевали, у них нет опыта, а бой в городе требует смелости. Здесь не то, что в поле: приходится сражаться на коротких дистанциях, стрелять в упор, выбивать врага из прочных убежищ и укрытий, — говорил Валентин, вглядываясь в лица проходящих пехотинцев.

— Не бойтесь, не подведут, — успокоил Мусатова командир батальона. — Офицеры и сержанты бывалые.

— Это другое дело, — улыбнулся Мусатов.

Они направились к мосту. Там наблюдательный пункт резервного батальона. Захаркин покачал головой:

— Сколько сил и напряжения требует одна боевая ночь! И сколько таких ночей уже пережито, сколько будет еще впереди.

...К церковной ограде подъехал Комар с кухней и продовольственным складом. Он подошел к моей самоходке:

— Нельзя ли перейти на службу в роту автоматчиков или самоходчиков?

— Почему? — удивился я.

— Вижу, не хватает у нас офицеров в бою, а я ведь строевой командир. Вы не смотрите, что я седой, у меня еще силы есть.

Я был благодарен Комару, но удовлетворить его просьбу не мог. Продовольственная служба не менее важна, чем, скажем, командование взводом автоматчиков. В тылу требовался честный, опытный и смелый офицер, а Комар как раз и был таким.

— Нет, Касьян Иасонович, оставайтесь на своем месте.

Бой становился все упорнее. Противник тоже выдвигал резервы. При свете пожаров было видно, как неподалеку от реки через улицу перебегают немцы.

Наш батальон открыл огонь из всех видов оружия. С берега реки донесся треск автоматов, глухой, но частый стук крупнокалиберных пулеметов.

Муравьев со своей ротой вел бой за ратушу. По радио он сообщил:

— Каждому взводу приказал захватить по одному этажу. Немцы стреляют из-под лестницы и из темного конца коридора. Послал отделение оцепить дом, стоящий во дворе. Очень сильно бьют оттуда.

— Хорошо, сейчас ударим по нему из самоходки. Самоходка Хоруженко, заняв удобную позицию за развалинами, открыла огонь по дому. После пятого выстрела в нем рухнула стена. Наступила тишина.

Захаркин стал спешно вызывать Муравьева по радио. Но тот не отвечал. Мы забеспокоились. Начальник штаба высказал предположение, что Муравьев погиб от огня нашей самоходки.

Только через час напряженного боя появилась возможность подъехать к разбитому зданию ратуши.

Мы внимательно осматривали пробитые каменные стены. Вдруг открывается массивная, изрешеченная пулями дверь, и из нее высовывается грязное, закопченное лицо пожилого человека. Подбородок покрыт седой щетиной, шапка сильно обгорела. Мы не сразу узнали его.

— Товарищи, да это же наш Петр Иванович! — радостно закричал Виноградов. Мы бросились навстречу к Муравьеву.

— Жив? Дорогой, да что тут у вас было? — спросил я.

— В коридоре израсходовал половину гранат, — доложил он. — Сдались в плен пятнадцать немцев. Сейчас складывают оружие. Кроме автоматов, у немцев отобрали тридцать фаустпатронов. Теперь ими по врагу ударим.

— Петр Иванович, отдохните немного, — посоветовал я Муравьеву.

— Нет, нет, — замахал он руками. Меня ждут автоматчики, и самоходчикам я нужен.

Медленно продвигаясь вперед, пехота и самоходки овладели вокзалом. Сюда собрались на ужин офицеры, подходили к кухне солдаты. Короткая передышка. Но она скоро кончилась. К нам подъехал офицер связи от Вайнруба.

— Танковая бригада захватила аэродром на западной окраине города, много исправных самолетов и автомашин. Идет на соединение с вами.

Известие было радостное: враг попал в «клещи». Я передал Вайнрубу, что встречусь с ним западнее здания тюрьмы.

Начало светать, зарево пожаров побледнело, а город на фоне посветлевшего неба стал виден отчетливее. Приморозило. Грязь на улицах подернулась ледяной коркой.

Бой переместился на запад от вокзала. Улицы здесь были еще уже, чем в восточной части города, самоходки двигались в одиночку, ведя огонь с коротких дистанций.

Я направил машину к тюрьме. Возле нее предстояла встреча с танками, но тут у нашей самоходки отказал мотор. Пришлось пересесть в машину Кириченко.

По пути связался с командирами рот и сразу же услышал тревожный голос Мусатова:

— Как быть? Все машины углубились в улицы. Я их не вижу, плохо слышу.

Захаркин подвинулся к рации.

— Мусатов, я вас не узнаю, смелый командир, и вдруг заминка. Используйте связных и посыльных.

Валентин виновато ответил:

— Здесь все улицы и дома похожи. Очень трудно ориентироваться. Только сейчас обнаружил, что Воробьев вклинился в оборону противника на целый квартал.

Я склонился над микрофоном.

— Подтягивайте машины к Воробьеву, равняйтесь на передовых.

В полку все любили Воробьева за смелость, расторопность в бою.

Мусатов связался с Воробьевым:

— «Клен — один». Как дела?

— Попал в огненный мешок, со всех сторон немцы бьют из автоматов.

Я забеспокоился: над Воробьевым нависла беда. Приказал Муравьеву ускорить наступление автоматчиков. Мусатов торопил самоходки Тихона Хоруженко, Сергея Бушуева и Василия Шевчука. Товарищи спешили на помощь Воробьеву. А у его машины беспрерывно рвались гранаты. Видно, Воробьев тоже не дремал. Только с четвертого раза с помощью автоматчиков Муравьева машины подошли к славному экипажу.

Одновременно с ними из переулка вынырнула самоходка второй роты, ведомая «отцом механиков». Оказывается, Куклин заметил машину Воробьева с фланга.

Весть о героическом поступке Воробьева облетела весь полк. Узнал об этом и Кривошеин. Он тут же представил Воробьева к ордену Красного Знамени. Богданов и Латышев подписали приказ.

Впереди, за высоким зданием тюрьмы, взлетела белая ракета. И сейчас же из боковой улицы застрочили вражеские пулеметы. Пули зацокали по броне.

— Интересно, есть ли кто в этой тюрьме? — спросил Иван Иванович, наводя на нее ствол пушки.

— Возможно, что гитлеровцы сбежали, а заключенных оставили, — предположил я.

Мы стали наблюдать за тюрьмой. Она была похожа на старинную крепость, обнесенную высокой стеной. Три ряда маленьких узких окон, забитых решетками, на воротах замок величиной с пудовую гирю. У ворот полосатая будка. Но часового уже нет.

— Охраны что-то не видно, — заметил сержант Городенцев.

— Какая охрана, если наша самоходка стоит в двухстах метрах! — заметил Иван Иванович, не отрывая глаз от триплекса.

Но тут, на крыше тюрьмы, между трубами, появился белый дымок — раздалась пулеметная очередь.

— Вон, фашист проклятый, откуда бьет! — Иван Иванович быстро навел на него орудие. Вражеского пулеметчика как не бывало. Холопов обернулся ко мне.

— Разрешите один снаряд по воротам тюрьмы?

— Пли!

Горячий воздух ударил в лицо, ворота разлетелись на куски. У тюремной стены показался человек в одежде арестанта. Он шел к нам, протянув руки, и кричал на ломаном русском языке:

— Спасите! Мы — заключенный. Я — Франция, патриот. Приносить людям свободу. Что может быть прекраснее этого? Нам приходилось переживать это в Белоруссии, Польше, а теперь в Германии.

Француз подошел, и мы увидели его осунувшееся лицо, глубоко запавшие, мокрые от слез радости глаза.

— Много вас здесь? — спросил я. Француз робко оглянулся.

— Сто пятьдесят человек было вчера. Сегодня осталось сто сорок. Десять умерли с голоду и от болезней.

Он рассказал: среди заключенных две русские девушки, много французов, немцев, англичан. Фашистская полиция и охрана удрали. Заключенные находятся не только здесь. В тюрьму превращена даже кирха.

Я протянул французу руку, помог влезть на крыло самоходки.

— Поедемте с нами, покажите, где ваши товарищи. Самоходка развалила каменную стену, и мы въехали во двор.

Я попросил француза построить заключенных. Он торопливо подбежал к выходу в подвал, открыл массивную дверь, окованную железом, громко крикнул:

— Друзья! Выходите! Прибыла Советская армия! Из подвала стали выходить измученные, исхудалые люди. Глаза их отвыкли от света.

Француз так и не смог построить людей. Все кричали, смеялись, одобрительно хлопали по броне самоходки.

Седоволосый старик указал на машину:

— Это — смерть палачам!

Француз подошел к старику, положил ему руку на плечо.

— Это старый немецкий коммунист, рабочий. Он боролся против мобилизации жителей Кенигсберга на оборонительные работы, против создания «фольксштурма». Он говорил: «Немцы, не надо воевать против советских братьев».

Старик радостно улыбнулся.

Заключенные бросали на землю полосатые тюремные халаты и топтали их ногами. Потом стали жадно расспрашивать, когда они смогут вернуться на Родину.

Сквозь толпу пробились две девушки в украинских кофточках. Они плакали и смеялись.

— Дайте же нам побачить своих дорогих освободителей, — говорили они.

Девушки обнимали и целовали самоходчиков.

— Родные вы наши, — приговаривали они.

Не хочется уходить от этих спасенных нами людей, но... надо продолжать бой. Самоходка тронулась, люди бросились за ней, протягивая руки.

— До свидания, друзья! Спасибо, друзья!

Самоходка, набирая скорость, догнала роты Мусатова и Гречина. Вместе с пехотой они уже овладели последним кварталом, который остался у противника. Здесь немцы еще удерживали опорный пункт, уже единственный в Кенигсберге. Это был большой промтоварный магазин. Враг так спешил, что использовал для сооружения баррикады тюки шерстяной и шелковой материи.

Впервые нам пришлось расстреливать такую баррикаду. Захаркин даже подсчитал, что стоимость ее не менее миллиона марок, или 500 тысяч рублей.

С соседних домов полетели гранаты. Они рвались на мостовой, уничтожая отступающих фашистов.

— Сначала я не мог понять, кто кидает их, но когда машина повернулась к нам боком, на ней блеснула цифра 401. Это была самоходка Валентина Мусатова. При-

годился ему боевой опыт Порфирия Бельчикова: вводить в действие все виды оружия сразу, если противник обнаружен на близком расстоянии.

Подразделения Вайнруба начали обходить баррикаду справа, по соседней улице. Вот они, долгожданные тридцатьчетверки! Я знаю, что за ними, где-то совсем близко, идет командирский танк Вайнруба.

Через несколько минут магазин превратился в развалины. Сопротивление врага было сломлено. Наступила непривычная тишина.

Гарнизон, оборонявший Кенигсберг на Одере, состоял из эсэсовских частей и команд «смертников». В нем насчитывалось свыше трех тысяч солдат и офицеров.

У развалин магазина скопление танков, самоходок, людей в синих комбинезонах, и среди них — возбужденный Вайнруб. Он схватил меня за руку и, показывая за город, сказал:

— Смотри на крылатые трофеи — новенькие, целый ряд.

За городом стояли в полной исправности, распластав широкие крылья, немецкие бомбардировщики.

Виноградов принес нам по стакану водки, и мы выпили за успехи прошедшей пороховой ночи. Потом посидели на танке, поговорили о жизни во время учебы в академии, о родных и знакомых.

Глава 19. Огненные смерчи на гнилых болотах

От Кенигсберга до Одера оставалось километров десять. К нам подъехал генерал Кривошеин.

— Нужно наступать без остановки, полностью очистить от врага берег Одера, между Шведтом и Пеетцигом, — сказал он командирам частей, собравшимся около машины. Богданов посмотрел на широкие просторы приодерской поймы и тихо добавил:

— Да, работки здесь вам еще много, друзья! Он на минутку задумался, потом сказал:

— Что ж, попробую ввести в бой все силы корпуса, а зацепимся за Одер — сделаем перегруппировку.

Нашему полку генерал поставил задачу — обеспечить наступление танков до Одера.

С берегов Одера с диким свистом летели болванки. А это значит: придется драться с «фердинандами», очень маневренными и быстроходными машинами. На лесных дорогах в Белоруссии, действуя из засад, «фердинанды» подбивали наши танки. От нас требовалась осторожность, разведка и точность стрельбы.

Евсея Григорьевича особенно беспокоил наш правый фланг, он просил послать туда роту Мусатова. О ней уже знали не только в нашем полку. Экипажи Хоруженко, Воробьева, Бушуева и Шевчука отлично стреляли по подвижным целям. А в предстоящем бою это было особенно важно: сведения о противнике, о местности, по которой предстояло наступать, были неточные. Времени же для подготовки было в обрез.

Мы выработали план совместных действий. Он заключался в следующем: обе части в колоннах должны подойти к приодерской пойме, затем, развернувшись в

боевые линии, двумя эшелонами атаковать врага в направлении Ганзеберг — Пеетциг и выйти к Одеру, прикрываясь кустарниками и придорожными посадками.

Справа, в направлении города Шведт, наступала бригада генерала Бабаяна, слева — Хотимского. В Хотимском я был уверен, как в себе, а вот о Бабаяне знал только со слов начальника политотдела полковника Корякина. Он рассказал, что Амаяк Григорьевич в армии служит четверть века, в боях был на Третьем Белорусском фронте, командовал 338-й стрелковой дивизией.

Генерал родился еще до революции в Турции, в Карской области, и вместе с отцом в детстве убежал от турок в Ереван.

Бабаян — пехотинец, но Вайнруб говорил, что и танки хорошо знает. Сегодня Бабаян дважды звонил мне по телефону, узнавал положение самоходок, просил обеспечить его фланги огнем двух тяжелых рот, требовал выслать к нему офицера связи.

Не менее старательно готовился к новому бою Вайнруб. Перед атакой Евсей Григорьевич говорил:

— Наши части — это бронированный кулак корпуса. Мы должны размахнуться и так ударить фашиста, чтобы он навечно остался в этих приодерских болотах.

— Мне все понятно, — сказал я. — Но я беспокоюсь, как бы ваши танки не отстали от самоходок. Здесь пойма топкая, гнилые болота.

Вайнруб строго посмотрел на меня и резко ответил:

— Рано делать такие выводы.

Мы долго работали с полковником, а потом уселись на срубленных березах и залюбовались поймой, покрытой высоким камышом. На болотных «окнах» тускло блестел лед.

С поймы тянул сырой ветер. Где-то под белой пеленой тумана, ближе Ганзеберга, застрекотал пулемет. Вайнруб прищурил глаза и, приблизившись ко мне вплотную, произнес:

— Беспокоюсь, не обманули ли разведчики Кривошеина? Аллах ведает, когда они были на Одере. Ну, если соврали, я их везде найду.

Мы пошли в свои части.

Захаркин обосновался в бывшем продовольственном магазине. Здесь уже собрались офицеры, и я начал объяснять задачу. Рота Гречина должна обеспечить атаку левофлангового батальона танков на северной окраине Ганзеберга. Мусатов и Муравьев прорываются к селу Пеетциг с правофланговым батальоном танков. Противника надо прижать к реке.

После совещания офицеры разошлись по ротам. Пропустив танки, наш полк направился на рубеж атаки — к пойме.

Западнее Кенигсберга, на опушке леса, у домика лесника, мы встретили Кривошеина. Он изучал подступы к обороне противника, проверял расположение войск.

— Если в Ганзеберге немцы окажут сильное сопротивление, обходите село справа и прорывайтесь к Одеру вместе с танками.

— Понятно, товарищ генерал. На Одере, у Пеетцига, мы сегодня обязательно будем, — ответил я.

Мы с Захаркиным стали осматривать местность. Между нами и обороной врага открывалась широкая равнина, покрытая кустарником. За ней, километрах в трех от нас, окопался противник.

— Выгодное местечко занял немец. Наши машины перед ним, как на ладони, — вздохнул Захаркин.

— А химик у нас на что? Пусть поставит дымовую завесу. Кстати, и ветерок дует к противнику, — сказал я.

Захаркин возвратился из штаба через час.

— Химик решил устроить дымопуск из танковых шашек, — сказал он, усаживаясь на сиденье заряжающего, — это будет большая завеса.

Вайнруб торопился. Настроение у него было радостное. Московское радио только что передало указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему и его брату — генералу Вайнрубу — звания Героев Советского Союза. Это, кажется, был первый случай на фронте, чтобы сразу два брата в один день стали героями.

— Все разом вперед, не задерживайтесь в болотах, — командовал полковник.

Танки тихо поползли по топкой трясине. Нагрузка на моторы была очень большая, из выхлопных труб потянулись черные струи дыма.

Противник открыл огонь из Ганзеберга и Пеетцига. Вайнруб сразу же обратился ко мне по радио.

— Мироныч, ты не забывай, что самоходки — моя правая рука. В Пеетциге должен быть «фердинанд». Займитесь им.

— Займемся, — ответил я Вайнрубу.

Заниматься «фердинандом» было приказано Мусатову. Валентин вместе с Николаем Воробьевым долго искали немецких самоходчиков. Наконец Мусатов доложил, что «фердинанд» занимает позицию под крутым берегом Одера, севернее Пеетцига, и выходит для стрельбы к кустарникам на дорогу. Самоходчики 2-й роты стали следить за «адской» машиной, как ее прозвали солдаты.

Вот послышался шум мотора. Немецкая самоходка ползла к кустам. Затем она остановилась, хотя мотор у нее все еще работал. Видимо, немцы после стрельбы хотели сразу уйти в укрытие. Однако это им не удалось. После выстрела «фердинанд» загорелся.

Химик тоже не подвел: сзади поднялась серая полоска дыма. Она росла, густела, закрывая танки и самоходки от глаз противника. Обстрел прекратился.

Когда дымовая завеса рассеялась, Вайнруб снова повел танки к Ганзебергу. Самоходки не отставали. Водители старались вести машины по кустарникам, обходя места, поросшие осокой и камышом. Там, где кустарников не было, они шли прямо по топи, задевая днищами за грунт, оставляя за собой черные, проглаженные полосы земли и водорослей.

«Отец механиков» — старший техник-лейтенант Куклин вытащил самоходкой утопающий американский танк «шерман» из 35-й мехбригады и повел свою машину дальше.

Среди болот в камышах я встретил Федора Короткова. Он открыл крышку люка и на первой замедленной передаче вел самоходку. На широком лбу его выступили капли пота.

На небольшом островке Федор остановил машину и вылез из нее, чтобы посмотреть, как лучше проехать к Ганзебергу. Справа от него села на днище самоходка Гумара. Он подложил под нее хворост и палки, но она не трогалась с места. Коротков снял трос и зацепил им машину товарища. Самоходки заревели, задымили и, подминая под себя кустарник, вылезли из трясины. Водители были забрызганы грязью, лица их трудно узнать. Гумар обнял Федора и сказал:

— Век, брат, не забуду...

Я забрался в свою самоходку, и тут же прозвучал вызов рации. В наушниках раздался звонкий голос Одарчука: «Ремонтно-эвакуационную группу веду за вами».

— Немедленно догоняйте самоходки, — приказал я. Впереди показался «флагманский» танк Вайнруба.

Евсей Григорьевич говорил по радио с командирами танковых батальонов. Он горячился, кого-то хвалил, кому-то приказывал. Из танка был слышен то грозный, то ласковый голос полковника:

— Левый, чего стоишь, чего ждешь? Обходи батарею. Ну-ну, быстрей! Сам смотрю... Артиллеристы открыли огонь по центральной части села. Это помогло нам ворваться в Ганзеберг. Но противник теперь хлестал нас снарядами из Пеетцига.

Боевые машины двигались уже не в линии, а огромной стальной толпой. От могучего потока дрожала размягшая земля. Несколько боевых машин застряло в первой траншее, но их сразу же обогнали другие. Ганзеберг был взят. Немцы толпами шли навстречу танкам с поднятыми руками.

Ближайшая задача была выполнена.

Для обороны Ганзеберга я оставил роту Гречина, а весь полк повернул вправо к Пеетцигу. Большую часть своих танков Вайнруб тоже направил к Одеру. За танками следовала пехота нашего славного Красноградского механизированного корпуса.

По сигналу «буря», переданному из флагманского танка, атака возобновилась. К Пеетцигу, расположенному в лощине, на берегу Одера, с трех сторон двинулись наши войска. Запылали дома. Из пеетцигских садов к самоходке Хоруженко на голубой, открытой легковой машине «оппель адмирал» на большой скорости выскочили пьяные фашисты. Их было пятеро. Они размахивали фаустпатронами и строчили из автоматов. Самоходчиков выручил их старый друг — Муравьев. Он скомандовал:

— Взводу лейтенанта Оличева выслать одно отделение, оседлать дорогу на Пеетциг, двумя отделениями обстрелять машину противника огнем из автоматов, перекрестным.

Оличев бросился к дороге вместе с Земсковым и Головачевым, за ними побежали другие солдаты. Через несколько секунд взвилась ракета, и фашисты оказались в огненном кольце. Все они сдались в плен. Трофейную легковую машину мы передали командиру 35-й мехбригады генералу Амаяку Григорьевичу Бабаяну как подарок от самоходчиков, как память о боях на гнилых болотах.

В Пеетциг ворвались самоходки Гречина. Они оцепили село и остановились на его окраинах.

Перед нами был Одер. Яркие лучи солнца освещали обширную водную гладь.

— Покурите, товарищи, — сказал я по радио.

Самоходчики вышли из машин. Над ними закудрявился синий табачный дымок. Возбуждение от удачного боя еще не улеглось.

Ко мне подошел Захаркин.

— Положение усложняется, — сказал он вполголоса, — противник сосредоточивается у Штаргардта. Штаб корпуса поставил нам новую задачу.

Мы склонились над картой. В районе городов Бан, Штаргардт и Штеттин разведка обнаружила крупные вражеские силы. Нам предстояло до подхода стрелковых частей драться за Бан.

— Ясно! — сказал я. — Сейчас же поворачиваемся назад и идем к Бану.

Глава 20. Восемь тяжелых суток

В ночном мраке едва виден город Бан. Позади нас — холодные волны озера Лангер-Зее. Справа и слева — открытое поле. Уже целые сутки не утихает ветер и дождь.

Самоходки роты Мусатова разместились в окопах. В нескольких десятках метров от них залегли автоматчики Муравьева. Немцы совсем близко. То и дело раздаются выстрелы пушек.

Вчера я пришел в роту Мусатова из Мариенталя, расположенного по ту сторону озера Лангер-Зее, чтобы проверить позиции. Но немцы захватили дорогу между Баном и Мариенталем, и мне пришлось остаться у Мусатова. Рота находится в трудном положении: боеприпасы на исходе, рации не работают.

Справа наступает 1-й мотострелковый батальон 19-й мехбригады капитана Протасова. Он несет большие потери, и в нем теперь не наберется даже роты.

В лесу, в трех километрах левее, сражается бригада Хотимского, но связь с ней нарушена.

Бой за город Бан длится уже 8 суток, а стрелковых частей, которые должны подойти от Вислы, все нет и нет. Осмотрев позиции, я приказал Мусатову уточнить количество боеприпасов. Под его машиной собрались командиры самоходок Хоруженко, Мухортов, Заев, Шевчук, Бушуев.

Со снарядами дело оказалось хуже, чем я думал. Один у Хоруженко, два у Мусатова, у остальных ничего нет. Да и патронов маловато. За ними вчера послали двух автоматчиков, оба были убиты у железнодорожной будки, вблизи от полкового тыла.

— Надо послать самоходчика. Может, кто добровольно захочет пойти, — говорю я.

— Сержант Головлев просился, — отозвался Хоруженко.

— Вот его и пошли. Пусть только ко мне сперва зайдет.

Командиры поспешили к своим машинам.

От Муравьева я пошел к автоматчикам. Возвращаясь оттуда, остановился у самоходки Хоруженко и услышал, что Тихон с кем-то разговаривает. Узнал голос Юры, нашего воспитанника.

— А если немцы до утра подойдут к озеру, как же ехать утром за завтраком? — спрашивал мальчик.

— Не бойся, сынок, у меня в мешке есть сухари. Утром поедим, а потом...

— Что потом?

— Двинем самоходки и расчистим дорогу в тыл. Понятно?

— Понятно.

Я открыл крышку люка.

— Юра, как ты сюда попал?

Мальчик смущенно потупился, а потом тряхнул черными кудрями и громко ответил:

— Меня взял лейтенант Хоруженко. Вы же сами говорили, что надо быть там, где трудно и опасно.

Неуверенно подал голос Хоруженко:

— Я давно хотел вас просить, товарищ командир, записать Юру мне в воспитанники. Он ведь сирота: мать угнали немцы, отец на фронте, неизвестно где, да и жив ли? А у нас с женой детей нет.

— А Полина Ивановна протест не напишет?

— У меня жена очень добрая, детей любит.

— Что ж, дело хорошее, — сказал я. — А ты. Юра, согласен?

— Согласен, — мальчик крепко обнял Тихона.

Невдалеке от самоходки разорвался снаряд. Взрывной волной меня швырнуло на землю. Со стороны Бана и Либенова послышалась пулеметная стрельба. В воздух взлетели ракеты. Стало видно, как к позиции роты, рассыпавшись по полю, приближается немецкая пехота.

Фашисты идут в полный рост. Мы не стреляем. Но немцы, видимо, опасаясь внезапного огня, начинают двигаться короткими перебежками. Потом снова ползут.

Я побежал к Мусатову. Увидев меня, он быстро открыл люк.

— У немцев нет танков, атакуют одной пехотой, — сказал он, заряжая автомат.

— Пускай в ход пулеметы и осколочные снаряды.

— По пехоте из зенитных пулеметов — огонь! — закричал он.

Огненные струи трассирующих пуль хлестали и из соседних самоходок.

Немцы залегли в ста метрах от нас.

— Добивай стервецов! — крикнул Мусатов и выпустил длинную очередь из автомата.

Немцы, встретив сопротивление, двинулись на правый фланг, чтобы отсечь самоходку Хоруженко.

Мусатов дал Тихону сигнал ракетой, но ответа не было.

— Плохо дело! — проговорил Валентин.

И вдруг рядом с самоходкой показался Головлев.

— Немцы кругом, — сказал он. — Еле выбрался... Патроны кончились.

— Быстро давай к Хоруженко, — распорядился Мусатов. — Скажи, пусть отбивается из автоматов. Вот, возьми гранаты.

Головлев исчез.

Прошло четверть часа, и мы снова увидели сержанта. Голова его белела свежей повязкой.

— Как прошел? — спросил Валентин.

— «Лимонки» выручили. Прыгнул в яму, забросал немцев гранатами, а сам скорее к самоходке Хоруженко. Шел обратно, немцев уже не было, самоходчики отбили их автоматным огнем. Да вот голову немного царапнуло.

— Молодец! А теперь готовься идти в Мариенталь, — сказал я.

Мусатов дал Головлеву еще гранат, и он отправился в трудный и опасный путь.

Вскоре появился Хоруженко и сообщил, что немцы прекратили атаки. Кругом тихо.

Томительно тянулось время. Казалось, враг притаился в темноте и собирается с силами, чтобы снова двинуться в атаку. А чем мы его встретим?

Ночь была темная, дождливая. К нашим самоходкам могли незаметно пробраться фашистские разведчики или, что еще хуже, «панцирфаустники». Эти мысли, видимо, тревожили и Мусатова.

— Организуйте патрулирование перед фронтом роты, — приказал я.

Охрана самоходок в создавшейся обстановке имела особое значение.

Однако выслать патрули оказалось не так просто. Автоматчиков осталось немного, к ним на помощь мы послали заряжающих из экипажей самоходок. Один из них, сержант Дмитрий Антонович Косарев, сибиряк из Кургана, подошел ко мне:

— Разрешите обратиться, товарищ подполковник! Сержант стоял передо мной в сдвинутом на затылок шлеме, ватной стеганке, перехваченной в поясе солдатским ремнем, в ватных брюках, которые не входили в голенища кирзовых сапог, образуя над ними напуск. Даже в темноте было видно, как озорно и смело блестели его глаза.

— Ну, что у вас? — спросил я.

— Хочу напасть на немецкий дозор. За буртами картофеля есть немцы. Сам видел.

— Действуй, но осторожно!

Сержант словно растворился в темноте. Я услышал только его хриповатый басок.

— А ну, пехота, за мной! Только не шуметь! Через некоторое время сержант Косарев привел пленного — высокого ефрейтора. И двух «тотальных» солдат. Один из них — совсем мальчишка, лет 17, смотрел волчонком, поддерживая левую, раненую руку. Второй — пожилой, долговязый, трясся от страха и, увидев нас, закричал:

— Гитлер капут!

Но ефрейтор повел бровью, и он замолчал, поперхнувшись.

От языков мы узнали, что у немцев нет боеприпасов и что они хотят главные силы отвести за Одер.

Близился рассвет. В посветлевшем небе загудел немецкий разведчик. Он помигал бортовыми огнями, а потом в воздухе появился беленький парашют. Он опустился недалеко от наших пехотинцев, доставив на землю ящик белого цвета. А через несколько секунд раздался сильный взрыв. Это была мина замедленного действия. Несколько пехотинцев были ранены, а Герой Советского Союза, младший лейтенант Кривощеков убит.

Я взглянул на часы — начало третьего. Головлева нет же более двух часов. Неужели погиб?

Вынужденное бездействие невыразимо тягостно. Мы с Мусатовым чутко прислушивались к малейшему шороху. С немецких позиций подул ветерок, и вкусно

запахло жареным мясом. Видимо, там готовили завтрак. Страшно захотелось есть. Мусатов даже вздохнул:

— Сейчас бы горяченького борща. Мог бы съесть котелок без оглядки.

В камышах на озере Лангер-Зее ахнули разрывы гранат. Потом все стихло. Мы с тревогой всматривались в предрассветную мглу. Вдали показались две человеческие фигуры. За плечами у каждого был какой-то груз.

— Стой! Кто такие? — крикнул Мусатов.

— Свои... Завтрак несем...

— Да ведь это два друга — Комар и Зюльев, — узнал я и послал двух солдат им навстречу.

— Прибыли наши кормильцы, — ласково сказал Мусатов.

— А где люди с боеприпасами? — спросил я.

— Едут, недалеко отсюда, вместе прорывались через немецкий заслон. Слышали шум в камышах?..

Комар и Зюльев были мокрые. Они с термосами плыли через озеро, их обстреляли. В камышах они гранатой убили двух немецких дозорных и добрались до нас. Левее шла самоходка, которую вел Головлев.

— Бельчиков верно говорил, что крепости берут кашей и лопатой, — философствовал Мусатов, уписывая горячий борщ.

Повеселевшие самоходчики разошлись по машинам. Рассвело. Дождь кончился, и утро стало ясное, погожее. И как-то сразу все поняли, что наступила весна. Для нас это было неожиданностью. В боях и походах не замечали, что небо с каждым днем становилось синее, солнце крепчало жаром. Зажелтел суглинок на брустверах окопов, воронки наполнились водой.

Разбухшая, прогретая солнцем земля, задышала испариной. На березке, возле наших самоходок, набухли почки. Из ее белого ствола, израненного осколками, стекал сок. Бывший председатель колхоза Муравьев уже тоскует о земле. Он вздыхает полной грудью и говорит:

— Благодать-то кругом какая, товарищ подполковник. Землица посева ждет. А ее железом засевают.

Со стороны Мариенталя послышался знакомый глухой гул.

— Едет! Головлев едет! Не подвел! Вскоре показалась самоходка Кириченко. Из люков выскочил экипаж: Кириченко, Болдырев, Городенцев, Холопов. Товарищи пожимали им руки. Головлев подошел ко мне.

— Привезли все, что надо. В Мариенталь пролез вдоль озера камышами, два раза обходил немецкие дозоры, поэтому и задержался.

Я крепко пожал руку сержанту. Кириченко сообщил мне, что передовые стрелковые части уже гонят немцев к Либенову.

— От озера противник отошел. Мы проехали без боя. А вот вам приказ от Кривошеина. — Кириченко подал пакет с сургучной печатью.

Все облегченно вздохнули: наконец-то можно будет покинуть это грязное поле, которое солдаты уже успели прозвать «банным котлом». Теперь мы снова соединимся со стрелковыми соединениями. Нелегко было без них.

Самоходчики, обступив меня, смотрели, как я вскрываю конверт. В нем судьба полка.

— Что, двинем вперед? — нетерпеливо спросил Валентин.

Я прочел приказ и ответил:

— Нет. Сначала пройдем десять километров на восток, к Пиритцу, а уже оттуда ударим вместе с Ершовым на Брюнкен, Клебов, Альтдамм — до самого Балтийского моря.

Командование приказало полностью очистить от немцев побережье Одера и южный берег Балтики. Надо было срочно организовать выход боевых подразделений полка на исходные позиции. Но сделать это было нелегко: машины с ротным имуществом буксовали в непролазной грязи. Автоматчики, изнуренные длительным боем, изо всех сил старались вытащить их, толкали сзади. Но грузовики словно вросли в вязкую глинистую почву. Прошло около часа. Самоходки давно уже были на шоссе, а машины все еще стояли на месте.

Неожиданно со стороны Мариенталя послышался гул моторов. Все вскочили.

— Ура! Одарчук тягачи ведет!

— Теперь живем, ребята!

Тягачи сделали свое дело. Надрывно гудя, они тащили севшие на диферы грузовики, вспахивая ими вязкую, разбухшую от влаги землю.

Мы двинулись на Пиритц и скоро увидели ровные ряды домиков с красными черепичными крышами, высокие трубы заводов; реку Мюль-Грабен, змейкой убегающую в долину.

Самоходки, не останавливаясь, прогрохотали по узким улицам Пиритца и устремились на север, откуда доносились звуки боя.

Глава 21. Фронтовой шофер Юдин

Дорога, по которой идет наступление к южному побережью Балтийского моря, донельзя разбита танками, а они все идут и идут, шлепая гусеницами по лужам.

Наш полк остановился сбоку от дороги. Ждем, когда пройдет 19-я механизированная бригада полковника Владимира Васильевича Ершова, чтобы следовать за ней к месту боя. Самоходчики группами собрались под брезенты и, укрываясь от дождя, следили за танкистами. Я лежу под самоходкой, просматриваю карту. Вдруг слышу тревожные голоса самоходчиков:

— Братцы, Юдина под конвоем ведут...

— Пропадет парень, видно, в штрафную попал.

Я выскочил из-под самоходки и был поражен увиденным. Петя Юдин, весь промокший, ссутулившись, шагает по дороге под конвоем старшего сержанта. Я подошел к конвоиру.

Старший сержант доложил, что Юдин своей легковушкой задержал движение колонны танков к месту боя на двадцать минут, и командарм Богданов приказал отправить его в штрафную роту...

— Да не виноват я, — крикнул Юдин.

Я обещал добиться у командующего оправдания Юдина. Однако конвоир наотрез отказался отпустить его. Тогда Салихов завел самоходку и быстро поехал по дороге. Конвоир отбежал в сторону, а Юдин в это время нырнул в густой кустарник. Прозвучали выстрелы из винтовки, но поздно.

Группа штрафников ушла. Мной овладела тревога. Где теперь Юдин? Ведь мы нарушили приказ самого командарма!

Весь день от Юдина не было никаких вестей, и кто-то уж стал поговаривать, что Петр дезертировал. Я не верил в это.

Наступила ночь. Дождь все не прекращался. Полк остановился на привал. Лежа на скамье в штабной машине, я снова подумал о Юдине. «Далеко ушел полк, не найдет нас Юдин». Мои мысли прервал осторожный стук в дверь. Я открыл ее и заулыбался. Передо мной стоял мокрый и дрожащий Юдин.

— Входи, Петро, знал, что ты придешь.

Я дал ему старую шинель. Он переоделся и с жадностью стал есть оставшуюся в котелке гречневую кашу.

— Что теперь нам будет? — спросил он и добавил: — Я все перенесу, товарищ командир, а вот вас подвел. Ни за что можете пострадать.

— Ты не прав, Петя. Ты думаешь только обо мне и о себе, а командующий отвечает за успех всей операции. А иногда 20 минут решают судьбу армии. Ясно?

— Понял... что же нам теперь делать?

— Будем просить у Богданова пощады, — сказал я. Но и этого делать не пришлось. Только забрезжил рассвет, Семен Ильич сам появился в нашем полку.

— Миронов, — сказал он, — машину у меня немцы подбили, дай свою легковушку. Нужно проехать в первый эшелон.

У меня сердце словно оборвалось: сейчас Богданов узнает Юдина и начнет метать «громы и молнии». Но Юдин, быстро оценив обстановку, надел новый синий комбинезон, взял у Салихова танковый шлем, нахлобучил его на глаза. Я тем временем пытался отвлечь внимание генерала от Юдина. Петр четко представился командующему.

— Ты что-то бледен, сынок, не болеешь? — спросил Богданов, пристально посмотрев на шофера. Но тот быстро ответил:

— Никак нет, товарищ командующий, я вполне здоров.

Богданов сел в легковушку, и они быстро поехали в ту сторону, где грохотал бой. Командующий не узнал Петра. Казалось, все обошлось. Однако тревога за Юдина полностью не исчезла.

— Вот подождите, конвоир доложит Богданову, и он Петру еще даст «прикурить», — беспокоился Виноградов, мой адъютант.

Часа через три Богданов вернулся. Танковый шлем Юдина был пробит осколками.

— Молодец ваш шофер, — сказал Семен Ильич. — Проехал прямо под носом врага. А воронки и рвы преодолевает, как циркач. Представить его к награде!

Тогда я сказал Богданову:

— А вы знаете, что награждаете арестованного?

— Как так?

Я напомнил Богданову о его вчерашнем решении.

— В боях такие дела бывают, — задумчиво произнес он и замолчал.

Все ждали, что будет дальше. Командующий медленно, но четко приказал: — Арест и награждение отставить!.. Юдин виновато улыбнулся, и мне показалось, что глаза его повлажнели.

Богданову подали бронетранспортер, и он уехал.

Глава 22. Жаркие денечки в Клебове

Стрелковые части мехбригады полковника Ершова уже атаковали противника и вклинились в его оборону. Наш полк поддерживал наступление этих частей.

Во время Белорусской операции 1944 г. мне пришлось быть у полковника Ершова заместителем по строевой части. Поэтому я хорошо знал Владимира Васильевича.

Он был коренной москвич. Там окончил академию имени М. В. Фрунзе, и жену Евгению Андреевну на время войны тоже в Москве оставил. На своей должности с начала организации корпуса. Был в окружении под городом Белым в 1942 г., затем громил фашистов на Курско-Орловской дуге, на Украине и в Белоруссии.

...Не встречая серьезного сопротивления, его бригада продвигалась вперед тремя колоннами к рубежу Клебов — Брюнкен. Вот здесь-то противник и открыл сильный огонь по всем колоннам сразу. Но наступательный порыв не ослабел. Сказывались боевой опыт и выучка войск, чего так недоставало в первый год войны. Тем не менее бой предстоял тяжелый. В обороне врага появились танки.

Село Клебов небольшое — два ряда аккуратных белых домиков, позади него густой хвойный лес. А за ним — Одер. Немцы понимали, если мы прорвемся на этом участке, Штеттин с гаванью и мосты через реку будут открыты для обстрела.

Отбросив немецкую пехоту к лесу, бригада Ершова начала закрепляться в поле, за селом. Полковник Ершов лично руководил оборудованием позиций.

17 марта 1945 г. мне пришлось проехать в Кортенхаген, большое село в трех километрах восточнее Клебова. Там был штаб Кривошеина. Генерал был очень утомлен, беспрерывно говорил по радио с бронетранспортера, за рулем которого сидел мой земляк Макаров. Кривошеин сказал, что нужно держать ухо востро и быть готовыми к бою с танками, поддержать 19-ю Слонимскую и Померанскую бригады.

Не успел я отъехать от Кривошеина и двухсот метров, на его машину налетел вражеский бомбардировщик. Ударили зенитные пушки. Макаров бил по стервятникам из пулемета.

Один самолет загорелся, а второй все-таки сбросил бомбу. Федя упал на баранку транспортера. Правая нога была в крови. Санитары понесли его к санитарной машине.

Я разместил полк в нескольких километрах позади бригады Ершова. Оставив за себя Пажитного, поднялся на холм. Отсюда в бинокль видно поле боя. Немцы рыли окопы.

На опушке леса показались вражеские танки, за ними шла пехота. Я пересчитал танки — сорок штук. В направлении Клебова вышло еще пятнадцать.

Бригаде Ершова грозили «стальные клещи». Опасность нависла и над тылами корпуса. Если пехота не выдержит контратаки, тылы будут неминуемо уничтожены.

Серые машины с черными крестами на бортах выбрасывали языки желтого пламени. С ходу обстреляв позиции пехоты, танки ворвались в Клебов. Ершов нервничал, пытался остановить танки огнем из пушек бригадного артдивизиона капитана Валентина Миллера. У Миллера было пять исправных орудий. Их расчеты стреляли до последнего снаряда.

Я был свидетелем подвига нашего земляка Александра Давыдовича Фадеева. Почти все наши орудия вышли из строя, и Фадеев, ползая от одной пушки к другой, на ходу ремонтировал. От разрыва фугасных снарядов взлетала земля, засыпала худенькое тело Фадеева, полушубок его обвис клочьями. Отряхнувшись от грязи и пыли, он снова полз к подбитым пушкам и тащил за собой сумку с инструментом и запасными частями. Силы были не равны. Ершов выдвинул против танков саперную роту с минами, но минировать подступы к Клебову уже было поздно. «Тигры» шли прямо на нас. Тогда Кривошеин потребовал от меня ввести в бой тяжелые самоходки.

Пажитнов повел полк к Клебову, а я направился к Ершову.

Добраться до блиндажа Ершова оказалось нелегко: противник обстреливал его из пулеметов. Пришлось ползти по-пластунски. Увидев меня, он пошел навстречу.

Наконец-то ты прибыл. Нужен просто до зарезу.

— Какая будет задача? Самоходки подходят.

Полковник по карте наметил план атаки: самоходки отбивают контратаку немецких танков, затем обеспечивают атаку мотопехоты и танков Бортовского в направлении Клебова и соснового леса.

Я посмотрел на Ершова и удивился: за последние сутки лицо его побледнело, покрылось густой сетью морщин.

Его мужеству и удивительной работоспособности в этих адских условиях борьбы с превосходящими силами фашистов мог позавидовать каждый из нас. Мне вспомнились бои на Кировоградском направлении под Новгородкой, Севернее Бреста, под Видомлей и Пелищами, на Украине, в Казачьей Лопани. Владимир Васильевич буквально под носом нападающего противника с небольшой горсткой людей отстаивал тот клочок земли, который отводился его бригаде. В бригаде Ершова была эмблема-ромбик с буквой «Е». Эту эмблему нарисовали шоферы на машинах, танкисты — на танках, артиллеристы — на пушках. Все они с гордостью называли себя «ершовцами».

...Когда все было согласовано, я добрался до самоходок. Пажитнов уже перестроил их в боевую линию.

Он разместил роты за небольшими высотками так, что немецкие танкисты, не замечая самоходок, подставляли нам свой открытый левый фланг. Они преследовали нашу пехоту.

— Командуйте ротами! — приказал я Пажитнову.

Он включил передатчик.

— Слева, в лощине, немецкие танки. Сосредоточенным!.. Всеми ротами!.. Бронебойными! Уничтожить!..

Вспыхнуло пламя разрывов. «Тигры» остановились, а затем начали спешно расползаться по укрытиям — в кусты, за высотки и оттуда открыли огонь по ма-

шинам, пробравшимся к опушке соснового леса и к Клебову. Завязалась большая артиллерийская дуэль. Роты Иванова и Мусатова подожгли пять вражеских танков.

Навсегда останутся в моей памяти смелые действия экипажа младшего лейтенанта Н. С. Воробьева. Когда наводчик был убит, он сам сел к орудию. Самоходка обошла село, занятое немцами, и неожиданно начала стрелять по «тиграм» с тыла. Противник отошел с занятого рубежа.

Немцы сосредоточили по самоходке артиллерийский огонь. Галкин, водитель машины, дал задний ход и начал выходить из-под обстрела. И вдруг — прямое попадание снаряда в самоходку! Галкин тяжело ранен. Воробьев отправил Галкина в тыл с автоматчиками на самодельных носилках, а сам увел самоходку на опушку леса и снова открыл огонь, но теперь уже по пушке, которая ранила его механика.

Наша пехота воодушевилась. Рослый солдат с орденом Красного Знамени на груди поднял над головой автомат, крикнул своим товарищам, показывая на самоходки:

— Гляди, други, какая у нас против «панцирей» сила!..

— А как же, братцы, воевать будем? В роте все офицеры погибли, — развел руками худощавый пехотинец.

— Без офицеров и нас за понюх табаку перебьют, — процедил кто-то.

Но тут, словно из-под земли, вырос начальник штаба 19-й мехбригады подполковник Юрий Мясников.

— А ну, братцы, покажи гвардии, что мы не хуже ее. За мной...

Солдаты вскочили, бросились за офицером и продвинулись к Клебову. Однако огонь противника был плотный. Чтобы не понести лишние потери, Ершов приказал залечь и вызвал бомбардировочную авиацию. Взаимодействие родов войск было восстановлено. В небе появились бомбардировщики. А выше их, на солнечной стороне, патрулировали истребители.

Бомбардировщики пикировали на лес. Могучие сосны качались и стонали от разрывов бомб.

Наше наступление возобновилось. Вслед за пехотой самоходки двинулись к Клебову, там снова разыгралась огненная буря.

У дороги, за Клебовым, Хоруженко заметил большую группу немецкой пехоты и направил туда свою машину. Немцы падали на колени, поднимали руки, кричали по-русски:

— Плен!.. Плен!..

Но сдавались не все. Противник по-прежнему оказывал отчаянное сопротивление.

Самоходка Гумара Салихова пошла к немецкой минометной батарее. Ее встретил плотный огонь. И хотя машина ворвалась на вражеские позиции, Гумар был ранен. Мы подъехали к нему. Он стоял разгоряченный, сплевывал кровь и просил воды. Виноградов подал ему флягу. Гумар с жадностью припал к ней.

Я поздравил героя. Он вяло улыбнулся и зажал рану грязной рукой. Появилась Людмила с санитарной сумкой и вскрикнула:

— Что ты делаешь, Гумар, заражение крови будет. Она ловко забинтовала голову механика и сказала:

— Воевать еще будешь. Но нужен отдых.

Салихов с ожесточением сплюнул: «Эх, гнался за „тигром“, а под руку попалась минометная батарея!».

Военный совет 2-й танковой армии приказом от 17 марта 1945 г. наградил Салихова орденом Красного Знамени.

Смело действовали и другие самоходчики. Машину Коростелева встретили немецкие «панцирфаустники». Они стреляли по самоходке из кюветов. Вокруг машины взметнулись разрывы. Но Павел не растерялся. Он через люк забросал немцев гранатами, заряжающий бил из автомата через револьверное отверстие.

Прорвавшись сквозь вражеский заслон, самоходки понеслись дальше, к лесу. Туда, по дороге, длинной вереницей тянулись грузовые машины, фургоны, цистерны, кухни. Коростелев с ходу врезался в немецкий обоз.

Из леса показалось штурмовое орудие. Ствол его медленно поворачивался к машине Коростелева. На выручку ему спешил Александр Болдырев. Его самоходка ударила «штурмовика» в борт и смяла.

Бой под Клебовым окончился полным разгромом врага. Наступило затишье. Впереди были Брюнкен, Альтдамм и Штеттин.

Глава 23. Прощай, боевой товарищ

О планах дальнейшего наступления я решил посоветоваться с командирами рот, на местности изучить положение противника. Побывав в ротах у Мусатова и Иванова, мы с Виноградовым направились к Гречину. Шли долго, раздвигая обгоревшие кустарники, перескакивая через окопы.

Показалось шоссе, протянувшееся вдоль Одера, гладкое и блестящее, как застывшая смола. Уже виднелись самоходки Гречина и бронетранспортеры нашего взвода связи.

Невдалеке от нас разорвался снаряд, и воздух ударил в лицо. Мы легли. Начался огневой налет. Снаряды с воем проносились над нами и рвались на шоссе, вздымая обломки асфальта, рвали на клочья и без того истерзанную землю.

Виноградов повернул ко мне лицо. Брови сдвинуты.

— Эх, будь я на месте Гречина, отучил бы фашистов портить дороги. Мой адъютант в свое время отлично командовал взводом легких самоходок. Что если поручить ему первую роту? Ведь там давно нет командира.

— Как думаешь, Дмитрий, — спросил я, — кто командовал легкими самоходками, справится с тяжелыми?

— Конечно! Немного подучится и овладеет.

— Так вот, принимай командование первой ротой.

Виноградов вспыхнул от радости.

— Спасибо, товарищ подполковник.

Снаряды начали рваться совсем близко. Дмитрий дернул меня за рукав. Видно, он стремился спасти командира.

— Товарищ командир, в укрытие. Убить могут.

Я лег в воронку, а Виноградов не вместился в нее. Правда, может быть, как-нибудь мы и потеснились бы, но он, видимо, не захотел стеснять меня и остался на открытом месте. Осколок пробил ему живот.

— Виноградов, что с тобой? Вставай!..

Он молчал. Лицо стало землянисто-серым. Я оторвал кусок от нательной рубашки и перевязал Дмитрия.

Последний раз Митя посмотрел на меня каким-то далеким, грустным взглядом. На глазах выступили слезы. Он хрипло сказал:

— Четыре года страдали вместе, а теперь вот расстаемся. Жене Анне Ивановне не пишите, может быть, я сам...

Виноградов часто задышал и умолк. Мимо проходил бронетранспортер со связистами. Мы положили на него раненого.

Машина уехала, а я пошел в роту Гречина. Все время мне казалось, что позади, за мной, как и раньше шагает Виноградов...

Вернувшись на КП, я позвонил полковому врачу майору медицинской службы Ивану Дмитриевичу Попику в 558-й медико-санитарный батальон. Он сказал, что состояние Виноградова очень тяжелое. Ночью Дмитрий скончался.

На следующий день из медсанбата сообщили, что перед смертью Дмитрий пришел в сознание, продиктовал медсестре письмо и просил передать его мне. В письме было написано:

«Дорогой товарищ командир!

Чувствую, что плохой из меня жилец. Но пусть знают мои родственники и однополчане, все знакомые люди, что я старался сделать все, что мог, для счастья своей Родины.

Прошу передать однополчанам: я очень любил их и очень тяжело переживаю разлуку с ними. Вот только не хочется умирать на чужой стороне, вдали от Родины. Лучше бы лежать в родной земле у села Красная Горка, под Калинином, где живет моя семья. Там Анюта могла бы прийти на могильный холм с дочкой Машей и сыночком Витенькой и посадить цветы, которые я так любил».

Боевая обстановка не позволила отправить тело Виноградова на Родину. Похороны его состоялись в селе Руфен на Одере (ныне Польская Народная Республика).

Майор Осадчий произнес у могилы речь. Вспомнил боевые дела Дмитрия в Кюстрине, Кенигсберге, в Бане, под Клебовым. Иван Иванович Холопов сделал три выстрела из самоходной пушки.

На дощечке, прибитой к обелиску, написали:

«Офицер Советской Армии, комсомолец Дмитрий Павлович Виноградов, уроженец села Красная Горка Молоковского района Калининской области. Погиб в бою с немецкими фашистами при наступлении на Альтдамм 22 марта 1945 года».

Проходившие мимо могилы немецкие крестьяне сняли шапки и низко поклонились красной звездочке, заблестевшей на обелиске. Она ярко горела среди мрачных железных крестов немецкого кладбища.

Военный совет 2-й танковой армии наградил Виноградова посмертно орденом Отечественной войны 2-й степени.

Я написал письмо Анне Ивановне Виноградовой — жене моего покойного адъютанта и фронтового друга. Трудное это было письмо — ведь утешить горе вдовы невозможно.

Глава 24. Герои Брюнкена

Брюнкен — большое немецкое село, раскинулось на восточном берегу Одера, недалеко от устья реки. Вокруг сосновый лес. Село лежит, словно в зеленой подкове. Западный конец Брюнкена, изгибаясь, упирается в серебристую ленту реки. Место очень красивое. Сейчас это один из опорных пунктов Одеро-Нейссенского оборонительного рубежа. Он прикрывает подступы к Берлину.

Главная улица села, сады, огороды исполосованы окопами. Вдоль дороги и строений — минные поля, перед окопами — колючая проволока в несколько рядов, в подвалах домов «панцирфаустники», между построек установлены длинноствольные пушки. В селе располагался вражеский резерв — до полка пехоты с танками.

Командарм Богданов приказал генералу Кривошеину овладеть Брюнкеном. После длительной разведки и оценки обстановки вызвал к себе на наблюдательный пункт в село Гарден, расположенное в трех километрах восточнее Брюнкена, командира 35-й мехбригады генерала Бабаяна, командира полка средних самоходок Героя Советского Союза майора Данилюка и меня.

Семен Моисеевич назвал Брюнкен «бельмом на глазу», которое надо срочно устранить, чтобы не дать ему разрастись. Из двух самоходных полков генерал создал самоходно-артиллерийскую группу. Таким образом, впервые у нас в корпусе планировалось массированное применение самоходной артиллерии для поддержки наступления мехбригады. Задача новая. Результат эксперимента интересовал всю армию.

Мы решили не переподчинять роты самоходно-артиллерийских установок командирам мотострелковых батальонов, а поставить самоходчикам задачи.

Когда части сосредоточились в лесу восточнее Брюнкена, на наблюдательный пункт, оборудованный саперами на опушке леса, прибыл генерал Бабаян. Ему около пятидесяти, но выглядит гораздо моложе, хоть глаза и покраснели от бессонницы. Лицо полное, широкое, без единой морщинки, щеки, словно налитые, и сам он тучный, большой, но по-юношески подвижный.

Бабаян обратился к Данилюку, одетому в форму танкиста.

— Вы молоды, энергичны. Кажется, недавно из комсомольцев в кандидаты партии приняты. Вот и задачу я подобрал вам как раз подходящую. Ваш полк с двумя ротами танков обойдет Брюнкен с юга и решительной атакой овладеет западной окраиной села. Задача ясна?

— Рад стараться, товарищ генерал, — вытянулся Данилюк и поспешил к роще, где стоял его полк.

Затем Амаяк Григорьевич в упор посмотрел мне в лицо.

— Ну, а мы, товарищ Миронов, будем наступать в главных силах, на восточную окраину села. Атака с семи утра. Самоходки в последние десять минут артпод-

готовки должны дать мощный огневой налет по Брюнкену и двигаться с танками вперед. Да не забудьте выделить две роты самоходок для боя ночью, они будут вместе с пехотинцами и танкистами улучшать исходные позиции пехоты. Мы не можем наступать на высоту из болота.

Разыскав начальника штаба полка майора Захаркина, я отправился с ним в роту Валентина Мусатова, куда приказал собраться всем командирам подразделений.

Мусатов сидел в кювете с командиром мотострелкового батальона.

— Я раньше требовал и теперь настаиваю, — говорил он, — танкисты и пехотинцы должны ставить самоходчикам задачи, как положено. А у нас что получается? Самоходчик, поехали... А куда? Зачем? Разбирайся как знаешь.

Захаркин остановился и сказал:

— Давайте послушаем, что скажет пехота.

— А я думаю, что самоходка это все равно, что испорченный танк, у которого конструкторы необдуманно отняли пулеметы и заклинили башню, — пошутил комбат.

Но Мусатов не заметил шутки.

— А скажите, что возьмете в поддержку: роту самоходок или батарею полевых пушкарей? — запальчиво спросил он.

— Мне пора идти, — поднялся комбат. И уже откровенно смеясь, хлопнул Мусатова по плечу: — Самоходки возьму, Мусатыч, и обязательно под твоим командованием, ведь я знаю, что ты не боишься ни черта, ни дьявола, да потом ведь твои «пушки» сами бегают и «лапти» у них хорошие.

Вскоре стали собираться командиры рот. Из-за кустов вышел майор Осадчий.

— Где был? — спросил я его.

— В подразделениях «мотался». Солдаты задачу понимают, но многие беспокоятся за успех ночного наступления правее дороги. Уж очень условия тяжелые: болота, а враг на высотке.

— Тяжела шапка мономаха, а надевать ее надо, — ответил я. — Если не улучшим исходные позиции до утра, утонем в болотах и не возьмем Брюнкена. Но солдаты правы, и часть самоходок мы пошлем вдоль дороги.

— Когда стемнеет, пойду в те роты, — сказал замполит. Когда собрались все командиры рот, я лег с ними на бруствер глинистого окопа. Надо было организовать взаимодействие между подразделениями, обеспечить снабжение их в бою боеприпасами и горючим.

С Мусатовым и Ивановым пришлось разговаривать дополнительно. Им предстояло наступать ночью и днем по наиболее трудной местности, по болоту. Особенно тяжел был путь правее дороги на Брюнкен. Пожалуй, эту задачу следует поручить тому командиру роты, который сам пожелает ее выполнить.

— Кто из вас хочет наступать в направлении брюнкенских садов? — спрашиваю я.

Мусатов и Иванов переглянулись. Раньше я никогда не давал им боевую задачу на выбор, и это для них ново.

— Я! — твердо ответил Валентин.

— И я тоже, — не менее решительно заявил Николай. Мне не хотелось обидеть ни того, ни другого. Но кого же выбрать?

Решил послать Мусатова. Тем более, что его рота стоит ближе к брюнкенским садам. Она и будет наступать правее дороги. Рота Иванова обеспечит наступление танков в направлении восточной окраины Брюнкена.

Иванов с досады крякнул, но ничего не сказал. Мусатов улыбнулся. Командиры козырнули и пошли в свои роты.

С сумерками началось наступление. Шлепая по грязи тяжелыми сапогами, по кюветам устремились к Брюнкену пехотинцы и автоматчики.

Брюнкен впереди и лес позади казались черными холмами. Но вот над селом взлетели ракеты. Стали видны крыши домов, деревья в садах. И снова тьма. С опушки леса, фыркая и гремя, вышли танки и самоходки. Оранжевые искры струями вылетают из выхлопных труб. Мы с Шабалиным ехали с наступающими ротами. Захаркин с рацией на бронетранспортере двигался за ними.

Самоходки и танки открыли огонь по Брюнкену.

Как мы и ожидали, рота Мусатова, преодолевая топкие болота, начала отставать от левого фланга полка. Он сообщил мне по радио, что его самоходка завязла. Салихов пытался подложить под гусеницы бревно, но противник поливал болото трассирующими пулями.

Салихов лег в болото и подложил под гусеницы хворост. В темноте были слышны проклятия и ругань. Мне не было видно лица Гумара, но зато я отчетливо видел, как изгибалось и выпрямлялось его тонкое туловище. На голове, на ноге, на руке Салихова отчетливо виднелись белые бинты.

— Гумар, ты опять ранен?

Немного есть, товарищ командир.

— Как же ты поведешь самоходку?

— От других не отстану. Ведь у меня еще в запасе незабинтованные нога и рука. Это мой резерв.

«Удивительный человек, — подумал я». Самоходка Иванова взяла на буксир машину Мусатова. Командир выручил командира.

— Вот это по-гвардейски, — заметил Шабалин.

Наступление продолжалось. Решительным броском самоходки, танки и пехота ворвались на окраину Брюнкена, но сразу же были обстреляны артиллерией и пулеметами. Я передал по рации всем ротам приказ:

— Окопаться и закрепиться на окраине Брюнкена, не дать противнику отбросить нас опять в болото.

Иду на позиции, чтобы проверить, как ремонтируют подбитые самоходки, и встречаю старшего техника-лейтенанта Петра Жевнерова. Его огромная широкоплечая фигура наклонилась. Сильные руки упираются в руль велосипеда. На велосипед навешаны металлические части к самоходке.

— Петр Иванович, вы что делаете?

— В лесу под Брюнкеном разбило снарядом машину. Так я части к самоходкам перевожу на велосипеде. Других средств нет.

Я осветил фонариком широкое лицо Петра. Оно было все в поту. Петр Иванович был отличным механиком-водителем. Особенно хорошо он показал себя в бою под Брестом, первым ворвался в оборону врага.

Его повысили в должности до заместителя командира 3-й роты по технической части.

Жевнеров знает, что нужно для механиков-водителей. И вот уже второй час ночи, а он не спит, везет бесценный груз для самоходчиков.

...Всматриваюсь в широкую улицу села. Теперь Брюнкен разделен на три части: первые два дома — Брюнкен наш, затем пять домиков — Брюнкен ничей и все остальные, а это домов пятьдесят, Брюнкен немецкий. В ничейный Брюнкен с обеих воюющих сторон поползли снайперы, разведчики, саперы. Там загремели взрывы, застрочили автоматы, начались пожары. Мусатов хотел в помощь пехотинцам выдвинуть самоходку. Но только машина высунулась за баррикаду, как по ее правой гусенице ударил снаряд, и она слетела с катков.

Трудно и опасно натянуть гусеницу под вражеским огнем. Экипаж и ремонтники работали долго, в темноте, лежа, разговаривая только шепотом. Особенно старался Гумар Салихов.

Вот он встал на четвереньки, уперся спиной в тяжелые траки стальной ленты и вместе с товарищами рывками приподнял ее на поддерживающие катки. Затем Гумар завел мотор, включил первую замедленную и подал громаду назад. Машина ушла в укрытие.

Мы с Осадчим долго ходили по позициям рот, проверяли окопы, беседовали с солдатами. У пехотинцев повстречали генерала Бабаяна.

— Глубже зарывайтесь в землю, братцы, — говорил генерал. — Не забывайте, что в Брюнкене наших пока два домика, а немецких — пятьдесят.

Тут же, при нас, Бабаян продиктовал своему штабному писарю Хачатурову приказ командирам частей о том, чтобы бойцов накормить до рассвета. Организовать поочередный отдых личного состава первого эшелона, позиции проверять: в Брюнкене — через час, в лесу — через два часа. Больше выдвинуть к окраине Брюнкена противотанковых средств: пушек, фугасов. Приказывал окопать танки и самоходки.

— Заботливый старик, — с удовольствием заметил Осадчий.

Мы пошли в лес, убедившись в том, что все необходимое для наступления подразделений сделано.

Утро было ненастное. От Одера к лесу плыл туман, окутывая Брюнкен непроглядной серой пеленой. Сеял мелкий дождь. Генерал смотрит на часы. Тихо. И вдруг... Гул, грохот, треск. Брюнкен окутался дымом, сквозь который прорывались языки пламени. Долго его «молотила» артиллерия. Особенно сильные удары наносили самоходные полки, которые стреляли по селу прямой наводкой.

Слева танки бригады и самоходки Данилюка вышли из леса и по полю стали обходить Брюнкен с юга. Роты Иванова и Мусатова вместе с мотопехотой и «шерманами» возобновили наступление на село с запада.

Иванову сразу же не повезло. «Панцирфаустники» забросали его самоходки фаустпатронами. Машины начали пятиться назад. Я слышал, как по радио Иванов кричал:

— Вторая рота, стой! Ни шагу назад!

Я уже хотел вмешаться, чего обычно не делал, но Иванов одумался, изменил решение и спокойно радировал:

— Укрыть самоходки и осмотреться!

Это было правильно. Иначе рота понесет потери. Иванов обладал необходимым для командира качеством: в трудную минуту не терял хладнокровия, умел трезво оценить обстановку, исправить свои ошибки в принятых решениях.

Пока он проводил дополнительную разведку, Мусатов обогнал его и с волнением спрашивал меня по радио:

— Где сосед слева? Что делает Иванов? Вижу в селе немецких автоматчиков, они действуют нагло, кажется, пьяные.

— Помогите Иванову огнем, бейте фашистов из пулеметов, — ответил я Мусатову.

Самоходка Иванова стреляла с места по окопам врага в упор. В разведку Иванов послал сержанта Дмитрия Косарева. Вся рота прикрывала его огнем из зенитных пулеметов. Косарев воспользовался этим, прыгнул к немцам в окоп и поднял гранату. Семь фашистов бросили оружие и сдались в плен, восьмой прострелил сержанту ногу и удрал. Косарев оторвал лоскут от рубахи и, угрожая оружием, заставил одного пленного перевязать себя. После этого повел немцев в роту. Он шел за ними, одна нога в сапоге, другая — босая и хромал. В руках у него был автомат и пробитый пулями танкистский шлем.

Мы доложили Кривошеину о подвиге Косарева. Семен Моисеевич спросил, откуда сержант родом. Я ответил, что из Мостовского района Курганской области. Сибиряк, он обучался на самоходчика в Соликамском училище.

Генерал досрочно повысил героя в звании. Рядом с орденом Красной Звезды на груди Дмитрия Антоновича заблестел орден Отечественной войны 2-й степени.

Рота Иванова продвинулась к центру села, а рота Мусатова отставала. Немцы обстреливали ее из пушек. Кроме того, взаимодействие с танкистами у Мусатова нарушилось. Сначала впереди роты наступали три «шермана», затем два из них завязли в болоте.

К счастью, впереди уже слышался шум самоходок Данилюка. Рота Мусатова и пехотинцы атаковали последнюю позицию врага и соединились с 1 822-м самоходным полком. В Брюнкене стало тихо. Огромные толпы пленных под конвоем наших автоматчиков потянулись из села к лесу.

Солдат-сигнальщик заиграл знакомый сигнал «строиться в походную колонну». Вскоре огромная колонна воинов и боевой техники начала вытягиваться из Брюнкена на север.

Глава 25. Сегодня ночью воскреснет город

Кирпичный домик стоит среди деревьев. В просторных комнатах разбросаны вещи — свидетельство бегства фашистов. У входа в дом шагает часовой.

Здесь разместился наш штаб. В открытые окна доносится гул авиационных моторов и короткие пушечно-пулеметные очереди — идет воздушный бой над Альтдаммом.

Наш полк участвует в наступлении на этот крупный узел железных, водных и шоссейных дорог противника. Сильно укрепленный, он как щит прикрывает собой Штеттин с его многочисленными заводами и гаванью.

Мы с Захаркиным, склонясь над картой, слушаем доклад начальника разведки полка капитана Козлитина о войсках противника, обороняющих Альтдамм. Силы внушительные: 9-я пехотная дивизия, дивизия имени гросс-адмирала Деница, морская пехота, 11, 34 и 611-й зенитные артиллерийские полки.

Козлитин рассказал, что узнал о противнике у корпусной разведки. Оказывается, участились случаи, когда немцы из танков и самоходных орудий стреляют по пехоте болванками. А снаряды все сплошь выпуска 1945 г. Это весьма примечательно. Видимо, у фашистов не хватает осколочных снарядов, и они прямо с заводов берут их на фронт. Запасы снарядов кончились. А зенитные орудия, которые часто ведут дуэли с нашими самоходками и танками, сняты с важнейших объектов ПВО Германии.

Население Альтдамма состоит из немцев и поляков. Оно находится в ужасных условиях. Многие старики, женщины и дети лишены крова, голодают. Измученные на окопных работах, они уходят и укрываются в соседних лесах и оврагах.

Захаркин прочертил на карте стрелы к Альтдамму, посмотрел в окно на мрачные здания и торжественно произнес: «Сегодня ночью воскреснет город. Как будут рады жители города, кончатся их страдания!».

Я посмотрел на сияющие глаза Козлитина и подумал, что первым освободителем города является именно этот разведчик. Ведь мы только собираемся ворваться в Альтдамм, а он уже был там, ползал под проволочными заграждениями, обходил пулеметные позиции врага, укрывался в воронках от пуль и снарядов.

Бой за Альтдамм нам предстояло вести вместе с бригадой нашего старого знакомого — Вайнруба. Мы с ним встретились на высоте южнее Альтдамма.

Между городом и рекой лежало широкое ровное пространство, посредине его проходила траншея с желтым бруствером, она огибала город, упираясь в Одер. В траншее шевелились серые фигуры пехотинцев. У мостов стояли минометные батареи.

Отсюда, с высоты, весь Альтдамм был виден как на ладони. Город одной стороной прижался к горе, а другой — к реке. Дома стояли у самого берега, в центре виднелась кирха с высокими остроконечными шпилями.

Мы договорились назначить общие ориентиры, чтобы легче указывать цели.

Вайнруб быстро обернулся ко мне:

— Слушай, здесь можно устроить немцу полный разгром.

В больших серых глазах его блеснул задорный огонек.

— Каким образом?

— Смотри: у противника с тыла и с правого фланга вода, с левого — гора. — Вайнруб вынул карту. — Мы наносим главный удар левым флангом в направлении мостов и отрезаем немцам отход от Одера. Затем уничтожаем вражескую группировку между городом и рекой. Действуют три батальона, две роты твоих

самоходок, минометы и приданный артполк. Одну роту самоходок выделить для стрельбы по мостам и заводам Штеттина, чтобы парализовать их работу.

Мы легли на землю, стали разбираться во всех деталях предстоящего боя. Прежде всего надо было быстро получить сведения о противнике. Вайнруб потребовал включить в состав разведки роту тяжелых самоходок. Я стал доказывать, что тяжелые машины использовать для этого нецелесообразно. Вайнруб вскипел:

— Значит, мои танки пусть воюют, а твои самоходки будут отсиживаться? Не выйдет!..

Я решил посоветоваться с Кривошеиным.

— Дай ему одну самоходку, — ответил генерал. Узнав об этом решении, Вайнруб вспыхнул:

— В таком случае наступай один!

Я молчал. Полковник был вспыльчив, но отходчив. Через несколько минут он вернулся к прерванному разговору:

— Ладно, Мироныч, не обижайся. Вызывай самоходку.

— Вызвать экипаж младшего лейтенанта Чернятьева из 1-й роты, — приказал я Шабалину.

Александр Павлович Чернятьев, высокий, статный, лет тридцати, был родом из Костромской области. «Лесной человек» — называл он себя в шутку. На него можно было вполне положиться. Не раз с честью выходил он из трудных положений.

Младший лейтенант внимательно выслушал задание. Его бледное, нетронутое фронтовым загаром лицо (хоть воевал он уже три года) было спокойно. Шевельнув сросшимися у переносья бровями, он коротко ответил:

— Есть! Разрешите выполнять?!

— Выполняйте, только соблюдайте осторожность. Всматриваясь вслед Чернятьеву, я вспомнил о его письмах сестрам в город Шарью. Он писал, что желает остаться после войны в армии.

...Разведка двигалась маленькой колонной: впереди танк, за ним самоходка и опять танк. Противник молчал. Но я знал, что гитлеровцы из Альтдамма следят за смельчаками. На батареях ждут команды, «панцирфаустники» приготовились к стрельбе.

Не доходя до окраины города, наши машины повернули к пойме реки. Дистанция между ними увеличилась до пятидесяти метров. Самоходка подошла ближе к противнику. Чернятьев старался точнее определить передний край его обороны. Вскоре я принял радиограмму:

— Товарищ Первый! Траншея противника проходит ближе окраины города метров на двести. По машинам из города бьют зенитки. Из траншеи летят фаустпатроны. Отхожу к домикам села Подеюх.

То, что машины обстреливались, мы видели. Возле них вырастали черно-оранжевые кусты разрывов. Мы сидели с Вайнрубом в окопе на высотке и следили за разведкой.

Временами лицо полковника передергивалось, брови хмурились, когда происходили заминки в действиях разведчиков.

— Эх, Мироныч! Смотри, ребята горят, — крикнул Вайнруб.

Головной танк остановился, словно налетел на стенку, и под ним поднялся черный столб дыма. Запылала самоходка. Она еще прошла с десяток метров, как под-

вижной костер, и взорвалась. Второй танк развернулся и, маневрируя, на большой скорости скрылся в овраге.

Вайнруб стоял бледный, крепко закусив нижнюю губу. По жестокой арифметике войны все было правильно: в случае удачи наступление могло начаться на несколько часов раньше. Немец не успел бы усилить оборону, и уцелели бы сотни жизней. А, с другой стороны, не слишком ли легко мы жертвуем чужими жизнями?

— Придется посылать пешую разведку, — сумрачно говорит Вайнруб. — Да, семь раз отмерь, один раз отрежь. А на войне-то надо двадцать раз отмерить. А время для этого в боях есть? Есть?! Я тебя спрашиваю?!. — кричит Вайнруб и не замечает этого.

Командир обязан думать, как сделать лучше, правильней, чтобы пролить меньше крови. Но на войне так не всегда получается.

Расстроенный полковник прощается.

Младшего лейтенанта Чернятьева военный совет 2-й танковой армии посмертно наградил орденом Отечественной войны 1-й степени.

Ночью самоходки вышли на исходные позиции — в окопы, их замаскировали кустарником. Измученные беспрерывными боями, люди еле держались на ногах. Разрешил по очереди отдыхать прямо в бронекорпусах, чтобы не нарушить боевую готовность. У меня тоже руки и ноги отяжелели, в голове шумело, веки слипались. Склонившись на стол в штабном автобусе, я крепко уснул. Просыпаюсь от сильной артиллерийской канонады: сотрясается автобус, и в такт ему за лесом колеблется желтый язычок катюши. Выскакиваю из машины, привычным движением поправляю снаряжение и бегу на улицу. Кажется, что спал одно мгновение... А ночь уже кончилась.

Первые лучи солнца освещают ровное, с жухлой прошлогодней травой, поле. Перед нашими позициями, за полем, отчетливо видны городские постройки, а слева Одер — словно отлитый из вороненой стали. Хорошо виден и Штеттин. Бухта в этот безветренный час похожа на седое ковыльное поле.

Недалеко от нас, за кустарником, танки Вайнруба. Он стоит в башне боевой машины. Когда огневой налет кончается, он взмахивает рукой. В небо, шипя, взлетают четыре ракеты, рассыпаются в высоте золотым дождем, и кажется, что кустарник кругом оживает. Танки и самоходки, приминая гусеницами желтую глину брустверов, выходят из окопов, сбрасывая маскировочные сетки. Грозные машины выравниваются в линию.

Из передней траншеи, сильно разрушенной артиллерийской стрельбой, выскочили немцы и побежали к северному двугорбому мосту. Их расстреливали из пулеметов, давили гусеницами. Однако оборона их еще не сломлена. Ожили вражеские пулеметы. От северного моста зло била по нашим автоматчикам минометная батарея. Огонь был плотный, и пехота залегла.

Самоходчики стальной лавиной рвались вперед. Противник, видимо, понял, что ему не удержать позиций, и начал перебрасывать боевую технику за Одер. К среднему мосту подошел большой железнодорожный состав с танками. Рота Ива-

нова открыла по нему огонь. Паровоз окутался облаком пара и, словно конь, споткнувшийся на передние ноги, уткнулся в железнодорожное полотно. Вагоны налезали на него, поднимались на дыбы и валились под откос. Замполит майор Осадчий вынул из кармана записную книжку и сказал, что о лучшем наводчике напишет в корпусную газету. Не долго думая, он пододвинулся к рации и начал разговаривать с Ивановым.

— Ну, порадовал ты нас, Николай Егорович, красиво хлестнул по паровозику-то. А солдата, который сидел за прицелом, сфотографируй. Это же сила! Такую махину остановил.

— Наводчика обязательно сфотографируем. Только это был не солдат, а подполковник Пажитнов, — весело ответил Иванов.

— Как так?

— Да так, он залез в командирскую самоходку, да как ахнет, как ахнет, ну паровозик-то и скопытился.

— Вот те раз, — запнулся Осадчий и сразу же оживился. — Да это же здорово! Давай фотографируй Пажитного.

Захаркин слышал этот разговор по радио и от души рассмеялся.

— А замполит-то, небось, живо перестроился, — шутил он.

...Бой становился все ожесточеннее. Самоходчики и танкисты не ослабляли натиска. Опять отличился экипаж лейтенанта Воробьева, старого нашего снайпера-самоходчика. Он с ходу, прямым попаданием подавил вражеские минометы у северного моста. У каменной сторожки на окраине города, там, где у противника не было никаких огневых средств, Воробьев увидел выползающего из-за угла «фердинанда». При таких встречах остается в живых тот, кто раньше заметит врага, раньше выстрелит. Воробьев знал это и в упор влепил бронебойный снаряд в лоб «фердинанда». За это Николай Савельевич получил второй орден Красного Знамени.

С востока раздался сильный шум танковых моторов. К Альтдамму подошли танки Телякова и Веденеева. Разгромив вражескую группировку под Штаргардтом, они пришли нам на помощь. Слева от Брюнкена по восточному берегу Одера на Альтдамм ринулись пехотинцы мехбригад Хотимского и Бабаяна. Альтдамм оказался в огненном полукольце.

Немецкая пехота стала отходить к реке. Многие сдавались в плен. Автоматчики Муравьева разоружали их. Бой затихал. Вскоре стрельба совсем прекратилась. На самом высоком здании, в центре Альтдамма взвился красный флаг. Жители города с узлами домашнего скарба возвращались в свои дома.

Правый берег Одера был полностью очищен от немецко-фашистских войск. Город Альтдамм словно воскрес из мертвых. В нем началась спокойная жизнь.

В тот день из штаба корпуса нам передали радиограмму. 19 марта 1945 г. указом Президиума Верховного Совета СССР наш полк за отличные боевые действия при освобождении Польши был награжден орденом Кутузова. Триста человек командующий армией наградил орденами и медалями, а правительство Польши просило прислать список лучших воинов полка для награждения орденами «Виртути милитари» и медалями «За Варшаву», «За Одер, Балтику и Ниссу».

ЧАСТЬ 2. ОТ КЮСТРИНА ДО БЕРЛИНА
Глава 1. В руфенском лесу

Руфенский лес... Могучие сосны с золотистыми стволами. Усыпанная прошлогодней хвоей земля. Ни сухостоя, ни гнилого валежника. Чувствуется, что за лесом тщательно ухаживают. В глубине его — двухэтажный каменный дом лесника. К нему примыкают сад и просторный двор с большими, добротными служебными постройками.

В доме лесника — наш штаб, а в служебных постройках — личный состав полка. Самоходки и автомашины укрыты под деревьями. Мы стоим на переформировании после тяжелых боев: полк пополняется людьми и новой боевой техникой.

Весна в разгаре. Теплынь. Зацветает черемуха. Ночью, на деревьях, над самоходками, заливаются соловьи. В лесу мы обнаружили большое озеро. В его холодной, прозрачной воде отражались сосны. Солдаты выкатили походные водогрейки, мылись, стирали белье. А некоторые рискнули искупаться...

Я греюсь на солнышке, вдыхаю смолистый аромат сосен, наслаждаюсь тишиной. Как будто и войны нет. Но прибегает посыльный: надо срочно явиться в штаб армии на заседание военного совета.

— Одевайся быстренько, и поехали.

— Есть, товарищ подполковник! Хорошо, что еще портянки не успел постирать, — вздыхает он.

В штаб армии едем лесной дорогой. Смотрю на залитые солнцем деревья и думаю: зачем вызывает высокое начальство? Причина может быть только одна: наступление на Берлин. Об этом думают все — от солдата до командующего, но вслух не говорят, не приказано.

Взятие Берлина — это логическое завершение войны. Советские войска разгромили врага в Польше, в Восточной Пруссии, в Померании и Силезии. Фашистская Германия понесла тягчайшие, невосполнимые потери, ее военно-экономическая база окончательно подорвана. А от нас до Берлина рукой подать. Это заставляет задумываться о его штурме.

Да и наши союзники, американцы и англичане, прошли линию Зигфрида, переправились через Рейн... Им победы достаются куда более дешевой ценой, чем нам. В последних боях автоматчики Муравьева взяли в плен обер-лейтенанта. Он рассказал, что их полк переброшен сюда с западно-европейского фронта, что против союзников выдвинуто незначительное количество войск. А еще немецкий офицер сказал: «Берлин русским не отдадут. Из двух зол мы выбираем меньшее — лучше впустить в столицу американцев».

Ясно, что до наступления остались считанные дни. Дороги, пустынные днем, ночью оживают — непрерывным потоком движутся машины, пушки, танки, катюши, мотопехота и просто пехота, пехота, пехота... Все это идет за Одер, на «малую землю». Там для войск уже не хватает места. Ряд к ряду, сплошным частоколом выстроена и батальонная, и полковая, и дивизионная, и корпусная артиллерия. По всему видно, что готовится удар невиданной силы.

Генералы и старшие офицеры частей и соединений собрались в большой брезентовой палатке. В первом ряду у стола командарма сидели: Радзиевский, Кривошеин, Корякин, Селезнев, Теляков, Веденеев и Ершов. За ними командиры бригад и полков, а также специалисты различных родов войск и служб.

Член военного совета армии генерал-майор Латышев коротко рассказал о военно-политическом значении битвы за Берлин. Потом объявил о выступлении командарма.

Командующий был в новом кителе. Редкий седой чуб тщательно причесан. Взгляд суровый, возбужденный. Из его выступления мы узнали: проведение Берлинской операции возлагается на войска Первого Белорусского и Первого Украинского фронтов, а также на 1-ю и 2-ю армии Войска Польского. Командарм подчеркнул сложность предстоящих боев. Еще в январе 1945 г., как только советские войска прорвали Вислинский вал, немцы спешно приступили к строительству мощных оборонительных рубежей на территории Германии.

— Взгляните, сколько на пути нашего наступления населенных пунктов, заводов, отдельных фольварков, — указал командарм на карту. — Это дало возможность противнику быстро оборудовать сильные узлы сопротивления и опорные пункты. И все же, как бы ни старался враг, он обречен.

В заключение командарм сказал:

— Берлинская операция войдет в летопись Великой Отечественной войны. Это будет самая крупная из операций во всей истории войн. Она должна явиться торжеством советского военного искусства.

После совещания Радзиевский подошел к Богданову и подал ему папку с бумагами:

— Не буду подписывать. Сейчас такая горячка, а вы тут с бумажками! Но потом подумал и уже спокойно сказал:

— Давайте, что у вас там?

Семен Ильич подписал боевое распоряжение частям, затем поставил свою фамилию на донесении штабу фронта о неукомплектованности танков запасными частями.

Смотрел я на Богданова и восхищался, как он быстро исправил свою ошибку. Это был человек порыва, но не упрямый, умеющий слушать и понимать других. Мы верили каждому слову Богданова, потому что знали о его способностях и умении навести порядок в танковых войсках в самой сложной обстановке.

Богданов пользовался огромным авторитетом в войсках и у командования фронтом. Так, командующий Первым Белорусским фронтом и член советской ставки Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков записал в аттестат Богданова: «Командарм 2-й танковой армии добился в проводимых операциях от Вислы до Одера высоких темпов наступления, он хороший методист в обучении войск. По подтянутости, дисциплинированности и порядку в частях армия Богданова стоит выше других соединений фронта».

Откровенно говоря, мы, офицеры, гордились, что служим в его армии.

Поздно ночью я возвратился в полк. Спать не хотелось, предстояло много дел. Развернул карту, стал рассматривать район Берлина. Вспомнились цифры, сооб-

щенные в оперативном отделе армии: 41 600 артиллерийских орудий, более 6 300 танков и самоходок, 8 400 самолетов. А сколько еще орудий у поляков! Я долго сидел за столом, записывая в блокнот все, что нужно сделать за короткое время, оставшееся до боя.

Рано утром я получил от Кривошеина предварительное распоряжение. Полк будет наступать в составе корпуса в качестве противотанкового резерва с Кюстринского плацдарма на северо-восточную окраину Берлина.

Вызвал к себе офицеров. Развернув карты, мы начали тщательно изучать подступы к Берлину. Затем уточнили маршрут от Руфана до Кюстрина.

Командир корпуса не разрешил нашим самоходкам идти по дорогам, чтобы не разрушать их. Поэтому был намечен обходный путь полями до Альт-Древитца — выжидательного района полка перед вводом в прорыв. Путь нам предстоял очень трудный. Особенно во время наступления на Зеловские высоты, где было много естественных препятствий. Они усиливали и без того мощные позиции врага.

Осадчий показал нам немецкую листовку. Геббельсовская пропаганда призывала своих солдат разгромить наши войска так же, как мы разгромили гитлеровские армии под Москвой в сорок первом году. Сравнение было нелепое, но там не менее бои предстояли ожесточенные и кровопролитные, легкой победы не будет. И это понимали наши офицеры.

Утром 7 апреля ко мне приехал Хотимский.

— Время уходит, а мы еще не работали за Одером. Поехали на плацдарм! Ведь ваш полк вводится в прорыв за моей бригадой.

Кюстринский плацдарм оказался еще пустыннее, чем Магнушевский. Здесь не было ни кустика, ни деревца. Мы остановились в селе Горгаст. В полукилометре западнее его протянулись немецкие окопы с желтыми брустверами. Первая траншея начиналась у юго-западной окраины Кюстрина и подходила к Одеру у села Ной-Маншнов. Она была похожа на огромную дугу.

Расположившись за холмом, мы изучали местность, уточняли будущее расположение своих частей, наносили на карту ориентиры. Только вечером вернулись в свои подразделения.

В большом котловане между двумя огромными соснами собрались коммунисты полка. В ночном мраке, где-то высоко над лесом, гудели вражеские самолеты-разведчики.

Постников и Гуцев натянули над котлованом брезент. Одарчук смастерил электропроводку. Вспыхнул яркий свет. Вместо скамеек солдаты натаскали бревен, укрыли их сосновыми ветками, поставили стол для президиума. На красном полотнище Павлов написал: «Беспощадно громить врага между Одером и Берлином. Настало время взять Берлин».

На партийное собрание были приглашены комсомольцы и беспартийные командиры подразделений.

Постников дал мне слово.

Я обрисовал обстановку на нашем участке фронта, подробно остановился на тех препятствиях, которые нам могут помешать. Речь шла о больших лесных массивах и

болотах в районе Букова, Фюрстенвальда, Мюнхсберга, а также об озере севернее Штрассберга. В лесах фашисты сосредоточили 56-й танковый корпус, а подступы к северо-восточной окраине Берлина обороняла 11-я мотодивизия СС «Нордланд».

Нужно было ожидать контратак немецких танков из берлинских лесов и со стороны Мальхова. Чтобы их отбить, полк должен постоянно сохранять высокую боевую готовность, быстро перестраиваться из походного порядка в боевой.

Из-за Одера послышался характерный для «юнкерсов» прерывистый гул моторов и тяжелое уханье бомб. Собрание притихло. Лица людей стали сосредоточенными, суровыми.

Слово взял Осадчий. Он, как обычно, говорил не торопясь, без призывов и лозунгов, его слушали внимательно. Многое записывали.

— Представьте себе, товарищи, — говорил замполит, — наши самоходки стремительно углубились в оборону противника: в считанные дни прошли несколько десятков километров и вдруг перед самым Берлином остановились. Почему? Нет горючего.

— Не будет этого! Подвезем! — не удержавшись, закричал командир автомобильного взвода лейтенант Ломако. — Тылы не подведут.

— Это должно быть не на словах, а на деле, — сказал Пажитнов.

Потом Осадчий напомнил о том, как важно, чтобы члены экипажа в бою могли заменять друг друга. Самоходка — это маленькая стальная крепость, гарнизон которой часами бывает отделен от внешнего мира. Вот почему каждый член экипажа должен в любой момент встать на место выбывшего товарища.

На другой день в руфенском лесу проводились беседы, политзанятия, комсомольские собрания. Везде шла речь о предстоящих боях, широко обсуждался боевой опыт экипажа Воробьева в боях за Кенигсберг, Пеетциг и Альтдамм.

Я присутствовал на политзанятиях, которые проводил на опушке леса Александр Болдырев. К стволам деревьев прикреплены карты Германии и план Берлина. Тема занятий: «Водрузим Знамя Победы над Берлином!».

Болдырев поделился опытом боев за Кенигсберг. Он рассказал, как укреплял стойками подвалы. Здание делалось очень прочным. В нем укрывалась самоходка. В стенах для выхода устраивал проходы.

— Разрешите мне о фаустниках сказать, — попросил слова Иван Иваныч. — Для тех, кто в боях не бывал. Для нашего брата-самоходчика, да и танкиста «панцирфаустник» весьма опасен. Но его легко заметить по выстрелу. Из фаустпатрона сзади вылетает хвост пламени и черный дым. Да и бьет только на близкие дистанции. Поэтому огнем пушек и пулеметов надо издали прощупать все подозрительные места. Особенно на узких улицах. Правильно я говорю, товарищ лейтенант?

— Правильно, — подтвердил Болдырев. — Помню, как в Кенигсберге зашла моя самоходка на узкую улицу — повернуться негде. А немцы отовсюду бьют — из подвалов, с чердаков, с крыш. Как тут быть? Дал задний ход и сделал пролом в стене, потом другой. Сразу стало просторнее. Двинулся дальше — баррикада. Свернул в бок — обошел ее садами, снова выбрался на улицу.

И нельзя забывать о дисциплине в бою. В Белоруссии, помню, один механик-водитель на своей самоходке вырвался в атаку до сигнала. Рота была обнаружена противником и понесла тяжелые потери.

После занятий Болдырев подошел ко мне.

— Ну, как, товарищ подполковник?

— Молодец. Это как раз то, что нужно. В следующий раз о взаимодействии с танками расскажите.

Александр Иванович построил солдат и повел их в глубь леса к машинам.

Да, большой боевой путь прошел этот человек! Под Москву он прибыл в полк из Челябинского танкового училища прямо с самоходкой, и вот сейчас поведет ее на Берлин! В Пинских болотах за ним охотился немецкий снайпер. Одна пуля пробила пилотку, вторая застряла в ватнике, у сердца. В этих болотах приняли его кандидатом в члены партии. Здесь, в полку, Александр получил высокое звание «Мастера вождения тяжелых самоходок», был первым учеником таких «самоходных асов», как «отец механиков», Гумар Салихов, Федор Коротков, Иван и Василий Кузнецовы.

Для занятий с офицерами Осадчий оборудовал специальную комнату. Здесь были свежие газеты, военные уставы, мемуары о Берлине. На стене новый плакат: плечистый солдат-артиллерист держит в руках снаряд в виде ключа и подпись: «Ключ к Берлину». Это нарисовали наши полковые художники. По-моему, неплохо.

Любили здесь бывать офицеры. Я тоже зашел, собираясь сыграть партию, другую в шахматы. Только с Осадчим расставили фигуры, появился дежурный офицер:

— На станцию Швибус прибыл из Челябинска эшелон новых самоходок для нашего полка. Военный комендант просил выслать приемщиков.

В комнате сразу стало шумно. Офицеры окружили дежурного. Он принес нам радость. За время походов и боев старая техника пришла в негодность, требовала постоянного ремонта. Недаром солдаты износившиеся вконец самоходки прозвали «самостойками».

Вечером мы с Мусатовым и с лучшими механиками-водителями выехали в Швибус. Дорога была ухабистая, грязная, а зажигать фары нельзя: вокруг действовала разведка противника:

Юдин ворчал:

— На фронте в потемках, в тылу — то же самое... Когда же кончится это проклятое затемнение!

Станция Швибус — «фронтовой тупик» — была последней на Берлинском направлении, куда с востока подходили товарные поезда. Дальше железную дорогу еще не отремонтировали.

Кругом пустынно, тихо. Но на станции шла большая, напряженная работа. Отсюда войсковые части Первого Белорусского фронта везли тысячи тонн различных грузов. Вот мимо нас прошла целая колонна грузовиков. За ней прогремели огромные гусеничные тягачи.

Где-то недалеко грянул залп тяжелой артиллерийской батареи. Ночную мглу прорезало яркое пламя. На западе, над Франкфуртом, стояло зарево. Видимо, немцы жгли город.

Где-то между Кюстрином и Франкфуртом взлетали разноцветные ракеты, шарили в небе голубые лучи прожекторов.

Вокзал был разрушен. Станционные службы размещались в землянках.

Из темноты появился Одарчук. Лицо угрюмое, озабоченное.

— Как будем разгружать машины, ничего не видно. Свалится самоходка — беды не оберешься...

— Ждать рассвета мы не можем, — сказал я. — Противник, следит за Швибусом. Начинайте разгрузку.

Одарчук тяжело вздохнул и побежал к эшелону.

Перескакивая через воронки, я направился в комендатуру. Она помещалась в блиндаже. В лицо пахнуло сыростью, свежей соломой. За столом сидел подполковник в форме железнодорожных войск. Он допрашивал двух немецких солдат. Прошлой ночью они были сброшены с парашютами недалеко от станции и ракетами сигналили своим летчикам.

Перепуганные фашисты обстоятельно отвечали на все вопросы. Увидев нас, подполковник сказал, что состав с грузом подан к разгрузочной площадке. Надо закончить работу до рассвета.

Мы подошли к составу. Водитель уже откинул стенки платформ, вытащил из-под гусениц деревянные подкладки и упоры, открутил ими проволочные крепления.

— Стоп! Готов! — сказал Болдырев, прыгнув на корпус машины.

— Приступить к разгрузке! — командует Одарчук. Болдырев тихо, без рывков повернул самоходку пушкой к разгрузочной площадке. Машина сползла на асфальт.

Вдруг мы услышали тревожные крики в хвосте эшелона: «Падает! Стой! Стой!».

— Черт возьми, наверное, самоходку свалили! — дрогнувшим голосом сказал Одарчук и побежал в «хвост» эшелона. Я бросился за ним.

На крайней платформе самоходка одной гусеницей проломила мостки и уперлась корпусом в стенку разгрузочной площадки. Молодой водитель беспомощно суетился возле машины.

— Быстро за шпалами! Давай их под платформу! — приказал Одарчук.

Подошли механики-водители.

— Не журитесь, хлопцы. Я в Пинских болотах не то еще видел, — спокойно сказал Болдырев. — Сейчас зацепим ее тремя самоходками, сразу выскочит.

Машины Гумара, Болдырева и Коростелева, сцепленные стальным тросом, по команде Одарчука стали тащить застрявшую самоходку. Трос натянулся, как струна, и лопнул. А был он в руку толщиной!

— Вот сила, сталь не терпит, — восхищался Болдырев.

— Давайте сцепим двумя тросами.

— Так и сделали. Застрявшая машина закачалась и вылезла на асфальт.

— Ура!.. — крикнули все в один голос. Через полчаса колонна самоходок стояла вдали от станции. Экипажи тщательно осматривали машины.

— В управлении машины легкие, а это для нашего брата самое главное, — говорил Гумар, обтирая руки паклей.

Одарчук бегал от одной самоходки к другой. Если были жалобы, влезал в самоходку, слушал, как работает «сердце» машины, просматривал паспорт, что-то подкручивал и говорил:

— Эта «барышня» в порядке.

Наконец осмотр закончен. Одарчук повел колонну в полк, а мы с Мусатовым возвратились к коменданту, чтобы окончательно оформить документы.

Рассвело, и мы увидели, что на станции стоят несколько эшелонов. На бортах платформ и вагонов их надписи: «Урал — фронту», «Кузбасс — фронту», «Горький — фронту», «Москва — фронту», «Баку — фронту», «Мордовия — фронту».

Мусатов громко читал эти надписи, глаза его радостно блестели:

— Вся страна нам помогает!

* * *

Перед выходом полка в выжидательный район состоялся митинг. Воины выстроились. На правом фланге со знаменем стоял Болдырев.

Прибыл начальник политотдела корпуса полковник Анатолий Федорович Корякин. «Стальной гвардии» он уделял особое внимание.

Я объявил митинг открытым. Прозвучала волнующая мелодия гимна Советского Союза.

Первым выступил Корякин. Он призвал воинов, не жалея сил, бороться с врагом и водрузить над Берлином знамя Победы.

Затем попросил слово Мусатов.

— Дорогие боевые друзья, товарищи! — заговорил он, сильно волнуясь. — Мы идем на штурм гигантской крепости, в которой фашисты свили свое гнездо. Разгромим проклятое логово. Пусть новая Германия больше не нападает на другие страны!

Прозвучало мощное «Ура!». Эхо откликнулось в лесу, над озером.

Затем вперед вышел Осадчий. Громко и размеренно он произносил, а все за ним повторяли торжественные слова клятвы:

— Мы, воины триста сорок седьмого гвардейского полка, клянемся нашей партии, Родине и народу, родным и близким, что с честью выполним приказ командования — в числе первых частей нашей армии ворваться в Берлин и беспощадно громить вражеские полчища до тех пор, пока они не сложат оружие.

Опять три раза прогремело над строем солдатское «Ура!».

Люди рвались в бой. Команду для охраны ненужного в бою имущества пришлось назначить приказом. Солдаты, вынужденные остаться в тылу, чуть не плакали от огорчения, просили взять их в Берлин.

Мне вспомнился 1941 г., когда Осадчий, будучи политруком батареи, вот в таком же лесу призывал солдат быть стойкими в бою.

— Фашизм будет разгромлен! Победа будет за нами! — говорил он.

Это было на северо-западной границе СССР. Прошло четыре года, и тот же Осадчий призывает нас первыми ворваться в Берлин. Об этом нельзя было думать без волнения.

После митинга состоялся концерт полковой самодеятельности. Для сцены приспособили две машины-трехтонки, опустив у них борта и поставив рядом.

— Спасибо Осадчему, что организовал этот вечер, — сказал Мусатов, — ведь мы, кроме бронированных стен самоходок, давно уже ничего не видели.

На сцену вышел Постников и объявил, что ему досталась самая тяжелая и самая беспокойная роль — конферансье.

— Солдатский хор исполнит строевую песню «Пушка самоходная», — Анатолий помолчал и добавил: — Только прошу учесть, что слова песни солдатские, музыка солдатская, да и обстановка здесь солдатская.

Все певцы были в синих комбинезонах и черных шлемах. Впереди сидел полковой баянист Висящев.

Рядом с ним — дирижер хора — высокая стройная девушка с черными локонами в длинном розовом платье. Однополчане не сразу признали в ней сержанта Миногян Егорову. Платье она попросила у девушек немок.

— Какие у нас красавицы есть, — раздались в зале веселые возгласы. — А мы и не замечаем.

— Что значит солдатскую-то одежду сменила, — говорил Иван Иванович, — теперь Миногян опаснее фаустпатрона: не бронь — сердце пробьет.

Дирижер взмахнул палочкой — и хор грянул знакомую песню.

Раздались бурные аплодисменты.

Затем выступил Болдырев. Он исполнил арию Демона из оперы Рубинштейна. Голос был сильный, выразительный.

— Как артист! — восхищался Павлов.

А над притихшими слушателями неслись вдохновенные лермонтовские слова:

Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края...
И будешь ты царицей мира —
Подруга первая моя...

Холопов не выдержал.

— Пойдем, Павлов, и мы споем мою любимую. Солдаты шепнули Постникову, и тот объявил:

— Номер сверх программы — петь будут!

Иван Иванович поклонился однополчанам, повернул широкую, выпуклую грудь к Павлову, ожидающе поднял обгоревшие, рыжеватые брови. Павлов держался менее уверенно, смущенно улыбался и тоже поклонился так же низко, как Холопов.

Друзья грянули «Каховку». Павлов, подтягивая баситому голосу Ивана Ивановича звучным тенором, перестал стесняться. Им хлопали, кричали «браво!».

Миногян исполнила «Синий платочек».

— Ну, прямо Клавдия Шульженко, — шутит «отец механиков».

— Моя землячка, казанская татарочка, — гордится Гумар.

Салихов и Мусатов спели комсомольскую «До свиданья, мама, не горюй», а мой шофер Петр Юдин прочитал стихотворение «Дрались по-геройски, по-русски».

На сцене появился любимец полка Гумар Салихов. Раны на руках и голове еще не зажили, но он здорово плясал «лезгинку» и «русскую». И чего только не выделывал: прыгал, носился вприсядку, хлопал себя по подошвам.

Когда смолкли аплодисменты, я прочитал недавно полученное письмо от комсомольцев села Константиновка Ромодановского района Мордовской АССР. Наш полк давно уже вел с ними переписку. Письмо заканчивалось словами: «Желаем вам успехов в штурме фашистского логова — Берлина».

Возвращаясь с концерта, я свернул с дороги в лес. Хотелось побыть одному, собраться с мыслями. Под раскидистой сосной, на огромном валуне сидел Хоруженко. Лицо у него было задумчивое, немного грустное. Он хотел встать, но я удержал его и сам присел рядом:

— Что заскучал, самоходчик?

— Да так, товарищ подполковник, довоенная жизнь вспомнилась, и вечер-то уж больно хороший, а тут еще песни эти... К жене захотелось, повидаться бы перед штурмом.

Солнце садилось, и в его косых лучах стволы сосен отливали бронзой. За деревьями виднелся дом лесника, окруженный цветущими яблонями.

Хоруженко вынул портсигар:

— Разрешите курить! — зажег папироску, глубоко затянулся.

— Скоро конец войне. Уничтожим фашизм, и какая же хорошая жизнь на земле настанет, — мечтательно заговорил он. — Будем работать, веселиться, в кино с Полиной ходить. И сады цвести будут, и вечера вот такие же в нашем Жданове будут. Как это в песне поется: «Эх, как бы дожить бы...».

— Доживешь, — сказал я.

— Как знать, может, фашистский снаряд для моей головы уже приготовлен. Да вы не думайте, что я трушу. Если бы знал, что в бою за Берлин убьют, а вы мне сейчас предложили: «Поезжай, Тихон, домой в отпуск» — все равно не поехал бы.

— Верю, — ответил я, глядя на него.

— Только пусть потом не говорят, что, мол, жизни не жалели, что с радостью умирали, — продолжал он. — Нет! С радостью никто не умирает. Мы любим жизнь, потому и воюем.

Тихон замолчал, погасил о камень докуренную папироску и как-то смущенно посмотрел на меня.

— Что-то я не в меру разговорился, товарищ подполковник. Накатило вот такое... Уж вы извините.

«Накатило!»... Это и со мной случалось. Да и с каждым, кто ежедневно смотрит смерти в глаза...

— Пойдем отдыхать, — сказал я, положив Тихону руку на плечо. — В наступлении не поспишь.

Глава 2. Снова Кюстрин

Мне уже не раз приходилось видеть большие массы войск, направляющиеся в выжидательные районы, но того, что творилось на дорогах к Кюстринскому плацдарму, я еще не видел. Нескончаемым потоком шли пехота, танки, артиллерия, инженерные части...

В этом потоке наша колонна кажется каплей в море.

Вот и кюстринский лес. Здесь войск оказалось еще больше, чем на полевых дорогах: куда ни глянь — всюду танки, пушки, автомашины.

Когда мы заняли свой район, замаскировали самоходки и грузовики под огромными соснами, на узкой лесной дороге показалась колонна необычных машин. На огромных трехосных грузовиках были установлены гигантские прожекторы. Они должны ослепить противника во время ночной атаки.

Я пошел к штабному автобусу, чтобы отдохнуть после марша. Лег на скамью, но заснуть не мог. Рядом с автобусом, под сосной, лежали старшие лейтенанты Куклин и Муравьев, близкие друзья и земляки. Баском говорил «отец механиков»: «Да, Петя, как хорошо было жить до войны. Леса, воздух... Бывало, пашешь на тракторе до вечерней зари. Придешь домой уставший, а на шею бросаются детишки: Анютка с белой косичкой и четыре черномазых малыша — Витька, Петька, Володька и Толька. И забываешь про усталость. Это и было счастье. Повторится ли оно?»

Помолчав, Куклин добавил:

— А знаешь, кончится война, мы с тобой возглавим пару колхозов, и будет нормально.

Послышался знакомый гул немецких самолетов. Наблюдатель, сидевший на высокой сосне, крикнул:

— Воздух! Ложись!

Я прыгнул в окоп. Из-за облаков выплыло звено «юнкерсов».

Иванов и Салихов открыли огонь из зенитных пулеметов. Головной самолет дрогнул, завалился на крыло, стал падать. Секунда — и он, объятый пламенем, взорвался в воздухе. Но идущий за ним «юнкер[с]» успел сбросить бомбы, похожие с земли на чернильные капли. Я лег на землю и закрылся матрацем. Послышался резкий нарастающий свист, потом грохот. Осколки ударили мне по ногам.

Когда пороховой дым рассеялся, я увидел страшную картину. Юдин был убит. Полковой врач Попик, волоча полуоторванную ногу, полз по земле.

К нему бросились санитары.

Был ранен Салихов. Глаза его помутнели, дыхание стало прерывистым, грудь и ноги пробиты осколками. Это уже четвертое ранение Гумара и, кажется, смертельное.

— Саша, где ты? — позвал он своего друга Болдырева.

— Вот я, Саитич, — Болдырев опустился на колени.

— Напиши сестре Саре в Акмолинск. Я отомстил за смерть старшего брата Баки... — Салихов глубоко вздохнул и затих.

Мы обнажили головы. Трудно было поверить, что нет среди нас этого веселого, мужественного человека. А с Петром Юдиным я не расставался почти с самого начала войны. С ним отступали от Белой Церкви до Сталинграда, потом вместе дошли до Берлина.

Я доложил Богданову о гибели известного ему шофера Юдина. Командующий наградил Петра Ивановича посмертно орденом Славы 3-й степени.

Салихова и Юдина схоронили в селе Цорндорф. (Ныне Польская Народная Республика.)

Осадчему осколок попал в правую руку. Он морщился от боли, когда Валя Храмцева делала ему перевязку, но ехать в медсанбат наотрез отказался.

Первые потери в Берлинской операции заставили нас быть осмотрительными. Мы усилили наблюдение за воздухом и дежурных у пулеметов.

Прибежал запыхавшийся радист, сообщил что Кривошеин вызывает меня на плацдарм в село Горгаст. Я немедленно выехал.

Среди развалин расположилась группа командиров частей. Здесь были Хотимский, Вайнруб, Бабаян. Все — в зеленых халатах с капюшонами. Кривошеин лежал на земле чуть поодаль и смотрел в бинокль на ровное поле между селами Геншмар и Гольцов.

Увидев меня, он крикнул:

— Миронов, подойдите поближе.

— Я лег рядом, развернул карту:

— Ваш полк будет входить в прорыв в составе корпусного резерва в направлении Буцлов — северо-восточная окраина Берлина, за бригадой Бабаяна.

Я вздрогнул — очень уж не хотелось действовать в резерве и затыкать бреши своим полком. Комкор заметил это.

— Не горюйте: пока прорвемся к Берлину через укрепления, успеете побывать во всех эшелонах.

В первый эшелон были назначены механизированные бригады, во второй — танки Вайнруба, их надлежало использовать как ударный Кулак на случай развития успеха.

Всех взволновало сообщение генерала о том, что в Берлине полоса нашего наступления проходит через девятый сектор обороны, в котором размещается правящая верхушка вместе с Гитлером.

— Вот бы нам захватить это осиное гнездо! — мечтательно прошептал мне на ухо Вайнруб.

По окончании работы на плацдарме Кривошеин приказал всем командирам частей ехать за ним в штаб корпуса в Кюстринский лес. Вскоре колонна наших машин остановилась возле огромной палатки. Комкор сел у стола. Окинув взглядом собравшихся, он встал, заговорил необычно мягким тоном:

— Товарищи командиры частей, я хочу перед началом исторической битвы за Берлин сказать вам несколько слов не как начальник, а как ваш боевой товарищ.

Офицеры сложили карты и блокноты.

— Итак, друзья, боевая задача нами изучена, планы наступления составлены. Теперь надо действовать смело, решительно, не останавливаясь ни перед какими

трудностями и препятствиями. Помните: нам оказана высокая честь — штурмовать логово фашистского зверя. Будем же достойны доверия командования, партии, народа!

В полк я выехал, когда уже смеркалось. С особой остротой почувствовал потерю Юдина. Из кармана пробитой пулями его гимнастерки я вынул окровавленную красноармейскую книжку, которую бережно храню в своей офицерской сумке. Заменивший Юдина новичок Григорий Финогенов плохо ориентировался в темноте, нервничал. Легковую машину он вел первый раз.

В штабном автобусе меня ждал Козлитин. Из доклада Ивана Федоровича я узнал многое. Территория от Одера до Берлина сплошь покрыта оборонительными сооружениями. Озера, реки, канавы, овраги, населенные пункты — все приспособлено для длительного сопротивления. На подступах к Берлину гитлеровцы соорудили три мощные оборонительные полосы. Первая полоса — Одерско-Нейссенский рубеж глубиной до сорока километров. Вторая проходит по Зеловским высотам и земляным дамбам на Одере, третья — пригороды Берлина со множеством дотов и дзотов. Дальше идет Берлинский оборонительный район из трех кольцевых обводов. Сам город превращен в гигантскую крепость. Берлин разбит на девять секторов во главе с комендантами. Особо укреплен девятый сектор, где в глубоких бетонированных бомбоубежищах укрываются главари фашизма.

Я задумался. Несколькими днями и даже неделями боев здесь не отделаешься. Надо обеспечить подразделения боеприпасами, горючим и запасными частями. Ведь полк за один только залп расходует несколько десятков тонн боеприпасов, а сколько их будет, этих залпов?

Я вызвал Одарчука, Кравченко и Захаркина, чтобы посоветоваться с ними. Кравченко пожаловался, что у него в хозвзводе не хватает солдат, а также нет никаких средств для связи со штабом полка.

Мы с Захаркиным задумались. Отзывать самоходчиков из экипажей было нельзя, без автоматчиков и разведчиков тоже в бою не обойдешься.

— Берите женское отделение под командой Миногян Егоровой, — сказал Захаркин. — Вы знаете, какие это смелые девушки. Особенно Миногян. Она любого мужчину за пояс заткнет. В атаку на Кенигсберг шла в первой цепи автоматчиков...

— Согласен, — с радостью сказал Калистрат Карпович. — Кроме всех боевых дел, девушки помогут мне в тылу коров доить. Мы гоним гурт скота на мясо.

Я вызвал Миногян. Она пришла раскрасневшаяся, пышные черные волосы выбивались из-под синего берета.

— Желаете с командой девушек пойти на помощь тыловикам? — спросил я Егорову.

— Откровенно говоря, меня больше привлекает боевой эшелон, но если надо...

— Будете делать все, что прикажет капитан Кравченко.

Миногян вытянулась.

— Есть, товарищ подполковник.

Нашему хозяйственнику, действительно, было трудно. Кравченко занимался не только снарядами и горючим. И солдатские портянки, и каша в полковой кухне, и эвакуация раненых, и оборона тыла, и множество других дел — все это лежало на

нем. Когда-то мечтавший стать учителем, Кравченко окончил Ярославское военно-хозяйственное училище и стал кадровым офицером интендантской службы.

Вошел начальник штаба. Торопливо вынул из планшетки небольшую бумажку.

— Получил срочную информацию из штаба корпуса, — говорит он. — Завтра, четырнадцатого апреля, стрелковые соединения с утра начинают вести разведывательные бои частью своих сил при поддержке большой группы артиллерии. Наступление стрелковых частей начнется ночью с 15 до 16 апреля. Нам переправляться через Одер 16[-го], а в прорыв входить 17 апреля.

Секунд десять мы стояли молча, стараясь осмыслить весь ход событий.

— Наше командование обязательно придумает что-нибудь неожиданное не только для противника, но и для нас, — сказал я.

— И правильно делает, — отозвался Захаркин. — Ведь внезапность в масштабе целого фронта может решить успех всей операции: у немцев резервов мало.

Стали думать, как лучше переместить полк на плацдарм. Дело в том, что в лесах севернее Кюстрина стоит около семи тысяч танков и самоходок, которые тоже должны переправляться через Одер. Если они все двинутся к мостам до начала наступления стрелковых соединений, дороги окажутся забитыми, а противник сразу же определит направление нашего главного удара.

Я решил опросить разрешения у Кривошеина к утру 16 апреля подвести полк к переправе и вызвать на мост из леса по одной роте. Генерал просьбу удовлетворил.

— Ну, кажется, все. — Простился с Захаркиным, лег на койку. Но тут затрещал мотоцикл. Вошел почтальон, подал мне три письма. Одно было из Мордовии, из села Константиновка. Писал председатель колхоза Буртасов. Он долго воевал, был ранен и демобилизовался. С тех пор мы регулярно переписывались.

Буртасов писал, что идет посевная, не хватает транспорта и мужских рук. Писал о том, что Ромодановская МТС получила тракторы со Сталинградского тракторного. А всего два года назад мы отстояли этот завод в жесточайших боях. Он был разрушен до основания.

Второе письмо было из Саранска. Республиканский музей просил сообщить о боевых подвигах земляков. Третье — из 211-й воздушно-десантной бригады от начальника штаба батальона лейтенанта Борисенко. В 1942 г. я командовал этим батальоном, вместе с Борисенко вылетал в тыл врага с московского аэропорта в Смоленскую область, в лес, под село Озерище.

Борисенко передавал горячий привет от друзей-десантников. Это письмо принесло мне большую радость. Вспомнил генерала Белова, Казанкина, Баранова, с которыми на Смоленщине совершал рейд по тылам врага и уходил в брянские леса. Тяжелое это было время.

Глава 3. Начало исторической битвы

Ночь с 16 на 17 апреля на Кюстринском плацдарме выдалась темная, безлунная. Из-за Одера доносилась редкая артиллерийская стрельба, то вспыхивал, то гас ружейно-пулеметный огонь. Обычная фронтовая ночь.

Но войска не спали. Через несколько часов начнется наступление на Берлин.

В назначенное для наступления время на плацдарме, словно спохватившись, нарушила тишину пушка. Своим выстрелом она как бы разбудила катюши. От них огневую эстафету приняли артиллерийские и минометные батареи. А что делали артиллеристы? Это было удивительно. Ночная тьма то разрывалась, то тряслась, то разом вспарывалась, и плацдарм появлялся на одну-две секунды в столбах дыма и огня. До нас уже доносились приглушенные автоматные и пулеметные очереди из первой траншеи, где была наша пехота. Должно быть, она вела бои с передовыми частями 9-й немецкой армии.

В небо уперся белый луч прожектора. Это сигнал: прекратить артиллерийскую подготовку и поддержать пехоту огнем. Танки и пехота пошли в атаку. Загремело грозное русское «Ура!».

А по мостам через Одер нескончаемым потоком еще шли танки и самоходки. Наш полк двигался за танками Бабаяна. Я хотел проехать по мосту в легковом автомобиле, но не тут-то было! Грузовые и боевые машины шли впритирку и могли раздавить легковушку. Пришлось пересесть в самоходку. Она пролезет где угодно. Шоферы и мотоциклисты боятся ее, как огня, и поэтому все нам уступают дорогу, кроме, конечно, танкистов. Те за себя постоять умеют.

Утром 17 апреля получили приказ: следовать через горловину прорыва в направлении Зелова. И вот мы вместе с частями танковых армий, входящих в подвижную группу фронта, стремительно продвигаемся к Зеловским высотам в общем стальном потоке.

Случайно замечаю у одного автоматчика потрепанные сапоги.

— Скажи старшине, чтобы заменил, — говорю ему.

— Ничего, товарищ подполковник, до Берлина хватит.

На Зеловских высотах гитлеровцы остановили советские войска. Там они сосредоточили большое количество артиллерии, врыли в землю самоходки, танки. Все склоны высот были изрыты траншеями. Подступы к ним прикрывались проволочными заграждениями и минными полями.

Наш полк наступал севернее Зелова на Гузов, Платков, Бацлов. В Гузове экипажи самоходок обеспечили переправу 37-й бригады через реку Альт[е] Одер. Иван Иванович Холопов открыл огонь по замку в Гузове и уничтожил в нем вражеских пулеметчиков, а потом поджег бронемашины, выдвинутые против нас, из 11-й мотодивизии СС «Нордланд» 56-го танкового корпуса генерала Вейнлинга.

Тут же произошел смешной случай. К реке Альт[е] Одер из платковского леса вышли дикие козы, чтобы напиться воды. У Холопова, видимо, от длительной стрельбы глаза были утомлены, и он принял коз за пехотинцев.

— Открываю огонь по пехоте, — доложил он и спешно произвел несколько выстрелов.

Захаркин посмотрел в бинокль за реку и рассмеялся.

— Наш старик совсем опрофанился. Вместо пехоты на берегу козы валяются.

Стоявшие рядом автоматчики хохотали.

Зато полковой повар Филипп Степанович Зюльев на весь полк расхваливал Ивана Ивановича, когда угощал нас замечательным борщом из козлятины. Он доказывал, что лучший наводчик в полку и лучший хозяйственник — это Холопов Иван Иванович.

Колонна остановилась перед горящим Бацловом. Уже несколько часов подряд в селе грохотал бой. Руководил им командир корпуса генерал Кривошеин.

Военный совет фронта принял решение — ввести в бой резервы и сбить противника с занимаемого рубежа. Над Зеловскими высотами появились сотни бомбардировщиков и штурмовиков. На рассвете пехота возобновила атаку. Я выезжал в командирскую разведку и видел движение наших частей.

Справа — танки Веденеева. Слева шли танки Вайнруба. В оперативном отделе корпуса я узнал, что войска Первого Украинского фронта, введенные в прорыв с Сандомирского плацдарма, продвигаются на запад успешно.

Карабкается по круче пехота. Надрывно гудят моторы танков и самоходок, лезут на высоту тягачи с минометами, подтягивается артиллерия.

После повторного удара артиллерии наступление пошло быстрее. Овладев Зеловскими высотами, наши войска развернули ожесточенные бои за вражеские опорные пункты Буцлов, Буков, Фюретенвальде.

Если в марте в Германии была распутица, дождь и грязь, то в апреле стало солнечно, тепло и сухо.

Горели леса, подожженные немцами, и весенний ветер обдавал нас запахом гари и кипящей смолы. Бои были упорные и кровавые. Но зато дороги хороши. Самоходки и танки по асфальту идут быстро. Заезжаем в небольшое село. Населения нет. Пусто. На улице валяются трупы немецких солдат. Мостовые усыпаны патронами. Повсюду разбросаны винтовки, гранаты, фаустпатроны, каски, шлемы, ботинки. Видимо, все это принадлежало фольксштурму — тотальной армии Гитлера.

Глядя в триплекс, я видел телеграфные столбы, высоковольтные линии, дачные поселки, окруженные цветущими яблонями, заводы, многоэтажные дома. Начали появляться дачи берлинских магнатов. Проехали мимо роскошной голубой дачи Геббельса, желтой дачи Робинтропа.

На ближних подступах к городу противник снова оказал ожесточенное сопротивление. Четверо суток здесь не умолкал бой, а наш полк все еще был в резерве. Мы маскировали самоходки в лесу, продвигаясь за первым эшелоном корпуса. Люди нервничали. Всем хотелось поскорее в бой.

Но вот передовые части, овладев пригородом Цепеник, к десяти часам 20 апреля были остановлены противником перед Мальховом — селом в двух километрах северо-восточнее Берлина.

Мы с Захаркиным легли в кустарник и начали наблюдать за врагом.

Мальхов был опоясан окопами, заполненными пехотой. Слева, в Вартенберге, вспыхивали огоньки, доносился грохот орудий. Части корпуса клином врезались в немецкую оборону. Мы очутились в огненном мешке.

Кривошеин решил расширить и углубить клин, рассчитывая его острием достигнуть Берлина. Ко мне подъехал Ершов, назначенный начальником штаба корпуса.

— Наши передовые части перерезали окружную железную дорогу, — сказал он. — Командир корпуса принимает меры, чтобы овладеть Мальховом, а потом всеми силами атаковать город.

— Вот и отлично, — обрадовался я. — Теперь и мы поработаем!

— Идите к комкору, он поставит вам задачу. Вон... у зеленой радиомашины.

Я подошел к радиостанции Кривошеина. Генерал говорил с Богдановым. Из разговора я понял, что командующий доволен результатом первого этапа наступления, но требует ускорить захват Мальхова у городского района — Вейсензее. Кривошеин дал мне знак рукой — ждать его в полку.

Глава 4. На окраине Берлина

Теплое апрельское утро. С восточной стороны из-за желтовато-белой цветущей кипени садов поднялось большое красное солнце. Рядом широкое асфальтированное шоссе, окаймленное стройными молодыми черешнями. На указателе дороги надпись: «До Берлина 7 км». В стороне от блестящего асфальта, на зеленой лужайке, остановилась светло-зеленая колонна стальных гигантов — тяжелых самоходок. Лучи солнца разбросали на корпусах машин тысячи «зайчиков». А там, за деревьями, от ударов нашей авиации гудит и стонет земля.

Самоходчики, одетые во все синее, лежат группами на траве, ждут приказа для наступления на Берлин. Немного поодаль, у странно розовых кустарников, лежа на разостланной плащпалатке, рассматривает карту командир четвертой роты Валентин Мусатов. Взъерошив темно-русый чуб, сдвинув густые черные брови, он хмурится и ровными белыми зубами кусает сочную травинку. Ему известно, что на пути к Берлину есть серьезная преграда — внешний обвод обороны немецкой столицы. Видимо, Мусатов обдумывает возможные варианты боя.

Валентин хорошо усвоил формулу: руководить — значит предвидеть, а предвидеть — значит предварительно обдумать все будущие действия, и не только свои, но и людей, которыми командуешь.

Мусатов начал войну совсем мальчишкой, едва успев закончить десятилетку. Как-то на привале мечтательно сказал, что его любимые герои — Чапаев, Котовский, Щорс. Восторгался боевыми делами Семена Моисеевича Кривошеина в Гражданскую войну, в Испании и на Дальнем Востоке.

— Здорово, — говорил Мусатов, — что этот герой прославленной Инзенской дивизии стал теперь нашим командиром.

А вот и сам Кривошеин. Он приехал на штабной радиомашине, на плечах у него темно-зеленый плащ, пробитый пулями. Генерал разъяснил нам боевую обстановку.

— Пехота внешний обвод обороны Берлина не пробьет. Здесь нужны сильные бронированные машины. — Кривошеин попросил у меня боевую карту.

На ней он провел красную стрелу от Бирххольца к Мальхову, а затем загнул ее к северо-восточной окраине Берлина. Прищурив правый глаз, генерал с улыбкой произнес:

— Вот вам Берлин. Что хотите с ним, то и делайте. Я, кажется, немного смутился и сказал:

— Шутите, товарищ генерал. Кривошеин нахмурился и пояснил:

— Огнем и бронью тяжелых самоходок и танков нужно протаранить внешний обвод обороны в Мальхове и ворваться в Берлин вместе с пехотой бригад.

Все было ясно. Мы с Пажитновым построили людей. Суровые, закаленные в боях, стоят они в строю. Вылепляется здоровенная фигура «отца механиков». Вытянулся Мусатов. Вот забинтованные головы Федора Короткова. Николая Гольдмана и Тихона Хоруженко. Видно, их поцарапало в последнем бою. Заметна необычная торжественность, настроение у всех приподнятое.

Я смотрю на своих солдат, и чувство уверенности в победе все больше укрепляется во мне. С такими людьми любое задание, каким бы оно трудным ни было, будет выполнено. Многие из них не первый раз идут в бой. А такие ветераны, как Валентин Мусатов, Николай Иванов, Петр Жевнеров, Александр Болдырев, Аркадий Ронин, Иван Козлитин, Иван Шабалин, Анатолий Пожитнов, Михаил Захаркин, пришли сюда с боями от стен Москвы.

Перед ротой Валентина Мусатова я поставил задачу: наступать в первом эшелоне, а на марше, в момент сближения с противником, его рота должна быть направляющей. Валентин обрадованно блеснул глазами.

— Спасибо за доверие, товарищ командир! Натянул ребристый танковый шлем и поехал по шоссе, идущее к Берлину.

За ротой Мусатова пошла рота Николая Ивановича. Он тоже получил задачу: во взаимодействии с Мусатовым и танками Хотимского и Соколова ворваться в Мальхов. В дальнейшем наступать на северо-восточную окраину Берлина.

На последнем привале коммунисты полка единогласно приняли Иванова в члены коммунистической партии. Только что майор Осадчий подошел к нему, подал прямо в люк партийный билет и сказал:

— Поздравляю!

Мусатов встретил на своем пути первое препятствие. Поперечная дорога из Буха в Бирххольц представляла собой высокую земляную насыпь и не давала возможности развернуть роту в боевой порядок. Хотя и опасно было, но дальше пришлось вести роту в колонне. Увеличив скорость, самоходки успешно прошли село Шванебек.

Через офицера связи я передал Мусатову, что за Шванебеком нужно немедленно развернуть роту в «боевую линию», на что он ответил:

— Встретил еще более высокую поперечную дорогу. Проводить колонну можно только под мостом по дороге у высоты с отметкой 71,3. Попытка развернуть роту в «линию» не удалась.

Мы понимали, что это значит. Своевременно развернуть полк в боевой порядок — это прежде всего сохранить жизнь многим солдатам и офицерам. Да и вести огонь по врагу из «боевой линии» лучше.

— А все-таки стремись к этому, посмотри лучше места вправо и влево, — посоветовал я.

Валентин поговорил по радио с командирами машин Тихоном Хоруженко, Сергеем Бушуевым, Василием Шевчуком и остановил роту. Потом они поползли в сторону от шоссе. Я видел их синие фигурки на фоне желтого глинистого поля. Так продолжалось десять, двадцать, тридцать минут.

Я уже стал беспокоиться. Нельзя так долго стоять под носом у врага. Нас могли разбомбить с воздуха. Послал офицера связи к Иванову и потребовал от него обогнать роту Мусатова и атаковать Мальхов. Только вторая рота сошла с дороги, четвертая двинулась вперед. Видно, Мусатов не хотел уступать первенство.

Впереди шла самоходка Мусатова, за ней — Хоруженко, затем — Лушпа и уже потом — машина Иванова. Весь полк следовал за смельчаками.

Наконец мы увидели Мальхов — большое немецкое село на высотке. До него было метров четыреста. Домики с высокими черепичными крышами тянулись двумя рядами вдоль шоссе. Ко мне подполз полковник Хотимский, и мы осмотрели Мальхов в бинокли. Справа от села, к пригороду Панков, протянулся противотанковый ров, слева — топкое болото. У входа в Мальхов — баррикада из камня и бревен. Может случиться одно из двух: либо порвется гусеница, либо заглохнет мотор. Хотимский обещал к Мальхову выдвинуть танки «шерманы».

Мусатов приказал механику-водителю своей самоходки технику-лейтенанту Ивану Кузнецову увеличить скорость, преодолеть баррикаду и ворваться в село. А командирам машин ударить по баррикаде из пушек и не допускать к самоходкам «панцирфаустников». Во все стороны полетели камни и щепки, но баррикада не разрушалась. Она только немного осыпалась.

Машина Мусатова понеслась к баррикаде. И сразу же навстречу ей из-за противотанкового рва полетели палки с белыми шарами на концах. Падая на землю, они с треском разрывались. Тогда Иванов стал бить по рву осколочными снарядами.

Мусатов по радио доложил мне, что беспокоится, как бы самоходка не заглохла на баррикаде и фашисты не уничтожили ее фаустпатронами в тот момент, когда она преодолеет препятствие. Я стал торопить нашего «папашу» (так офицеры называли Муравьева), чтобы он со своими автоматчиками помог Мусатову ворваться в Мальхов.

Механик-водитель Иван Кузнецов снова пошел на баррикаду. Гусеницы, словно гигантские стальные лапы, легли на нее. Камни с шумом ухнули под корпус самоходки, перетерлись в муку, но машина работала. Затем плавно опустилась на улицу Мальхова.

Итак, одна наша стальная крепость ворвалась в Мальхов — мощный опорный пункт врага.

Я послал офицера связи к Иванову, чтобы поспешил на помощь Мусатову. Туда же направил автоматчиков Муравьева. Ко мне подошли взволнованные Осадчий и Захаркин.

— Мусатов-то один, — сказал Захаркин.

— Как вы думаете, минут тридцать он там продержится, пока подойдет помощь? — спросил я.

— Умрет, но не отступит. Человек на редкость упорный, — ответил Осадчий.

— Ну, хорошо, товарищи, идите в роты, помогайте им быстрее двигаться вперед.

Осадчий и Захаркин ушли, а меня не покидало беспокойство за Валентина. Я старался чаще говорить с ним по радио.

— Жарко в Мальхове, — докладывал он, — триста метров отъехал от баррикады, самоходку оцепили немцы. Стреляем с места из пушки и автоматов. Николай Гольдман и Иван Кузнецов через люк швыряют гранаты, чтобы не подпустить «панцирфаустников» к машине. Кругом стрельба, огонь и дым.

— Крепись, дружище, идем тебе на помощь. Ни в коем случае не отходи назад.

— Об этом не может быть и речи.

Через несколько минут я снова говорил с ним.

— Ну, как идут у тебя дела? Валентин сильно кашлял.

— В машину ударил фаустпатрон. Все-таки достали меня эти стервецы. Задыхаюсь от дыма, оглох, плохо слышу. Не могу сообразить, что произошло. Я сидел на месте наводчика и стрелял из пушки. Старший сержант Гольдман стоял позади меня. Вдруг сильный удар, ослепительное пламя. Что-то ударило меня по затылку и одновременно послышался стон. Оказывается, фаустпатрон прожег бронь как раз в том месте, где стоял Гольдман. Мгновенная смерть.

— Вот беда... А что с машиной? Мотор работает.

— Что ты думаешь теперь делать?

— Броском переберемся в подвал. Вылезем из самоходки через аварийный люк. Мы его открыли. Будем оборонять машину.

На этом связь с Мусатовым прервалась. Я побежал к баррикаде. Самоходчикам мешал заглохший танк. Его оттащили тросами в сторону, и в Мальхов пошла самоходка Хоруженко. За ней Лушпа и Иванов. За ними побежали автоматчики Муравьева. Среди них наш Юра с автоматом в руках.

Когда подоспела помощь, Мусатов вылез из подвала. Я посмотрел на него и ужаснулся: он был бледен, на голове блестели седые волосы.

— Жаль Гольдмана, — сказал Валентин. — Ведь по национальности он немец, а бил фашистов беспощадно.

На южной окраине села самоходка Мусатова была подбита зенитными пушками. Танки, которые шли за ней, загорелись. Валентин пересел в машину лейтенанта Хоруженко и приказал Шевчуку и Бушуеву двигаться к Берлину под прикрытием самоходок Иванова.

Завязался ожесточенный бой с вражескими зенитками и «фердинандом», которые были в более выгодных, условиях: окопы их замаскированы. Наши самоходки находились в открытом поле.

Мусатов доложил по радио, что в машину Хоруженко попал снаряд. Тихон погиб. Валентин пересел к Сергею Бушуеву, и бой продолжался. Вели стрельбу и самоходки Иванова. Но дальше, к Берлину, никто не продвигался. Танкисты и самоходчики собрались за баррикадой. Всматривались в сады Панкова.

Впереди, метрах в двухстах, у поворота дороги росли деревья. За ними можно и наступать дальше. Командир второй роты Николай Иванов решил поговорить с людьми. Сняв с головы запыленный шлем, он причесал густой светло-русый чуб и спокойно спросил:

— Ну, друзья, кто рискнет первым рвануть к деревьям? Трусов в «стальной гвардии» нет и быть не может.

Наступило молчание. Каждый понимал, что надо рисковать жизнью.

— А кто прикроет? — тихо отозвался младший лейтенант Лушпа.

— Я. Буду бить по целям, которые замечу, — ответил Иванов.

Виктор Лушпа — худощавый, стройный офицер, смотрел вдаль, словно измерял расстояние до деревьев, и решительно бросил папироску.

— Убирайте к чертям танки и самоходки с дороги, я пойду первым. Как, механик, согласен?

Механик-водитель Коротков пожал широченными плечами.

— А что же делать? Не век в этом паршивом селе стоять. От Москвы в Берлин шли, а как подошли — встали и топчемся на одном месте. Поехали, командир!

— Экипаж, в машину! — скомандовал Лушпа. Техник-лейтенант Коротков, старший сержант Черный и Кожевников последовали за ним. Это лучший экипаж во второй роте.

Впереди показался длинный окоп, из-за бруствера выглядывали головы немецких солдат в низко надвинутых касках.

— Смотрите, в окопе немцы! — предупредил я по радио Лушпу. Его экипаж стал в упор стрелять из пушки по пехоте.

В окопе стали рваться снаряды. Лушпу поддержали танк Яши Осипова и рота Мусатова. Немцы сдались. Меня вызвал Хотимский.

— Надо нажимать! Если до темноты не ворвемся в Берлин, присохнем на этом поле. Я сейчас продвину пехоту, ты ударь по первой траншее, а Вайнруб подтянется к противотанковому рву.

Я взглянул в триплекс. Немцы выкатывали вперед зенитные орудия, переводили их стволы в горизонтальное положение. «Панцирфаустники», не маскируясь, ползли нам навстречу. Вперед вырвалась самоходка Короткова. Фашисты, не успев выстрелить, были смяты гусеницами. Федор направил самоходку к траншее, грозя проутюжить засевшую в ней пехоту. Немцы в ужасе побросали оружие и подняли руки.

Коротков развернул машину в направлении к Берлину. Но в ту же секунду по самоходке ударил фаустпатрон. А потом я увидел: из открытого люка старший сержант Черный и сержант Кожевников вытаскивают Короткова. У него не было ног. Федор стонал и просил водки. Но водки ни у кого не было.

Лушпа успокаивал Федора: «Федя, терпи, закуси руку зубами... Потерпи...».

С каждой минутой раненый слабел. Лицо его побледнело, щеки запали, волосы прилипли к покрытому испариной лбу. Коротков глубоко вздохнул и затих. Подошел врач из 25-го медсанбата 23-й гвардейской стрелковой дивизии, проверил пульс и покачал головой.

Короткова увезли и вскоре сообщили, что он умер на операционном столе. Его похоронили в селе Зефельд под Берлином.

С утра 22 апреля наступление возобновилось. Теперь уже все машины вышли из Мальхова. В боевых порядках войск на танке появился Кривошеин.

Справа наступает Бортовский. Рядом со мной танк Яши Осипова — узнаю его по номеру. Он сегодня получил за Берлин орден Красной Звезды. С Осиповым прорываются к городу самоходчики Болдырева и Коростелева. Боевой порыв нарастает.

Как вихрь, ворвались танки и самоходки на Берлинер-аллею, с ходу расстреляли из зенитных пулеметов сопротивляющихся фашистов. Остановились возле огромного многоэтажного здания. Здесь начинается город. Вскоре к самоходкам Болдырева и Коростелева подошла машина «отца механиков», а за ней — остальные и пехота. Мусатов с автоматчиками вбежал в дом, вывесил на балконе красный флаг. Такие же флаги появились и на соседних домах. Внешний обвод обороны Берлина был прорван.

Под аплодисменты однополчан я вручил Мусатову орден Александра Невского, Иванов получил орден Красного Знамени, Лушпа — орден Красной Звезды.

Вайнруб доложил Кривошеину о вступлении наших войск в Берлин. Комкор сказал:

— Сейчас же доложу в штаб армии.

С быстротой молнии долетело до Москвы сообщение о боевых успехах передовых частей 1-го мехкорпуса и 3-й ударной армии генерала Кузнецова. Наш полк получил благодарность от Верховного главнокомандующего и был награжден орденом Суворова. (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11.6.45 г.)

За героизм и мужество, а также за умелое управление войсками в боях при прорыве обороны противника на подступах к Берлину и в самом Берлине и нанесенный удар врагу, урон в живой силе и технике указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 г. Кривошеину С. М. и Миронову В. Б. присвоено звание Героя Советского Союза.

Тем же указом было присвоено звание героя лучшему механику-водителю П. С. Коростелеву и другим.

Все участники боев от Одера до Берлина получили ордена и медали.

— Даешь рейхстаг! — таков был их ответ.

Ко мне подошел Иван Иванович Холопов.

— Экипажи сильно утомлены, — сказал он. — Разрешите, товарищ командир, немного отдохнуть, а потом можно и до рейхстага.

Раненым делали перевязки. В ожидании очередей они дремали на каменных развалинах. Среди них, свернувшись, спали утомленные боем Мусатов, Иванов, Лушпа. Осадчий посмотрел на них и сказал:

— Все человечество перед ними шапки снять должно.

Глава 5. В берлинских трущобах

Вести бои на узких улицах Берлина еще сложнее, чем в открытом поле. На Берлинер-аллее мы оказались словно в ущелье. Маневрировать было почти нельзя.

А противнику обороняться легче, опираясь на прочные каменные укрытия и применять танки для коротких ударов из-за угла. Из подвалов летели фаустпатроны.

Мусатов и Иванов просили выслать автоматчиков с гранатами, чтобы уничтожить тяжелый немецкий танк, который выходит из укрытия к перекрестку улиц Берлинер-аллее и Герингштрассе и не дает возможности продвигаться в глубь города. Танк поддерживают автоматчики, засевшие в верхних этажах домов.

Захаркин доложил, что автоматчиков в резерве нет. Кроме того, он сказал, что поразить «тигр» гранатами едва ли возможно, ибо пехота штурмовой группы уже применяла их против «панциря», но безуспешно.

Осадчий долго сидел, молча и жадно курил, потом встал и твердо сказал:

— У нас есть два хороших парня, оба москвичи — Болдырев и Городенцев. Смелые ребята. Их надо и послать.

Пажитнов кивнул головой.

— Хороший выбор. Болдырев хорошо себя показал на Висле, а Городенцев — участник всех боев от Москвы до Берлина.

Сначала вызвали Болдырева.

— Семья есть? — спросил Захаркин.

— Отец и мать родом из Тамбова, а живут в Москве. Не женат. Только вот невеста там где-то на Нижней Первомайской. После войны хотел вас на свадьбу позвать.

— Сколько же вам лет? — поинтересовался я.

— В двадцать третьем на свет появился.

— Где вы учились, Александр Иванович? — спросил Пажитнов.

Болдырев улыбнулся.

— Да я же вам докладывал, что из Челябинского танкового. Помните, мы в полк на самоходках приехали в октябре сорок третьего. В Пушкине это было, под Москвой. Вы еще тогда начальником штаба полка были.

— Ах, да, да, запамятовал. Вы тогда мне надоедали: то вам запасных частей к самоходке не хватало, то ремонтники не все сделали... — вспомнил Пажитнов.

— Этот «цыпленок» старого петуха забьет, — засмеялся Осадчий и серьезно добавил: — Комсомольцы на него не жалуются, готовится в партию.

— Так вот, товарищ техник лейтенант, возьмите побольше фаустпатронов, пробериться на улицу Герингштрассе. Это отсюда полтора квартала. Там идет бой. Не давайте по этой улице подходить к Берлинер-аллее никаким машинам с фашистами, в том числе и танкам. В помощь возьмите Городенцева.

Городенцев был одних лет с Болдыревым, но уже имел двоих детей и жену Варю, оставшихся в Теплом Стане, под Москвой.

Через полчаса прибежал Головачев и передал, что Болдырев и Городенцев ведут бой в подвале небольшого желтого дома, им помогла пехота штурмовой группы. Она очистила от немцев чердак и верхние этажи. Городенцев легко ранен, но из боя не вышел. Через окна подвала просматривались две улицы: Герингштрассе и Берлинер-аллее.

Это известие обрадовало нас. Прошло еще несколько минут, и с Герингштрассе послышался шум танкового мотора, затем выстрел из пушки и несколько пулеметных очередей.

Иванов по радио доложил, что «тигр» впритирку подошел к дому, в подвале которого занял позицию Болдырев. Вдруг сильный взрыв. Мусатов радирует, что «тигр» уничтожен фаустпатроном. Валентин не знал, что это сделал Болдырев.

На Герингштрассе стихла стрельба. За отличные боевые действия Болдыреву было присвоено звание Героя Советского Союза, а Городенцев награжден орденом Красной Звезды.

Запомнился мне еще один эпизод во время боев на Берлинер-аллее.

Мимо нашей самоходки проползли санитары. Людмила со своей командой пробиралась к раненым автоматчикам. Она перевязала солдата, который совсем не мог ползти, положила его на носилки. Берет и руки у нее были в крови. Но тут из-за облаков вынырнул немецкий истребитель. Заглушив мотор, летчик тихо подкрался к полю боя и из пулемета ударил по санитарам.

Я видел, как Людмила повалилась на землю. Санитары Михаил Марийча и Федор Аилов положили ее на носилки и понесли в укрытие за груду камней. В этом бою Лапина вынесла из-под огня восемь солдат и одного офицера. И вот теперь третий раз за войну была ранена. Ее повезли в медсанбат корпуса.

— Люда, как же в Мордовию, поедем? — крикнул я ей.

Она подняла с бронетранспортера голову и ответила слабым голосом:

— Обязательно, как вылечусь...

Вслед за бронетранспортером на легковой машине повезли в тыл убитого командира 35-й механизированной бригады генерала А. Г. Бабаяна.

Нелегко давалось освобождение городских кварталов.

Но штурм Берлина продолжался. На улице, где еще шел бой, появились пехотинцы. Они расклеили на стенах домов листовки. Я спросил высокого немолодого сержанта, из какой они части.

— Мы из армии Н. Э. Берзарина. Военный совет фронта назначил нашего командира комендантом Берлина. Вот приказ о временном переходе власти в городе в ведение советской комендатуры.

— Здорово! Берлин еще полностью не взят, а Берзарин уже берет бразды правления в свои руки.

Ко мне подошел Осадчий.

— Видал? — я кивнул на свежее объявление.

— Как же! Хорошее дело! Теперь наша комендатура быстро наладит снабжение населения продовольствием, восстановит торговлю, городское хозяйство.

Стемнело. Эта ночь в горящем Берлине среди мрачных каменных громад была тревожной. Беспрерывно стреляли фашистские снайперы. Разноцветные ракеты поднимались над улицами.

Прежде всего надо было за ночь отремонтировать подбитые самоходки. В ремонтно-эвакуационную группу, расположившуюся в Мальховской школе, был послан офицер связи к Одарчуку.

Прошло более часа, а офицер не возвращался, как потом выяснилось — погиб. Я на броневике поехал к ремонтникам.

Одарчук встретил меня в просторном спортивном зале Мальховской школы среди токарных станков, подъемных автокранов и неисправных самоходок, у которых при свете ламп работали ремонтники.

— Ваше приказание постараюсь выполнить. Но мало запасных частей, и люди валятся с ног — вторые сутки не спят.

— Пошлите в корпусной склад в Зелов. Там им дадут что надо, а спать сейчас нельзя.

Одарчук тяжело вздохнул. По его изнурительному лицу и красным глазам было видно: капитану приходится трудно.

Ремонтной бригадой командовал старший сержант Александр Дмитриевич Киверов. Невысокий, худенький, он делал все, чтобы выполнить срочное задание. На помощь ремонтникам из танко-ремонтного батальона 9-го танкового корпуса прислали Романа Уланова.

К концу ночи людей стало неодолимо клонить ко сну. Они обливали головы холодной водой и снова принимались за работу. Когда большая часть машин была отремонтирована, Одарчук повеселел.

Но тут над Мальховом появился вражеский бомбардировщик. Гул моторов приближался, нарастал. Через секунду послышался пронзительный свист. Все бросились в ремонтные ямы.

Треск, огонь, дым, пыль. Свет погас. Начался пожар: вспыхнула бочка с запасным газойлем, пламя быстро перекинулось на замасленные брезенты, покрывавшие самоходки. Еще минута — другая, и загорятся машины. А в них — снаряды.

— Тушить пожар! — крикнул Одарчук.

Он сбросил с себя шинель, накрыл ею горящую бочку. Ему сильно обожгло руки, но он вместе со всеми продолжал тушить пожар.

Когда пламя погасло и зажгли свечи, Одарчук стал осматривать самоходки. На них было побито антенное устройство, стволы зенитных пулеметов поцарапаны и требовали замены. У одной самоходки погнута звездочка ведущего колеса.

Киверов всплеснул руками:

— Что же делать?

Одарчук строго взглянул на него:

— Работать! Вот что! — и, обернувшись к солдатам, скомандовал: — Продолжать ремонт!

Из корпусного склада привезли запасные части.

Прибыла техническая летучка. Это была существенная подмога. В третьем часу я уехал из мастерской в Берлин.

Тяжелая ночь прошла. Восходящее солнце осветило Берлин.

Штаб полка расположился в подвале на Берлинер-аллее, и вскоре после моего приезда сюда подошла целая колонна возвращенных самоходок. Одарчук сидел на броне головной машины и улыбался.

Увидев его, Мусатов крикнул:

— Хлопцы! Качнем «доктора» самоходок! Солдаты подхватили Одарчука и с криком «Ура!» начали подбрасывать.

Офицеры повели самоходки в роты, а мы с Захаркиным уточнили обстановку. За ночь произошли большие изменения: кольцо вражеской обороны было рассечено уже не на две части, а на четыре.

Подошел Шабалин, подал мне боевое распоряжение штаба корпуса. Нашему полку совместно с мотопехотой и танками Хотимского было приказано перейти на западную окраину Берлина, овладеть Зименсштадтом, форсировать канал Шпандау-Берлин, а затем вести бои на улицах Шарлоттенбургского района Берлина.

Целую ночь самоходки шли без фар, в темноте, проламывая путь в густых вишневых и яблоневых садах в западную часть Берлина. Только к утру они остановились невдалеке от канала Шпандау-Берлин. Предстояло с боем форсировать канал, затем ударить по зименсштадским заводам.

Впереди нас залегла пехота Хотимского. Немцы ее сильно обстреливали с южного берега канала.

Мы расположились за второй цепью пехоты. Захаркин смотрел в стереотрубу, поставленную в каменных развалинах. Вдруг радостно воскликнул:

— Товарищ командир! Вижу рейхстаг! Я бросился к нему.

— Где, где? Почему же мы его раньше не видели?

— Над городом был туман, теперь он рассеялся. Вон здание с большим куполом в извилине Шпрее. Он самый и есть.

Я не отрываясь смотрел на мрачную цитадель фашизма. Появилось неудержимое желание немедленно ударить по проклятому дому. Захаркин угадал мои мысли, глаза его заблестели.

— Пальнем?

— Пальнем.

Я распорядился поручить эту задачу Валентину, зная его мастерство в стрельбе на большие расстояния. Михаил Иванович бросился к телефону.

— Срочно командира четвертой роты к командиру полка.

Через несколько минут прибежал запыхавшийся Мусатов.

Захаркин коротко сказал:

— Взгляните в стереотрубу.

Валентин, не понимая, в чем дело, нерешительно подошел к стереотрубе, стал смотреть в окуляр.

— Куда наведено перекрестие сетки? — строго опросил Захаркин.

— Вижу высокий серый собор.

— Это не собор, а рейхстаг! Командир приказывает вам открыть по нему огонь всей ротой.

Мусатов благодарно взглянул на меня:

— Спасибо, товарищ подполковник! — и опрометью кинулся в свою роту.

Захаркин достал из сумки толстую тетрадь с надписью на обложке: «Журнал боевых действий 347-го Гвардейского орденов Суворова и Кутузова полка тяжелых самоходок» и записал в нем: «26 апреля в 14 часов открыли огонь по рейхстагу из тяжелых самоходных орудий прямой наводкой».

Мне с н[аблюдательного] п[ункта] было видно, как Мусатов построил механиков и командиров самоходок — высокого Шевчука и приземистых плечистых крепышей Сергеева, Бушуева, Моногарова. Они стояли в зеленых комбинезонах, черных шлемах и слушали, что говорил командир. В это время другие члены экипажей готовили самоходки к стрельбе. Но вот в рации раздался голос Мусатова:

— Осколочно-фугасным!.. Прямо, в глубине города, высокое темное здание с куполом — рейхстаг. По рейхстагу... наводить в центр. Прицел сто. Первой самоходке... Один снаряд...

Огонь!

Пушка Шевчука выплеснула длинное багровое пламя. Снаряд с воем полетел к рейхстагу. Разрыв произошел ближе цели.

Второй выстрел. На этот раз перелет.

— Ну вот, «вилка» есть, теперь можно и накрыть гитлеровскую берлогу, — заметил Михаил Иванович.

Раздался залп всей роты.

Я припал к стереотрубе. Весь купол рейхстага был в белых дымках, над ним взлетели обломки.

Рота дала еще несколько залпов.

Когда стрельба окончилась, я построил роту Мусатова и объявил экипажам благодарность. В ответ громко и дружно прозвучало:

— Служим Советскому Союзу!

В Зименсштадте, за каналом, застучали пулеметы. Трассы потянулись к окопам, в которых лежали пехотинцы Хотимского. Пажитнов приказал командирам рот подавить пулеметы. Раздался грохот орудий. Зеленые берега канала стали черными.

Пехота Хотимского поднялась и продвинулась ближе к каналу. Но прежде чем его форсировать, следовало разведать переправы: целы ли мосты, есть ли броды.

Я решил выслать разведку вечером. Послать саперов, а во главе их бывалого старшину Ивана Ивановича Холопова. Руководить разведкой должен человек смелый, находчивый, понимающий в саперном деле и самоходках — какие пути для них подходящие. Иван Иванович этим требованиям отвечал полностью. Для связи со штабом полка я ему выделил солдата Павлова с радиостанцией.

— Задачу выполнить к часу ночи. Все понятно? — Так точно. Вопросов нет, — ответил Холопов.

Через полчаса разведчики достигли первой траншеи, которую занимала наша пехота. Ползком подобрались к маленькому домику с развороченной крышей, через окно спустились в подвал. Оттуда канал был хорошо виден, и Иван Иванович передал по радио в штаб полка: «Осматриваем подступы к каналу. Берега обрывистые. Ширина небольшая, метров двадцать. С противоположного берега противник стреляет из гранатомета. Подожду, когда стемнеет, и подползу к мосту».

Наконец стемнело. Разведчики поползли к каналу. На берегу, поросшем тальником, «замерли». В черной, холодной воде зыбко отражались неяркие звезды. На мосту слышался немецкий говор, вспыхнула прикрытая рукой спичка.

— Поплывем к мосту, — сказал Иван Иванович. — Павлов останется на берегу для связи со штабом.

Скользя ногами по глине, по очереди, бесшумно стали опускаться в воду. Впереди — Иван Иванович, за ним — сержант Гаврюхин, солдаты Пузычев и Бабашев. Студеная вода, поднимаясь к горлу, обжигала тела.

— Плывут к мосту едва различимые над водой, — доносит Павлов.

В небо взлетели ракеты, осветили мост. Разведчики все, как по команде, нырнули. Вот и каменные устои моста, скользкие от тины. Прямо над разведчиками, вверху, шагает часовой. Чей-то резкий голос отдает приказание, топают сапоги.

Павлов сообщил в штаб полка:

— Саперы обследовали мост — обнаружили две мины. Обезвредили их и поплыли обратно.

— Молодцы! Как ловко орудовали под носом у немцев! — радовался Захаркин, делая пометку на карте: «Мост разминирован».

Шло время, а разведчики не возвращались. Связь с ними прервалась. Захаркин несколько раз выходил из самоходки и угрюмый возвращался назад.

Но вот послышались шаги. Весь мокрый и дрожащий, Иван Иванович хриплым голосом доложил, что задание выполнено.

Я поблагодарил бойцов, велел Мусатову дать разведчикам по сто граммов водки.

Вскоре наши машины вместе с пехотой повели наступление на мост, осыпая снарядами Зименсштадт и вражеские окопы между каналом и Шпрее.

Немцы бросились к реке, преследуемые пехотой Хотимского и самоходчиками. Это были фольксштурмовцы — тотальные воины. Пожилые и совсем мальчишки в мундирах не по росту. Бледные, перепуганные, они рады были сдаться в плен, чтобы остаться в живых.

Но это пока был частный случай. Бои продолжались с прежним упорством и ожесточением. Штурмовая группа с большим трудом овладела подвалом и первым этажом шестиэтажного дома. В верхних этажах засели фашисты. Самоходки не могли стрелять из-за большого нагромождения зданий. Тогда солдаты взорвали дом. И всем этим руководил наш бесстрашный подрывник Кабельбек Бабашев.

Разведка, посланная в соседний дом, противника не обнаружила. Солдаты беспрепятственно вбежали в подъезд, связисты протянули провод. Но как только вошли в комнаты и установили телефонный аппарат, со всех сторон засвистели пули. Оказалось, что в стенах прорезаны узкие бойницы.

Из дома выйти было нельзя. Положение стало тяжелым. Но Бабашев и тут нашел выход: облил горючей смесью кресла, они загорелись, и комната наполнилась дымом. Тола у него не было, остались учебные взрывные пакеты. Он начал поджигать их запалы и взрывать. Это подействовало на немцев. Они спешно покинули дом.

Преодолевая сильное сопротивление врага, наш полк переправился через Шпрее и вместе с танками и мотопехотой 1-го мехкорпуса завязал бой на улицах Шарлот-

тенбурга. Здесь немцы оборонялись с еще большим упорством: они избегали окопов, залезали в глубокие подвалы домов, стреляли из окон.

Мы начали готовиться к завершающим боям.

Глава 6. Этого забыть нельзя

Шарлоттенбургский район Берлина показался мне еще более мрачным, чем Вейсензее и Зименсштадт. Каменные стены домов были еще больше закопчены. Видно, что их никогда не белили и не красили. Улицы и переулки уже. А по ним нужно было вести тяжелый полк в центр Берлина к Тиргартену и рейхстагу. А ведь длина только одной самоходки, если считать с пушкой, более десяти метров да ширина около четырех. Нам приходилось ломать стены, заборы.

Впереди шел «отец механиков». За ним — рота Иванова.

Куклин, видимо, не забывал своего обещания — первым прорваться к рейхстагу. Он мстил за гибель своих друзей: Гумара Салихова и Федора Короткова.

Иванов радировал мне, что Куклин углубился в оборону врага и находится далеко от роты.

Я послал на помощь экипажу взвод автоматчиков лейтенанта Оличева, но было уже поздно. Самоходка загорелась от удара фаустпатрона. Все члены экипажа выпрыгнули из машины, а Василий Филиппович погиб.

Мы сняли шлемы и долго стояли молча. Четыре дня не дожил Куклин до полного падения Берлина и два дня до взятия рейхстага, к которому он так рвался. Командование высоко оценило боевые заслуги Василия Филипповича, наградив его посмертно орденом Отечественной войны 1-й степени.

Куклина схоронили в садике у большого серого дома, вблизи от колонны Победы в Берлине.

18 февраля 1959 г. «Красная Звезда» опубликовала материал о подвиге Куклина. Он заинтересовал земляков Василия Филипповича, и директор Кировского краеведческого музея Устюгов обратился ко мне с просьбой указать адреса родственников героя, чтобы собрать у них вещи и документы для экспонирования.

И вот теперь, когда я пишу эти мемуары (через 23 года после подвига Куклина), почтальон подает мне письмо из Новосибирска. Под письмом шесть подписей: жены и пятерых детей Василия Филипповича — Екатерины Ильиничны, Анны, Виктора, Петра, Владимира и Анатолия. Дети В. Ф. Куклина стали взрослыми и уже имеют своих детей. И внуки Василия Филипповича чтят память своего героического дедушки.

Глава 7. Последние усилия

Как известно из исторических документов и из воспоминаний генерала Вейдлинга, с 29 апреля и по 2 мая 1945 г. главари фашизма находились в агонии, нервничали и ссорились. Их власти, их жизни пришел конец.

Положение Берлинского гарнизона тоже было незавидным. Гитлеровские части несли большие потери. Все продовольственные склады, размещавшиеся на окраинах города, были уже захвачены нашими войсками.

29 апреля 1945 г. на улицы Шарлоттенбурга вошла пехота 1-й Польской дивизии имени Костюшко, прибывшая к нам на помощь. Темп нашего наступления увеличился.

Положение наших войск становилось все более выгодным: снабжение боеприпасами, горючим, продовольствием было налажено превосходно. Плотность огня беспрерывно возрастала. По показаниям пленных немецких генералов, только в боях за Берлин было убито и ранено более ста тысяч немцев.

На одной из улиц Шарлоттенбурга в глубоких окопах я увидел четыре огромные машины. Здесь размещался штаб нашей армии. Я подошел к рации в надежде встретить офицеров штаба своего корпуса и узнать у них обстановку в Шарлоттенбурге. Дверь в радиоаппаратурную была открыта. У большого ящика с множеством ручек сидел Богданов. Он отдавал распоряжения командирам корпусов.

— Товарищ двадцатый, переправьте оставшиеся в вашем резерве части через Шпрее, они должны наступать к квадрату двадцать три.

Я взглянул на карту: команда подавалась С. М. Кривошеину. В двадцать третьем квартале находился Тиргартен. Меня удивила смелость замысла Семена Ильича. С выходом частей нашего корпуса к Тиргартену вражеская группировка еще раз рассекалась на части. Это могло лишить возможности командующего обороной Берлина, генерала артиллерии Вейдлинга управлять своими войсками. Он уже и так потерял связь с отдельными частями, действующими в разных районах города.

Командир 12-го танкового корпуса генерал М. Ф. Салминов докладывал, что «работу» совместно с Берзариным он закончил. Богданов приказал ему прибыть за получением боевой задачи.

В рации раздался могучий бас комкора Н. Д. Веденеева. Его войска совершили обходный маневр севернее Берлина с 47-й армией. Немецкая группировка в северных пригородах Берлина разгромлена. Генерал просил пополнить танковые части офицерами.

— За выполнение боевого задания спасибо, а вот свободных офицеров у меня сейчас нет, — ответил Богданов, — попрошу у Москвы.

Затем Семен Ильич перешел ко второму радиоаппарату и начал вести, переговоры цифровым кодом. Я понял, что он получает распоряжения от военного совета фронта.

В машину вошел член военного совета армии генерал Н. М. Латышев.

— Вот какое дело, — обратился к нему Богданов, — от нас требуется частью сил ударить вдоль Шпрее на восток, чтобы помочь В. И. Кузнецову овладеть рейхстагом.

— Правильно. Нельзя позволять врагу собраться с силами, — согласился Латышев.

Я отошел от рации и услышал из окна подвала, расположенного рядом с радиостанцией, размеренное постукивание телеграфного аппарата и громкий голос Алексея Ивановича Радзиевского, отдававшего распоряжения по телефону подчиненным штабам.

— Поймите же, товарищ Ершов, ослабление натиска наших войск сейчас совершенно недопустимо. Гитлер будет цепляться за оставшиеся у него части Берлина до тех пор, пока мы его не «возьмем за горло».

Где-то в глубине подвала стучал аппарат «Бодо». От этого подвала связисты тянули провода, хотя их и так было здесь бесчисленное множество.

«Вот это управление войсками!» — подумал я и направился в свой штаб, который размещался на соседней улице в здании завода по изготовлению фаустпатронов. В цехах лежали груды шарообразных болванок и ручек к фаустпатронам, много разных металлических частей.

Штаб расположился в кабинете директора завода. Из окна была видна улица, где наш полк вел бой. В заводском дворе заняла огневую позицию батарея тяжелых минометов. При каждом их залпе со стен сыпалась штукатурка.

— Что нового? — спросил я поднимавшегося мне навстречу Захаркина.

Передовые части Лелющенко и Рыбалко успешно продвигаются нам навстречу. Западнее Берлина, на канале, встретились танки Веденеева с танками полковника Корецкого из армии Лелющенко. Через канал первой переправилась мотострелковая бригада полковника Шамардина из корпуса Веденеева, и затем пехота полковника Корецкого навела мост.

По мосту стали переправляться танки. Имперская канцелярия фашистского «верховного» находилась теперь от нас совсем близко: узел связи Гитлера на улице Бандлерштрассе уже захвачен нашей пехотой. Геббельс покончил с собой. Начальник генерального штаба генерал Кребс запросил у нашего командования условия капитуляции. Но из Москвы ответили: «Никаких условий! Полная и безоговорочная капитуляция!»

И еще одна приятная новость. На рейхстаге водружено Знамя Победы. Бои за рейхстаг начались рано утром 30 апреля и приняли упорный характер. Гитлеровцы сопротивлялись отчаянно. Первые атаки наших войск были отбиты. Однако в 18 часов под прикрытием артиллерийского огня наши солдаты ворвались в рейхстаг.

Тем не менее бой в рейхстаге шел с прежним ожесточением. Я решил усилить наступление на Тиргартен.

Когда Пажитнов получил приказ сосредоточить огонь по имперской канцелярии, он торжественно произнес:

— Четыре года мечтал ворваться в Берлин. И вот мне поручено разрушить огнем берлогу Гитлера. Разве это не почетно? Спасибо, товарищ командир?

Захаркин тоже получил важную задачу. Он должен был подобрать группу автоматчиков во главе с офицером для вылавливания фашистских министров, членов гитлеровского правительства и руководителей нацистской партии.

Михаилу Ивановичу изменило обычное спокойствие: глаза его радостно заблестели, он подбежал к телефону и позвонил Шабалину, чтобы тот остался за него в штабе. Схватив толстую папку, Захаркин спешно исчез за дверью.

Я подошел к окну. В сквере и на привокзальной площади развертывались наши самоходки и пехота Хотимского. Они готовились к наступлению в направлении станции Сивиньи.

* * *

Окруженные и изолированные одно от другого, немецкие войска в Берлине все еще не сдавались. От Мусатова прибежал Павлов и доложил: — Товарищ командир, немцы заходят к нам в тыл. Я еле прорвался.

— Ясно! Передай командиру роты: сейчас вышлю вам на помощь автоматчиков.

Рота Муравьева вела бой на соседней улице. Радиосвязи с ней не было, а переулок, по которому можно было попасть к нему, простреливался. Надо послать связного. Но его поблизости не оказалось. Что делать?

Рядом со мной стоял Юра. Я посоветовался с Осадчим. Как он считает, можно ли послать мальчика к Муравьеву?

Осадчий задумался, потом сказал:

— Что ж, если обстановка требует, надо посылать.

— Ты обижался, что тебе не дают боевых заданий, — обратился я к Юре. — Сейчас есть такое задание.

— Наконец-то, — обрадовался мальчик. — Что надо сделать?

— Беги с пакетом к Муравьеву. Только учти: переулок обстреливается немцами. Медлить нельзя — могут погибнуть наши самоходки... Если встретишь фашистов, пакет уничтожь. Понял?

— Понял! Пройду! — Юра взял пакет и побежал во двор.

Мы с Осадчим подошли к окну. Юра с разбегу перепрыгнул через забор. Пулеметная очередь взвихрила пыль рядом с ним. Мальчик упал в канаву, потом встал и что есть духу побежал дальше. Позади него разорвалась мина.

— Неужели погиб? — прошептал Осадчий.

У меня сильно забилось сердце. Но когда дым от разрыва рассеялся, мы увидели: Юра бежит, перепрыгивая через камни, брустверы окопов.

— Прошел, — с облегчением сказал я.

Прошло минут десять. В переулке показались автоматчики. Стреляя на ходу, они бежали на помощь самоходчикам. Впереди я увидел Муравьева, Головачева Юру.

Вскоре мальчик, возбужденный и сияющий, вернулся в штаб.

— Товарищ командир! Ваше приказание выполнено! Рота Муравьева перешла в наступление!..

Я поцеловал Юру.

— Спасибо, сынок!

Грохот боя у Тиргартена усилился. Я выехал на самоходке в боевые порядки полка и остановился в двухстах метрах от Тиргартена. Впереди стояли самоходки Мусатова. Они вели огонь по аллеям парка, впереди них, развернувшись в цепь, залегла пехота Хотимского. Сильный огонь из парка прижимал ее к земле.

Прибыли танки Вайнруба, встали позади нас. Словно соревнуясь, танки и самоходки стреляли по парку и по замку. От рейхстага по Тиргартену били из пулеметов пехотинцы Зинченко.

Наконец замок загорелся. Желтые языки пламени лизали его серые стены. В одном из окон показалась поднятая на штыке белая тряпка. Из подвала стали выходить солдаты и офицеры с поднятыми руками.

По радио я получил команду от генерала Кривошеина:

— Прекратить стрельбу, остановить атаку.

— Прошу повторить приказание! — не понял я. — Нельзя давать противнику время собраться с силами.

Семен Моисеевич засмеялся и пояснил:

— Берлинский гарнизон капитулировал. Вейдлинг сложил оружие. Война кончилась. Понял?!

Это известие поразило меня. Я зажал голову от радости. Немедленно передал приказание командира корпуса всем подразделениям, а сам еще долго стоял на месте, охваченный каким-то странным, необъяснимым чувством. Тут были и радость победы, и душевное волнение, и удивление, и воспоминания о тяжелых боях. Вот он, долгожданный час Победы! Четыре года небывалой, кровавой войны — и лютый фашистский зверь добит в собственном логове. Добит Советской армией, и в ее рядах те, кто в тяжелом 1941 г., отступая до Москвы, клялся дойти до Берлина. И эту клятву мы выполнили.

Кривошеин приказал собрать полк на митинг в честь Победы. Люди обнимались, целовались, поздравляя друг друга с окончанием войны. Но смерть еще не кончила своей жатвы. Непривычную тишину нарушил винтовочный выстрел. Старший лейтенант Кириченко охнул и повалился на землю. Четыре года войны он был невредим, а вот сейчас лежит у наших ног.

По чердаку, откуда стрелял фашист, ударили наши пулеметы, в дом бросились автоматчики. На третьем этаже они поймали переодетого в штатское платье фашиста и пристрелили его.

— Война окончена, но бдительность нужна, — сказал Осадчий.

Я построил полк и повел роты к колонне Победы. Здесь уже стояли в строю танкисты Вайнруба, мехбригады Хотимского, Петрова и Соколова.

Вот он, праздник Победы! Волна гордости за свою Родину, за свою армию, радость за свой народ захлестнула меня. Радовался я и за наш полк. Тяжелые самоходки закончили свой боевой марш в покоренном Берлине.

Глава 8. В первые дни после войны

Великая Отечественная война закончилась. Первые дни даже как-то не верилось, что это свершилось. То есть, разумом-то понимал, что наступил мир, а нутром, чувством не усваивал. За четыре года выработались военные привычки и даже военная психология...

Захожу в роту автоматчиков и слышу такой разговор:

— И до чего же чудно — идешь по улице Берлина просто так, а не перебежками от укрытия к укрытию. И в тебя больше никто не стреляет, — удивляется пожилой солдат с порыжевшими от махорки усами.

— А я все-таки с опаской хожу, — отвечает ему Юра Головачев. — Иду-то открыто, а сам по привычке все укрытия присматриваю, на случай обстрела.

— Ну, об этом-то и я помню, — смеется пожилой солдат. — Приеду домой к старухе, наверное, на огороде окопчик на всякий случай отрою и замаскирую.

Чувство, о котором говорят солдаты, мне понятно. И я, проходя по улицам Берлина, машинально присматриваю огневые позиции для самоходок, а дома и улицы оцениваю как объекты обороны противника...

Но эти чувства быстро заглушают яркие и новые впечатления. На улицах огромного разрушенного города нас встречали люди почти всех национальностей. Угнанные в рабство французы, поляки, чехи, бельгийцы, датчане и, конечно, русские, украинцы, белорусы... Все они ликовали, благодарили нас на разных языках, смеялись, плакали от радости. Да и каких самых невероятных встреч тут не было!

— Батьку, родненький, — кричит чернобровая дивчина, бросаясь на шею плотного пехотинца с седыми висками.

— Ой, Галю моя, — обнимает ее тот.

А уж их окружили однополчане, поздравляют счастливого отца. А ладный солдат с льняным чубом, по-волжски окая, просит отца:

— Петро, а Петро. Ты ж меня знаешь, вместе воевали, возьми в зятья, внуки будут разведчиками.

А на следующей улице другая встреча. Ко мне подбегает высокий, худой мужчина и тычет себя в грудь пальцем.

— Франсе, франсе... — и тянет за рукав на другую сторону улицы, к краснолицему немцу. Немец в штатском толкает перед собой детскую коляску с каким-то домашним скарбом.

— Фашист гестапо! — с яростью кричит француз и ударяет фашиста по лицу так, что у того слетает с носа пенсне.

Немец проворно отскакивает к стене и выхватывает пистолет. Но выстрелить не успевает. Его обезоруживают. Краснолицый оказался обер-лейтенантом — следователем гестапо. Француз побывал в его лапах.

Берлинцы удивлены, что русские солдаты не грабят, не режут, не насилуют. Много лет фашистская пропаганда вдалбливала им это в головы. И вот теперь они вылезли из подвалов и бомбоубежищ. Осторожно бродят среди развалин, отыскивая свои квартиры, а может быть, трупы близких. Точно так делали жители сотен городов Европы, превращенных немцами в руины.

Нечего и говорить, что первую прогулку по Берлину мы совершили в рейхстаг. Здесь уже побывало много солдат и офицеров различных родов войск Советской армии. Перед входом в огромное, мрачное здание, возле расщепленных гранатами тяжелых дверей какой-то солдат остановился и сказал:

— А як нэ вылыка була у Гитлера сила, а мы ее зломыли. — Поправил пилотку и твердым шагом победителя вошел в рейхстаг.

Да, пожалуй, и я с таким же чувством ходил по опаленным пожаром залам. Здесь Гитлер и его сообщники вершили свое черное дело, обрекали на смерть и муку миллионы людей. И вот все это зло уничтожено.

Иду и читаю надписи на закопченных стенах. Надписей уже тысячи, многие из них назидательные. Вот, например: «Мы пришли с мечом в Берлин, чтобы навсегда отучить фашистов от меча». А рядом более лаконичная: «Запомнят гады путь от Грозного до Берлина. Мурашев». И тут же: «Пусть эти развалины на долгие годы напоминают немецким разбойникам о богатырской силе Красной армии. Карпий, Ровреба, Голдюк».

Многие пишут о своем боевом пути: «Ржев — Рига — Варшава — Берлин», «Ленинград — Берлин», «Мы защищали Одессу, Сталинград и пришли в Берлин», — это написали летчики 2-й воздушной армии. А ниже: «Мы двинские и побывали в Берлине». К этому приписано: «Были и мы — из Якутии, из Донской области, из Чувашии, из Мордовии». А на видном месте большими буквами выделено: «Развалинами Берлина удовлетворен. Беляев».

Все мы сознавали, кто виновник разрушения Берлина. Этих виновников — лидеров фашизма — искали во всех норах города и находили. Разрушенная столица немецкого Рейха — это законное возмездие. Но видно уж так устроен русский человек — не злопамятен он. И при виде голодного немецкого ребенка советский солдат развязывает вещевой мешок:

— Ей, киндер, иди, ессен будем!

Когда я вернулся из рейхстага в полк, ко мне подошел наш начпрод старший лейтенант Комар.

— Товарищ подполковник, — обратился он. — Тут в соседних домах женщины, дети, старики совсем оголодали. Может, их из нашей походной кухни покормить? Продовольствия-то у нас излишки. Это за счет выбывших из полка людей во время боев.

Я разрешил, и скоро у походных кухонь выстроилась длинная очередь — главным образом женщины и ребятишки. Наш повар Зюльев улыбался во весь рот, наливая в миски жирный солдатский борщ.

А в полку уже наступили перемены. Мы с Пажитновым и Осадчим были назначены в другие части. Захаркин получил направление на учебу в Ленинград, в высшую офицерскую школу самоходной артиллерии. Воины старших возрастов готовились к демобилизации. Все руководство полком временно возложили на Шабалина и Постникова.

Наступил тяжелый час расставания. Шабалин в белом кителе с золотыми погонами сидел в штабе, оформляя документы уезжающим.

На крыльце стоял Иван Иванович, грустно смотрел на остающихся в полку друзей, которые чистили во дворе самоходку. На этой машине он прошел с полком большой боевой путь, громил врага, совершал тяжелые марши, и вот надо прощаться...

Иван Иванович глубоко вздохнул, нервно закурил сигарету. Подошел Городенцев, протянул две банки консервов.

— Возьми на дорогу. Больше подарить нечего.

— Спасибо, друг, — Иван Иванович снял с плеч мешок, положил в него консервы, с горечью сказал:

— Тяжело покидать вас... Сколько пережили вместе и радостей, и горя. Сколько раз мы с тобой на волосок от смерти были. Когда теперь увидимся?

Городенцев вздохнул. Иван Иванович вынул из кармана портсигар, протянул ему.

— Возьми на память. Всю войну с ним не расставался.

Я вышел на крыльцо штаба. Вот в последний раз четким строевым шагом прошла передо мной рота Мусатова, дружно грянула мою любимую песню «Дрались по-геройски». Сердце у меня болезненно сжалось...

В штаб вошел Юра. За последние сутки он похудел, осунулся. Шабалин положил ему руку на плечо.

— Ну, Юрий, получай документы. Будешь теперь учиться в Суворовском...

Мальчик закрыл лицо руками.

— Вот тебе и раз! Солдат, а плачет...

— Поезжай, родной! Будь всегда таким же смелым, честным, каким был в полку.

К штабу подошла легковая машина. Шофер сказал:

— Товарищ командир, полк построен на перроне. Наступил час разлуки... Я подошел к самоходкам, окинул их долгим взглядом:

— Прощайте, родные!

Через минуту мы уже ехали по улицам Олимпишесдорфа. Впереди показалось невысокое здание. Возле него на площади выстроились ряды воинов. У каждого на груди блестели ордена, медали. На правом фланге алело гвардейское знамя.

— Смирно!.. Равнение на середину! Оркестр грянул марш.

Иду вдоль строя, всматриваюсь в знакомые лица солдат и офицеров. Вот они, простые советские люди, настоящие чудо-богатыри. Они отстояли свое Отечество, освободили Европу. Ими будут гордиться внуки и правнуки.

Пожалуй, только в момент расставания чувствуешь, какие крепкие узы связывают однополчан. Сегодня эти узы рвутся. Раньше у всех у нас была одна судьба, одна цель. Теперь каждый пойдет своей дорогой.

Я замедлил шаг: хочется продлить неповторимые минуты. Останавливаюсь возле старшины Татарчука. Как геройски ремонтировал он под ураганным огнем наши самоходки. А как спас Козинского! Орел! Лихой старшина в новой гимнастерке с белоснежным воротничком выглядит, как всегда, браво, но немножко грустно.

— Ну, старшина, Рунау не забудешь? — спрашиваю я.

— Как можно, товарищ командир, тот бой на всю жизнь при мне останется. И полк наш буду помнить.

Иду дальше. Вот лейтенант Потеев с белой повязкой на глазу. Вспоминаю ночной бой с «тиграми» в Бюссове.

С радостью вижу в строю старшего сержанта Косарева. Значит, уже вернулся в родной полк после ранения.

— Вот молодец, — говорю я, — а мы считали, что врачи тебя на ремонт поставили на длительный срок.

— Кто сражался под Брюнкеном и Баном, крепко сделан, — смеется Косарев, — да и в Берлин не хотел опоздать.

Прохожу перед строем автоматчиков. Заговорил с Юрой Головачевым — хорошо воевал парень. У него на груди — орден Славы.

— Разрешите обратиться с просьбой? — спрашивает он.

— Слушаю.

— Всю войну воевал. По возрасту не демобилизуют, служить остаюсь. Нельзя ли отпуск получить, мать повидать хочется.

— Поедешь домой на десять суток, — отвечаю я и подзываю Шебалина: — Оформи документы. Пусть Любовь Васильевна порадуется, какой у нее сын орел. Да кемеровские девушки на него полюбуются.

Среди отъезжающих виднеется седая голова нашего начпрода Комара. С третьей войны человек живым и здоровым домой едет. Разве это не причина для волнения. Рядом с ним стоят наши замечательные девушки Миногян Егорова, Аня Ашурина, Фиса Мочалова. Все они уже почти гражданские. Одели цветные платья, но береты и звездочки не снимают.

Обращаюсь к воинам с прощальным словом:

— Дорогие боевые друзья! В последний раз мы стоим здесь в общем полковом строю. Стоим в том составе, в каком сражались с ненавистным врагом. Многие из наших товарищей погибли в боях. Вечная им слава! Мужественные образы «отца механиков», Салихова, Хоруженко, Короткова, Гольдмана, Виноградова, Аксянова, Чернятьева, Бабаяна и других павших героев навсегда останутся в наших сердцах. Вы прошли с полком тяжелый боевой путь и честно выполнили свой долг перед Родиной. Большое вам спасибо за хорошую службу. Командование полка уверено, что демобилизованные будут так же самоотверженно трудиться в народном хозяйстве, как они сражались на фронте, и сохранят боеспособность на случай борьбы с агрессорами.

Громовое «Ура!» заглушило мои слова.

От демобилизованных воинов выступил Иван Иванович Холопов.

— Сегодня мне труднее, чем в самом напряженном бою: приходится проститься с полком, с вами, боевые товарищи...

Голос Ивана Ивановича дрогнул. Он немного помолчал, с трудом сдерживая слезы, потом продолжал:

— Я бил врага в боях от Москвы до Берлина. Но если еще кто нападет на нашу Родину, я разыщу свой полк и снова займу место в самоходке.

Иван Иванович взглядом отыскивал Городенцева.

— Свое орудие и свой автомат оставляю боевому другу, молодому воину Городенцеву и надеюсь, что он будет беречь их.

Городенцев вышел из строя, принял от Ивана Ивановича автомат и, крепко сжимая его в руках, сказал: — Выполню твой наказ, дорогой Иван Иванович, так же, как выполнял твои команды в бою.

Снова прокатилось дружное «Ура!».

Герой Советского Союза Болдырев вынес знамя. Началось волнующее прощание со знаменем. Преклонив колени, воины целовали святыню полка.

Запыхтел паровоз, к перрону подошел поезд. Прозвучала команда: «По вагонам!».

Со мной рядом шли Мусатов, Болдырев, Коростелев, Иванов, Постников, просили не забывать их, писать почаще. Мимо нас с заплаканным лицом прошла Шура, за ней, неся чемоданы, шагал Павлов.

— Не горюй, Шурочка, отслужу свой срок и приеду, — сказал он.

— Я буду ждать тебя.

Прозвучал третий звонок. Я крепко обнял своих друзей — Осадчего, Захаркина, Постникова, Одарчука, Кравченко, Пажитнова, Шабалина, горячо пожал руку Мусатову, Иванову, Козлитину, Муравьеву и многим, многим солдатам и сержантам.

— Прощайте, дорогие друзья!

<...>

Публикуется по изданию:
Миронов В. Б. Стальная гвардия : воен. мемуары. Саранск, 1968. 232 с.
Опубликовано частично:
Миронов В. Б. За счастье Родины : (Воспоминания бывшего командира полка тяжелых самоходно-артиллер. установок). Саранск, 1960. 267 с.

1973 г.

ОТ АВТОРА

В истории Великой Отечественной войны много славных страниц. Одна из них — борьба советских людей в тылу врага на Смоленщине, которая велась в тяжелом для нашей Родины 1942 г.

Легендарная Малая земля стала теперь известной всему миру как символ стойкости и мужества наших воинов: парашютистов, кавалеристов, партизан. Но о многом еще, к сожалению, не рассказано. Подвиги советских людей, совершенные в то суровое и грозное время на древней смоленской земле, ждут достойного отражения в нашей литературе.

В своей книге «Крылатый дивизион» мне хочется восполнить в какой-то степени этот пробел.

Наша борьба на Смоленщине, полная героизма и драматизма, сыграла особую роль в решении задач Верховного главнокомандования по разгрому врага на подступах к Москве. Об этом, в частности, говорит в своей статье, опубликованной в «Военно-историческом журнале» (1962. № 8), непосредственный руководитель борьбы, прославленный генерал-полковник — Павел Алексеевич Белов.

Высокую оценку боевым действиям в тылу врага на Смоленщине дает в своей книге «Под грохот канонады» генерал-лейтенант Григорий Давидович Пласков, командовавший тогда артиллерией 10-й армии и много сделавший для того, чтобы пробить «коридор» прорывающимся через линию фронта десантникам и окруженным кавалеристам 1-го гвардейского кавалерийского корпуса.

«Войска П. А. Белова, — пишет Григорий Давидович, — нанесли врагу за линией фронта огромный урон, удерживая длительное время обширную территорию во вражеском тылу».

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, командовавший в 1942 г. Западным фронтом, в своей книге «Воспоминания и размышления» отмечает: «В начале апреля 1942 г. обстановка в районе Вязьмы серьезно осложнилась. Противник, сосредоточив крупные силы, начал теснить группу П. А. Белова, стремясь к весне ликвидировать эту опасную для него «занозу». 1-й кавалерийский корпус и воздушно-десантные части выполнили приказ командования фронта и, совершив большой подковообразный путь, вышли на участок 10-й армии в конце мая — середине июня 1942 г. Какой радостной была встреча тех, кто вырвался из тыла, врага и тех, кто с фронта обеспечивал их выход! Бойцы и командиры не стыдились своих слез. Это были слезы радости и солдатской дружбы» (стр. 379).

Об опасности советской «занозы» в оперативной обороне противника на важнейшем Московском направлении говорят и сами враги. Начальник штаба сухопутных войск гитлеровской армии Франц Гальдер с горечью пишет, что для борьбы с десантниками, кавалеристами и партизанами немцы сняли с передовой семь дивизий. Немецкие войска из-за этой самой «занозы», в сущности, были лишены возможности пользоваться коммуникациями в своем тылу.

Отдельный минометный воздушно-десантный дивизион, которым я командовал в то время, входил в состав 211-й воздушно-десантной бригады[1] 1-го воздушно-десантного корпуса. В тыл врага он был выброшен с пассажирских самолетов ПС-84.

Никогда не забыть того волнующего момента. Ночью с 29 на 30 мая 1942 г. двадцать пять самолетов поднялись с московского аэродрома и взяли направление к селу Озерище Смоленской области. Они переправляли нас, десантников, на помощь героям Малой земли[2], переживающим в те дни большие лишения и трудности. Мы приземлились и вошли в состав группы войск генерала П. А. Белова.

Враг начал сжимать кольцо вокруг Малой земли, бросая в атаки крупные силы танков и пехоты со стороны Ярцева, Дорогобужа, Мытищина, Ельни и Смоленска. Наши войска существенно помогли войскам генерала П. А. Белова, оказали немаловажное содействие их прорыву в брянские леса, к частям 10-й армии, разрушая склады противника, железные дороги, уничтожая многочисленные автоколонны.

В своей книге «Крылатый дивизион» я стремился рассказать обо всех этапах действий отважных десантников: о подготовительном периоде, о десантировании, о прорыве из вражеского окружения, а также о взаимодействиях командования дивизиона с командованием 211-й воздушно-десантной бригады и командирами соседних частей.

Во время рейдов десантники-минометчики и бронебойщики проявляли исключительную храбрость и выносливость, мужественно дрались с немецко-фашистскими погромщиками, находили выходы из самых затруднительных положений.

---

[1] АМО. Оп. 2. Д. 25. Л. 1 — 2.

[2] Группа войск генерала П. А. Белова.

Наш дивизион в основном состоял из юношей, призванных в ряды Красной армии со школьной скамьи. На моих глазах они росли, мужали, становились бесстрашными воинами. О них и ведется рассказ в предлагаемой читателю книге.

В сборе материалов для книги мне помогли бывшие десантники И. Г. Тихоненко, С. Н. Русскин, партизан К. Л. Гореликов, врач В. К. Хорунжий, кавалерист из корпуса П. А. Белова В. Т. Масленников, комиссары партизанских отрядов П. Ф. Силантьев и А. Ф. Юденков, командир партизанского отряда легендарный Дедушка (В. И. Воронченко), директор Озерищенской 8-летней школы В. М. Горюнова, старшая пионервожатая этой же школы С. Жижченко, бывшие пионеры села Озерище, участники борьбы в тылу врага, сотрудника архива Министерства обороны СССР С. И. Бондаренко и Н. С. Антилогова, заместитель редактора газеты «Люберецкая правда» Московской области Ф. Подорский, офицеры Мордовского республиканского, Рязанского, Винницкого, Московского и Донецкого областных военкоматов, бывший комиссар «крылатого дивизиона» И. П. Виноградов, младший брат командира бригады М. И. Шилина П. И. Шилин, двоюродный брат комиссара М. И. Амирханяна Герой Социалистического Труда С. С. Мовсесян и др.

От души благодарю всех за большую помощь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В Москву, на шумный Казанский вокзал, прибыл поезд. Когда он остановился, из вагонов высыпал фронтовой народ. У многих на головах и руках — повязки, за плечами — вещевые мешки и винтовки.

На лицах солдат было заметно волнение: прибыли в столицу Родины, в город, который так дорог сердцу каждого советского человека.

Над домами, высоко в небе, как гигантские рыбы, слегка покачиваясь, висели аэростаты, между ними тянулись сети проводов. На крышах домов сидели бойцы с крупнокалиберными пулеметами, готовые в любую минуту открыть огонь в случае появления вражеских самолетов.

Ярко светило солнце. Но его благодатные лучи сегодня никого не радовали. Настроение у людей было сумрачное: родное Отечество находилось в смертельной опасности, враг рвался к Москве.

Санитары понесли на носилках раненого.

— Товарищи, посторонитесь, пожалуйста, — просили они. — Видите, кого несем... Под Харьковом стукнуло…

Люди, заглядывая в обросшее лицо раненого бойца, с готовностью расступались.

Из зала ожидания навстречу приехавшим хлынула пестрая толпа встречающих. Штатские перемешались с фронтовиками. Толкотня и давка. Пробиваться было трудно.

Меня сзади кто-то окликнул. Басок удивительно знакомый и очень приятный:

— Вениамин Борисович…

Я оглянулся и увидел невысокого, но коренастого человека в форме, со знаками различия политрука. Глаза его сияли, широкое лицо и белозубый рот озарялись

улыбкой. Ему было лет двадцать пять. Щеки румяные, полные. Голубые петлицы и красные кубики очень шли к воздушно-десантной куртке.

— Ваня... Виноградов? Ты?

Мы крепко обнялись, похлопали друг друга по плечам огрубевшими руками.

— Еду командовать подмосковным дивизионом, — сказал я. — Получил вот направление…

— А каким дивизионом?

— Воздушно-десантным.

Иван Павлович еще больше оживился:

— Вот это здорово! Да я же в этом дивизионе комиссаром являюсь!

Я знал Виноградова с 1941 г., когда он служил политруком батареи воздушных десантников в том дивизионе, которым мне пришлось командовать в заволжских степях. Дивизион входил в состав 211-й воздушно-десантной бригады подполковника Мефодия Ивановича Шилина.

Батарея хорошо справлялась с задачами, которые ставились перед ней на учениях. Этому способствовала политико-воспитательная работа, проводимая среди личного состава молодым политруком. Виноградов сам был великолепным парашютистом и удивительно метким стрелком. Много внимания он уделял быту солдат, их питанию и обмундированию. Помню, как усердно Иван Павлович вместе с парашютистами копал картошку для нужд дивизиона: орудовал лопатой, таскал мешки, грузил их в машины. Было это в холодные, суровые дни октября 1941 г. на поле села Орловское. Личным примером Виноградов поднимал дух бойцов, и работа шла быстро и производительно.

Крестьянский парень из деревни Мордассы Калининской области стал прекрасным политработником. Правда, путь к этой профессии у него был нелегким. В 1938 — 1939 гг. Виноградов сражался с белофиннами под Выборгом и уже тогда стал кавалером ордена Красной Звезды. В 1940 г. армейские коммунисты приняли его в ряды нашей партии. Он постоянно стремился повышать свои знания, заботился о своем идейно-политическом росте. Окончил военно-политическое училище и Военно-политическую академию имени В. И. Ленина.

Комиссар бригады старший батальонный комиссар Павел Дмитриевич Котов высоко ценил деловые качества Виноградова, часто поручал ему читать лекции для офицеров на военно-политическую тематику и проводить семинары с политгрупповодами частей.

Откровенно говоря, я был рад, что Виноградов оказался комиссаром «крылатого дивизиона». Он способен быть душой своей части, наставником и учителем солдат и офицеров.

Иван Павлович и я взяли свои потертые чемоданы и сели в первый вагон электропоезда, который отправлялся к месту нашей службы. Пассажиров в нем было мало, и мы могли побеседовать обо всем, что нас тогда волновало. Инициативой в разговоре сразу же завладел Виноградов.

— Дивизион неплохой. Люди прибыли грамотные, с комсомольским огоньком, — информировал он. — Но, сами понимаете, ребята со школьной скамьи,

зеленые, как говорится. Много еще нужно сделать, чтобы они стали военными парашютистами.

— Но зато работа какая, Иван Павлович, — сказал я. — Не затоскуешь.

— Это верно, — дымя самокруткой, согласился Виноградов. — Работа, можно сказать, вполне романтическая. Тосковать нет времени.

Виноградов начал рассказывать о людях дивизиона. О многих отозвался с какой-то особенной восторженностью.

— Вот хотя бы старшина Степан Ермишкин. Детина более центнера весом, ему бы только борцом тяжелого веса быть, а он в парашютисты пошел. И как только парашют его держит в воздухе! Все свободное время проводит на вышке и товарищей туда ведет. Он вам понравится, уверен. Таких в дивизионе много. Можно назвать, например, разведчика Николая Сергеева. Тоже отличный воин…

Память у комиссара была цепкой. Иван Павлович знал почти всех воинов дивизиона, добывал сведения об их профессиях, которые они имели до службы, помнил адреса семей, изучал способности и наклонности солдат и офицеров. Он рассказывал, и я узнавал интересные подробности из жизни людей, с которыми предстояло мне воевать. «Так может любить и знать сослуживцев только настоящий патриот своей части, — подумал я. — Молодец, Ваня...»

Виноградов говорил также о тех проблемах, которые требовали незамедлительного решения. Это прежде всего подготовка инструкторов парашютно-десантной службы в батареях, организация по всем разделам военной подготовки молодых солдат, прыжки с самолетов.

За окном виднелись зеленые поля, мелькали телеграфные столбы. Вот высоко в небе показались пассажирские самолеты. Они сделали крутой поворот, и вскоре солнечный простор над полем стал весь в белых пятнах.

Виноградов встрепенулся, приник к окну вагона.

— Белый дождь... Красиво.

Помолчав с минуту, добавил:

— Наши десантники тренируются.

* * *

В населенный пункт мы приехали под вечер. Этот промышленный город Подмосковья выглядел сурово, как солдат перед боем. Он считался фронтовым. До Кубинки, например, где шли жестокие бои, отсюда было совсем близко. На улицах города всюду торчали противотанковые ежи, возвышались баррикады.

В одном из домов, западнее железнодорожной станции, рядом с заводом размещался штаб соединения генерала Виктора Григорьевича Жолудева. На площадке около штаба занимались строевой подготовкой офицеры в десантных куртках.

Станция была маленькая. Привокзальные здания, изрядно поцарапанные осколками бомб, имели угрюмый и невзрачный вид.

На перроне, на лесенках перекидного перехода сидели несколько десятков уезжающих на фронт воинов. Они шутили, громко смеялись, дымили самокрутками.

Я кивнул в сторону солдат:

— Не унывают ребята.

— Таков уж характер у нашего брата, — проговорил Виноградов и улыбнулся. — Вешать носы в трудное время не привыкли.

Высокие каменные строения возвышались над городом: здание школы №1 (там располагался штаб 211-й воздушно-десантной бригады), корпуса заводов, что западнее вокзала. Остальные домики — одноэтажные, деревянные. За городом шумел аэродром, над которым летали самолеты ТБ-3 и И-16.

Самая большая ратная заслуга этого города заключается в том, что он в годы войны участвовал в создании 1-го воздушно-десантного корпуса. Секретарь городского комитета партии К. Ф. Пащенко и председатель горсовета В. Т. Орлов помогали десантникам всем, чем могли.

— Мы не имеем нужды в помещениях, стрельбищах, топливе, — рассказывал Виноградов. — Руководители проявляют исключительную заботу о гарнизоне, бывают в воинских частях и на местах занятий воинов.

Все эти сообщения, разумеется, радовали меня. В душе я был искренне благодарен товарищам Пащенко и Орлову, которых еще ни разу не видел в лицо.

Мы пошли по улицам города. Шли не спеша. Комиссар продолжал рассказывать:

— Руководители общественных и хозяйственных организаций, жители города тоже помогают нам. Директора школ, например, обеспечили нас топливом. Нам выделили для перевозки продовольствия лошадей с повозками, предоставили помещения для столовых...

Вскоре мы подошли к небольшому городскому садику, рядом с которым, у кинотеатра, стояла парашютная вышка. Перед нами открылась обширная пойма, через которую извилистой голубой лентой пролегала Москва-река. Озера, расположенные вдоль реки, на фоне вечерней зари казались позолоченными.

Вдруг с парашютной вышки донесся звонкий, озорной голос:

— Товарищ комиссар! Смотрите, даем разгон на полет!..

— Молодежь из нашего дивизиона, — с заметными нотками гордости сказал Виноградов. — Орлы!

Мастерским прыжком отделился от вышки высокий, коренастый солдат в зеленой гимнастерке, и сразу над ним развернулся белый купол парашюта. Словно огромный зонт.

— Ермишкин. Молодец, Степан! — крикнул Иван Павлович.

— Это не тот самый, о котором ты рассказывал мне в поезде? — поинтересовался я.

— Он самый, — Виноградов не сводил глаз с идущего вниз парашютиста. — С такими воевать можно!

Когда Ермишкин приземлился, мы подошли к нему. Юноша поднял на нас веселые глаза, ловко козырнул.

— Скажите, товарищ старшина, — обратился я к нему, — что привело вас к этой опасной профессии?

В глазах у Ермишкина блеснул колючий огонек.

— Война, товарищ старший лейтенант, привела. Хочется быть там, где больше пользы можно принести. Служить в десантной части — дело, конечно, нелегкое, но очень нужное. Вот я и попросился сюда...

— Что ж, — я положил руку на его могучее плечо. — Правильно сделали.

Хорошо прыгали и другие воины. Я был доволен, что в дивизионе полным ходом шла подготовка парашютистов. Обратившись к солдатам, спросил:

— А в ночное время прыгаете, товарищи?

В ответ раздались дружные голоса:

— Прыгаем, товарищ старший лейтенант...

— Ермишкин покоя не дает...

— Стараемся...

Поговорив еще немного с парашютистами, мы пошли дальше. Направились к казарме дивизиона. Вскоре я увидел серое каменное здание. Из одного окна смотрело на нас дуло пулемета.

— Зачем это? — спросил я комиссара.

— По ночам противник нередко забрасывает к нам в тыл парашютистов. Я распорядился установить дежурство у пулеметов.

— Резонно. Такое дежурство хорошо бы установить и в других местах...

— Уже установили.

Стемнело, когда мы пришли на ночлег в школу. Расположились в небольшой комнатке. Здесь комиссар принимал офицеров и солдат, здесь и жил. Он вообще был неприхотлив к жилищным условиям.

После отбоя мы легли в спальные мешки, сделанные по заказу десантников. В них тепло и мягко. Однако спать не хотелось, и мы беседовали о событиях последних дней.

— Вы слышали о том, что с 21 мая 1942 г. в наших войсках вводится гвардейское звание? — спросил комиссар.

— Да, слышал, — сказал я. — Это будет способствовать подъему боевого духа всех наших воинов. Надо, чтобы подразделения и нашего дивизиона начали борьбу за почетное звание.

— Уже начали, — в голосе комиссара опять зазвучали нотки гордости. — Первыми проявили инициативу бойцы третьей батареи. У них отличный командир...

— Кто?

— Старший лейтенант Полулях.

— А комиссар?

— Амирханян Мушег Иванович. Это очень инициативный товарищ. О значении гвардейского звания он провел уже несколько бесед со своими батарейцами, выпустил боевые листки, «молнии» на тему «Там, где наступает гвардия, — враг не устоит, а где она обороняется — враг не пройдет». Амирханян к делу всегда относится с огоньком. Бойцы его очень любят. Придешь в батарею — душа начинает радоваться: везде и во всем порядок, высокая воинская дисциплина.

Виноградов говорил с заметным душевным подъемом. Чувствовалось, что он ценит работу политрука третьей батареи, поддерживает все его добрые начинания. А это хорошо! Из опыта боев за Киев я знал, что для достижения успеха в

бою поддержка и поощрение разумной инициативы так же важны, как и проявление самой инициативы.

Вскоре комиссар как-то незаметно перевел разговор на другие, более лирические темы. Начал вспоминать довоенные, мирные дни, когда он жил в родной деревне.

— Какие зори у нас на Волге! Нигде еще не приходилось встречать такой красоты. Смотришь на реку, а она вся, как в огне, пылает, светится, переливается разноцветными красками. У самого берега плещется, играет золотистая рыбешка. Ох, как я любил ранние часы на Волге! А теперь все это, кажется, кануло в вечность...

Я слышал его, и мне тоже вспоминались родные, отчие места. Мысленно перенесся в свой Саранск, где прошло мое детство, промчались школьные годы. Предстал перед глазами наш старый учитель Михаил Иванович Кузовенков с пенсне на носу. Он всегда говорил, что служение Родине есть самый почетный долг человека. Вспомнился весь наш класс. Сколько было задора у ребят! Много мы сделали тогда по ликвидации неграмотности в селах Николаевка и Посоп. За разговором, воспоминаниями не заметили, как уснули.

* * *

Утром по моему приказу комиссар собрал весь личный состав дивизиона для беседы и знакомства.

Когда десантники собрались, Виноградов, кивнув на них, проговорил с достоинством:

— Вот наши небесные рыцари, — он уселся рядом со мной за стол, стал следить за выражением моего лица: доволен я или нет. — Все тут. Смотрите...

Передо мною были остриженные наголо юноши в солдатской форме. Воины разных национальностей: русские, украинцы, грузины, узбеки, уроженцы Мордовии. Почти такими же молодыми были и офицеры, окончившие ускоренный курс военных училищ. В голове невольно промелькнуло: смогут ли эти молодые люди преодолеть все испытания, которые возникнут во время боевых действий?

Комиссар, видимо, угадал мои мысли и слегка улыбнулся.

— Вы не смотрите, что наши десантники молоденькие. Они все уже разрядники и рвутся в бой. Энергии у них — хоть отбавляй. Справятся с любым боевым заданием.

Действительно, у солдат и офицеров на гимнастерках были приколоты значки разрядников по бегу, по прыжкам, по лыжному и велосипедному спорту, даже по борьбе и боксу. В десантники отбирались физически крепкие и сильные ребята. Рядом со спортивными значками поблескивали комсомольские значки и значки «Ворошиловский стрелок». А вот парашютных было маловато.

Я вспомнил вчерашние прыжки десантников, и у меня сразу же появилась уверенность, что и парашютные значки у этих замечательных ребят обязательно появятся.

Виноградов представил меня, и началась беседа. Она велась в непринужденной обстановке. Больше всего и охотнее бойцы обращались, разумеется, к комиссару, в этом не было ничего удивительного: они его уже хорошо знали, а я для них был человеком новым. От бойцов поступали вопросы, предложения, советы. И все это

делалось как-то просто, человечно. Получалось так потому, что Иван Павлович не был высокомерным человеком. Он исключительно чутко отзывался на все запросы и нужды подчиненных. И результат: бойцы не чуждались его, доверяли ему. Мне было приятно видеть это.

Поднял руку разведчик Николай Сергеев.

— Можно мне сказать?

— Пожалуйста.

— Я вот о чем, — начал он сбивчиво. — Сейчас у нас запасные парашюты выдаются только офицерам. Мне думается, будет неплохо, если их станут выдавать и солдатам. Вот такое мое соображение, товарищи.

— Правильное соображение, — вставил я. — Запасные парашюты получат все десантники. Этот вопрос мы решим.

Мои слова были встречены одобрительно. Я заметил: на лицах у солдат засветились веселые улыбки.

Попросил слова старший сержант Медяник.

— Я слышал, что младшему командному составу будет повышена получка. Правда ли это?

— Да, правда, — сказал я. — Уже приказ есть.

Не обошлось и без казуса. Понятно, например, что носить миномет куда тяжелее, чем автомат или противотанковое ружье. Поэтому боец Василий Хлюпик попросил перевести его, якобы по болезни, в автоматчики. Комиссар отказал ему.

— Нехорошо перед товарищами легкую службу искать...

Василий раньше не жаловался на здоровье, в медпункте ни разу не был.

В заключение беседы я сказал:

— А теперь, товарищи, за дело. Наш дивизион в основном, как вы знаете, молодежный. Многие в боях еще не бывали, пороха, как говорят, не нюхали, поэтому учения надо проводить в условиях, близких к фронтовым. Трудно, но — надо. Будем же стараться. Будем настойчиво бороться за то, чтобы нашему дивизиону командование присвоило гвардейское звание. Я уверен, что мы не подкачаем и удостоимся этой высокой чести. Так я говорю, товарищи?

— Так, товарищ старший лейтенант! — раздалось в ответ. — Не подкачаем!

Амирханян зачитал проект решения о борьбе за гвардейское звание. Все слушали напряженно, а потом единогласно проголосовали.

После первого знакомства с дивизионом я понял, что в целом настроение у воздушных десантников хорошее, что боеспособность части довольно высокая.

Когда беседа закончилась, я с комиссаром направился было в подразделение, но нас остановил старший лейтенант. Он был чем-то взволнован. Подойдя ко мне, нерешительно заговорил:

— Я — Ташлыков... Ваш помощник по материально- техническому обеспечению... Прошу прощения... Но, понимаете...

— В чем дело?

— Надо во что бы то ни стало ускорить получение очень важных грузов...

— Каких именно?

— Запасных парашютов не хватает... Винтовки десантные на базе дают по разнарядке военного совета. Противотанковые ружья — тоже. А разнарядки у нас нет. Что делать?

— Не волнуйтесь, товарищ Ташлыков, — вмешался комиссар. — Я уже занимаюсь этим вопросом. Все будет в порядке...

Иван Павлович знал, что в штаб бригады, находившийся в первой подмосковной школе, приехал член военного совета воздушно-десантных войск генерал-майор Григорий Петрович Громов, и предложил:

— Пойдем к нему на поклон.

Мы пошли. У Громова было много офицеров. Все что-то просили, вымаливали. Сидя за столом, генерал выслушивал беспокойных командиров, сразу решал все вопросы.

Пришла и наша очередь. Мы рассказали о цели нашего визита. Генерал поднялся, вышел из-за стола и, опираясь на костыль, подошел к нам. Он уже летал на Малую землю и попал в авиационную катастрофу, однако продолжал работать, по-прежнему вкладывая все свои силы, всю свою душевную энергию в подготовку воздушных десантников к предстоящим боям.

— Мне нравится ваша горячность, — сказал он. — Я отлично понимаю вас, друзья мои. И постараюсь, конечно, помочь. Просьбу вашу удовлетворим. Но и вы старайтесь. Здесь вам быть недолго. Предстоят суровые испытания. Готовьте солдат по-настоящему, по-суворовски. В ученье тяжело, зато в бою легче будет. Вот так, товарищи...

Мы собрались было уходить, но Григорий Петрович задержал нас и спросил, как мы смотрим на введение в армии единоначалия.

— Комиссары не будут в обиде? — обратился он к Виноградову.

— Никак нет, товарищ генерал, — лицо Ивана Павловича осветилось улыбкой. — Наши командиры теперь в политическом отношении — люди зрелые. Так что введение централизованного управления войсками, как мне кажется, очень целесообразно...

— Я тоже так думаю, — Громов снова проковылял к столу. — А вы, товарищ Миронов?

Я согласился с ними.

— Ну что ж, — заключил генерал, — желаю вам успехов.

Когда мы вышли из штаба, у комиссара невольно вырвалось:

— Какой прекрасный человек!

* * *

В дивизион мы пришли уже вечером, после того, как побывали в разных отделах штаба бригады. Здесь нам нужно было принять решение, вызвавшее между мной и Виноградовым серьезные, если можно так выразиться, разногласия.

Молодой лейтенант Глеб Борисенко, окончивший 2-е Киевское артиллерийское училище и исполняющий обязанности начальника штаба дивизиона, принес рапорт старшего лейтенанта Полуляха. Полулях просил записать в его личное дело фамилию молодой жены и разрешить сыграть офицерскую свадьбу.

Я был немало удивлен и даже вспылил:

— Какую свадьбу? Дивизион на днях полетит в тыл врага. Кто из нас вернется назад — неизвестно. Человек заведет семью, а потом оставит несчастную вдову...

Виноградов на рожон, как говорится, не лез. Он подсел ко мне и спокойно заговорил:

— Не горячитесь, Вениамин Борисович. Этого командира я хорошо знаю. Стойкий человек. В боях не подведет. А что касается свадьбы — надо, по-моему, разрешить. Полюбил товарищ. И по-настоящему...

— Но нужно сказать, что его ожидает!

— Ничего не нужно. Он сам знает об этом. Знает и его невеста.

— Ты так думаешь?

— Да. Давайте пригласим старшего лейтенанта. Он здесь, в коридоре. Спросим, что он сам скажет.

— Позовите!

Войдя в комнату, Полулях вытянулся и устремил на нас беспокойный взгляд. Я взял в руки бумагу и спросил:

— Не возьмете ли свой рапорт обратно? Ведь вам предстоит ехать не к теще на блины...

Полулях сдвинул у переносицы тонкие брови и решительно ответил:

— Нет, не возьму, товарищ командир. Я люблю девушку, на которой собираюсь жениться. Она меня тоже любит. Предстоящая разлука нас не страшит. Я буду драться с фашистами, чтобы скорее снова встретиться с нею. И верю, что так именно и будет. А без веры, товарищ командир, нельзя нам. Сами понимаете...

— Да, — сдался я. — Без веры нельзя, разумеется. Женитесь. И приглашайте на свадьбу.

Полулях лихо козырнул и вышел. Я посмотрел на комиссара. В глазах у него светился добродушный огонек.

Шло время. Мое уважение к Ивану Павловичу с каждым днем росло. Да, он был душой дивизиона. Постоянное внимание комиссар уделял и проведению солдатского досуга. В вечернее время он шел к бойцам в казармы, организовывал выступления художественной самодеятельности, коллективные читки газет и журналов. И все это делал с душой.

Вот и сейчас перед ужином в одной из казарм заиграла гармошка. По просьбе комиссара старшина батареи Кузьма Степанович Неверов исполнил залихватские саратовские частушки. Потом выскочил в круг Коля Сергеев. Выбив дробь, он пропел:

Не горюй, моя мамаша,
Мне не время дома жить.
Цель теперь такая наша:
Тыл фашистов разгромить.

Все дружно зааплодировали. Виноградов не выдержал и сам запел по-молодецки, задорно:

Эй, грабители-фашисты,
Плохо будет вам в тылах.
К вам летят парашютисты,
Разнесут вас в пух и прах!

Любили десантники эти частушки, которые рождались здесь же, в стенах казармы «крылатого дивизиона». Но особенно нравилось бойцам, когда в роли исполнителя в их кругу выступал сам комиссар. Ему они аплодировали больше всех. А он стоял среди них, раскрасневшийся и улыбающийся. Мне казалось, что в эти минуты Иван Павлович чувствовал себя счастливее всех на свете.

Я рассказал далеко не все о нашем комиссаре и замечательном человеке. Он делал гораздо больше для воспитания и обучения воинов дивизиона. Приятно было сознавать, что он будет с нами рядом там, за линией фронта. И повествование о нем, о его боевых делах, разумеется, продолжится.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Моросит мелкий дождь. Падающие капельки просвечиваются солнечными лучами, и кажется, это блестит раздробленное серебро. Красиво. Но не до красот сейчас.

Утопая в грязи, минометчики-десантники нашего дивизиона ведут огонь через боевые порядки своей пехоты. Позади, за бугром, в мокрой траве, занимают позиции бронебойщики с противотанковыми ружьями. Идет «генеральная репетиция» 211-й воздушно-десантной бригады перед выброской в тыл врага.

Наш дивизион действует в составе войск «красных». «Синие» вводят против нас сильный резерв танков, и минометчики начинают отходить. Строгий инспектор намеревается снизить нам оценку. Но в это время, словно из-под земли, вырастает перед нами высокая и стройная фигура командира 1-го воздушно-десантного корпуса генерал-майора В. Г. Жолудева. На нем светло-серая шинель и авиационная фуражка. Виктор Григорьевич быстро подходит к окопу солдата-наблюдателя. Из-под густых нахмуренных бровей большие черные глаза смотрят на нас с укором.

— Чего испугались? Воздушные десантники не должны бояться и танков.

Генерал приказал выдвинуть вперед бронебойщиков, а минометчикам отделить пехоту от «вражеских» танков.

Вскоре впереди блеснули языки красного пламени: это открыли огонь противотанковые ружья. Со свистом полетели в сторону «противника» и мины. Одновременно мы продолжали углубление окопов, улучшали их маскировку.

«Бой» длился около часа. «Вражеская» контратака была отбита. Дивизион, таким образом, получил на этих учениях отличную оценку.

Генерал Жолудев повеселел. Суровость с его лица исчезла. Он разрешил солдатам сделать перекур. Подойдя к группе парашютистов-минометчиков, спросил:

— Как, друзья, дела? Устали?

— Немного есть, товарищ генерал, — дружно заговорили минометчики. — Не чай за столом пили... Нагрузка все же...

Жолудев улыбнулся, как-то просто, по-домашнему сказал:

— Эх, братцы, разве это нагрузка? Не такое вам придется еще испытать. А это, скажу вам откровенно, — цветики. Ягодки-то будут впереди. Но вы — народ крепкий, надежный. Все выдержите. Так я говорю, товарищи?

— Выдержим, товарищ генерал, — за всех ответил старшина Ермишкин. — Оправдаем доверие командования.

Виктор Григорьевич на минуту задумался. Может быть, сейчас ему вспомнился родной город Углич, перед глазами возникли бескрайние волжские просторы. Он, четырнадцатилетний мальчик, оставшись сиротой, пошел работать на сплав леса. Тяжело приходилось ему тогда. Недоедал, недосыпал, не раз рисковал жизнью. Однако не согнулся, окреп, закалился на волжских сквозняках. Позднее, в начале 30-х гг, овладев парашютным делом, принимал активное участие в создании первых воздушно-десантных частей Красной армии. Виктор Григорьевич пережил горечь отхода наших войск от западных границ. Он дважды был тяжело ранен — под Конотопом и Ленинградом. А теперь вот снова в строю...

Старшина Ермишкин прервал молчание:

— Товарищ генерал, а скоро мы туда?

Жолудев понял его, ответил:

— Скоро, товарищи.

Сделав нам ряд замечаний и дав несколько практических советов, он в сопровождении штабных офицеров направился в соседнюю часть. Мы смотрели ему вслед с искренним уважением.

— Силен наш комкор! — проговорил Виноградов. — Сколько в нем энергии и настоящего большевистского огня.

Десантники обступили меня и попросили рассказать о жизненном пути Виктора Григорьевича, которого я знал по совместной службе в заволжских степях. Знал как умудренного опытом жизни командира и отличного человека.

Я попросил бойцов расстелить плащ-накидки на траве. Вскоре рядом с позициями минометчиков образовался полевой клуб — без крыши и стульев. Порядком уставшие от напряженных боевых учений, но еще возбужденные, солдаты были рады отдыху и с интересом слушали мой рассказ о бывалом человеке, который неожиданно появился среди них во время разыгравшегося «боя» и в решительный момент в корне перестроил весь ход «сражения», помог найти правильное решение.

— Прежде чем подняться до высокой должности командира воздушно-десантного корпуса, — начал я, — Жолудеву пришлось немало пережить. Он сражался против белогвардейцев в годы Гражданской войны. Был тогда еще совсем молодым парнишкой. Принимал участие в боях с японцами на Китайско-Восточной железной дороге в 1929 г.

В те далекие годы молодой Жолудев ходил с винтовкой в многочисленные атаки, не раз заслуживал похвалу от командиров за смелость и сноровку. Особенно он показал себя в борьбе с белополяками, с японскими самураями на реке Халхин-Гол. Командование выдвигало Жолудева по службе на все более высокие ступени. В двадцатидвухлетнем возрасте он командовал ротой, в двадцатипятилетнем — батальо-

ном, а потом — полком. С тех пор прошло много лет, и вот теперь мы видим пожилого, но бравого полководца генерала Жолудева...

Бойцы слушали, затаив дыхание. И я с увлечением продолжал:

— Виктор Григорьевич отлично разбирается в вопросах военной стратегии и тактики: он много учился, получил высшее образование, дважды был на командных курсах в Ленинграде и Москве. В 1932 г. окончил Военную академию имени Фрунзе.

В первые месяцы Великой Отечественной войны Виктор Григорьевич Жолудев был командиром воздушно-десантной бригады на западной границе страны и защищал Киев.

Рассказывал я бойцам и о том, какую значительную роль генерал Жолудев играет сейчас, в период подготовки десантников.

— Он вникает во все детали жизни наших подразделений. Вы об этом хорошо знаете и сами, — я смотрел на притихших молодых людей и чувствовал, как теплеет у меня на сердце. — Мне часто приходится видеть, как генерал по вечерам сидит в своем кабинете, читает книги на различные военные темы. Он учит нас и сам постоянно пополняет свои знания. Вот с кого нам надо брать пример, товарищи... Он везде и всюду успевает...

— Правильно планирует время, потому и успевает, — заметил сидевший рядом со мною комиссар Виноградов.

— Да, это верно, — подтвердил я. — Вот и мы должны поступать так же.

Разведчик Сергеев снял с головы капюшон маскировочного халата, разрисованного под цвет молодых кустарников, вздохнул и проговорил:

— Трудно быть таким...

— Но мы, однако, будем достойными своего комкора, — убежденно заверил старший лейтенант Полулях, он был весь собранный, его бравый вид вызывал симпатии к нему. Окинув взглядом бойцов, спросил: — Будем, товарищи, а?

— Будем, товарищ старший лейтенант! — раздалось в ответ. — Пусть кровь из носу, но — будем!

Оживленно проходила беседа. В ней принимали участие и командиры, и рядовые. Задушевность разговора будила в сердцах добрые и благородные чувства.

Поблизости от нашего «клуба» остановилась легковая машина, и из нее вышел комиссар 211-й воздушно-десантной бригады Павел Дмитриевич Котов.

— Отправляйте дивизион в казармы, — сказал он мне после приветствия. — А сами со всеми коммунистами дивизиона приходите в девятнадцать ноль-ноль на партийное собрание. Сегодня будем принимать в члены партии нашего комкора.

...Вечером я снова увидел Жолудева. Глядя на присутствующих открытыми, ясно светящимися глазами, он неторопливо, со всеми подробностями рассказывал свою биографию. Темно-русый чуб его красиво возвышался над высоким, чистым лбом, лицо розовело, выражая заметное волнение: вся жизнь подвергалась в эти минуты оценке боевых товарищей.

— До этого я не состоял в рядах нашей партии, — говорил он с легкой хрипотцой в голосе, — но все время, на какой бы должности ни находился, выполнял ее

волю, служил ее интересам. Сейчас, в тяжелые дни для нашего отечества, я подал заявление о приеме меня в партию. Моя совесть перед нею, перед вами, дорогие товарищи, чиста. Обещаю и впредь быть верным сыном Родины, все свои силы отдавать на разгром врага...

Мы тоже волновались. Мы были молодыми командирами, а перед нами выступал генерал, за плечами которого было уже 22 года военной службы.

Когда коммунисты единогласно проголосовали за его прием, он по-военному коротко сказал:

— Спасибо за доверие, товарищи. Не подведу...

И через несколько дней на учебных занятиях Жолудев показывал солдатам и офицерам затяжной прыжок с самолета. На большой высоте генерал отделился от бомбардировщика, пролетел значительное расстояние с нераскрытым парашютом. Все с затаенным дыханием следили за стремительно падающим с небесных высот командиром корпуса.

Молоденький офицер, адъютант Жолудева, со страхом проговорил:

— Убьется ведь...

Жолудев раскрыл парашют метрах в трехстах от земли и опустился в заданном месте.

Все поспешили к нему. Комбриг Шилин, дружески пожав комкору руку, сказал:

— От души поздравляю. Вы сделали больше, чем наши лучшие парашютисты. Такой прыжок — явление редкое.

Жолудев, конечно, рад был такой оценке. Но радость свою он старался не показывать. Держа в руке авиационный шлем, приказным тоном проговорил:

— Надо всем десантникам научиться делать такие прыжки. Нельзя сразу раскрывать парашюты: немцы всех перестреляют в воздухе. А когда ты будешь близко от земли, они сделать это уже не успеют. Учтите мой совет, товарищи. Пригодится.

Жолудев вынул из кармана папиросы и закурил.

— В молодости я побаивался шока в воздухе, — он широко и добродушно улыбнулся. — Но со мною ни разу ничего не случилось. Как видите, жив и здоров...

* * *

Генерал Жолудев был истинным патриотом воздушно-десантных войск. Он всеми средствами старался привить любовь к ним у своих подчиненных. Читая нам лекции об особенностях подготовки молодых солдат к десантированию в тыл врага, он не просто излагал требования уставов, не только пересказывал мысли, изложенные в периодической военной литературе, а раскрывал также вой богатый опыт, давал умные, деловые советы.

— Современный воздушный десантник, — говорил комкор, — формируется в процессе кропотливого труда в воздухе и на земле, который должен сочетаться с его личной смелостью. Запомните: героизм воина должен проявиться задолго до вступления в бой.

Жолудев был сторонником десантирования крупных соединений в глубокий тыл врага с оперативными целями. Много внимания он уделял забрасыванию и малых

групп с разведывательными и диверсионными заданиями. Виктор Григорьевич считал, что десантники, заброшенные в тыл врага в ночное время, могут и должны парализовать управление войсками противника, громить его коммуникации, тыловые подразделения и склады, нарушать связь.

Важную роль комкор отводил десантам при захвате рубежей во вражеском тылу до подхода своих наземных войск. Он всегда подчеркивал, что десантник — это не спортсмен-парашютист, это боец, способный побеждать врага в воздухе и на земле в очень сложной обстановке, в самых затруднительных условиях.

Мы, командиры воздушно-десантных частей, высоко ценили опыт Жолудева и в беседах с солдатами, а также офицерами старались довести до их сознания все, о чем думал, к чему стремился командир нашего корпуса.

— Не исключено, — нередко напоминал генерал, — что нам придется воевать на широких просторах вражеского тыла с неограниченными возможностями маневра. Поэтому надо готовить подразделения к этому заблаговременно.

У Виктора Григорьевича была хорошая черта: он всегда носил на груди свои награды. В начальный период войны у него, кстати, было уже два ордена Красного Знамени. С ними он шел на службу, на тактические учения, на аэродром. Он говорил, что награды даются не для того, чтобы кичиться ими, а для того, чтобы орденоносец показывал пример другим везде и во всем — и в труде, и в бою.

Генерал был и чутким семьянином. Его жена Александра Васильевна жила в это время в Сызрани, и мы видели, как он вечерами, в сумерки, относил на почту адресованные ей письма и посылочки.

Вскоре после учений, в конце мая 1942 г., Жолудев побывал у нас в дивизионе, разговаривал с солдатами, проверял их снаряжение и оружие. Потом мы с ним обстоятельно беседовали в моем кабинете о предстоящем задании. Этот разговор запомнился мне надолго. Виктор Григорьевич говорил в первую очередь о том, что при постановке боевых задач надо обязательно учитывать способности и характер каждого десантника, хорошо знать, на что способен тот или иной боец, тот или иной командир. Его советы и наставления были очень дельными и полезными.

— Враг теснит войска Белова и Казанкина пехотой, танками и авиацией, — сказал генерал в заключение. — Поэтому нужно быть готовым помочь им. Я надеюсь, что ваш дивизион с боевым заданием справится: у вас хорошие бойцы и командиры. Вами командует Мефодий Иванович Шилин. Отличный комбриг! Полагайтесь на него во всем. Ну, — он протянул мне руку, — желаю всего доброго...

Виктор Григорьевич простился и ушел. Я остался один и долго еще не мог освободиться от волнующих мыслей, нахлынувших после разговора с этим обаятельным человеком, обладавшим стальной волей, наделенным исключительным мужеством и бесстрашием. В июле 1944 г. ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Героические подвиги Жолудева подробно описаны в книге Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова «Начало пути».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На занятия к комбригу Шилину мы с Виноградовым явились раньше назначенного времени. Солдаты комендантского взвода штаба бригады развешивали на стенах комнаты схемы, карты и другие учебные пособия. Было как-то приятно смотреть на их неторопливую работу.

Когда в просторном классе подмосковной школы собрался командный состав 211-й воздушно-десантной бригады, начальник штаба этого соединения, приземистый, представительный майор Бочаров, с небольшой лысиной и бакенбардами, слегка прищуренными глазами, поздоровался с нами, потом подсчитал присутствующих.

— Пришли все, — удовлетворенно проговорил он. Сейчас прибудет и комбриг. Минутку терпения.

Мы уже привыкли к подобным «церемониям»: начальник штаба поступал так перед каждым занятием. Переговариваясь между собой, стали ждать появления начальства.

Мефодий Иванович не любил опаздывать. Требовал этого и от подчиненных. Он вошел в комнату, как обычно, твердой и решительной походкой. Высокий, стройный, в черном кожаном пальто, в фуражке с голубым околышем и парадной кокардой. На петлицах ярко алели по три «шпалы».

Майор Бочаров, вытянувшись, скомандовал:

— Внимание, товарищи офицеры!

Мы встали и поприветствовали комбрига. Он глядел на нас добрыми глазами. Ответив на приветствие, подошел к столу и велел нам сесть.

У Шилина было смуглое, худощавое лицо, нос небольшой и прямой, лоб высокий, чистый, без морщин. Комбриг выглядел намного моложе своих лет. А между тем это был человек, уже немало видевший и переживший. Еще в 1919 г. солдат Шилин вместе со своими земляками под командованием Чапаева и Фурманова прошел славный боевой путь, воевал с белогвардейцами в родном Новоузенском уезде, сражался под станциями Соломихенская (ныне Фурманово) и Лбищенск (ныне Чапаево), бил белоказаков и колчаковцев.

За глаза мы любовно звали комбрига «наш Мефодий». Опыт по организации и подготовке воздушных десантов у него был очень большой, и он щедро делился им с командным составом всего соединения. Шилин имел более шестисот прыжков с самолета.

Мефодий Иванович сел на стул и дал нам задание:

— Подсчитайте, пожалуйста, сколько потребуется для каждой части парашютов и самолетов ПС-84, если десантироваться с московского аэродрома в район Ельня — Дорогобуж — Смоленск.

Все немедленно приступили к работе. А у меня в этом деле еще не хватало достаточного опыта: я прибыл в бригаду прямо с фронта, где был начальником штаба полевого артиллерийского дивизиона. Поэтому расчеты сразу не поддавались мне.

Рядом со мною сидели комиссар Виноградов и начальник штаба нашего дивизиона Борисенко. Они тоже не особенно хорошо знали парашютно-десантное дело в

оперативном плане. Правда, Борисенко во время войны с белофиннами в 1939 г. участвовал в боях в составе летной части, но у него не было десантной практики.

В этом вопросе нам оказывал посильную помощь инструктор парашютно-десантной службы нашего дивизиона лейтенант Сергей Петрович Пашков. Родом он был из Борисоглебска, с детства занимался в своем городе парашютным спортом. В армию пришел в 1936 г. четырнадцатилетним мальчиком и был воспитанником одного из авиационных полков. Сейчас ему было девятнадцать лет. Он окончил парашютно-десантные курсы и, совершив более ста прыжков с самолета, стал нашим инструктором. Его ценил и сам комбриг.

Но когда дело коснулось оперативно-стратегических вопросов, то и Пашков помочь нам не мог. Мы старались, подсчитывали, однако у нас ничего не выходило. Настроение портилось.

Проходило время. Вдруг сидящий с нами в одном ряду секретарь партийной комиссии бригады батальонный комиссар Иван Федорович Андрющенко поднял руку и заявил:

— У меня расчеты готовы, товарищ комбриг.

Шилин взял у него тетрадь. Надел очки и внимательно начал проверять.

— Молодец, Андрющенко! — наконец проговорил он. — Утер нос нашим строевикам. Правильно решил.

Польщенный и смущенный похвалой, батальонный комиссар как-то по-детски заулыбался.

Иван Федорович Андрющенко был уроженцем украинского села Торчица Отавищенского района Киевской области. С 1910 года рождения. В партию вступил в 1932 г. В армию пришел перед войной, окончил военно-политическое училище в Киеве. Потом — фронт. Сражался против фашистов в составе десантной части на улицах Севастополя. Теперь тщательно и увлеченно изучает авиадесантное дело.

Мне стало как-то неловко. Перед Великой Отечественной войной я учился в академии имени Фрунзе. Теперь же полученных знаний оказалось недостаточно. Здесь нужны еще и специальные знания по воздушно-десантному делу. Без них никак нельзя.

Забегая вперед, скажу, что после этого занятия я тоже усиленно стал работать над литературой по воздушному десантированию, подкрепляя теорию практикой. Часто я приходил за помощью к комбригу. Он консультировал меня, несмотря на занятость, разбирал со мною сложные вопросы.

И теперь, когда группой старших офицеров решалась первая задача по десантированию и когда мы еще мало знали характер комбрига, стало, повторяю, как-то не по себе.

— Разнесет нас подполковник в пух и прах, — прошептал Борисенко, и я заметил, как на его почти детском лице разливался румянец.

В это время комбриг подошел к нашему столу.

— Ну как дела у крылатой артиллерии?

Я ответил, что задание еще не выполнили. Комбриг посмотрел на наши записи, но я не заметил в его взгляде упрека. Видно, он все понимал.

Сев рядом, Шилин начал помогать нам. И вскоре с задачей мы справились.

Он спросил:

— Поняли, где ваша слабинка?

— Так точно, товарищ подполковник. Поняли.

— Поднажмите. А то заковыка может получиться.

Комбриг не только учил нас, но и советовался с нами по многим практическим вопросам. В частности, он спросил, что лучше дать нашим батареям при выброске в тыл врага — пушки или минометы.

Виноградов сразу ответил:

— Минометы, конечно, лучше, товарищ подполковник.

— Почему?

— Стволы и опорные плиты минометов можно выбросить в мягких мешках, без посадки самолетов. Автотягачей для них не потребуется.

Мефодий Иванович перевел взгляд на меня.

— А как думает командир дивизиона?

Я согласился с мнением Виноградова и вместе с тем высказал мысль о создании одной батареи противотанковых ружей для борьбы с танками противника.

— Их тоже можно выбросить с парашютами в мягких мешках.

Комбриг сдвинул густые черные брови, подумал, потом сказал:

— Ваши предложения разумные. Я — за них.

Он поднялся и пошел к другим товарищам — посмотреть, как у них идут дела...

Чем больше мы работали с Мефодием Ивановичем, тем сильнее проникались к нему уважением. Он невольно вызывал к себе симпатии простотой общения с людьми, чуткостью и добросердечностью. С ним было как-то легко и свободно. Шилин стал настоящим другом подчиненных ему по службе людей, хотя и не понижал требовательности к ним. В нем мы видели человека, всего себя отдающего служению Родине.

* * *

После занятий Шилин сказал мне:

— Я хочу посмотреть ваш дивизион в строю, на стрельбище и в казарме.

Мы заволновались. Борисенко побежал предупредить всех о предстоящем визите комбрига.

Через полчаса мы с Шилиным в сопровождении его адъютанта подошли к нашей казарме. Десантники уже стояли в строю, подтянувшись по всем правилам строевого устава. Прошел всего один месяц, а молодые воины совершенно преобразились. Особенно много с ними поработали мой заместитель по строевой части старший лейтенант Вельчинский, командиры батарей Полулях, Онуфриенко, Павленко.

Комбриг был явно доволен внешним видом солдат. Повернувшись ко мне, он сказал:

— Пусть пройдут по плацу строевым шагом.

Вельчинский перестроил дивизион: в каждой шеренге по восемь человек. В первой поставил лучших офицеров-строевиков Полуляха и Пашкова. В замыкающую шеренгу встали отличники учебы — сержанты. Правофланговые места в шеренгах заняли тоже лучшие младшие командиры, на которых равнялась вся наша

молодежь. Это Ермишкин, Чапаев, Сергеев, Волосатый, Постников, Некрасов, Жеребин, Кримач, Медяник, Максимов, Липин и другие.

Дивизион прошел по плацу, как говорится, с шиком. Звучно раздавались чеканные шаги. Воины спели любимую песню Мефодия Ивановича «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Довольный, Шилин сказал:

— Это по мне.

Не обошлось и без конфуза. Попался Мефодию Ивановичу на глаза солдат Василий Хлюпик. Комбриг приказал ему пойти по азимуту. Вместо того чтобы направиться к аэропорту, солдат пошел по направлению к селу, в противоположную сторону.

Мефодий Иванович рассердился и обратился ко мне с язвительной шуткой:

— Что это, товарищ Миронов, ваших людей все к этому селу тянет? Или там молодухи есть пышные?

Я молча проглотил «пилюлю».

Но вскоре настроение у Мефодия Ивановича снова улучшилось: дивизионный повар Мелехин угостил его из походной кухни отличнейшим борщом. Комбриг высоко оценил поварское искусство Мелехина и объявил ему благодарность.

Мой помощник по материальному обеспечению лейтенант интендантской службы Ташлыков засиял от радости. Глядя на Мелехина, он с гордостью проговорил:

— Мой воспитанник. Башковитый поворяга!

Побывал комбриг и на нашем стрельбище. Там произошел такой случай, о котором стоит рассказать.

Все батареи вели огонь отлично. Последним с закрытых позиций, через сосновую рощу, стрелял из миномета ефрейтор Василий Кримач. Ближайшие сосны от огневой позиции находились метрах в семидесяти. Кримач, видимо, заволновался в присутствии большого начальства и допустил ошибку в установке прицела. Мина задела за верхушку сосны и с треском разорвалась, осыпав осколками все стрельбище.

Комбриг проявил удивительную выдержку. Вместо того чтобы метать гром и молнии, он собрал всех минометчиков и, к их удивлению, прекрасно тремя минами провел пристрелку цели, а потом толково объяснил, как нужно работать с прицелом и угломером.

Солдаты и офицеры остались очень довольны преподнесенным уроком. А когда дивизион ушел на обед, я все-таки получил от комбрига заслуженную нахлобучку за непредусмотрительность в организации мер безопасности. Нелегко получать упрек от человека, которого ты глубоко и искренне уважаешь. Но если бы комбриг не сделал его, мне было бы еще тяжелее. Командир должен помогать, учить, требовать и, когда нужно, наказывать.

Побывал Мефодий Иванович в дивизионе и после отбоя. Он решил проверить, как отдыхают солдаты. Дежурным по дивизиону был старшина Степан Ермишкин. Он хотел было отрапортовать, но комбриг взмахом руки остановил его.

— Не надо, старшина.

Мефодий Иванович прошелся вдоль кроватей, поправляя на табуретках солдатское обмундирование, показывая, как его надо правильно складывать.

Я уже думал, что все обошлось хорошо, но тут Мефодий Иванович увидел в углу казармы солдат Волосатого и Кримача, которые занимались изготовлением мишеней для ночных стрельб.

— Это что еще такое? Почему они здесь работают? — у комбрига зашевелились брови. — Непорядок, старшина.

Ермишкин вытянулся в струнку. Он был сам требовательным, и вдруг — такая промашка.

— Виноват, товарищ комбриг, — произнес он. — Больше этого не будет.

— Верю, старшина, — комбриг повернулся ко мне, — пойдем в другую батарею.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Утром 29 мая 1942 г. «крылатый дивизион» получил предварительное распоряжение на выброску в тыл врага. Как мы ждали этого момента! Строили разные предположения, гадали, куда будем выбрасываться. Офицеры дежурили у телефонов, солдаты писали прощальные письма родным.

Вскоре из штаба бригады позвонил подполковник Шилин. Он приказал нам явиться вместе с комиссаром Виноградовым в подмосковную школу для получения боевого приказа.

Шли мы быстро, запыхались. У входа в штаб бригады стояла усиленная охрана из автоматчиков.

Нас встретил командир саперной роты старший лейтенант Вовк и сказал, что комбриг и комиссар Котов ждут нас в первом классе на первом этаже.

Мы вошли в указанную комнату. Здесь уже находились командиры и комиссары других частей. За столом занимали места Шилин и Котов. Рядом с ними с большой картой Смоленщины в руках сидел заместитель начальника штаба бригады, симпатичный, черноглазый старший лейтенант Молков. Он докладывал о движении вражеских войск от Вязьмы к Дорогобужу и Ельне.

На столе то и дело звонил телефон: из штаба воздушно-десантных войск Шилина вызывали командующий — генерал В. А. Глазунов и начальник штаба генерал П. П. Ионов. Они интересовались нашей боеготовностью, торопили со сборами, требовали к моменту вылета сообщить расчеты по десантированию.

Комбриг докладывал лаконично, со знанием дела. На высоком лбу у него выступили капельки пота.

— Становится жарковато, — вытирая лицо, шутил он. — Вы чувствуете, товарищи?

Первым получил задание командир парашютно-десантного батальона старший лейтенант Роман Антонович Радько: его батальон должен был лететь в тыл врага раньше всех.

Радько склонился над картой и начал сосредоточенно изучать район высадки.

Развернули карту и мы с Виноградовым. Затем получил задание комбат майор Клецовка Андрей Максимович. Задание давалось и нашему дивизиону. Комбриг поднял на нас глаза и сказал, как обычно, спокойным голосом:

— После высадки сразу же начнете сосредоточиваться в районе Озерища. Будете поддерживать пехоту Радько и Клецовки огнем из минометов и противотанковых ружей. Более подробную задачу получите на месте выброски.

— При первой же возможности надо будет установить связь с партизанами Дедушки и кавалеристами генерала Белова, — напомнил комиссар Котов. — Только делать это, разумеется, надо по-умному, без легкомыслия. Надеюсь, вы меня понимаете, товарищи?

— Понимаем, товарищ комиссар.

В заключение заместитель командира бригады по снабжению майор Майоров объявил нам:

— Товарищи, недостающее вооружение получим в корпусе генерала Иванова и оружие подвезем в аэропорт. Так что не волнуйтесь...

Надо сказать, что управленцы по-настоящему заботились о наших подразделениях, делали все для того, чтобы они стали значительной боеспособной силой.

* * *

Когда мы вышли на улицу, Виноградов сказал:

— Надолго запомнится этот день, Вениамин Борисович. Смотрите, сколько света вокруг!..

Да, день был удивительно солнечным, спокойным. Над городом висел бескрайный купол голубого неба, на деревьях то тут, то там пели скворцы. В палисадниках буйно цвела сирень, и в воздухе витал приятный аромат.

За нами из школы вышел пожилой офицер и, догнав нас, протянул какие-то бумажки.

— Товарищи минометчики, — сказал он, — возьмите, пожалуйста, накладные на десантные пилотки. По своему вкусу сшил: с застежками на подбородке. Шик-модерн! Получите и брюки с большими карманами...

Это был начальник обозно-вещевого снабжения бригады Галаган — очень беспокойный и заботливый человек.

— Вам предстоит далекий и опасный путь, — продолжал он, — и одеть вас надо как следует.

— Спасибо, Иван Ануфриевич, — я крепко пожал ему руку. До новых встреч, дорогой.

— Желаю вам боевой удачи.

— Спасибо.

* * *

Мы взяли у него накладные и пошли. Пошли в последний раз в казарму дивизиона, где жили, работали, усиленно готовились к предстоящим испытаниям.

Войдя в свою комнату, я увидел на кровати вещевой мешок, наполненный личными вещами, — это постарался мой ординарец. Рядом лежали основной и за-

пасной парашюты, взрывчатка, коробка с патронами, одежда и много другого имущества. Все это надо было захватить с собой и прыгать с ним с самолета. Попробовал я поднять весь этот груз и пошатнулся от тяжести.

Комиссар посмотрел на меня и рассмеялся:

— Так нельзя. Кое-что из этих вещей нужно оставить.

Все казалось нужным. Решили не брать противогаза и шинели.

— Фашисты в своем тылу применять отравляющие вещества не будут, — сказал Виноградов. — А шинели пока тоже без надобности: тепло...

Мы наведались в казарму. Солдаты вещи уложили и сидели в ожидании. Лица у них были суровыми и сосредоточенными.

Инструктор парашютно-десантной службы дивизиона лейтенант Сергей Пашков давал последние напутствия:

— Не бойтесь прыгать. Смелость города берет, — говорил он полушутливо. — Я более ста затяжных прыжков совершил — и невредим, как видите, целехонек...

— Мы завидуем вам, товарищ лейтенант, — в тон ему сказал старшина Ермишкин. — Вы, наверное, в рубашке родились.

— Вот этого я уже не знаю, — лейтенант весело хохотал. — Может, и в рубашке. Бывают, говорят, такие случаи...

Ко мне подошел земляк из Саранска молодой лейтенант Песков. Мы дружески пожали друг другу руки. Алексей Иванович служил со мной еще в 204-й воздушно-десантной бригаде, где командовал ротой стрелков. Он уже выбрасывался в тыл врага под Демьянском на Северо-Западном фронте, и теперь у него имелся немалый опыт. Он держался спокойнее других.

Мы сели на табуретки.

— Что пишут из Саранска? — полюбопытствовал я.

Алексей Иванович улыбнулся. Глаза у него заметно посветлели: вспомнил, видимо, свой домик на Посопе, оставшуюся в нем старушку мать. Затем вынул из полевой сумки пачку писем со штампом саранской почты и сказал:

— В них — история нашего города военного времени. Глядите...

Я с жадностью начал просматривать эти письма. Сообщалось, что в Саранске создано шесть военных госпиталей, что жители республики собирают денежные средства на приобретение танковой колонны «Мордовский колхозник», что все, от мала до велика, трудятся не покладая рук во имя скорейшего разгрома проклятого гитлеровского фашизма.

Письма писали мать, знакомые Пескова, работающие на разных предприятиях Саранска. Читал я, и как-то теплее становилось на душе.

Засиживаться, однако, у нас времени не было. Я вышел на улицу. В городе началось оживленное движение. По мостовой и тротуарам бегали озабоченные десантники. Грузовые машины с ящиками боеприпасов и другим военным имуществом колоннами двигались по дороге на аэродром.

Я заглянул в батарею Полуляха. Здесь солдаты уже садились в машины, укладывали мешки с минометами и противотанковыми ружьями. Делали это они не суетясь, с большой аккуратностью.

То же самое происходило и в других подразделениях. Я побывал во всех батареях и остался доволен ходом погрузки.

Через час мы уже покидали город, который сравнительно за короткое время стал для нас дорогим. Жители оказывали нам всяческую поддержку. Особенную заботу о нас проявляли руководители города К. Ф. Пащенко и В. П. Орлов. В подготовке десантников они принимали самое активное, деловое участие.

Вскоре мы прибыли на аэродром и разгрузились. Встретились с некоторыми летчиками, доставлявшими по ночам на Малую землю боеприпасы и продовольствие. Они с горечью рассказывали о том, что гитлеровцы с каждым днем теснят войска Белова, суживают вокруг них кольцо окружения, преследуют партизан. Если в апреле 1942 г. в лесу у Мытищина, Дорогобужа и Ельни было довольно спокойно, то в конце мая враг в этих местах сильно активизировал свою деятельность. Наши самолеты часто стали подвергаться обстрелу.

Летчики сообщили также о том, что у окруженных войск генерала Казанкина, находящихся на реке Угра, скопилось много раненых и больных, которые нуждаются в срочной эвакуации. А заменить их в строю некем. Войска ощущают острый недостаток в вооружении и продовольствии, поэтому они с нетерпением ждут наступления частей Западного фронта. Но те приостановили продвижение, потому что немцы прорвались под Харьковом. Резервы направляются туда на помощь нашим войскам.

Таким образом, на Малой земле положение крайне обострялось. Правда, Озерище, Волочек, станция Глинка по-прежнему удерживались нашими частями.

Мы старались эти вести не предавать широкой огласке. Однако они все же дошли до личного состава дивизиона. Солдаты заметно заволновались. И не потому, что испугались предстоящих трудностей. Наоборот, ими овладело другое чувство — нетерпение. Им скорее хотелось туда, в тыл врага, чтобы протянуть руку помощи попавшим в беду товарищам. Они знали, что несколько дней тому назад на Малую землю уже высадились парашютно-десантные батальоны нашей бригады во главе с майором Клецовкой и старшим лейтенантом Романом Радько, что с ним улетел также батальонный комиссар Иван Федорович Андрющенко. Это все больше подстегивало и торопило наших десантников.

Воодушевил своим личным примером всех нас и комбриг. Прибыв на аэродром, Мефодий Иванович решил лететь с группой офицеров управления бригады тоже 29 мая, чтобы там сразу возглавить руководство десантными частями. Он был заметно утомлен: сказалась напряженность последних дней.

Перед тем как подняться в воздух, комбриг подошел ко мне и развернул свою боевую карту, испещренную разными знаками: последние сутки он особенно много работал над изучением обстановки на Смоленщине.

— Видите это место? — Шилин ткнул пальцем в овал красного цвета на карте и значительно, с расстановкой продолжал: — Сам командующий Западным фронтом генерал армии Жуков определил нам этот район десантирования. Запомните названия населенных пунктов: Лепешки, Лущиково, Жашково, Озерище, Ромашково...

Я тоже нарисовал красный овал на своей карте, потом заверил:

— Высадимся в указанном районе, товарищ комбриг.

— Надеюсь, товарищ старший лейтенант, — он протянул мне руку. — Думаю, что все будет в порядке.

Мефодий Иванович крупно зашагал к взлетной площадке. Его самолет быстро поднялся в воздух и взял курс на запад.

Пока мы дожидались возвращения самолетов из тыла врага, вражеские бомбардировщики дважды пытались прорваться к аэродрому, но были встречены огнем зенитных батарей противовоздушной обороны Москвы. Фашисты вели здесь разведку и пытались узнать, откуда началось десантирование бригады Шилина. Пришлось всячески скрывать наши действия.

Московский аэродром в это время имел жуткий вид: здание аэровокзала стояло с разбитыми окнами, с обшарпанными осколками бомб стенами, взлетное поле было пустынным, осиротевшим. Самолеты находились не в ангарах, а стояли в ближайших рощах под маскировочными сетками, в наземных капонирах.

Жизнь здесь оживала только с наступлением темноты. Из ровиков и щелей вылезали рабочие и десантники, на аэродромное поле прилетали пассажирские самолеты и ночные истребители, тягачи тащили прожекторы. Аэропорт охранялся большими группами зенитной артиллерии. То тут, то там в ближайших переулках Москвы торчали длинные стволы пушек. Расчеты орудий в основном состояли из девушек.

На аэродром пришли провожать женщины в ярких платьях и косынках. Среди них я увидел Веру — молодую жену старшего лейтенанта Полуляха. Она стояла в сторонке от остальных подруг и грустными глазами следила, как ее муж со своими подчиненными грузил на самолет военное имущество. Старший лейтенант часто оглядывался, и Вера махала ему платочком.

А я думал о том, как мы будем действовать в тылу врага в первые минуты приземления. Что нас там ожидает? Может быть, указанный для высадки десанта район уже находится в руках немцев? Тогда сразу же надо будет вступать в бой. И во что бы то ни стало собрать в одно место десантников, найти Мефодия Ивановича, получить боевую задачу.

* * *

Начало смеркаться. Заработали моторы самолетов, и окрестность наполнилась тяжелым и тревожным гулом. Для нас выделили 25 самолетов ПС-84 и столько же ночных истребителей для прикрытия десанта. Это — внушительно.

Дорога была каждая минута. И наши десантники работали на славу. Они уже заканчивали погрузку: тащили в самолеты последние мешки с минометами, боеприпасы, продовольствие. Особенно живо и расторопно действовали Сергеев, Ермишкин, Кримач и Постников. Обстановка заставляла их работать с наивысшим напряжением. Каждый из бойцов понимал, что самолеты за короткую майскую ночь должны успеть совершить рейс в тыл врага и вернуться обратно.

В погрузке принимала участие и наша переводчица техник-интендант второго ранга Клавдия Ивановна Крылова. Это единственная девушка-парашютистка, решившая лететь вместе с нами во вражеский тыл. Она — бывшая студентка Москов-

ского института иностранных языков, отличная спортсменка. На выполнение опасного задания ее рекомендовало нам руководство института.

Клава успешно прошла тренировки по прыжкам с парашютом. Мы восхищались ее выдержкой, выносливостью.

Из поселка Малаховка провожать Клаву пришла мать Варвара Никитична. Я видел, как она, вытирая глаза, перекрестила свою дочь и пожелала:

— Возвращайся домой невредимой. Да поскорее... А то мне нелегко одной-то...

Клава прижалась к материнской груди, но не заплакала. Она только коротко сказала:

— Крепись, мамочка.... Мое сердце всегда с тобой...

Наконец погрузка была завершена. Мы уже собирались взлететь, но в это время к нам подъехал генерал Жолудев. Обратившись ко мне, он сказал:

— Я доволен вашими воинами. Молодцы они у нас! Быстро погрузились. Некоторых из них я сейчас обрадую. Где Степан Ермишкин и Владимир Чапаев?

Те тотчас предстали перед командиром корпуса.

— Мы здесь, товарищ генерал!

— Вам присвоено звание младшего лейтенанта. От души поздравляю и желаю успеха в предстоящих боях.

— Служим Советскому Союзу!

На прощанье Жолудев обнял и поцеловал каждого из них. Было трогательно смотреть на эту сцену. Ермишкин и Чапаев стояли, счастливо улыбаясь, не зная куда деть руки.

Я опять посмотрел на Варвару Никитичну Крылову, стоявшую неподалеку от нашего самолета. Она комкала в руках платок. Передо мной невольно возникло лицо моей матери Евдокии Ивановны Мироновой, лицо в сетке мелких морщинок, с грустными глазами. Как она там? Нелегко, конечно, приходится...

Я быстро извлек из планшетки листок бумаги и тут же на коленях начал писать:

«Дорогая мама! Сердечный привет тебе от старшего сына. Я жив и здоров. Но пока мне не пиши: улетаю туда, где нет нашей почты. Уже заурчал мотор самолета, и мои боевые товарищи заняли свои места. Я тоже иду. До счастливой встречи, моя родная! Целую. Вениамин.

Московский аэропорт. 29 мая 1942 г.».

* * *

Свернув листок в треугольник, я отдал его Жолудеву.

— Товарищ генерал, опустите, пожалуйста, в ящик...

Как я после узнал от матери, она долго носила это письмо за пазухой и всех односельчан и работников военкомата спрашивала, куда это послали ее сына, что ему нельзя даже писать письма...

Наш самолет сделал разбег, оторвался от земли, и вскоре внизу замелькали аэродромные огоньки. Мы совершили круг над Москвой и взяли курс на запад, в сторону фронта.

Ермишкин и Чапаев принесли из кабины пилота красный флажок, оторвали от него полоску и при свете карманного фонарика смастерили кубики и пришили их к петлицам воздушно-десантных курток.

— Ну как? — обратились они к товарищам. Было заметно, что они очень довольны возведением их в новый чин. — Хороши наши кубарики?

Друзья одобрительно закивали головами. А кто-то пошутил:

— Вас и в генералы можно. В аккурат подойдете...

Ермишкин озорно блеснул глазами:

— А что, дослужимся и до генерала. Какие наши годы...

Вскоре все как-то притихли. Минут сорок летели молча. У каждого были свои думы. Кто вспоминал об отчем доме, о родных семьях, кто вел мысленный разговор с любимой девушкой. Но больше всего, видимо, бойцов занимали мысли о предстоящей высадке.

Вдруг все в самолете забеспокоились: метрах в двухстах от нас пронесся черный силуэт мессершмитта, внизу блеснули огоньки — открыли огонь зенитные орудия противника. Значит, под нами — линия фронта. Слева кроваво полыхало пожарище. Я догадался: это горела Вязьма. Как огромные факела, в ночном мраке вскидывались к небу языки пламени.

От вражеских прожекторов к нашему самолету поднялись снизу три голубых луча и, словно фантастические конвоиры, начали сопровождать нас. Ослепительно яркий свет, проникающий через иллюминаторы самолета, невольно заставлял прижиматься к стенкам.

Чтобы не попасть под огонь немецких зениток и истребителей, нужно было быстрее выйти из этого зловещего освещения.

— Спокойно, товарищи, — проговорил я. — Сейчас спрячемся за облаками.

Самолет начал натужно набирать высоту. А голубые лучи прожекторов продолжали следовать за нами: облачность была несплошная. Зато снаряды разрывались не долетая до самолета. Штурман открыл огонь из ручного пулемета по вражескому истребителю. Однако стрелял недолго: появились наши истребители, и немецкий самолет отстал от нас.

Виноградов начал сбрасывать листовки, которые он взял перед вылетом в штабе бригады. В них вражеские солдаты призывались к прекращению грабительской войны против Советского Союза, переходу к нам в плен. Сбрасыванием листовок занялись и другие политработники.

Были у нас также листовки, адресованные местному населению, временно оказавшемуся во вражеской оккупации. В них содержался призыв создавать в захваченных немцами районах невыносимые условия для фашистов, уничтожать вражеский транспорт, склады, разрушать дороги. В конце каждой листовки было напечатано: «Смерть немецким захватчикам!».

Сбрасывать их мы стали, когда наши самолеты оказались уже в тылу противника.

Огонь зенитных орудий прекратился, и нервное напряжение заметно спало. Както сразу на большой высоте мы ощутили сильный холод и покаялись, что не взяли с собой шинели. Солдаты сидели, прижимаясь друг к другу.

Самолет начал снижаться. Стало заметно теплее. Мы связались с партизанами по рации и попросили, чтобы они разожгли у озерищенского мелколесья шесть костров для ориентации. Партизаны ответили, что наша просьба будет незамедлительно выполнена.

Продолжаем углубляться в тыл врага. Судя по преодоленному расстоянию, скоро должно быть Озерище — район нашей выброски. А его все не было.

Я развернул карту. Над ней склонились также комиссар Виноградов и начальник штаба дивизиона Борисенко. Стали искать нужный населенный пункт. Но свет в самолете был настолько слабый, что разобрать слова на карте никак не удавалось.

«А вдруг перелетим через Озерище? — с тревогой думал каждый из нас. — Тогда дело — табак...»

Да, недалеко был Смоленск, забитый фашистами. Мы знали, что город сильно охраняется зенитной артиллерией и истребителями, и оказаться над ним нашим самолетам — значит совершить непоправимую ошибку.

Солдаты тоже с нескрываемой тревогой смотрели в иллюминаторы, а мы зажгли два фонарика и по времени и скорости самолета определили по карте, что находимся над рекой Осьма, юго-восточнее Дорогобужа. Выходит, Озерище еще впереди. Однако напряжение у всех нарастало. Я хорошо понимал состояние десантников.

Вдруг стрелок Николай Сергеев, сидевший поблизости от меня, радостно выкрикнул:

— Костры!.. Вижу костры, товарищи...

Все приникли к иллюминаторам: действительно, внизу горело шесть костров. На сердце отлегло. Но — ненадолго: с земли какая-то радиостанция передала, что противник атакует Малую землю танками, что наши кавалеристы и десантники отходят.

«Как же нам быть? — мучительно думал я. — Где выбрасываться? Может, и партизан теснят немцы?..»

Но размышлять долго было некогда. Я поднялся с сиденья и приказал радисту передать команду «пошел!» на другие самолеты. Потом обратился к летевшим со мной десантникам:

— Товарищи, приготовиться!

Все молча встали и поправили парашюты. Лица в предельном напряжении. Каждый понимал, что предстоит совершить уже не учебный прыжок...

Я нащупал на груди кольцо парашюта, встал на порог и решительно прыгнул в ревущую предутреннюю мглу. Сердце сразу же словно обмерло от быстрого падения. Вот я дернул за кольцо и почувствовал сильный рывок: раскрылся парашют. Быстро приближались огни костров.

На фоне утренней зари было видно, как летели вниз белые парашюты, а под ними — черные фигурки людей. Рядом со мною спускались Виноградов, Борисенко, Полулях, Ермишкин, Чапаев и Сергеев. На территории, куда мы должны приземлиться, было спокойно. Сверху довольно неплохо просматривалось Озерище. Оно находилось на пригорке, с двумя рядами домов. В середине села виднелась одноэтажная деревянная школа, крытая железом, рядом — старая церковь с оградой. В сторону Дорогобужа, через лес, пролегала проселочная дорога.

Но времени для наблюдения уже не оставалось: приближалась земля. Я беспокоился: не упасть бы на острый предмет. Неожиданно ноги ударились о землю. Парашют отнесло немного в сторону, и белый шелк накрыл кусты.

Приземлился я неподалеку от построек Озерища. Поблизости приземлялись мои десантники. Я видел, как вслед за минометчиками спустилась Крылова. Она легко присела, но никак не могла справиться с тянувшим ее парашютом.

— А ну, братва, помогите снять фалы, — попросила она товарищей, оказавшихся рядом с нею. — Да побыстрее, а то меня снова унесет в небо...

Солдаты окружили Клаву и вскоре освободили ее от парашюта. Она сняла пилотку, расстегнула ворот десантной куртки и облегченно вздохнула. Щеки у нее густо розовели, черные локоны рассыпались по плечам.

— Ну как? — подойдя к ней, поинтересовался я.

— Цела и невредима, товарищ командир. Теперь мне надо к комбригу.

— Будем искать. Мне тоже необходимо с ним связаться...

В это время из кустов неожиданно вынырнул человек в гражданской форме, с винтовкой в руке. Мы схватились было за оружие, но незнакомец опередил нас:

— Свой, товарищи... Я из партизанского отряда Дедушки. Пришел к вам на связь.

Я тщательно проверил его документы. Потом спросил:

— А где приземлился наш комбриг?

— С ним мы связались по рации. Батальон, с которым высадился штаб бригады, ведет сейчас бой с наступающими фашистами севернее Ельни. Ему требуется срочная помощь...

Партизан окинул окруживших его десантников любопытным взглядом. Потом беспокойным, простуженным голосом снова заговорил:

— С вами должна высадиться переводчица Крылова.

— Да. Она здесь, — я представил Клаву. — А что?

— Ее приказано проводить к Шилину.

Я одобряюще подмигнул девушке.

— Иди.

Клава в сопровождении партизана скрылась в кустах.

ГЛАВА ПЯТАЯ

К моменту нашей высадки обстановка в районе Озерища быстро ухудшалась. Воспользовавшись переходом Западного фронта к временной обороне, противник сосредоточил здесь большие силы и бросил их в наступление. Гитлеровцы одновременно проводили две боевые операции: «Зейдлиц» — удар со стороны Вязьмы шестью пехотными и двумя танковыми дивизиями против 1-го кавалерийского корпуса; «Ганновер» — удар с юга на Всходы и Мытищино силами 46-го корпуса и 19-й танковой дивизии, направленный против десантников и партизан отряда Дедушки.

Кроме того, в центральном районе Малой земли начали действовать вражеские парашютисты, переодетые в советскую военную форму. Они намеревались уничтожить штаб нашей группы, а генерала Белова взять в плен живым.

Однако генерал Белов быстро оценил обстановку и провел дерзкую операцию: силами 8-й воздушно-десантной бригады он окружил и пленил диверсантов, получив от них важные сведения о вражеских войсках.

Между тем на восточном участке Малой земли положение оставалось тревожным. Прорвавшиеся со стороны Москвы к Вязьме части 33-й армии генерала М. П. Ефремова были окружены крупными силами противника и несли большие потери.

Теперь немцы могли вывести из этого района войска и тоже направить их против нас. Они рассчитывали, что за 33-й армией неминуемо наступит гибель и группы Белова. Но гитлеровцы просчитались. 17 тысяч бойцов и командиров были полны решимости вести борьбу против наседавшего врага. На всей территории Малой земли готовились оборонительные рубежи. Только на некоторых участках беловцы отходили.

Гитлеровцы усилили натиск. От Вязьмы отошел отряд майора В. В. Жабо, который был создан в начале 1942 г. и входил в состав группы войск Белова. Впоследствии он вырос в полк. За умелое руководство им в боях под Вязьмой майор Жабо был выдвинут на должность заместителя командира 329-й стрелковой дивизии. В одном из боев он пал смертью героя.

Части генерала Казанкина вынуждены были оставить Угру и Мытищино. Таким образом, к утру 31 мая противник вклинился на территорию Малой земли с востока на 20 километров. 23-я и 211-я воздушно-десантные бригады сразу же после десантирования бросились в бой. Бойцы этих соединений с особым уважением относились к воинам 4-го воздушно-десантного корпуса и 8-й воздушно-десантной бригады: ведь это именно они совершили беспримерный подвиг, выбросившись зимой 1942 г. в тыл врага в районе Вязьмы в составе десяти тысяч человек. И вот уже в течение четырех месяцев отважные десантники сражаются с ненавистным врагом в тяжелых условиях окружения. Это — самый большой воздушный десант в истории войн.

Во Всесоюзном музее воздушно-десантных войск, созданном при воздушно-десантном училище студией военных художников имени М. Б. Грекова, в 1970 г. завершена работа над диарамой, посвященной этому беспримерному десанту. Авторы нового монументального полотна — народный художник РСФСР П. Мальцев и художник Присекин. Об этом сообщила газета «Вечерняя Москва» в № 179 от 1 августа 1970 г.

Я горжусь, что 211-я воздушно-десантная бригада, а в ее составе и дивизион, которым командовал я, в тяжелое время для Родины пришла на помощь славным героям.

* * *

Малая земля постепенно суживалась. Противник бросал в бои все новые и новые силы, стремясь во что бы то ни стало обезопасить свой тыл.

Минометчики нашего дивизиона собирались по взводам и немедленно отправлялись на поддержку к пехотинцам под населенный пункт Лепешки. Они с

ходу вступали в бой и метким огнем уничтожали живую силу и технику противника.

Однако 2 июня немцам удалось оттеснить нас от Лепешек на запад, в сторону Озерища, Мархоткина, Рождества, Ромашкова. Схватки с врагом принимали ожесточенный характер. Воздух содрогался от грохота: вели огонь вражеские пушки, били наши минометы, не смолкала ружейно-пулеметная пальба.

Поле, где заняли позиции бойцы нашего дивизиона, дымилось, и было трудно дышать. Вражеские пули и осколки буквально прижимали к земле.

Немцы несколько раз пытались опрокинуть нас, чтобы продолжать наступление, но это им не удавалось. Оставляя десятки убитых и раненых, они при каждой попытке подняться откатывались назад.

Наконец я отдал приказание отойти к лесу, который находился метрах в двухстах позади от наших позиций. Там, на опушке, можно было занять более надежную оборону и укрыться от прицельного вражеского огня.

Смотрю, как выполняется распоряжение. Полулях ползет на четвереньках, буксируя ствол миномета в чехле. Сергеев помогает Ермишкину ползком тащить противотанковое ружье. За ними, плотно прижимаясь к земле, двигаются солдаты. То тут, то там между ними вздымаются вверх черные фонтаны разрывов.

Неподалеку от меня упал вражеский снаряд, и в ушах зазвенело. На минуту я закрыл глаза, а когда открыл их, перед собой увидел командира взвода младшего лейтенанта Блохина: он поспешил ко мне, видимо, думая, что меня ранило. Его взгляд был беспокойным, по лицу сбегали грязные ручейки пота. Когда Блохин заговорил, я услышал слабый, словно издалека доносившийся голос:

— Товарищ командир, что с вами?

— Да вот никак не пойму... Вроде цел. Только в голове сильно гудит. Оглушило, видимо...

— Ползите к лесу. Мы будем вас прикрывать.

Лес был уже совсем близко. Добравшись до него, я перевел дыхание и приказал дивизиону немедленно окопаться.

Вскоре над лесом появились фашистские бомбардировщики. Сделав круг, они начали сбрасывать бомбы. Тяжелые разрывы сотрясали землю, осколки секли ветки деревьев. Несколько бойцов было ранено.

Рядом находилось большое озеро, и я сказал бойцам, чтобы они залезли в воду: было лучше уберечься от осколков.

Лес, казалось, стонал от бомбовых ударов. Падали наземь не только ветви, но и целые деревья. Осколки теперь нас не доставали, и потерь мы уже не имели.

Бойцы подтрунивали над своим положением:

— Вот это ванна! Век не забудешь...

— Главное — бесплатная...

— Наслаждайся, сколько хочешь...

— От такой ванны зубами защелкаешь...

Наконец самолеты улетели, и мы вылезли из воды, мокрые до ниточки. Обмундирование казалось пудовым. Надо было обсушиться, но где там: в небе снова по-

явился вражеский самолет. Это — разведчик, прозванный солдатами «стрекозой»: у него, как у стрекозы, при полете не убирались шасси. Он буквально висел над лесом — искал нас.

— Вот, гад, — следя за полетом немецкого самолета, выругался лежавший со мною рядом комиссар Виноградов. — Того и гляди, заденет колесами за деревья. Вконец обнаглел. Может, пальнуть по нему? А?

— Давайте попробуем, — сказал я. — Чем черт не шутит: вдруг да и попадем...

Когда «стрекоза», приглушив мотор, оказалась метрах в двухстах над нами, я приказал открыть огонь из винтовок и автоматов.

Грянуло несколько дружных залпов. Вдруг «стрекоза» задымилась и упала где-то поблизости. Радости нашей не было конца. Еще бы: сбили вражеский самолет!

Мы вышли на сухое место. Десантники сняли обувь и одежду, чтобы выжать воду. Ноги у всех были синие.

После небольшой передышки мы заняли оборону в глубине леса. Сделали шалаши, разожгли в них небольшие костры и всю ночь сушили свою одежду. А утром снова в бой. Атаку начали фашисты.

Из низины, покрытой туманом, появились черные человеческие фигурки и танки, словно копны. Бойцы нашего дивизиона огнем из минометов отрезали вражескую пехоту от танков. Немцы залегли и открыли огонь из автоматов. Мы тоже продолжали вести стрельбу. Минометы так разогрелись, что к ним нельзя было притронуться.

Наводчики Василий Кримач, Константин Липин и Иван Волосатый, разгоряченные боем, посылали одну мину за другой, торопили подносчиков:

— Братцы, дыни!.. Дыни давай!..

Лица у всех заливались потом, глаза горели лихорадочным огнем. Боевое напряжение достигало наивысшего предела.

Ранило одного из наводчиков. Его заменил политрук Амирханян. Он метко стрелял по скоплениям вражеской пехоты, приговаривая:

— Получайте, фрицы, гостинцы наши! Угощайтесь, пожалуйста. Мы не жадные — подкинем еще...

Амирханян указывал цели, ползал от миномета к миномету, ободрял бойцов. Но вот вражеская пуля зацепила и его.

Начали выходить из строя и другие десантники. Это осложняло и без того критическое положение.

Появились танки противника. Бойцы открыли огонь из противотанковых ружей. Но разве остановишь ими бронированные махины? Я приказал приготовить противотанковые гранаты.

Когда танки подошли совсем близко к нашим позициям, вдруг сбоку ударили по ним орудия танковой роты беловцев, которой командовал старший лейтенант Кошелев. Сразу вспыхнули две машины. Остальные повернули назад и скрылись в зарослях.

* * *

По дороге в Озерище шли группы раненых солдат. Санитары вели под руки Амирханяна. Он был разгорячен, то и дело повторял:

— Я скоро вернусь, товарищи. А вы стойте насмерть... Никакой пощады гитлеровцам. Бейте их...

— Собирай раненых в Озерищенской школе, — сказал я ему. — Будешь там за главного.

— Слушаюсь, товарищ командир...

Мы отошли еще километра на два и опять окопались. Грохот боя доносился со всех сторон. Совсем недалеко падали вражеские снаряды. На зеленых пшеничных полях происходило страшное: огонь и дым от разрывов вскидывались кверху, заполняли вокруг пространство, и казалось, земля находится в кромешном аду.

Я лежал за сваленным снарядом деревом на опушке леса и смотрел на взбудораженное, вздыбленное поле. Рядом со мной находился комиссар Виноградов. В руках у него — автомат, из кармана брюк торчали ручки противотанковых гранат. Лицо — напряженное, озабоченное. Взгляд устремлен тоже на поле.

Мне, разумеется, было понятно его состояние. Враг наседал, бросал против нас свежие силы, и Виноградов хорошо представлял всю сложность обстановки, в которой оказался наш дивизион.

— Что будем делать, Вениамин Борисович? — комиссар повернулся ко мне. — Фрицы прут, как ошалелые. У нас много раненых...

— Будем держаться, Ваня. До последнего патрона. До последнего дыхания.

В это время среди наших боевых рядов появился комбриг Шилин — словно из-под земли вынырнул. Вид у него был до невозможности утомленный, глаза ввалились, щеки обросли щетиной. Но он держался. Я смотрел на этого мужественного человека с искренним уважением.

— Жарковато, товарищи, приходится? — обратился он к нам, в его голосе не было тревоги, словно мы находились не на поле боя. — Ничего. Надо потерпеть. Бывает хуже...

— Пока терпим, товарищ комбриг, — сказал я, и мне стало как-то легче в присутствии Мефодия Ивановича.

— Немцы стремятся оседлать дороги на Мытищино и Дорогобуж, — заметил комбриг. — Необходимо на их обочинах занять позиции вашим бойцам с противотанковыми ружьями. Поставьте туда и минометы. Одним словом, держитесь, товарищи. Немцев допустить до леса никак нельзя... Экономьте боеприпасы. А почему — думаю, сами хорошо понимаете...

Шилин направил резервную роту на поддержку наших бойцов в район населенного пункта Лущиково. Потом стал показывать снайперам, как надо метко стрелять. Он сразу же уложил двух гитлеровцев.

— Где так научился? — поинтересовался я у адъютанта комбрига И. Г. Гашимова. — Таких стрелков я еще не встречал.

Адъютант с достоинством ответил:

— Мефодий Иванович еще в 1923 г. был начальником школы снайперов в 32-й стрелковой дивизии в Саратове.

— Понятно…

Когда Шилин освободился, я подошел к нему, сказал:

— Оказывается, вы отличный снайпер, товарищ комбриг.

— Всем надо учиться метко стрелять, — серьезно посоветовал Мефодий Иванович.

Немцы прекратили огонь. Наступила временная передышка. Солдаты задымили цигарками, вытирали пилотками с лица ручейки пота.

Вдруг комбриг опустился на траву и схватился за грудь. Лицо у него моментально позеленело.

— Вот черт, — выругался он, — опять язва желудка дает знать о себе. Совсем замучила...

Мефодий Иванович лег на спину. Болезнь, недоедание, ожесточенные бои в тылу врага сильно измотали и истощили его. Воспаленно-красные глаза молча смотрели в глубину дымного неба.

— Хорошо было в гражданскую у Чапаева, — тихо, с задумчивостью заговорил он. — Бросался в атаки на коне, вихрем летел на врага. Был молод, здоров, все переносил. А теперь вот сдавать начал... Да, батенька, годы. Они, видать, никому пощады не дают...

— Ничего, товарищ комбриг, — хотел подбодрить я его, — отдохнете малость, и все пройдет...

Он прервал меня:

— Ладно, ладно. Не утешай. Еще не хватало, чтобы подчиненные слезы вытирали комбригу.

Через некоторое время ему стало лучше. Он повернулся на бок и почему-то стал вспоминать родные места. В минуты затишья такое бывало, видимо, не только с ним.

— Хоть бы краешком глаза взглянуть на простор заволжских степей — ведь там прошло мое детство, там я рос, мужал, принял первое боевое крещение...

В голосе Мефодия Ивановича звучали нотки нескрываемой грусти.

Где-то за лесом, слева, рвались тяжелые немецкие снаряды. Земля под нами ощутимо вздрагивала. Дым над полем развеяло поднявшимся ветерком, и с неба снова хлынули потоки солнечных лучей.

Комбриг зажмурился, на лице появилась улыбка. Он сказал:

— Солнышко не заслонишь...

Мефодий Иванович хотел сказать еще что-то, но закашлялся. Я поднял ему голову, подложил под нее десантную куртку. И снова послышался его тихий, умиротворенный голос:

— Мать рассказывала, что я родился в июльскую жару, когда жали в поле рожь, в самодельной крестьянской телеге... М-да, времена были... Но, видать, я живучим оказался. Какие только ветра-метели ни хлестали, но с пути не сбили, не согнули. Думаю, и теперь не согнут еще. Мы еще, брат, не сдадимся! Так, Миронов, говорю, а?

— Так, товарищ комбриг!

Немного помолчали. Потом я спросил:

— Вы лично знали Чапаева, товарищ комбриг?

Мефодий Иванович улыбнулся и вспомнил, как однажды, после боя с белоказаками, он писал письмо матери. К нему подошел Василий Иванович. Ему понравился почерк. «А ну, писака, собирай свои манатки и марш в штаб, — приказал он. — Писарчуком будешь».

По словам Шилина, Василий Иванович удивительно быстро подмечал способности людей. Комбриг гордился, что он в штабе Чапаева научился искусству готовить схемы боя, приказы, донесения и сводки.

— Василий Иванович сделал из меня человека. Никогда не забуду его душевную доброту. Какое у него было отзывчивое сердце! Ко мне он относился, как к сыну, но не баловал. Если я допускал оплошность, доставалось на орехи... Потом мне все это очень пригодилось: я так же воспитывал своего сына Юрку. Хочется, чтобы он тоже стал хорошим воином...

Забегая вперед, скажу, что Юрий оправдал надежды отца. Он окончил военно-воздушный факультет академии имени Ленина и стал подполковником.

Приступ у Мефодия Ивановича закончился. Комбриг заметно повеселел.

— Ну что ж, — проговорил он, — я пойду. А вы тут действуйте. Понимаю, что тяжело. Но надо держаться.

— Будем держаться, товарищ комбриг, — заверил я. — Вы не беспокойтесь...

Противник вскоре возобновил артиллерийский обстрел. Снаряды с грохотом и треском рвались поблизости от наших позиций.

Я думал о комбриге. Меня радовал и воодушевлял его оптимизм. Я был уверен, что с Мефодием Ивановичем мы выстоим, выйдем из этого труднейшего положения непобежденными. Большая сила духа Шилина передавалась всему личному составу соединения, заряжала стойкостью сердца воинов.

* * *

На позицию взвода Степана Ермишкина двигалась пехота противника, сопровождаемая несколькими танками.

Я приказал открыть огонь из противотанковых ружей по головному танку.

После нескольких выстрелов на броне блеснул огонек — танк загорелся. Из нижнего люка вылезли танкисты и хотели было отойти назад, однако сделать это им не удалось: бойцы уложили их огнем из автоматов.

Остальные танки, продолжая продвигаться, начали бить по бронебойщикам из пушек. Ермишкина осыпало землей, лицо залепило грязью, вид у него стал такой, словно командир взвода вылез из болота.

Снаряды падали совсем близко от бойцов, осколки со свистом прошивали воздух. Казалось, бронебойщики больше не смогут выдержать такой натиск и попятятся назад. Но не тут-то было! Они вели дружный огонь по танкам, целясь в уязвимые места.

Вскоре вспыхнул еще один танк. Остальные, опасаясь печальной участи, отошли за холм, густо заросший кустарником.

Вражеская пехота залегла и стала продвигаться ползком. По ней открыла огонь минометная батарея Полуляха. Старший лейтенант переползал от одного миномета к другому, подавал команды, нередко вел стрельбу сам.

Немцы дрогнули. Один за другим они поворачивали обратно. Мины кончались, Полулях выскочил из укрытия и, вскинув над головой пистолет, надтреснутым голосом позвал:

— Товарищи, вперед!

Бойцы последовали за своим командиром. Перепрыгивая через мелкие кустарники и кочки, они бежали за старшим лейтенантом и вели по отступающим солдатам противника огонь из автоматов.

Атака немцев была отбита. Снова наступила передышка. Комиссар Виноградов организовал выпуск специального боевого листка, в котором рассказывалось о мужестве воинов дивизиона, проявленном в боях с немецкими оккупантами.

Иван Павлович во время горячих схваток сам всегда находился там, где обстановка осложнялась, и своими глазами видел, как храбро сражались наши десантники. Поэтому боевой листок получился у него содержательным, сразу привлекшим внимание бойцов. Помещенные в нем материалы поднимали настроение, поддерживали и усиливали веру в свои силы.

Виноградов был доволен: его работа не пропала даром, она, несомненно, сыграла свою роль. Иван Павлович приказал выпустить боевые листки во всех подразделениях.

После боя Полулях пришел во взвод Ермишкина и, обращаясь к солдатам, спросил:

— Братцы, у кого есть табак? Не могу без курева, кашель душит.

Ермишкин достал из кармана кисет, на котором золотистыми буквами было вышито имя его жены «Оля».

— Закуривайте, товарищ старший лейтенант.

Полулях свернул «козью ножку» и задымил. В воздухе повисли колечки голубого дыма.

— Крепкое у тебя курево. До печенок достает.

— Саранская махорка, — сказал Ермишкин и тоже смастерил цигарку. — Знаменитая, можно сказать. Еще до войны мне довелось узнать ее вкус...

Я находился поблизости от окопа Ермишкина и слышал этот разговор. Саранская махорка... Мне хорошо известно, где она производится: еще в 20-х гг., будучи учеником Саранской школы второй ступени, как член общества «Долой неграмотность», я обучал рабочих Саранской махорочной фабрики. Мне стало приятно: в лицо повеяло дымком родного края.

Наступившее затишье оказалось недолгим. Над нами появилась вражеская авиация.

Мимо наших позиций шла колонна штаба бригады. В середине шагал комбриг Шилин. Лицо у него было запыленным, спина чернела от пота. Он перемещал штаб на новое место.

Несколько бомб разорвалось недалеко от колонны. Вдруг Шилин зашатался, неловко шагнул через кювет дороги и упал под кустами.

Кто-то из солдат закричал:

— Комбрига убили!

Я бросился к Мефодию Ивановичу.

— Товарищ комбриг, что с вами?

Он повернулся ко мне лицом.

— Меня отбросило взрывной волной. Я — жив. Не делайте паники...

У меня на сердце полегчало. Я передал солдатам, что комбриг жив и чувствует себя хорошо.

Совершив последний заход, самолеты удалились. К нам подошла переводчица Клава Крылова. В руках она держала котелок. Сев рядом с нами, предложила:

— Товарищ комбриг, подкрепитесь малость. Я куриного супу принесла.

Мефодий Иванович заулыбался.

— С удовольствием принимаю твое предложение, Клава. Откровенно говоря, я порядком проголодался.

Он зачерпнул несколько ложек и поднялся.

— Спасибо за шикарную еду.

Потом комбриг спросил Крылову:

— Откуда ты взяла курицу в такой адской обстановке?

Крылова прищурила глаза.

— В минометном дивизионе есть разведчик Коля Сергеев. Он может с неба звезды достать, а ведь курица жила на земле...

Все засмеялись.

Штабная колонна ушла. Уже наступали вечерние сумерки. Я решил сходить в штаб дивизиона, расположившийся в Озерищенской школе: надо было отдать боевые распоряжения начальнику штаба, а также обсудить с ним задачи на следующий день.

Враг намеревался за короткое время уничтожить десантников, но он встретил такое упорное сопротивление, после которого оставил мысли о легкой победе. Мы оказались крепким орешком.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В Озерище, у школы, ко мне подошла пожилая женщина в черном платье, с цветным полушалком на плечах. В ее глазах сияла нескрываемая радость. Она сказала:

— Очень рады вам, товарищ командир. Теперь мы спокойны: немцы не придут к нам. Мы вам будем помогать всем, чем можем. Положитесь на нас.

— Спасибо, — ответил я и поинтересовался: — А кто вы?

— Я директор Озерищенской семилетней школы Софья Семеновна Андреева.

Софья Семеновна сообщила, что в окрестностях Озерища немцев нет, их прогнали отсюда партизаны и воины генерала Белова. А вот в Мытищине их очень много.

Вчера она видела там даже танки. Фашисты есть также в Ромашкове, что северо-западнее Ельни.

Я поблагодарил ее за эти сведения. Потом сказал:

— У нас создалось тяжелое положение со сбором десантников после выброски. Многие парашютисты давно ведут бои, а некоторые до сих пор ищут дивизион. Может, местное население поможет нам собрать их?

— Поможем, конечно, — решительно заявила Андреева. — О чем может быть разговор.

Наши десантники оказались в районе пяти населенных пунктов Озерищенского сельсовета: Пензево, Лошновка, Сковородино, Пушкино, Починок. Озерищенские учителя — сестры Софья и Анна Андреевы, Зоя Леонидовна Синицина и Татьяна Васильевна Семенцева, а также пионерка Шура Быстрова немедленно приступили к выполнению нашей просьбы.

Мне и всем штабным работникам тоже пришлось принять участие в сборе имущества и оружия, выброшенного в мягких мешках.

Ночью над Озерищами появилась новая партия наших транспортных самолетов с дополнительными грузами. Были сброшены для защитников Малой земли продукты питания и боеприпасы. Наш дивизион принял участие и в их сборе.

Вокруг нас все время вертелись озерищенские школьники. Особенный интерес они проявляли к оружию. Многие из них умели отлично стрелять из винтовок и автоматов. Верховодили ими Толя Титов и Гена Донцов. Они обращались ко мне и комиссару Виноградову с просьбой:

— Товарищи, дайте и нам боевое задание. Вы не беспокойтесь, мы выполним...

У некоторых ребят имелись немецкие винтовки.

— Откуда вы их взяли? — спросил я.

— Достали...

Я хотел отобрать у них оружие, но ребята стали просить меня не делать этого. Они пошли даже на то, что под строжайшим секретом сообщили мне план задуманной ими операции «Горох». Он заключался в следующем.

Узнав, что у раненых парашютистов, находящихся в Озерищенской школе, кончается продовольствие, что многие старики и дети в селе голодают, ребята решили похитить у фашистов с продовольственного склада горох и раздать его нуждающимся.

— Без оружия нам эту задачу не выполнить, — по-взрослому серьезно вздохнул Толя Титов. — Так что оставьте нам, пожалуйста, винтовки, товарищ командир.

— Ладно, — согласился я. — Только будьте осторожными. Кстати, где находится этот склад? Далеко отсюда?

— Далековато. В лесу...

— А на немцев не наскочите?

— Мы сначала разведку пошлем. Выясним обстановку, а потом уж будем действовать. — Титов доверительно посмотрел на меня и добавил: — Нам ведь это не впервой, товарищ командир. Наловчились уже...

— Ну что ж, — заключил я, — действуйте.

Утром следующего дня Толя рассказал о том, как они провели свою операцию. Говорил он торопливо и сбивчиво, то и дело повторялся, перескакивал с одного эпизода на другой. А суть рассказа заключалась в следующем.

Ночью, захватив мешки, ребята отправились в опасный путь. Вокруг было спокойно. Ни одного выстрела. Над землей в голубом небе сияли бесчисленные звезды. В придорожных кустах подавали голоса ночные птицы.

Шли долго. Наконец дорога повела их по лесу, за которым на опушке находился склад с горохом. Здесь уже хозяйничали немцы. Пробравшись близко к складу, ребята притихли.

— Гена, — шепнул Титов Донцову, — пойдешь вперед один, узнаешь, кто караулит склад. А мы здесь подождем.

Донцов нырнул в кусты и через минут пять вернулся обратно.

— Пошли, — сказал он. — У склада один фриц. Сидит на соломе и, кажись, спит...

Ребята направились за Геной. Вскоре они подошли к огромному вороху гороха, который находился рядом с деревянным амбаром под брезентовым покрывалом. Его немцы приготовили для отправки в Германию.

Часовой действительно спал. Ребята проворно наполнили мешки. А когда стали уходить, часовой проснулся и, увидев убегающих ребят, сделал несколько выстрелов вслед им. Но пули никого не задели. Ребята благополучно вернулись в свое село.

Когда добыча была представлена на солдатскую кухню, десантники поблагодарили юных смельчаков. Политрук Амирханян расцеловал ребят и угостил супом. Суп был, правда, без мяса, но ребята ели его с аппетитом и говорили, что дома никогда подобного супа не пробовали. У них у всех были немецкие складные ножи и ложки, которые они после еды тщательно облизали и положили в карманы. Видно, ребята промышляли у немцев не только горох.

Когда я поближе познакомился с озерищенскими ребятами, они рассказали мне немало занятных историй о своих патриотических делах. Оказалось, что отец Толика партизан Синицин работал на озерищенской почте и потихоньку от фашистов утащил радиостанцию, которую вместе с Толиком установил на чердаке своего дома. Ребята слушали Москву и информировали население о положении на фронтах, рассказывали о зверствах фашистов, учиняемых на оккупированной территории.

Во время такой опасной работы ребята часто рисковали жизнью, попадали в сложнейшие ситуации. Однако ловко выкручивались, продолжали свое дело. Они совершили немало и других добрых дел. Титов, например, принял участие в спасении жизни пленного советского солдата-москвича Моисея Львовича Перельмана. Еще до нашего прихода в Озерище немцы решили убить его лишь за то, что он был по национальности еврей. Толя, его отчим Иван Андреевич Синицин и дедушка укрыли Моисея Львовича в своей бане. Толя несколько недель носил ему пищу. Когда после первой оккупации было освобождено Озерище, Перельман вернулся в свою часть. Перед уходом он обнял Толю и заплакал.

Теперь Перельмана нет уже в живых, но семья его по-прежнему проживает в Москве. А Анатолий Титов хранит в памяти о Моисее Львовиче самые трогательные воспоминания.

Нередко к нам приходили и взрослые. Среди них в основном были женщины, старики и старухи. Они расспрашивали о родной Советской армии, о том, что

делается под Москвой. Все допытывались, когда же Смоленщина будет окончательно свободной.

Здешние районы, в том числе и Озерище, пережили в годы Великой Отечественной войны оккупацию в два периода. Впервые фашисты пришли сюда в 1941 г. Они сразу же показали свое звериное лицо: вешали и расстреливали ни в чем не повинных людей, жгли дома, забирали у населения скот, хлеб, насиловали. Потом, в 1942 г., немцев прогнали кавалеристы Белова, десантники и партизаны.

Теперь на Озерище немцы наступали снова. Вполне понятно, что жители волновались, беспокоились, прятали домашний скарб. Особенно тревожился дед Андрей Синицин. Он проявлял к немцам лютую ненависть, с отвращением рассказывал о их бесчинствах.

— Потерпи еще немного, старина, — успокаивал деда комиссар Виноградов. — Скоро вся Смоленщина будет свободной. Прогоним немцев...

— А когда это — скоро?

— Конкретно не могу сказать когда, но ждать уже недолго.

— Помоги вам бог.

— Мы и без бога как-нибудь обойдемся, старина. Сами справимся.

— И то похвально, — дед тяжело вздохнул. — Хочется дожить до светлых дней.

— Доживете. Вот увидите...

— Спасибо на добром слове. Но поторапливайтесь, сынки. А то дышать нечем становится, — он зло сплюнул. — Будь проклят этот кровопиец Гитлер!

Во время одной из таких бесед на село налетели немецкие самолеты. Пикируя, они начали сбрасывать бомбы, открыли стрельбу из пулеметов. Жители разбежались, попрятались кто куда. Загорелось несколько домов. Удушливым дымом потянуло по улицам.

У крыльца небольшого, приземистого домика осколком бомбы сразило мальчишку лет семи-восьми. Мы с Виноградовым поспешили на помощь.

Но поздно: мальчик был мертв.

Из дома выбежала обезумевшая мать. Она бросилась к сыну, запричитала: «Солнышко мое... Зоренька ясная... Да как же это тебя? Не уберегла... Убейте и меня... Не могу я без него...».

Я закрыл ладонями уши, не в силах был слышать рыдания несчастной матери.

Солдаты открыли огонь по вражеским самолетам из всех видов стрелкового оружия. Особенно дружно стрелял взвод охраны штаба нашего дивизиона, которым командовал лейтенант Форино.

— Бей гадов! — кричал молодой командир. — Огонь! Огонь!

Открыл стрельбу из противотанкового ружья наводчик ефрейтор Александр Дмитриевич Ефимов. Он тщательно целился, потом нажимал на спусковой крючок. Выстрел за выстрелом. Осколки бомб пролетали над ним, но он не обращал на это внимания. Словно прирос к ружью.

Когда самолеты снижались над селом, вскидывал винтовку красноармеец Федор Михайлович Тимошкин, один из лучших стрелков дивизиона. После каждого выстрела он приговаривал:

— Получайте, проклятые гитлерюги!

Налет закончился, жители начали выходить из укрытий. Дед Андрей подошел к нашим бойцам, сказал:

— Молодцы, робя. Не испугались...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Тревожными были дни на Малой земле. Проходили они в постоянных схватках с врагом. Немцы пытались во что бы то ни стало добиться успеха в наступлении, но мы оказывали сильное сопротивление, уничтожая живую силу и технику противника.

Беспокойными были и ночи. Расскажу об одной из них, навсегда оставшейся в памяти, — о ночи тревожной, представившей так много волнений и тяжелых переживаний нам, десантникам, а также кавалеристам генерала Белова и партизанам отряда Дедушки.

Сгущались вечерние сумерки, когда по приказу Шилина я прибыл в штаб бригады, расположенный в небольшой рощице, чтобы обсудить общую обстановку на Малой земле и наметить задачи по организации борьбы с противником на ближайшее время.

Комбриг встретил меня, как обычно, радушно. Мы довольно долго разговаривали. Мефодий Иванович говорил с нескрываемыми нотками тревоги в голосе:

— Положение, Миронов, не из завидных. Немцы усиливают натиск, к ним прибывает подкрепление. А у нас ощущается острый недостаток в боеприпасах, в продуктах питания. Немало наших бойцов погибли и получили ранения. Теперь от нас, как никогда, требуется выдержка, предстоят еще большие лишения и испытания. Мы должны преодолеть все, чтобы победить...

Я молча слушал комбрига. В каждом его слове чувствовалась убежденность, вера в успех. Когда деловой разговор начал приближаться к концу, Мефодий Иванович сказал:

— Дорогу, по которой ты шел в штаб бригады, перехватили немцы. Так что тебе придется переночевать у нас. Сообщишь об этом по рации в дивизион.

Комбриг удалился, а я сел за столик оперативного отдела и начал рассматривать боевую карту, стараясь более подробно разобраться в изменениях обстановки за истекший день. Но вскоре мое внимание отвлек нежный девичий голос, напевавший популярную в то время песенку:

Саша, ты помнишь наши встречи
В приморском парке, на берегу?..

Я оглянулся и увидел сидевшую неподалеку под кустиками Клаву Крылову. Рядом с ней расположился начальник химслужбы лейтенант Саша Городецкий. Он слушал ее пение, молча глядя перед собой. В роще раздавалась соловьиная трель. Птицы, наперекор войне, смерти, славили жизнь, радость бытия.

— О чем ты думаешь, Саша? — оборвав пение, обратилась Клава к Городецкому. — Скажи, если не секрет.

— Разные думы приходят в голову...

— А все же?

— Мечтаю, например, о том времени, когда закончится война и на земле снова будет мир. Мы опять займемся своими трудовыми делами. И тогда...

Он хотел положить на ее плечо руку, но она ласково предупредила:

— Не надо, Саша...

Я снова склонился над столом. Вскоре Мефодий Иванович пригласил офицеров в штабную палатку. Когда все собрались, он дал им очередные задания. Офицеры склонились над картами, над схемами предстоящих боев. На столиках тускло горели самодельные лампы, сделанные из снарядных гильз. Только комбриг работал при свете электрической лампочки от аккумуляторов. Сколько в нем, серьезно больном человеке, было упорства и непреклонной воли! Он то и дело говорил по телефону с командирами частей и некоторых подразделений, делая одновременно разные стрелки, кружки и другие знаки на карте.

Через некоторое время комбриг приказал ввести немецкого офицера, взятого в плен. Тот вошел с достоинством, с надменным выражением лица. Он окинул презрительным взглядом сидевших в палатке командиров, потом выжидательно уставился на комбрига.

Мефодий Иванович кивком головы велел сесть ему на свободный стул. Немец снисходительно улыбнулся, оставаясь стоять на месте.

— Садитесь, — довольно повелительным голосом сказал комбриг, глаза его нахмурились. — Разговор будет. Клава, — обратился он к вошедшей Крыловой, — переведи ему...

— Не нужен переводчик, — заговорил почти на чистом русском языке пленный. — Я неплохо знаю ваш язык. Только предупреждаю, напрасно затеваете разговор: от меня вы ничего не узнаете...

— Это почему же?

На лице гитлеровца снова появилась надменная ухмылка.

— Потому что я офицер великой Германии. Я служу святому делу моего фюрера. Вы можете меня расстрелять, но я останусь верным присяге. Хайль Гитлер! — и немец артистично, с вызовом вскинул перед собой руку.

Мефодий Иванович прищурил глаза, брови на переносице сошлись.

— Вашему Гитлеру мы сломаем хребет. Он такой кровавый преступник, каких еще не знавала история...

Лицо у немца побледнело. Звериная злоба сверкнула в его глазах. Он выдохнул:

— Вы не смеете… Гитлер — величайшая личность. А вы...

— Спокойно, господин офицер, — комбриг смотрел на него насмешливо. — Без истерики. Ваш Гитлер — человек, имя которого всегда будут произносить с презрением. Напрасно вы ему служите.

— Нет, не напрасно! Мы скоро всех вас раздавим...

— Не удастся.

— Удастся...

— Нет! — с необычайной убежденностью, стальным голосом отрезал Мефодий Иванович. — Кишка тонка. А теперь попрошу вас ответить на мои вопросы...

Немец сначала отпирался, потом все же разговорился и дал ряд ценных сведений, интересующих наше командование. Он рассказал, например, о том, какие силы находятся под Ромашковом и Озерищем, а также в лесах севернее Ельни. Под конец разговора он попросил разрешения закурить.

— Курите, — сказал комбриг. — Может, наших папирос хотите?

— Предпочитаю свои.

— Дело хозяйское.

Пленный достал сигареты и, прикурив от зажигалки, жадно затянулся, потом спросил:

— Вы меня, разумеется, расстреляете?

— Нет, — ответил комбриг. — Мы вас отправим в Москву.

Немец удивленно посмотрел на комбрига.

— Это зачем же?

— Вы же стремились туда? Не правда ли?

Офицер опять глубоко затянулся дымом сигареты, промолчал. Мефодий Иванович обратился к конвоиру:

— Уведите.

Потом привели еще одного пленного — тоже офицера. Он оказался более покладистым. На вопросы отвечал довольно охотно. Клава переводила его ответы, а комбриг слушал, изредка делая какие-то записи в блокноте.

Работа в палатке продолжалась до полуночи. Мефодий Иванович заметно утомился. Устала и Клава. Ее клонило ко сну, но она держалась. Я прямо-таки завидовал ее выносливости.

Комбриг, наконец, вышел на волю и прилег на повозку. Над ним, высоко в потемневшем небе, трепетно сияли звезды. А в роще заливались соловьи, пели так, что щемило всю душу.

Я тоже хотел устроиться где-нибудь на короткий ночлег, но в это время привезли раненых. Пришлось подойти к ним и помочь сойти с повозок.

Клава, неплохо зная санитарное дело, тут же приступила к перевязкам. Раненые глухо постанывали, скрипели от боли зубами.

— Потерпите, родненькие, — ласково говорила девушка. — Все как есть обойдется...

Сколько сердечного тепла вливали в сердца раненых эти простые слова! Даже мне, здоровому, от них становилось как-то хорошо, спокойно. Запекшимися от жажды губами бойцы говорили:

— Спасибо, сестрица... Дай бог тебе всего доброго...

Клаве помогал Саша Городецкий. Он вообще старался держаться к ней поближе, при всяком удобном моменте бросал на девушку влюбленные взгляды. Ей это, по всему видно было, нравилось.

Дружить они начали еще в Люберцах. Все это заметили, но никто о молодых людях плохо не думал. Мы радовались чистоте их взаимоотношений.

Во втором часу ночи в расположении штаба бригады стало тихо. Раненые успокоились.

На одной из повозок устроилась спать и Клава. Городецкий накрыл ее плащ-палаткой, чмокнул в щеку и тоже пошел искать место, где можно было бы малость прикорнуть.

Я лежал и не мог уснуть. Мысли роились в голове. Вспоминалось прошлое. Перед глазами вставали родные места, с которыми было связано так много хорошего и радостного.

Восточный край неба начал понемногу светлеть, и там одна за другой исчезали звезды. А соловьиные трели раздавались с нарастающей силой. Я слушал и чувствовал, как к горлу подкатывает тяжелый ком. Природа вокруг ликует, а люди должны стрелять, идти в атаки, проливать кровь...

Рядом застонал комбриг: опять приступ. Клава спрыгнула с повозки, схватила санитарную сумку и побежала к Мефодию Ивановичу, на ходу завязывая волосы обрывком марлевого бинта. Какая чуткость! А может, она тоже не спала.

Клава дала лекарство, поправила под головой комбрига одежду. Вскоре ему стало лучше. Он сказал:

— И по ночам не даем тебе покоя, Клава... Нелегка солдатская жизнь... Замоталась с нами, поди, а?

— Да что вы, товарищ комбриг, — голос Клавы звучал искренне и располагающе. — Я крепкая. Мне ничего...

— Ладно, ладно, — он приглушенно кашлянул, — я все понимаю. Только вот беда: помочь ничем не могу. — Мефодий Иванович вздохнул. — Иди, Клава. Отдохни малость.

Крылова не успела отойти: где-то совсем близко от штаба с тяжким грохотом один за другим разорвались несколько вражеских снарядов. Потом поднялась автоматная трескотня. Соловьиные трели сразу замолкли. Засвистели, запели свои смертельные песни пули. Кто-то тяжело охнул: видимо, ранило.

Я вскочил и мигом очутился рядом с повозкой, на которой лежал комбриг.

— Просочились немецкие автоматчики, — проворно поднимаясь, проговорил Мефодий Иванович и подал команду: — В ружье!

Он быстро поставил задачи перед офицерами комендантского взвода и взвода охраны. Выслушав его, те бросились к кустарникам, где шла стрельба. За ними побежали и мы с комбригом, на ходу извлекая из карманов гранаты.

Из-за пригорка показались темные фигуры немецких солдат, замелькали в ближних кустах, надвигались справа и слева.

Бойцы открыли прицельный огонь, пустили в ход гранаты. Тишины, только что царившей вокруг, будто никогда и не было.

Я тоже метнул гранату в сторону вражеских солдат. Мною овладело знакомое чувство нервного подъема. В такие минуты забываешь обо всем на свете, помнишь только об одном: надо бить врага, чтобы он не убил тебя.

Немцы залегли и вели огонь из автоматов. В расположении наших позиций начали рваться вражеские снаряды. Стрельба шла и в селе Ромашкове, находившемся неподалеку от штаба бригады. Вскоре в нем вспыхнуло несколько домов. Пламя вскидывалось к небу, высвечивая окрестность кровавыми отсветами.

— Свяжись со своим дивизионом, — сказал мне комбриг. — Пусть откроют огонь ваши батареи… Надо ударить по немцам, которые стремятся к штабу бригады. Да смотри, чтобы по своим не пальнули...

Я связался по рации с начальником штаба дивизиона лейтенантом Борисенко и, назвав цель, приказал открыть огонь. Прошло минуты две, и на противника начали падать наши мины. От их разрывов грохот вокруг еще больше усиливался. Огонь

минометчиков был плотным и точным. Немцы со стороны Ромашкова ружейно-пулеметный огонь прекратили. Но их снаряды продолжали рваться. Это вела стрельбу артиллерия противника из населенных пунктов Мархоткино и Ушаково. Бой явно затягивался.

Комбриг подошел к рации: его вызвал на разговор генерал Белов. Надев наушники, Мефодий Иванович коротко сказал:

— Слушаю, товарищ генерал.

Голос Белова был глуховато-приглушенным, но его слышно было и мне: я находился рядом с комбригом. Генерал говорил:

— Знаю, Мефодий Иванович, что вам нелегко, но держитесь. На вас наступают части из сорок третьего корпуса противника. У них много техники. Так что на рожон лезть не советую. Больше маневрирования, нападайте сами, наносите удары там, где вас не ждут. Это истина, и забывать о ней не следует. Особенно теперь, в вашем положении...

— Ясно, товарищ генерал, — отвечал Шилин. — Я сейчас снимаюсь с позиций, а потом ударю с флангов.

— Правильно, — голос Белова стал еще приглушеннее. — Действуйте, Мефодий Иванович. Главное — прорывайтесь ко мне. Мы тоже поднажмем. До встречи!

Разговор на этом закончился. Солдат собрал рацию и запрятал в брезентовый чехол.

Мефодий Иванович с минуту молча смотрел на пылающее поблизости пламя пожарища, затем произнес:

— Вот человек! Стальная воля, — я понял, что он говорил о генерале Белове. — Пять месяцев сражаться в таких адских условиях, в огненном кольце! Это надо суметь. Ведь здесь сосредоточены крупные силы группы войск противника «Центр». Против Белова немцы бросают вооруженные до зубов отборные части. А он не сдается. Напротив, он бьет врага. Да еще как!

Белов в это время руководил всей борьбой наших сил на Малой земле: кавалеристами, десантниками, партизанами. У него были большие полномочия. Немцы не раз выбрасывали в расположение его штаба своих парашютистов, засылали диверсантов, чтобы захватить живым несгибаемого советского генерала. Но их планам не дано было осуществиться. Все вражеские попытки кончались провалом.

Своими смелыми действиями в тылу врага генерал Белов не только изматывал силы противника, наносил ему серьезные удары, но и поднимал боевой дух у всех наших воинов, попавших в окружение, вселял в их сердца веру в победу над врагом.

Мефодий Иванович продолжал смотреть на горящее Ромашково. В его глазах, освещаемых отблесками пожарища, была видна невыразимая боль. Пламя пожирало дома, в которых до войны счастливо жили люди, любили, рожали детей. Оно уничтожало все то, что было создано повседневным кропотливым трудом хлеборобов.

— Да, здешнему населению достается, — голос у комбрига дрогнул. — Пошли, Миронов. Надо поднимать бойцов...

Уже рассветало. Небосвод на востоке стал багровым. Вот-вот из-за дальнего лесного массива должно выглянуть солнце.

Солдаты противника, прижатые огнем минометов, наконец не выдержали и начали отступать. Это воодушевило нас.

Комбриг вышел из укрытия и, оказавшись в боевых порядках пехотинцев, подал команду:

— За мной! Вперед, товарищи! За Родину!..

Услышав эти призывные, подхлестнувшие душу слова, бойцы поднялись и устремились за комбригом. Побежал вместе с ними и я.

Немцы, оставляя убитых и раненых, стремились уйти от преследования. Однако им удавалось довольно плохо: наш огонь был очень эффективным.

Наметился прорыв. Понимая, что это значит для нас, десантников, и войск Белова, мы делали все возможное, чтобы с каждой минутой усиливать прорыв наступления.

И вот долгожданная встреча: впереди, среди деревьев, показались всадники в черных кубанках, а также бойцы из частей генерала Казанкина. Вместе с ними были и партизаны, которыми командовал майор Папенко В. А.

Мы бросились им навстречу. Братские объятия и поцелуи. Незабываемые минуты...

Прошло много лет с той поры, а в моей памяти эта встреча и сейчас жива, она не забудется, видимо, никогда.

В низине, южнее Ромашкова, еще продолжался бой. Там кавалеристы Белова и партизаны во взаимодействии с десантниками добивали врага.

Солнце так и не показалось: поднялся ветер, усилилась облачность, и вскоре заморосил мелкий дождь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Напряженность на Малой земле, пожалуй, ни на минуту не падала. Не успели мы пережить радость встречи с кавалеристами Белова, бойцами Казанкина и партизанами, как над нами снова начали сгущаться тучи.

Враг предпринимал усиленные меры к тому, чтобы нанести нам очередной губительный удар, чтобы наконец раздавить окруженные войска.

На наш дивизион намеревались наступать подразделения группы войск вяземского направления. Мы спешно готовились к отражению атаки.

Я объявил сбор командиров подразделений дивизиона в Озерищенской школе. Прошло несколько минут, и они явились утомленные, небритые, но готовые выполнять новые задания. Все они получили боевое крещение, хорошо выдержали первые суровые испытания.

Расселись в одном из классов. За первую парту сел Полулях. Глядя на развернутую карту, он озабоченно ерошил свой темно-русый чуб. Ему я приказал:

— Ты будешь со своей батареей оборонять рубеж Васюки — Алешино. Задача чрезвычайно важная и ответственная.

И вот он теперь внимательно изучал место предстоящих боев. На лбу у него обозначились мелкие морщинки.

— Если фашисты попытаются ворваться в село Сковородино, — сказал я, — пусть на них обрушит огонь минометный взвод лейтенанта Федорова. Взводу младшего лейтенанта Блохина необходимо будет держать под контролем село Яковлево...

— Понятно, — не поднимая головы, проговорил Полулях. — Все будет так, как вы сказали, товарищ командир.

За второй партой занял место командир взвода противотанковых ружей Степан Ермишкин. Развернутая карта перед ним в ряде мест была продырявлена осколками вражеских снарядов. Ставлю задачу и ему:

— Тебе, Ермишкин, надо будет наблюдать за дорогой, которая идет на Дорогобуж. Оттуда могут появиться вражеские танки.

— Ясно, товарищ командир, — Ермишкин посмотрел на меня доверчивыми глазами. — Будем глядеть в оба. Конечно, неплохо было бы поставить на этом направлении несколько орудий...

— Орудий у нас нет, — прервал я его. — Придется рассчитывать на свои средства. У тебя отличные бронебойщики. Что стоят только такие бойцы, как Некрасов, Тимошин, Ефимов! В прошедших боях они крепко всыпали фрицам.

—Да, не подкачали ребята, — согласился Ермишкин. — Не подведут и впредь.

— Как у Тимошина рана? — поинтересовался сидевший со мною рядом комиссар Виноградов. — Сильно задело?

— Вообще-то, конечно, не комар укусил. Но парень держится. Я предлагал ему пойти в санпункт, он и слушать не стал меня...

Получив задания, командиры вышли из класса. Навстречу им из других классов высыпали раненые десантники. Бинты на них загрязнились, а заменить их было нечем. У многих лица покрылись густой щетиной.

Ко мне подошел политрук Амирханян.

— Плохи дела? — сразу же задал он вопрос и поднял на меня тревожные глаза.

— Хорошего мало, — я тоже не стал уклоняться от прямого ответа. — Немцы готовятся к решительному удару. Но мы тоже не дремлем. Встретим как полагается...

— Устроим?

— Устроим!

— Хорошо...

— А как вы тут?

— Тяжело. Не хватает медикаментов. Да и питания тоже. Спасибо озерищенским ребятам: подкармливают нас потихоньку да помаленьку. То гороху притащат, то еще что-нибудь.

— Надо крепиться, — я пожал Амирханяну руку и зашагал к выходу.

В голове у меня появились беспокойные мысли. Во время прошедших боев вышли из строя немало бойцов дивизиона. Особенно большие потери понесли бронебойщики. Положение осложнялось еще и тем, что вторая минометная батарея лейтенанта Алексея Петровича Ануфриева, часть бронебойщиков во главе с лейтенантом Иосифом Семеновичем Павленко, а также мои заместители Ташлыков и Вельчинский с хозяйственным отделением не прилетели на Малую землю. Они должны были выброситься на следующий день после нашего десантирования, но

из-за того, что обстановка здесь осложнилась, дальнейшее десантирование было прекращено.

Остался в Люберцах также дивизионный врач Н. В. Ружанский, и медицинское обслуживание осуществлялось в основном военфельдшером А. С. Красниковым.

У нас не было никакого транспорта, поэтому многие грузы нам приходилось перетаскивать на себе. Правда, местное население предоставило нам несколько сохранившихся лошадок с повозками, однако это уже не могло спасти положение. Батарея Полуляха в одном из боев захватила у противника склад с велосипедами и мотоциклами. Пока было сухо, мы пользовались этим видом транспорта. Но зачастившие дожди заставили нас отказаться от него.

Тревожило меня и отсутствие связи со штабом бригады. Несколько раз пытался связаться с Шилиным, и — безуспешно: комбриг не отзывался.

* * *

Я очень обрадовался, когда увидел на крыльце школы солдата, явившегося из штаба бригады. Он был весь мокрый от дождя, с автоматом на груди. Ему можно было дать не больше двадцати.

— Товарищ старший лейтенант, — обратился он ко мне и вскинул руку к выцветшей пилотке с красной звездочкой, — вас просит срочно прибыть в штаб бригады заместитель начальника политотдела батальонный комиссар Андрющенко.

— А где штаб?

— В Лошновке.

— А почему он не отвечает на вызов по рации?

— Там такое творится...

Солдат рассказал мне, что минувшей ночью немцы отрезали группу наших десантников вместе с комиссаром Котовым. Теперь за него остался Андрющенко. Вот он и послал в наш дивизион.

Я приказал командирам подразделений приступить к выполнению только что отданных мною заданий, а сам, взяв с собой молодых разведчиков Сергеева, Максимова и Быкова, отправился в Лошновку.

Посыльный из штаба бригады дорогу знал хорошо, и мы вскоре благополучно добрались до места.

У Андрющенко вид был мрачный. Протянув мне сильную руку, он глухо заговорил:

— Я вызвал вас для того, чтобы уточнить некоторые задачи по нашей обороне. Комбригу сильно нездоровится, и он поручил поговорить с вами мне.

— Слушаю вас, товарищ комиссар.

— До девятого июня мы должны во что бы то ни стало удержать занимаемые рубежи. Вашим минометчикам необходимо поддерживать своим огнем первый парашютно-десантный батальон старшего лейтенанта Романа Антоновича Радько и батальон Клецовки Андрея Максимовича.

Он посмотрел на меня пристальным взглядом, видимо, желая убедиться, какое впечатление производят его слова. Видя, что я внимательно слушаю, он продолжал:

— Беспокоюсь я за наши фланги. У нас слишком велики разрывы в обороне.

— А что можно предпринять, чтобы уменьшить их?

— К сожалению, ничего, — Андрющенко на некоторое время умолк, лоб у него наморщился, взгляд сделался еще мрачнее. Но вскоре он прервал молчание: — Предстоят трудные дни, старший лейтенант. Мы надеемся на помощь партизанского отряда Дедушки. У нас с ним постоянная связь.

К этому времени десантники уже много знали об этом знаменитом отряде. Он был организован по специальному решению ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 29 июня 1941 г. Его командиром был назначен московский инженер, уроженец Дорогобужского района Василий Исаевич Воронченко. А звать стали его Дедушкой. В сколачивании отряда большую помощь оказали секретарь Дорогобужского райкома партии Евдокия Павловна Симонова и многие другие ответственные работники. Они хорошо знали местность и проживающее здесь население. Им люди верили и охотно шли в отряд, брались за оружие, чтобы принять непосредственное участие в борьбе против гитлеровских оккупантов.

В декабре 1941 г. в Дорогобужском районе возникло еще несколько партизанских групп. Им было приказано войти в состав отряда Дедушки.

Много беспокойства причиняли фашистам партизаны под командованием своего храброго, умного командира. Они совершали смелые и дерзкие рейды, вступали в бои с регулярными частями противника, оказывали всяческую помощь окруженным войскам Белова и Казанкина.

Дедушка остался в живых. Сейчас он проживает в городе Москве, вместе с бывшим комиссаром отряда Силантьевым возглавляет комитет ветеранов своего соединения. Василию Исаевичу уже за восемьдесят, но он еще бодр.

Особенно значительной была операция, проведенная отрядами Дедушки и Ураган, по освобождению Дорогобужа. Руководил ею А. Т. Калугин. Велика была в проведении операции и роль Дедушки. Он разработал конкретный, с учетом всех деталей, план действий, предусмотрел все неожиданности, которые могли возникнуть во время боя. И только после этого отряд приступил к выполнению поставленной задачи.

В Дорогобуже находились значительные силы противника: пехотный и заградительный полки, карательный отряд, две роты белофиннов и рота полиции. В лобовую атаку, разумеется, было идти рискованно. Поэтому Дедушка избрал другой способ. Он сначала в город послал группу подрывников, которая развернула активную деятельность. Первым делом она взорвала на станции склад с пятьюдесятью вагонами боеприпасов. Взрыв огромной силы потряс весь Дорогобуж. Немцы бросились в окрестные села искать виновников, но по пути были уничтожены партизанами, устроившими засады на подступах к городу.

Под покровом ночной темноты 15 февраля 1942 г. через замерзший Днепр в Дорогобуж проник отряд Дедушки и после короткого боя освободил его от фашистов,

взаимодействуя с другими отрядами партизан Смоленщины. Было захвачено много оружия, автомашин и продуктов. Немцы потеряли немало солдат и офицеров.

В марте 1942 г. Дедушка был тяжело ранен и отправлен в Москву на операцию. Больше в отряд он уже не возвращался. Партизанским соединением стал командовать храбрый и мужественный офицер И. Я. Ильичев.

Хорошо было известно нам и имя славной подпольщицы, исключительно бесстрашной девушки Евдокии Павловны Симоновой. Разъезжая по Дорогобужскому краю, пробираясь через вражеские заслоны, она много сделала по объединению мелких, разрозненных групп в единую партизанскую силу. Она уже успела побывать и среди наших десантников. Впервые я ее увидел в третьем партизанском полку.

Да, на помощь крупного партизанского соединения, во главе которого стояли замечательные советские люди, можно было рассчитывать.

— Немцы боятся этого соединения, — сказал Андрющенко и снова вскинул на меня суровый взгляд. — От одних имен Дедушка и Дуся Симонова их оторопь берет. Это очень важно для нас. О героических действиях партизан надо больше рассказывать нашим десантникам: пусть они лучше знают, какие силы с нами действуют.

Я поинтересовался:

— С Беловым и Казанкиным у штаба бригады есть связь?

— Да, есть. Белов недавно говорил с нашим комбригом по рации. Он надеется на нас и партизан. Сказал, чтобы мы координировали свои действия.

В самом деле, нам это очень и очень необходимо. От этого будет зависеть исход нашей дальнейшей борьбы.

Поговорив еще немного, мы распрощались. Я вышел на улицу. Дождь прекратился, в просветах облаков показалось солнце. Откуда-то издалека доносилась автоматная трескотня. А здесь на деревьях сидели и распевали скворцы. Война войной, а у птиц — свои заботы, свои радости и восторги.

У крыльца передо мной неожиданно появилась Клава Крылова. Ее свежее, румяное лицо, стройная фигура в армейской гимнастерке, подпоясанная офицерским ремнем, невольно вызывали симпатию.

— Здравствуйте, товарищ старший лейтенант, — Клава лихо козырнула и улыбнулась: — Как ваш «крылатый дивизион»? Воюете?

— Воюем, Клава, — я протянул ей руку, она мне ответила по-девичьи мягким пожатием. — А как ты?

— Тоже воюю. Дел хоть отбавляй. Особенно много возни с пленными немцами: многие юлят, пытаются отклониться от прямых и ясных ответов. А вчера ночью, например, слухачом была...

— Это еще что такое?

— Как что, — Клава вскинула на меня длинные ресницы. — Пробралась близко к немецким позициям и подслушивала разговоры.

— Ну и о чем говорят фрицы?

— О разном. Им тоже не сладко здесь. Лучше, дескать, быть на фронте, на передовой, чем на этой страшной огненной земле: там знаешь, где находится про-

тивник, а тут поди разберись. Из-за каждого угла, из-за каждого куста смерть поджидает. Вот о чем философствуют немцы...

Подошли сопровождающие меня разведчики, и мы пошли обратно в дивизион.

Идти было нелегко: после дождя дорога совсем раскисла. Ноги увязали в грязи, и каждый шаг давался с трудом.

— Вредит нам небесная канцелярия, — недовольно буркнул разведчик Сергеев. — Дождит и дождит...

— Ничего, — вставил Максимов, — выдержим. Не то бывало...

А с неба снова полило — хлынул ливень. Солнце скрылось за тучами. Ослепительно сверкнула молния, и грянули раскаты грома.

* * *

Противник продолжал атаки, бросая в бои все новые и новые силы. Но наше сопротивление сломить ему не удавалось. Напротив, мы нередко поднимались в контратаки и наносили немцам ощутимые удары.

Особенно сильно враг наседал с севера, пытаясь оседлать дорогу на Дорогобуж. На этом участке то и дело появлялись его танки. И снова доставалось взводу Степана Ермишкина. В одном из боев, заменив раненого стрелка, младший лейтенант вел огонь из противотанкового ружья до тех пор, пока не кончились все патроны. Атака немцев была отбита. А когда немцы поднялись снова, Степан приказал подпустить их как можно ближе. Гитлеровцы шли в рост, прижав к животам автоматы.

Расстояние между ними и нашими позициями быстро сокращалось. Напряжение достигло наивысшего предела. Однако взвод огня не открывал. И лишь когда до немцев осталось не больше пятидесяти метров, Ермишкин скомандовал:

— Огонь!

Заработали трофейные пулеметы, раздались дружные выстрелы из винтовок и автоматов. Бойцы стали бросать и гранаты. Ряды противника быстро редели. Тогда немцы не выдержали и снова повернули назад.

Я объявил взводу благодарность, обнял и по-братски поцеловал Ермишкина.

— Спасибо, Степан. Молодцом ты держался. И ребята твои — орлы!

Мужественно дрались минометчики батареи Полуляха, пехотинцы Клецовки и Радько. Они сдерживали натиск врага, в день отбивая по нескольку атак. Отличился в этих боях наводчик Василий Кримач. Он стрелял удивительно метко и уничтожил много фашистов. Отлично действовали также его товарищи Константин Липин и Иван Волосатый. Их минометы работали безотказно. Когда ранило подносчика мин, Липин стал выполнять одновременно две обязанности.

Бомбила нас и вражеская авиация. Особенно сильным был один из налетов, совершенный в середине дня.

Было солнечно. После очередной атаки немцев в расположении наших позиций наступило временное затишье. С наблюдательного пункта я видел, как неподалеку от дороги, уходящей в сторону Дорогобужа, пылали два подбитых танка. Вокруг них лежали трупы фашистов. В воздухе сильно пахло гарью. Тяжелый дух шел от убитых.

Вдруг до слуха донесся отдаленный гул моторов. Я поднял голову и увидел несколько вражеских самолетов, летящих строем со стороны Мытищина. Они стремительно приближались. Бойцы застыли в напряженном ожидании: теперь они уже все знали, что собой представляют бомбовые удары. Окопы, в которых они лежали, казались слишком неглубокими, всем хотелось спрятаться глубже в землю.

Самолеты пошли в пике. Рев моторов наполнил окрестность. Упали первые бомбы, и земля содрогнулась под нами. Черные фонтаны разрывов брызнули на нас осколками.

Затем последовали новые удары. Самолеты опускались низко, и бомбы падали в расположение наших позиций. Послышались стоны раненых.

В это время я посмотрел вправо и увидел, как по узкой проселочной дороге мчался в нашу сторону мотоциклист. «Вот безумец, — подумал я. — Нашел время кататься... Кто это, интересно? Всыплю по первое число... Узнает у меня...»

Когда мотоцикл оказался уже совсем близко от наших позиций, я с удивлением узнал в лихом водителе Клаву Крылову. Остановившись неподалеку от моего наблюдательного пункта, она соскочила с мотоцикла и спрыгнула в траншею.

— Привет «крылатому дивизиону»! Салют его командиру!

— Ты откуда? — не переставая удивляться, спросил я. — Лихачить под таким огнем!..

— Ездила к партизанам.

— Зачем?

— Допрашивать немчуру. Много их захватили. С утра и до сих пор вот все переводила. Допрашивал комиссар партизанского отряда товарищ Михальцов. Его недавно сюда направили из Москвы. Терпеливый, скажу вам, человек! Ни одного крика, ни одного грубого слова. Я даже удивляюсь, как это он может...

Вражеские самолеты сделали новый заход. Бомбы упали недалеко от наблюдательного пункта, и нас засыпало землей. Отряхиваясь, Клава выглянула из траншеи и посмотрела на мотоцикл:

— Все в порядке. Цела моя лошадка.

— Надежная?

— О! Вихрь. Честное слово! Ни одна пуля не догонит.

— Ну это ты слишком...

Она посмотрела на меня слегка прищуренными глазами, твердо проговорила:

— Не догонит! До самого конца войны. Дойду, домчусь до логова проклятого Гитлера.

— Дай бог, как говорят...

И она снова убежденно заверила:

— Дойду!

Клава посмотрела на небо, помолчала, потом проговорила:

— Сколько их прилетело! Такого налета, пожалуй, еще не было. Злое воронье... Что они делают! Ну погодите!.. И наш черед придет... И мы свое возьмем... Ну, я поехала...

— Подождала бы кататься-то, — посоветовал я. — Вот улетят, и тогда можно будет ехать.

— Ждать-то некогда, товарищ старший лейтенант. Тороплюсь в штаб бригады, — она повернулась в мою сторону, и я увидел в ее глазах глубокую боль. — Комбригу все хуже и хуже. Боюсь я за него...

— Переправить бы в Москву его, — вставил я. — А то может случиться непоправимое.

— Не хочет. Предлагали — он ни в какую. До новой встречи...

— Куда ты? — испугался я за нее не на шутку. — Погоди малость.

Но Клава уже выскочила из траншеи, села на мотоцикл и укатила. Все смотрели ей вслед с нескрываемым восхищением.

Сделав еще несколько заходов, самолеты удалились. Прошло минут десять, и в атаку поднялась пехота противника. Она начала наседать с флангов. Немцы, видимо, думали, что после такой основательной бомбежки мы не сможем долго продержаться. Но когда они приблизились к нашим позициям, подразделения дивизиона открыли такой огонь, от которого им стало не по себе. Атака сразу же захлебнулась.

* * *

Впереди, неподалеку от позиций противника, подозрительно закачались кусты.

— Что за черт? — выругался я и приставил к глазам бинокль. — Может, немецкая разведка?

— Вряд ли, — проговорил комиссар Виноградов и тоже пристально начал наблюдать за кустами. — Время вроде неподходящее...

— Это как сказать. Обнаглели фрицы порядком. К тому же они хорошо понимают наше положение. Так что...

Кусты снова зашевелились. Размышлять было некогда, и я скомандовал:

— По кустарнику третьей батарее — один залп!

Минометчики Полуляха бросились выполнять команду.

В эту минуту из кустов вышла... сгорбленная старуха и предупредительно подняла подожок.

— Жить, что ли, ей надоело, — недовольно пробурчал Полулях. — Еще мгновенье — и мокрое место осталось бы от нее. Вот ведь как бывает. Ах, старушенция! Молись всевышнему за нашу нерасторопность...

— Отставить огонь!

Я стал наблюдать за старухой. Она как ни в чем ни бывало направлялась в нашу сторону. Когда вплотную подошла к позициям, мы пригласили ее в траншею.

К нашему удивлению, старуха с легкостью, никак не соответствующей ее виду, спрыгнула к нам.

— Знаешь, бабуся, — сказал я с раздражением, — ведь наши минометчики чуть не сделали из тебя вермишель...

И вдруг, словно в сказке, мы увидели чудо: старуха мотнула головой и взялась обеими руками за свои седые волосы.

«С ума сошла», — подумал я и закрыл глаза, а когда открыл их снова, перед собой увидел красивую, черноглазую и румянощекую девушку. Она держала в руках парик и весело смеялась.

Все смотрели на нее с недоумением.

— Вот это штука! — протянул Полулях. — Откуда взялась такая? Уж не шпионка ли?

Девушка выпрямилась, окинула нас веселым, умным взглядом. Звонким, полным достоинства голосом ответила:

— Нет, товарищи. Не шпионка. Я — Дуся. Второй секретарь райкома партии.

Да, это была Евдокия Павловна Симонова. Но как-то не верилось, что она может появиться в таком наряде со стороны противника. Мы засыпали ее вопросами.

— Куда идете?

— Откуда?

— Зачем?

— Каково положение у партизан?

Причесав свои пышные темные волосы, Симонова перестала смеяться и неторопливо заговорила:

— На ваши вопросы сразу не ответишь. Под видом старухи хожу я по селам и деревням, веду агитационную работу, рассказываю людям о положении на фронтах, о нашей с вами борьбе с гитлеровцами. Нелегко, конечно, приходится, но ничего, выдерживаю. Надо выдержать.

Она сделала паузу, потом продолжала:

— Вы спрашиваете о положении у партизан. Я уж несколько дней не была в соединении Дедушки, но знаю, что дела там в основном не так уж плохи. Люди мужественно переносят трудности. Они бьют фрицев! Ну, а как вы тут?

— Тоже вроде маху не даем, — ответил Виноградов. — И от нас достается фрицам...

Мы еще поговорили, и Симонова, попрощавшись с нами, зашагала в сторону Озерища.

— Вот это девушка! — вырвалось у бойцов. — Такую не испугаешь.

— Да, такую не испугаешь, — повторил Виноградов и, помолчав немного, проговорил: — А сколько у нас вот таких отважных девушек, храбрых партийных работников, которые несут людям в эти трудные дни свет правды, вселяют в сердца людей, временно попавших в беду, надежду в нашу победу!

* * *

Обстановка на наших позициях все осложнялась. За одним испытанием наступало другое, еще тяжелее, еще опаснее.

Виноградов тронул меня за плечо, мгновенно изменившимся голосом произнес:

— Танки...

Я посмотрел в сторону вражеских позиций. Да, оттуда, переваливаясь, ведя огонь из пушек, снова появились бронированные машины. Их было много. Хватит ли сил на сей раз для того, чтобы отразить их натиск?

Снаряды падали среди наших окопов и траншей, и над нами брызгами летели осколки. Нельзя было поднять голову.

Я приказал, как это делалось при таких случаях, открыть огонь из противотанковых ружей. Первые выстрелы никаких результатов не дали. Не помогли и следующие. Танки продолжали быстро приближаться. Жутко было на них смотреть. Что же предпринять?

И вот я увидел, как из окопов, находящихся неподалеку от моего н[аблюдательного] п[ункта], вылезли бойцы и по-пластунски начали ползти по траве, по канавкам навстречу танкам. В их руках были гранаты. Связки гранат. Я сразу понял замысел солдат: они решили отбиваться собственными силами, погибнуть или победить.

— Герои! — невольно вырвалось у меня, я с затаенным дыханием стал следить за каждым их движением. — Вот они какие, воины «крылатого дивизиона»!

Смотрел на смельчаков в эти минуты, разумеется, не только я. Не сводили с них глаз все бойцы и командиры.

Среди бойцов я узнал воинов Харгалова и Медяника. Эти люди еще в Подмосковье понравились мне своей отличной выправкой, тем старанием, с которым они готовили себя к предстоящим боям. Они научились великолепно стрелять из винтовок, мастерски метать гранаты. Все это теперь помогает им в тяжелейших условиях борьбы с оккупантами.

Вместе с бойцами полз лейтенант Андрей Алексеевич Блохин. Он был уроженцем села Федоровское Татарской АССР. Смелый, боевой командир. Не раз поднимал своих ребят в атаку, не раз висел на волоске от смерти. Да и сейчас она показывала ему свой страшный оскал...

Танки подходили все ближе и ближе. Казалось, их ничто не в силах остановить и они обязательно прорвутся в расположение наших позиций. Но вот один из танков словно споткнулся на ходу: под его брюхо боец Харгалов швырнул связку гранат.

— Смотри, подбили! — вскрикнул Виноградов, голос его дрожал от волнения. — Молодец, Харгалов! В самую точку угодил...

Вскоре такая же участь постигла и второй танк: его подбил лейтенант Блохин. Остальные, поливая наши позиции свинцом, продолжали свое смертное шествие.

Показались и вражеские солдаты. Создавалось очень критическое положение. К тому же у бронебойщиков кончились патроны.

Зазуммерил телефон. Я взял трубку и услышал слабый, отдаленный голос комбрига:

— Как дела, Миронов?

— Жарковато приходится... Пехоту отобьем, но вот не знаю, как с танками. Прут вовсю...

— К вам на помощь идет танковый батальон старшего лейтенанта Кошелева. Его направил генерал Белов. А пока держитесь. Всеми средствами. Танковые атаки для нас теперь — уже не новинка. Ваши бойцы уже не раз оказывались в таких сложных ситуациях. Однако же выходили из них непобежденными. Верю, что и сейчас они окажутся, как говорят, на высоте, не подкачают. Держитесь, Миронов!

— Есть держаться, товарищ комбриг!

Прошло несколько напряженных минут. И вот когда вражеские машины находились уже совсем близко, неожиданно справа, со стороны балки, где оборонялась

восьмая воздушно-десантная бригада, появилось более десяти наших танков. Они устремились на противника. Это сразу воодушевило бойцов дивизиона.

Мы открыли ружейно-пулеметный огонь по вражеской пехоте. Немцы начали спотыкаться и падать. Поле боя наполнилось гулом моторов, грохотом выстрелов и разрывов снарядов.

Когда вступили в бой танки Кошелева, вражеские машины довольно скоро повернули обратно.

— Боятся наших-то, — резюмировали бойцы. — Вон как удирают. То-то, мать вашу...

Дрогнула и пехота противника. Этому во многом способствовали и наши соседи — бойцы восьмой воздушно-десантной бригады. Они вслед за своими танками поднялись в контратаку и смело начали продвигаться вперед.

Особую храбрость проявили бойцы старшего лейтенанта Карнаухова. Они метко били по врагу из винтовок, вели губительный огонь, пускали в ход гранаты.

В передних рядах наступающих воинов находился и мой земляк, учитель из Рузаевского района Семен Иванович Русскин. Стреляя из пулемета, он поражал вражескую пехоту, отделяя ее от танков.

Русскин по национальности мордвин. Окончил Саранское педучилище и стал учителем. А когда над нашей Родиной нависла смертельная опасность, он взял в руки грозное оружие и вот оказался теперь здесь, на охваченной пламенем земле. Семен Иванович бодр, жизнерадостен. Не раз я от него слыхивал: «Есть еще порох в пороховницах! Мы еще повоюем, покажем фрицам, где раки зимуют...».

Бой длился более двух часов. Когда немцы на время успокоились, к Озерищу опять потянулись большие группы раненых. Их встречал и размещал в школе фельдшер нашего дивизиона Красников. Ему помогали санитары, а также сельские женщины и ребятишки. Особое старание проявляли Толя Титов и Шура Быстрова. Они доставали материал для бинтов, подавали раненым пить, на скорую руку мастерили кое-какую еду.

Усталость буквально валила с ног. Но мы все-таки держались.

* * *

6 июня противник бросил против нас новые крупные резервы, и нам стало еще тяжелее. Число раненых постоянно увеличивалось. Их приводили на наблюдательный пункт и спрашивали, куда отправлять. Дома и школа в Озерище были набиты уже до отказа. Самолеты с «большой земли» не прилетали. Боеприпасы и продовольствие кончались. Мы брали немало пленных, их тоже надо было кормить.

Один из пленных обратился ко мне с явной издевкой:

— Што, русс командир, капут пришель?

Я посмотрел на его самодовольное лицо, и руки у меня сами собою сжались в кулаки. Но я как можно спокойнее ответил:

— Нет, фриц. Капут будет вам. А мы не сдадимся. Если снова полезут ваши — колотить будем. Да так, что пух полетит... Ферштейн?

— Это безумство!

— Это упорство, фриц. Мужество советских воинов.

Легкораненым сразу же оказывали помощь, и они снова шли на позиции. Другого выхода у нас не было. Пленных мы отправляли в третий партизанский полк, который действовал неподалеку от нашего дивизиона. Их заставляли рыть окопы и траншеи, строить блиндажи и другие оборонительные сооружения.

Ночью фашистские автоматчики сделали попытку просочиться через наши позиции. Однако они были уничтожены. А утром по приказу комбрига мы отошли на заранее подготовленные рубежи, которые находились севернее Лошновки. Но, к счастью, противник в течение дня больше не беспокоил нас.

Нам стало известно решение генерала Белова о рейде в брянские леса. Решение утвердил военный совет Западного фронта. Об этом рассказано в книге Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления»[3].

Нас, конечно, обрадовала эта весть: в нашем положении неподвижная оборона могла привести к самым худшим результатам. Противник превосходящими силами мог в конце концов уничтожить нас.

Решение Белова представляло нам возможность совершать маневры по тылам противника на обширной территории Смоленской и Брянской областей. Кроме того, на Смоленщине и Брянщине мы могли рассчитывать на помощь крупных партизанских отрядов, которыми командовали замечательные сыны советского народа Казубский, Галюга и другие.

9 июня мы должны были пропустить через Озерище все части Белова и Казанкина, а потом и сами следовать за ними к месту прорыва в десяти километрах западнее Ельни.

Партизанскому соединению Дедушки было приказано разбиться на мелкие отряды. Активное участие здесь должны были принять ответственные работники Смоленского обкома во главе с секретарем обкома Григорием Ивановичем Пайтеровым. Они уже приступили к действию, начали вести большую разъяснительную работу среди партизан, говорили о необходимости перехода на «рельсовую» и на «дорожную» войну.

Пайтеров лично ставил перед партизанскими отрядами задачи по нападению на колонны вражеских машин, на железнодорожные составы с воинскими грузами, на склады с продовольствием и боеприпасами.

Вообще партизаны в это время сильно активизировали свою деятельность. Дороги Смоленщины и Брянщины как никогда стали опасными для оккупантов. Вражеский транспорт ежедневно подвергался нападению и нес значительный урон. Гитлеровцев дерзкие действия партизан приводили в ярость. Они стали проводить облавы, различные карательные операции, стараясь выловить и уничтожить руководителей нашего партийного подполья.

Им удалось схватить секретаря Дорогобужского подпольного райкома партии, пламенную советскую патриотку, одного из первых организаторов партизанского движения на Смоленщине Евдокию Павловну Симонову.

---

[3] **Жуков Г. К.** Воспоминания и размышления. М., 1971. С. 374.

Как нам стало известно впоследствии, ее расстреляли в Дорогобуже в присутствии местных жителей. На ее груди была дощечка с надписью: «Эта коммунистка убивала немецких солдат».

Отважную девушку немцы схватили в деревне Алексино и посадили в камеру смерти №1. Таких камер было всего три. Те, кто попадал сюда, знали, что их ожидает. Над советскими патриотами жестоко издевались, подвергали их нечеловеческим страданиям. А потом выводили и расстреливали.

Перед смертью Симонова держалась как настоящий герой. Она то и дело восклицала:

— Да здравствует наша советская Родина! Смерть немецким оккупантам! Победа будет за нами!

Многие горожане, глядя на несгибаемую дочь отчизны, не смогли сдержать слез, плакали.

— Какую орлицу губят! — говорили шепотом они. — Но это им даром не пройдет. Жестоко отомстят за нашу Дусю партизаны...

С болью в сердцах переносили гибель отважной патриотки и мы, десантники. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1949 г. Симонова была награждена посмертно орденом Ленина.

Мне посчастливилось отыскать некоторые документы, которые были составлены Симоновой. Вот письмо, опубликованное в газете «Комсомольская правда» от 15 марта 1942 г.:

«ПИСЬМО ИЗ ДОРОГОБУЖА

Наш экзамен

Комсомольцы Дорогобужского района с честью оправдали имя ленинцев.

...Комсомол должен знать имена молодых героев Дорогобужа, которые приняли мучительную смерть от рук подлых немецких оккупантов.

Мы не забудем комсомольцев Николая Пчелина, Дмитрия Кириллова, пятнадцатилетнего Васю Степочкина, Васю Ермакова, Владимира Иванова и Ольгу Тимощенкову, которые до последнего дыхания сохранили верность Родине. Их расстреляли фашисты, и никогда не изгладится из памяти жителей Дорогобужа картина их героической гибели.

Е. Симонова.
Секретарь Дорогобужского райкома ВЛКСМ».

А вот докладная Смоленскому обкому ВКП(б) о работе Дорогобужского РК ВЛКСМ в период временной оккупации района немецко-фашистскими захватчиками:

«...Часть комсомольцев стала жертвой немецкой оккупации, как партизаны. Десять комсомольцев города Дорогобужа твердо решили идти в партизанский отряд. Пчелин Николай, Кириллов Дмитрий, Степочкин Вася, Ермаков Вася, Тимощенкова Ольга пришли в город для выполнения задания партизанского отряда.

С гранатами их поймали немцы. И вот этих юношей держали несколько часов босыми и раздетыми на улице, допрашивая о партизанском отряде. Но все молчали. Тогда разъяренные немцы вывели их за город, били прикладами автоматов, потом по десять немцев стреляли в лоб каждого юноши. Больше того, Кириллова после еще добивали палкой. Все они погибли с комсомольскими билетами...

(бывший секретарь РК ВЛКСМ) **Симонова Е.**
Секретарь Дорогобужского РК ВКП(б)».

Малая земля понесла еще большую утрату: в одном из боев с фашистами погиб Пайтеров.

Но как ни зверствовали гитлеровцы, к каким жестоким методам ни прибегали, им не удавалось погасить пламя борьбы советских людей за свою свободу и независимость. Наоборот, партизаны с каждым днем усиливали свою активность.

Партизанский комиссар Петр Федорович Силантьев знал, что Евдокия Симонова при жизни писала стихи. В них она воспевала любовь к Родине, партии, выражала лютую ненависть к врагу. Он собрал эти произведения начинающего автора, размножил и организовал их распространение среди местного населения, а также в подразделениях партизанских отрядов. Стихи мобилизовывали советских людей на новые боевые подвиги.

Читали их наши десантники. А некоторые стихи Симоновой становились песнями и распевались по всей Малой земле. Особую популярность среди народных мстителей получила песня, сочиненная ею накануне своей героической смерти. Текст этой песни у меня хранится. Вот он:

Нас в бой послали матери и жены.
Пусть ищут нас карателей полки.
Нам не страшны ни казни, ни шпионы,
Ни Бишлера[4] кровавого штыки.

П р и п е в
Укрыл нас лес зеленый,
Врагом непокоренный.
Кто рвется в бой за Родину, за труд, —
Идите к нам, вас партизаны ждут.

Дрожит предатель, кары ожидая,
И ждет расплаты полицай в поту,
Когда, на вражьи гнезда налетая,
Мы жжем до тла ночную темноту.

П р и п е в

[4] Бишлер — командир карательного отряда в Дорогобуже в 1942 г.

Трепещет враг при слове «партизаны»,
И горд за нас советский наш народ.
Напрасно Бишлер гонится за нами,
Мы там, где сброд фашистов нас не ждет.

П р и п е в

Читая и перечитывая эти строчки, я всегда не могу сдержать волнения. Передо мной снова и снова предстает обаятельный образ героической девушки-партизанки. Я счастлив, что мне довелось не однажды видеть ее, рука об руку сражаться против гитлеровских захватчиков с теми, о которых так пламенно, так гордо пишет Симонова.

* * *

9 июня 1942 г. войска генерала Белова и Казанкина приступили к выполнению приказа командования по проведению рейда в брянские леса. Через Озерище двинулись огромные колонны измотанных беспрерывными боями воинов.

Из помещения школы выходили раненые и направлялись за ними — кто на костылях, кто с клюшками. Толя Гитов и другие озерищенские ребята провожали их, прошли с ними до дороги, ведущей на Пензево.

К нам подошла Софья Семеновна Андреева и от имени коллектива школы пожелала успеха в преодолении опасностей и трудностей рейда по тылам врага.

— Мы будем ждать вас, дорогие товарищи, — дрогнувшим голосом проговорила она. — Возвращайтесь скорее.

— Постараемся, Софья Семеновна, — тоже сильно волнуясь, ответил я. — Мы знаем, что вам после нашего ухода будет нелегко, но вы крепитесь, верьте в нашу победу. Мы обязательно вернемся.

— Я верю в это, — она поднесла к глазам платок. — Нельзя не верить в силы нашего народа. Он неодолим. Это доказано уже не раз...

Подошла мать Толи Титова — Зоя Леонидовна Синицина. Приглаживая темно-русый чуб сына, невесело проговорила:

— Страшно подумать, что уже сегодня вечером в Озерище снова будут немцы...

— Да, к сожалению, будут, — сказал комиссар Виноградов и тяжело вздохнул. — Так складываются обстоятельства. Другого выхода пока нет, Зоя Леонидовна...

Синицина посмотрела на комиссара печальными глазами.

— Я понимаю...

Со слезами на глазах она спрашивала, что теперь будет с ее Толиком. Зоя Леонидовна знала, что в соседних районах гитлеровцы угоняют в Германию всех здоровых пожилых мужчин, а также подростков.

— Я не о себе печалюсь, — сказала она, — а о моем мальчике. Я-то ничего, выдюжу. А вот как он, сердешный. К тому же горяч очень парень... Пропадет, боюсь...

— Такие, мать, не пропадают, — убежденно заключил Виноградов. — Огонь для них не страшен. В нем они еще прочнее делаются...

Впоследствии Толя рассказал мне, как мать спасала его от немецкой каторги. Нарядила во все девчоночье, так он и щеголял, пока находились в Озерище гитлеровцы. Рассказал Толя и о том, что фашисты взорвали в селе церковь, несмотря на протесты верующих граждан. Гитлеровцы считали, что церковь делает большую услугу партизанам: с ее колокольни просматривается почти весь Дорогобужский район.

Наконец настало время проститься с озерищенскими жителями. Мы обнимали ребят, пожимали руки взрослым.

Толя Титов от имени всех ребят заявил:

— В Озерище у вас остаются настоящие боевые друзья. Помните всегда об этом. А за нас будьте спокойны. Не дрогнем. Обещаем: фашистам покоя не будет!

Я привлек Толю к себе.

— Спасибо, дорогой...

Колонна дивизиона тронулась, а ребята все стояли на пригорке и махали нам руками. Это — замечательная, не по летам повзрослевшая юность многострадальной Малой земли. Ее ожидали новые испытания.

Жалко было расставаться и с партизанами. Посмотрел я на них: стоят у ворот крайнего дома в поношенной одежонке, словно осиротевшие. В глазах — нескрываемая грусть. Нелегко будет им без нас. Но они знают, что при Ставке Верховного главнокомандования теперь создан Центральный штаб партизанского движения, и он, несомненно, будет оказывать им постоянную помощь.

Действительно, на второй же день после нашего ухода из Озерища, 11 июня 1942 г., Смоленский обком партии дал распоряжение командованию партизанских отрядов на Смоленщине о децентрализации в управлении борьбой народных мстителей. Такое же решение принял военный совет Западного фронта. Это означает, что большие партизанские соединения переформировывались в маленькие отряды, которые должны наносить удары не по населенным пунктам, а громить врага на дорогах, не давать возможности фашистам перебрасывать военные грузы войскам, находившимся на переднем крае.

Враг провел против героев Малой земли две операции. Несмотря на то, что он понес большие потери в живой силе и технике, ему не удалось потушить пожар борьбы в Дорогобужском районе Смоленской области. Хотя мы вышли из этого района, борьба с оккупантами в нем продолжалась — активная, ни на один день не затухающая.

В руки наших разведчиков попало донесение штаба 9-й немецкой дивизии, адресованное в штаб войск «Центр». В нем было указано, что партизаны и воины регулярных войск нападают на немецкие тылы и после операций «Зейдлитц» и «Ганновер». В донесении также говорилось о том, что невозможно отличить, где солдаты, где партизаны, а где просто местные жители.

Разведчики порадовали нас сведениями о разгроме немецких военных колонн малыми партизанскими отрядами севернее Дорогобужа, под Рославлем и на Брянщине. Во время рейда мы тоже намеревались бить врага на дорогах и станциях.

Таким образом огонь борьбы с немецко-фашистскими захватчиками разгорался, становился все шире и грознее. Гитлеровское командование вынуждено было бросать против народных мстителей новые воинские части, а также боевую технику.

Наш дивизион продвигался по местам, где раньше бывать мне не приходилось. Поэтому надо было проявлять большую осторожность, прибегать к помощи местных жителей. Люди по мере возможности снабжали нас продовольствием, охотно соглашались быть нашими проводниками, показывали нам более удобные и безопасные пути.

Солдаты изрядно устали, утомились, но держались, шли упрямо вперед. Тяжело было раненым. Для них не хватало транспорта, и многим приходилось идти пешком.

Рядом со мною шагал комиссар Виноградов. За последние дни он сильно похудел, лицо покрылось густой щетиной.

— Устал, Ваня? — спросил я его.

— Устал, — откровенно сказал он. — Но ведь и вы устали?

— Да, и я устал. Но идти надо.

— Надо.

И мы шли дальше. Позади оставались километры тяжелого, изнурительного похода.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Шилина по приказу генерала Белова повезли в деревню Новые Луки Ельнинского района, где находился партизанский аэродром и госпиталь. Был вызван специальный самолет, чтобы переправить больного комбрига в Москву.

Мефодию Ивановичу очень не хотелось покидать бригаду, но другого выхода не было. Болезнь довела его до самой крайней точки, и оставаться в лесах ему больше было нельзя.

Шилина сопровождала группа из восьми человек: лейтенант Саша Городецкий, врачи Хорунжий и Фрейдин, переводчица Клава Крылова, адъютант Гашимов, судья бригады Звягинцев, прокурор Бабуров и молодой партизан, имени которого не помню.

Старшим группы был бригадный врач Владимир Кириллович Хорунжий. Он довольно хорошо знал местность, поэтому легко ориентировался на ней. Группа доверяла ему во всем.

Родился Хорунжий в селе Коханово под Оршей, учился в одной из средних школ Смоленска. В этом же городе в 1937 г. окончил медицинский институт. Еще до Великой Отечественной войны он служил врачом воздушно-десантной части того самого Левашова, который в 1942 г. летел на Смоленщину в должности командира корпуса и был убит в самолете.

Владимир Кириллович был исключительно душевным человеком, старательно заботился о больных и раненых. Он спас жизнь многим нашим десантникам, лечил комбрига.

Группа двигалась лесом по бревенчатому настилу, прозванному «лежневкой», проложенному еще в первые месяцы войны нашими отступающими войсками среди бесчисленных болот, укрываясь от вражеской авиации.

Мефодия Ивановича везли на телеге. Тряска причиняла боли комбригу, и он то и дело постанывал. Между тем не сдавался, пытался даже шутить.

У деревни Новые Луки группа подверглась налету вражеской авиации.

— В укрытия, товарищи, — приказал комбриг. — Прячьтесь, а то перебьет всех..

Никто не хотел оставлять комбрига. Мефодий Иванович, приподнявшись на локтях, глянул из-под нахмуренных бровей, повторил приказание.

Группа залегла неподалеку от телеги в неглубоком кювете. Никуда не ушел только Саша Городецкий. Он стоял рядом с комбригом и с тревогой следил за пикирующими самолетами. То и дело падали бомбы, и окрестность вокруг содрогалась от тяжелых ударов.

Одна из бомб упала совсем недалеко от телеги. Осколки и комья земли брызнули в разные стороны. Однако никакого вреда не причинили.

— Саша, — сказал комбриг, голос его был очень слабым, — спрячься и ты. Погибнешь ни за понюшку табаку. Приказываю...

Телега стояла посредине дороги, сворачивать в сторону было нельзя: обратно не вылезешь, так как места здесь были сильно заболоченные.

— Не могу подчиниться, товарищ комбриг, — с необычайной твердостью проговорил Городецкий. — Не могу...

В это время рядом опять разорвалась бомба. Городецкий схватился за живот и медленно присел около телеги. К нему метнулась Клава Крылова. Увидев кровь на гимнастерке, она невольно вскрикнула.

Хорунжий оказал Городецкому первую помощь. Клава подняла на него вопросительный взгляд. Ждал и комбриг, что скажет врач.

Владимир Кириллович молчал.

— Ну как? — не выдержала девушка.

— Беда! Перебиты тазовые органы. Потеря сознания — глубокий шок...

Городецкого устроили рядом с комбригом, и группа двинулась дальше. Клава шла рядом с телегой, то и дело смахивая с глаз слезы. Комбриг смотрел на нее и уговаривал:

— Крепись, Клава... Не то бывает... Все обойдется... А Саша — герой! Гордиться им надо...

Лейтенант Городецкий был весьма обаятельным человеком. Высокий, стройный. Брови и глаза, как у цыгана, черные, смоляные. Он отличался задушевностью в обращении с товарищами, уважал младших и старших, мог пошутить в компании, развеселить перед боем. С особым, неповторимым искусством он изображал свист соловья, кваканье лягушки, пение петуха, великолепно имитировал знакомых артистов. Мы все называли его уважительно и ласково: Саша.

Он уроженец города Руза Московской области. Его воспитала славная советская женщина Варвара Дмитриевна Городецкая. Это ей мы должны поклониться за воспитание такого бесстрашного воина. Немало сделали по воспитанию Саши и те учебные заведения, в которых он учился: средняя школа имени В. И. Ленина в городе Руза, Уральский лесотехнический институт и школа воздушных десантников.

Приближался вечер. До Великих Лук оставалось не так уж много. А комбригу с каждым часом становилось все хуже. Он закрыл глаза и дышал глубоко, с трудом. Не приходил в себя и Городецкий. Он бредил, говорил что-то невнятное, жуткое:

— Огонь!.. Горит... Горит... Нутро горит... Руку оторвало... Клава, смотри: кровь... Море крови... Танки идут... Бросайте гранаты... Клава, я люблю тебя... Клава...

Слышать такое не было сил. Крылова кусала губы, чтобы не вырвались рыдания.

К вечеру группа прибыла в Новые Луки. Госпиталь размещался в трех ветхих домиках под соломенными крышами. Эти домики принадлежали местным жителям Герасиму и Фекле Лучине и Николаю Федунину.

Оказывается, в селе уже ожидали комбрига. Здесь находились командир партизанского отряда имени Сергея Лазо Василий Васильевич Казубский (бывший директор школы села Коробец Ельнинского района) и комиссар этого же отряда Андрей (Андрей Федорович Юденков), он же секретарь подпольного райкома ВЛКСМ в Ельне. Это люди, которые были суровыми в боях, беспощадными к врагам и удивительно добрыми к своим, советским людям.

Они приказали персоналу госпиталя оказать необходимую помощь больному комбригу и Городецкому. Всех накормили горячей пищей.

Казубский подошел к телеге, на которой лежали Мефодий Иванович и Городецкий.

— М-да, плохи дела, — протянул он. — Надо принимать срочные меры...

Шилин открыл глаза. Посмотрев отсутствующим взглядом на Василия Васильевича, слабым голосом переспросил:

— Плохи, говорите? — и сам себе ответил: — Да, плохи, брат. Дышать нечем...

Хорунжий дал ему лекарства, и он ненадолго успокоился.

Через некоторое время спросил:

— Как Саша?

— Его унесли, — сказал Хорунжий. — Сейчас будут оперировать.

— Получится?

— Не знаю, товарищ комбриг... Сознание к Саше не вернулось.

Мефодий Иванович опять опустил веки. Грудь его высоко вздымалась. Губы стали синими.

— Спасайте парня, доктор, — еле слышно прошептал он и притих.

— Пусть малость поспит, — Хорунжий накрыл комбрига плащ-накидкой. — Товарищ Казубский, покажите, куда унесли Городецкого.

Василий Васильевич постоял еще с минуту рядом с комбригом, потом поднял глаза на Хорунжего, в них было столько боли, столько страдания, что врач невольно как-то съежился.

— Пошли... — глухо проронил Казубский.

Городецкому сделали операцию. Но — безрезультатно. Ночью 14 июня 1942 г. он скончался.

Очень плохо становилось и комбригу. Он часто терял сознание, бредил, пытался подняться с постели, в изнеможении опускался снова. На рассвете Мефодий Иванович умер.

Утром, когда поднялось солнце, Мефодия Ивановича и Городецкого положили на телегу и повезли из Новых Лук в сторону леса, на юг. Переправившись через мелкий ручей, поднялись на пригорок, откуда открывались широкие, необъятные дали.

— Здесь похороним, — сказал Хорунжий. — Красивая поляна...

Вырыли могилу и опустили в нее дорогих товарищей. Враг находился недалеко, и делать гробы было невозможно, пришлось обойтись без них.

— Спите спокойно, — Хорунжий выпрямился над могилой, окинул окрестность затуманенными глазами. — Вы отдали свои жизни за свободу и независимость нашей Родины. Мы никогда не забудем вас, прекрасные наши друзья. За вашу смерть жестоко отомстим коварному врагу. В предстоящих боях будем достойными вашего мужества, вашей удивительной стойкости. Пусть эта родная земля будет вам пухом...

На могиле поставили дощечку с надписью:

«Здесь похоронены советские офицеры М. И. Шилин и А. С. Городецкий, геройски павшие в боях с фашистскими оккупантами».

Оставляя могилу, Хорунжий, Крылова, Фрейдин и другие воины не смогли сдержать слез. Клава то и дело повторяла:

— Осиротели мы... Осиротели...

Она выглядела постаревшей. От бессонных ночей вокруг ее глаз появились синие круги, нос заострился, резче обозначились складки в уголках рта.

Несмотря на ранний час, дул горячий, знойный ветер. Поблизости, за лесным урочищем, раздавалась ружейно-пулеметная пальба: видимо, партизаны вели бой с карательным отрядом. В листве деревьев попискивали, посвистывали невидимые птицы. Жизнь неподвластна смерти, неодолима.

* * *

Историю, рассказанную мною, поведала нам Клава, когда она снова очутилась в нашем дивизионе. Я видел, как трудно было ей говорить. Да, она потеряла человека, к которому питала особые чувства, потеряла Сашу Городецкого — прекрасной души молодого человека, высоко ценившего ее сердечное отношение к нему.

Никто из нас не пытался успокаивать ее, ибо все понимали, что занятие это совершенно бесполезное, никому не нужное. Клава была благодарна нам за это.

А когда она рассказывала о смерти комбрига, мы не могли скрыть своего волнения. Комиссар Виноградов, слушая Клаву, ожесточенно тер ладонями виски, тяжко вздыхал:

— Каких людей отнимает смерть... Будь она неладна...

У меня от боли ныло в груди. Я искренне любил Мефодия Ивановича. Любил как человека и как командира. Он знал, в каком состоянии летит во вражеский тыл, но не отказывался от боевого задания. Конечно, его могли и эвакуировать раньше, могли взять на излечение партизанские врачи, однако он отклонил все варианты и причины, по которым мог бы уйти от борьбы, и мужественно продолжал руководить бригадой. Находился на своем посту до последнего часа своей жизни. Это был человек с исключительно высоким сознанием долга перед Родиной.

Необычная получилась у Шилина жизнь: родился на старой крестьянской телеге и умер на телеге — только на партизанской, вдали от родимых мест. Он много воевал и много сделал для воздушно-десантных войск как начальник штаба научно-исследовательского института и как комбриг! Мефодий Иванович, участвуя в строительстве вооруженных сил, воспитал большую плеяду советских парашютистов. И вот — нет больше его. Как поверить в это?

Горько делалось еще от того, что нельзя было никак сообщить о его смерти семье. Ни жена Евгения Ивановна, ни дети Юра, Гена и Светлана, ни брат Павел никогда не увидят дорогого им человека. Он зарыт в землю, пока еще окруженную фашистами.

— Что сказал перед смертью Мефодий Иванович? — обратился я к Клаве после долгого и тяжелого молчания. — Вспомни, пожалуйста...

Клава повернулась к комиссару Виноградову и попросила папироску. Вообще она не курила, но сейчас ей было нестерпимо больно, и она, видимо, решила куревом успокоить себя. Затянувшись, Клава закашлялась, на глаза выступили слезы.

— Умер комбриг, не приходя в сознание, — наконец еле выговорила Крылова. — А до этого держался стойко, не жаловался, только стонал. Все заботился о других... Вот такой был...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Десять суток боролся наш дивизион с превосходящими силами противника на Малой земле во взаимодействии с кавалеристами генерала Белова, десантниками генерала Казанкина и партизанами соединения Дедушки. Борьба эта усложнялась еще и тем, что нас непрерывно преследовала вражеская авиация.

Десять дней — период, конечно, небольшой. Но за это время в Дорогобужском и Ельнинском партизанских краях были самые ожесточенные бои из тех, которые проходили здесь в течение 1942 г. Бывший комиссар 5-го партизанского полка имени Лазо профессор А. Ф. Юденков в своей книге «За огненной чертой» так пишет об этом периоде:

«В жизни и борьбе нашего полка наступал самый ответственный момент: в начале июня 1942 г. разгорались тяжелые, кровопролитные сражения советских войск и партизан на территории Смоленщины. Немцы предприняли общее наступление для ликвидации партизанских краев, образовавшихся почти у самой линии фронта.

Командующий 4-й немецкой армией фельдмаршал Фон Клюге очень нуждался в коммуникациях. Белов поставил задачу партизанской дивизии Дедушки прикрывать наши тылы и отвлекать на себя противника, отходить в леса северо-западнее Дорогобужа, а полку имени Сергея Лазо помочь нам прорваться на территорию этого полка южнее Ельни на участок Глинка — Ельня — Быки — Титово. После этого охранять наши фланги и помочь прорваться через Варшавское шоссе в районе Шуи»[5].

[5] **Юденков А. Ф.** За огненной чертой. М., 1966. С. 197.

Борьба на Малой земле в какой-то степени облегчила положение Москвы в трудные для нее дни. Раньше я думал, что сравнительно небольшим силам невозможно продержаться длительное время в тылу противника. Но практика показала другое. Мы не только держались, но и наносили врагу серьезные, очень ощутимые удары.

Воины нашего дивизиона, оставляя территорию Малой земли, сердечно благодарили ветеранов борьбы в этом краю за то, что они помогли молодым солдатам быстро освоиться с суровыми условиями, показывали им примеры мужества и непреклонной воли.

Теперь предстояли новые испытания. Если нам довольно успешно удалось выброситься с самолетов на Малую землю и провести на ней бои с врагом, то пробиться к своим войскам было делом более трудным и сложным, связанным с большими опасностями. Нам необходимо было совершить не простой рейд, а с ожесточенными боями прорвать несколько оборонительных рубежей врага на протяжении 300 километров.

* * *

Наш дивизион догнал генерал Белов. Он с галопа остановил разгоряченного коня, легко соскочил с седла, покрутил свои порыжевшие усы. Поздоровавшись со мной, сразу заговорил о деле:

— Миронов, хватит пороху у твоих десантников дойти до Кирова по болотам и лесам?

— Думаю, что хватит...

— А точнее?

— Хватит, товарищ генерал.

— Вот это настоящий ответ.

Над лесом появился немецкий самолет-разведчик. Белов поднял голову, сильно прищурил глаза.

— Выслеживает... Как коршун добычу... Маскируйтесь. Продвигаться в основном в ночное время.

— Мы так и делаем, товарищ генерал, — тоже следя за вражеским самолетом, сказал я. — Знаем повадки немцев...

— Как у вас с боеприпасами?

— Туговато приходится, товарищ генерал.

— У меня их тоже немного.

— Продовольствия не хватает...

— Еду, брат, доставай, как можешь. В этом вопросе нужна, Миронов, разумная инициатива. Мы находимся в такой ситуации, что надо мозговать. Надо находить выход...

— Понимаю, товарищ генерал. Будем стараться.

— Старайтесь, Миронов. Всем дивизионом. Один ничего не сделаешь.

Павел Алексеевич взял у меня карту и прочертил маршрут рейда коричневым карандашом. Намечалось пройти поблизости от населенных пунктов Новое Брыкино, Новые Яковлевичи, преодолеть участок железной дороги между станциями

Клоково — Глинка, миновать Филимоны, Старую Буду, Романьково, Бердники, Быки, Павлово, Марьинку и выйти к городу Кирову в районе Жилино.

В заключение Белов сказал:

— Порядок движения будет таким: в первом эшелоне пойдут кавалеристы, корпус генерала Казанкина и ваша, 211-я воздушно-десантная бригада, за ними — обоз и раненые. Во втором эшелоне будет двигаться 329-я стрелковая дивизия. Сильно укрепленный опорный пункт противника Быки будем обходить слева. Путь предстоит исключительно сложный и трудный. Но другого выхода у нас нет. Поэтому надо сделать все от нас зависящее, чтобы преодолеть его. Ну, желаю удачи, Миронов.

Генерал вскочил на коня и, пришпорив его, поскакал назад, к своему штабу.

Я в прошлом служил в конной артиллерии и отметил про себя лихость Белова, с завистью смотрел ему вслед.

* * *

Колонна шла на юг, в сторону села Новое Брыкино и станции Глинка. Бойцы напрягали все усилия, всю энергию, стараясь не отставать друг от друга.

Солнце уже село, и сумерки быстро сгущались. Лес становился сумрачным и таинственным, в любую минуту готовым хлестнуть смертельным огнем.

Когда мы покидали занимаемые позиции, весь рубеж обороны севернее Озерища оставался без прикрытия, и теперь мы чувствовали себя как на иголках, с тревогой ожидали, что противник начнет преследовать нас. Но гитлеровцы на сей раз, видимо, разведку не вели и активных действий не проявляли. В результате нам удалось пройти Пензево и оторваться от врага на довольно значительное расстояние.

Солдаты шагали почти не разговаривая. Слева виднелось зарево. Это горел город Ельня. Глядя на пожарище, мы ощущали на сердце острую боль.

Чтобы рассеять у бойцов невеселые мысли, комиссар дивизиона Виноградов рассказывал о славном прошлом Ельнинского района.

— Здесь в войну 1812 г. партизаны Дениса Давыдова громили тылы и обозы наполеоновской армии. Наши предки проявляли чудеса героизма. Не было покоя от них незваным гостям. Русские мужики нещадно били пришельцев. В Ельне находился штаб Кутузова. Одним словом, мы идем по дорогам, овеянным славой еще в далекие времена. Это ко многому нас обязывает. Мы должны быть достойными своих предков, отстоявших честь и независимость России...

Солдаты слушали комиссара с заметным интересом. Виноградов умел овладевать вниманием подчиненных. Говорил всегда взволнованно, просто и доходчиво.

— Ельнинский район довольно богат знаменитыми людьми. Достаточно сказать, что здесь, в селе Новоспасское, например, родился великий композитор Глинка. В первый период Великой Отечественной войны здесь выдвинулись известные партизанские вожаки Казубский и Юденков. Теперь они командуют партизанским полком имени Лазо. Это — отважные, беззаветно преданные нашей Родине, нашему народу люди. Им верит местное население и встает на борьбу с гитлеровскими оккупантами...

Солдаты заметно оживлялись. Меньше чувствовалась усталость. Все старались быть ближе к комиссару. Шагая рядом, я тоже слушал его. Когда комиссар на минуту замолк, я как бы между прочим вставил:

— Заместителем командира полка Казубского является мой давнишний товарищ однокашник майор Леонид Лукич Зыков. Он попал в окружение, вышел из него и стал партизаном. Познакомился я с ним впервые в 1941 г. в академии имени Фрунзе, в которой мы вместе учились. Человек исключительного мужества и бесстрашия. Очень хочется встретиться с ним снова...

Шли всю ночь. Меня начали беспокоить два обстоятельства: как прокормить солдат и как прорваться через железную дорогу на участке Смоленск — Ельня к 5-му партизанскому полку имени Сергея Лазо.

До железной дороги оставалось не более трех километров. За ней начиналась оборона противника. Теперь надо было продвигаться с особой осторожностью.

На рассвете прошел небольшой дождь. Когда тучи рассеялись, на востоке показалось солнце — большое, ярко-красное. Мы проходили через березовую рощу, и листва на ветках после дождя сверкала, переливалась многоцветием красок, благоухала. Без умолку щебетали птицы. Я слушал их, и мысли уносили меня к родным краям, к родной природе, туда, где прошло мое детство, где я бегал босоногим мальчишкой. Побыть бы хоть часок сейчас там... в Мордовии.

Впереди шагал Сергеев, Ермишкин и Полулях. Они жевали щавель, который по счастливой случайности попался им на пути. Да, всем очень хотелось есть. А продуктов у нас не было.

Колонну остановили на небольшой привал. Комиссар посоветовал нам пососать из берез сок. Первым вынул десантный кинжал разведчик Сергеев и надрезал на дереве кору. Приложив сухие губы к стволу, он с жадностью начал сосать, надеясь полакомиться сладкой жидкостью. Но напрасно: весеннее сокодвижение давно уже закончилось. Сергеев с горечью плюнул и начал есть березовые листья. Его примеру последовали и другие товарищи.

Степан Ермишкин предупредил:

— Не увлекайтесь особенно. Чуть заморите «червячка» и — хватит. А то в желудке черти запляшут...

Степан постарше многих солдат. Он имел уже определенный жизненный опыт. Родился Ермишкин в 1918 г. в селе Курбатово Семионовского района, недалеко от Рязани. Жил с родителями в большой нужде. В армию призвали в 1938 г. Так что перед войной он полностью отслужил срочную службу, окончил полковую школу, получил солдатскую закалку. К его советам и замечаниям солдаты всегда прислушивались.

— Кишка кишке кукиш кажет, — сказал Сергеев. — Терпения нет никакого...

— Понимаю, — Ермишкин посмотрел на осунувшиеся лица солдат. — Но придется потерпеть. Ничего не поделаешь...

Привал кончился. Тяжело было подниматься. Хотелось растянуться на траве и вдоволь поспать. Но где там. Надо было идти дальше.

Разведчиков Сергеева, Быкова и Максимова послали вперед, к железной дороге. Вскоре они вернулись и сообщили, что железная дорога в десяти километрах

западнее Ельни обороняется подразделениями 221-й дивизии и двумя батальонами мотопехоты 19-й танковой дивизии. Такие же сведения дали и местные жители.

Судя по вражеским самолетовылетам, участившимся за последние часы, дорога охранялась и с воздуха. Для немцев этот участок играл немаловажную стратегическую роль. Поэтому они старались во что бы то ни стало здесь задержать нас, а потом заставить сложить оружие.

Становилось жарко. У большинства десантников от пота намокли гимнастерки, на спинах выступила соль. Солнце палило нещадно, и идти с каждым часом становилось тяжелее.

Виноградов снял с головы пилотку, расстегнул ворот гимнастерки.

— Вот это погодка, — проговорил он и посмотрел на меня своими всегда лучистыми глазами. — Как в бане...

— Да, тепла хватает, — я тоже поднял на него глаза, и наши взгляды встретились; я сразу понял, что Виноградова беспокоит то же самое, что и меня: отсутствие продуктов в подразделениях. — Скоро снова, видимо, будет привал...

— Надо покормить солдат, — сказал комиссар. — Иначе худо дело. Все устали до предела. Что-то надо предпринять.

— Я тоже ломаю над этим голову. Только вот не знаю пока, что делать.

— Надо, по-моему, послать группу в какую-нибудь деревню.

— Днем опасно.

— Надо в ночное время.

— Давай попробуем, — согласился я. — А пока...

— Пока будем набираться терпения, — закончил за меня Виноградов. — До вечера выдержим.

* * *

Впереди колонны шли генералы В. К. Баранов и А. Ф. Казанкин. Они руководили движением, указывали, какие дистанции надо держать между частями и подразделениями.

Генерал Белов находился в конце колонны. Он за последнее время заметно осунулся, но, будучи человеком огромной, редкой силы воли, держался браво, своим видом заряжал сердца окружающих его людей верой и надеждой.

Вперед выдвинулись 3-й кавалерийский полк н наш дивизион. Меня беспокоило отсутствие связи с командиром партизанского полка имени Сергея Лазо Казубским. «В чем дело? — с тревогой думал я. — Почему он не отвечает? Может, что-нибудь случилось?..»

Не было связи и с третьим батальоном партизан, которым командовал Яков Семакин. Это подразделение обороняло район Павлово — Быки и лес южнее населенного пункта Бердники.

Позднее, когда мы встретились, комиссар партизанского полка имени Сергея Лазо А. Ф. Юденков рассказал, что делалось в это время в их части. Получив через штаб Западного фронта телеграмму Белова о мерах содействия десантникам и кава-

леристам при прорыве обороны противника южнее Ельни, Казубский, Зыков и Юденков, оказывается, выехали в штаб 3-го батальона, находившегося в селе Щербине, чтобы лично поставить боевую задачу. Они приказали командиру роты старшему лейтенанту Федору Пялову ночью захватить Быки и разминировать минное поле, через которое нам предстояло пройти.

С этого момента партизаны не знали покоя ни днем, ни ночью. Они вели непрерывные тяжелые бои. Враг стремился прорваться на восточном и южном участках. Партизаны делали все возможное, все от них зависящее, чтобы удержать занимаемую территорию и этим самым сохранить коридор для прохода наших колонн.

* * *

Дивизион перешел вброд реку Устром. Впереди показалась деревня Новые Яковлевичи, а также станция Глинка. До построек, в основном деревянных, оставалось не больше пятисот метров.

Ко мне подошел разведчик Коля Сергеев и доложил:

— Оборона немцев состоит из отдельных очагов. Сплошных траншей нет. Перед железной дорогой минное поле. За насыпью слышен шум танков. Из Ельни идет сюда бронепоезд...

Пришлось развертывать дивизион в боевой порядок.

Минометчики заняли позиции за цепью пехотинцев. На флангах были бронебойщики Ермишкина и Чапаева.

Вскоре противник открыл по нам сильный огонь из автоматов и пулеметов. Танки начали бить из пушек, но их снаряды перелетали через нас. Мы открыли встречный огонь из всех имевшихся видов оружия.

Ермишкин выдвинул на высотку, заросшую кустарником, Постникова и Жеребина с противотанковыми ружьями. Они во взаимодействии с противотанковым дивизионом кавалерийского корпуса вынудили немецкие танки попятиться в лес.

Батарея Полуляха открыла огонь по пехоте охранной дивизии. Огонь вели и другие части, входящие в группу Белова. Железная дорога и лес поблизости оказались в дыму и пламени. Горели станции Глинка и Клоково. Наш прорыв намечался именно между этими станциями.

Я наблюдал за действиями своих десантников. Хорошо стрелял наводчик Кримач. Не зря его учил покойный комбриг Мефодий Иванович Шилин еще на стрельбище под Москвой искусству стрельбы из миномета.

Огонь Кримача заставлял немцев прижиматься к земле. Мины падали в расположении их позиций, поражая солдат и офицеров.

Наши автоматчики и разведчики поднялись в атаку. Впереди, прихрамывая, бежал Амирханян с костылем в руке.

Рядом со мною с ручным пулеметом продвигался вперед мой земляк Семен Русскин. Он действовал удивительно ловко и смело: то быстро ложился и открывал губительный огонь, то поднимался и стремительно несся вперед. Пулемет в его руках стрелял безотказно.

— Давай, давай, Семен! — кричали ему товарищи. — Сыпани похлеще! Бегут фрицы...

В это время смелое решение принял командир 1-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал-майор Баранов. Накинув на плечи бурку, он вскочил на коня повел своих воинов в атаку. Бойцы помчались с обнаженными саблями и автоматами наизготовку. За ними устремились пехотинцы Клецовки и Радько. Среди них я увидел Клаву Крылову. В руках она тоже держала автомат.

Нужно было иметь огромную силу воли и мужество, чтобы после длительной борьбы в тылу врага и утомительного похода вот так броситься на противника.

Несколько лошадей упало от вражеских пуль. Кавалеристы продолжали наступление в пешем строю.

Нас начала бомбить вражеская авиация. Осколком бомбы у Русскина разбило пулемет. Тогда он взял у убитого десантника противотанковое ружье и, с разбега шлепнувшись в воронку, сделал несколько выстрелов по появившемуся танку. Танк остановился. Вскоре его охватило пламенем.

— Метко стреляешь, земляк, — похвалил я Русскина. — В самую точку попал.

Он вытер грязь с лица рукавом десантной куртки.

— Научился вот...

Семнадцатилетним мальчиком Русскин добровольно пришел в армию. Было это в 1941 г. Придя в военкомат, юноша твердо заявил:

— Хочу на фронт. Отправляйте. Прошу вас...

— Так и сразу на фронт? — спросили его. — А что ты можешь?

Семен не смутился. Смело глядя на начальство, ответил:

— Стрелять могу из винтовки.

— Ну, этого еще маловато, чтобы быть настоящим, полноценным воином. Надо сначала подучиться, а потом уж на фронт...

— Что ж, я согласен.

Семен учился парашютному делу в 8-й воздушно-десантной бригаде, в батальоне известного десантника подполковника Карнаухова. Он одним из первых солдат 4-го воздушно-десантного корпуса выбросился в тыл врага, вместе со своими товарищами под командованием Карнаухова громил вражеские обозы, не раз принимал участие в боях с карателями. Пять месяцев борьбы в тылу противника закалили его, сделали выносливым, мужественным бойцом. А теперь он участвует в героическом трехсоткилометровом рейде.

Из кустов появилась крупная фигура подполковника Карнаухова. Он на ходу крикнул:

— Русскин, не отставай. Вперед!

Семен побежал за своим командиром, но в это время вражеская пуля обожгла ему левую руку, и красная струя крови поползла по куртке.

— К санитарам, — приказал Карнаухов. — Назад...

— Лучше умру в пути, но не отстану от своей роты, — заявил Русскин. — Здесь все свои. Притом я еще могу стрелять...

Товарищи перевязали его, взяли у него тяжелое противотанковое ружье и дали автомат, он снова побежал вперед.

Генерал Казанкин повел воинов к лесу, за линию железной дороги. Батальонный комиссар Андрющенко и старший лейтенант Радько двигались с пехотой 211-й воздушно-десантной бригады. Во всех частях людей осталось совсем немного. Потери были большие.

Следует отдать должное Степану Ермишкину: под вражеским ружейно-пулеметным огнем он толом взорвал у станции Глинка железную дорогу, и движение поездов в этом районе было остановлено.

Вражеский бронепоезд, подошедший из Ельни, тоже пройти не мог, он только издали обстрелял нас, не причинив никакого вреда.

Я от души поблагодарил Ермишкина за проявленную смелость.

— Молодец, Степан! Большое дело ты сделал. Озадачил немцев. Они не ожидали этого.

— Тем лучше для нас, — бодро проговорил он. — Только так с ними нужно.

— Правильно, Степан, — я смотрел на его возбужденное лицо, проникаясь все большим уважением к этому бесстрашному воину. — Надо воевать мудро.

Комиссар 3-й батареи Амирханян тоже совершил подвиг. Он был оставлен с группой солдат на опушке леса восточнее станции Глинка, чтобы прикрывать наш дивизион, прорывающийся к полку имени Сергея Лазо. Гитлеровцы атаковали хвост нашей колонны, намереваясь уничтожить нас в лесу. Они были встречены плотным огнем группы Амирханяна. Перед опушкой леса появилось много вражеских трупов. Но противник ввел в бой резерв. Мушег Иванович, обойдя вместе с солдатами болото, занял новую позицию прямо в воде, за сваленными соснами, и нанес фашистам еще один ощутимый удар.

Осколками разорвавшейся неподалеку мины он был тяжело ранен в обе ноги. Перевязав раны нательной рубашкой, политрук приказал солдатам отступить к основной нашей колонне, а сам стал прикрывать их огнем из автомата.

Немцы приближались. Они обходили комиссара с двух сторон. Были отчетливо видны их искаженные от ярости лица.

Амирханян бил наверняка: берег патроны. Но вот они кончились, и он приготовил гранаты.

— Сдавайся, русс! — кричали гитлеровцы. — Ты один, а нас много...

Амирханян слегка приподнялся и метнул в сторону немцев подряд две гранаты.

— Берите, гады!

Немцы залегли. Но ненадолго. Минут через пять они снова поднялись и начали смыкать кольцо окружения. У политрука осталась только одна граната. Что же делать? Сдаваться в плен? Ни за что!

Около десяти солдат противника вплотную окружили его, пытаясь взять живого. Вот к нему уже потянулись руки гитлеровцев. В это время Мушег выдернул чеку, и граната, разорвавшись, разнесла на куски солдат. Погиб и сам отважный, несдавшийся политрук, которому было всего 23 года.

Смерть Амирханяна для нас была большой и непоправимой потерей. Его все в дивизионе любили, слушались, по-хорошему завидовали той необычайной смелос-

ти, которую он проявлял в боях. Не стало замечательного политработника, друга и товарища.

— Сурово отомстим за его смерть, — сказал Степан Ермишкин. — Будем биться еще упорнее и злее...

* * *

Мы продолжали прорываться на юг, к лесному массиву. Местность была болотистой, и каждый шаг давался с трудом. Хорошо, что в одном из небольших населенных пунктов удалось добыть кое-какие продукты и покормить изнуренных бойцов.

Оторвавшись от противника, обороняющего железную дорогу Ельня — Смоленск, мы миновали село Березкино и вошли в большой, тоже сильно заболоченный лес. Всю ночь вели бой с пехотой противника и наконец добрались до села Старая Буда. Воины дивизиона проявляли мужество и храбрость.

Враг был раздроблен на мелкие группы. Наши подразделения ворвались в Новки и Бердники.

Генерал Белов приказал командирам частей продолжать наступление, решительно атаковать противника.

— Опорный пункт Быки, — сказал он, — надо обойти. Десантникам — справа, кавалеристам — слева.

Но когда начался бой, оказалось, что враг успел подтянуть и выгодно расположить на своих позициях много минометов и пехоты, сосредоточить тридцать танков и артиллерийский дивизион тяжелых орудий. Это — немалые силы.

В клещи врага взять не удалось. Но зато был сделан обходной маневр в двух километрах южнее Быки. Кавалерийские полки генерала Баранова (теперь Героя Советского Союза) вывели из строя артиллерию противника.

В то же время с тыла Быки атаковали партизаны полка имени Сергея Лазо. Атакой руководили майор Зыков и старший лейтенант Пялов.

Произошла трогательная встреча воинов группы Белова и партизан Казубского. Мы пожимали друг другу руки, обнимались.

Белов подошел к Казубскому, окинул его с ног до головы повеселевшим взглядом.

— Ну вот, мы теперь вместе, Василий Васильевич, — сказал он. — Трудным был путь к этой встрече. Немало потеряли людей...

— Ничего не поделаешь, товарищ генерал, — Казубский облизнул пересохшие губы. — Не в игрушки играем.

— Это верно, конечно.

Я отыскал майора Зыкова. Увидев меня, он быстро поспешил навстречу, воскликнул:

— Миронов! Вот это встреча! Подумать только...

Мы долго тискали друг друга в объятиях. Потом я попросил:

— Ну, рассказывай, как ты тут.

Зыков широко улыбался. Как и я, он был искренне рад этой неожиданной встрече.

— Да вроде и рассказывать-то нечего. Как попал в партизанский отряд, ты знаешь, наверное, уже. Или нет?

— Знаю. Рассказывали. Молодцом ты.

Мы опустились на травку и увлеклись воспоминаниями. Вспомнили, как вместе учились в академии, как ходили в одной шеренге по Красной площади во время военных парадов.

— Да, чудесное время было, — сказал Зыков и вздохнул. — И все теперь позади. Далеко-далеко...

Ермишкин решил разогреть чаю и угостить моего товарища. Но только разжег костер, как над нами появились два немецких самолета. Спикировав, они сбросили несколько осколочных бомб.

Ранило нескольких солдат. Осколком задело ногу и Ермишкину. Он перевязал ее бинтом, но кровь просачивалась сквозь марлю.

— Не было печали — черти накачали, — сквозь зубы процедил Ермишкин. — Надо же...

— Сильно болит? — забеспокоился я. — Надо к медицине. А?

— Пока потерплю. Потом видно будет...

— Не опоздать бы...

— Ничего. Обойдется. Я живучий, товарищ старший лейтенант.

— Смотри...

Зыков попрощался и пошел к своим партизанам. Я с восхищением смотрел ему вслед. Отряд, в котором он был заместителем командира, мне понравился. Здесь была строгая воинская дисциплина, высокая боевая готовность. Партизаны воевали с сознанием долга перед своей Родиной, глубоко верили в победу над врагом. Отряд состоял как из местного населения, так и из бойцов, вырвавшихся из окружения и плена.

В отряде партизаны делились с нами всем: продуктами, куревом, медикаментами. Они заботились о нас, как о самых близких и дорогих людях. Мы отвечали взаимностью.

Командир полка имени Сергея Лазо майор Казубский, по кличке Батя, среди партизан пользовался всеобщим признанием, большим авторитетом. Он ходил в кожаном пальто и фуражке, имел внушительную черную бороду. С ним все почтительно здоровались, отдавали честь. Готовясь к боевым операциям, разрабатывая планы действий, он тщательно все обдумывал и взвешивал, никогда не суетился, постоянно советовался с Юденковым, Зыковым и другими кадровыми офицерами.

У партизан в основном было трофейное оружие. Они наносили врагу сильные удары и приводили в ярость немецкое командование. Партизанский полк в течение довольно длительного времени удерживал натиск двухтысячной группировки противника, которая стремилась наступать с севера с тем, чтобы уничтожить нас, десантников. В жестоких схватках с гитлеровцами партизаны проявляли настоящее геройство и бесстрашие, многие из них сложили свои головы.

Особое умение в руководстве боями с периода нашего совместного пребывания показали командир 3-го батальона Яков Семакин, командир отряда капитан

Клюев, старший лейтенант Пялов и майор Зыков. Они сами являлись примером мужества и стойкости, находились всегда там, где обострялась обстановка.

Жили партизаны в добротных шалашах. В лесу был целый шалашный город. Пищу готовили на кострах. Находились умельцы повара, которые, как говорят, из ничего мастерили такие обеды, что при еде того и гляди язык проглотишь.

Вечерами партизаны собирались группами, и начинались увлекательные, интересные разговоры. Кто о чем только не рассказывал! Всех слушали, всем оказывали товарищеское внимание. Это меня очень трогало. Да и не только меня, наверное. Видеть такое содружество было всем приятно.

Особенно много партизаны рассказывали нам о своем комиссаре Андрее. Так, Кузьма Гореликов в первой же беседе с нами сказал:

— Андрей — душа нашего полка. Его все любят и уважают. Он проявляет постоянную заботу о каждом из нас, откликается на все наши нужды. Андрей — очень смелый, находчивый и умный руководитель. С ним мы в огонь и воду пойдем. Его слово для нас — закон. Если прикажет что — выполним обязательно. Умрем, но выполним...

У Андрея погиб сынишка Славик. Гореликов рассказал нам, как это случилось.

Командование партизанского полка решило переправить жену Андрея вместе с маленьким Славиком на «большую землю». Самолет, на котором летела Наташа с сыном, подвергся обстрелу зенитной артиллерии противника. Славик был убит осколком разорвавшегося снаряда.

Летчик Ковалев посадил продырявленный самолет перед позициями одной из частей Западного фронта. Наташа с мертвым сыном на руках прошла через занимаемый нашей пехотой рубеж.

Когда Андрей узнал об этом, белый свет померк в его глазах. Он очень любил Славика и представить его мертвым никак не мог. Но факт оставался фактом. Андрей замкнулся, заметнее стали морщинки вокруг глаз. Еще бы: такая потеря…

Однако горе не согнуло мужественного комиссара. Он стал еще деятельнее, еще инициативнее. Участились налеты партизан на врага, которыми руководил Андрей сам. Зная хорошо местность, он действовал исключительно ловко и дерзко, был неуловимым. Партизаны захватывали немецкие обозы, склады с боеприпасами и продовольствием, пускали под откос поезда.

Все боевые операции, совершаемые народными мстителями, готовились заранее. Разумеется, в разработке планов первостепенная роль принадлежала командиру полка Казубскому. Он был человеком незаурядного ума и хорошо понимал что к чему. Однако внимательно выслушивал предложения комиссара, всегда считался сего мнением. Между ними разногласий не бывало.

Неподалеку от штаба полка, на лесной поляне, был аэродром, на который в каждую ночь прилетали с «большой земли» самолеты У-2. Они доставляли почту, продовольствие, боеприпасы, средства для связи — одним словом, все, что требовалось для борьбы с оккупантами.

С Малой земли на самолетах отправляли раненых, письма, связных. Рейсы совершались с немалым риском: самолетам почти каждый раз приходилось преодолевать огневые барьеры.

Особенно много рейсов совершил летчик Тимофей Ковалев (сто шестьдесят пять рейсов в тыл врага, а всего шестьсот пятьдесят). Дважды вынужден был садиться на вражеский аэродром, но немцы не смогли его взять: он успевал вовремя поднять самолет.

Однажды произошел такой довольно забавный случай. Клава Крылова получила из дома письмо, в котором сообщалось, что ее мать тяжело больна. Девушка обратилась к Андрющенко с просьбой разрешить слетать на «большую землю», чтобы повидаться с матерью.

— Я не возражаю, — сказал Иван Федорович. — Кстати, будешь сопровождать одного раненого офицера: ты ведь у нас не только переводчица, но и неплохая медичка. Так что, как говорится, тебе и карты в руки.

— Спасибо, — Клава не находила слов, чтобы выразить свою благодарность. — Я ведь ненадолго... Скоро вернусь обратно...

— Ладно, ладно, — прервал ее Иван Федорович. — Действуй давай.

Но когда она пришла к Ковалеву, тот, выслушав ее, категорично заявил:

— Ничего не выйдет, дорогая. Самолет может взять только двух пассажиров. Третьего не положено. Ведь со мной еще летит связной.

— А как же раненый? — не отступала Клава. — За ним уход нужен...

— Сами справимся. Не впервой.

— Но мне надо... Понимаете, надо...

— Понимаю, — невозмутимо говорил летчик. — Но что я могу сделать? Самолет-то ведь не выдержит.

Тогда Клава решилась на чрезмерно опасный поступок. Когда Ковалев завел мотор, она, воспользовавшись темнотой, забралась на крыло самолета и стала ждать. Во время взлета проникла в самолет и устроилась вместе с раненым офицером и связным.

Ковалев узнал об этом только на полпути, когда сделал посадку в городе Кирове. Увидев Крылову, он с ужасом спросил:

— А каким образом вы очутились здесь?

Клава вскинула на него светлые глаза.

— Прилетела с вами...

— Но я же не брал вас.

— Я сама...

— Как это — сама? Не понимаю.

Клава, глядя прямо в глаза ему, рассказала, как села в самолет. Ковалев долго молча смотрел на девушку, потом проговорил:

— Однако вы смелая. Хвалю за это. Но ведь могло случиться такое, что...

— А вот и ничего не случилось.

Ковалев покачал головой, хмыкнул как-то неопределенно.

— Ну что ж, полетим дальше. Не оставлять же вас здесь.

Ковалев благополучно доставил своих пассажиров на аэродром 10-й армии.

С тех пор прошло 30 лет. Недавно я получил письмо от Клавиной тети, в котором она пишет: «Да, я убеждена и верю, что ползать по крылу летящего самолета, ездить на мотоцикле по дорогам с крутыми поворотами, скакать галопом на лошади было в характере, нашей Клавочки. Что касается ее любви к матери, то моя озорная племянница могла совершить ради нее любой подвиг так же, как во имя счастья Родины».

* * *

Штаб партизанского полка имени Сергея Лазо находился в селе Болоновец. Место было не совсем удобное: село часто подвергалось налетам немецкой авиации.

Поэтому генерал Белов выбрал место для своего штаба в лесу, между селами Болоновец и Старые Луки. Кстати, в этом лесу еще не так давно наши товарищи укрывали, а потом схоронили комбрига Шилина и лейтенанта Городецкого. Здесь же, в поселке, находилась база партизан. Одним словом, место во всех отношениях было удобным.

Павел Алексеевич вызвал к себе командира партизанского полка Казубского и комиссара Андрея. Они явились незамедлительно: любили порядок и дисциплину.

Казубский — невысокий, худой, с автоматом и маузером. Он лихо козырнул и начал было докладывать:

— Товарищ генерал, по вашему вызову...

— Не надо, — сказал Белов. — Прошу садиться.

Андрей — высокий, бравый, молодой, с живым блеском в глазах, в кожаном пальто, в фуражке пограничника — тоже поприветствовал генерала и сел.

У Белова присутствовали многие командиры частей. Был здесь и я. Меня, как и других, вызвали в срочном порядке.

Павел Алексеевич оглядел присутствующих.

— Ну что ж, товарищи, начнем наше короткое совещание. Товарищ Казубский, — он повернулся к командиру партизанского полка, — задача нашей группы остается прежней: будем прорываться к своим. Наши партизаны должны во всем способствовать этому. В частности, необходимо хорошо охранять наш тыл: там у нас много раненых, там наше продовольствие и боеприпасы. Вы отлично знаете, что это значит...

Казубский согласно кивнул головой.

— Будем делать все от нас зависящее, товарищ генерал. Не подведем.

— Я надеюсь на вас, — генерал провел ладонью по небритой щеке, потом погладил волосы. — В период нашего пребывания в тылу врага вы нам здорово помогали. Верю: ваша помощь будет ощутимой и теперь, в труднейшие для нас дни.

Павел Алексеевич сделал паузу. Все молча смотрели на него, ждали, что он скажет еще.

— Нам предстоит, товарищи, прорваться через Варшавское шоссе, — снова заговорил Белов. — Боевой порядок такой: будем двигаться двумя эшелонами. В первый войдут 211, 23 и 214-я воздушно-десантные бригады, 1-я гвардейская ка-

валерийская дивизия генерала Баранова. Во второй — 329-я стрелковая дивизия, 2-я кавалерийская дивизия, 8-я воздушно-десантная бригада и все остальные части.

Генерал показал схему боевого порядка группы. Соединений много, а людей в них осталось мало. Задача была ясна, поэтому никаких замечаний не последовало. Павел Алексеевич заключил:

— Учтите, товарищи, что задача, как и до этого, будет очень и очень нелегкой, полной опасностей, различных неожиданностей. Надо быть готовыми ко всему. Необходимо рассказать об этом всему личному составу. Скрывать предстоящие трудности не нужно. Люди должны знать, что их ожидает в пути. Ну а теперь, как говорят, по домам...

Днем занять боевой порядок не удалось: мешала вражеская авиация. Немецкие самолеты кружили над лесом, то и дело сбрасывали бомбы. Тяжелые удары сотрясали воздух, осколки «стригли» деревья, выворачивали их с корнями, ранили лошадей и людей.

С наступлением темноты мы двинулись в путь. Идти было исключительно трудно: накрапывал дождь, и дорога становилась скользкой, раскисала. Перешагивая через поваленные деревья, мы падали, проклинали всех чертей на свете.

Особенно трудно было Ермишкину. При падениях он зашибал рану и приглушенно вскрикивал, стонал.

— Терпи, Степан, — говорил ему Полулях, шагавший с ним рядом. — Утром отправим к медикам. Там полегчает.

Ермишкин не отвечал, только слышно было, как он тяжело дышал.

Вражеские самолеты всю ночь сопровождали нас, освещая лес ракетами, сбрасывая бомбы. Как они определили наши координаты — было непонятно. Возможно, у них были в лесу разведчики-наводчики с радиостанциями. Ночные бомбежки переносились особенно тяжело. Зловещий свет ракет ослеплял глаза, от разрывов бомб звенело в ушах.

Наконец начало светать. Дождь перестал, и восточный край неба кроваво заалел. Самолеты противника перестали нас преследовать. Бойцы облегченно вздохнули, многие задымили самодельными цигарками, жадно затягивались.

А Ермишкину стало совсем плохо. Бронебойщики Некрасов и Тимошин взяли его под руки. Степан потерял много крови, пошатывался, словно пьяный. Но все же шел, тяжело переставляя ноги.

— Давай нам свой автомат, — предложил Некрасов. — Все легче станет. — Ермишкин поднял на него мрачный взгляд:

— Оружие пусть при мне будет. К тому же и вам нелегко. Так что шагайте, друзья…

К утру всех сильно тянуло ко сну. Сделать бы сейчас привал и дать храпака. Но команды на отдых пока не было, и мы продолжали путь.

Лес опять наполнился птичьим гомоном. Все живое радовалось восходу, первым солнечным лучам, хлынувшим сквозь листву. На ветках, на травах алмазно сверкали капельки воды.

— Какая красота! — невольно вырвалось у комиссара Виноградова, идущего рядом со мною. — Смотрите, все вокруг светится, переливается, радует глаз. А как торжествуют птицы!

Когда начинал говорить Виноградов, солдаты, как обычно, обостряли слух, всем хотелось быть ближе к нему. Это я замечал всегда. И радовался: комиссар не даст унывать, сумеет в любых условиях расшевелить, развеселить солдат.

Говорил Виноградов с подъемом, с неподдельным волнением.

— Жаль, что такую прелесть поганят гитлеровские варвары. Смотрите, что они натворили только в этом лесу. Нельзя спокойно глядеть на подобные действия. Ответят нам фашисты за все свои злодеяния. Сейчас нам нелегко, но мы, товарищи, победим. Обязательно победим!

Он на ходу сорвал с ветки мокрый, сверкающий листок, повертел его в руке. Потом продолжал:

— Скоро мы выйдем к своим. Терпеть еще немного, от силы дней пять-шесть. Как никогда, теперь нужна выдержка, товарищи.

— Выдержим, товарищ комиссар, — заявил Ермишкин. — Говорю вполне, так сказать, ответственно. Я вот ранен, и то ничего, ковыляю потихоньку...

Я видел: комиссару и самому нелегко. Но он старался держаться так, чтобы бойцы могли брать с него пример. Это ему удавалось, и он радовался, находился в состоянии душевного подъема.

Бойцы, превозмогая усталость, с шутками и прибаутками упрямо шли вперед. Мы с Виноградовым подходили то к одной, то к другой группе. Наше появление вносило заметное оживление среди солдат. На лицах у многих начинали светиться улыбки.

Подошли к группе раненых. Больно было смотреть на них: все изнуренные, исхудалые, небритые. Однако держались молодцами. Никто не жаловался, не сетовал на трудности. Только некоторые, получившие более тяжелые ранения, тихо постанывали.

— Товарищи, — обратился я к ним, — мы знаем, что вам приходится труднее, чем здоровым. И вы это не хуже нас знаете. Но носы вешать не нужно...

— Товарищ командир, — заговорил один из раненых, — не надо нас успокаивать и уговаривать. Мы не маленькие дети. Отлично все понимаем. За нас не беспокойтесь: одолеем все трудности, все испытания. Будем идти и драться до последнего дыхания.

— Я не сомневаюсь в этом, дорогие друзья, — к горлу подступал тяжелый ком, и мне трудно было говорить. — Мы вместе с вами. В беде не оставим вас. Держитесь.

Ответственными за раненых назначили командиров взводов Чапаева и Федорова, а также военфельдшера Красникова. Они это восприняли как ответственное задание и делали все возможное, чтобы бойцы, получившие ранения, не отчаивались, а держались уверенно, верили в благополучный исход нашего похода.

Многие десантники дивизиона в эти невероятно трудные дни подавали заявления с просьбой принять их в ряды нашей партии. Их принимали, почти не задавая вопросов, не спрашивая биографий. Все они были перед нами как на ладони. Это

люди, для которых судьба Родины — их судьба. Голосуя за их прием в партию, мы знали, что они не подведут, будут достойными коммунистами.

Я смотрел на Полуляха, Чапаева, Некрасова, Кримача, Сергеева, Медяника, Липина и других и не узнавал их. Пришли они в дивизион робкими, стеснительными. Теперь же я видел перед собой закаленных, мужественных и выносливых воинов. В жестокой борьбе с врагом рано и быстро мужала их юность.

* * *

После небольшого привала дивизион продолжал движение на юг, к населенному пункту Шуя. С раненых сняли личные вещи и бросили их в озеро. Шли по воде, среди зарослей камыша, и сил расходовалось больше, чем во время ходьбы по ровной дороге. Почти все шатались от усталости.

Наконец болота и лес кончились, и колонна вышла к полю. Показались постройки Шуи. Там был враг.

Мы залегли и устремили взгляды вперед на асфальтированное Варшавское шоссе. По нему на восток двигались вражеские танки, броневики, автомашины, тягачи, мчались мотоциклы.

— Резервы тянут, — с горечью проговорил Виноградов. — Рвутся к Москве...

— Не прорвутся, — сказал я. — Кишка тонка. Не бывать фашистам в нашей столице. Никогда!

— И я так же думаю, командир, — комиссар не спускал глаз с шоссейной дороги, гудящей под колесами и гусеницами вражеских машин. — Обожгутся скоро...

Подразделения нашего дивизиона готовились к поддержке атаки. Ждали сигнала к наступлению и другие части бригады, а также кавалеристы Баранова и десантники Казанкина. В эти минуты все мы были в состоянии крайнего напряжения. Предстояла жестокая, кровавая схватка с врагом.

Шоссе оборонялось пехотой и танками противника.

Населенный пункт Шуя представлял собой сильно укрепленный участок, где были также сосредоточены немалые силы. За дорогой немцы расположили много артиллерийских орудий и минометов.

— Трудно будет прорываться, — после длительного молчания сказал Виноградов, глаза его воспаленно блестели: сказывались трудности рейда. — Но думаю, что прорвемся. Пробьем брешь...

— Пробьем, — с уверенностью ответил я. — Бойцы знают, что этот бой станет решающим в нашей судьбе. Поэтому они будут драться до последнего патрона, до последнего дыхания...

К исходу дня 16 июня самолеты нашей 215-й авиадивизии бомбили противника, занимавшего позиции в Шуе и ее окрестностях. Но бомбежка продолжалась недолго. Враг не был подавлен. Поэтому все войска группы Белова, в том числе и наш дивизион, были вынуждены прорываться только собственными силами.

Время тянулось медленно. Палило нещадно солнце, и трудно было дышать. Над нами, в бездонной синеве, заливались невидимые жаворонки. Изредка налетали

легкие порывы ветерка, и трава начинала колебаться. Хотелось пить, но воды поблизости не было.

Вдруг слева, у кустарников, поднялась автоматная трескотня: это, как мне стало известно потом, просочились вражеские разведчики, чтобы напасть на штаб нашей бригады. Дозорные бойцы были убиты. Немцы хотели взять в плен тяжело раненного начальника шифровального отделения лейтенанта Валентина Лисина, оказавшегося в это время в некотором отдалении от своих. Лисин понимал, что значит захват противником секретных документов.

— Помогите! — крикнул он, истекая кровью.

К нему бросился Иван Тихоненко. Добравшись до лейтенанта, склонился над ним:

— Сильно вас? Может, поползем? Я вам помогу...

— Не могу, Ваня...

Гитлеровцы поднялись и цепью побежали к ним. Тихоненко швырнул в их сторону гранату. Вверх взметнулся черный столб земли. Послышались стоны раненых.

— Ваня, бери документы и беги до штаба, — приказал Лисин. — Я буду тебя прикрывать...

— А как же вы?

— Иди, Ваня, — в голосе Лисина зазвучали металлические нотки. — Так надо... Возьми и партбилет мой...

Тихоненко, сильно пригнувшись, метнулся в сторону штаба. По нему гитлеровцы открыли бешеный огонь. К счастью, пули не задевали его, и он уходил все дальше.

Лисин тоже стрелял по немцам. А когда они поднялись снова, он бросил в них гранату. И снова — столб черной земли, вопли раненых...

Лейтенант держался до тех пор, пока имелись силы, пока видели глаза, пока были патроны. Но вот вражеская пуля снова обожгла его, и он прекратил сопротивление.

В это время к нему на помощь подоспели бойцы взвода разведки, однако было уже поздно: Лисин лежал мертвый.

Так геройски погиб молодой офицер-волжанин из Энгельса, прослуживший не более года в армии, чернобровый, статный красавец, которому надо было бы жить да жить, любить и самому быть любимым.

* * *

На рассвете следующего дня Баранов и Казанкин подняли своих воинов в атаку восточнее Шуи. Я тоже повел дивизион в наступление и вместе с десантниками Андрющенко совершили обход этого населенного пункта с юго-запада. Нам удалось захватить рощу у самого Варшавского шоссе и занять выгодные позиции.

По дороге шла колонна немецких автомашин. Я приказал открыть по ней огонь. Стреляли зажигательными пулями, и машины быстро вспыхивали. Вскоре образовалось на шоссе огромное скопище горящих машин. В дыму и огне гитлеровцы метались, как ошалелые, падали от наших пуль.

Батарея Полуляха вела огонь по Шуе из минометов. Вокруг стоял сплошной грохот от выстрелов и разрывов, стрельба шла и со стороны противника.

В это время послышались сильные взрывы: наши ребята взорвали столбы электрических и телеграфных линий. Отход подрывников нам пришлось прикрывать огнем из автоматов и пулеметов. А Сергеев со своими разведчиками Быковым и Максимовым побежал навстречу Ермишкину, руководившему бойцами-подрывниками. Степана не хотели посылать на выполнение этого задания, но он проявил такую настойчивость, что мы с Виноградовым уступили ему. Он заверил нас, что раны у него не опасные и они не помешают ему.

Сергеев помахал Степану рукой. Ермишкин бежал, неся остатки бикфордова шнура и горсточку запалов. От шоссе снова донеслись взрывы.

Ермишкин свернул в лощину и рухнул на траву. К нему подбежали Сергеев, Быков и Максимов.

— Степа, как ты? — склонившись над ним, Сергеев тронул его за плечо. — Живой?

— Живой, братцы...

Разведчики помогли Ермишкину добраться до нас. Пересиливая боль, он доложил мне:

— Намеченные вами объекты взорваны... Взвод готов к новому заданию...

Я обнял его и поцеловал. Потом объявил благодарность.

— Служу Советскому Союзу! — Ермишкин старался, как обычно при подобных случаях, вытянуться, но это ему явно не удавалось.

Заведующий делопроизводством лейтенант Леонид Маркович Форино перевязал ему ноги чистым бинтом.

— Теперь будет лучше, — сказал он. — Еще потопаешь...

— Спасибо, Леня.

В полевой сумке у меня, как неприкосновенный запас, было два сухаря. Отдал их Ермишкину. Он слабо улыбнулся.

— Себя обижаете, товарищ командир, — протянул мне один сухарь обратно. — Поберегите для другого случая...

Стрельба прекратилась. Наступило временное затишье. Бойцы обрадовались покою. Лежа на траве, они смотрели на синее небо, и нервное напряжение постепенно спадало.

Ермишкин, подложив под голову вещмешок, молча слушал знакомые с раннего детства лесные звуки. Он прикрыл глаза и, казалось, спал.

— Прямо в душу льется серебряная звень, — ни к кому не обращаясь, тихо проговорил он, по его лицу блуждала смутная улыбка. — Как я люблю эти трели!.. Век бы слушал...

Ермишкин до войны работал шофером, и ему часто приходилось бывать в поле: вывозил с тока зерно, доставлял механизаторам горючее, семена. С полевыми просторами связана была вся его жизнь. И теперь, слушая льющиеся серебряные звуки, Степан прямо-таки блаженствовал. Даже боль в ноге, видимо, успокоилась, и он лежал спокойно, как человек совершенно здоровый.

А неподалеку, на дороге, продолжали пылать вражеские машины. Поднялся ветер, и потянуло удушливым дымом, бензинной гарью.

* * *

Мы собрали бойцов и открыли что-то вроде собрания. Вопрос стоял один: о предстоящем прорыве вражеской обороны. Не всем десантникам и кавалеристам сразу, после первого удара, удалось прорваться через Варшавское шоссе. Значительная часть наших воинов поднималась в атаку по нескольку раз, но — безрезультатно. Встречаемые сильным вражеским огнем, бойцы вынуждены были отходить обратно.

Перед собравшимися выступил комиссар Виноградов:

— Товарищи, нам предстоит преодолеть трудный рубеж. Теперь мы почти у цели. Еще одно усилие, и враг не выдержит, путь будет открыт. Так давайте поднатужимся, сделаем решительный бросок и переломаем гитлеровцам кости. Прошедшие бои показали, что фрицы не так уж страшны, как это сначала казалось. Они боятся нас, не выдерживают наших атак. Поэтому нам надо проявлять еще больше смелости и упорства...

Бойцы сидели на траве и молча слушали. У всех лица были суровыми, глаза выражали готовность немедленно подняться и снова ринуться на врага. Я смотрел на воинов, и мое сердце наполнялось чувством любви к этим давно не бритым, измотавшимся в боях и походах людям. Какие орлы! Не согнуть, не сломить их ничем. В любую минуту пойдут на выполнение любой боевой задачи, во имя своей Родины готовы отдать свою жизнь.

Слово взял Полулях. Он окинул присутствующих взглядом слегка прищуренных глаз, сильным, звенящим, как металл, голосом заговорил:

— На долю нашего дивизиона выпали трудные испытания. Мы выдержали их. Мы с честью оправдали доверие нашего командования. В боях с гитлеровцами бойцы подразделений дивизиона показали образцы мужества и бесстрашия, беспредельной преданности и любви к Родине. Я уверен, что и впредь они не подкачают, будут бить проклятых оккупантов так же беспощадно и сурово. От имени батареи минометчиков заявляю: прорвем оборону противника! Так я говорю, товарищи?

— Так, товарищ лейтенант! — сразу раздалось несколько голосов. — Минометчики будут на высоте!.. Угостим фрицев на славу!

Потом выступил я. Бойцы снова притихли, стараясь не пропустить ни одного слова. Я тоже говорил о тех подвигах, которые были совершены бойцами дивизиона в жестоких схватках с противником, о трудностях, преодоленных нами во время рейда. Потом перешел к разговору о предстоящих задачах.

— Как только прорвемся через Варшавское шоссе, — говорил я, — немедленно двинемся дальше. Мы должны выйти к рубежам, занимаемым нашей 10-й армией. Преодоление этого пути потребует, разумеется, немалых усилий. Противник оказывает зверское сопротивление. Больше того, он стремится во что бы то ни стало уменьшить кольцо окружения и уничтожить нас. Но не бывать этому! Нам стало известно, товарищи, что и там, за линией фронта, ведется большая подготовительная работа по осуществлению нашего прорыва. Особенно серьезную помощь окажет нам артиллерия. Она будет прорывать коридор для нас перед позициями 326-й стрелковой дивизии, которая была сформирована в Мордовии в

грозном сорок первом году. Кстати, скажу, что основную часть личного состава этого соединения составляют мои земляки. Так что для меня предстоит приятная встреча.

На лицах бойцов стали появляться улыбки. Все радовались за меня. И я проникался к ним еще большими симпатиями. Закончил выступление такими словами:

— Дорогие друзья! Мы скоро снова поднимемся в бой. Я призываю всех вас провести его так, чтобы немцам тошно стало на вашем участке. Помните, что от вас, от ваших действий будет зависеть очень многое. Я верю, что вы будете достойными воинами...

Собрание закончилось. Я подал команду:

— Теперь, товарищи, все по местам. Ждите сигнала к атаке. Желаю всем бодрости духа.

В роще было тихо. Даже листва на ветках не колебалась. Деревца стояли в дремотном покое. От этой тишины щемило душу...

* * *

Заработали наши минометы. Открыли стрельбу артиллерийские подразделения частей Белова и Казанкина. На вражеские позиции снова обрушилась лавина огня. Густо рвались снаряды и мины. Над шоссейной дорогой, над всей окрестностью поднялся грохот, нависли клубы черного дыма.

После артподготовки была подана команда к атаке. Мы с Виноградовым тоже поднялись и повели бойцов вперед. Воздух прошивали вражеские пули и осколки снарядов, рвущихся неподалеку от бегущих солдат. Некоторые бойцы падали и больше уже не поднимались.

Слева, из-за бугра, неожиданно заговорил вражеский пулемет. Мы вынуждены были залечь.

— Вот черт, — выругался Виноградов. — Так некстати...

К нему подполз разведчик Быков. По его лицу текли струйки грязного пота. Он тяжело дышал. Глаза горели решимостью.

— Товарищ комиссар, — заговорил он, — разрешите мне прихлопнуть фрицевский пулемет...

— Опасно...

— Ничего. Я мигом...

Виноградов некоторое время молча смотрел на бойца. Потом, откинув со лба взмокшую прядь волос, посмотрел туда, откуда вел огонь вражеский пулемет, медленно проговорил:

— Действуй, Быков. Только прошу: будь осторожней.

— Не беспокойтесь, товарищ комиссар. Все будет в ажуре.

Я слышал этот разговор и про себя думал: «Вот какие наши бойцы! Сами идут на страшный риск. Они знают, во имя какой цели рискуют. Как не гордиться такими воинами!».

Быков пополз по ложбинке в сторону вражеского пулемета. Мы с замиранием сердца следили за его продвижением. Удастся ли добраться? Немцы могут заметить его и накрыть огнем из орудий. Что тогда?

Расстояние между Быковым и вражеским пулеметом быстро сокращалось. Еще немного, и задуманное может осуществиться. Но в это время гитлеровец заметил пробирающегося к нему бойца и направил на него свой пулемет. Пули со свистом пронеслись над головой, взвихрили позади землю.

Быков пригнулся, затем рывком приподнялся и швырнул подряд две гранаты. Там, где находился пулемет, взметнулся фонтан земли и черного дыма, вспыхнуло пламя. И — все. Огневая точка противника была уничтожена.

Я вскочил и громким голосом крикнул:

— Вперед, товарищи! За мной!..

Атака возобновилась. Ведя огонь на ходу, бойцы стремительно приближались к шоссе. Вот некоторые из них уже выскочили на дорогу, перебежали и продолжали продвигаться дальше.

— Все идет как по нотам, — очутившись со мною рядом, проговорил начальник штаба дивизиона. Он бежал быстро, и я еле успевал за ним. — Теперь уже не остановить нас немцам. Дудки! Прорвемся!

Не отставал от нас и Виноградов. Стреляя из автомата, он то и дело приговаривал:

— Вот так вас надо, фрицы! Получайте свое! Угощайтесь, пока мы щедрые!

Мы тоже пересекли шоссе и оказались на той стороне. Наступление продолжалось.

За кустами, в ложбине, залегла довольно большая группа немцев и открыла по нам ружейно-пулеметный огонь. Нам снова пришлось залечь. Лезть на рожон было бессмысленно.

Полулях открыл стрельбу по этой группе из минометов. Немцы частью были уничтожены, только немногим удалось убежать. Мы вскочили и опять побежали вперед.

* * *

После боя под Шуей участники рейда разделились на две основные колонны. Первым маршрутом Белов повел части на населенные пункты Трояново, Буда, Снопоть, Гобики. По второму маршруту двинулись части под командованием Казанкина и Баранова. Они пошли южнее группы Белова. Впереди ожидали нас, пожалуй, самые серьезные трудности.

Наш дивизион пошел с первой колонной. В Троянове мы подверглись налету вражеской авиации. На улицах села нам неоднократно приходилось рассредоточиваться. Бойцы вели по самолетам огонь из всех видов оружия.

Бомбы сотрясали землю. Несколько домов загорелось. Прошло еще немного, и село охватило пламенем и дымом. Деревянные домики вспыхивали, как костры.

— Вот горе людям, — с болью в душе проговорил лежавший рядом со мной около одного из домов Степан Ермишкин, его глаза были полны невыразимой печали. — За что только страдают? В чем они повинны? Люди мирно жили и работали, и вот — на тебе...

Я смотрел на него и молчал. А что я мог сказать, чем мог утешить? У меня у самого на душе кошки скребли.

— Война, Степан, — я посмотрел на загорелые руки Ермишкина, крепко стиснувшие автомат. — Будь она неладна...

Когда немецкие самолеты отбомбились и улетели, наша колонна пошла в сторону брянского леса. Во время перехода через железную дорогу на участке между станциями Гобики и Рославль мы попали под сильный огонь противника.

Андрющенко выставил заслон, состоящий из стрелков-парашютистов. Заградительный огонь, открытый нашими бойцами, остановил продвижение немцев, и мы продолжали свой поход в сторону Снопоти.

И здесь я был свидетелем еще одного незабываемого подвига, совершенного Степаном Ермишкиным и Николаем Сергеевым.

Когда наша колонна вышла из зоны обстрела и была уже в безопасности, мы увидели стоящий на станции Гобики товарный поезд. Надо задержать его. Но как?

— Разрешите решить эту задачу нам, — обратились ко мне Ермишкин и Сергеев. — Мы мигом справимся, товарищ командир...

Дело было рискованное. Справятся ли с ним два человека? Однако раздумывать было некогда, и я сказал:

— Действуйте, товарищи.

Станция охранялась солдатами противника. Подступы к ней хорошо просматривались, поэтому проникнуть незамеченными до цели было очень трудно. Это отлично понимали Ермишкин и Сергеев. Но они все же решили рискнуть.

Взяв с собой взрывчатку, Степан и Николай поползли к станции. Продвигались они по канавам и ложбинам, соблюдая исключительную осторожность. Время тянулось так медленно, что от напряженного ожидания начало звенеть в ушах.

Я посмотрел на Виноградова — он пристально, не отводя глаз, наблюдал за всем, что делалось на станции.

Немецкие солдаты, видимо, не знали, что мы находимся близко от них, и вели себя непринужденно, без какого- либо беспокойства.

— Как думаешь, комиссар, — обратился я к Виноградову, — не влипнут наши ребята?

Виноградов ответил не сразу. Видно было, что этот вопрос беспокоил его не меньше, чем меня. Не меняя позы, наконец он сказал:

— Всякое, конечно, может случиться. Не в гости к родственничкам направились. Но думаю, что все обойдется благополучно.

И верно: вскоре в расположении станции раздались сильные взрывы. В воздух взлетел паровоз, взорвана была и железная дорога. Не прошло после этого и десяти минут, как среди нас появились невредимые Ермишкин и Сергеев. Десантники окружили их, стали качать.

Наша колонна продолжала двигаться к брянскому лесу. Как и раньше, идти было тяжело. Не хватало питания, на исходе были боеприпасы. Противник мог в каждую минуту встретить нас губительным огнем. Дорога казалась бесконечной. Над нами то и дело появлялись вражеские самолеты.

Но вот в конце концов мы вступили в брянский лес, где советские люди вели мужественную и упорную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Тихо и таинственно шумели вокруг огромные деревья, надежно укрывая народных мстителей. В лесу было прохладно и сыро. То тут, то там попадались лесные ягоды, и бойцы с наслаждением лакомились ими.

Впереди показались люди. Это были партизаны соединения, которым командовал майор Алексей Николаевич Галюга. Встреча с ними была исключительно сердечной. Партизаны с гордостью рассказывали о своем бесстрашном и мужественном командире, сумевшем за короткое время из небольшого отряда организовать целую дивизию под названием «За Родину». Эта дивизия действовала в северной части Брянской области.

Партизаны пригласили нас в «столицу» своего района, которую они оборонял. Мы шли по болотам и темному лесу часа два и вскоре вышли на большую поляну, ярко освещенную лучами июньского солнца. Здесь, на пригорке, в два ряда стояли деревянные домики, крытые тесом. Это — деревня Марьинка. Она и была «столицей» партизан майора Галюги.

В деревне я увидел охрану, состоящую из партизан. Она размещалась на окраинах населенного пункта. На крышах домов находились зенитные пулеметы, готовые в любую минуту открыть огонь по вражеским самолетам. По улице свободно расхаживали куры, свиньи и овцы. На огородах можно было встретить и коров. Партизанские семьи делали все возможное, чтобы жизнь в селе продолжалась, чтобы постоянно снабжать дивизию Галюги продуктами питания, одеждой и обувью.

За год войны немцы много раз пытались захватить Марьинку, но при каждой попытке они откатывались назад, не добиваясь никаких результатов, оставляя лишь на поле боя десятки и сотни своих солдат и офицеров.

Нас всех восхищало то, что гитлеровцы, имея в своем распоряжении танки, самолеты, орудия и минометы, не могут сломить упорство советских людей, превративших в брянских лесах вот такие Марьинки в неприступные крепости. Да, их нельзя было победить. Люди знали, за что боролись, за что терпели неслыханные лишения.

Очень хотелось нам посмотреть на самого Галюгу. Каков он, этот человек, о котором идет добрая слава по всем брянским лесам? С нетерпением ждал его и генерал Белов, который находился вместе с нами. Он спросил одного из помощников Галюги:

— Где же ваш командир?

— Поехал в подразделения, — ответил тот. — Потом посетит соседнюю партизанскую бригаду в Рогнедино. Скоро вернется, товарищ генерал.

Наконец появился всадник на вороном коне в сопровождении конных партизан. Раздались голоса: Галюга едет!

Алексей Николаевич держался на коне красиво, как настоящий, хорошо обученный всадник. Одет он был в потертую армейскую гимнастерку, на голове была зеленая военная фуражка. Над большими черными глазами темнели густые брови, из-под

фуражки выбивался темно-русый чуб. Галюга легко соскочил с коня и подошел к нам размашистой походкой. Во взгляде вспыхнула добродушная, веселая улыбка.

— Здравствуйте, боевые друзья кавалеристы и парашютисты! — поприветствовал он нас. — Милости просим к нашим владениям. Много слышал о вашем рейде и ждал вас. Братцы-партизаны, — обратился он к своим бойцам, — угостите гостей всем, чем богаты.

Партизаны словно дожидались этой команды. Они начали потчевать нас печеной картошкой. Ох и вкусна же казалась она нам после утомительного похода! Мы ели ее в самом деле с волчьим аппетитом.

Белов и Галюга пошли в дом, где располагался штаб партизанской дивизии, чтобы обсудить вопросы предстоящего прорыва обороны врага.

Подготовкой к нашему прорыву занимались и за линией фронта. В своей книге «Под грохот канонады» впоследствии генерал-лейтенант Г. Д. Пласков так описал эту работу: «Большой экзамен мы выдержали в июне 1942 г. На заседании военного совета 10-й армии сообщили о новой задаче — помочь группе генерала П. А. Белова перейти линию фронта»[6].

Военный совет принял решение произвести разведку места прорыва, северо-западнее Кирова, с участием артиллеристов и инженеров. Данные были тщательно изучены, взвешены все сложившиеся обстоятельства. Артиллерия армии получила приказ: в условленное время открыть мощный, массированный огонь из всех видов орудий с тем, чтобы пробить в боевых порядках противника коридор в 700 — 800 метров шириной и уничтожить в этой полосе все огневые средства. Об этом нам рассказали партизаны, которые работали в штабе. Эти вести нас, разумеется, сильно радовали. Еще бы: скоро-скоро мы должны быть за линией фронта, там, где ждут нас бойцы действующей армии. Мы понимали, что прорыв сделать будет нелегко, но все с нетерпением ждали момента, когда наконец поступит команда к атаке...

Прорыв был намечен на 24 июня 1942 г. Главный огневой удар должны были нанести 761, 486 и 1 091-й артполки усиления. Артиллерии 326-й стрелковой дивизии и штатному ее артполку под командованием Г. А. Худолеева предстояло обеспечивать фланги.

«При подготовке к прорыву, — пишет в своей книге Г. Д. Пласков, — большую энергию проявил начальник разведки артиллерии армии К. Н. Печерин (ныне генерал-майор). Наши выводы проверил на местности член военного совета Сергей Константинович Кожевников и одобрил выбор местности. Командующий армией В. С. Попов разрешил не жалеть снарядов...»[7].

Серьезно готовились к атаке и мы сами, десантники и кавалеристы. Все участники рейда сосредоточивали свои силы, чтобы в ответственный момент смело и решительно вступить в бой, успешно завершить его.

В подразделениях проводились беседы, посвященные предстоящему прорыву. Перед бойцами выступали политработники, комсорги, командиры. Особенно актив-

---

[6] **Пласков Г. Д.** Под грохот канонады. М., 1969. С. 229.

[7] Там же.

ную деятельность в это время проявлял комиссар Виноградов. Он постоянно находился среди бойцов, своими разговорами поднимал боевой дух у них, устраивал коллективные читки газет, доставляемых в тыл противника нашими самолетами.

Под вечер, когда солнце уже скрывалось за лесным массивом, ко мне подошел лейтенант Полулях. Он был сосредоточен, собран, в глазах у него горел огонек нетерпения. Я понимал его состояние. Положив ему на плечо руку, спросил:

— Волнуешься?

— Волнуюсь, товарищ командир...

— Как батарея?

— К бою готова. Правда, мин у нас маловато...

Я знал об этом, но утешить его мне было нечем. Где я мог достать боеприпасы?

До нас доносились отдаленные выстрелы орудий.

— Это наши, — после некоторой паузы проговорил Полулях, и лицо его заметно просветлело. — Действует армия...

— Плохо, что у нас нет связи с 326-й стрелковой дивизией, — сказал я. — Ведь прорыв намечается на участке, где находятся позиции частей этого соединения.

— Но, видимо, связь наладится, — вставил Полулях. — А без нее туго придется. Можно угодить под огонь своих орудий...

— Я тоже так думаю.

Сумерки сгущались. На небе одна за другой зажигались трепетные звезды. Их сияние почему-то особенно чувствительно трогало сердце, невольно настраивало на раздумья. Что готовит нам предстоящий бой?..

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Мы развернулись в цепь и залегли в просеке, перед обороной противника. Над нами тихо шумели кроны высоких сосен. То и дело, сверля воздух, со свистом пролетали пули: немцы стреляли из автоматов и пулеметов.

Поднялся ветер, и на небе появились облака. Постепенно они заволокли все небо, спрятали звезды и бледно-желтую луну. В лесу стало темно и глухо, словно в погребе. Немцы стрельбу прекратили, притаились. Не вели огня и мы. Стрелять нам нужно было только при крайней необходимости. И правильно. Зачем зря терять боеприпасы?

Томительными казались минуты ожидания. Лежали молча, не делая ни одного лишнего движения. Мы должны были подняться неожиданно для немцев, ринуться на их позиции, как жарким летом снег на голову. От этого во многом будет зависеть успех нашей атаки.

Рядом со мною с одной стороны лежал Степан Ермишкин, с другой — Николай Сергеев. Поблизости же находились и другие десантники. Бойцам хотелось курить, но делать этого было нельзя: неосторожность могла обнаружить нас и привести к печальным последствиям.

Над вершинами сосен, в просветах туч, изредка выплывала луна, на минуту освещая слабым светом окрестность. А когда она пряталась, в лесу становилось еще темнее.

— Как, Степан, раны сильно беспокоят? — обратился я к Ермишкину. — Может, перевязку сделать?

— Терплю, товарищ командир, — тихо проговорил он. — Сейчас не до перевязки. Вот уж будем у своих, тогда можно будет.

Меня всегда располагал к себе своей выносливостью, многотерпением этот настоящий советский воин. Он никогда не сетовал на тяготы и лишения, которые приходилось преодолевать на нашем пути, полном смертельных опасностей, постоянного риска. Я понимал, что ему очень трудно сейчас, но он об этом не говорит, перед своими бойцами держится мужественно.

Под стать ему был и Николай Сергеев — немногословный, но исключительно деловой, дисциплинированный, в любую минуту готовый пойти на выполнение любого, самого опасного задания. За время пребывания в тылу противника он не раз проявлял храбрость и бесстрашие, отправлялся в разведку и доставлял ценные сведения о враге. Мне было, разумеется, приятно находиться вместе с такими отважными людьми.

В эти тревожные часы у меня не выпадало ни одной свободной минуты: надо было тщательно определить боеготовность дивизиона, следить за тем, чтобы не прерывалась связь с вышестоящим начальством, решать вопрос о том, как быть во время прорыва с ранеными. Одним словом, командир есть командир: ему положено заботиться не только о себе, но и о людях, которые ему подчинены, которые доверили ему свои судьбы, свои жизни.

Белов в это время получил новое назначение и по приказу Г. К. Жукова срочно улетел от нас в Калугу, поэтому общее руководство прорывом было возложено на генерала Казанкина. Несмотря на серьезное ранение, Александр Федорович оставался у дела, делал все возможное, чтобы мы успешно завершили последний бой по преодолению вражеской обороны. Он неожиданно появлялся в подразделениях, выявлял наши недочеты, давал указания по их устранению. Делалось это им без лишнего шума, нервозности, с отеческим добродушием. Как довольны были командиры его отношением к ним!

Обстановка была исключительно сложной и трудной. Лично у меня не было полных и достоверных сведений о противнике. Я знал только, что перед нашим дивизионом есть прочная вражеская оборона, есть дзоты и минированные участки.

Вечером 23 июня мы вплотную подошли к первой полосе обороны противника. Однако какое строение и глубина ее — мы не знали, к сожалению. И я решил поговорить с генералом Казанкиным. Он сказал:

— Ведите разведку. Пошлите за сведениями о противнике смелых товарищей. Да немедленно. Времени у нас очень мало. Как вы там чувствуете себя?

Я ответил, что настроение у всех воинов дивизиона хорошее, что все десантники готовы к броску. Александр Федорович в заключение посоветовал:

— Берегите людей. Без нужды не лезьте на рожон. Помните, что разумность — залог успеха. Глубина обороны противника на вашем участке равняется примерно шести километрам. Так что предстоит преодолеть немало трудных барьеров. Желаю вам удачи, Миронов!

Я от души поблагодарил генерала и заверил его:

— Будем драться по-настоящему. За нас не беспокойтесь.

В разведку я послал отделение Николая Сергеева. Он, как всегда, внимательно меня выслушал, потом вместе со своими солдатами скрылся между деревьями в лесной темноте. Отсутствовал он довольно долго. Вернулся только почти перед самой атакой. Задыхаясь, доложил:

— Фашисты прорубили полосу, чтобы удобнее было вести огонь по нам. На этом участке у них много окопано минометов и пулеметов. Почти на каждом шагу... На кустах понавешаны противопехотные мины. Они вроде консервных банок. Так что нужна осторожность... В глубине леса возвышаются какие-то земляные кучи. По-моему, это дзоты...

Все эти сведения очень пригодились нам. Я немедленно довел их до командиров подразделений, а те в свою очередь — до каждого бойца.

Андрющенко отвел для нашего дивизиона полосу для наступления в центре боевых порядков бригады. Это налагало на нас особую ответственность. Надо было во что бы то ни стало оправдать доверие командования.

Вполголоса передаются команды Казанкина. Генерал приказал вывести бойцов в исходное положение. Наконец-то...

Мы осторожно начали продвигаться вперед. Вскоре в наших боевых порядках появился и сам Казанкин.

— И я пойду с вами в атаку, — сказал он приглушенным голосом и крепко стиснул мне руку. — Возьмете?

Было приятно, что генерал в такой сложной обстановке держится просто и свободно, разговаривает даже в полушутливом тоне. Это подбадривало как командиров, так и бойцов.

— Мы, конечно, не против, товарищ генерал, — проговорил я. — Но...

— Договаривайте.

— Генералам вроде не положено в атаку ходить...

Александр Федорович тяжело вздохнул. Потом заключил:

— Ситуация в данном случае такова, Миронов, что это уставное положение того... Уставом всего не предусмотришь. Вот так-то, дорогой. Мое присутствие, думаю, не будет слишком обременять вас? Как вы полагаете? Враг ведь кругом.

— Нет, разумеется. Напротив...

— Вот и хорошо. Вместе будет веселее.

Над лесом то и дело вспыхивали осветительные ракеты. Взвиваясь высоко в небо, они на некоторое время мертвенно-бледным светом заливали окрестность. Изредка раздавались одиночные выстрелы тяжелых орудий, начинали стучать крупнокалиберные пулеметы, вспыхивали автоматные очереди. В небе гудели моторы самолетов.

Светло. Но в лесу было по-прежнему темно. Здесь даже в дневное время царит полумрак. Где-то поблизости, в кустах, заливисто защелкал соловей. Он выдавал такие трели, что от нахлынувшего волнения захватывало дух. Эти чарующие звуки, издаваемые птичкой-невеличкой, казалось, были сильнее всего грохота войны.

После непродолжительного молчания Казанкин заговорил снова:

— Скоро должна начаться артподготовка. Командование 10-й армии на этом участке сосредоточило большое количество орудий. Коридор для прорыва, я думаю, будет обеспечен.

— Тяжело ждать, — сказал я. — Быстрее бы началось...

— Я вас понимаю. Но надо иметь терпение.

В это время раздались первые залпы батарей тяжелых орудий. За ними последовали другие, еще более мощные и сокрушительные. Выстрелы, разрывы снарядов и мин, пулеметная трескотня, автоматные очереди — все это сливалось в один сплошной гул и грохотом наполняло окрестность. От ярких, ослепительных огненных вспышек делалось как-то жутковато на душе.

Смолкла песня соловья. Только в ушах все еще слышались звуки чарующей мелодии. Но длилось это совсем недолго. Поднявшийся грохот вскоре заполнил весь окружающий мир, и, думалось, от него вот-вот лопнут ушные перепонки.

Снаряды падали в расположении обороны противника, совсем неподалеку от нас. Огонь наших артиллеристов был довольно метким и эффективным. Это нас, конечно, радовало, поднимало настроение.

Когда артналет закончился, была подана команда «в атаку!». Мы поднялись с позиции и устремились вперед, к позициям противника. Немцы открыли огонь из пушек и минометов, подняли ружейно-пулеметную пальбу. Разрывы снарядов и мин были оглушительными, они содрогали землю и воздух. Осколки и пули со свистом проносились между деревьями.

Кто-то все-таки наскочил на противотанковую мину: раздался взрыв, совсем рядом я услышал тяжкий стон. Осколком снаряда или мины меня стукнуло по затылку, и я почувствовал, как по шее, за ворот потекла кровь — теплая, липкая. Но, не сказав об этом никому, продолжал по-прежнему бежать вперед.

Поблизости от меня бежали Виноградов, генерал Казанкин, Ермишкин и Сергеев. Немцы шарили по лесу прожекторами, и нам приходилось прятаться за деревья.

Я заметил, как слегка споткнулся Казанкин, невольно схватился за ногу. Мигом очутился рядом с ним.

— Что, зацепило, товарищ генерал?

— Пустяки, — он выпрямился, проговорил: — Начало неплохое. Двинулись дальше, Миронов. Наседать еще стремительнее...

Мы побежали снова. При свете прожекторов видно было, как среди деревьев мелькали тени бойцов с винтовками и автоматами в руках. Немцы хлестали разрывными пулями. Вокруг стоял сильный треск, темноту разрывали яркие вспышки.

Выскочили на просеку, проложенную недавно немцами, и оказались совсем рядом с траншеями противника. На нас хлынул ослепительный свет прожектора.

— Ложись! — скомандовал Казанкин, голос его зазвучал сильно и повелительно. — Продвигаться ползком.

Прячась за пни, двигаясь по-пластунски, мы шли на сближение с врагом. Огонь со стороны гитлеровцев усиливался, они стреляли из всех видов оружия.

Но вот мы заметили дзот, из амбразуры которого потоком шел свет прожектора. Из другой амбразуры торчал ствол пушки — длинный, то и дело изрыгающий огонь.

— Сейчас сковырнем глаз этому чудовищу, — сказал Ермишкин и решительно пополз в сторону дзота.

Вскоре он наткнулся на сетку из колючей проволоки; приподняв ее стволом автомата, Степан преодолел препятствие и швырнул в амбразуру гранату. Свет сразу погас. Однако пушка продолжала вести огонь. Она начала бить по соседнему дзоту, у которого уже находились десантники во главе с Сергеевым. Бойцы залегли и ждали удобного момента, чтобы снова ринуться вперед.

Степан сделал еще несколько шагов в сторону стреляющего из дзота орудия и швырнул вторую гранату. Орудие замолкло.

— Ловко действует! — не удержался от похвалы Виноградов. — Молодец, Ермишкин!

— Прорвемся — представите к награде, — обращаясь ко мне, сказал Казанкин. — Такие подвиги нельзя без внимания оставлять.

— Ясно, товарищ генерал, — мне было очень приятно слышать о своем подчиненном лестные слова. — Представим обязательно. И не только одного...

— Да, все ваши бойцы достойны самых высоких наград.

Грохот и треск заглушали слова, и мы прекратили разговор. Казанкин пополз к залегшим неподалеку бойцам. Видимо, решил выяснить причину задержки. Вот неутомимый! Это — настоящий командир! Ему, казалось, вообще неведом страх.

Наконец стрельба начала стихать. Я и Виноградов, угодив в большую воронку от авиабомбы, прислушались. Перед нами в нескольких шагах находился вражеский дзот. Он молчал. Вот скрипнула его дверь, и мы увидели трех немцев, вышедших из дзота. Они оглянулись вокруг и, пригибаясь, побежали в глубину леса. Мы дали по ним очередь из автоматов. Потом, выскочив из воронки, проникли во вражеский дзот. Я посветил карманным фонариком. На столе валялись остатки еды: куски хлеба, галеты, консервные банки, котелок с гороховой кашей.

— Надо кое-что захватить, — подходя к столу, сказал Виноградов. — Незачем добру пропадать...

Он положил в карман несколько галет, в другой сунул непочатую консервную банку. Я последовал его примеру. Ничего не поделаешь: проголодаешься — и этим трофеям будешь рад. Трудно приходится, когда кишка кишке кукиш кажет.

На нарах лежала новенькая офицерская шинель. Степан Ермишкин, вскоре вошедший за нами в дзот, стал примеривать ее.

— Снимай ты эту дрянь, — не выдержал я. — Не погань себя.

— Да я так, — улыбнулся Ермишкин. — Для интереса. Не буду же надевать фрицевские доспехи.

— Смотри, — пригрозил я. — А то в темноте могут быть неприятности. Увидят тебя бойцы в ней и того... шлепнут.

Мы вышли на волю. Наступление продолжалось. Немцы были вышиблены из первых траншей. Сильно укрепленная позиция противника оказалась в наших руках.

Восточный край неба становился все светлее и светлее. Небо очищалось от облаков, исчезали ночные тени вокруг. А над землей, над притихшими кустами, среди израненных осколками и пулями деревьев витал пороховой дым — прогорк-

лый, тошнотворный. То тут, то там начали проступать из темноты трупы вражеских солдат и офицеров.

— Поколотили фрицев изрядно, — ни к кому не обращаясь, проговорил Ермишкин. — Что ж, правильно. Так надо...

Немцы снова обрушили на нас лавину огня. Заработали их тяжелые минометы, и мы вынуждены были залечь. Падая поблизости, мины лопались с надсадным треском, осколки с шуршанием пронизывали воздух, впивались в стволы деревьев.

Казанкин подполз ко мне и, тяжело дыша, сказал:

— Надо сделать новый рывок вперед, чтобы выйти из зоны обстрела. Иначе нас могут здесь крепко пошерстить. Понимаете, Миронов?

— Так точно, товарищ генерал.

— Действуйте.

— Есть действовать!

Я подал команду:

— Товарищи, вперед!

Бойцы только было подняли головы, как по ним косо ударил вражеский пулемет. Свинцовый ливень был настолько плотным и губительным, что десантники вынуждены были остаться на местах. Надо было подавить огневую точку противника. Но как? До него трудно добраться: местность открытая, немец в момент накроет.

И вот в это время, без чьего-либо приказа, к вражескому пулемету пополз боец Хлюпик. Тот самый боец, который всегда старался быть неприметным, держался как-то стеснительно, никогда не проявлял особой расторопности. Полз он, прижимаясь к земле, в обеих руках держа по гранате. Когда до пулемета осталось несколько метров, боец вскочил и бросил гранаты. Два черных столба, один за другим, взметнулись вверх. Пулемет заглох. Но рухнул и Хлюпик. Когда бойцы подбежали к нему, он приподнялся на локтях, на минутку открыл глаза, с клокотаньем в горле выдавил:

— Все, ребя... Прощайте... Отвоевался...

И больше — ни слова. У меня запершило в горле. Как было жаль парня! Такой молодой и — на тебе.

Задерживаться было нельзя. Мы, стреляя на ходу из автоматов, часто пуская в ход гранаты, продолжали двигаться вперед. То тут, то там среди наступающих солдат мелькала коренастая фигура генерала Казанкина.

Добежав до бугорка, где только что были немцы, я увидел, как неподалеку от меня, широко взмахнув руками, закачался на одном месте врач медпункта бригады Фрейдин М. И. Его поддержали бойцы. Но поздно: осколок разорвал Фрейдину всю грудь. А было врачу всего двадцать четыре года...

Казанкин, наблюдая за этой сценой, провел ладонью по лбу, с глубокой болью простонал:

— Ох ты, черт!.. Ох, гады!.. Ну, погодите!.. И вы сполна получите...

Вскоре перед нами не осталось никаких огневых средств противника. Мы были благодарны нашим артиллеристам, которые так много сделали для того, чтобы пробить брешь в обороне гитлеровцев. Впоследствии я узнал от генерала Г. Д. Пласкова, что при артналете особенно отличились артиллеристы 326-й стрелковой

дивизии, которой командовал в то время полковник Николай Николаевич Ложкин.

Расстояние между нами и бойцами 10-й армии быстро сокращалось. Еще несколько минут, и мы будем у своих. От этой мысли у всех хорошо делалось на душе.

Лишь с флангов немцы вели ружейно-пулеметный огонь. Но он уже был для нас не особенно страшным.

— Свои бы не пальнули по нам, — с опасением проговорил Ермишкин, обозревая местность перед нашими глазами. — Как-то надо бы предупредить...

— Не волнуйся, Степан Акимович, — Виноградов положил на плечо ему руку. — Все будет в порядке. Вон видишь? Посмотри, что делается...

Воины 326-й стрелковой дивизии выскакивали из окопов и направлялись к нам навстречу. Они вскидывали вверх винтовки и автоматы и выкрикивали приветствия.

Мы побежали к ним. Спотыкались, падали, поднимались снова. Трудно было справиться с нахлынувшими чувствами. Еще бы: сколько преодолено трудностей, сколько выдержано тяжких испытаний, чтобы, наконец, прийти вот к этому финишу, дожить до такой счастливой минуты!

Слезы выступили из моих глаз, когда я очутился в крепких объятиях командира дивизии Ложкина. Николай Николаевич трижды поцеловал меня, потом восторженными глазами окинул с ног до головы, сильно волнуясь, заговорил:

— Ну вот и встретились... Орлы! Ей-богу, орлы!.. Однако потрепало вас порядком. Животы подтянулись. Но ничего. Подкормим — поправитесь.

— Спасибо, Николай Николаевич, — я тоже сильно волновался и говорил как-то сбивчиво, неровно. — Вы нам здорово помогли... Особенно ваши пушкари...

— Да, они поработали у нас на славу. Но и вы не подкачали. Мы немало знаем о вашем рейде по тылам врага. Ваши боевые действия имеют исключительно важное значение. Для всего нашего фронта. Да, да!

К нам подошел генерал Казанкин. Он широко шагнул к Ложкину, и они обнялись. Два командира, два человека, которым были доверены судьбы огромного количества людей, вступивших в смертельную схватку с фашистскими завоевателями. Бойцы смотрели на них и смахивали с глаз слезы.

— Не всем десантникам и кавалеристам удалось остаться в живых, — с горечью проговорил Казанкин. — Многие наши товарищи остались лежать там, в болотах и лесных чащобах. Но свою задачу мы выполнили, нанесли фашистам довольно ощутимые удары, лишили их коммуникаций.

Только теперь я заметил, что у генерала одна штанина темнела от запекшейся крови. Между тем он держался. Лишь лицо у него было очень бледным, каким-то неживым.

Незаметно появился среди нас генерал Пласков, руководивший недавно отгремевшим артналетом. Он поочередно обнялся с нами — подвижный, крепкий, с колючими искорками в глазах. Осведомился:

— Как настроение? Большие ли потери у десантников и кавалеристов?

— Настроение у бойцов хорошее, — сказал Казанкин. — Потери есть. Правда, они не особенно большие, но довольно заметные. Хорошие товарищи погибли...

К Пласкову подошел какой-то командир (наверное, адъютант) и, красиво козырнув, доложил:

— Товарищ генерал, прибыл сюда член военного совета 10-й армии генерал Кожевников. Вон идет к нам...

Мы все невольно подтянулись: высокое начальство. Сергей Константинович со всеми поздоровался за руку. Пласков, Казанкин доложили ему обстановку, рассказали об удачном завершении нашего прорыва. Кожевников еще раз крепко пожал руки двум генералам. Потом, обратившись к Казанкину, Пласкову и Баранову, предложил:

— А теперь, друзья мои, поехали со мной. Нам надо быть в штабе армии.

* * *

Среди нас было немало раненых солдат и командиров. Санитары 10-й армии увозили их. Вот подошли они к лежавшему в бессознательном состоянии лейтенанту Тихоненко Ивану Герасимовичу, положили его на носилки и понесли. Раненый тихо постанывал. Легкий утренний ветерок теребил его русые волосы.

Неожиданно Тихоненко открыл глаза и невольно зажмурился от обилия солнечного света.

— Товарищи, — слабым голосом заговорил он, — куда это вы меня несете?

— Лежи спокойно, — сказали ему. — Ты ранен. Тебя надо, браток, доставить в медсанбат.

— А вы думаете, что я буду жить?

— Обязательно. Мы еще в гостях у тебя побываем. Вот закончится война, и тогда нагрянем к тебе всем взводом...

— Хорошо бы, — по лицу Тихоненко скользнула слабая улыбка. — Я очень буду рад...

Да, Иван Герасимович остался в живых. Излечившись, он побывал в родных Люберцах, потом воевал на Северо-Западном фронте, принимал участие в битве на Курско-Орловской дуге, не однажды отличался в боях. Войну закончил на вражеской территории офицером штаба воздушно-десантных войск. Грудь его украшена многими высокими правительственными наградами...

Я смотрел на «коридор жизни», по которому продолжали идти из вражеского тыла наши десантники и кавалеристы, и сердце мое наполнялось искренней любовью к этим истомившимся людям, с чувством исполненного долга возвращающимся к своим. «Нет, никогда советский народ не сломить никакому агрессору, — думал я, глядя на медленно, устало шагающих бойцов. — Сколько в них непреклонности, несгибаемого духа, сколько веры в правоту своей борьбы! Нелегко нам пока, но мы выстоим, мы победим. Обязательно победим!..»

Через часа полтора к нам снова приехал член военного совета 10-й армии Кожевников. Мы собрались на митинг. Все с исключительным вниманием и интересом слушали взволнованную, горячую речь Сергея Константиновича. Он говорил:

— Дорогие товарищи! Вы совершили героический рейд по тылам заклятого врага, с которым мы ведем непримиримую, жестокую борьбу. Пройденный вами путь является наглядным примером проявления настоящего мужества и стойкости, беспредельной преданности Родине, своему народу, нашей любимой партии. Знаем, нелегко вам приходилось, вы понесли немалые жертвы, оставили навсегда своих боевых товарищей, сраженных в боях с гитлеровскими поработителями. Но вы недаром перенесли трудности, не зря пролили свою кровь: вы внесли свою лепту в дело борьбы нашего народа против варварского нашествия. Урон, который вы нанесли врагу, очень ощутим, значителен: не одна тысяча немецких солдат и офицеров нашли свою погибель на нашей священной и непокоренной земле. От имени командования 10-й армии сердечно поздравляю вас, дорогие бойцы и командиры, с успешным завершением боевого задания, незабываемого рейда. Уверен, что этот рейд войдет в историю Отечественной войны как одна из ярких ее страниц. Честь и хвала вам, отважные и непобедимые воины!

Эти слова проникали в самую глубь души, невольно вызывали слезу. Потом дали слово Андрющенко. Он тоже говорил взволнованно и горячо, трогательно, увлекательно рассказывал о тех боях и маршах, которые пришлось провести участникам нашего рейда, я слушал его и уже по-новому осмысливал пройденный нами путь. Да, это был действительно героический рейд!

Выступил на митинге и комиссар нашего дивизиона Виноградов. Он также посвятил свою речь подвигам советских воинов, совершенным в суровых условиях, вспомнил добрым словом товарищей, отдавших свои жизни в кровопролитных боях с вражескими силами. В заключение он сказал:

— Мы искренне благодарим командование нашей армии за то доверие, которое нам было оказано. Все бойцы и командиры нашего дивизиона делали все возможное, чтобы с честью выполнить свой священный долг перед родным отечеством. Мы горды тем, что приняли непосредственное участие в славном рейде. От имени всех воинов дивизиона заявляю: мы готовы к новым боям, к новым заданиям командования...

Последние слова были встречены дружными аплодисментами. Кожевников подошел к Виноградову и крепко обнял его. Сильно и дружно раздалось:

— Ура-а-а!..

После митинга член военного совета всех присутствующих пригласил на обед. Из стрелковых полков были взяты резервные кухни, и нас теперь ждали вкуснейший мясной борщ и котлеты с картофельным пюре. Мы давно соскучились по такой еде. Перед тем как приступить к обеду, нам выдали по сто граммов спирта, и мы выпили. Всем сделалось весело, в голове приятно зашумело. А еда какой вкусной казалась! Кому не хватало — щедрые повара добавляли еще, приговаривая:

— Питайтесь, братцы, питайтесь. Обед сегодня — особый, только для вас, участников героического рейда... Нажимайте...

И мы, разумеется, нажимали. Потом нас повели в походную баню, помыли и заменили нам белье, а также выдали новое обмундирование. Теперь мы чувствовали себя так, будто родились заново.

Когда стали сдавать пробитые осколками и пулями, изрядно потрепанные воздушно-десантные куртки, Ермишкин растроганно проговорил:

— Жалко отдавать... Разрешите мне оставить курточку на память...

— С удовольствием бы, но не положено, — ответил ему один из снабженцев. — Я, конечно, понимаю вас, но ничем помочь не могу...

Степан посмотрел на снабженца грустными глазами.

— Ладно, бери, коли не положено...

Пройдя санитарную обработку, я уснул таким крепким сном, что не мог проснуться почти двое суток. Приходили корреспонденты и фотографы, просили дать интервью, но мне было не до этого. Сказав два-три слова, я снова валился в постель и мгновенно засыпал. Истомленный организм требовал длительного отдыха.

Такое же творилось и с остальными десантниками. Их никто не беспокоил, и они блаженно спали. А некоторые во сне вскрикивали: им снились, должно быть, кошмары — горести и беды пройденного пути. Мне как-то не верилось в этот наступивший покой, казалось, что мы все еще в тылу у противника, что под нашими ногами болотная топь, а над головами кружатся вражеские самолеты.

* * *

Итак, наша операция в тылу врага закончилась. От командиров частей, принявших участие в рейде, командование потребовало подробные отчеты о пребывании в тылу противника, о проведении боевых действий.

Мы составляли отчет втроем, я, Виноградов и Борисенко. Рассказывая о боях и походах, проведенных нашим дивизионом, мы стремились быть предельно достоверными, не забывали о тех деталях, которые на первый взгляд казались незначительными. Много писали о мужестве и храбрости, проявленных во время рейда бойцами дивизиона. Отметили, что одной из причин нашего успеха явилась моральная подготовленность воинов к выполнению такого трудного, необычайно сложного задания. Люди отлично знали, на что и куда идут, что их ожидало в тылу противника. Во многом способствовала нашему успеху и связь с партизанами. Партизаны оказывали нам всяческую помощь в изыскании продуктов питания, транспортных средств, медикаментов, в эвакуации раненых, в связи, в охране наших штабов тыла, а главное, в совместных атаках и обороне.

В отчете мы также указывали, что во время рейда вполне оправдало себя своевременное обучение дивизиона подрывному делу и методам борьбы с врагом на коротких дистанциях, владению не только минометным, но и стрелковым оружием, быстротой ориентировки в лесах и болотистых районах.

Немалую помощь, как уже рассказывалось выше, нам в тылу врага оказывали Смоленский подпольный обком партии и райкомы ВЛКСМ. Они организовывали население на борьбу с ненавистными захватчиками, непосредственно руководили партизанским движением.

Огромную роль в проведении славного рейда сыграло централизованное руководство всеми силами, действующими в тылу немцев. Как известно, командование

всеми десантниками, кавалеристами и партизанами было сосредоточено в одних руках — руках генерала Белова и его штаба.

Наш отчет был принят и одобрен командованием. Оно высоко оценило боевые действия воинов дивизиона. За героизм и мужество, проявленные нашими бойцами и командирами в тылу врага, они были награждены правительственными наградами. В числе награжденных — комиссар Виноградов, лейтенант Полулях, лейтенант Ермишкин, младший лейтенант Блохин, лейтенант Федоров, сержанты Сергеев, Некрасов, Медяник, солдаты Жеребин, Волосатый, Постников, наводчики минометов ефрейторы Кримач, Липин, разведчики Максимов и Быков, наводчики противотанковых ружей Ефимов и Тимошкин, заведующий делопроизводством лейтенант административной службы Форино и многие другие.

Награжден был и я орденом Красной Звезды. Приказом начальника Главного артиллерийского управления Советской армии № 0310 от 14.2.1942 г. мне было присвоено сразу звание майора. Таким образом, в капитанах мне ходить не пришлось.

Вручение правительственных наград состоялось в лесу под Москвой, севернее Малаховки. Награды вручал командир корпуса генерал-майор В. Г. Жолудев. На эту торжественную церемонию он явился в белом кителе, стройный и подтянутый, из глаз его струился удивительно добрый свет. На высокий, загорелый лоб свисал густой черный чуб.

В кратком вступительном слове генерал лестно отозвался о нашем дивизионе, потом начал зачитывать список награжденных.

Первым он назвал фамилию командира взвода отважных бронебойщиков Степана Ермишкина. Лейтенант широким шагом подошел к командиру корпуса, лихо козырнул. Лицо его сияло. Когда генерал прицепил к его гимнастерке медаль, Степан что-то хотел сказать, но так разволновался, что вымолвил лишь несколько слов:

— Большое спасибо... Служу Советскому Союзу!.. И впредь не подведу...

Генерал обнял его и поцеловал. Раздался гром аплодисментов.

Затем ордена получили Полулях, Сергеев, Виноградов и остальные. Орден Ленина был вручен заместителю начальника политотдела бригады Андрющенко.

Вскоре в «лесном зале» сделалось как бы светлее: на новеньких гимнастерках у парашютистов ярко-ярко заблестели ордена и медали.

За наградой прибыла и Клава Крылова. В белом платье, с бриллиантовой коронкой в черных волосах, она была очаровательна. Глаза ее светились радостью и восторгом. Приказом по Западному фронту она награждена медалью «За отвагу». Все мужчины невольно заглядывались на эту замечательную девушку, стойко перенесшую с нами все тяготы героического рейда, познавшую печали и радости воздушного десантника.

Я подошел к Клаве и от души поздравил ее с наградой. Она сделала то же самое. Мы обменялись крепким рукопожатием.

— Жаль, что не дожили до этого дня наши многие друзья, — сказав это, я посмотрел на лицо девушки: оно как-то сразу сделалось суровым и печальным. — Нет с нами сегодня Саши Городецкого, Шилина, Амирханяна, Лисина, Фрейдина...

— Вы не совсем правы, товарищ майор, — возразила Клава. — Все они с нами. Вот здесь, — она положила руку на грудь. — Мы никогда не расстанемся с ними. Никогда. До самых последних дней наших...

— Согласен с тобой, Клава.

— А Саша Городецкий, — продолжала она, — мне часто видится во сне. Такой же веселый, жизнерадостный...

Клава подняла на меня глаза, и я увидел в них две крупные слезинки.

Когда вручение наград закончилось, генерал-майор Жолудев в заключение сказал:

— Своим мужеством и героизмом десантники заслужили гвардейское звание. Решением народного комиссара обороны 1-й воздушно-десантный корпус переименовывается в 37-ю гвардейскую стрелковую дивизию, а 211-я воздушно-десантная бригада — в 118-й гвардейский стрелковый полк.

Эту весть мы встретили громом аплодисментов. Рядом с орденами и медалями на наших гимнастерках появились гвардейские значки, излучающие яркий и волнующий свет.

В августе 1942 г. наш дивизион получил новое боевое задание. Мы поехали защищать город Сталинград.

Много разных фронтовых путей-дорог прошел я до завершения Великой Отечественной войны. Но никогда мне не забыть героического рейда по смоленской земле, по дремучим брянским лесам. В моей памяти всегда будут живы люди, с кем мне пришлось в то тяжкое время сражаться вместе против гитлеровского нашествия, испытать суровые лишения и невзгоды во имя нашей победы, во имя свободы и независимости нашей любимой Родины.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Читатель вправе спросить: а что же стало после десанта с героями 211-й бригады, нашего дивизиона, и с теми, кто нам помогал?

Член военного совета воздушно-десантных войск генерал-лейтенант Григорий Петрович Громов в настоящее время в отставке, живет в Москве. Он был тяжело ранен, долго ходил на костылях. Эта рана до сих пор дает знать о себе. Изредка я пишу ему письма, по праздникам шлю поздравительные телеграммы. Григорий Петрович отвечает мне, как говорят, взаимностью.

Долго вел переписку со многими военкоматами, чтобы узнать о дальнейшей судьбе генерала Жолудева. Наконец Волоковысский музей сообщил мне, что Жолудев погиб на посту командира 35-го стрелкового корпуса в боях под Белостоком, у деревни Плебаново. Виктор Григорьевич принимал участие в битве за Сталинград. Он руководил боями 37-й гвардейской стрелковой дивизии, состоящей из воздушно-десантных частей, оборонял тракторный завод. Об этом, в частности, рассказывается в статье командующего воздушно-десантными войсками СССР генерала армии В. Маргелова, опубликованной в журнале «Огонек» (№ 8 от 21 февраля 1970 г.).

Волго-Вятское книжное издательство в Ярославле в 1964 г. выпустило в свет книгу «На огненных рубежах», посвященную прославленному комдиву и его ди-

визии. О подвигах Жолудева рассказывается также в книге А. В. Горбатова «Годы и войны».

В городе Угличе, где родился Жолудев, о нем собирается материал для экспонирования в Ярославском музее-заповеднике и в Угличском музее. Руководит этой работой председатель бюро секции ветеранов Великой Отечественной войны В. Малков. В Ярославском музее есть мемориальная запись с датами рождения и гибели Жолудева, а также его портрет. Его именем в Угличе названа одна из улиц. Пионерской дружине 5-й средней школы присвоено имя генерала Жолудева.

В Волоковысске, где похоронен Виктор Григорьевич, теперь главная улица также называется его именем. Ведь звание Героя Советского Союза посмертно Жолудев получил именно за освобождение этого города.

Жена генерала Александра Васильевна Жолудева сдала в Волоковысский музей личные вещи полководца на вечное хранение. А сама проживает в Москве.

Благодарные жители Волоковысска свято чтят память своего освободителя. Каждый год в День Победы они приносят к памятнику Жолудева венки, букеты живых цветов. Пионеры заботливо ухаживают за этим памятником, отдают Герою дань самого трогательного почтения, пропагандируя среди населения его подвиги, рассказывают о его славном жизненном пути.

В апреле 1943 г., проезжая через Москву с Северо-Западного фронта на Курско-Орловскую дугу, я последний раз видел Виктора Григорьевича в госпитале. Когда я вошел в фойе госпиталя, его несли на носилках в операционную. Жолудев повернул ко мне бледное лицо, приветливо улыбнулся, крепко пожал мне руку и сказал:

— Мне звонили в госпиталь из Ставки Верховного главнокомандования.

— И что же сказали? — поинтересовался я.

— Похвалили десантников за отличные боевые действия под Вязьмой и в Сталинграде. Передай об этом всем нашим «крылатым друзьям».

Я выполнил просьбу генерала.

Пионеры средней школы № 5 мне сообщили из Углича, что к двум орденам Красного Знамени, которые Виктор Григорьевич имел в начале Великой Отечественной войны, у него добавились еще орден Ленина, два ордена Суворова 2-й степени, орден Кутузова 1-й степени.

В славной плеяде советских полководцев, доблестно сражавшихся в годы Великой Отечественной войны, имя Виктора Григорьевича Жолудева всегда будет сиять немеркнущим светом.

Держу я связь с бывшим комиссаром нашего дивизиона Иваном Павловичем Виноградовым. Недавно от него я получил письмо. Он живет в городе Краматорске. После рейда Виноградов сражался в Сталинграде, на Курско-Орловской дуге, под Корсунь-Шевченковским, Яссами и Кишиневом. Одним из первых он ворвался в Будапешт.

В период войны Виноградов заслужил пять правительственных наград. А когда война кончилась, его направили заместителем командира полка по политчасти военно-морской авиации. Теперь Виноградов — научный сотрудник краматорского института. Очень просит приехать в гости, чтобы за дружеским столом вспомнить огненные пути-дороги, своих боевых друзей и товарищей.

Майор И. Ф. Андрющенко после прорыва из тыла врага был назначен заместителем командира 118-го гвардейского полка по политической части, входившего в состав армии Чуйкова, сражался на улицах Сталинграда. В боях под Керчью 8 марта 1944 г. он героически погиб и похоронен на военном кладбище у поселка Маяк.

После большой переписки удалось установить, что Андрющенко родился в селе Торчица Киевской области. Нашлись его дети — сын майор Петр Иванович, который служит в авиации, и дочь Людмила, живущая в городе Черкасске. Они просят подробно рассказать о том, как воевал их отец.

В одном из писем сын Андрющенко пишет мне: «Двенадцать лет мне было, когда не стало папы. Я стремлюсь подражать ему в его благородных поступках. Я стал майором и так же, как отец, военным политработником. Но я не останавливаюсь на достигнутом, поступил учиться в Высшую партийную школу при Центральном Комитете Коммунистической партии. У меня теперь уже у самого двое детей, которых я воспитываю на героических традициях их дедушки...».

Читаешь эти строки, и на душе становится светло: дети и внуки моих друзей-десантников несут эстафету нашей боевой славы вперед, в будущие времена.

Узнал я немало о дальнейшей судьбе и лейтенанта С. А. Ермишкина. После рейда он в октябре 1942 г. тоже попал под Сталинград и командовал артиллерийским взводом в 118-м стрелковом полку. Воевал в Белоруссии, где водил в атаки стрелковую роту. В одной из схваток с гитлеровцами был еще раз ранен осколком в левое плечо. В этом же бою ему оторвало на левой руке три пальца. Долго он лежал в госпитале и на фронт больше не попал.

Его демобилизовали, и он уехал в Рязанскую область, в родное село Курбатово. Работал в колхозе имени 9-го января. Был контролером заготконторы. В феврале 1964 г. вместе с женой Ольгой Максимовной и дочерью Ритой Ермишкин переехал под Москву, в Красную Поляну. Но жил здесь недолго. Старые раны постоянно беспокоили бывалого воина, и 19 августа 1964 г. моего друга не стало.

Боевые товарищи писали, что Ермишкин после войны очень хотел повидаться с друзьями из «крылатого дивизиона», однако ему никак не удавалось сделать это: то одно мешало, то другое. В одном из писем Ермишкин поведал мне о своей мечте вернуться к довоенной профессии шофера. Но, увы, смерть опередила мечту...

Нелегко было найти родственников комбрига Шилина. Мне хотелось узнать от них больше о жизни этого мужественного человека. Новоузенский райвоенком подполковник Сердюк оказал мне в этом большую помощь. Он установил, что из родственников комбрига в Новоузенске никого не осталось, и разыскал внучку сестры Мефодия Ивановича — Е. И. Шилиной — Тамару Воронину, проживающую в городе Энгельсе. Через Тамару я нашел в Энгельсе младшего брата М. И. Шилина — Павла Ивановича. И сразу же послал ему письмо. Павел сообщил, что мое письмо произвело на всю семью Шилиных сильное впечатление. Оказывается, никто из них не знал, где и как погиб М. И. Шилин. Все 30 лет искали они человека, который мог бы подробно рассказать о смерти Мефодия Ивановича. В

мой адрес Павел написал самые теплые слова за внимание к их семье и обещал помочь собрать материал о брате.

Павел сообщил, что жена Мефодия Ивановича Евгения Ивановна вырастила троих детей: Юрия, Галину и Светлану. Она живет на станции Щелково-3. Юрий окончил академию, стал подполковником авиации и продолжает дело отца. Это особенно приятно нам, десантникам: сын комбрига оказался достойным продолжателем наших традиций.

«Мой старший брат Мефодий, — пишет мне Павел, — был настолько влюблен в профессию воздушного десантника, что забывал обо всем, про еду и отдых. Он находился в испытательной части по парашютам с утра до ночи, а нередко и целыми сутками. Составлял разные проекты, прыгал с парашютом то с вышки, то с самолета, то испытывал новое снаряжение. Домой он всегда приходил уставшим, с покрасневшими глазами и осунувшимся лицом, но неизменно — жизнерадостным. Жена ругала его за такое самозабывание, но он был упрям и на следующий день делал то же, что раньше. Помню, Мефодий всегда успокаивал ее обещаниями „исправиться“. Но работал по-прежнему много. Возможно, от чрезмерной перегрузки и получил хроническую язву желудка...».

Я считал, что подвиги нашего комбрига остались неотмеченными, но ошибался. Павел разыскал в архиве Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 января 1943 г. «О награждении комбрига Шилина орденом Отечественной войны 1-й степени посмертно» и сообщил мне об этом.

И все-таки мне казалось, что от Павла можно узнать гораздо больше о комбриге Шилине. Ведь Павел жил в семье брата в период его пребывания в Саратове много лет. Поэтому в письме я задал ему несколько конкретных вопросов и скоро получил на них довольно исчерпывающие и обстоятельные ответы.

Вопрос. Что делал Мефодий Иванович в соединении В. И. Чапаева во время Гражданской войны?

Ответ. Выполнял обязанности бойца, ходил в атаки, возил снаряды, раненых бойцов, больных тифом, обмороженных, писал и читал бойцам письма, кормил лошадей, был писарем в штабе.

Вопрос. В каком состоянии вернулся ваш брат с Гражданской войны?

Ответ. Прибыл домой простуженный, весь в чирьях, вместо подошв на валенках была привязана солома.

Вопрос. Почему Мефодий Иванович после тяжких испытаний Гражданской войны не разочаровался в военной службе?

Ответ. Он был настолько проникнут сознанием долга перед Родиной, что службу в Красной армии считал самым почетным, самым необходимым делом. Чтобы поступить, например, в пехотное училище, он согласился выполнять обязанности конюха в течение года и одновременно готовился к вступительным экзаменам. Экзамены он сдал на «отлично» и был принят в училище.

Вопрос. Известно ли семье комбрига, что он в мае 1942 г. готовился улететь во вражеский тыл?

Ответ. Нет, не известно. Это была военная тайна, а комбриг умел хранить ее.

Вопрос. Чем еще, кроме военного дела, увлекался ваш брат?

Ответ. Мефодий был всесторонне образованным человеком. Он много читал книг, хорошо рисовал акварелью и даже маслом, прекрасно играл на мандолине и гитаре. Терпеть не мог ненужные споры, но по принципиальным вопросам спорил со всем жаром сердца и умел покорять противника неопровержимыми аргументами. Мефодий очень любил детей, не только своих, но и всех.

Изучал я жизнь М. И. Шилина и по архивным документам. Лично видел документы в архиве Министерства обороны СССР, в которых военный совет Западного фронта и генерал Громов просили И. В. Сталина и М. И. Калинина о награждении руководителей воздушного десанта на Смоленщине, в том числе и Шилина. Такое прошение было датировано 20 июля 1942 г. и хранится в деле с перепиской отдела кадров воздушно-десантных войск за 1942 г. в Подольске.

Радостную весть сообщил мне секретарь Новоузенского райкома партии В. Горбатовский: в восьмилетней школе села Петропавловка, где родился, рос и учился Шилин, пионерской дружине присвоено имя их славного земляка, а в Новоузенском музее Мефодию Ивановичу отведен на самом видном месте специальный уголок. Новоузенцы гордятся своим земляком и отдают ему дань самого искреннего уважения.

Когда я дописывал уже последние строки этих воспоминаний, почтальон принес мне письмо, которое было написано военкомом города Ельни. Военком сообщил, что имя комбрига Шилина и его бригада занесены в памятные альбомы, хранящиеся при Ельнинском городском и Смоленском областном военкоматах.

Не могу я забыть и комиссара Амирханяна. Из финансового управления Министерства обороны СССР на мой запрос ответили, что родители его живы. А сын Альберт уже отслужил срочную службу в армии, жена Мария успешно работает.

Из города Тетрицкаро Грузинской ССР о комиссаре Амирханяне дополнительные сведения сообщил его двоюродный брат Герой Социалистического Труда С. С. Мовсесян. Он пишет, что Мушег в 1937 г. окончил в Тбилиси педагогическое училище, а в 1941 г. — военное училище. Эти учебные заведения могут гордиться своим воспитанником: в тяжкие дни для нашей любимой Родины он грудью встал на ее защиту, отдал свою молодую жизнь во имя прекрасного будущего, во имя счастья людей на земле.

С помощью пенсионных органов и военных архивов удалось проследить дальнейшую судьбу отважной разведчицы-парашютистки К. И. Крыловой. После возвращения из тыла врага командование воздушно-десантных войск предлагало ей должность переводчицы в Москве, а мать упрашивала, чтобы она осталась учительницей немецкого языка в Малаховской или Люберецкой школе. Но истинная патриотка решила так: «У меня мать с отцом больные сидят дома, да я еще сяду рядом с ними, а кто же будет Родину защищать?».

Клавдия с первым же воинским эшелоном умчалась на самый опасный участок Сталинградского фронта в тот период, когда 6-я армия Паулюса прорвалась к Волге и блокировала город. Она сражалась в Сталинграде в составе 118-го стрелкового полка 37-й гвардейской стрелковой дивизии 62-й легендарной армии В. И. Чуйкова. В 1943 г. Клава переехала со своим полком на Центральный фронт, в 65-ю ар-

мию, и 2 марта 1943 г. погибла на Курской дуге, в деревне Кошкино, где находилась в разведке обороны противника. Теперь в этом населенном пункте нашлась бабушка Устинья Азаровна Хаикова, которая укрывала, обогревала и кормила Клаву во время выполнения боевых заданий. Хаикова пишет, что Клава была бесстрашной, по ночам проникала в тыл к немцам, добывала нужные сведения для нашего командования. Погибла она геройски.

Клавдию похоронили на кладбище села Росторог Железногорского района Курской области. Боевые друзья дали над ее могилой прощальный залп из автоматов.

Среди документов Крыловой было обнаружено стихотворение группы раненых парашютистов, посвященное мужественной девушке. Вот некоторые строки из него:

Посмотришь на Клаву:
глаза голубые,
Так много в них ласки
и много тепла.
Запомним мы, братцы-гвардейцы больные,
Что Клава нам жизнь сберегла...

У родственников Клавдии в Москве нашлась справка, в которой говорится, что в 1941 г. с оценкой «отлично» Крылова окончила медико-санитарные курсы. Вот почему девушка успешно выполняла обязанности медсестры по совместительству.

В Железногорском районе высоко оценили боевые подвиги техника-интенданта второго ранга К. И. Крыловой. Ее имя присвоено пионерской дружине Клишинской восьмилетней школы села Росторог Курской области. Могила Клавы всегда в цветах. К ней не зарастает тропка, проторенная многочисленными посетителями...

Генерал-полковник Белов после вылета из тыла врага командовал 61-й армией во время Курско-Орловской битвы, а также во время Белорусской и Берлинской операций. Он присутствовал в Берлине на церемонии подписания акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии в 1945 г. После войны Павел Алексеевич стал председателем Центрального Комитета ДОСААФ. Частенько приезжал в Саранск, чтобы помочь руководителям оборонного общества наладить работу.

Родина высоко оценила ратные дела генерала Белова. Ему присвоено звание Героя Советского Союза, он получил четыре ордена Ленина, пять полководческих орденов и много медалей.

Не так давно в Москве, находясь уже в отставке, он умер. На его похоронах присутствовал и его близкий друг генерал Пласков, который жил с ним в одном доме.

Белов оставил на добрую память людям книгу «За нами Москва», выпущенную Военным издательством в 1963 г.

Несколько слов о дальнейшей судьбе генерала Александра Федоровича Казанкина. После завершения нашего рейда он был назначен командующим воздушно-десантными войсками СССР и внес большой вклад в дело подготовки воздушных десантников. Но болезнь, старые раны заставили его уйти в отставку. В 1955 г. генерал Александр Федорович Казанкин скончался.

Всесоюзный музей воздушно-десантных войск выслал мне из Рязани снимок Александра Федоровича того времени, когда он командовал в тылу врага в 1942 г. 4-м воздушно-десантным корпусом.

В воспоминаниях не однажды упоминается имя замечательного артиллериста генерала Г. Д. Пласкова, принявшего активное участие в подготовке и проведении нашего прорыва из тыла врага. Он дошел с боями до Берлина. После войны он занимал ряд ответственных должностей, написал о ратных делах много книг и статей, в том числе большую книгу «Под грохот канонады», которая широко известна читателям нашей страны.

Я попросил Григория Давидовича ответить на ряд вопросов, касающихся отношения командования 10-й армии к нашему рейду по тылам противника. Он написал мне следующее: «Уважаемый Вениамин Борисович! О боевых действиях группы Белова командование 10-й армии хорошо знало. Сведения о вашей борьбе с гитлеровцами нам поступали через многие каналы связи. Мы очень тщательно готовились к вашему прорыву из тыла врага, постоянно беспокоились о вас. Я лично несколько раз связывался со штабом генерала Белова по радио, спрашивал, чем в первую очередь необходимо помочь кавалеристам и десантникам. Все ваши действия, все ваши операции были предметом пристального внимания не только командования 10-й армии, но и командования всего Западного фронта. Ими постоянно интересовался сам Г. К. Жуков...».

Письмо это было датировано 4 августа 1969 г. и хранится у меня.

Г. Д. Пласков закончил войну в поверженном Берлине, командуя артиллерией 2-й танковой армии. Находясь в отставке, он умер в прошлом году.

Долго служил в армии врач Хорунжий. После войны он окончил рентгенологическое отделение Военно-медицинской академии и обслуживал в течение длительного времени летчиков, летающих на новых скоростных самолетах. В 1967 г. Хорунжий в звании подполковника медицинской службы вышел в отставку и проживает в настоящее время в родном Житомире.

Заинтересовала меня и дальнейшая судьба руководителей партизанского отряда имени Сергея Лазо, помогавших нам в тылу противника выполнять боевые задачи. Я обратился по этому вопросу в Ельнинский райком ВЛКСМ. Секретарь райкома товарищ Кривогузов сообщил, что комиссар отряда бесстрашный Андрей (Юденков Андрей Федорович) стал теперь профессором, доктором исторических наук и работает в Академии общественных наук при ЦК КПСС на кафедре истории КПСС.

Позже мне удалось установить связь и с самим Андреем. Он пишет, что много занимается изучением борьбы партизан и воздушных десантников. В результате им написаны книги «В огненном кольце» (Воениздат, 1962), «В тылу врага, вблизи от фронта» (Смоленское книжное издательство, 1963), «За огненной чертой» (Воениздат, 1966) и другие. Прославленный партизанский комиссар стал видным ученым нашей страны.

Мы также рады, что его боевая подруга Наташа (Наталья Григорьевна Юденкова), боровшаяся вместе с ним в тылу врага, тоже жива и здорова, работает завучем 711-й школы города Москвы.

С большим волнением я прочитал сообщение профессора Юденкова о том, что наш отважный летчик Тимофей Алексеевич Ковалев, вывезший из тыла противника Клаву Крылову, а также других товарищей, получивших тяжелые ранения, тоже жив и живет в Москве. После войны он окончил военно-воздушную академию. За проявленные мужество и бесстрашие в боях с немецко-фашистскими захватчиками ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Ковалев был всегда долгожданным человеком в группе Белова. Он доставлял нам продукты питания, боеприпасы, медикаменты, письма от далеких родственников и близких, выполнял особые задания командования 10-й армии, а также Белова, Казанкина, Воронченко, Казубского и Галюги.

В период жестокой битвы с врагом, рвущимся к Москве, майор Ковалев совершил более 165 вылетов в тыл врага, а всего 650 вылетов. Он доставил партизанам 182 тонны оружия и боеприпасов, вывез из тыла противника 205 раненых кавалеристов, десантников и партизан, сбросил на головы фашистов десятки тонн бомб, вызвал одиннадцать взрывов, двадцать очагов пожаров.

Во время рейда с Ковалевым мне удалось встретиться раза два, когда я отправлял на «большую землю» своих раненых десантников. Он остался в моей памяти сильным, волевым и исключительно решительным человеком.

О подвигах, совершенных отважным воздушным асом, подробно рассказано в очерке А. Журавлева, опубликованном в № 5 журнала «Гражданская авиация» за 1971 г.

Бывший партизан Кузьма Гореликов сообщил мне, что известный в истории партизанского движения командир отряда имени Сергея Лазо Батя (Василий Васильевич Казубский) недавно умер. Его хоронили со всеми воинскими почестями в Смоленске. За его гробом шли сотни и сотни земляков — бывших активных борцов против фашистских поработителей, учеников (до Отечественной войны Батя был учителем).

Теперь стало известно, что за боевые подвиги, проявленные в борьбе в тылу врага, Казубский и Юденков были награждены орденами Ленина.

Живет в сердцах жителей Дорогобужа и Дорогобужского района память о Евдокии Павловне Симоновой. Одной из улиц города присвоено имя отважной патриотки, ее именем названа и пионерская дружина Дорогобужской школы № 1. В школьном музее о ней собран обширный и интересный материал. В Дорогобуже выросла ее дочь Светлана — очень похожая на свою мать.

Мой земляк парашютист-пулеметчик Семен Иванович Русскин работает учителем физкультуры в школе села Сузгарье Рузаевского района и ведет большую пропагандистскую работу. Мы нередко с ним встречаемся и вспоминаем минувшие походы. Он по-прежнему полон энергии и оптимизма.

Из музея города Брянска я получил фотографию командира 3-й партизанской дивизии «За Родину» Алексея Николаевича Галюги, который был грозой для фашистов и оказал большую помощь группе Белова при прорыве ее к частям 10-й армии. Алексей Николаевич, после того как мы расстались с ним, был переведен в клетнянские леса для выполнения новых боевых заданий, и больше встретиться нам с ним не довелось. Теперь он живет в Ростове-на-Дону.

Получил я сообщение из Винницкого областного военкомата о судьбе Владимира Кузьмича Полуляха. Он прошел большой и трудный боевой путь, вырос до начальника артиллерии полка, заслужил еще четыре ордена и много медалей. В 1964 г. в звании подполковника ушел в запас.

Нашелся и Толя Титов, который ухаживал в Озерище за ранеными десантниками, помогал солдатам всем, чем мог в то трудное время. Из Озерища мне написала письмо директор 8-летней школы Валерия Михайловна Горюнова. Она сообщила, что Толя сразу же после войны уехал в Саранск, где работает его дядя Борис Леонидович Титов. Я очень обрадовался. Надо же: на мою родину! Разумеется, я быстро разыскал бывшего юного партизана. Передо мной предстал солидный мужчина. Но глаза все те же — молодые, бойкие, с озорным огоньком. Мы долго вспоминали минувшее.

В 1951 г. Толя окончил Саранскую среднюю школу № 9, потом — военное училище связи, десять лет прослужил на Дальнем Востоке. Много лет он работал в городе Саранске, а сейчас работает в Куйбышеве. Жена Анатолия Никитовича — учительница. У них двое детей. Анатолий Никитович и теперь держит связь с Озерищем. Там живет его мать, бывшая партизанка Зоя Леонидовна Синицина. Почти ежегодно он ездит к ней проводить свой отпуск вместе со всей семьей. Там Титов встречается со своими земляками — бывшими народными мстителями.

Титов мне поведал одну историю, которая приключилась вскоре после нашего ухода из Озерища. Как-то в один из ясных дней 1942 г. над селом завязался воздушный бой. Фашисты хотели разбомбить Озерище, но наши летчики героически защищали его. Один из наших самолетов, летевший на связь с партизанами, был подбит. Два летчика выпрыгнули из горящей машины и раскрыли парашюты. Немецкий самолет сделал стремительный заход и из пулемета открыл стрельбу по спускающимся летчикам. У одного пулями были перебиты стропы. Он упал с большой высоты и разбился. Это был Михаил Васильевич Грязнов, уроженец Казани. Второй летчик был ранен в ноги и руки, но приземлился живым. Фашисты схватили его, долго пытали, стараясь узнать у него интересующие их сведения, но он им ничего не сказал. Его куда-то увезли.

Жители села Озерища попросили разрешения у гитлеровского офицера похоронить Грязнова. Тот разрешил, но потребовал раздеть летчика, чтобы жители не преклонялись перед формой Красной армии. В это время Толя Титов подошел к немцу и проговорил:

— Не раздевайте солдата: он же мертвый и ничего вам не сделает...

Офицер свирепо покосился на Толю, хриплым голосом заорал:

— Раздеть!..

Грязнова раздели и понесли к могиле, вырытой недалеко от села Пензева. Старики, по старому обычаю, поставили над могильным холмом большой дубовый крест. Но как только немцы ушли из Озерища, он был заменен обелиском с красной звездой. По праздникам сюда приходят теперь жители и отдают почести герою.

Нашлась мать Мария Дмитриевна Грязнова. Она приезжала на могилу сына из Казани. Материнские цветы легли на могилу много лет спустя благодаря озерищен-

ским и пензевским юным следопытам. Мария Дмитриевна сообщила мне, что ее сын до войны работал пионервожатым в городе Казани в средней школе № 2. Его воспитанники и сейчас помнят о нем.

Уходят годы, все дальше удаляются события, описанные в этой книге. Многих-многих боевых друзей, с которыми я воевал в тылу врага, уже нет в живых.

Недавно я побывал в местах Подмосковья, откуда в трудное, грозовое время уходил наш «крылатый дивизион» на борьбу с врагом. Меня интересовало все, что сохранилось за эти минувшие годы, что появилось нового.

С волнением я подъезжал к московскому аэропорту. Вышел из троллейбуса и подошел к взлетной площадке, затем нашел место, где мы 29 мая 1942 г. сидели в ожидании посадки в самолеты ПС-84. Теперь здесь — гигантские лайнеры-красавцы.

Ко мне подошел молоденький дежурный в форме гражданской авиации и строго спросил:

— Гражданин, у вас посадочный талон есть?

— Нет у меня талона...

— Зачем же вы сюда пришли?

— А вот посмотреть...

— Э-э-э, — удивленно глядя на меня, протянул он. — Здесь не музей. Так что прошу удалиться...

Что мне сказать ему? Я молча повиновался и пошел дальше. Навстречу мне хлынула новая партия пассажиров. Аэродром жил бурной, деловой жизнью. Как это радовало меня! Не зря же мы вступали в смертельную схватку с врагом: жизнь повсюду торжествует.

С аэропорта я поехал в школу № 1. Все здесь напоминало о боевых друзьях-десантниках, вспомнился мне наш комбриг Шилин, который отдал нам приказ на вылет в тыл врага.

Коридор школы, где собирались командиры и комиссары, все такой же длинный и просторный, только стал чище, опрятнее. На стенах — красочные лозунги, газетные витрины, портреты писателей и ученых.

В школе была перемена. Передо мной мелькали черные, белые, русые головки. Приятно было смотреть на счастливую жизнь детей, которую мы завоевали для них своей кровью.

Была организована со мной встреча школьников. Я рассказал ребятам о славных героях «крылатого дивизиона», о том, что имею еще высшие награды — ордена Польши и ГДР. Все слушали с исключительным вниманием.

Один из школьников попросил:

— Расскажите, пожалуйста, о том, как вы воевали после окончания вашего рейда.

Я с удовольствием выполнил эту просьбу. Поведал ребятам о жестоких боях на Сталинградском фронте, в которых мне довелось участвовать, о Курско-Орловской дуге, о форсировании Днепра, об освобождении Белоруссии и Польши, о штурме вражеского логова Берлина. В коридоре стояла тишина. На меня, не мигая, смотрели десятки восторженных глаз.

— Спасибо нашему родному правительству, — сказал я в заключение. — Оно высоко оценило мой скромный вклад в дело победы над гитлеровским фашизмом: я награжден десятью орденами и таким же количеством медалей. За боевые успехи в штурме Берлина мне присвоено звание Героя Советского Союза. Полк тяжелых самоходок, которым я командовал, одним из первых ворвался в предместье этого города — осиное гнездо фашизма...

Уходят годы. Давно я уже в отставке. Но дома мне не сидится. Я продолжаю работать в школе, где процветает бурная жизнь, формируются характеры, кипит энергия подрастающего поколения. Воспитываю юных советских патриотов — будущих защитников нашей великой Родины на боевых традициях старшего поколения советских людей и в этом нахожу свое призвание.

Приложение

ПРИКАЗ

по Западному фронту № 0789 18.7.42 г.

За образцовое выполнение заданий в тылу противника и проявленные при этом доблесть и мужество наградить по отдельному минометному дивизиону 211-й воздушно-десантной бригады:

ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

1. Командира 3-й минометной батареи лейтенанта П о л у л я х а Владимира Кузьмича.
2. Командира отделения разведки дивизиона сержанта С е р г е е в а Николая Ивановича.

МЕДАЛЬЮ «ЗА ОТВАГУ»:

1. Разведчика рядового Б ы к о в а Михея Васильевича.
2. Комиссара дивизиона политрука В и н о г р а д о в а Ивава Павловича.
3. Наводчика миномета рядового В о л о с а т о г о Ивана Павловича.
4. Командира взвода противотанковых ружей младшего лейтенанта Е р м и ш к и н а Степана Акимовича.
5. Наводчика противотанкового ружья рядового П о с т н и к о в а Ивана Ефимовича.

МЕДАЛЬЮ «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ»:

1. Командира минометного взвода младшего лейтенанта Б л о х и н а Андрея Алексеевича.

2. Командира отделения ПТР сержанта Некрасова Алексея Ивановича.
3. Наводчика ПТР ефрейтора Харгалова Николая Николаевича.

Командующий фронтом Член военного совета
Основание: Архив МО. Оп. 682524. Д. 240. Л. 315.

ПРИКАЗ

по Западному фронту № 018 от 16 января 1945 г.

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть, мужество и отвагу награждаю:

ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ:
по 211-й воздушно-десантной бригаде

1. Командира дивизиона старшего лейтенанта Миронова Вениамина Борисовича.
2. Командира минометного взвода лейтенанта Федорова Анатолия Петровича.
3. Зав. делопроизводством дивизиона лейтенанта административной службы Форино Леонида Марковича.
4. Наводчика миномета рядового Кримача Василия Парфеновича.
5. Командира отделения противотанкового ружья сержанта Медяника Семена Ивановича.
6. Наводчика ПТР ефрейтора Жеребина Николая Ивановича.

МЕДАЛЬЮ «ЗА ОТВАГУ»:

1. Наводчика миномета ефрейтора Липина Константина Ивановича.
2. Разведчика взвода управления дивизиона рядового Максимова Алексея Григорьевича.
3. Наводчика ПТР ефрейтора Ефимова Александра Дмитриевича.
4. Наводчика ПТР рядового Тимошина Федора Михайловича.

Командующий фронтом Член военного совета
Основание: Архив МО. Оп. 717037. Д. 7345. Л. 272.

Публикуется по изданию:
Миронов В. Б. Крылатый дивизион.
Саранск, 1973. 204 с.

1975 г.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Берлин был взят. Я вывел свой полк из горящих и разрушенных улиц в лес, на северную окраину города. Экипажи начали чистить и ремонтировать самоходные орудия, отдыхали после кровопролитных боев. Так прошло 22 дня. Затем от 1-го механизированного корпуса я поехал в Берлин. Там мы погрузили в вагоны 36 боевых знамен лучших частей, столько же знамен, захваченных у врага, личный штандарт Гитлера. Поезд был украшен цветами и вышел из Берлина, как литерный с охраной. В Москве на Белорусском вокзале нас встретили делегации заводов, школ и институтов.

Нас разместили в Ворошиловских казармах. Началась подготовка к параду.

И вот наступил день парада. Маршал К. К. Рокоссовский на вороном коне появился на Красной площади и построил фронтовиков в следующем порядке: Карельский фронт, Ленинградский, Первый Прибалтийский, Третий Белорусский, Второй Белорусский, Первый Белорусский, Первый Украинский, Четвертый Украинский, Второй Украинский, Третий Украинский, полк военно-морского флота, польский полк. Величав был Кремль, оформленный то теме «Память поколений». Получилось так, что делегаты Первого Белорусского фронта и герои Берлина оказались перед Мавзолеем Ленина. Находясь впереди танкового сводного батальона этого фронта, я мог видеть все подробности того, что делается у Мавзолея.

На трибуны поднялись депутаты Верховного Совета СССР. Они накануне приняли решение о демобилизации воинов старших возрастов из нашей армии. Сюда же взошли заслуженные люди Москвы, представители посольств всех стран. Несмотря на дождь, настроение было у всех приподнятое. Ведь за всю историю существования Москвы таких парадов там еще не было. Генералы построились на особой площадке перед Мавзолеем. Под гром рукоплесканий на трибуну Мавзолея поднялись руководители партии и правительства. К Мавзолею подошел духовой оркестр в составе 1 400 музыкантов. С последним, десятым, ударом курантов из Спасских ворот выехал в орденах на белом коне Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Оркестр грянул встречный марш. К. К. Рокоссовский на галопе подъехал к Жукову и доложил о готовности парада. Два опытных кавалериста, два прославленных полководца держались на конях превосходно, и войска их встретили мощным «Ура!».

Затем, поднявшись на трибуну, Георгий Константинович на весь мир, по поручению ЦК нашей партии и правительства произнес волнующие слова поздравления с победой. Оркестр грянул: «Славься, русский народ!».

Но вот послышались звуки боевого марша, и полки пошагали чеканными шагами в том порядке, как стояли. Перед каждым фронтовым полком идут его командующие, герои несут боевые знамена, пробитые осколками и пулями. Вдруг оркестр смолк. Раздалась дробь барабанов. Батальон склонил 200 трофейных знамен, привезенных со всех фронтов, штандарт Гитлера к земле и бросил их к

подножью Мавзолея. На трибунах раздался гром аплодисментов. Меня эта картина взволновала до слез. Я безмерно гордился своей Родиной, партией, победоносной армией.

Наконец настал черед пройти мимо Мавзолея батальону танкистов-героев штурма Берлина. Одновременно шли танкисты 1-й и 2-й танковых армий по одной сводной роте. Первую вел полковник Гаркуша, вторую вел я. От разных фронтов в Параде Победы участвовали наши земляки — Герои Советского Союза: Г. Л. Евишев, Е. Г. Акиняев, П. Н. Ширяев, Б. М. Зайцев, А. Г. Котов, воздушный десантник С. И. Русскин и другие.

А на следующий день, 25 июня, в Большом Кремлевском дворце состоялся прием в честь участников парада. На нем присутствовало более 2 500 человек. Там была подчеркнута большая роль на фронте и в тылу рядовых армии и простых людей тыла.

Публикуется по изданию:
Совет. Мордовия. 1975. 10 янв. С. 3.

П. И. МИТЕВ

Митев Петр Иванович (6.7.1921, с. Рождествено ныне Ичалковского района Республики Мордовия) — участник боевых действий. В РККА — с 1939 г. Служил в стрелковом полку. В 1941 г. попал в плен, освобожден в мае 1945 г. Демобилизован в 1947 г. Заслуженный рационализатор Республики Мордовия. Награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Трудового Красного Знамени, медалями[*].

Не позднее 1985 г.

ВОЕННЫЙ ПЕРИОД. «БОЛЬ ПАМЯТИ»

В конце августа 1939 г. после окончания Ичалковской средней школы большинство ребят нашего 10[-го] «Б» класса были призваны на действительную службу в Красную армию.

Служили на Украине в Винницкой области. Сразу же по приезде в часть меня и нескольких моих земляков зачислили в роту связи. Среди них были и ребята из Ичалок. Это Карпов Филипп Адамович, Еделькин Александр Иванович. Они были телефонистами, а я и Кочетов Василий Иванович — преподаватель математики (ныне Герой Советского Союза) — радистами (позже его направили в авиашколу).

С нами очень много занимались, особенно с радистами. Надо было в короткое время освоить сложную радиоаппаратуру, научиться принимать на слух звуковые радиосигналы и работать на ключе. А время тогда было неспокойное. На западе происходило воссоединение Западной Украины и советской Украины. Шла война с Финляндией. А летом 1940 г. началась борьба за освобождение Молдавии. В этой кампании принимал активное участие и наш 664-й полк.

Мы прошли пешком по горячим и пыльным дорогам Украины от Винницы до Прута — границы Бессарабии с Румынией. Не обошлось и без кровопролития. Богачи не хотели расстаться со своими владениями, организовались в банды, оказывали сопротивление Красной армии. К осени эта кампания закончилась. Зима 1940 — 1941 гг. проходила сравнительно спокойно.

Правда, в газетах все чаще стали писать о войне Германии с Польшей, Чехословакией. Но это нас не касалось. Ведь противоречия между империалистическими странами — закономерное явление. Так наивно думали мы тогда. И вот 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. Она началась совершенно неожиданно.

Даже 21 июня шла мирная армейская служба. В этот день меня направили в командировку в город Могилев-Подольский. Там находился штаб нашей 130-й дивизии. От узловой станции Жмеринка, где была пересадка, поезд отошел около двенадцати

[*] ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 118. Л. 19 — 25 ; http://podvignaroda.mil.ru

часов ночи. Я и сопровождавший меня солдат спокойно дремали под стук колес. Около 4 часов утра 22 июня произошло что-то ужасное. Страшный грохот и звон разбитого стекла. Поезд лихорадочно задергало. Спавшие на вторых полках пассажиры падали вниз вместе с багажом. Люди в страхе что-то кричали. Хотели знать: что же это такое? Женщины визжали истошным голосом. Кто-то из мужчин призывал к спокойствию. Вскоре грохот затих. В разбитые окна лезла пыль. Пахло гарью. Оказалось, что наш поезд подвергся нападению с воздуха. Все сброшенные бомбы взорвались. В вагонах были убитые и раненые. Не верилось, что это — война. До Могилева-Подольского пришлось идти пешком. На другой день к вечеру мы встретились со своим полком. Они прошли боевым маршем более 80 км от местечка Ваинярка до Могилева-Подольского. Целые сутки велась подготовка к боевым действиям. Командиры непрерывно совещались в штабе, получали разные организационные команды.

Меня назначили старшим радистом полковой радиостанции. Радиостанция была установлена на двухконной тачанке. Весь расчет состоял из трех радистов и ездового. Кроме того, в наши обязанности входила зарядка аккумуляторов для батальонных радиостанций. Зарядный агрегат — 12-сильный движок, установлен тоже [на] одноконной бричке. Все радисты были вооружены карабинами. Выдали нам продовольствие, боеприпасы. Политработники разъясняли задачи, стоящие перед нами. 25 июня 1941 г. с наступлением темноты наша дивизия двинулась в поход на запад, к румынской границе. По сведениям, там наши пограничные войска мужественно отражали натиск немецко-фашистских войск. Чем дальше продвигались на запад, тем отчетливее слышались канонада орудий, взрывы снарядов. Мы приближались к фронту. На четвертые сутки рано утром поступила команда готовиться к бою. В саду, неподалеку от штаба полка, замаскировали радиостанцию. По всей длине оврага, насколько видел глаз, закопались в землю наши пехотинцы. Над нами непрерывно с ревом пролетали самолеты с черными крестами, бомбы рвались всюду. Но вот на той стороне оврага, близ дороги, показались машины на гусеничном ходу, потом еще и еще. Видно было, как с машины на гусеничном ходу прыгали люди в темно-зеленой одежде. Это и были немцы, о зверствах немцев мы уже слышали по радио. В руках у них были пулеметы и автоматы. И машины, и немцы двигались все ближе.

Где-то слева застрочил наш пулемет, затем ударили пушки. Мы по команде начали вести прицельный огонь из карабинов. Одна из танкеток прорвалась на дорогу и опустилась в овраг. Но выехать наверх ей не удалось. Кто-то метко подбил ее. Бой длился около часа. Немцы не выдержали, начали разворачиваться и уходить назад вдоль оврага. Стрельба затихла, раненых укладывали на подводы, увозили. Были и убитые. Тогда мне казалось, что бой мы выиграли. Но это было не так. Немцы наткнулись на мощный огневой заслон нашего полка, не приняли настоящего боя и отступили. Это был маневр. К вечеру мы оказались в окружении.

Мне приказали восстановить потерянную радиосвязь со штабом дивизии. С большим трудом, используя вчерашний пароль, я поймал слабые сигналы знакомого почерка дивизионного радиста. По силе сигнала я понял, что мы оторвались от штаба дивизии не менее как на 20 — 25 км. Где именно штаб, узнать я не мог, так как для выхода на «микрофон» требовалось особое разрешение. Принял с большим

трудом радиограмму. В колонках пятизначных цифр были кое-где пропуски. Раньше радиограммы расшифровывались штабными работниками, содержание держалось в секрете, на этот раз я помогал и расшифровывать радиограмму.

Оказалось, что полк зажат со всех сторон. Нам приказывают немедленно, с боем, выходить из окружения. Указывают также направление удара. Предлагалось минометную роту передать в распоряжение командира второго батальона, который должен атаковать немцев.

Операцию нужно было провести ночью. С наступлением сумерек ушли разведчики. А к 12 часам ночи двинулся в путь второй батальон. Все, кто мог держать оружие в руках, были готовы идти в бой. Здесь я должен рассказать и о таком печальном факте.

Находясь в окружении врага, когда решается судьба нескольких тысяч людей, когда нервы напряжены до предела, когда требуется здравый рассудок и умение владеть собой, вдруг появляются слабовольные хлюпики и паникеры. Так получилось и с нашим начальником связи полка старшим лейтенантом Креймером. Дело в том, что с самого начала войны мы стали замечать, что при переключении рации на передачу немцы нас перехват[ыва]ли, определяли наше место стоянки и открывали огонь. Замечали мы и то, что ст[арший] лейтенант Креймер убегал в укрытие до начала передачи. А если по какой-либо причине он находился вблизи рации во время ее работы, то ноги у него тряслись, а на лице появлялись капли пота. И вот в сложнейший момент подготовки людей к бою, чтобы вырваться из кольца, он сбросил с себя форму офицера, надел солдатскую гимнастерку с пустыми полевыми петлицами, самоустранился от командования связью. Все время сидел в окопе. Несколькими днями позже он погиб от разрыва снаряда.

Операция прорыва закончилась успешно. Группа немцев, захватившая небольшой молдавский поселок, была разгромлена, к утру мы вышли из окружения. Итак, с непрерывными боями мы отходили на восток по направлению Могилева-Подольского. Были и пленные, особенно много румын. В штабе появились переводчики. Пленные немцы при допросах вели себя высокомерно и гордо. Видно, пропаганда фашистов была сильна. Мадьяры и особенно румыны охотно отвечали на вопросы и в большинстве сожалели, что их насильно послали воевать против русских.

В середине июля мы миновали Молдавию и вышли на исходный рубеж к Днестру. Полк в основном успел переправиться через Днестр по мосту, занял оборону [на] прилегающих к реке улицах. Надо было подзарядить аккумуляторы. Радисты с батальонных раций принесли аккумуляторы на зарядку. Противно, когда под носом трещит движок зарядного агрегата. Не слышно, как летит к тебе мина или снаряд. Вдруг подбегает ездовой Романюк, глушит движок с криком: «Немцы на той стороне!». Вскоре на противоположенной стороне реки появились немцы. Рвались снаряды, свистели пули. Все, кто не успел переправиться, в панике разбежались во все стороны. Среди них было много беженцев, не успели перегнать много скота. К мосту приближались немецкие танки. Они стреляли из пушек и расстреливали из пулеметов беженцев. Наши артиллеристы открыли огонь из противотанковых пушек. Один из танков загорелся, второй не успел повернуться назад: замер на месте. Ночью мост был взорван.

В течение трех суток немцы стремились переправиться через реку. Но наши войска не давали им хода. Днестр — река бурная. Много вражеских солдат нашли здесь смерть. После сильнейшей бомбежки с воздуха поступил приказ об отходе. Горько на душе становилось у солдат, когда получали очередную команду об отступлении. Долго ли еще так будет? Когда же инициатива будет в наших руках? Когда начнется разгром врага? Вместе с этим мы понимали, что, и отступая, наши войска наносили мощные удары по фашистам, уничтожали живую силу и технику, проваливали планы молниеносного наступления. Но не пришлось нам воевать до того долгожданного дня, когда началось наступление наших войск и изгнание и разгром фашистских полчищ.

Разъяренные немцы не могли больше терпеть дерзости нашей дивизии. Начали стягивать дополнительные силы, чтобы нанести смертельный удар. В конце октября мы попали в ловушку, из которой не могли вырваться. Невозможно было ничего понять. Несколько дней и ночей нас обстреливали со всех сторон. Всюду убитые и раненые, подводы и разбитые машины. Убит ездовой Романюк. Убиты лошади на рации. Неизвестно, где радисты и зарядный агрегат.

Милый Романюк! Сколько же труда он вкладывал, чтобы сохранить лошадей и рацию! Все погибло. Кажется, нет ни единого метра земли, где бы не было взрывов и воронок. Случайно встречаю штабного писаря Алферова Василия. Решили держаться вместе. Сколько суток без пищи, отдыха — трудно вспомнить. Что будет дальше — невозможно представить. Потеря сознания или сон придавили меня к земле, очнулся — уже было светло, рядом Василий. Что с ним? И тут свершилось самое страшное. Из-за угла дымящейся хаты немцы гнали большую группу растрепанных и грязных наших солдат. Автоматными очередями немцы давали понять всем живым вставать и присоединяться к колонне. Раненых расстреливали на месте. Встали и мы с Василием... Колонна пленных растянулась от оврага через село до насыпи железной дороги. Сколько их было — трудно сказать. Шли медленно голодные и измученные, обреченные на смерть люди... А потом плен.

2 мая 1945 г. советские войска освободили небольшой город Киритц, расположенный в 70 км от Берлина. За городом находился лагерь военнопленных. Немцы готовили лагерь к уничтожению, но не успели. Тысячи людей вырвались из заключения, обнимались, смеялись и плакали от радости. Среди них был и я. Страшные испытания выпали на наши плечи, хотя и многие из нас не имели высоких наград, но мы, простые солдаты, честно защищали свою Родину.

Мой рассказ о страшном времени начала войны могли бы дополнить живые свидетели, жители Ичалок. Вспоминая эти суровые дни, невольно ловишь себя на мысли: да, трудно было, враг был сильнее нас, но советские люди выстояли и одержали победу. И это еще раз убеждает в том, что на земле в конечном итоге побеждают справедливость, мир и счастье.

<...>

ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 118. Л. 19 — 25.
Машинопись. Копия.

М. МИТИНА

Митина М., жительница Краснослободского района Мордовии. Участница боевых действий. В РККА — с 1943 г. Телефонистка-телеграфистка, санинструктор. Принимала участие в освобождении Украины, Польши, Германии. Участница Советско-японской войны. После демобилизации работала ткачихой на прядильно-ткацкой фабрике[*].

1974 г.

Восьмиклассницей услышала я страшное слово «война». Но оно оставалось просто словом до тех пор, пока отец да братья мои, Петр и Никита, не ушли в страшное пекло. Еще сильнее ударила по сердцу война, когда соседская девчонка со слезами кричала моей маме:

— Тетя Варя, вашего дядю Ваню убили!

Она-то и принесла нам похоронку об отце. Этот крохотный лист принес нам такое большое горе. Во время войны я закончила школу. Отзвенел последний звонок, сданы экзамены. Не успели мы, выпускники, поставить себе вопрос, что делать, как нас в августе 1943 г. призвали в армию. Направили под Москву в запасной полк. А оттуда на Дальний Восток. Там за зиму получила я специальность телефонистки-телеграфистки и одновременно санинструктора. А затем сформировали эшелон и направили нас на запад. Нашу наступавшую армию мы догнали уже на Волынщине — болотистой области Украины.

Прибыли мы в маленький городок Сарны. Отсюда началась моя настоящая военная жизнь. Первое боевое крещение получила при взятии города Ковеля. И смешно, и стыдно вспоминать тот день. Посыпался настоящий град из пуль и снарядов. Обуял меня ужас, мне казалось, что весь свет в меня метит смертоносным металлом. А уж так не хотелось умирать в восемнадцать лет! И я повернулась бежать. Всю жизнь буду помнить и благодарить своего командира лейтенанта Кайнару. Понял он меня, прочитал девчоночьи мысли, увидел слезы отчаяния и очень твердо сказал:

— Ты куда бежишь? Ведь это дезертирство!

Это слово отрезвило меня. Я как будто перешагнула рубеж страха и попала в бесстрашие. Больше уже никогда я не испытывала этого чувства. Ходила в бои, перевязывала раненых, а тех, кому не могла оказать помощи, доставляла в медсанбат. Не знаю, сколько людей вынесла с поля боя. Помню только, перетаскивала до изнеможения: свои же бойцы, каждому хотелось помочь. Бывало, ползешь с раненым, а у самой душа рвется и мысль одна: спасти бы, донести бы живого!

Помню два тяжелых случая. Несла раненого. Видимо, враг заметил нас, ползущих: пули зацокали слева, справа, впереди — повсюду. Спрыгнула я в воронку и

[*] **Митина М.** Пусть всегда светит солнце // Знамя труда. 1974. 9 мая. С. 4.

бережно стаскиваю к себе раненого. Не видела я, как осколок снаряда угодил ему в голову. Комья земли от взрыва снаряда засыпали, кровь залила лицо, а я, стиснув зубы, боясь причинить боль солдату, все подтягивала его, уже мертвого. Командира роты, который видел это, потрясла эта картина. Подполз он ко мне, а в глазах его слезы — от жалости то ли к такой смерти человека, то ли к моей молодости, на долю которой легло суровое испытание. После этого была я переведена в штаб на телеграфный аппарат.

Только время было не то, чтобы месяцами отсиживаться на одном месте. Через две недели я уже была телефонисткой на передовой линии фронта.

Наша армия все двигалась вперед и вперед. Уже позади наша граница. Мы идем по Польше. Бои продолжаются. Прошли Люблин, освободили десятки городов, Варшаву, в весенний разлив форсировали Вислу.

Приближались к Германии. Особенно затяжными и тяжелыми были бои на ее территории: упрямо отстаивали фашисты свое логово. Перед самым Берлином меня контузило. Головные боли да заложенность ушей. Но руки-ноги целы, сама здорова. И снова выносила раненых, ухаживала за ними.

И вот Берлин! До предела ожесточенным было сражение с врагом у его сердца: и у нас, и у немцев наступал конец. Для нас он был счастливым, долгожданным, для фашистов — позорным. Наши войска разгромили гарнизон и водрузили знамя над рейхстагом. Через несколько дней довелось и нам увидеть внутренность рейхстага.

То, к чему люди стремились долгих четыре года, было достигнуто. Необъяснимое чувство наполняло нас. Но еще трудней объяснить нашу радость, наше состояние, когда 9 мая была официально объявлена победа над Германией. С этого момента не ноги нас носили, а крылья.

А 31 мая 1945 г. я ехала на восток. И не домой, а навстречу надвигающейся опасности со стороны японской границы. В августе началась война с Японией. Только в марте 1946 г. вернулась домой. Уходила на войну девчонкой-несмышленышем, а вернулась зрелым человеком... Не хочу, чтобы мои сыны, дети всех матерей на свете видели бессмысленную кровь, смерть. Пусть для них всегда светит солнце.

Публикуется по изданию:
Митина М. Пусть всегда светит солнце //
Знамя труда. 1974. 9 мая. С. 4.

И. В. МИТРОФАНОВ

Митрофанов Иван Васильевич (22.1.1918, с. Старая Федоровка ныне Старошайговского района Республики Мордовия) — участник боевых действий. В РККА — с 1938 г., на фронте — с августа 1941 г. Шофер 390-й автороты подвоза, административно-хозяйственной части управления 326-й Рославльской Краснознаменной стрелковой дивизии. Старший сержант. Награжден орденом Красной Звезды, медалями, в том числе «За отвагу» и «За боевые заслуги»[*].

28 января 1967 г.

Для формирования 326-й с[трелковой] д[ивизии] в г[ород] Саранск прибыл и комиссар дивизии — ст[арший] батальонный комиссар Петров Максим Евлампиевич.

С комиссаром дивизии Петровым М. Е. мне пришлось быть вместе с начала формирования дивизии до июля 1943 г., [когда] он по болезни уехал лечиться и больше в 326-ю с[трелковую] д[ивизию] не возвратился. После лечения дальнейшую службу проходил в политотделе академии им[ени] Фрунзе.

Комиссар Петров М. Е. был хорошим военачальником, хорошим организатором. В трудные минуты он мог организовать и воодушевить бойцов на разгром врага и неоднократно сам участвовал как в отражении атак, так и в наступлении.

Мне лично приходилось с ним участвовать при отражении танковой атаки немцев в количестве 16 танков на подступах к Дону.

Поскольку 326-я с[трелковая] д[ивизия] формировалась поспешно и была вооружена плохо, не было достаточного оружия для отражения танковых атак. Увидев на правом фланге идущие в атаку немецкие танки, на первый случай бойцы растерялись и побежали в овраг. Увидев это, комиссар Петров приказал мне ехать в сторону бегущих. Потом поставили машину в укрытие за стог с соломой. Комиссар взял автомат, а я — ручной пулемет и стали останавливать. Завидя комиссара, бойцы остановились, и [он] призвал их идти за ним в атаку. Комиссар Петров своим примером воодушевил красноармейцев, которые совместно с артиллеристами 888-го артполка под командованием опытного командира полка майора Худалеева танковую атаку отбили. Немцы оставили на поле 4 подбитых танка. Наши войска потеряли одно 76-м[илли]м[етровое] орудие вместе с расчетом.

В середине декабря 1941 г. произошел такой случай. Перед вечером в штаб дивизии позвонили, что передовые подразделения дивизии захватили часть рабочего поселка [имени] Кагановича и продвигаются дальше. Комиссар дивизии приказал мне срочно завести машину, взял с собой ординарца Антипова И. С., и мы поехали в поселок [имени] Кагановича.

Шла метель, дорогу заносило, пробиваться пришлось с трудом. В пути нас захватила ночь, и мы сбились с дороги, поехали целиком. Увидели впереди огонь-

[*] ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 37. Л. 85 — 85 об. ; http://podvignaroda.mil.ru

ки, поехали на них, добрались до деревушки [из] домов 15 часов в 9 вечера. Зашли в первый дом, спросили хозяйку: «Были ли наши войска в деревушке?». Она ответила: «Нет». «А когда ушли немцы?». Она сказала: «Часов в 5 — 6 вечера сегодня человек 30». «А все или нет?» — «Не знаю». И сообщила нам, что мы находимся [в] к[ило]м[етре] правее пос[елка имени] Кагановича, а от большой дороги — километрах [в] 3. Тогда комиссар дивизии принимает решение находиться в этой деревне до утра, а воду с машины не сливать и дежурить поочередно. До 2 часов дежурил комиссар, потом я и Антипов.

Утром в деревушку пришло отделение дивизионной разведки, человек 10. Потом к нам подбегают 2 мальчика лет по 12 и говорят: «Дяденьки, у нас на чердаке прячутся немцы». Тогда комиссар приказал разведчикам прочесать все дома, и через 30 мин[ут] были извлечены 6 здоровенных немцев.

Часов в 9 утра мы поехали проселочной дорогой к шахтерскому поселку [имени] Кагановича с правого фланга. Завидя с противоположной стороны машину, бойцы 1 097-го с[трелкового] п[олка] развернули на нас 2 противотанковых 45-м[илли]м[етровых] орудия. Заметив это, комиссар говорит: «Ванюха, быстрее останавливайся, а то они нас сейчас расстреляют». Я быстро остановился, вылезли из машины, дверки оставили открытыми и стали махать шапками, а комиссар направился на сближение [к] вышедшим людям. Впоследствии он нам говорил, что они нас приняли за немцев и хотели открыть по нам огонь.

Мне также с комиссаром дивизии Петровым пришлось участвовать во взятии г[орода] Плавска. Машину мы оставили во втором эшелоне дивизии, взяли лошадь с санями, и поехали передовые подразделения 1 097, 1 099 и 1 101-го стрелковых полков, которые должны [были] атаковать г[ород] Плавск и находились в передовых частях до полного освобождения г[орода] Плавска.

В Плавске немцы оставили много убитых солдат и до 800 разных автомашин, которые немцы не успели угнать, поскольку город был зажат в кольцо.

Большую боевую способность комиссар Петров М. Е. проявил также при взятии станции Барятинская, при обороне и отражении немецких атак в районе Шайковского аэродрома и деревнях Сильковичи, Быково.

Находясь в обороне в районе Шайковского аэродрома и г[орода] Кирова зимой и летом 1942 г., мне с комиссаром приходилось очень часто быть непосредственно [на] передовых линиях дивизии, где он проводил собрания, беседы о положении на фронтах и [в] тылу, интересовался жизнью красноармейцев и командиров, питанием и одеждой, за что ему было присвоено звание полкового комиссара и [он] был награжден орденом Красной Звезды.

В первых числах января, оставив позади окруженной узловую станцию и г[ород] Сухиничи, 326-я с[трелковая] д[ивизия], преследуя отступающего противника в направлении ст[анции] Барятино, Шайковского аэродрома и г[орода] Кирова, пошла в наступление вперед.

3 января 1941 г. ввиду снежной дороги штабным машинам в к[оличест]ве 7 автомашин с шоферами Митрофановым И. В., Царьковым А. В., Базаевым З., Крюковым П., Волчковым, Хусаметдиновым и Тумановым во главе [с] нач[альником] ГСМ

лейтенантом Кузнецовым было приказано временно остановиться в деревне Ермоловка [в] 7 км южнее г[орода] Сухиничи, где находилось до 20 000 немецких солдат и офицеров. Немцы неоднократно пытались прорвать кольцо окружения, но бойцы 326-й с[трелковой] д[ивизии] и другие отражали все атаки немцев. Снабжение продовольствием с боеприпасами немцы производили самолетами с парашютов.

Немцы в конце января бросили подкрепление для вывода своих войск из окружения по двум направлениям: 1-я группа — по шоссейной дороге через села Брынь — Попково — Сухиничи и 2-я — по ж[елезной] д[ороге] Думиничи — Сухиничи, и мы попали в треугольник окружения.

Поскольку деревня Ермоловка находится [в] 3 км от большого села Попково, которое утром рано 27 января немецкие войска заняли, [он]и начали наступать на деревню Ермоловка. Нам пришлось совместно с лыжным батальоном, который шел на передовую, отражать атаки немцев. Под сильным огнем мы завели автомашины, которые было хотели бросить, и переправили их на противоположную сторону деревни.

В ночь на 28 января мы захватили раненых, пересекли ж[елезно]д[орожное] полотно Думиничи — Сухиничи и с трудом выбрались из окружения через с[ело] Рождественское в село Маховое, где был размещен штаб 10-й армии. Когда выбрались из окружения, мы потеряли 2 автомашины ЗИС-5 и ГАЗ-АА.

В августе 1942 г. немецкое командование, сосредоточив большие силы на участке 16-й армии, повели наступление с целью захватить узловую станцию и г[ород] Сухиничи и отрезать снабжение нашим войскам, находящимся на Рославльском и Смоленском направлениях, захватить Калугу и дальше двинуться на Москву.

Ценой больших потерь немцам удалось форсировать реку Жиздра и потеснить наши войска 16-й армии на 10 — 15 км в район села Колодези, которое находится [в] 20 км от г[орода] Сухиничи.

Во второй половине августа командование срочно перебрасывает нашу 326-ю с[трелковую] д[ивизию] из состава 10-й армии в район с[ела] Колодези, которое находится на берегу речушки на возвышенности в очень хорошем стратегическом отношении на подступах к г[ороду] Сухиничи.

Сразу же по прибытии дивизия вступила в бой. Это были адские дни. Самолеты немцев большими партиями от зари и до зари бомбили наши войска. Село Колодези переходило из рук в руки, т[о] е[сть] днем немцы заберут, а ночью их наши войска выгоняют. В этих боях в особенности отличился учебный батальон, который находился в резерве командования дивизии.

В это время с автоматами в руках и гранатами находились все: и шоферы, и повара, и штабные писари. Штаб дивизии находился в овраге метрах в 300 от переднего края. Я с товарищами Царьковым, Киреевым и Базаевым, вооружившись противотанковыми и ручными гранатами, занял боевую позицию на подступах к оврагу, где рядом находился к[омандный] п[ункт] дивизии.

В эти дни с 20 по 27 августа мне и моим товарищам неоднократно приходилось участвовать в отражении атак немцев.

Хорошо помню: был такой случай. Числа 27 августа, чтобы обойти с[ело] Колодези и захватить его с тыла, немцы, форсировав речушку, после сильной артподготовки и бомбежки с воздуха при поддержке танков большими силами начали наступление на участке 1 097-го с[трелкового] п[олка]. Наши войска, не выдержав натиска, начали отступать.

На командном пункте дивизии, где находились ком[андир] дивизии полковник Карамышев, комиссар див[изии] Петров и нач[альник] штаба Пенчевский, заметили надвигающуюся угрозу, срочно вызвали дальнобойную артиллерию и дивизион катюш. Комиссар дивизии Петров, захватив нас с собой, пошел наперерез отступающим с криком: «Ни шагу назад!». Наши войска залегли и начали отражать атаку. Через 10 мин[ут] прямой наводкой по немцам раздался голос катюш, а из глубины обороны стали бить дальнобойные орудия. После залпа катюш немцы растерялись, в их рядах организовалась паника. Комиссар приказал [идти] вперед и с криком: «Ура!» наши перешли в контратаку и отогнали обратно немцев за речушку.

Измотав противника в районе с[ела] Колодези, в конце августа наша дивизия с соседними войсками перешла в контрнаступление, отодвинув обратно немцев за реку Жиздра.

ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 37. Л. 86 — 89 об.
Рукопись. Подлинник.

И. М. МОИСЕЕВ

Моисеев Иван Максимович (1924, с. Старые Пичуры ныне Торбеевского района Республики Мордовия) — участник боевых действий. В РККА — с 1943 г. Участник Курской битвы. С 1943 г. по апрель 1945 г. находился в немецком плену. После освобождения служил в действующей армии на территории побежденной Германии. Осенью 1945 г. после демобилизации был арестован как бывший военнопленный. Реабилитирован в 1953 г. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями[*].

1999 г.

<...> В сорок втором на фронт добровольцами ушли все мои друзья. А мне очень неловко стало в селе валандаться «не годным». И снова (в который уж раз!) отправился в военкомат. Был снежный февральский день сорок третьего. Я невысок, худощав. Кажусь моложе своих девятнадцати лет. И близорук. Мне опять от ворот поворот. Уныло вышел из военкомата, завернул к деревянному тротуару. Гляжу: навстречу, опираясь на палки, идет военный. В летном. Остановился, смотрит на меня, спросил: «Что, парень? Черед настал?» — и палкой показал на военкомат. Догадался, вишь, зачем туда заходят парни.

Гляжу военному в лицо. Взгляд пронзительный. Брови черные, густые, почти одна другой касается. Он-то ко мне обратился по-русски, а я враз догадался — акцент мокшанский. Да и узнал его: передо мной стоял сын бабки Акулины — Михаил[**].

Я тогда жил в селе Старые Пичуры. И торбеевскую добрую бабку знал еще до войны. У нас в селе говорили: «Если тебя в райцентре Торбеево застанет ночь, спать иди к Акулине. Она приютит всякого». Так отзывались о матери сегодня известного героя. У нее было много сыновей: Никифор, Вася, Петя, Алексей. А Михаил в отпуск к матери приезжал и до войны. Девчата в него впивались глазами, как зачарованные, а ребята — с завистью. Он был в форменной одежде. Пуговицы, ремни сверкали. И вот я снова вижу Михаила. Только теперь он в потрепанном мундирчике. На палки опирается.

— А я знаю, кто ты, — сказал ему по-мокшански. — Ты сын Акулины.

— Правильно, — он перешел на мокшанский. — Вот поранило. Отправили в Казань в госпиталь. И проездом заглянул сюда, к матери. А ты чей парень?

— Я пичурский. Прошусь на фронт, но не берут...

— Как не берут?! Туда, брат, нужны мужские силы, — сказал он, — я вот чуток подремонтируюсь и снова попрошусь. Фашист наступает...

Девятаев пожал мое плечо ладонью и зашагал, прихрамывая, своей дорогой. Я смотрел ему вслед, и желание отправиться на фронт еще больше возросло. «Девятаев вон какой... весь израненый... и то рвется на фронт. А я... Что же предпри-

[*] **Моисеев М.** Дядя Ваня // Эхо войны. Саранск, 1999. С. 248 — 258 ; http://podvignaroda.mil.ru

[**] Речь идет о Герое Советского Союза М. П. Девятаеве.

нять?» Вспомнил: мой же отец сельский медик. Может, поговорит здесь кое с кем. Ведь я не корыстные цели преследую...

Вечером дома ему признался. И он обещал поговорить кое с кем. В мае мне вручили повестку.

После коротких военных курсов в Саранске я попал в дивизию, которая сражалась на Орловско-Курской дуге. В те летние погожие дни наши дубасили фашистов, гнали с территории Орловской области. Мне, новичку, еще в боях не закаленному, по сравнению с другими бойцами было трудней. Да еще сильно мешала близорукость. Иногда из-за этого становилось просто неловко. Однажды иду между блиндажами, гляжу: навстречу идет высокий, широкоплечий военный. Видно, капитан какой или лейтенант. Ну и поприветствовал его, вскинув руку к козырьку. А это оказался рядовой Кузнецов. Стал подтрунивать:

— Иван, ты совсем, что ли, не видишь? А если перед тобой так фриц окажется? И ему руку — к козырьку?

Тот Кузнецов (имя я уже запамятовал) родом из орловских краев, деревенский.

Как я уже упоминал, в те дни наши наступали. У фашистов только пятки сверкали. Тогда в штабе командования было решено: отправить в тыл врага большие разведгруппы. Когда основные силы пойдут натиском, враг начнет отступать и... в своем же тылу наткнется на огонь. Запаникует. Будет сдаваться.

В такой группе заброса оказался и я. По лесу двигались ночью. И в лесу же заняли позиции. Стали ждать, когда фашисту дадут жару, а мы уж тут — на отступающих. Ждали почти весь день. И безрезультатно. Наши с наступлением почему-то не спешили. Мы в недоумении продолжали сидеть в засаде.

В летнем лесу хорошо. Прохладненько. Мы с Кузнецовым собирали малину. Ягоды утоляли жажду. Мимо проходил наш командир, подозвал Кузнецова, приказал:

— Ты родом из этих мест. Пути-дороги знакомы. Такое тебе задание, рядовой Кузнецов. Добраться до основных сил, разузнать, в чем причина задержки наступления. И вернуться — доложить.

— Есть — вернуться, доложить!

— С собой возьми напарника, вон его, — командир показал на меня.

И мы отправились. Вскоре стемнело. Друг мой, как я после догадался, повел не той дорогой, по которой сюда пробирались, не лесом, а по краю, полем. Здесь, дескать, легче идти. По пути рассказывал о себе. До войны слыл хорошим портным. Шил одежду. А до его села, мол, рукой подать. Теперь там фашисты. Дома у него мать и сестренка. Как они там? Живы ли?

И я о себе не молчал. По специальности, мол, учитель. По национальности мордвин.

Вдали в темноте то и дело поднимались светящиеся ракеты.

— Те, которые в небе долго держатся, как фонари, — это немецкие, а быстро гаснущие — наши, — пояснил друг.

От леса отошли порядочно. Небо заволокла туча. Начался дождь. Темнота сгустилась. И вдруг прямо над нами как вспыхнет... Ракета осветила всю округу. Мы легли, замерли на месте.

— Фашисты, видать, не собираются отступать. Крепко держатся, — прошептал Кузнецов. — А уже здесь рядышком мое село. Заглянем?

— Но ведь там фашисты. Да у нас и времени нет... заглядывать. Надо выполнять приказание, — говорю.

Свет ракеты-фонаря погас. И мы побежали. Оп! — я споткнулся обо что-то мягкое. Упал. Вай! Да здесь убитый... Немец или русский?

Снова бежим.

— Вот же мое село. Вот! — шепчет Кузнецов. — Сожжено... Одни печные трубы торчат. Айда, здесь близко...

Как я не хотел заворачивать сюда, но Кузнецов привел. Может, он это сделал против своей воли. Ноги не послушались приказа. Остановились у околицы.

— Времени у нас нет, — говорю.

— Ты подожди здесь. А я только сбегаю и вернусь, — твердил упрямо Кузнецов. — Вон там погреб. Иди спрячься туда. А я мигом. Повидаюсь с матерью, сестренкой и — обратно.

И Кузнецов растаял в темноте. «Ах, ослушник! Вон почему „легкой“ дорогой повел меня. К себе домой захотел». У меня в голове путались мысли. А если он не вернется? Кузнецов знает здешние места. Его, может, с подобным заданием посылают не впервые. До рассвета надо бы добраться до основных сил.

Дождь все моросит. Я полез в погреб. Здесь прохладно, но хоть не капает, не мочит. Слышу пенье петуха. По телу пробежала дрожь. Стало быть, в сгоревшем селе есть еще живые души.

Небо над ямой вроде прояснилось. А друга все нет. Вернется ли? Рассвело. А я все в ожидании. Пить захотелось. А выходить из укрытия опасно. Надо дождаться вечера. А, может, наши пойдут в наступление. Фашисты покинут село.

В погребе день показался ужасно длинным. Вздрагивал при каждом шорохе. Без еды, без воды.

Стемнело. А Кузнецов как в воду канул. Эх, поверил... сволочи! Он, видно, сдезертировал, фашистам сдался. За это — трибунал.

Временами кружится голова. Теперь хоть бы глоток воды, горбушку хлеба. Неужели придется подыхать в этой живой могиле? От этих мыслей взяла меня дрожь. Привстал с пола, стал подниматься по лестнице со ступеньки на ступеньку. Наконец высунул голову на свежий воздух, вытянул за собой винтовку. Вышел. Вокруг тишина. Здесь же рядом конопляное поле. Я стал рвать и грызть листья конопли. Утоляется голод, и влага есть в зелени. А почему же до сих пор нет Кузнецова? Темно.

— Хальт! — услышал я. Это мне? Нет? Голос вдалеке. В селе фашистские дозоры. А может, Кузнецов сюда добирался и его схватили?

Кружится голова. Ждать больше нет смысла. Вдали забрезжил рассвет. Я и отправился по конопляному полю на зарю, в сторону леса. Там, видать, свои. Да и по лесу идти безопасней. Снова рву и грызу коноплю. Но вот поле кончилось. Иду по ухабистой дороге. Пить хочется. В ямке, в следе копыта лошади, заблестело зеркальце воды. Припал к зеркальцу и выпил всю. До капельки. Почувствовал облегчение.

Недалеко ухнул снаряд, затем другой. Потемнело вокруг. На меня будто небо свалилось. Я в каком-то страшном сне. И вот просыпаюсь. В ушах пыль, во рту песок. Я полузасыпан землей. Вылез. Вокруг рвы, воронки. Спешу к лесу. Он укроет. До него рукой подать. Уже светает. У опушки... танки. Пятнистые... «Пантеры».

— Коммен зи, русс Иван! — услышал немецкий издевательский голос. — Хенде хох!

У меня из рук выпала винтовка.

Так я оказался в плену у немцев. Солдаты с засученными рукавами привели меня на кордон. Видно, здесь расположился штаб. В комнатке за столом в коричневом кителе рыжий одутловатый офицер:

— Пошему рот зельеный? — обратился ко мне по-русски.

— Коноплю ел.

И начался допрос. Фамилия, имя.

— Откуда родом?

— Из Мордовии, — говорю.

— Из Молдавии?

— Да, — кивнул дерзко головой. Пусть пишет, что слышит.

— Как оказался здьес?

У меня в голове мысли запутались. Что сказать? Ведь не говорить же о том, как покинул меня напарник, которого так долго ждал в погребе. Тогда и Кузнецова станут искать, и группу, что в засаде, обнаружат.

— Был бой, рвались снаряды. Меня слегка контузило. Отстал от своих. Заблудился.

У допрашивающего пальцы толстые, обросшие рыжей щетиной. Перо, которое порою нервно макал в чернильницу, бежало по бумажке со скрипом. На пальцы его то и дело садилась большущая муха. Может, незасохшие чернила ее манили. Подумалось: «Вот это насекомое на воле. Где хочет, там летает, куда хочет — сядет. А меня что ожидает? И чего этот рыжий так тянет с допросом? Был бы я офицером, а то рядовой ведь...». Смотрю в лицо фрица, и страх стал меня покидать. Будь что будет! Застрелят — так застрелят. Только бы не мучили, только бы над живым телом не издевались.

Я и так уж не из рослых, а последние мытарства меня превратили просто в заморыша. Весил пуда три, не больше. И выглядел, наверное, недорослым.

Офицер продолжал задавать вопросы. Когда он узнал, что по специальности я учитель, очень удивился.

— Тогда мы с тобой коллеги! — сказал он. — До фойна и я в школье преподавальт. Кого знаешь из немецких писателей?

— Наизусть знаю стихи Гейне, Гете. Знаком с произведениями Гофмана, Брехта.

Он слушал и, показалось мне, становился добрее.

— Вот что, зольдат. Ти мне приятен. Пойдешь не концлагерь, а в трудофой лагерь. Будьеш легкий работ делать. Поньял?

До меня его слова доносились как бы издалека-издалека, будто с того света. Перед глазами замельтешили мушки: белые, синие, красные. И я грохнулся на пол.

— Что случилось? — спросил офицер, когда меня приподняли двое солдат.

— Пить... Пить...

Вывели во двор. Там в калдообразном ограждении таких, как я, подобранных, понурых, еще человек десять. А вокруг на бревнах охранники. Друг с другом громко разговаривают, хохочут. В то же время жуют яйца, мясо, из фляжек попивают.

У меня перед глазами снова замельтешили разноцветные мушки. Большеротый солдат протянул бутерброд с маслом. А мне его голос доносится будто из погреба.

— Битте, битте!

Я протянул свою руку, чтобы взять. А фашист отдернул руку обратно. Над голодным измывается. Вот он снова подает свой бутерброд. Я не беру. Я уже боюсь, что снова уберет. И вот он уже с силой толкает бутерброд мне в пятерню. И я съел его. Затем и воду дали. Напоили досыта и меня, и других военнопленных.

Там же на Орловщине находился и лагерь. Колючая проволока, сторожевые вышки, наскоро отстроенные бараки. Здесь наши рубили деревья, мостили дороги. Временами в лагерь приезжали из Германии помещики-бауэры. Нас выстраивали на плацу. Разглядывали, прощупывали, у кого какие мышцы, зубы. За более крепких отдавали по несколько пфенингов и увозили. А на меня даже не смотрели, не нужен был этакий заморыш.

Война катилась на запад. Отступая, фашисты эвакуировали и лагеря для военнопленных. Вот мы уже на территории Польши. Вот — на территории Германии.

Некоторые по дороге убегали. Их ловили. И фрицы устраивали показные казни, чтобы другим было неповадно. Нас выстраивали на площади, а вперед выводили беглеца и пускали на него свору голодных собак. Овчарки человека разрывали на куски. Сгрызали и костей не оставляли.

Я бы тоже с большой охотой убежал. Но для этого одного желания было недостаточно. Нужны были силы, ловкость, здоровье, чего у меня не хватало. Да еще никудышное зрение. Страшился решиться на такой шаг еще и потому, что после побега уничтожали и людей, с которыми общался.

К апрелю 1945-го наши хозяева заметно подобрели. Чувствовали: наступает конец и питали надежду, что в будущем избегут наказания. Наш лагерь был захвачен союзниками-американцами. Нам объявили свободу. Их агитаторы стали проводить с нами беседы примерно такого толка:

— Советские военнопленные! Фашизм разбит. Вы теперь на свободе. Но перед тем, как распрощаться с вами, предупреждаем: вас на родине ожидают большие неприятности. Вы, оказавшиеся в плену, у себя будете считаться изменниками, и вас на долгие годы упекут в советские концлагеря. А потому предлагаем: отправляйтесь к нам, в Америку, будет вам и хлеб, и свобода.

Я и не думал переходить к американцам. Может, напрасно стращают союзнички? Но некоторые из наших поддавались агитации. Среди них был и один мордвин... Я с ним познакомился накануне освобождения. Говорил ему: «Ты что?! Спятил? Пойдем домой. Плюнь на капиталистов!». А он, как, впрочем, и некоторые другие, испугался советских концлагерей.

Нет уж, я не откажусь от Родины. Пусть там, в своей стране, и накажут, пусть придется в нужде помыкаться, но все равно вернусь к отцу, матери в родной дом, снова увижу друзей детства, знакомых, родные места: Паньжу-речку, Лопыж-овраг, вдоволь напьюсь из родных родников. А в Америке кто по мне соскучился? Кому там я нужен? И мне кто там нужен? Чужбина — худшая каторга.

Нас, не принявших предложение союзников, передали в распоряжение частей Красной армии. О, как я обрадовался! Будто переродился. Я снова у своих! Мне дали обмундирование красноармейца, винтовку. И я продолжил службу в Берлине.

Служил и после 9 мая 1945 г. В побежденной Германии устанавливали новые порядки, гонялись за недобитыми фашистами. И так до осени. Осенью меня демобилизовали. Я собрался домой. Туда успел отправить уже несколько писем, сообщил, что был в плену, теперь жив-здоров, ждите. Ведь родителям еще в сорок третьем приходила похоронка: «Ваш сын погиб в бою...». Они меня уже оплакивали. А с первой весточкой после плена для них я снова воскрес. И вот я на перроне берлинского вокзала, возвращаюсь. Скоро уже, скоро встречусь с дорогими моими отцом и матерью, с сестрами, близкими.

На перроне весело, шумно. Где-то русская гармонь наяривает «Катюшу». Вот-вот подойдет эшелон и увезет нас на восток. Осень сыплет с деревьев желтые листья. Я в шинели, пилотку поменял на серую солдатскую шапку.

Вот уже поезд показался. Ко мне подошли два советских офицера. Спросили имя, фамилию. Я сказал.

— Пройдемте с нами, — скомандовали.

— Куда? Я же домой уезжаю. Вон мой поезд.

— Поезда еще будут. Мы задержим вас ненадолго.

И забрали. Привезли в большой серый каменный дом. В кабинете три чина. Строго приказали:

— О себе, о том, как попал в плен и так далее — докладывай подробно и правдиво. А если что скроешь или исказишь и мы об этом узнаем после, будешь жалеть.

И я рассказал о том, как уходил добровольно, как служил, как на Орловщине набрел на фашистов, как вел себя, уже будучи пленным, как предлагали американцы перейти к ним, а я отказался.

«Тройка» объявила приговор: десять лет заключения.

— За что? — вырвалось у меня.

— За что?! — впился стеклянным взглядом мне в лицо один из «тройки». — А зачем ты живым сдался в руки фашистов?! В лагерной библиотеке их книжки читал. Тебя расстрелять следовало бы!

А действительно, однажды была такая возможность пользоваться лагерными библиотечными книгами. И я не брезговал.

Тогда почти всех, в плену побывавших, обвиняли в шпионаже. И виноват не виноват — давали солидный срок.

Меня посадили в товарняк. Здесь таких, как я, побывавших в плену и осужденных «тройкой», полным-полно. Товарняк тронулся. Едем. Куда везут? Еще какие горечи предстоит испить? Состав часто останавливается, подолгу стоит на станци-

ях. Как и в лагере для военнопленных, нам дают по кусочку хлеба и жидкое хлебово. А порой ничего не дают.

Позади Германия, Польша. Едем уже по СССР. На одной станции нам раздали соленые селедки. Мы, проголодавшиеся, с жадностью набросились на еду. После соленой рыбы захотелось пить, а воды не дают. Жажда замучила. Соленым напичкали, чтобы поиздеваться. И вот уже на остановке всем вагоном хором кричали:

— На-чаль-ник, воды! На-чаль-ник, воды!

Такие вопли слышались и из других вагонов. Те тоже были переполнены бывшими военнопленными. В дороге же некоторые сходили с ума, некоторые умирали.

Добирались целый месяц. В декабрьский день открыли двери и приказали вылезать. Доехали. Догадались: мы на севере. Холод ужасный. Градусов пятьдесят. А я в шинелишке, в сапогах.

Вскоре выстроили у железной дороги.

— На колени! — скомандовали конвоиры.

Итак нестерпимый холод, да еще на снег на колени становиться... Коленями прилипнешь к студеной земле. Все встали в требуемое положение. Нам зачитали: вы-де, такие-сякие изменники Родины, здесь должны искупить свои грехи, должны слушаться начальства и не нарушать лагерный режим.

После коленей не все смогли встать на ноги. Некоторые попадали на снег.

— Упавших забрать! — приказали конвоиры.

Я нагнулся за одним. У него глаза как стеклянные. Но будто знакомы. Где их видел? Где встречался с этим человеком? В лагерях, конечно, со многими общался. Но это лицо так хочется вспомнить! Видно, с ним встреча была не обычной, не мимолетной. И вспомнил. Да это, вроде, тот самый Кузнецов? С Орловщины? Тогда, в сорок третьем, летней ночью у околицы села с ним расстались... И я его не дождался.

Трогаю его, в чувство привожу. Он мужчина крупный был, а теперь что от него осталось? Худущий!

— Кузнецов! Кузнецов! Это ты?

Его зрачки задвигались. В нем еще теплится жизнь. Я его довел до укрытия, где нам приказали располагаться. Усадил на пол.

— Кузнецов? Жив?

Он смотрит и губами шевелит:

— Мордвин, это... ты? Прости, что тогда так получилось. Со своими мне повидаться не пришлось. Фашисты их прикончили. А я, расстроенный, с рыдающей душой, спешил к тебе, да поймали фашисты. По концлагерям таскали. Сколько побоев и унижений перетерпел! Избивали меня и фашисты, и свои. Все потроха выбиты.

Говорил ли он, или мне чудилось? Шевеление губ... Кузнецов смолк. Ждал, что я скажу. А я зла на него уже не держал. Только рассказал, что в плен попал тогда же, возле его села. Не нужно было туда заворачивать. Да что говорить! Может, тот человек был вовсе не тот Кузнецов.

И снова команды, суета.

— Умерших похоронить! — крикнули.

Земля в тундре твердая, как железо. Долбили ломами. Рыли ямы. Друг на друга стали класть усопших товарищей. Гляжу, и Кузнецова положили в братскую...

— Его не надо, — говорю, — он еще живой.

— Был живой!

Где-то затрещала автоматная очередь.

Заключенные по состоянию здоровья делились на три категории. Более крепкие относились к первой, их нормы на работах были повышенными. У заключенных второй категории нормы чуток снижались. Ну а я числился в третьей категории.

Иные даже не могли выходить из бараков. У кого внутренности отбиты, у кого — ноги обморожены. Умирали десятками. И хоронили их в вечную мерзлоту. Вечная им память.

Я там находился до пятьдесят третьего года. И еще бы не отпустили, а может, пришлось бы отправиться на тот свет, если бы туда не ушел первым Оська. Услышав о его кончине, заключенные забастовали: «Свободу! Свободу нам! Мы не враги!». И за это, за забастовку, многие тоже поплатились жизнью. В конце концов объявили амнистию.

Сейчас Сталина кто проклинает, а кто и тоскует по нему. А я и не знаю, как к нему отнестись. Не знаю ему цены. Ему и его времени. Жуткое было время.

Публикуется по изданию:
Моисеев М. Дядя Ваня // Эхо войны.
Саранск, 1999. С. 248 — 258.

С. И. МОРОЗОВ

Морозов Сергей Иванович (20.11.1921, с. Новая Слобода ныне Большеболдинского района Нижегородской области). В РККА — с 1939 г. Рядовой. В составе 453-й мотомеханизированной бригады принимал участие в боях под Москвой, Воронежем, Орлом, Сталинградом. Четыре раза получал тяжелые ранения. Демобилизован в феврале 1944 г. После войны работал в Мордовии. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени[*].

1995 г.

В роковом 1941 г. я служил в Ульяновске — был связным командира роты. Самыми трудными для начинающих воинов были пешие или лыжные марш-броски, ночевки в лесу у костров, трехкилометровые пробежки в полном боевом снаряжении. Служба, несмотря на всю ее тяжесть, не воспринималась как некое проклятие. Многие понимали, что в ближайшем будущем начнется воина с Германией и к ней необходимо тщательно готовиться. Поэтому на трудности никто не роптал, и солдаты честно несли службу.

На стрельбище и на тактических занятиях, в походах и в карауле, у костра в лесу и в редкие часы отдыха — всюду мне доводилось доверительно разговаривать с товарищами на самые разные темы, участвовать в беседах офицеров с красноармейцами. Многие сослуживцы запомнились мне на всю жизнь. Хочу рассказать о трех из них.

Василий Монжос был рядовым. Молодой украинец, на гражданке — столяр. Широкоплечий, неторопливый, исполнительный, миролюбивый парень. 8 марта 1941 г. в беседе с глазу на глаз он сказал мне: «22 июня этого года начнется четырехлетняя страшная война с Германией. К великому счастью, мы победим!». На мой вопрос, откуда у него такие точные данные, он скупо проронил: «Это мне дано знать свыше!». Признаться, я не поверил ему, принял его сообщение за домысел. Но время подтвердило его правоту.

Подполковник Садов — пожилой служака, строгий и требовательный, сильный и жизнелюбивый. Был награжден орденом Красного Знамени в Гражданскую войну. Он каждое утро делал пробежки по пересеченной местности с целью укрепления здоровья и воли. Не давал покоя ни себе, ни бойцам своего полка, готовил их к защите Отечества. Когда Садов бывал на полевых занятиях какого-либо подразделения полка, то непременно угощал бойцов папиросами. Будто сейчас вдыхаю аромат подаренной папиросы, словно сейчас перед взором щедро раскрытый серебряный портсигар. Солдаты глубоко уважали и любили подполковника. За многое.

И, наконец, третье лицо — заместитель командира роты по политической работе. Неумолимое время стерло в памяти его имя, зато его облик, голос и особенности

[*] Ветераны войны вспоминают. Саранск, 1995. С. 45.

характера представляются настолько живо и ярко, словно с той встречи не прошло пятьдесят с лишним лет. Учитель-историк, он был призван в Красную армию из запаса зимой 1941 г. Молодой, среднего роста, с удлиненным приятным лицом, светлыми, умными глазами, тихим голосом и легкой походкой. Он никого из солдат не распекал и не наказывал, скорее усовещивал за проступки, а добросовестных и исполнительных воинов не забывал поблагодарить за честную службу. Многие в роте — и я в их числе — сердцем тянулись к нему. При всей своей сдержанности и внешней суровости я невольно при встрече улыбался ему. Он тоже. Много говорили о службе, о литературе, о России. О войне — очень редко.

Вечером 15 июня политрук пригласил меня на беседу. «Знаешь, Сережа, мы у порога войны с Германией...» Голос у моего начальника был по-прежнему тих и мягок, но очень грустен. «На днях наша дивизия направляется на юг, ты же останешься в Ульяновске, в казарме. Будешь получать продукты в танковом училище и кормить мобилизованных. Со временем, конечно, тебя пошлют на фронт». Я спросил у него, почему командование относится ко мне с недоверием. «Ты нередко в разговоре с бойцами резко отзываешься о руководстве нашего государства, которое пошло на сближение с немецкими фашистами. И еще кое-что вменяется тебе в вину. Я, разумеется, понимаю твою обиду и искренне верю, что ты не робкого десятка, горячо любишь Родину и при случае сумеешь постоять за нее». Я спросил себя, в чем же еще моя вина. Видимо, в том, что я верю в Бога и говорю об этом.

К великому сожалению, никогда больше не видел политрука. В этом ли он мире, или за роковой чертой, не знаю, но я берегу светлую память о нем.

Через полтора месяца после начала войны группу военнослужащих из Ульяновска, в которую входил и я, командировали в Казань. Нас встретили, накормили, разместили в казарме, а утром направили в роту. Меня назначили командиром отделения. Во взводе и в роте кадровых бойцов было не более трети. Остальная масса — новобранцы из Татарии, Мордовии, Горьковской области и других мест. Одеты и обуты бойцы были очень пестро: кто в армейской форме, кто в фуфайке, кто в лаптях, кто в поношенных ботинках. На одном солдате была даже старая, но крепкая шинель царского времени с двуглавым орлом на пуговицах.

Мы целыми днями либо занимались тактикой и изучением материальной части оружия, либо помогали убирать с полей хлеб, скирдовали рожь и пшеницу. В моем отделении было трое бойцов мордовской национальности. Молодые, рослые, красивые ребята. Все они крестьяне, работали сноровисто, учили меня своему немудреному искусству. Работа очень сблизила нас, сделала друзьями на долгие фронтовые месяцы.

В середине сентября мы получили новое обмундирование, оружие и на воинском эшелоне выехали в Смоленск. Однако наша часть опоздала: дорога уже была перерезана немцами. Несколько дней пробыли на узловой станции Вязьма, ожидая особого распоряжения. Вот здесь я впервые увидел войну с ее чудовищной жестокостью. Огромный железнодорожный узел горел. Фашистские стервятники делали налет за налетом, сбрасывая бомбы. Цистерны с бензином и нефтью взрывались. Огромные огненно-дымовые столбы вздымались в небо. По-сатанински злобно

истреблялись плоды тяжелого народного труда. И ни одного нашего самолета... Полная незащищенность...

Со станции Вязьма к месту дислокации мы приехали глубокой ночью. В течение считанных минут построили батальон. Шестерым бойцам комбат приказал пойти в разведку. Нужно было выяснить, какие близлежащие села заняты немцами. Все названные солдаты то ли от страха, то ли от неожиданности испугались и сказались больными. Командир, выслушав жалобы, мгновенно «исцелил» их, напомнив, что по законам военного времени за невыполнение приказа солдат расстреливают. Я мысленно поставил себя на место этих ребят, и мне стало не по себе: в разведке следует точно запомнить каждый кустик, каждую тропинку, а я никогда не отличался хорошей зрительной памятью. Но этот недостаток на фронте в расчет не принимается.

Утром и меня послали в разведку. Задача была сложная, но выполнимая: незаметно войти в село и собрать сведения о немцах. Я, конечно, знал, как пробираться в лесу, по открытой и пересеченной местности. Пользовался биноклем. Оказалось, что фашисты успели занять пока только соседнее село. Подростки, старики и женщины рассказали мне, что они вошли в него накануне вечером, а утром «добренький немец» сбил на сельском магазине замок, вынес полмешка пиленого сахару и угощал ребятишек. Оккупанты ловили на дворах кур, требовали у колхозниц яиц, молока, масла. Уже успели зарезать корову.

Одна из моих собеседниц безутешно рыдала. В 9 утра она получила похоронку на сына, а спустя час в село въехал немецкий танк. Танкисты схватили ее семнадцатилетнюю дочь и увезли в лес... Так германские «цивилизаторы» устанавливали в русских деревнях и селах новый порядок. Обо всем увиденном и услышанном я доложил своему командиру.

Наша часть входила в 453-ю мотомехбригаду и располагалась недалеко от небольшого старинного городка Верея, в непосредственной близости от сел Петрищева и Никольского, то есть в тех местах, где несколько позднее партизанила и погибла Зоя Космодемьянская.

Немцы начали атаковать нас в 17 часов. Наблюдаю, как они поднимаются из лощины. Батальон или больше. Слышится на высокой ноте картавое «Ура!». Бойцам стрелять не велено. За нарушение приказа можно поплатиться головой. Ребят дрожь пробирает. Не хотят ли сдать нас немцам? На фронте ходят страшные слухи: предатели-командиры иногда сдают полки и даже целые дивизии. Приблизительно в полутораста метрах от окопов стоят наши артиллерийские батареи. Но и они подозрительно молчаливы. Неужели предательство? И вдруг послышалась команда: «По фашистской сволочи ураганный огонь!». Умолкли последние визгливые отголоски картавого «Ура!». Шли немцы в атаку, видимо, под хмельком. Бог в древности спалил за грехи Содом и Гоморру. Наши огневики в течение считанных минут сожгли за грехи немецких пехотинцев.

Вспоминается другой эпизод. Погожее октябрьское предвечерье. Наш взвод расположился на опушке леса. Поступил боевой приказ: в 23.00 по сигналу трех белых ракет наша часть начинает наступление на деревню. Я замечаю, что сержанта Павловского, пришедшего к нам после ранения и лечения в госпитале, трясет,

словно в лихорадке. Я нехорошо подумал о нем, посчитал слабонервным. Но после того как мне пришлось по-настоящему понюхать пороху, я никогда больше не позволял себе давать сослуживцам столь обидные характеристики.

Наступление началось весьма успешно. Мы быстро продвигались к цели. А потом... До сих пор вспоминать страшно. У нас отлично работала артиллерия, у врагов — минометы. К слову сказать, от снарядов легко спасаться: они глубоко зарываются в землю, и при взрыве осколки летят под таким углом, что не поражают залегшую пехоту. Мина действует совсем иначе: ударяясь головкой о землю, она мгновенно рвется, делая воронку с куриное гнездо, осколки же летят очень низко, нанося большой урон живой силе. Минометный огонь гибелен для солдата. В такие минуты бойцы иногда отходили назад. Подобное случилось и в памятную для меня ночь. Я хорошо помню, как комиссар требовал от бойцов не оставлять позицию, но чувство самосохранения пересилило, и они все-таки отошли на 300 — 400 метров назад. Лишь с десяток автоматчиков остались на переднем крае, и я с ними. Ручной пулемет Дегтярева работал безотказно. Я действовал строго по уставу: одна длинная или две короткие очереди — и меняй позицию. Отрываешься от земли и, согнувшись в три погибели, пробегаешь несколько метров, снова выпускаешь одну-две очереди — и опять бежать. И так без передышки несколько часов... Второй номер следил за моими перемещениями и своевременно подносил диски.

Сложилась своеобразная боевая обстановка: расстояние между нами и фашистами составляло, по-моему, 100 — 120 метров. Мы стреляли в немцев, они — в нас, а наши отступившие бойцы били немцев в грудь, а нас — в затылок. Мы оказались между двух огней. Однако боевой дух гитлеровцев был надломлен: заметно уменьшилась автоматная трескотня, замолчали два фланговых пулемета. Фашисты, очевидно, почувствовали, что горстка их противников не отдаст им ни пяди окровавленной русской земли. Это был единственный бой, когда я совершенно ничего не боялся. Я был по-настоящему счастлив тем, что могу быть полезным своей Родине.

На фронте нередко шутили: моряка защищает в боях корабль или подводная лодка, летчика — самолет, артиллериста — щит орудия, танкиста — танк, а у пехотинца вся защита — каска, шинель и гимнастерка. Вот почему представители «царицы полей» иногда сражались считанные дни или недели, а потом месяцами врачи боролись за их жизнь в госпиталях; чаще других они уходили в мир иной.

В боях под Москвой, Воронежем, на подступах к Орлу мне довелось воевать всего лишь по нескольку недель. Зато под Сталинградом я продержался с конца августа по 17 декабря 1942 г. Для пехотинца это немалый срок. Наш полк, переброшенный из-под Вольска, влился в 99-ю Краснознаменную дивизию. Ее командир полковник Владимиров — высокий, крепкого сложения пятидесятилетний мужчина, уже был на протезе. Воевал под Одессой, оттуда прибыл на Волгу.

На ближайшее время командованием было запланировано наступление по всему фронту с целью окружения и пленения армии Паулюса. Все об этом только и говорили, но точной даты ни солдаты, ни офицеры не знали. Это хранилось в строжайшей тайне. И вот долгожданный боевой приказ, зачитанный командиром

роты в полдень 19 ноября 1942 г.: наступление к 16.00 по сигналу трех белых ракет. Это был тихий, солнечный день. Последний теплый день незабываемой осени. Солдаты получили теплые портянки, по паре байкового белья и четырехсуточный сухой паек: крупные бело-желтые пшеничные сухари, галеты, сахарный песок и др.

В 16.00 огромные массы солдат и офицеров в полный рост двинулись в направлении Сталинградского тракторного завода. Бьет вражеская дальнобойная артиллерия. Рвутся мощные снаряды, убивая и калеча воинов. Одни раненые матерятся, другие стонут, третьи плачут. Их тут же выносят с поля боя к грузовикам и увозят в полевой госпиталь. Мертвые навечно остаются в мягкой, холодной приволжской земле. И не суждено им испытать упоения победы. Но ни один погибший не забыт. Всех их поименно помнит родная земля.

Закончить свои воспоминания хочу стихотворением своего земляка Н. В. Лемаева «Ветераны»:

Мы славим 9 Мая!
Но, радуясь мирной весне,
Победный бокал поднимая,
Предчувствуем горечь на дне.
Сужается круг ветеранов —
Минувших сражений солдат.
Гнетут их болезни и раны
Под музыку памятных дат.
Весна ли, стоят ли сугробы,
А время — безжалостный бич!..
Оно им готовит окопы
Средь старых и новых кладбищ.
И отпуск солдатский бессрочен:
Уходят и в холод, и в зной...
И радиус круга короче
Становится с каждой весной.
Когда-нибудь черною точкой
Окажется тающий круг.
Тогда ветеран-одиночка
Посмотрит печально вокруг.
И спросит он: «Где же вы, братцы?
В какой это месяц и год
Сумели вы вместе собраться
В последний далекий поход?
И как мне догнать вас на марше?
Солдат ведь не служит один...
Где песни суровые ваши?
Где белые пряди седин?
Какую команду вам дали?

Зачем вы ушли без меня?»
В ответ ордена и медали
Размеренно, в шаг, прозвенят...
Сойдет он со славой в могилу,
Как тот безымянный герой,
Чей подвиг, чью ратную силу
Народ поминает порой...
И траурный марш величаво
Оплачет бессмертия миг...
Останутся вечная слава
Да вечная память живых.

Публикуется по изданию:
Морозов С. И. Суров и труден путь пехотинца //
Ветераны войны вспоминают.
Саранск, 1995. С. 45 — 51.

Т. А. МОРОЗОВ

Морозов Трофим Афанасьевич (род. в 1923 г.). В РККА — с 1941 г. Участник боевых действий. Воевал в составе 326-й Рославльской Краснознаменной стрелковой дивизии. Был трижды ранен. После демобилизации работал в г. Краснослободске, затем в г. Саранске. Награжден орденами Отечественной войны, Красной Звезды, медалями[*].

1994 г.

С 1935 г. наша семья жила в городе Темникове. Отец мой, Афанасий Семенович, пошел в райвоенкомат на второй день войны. Прощаясь со мной, сказал:

— Сынок, война будет жестокой, хлебнуть горя придется многим. Тебе уже 18 лет, десятилетку закончил и тоже скоро пойдешь в армию. На войне будь внимательным, исполнительным, но не трусом…

Эти наказы отца я помнил всегда. В Красную армию призвали меня зимой 1941 г. Вначале учился по ускоренной программе в Харьковском военном училище, затем — формирование воинской части, отправка на фронт, ранения, госпитали… Словом, все тяготы фронтовой жизни испытал сполна.

В годы войны отец регулярно писал письма родным. В каждом письме военная цензура вычеркивала отдельные строчки. Я тогда думал: что же мог написать секретного в письме рядовой солдат? Вероятно, это были строчки о дислокации или названии воинской части, где он служил. Об этих зачеркнутых строчках я однажды написал отцу. И, находясь в госпитале после третьего ранения, я получил от отца загадочное письмо.

Отец писал, что в городе Великие Луки он встретил земляка-пчеловода из Темникова, который служит в химических войсках. Тут я догадался, что он пишет о себе. Перевернул я листок письма и заметил мелкие буквы и цифру — «326-я Мордовская стрелковая дивизия».

Вот радость! Теперь я знаю, где искать отца. А о том, чтобы воевать вместе с отцом, я думал часто. У меня было твердое желание во что бы то ни стало разыскать отца.

Письмо моего отца я показал начальнику госпиталя, обратился с просьбой о выписке. Но он настаивал на дальнейшем лечении, говорил о возможных осложнениях...

Однако эти уговоры на меня не оказали никакого воздействия. Я заявил, что если меня не выпишут, то убегу из госпиталя на фронт, что, впрочем, я уже один раз сделал.

Было это после моего второго пулевого и осколочного ранения. В госпитале я познакомился с одним разведчиком из соседней дивизии. Он все посмеивался надо мной. Говорил, что, мол, ранений у меня много, а медали ни одной. «А вот у нас

[*] **Морозов Т. А.** На фронт к отцу // Изв. Мордовии. 1994. 24 нояб. С. 2 ; **Его же.** С отцом на фронте // Там же. 1995. 5 янв. С. 2 ; http://podvignaroda.mil.ru

в разведке, — сказал боец, — за выполнение боевого задания медаль или орден полагается...»

Вспомнил я тогда песню, где есть слова: «Когда вернешься с орденом, тогда поговорим...», — и решил пойти в разведку. Собрал свои вещи и с этим разведчиком уехал к нему в часть. Только разведчиком я не стал. Из штаба отправили меня в госпиталь раны долечивать.

После лечения в госпитале — снова бои. Зимой 1943 г. под Старой Руссой был снова тяжело ранен и оказался в нейрохирургическом госпитале в Валдае. Вскоре выдали мне документы, на основании которых я должен был ехать в тыл на долечивание.

Приехал на железнодорожный вокзал, подумал-подумал и с первым же воинским эшелоном отправился на запад. Прибыл в Великие Луки. Обратился к военному коменданту. Показываю свои документы, письмо от отца и прошу помочь добраться до 326-й стрелковой дивизии.

В кабинете военного коменданта находился офицер с погонами капитана. Он предложил мне службу в войсках противовоздушной обороны.

— У нас все же не на передовой, и шансов в живых остаться больше, да и поспать иногда можно в нормальных условиях, — сказал капитан. — Неужели окопы не надоели? Да и отец у тебя не генерал, а простой солдат. Оставайся, нам обстрелянный и храбрый офицер очень подойдет. Подумай хорошенько…

Поблагодарив капитана за такое заманчивое предложение, я сказал, что мне нужно найти отца во что бы то ни стало.

Тем временем военный комендант заметил: 326-ю стрелковую дивизию найти будет нелегко. В районе Невеля в полуокружении находится много наших войск, идут жестокие бои, и добраться туда возможно только по одному узкому, простреливаемому врагом коридору. Комендант посоветовал обратиться к военным регулировщикам, мимо которых проходят машины.

Я ушел от военного коменданта с небольшой надеждой. На развилке дорог обратился к регулировщице — молодой девушке. Она по моей просьбе останавливала каждую машину и спрашивала водителей, где находится 326-я Мордовская стрелковая дивизия.

Прошло несколько часов напряженного ожидания. Регулировщица остановила очередную машину. К моей радости, водитель сказал, что он слышал о 326-й стрелковой дивизии. Она, вроде, находится по-соседству.

— Отчаянно дерутся там ребята. Если есть охота, полезай в кузов, подброшу, — сказал водитель.

Мы удачно проскочили узкий, простреливаемый врагом коридор, а у развилки дорог водитель показал мне нужное направление.

Дальше мой путь был в одиночку, по снегу и декабрьскому морозу. Много раз меня останавливали, проверяли документы, а разобравшись в сути моего поступка, бойцы откровенно высказывались о том, что, мол, я с ума сошел, коль лезу в такую заваруху и в такой ад. Они говорили, что в любую минуту можем оказаться в окружении, будем убиты или попадем в плен. А с моими документами я мог бы съездить домой.

На все эти разговоры я не реагировал, только просил бойцов указать мне направление, куда дальше двигаться. Вот, наконец, я дошел до расположения 326-й стрелкой дивизии. Спрашиваю одного солдата с котелком в руке:

— Друг, где находится химслужба?

Солдат остановился, вдруг оцепенел, из его рук выпал котелок, и он дрожащим голосом крикнул:

— Трофим, сынок, неужели это ты!? Не во сне ли слышу твой голос!?

И тут я узнал отца. Мы крепко обнялись, оба всплакнули от радости, не выпуская друг друга из объятий. Немного успокоившись, отец сказал, что получил мое последнее письмо из госпиталя. И вдруг такая невероятная встреча!

Я сказал отцу, что очень хотел его найти, а раны рядом [с] ним заживут быстрее. Дальше воевать будем вместе.

— А ты знаешь, сынок, — говорил отец, — один наш полк уже в окружении, другой с трудом вырвался из кольца. Ту деревню, в которую ты пробирался, наша часть уже оставила. Много убитых и раненых. На передовую направляют все резервы из тыловых подразделений. Может быть, и нам суждено будет погибнуть в этих местах. Эх, сынок, если бы можно было отдать свою жизнь за то, чтобы ты остался жив, то не раздумывал бы ни минуты…

Я зарыдал от этих слов моего отца, еще раз крепко обнял его, слезы замерзли на моих щеках. Это были незабываемые минуты встречи. Проходившие рядом бойцы останавливались, тоже радовались нашей встрече, незаметно вытирали слезы.

Дальше моя фронтовая биография была связана с Рославльской Краснознаменной стрелковой дивизией. Я стал командиром взвода химзащиты. Отец оказался в моем подчинении.

Публикуется по изданию:
Морозов Т. А. На фронт к отцу //
Изв. Мордовии. 1994. 24 нояб. С. 2.

1995 г.

Через пять дней после незабываемой встречи с отцом начальник химслужбы дивизии майор Веселуха своим приказом зачислил меня в 403-ю отдельную роту химзащиты. Я стал командиром взвода. Мой отец, Афанасий Семенович, оказался в моем подчинении.

Вскоре наступление немцев на нашем участке фронта было приостановлено, и дивизию отвели с передовой линии фронта не переформирование.

В первое же утро на отдыхе со мной случился курьезный случай. Командир химроты старший лейтенант Шилин решил провести с бойцами утреннюю зарядку. Прозвучал сигнал «Подъем!». Бойцы поднялись, построились. Но троих в строю не оказалось, в том числе и моего отца. Командир роты приказал наказать опоздавших бойцов, поручил мне совершить с ними кросс на три километра. Сам я бежал впереди, а отстающему отцу крикнул: «Боец Морозов, подтянитесь!».

За этой пробежкой наблюдала вся рота. И я понимал свое нелепое положение. Но перед лицом командира химроты старался быть одинаково требовательным ко всем бойцам...

После этого случая кто-то меня осуждал, но большинство считали мои действия правильными. Отец в шутку не раз вспоминал этот эпизод и говорил: «Воспитал вот сынка такого исполнительного, и погонял же он тогда меня до седьмого пота, но поступил все же правильно...».

Шло формирование нашей части, прибывало новое пополнение, боевое снаряжение. Бойцы рассказывали мне, что мой отец был честным, исполнительным и находчивым. И здесь мне хочется рассказать несколько эпизодов из его фронтовой биографии.

Однажды в районе деревни Бельня продвижение наших войск приостановилось, была нарушена связь, на исходе боеприпасы. С донесением в штаб посылают бойца. Преодолевая небольшое возвышение, хорошо простреливаемое немцами, после которого можно было идти стоя, боец взмахнул руками, упал и больше не поднялся. Второго ждала такая же участь.

Тогда боец Морозов сказал, что он перехитрит немцев, и понес донесение. Все наблюдали за его продвижением. Не добегая до убитых бойцов, он сделал такой же взмах руками и упал. «Вот тебе везение и хитрость, а ведь в Темникове остались трое детей, которые будут ждать отца», — рассуждали друзья.

Они уже перестали наблюдать за проклятым местом. Но вдруг кто-то крикнул: «Смотрите, он живой!». Отец бежал быстро и скрылся за пригорком. Донесение в штаб было доставлено. Возвращался отец тем же путем. Необходимая помощь пришла. К удивлению, в шинели отца оказалось много пулевых пробоин. А отец мой любил повторять: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет». Так отец перехитрил немцев...

После освобождения одной деревни к нам подошла старушка и стала расспрашивать про своего сына, может, кто случайно встречал его? Причитала, что он наверняка убит.

Тогда мой отец говорит:

— Мать, давай погадаю тебе на рукавице. Если рукавица упадет пальцами вверх — значит, живой, а если тыльной стороной — то, может быть, убит.

Вот рукавица взлетает и падает пальцами вверх. На лице у старушки радость и надежда. Все бойцы старались подбодрить старого человека.

— Видишь, мать, твой сын живой, может быть, где-то рядом, скоро получишь от него письмо. Только верь и жди.

Старушка вернулась в свой погреб и принесла кусочек сала в знак благодарности. От этого кусочка понемногу досталось всем...

После этого многие бойцы стали просить погадать им. Первому отец погадал командиру отделения Елистратову. Рукавица упала пальцами вверх. Радостное, сияющее лицо увидели все и порадовались за командира.

Второму, третьему бойцу рукавица падает тыльной стороной. И уже совсем другая реакция. На лице бледность, растерянность, раздумье, уже не до смеха и шуток.

Отец пытался убедить, что на войне всегда нужно быть осторожным, соблюдать маскировку, а береженого и Бог бережет. Больше никому не стал гадать, а себе все же погадал. Рукавица упала на бок.

— Вот, видите, — говорил отец, — я буду тяжело ранен, но останусь живым…

По всем дорогам войны шагала солдатская песня. Длительные переходы, уставшие ноги еле передвигаются. Вдруг слышен громкий голос старшины: «Запевай!». Мой отец Афанасий Семенович как будто только и ждал эту команду и звонким высоким голосом запевал: «Гулял по Уралу Чапаев-герой...». Неуверенно все бойцы подхватывают, но шаг тверже, выше взмах руки. Через минуту не узнать подразделение.

Во время отдыха мой отец любил петь песню «По диким степям Забайкалья». Подтягивал он и земляку Учайкину, когда он пел «Самсон леляй, ков якить». Куда только не забрасывала судьба наших земляков — и всюду они пели мордовские песни. Но, пожалуй, самой любимой была песня «В землянке». Пели ее все.

До тебя далеко, далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко.
А до смерти четыре шага.

После такой песни сердцу в груди становилось тесно, билось оно часто. Каждый из нас думал о своем доме, о родной Мордовии...

…Осенью 1981 г. мы отмечали 40-летие формирования 326-й Рославльской Краснознаменной стрелковой дивизии. В Саранск из разных уголков России приехало около 150 ветеранов.

Встречи, воспоминания... Во время торжественного обеда одна из участниц встречи — Клавдия Волкова — сказала, что она была медсестрой в 410-м медико-санитарном батальоне и хотела бы узнать о судьбе сына и отца, которые воевали вместе. «Мне до сих пор помнится тот случай, — говорила она, — который произошел в 1944 г. в медсанбате. Эх, и наделал тогда шума лейтенант, фамилию его я не запомнила».

— Да это же Морозов, — сказал тогдашний председатель совета дивизии И. К. Козыренков. — Он нам рассказывал, как попал в нашу дивизию и воевал вместе с отцом. Трофим Афанасьевич, расскажите, что тогда вы натворили?

Я встал и рассказал своим однополчанам об инциденте в медсанбате. Отец был тяжело ранен в голову (сбылось-таки гадание). Несколько раз я наведывал отца в медсанбате. Настроение отца было хорошее. Прощаясь, он давал мне совет быть осмотрительным и беречь здоровье.

Перед очередным наступлением я попросил командира химроты старшего лейтенанта Шилина отпустить меня попрощаться с отцом.

Отец встретил меня со слезами на глазах и сказал, что он не спит пятеро суток, сильно беспокоят раны на руке. Говорил он об этом медсестрам, лечащему врачу, но его просили немного потерпеть...

Раненые, лежавшие в палате с отцом, стали говорить, что отец измучился, таблетки ему не помогают, просили, чтобы я сам поговорил с врачом.

Лечащий врач объяснил, что согласно военно-полевой медицинской доктрине гипсовую повязку нужно снимать через определенное число дней.

Мои просьбы сделать исключение не возымели действия. Расстроенный и взволнованный, я пошел к начальнику медсанбата. Разговор с ним в том же духе. Я просил, умолял, но все бесполезно. Нервы мои натягивались, как струны, руки дрожали, говорил уже громким, раздраженным голосом, не сдержался:

— Если сейчас же не окажете отцу помощь, то не знаю, что могу натворить!

И передвинул кобуру с пистолетом вперед. Что было дальше, не все помню. Меня успокаивали, дали выпить какое-то лекарство и сказали, что сейчас же отца возьмут в перевязочную.

Кое-как я успокоился, походил по свежему воздуху. Через некоторое время отца вынесли на носилках улыбающегося и радостного. В палате он сказал только одну фразу: «Спасибо, сынок» — и сразу же заснул. Это была последняя встреча с отцом на фронте...

Отца потом отправили в Новгород в нейрохирургический госпиталь, где сделали сложную операцию, определили вторую группу инвалидности. В августе 1944 г. он вернулся домой, в город Темников.

Путь, начатый отцом с начала формирования 326-й стрелковой дивизии в Мордовии, продолжил уже я и закончил войну в Германии, на Эльбе. После расформирования химроты несколько месяцев служил помощником коменданта города Любтеен. Вскоре нашу дивизию передислоцировали на Родину, в город Днепропетровск, где она была расформирована.

Публикуется по изданию:
Морозов Т. А. С отцом на фронте //
Изв. Мордовии. 1995. 5 янв. С. 2.

И. Н. МОТИН

Мотин Иван Никитович (12.1.1917, с. Тазино ныне Большеберезниковского района Республики Мордовия — 13.5.1962, г. Нижний Тагил) — участник боевых действий. Герой Советского Союза (1944). В РККА — с 1941 г. Командир пулеметного расчета 219-го гвардейского стрелкового полка. Награжден орденом Ленина, медалями[*].

Не позднее 1962 г.

<...> Родители мои до революции и после [н]ее занимались сельским хозяйством. Отец мой происходил из рода плотников, что и мне пришлось унаследовать.

В 1941 г. был мобилизован в ряды Советской [армии] (19 июля) и назначен был в стрелковую дивизию, которая формировалась в городе Чебаркуле.

7 ноября 1941 г. были направлены на фронт. Выходя из города Москвы, нашей части пришлось вступить в бой с немецкими танками. На честь нашей дивизии пришлось защищать Москву на месте бригады погибшего генерала Панфилова. Направление действия нашей бригады — город Клин, здесь мне впервые пришлось участвовать в штыковом бою, в котором мне удалось троих гитлеровцев заколоть штыком нашей знаменитой трехлинейной винтовки Мосина.

По приказу командира нашей дивизии генерала Сивакова меня направили на остановку врага к городу Клину, где был остановлен противник в количестве 40 000 человек с их боевой техникой. Дальнейшее действие нашей дивизии — на город Волок[о]ламск. При взятии, в боях за город Волок[о]ламск, я был ранен. Раненый, был направлен в госпиталь в г. Москву, где пролежал 36 дней, откуда направили меня в г. Казань, в отдельную 9[-ю] лыжную команду[**]. В составе этой лыжной бригады был отправлен на фронт под город Смоленск (28 января 1942 г.).

Командир нашего отдельного батальона ст[арший] [лейтенант] Холодных направил меня в качестве командира пулеметного расчета в тыл врага, с расчетом нанести панику в тылу врага с целью дать возможность продвижению нашим частям. В этих боях я вторично был ранен и направлен в госпиталь в город Тулу. Из г. Тулы была мне и другим раненым вынужденная эвакуация в г. Владимир.

В 1943 г. я был в составе 6-й армии, которая действовала в боях под Курской дугой.

С 21 июня 1943 г. наша часть вступила [в] бой. 22 июля 1943 г. я был ранен и направлен [на] лечение в г. Владимир, где пролежал 6 месяцев.

В начале 1944 г. по выздоровлении я был направлен в свою 6[-ю] армию в 71[-ю] стр[елковую] гвард[ейскую] див[изию].

В составе 71[-й] гвард[ейской] стр[елковой] дивизии пришлось с боями пройти города: Полоцк, Дрисса, Каунас, Шяуляй. В боях за город Дриссу (70 км от Полоцка) я был направлен в тыл врага с двумя пулеметными расчетами, с целью дать воз-

[*] Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2004. Т. 2. С. 62 ; Война на всех одна. Саранск, 2015. С. 155.

[**] Над словом «команду» приписано слово «бригаду».

можность форсировать нашими частями реку Зап[адную] Двину [и] обеспечить переправу частей через Зап[адную] Двину.

28 июня 1944 г. в составе 15 человек с 2 станковыми пулеметами на подступах к реке Зап[адной] Двине и городу Дриссе мы залегли, окопались, так как дальше возможности идти не было. Немецкие части отступали под натиском наших частей. Враг стремился к переправе через реку З[ападную] Двину. Я со своими расчетами занял выгодную позицию и открыл огонь по отходящему врагу. Но число врага было большое, и наши пулеметные расчеты не смогли полностью уничтожить врага. Из-за отсутствия патронов наши пулеметы стрелять впоследствии не могли. Враг набросился на нас и жестоко [распра]вился с оставшимися ранеными нашими бойцами, [что я] видел своими глазами. Я же сумел уползти через шоссейную дорогу. Забрал я немецкий пулемет МГ-34 и боеприпасы к нему и открыл огонь по врагу, который находился в расположении [наших] пулеметов. Оставшись один, я продолжаю [выпо]лнять задание, продвигаться к переправе на Двине.

[Под] обстрелом, держась за борт лодки, я переправился через реку, на правый берег реки, переправу [удержать] не пришлось. Мост был взорван немцами. Через сутки я встретился с нашими разведчиками. Когда наши разведчики переправились через реку, их [об]стреливали немцы. Я же, находясь в тылу врага, открыл огонь по врагу и дал возможность [пере]правиться нашим разведчикам.

Группа немецких солдат была взята в плен нашей разведкой.

Совместившись с разведкой, я пошел дальше в город Дриссу, где у церкви стояли 4 танка, 3 танка ушли в тыл врага, а 1 танк был взят с экипажем в плен нашей разведкой, в составе которой я действовал. На трофейном танке выехали на окраину города и заняли оборону.

К переправе реки З[ападной] Двины меня вызывает генерал Сиваков, который сообщил, что мне присваивается звание Героя Советского Союза.

ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 29. Л. 80 — 81.
Рукопись. Подлинник.

В. С. МУЛИХИН

Мулихин Василий Семенович (14.1.1918, территория Чамзинского района Республики Мордовия) — участник боевых действий. В РККА — с октября 1939 г., на фронте — с октября 1941 г. Повар-инструктор 286-го стрелкового полка 19-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта. Защитник блокадного Ленинграда. В 1943 г. после тяжелого ранения демобилизован. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.[*]

2005 г.

В первых числах сентября немцы начали свое наступление, город подвергся ужасной бомбежке и обстрелу. Ленинград захватили в плотное огненное кольцо — мы оказались в блокаде. Весь город был на ногах, готовился к бою, создали штаб обороны, возводили баррикады.

Тогда же прервалась железнодорожная связь с центром страны. Все близлежащие станции были взяты немцами и сожжены дотла. Казалось, что фашисты черпают силы из воздуха, подходило все новое и новое подкрепление, не прекращались бомбардировки, гитлеровцы обдавали нас пулеметными и минометными очередями прямо из машин. Самые жестокие бои велись на левом берегу р. Невы (он был охвачен огнем) и на Ладожском озере. Мы задыхались в дыму и гари, но упорно отстаивали свои позиции. На протяжении нескольких месяцев немцы продолжали поливать нас непрерывным огнем, город содрогался, повсюду метались люди с носилками, забрасывали огонь песком и выносили раненых. Оглушающие крики о помощи разрывали сердце на части.

Массированные удары прекращались всего на несколько часов, а затем возобновлялись вновь. Страшно было, ужас охватывал, когда где-то совсем рядом разрывался снаряд, но я держался, и все держались. Бок о бок со мной шли мои товарищи. Много тогда мы потеряли людей, гибли, но не сдавались. Еще со мной воевали двое мордовских ребят из с. Пичеуры Чамзинского района — Медов и Мосевнин. Именно они помогли мне тогда, в начале 1942 г., когда меня в первый раз зацепило осколком шрапнели. Пустяковое ранение — царапина. Я тогда здорово испугался.

Таким образом, мы держались долго, голод преследовал нас, тяжело было. Зимой по льду иногда приходили машины с продовольствием, чаще всего с хлебом, делили всем поровну, всего по несколько грамм[ов]. Но это уже было хорошо, немного сил придавало.

14 января 1943 г., в мой день рождения, меня вызвал к себе командир полка, наверное, хотел сказать что-то о продовольствии. Вдруг около штаба раздался ог-

[*] **Зернов А. Н., Котков С. К.** Шагнувшие в бессмертие. Саранск, 2005. С. 42 — 43 ; http://podvignaroda.mil.ru

лушительный свист, трудно было не понять, в чем дело, — опять бомбят. Меня накрыло волной снега и оглушило, на миг я потерял сознание, когда пришел в себя, то почувствовал резкую боль в ногах. Помню только, как медсестры выбежали из штаба и, положив меня на носилки, отнесли в какой-то дом. Там было очень холодно, мое тело охватил озноб, я просил, чтобы меня поднесли к печке, тогда, немного согревшись, я пришел в себя, но мучился от ужасной боли, истекая кровью. Через несколько часов, когда стихла бомбежка, меня на машине отвезли в г. Мураши (под Ленинградом), где сделали операцию. Я потерял свою левую ногу. В госпитале пробыл 9 месяцев, после чего получил протез и был уволен с военной службы.

Публикуется по изданию:
Зернов А. Н., Котков С. К.
Шагнувшие в бессмертие.
Саранск, 2005. С. 42 — 43.

А. А. МУХИН

Мухин Александр Андреевич (4.6.1919, с. Старая Михайловка ныне Ромодановского района Республики Мордовия — 4.10.1994, г. Саранск) — участник боевых действий. В РККА — с 1939 г. Минометчик. Войну встретил под г. Гродно (Белоруссия), участвовал в приграничных сражениях. После тяжелого ранения демобилизован. Член Союза художников СССР (1943). Заслуженный деятель искусств МАССР. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени[*].

Не позднее 1994 г.

Когда началась война, мне было 22 года. Я служил в Белоруссии, в Западном особом военном округе. Наш полк входил в состав 85-й стрелковой дивизии. В армию меня взяли с пятого курса Пензенского художественного училища осенью 1939 г. Служить направили в Курган, там зачислили в полковую школу по подготовке младших сержантов, но закончить обучение не пришлось.

В начале 1940 г. нас подняли по тревоге, погрузили в теплушки и повезли на Финскую войну. Мы, недавние новобранцы, были плохо обучены и еще хуже обмундированы. Многие парни страдали завшивленностью. Все это обнаружилось при первой же проверке во время длительной стоянки под Москвой. Нас отправили обратно. В течение месяца мы усиленно осваивали винтовку, лыжи, учились метко бросать деревянные «гранаты». И вновь по тревоге поехали воевать. Близ границы с Финляндией, прямо на глубоком снегу, мы поставили палатки и недели три находились там в полной боевой готовности. Но 13 марта был подписан мирный договор. Нас, изрядно подмороженных в ту суровую зиму, отправили в лагеря на знаменитое своей красотой озеро Чебаркуль под Челябинском. Здесь мы ожили. Я стал рисовать и даже написал несколько этюдов, которые не сумел сохранить.

С Урала нас вскоре отправили на пограничную с Латвией станцию Себеж, в Псковской области, привели в боевую готовность, дали оружие и новое обмундирование, подвезли вплотную к границе. Как известно, вопрос с Прибалтикой был решен мирным путем. Нашу часть на некоторое время разместили в красивейшем месте недалеко от города Старая Русса.

После отдыха наш полк направили в Белоруссию, в место под названием Красное Урочище, неподалеку от Минска. Шли мы скрытно, всегда по ночам. Наша дивизия за бои на озере Хасан имела орден Красного Знамени. Поэтому предполагалось, что она будет участвовать в первомайском параде в Минске. Начали готовиться к параду, но по какой-то причине все изменилось, и снова пешим ходом, по

[*] **Мухин А. А.** Это было, было… // Изв. Мордовии. 1995. 23 мая. С. 3 ; Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2004. Т. 2. С. 69 ; Мордовия, XX век: культурная элита. Саранск, 2010. Ч. 1. С. 409 ; http://podvignaroda.mil.ru

ночам, мы передислоцировались в городок Плещеницы. Это недалеко от сожженной фашистами в годы войны деревни Хатынь, о которой теперь знают во всем мире. В Плещеницах мы обосновались надолго. Усиленно занимались боевой подготовкой, осваивали минометы. Только весной 1941 г., в самый разлив, нашу дивизию переместили на запад, под Гродно.

Пребывание в Плещеницах мне запомнилось. Я крепко сдружился с физруком нашего полка, минчанином, выпускником института физкультуры Адамом Змачинским. А еще мне очень нравилась белорусская девушка-библиотекарь Маша Головач. В Плещеницах я много занимался клубной работой, в том числе и оформительской, по специальности. По делам культурно-массовой работы начальство посылало нас с Адамом в Минск — то за красным материалом, то за спортинвентарем, то за красками.

Одна поездка мне запомнилась особенно ярко. Старший политрук взял меня с собой в ресторан, где у него была назначена встреча со знаменитой артисткой Лидией Руслановой. Она пришла в длинном платье, красивая, села за наш стол. Политрук от смущения направил все ее внимание на меня: вот какой у нас боец Мухин талантливый: и запевала он, и на балалайке мастер, и художник притом. Я боялся глаза поднять. А Русланова заговорила со мной мило, просто, и я успокоился, отвечал на ее расспросы о службе, о доме, о планах на будущее. Скоро ее узнали, зааплодировали, и она спела несколько песен.

В Гродно наш палаточный лагерь располагался на берегу реки Неман. До города было несколько километров. К западу от лагеря, примерно в десяти километрах, была граница с немцами. Вокруг сохранились старые укрепления — земляные валы, расположенные квадратами. Очень живописная была местность. Я урывками рисовал. Все мы знали, что война на пороге. За две недели до вторжения немецкой армии многие местные жители начали уезжать. Командиры в беседах убеждали нас не верить паническим слухам, но «солдатское радио» вновь и вновь сообщало об очередных предупреждениях перебежчиков. Говорили даже, что границу перешел целый немецкий взвод. Часто нарушали границу немецкие самолеты.

21 июня поздним вечером мы под открытым небом возле клубной эстрады посмотрели кинофильм. И, казалось, только заснули, как начались сильнейшие взрывы. Одновременно шли бомбежка и артобстрел, и стали взрываться артиллерийские склады. Когда я выскочил из палатки, было еще темно, только вспышки вокруг и зарево пожаров. По тревоге я был обязан бежать к эстраде, под ней хранилось имущество клуба. Там собрались политрук, Адам, еще солдат-гармонист. Я взял закрепленный за мной фотоаппарат, свой небольшой альбомчик, засунул их в сумку с противогазом, а остальные рисунки и записи зачем-то закопал в землю под эстрадой. Когда все собрались, побежали к складу с оружием, получили патроны к своим новым винтовкам и по одной гранате. Политрук приказал ждать его и пошел искать комиссара полка. Больше я его не встречал.

Бомбежка и артобстрел продолжались уже с полчаса. Хоть небо и заволокло дымом, стало светлее. Вдалеке мы увидели немецкие легкие танки, преодолевавшие напрямую земляные валы. Они обходили отступавших в беспорядке со сторо-

ны границы людей. Бомбежка усилилась, ничего нельзя было услышать. Вокруг все горело. Залегли в овражке, и здесь меня легко ранило в спину осколками своего зенитного снаряда. По оврагу, который углублялся по мере продвижения, мы вышли на берег Немана. У моста через реку скопилась огромная длинная пробка из людей, лошадей, повозок, машин, техники. Описать, что там творилось, невозможно. Мы попытались отыскать здесь своего политрука, но под бомбами и разрывами снарядов сделать это было невозможно. Сколько было крови на дороге! Многие подразделения стали переправляться вплавь. Я тоже переплыл реку, но при этом потерял из виду своих друзей.

Выбравшись на крутой восточный берег, я заметил под деревом комиссара нашего полка и был поражен странным, трагическим выражением его лица. Увидев меня, он отвернулся. Я понял, что надеяться на него не стоит. С толпой бойцов я оказался в ложбине, и тут раздалась долгожданная, уверенная команда: «Минометчики, ко мне!». По роду войск я был минометчик, и подбежал к этому командиру. Всего нас, минометчиков, набралось человек пятьдесят. «Минометы на вьюки, следовать за мной!» — снова скомандовал офицер, и мы, взяв минометы, двинулись за ним.

Я нес на спине плиту миномета. Весила она 32 килограмма. Впереди было большое скопление нашей корпусной артиллерии. Командир поставил перед нами задачу охранять отход артиллерии с фланга, на дистанции в один километр от дороги. Но местность была очень пересеченная, мы стали отставать, все ближе продвигались к дороге и потом пошли по ней следом за пушками. Вскоре командир приказал развернуться к бою. Мы опять отошли во фланг, установили минометы, дали с десяток залпов, снова двинулись на восток. Все это происходило под непрекращающимися обстрелом и бомбежкой. Наших самолетов в воздухе было очень мало, большинство их сгорело на аэродроме, не успев взлететь. Мы видели, как высоко в небе на восток шли целые соединения немецких и итальянских самолетов. Город Гродно горел, пригороды тоже горели; там рвались пороховые склады.

22 июня было для меня днем очень длинным и тяжелым, как и для всех. Несколько раз мы занимали оборону и продолжали отход по направлению к городу Лида. Километрах в 30 от Лиды к вечеру мы остановились. Относительно организованно расположились артиллерия, пехота, минометчики заняли оборону. С востока появились машины с подкреплением.

Утром мы с одним бойцом пошли в овраг за водой и увидели, как по хлебному полю в боевом порядке двигаются семь немецких танков. Наши открыли огонь. Танки тоже стали стрелять и перестроились для маневра, их становилось все больше. Мы бегом вернулись к минометам. Вновь налетели немецкие самолеты, стали бомбить нас, и среди части бойцов началась неоправданная паника. Увидев первых убитых, некоторые бросали оружие и пускались наутек. А ведь нас было много, а танков всего десятка два. Атаку мы отбили, часть танкеток (это были легкие танки), загорелась, остальные повернули обратно. И вновь по команде мы стали отходить Я обратил внимание, что автомашины соединяли цугом, по две и даже по три — не хватало шоферов, горючего.

Так, с боями, прошел еще день. К вечеру 23 июня мы расположились в лесу близ города Лиды. Здесь было много наших КВ — самых тяжелых танков. У них не было горючего, и мы должны были их оборонять. Эту ночь я провел в карауле. На рассвете мы услышали взрывы — это в деревне по соседству, где также было скопление наших частей, начался тяжелый бой. Обстрел повернул в нашу сторону. Командир приказал мне взобраться на дерево и уточнить, откуда стреляют. Я влез, и тут меня ранило в руку, я свалился. Едва успели меня перевязать, как началась сильнейшая бомбежка. Не знаю, осталось ли что-нибудь от танков. Бомбы были с воющими сиренами для воздействия на психику. Мы прижимались к толстым стволам деревьев, спасаясь от осколков, увертываясь от места падения бомб. За мои плечи в панике схватился боец узбек и не отставал от меня ни на шаг. Я увидел, как одна из бомб летела прямо на нас. Взрыв! И дальше пустота.

Очнулся я, когда меня пытались пристроить в машину, заполненную ранеными. Два человека помогли взобраться в кузов. Один из них — политрук из Дома Красной армии в Гродно, а другой — командир соседней части, с орденом Красного Знамени за Хасан. Они узнали меня и стали опекать, так как после контузии я был временами беспомощным и вдобавок почти ничего не слышал. В Лиде нас подвезли к школе, превращенной в госпиталь, но медперсонала там уже не было. Только тяжелораненые оставались. Местные жители сказали нам, что через Лиду на восток уже прошли передовые соединения фашистов. Мы сделали друг другу перевязки (на троих у нас было три здоровых руки), перекусили и пошли на восток в сторону Минска.

Тогда мы еще не знали, что вот так, втроем, прошагаем более трехсот пятидесяти километров по тылам противника, прежде чем выйдем к своим. Навстречу нам шли резервы — люди, техника, везли боеприпасы. Видели, как отряды НКВД сдерживали панику, формировали из отступающих новые части.

Нас, раненых, способных самостоятельно двигаться, кормили, перевязывали, указывали маршрут для передвижения. Рука моя распухла до огромных размеров, рана загноилась. Так мы шли много дней. Старались идти обочиной, тропинками, потому что шоссе постоянно контролировали немецкие самолеты. Даже небольшое скопление людей поливали из пулеметов. Несколько километров нам удалось проехать по железной дороге до станции Ивье. Там были следы жестокого боя. Помню, мы поели рисовой каши из брошенной полевой кухни. От этой станции к Минску мы шли лесными тропами. В деревнях немцев еще не было. Из-за контузии я плохо помню эти дни. В памяти остались прекрасные пейзажи, хлебные поля, цветущие поляны, вековые деревья, родники и речки — и дым пожаров, взрывы, убитые лошади на обочине дороги, горькие мысли...

Но один эпизод мне врезался в память на всю жизнь, хотя и вспоминать его я не люблю. Ночью вышли мы к городу Дзержинск, километрах в тридцати от Минска. Мы надеялись там застать наши войска. Уже на окраине у высокой железнодорожной насыпи увидели следы боя. Где-то очень далеко строчил пулемет. Наши уходили. Поискали госпиталь. Кто-то из местных указал нам на деревянное здание небольшой больницы. Оно стояло на пригорке, окруженное штакетником и густы-

ми деревьями. Вошли. Медперсонал и все, кто мог двигаться, ушли. Только несколько тяжело раненных и умирающих тихо лежали в двух палатах. В пустой операционной мы нашли бинты и забытую сумку с продуктами. Поели и кое-как сделали перевязку. Было еще темно, невыносимо захотелось спать. Мы разошлись по разным палатам, чтобы иметь большой обзор из окон. Уже чуть посветлело.

В палате со мной был только один раненный в ногу человек в милицейской форме, возле него на стуле стояла банка с недопитым спиртом. Он был совершенно бесчувственным, когда мы его перевязывали. Я лег, но буквально через несколько минут ощутил тревогу. Подошел к окну, отодвинул штору и сразу увидел, как на бугор к больнице ползут немецкие танкетки. Семь штук. Они остановились метрах в пятидесяти, а следом за ними с треском подъехали мотоциклисты, которых было много. Все веселые, смеющиеся. Из люков выбрались танкисты в синих комбинезонах. Потом группа немцев с автоматами направилась в здание.

Я стал будить милиционера, но дело было безнадежным. Хотел кинуться к друзьям, но в длинном коридоре уже послышались голоса. Удивительно, откуда силы взялись, — я мгновенно затолкал раненого под кровать, свесил его одеяло и сам тоже спрятался под другую кровать, сжимая в руке гранату, свое единственное оружие. Думал: если понадобится, взорву себя и их. И вот, только тогда я обнаружил, что запал к гранате не подходит, он был от другой системы. А в палату уже вошли немцы. Я видел много солдатских сапог, потом вошли офицерские сапоги, прошли к окну, повернулись — и все вышли...

Прошло несколько минут. На белом косяке распахнутой двери я увидел блики огня. Потянуло гарью, повалил дым. Больница запылала. Милиционер был как мертвый. В коридоре уже нечем было дышать. В самом конце коридора была лестница на чердак. Полузадохнувшийся, я выбрался к слуховому окну и выглянул. Со стороны сада немцев не было. На крыши соседних домов взбирались хозяева с ведрами воды. Я спрыгнул в кустарник, изорвался, разбередил рану. Потом пришел в себя, с трудом раздвинул штакетник и лег в картошке в соседнем огороде. Больница сгорела дотла. Когда все ушли, ко мне подошел мужчина, который меня видел со своей крыши, принес рубаху и штаны, помог переодеться и показал, куда идти.

Я пошел к переезду. У колодца женщина напоила меня водой. И тут невдалеке я увидел одного из своих товарищей. Он меня высматривал из кустов. Второго мы считали без вести пропавшим, но через несколько дней чудом встретили. В кустарнике мы проспали до вечера. Вечером женщины принесли нам молока и хлеба, предупредили, что Минск захвачен немцами, и рассказали, как его обойти.

В одной враждебно настроенной деревне к нам присоединился председатель местного колхоза. Он хорошо знал все дороги, и, наконец, через какие-то дебри вывел нас к реке Березине, где фронт на время стабилизировался. Всюду были немцы. Мы залегли, выжидая темноты. Ночью поползли к переправе, высмотрели сравнительно удобное место. Река делала поворот, были кусты, создающие дополнительную тень. И вот кое-как благополучно перебрались на восточный берег к своим. Тут нас приняли за вражеских лазутчиков, схватили, допросили, но

быстро разобрались. Я даже свой комсомольский билет сохранил — прятал его в армейских ботинках.

Нас направили в Могилев в эвакогоспиталь. Осмотрели мою руку, похожую на фиолетовое бревно, и решили ее отрезать. Весь день я изнывал в тени на улице, ожидая своей очереди на ампутацию. Но тут началась сильная бомбежка, нас спешно погрузили в первый попавшийся товарняк и повезли дальше, в глубокий тыл.

В Тамбов я прибыл в санитарном поезде. Это был первый эшелон с ранеными. Нас встречали медики в белом, с носилками. Я еще мог сам идти, но и меня уложили на носилки. В госпитале хирург решил рискнуть и полечить мне руку. Он резко согнул ее, огромный нарыв лопнул, облив его с головы до ног. Потом разрезали, почистили — я стал поправляться. С последствиями контузии было сложнее. Полечили меня в санатории, в специализированной больнице, потом дали инвалидность и осенью выпроводили в Пензу к родственникам, где и сдали им под расписку. Немного окрепнув, я вернулся в свою Старую Михайловку и стал работать в колхозе.

Публикуется по изданию:
Мухин А. А. Это было, было… //
Изв. Мордовии. 1995. 23 мая. С. 3.

С. И. НАЗАРОВ

Назаров Сергей Иванович, уроженец с. Дурасово, ныне пос. Октябрьский Ичалковского района Республики Мордовия. Участник боевых действий. В РККА — с 1939 г., на фронте — с 1941 г. Служил в составе 169-й Рогачевской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии. Принимал участие в первых, самых тяжелых боях на территории Молдавии и Украины, в Сталинградской и Курской битвах, освобождении Орловской и Брянской областей, Белоруссии, Польши, в боевых операциях в Восточной Пруссии, в штурме г. Берлина. Участник встречи на р. Эльбе с американскими союзниками. После войны жил в г. Инсаре. Награжден двумя орденами Отечественной войны 2-й степени, орденом Красной Звезды, медалями[*].

Не позднее 1975 г.

<…>[**]

Вот какая она интересная, жизнь! В те тяжелые 1941 и 1942 гг., когда мы с боями отходили от Молдавии до Сталинграда, все[м] хотелось дожить до поворотного момента в ходе войны, увидеть, что враг твердо остановлен. А тогда и умирать не стыдно. Когда мы успешно завершили ликвидацию немецкой группировки на волжской твердыне и пошли хоть медленно, но вперед на запад, было желание, не страшась смерти, выжить до границы и быть убежденным, что страна наша любимая очищена от фашистской нечисти. А когда с такими упорными боями дошли до границы, появилось страстное желание быть активным участником, чтобы окончательно добить эту гадину, а тогда с гордостью и умирать не обидно. Какое-то чудодейственное солдатское счастье сохранило нас, остались живыми и на конец войны, да так, что прошло уже 30 лет, а умирать еще более не хочется. Тем более, жизнь с каждым днем становится все богаче и красивее, и мы вроде в ней не лишние, и жить хочется все дольше и дольше. Вот, дорогой друг, какая она сложная и мудрая, жизнь. Правильно говорят: это не поле перейти.

Да как много пройдено фронтовых дорог, как много было пережито. Уходят годы, многое стирается в памяти. Но чем дальше отодвигается период Отечественной войны, тем сильнее и глубже переживаешь при воспоминании отдельные события тех лет.

Я вспоминаю 26 июня 1941 г., когда мы в составе пехотного полка вступили в бой на территории Молдавии. Несколько дней ожесточенных боев. Но силы оказались не равными. К тому же мы были не обстрелянными. Каждое осложнение ка-

---

[*] **Назаров С. И**. Поединок // Совет. Мордовия. 1985. 14 июня. С. 4 ; **Его же.** Возвращение на родину // Изв. Мордовии. 1995. 20 апр. С. 2 ; **Сандина Л.** Урок по истории Отечества // Эхо войны. Саранск, 1999. С. 238 — 245.

[**] Документ представляет собой письмо, адресованное однополчанину Чернышову Григорию Игнатьевичу.

залось нам трудным. Началось отступление. Тяжесть отхода сопровождалась дополнением морального переживания. Ведь мы оставляли противнику своих советских людей, мирных жителей. И так потом почти каждый день мы вели сложные оборонительные бои. Сколько раз приходилось бывать в больших и малых окружениях! Спасибо умным, толковым и энергичным нашим командирам, всегда они находили силы и возможности и с боями выводили нас из окружений. Пусть часть людей из полка попадала при этом в другие воинские части. Бои 1941 и 1942 гг. были для нас самыми тяжелыми, самыми трудными. Почти каждый день мы тогда подвергались бомбежке и научились не бояться ее.

Все время при отходе из Молдавии до Волги мы с тобой в составе зенитно-пулеметного взвода (я попал в этот взвод после того, как станковый пулемет «максим» моего отделения был разбит прямым попаданием снаряда) выполняли особую роль и очень важную. Наши счетверенные пулеметные установки на автомашинах полуторках были в наших руках грозной силой. Всегда за обороной первой или второй линии мы укрывали, маскировали свои боевые машины, делали засаду. А когда боевые порядки вынужденно отходили, используя неожиданность, мы принимали бой на себя. Сколько было удачных наших действий, сколько раз на небольшом расстоянии мы подвергали ураганному обстрелу малые и большие скопления фашистских солдат!

Один такой случай из августа 1941 г. майор Макаренко до конца войны с улыбкой вспоминал: «Сергей, как мы их тогда!». Тогда наши три боевые машины (это 12 пулеметов) и 2 миномета командира Макаренко были замаскированы в высоких подсолнухах. Пехота наша ушла с обороны, т. к. мы оказались в так называемом мешке. И немцы двумя большими скоплениями спокойно пошли. Мы их подпустили близко. По команде Макаренко (он был старшим нашей общей засады) из всех установок мы открыли огонь трассирующими пулями. Немцы, застигнутые врасплох, не могли опомниться и начали бежать назад врассыпную по полю. Тогда, в дополнение к такому мощному обстрелу, по бегущим немцам началась минометная стрельба навесом.

Гриша, мы и сами с тобой тогда толком не оценивали и не представляли, какую пользу приносили для общей победы. Вот какой интересный случай я тебе напомню. Летом 1952 г. РК КПСС направил меня на семинар пропагандистов в наш республиканский город Саранск. В перерыв между лекциями подходит ко мне мужчина и спрашивает: «Вы в такой-то армии были во время войны?». Я отвечаю:

— Нет.

— А в такой-то дивизии служили?

Я опять отвечаю:

— Нет.

— А фамилия ваша Назаров?

Я отвечаю:

— Да.

Он говорит:

— Вы помните бронепоезд под Волчанском у Харькова?

Я отвечаю:

— Да, помню, мы тогда спасали команду бронепоезда и взвод разведчиков нашего полка, который пытался помочь команде бронепоезда, но сам попал в безвыходное положение.

Тогда это товарищ говорит мне:

— Приезжай ко мне, год поить, кормить буду тебя. Вы тогда спасли нас. Я из той команды бронепоезда.

Я ответил:

— Спасибо за приглашение и за напоминание случая, для нас он был обычным, мы добросовестно лишь выполнили свой долг.

Вспомни, вспомни, Гриша, тот бронепоезд (весна 1942 г.), который отходил, а мост перед ним уже был взорван. Фашистские стервятники-самолеты как саранча бомбили его, а он все двигался и двигался, то взад, то вперед. А потом немецкая пехота было овладела им. Взвод разведки нашего полка (командовал им наш друг «атаман» Омельченко Павел Львович, как его тогда звали; вскоре он геройски погиб в бою) пытался помочь бронепоезду, но сам попал в безвыходное положение. Боевые порядки наши были сбиты и отошли. Мы остались одни в засаде. Из кустарника с горки тогда открыли огонь из двух счетверенок (установок), а это ведь из 8 пулеметов «максим», и заставили фашистов откатиться* за ж[елезно]д[орожное] полотно, конечно, не без потерь для них. Тем временем команда бронепоезда и взвод разведчиков смогли выйти и полностью спаслись. Один из той команды попал и к нам при отходе. Но пока мы с увлечением вели огонь в одном направлении, с другой стороны фронтом к нам близко подошли другие подразделения немцев. Мы развернули пулеметы и начали поливать их огнем. А потом поочередно под взаимным огневым прикрытием вывели и машины. Спасся с нами на одной машине и этот солдат с бронепоезда. На него обстоятельства так подействовали, что он узнал меня ровно через 10 лет после этого случая.

Я часто вспоминаю упорнейшие бои под Сталинградом. Как тяжело нам было сдерживать ежедневные наступательные бои фашистов в октябре, ноябре 1942 года! Вечная память и слава катюшам, как они нас выручали от танковых атак, как немцы боялись их! Громаднейшая артиллерийская канонада* 19 ноября возвестила о наступлении. Сбив противника, мы начали успешно продвигаться и вскоре узнали, что немцы окружены. Какая ежедневная боевая опасность была, когда мы с юга держали оборону завершенного кольца, как они пытались прорваться в нашем направлении! Но ничего у них не вышло. Не забудутся бои, начатые 10 января 1943 г., по уничтожению немецкой группировки, бои за Варваровку, Чапурники, Бекетовку и в южной части Сталинграда. Нельзя забыть и неприятный вид убитых и взятых в плен фашистских солдат, а их были тысячи. Достойный урок получили они! Теперь нас перебросили в оборону в Смоленскую* область.

Я вспоминаю множество боевых событий, когда хоть медленно, мы продвигались вперед по Смоленщине, Брянщине, Белоруссии. Сколько, освобождая, про-

* Слово вписано от руки.

шли сожженных немцами сел и деревень, сколько печальных трогательных картин мы встречали, видя освобожденных в лесных землянках местных жителей с детьми и стариками, голодных и оборванных, жилища которых повсеместно были превращены в пепелища. А какую интересную красивую обстановку мы встретили летом ([в] июле) 1944 г., когда нас, весь полк, посадили на автомашины и в сопровождении танков в прорыв немецкой обороны направили в тыл противника! Вскоре мы выехали в партизанские районы. Признаться, до этого я не особо верил в роль и значимость партизанских действий. А что мы увидели в действительности? Почти нормальная жизнь, действуют колхозы, идет совместная обработка полей, в селах много жителей. А как радушно они встречали нас! В нарядной одежде, перед каждым домом — накрытый [стол] с хлебом, блинами, пирогами, молоком, квасом и пр.

Из боев этих времен я не забуду случай поединка с немецким снайпером-смертником. Такие храбрецы при отступлении оставались в нашем тылу, хорошо маскировались и убивали наших одиночек-солдат и офицеров. В сентябре 1943 г. с боями мы вышли на небольшую речушку. Нач[альник] штаба полка поручил мне организовать подвоз боеприпасов на передовую, указал в топографической карте и место продвижения. Я неплохо ориентировался по карте. Связисты дали мне велосипед. Поехал со мной и Вася Плотников на другом велосипеде. Ты хорошо должен знать этого истинного героя. О нем можно писать и рассказывать. Спокойно едем. Вдруг неожиданно на опушке леса наткнулись на немца. Я бросился за кустики, и на мое счастье рядом оказалась ячейка: только утром здесь шел бой. Вася мгновенно упал в траву, не поняв, в чем дело (он ехал позади меня). Надменный немец, будучи в 5 — 7 метрах, выстрелил. Я никакого ожога* не почувствовал и мгновенно явилась мысль — не растеряться. Сквозь сухую траву передо мной виднелся силуэт, и я выстрелил из пистолета в него. Немец упал. Я бросился из ячейки, крикнул Васе, чтобы он взял карабин немца и охранял. Может быть, еще кто из них появится. Немец хрипит с пеной изо рта, и из затылка головы пузырится серая мозговая масса. Оказывается, я попал ему прямо в лоб. Вторым выстрелом в лоб я добил его: хоть и враг, но чего живое существо мучается. Взяли у него какие-то документы, заполненный патронами вещмешок, снайперский значок. Вася все это повез в полк, а я продолжал выполнять задания. Получилось мгновенно и удачно, как и не представишь себе. Если бы хоть на минуту раньше он заметил нас, то мы погибли бы, а сколько еще могло погибнуть…

Далее был в Польше. О, как ее, бедную, немцы разорили и сожгли! Из тех дней я особенно помню боевые действия за взятие и удержание небольшого плацдарма на большой реке Нарев, когда мы более суток держались под ливнем минометного и артиллерийского огня противника. И что же, выдержали, выжили, а потом с огневой поддержкой и расширили* этот плацдарм.

Я вспоминаю нечеловеческие* ожесточенные бои в Восточной Пруссии, границу которой мы перешли 21 января 1945 г. Там каждый дом фермерского* хозяйства

---

* Слово вписано от руки.

был превращен ими в крепость. От многих из них остались лишь осколки стен и подвалы, где нам иногда приходилось спасаться от танковых наскоков противника. Какие у нас были бодрость духа и смелость в действиях! До какой решительности и отваги нас доводила ненависть к гадам-фашистам! А какое возмездие они получили на берегу Балтийского* залива, западнее Кенигсберга (пристань Розенберг), куда мы вышли 26 марта 1945 г. На расстоянии 2 — 3 км по берегу все было смешано: убитые фрицы*, лошади, изуродованные танки, пушки, самоходные орудия, автомашины, повозки и др. Громадное кладбище всего.

А сколько немецких солдат, припертых к заливу, сдались нам в плен, как громко все они кричали «Гитлер капут» с употреблением русских бранных слов. Многие запомнят они, проклятые, это местечко.

После этого ж[елезно]д[орожным] эшелоном нас перебросили на реку Одер. В составе Первого Белорусского фронта с успешными боями во второй половине апреля мы подошли и заняли отдельные пригороды Берлина. Однажды глубокой темной ночью мне с группой разведчиков было поручено на понтонной лодке форсировать реку Шпрее. Я был тогда помощником нач[альника] штаба полка. Переплыли удачно. Фонариком дали сигнал. Начали переправлять боевые подразделения. Вскоре завязался небольшой бой с фашистскими группами. А в середине дня произошла встреча с частями Первого Украинского фронта. Сколько успешных удачных боев приходилось вести, когда окруженные немецкие части, плохо организованные, пытались выбраться на соединение с Берлином! Сколько их, подлецов, тогда полегло в густых лесах у своего логова! И эти места они долго будут помнить.

А разве можно забыть утро 8 мая 1945 г., когда под прикрытием шквального артиллерийского огня мы вышли на большую реку Германии — Эльбу и встретились с американскими солдатами?! В середине этого дня мы услышали, что Германия капитулировала, войне конец. С какими слезами радости и криками «Ура!» мы обнимали друг друга! Никто того чувства и высказать не сможет, его можно лишь испытать, пережить…

И еще несколько слов из воспоминаний, коли речь зашла о чувствах.

…Мы часто повторяли и повторяем простое слово — РОДИНА. Вся жизнь наша отдается ей и жить без нее нельзя. Все четыре года войны изо дня в день смотрели мы смерти в глаза, испытывали неимоверные лишения. И все во имя Родины. А когда мы более глубоко поняли и прочувствовали, что такое Родина! Летом 1945 г. из-за Берлина с Эльбы вся наша армия пешим шла в свою страну по магистрали Берлин — Варшава — Минск. А в своей стране, на родной земле мы не были немногим более года. Вспоминай момент, когда мы подошли к своей границе. Только прошли пограничную заставу, командир полка полковник Локтев остановил полк, повернул лицом в сторону от дороги. Перед нами оказалось заросшее-заросшее бурьяном поле. Но оно наше, родное. Командир полка произнес несколько слов, что в кровопролитных боях с проклятым фашизмом мы не посрамили знамя полка, с

* Слово вписано от руки.

победой возвратились на Родину… что мы на своей родной земле, на Родине. Потом он встал на колени, взял в руки угол полкового* знамени, поцеловал его, заплакал и, не выпуская из рук знамени, склонился к земле и начал целовать ее. И все мы с горьким плачем припали к земле и долго, долго целовали ее. Лишь тогда как-то по особому глубоко мы поняли и почувствовали, что такое Родина для каждого из нас. И до сего времени я не как не могу удержаться от слез при воспоминании этого дня. Вряд ли и ты обойдешься без этого.

ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 67. Л. 130 — 140.
Машинопись. Копия.

1985 г.

В боевой жизни почти каждого участника войны были не только тяжелые по своему напряжению и опасности дни, но и свои роковые моменты, когда жизнь буквально висела на волоске. Один из таких случаев произошел со мной в начале сентября 1943 г.

Наш 434[-й] стрелковый полк вел наступательные бои в направлении города Навия Брянской области. В результате упорных боев утром 7 сентября 1943 г. враг был выбит с занимаемых позиций и к середине дня мы вышли на берег небольшой реки, которая тоже называется Навия. Заняли оборону. Противник стал закрепляться на другом берегу. Большой стрельбы не было, наступило временное затишье. Наши подразделения начали приводить себя в порядок, готовить и сосредоточивать силы для нового наступления.

Зная, что я хорошо ориентируюсь по топографической карте, начальник штаба поиска майор Буяло вызвал меня, указал на карте квадрат в лесном массиве, где находились наши тылы и запасы боеприпасов, и дал задание: подтянуть их ближе к передовой линии пехотных подразделений.

Я взял у связиста велосипед, выбрался на опушку и поехал по проторенной конной дороге. Слева стеной стоял сосновый лес, справа вдоль дороги полосками перемежался редкий кустарник. Был теплый солнечный день. В воздухе еще пахло летом. Лес стоял в своем пышном зеленом убранстве. Но не слышно было птичьих песен. Война вторглась и в их жизнь. Вспомнились родные места Мордовии. Вся эта картина вызывала и радость, и боль в сердце. Не подозревая [об] опасности, я спокойно ехал к месту назначения. И вдруг... на расстоянии 10 — 12 метров впереди будто из-под земли выросла передо мной фигура немца. Инстинктивно бросился я с велосипеда за кустарник, чтобы хоть как-то укрыться. Видимо, ошеломленный моим неожиданным появлением, немец тоже метнулся за кусты с противоположной стороны. Получилось так, что он был на одном конце полоски кустарника, а я на другом.

* Слова «угол полкового» вписаны от руки.

Бывает же солдатское счастье! Передо мной оказался свежий одиночный окоп — еще утром здесь шел бой. Мгновение — и я в окопе. Сердце билось учащенно и напряженно. Молнией пронеслась мысль: от самой границы с непрерывными ожесточенными боями дошел до Сталинграда, выжил и в этом ужаснейшем побоище... Неужели должен сейчас погибнуть от пули этого гада? Я выхватил пистолет ТТ, направил его в сторону противника. Нажал на спусковой крючок. Но выстрела не последовало. А в это же мгновение фашист стреляет в меня. Но он, видимо, точно не сумел разглядеть, где я укрылся, и пуля пролетела мимо. В какую-то долю секунды сообразил: пистолет-то на предохранительном взводе! Только бы не растеряться. Сквозь рослую густую траву на бруствере окопа, освещенную солнцем, я увидел силуэт фашиста. Предположив, что я убит, он во весь рост стал приближаться ко мне. Теперь цель оказалась для меня ясной и близкой. Стреляю — и фашист падает на землю в 3 — 4 метрах от окопа.

Какое-то время я продолжал еще стоять в окопе, ждал, не поднимется ли он, не притворился ли убитым. Но нет! Тут я выскочил из окопа и подошел к нему. Немец не шевелился. Карабин со снайперским оптическим прицелом валялся в стороне. В карманах немца оказались: исписанный блокнот, маленькая книжка-молитвенник, снайперский значок, значок — черная каска, который вручался немецким солдатам за перенесение на фронте нашей суровой зимы 1941 — 1942 гг., рядом лежал целый вещевой мешок патронов к карабину. Это был немецкий снайпер. Забрав с собой трофеи, я продолжил выполнение своего задания. Возвратившись в расположение полка, сдал трофеи поединка в штаб.

Такие снайперы-«кукушки», как мы их тогда называли, в ходе боя пробирались к нам в тыл, тщательно маскировались на деревьях или в удобных местах у дорог и тропинок. Пользуясь тем, что позади передовой линии боя положение становится менее опасным и отдельные солдаты и офицеры более свободно ходят по своим служебным делам, эти гитлеровцы из карабинов с оптическими прицелами убивали многих наших солдат. Редким из вражеских снайперов удавалось уйти от возмездия. Обычно их засекали наши снайперы и тут же уничтожали. И этот бандит шел за «добычей». Но смерть настигла его. Удачный исход поединка спас жизнь не одному нашему воину, в том числе и мне.

Да, прошло уже более 40 лет после того дня. А в памяти отложились все мельчайшие подробности поединка настолько сильно, будто все это произошло несколько дней назад.

На встрече ветеранов-однополчан в Волгограде об этом поединке напомнил бывший заместитель командира полка по политической части подполковник А. Г. Задов. Он сказал: «В моей памяти этот случай сохранился потому, что я тогда в агитационной работе с бойцами и командирами часто приводил его как пример того, как надо быть бдительным в любой боевой обстановке и как надо умело пользоваться личным оружием».

Сегодня в мире опять неспокойно. Империалисты угрожают нам смертоносным ядерным оружием. Как ветеран войны я обращаюсь к молодежи: вам, молодым, принадлежит будущее, завтрашний день нашей страны. Берегите все, что создано

и завоевано советской властью. Это — результат титанических усилий всего нашего народа. Ради светлого будущего человечества шел наш народ на великие жертвы и лишения, шел сознательно, с величайшей гордостью за свою социалистическую Отчизну. Берегите ее от посягательств всяких врагов.

Только высокая сознательная дисциплина и самоотверженный труд сделают нашу Родину экономически сильной, а обороноспособность — несокрушимой.

Публикуется по изданию:
Назаров С. И. Поединок //
Совет. Мордовия. 1985. 14 июня. С. 4.

1995 г.

Всякий раз, когда слушаю песню «Бери шинель, пошли домой» композитора В. Левашова на слова поэта Б. Окуджавы, испытываю волнующее меня до слез чувство. Какую душу не потрясут такие строки:

Война нас гнула и косила,
Пришел конец и ей самой.
Четыре года мать без сына.
Бери шинель, пошли домой!
А ты, с закрытыми очами,
Спишь под фанерною звездой.
Вставай, вставай, однополчанин!
Бери шинель, пошли домой!
Что я скажу твоим домашним?
Как встану я перед вдовой?
Неужто клясться днем вчерашним?
Бери шинель, пошли домой![*]

Перед глазами встает картина нашего возвращения из Германии после окончания войны.

Осенью 1941 г. я должен был демобилизоваться из рядов Красной армии и вернуться на любимую работу в школу. А 22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз.

Со своим 434-м стрелковым полком я прошел всю войну с первых ее горьких дней до радостного Дня Победы. От Бессарабии (ныне — Молдавия), где вступили в первую схватку с фашистами, с тяжелыми ожесточенными боями отходили по Украине к берегам Волги — к Сталинграду. После успешного разгрома и уничтожения окруженной группировки противника полк сражался на Орловско-Курской

[*] Приведенный автором текст песни отличается от оригинала.

дуге, участвовал в боях за освобождение Брянщины, Белоруссии, Польши, вел бои по преодолению мощных укреплений Восточной Пруссии, брал Берлин. На берегу большой немецкой реки Эльбы 8 мая 1945 г. мы встретились с американскими войсками. Войне пришел конец. Враг добит окончательно в его собственном логове и капитулировал. Победа за нами. Мы обнимались, целовали друг друга со слезами на глазах. Да, плакали от радости, что война закончилась, что Родина полностью и окончательно очищена от фашистской нечисти, что мы остались живы.

Ведь некоторые из нас не были дома шесть лет! Шесть лет мать — без сына, жена — без мужа, дети — без отца. Это ли не великое испытание советского солдата на крепость духа, любви к Родине и ненависти к врагу!

Кто-то из ребят пробасил:

— Братцы, бери шинель и дуй без оглядки домой!

И вот настал этот долгожданный день. После несения двухмесячной пограничной службы с берега Эльбы по магистрали Берлин — Варшава — Минск наша дивизия, как и многие другие воинские части, пешим ходом отправилась домой, на Родину. Шли с облегченной радостной душой, с бодрым настроением. Солдатские песни помогали преодолевать усталость. Пели все, пели громко, задорно. Еще бы! Ведь шли домой. Каждый мысленно представлял, как сейчас дома радуются, что войне конец, как его встретят родные, соседи, друзья, каким делом ему придется заняться.

А некоторые шли и не знали, где его родители, где дети. Не знали, что враги сожгли родную хату. В таких случаях задумчивых ребят окружали весельчаки, подбадривали их, давали свои адреса, уговаривали приезжать к ним — и все уладится, будет и работа, и квартира, и семья. Все твердо знали, что идем на очищенную от врагов Родину, нам не стыдно смотреть людям и своим родным в глаза.

На ночлег (ужин и завтрак), на обеденный отдых обычно располагались где-то в лесочке или у водоема, где можно было искупаться.

По мере приближения к границе волнения наши усиливались, внутреннее напряжение нарастало. Все как-то подтянулись, притихли.

Во второй половине теплого сентябрьского дня 1945 г. мы подошли к заветному рубежу. Вся окрестность была залита лучами солнца. Будто и оно радовалось нашему приходу. Впереди — шлагбаумы. Пограничная застава. Командир полка предъявил документы. Шлагбаум поднялся. Стояла гробовая тишина. Солдаты боялись кашлянуть.

Когда миновали пограничную линию, полк был остановлен, по команде повернут фронтом в правую сторону дороги. Сделали десять шагов вперед. Перед нами лежала заросшая бурьяном, густой полынью, вся в трещинах, соскучившаяся по человеческим рукам белорусская земля. Родина! Родная ты наша, как ты нам мила и дорога. Какой ты оказалась заброшенной.

Перед строем вынесено знамя полка. Командир полка подполковник Локтев дрожащим от волнения голосом произнес краткую речь о том, что наш 434-й Краснознаменный орденов Суворова и Кутузова стрелковый полк не посрамил своего знамени, с честью выполнил свои боевые задачи по освобождению Родины от коварного врага. Жаль, что не все воины, которые перешли границу на запад, возвра-

щаются сегодня домой. Затем подполковник Локтев встал на колени, взял в руки угол полкового знамени, поцеловал его, припал лицом к земле, и, плача, долго целовал ее.

Тогда все мы, солдаты и офицеры, тоже встали на колени, припали к земле и, плача без стеснения громким голосом, целовали землю. Каждый из нас как-то особенно глубоко понял и осознал, что нет ничего на свете дороже Родины. Недаром Родину называют матерью.

Скоро будет 50 лет с тех дней, как мы возвратились домой. Но этих дней мне никогда не забыть.

Публикуется по изданию:
Назаров С. И. Возвращение на родину //
Изв. Мордовии. 1995. 20 апр. С. 2.

1999 г.

Родился в обычной крестьянской семье... В довоенное время у молодежи существовали иные взгляды на жизнь, другие ценности, понятия. Тогда все мечтали быть летчиками, моряками, врачами, учителями. Я выбрал учительскую дорогу. Быстро пролетели годы студенчества. Окончив в 1937 г. с отличием физико-математический факультет Мордовского пединститута, недолго учительствовал, а потом работа директором школы в бывшем Ширингушском районе (п. Ширингуши), как вскоре, в 1939 г. был призван в ряды Советской армии. Служил на Украине, в Винницкой области, на железнодорожной станции Жмеринка.

Несмотря на компромисс с руководством фашистской Германии, обстановка в армии была напряженной: все чувствовали приближение войны. О войне в то время говорили осторожно, шепотом. Острота ситуации особенно сказывалась на учениях. Боевой подготовкой занимались чуть ли не до упаду. Учились от зари до зари. Старательно, много. «Совсем загоняли, даже в выходной покоя нет», — ворчали мы постоянно. Томило навязчивое предчувствие скорой войны. С каждым днем оно только крепло и материализовалось окончательно, когда через железнодорожный узел Жмеринка (начиная с марта 1941 г.) нескончаемым потоком пошли эшелоны с танками, пехотой, зенитной артиллерией в сторону границы. Их было так много, что не хватало воды для обслуживания паровозов.

За неделю до 22 июня 169-ю дивизию в полной боевой готовности решили перебросить на юго-западное направление в район Каменец-Подольска. Неукоснительно соблюдали приказ командования: идти ночью, днем отдыхать. Разведка уже донесла, что у границы враг стянул крупные силы, и, как хищник перед прыжком, следит за малейшими движениями своей жертвы. В пути застала страшная весть: началась война. Это мало кого удивило. На четвертый день вступили в бой с немецко-румынскими фашистами. Удар был настолько мощный, хорошо продуманный и организованный, что сразу стало ясно: превосходство абсолютно во всем у нападающей стороны. Но в сознании прочно сидели постулаты нашей довоенной про-

паганды: воевать будем на чужой земле. Естественно, из впечатлений первых дней войны запомнилось особенно то, что все говорили о скорой победе, о том, что скоро будем в Берлине. С такими наивными эмоциями надолго пришлось расстаться. В то время авторитетами в армии были герои Гражданской войны К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный. Придерживались их теории, чтобы вести войну на территории врага. Она, как известно, себя не оправдала. С шашками, конницей идти на неприятеля?! В то время, как немцы прошагали пол-Европы, не зная поражений, имея мощную авиацию, танковые, механизированные соединения. Но понятно это стало лишь спустя некоторое время, а тогда все свято верили в гениальность наших вождей, не то, что сейчас все подвергают сомнению.

Только в старых фильмах немцы изображены как сборище дебилов. Наяву дело пришлось иметь с сильным и коварным врагом. Дрались они отчаянно. Были у них и слабые места — любовь к комфорту и пунктуальность. В начале войны мы часто пользовались этим. Немец-то ведь, он какой человек: спать ложится — раздевается до нижнего белья. Шесть дней воюет, а на седьмой давай ему отдых, то есть войну они начинали как настоящие немцы, а потом пообвыклись, познали на собственной шкуре силу и непредсказуемость русского характера и изменили свою тактику.

Комфорт же для нас был на последнем месте. Гитлеровцы не раз отмечали эту черту у русских и называли нас: «Свиньи! Дикие звери!». Но в этом нередко состояло наше превосходство над ними. Своей неуемной энергией, изобретательностью мы непрерывно изматывали силы и нервы противника.

Фашисты держались стойко до последнего дня: слишком велика была вера в фюрера, великую Германию. Попадались часто среди них смертники, которые сознательно шли на гибель. Такие снайперы-«кукушки», как мы их тогда называли, в ходе боя пробирались к нам в тыл, тщательно маскировались на деревьях или удобных местах у дорог и тропинок. Пользуясь тем, что некоторые солдаты и офицеры, теряя бдительность, свободно прохаживались на освобожденной территории, гитлеровцы из карабинов с оптическими прицелами убивали многих из них. Вражеским снайперам, правда, редко кому удавалось уйти от возмездия. Но они знали, на что шли. Обычно их засекали наши снайперы и тут же уничтожали.

Страшнее снарядов были для немцев русские холода. Тех, кто перенес зиму 1941 — 1942 гг., награждали медалью с изображением черной каски, которой они гордились пуще всякого ордена.

Война есть война, и в бой шли любые средства. Фашистская пропаганда работала на всю мощь. Уже на освобожденной Украине мы находили немецкие листовки на русском языке, где давались советы, как получить язву желудка, прикинуться ненормальным, чтобы избежать призыва в Красную армию.

Но судьба берегла меня. Есть такая старинная примета на Руси: если человеку пришлось смотреть смерти в глаза, а потом удалось перехитрить костлявую, то, значит, здравствовать ему долгие-долгие годы. В моей военной биографии был эпизод, связанный с особым риском, когда в считанные доли секунды решалась судьба — жить или нет.

А было это в начале сентября 1943 г. в г. Навля Брянской области. Наши подразделения отдыхали, приводили себя в порядок, готовили силы для нового наступления.

Майор Буяло, указав на карте квадрат в лесном массиве, где находились наши боеприпасы, дал задание подтянуть их ближе к передовой.

Я взял велосипед и устремился вперед по проторенной конной дороге. Еду себе, насвистываю. Вдруг будто из-под земли выросла передо мной фигура немца. Спрыгнув мгновенно с велосипеда, я бросился в кусты, немец метнулся туда же. Мы оказались на небольшом расстоянии друг от друга. Фашист выстрелил в меня, но пуля пролетела мимо. Видимо, решив, что я убит, он во весь рост стал приближаться ко мне. Стреляю — и фашист падает на землю в трех-четырех метрах от меня. Какое-то время продолжаю стоять на месте. Жду, не поднимется ли немец. Но нет, фриц не шевелится. Спасла меня смекалка, к тому времени я был уже опытный солдат, понюхал пороху.

Этот случай на политучениях часто приводили в пример бойцам, чтобы предостеречь от беды, воспитать бдительность. Справедливости ради следует добрым словом помянуть политруков на фронте. В одно время их труд принизили до роли шута, только мешающего командирам. Хлеб они даром не ели, как хотят представить сейчас, ведь при желании все можно оболгать, и тогда наступают беспамятные времена.

Это были, как правило, образованные люди, без скидок на время, прирожденные военные педагоги, душевные и добрые. В бой они шли первыми, все дела и поступки их были на виду.

Замполиты являли собой живой и грозный голос народа. Газеты на передовой — глубочайшая редкость. Но благодаря политрукам солдаты на политзанятиях знакомились с яркими публикациями Н. Тихонова, К. Симонова, А. Твардовского, И. Эренбурга. До сих пор огненными буквами стоит передо мной суровое, бескомпромиссное воззвание И. Эренбурга: «Увидел немца — убей его!». С такими словами шли в бой, ненависть кипела в душе: «Сволочи! Мы вас сюда не звали!» И тогда солдаты не чувствовали ни голода, ни мороза.

Все может вынести солдат, но самое страшное — терять товарищей: к этому привыкнуть невозможно. В Польше, севернее Варшавы, погиб мой самый близкий, самый душевный фронтовой друг — капитан Константин Федоров. С первых дней войны мы все время были вместе. После похоронного салюта я, как безумный, бродил по лесу и мечтал только об одном — чтобы шальная пуля достала меня: настолько велика была горечь утраты.

Как больно мне, старому солдату, слышать о том, что в Прибалтике и Польше называют нас оккупантами. Около двухсот тысяч советских солдат полегло за освобождение Прибалтики, шестьсот тысяч — за освобождение Польши, память которых сейчас предали забвению.

Около шести месяцев пришлось участвовать в непрерывных боях за независимость Польши. До сих пор свежи воспоминания о тех страданиях, которые перенес польский народ. При отступлении фашисты сжигали все, что можно. Любимым

занятием их было организовывать психические атаки в ночное время с пожарищами и сильным артиллерийским и пулеметным огнем.

Люди оставались без крова, в панике бежали в леса и овраги, прятались в погребах, ямах, подвалах. При временном затишье мы встречали мирных жителей. Они рассказывали об издевательствах над ними немцев, о бесправном положении и унижении во время оккупации, о разорении.

К нам поляки относились доброжелательно. На ломаном русском языке выражали благодарность за избавление от фашистских порядков. Мы сочувствовали и делились своим скудным солдатским пайком, особенно с детьми.

Почти каждый населенный пункт немцы превращали в неприступную крепость: минировали подступы, устраивали земляные сооружения; здания чердаков, сараи превращали в огневые точки. Каждый шаг вперед, каждый взятый населенный пункт несли с собой большие потери.

И сейчас я не верю, чтобы честный поляк, переживший оккупацию и познавший радость освобождения, которую принесла ему Советская армия, мог глумиться над обелисками павших русских воинов.

Но следует сказать и правду: больше всего на свете поляки боялись коллективизации. «Только колхозов нам не надо», — говорили крестьяне. Вояки они плохие, армию имели слабую. Их больше интересовала торговля, домашнее хозяйство.

Когда мы подошли к Варшаве, началась агитация среди солдат и офицеров наших подразделений, чтобы они вошли в состав польской армии. Особенно ценились те, кто хоть немного владел польским. Такое поведение руководства Советской армии имело под собой почву: во-первых, польская армия воевала нашим оружием, а прежде всего нужно было показать, как пользоваться им. Короче, учили мы поляков воевать. Во-вторых, присутствовал в этом элемент контроля: полякам не доверяли, хотя официально об этом не говорили. На командные должности или инструкторами в Войско польское были направлены советские офицеры.

Победа Советской армии была очевидна. Настало то долгожданное время, когда уже все дороги вели в Берлин. Наши подразделения подошли к Кенигсбергу справа, отрезав фашистскую группировку, а затем вышли к столице Германии. Победу встречали с американцами на Эльбе, в городе Магдебург. 8 мая в восемь часов вышли на Эльбу, а в десять часов на противоположном берегу появились союзники. Американцы переплывали к нам на баржах, плотах, бревнах. Качали нас на руках, угощали конфетами, сигаретами, кто что имел. На память брали звездочки с пилоток, чтобы с гордостью показать на родине и засвидетельствовать момент встречи с русскими войсками. В этот же день, где-то часов в пять-шесть вечера, связист случайно уловил по рации, что Германия капитулировала. Хотя держалось это в секрете, чтобы не подвести товарища, но невозможно было скрыть радость: обнимались, целовались, плакали. Утром 9 мая пошли на встречу с колонной освобожденных военнопленных. Впечатление оказалось удручающим, но в общем-то не омрачило нашего восторга. Все самое страшное позади.

Война закончилась только в Европе, но осталась последняя союзница Германии — Япония, которая отказалась от предложенного перемирия. Но мы свое от-

воевали: уставших, измученных, в засаленных гимнастерках, на фронт нас не взяли, оставили на некоторое время охранять границы. Вагонов не хватало, чтобы отправить всех из Германии. Аж с самой Эльбы все лето топали пешими по магистрали домой. Мимо же пролетали разукрашенные цветами, плакатами паровозы на Дальний Восток с современной техникой, везли в новеньком обмундировании солдат и офицеров. Тоска по родной земле гнала нас сильнее паровоза. И вот мы у заветного рубежа — на границе России.

Всякий раз, когда я вспоминаю об этом, комок подкатывает к горлу, слезы душат и не дают произнести ни слова. Не могу спокойно слушать песню Булата Окуджавы «Бери шинель, пошли домой». Перед глазами — картина нашего возвращения из Германии после окончания войны. Помню, кто-то из ребят пробасил: «Братцы, бери шинель и дуй без оглядки домой».

И вот настало долгожданное время, вторая половина теплого сентябрьского дня. Пограничная застава. Командир полка предъявил документы — шлагбаум поднялся. Наступила гробовая тишина. Каждый слышал собственное дыхание.

По команде сделали десять шагов вперед. Сладко защемило сердце. Не верилось, что перед нами дорогая милая земля, встреча с которой грезилась нам в тревожных военных снах.

Наш земляк, полковой знаменосец Ильин Дмитрий Федорович, пронес перед строем знамя. Слезы застыли в глазах. Полковник Локтев дрожащим от волнения голосом произнес краткую речь. Затем он встал на колени, взял в руки угол знамени, коснулся его губами, припал лицом к земле и, плача, долго целовал ее. Тогда каждый из нас как-то особенно понял, что нет ничего на свете дороже Родины. Недаром Родину называют матерью.

Публикуется по изданию:
Сандина Л. Урок по истории Отечества //
Эхо войны. Саранск, 1999. С. 238 — 245.

2005 г.

В начале июня 1941 г. наш 434-й стрелковый полк был выведен в лесной лагерь, неподалеку от р. Южный Буг, а вечером 16 июня был поднят сигналом боевой тревоги. Ускоренным маршем пошли в западном направлении. Утром 22 июня нам сообщили, что фашистская Германия, нарушившая договор о ненападении, вероломно, без объявления войны напала на нашу Родину. Сразу же состоялся митинг, бойцы и командиры поклялись не щадя жизни бить врага.

Вечером этого дня в районе г. Хотин перешли на правый берег р. Днестр, а на четвертый день в Бессарабии вступили в бой с немецко-румынскими войсками.

Силы наши оказались далеко не равными. Теснимые неприятелем, мы вынуждены были отойти к левому берегу Днестра и занять оборону. В течение нескольких дней успешно отражали натиск вражеских полчищ. Но севернее нас армия против-

ника продвинулась к Виннице. Нам грозило окружение. Последовал приказ оставить рубеж обороны и отходить.

Упорные кровопролитные бои дивизия наша вела в районе городов Новая Ушица, Могилев-Подольский, Первомайское, Новая Одесса, севернее Николаева и других. День ото дня силы наши слабели, боевые порядки редели. Однако противник нес большие потери в живой силе и технике, хотя имел серьезное преимущество в авиации, танках, артиллерии и т. д.

Наши ястребки «каратайки», как их называли, как жуки, могли крутиться в воздухе, но все же были не в силах противостоять немецким мессерам. Английские танки появились у нас позже, но на поле боя они горели, как спичечные коробки. Почти каждый день мы подвергались массированной бомбежке, артиллерийскому обстрелу и вынуждены были отходить и отходить.

Гитлеровские солдаты вели себя надменно, окончательно поверив в быструю и легкую победу. За их плечами были опыт двухлетней войны по захвату многих западных стран, промышленность и живая сила, уже прочно служившие фашистской военной машине. И только исключительное мужество, самоотверженность, высокий патриотизм наших воинов сдерживали натиск врага, срывали гитлеровские планы молниеносной победы.

Фашисты пытались всякими способами деморализовать нашу армию. Немецкие самолеты сбрасывали на нас не только бомбы, но и в большом количестве пропагандистские листовки с призывом сдаться в плен. Не помогло!

Сполна мы познали горечь отступления. До сего времени не могу без содрогания вспоминать все это. А эти укоры в глазах местного населения: «На кого же вы нас покидаете?». Это легко сейчас обо всем судить, а кто тогда мог заглянуть в душу солдата? Что там творилось! Писатель Евгений Долматовский в документальной повести «Зеленая брама» правдиво выразил состояние души русского воина. Книгу нельзя читать без волнения.

В основном отходили на восток по приказу командования. Но были моменты, когда огневая мощь противника была настолько невыносимой, что начиналось неорганизованное отступление. Смерть на поле боя, плен... Какая стойкость духа должна была быть у солдата, чтобы не сбежать!

Вот почему этот период, связанный с отступлением наших войск, для советских защитников был невыносимо тяжелым. Ведь там, у врага, оставалось наше население, наши братья и сестры.

Публикуется по изданию:
Зернов А. Н., Котков С. К.
Шагнувшие в бессмертие.
Саранск, 2005. С. 23 — 24.

А. П. НАЗАРОВА

Назарова Александра Петровна (8.1.1920, с. Ичалки ныне Ичалковского района Республики Мордовия) — участница боевых действий. Воевала на территории Украины, Румынии, Венгрии. Награждена медалями[*].

Не позднее 1985 г.

В Кемле, где сейчас совхоз-техникум, открыли госпиталь, и я стала санитаркой. Я была молодая, работала, не жалея сил; был сильный холод, а одевались и обувались кое-как, работать никаких условий не было. Но мы работали и получали благодарности от начальника госпиталя и от больных. Когда госпиталь эвакуировали в 1942 г. и мы, девчата, поехали на фронт защищать Родину, отомстить за всех убитых, оставила больную мать с сестрой и маленькой дочерью.

Дороги все были заняты то ранеными, то бойцами и продовольствием, и мы шли пешком до Красного Узла. Ночевали в доме без окон, на соломе. Потом на поезде приехали в Саратов. Здесь мы были в аэростатной части, здесь же получили первое боевое крещение, бомбили 12 ночей подряд. Здесь от сырости от реки Волги я болела ревматизмом и малярией, но сидела день и ночь у телефона. Я, как грамотная, была первым номером, учила девчат аэростату, винтовке, была отличницей боевой подготовки.

Из Саратова нас, отличников, выбрали и отправили на запад — к передовой. Мы попали в пулеметную часть. От Саратова до Ровно ехали 14 суток. Нас всю дорогу бомбили, останавливались и бежали от поезда в кусты. Здесь Ровно только освободили наши и отошли на 10 км, кругом все горело. Ехали с пулеметами на платформе. Приехали, когда уже стемнело, перетаскали пулеметы с патронами, поставили пулеметы в зенитное положение. Следующая станция, на которую мы прибыли, была ж[елезно]д[орожная] ст[анция] Самбор. Здесь мы остановились на ночлег у одной нерусской женщины, которая сварила нам чугун картошки и устроила нас на ночлег. Эта женщина оказалась предательницей. Как только мы заснули, она подала знак немцам. Прилетели самолеты и начали нас бомбить. Наш взвод чудом остался живым.

После, как особый полк отличников, нас перебросили на реку Днестр. Здесь мы взорвали мост, по которому передвигались немцы. Дальше двигались в основном пешком. Наши войска перешли, вернее, погнали немцев за границу. Так мы оказались в Румынии на реке Быстрица, затем в Венгрии на реке Дунай. Здесь охраняли секретный штаб полка, куда съезжалось на заседания высшее командование. Я лично стояла у двери маршала Чуйкова.

И только дали приказ перебрасывать части в Германию, как в ночь на 9 мая объявили Победу. Все люди радовались Победе, пели, танцевали прямо на улице. Поздравляли нас с Победой.

---

[*] ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 118. Л. 17 — 18.

Хотя и объявили Победу, но мы не оставили своих постов. И домой я приехала только 13 августа 1945 г.

От командования я получала только благодарности. Была редактором газеты «Боевой листок», писала лозунги. И получила почетную грамоту за боевые успехи в противовоздушной обороне Родины в дни Великой Отечественной войны за подписью генерал-полковника артиллерии Ватутина. Имею пять медалей.

На войне хотя и было страшно, но мы о смерти не думали, думали только о Победе. Если бы солдат боялся смерти, то не было [бы] и Победы.

ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 118. Л. 17 — 18.
Машинопись. Копия.

М. А. НАПЕЧКИН

Напечкин Михаил Афанасьевич (род. 22.11.1918 г.) — участник боевых действий. В РККА — с 1939 г. Оперуполномоченный в военно-пехотном училище. После войны работал начальником особого отдела контрразведки Саранского гарнизона[*].

<...> В 1939 г. окончил Рыльский сельскохозяйственный техникум, звание агроном-полевод. С мая 1939 г. работал управляющим отделения свеклы. Осенью 1939 г. был призван в ряды Советской армии. Некоторое время на протяжении двух месяцев жил в городе Ворошиловграде в летном полку, затем направлен в Грозненское военно-пехотное училище, где на 2[-м] курсе являлся секретарем комсомольской организации роты. Имел звание замполка. В начале мая окончил Грозненское военно-пехотное училище. Из всех выпускников училища был призван в органы контрразведки и направлен в особый отдел Одесского военного округа, где проучился около двух с половиной недель оперативно-чекистской работе и направлен оперуполномоченны[м] в Одесское пехотное училище им. К. Е. Ворошилова. Вместе со мной оперуполномоченны[м] училища проходил службу капитан Паркаев. На протяжении короткого времени знакомился в училище с личным составом и оперативной обстановкой.

21 июня 1941 г. по тревоге все училища с боевой техникой в составе четырех батальонов были направлены для занятия позиций под Одессой в район Каушан, Бендер и Тирасполя. Личный состав занимал оборону в районе Тирасполя. На правом фланге — один батальон, на левом — другой, в центре — остальные подразделения.

В ночь на 22 июня 1941 г. под командованием командира училища генерал-майора Туманева вступили в бой с армией. В этом бою особенно отличилась пулеметная рота капитана Скачка. На протяжении восьми дней училище вело упорные ожесточенные бои с частью румынски[х] войск. В одном из боев я находился на командном пункте училища. Генерал-майор Туманев вызвал меня и сказал: «Ты, Миша, окончил училище и уже офицер. Вот я получил указание командующего, что в район Каушан должен утром прибыть штаб румынской армии. Вот тебе большое задание. Отбери 20 человек курсантов (все они курсанты, должны в сентябре закончить училище) и здесь, на командном пункте, через час соберемся вместе с ними».

Я знал роту капитана Скачка, выбрал себе знающих ребят. Генерал Туманев подробно рассказал, как надо вести [себя], что предпринимать, чтобы захватить штабную машину румын и самим оказаться без потерь. Было приказано в ночь выдвинуться на шоссе Каушан, не доезжая до Бендер, оставить засаду в количестве 5 человек. И при появлении румынских мотоциклистов принять меры к их задержанию или уничтожению. От этой группы на расстоянии 500 — 600 метров я с

[*] НА НИИГН. Ф. И-1510.

группой в засаде ждал появления легковых машин со штабными офицерами румынской армии. Группа из 5 человек расположилась в противоположной стороне в засаде в случае появления мотоциклистов сопровождения.

Примерно в 3 — 4 часа ночи появились мотоциклисты в район первой засады. Там старшиной был открыт огонь, мотоциклисты уничтожены. Примерно через 10 минут появилась легковая автомашина. По ней, по скатам, был открыт огонь. Из машины вышли четверо штабных офицеров румынской армии. Я вместе со своей группой людей набросился на них. Их связали, забрали всю документацию, которая была в машине, а их доставили на к[омандный] п[ункт] училища. Этих четверых штабных румынских офицеров направили в Одессу. После этого случая, когда я прибыл на к[омандный] п[ункт] училища, генерал Туманев приказал мне немедленно разыскать замполита, который руководил обозом из молдаван и вот уже вторые сутки не появлялся в расположении подразделения училища. Было приказано отобрать 5 человек курсантов и на машине полуторке его найти живым или мертвым. Я объездил много деревень, хуторов и в одном из них, по словам местных жителей, пьянствовали гражданские. Этот дом был мною оцеплен, мы ворвались в помещение и обнаружили там замполита и двоих молдаван. Замполита доставили на к[омандный] п[ункт] училища. Его судили военным трибуналом. И что интересно — в конце 1945 г. я получаю отпуск, и на Курском вокзале ко мне подошел этот замполит. Мне выносит благодарность, что он остался жив и работает преподавателем в железнодорожном институте.

Училище понесло очень большие потери и по приказу направлялось для формирования в г. Уральск Западно-Казахстанской обл[асти].

<…>

НА НИИГН. Ф. И-1510. Машинопись. Копия.

М. В. НАУМКИНА

Наумкина Мария Васильевна, жительница с. Старые Найманы Большеберезниковского района Мордовии. Участница боевых действий. Служила в войсках противовоздушной обороны[*].

2005 г.

Я часто вспоминаю о далеком прошлом. Не забуду призыв: «Девушки! Родина в опасности!». Я уже служила в Саратове. И многие девчата из этого города добровольно пришли в военкомат.

Нашу аэростатную часть распределили на левом и правом берегах Волги. Мы охраняли мост через реку, по которому шла двухколейная железная дорога. По ней везли в Сталинград оружие, танки, питание, переправляли войска, а обратно везли раненых. На охране полуторакилометрового моста было задействовано много людей. Аэростаты поднимались ввысь на большую высоту, а самолеты летели выше и поэтому теряли цель бомбежки. Зато вокруг моста кипела волжская вода. Зимой особенно были заметны воронки на льду после налета. Но охранявшие мост бойцы остались без наград, потому и безымянные.

Однажды во время сильной бомбежки я пошла на восстановление кабеля. Дошла до его обрыва, а кабель шел по дереву. Я залезла на него и только взяла концы провода, как налетел самолет и сбросил бомбу. Она разорвалась в траншее, а я от взрывной волны упала с дерева и пролежала до прихода связисток. Дело было зимой. Кроме полученных ушибов я еще получила обморожение. Меня сначала доставили в землянку к зенитчицам, а утром отвезли в медсанчасть. Молодой хирург предложил ампутацию, так как мои конечности покрылись волдырями. Но опытный врач посмотрел и сказал: «Ампутировать успеем, попробуем лечить, ведь она еще молодая совсем».

А в это время шла непрерывная бомбежка, и моя подруга решила взять меня на берег Волги, где меньше бомбили. Через два дня она пришла навестить меня и сказала: «Хорошо, Маша, что я вытащила тебя из этого госпиталя, ночью его разбомбили, и все погибли. А ты живая».

В феврале 1943 г. наши войска освободили Сталинград. Я к тому времени стала дежурить у телефона. Летом нашу часть расформировали, и меня направили в Москву на курсы, после окончания которых я стала работать в Центральном штабе войск п[ротиво]в[оздушной] о[бороны] К[расной] а[рмии]. Мы жили и работали в Кремле. Здесь я была до 10 сентября 1945 г., затем демобилизовалась и вернулась домой, в свое село.

Публикуется по изданию:
Зернов А. Н., Котков С. К. Шагнувшие в бессмертие.
Саранск, 2005. С. 213 — 214.

[*] **Зернов А. Н., Котков С. К.** Шагнувшие в бессмертие. Саранск, 2005. С. 213 — 214.

И. Л. НАУМЧЕНКО

Наумченко Иван Леонтьевич (3.4.1921, д. Красное ныне Суражского района Брянской области — 30.4.1998, г. Саранск) — участник боевых действий. В РККА — с 1938 г., на фронте — с 1941 г. Окончил 2-е Саратовское танковое техническое училище (1940). Служил на командных должностях в ремонтно-технических подразделениях. Демобилизован в 1954 г. в звании майора. Жил и работал в Саранске. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями[*].

1990 г.

14-я танковая дивизия, в 27-м танковом полку которой я служил в должности командира ремонтного взвода, действовала в составе 7-го танкового корпуса 20-й армии Западного фронта.

Западный фронт гитлеровское командование рассматривало как направление своего главного удара на Москву. Поэтому здесь было сосредоточено свыше сорока процентов всей боевой техники Германии, в том числе отборные силы группы армий «Центр», включающие более половины танковых и механизированных дивизий. Кроме того, наступательные действия немецких войск прикрывал 2-й воздушный флот, насчитывающий свыше 1 000 самолетов.

Натиск всей этой армады особенно активизировался после взятия немецкими войсками Минска и Витебска. Наша дивизия вступила в ожесточенные бои на Лепельском направлении прямо с марша. Надо сказать, что 20-й армии, ее 5-му и 7-му танковым корпусам приходилось действовать без какого-либо воздушного прикрытия. 528 из 738 самолетов авиаполков нашего фронта были уничтожены фашистской авиацией еще в первые дни войны прямо на аэродромах. Немецкие стервятники полностью господствовали в воздухе, безнаказанно истребляя нашу боевую технику, оружие и личный состав.

И все же вступившая в бой в составе 7-го танкового корпуса наша дивизия помогла командованию 20-й армии приостановить продвижение 3-й танковой группы противника и даже нанести существенный урон ее 47-му моторизованному корпусу. Больше того, хотя и ценой больших потерь, но наши войска смогли продвинуться вперед на 30 — 60 километров. А наш 27-й танковый полк даже форсировал Западную Двину в районе Бешенковичей и закрепился на ее правобережье.

Немцы, естественно, не могли мириться с таким положением и, введя в бой свежие силы 3-й танковой группы, развернули яростное наступление. Одновременно с этим в районе действий нашей дивизии был высажен крупный немецкий

[*] Ветераны войны вспоминают. Саранск, 1995. С. 52 ; Мордовия, XX век: культурная элита. Саранск, 2013. Ч. 2. С. 12 —13.

авиадесант. Обстановка на данном участке фронта была настолько тяжелой, что нашим войскам приходилось отражать до пятнадцати атак в день[1].

И только 10 июля, в связи с полуокружением наших войск западнее Витебска и в западно-двинском «мешке», командующий 20-й армией генерал-лейтенант П. А. Курочкин, в целях предотвращения еще больших потерь, отдал распоряжение об отходе войск на другие позиции.

Первым из нашей дивизии был разбит 28-й танковый полк, действовавший в районе Лиозно, где героически сражался также и 14-й гаубичный полк, в составе которого действовала артиллерийская батарея старшего лейтенанта Якова Джугашвили. Там же он, будучи тяжело контуженным, был пленен фашистами.

27-й танковый полк свои основные потери понес главным образом во время форсирования реки, осуществляемого под прицельным огнем немецкой артиллерии с противоположного берега, а также в результате массированных бомбовых атак гитлеровской авиации.

Получив приказ командующего армией об отступлении, мы выбрались под покровом ночи из западно-двинской западни и влились в колонны отступающих войск, растянувшихся на многие десятки километров. Основным маршрутом отступления были: Рудня — Смоленск — Ярцево; районом сосредоточения был определен населенный пункт Туманово, что северо-западнее Вязьмы. Там намечалось переформирование и доукомплектование дивизии.

Двигались днем и ночью, без остановок, без сна и отдыха. Фашистов буквально бесило, что им не удалось истребить наши войска не только в местах прорыва, но даже в западно-двинском «мешке». Вот и ожесточились они, совершая бесконечные эшелонированные налеты на растянувшиеся по дорогам отступления пешие и механизированные колонны, сбрасывая на наши головы смертоносный груз, начиненный взрывчаткой и шариками, оснащенный для устрашения завывающими сиренами.

Сирены действительно давили на психику, выматывали души. И все же мы не теряли самообладания. И даже в таком, казалось бы, безнадежном состоянии били фашистов, ликвидировали отряды прорыва. Не было в нашем полку ни случаев самоубийства, ни дезертирства, ни попыток скрыться в растянувшихся по обе стороны дороги бесконечных лесных массивах.

Что вызывало у нас обиду и огорчение — это полная безнаказанность немецкой авиации. С мольбой вглядывались мы в голубое небо в надежде увидеть хоть один советский самолет, но тщетно. Лишь все те же немецкие самолеты с мерзкой черной фашистской свастикой на крыльях и фюзеляже...

Ко всему, говорят, привыкаешь. Хотя и трудно привыкнуть к ежеминутной угрозе смерти, однако и к яростному пикированию, и к вою сирен, и к охающим взрывам бомб, разбрасывающих фонтаны земли и осколков, оставляющих после себя многометровые воронки, бойцы стали привыкать. Все реже и реже срывались мы с мест, выскакивали из машин по команде «Воздух!» или завидев приближение очередных

[1] АМО. Ф. 208. Оп. 70438. Д. 1. Л. 28.

групп гитлеровских стервятников. Чаще всего или, маневрируя, пытались проскочить машиной между разрывами бомб, или, стоя под деревом, определяли направление их падения, чтобы среагировать на разрыв без суеты и паники. Правда, подобные «угадывания» не лишены были риска. Например, оставшись в один из таких налетов в кабине ремонтной летучки, я был вышвырнут из нее разрывной волной вместе с водителем и дверцей кабины. Направление полета и разрыва бомбы мы определили, а вот поправку на силу взрывной волны не учли. Зато в следующий раз уже не стали испытывать судьбу. И, кажется, поступили правильно, так как, вылезая из траншеи на обочине дороги и стряхивая с себя землю, обнаружили, что на месте нашей машины валялась лишь груда искореженного металла. Риск тоже должен быть разумным.

Полная безнаказанность немецких воздушных пиратов позволяла им прямо-таки издеваться над нами, гоняться самолетом чуть ли не за каждым, кто пытался найти укрытие в воронке от разорвавшейся бомбы или в углублении под межой. Не раз и мне приходилось бывать в роли куропатки. Засыпало и землей от разорвавшейся бомбы. И тогда, робко шевеля поочередно руками и ногами, чтобы убедиться, что цел, вскакивал, бежал к машине с набатным звоном в ушах. И опять гнал ее, объезжая искореженную технику, до очередного налета, до новой бомбежки, невольно думая: «Не последняя ль?».

Казалось бы, зачем куражиться немецким пилотам над отступающими, почти безоружными военнослужащими Красной армии? Однако резон в этом был. Бойцы и командиры отступающих советских частей были для немцев опасными вдвойне. Во-первых, они являлись тем ее боевым отрядом, который хорошо понял, почем фунт фронтового лиха, который обстрелян и достаточно закален в нелегких сражениях в первые дни войны; во-вторых, все они, и бойцы, и командиры, хорошо рассмотрели звериный оскал фашизма, прониклись благородным гневом и ненавистью к оккупантам.

Нет, не обреченных людей видели фашисты в отступающих, а мстителей, единственное спасение от которых — их полное физическое уничтожение. Этим и объяснялась их невообразимо изощренная жестокость.

И все же, как ни тяжела была участь отступающих бойцов и командиров, не это угнетало и терзало их души. Многие из нас сочли бы за счастье смерть, лишь бы не видеть огромного и безутешного человеческого горя, беззащитности советских людей, оставляемых нами на произвол врага. Скоро уже полвека минет со времени того отступления, но и сейчас, нередко вздрагивая, просыпаешься в холодном поту, снова, как наяву, видишь и слышишь слезы и причитания женщин, укоризненный лепет детей, проклятья стариков:

— Милые, на кого же вы нас покидаете?

— Женишки наши родные, возьмите и нас с собой. Не оставляйте на позор и бесчестье фашистским выродкам!

— Дяденьки, вас же много, не бойтесь немцев!

— А, туды вашу... «уря-уря», «чужой земли мы не хотим, своей ни пяди не отдадим...». Бежите, как оголтелые, оставив фашистам пол-России! Воины-защитнички.

— Сынки, что же будет с нами без вас?!

Что будет, мы видели позднее, когда возвращались по той же дороге на запад. Это — сожженные дотла деревни, пугающие жуткой тишиной и разрушенными трубами печей; это — фашистские «зоны пустыни»; расстрелянные, повешенные, замученные сотни тысяч женщин, детей и стариков; это — угнанные в неволю, обесчещенные и опозоренные девушки; навсегда разлученная с родителями и лишенная Отчизны детвора!

Вот какой была цена этого вынужденного отступления, явившегося вместе с тем школой гражданской и духовной зрелости каждого его участника.

Конечно, никто из нас не пожелает такой школы и зрелости даже врагам своим, но мы прошли через круги этого трагического «чистилища», выстояли и не сломились. Уверен, что никто из тех, кто испытал и вынес на своих плечах такое горе, не допустит, не позволит ввергнуть свой народ, Родину в подобное испытание. Трудности отступления научили нас к тому же быть кристально чистыми и честными, душевно чуткими к чужому горю.

Отход наших войск в район Туманова затягивался. Бесконечные оборонительные бои и контратаки, борьба с десантами и варварские бомбежки рвущихся к Смоленску фашистов, которые считали его «воротами на Москву», сдерживали наш маневр. К месту сосредоточения дивизия прибыла лишь в конце июля 1941 г.

На дорогах отступления в связи с боевыми действиями и бомбежками осталось много подбитой техники, которую можно было отремонтировать, вернуть в строй. Думая, видимо, об этом, меня вызвал командир полка подполковник Романовский и приказал: взять две ремлетучки, отделение бойцов-ремонтников и выехать с ними по маршруту отступления: Туманово — Сафоново — Ярцево — Рудня. Цель задания: осмотреть подбитую технику и все, что подлежит восстановлению, отремонтировать на месте или отбуксировать в расположение ремонтно-восстановительного батальона. Поскольку точно не было известно, где находится противник, рекомендовано действовать по обстоятельствам. Сложность задания состояла в том, что двигаться нам предстояло навстречу отступающим частям и соединениям.

Прижимая свои машины к обочине правой стороны дороги, двигались рывками — от налета до налета фашистской авиации. На подъезде к Ярцево приходилось выслушивать грубую брань офицеров отступающих частей, суть которой: «Куда прете? В Ярцеве немцы!».

И действительно, активность отступления, а вместе с ним и ярость вражеских бомбежек усиливались. Мы уже стали подумывать, не воспользоваться ли советом командира полка «действовать по обстоятельствам» — развернуть машины обратно.

Правда, как выяснилось позднее, состояла в том, что немцы действительно выбросили несколько авиадесантов в районе Ярцево. Однако наши войска под командованием генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского, уничтожая их, сдерживали наступление основных сил гитлеровцев. И все же нам в этих условиях разумнее было повернуть обратно, чтобы отбуксировать те машины, которые мы уже осмотрели и подготовили к восстановлению и буксировке, собираясь это сделать на обратном

пути. Я уже было собрался скомандовать своим водителям развернуть машины обратно, но не успел. Очередной налет и пикирование большой группы немецких бомбардировщиков заставили меня подать другую команду: «Воздух! В укрытие!» — и броситься вместе с бойцами в траншею на противоположной стороне дороги. Траншея в данном месте оказалась засыпанной, и я, пытаясь пробежать вперед, к следующему укрытию, не добежав до него, был отброшен взрывной волной разорвавшейся бомбы далеко в сторону. Когда самолеты, сбросив свой смертоносный груз, стали удаляться, я вскочил и с гнетущим звоном в ушах, придерживая и волоча правую ногу, бросился через дорогу к своей машине. Осколок бомбы все же полоснул по правому бедру. Нога кровоточила. Остановившийся при налете транспорт в это время пришел в движение, и я, не успев перебежать дорогу, был сбит грузовой машиной ЗИС-5, кузов которой был заполнен людьми. Единственное, что успел сделать, — это повернуться ей навстречу, и потом упал навзничь, сильно ударившись головой о булыжник. Удар буфером пришелся в нижнюю часть живота. Водитель не сумел вырулить на скорости и проутюжил мою правую раненую ногу передним и задними правыми колесами. Я потерял сознание. Из носа, ушей и раны текла кровь. В крови была и одежда.

Бойцы увидели меня распластанным на дороге, в крови и без признаков жизни. Подоспевшая санитарная машина, вероятно, из этой же отступающей части, подобрала меня и повезла в сторону Вязьмы. Развернув свои машины, мои бойцы-ремонтники вернулись в полк, где и доложили командованию, что видели: «...будучи раненым, попал под машину. Раздавлен ею. Подобран санитарной машиной. Увезен куда-то в район Вязьмы». Этого было достаточно, чтобы в моем личном деле появилась запись: «Убит в районе Ярцево».

Позднее то же было сообщено похоронкой родным по месту моего рождения, в Суражский район Брянской области. К счастью, мать и брат перед войной переехали к моей сестре в Херсонскую область. На Украине уже были немцы, и переслать матери похоронку земляки не смогли. А после освобождения Херсонской области я и сам написал письмо родным, так что похоронку они получили уже после моего письма.

Что же произошло после того, как меня подобрала санитарная машина?

По рассказу медработников, уже под Вязьмой я пришел в сознание. Они перебинтовали и отвезли меня в фронтовой эвакогоспиталь, который находился в Вязьме. Там я попал в руки самого главного эскулапа нашей страны. Главный хирург Красной армии, знаменитый академик Николай Нилович Бурденко, осмотрев ранение и перелом, поставил диагноз: «Трещина черепа. Контузия головы. Перелом верхней части правого бедра». Нога была положена в гипс, и после непродолжительного пребывания в эвакогоспитале я был отправлен на длительное лечение в глубокий тыл, в один из госпиталей Саратова. Того самого Саратова, где лишь год назад окончил танковое училище. Таким образом, я первый из его выпускников оказался здесь в числе раненых фронтовиков.

...Так, уже в первый месяц войны, на двадцатом году жизни, я получил первое ранение и сразу же был «похоронен» командованием своей дивизии. Должен

сказать, много неприятностей в последующем причинила мне эта «заупокойная» запись в личном деле... Но это уже другой разговор...

Публикуется по изданию:
Наумченко И. Л. Убит в районе Ярцево //
В боях за Родину. Саранск, 1990. С. 3 — 10.

1995 г.

В годы войны Горьковский автозавод наряду с хорошо известными полуторками ГАЗ-АА осуществлял серийный выпуск танков Т-70. Машины эти, рассчитанные на экипаж из двух человек, за легкую броню и ее податливость любой пушке, и тем более противотанковому ружью, острые на язык танкисты прозвали БМ-2 («братская могила на двоих»). Не случайно нас, специалистов средних и тяжелых танков, трудно было заманить на Т-70. Негативное отношение к легковушкам объяснялось не только их плохими тактико-техническими данными, но и нашим высокомерием, ведь чтобы стать командиром танков Т-34 и КВ, нужно было закончить двухгодичное военное училище, между тем коллегам-«бээмэшникам» для достижения этой же цели достаточно было лишь нескольких месяцев.

В ответ на очередной рапорт с просьбой отправить на фронт меня вызвал к себе командир полка резерва начсостава Главного автобронетанкового управления Красной армии подполковник С. М. Коган и предложил должность заместителя командира роты Т-70 по технической части. Я с радостью принял это предложение. Дело в том, что затянувшееся (почти трехмесячное) пребывание в резервном полку, куда я попал из госпиталя после первого ранения под Ярцевом, а также множество отказов на рапорты с просьбой отправить на фронт заставили меня поумерить профессиональные амбиции. Я понимал, что это прямая дорога на фронт. К тому же предложенная должность являлась повышением по службе (войну я начинал командиром взвода), а с Т-70 я уже успел познакомиться в процессе преподавания танкового дела командирам запаса, которые проходили переподготовку в нашем резервном полку.

Выезжать надо было срочно. В тот же день были оформлены документы, а на следующий мы с лейтенантами Ивановым и Красновым, которые назначались командирами взводов в тот же батальон, выехали в Горький.

На Горьковском автозаводе после знакомства с командирами батальона, роты и с бойцами я включился в общий режим работы воинской части в строгом соответствии с ее уставом и распорядком дня. Основное время проводил в цехах и на полигоне, где вместе с рабочими и инженерно-техническим персоналом участвовал в монтаже и проверке работы собранных танков, в пристрелке оружия и ремонте привезенных с фронта подбитых машин.

Имея двухлетнюю подготовку в военном училище, достаточно глубокие знания средних (Т-28, Т-34) и тяжелых (Т-35, КВ) танков, а также фронтовой опыт эксплуатации Т-34, я не испытывал особых трудностей в изучении Т-70. К тому же

службу я любил, с людьми ладил, а потому и дела в роте спорились. Воодушевляла предстоящая отправка на фронт.

В начале декабря 1942 г. мы погрузились в эшелон и отправились, как узнали уже в пути, на Юго-Западный фронт. Стоял сильный мороз, температура опускалась до 36 градусов днем и значительно ниже ночью. Места назначения точно мы не знали, поэтому командир батальона требовал, чтобы каждый танк был готов к выгрузке и движению в любую минуту.

Вместе с командиром взвода мы проверяли ходовое состояние танков. Антифриз на морозе застывал. Танки заводились только после подогрева. Не расставаясь с паяльной лампой, забыв о технике безопасности, скрючившись в тесноте танка, ползали мы по его днищу, коченея от холода.

При подходе эшелона к станции Лиски была объявлена готовность номер один. Однако названия пунктов выгрузки все время менялись: Валуйки, Купянск, Синявино... Выгрузка же была произведена только в Боровой. Разгружались ночью, соблюдая светомаскировку, работали без фар. Все, что было на ходу, после выгрузки направлялось в лес, недалеко от станции. Местом сосредоточения батальона был определен небольшой населенный пункт юго-западнее Балаклеи.

Был слышен отдаленный грохот артиллерии. Группами пролетали наши ястребки. Ночью доносился монотонный гул авиации дальнего действия, отправлявшейся бомбить объекты фашистов. Фронт находился рядом, и бой мог начаться в любую минуту.

Во время учебных занятий, в цехах завода и на полигоне при пристрелке оружия, а затем на марше от Боровой до Балаклеи и в районе сосредоточения батальона наша рота зарекомендовала себя хорошо. Техника не подводила. Даже в такой лютый мороз все танки и другой транспорт, который мне как заместителю командира роты по технической части приходилось обслуживать, были на ходу, работали исправно. Замечаний командования не было.

О предстоящих боевых действиях батальона командиру и комиссару было известно, поэтому накануне боя партбюро назначило открытое партийное собрание личного состава. Прибывший на собрание комиссар батальона, выслушав мой рапорт, отозвал меня в сторону от ремонтников, менявших гусеницу, достал папиросы, предложил закурить. Я поблагодарил, отказался: «Не курю». Одобрительно кивнув головой, комиссар завел разговор о предстоящих боях с немецко-фашистскими оккупантами.

— Вы-то стреляный воробей. Воевали. Ранения получили. А как новички — бойцы, командиры взводов? Рота ведь только что сформировалась. Каков общий настрой?

— По-моему, все настроены по-боевому. Дисциплина крепкая. Танки на ходу, — отвечал я.

— Хорошие у вас бойцы, — согласился комиссар. — Да и вы, командиры, молодцы! Такого же мнения и комбат.

— Спасибо на добром слове! — поблагодарил я.

— Вы, конечно, знаете, — продолжал он, — что завтра партийное собрание батальона?

— Знаю. Читал объявление. Только я беспартийный.

— Собрание открытое. Приглашается весь личный состав батальона. Кстати, а Вы не желаете пополнить ряды членов ВКП(б)? Война уносит жизни многих коммунистов, и партия нуждается в расширении ее рядов, разумеется, за счет лучшей части молодежи.

— Думал об этом. Только ведь я пока ничего такого не совершил, чтобы считать себя лучшим и тем более решиться на вступление в ряды ВКП(б).

— Здесь Вам можно возразить. Участие в боевых действиях с первых дней войны, ранение и контузия, высокая личная дисциплина и хорошая боевая и политическая подготовка бойцов роты — все это серьезная заявка на право стать в ряды коммунистов. Думаю, что у партгруппы достаточно оснований для положительного решения данного вопроса. Так что предлагаю Вам написать заявление.

— Спасибо. Но все это как-то неожиданно.

— Почему неожиданно? — возразил комиссар. — Скоро бой. Очень даже кстати. Если решитесь, я готов дать поручение. На партийном собрании и оформим прием.

— Хорошо. Я согласен.

Здесь же, на броне своего танка, я написал заявление, содержание которого было весьма лаконичным: «Хочу идти в бой коммунистом. Прошу принять кандидатом в члены ВКП(б). Обязуюсь честно служить партии и народу».

Так получилось, что уже через сутки после партийного собрания, на котором моя просьба была удовлетворена, батальону пришлось принять бой, который значительно прибавил работы нам, танковым техникам. Примерно в полутора десятках километров от места дислокации батальона из леса появились немецкие мотоциклисты. Полагая, что это силы высадившегося ночью десанта, командир батальона, доложив обстановку вышестоящему командованию, принял решение подавить мотодесант силами взвода легких танков.

Маневрируя, наши Т-70 преследовали мотоциклистов, которые отстреливались и, неся потери, отступали в лес. Это была ловушка. В лесу фашисты начали расстреливать машины в упор из замаскированных противотанковых орудий. На подавление десанта командование батальона вынуждено было направить отделение Т-34 из первой роты. Десант был ликвидирован, но и мы потеряли четыре легких танка.

Пока шел бой, а личный состав роты занимался эвакуацией с поля боя раненых и отбуксировкой в укрытие подбитых танков, над нами кружила «рама» — немецкий «юнкерс», прозванный бойцами «наводчиком смерти». И действительно, не успел он улететь, как район расположения батальона подвергся яростной бомбежке фашистской авиации. Правда, в небо взмыли наши ястребки, и немцам ничего не оставалось, как ретироваться, в беспорядке сбросив бомбовый запас.

Во время бомбежки пострадали люди и техника батальона, но больше всего — мирное население. При разрыве одной из бомб, сброшенной в расположении нашей роты, я получил второе, к счастью, легкое, ранение в грудь. Осколок, вырвав клок шинели, а вместе с ней гимнастерки и рубашки, слегка полоснул левую половину груди. И хотя ранение было неопасное, несколько недель мне пришлось провести в полевом госпитале.

Подлечившись, я разыскал штаб нашей танковой бригады, но попасть в свой батальон уже не мог. Как я узнал, ему пришлось еще не раз вступать в схватки с превосходящими силами врага, наступавшего на направлении Изюм — Барвенково, в ходе которых личный состав почти полностью был уничтожен.

В отделе кадров бригады мне предложили подождать несколько дней, чтобы решить вопрос о дальнейшей службе. Через пару дней я был приглашен в отдел материально-технического снабжения 7-й танковой бригады, где получил командировочные документы и удостоверение военного представителя Юго-Западного фронта. Мне предписывалось выехать в Челябинск на эвакуированный из Ленинграда Кировский танковый завод и получить для фронта подвижные ремонтные мастерские. Это было важное задание, и я охотно согласился.

...Продолжалась война, а вместе с ней и мои фронтовые будни. Вслед за Западным и Юго-Западным фронтами воевал на Брянском и Втором Прибалтийском, служил за границей — в Австрии, Венгрии и в Прибалтике. Свои дела и поступки я всегда соотносил с раз и навсегда высказанным кредо, которое было выражено в заявлении о приеме в партию: «Хочу идти в бой коммунистом». Именно эти слова, омытые кровью второго ранения, стали клятвой и стимулом всей моей жизни. И этим я горжусь! Этому же я посвятил свои стихи.

Честно пройти свой оставшийся путь!

Годы уходят,
но старые раны
Ноют, тревожат
покой ветерана.
И вспоминает он
прошлые дни:
Радость Победы,
невзгоды войны.
Песни, что пели
под воем снарядов.
Тех, кто сражался
и падал с ним рядом.
Письмами ищет
друзей ветеран.
Просит откликнуться
однополчан.
Скорбны, печальны
ответы на них,
Горькие вести
идут от родных:
«Умер». «Болеет».
«Скончался от ран».

«Нет, не приедет
Ваш друг ветеран».
Больно читать.
Ведь подобные вести
Всем говорят, что
не быть уже вместе.
Что не удастся,
как в годы былые,
Встретиться, вспомнить
дела фронтовые.
Больно, но, видно,
придется признать:
Жизнь не воротишь,
друзей не поднять,
Значит, ты должен
себе приказать:
Жить, чтоб трудиться
и созидать.
Выполнить, что
не успели друзья.
Взять их заботы,
дела на себя.
Ставя трудом
жизни мудрую суть.
Честно пройти свой
оставшийся путь!

Публикуется по изданию:
Наумченко И. Л. «Хочу идти в бой коммунистом» //
Ветераны войны вспоминают.
Саранск, 1995. С. 52 — 58.

П. И. НЕСТЕРОВ

Нестеров П. И., уроженец Краснослободского района Республики Мордовия. Участник боевых действий. Служил в зенитно-артиллерийской батарее. После войны — подполковник в отставке. Почетный сотрудник органов госбезопасности[*].

Не ранее 1992 г.

ГЛАЗАМИ СОЛДАТА И ЧЕКИСТА

Война — это коллективный и очень опасный для жизни ратный труд. Там каждый выполняет не свои намерения и желания, а волю и приказы командира. Поэтому, когда получил предложение поделиться воспоминаниями о своем участии в боях Великой Отечественной войны 1941 — [19]45 гг., возникли серьезные затруднения. Я не герой, а такой же защитник Родины, как миллионы патриотов — воинов бывшей Советской армии. Правильно ли будет и можно ли выделить себя из героических событий воинских частей и подразделений, в которых проходил службу и воевал на фронте Отечественной войны сначала солдатом, а с мая 1943 г. до конца службы в армии — командиром орудия МЗА (малокалиберного зенитного орудия). Ведь точность стрельбы орудия, скорострельность которого 180 выстрелов в минуту, зависит не только от командира, а и от того, правильно ли оружейные номера установят на сложном прицельном приспособлении его вводные команды: скорость и дальность самолета, курс его полета, а при необходимости угол пикирования или коврирования. Кроме того, как правило, батарея всеми шестью орудиями открывает стрельбу по головным — ведущим — самолетам противника, когда очень трудно установить, кто был точнее и сбил цель. Кроме того, за давностью лет неточные воспоминания о боях по месту и времени только введут читателя в заблуждение. В то же время давать оценку своих действий в боях только со своих личных позиций неправильно.

Поэтому, чтобы вписаться в события войны правильно и точнее, выбрал путь воспоминания боевых действий 4[-й] зенитно-артиллерийской батареи 2-й гвардейской зенитной артиллерийской Барановичской Краснознаменной ордена Александра Невского дивизии резерва главного командования вместе с воинами которой прошел большой боевой путь, участвовал в окружении и разгроме немцев в Сталинграде, в Орловско-Курской битве, в форсировании рек Десны и Днепра, в боях за Белоруссию, на Сандомирском плацдарме за р. Висла. 2[-я] гв[ардейская] зенитная дивизия за период войны сбила 431 самолет противника, подбила и уничтожила 20 танков, сожгла и разбила 68 автомашин, подавила 75 артиллерийских и минометных батарей и 625 пулеметов немецких захватчиков, мой 303-й гв[ардейский] полк МЗА 2-й гв[ардейской] зенитной дивизии, в составе которого воевал, сбил 131 фашистский само-

[*] НА НИИГН. Ф. И-1510 ; **Нестеров П. И**. Глазами солдата и чекиста // От ВЧК до ФСБ. Саранск, 2003. С. 196 — 211.

лет. Эти и другие сведения о боях и их результаты описаны в последующих моих воспоминаниях с привязкой по времени, месту действия к данным книги «Гвардейская зенитная», при написании которой использовались сведения из истории мировой войны и Центрального архива Министерства обороны, конечно, выборочно.

Для того, чтобы не утомить читателя официальными событиями войны, привожу ряд занятных и смешных историй, приключившихся со мной. В это историческое время в Советской армии не было такой болезни, как дедовщина, которой, как червоточиной, поражена настоящая Российская армия. Для подтверждения привожу ряд эпизодов о заботливом и трогательном отношении ко мне как к молодому солдату старослужащих Борзова и Федорчука, уже участвовавших в боях с фашистами.

<...>

ЧАСТЬ I

Чтя мертвых, не забываем о живых!

22 июня 1941 г. для народа Советского Союза закончилась мирная жизнь. По радио во всех уголках страны было объявлено о вероломном нападении фашистской Германии на СССР. В этот день автор находился в Н[ово]усадской неполной средней школе, где в 1940/41 учебном году преподавал арифметику в трех пятых классах. Началась мобилизация в армию. Получил повестку о явке в Краснослободский райвоенкомат и я. Прошел медкомиссию. Военком предложил поехать в г. Ленинград на учебу в Высшее морское артиллерийское училище береговой обороны. Дал согласие, но война внесла свои коррективы. Город вскоре был окружен фашистами с суши и оказался в блокаде. Последовал второй вызов в райвоенкомат, с предложением учиться в авиационном училище на летчика. Эта профессия меня не интересовала — отказался.

По направлению военкомата 1 августа 1941 г. поехал в г. Москву в военно-медицинскую академию. На проходной встретил дежурный офицер, вскрыл пакет, ознакомился с документами и сообщил, что набор слушателей в их учебное заведение закончился неделю тому назад. На вопрос, что же мне делать, ответил: «Возвращайся домой». Это не входило в мои планы. Не хотелось травмировать отца и мать встречей, а затем опять проводами. Поэтому добровольно явился в ближайший московский военкомат с просьбой призвать в ряды Красной армии. Получил направление и в тот же день явился в запасной зенитный артиллерийский полк, который в то время дислоцировался в подмосковном городке Бронницы и размещался на его окраине в бывших кавалерийских конюшнях, приспособленных под армейские казармы с двухъярусными нарами. В каптерке у старшины переоделся в военное обмундирование.

Так в августе 1941 г., добровольно, на год раньше стал солдатом. Ведь сверстники моего года рождения подлежали призыву только в 1942 г. Полк был полностью укомплектован личным составом, и я в нем растворился, как капля в море. С несложными, но трудными* солдатскими [задачами] справился быстро и без особых

* Так в документе.

затруднений, так как еще в средней школе, оконченной в сороковом году, был обучен стрельбе, пользованию противогазом, хорошо маршировал на уроках физкультуры и имел значки БГТО и «Ворошиловский стрелок». К тому же буквально на следующий день своей военной службы я подружился с кадровым красноармейцем Борзовым, который уже побывал в боях, был ранен, в полк прибыл из госпиталя. Он стал моим негласным и незаметным наставником в специфической армейской жизни.

Между подъемом и отбоем в основном проводилась строевая подготовка. Маршировали до отупения и в дождь, и по грязи. К нашему счастью, в нашей 2[-й] роте был человечный командир. Он на свой страх и риск давал нам передышки. А вот в 1-й учебной роте командир довел своих подчиненных до того, что они возненавидели его, и было за что.

Вскоре командование полка провело смотр строевой подготовки и личного состава своих подразделений. Шли поротно, строевым шагом. Естественно, движение начинала 1-я учебная рота. Солдаты договорились «засыпать» своего ротного. Когда они поравнялись с «трибуной», на приветствие командира полка: «Здравствуйте, товарищи» — рота ответила вразнобой. Недовольное командование приказало пройти повторно. Мы же любили и уважали своего командира, все были настроены не подвести его и себя. В результате смотр нашей роты прошел на отлично.

По-видимому, этот смотр являлся заключительным этапом подготовки. В начале октября 1941 г. наша рота была отправлена в г. Москву на пересыльный пункт в Чернышевские казармы, откуда был только один путь — на фронт.

За период пребывания в Бронницах произошел забавный случай. Однажды утром вскакиваю по команде «Подъем», одеваюсь, но обуться не могу — исчезли мои портянки, которые обычно солдаты сушат на голенищах кирзовых сапог. Я от возмущения кричу: «Кто украл портянки?». Друг Борзов закрывает мне рот рукой, приказывает замолчать и ждать, а сам исчезает. Через несколько минут возвращается из другой секции, передает почти новые портянки, которые «позаимствовал» у кого-то, чтоб[ы] выручить меня — своего товарища. Да еще сделал наставление, что, если узнает о пропаже старшина, он сначала накажет потерпевшего и лишь потом выдаст новые портянки.

Чернышевские казармы — это военный городок. Там даже работал буфет, но вскоре закрылся, но двери оставались долго неоткрытыми*. Буфет находился на первом этаже, два окна выходили прямо на городской тротуар и свободно раскрывались. Борзов решил использовать эту «ходку» для самоволки в город. Однажды он обратился с вопросом, видел ли я Кремль. Получив отрицательный ответ, предложил сходить посмотреть его.

Вышел через буфет, до Исторического музея добрались благополучно. На Красной площади мы сразу же напоролись на патруль. Офицер поманил нас пальчиком, спросил увольнительные. Так как их не было, нас доставили в комендатуру на ул[ицу] Горького. К нашему появлению там уже было десятка полтора задержанных сержантов и солдат.

---

* Так в документе.

Обычно комендатура за самоволку сразу же направляла солдат в штрафные маршевые роты с отправкой на фронт. Часовой ходил взад и вперед по коридору, только на полминуты показываясь в проеме двери в приемной коменданта, где всех задержанных держали до разбирательства у коменданта. Изобретательный Борзов по-суворовски оценил обстановку и объяснил, что надо делать. Как только часовой скрылся из проема открытой двери, Борзов мигом распахнул окно в приемной. Один за другим выпрыгнули на тротуар и изо всех сил в толпе прохожих москвичей побежал[и] вверх по улице Горького, потом, чтобы опять не наскочить на другой патруль, кинулись вверх по лестнице высотного дома. На шестом этаже убедились: погони нет, стали ожидать темноты. Отдышались, захотелось пить. Позвонили в одну из квартир. Дверь открыл интеллигентный пожилой мужчина. На нашу просьбу дать воды он спросил, как мы оказались на лестничной площадке. Без утайки, честно рассказали о своих намерениях посмотреть Кремль и в какую попали беду. Скорее всего, из жалости к нам — защитникам, он пригласил к себе, напоил чаем.

Как только стемнело, поблагодарили хозяина за угощения, двинулись в свою воинскую часть — домой. Шли осторожно, с оглядкой, но нас опять подстерегала неприятность. Окна буфета были закрыты: обнаружить себя и вернуться через проходную не могли. Приняли решение проникнуть на территорию казармы в районе ворот. Борзов юркнул в подворотню через собачий лаз, я посчитал это делать непристойным, перелез с большой осторожностью через ворота. Ведь рядом, метрах в пятнадцати, стоял часовой, охранявший площадку с зенитными пушками, и при обнаружении мог «законно» подстрелить нас как диверсантов. Наше появление за одной из пушек для часового было большой неожиданностью. На вопрос, кто мы такие и как сюда попали, назвали свою воинскую часть, зашли за пушку якобы по легкой нужде. Часовой сердито буркнул негромко: «Шляются тут...», но нас отпустил. Мы были довольны, однако оказалось, радовались преждевременно.

В казарме увидели строй солдат и с десяток командиров. Мы попросили разрешения встать в строй. Оказалось, это были «покупатели», прибывшие за пополнением из нашей части. Сначала один из незнакомых командиров спросил, есть ли в строю хорошие лыжники. Несколько солдат, в том числе и я, подняли руки, а потом по команде они все вышли из строя. Меня удержал Борзов словами: «Какой ты лыжник. Это подбирают профессионалов в лыжный батальон, а ты школьный БГТОшник, ведь пропадешь ни за что!». Потом подбирали и в другие рода войск. Нас — остальных, «пропустили» через «смерчи»*. Беседа с каждым сводилась к выяснению, есть ли судимые среди близких родственников. Поскольку с этим в селе было все в порядке, оказался в зенитно-артиллерийском дивизионе. Друга — Борзова, направили в другую часть. У него был судим дядя. Оба сильно переживали разлуку. Он очень много сделал для того, чтобы я стал осмотрительным и подготовленным солдатом.

В Чернышевских казармах солдатская жизнь была изнурительной. Кормили два раза в сутки пшенным супом с ржавой селедкой. Видно, чтоб не бездельничали, гоняли строе[м] весь день. В пять часов — обед и ужин вместе. Командовал нашим

* Так в документе.

подразделением старшина Ломако. Свою боязнь попасть на фронт он вымещал на солдатах. Небольшой ростом крепыш просто зверствовал над нами. Он подавал команду «Встать — лечь, встать — лечь» даже при появлении пены на губах. Вот такие службисты-ненавистники своим рвением избежали отправки на фронт, а солдаты стремились туда, лишь бы вырваться из этого ада и бескормицы.

Нас погрузили в железнодорожные вагоны, ночью вывезли из г. Москвы в неизвестном направлении. Какое же было удивление, когда узнали, что движемся не на запад, а по Горьковской железной дороге в глубь страны. С 7 на 8 ноября ночью опять был налет вражеской авиации на г. Горький, а наш состав отстаивался на запасных путях на станции г. Дзержинска. Через день-два разгрузили нас на станции в г. Муроме и направили на пополнение дислоцировавшегося там отдельного защитного артиллерийского дивизиона ПВО, который прикрывал и охранял от бомбежек мост через реку Оку. Там недолго служил зенитным разведчиком при к[омандном] п[ункте] штаба дивизиона. Судьба свела меня с солдатом Федорчуком. Он был находчивым пройдохой, но службу нес исправно. Командный пункт штаба размещался на окраине города Мурома на территории станко-п[а]тронного завода на 1[-м] этаже огромного четырехэтажного здания. На крыше дома соорудили деревянную будку с телефоном, напрямую связанным с дежурным офицером к[омандного] п[ункта] части. Там мы несли круговую зенитную разведку — постоянно днем и ночью следили за обстановкой в воздухе и докладывали на к[омандный] п[ункт]. У этой службы были свои секреты — расписание самолетопролетов через нашу зону, в котором указывалось количество, марка своих самолетов, часы и курс их пролета по азимуту. Это давало возможность не поднимать по тревоге зенитные батареи, когда в воздухе (небе) по расписанию появлялись известные самолеты. На командном пункте не обошлось без приключений. Обычно начпрод дивизиона для дежурных офицеров к[омандного] п[ункта] забрасывал «продуктовые» подкрепления. На этот раз он приехал на старенькой легковушке и оставил ее у входа в дом. Федорчук, посмотрев внутренности машины, обнаружил на сидении пять бутылок водки. Не растерялся, мигом потолкал их через ворот внутрь гимнастерки, выше поясного ремня, незамеченным по лестничной клетке быстро поднялся на чердак и закопал их в шлак — утеплитель потолка. Во второй половине дня на к[омандном] п[ункте] появился офицер Смерша, но без результата. А Федорчук со мной долго, понемногу в свободное от дежурства время, распивал этот блаженный напиток, скрашивая свою бесправную солдатскую жизнь.

Весной 1942 г. в дивизионе была сформирована вновь 4[-я] батарея. Нас обоих перевели и назначили орудийными номерами. Несли боевое дежурство с частыми тревогами, изучали материальную часть зенитной пушки и приемы стрельбы из нее по самолетам, танкам, пехоте, дзотам и другим наземным целям. До августа сбили два самолета. Батарея стояла метрах в трехстах от охраняемого нами ж[елезно]д[орожного] моста через реку Оку, который в то время имел не просто важность, а наиважнейшее значение. Он связывал фронт с кузницей вооружения — Уралом. Буквально через пять минут через него на запад шли эшелоны с танками, орудиями, катюшами.

Кормили нас по третьей армейской норме. Достоинство пищи было лишь в том, что она горячая. Бытовала шутка: с этой пищи служить и жить будешь, но ребятишки будут рождаться маленькие-маленькие. Короче, ходили всегда полуголодные.

Однажды, ранним утром, сменившись с поста, я только заснул. Костя Федорчук разбудил меня и предложил напиться из котелка коровьего молока. Оказывается, он приспособился сдаивать корову, которую хозяева выпускали ранним утром на траву. Вот он и нашел подкормку, но она продолжалась недолго. Хозяева поняли, почему корова резко сбавила удои, и перестали ее выпускать на батарейное «пастбище», где трава была под охраной часовых нетронутой и повкусней.

Личный состав батареи усиленно и эффективно готовился к отправке на фронт. Вместо строевой муштры настойчиво, до автоматизма изучили материальную часть пушки МЗА, ежедневно проводили учебные стрельбы. Имея среднее образование, мне не составляло труда тщательно освоить все это. За успехи был назначен первым стреляющим номером и заместителем командира орудия, самостоятельно стал проводить занятия с солдатами.

Вспоминается один забавный случай. Весной личный состав перешел на летнюю форму. Я получил новенькую гимнастерку, а вот брюки не по росту — маленькие, застиранные до светлой желтизны. В них я уподобился длинноногому страусу. Солдатня постоянно подшучивала, неудобно было появляться вне части. Костя Федорчук видел, что я очень переживаю это неудобство.

Спустя несколько дней, перед выходом на помывку в баню, он «проинструктировал» меня, как можно заполучить хорошие брюки. По его совету в бане разделся рядом с сержантом из другой части, у которого брюки были новые, но великоваты, т. е. по моему росту. Быстро помыл голову, окупнулся и вышел в раздевалку. Одел белье, гимнастерку, затем шинель с пилоткой и лишь потом, переложив содержимое карманов, надел под шинелью чужие брюки, а свои повесил ему и быстро ушел в часть. По рассказам своих солдат, сержант, обнаружив подмену, поднял шум. В раздевалке провели проверку, но безуспешно.

В этот же день на вечерней проверке наш старшина, прохаживаясь перед строем, подошел ко мне с вопросом, где взял новые брюки. На ответ: «Купил», похвалил: «Молодец». Солдаты в строю захохотали. Этого сержанта я потом встречал. Оказалось, он не пострадал, ему взамен моих выдали новые брюки, но, видно, из-за боязни повторения неприятности он выбрал их по своему росту, поменьше пропавших.

Муромский период службы закончился. В конце октября 1942 г. наша батарея была вывезена в г. Москву, где в составе вновь сформированной 1-й зенитной артиллерийской дивизии резерва главнокомандования (РВГК) в первых числах ноября оказалась на фронте под Сталинградом.

Зенитные артдивизии РВГК в отличие от дивизий ПВО, прикрывавших города, были соединениями нового типа, как по своему составу, так и по назначению. Организационно не громоздкие и маневренные для действий в обстановке общевойскового боя. Объектами прикрытия для них были в основном войска, ведущие бой в различных группировках и условиях, при постоянном маневрировании.

В состав дивизии входило четыре полка. Наш 1 116-й полк разгрузился 8 ноября на ст[анции] Раковка, 10 ноября прибыл своим ходом и занял боевые позиции севернее хутора Нижнезатонский, через час попал под массированную бомбежку. Мы стреляли, но когда на нас посыпались бомбы, командир батареи подал команду: «В укрытие!». Поскольку мы их ещё не успели отрыть, солдаты легли на землю под платформу орудий. Были раненые — солдат Тараскин из Мордовии. Он прибыл в нашу часть из госпиталя и опять возвратился туда. Раньше служил в кавалерии и очень гордился этим. Носил длинную шинель и на сапогах шпоры. «Идешь с девушкой, а они звонят: „цингер-цингер“», — говорил он. Так началась наша длинная, полная опасностей фронтовая дорога. Хорошо, что получили хорошую военную подготовку в Бронницах, Москве и Муроме и почувствовали, что суворовская поговорка «Тяжело в учении, легко в бою» взята из жизни.

В район станции Клетская наша 1-я зенитная дивизия прибыла к концу подготовки наступления под Сталинградом и получила задачу: прикрытие с воздуха войск 21[-й] армии. Сосредоточение крупных сил не осталось для противника незамеченным. В полосе 21[-й] и 65[-й] армий за девять дней до начала контрнаступления советских войск противник совершил 74 налета с участием 790 самолетов (сведения из официального источника). 12 ноября был открыт счет сбитых самолетов. Был сбит истребитель «Мессершмитт-109». Наш 1 116[-й] зенитный полк сбил самолет противника севернее ст[анции] Клетской, где намечался ввод в прорыв 4-го танкового корпуса, который был объектом прикрытия и для нашей батареи.

Ранним утром 29 ноября 1942 г. полевая артиллерия возвестила о начале контрнаступления Советской армии под Сталинградом. Над Доном низко висели облака, падал густой мокрый снег. 4-й танковый корпус 21[-й] армии после прорыва оборонительных позиций 3-й румынской армии вышел на оперативный простор. Танкисты с кавалеристами сбивали на своем пути заслоны противника, рвались вперед, обходя узлы сопротивления.

Наш полк следовал за ними. Фронт — кругом. Приходилось стрелять по оставшимся после танкистов огневым точкам противника прямо с колес, не приводя полностью орудия к бою. «Держитесь ближе к танкам и кавалерии», — был приказ командования. Они шли прямиком, а мы по неровностям тряслись за ними, сидя на орудиях.

Батареям 1 116[-го] полка приходилось действовать в сложных условиях. Обстановка менялась быстро, танки и кавалерия то растягивались, то скапливались на небольшом участке, то опять мчались в атаку.

При этом нам, зенитчикам, не раз приходилось вступать в бой с мелкими отрядами противника, уничтожать своим огнем пулеметы и орудия противника, прокладывать себе путь автоматами и гранатами. 21 ноября погода несколько улучшилась и противник бросил свою авиацию против 4-го танкового корпуса и кавалерии, в расположении которых находилась наша и другие зенитные батареи. Своим огнем защищали танкистов с воздуха. 23 ноября 45[-я] танковая бригада 4[-го] танкового корпуса вырвалась к поселку Советский и здесь встретилась с 36[-й] мех[анизированной] бригадой 4[-го] механизированного корпуса Сталинградского фронта.

Кольцо окружения вокруг 330-тысячной группировки противника под Сталинградом замкнулось. Об этом на командный пункт дивизии доложил командир нашего 1 116[-го] полка майор Лозицкий, зенитные батареи которого находились в колоннах и боевых порядках 4[-го] танкового корпуса, который под нашим прикрытием с воздуха не потерял ни одного танка от самолетов противника. Впоследствии, летом 1943 г., за успешные действия 1[-й] зенитной дивизии РВГК было присвоено гвардейское звание, а мы стали гвардейцами.

С 1 января 1943 г. дальнейшая блокада и ликвидация войск противника была возложена на Донской фронт. В составе 21[-й] армии вошла в него и наша 1-я зенитная дивизия.

После окружения сталинградской группировки немцы приступили к снабжению своих войск по воздуху транспортными самолетами «Юнкерс-52» и бомбардировщиками «Хейнкель-111» и «Юнкерс-88».

Зенитным частям поступил приказ командования Донского фронта: «Враг в воздухе должен быть окружен таким же плотным кольцом, как он окружен на земле, сделайте небо над вами непроходимым для вражеских самолетов!».

До Нового года 1 116[-й] зенитный полк получил задачу прикрывать полевые аэродромы 16-й воздушной армии в районе хуторов Черкасовского и Илларионовского. Остальные полки 1-й дивизии охотились за фашистскими транспортными самолетами. Немецкие летчики старались обойти зенитный огонь, меняли маршруты. Батареи ночью переезжали и становились в засаду на их новых — вероятных путях проникновения в окружение. Не ожидая встречи с зенитчиками, «транспортники» шли на нас. Под Новый год фашисты потеряли три самолета «Юнкерс-52».

За декабрь 1942 г. и первые дни января 1943 г. в зоне наблюдения полков 1-й зенитной артдивизии было зарегистрировано 1 293 немецких самолета, в том числе 560 ночных. Нами было сбито 20 самолетов (сведения из официального источника).

В январе 1943 г. под Сталинградом стояли трескучие морозы. Нередко, особенно ночью, термометр показывал 43 градуса по Цельсию. На орудиях замерзали прицельные приспособления, на которых перед и во время стрельбы орудийные номера по команде командира устанавливали вводные данные: скорость, цель, дальность до нее и в необходимых случаях угол пикирования и кабрирования. Не было для приборов зимней смазки, а летняя намертво застывала. Орудия прицельно не могли стрелять. Выручил случай. С соседнего аэродрома, который мы охраняли с воздуха, на батарее появился летчик-истребитель. Подошел к нашему расчету, попросил разрешения посмотреть орудие, которое засыпает самолеты своими разрывами снарядов. Мы ему рассказали, что наше 37-миллиметровое малокалиберное зенитное орудие дает 180 выстрелов в минуту, весит 3 тонны, перевозится грузовыми автомашинами или тягачами типа «виллис».

Покрутили мы летчика на платформе орудия и поделились своей бедой, что орудия замерзают. Сработала взаимовыручка. На аэродроме нам наложили целое ведро превосходной авиационной зимней смазки. Наши орудия заработали нормально.

А как мы мерзли! Ведь нам не выдали даже теплого белья и зимних байковых портянок. Летнее обмундирование — хлопчатобумажные гимнастерки и брюки, а

также грубошерстная шинель — плохо защищало от очень морозного, пробивного ветра, гулявшего в степи. Укрыться было негде, ведь до фронта солдат гоняли только строевой, не научили, как из подсобных материалов — брезента и десятка дощечек или жердей 2,5-метровой длины для перекрытия — построить простейшее укрытие с чугунной печкой-буржуйкой вагонного типа. Наш командир взвода, учитель по профессии, был призван из запаса, одевался неряшливо, пряжка поясного ремня постоянно была на боку. Чему он мог научить солдат? А дивизионное и полковое командование внимания на быт солдат обращало мало, лишь бы был вырыт ровик для орудия и снарядов. А сталинградский грунт суглинистый, со щебенкой, замерзал в камень. Ровик под орудие копали в темноте целыми ночами, долбили землю кирками и разбивали клиньями, как заправские шахтеры. Вот на этой работе солдаты разогревались до липкого холодного пота.

С 21 января 1943 [г.] наша батарея прикрывала штаб 21-й армии в районе Карповки, где при отступлении немцы оставили только один дом, в котором размещались раньше фашистский, а теперь наш штаб армии. Жил в нем офицерский седой старик. После немцев у него остались консервы и хлеб выпечки 1938 г. Часовой, охранявший штаб, решил взять из запасов старика две баночки грамм[ов] по 100 консервов и одну буханку [в] грамм[ов] 400 хлеба, ведь он и все мы были полуголодные. Хозяин пропажу заметил, пожаловался военному начальству. Часового арестовали. Командир полка Лозицкий, его зам[еститель] по политчасти и офицер контрразведки Смерша — незаконная «тройка» — приговорили беднягу к расстрелу за мародерство. Дали команду нашей батарее по тревоге построить личный состав. Вывели «осужденного» перед батарей, зачитали «приговор», дали команду солдату-конвоиру: «По мародеру огонь!». Тот по своему солдату стрелять отказался. Из свиты командира полка выскочил помначальника штаба — южанин, выхватил у конвоира винтовку — выстрел за выстрелом мимо, попал в приговоренного к смерти лишь с пятого раза. Жертва упала. Батарее вскоре дали приказ переехать на другие позиции. Мы привели орудия в походное положение, т. е. поставили их на колеса. Смотрю: расстрелянный стал двигаться. Он находился от нашего расчета метрах в 10. Кричим ему: «Молчи, не двигайся, мы уезжаем...». Он, по-видимому, уже не соображал, сел на землю там, где лежал. Из штаба увидели — добили из автомата. От этой расправы у личного состава остался очень горький осадок. Все молча обдумывали случившееся. Командир 1 116[-го] полка Лозицкий вскоре исчез. Видно, были в армии и трезвые командиры, не одобрившие самосуд над своим солдатом.

Немцы в Кобле зверски сопротивлялись, переходили в пьяные контратаки. 8 января во избежание ненужного кровопролития им было предложено капитулировать. Однако их командующий Паулюс отклонил ультиматум, все еще надеясь на обещанную им помощь Гитлера.

25 января войска 21[-й] армии прорвались к Сталинграду с запада и на следующий день соединились с наступавшей с востока 62[-й] армией в районе Мамаева кургана. Вражеская группировка была расчленена на две части: северную и южную. Наша 1-я зенитная дивизия вышла в район Гумрака. Наконец 31 января Со-

ветская армия ликвидировала южную, а 2 февраля — северную группировки немецких войск. Остатки фашистов из окружения и сам Паулюс были пленены.

Под совсем незначительным конвоем их отправили в тыл лагеря военнопленных. Колонна пленных растянулась на десяток к[ило]м[етров], проходила рядом с позицией нашей батареи. Бежать им было некуда: убежишь в степь — погибнешь от голода и холода или пристрелят русские, как собаку. Куда только делись с них лоск и величие.

От мороза и ветра пленные кутались даже в женскую одежду, набрасывали на себя одеяло, на ногах — громадные соломенные снегоступы. Ослабевшие от голода и холода, погибали прямо на дороге. Мертвецы валялись на обочинах дороги в снегу, как вешки, указывающие их путь следования до железнодорожной станции на погрузку в вагоны.

Так закончился сталинградский период войны. Боевой счет нашего 1 116-го полка составил девять сбитых самолетов противника. Среди отличившихся в боях была названа и моя фамилия.

Мы существовали под Сталинградом практически в невыносимых условиях, но победили. Командирам время от времени выдавали дополнительный паек, а солдатская пища состояла из постного пшенного супа, как его называли ППС. В котелке на двоих без затруднения можно было подсчитать все пшенинки. Хлеб появлялся через день. Часто оставались без еды по суткам, а были случаи по двое и однажды трое суток. Давали команду есть из неприкосновенного запаса (НЗ) — 300 гр[аммов] сухар[ей], а этот запас давно уже был съеден каждым солдатом. Ведь мы постоянно были полуголодными, ежедневно отщипывали от сухарика один-два квадратных сантиметра сушеного черного хлеба, чтоб «заморить» свой желудок. Водой снабжалась только батарейная кухня. Солдаты для питья т[опи]ли снег, умывались морозным снегом. Эту бескормицу командиры оправдывали снежными заносами — не могли завезти. Что характерно, солдаты переносили эти тяготы молча. Русский солдат неприхотлив и находчив. После разгрома румынской кавалерии мы перешли на самоснабжение конским мясом. Добивали раненых лошадей. За 15 — 30 минут тушка лошади разделывалась и разбиралась (кроме головы и ног) проходящими солдатами на радостях подчистую. Вскоре и лошадей подъели.

Победа, наверное, вскружила головы людей, отвечающих за снабжение войск питанием. Однажды мы двое суток были без крупинки во рту, днем на третьи сутки по приказу командования батарея двинулась на другие позиции. В пути следования, вдали от дороги, увидели черную точку, я крикнул: «Лошадь!». Машина остановилась. Вскоре солдаты притащили много конского мяса. Какое оно — застреленное или падаль, сколько там валялось, влезши в воду, никто не рассуждал. Все были страшно голодны. От населенного пункта, где батарея заняла новую боевую позицию, после боев остался только один дом и метрах в 300 от него — исправный сарай, в котором мы сразу же в 2 ведрах заварили мясо. Расчет орудия расположился через дорогу напротив этого дома, превращенного проезжающими и проходящими войсками в обогревательный пункт. Пол и потолок были уже выдраны и сожжены, огонь горел внизу, в подполе, а по краям вплотную стояли обогре-

вающиеся. Смотрим: к этому дому подъехали 4 подводы со свежевыпеченным хлебом в санях-розвальнях. Запах этого хлеба я помню до сих пор, и он мне кажется лучше всякой сдобы. Голодная слюна текла ручьем. Подводы сопровождали старшина и солдат. Первый сразу юркнул в дом, оставив второго охранять хлеб. В нашем расчете из 8 человек 6 солдат были уголовниками. Да и вся 21-я армия Рокоссовского на 60 % состояла из судимых, наказание которым было заменено отправкой на фронт. Разве они могли упустить возможность поживиться появившимся хлебушком? К тому же часовой немного попрыгал от мороза у повозок, тоже исчез в доме — погреться. Двое солдат орудийного расчета за две ходки «позаимствовали» у пехоты восемь буханок хлеба и спрятали где-то вне батареи. Старшина, наказав своего солдата оплеухой, быстро уехал.

Как только мясо в ведрах стало относительно вареным и пригодным грызть, разрезали каждую буханку хлеба на 4 р[а]вны[е] дольки и кроме своего орудийного расчета пригласили на еду в сарай: комбата, двух командиров взводов и всех командиров орудий, сан- и химинструкторов, оружейного мастера. Всем вручили по пайке хлеба и по увесистому куску мяса. Остальные батарейцы поели только на 4-й день утром, когда на кухню батареи поступили продукты. Во время трапезы командир батареи спросил, где мы взяли хлеб. Ему ответили: «Ешьте, я солдат не спрашивал». В таких условиях мог воевать и притом хорошо только русский солдат.

Наша 1-я зенитная артиллерийская дивизия внесла свой вклад в боевой опыт советской зенитной артиллерии и вышла с предложениями: желательно иметь на вооружении самоходные зенитные установки, способные действовать и двигаться вместе с танками в условиях бездорожья. В настоящее время они есть. Орудия прикрыть броней, чтобы расчеты не несли потерь от стрелкового оружия противника. Ведь двум прицельным и заряжающему орудия МЗА приходится вести бой стоя, да еще на платформе орудия. Рядом с ними и командир орудия в полный рост.

Зенитчики без броневого прикрытия, как правило, несут тяжелые или смертельные ранения от осколков бомб противника, который стремится в первую очередь прицельными бомбежками подавить огонь зенитных батарей.

ОТ КУРСКА ДО ДНЕПРА

В начале апреля 1943 г. 1-я зенитная дивизия была переведена на новый штат. 1 116-й полк расформирован, а наша батарея была передана в состав 1 068-го зенитного полка. Дивизия сохранила имевшиеся сорок восемь 37 м[илли]м[етровых] пушек, зато каждый из трех полков получил 4-ю батарею. Одновременно в дивизию вошел 1 042[-й] полк среднекалиберной зенитной артиллерии с двадцатью четырьмя 85-м[илли]м[етровыми] орудиями. В таком составе 1-я дивизия в этом же месяце была из-под Сталинграда переброшена в район г. Липецка для прикрытия аэродрома.

С 5 мая части дивизии были переведены ближе к фронту на прикрытие пяти важных прифронтовых ж[елезно]д[орожных] станций, имеющих большое значение в снабжении фронта всем необходимым.

Наша 4-я батарея, теперь 1 068-го полка, заняла боевые позиции метрах в 150 от ж[елезно]д[орожного] моста через реку Русский Брод на одноименной станции, с которой только что советские войска выбили немцев. Догоравшие дома еще дымили, но здание вокзала было кирпичное — уцелело. Когда мы обрывали ровик для орудия, подошла женщина со словами: «О, родненькие, опять немцы бомбить будут». Ее предсказания сбылись. На следующее утро с запада появилось 20 — 25 бомбардировщиков противника. Они спокойно прошли стороной от станции в зоне недосягаемости наших орудий. Затем неожиданно развернулись и со стороны солнца стали заходить на боевую бомбежку моста.

Раздалась команда «К бою!», а затем «Огонь!». Засвистели бомбы. Батарея боролась стойко. Вдруг наше орудие затихло. Оказалось: большим осколком напрочь срезало голову наводчику, и, по-видимому, им же располосовало живот прицельному, стоявшему за ним во весь рост. Было разбито прицельное приспособление — орудие вышло из строя. Но и мы сбили самолет противника, который спланировал в километре от батареи в поле. Я с солдатами побежал к самолету, пленил летчика. Мост батарея отстояла целым и невредимым, но на путях станции горело несколько вагончиков, один из них с водкой.

К нашему удивлению, взятый в плен немецкий летчик был полураздетым, виднелось нательное белье. При допросе он сообщил, что к ним в штаб поступили по радио данные от агента о прибытии на подъездные пути ст[анции] Русский Брод двух груженых эшелонов. Они спали, подняли по тревоге для бомбежки моста и грузов. Вскоре стало известно: агентом немецкого Абвера был зам[еститель] начальника станции Русский Брод, который не только донес о грузах, но во время бомбежки якобы от страха метался за станцией в поле и орал что-то непонятное. Оказывается, это он на условном «языке» еще и корректировал бомбежку. Этот предатель был арестован «органами смерти», но свое поганое дело успел совершить. После этого Русский Брод немцы больше не бомбили. Мы же в протекающей там реке постирали не только белье, а и обмундирование. Сами же отмылись от сталинградской грязи, освободились от вшей.

В смертельных боях с вражеской авиацией зенитчики 1-й дивизии обеспечили почти бесперебойную работу всех прикрываемых ж[елезно]д[орожных] станций: Здоровея, Русский Брод, Ливны, Верховье.

Война — это тоже жизнь, правда, без гарантии выжить. Были и радости: хорошее письмо из дома, очередная награда и изредка стоянка батареи рядом с городом или деревней со встречей с милой девушкой, чаще с женщиной, скучающей от одиночества. Происходили и забавные случаи, вот один из них: на батарее служили очень молодые и солдаты до 45 лет, считали мы их стариками. Были и у меня в расчете два таких солдата. Один из них имел 2-литровый круглый котелок, постоянно кушал из него с молодым солдатом. У старого деревянная ложка на полчерпака, у его молодого напарника металлическая плоская. Однажды молодой докладывает мне, что ходит постоянно голодный, старый со своей огромной ложкой объедает его, а своего котелка у него нет. Спрашиваю: «И ты не знаешь, что делать? Давай сюда вещмешок старого, нащупал его ложку — бей по ней кулаком и молчи».

Наступил обед, старый солдат обнаружил, что его «кормилица» разбита вдребезги. Поднял шум. Я попросил его успокоиться. Нашли запасную металлическую ложку, вручил ее ему с назиданием — неприлично пользоваться древними деревяшками. Молодой солдат повеселел и поправился.

СЕВЕРНЕЕ КУРСКА

К весне 1943 г. советскому командованию стало ясно, что противник намерен осуществить крупную наступательную операцию со стороны Орла и Белгорода* на район нашего Курского выступа, вклинившегося на запад в их войска. Враг сосредоточил на Курском направлении 2 тыс. самолетов из имевшихся на всем советском фронте 2 980 единиц.

Северную половину выступа обороняли пять армий — 48, 13, 70, 65, 60[-я]. Главный удар противника ожидался в полосе 13[-й] армии. Нашей 1[-й] зенитной дивизии была поставлена задача прикрыть с воздуха 15-й стрелковый корпус. Так наш 1 068[-й] полк и батарея оказались на главном направлении Центрального фронта. По приказу все батареи были тщательно замаскированы, с правом стрелять только дежурным орудием. Одной из мер дезориентации врага было выдвижение ночью к переднему краю обороны на временные позиции орудий для стрельбы по самолетам, нападавшим на нашу пехоту. До 4 июля такие орудия обстреляли 16 и сбили из них 3 самолета противника. Во всех батареях проверялась боевая подготовка личного состава орудий, проводилась разъяснительная работа — что должен делать каждый воин в бою.

В июне 1943 г. на должность командира 1[-й] дивизии был назначен генерал-майор Двизин Р. А., который в порядке ознакомления проводил лично инструкторские проверки всех батарей. Появился он и у нас. Наш командир орудия был с 3 классами — растерялся. Под видом больного лег в землянке, приказал встретить «гостя» мне. Когда я доложил о боевой готовности орудия к бою, он поинтересовался, где командир. Узнав, что он больной, навестил его.

Дотошная проверка знаний материальной части и учебная стрельба по разным целям прошла успешно. Я знал, что солдаты не подведут, т. к. занятия с ними проводил сам.

В соседнем 4[-м] орудии из восьми номеров шесть были бывшие уголовники, враждовали между собой 3 на 3, командира орудия практически не признавали, от занятий отлынивали, от чистки и смазки орудия отказывались. Генерал, увидев, что орудие грязное, расчет матчасть пушки не знает, команды по стрельбе выполняет нечетко, сразу приказал комбату отстранить командира орудия от должности и назначить меня. Приказ о своем назначении я воспринял без радости, не хотелось уходить из орудийного расчета, в котором воевал под Сталинградом. Первое боевое крещение в этой должности получил в трагическом бою под Русским Бродом, о чем изложено выше.

---

* В документе «Белграда».

К концу июня усилилась авиаразведка противника. Было ясно, что вот-вот немцы бросятся в крупное наступление на Курском направлении, на которое они возлагали решающее значение — сломить сопротивление советских войск и выйти на оперативный простор.

В эти дни на батареях зачитывалось обращение военного совета Центрального фронта и политотдела 13[-й] армии, которое призывало воинов: «Выстоять сейчас — значит победить», «Ни шагу назад», «Остановить, отбросить и разгромить врага». Проводились беседы в расчетах на тему: «Быть в любую минуту в полной боевой готовности». Личный состав, техника готовились к сражению, а наш молодой службистый командир батареи приказал проводить ежедневно утренние зарядки и стрелковые занятия. Батарея стояла в 500 метрах от передовых позиций, от стрелкового оружия противника прикрывалась небольшой подковообразной высоткой. Зато снаряды и мины нередко рвались на батарее и рядом. Солдаты, да и командиры орудий не хотели рисковать понапрасну, уклонялись от этих диких мероприятий. Вечером 4 июля комбат собрал всех командиров орудий и пригрозил, что, если мы и впредь не будем проводить зарядку, он соберет нас и сам будет по 2 часа гонять командиров орудий строевой. Об этом мы доложили своим солдатам. Внесла свои коррективы война.

В эту ночь с 4 на 5 июля 1943 г. было непривычно тихо, как будто не было войны. Уставшие воины уснули тревожным сном. Вдруг грянул артиллерийский залповый огонь. Мы бросились к орудиям. Вскоре поняли: бьет только наша артиллерия, из штаба позвонили — артиллерия нанесла упреждающий удар по скоплениям противника.

На рассвете 5 июля началась артиллерийская и авиационная подготовка противника. Нам уж было не до зарядки. Самолеты летели большими группами, на разных высотах со стороны Орла к 1,5-му* стрелковому корпусу, который мы прикрывали с воздуха. На батареях закипела работа. Все небо было закрыто бомбардировщиками. Они делали по несколько заходов, чтобы дольше держать наши войска в напряжении, снизить их сопротивление. Батареи подверглись не только бомбежке а и обстрелу артиллерии и минометов противника. Густая пыль, смешанная с черным пороховым дымом, заволакивала наши позиции, снижая видимость.

В 5 часов 30 минут активность фашистских самолетов прекратилась. Появлялись в основном одиночные самолеты-разведчики. Но на позиции стрелкового корпуса двинулась лавина танков и штурмовых орудий, в том числе «тигры», «пантеры» и «фердинанды», за ними наступала немецкая пехота.

Наша артиллерия, минометы — все оружие стрелковых частей, опустошало ряды атакующего противника, но наша пехота не выдержала — стала отходить через позиции нашей батареи. На ходу пехотинцы кричали: «Зенитчики, чего стоите, через пять минут здесь появятся немцы!». Вскоре и нам дали приказ отойти. К концу дня ценой огромных потерь враг в полосе обороны 13[-й] армии продвинулся на 6 — 8 километров. К концу дня 1-я зенитная дивизия сбила 27 вражеских самолетов, из них полки МЗА — 18, в том числе наш 1 068[-й] полк сбил 11 самолетов.

---

* Так в документе.

На рассвете 6 июля после артподготовки и бомбежки на вражеские позиции двинулись в контратаку наши танки и пехота. С 6 на 7 июля ночью наш 1 068[-й] полк был переброшен на старые огневые позиции под Малоархангельск. В пути следования отказала автомашина, и наше 4-е орудие застряло на обочине дороги. На всякий случай дал команду привести орудие к бою. Оторванные от батареи, мы остались без завтрака. Наступило время обеда... Рядом находился овраг, из которого иногда попыхивал дымок и шел устойчивый запах пищи. Разведали — кухня! Пехотинцы выручили нас — покормили остатками своего завтрака. Вскоре появился самолет-разведчик противника. Он шел курсом на кухню и орудие. Пехотинцы заволновались, настойчиво стали кричать: «Зенитчики, мы вас кормили — стреляйте!». Хоть и предельная была высота для нашего орудия — около 3 км, пришлось открыть огонь. Самолет не выдержал точного огня, задымил, развернулся и вскоре скрылся. Пехотинцы на радостях кричали: «Молодцы, зенитчики, приходите обедать!». Накормили они нас не только обедом, но и ужином.

На рассвете прибыла автомашина, привезла нас не на батарею, а на позиции пехоты в районе Понырей, где проходил северный фас Орловско-Курской дуги. Станция была на высотке, а пехота и наше орудие — внизу. Мы расположились в старом каменном карьере, а пехота — по всей лесной дубраве в равнине. Противник находился выше и простреливал наши позиции из всех видов оружия. К тому же весь световой день над нами висели и летали по кругу до 40 вражеских самолетов. Один бросал бомбу, второй пикировал и стрелял из пулеметов, и опять пристраивались в круг для очередного захода на наши позиции. Был сущий ад. К вечеру от поляны дубового леса не осталось ни одного целого дерева, все были подсечены осколками на высоте 30 — 50 см от земли, а их низ горел от термитных снарядов. С наступлением темноты бой затих, войска 13[-й] армии выстояли. Наш расчет сбил 2 немецких самолета.

Возвратились на свою батарею поздним вечером — от гречневой каши почти все отказались из-за психического перенапряжения, хотя весь день ничего не ели. Пища не держалась — съешь ложку, рвет. Оказалось, что еще один расчет тоже сбил 2 самолета, а два остальных — по одному. Побывавший на батарее командир 1 068-го полка вручил командирам орудий ордена Отечественной войны и медали «За отвагу». К нам в пекло под Поныри он не поехал. На следующий день ком[андир] полка опять появился на батарее, как и обещал, прошел к нашему расчету. Как командир я доложил ему о готовности орудия и 30 боеприпасов к бою. Он переспросил: «Сколько-сколько?». После повторения количества снарядов он выругнулся матом и покинул расчет. Мы остались без наград. Как говорится, куй железо, пока горячо. Оказывается, за прошедший день полк хоть и сбил много самолетов противника, но «сжег» — перестрелял — три боекомплекта боеприпасов. За большой перерасход снарядов комполка получил от командира дивизии наказание, а мы подвернулись под его злую руку.

С утра 8 июля противник нанес удар на Ольховатку, но советские войска выстояли и контратаками восстановили прежние позиции. Батареи 1 068[-го] полка тоже заняли свои ровики, с которых 5 июля отступили. В этот же день по приказу командования все полки 1[-й] дивизии выстроились в общую колонну,

которая на больших скоростях двинулась вдоль линии фронта на запад в район Ольховатки, где активизировались самолеты противника. На марше неоднократно пришлось отражать налеты самолетов врага с коротких остановок без подготовки — с ходу с колес. Однако к концу дня сбили 4 самолета противника. Во время боя батареи понесли большие потери, так как в пути не имели укрытий. Прибытие 1-й дивизии на левый фланг 13[-й] армии было своевременным. С рассветом 9 июля налеты противника группами [по] 20 — 40 самолетов следовали один за другим.

11 июля истощенный боями враг предпринял последнюю попытку добиться успеха, нанес удар по левому флангу 15-го стрелкового корпуса, незначительно потеснив его. На этом наступление фашистов в полосе обороны 13[-й] армии, где все время действовала наша 1-я зенитно-артиллерийская дивизия, закончилось полным провалом. Враг спешил окопаться и укрепиться на занятых рубежах.

За период оборонительных боев на Курской дуге эффективность стрельб батарей 1-й дивизии по сравнению с контрнаступлением под Сталинградом резко возросла. Там за 84 дня провели 612 стрельб или в среднем по восемь в сутки, сбив при этом 59 самолетов противника, менее одного в день. Под Курском за 8 дней было 503 стрельбы — 63 в сутки. Сбито 88 самолетов — в среднем 11 в сутки. Расход малокалиберных снарядов на один сбитый самолет: под Сталинградом — 412, под Курском — 328. Профессиональное мастерство зенитчиков 1-й дивизии выросло (из официального источника). Зенитчики среди грохота, взрывов и свиста осколков, не жалея своей жизни, вели интенсивный огонь по врагу. Падали сраженные, раненые продолжали стрельбу.

В 1943 г. кормили и одевали воинов хорошо. Постоянно солдатам выдавали рисовые блюда, тушенку и американскую колбасу по 1-й фронтовой норме. При переходе на летнюю форму весной 1943 г. фронтовики получили новое обмундирование. Перестали ощущать «голод» в боеприпасах. В частях, но не во всех, винтовки заменили автоматами. Устойчиво работала почта, стали появляться фронтовые и центральные газеты. Воины заметно поправились, очистились от вшей, приобрели уверенность в победе над фашистами, с любовью относились к своей советской Родине. Все это способствовало успеху на фронтах войны. Рис, конечно, хорошая пища, но когда он ежедневно и долго выдается на завтрак, обед и ужин, да еще и на первое и на второе (рисовые суп и каша), он россиян[ам] сильно надоедает. На батарее возник авитаминоз, в расчетах — куриная слепота. Солдаты один за другим стали жаловаться, что после заката солнца они ничего не видят. Я сначала не верил, но вскоре самого навестила эта беда. Встал вопрос, кого же выставлять часовыми в ночь? Спас счастливый случай. На следующий день немцы шуманули на передовой в селе перед нашей батареей. Овцы обезумели, проскочили передовую и по дороге [по]бежали на наш расчет. Мы их перестреляли и отдали на кухню. По моей команде целое ведро сбоя-ливера: сердец, печени, легкого и селезенки — оставили себе на варево. Я с детства знал, что этот навар сильно помогает против этой болезни. Поели два дня — куриная слепота у всех исчезла. До этого санинструктор поила нас сосновым отваром, но он не помогал.

В КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ СЕВЕРНЕЕ КУРСКА

Измотав и обескровив противника, советские войска приступили к ликвидации его ударных группировок. 12 июля по врагу нанесли удар войска Брянского и Западного фронтов. Войска Центрального фронта получили задачу восстановить положение, которое они занимали до 5 июня, а затем наступать на Кромы, чтоб совместно с вышеназванными фронтами разгромить всю орловскую группировку противника (из официального источника).

13[-я] армия, в составе которой действовала 1-я зенитно-артиллерийская дивизия, развивала успех прорыва обороны противника в интересах всего фронта. Вскоре 1[-я] дивизия поступила в подчинение командующего танковых войск, который поставил задачу зенитчикам прикрывать их с воздуха в глубине прорыва обороны врага.

Опять нашей батарее пришлось воевать в районе Понырей и Ольховатки. Враг упорно сопротивлялся. В первые дни контрнаступления наша пехота буквально выдавливала противника на 100, затем на 200, позднее на 300 метров с их укрепленных позиций. Наши войска приближались к немцам на бросок гранаты, «выкуривая» их из укрытий. В этих условиях авиация бездействовала, боясь поразить своих. Только через несколько дней в результате удара 2-й танковой армии, при нашем зенитном сопротивлении, удалось восстановить свою полосу обороны, занимаемую на 5 июля. До конца месяца шли напряженные бои, сломить сопротивление противника не удавалось. Поэтому 2[-я] танковая армия часто перемещалась на другие направления, а мы, зенитчики, скакали за ней по разрытым гусеницами дорогам. 2 августа над войсками было зафиксировано 827 самолето-пролетов. Вражеская артиллерия вела огонь по нашим батареям, пытаясь обеспечить своим самолетам свободу действий. Через несколько дней 2[-ю] танковую армию атаковали 344 фашистских самолета. Наши батареи зенитчиков вели тяжелые бои, понесли серьезные потери. В соседнем полку из 16 вышло из строя 8 орудий, сгорело 12 автомашин.

К 10 августа Орловский плацдарм фашистов был ликвидирован, 1-я зенитная дивизия была перестроена для прикрытия наступивших войск на Севск.

Итак, за время Курской битвы 1-я зенитно-артиллерийская дивизия РВГК отразила 367 бомбардировочных и 27 штурмовых налетов гитлеровской авиации и сбила 125 самолетов. 2-я танковая армия от бомбежек противника потеряла только три средних танка (из официального источника).

Курская битва завершилась разгромом двух крупных группировок противника — орловской и белгородской. 1-й дивизии задачи ставило командование армии, командиры полков сами руководили боевыми действиями батарей.

В конце августа наши войска в составе 65-й и 2[-й] танковых армий с участием 1[-й] зенитной дивизии овладели г. Севском и г. Глухов[ым].

Затем охраняли от налетов авиации противника г. Чернигов и особенно переправы через реку Десну. В октябре получили приказ народного комиссара обороны № 289 от 29 сентября, которым 1-я была преобразована во 2[-ю] гвардейскую зенитно-артиллерийскую дивизию РВГК, а наш 1 068-ой полк — в 303[-й] гвардейский зенитно-артиллерийский полк. Так мы стали гвардейцами.

Вся гвардейская дивизия была придана 65-й армии. После освобождения г. Лоева и форсирования Днепра наша батарея следом за пехотой была переброшена на правый берег. Два дня батарея и другие части подвергались ожесточенным налетам с участием 240 самолетов врага. За Днепром батарея прикрывала от бомбежек и авиационных обстрелов свою наступающую пехоту, стояла в 700 метрах от передовой линии противника. Чтобы не превратиться в цель для вражеской артиллерии, батарея часто меняла позиции, и каждый раз зарывалась в ровики и траншеи по принципу: копай, чтобы не погибнуть. Эта работа изнуряла солдат физически, т. к. выполнялась, как правило, по ночам, а с наступлением рассвета опять нужно было отражать налеты.

31 октября, в день первой годовщины «рождения» дивизии, в приказе было указано, что зенитчики части сбили 211 фашистских самолетов, подбили и сожгли 12 танков, уничтожили до двух батальонов пехоты, захватили в плен 480 вражеских солдат и офицеров — много летчиков со сбитых самолетов, в т. ч. наш 303[-й] гвардейский полк сбил 56 самолетов (из официального источника).

В начале ноября с правого берега Днепра южнее Лоева наши войска перешли в наступление. Наша 2[-я] гвардейская дивизия была придана 48[-й] армии. Прорвав оборону противника, 18 ноября освободили Речицу, с ходу форсировали р. Березину и на правом берегу захватили небольшой плацдарм. Наш 303[-й] гвардейский полк занял на этом пятачке свои позиции. Противник пытался нас с пехотой столкнуть в речку, но безуспешно. В этот день 21 «Хейнкель-111», 31 «Юнкерс-88» и 18 истребителей «фокке-вульф» штурмовали плацдарм, переправу и зенитные батареи. Зенитчики сбили несколько самолетов, но понесли большие потери в живой силе и технике. Вскоре нашу и другие батареи 303[-го] гвардейского полка пополнили людьми, пушками и автотранспортом, направили в районн Морлюля, где было сбито 9 фашистских самолетов.

Готовились к наступлению, но враг нанес контрудар крупными силами. Пришлось отходить. 2[-я] гвардейская дивизия вместе с наземной артиллерией была выдвинута вперед для отражения атак противника, в т. ч. и наземного. В этот день немцам прорвать нашу оборону не удалось. Было уничтожено 6 танков. Это были последние бои 2-й гвардейской дивизии в 1943 г.

1944 г. начался с наступления на г. Калинковичи и Мозырь в Белоруссии. За два дня эти два города и одноименные ж[елезно]д[орожные] станции подвергались атакам 320 фашистских самолетов. Зенитчики сбили 7 из них. 2[-й] гвардейской дивизии, в т. ч. и нашей батарее, пришлось прикрывать эти города почти до конца февраля, а затем воевать севернее Гомеля в составе 50-й армии. Со второй половины марта вся 2-я гвардейская дивизия прикрывала соединения частей, готовившихся к наступлению на Могилев. На этом направлении зверствовало до 300 вражеских самолетов сбили 4, подбили 3.

В апреле произошли организационные изменения. Количество 37-м[илли]м[етровых] пушек в гвардейской дивизии увеличилось с 48 до 72, батареи трех гвардейских полков из четырехорудийных стали шестиорудийными. Тем самым огневая мощность увеличилась на 50 %.

Позднее 2-й гвардейской дивизии пришлось прикрывать кавалерию, которая в болотистых пунских лесах приносила много хлопот. Она продвигалась по топким местам, а нам, чтобы проехать, приходилось строить бревенчатые настилы, а затем нагонять их для прикрытия с воздуха. В этих боях мне участвовать не пришлось в связи с ранением.

Это произошло при переброске 303-го гвардейского полка ж[елезно]д[орожным] транспортом на другой участок фронта. Наш эшелон стоял рядом с эшелоном пехоты на ж[елезно]д[орожной] станции Речица. Ничто не предвещало беды. Вдруг услышали гул большой группы немецких самолетов, приближающихся к станции. Чтобы избежать скопления, со станции сначала был отправлен эшелон пехоты, а через несколько минут и наш. Самолеты противника стали преследовать эшелоны, а мы на ходу открыли по ним огонь. В районе разъезда Бабичи на нас было сброшено с сотню зажигательных бомб, которые, на наше счастье, упали в ста метрах от эшелона. Воткнувшись в грунт, они горели — искрились в сумерках, как свечки. Со второго захода одна фугасная бомба попала в путь. Паровоз нашего эшелона ткнулся в воронку — началось кружение. Открытую железнодорожную площадку, на которой находился я с расчетом и пушкой, бросило вверх на передний вагон, как щепку. Я, ухватившись за ствол орудия, пытался спрыгнуть с платформы, но не успел. Когда падал вниз, подумал: ну все. Помню, упал между ж[елезно]д[орожными] путями вниз животом, и от больших травм тазобедренного сустава и головы потерял сознание. Как это произошло, я не знаю, но когда очнулся, я лежал уже на спине. Открыл глаза — прямо надо мной сантиметрах в тридцати висит колесо вагона. Метнулся из-под колеса — меня обожгла резкая боль, двигаться я уже не мог.

Май и июнь 1944 г. пролежал в госпитале в г. Речица. Положили меня в офицерскую палату на 4 человека. Я был в недоумении — почему? Потом выяснилось: когда я лежал на операционном столе, врач спросил, какое у меня звание, я ответил от слабости тихо: «Старший сержант». По-видимому, хорошо не расслышали, и, поскольку у меня на голове была большая шевелюра, в истории болезни записали: «Старший лейтенант». По настоянию офицеров-однопалатников разоблачаться не стал — с месяц получал вместо положенной махорки папиросы и ежедневные 100 гр[аммов]. Подлог открылся лишь при переводе из Речицы в госпиталь для выздоравливающих. Но что можно было взять с раненого солдата, для передвижения пользующегося костылем с палкой.

Парадокс — в боевых передрягах был целехонек. Лишь маленький осколочек попал в грудь, но защитила медаль «За отвагу».

Не повезло в прифронтовом тылу и в Глухове. В этот город мы вкатились со своими орудиями следом за пехотой. Преследуя противника, пехота быстро ушла на запад, а мы остались полными хозяевами города — запаслись из немецких складов первосортной белой мукой и солью. Нас оставили для прикрытия города от самолетов противника. Фронт откатился на запад. Привезли водку и выдали по 500 гр[аммов] с наказом не пить сразу всю. Мы почувствовали, что в тылу — расслабились, потягивая водочку под блины, испеченные поваром батареи из немецкой муки. Некоторые расчеты запели. За разговорами я по сложившейся привычке по-

сматривал на западное небо. Вдруг увидел большую группу немецких самолетов, приближающихся к Глухову. По праву командира подал команду: «К орудию!» — и открыл огонь. За нами стала стрелять вся батарея.

Все увлеклись группой самолетов, и даже разведчик не увидел, как один самолет зашел с тыла и с низкой высоты высыпал бомбы прямо на батарею. Одна из них разорвалась в 5 метрах от нашего орудия. Волной меня сбило с ног и контузило. Прицел орудия разбило осколками, тяжело ранило 2-го наводчика, двух прицельных, заряжающего, подносчика, убило насмерть находящегося в орудийном ровике орудмастера. На командном пункте батареи был убит разведчик и тяжело ранен командир батареи Елестратенко. Всего на батарее вышло из строя 16 воинов. Мы таких потерь в битвах под Сталинградом и на Курской дуге не имели. Дорого нам обошлась водочка с блинами. Я и 1-й наводчик оказались за орудием от взрыва, были только контужены. Я перестал слышать, но в госпиталь идти отказался. До поступления нового орудия исполнял обязанности старшины батареи.

Не понравилась мне эта «хитрая» должность — возвратился на орудие. Новое орудие, новые люди. Первым орудийным номером стал необстрелянный паренек — ефрейтор Мирошниченко. Проверил, как он знает материальную часть и стрельбу из пушки — остался доволен. Вскоре нашу батарею поставили на т. н. безымянной высоте. Этот день для него был испытанием. От налетевшей группы пикирующих бомбардировщиков отделился один Ю-87 и пошел со звуком сирены в пике прямо на наше орудие. Вдруг под крик «мама» орудие перестало стрелять, а самолет катастрофически быстро приближался. Оказалось, что Мирошниченко не выдержал, пригнулся на своем сидении наводчика и от страха кричал. Я стоял рядом. Схватил его за гимнастерку и, как пушинку, не замечая веса, сбросил в ровик, а сам мгновенно прыгнул за сидение наводчика, прильнул к прицелу, моментально навел орудие на самолет, увидел рыжую рожу немца-летчика, открыл по нему бешеный прицельный огонь. Теперь уже не выдержал немец — бомбу сбросил при развороте от снарядов, она упала не в орудие, а в стороне от нас. За трусость был один путь — военный трибунал и штрафная рота. После налета растолковали Мирошниченко, что он мог погубить весь расчет. Докладывать командиру батареи я не стал — жаль было молодого парня-солдата, жизнь которого на войне без гарантии.

А сколько было сопутствующих неприятных случаев! Однажды под Сталинградом наша батарея переезжала на новые позиции. Шел плотный, большими хлопьями снег. Видимость — метров пять. Смотрим — наша дорога раздвигается. Направо — засыпанный снегом след, прямо свежая снежная колея дороги. Поехали по своему пути. Не проехали и пятнадцати метров, как автомашина «виллис» с орудием куда-то провалились. Неприятный болезненный толчок, острая боль в пояснице. Осмотрелись — оказывается, мы влетели в противотанковый ров. От больших травм спасла большая снежная подушка на его дне. Еле выбрались из этой танковой ловушки.

При ликвидации окруженных немцев под Сталинградом наши части с боями продвинулись вперед. Фашисты от внезапности удара драпанули внутрь своей группировки, оставив очень много боевой техники и транспорта в балке, на высоком

берегу которой расположилось наше орудие. Я сначала присматривался к трофеям сверху, но, увидев громадный крытый брезентом грузовик, спустился к нему и стал его осматривать. Мотор частично находился в кабине. Подошел неизвестный солдат, мы залезли на подножки машины с разных сторон. Солдат оказался шофер[ом], стал мне объяснять устройство мотора. Вдруг — стрельба с пролетающего низко немецкого истребителя. Шофер вывалился из кабины, как мешок, а я выскочил из нее. Оказалось, его спину прошила пулеметная очередь. А ведь мы находились рядом голова к голове, и я чудом остался жив.

Сейчас меня мучает сомнение. Кто будет защищать Россию в случае, не дай бог, очередной войны? Челноки, а их более 10 тыс[яч] человек, прозападные власти и новые русские уже свили себе гнездышки за границей, имеют там капиталы. Захотят ли они их терять и подставлять себя под пули?

Был свидетелем фронтового экзотического случая. Мое орудие стояло в метрах пятидесяти от батареи полевой артиллерии. Немец вел методичный, нудный обстрел наших позиций. При приближении снаряда мы ныряли в отрытые щели, после его разрыва опять выползали наверх. Обратил внимание на соседнее полевое орудие, где на бруствере, свесив ноги в ровик, сидел солдат. Он не обращал внимания на обстрел. Вдруг приближающийся немецкий снаряд плюхнулся прямо между ног солдата, но не разорвался. Волной от снаряда солдата подбросило на метр вверх и «посадило» на прежнее место.

Взял бинокль, отчетливо вижу голову неразорвавшегося снаряда между ног, от него шел пар. Кричу солдату, чтоб[ы] бежал с опасного места, но он так был поражен случившимся, что не мог двигаться. Подбежал другой солдат и оттащил перепуганного пострадавшего на безопасную дистанцию.

Думаю, это тоже редкий случай. Раненого солдата везли на конной повозке в госпиталь. Он лежал в телеге на спине, а в его предплечье виднелась вонзившаяся в шею небольшая неразорвавшаяся мина, оперение которой выходило сантиметров на десять из раны.

Несмотря на все нюансы войны, его величество счастливый случай помог мне выжить, а нас от первой формировки батареи в Москве из 20 человек осталось трое.

Слава и память моим павшим товарищам!

НА НИИГН. Ф. И-1510.
Опубликовано полностью:
Нестеров П. И. Глазами солдата и чекиста //
От ВЧК до ФСБ. Саранск, 2003. С. 196 — 211.

А. Я. НИКОЛАЕВ

Николаев Александр Яковлевич (1924, д. Елхи ныне Атяшевского района Республики Мордовия) — участник боевых действий. В РККА — с 1942 г. Окончил Шиморскую школу младших командиров (Горьковская область). Командир орудия артиллерийской бригады резерва главного командования. Сражался на Северо-Западном, Первом, Втором и Третьем Белорусских фронтах. После войны — майор в отставке. Работал в г. Саранске. Награжден орденом Красной Звезды, медалями[*].

1985 г.

В начале июля 1944 г. большая группа немецко-фашистских войск была окружена в районе г. Бобруйска Белорусской ССР.

Наша 44-я артиллерийская бригада р[езерва] г[лавного] к[омандования] оказалась в самой гуще боевых действий по уничтожению группировки немецко-фашистских войск. Гитлеровцы большими и малыми группами шатались по лесам и болотам, скрывались в высоких спелых хлебах. Они нападали на хутора, грабили и убивали людей. Но везде, где бы ни появлялся враг, его настигало возмездие.

Коротка июльская ночь в Белоруссии. Наши войска приготовились к решительному штурму г. Бобруйска и разгрому фашистской группировки. В окружение вместе с немецкими войсками попали и предатели Родины — власовцы. Не считаясь с большими потерями, фашисты беспрерывно атаковали, стремясь прорвать кольцо окружения. Артиллерийская батарея, в которой я был командиром орудия, занимала один из важных участков.

На ночь перед позициями орудий были выставлены часовые. В три часа ночи незадолго до рассвета перед нашей батареей послышались шаги множества людей.

— Стой, кто идет!

В ответ раздалась брань на русском языке:

— Что, шляпа, своих не узнаешь?

Очередь из автомата, и обманутый русской речью часовой упал. Фашисты и власовцы пошли в атаку на батарею.

Много раз слышал я от боевых друзей о психических атаках врага, но самому видеть такое раньше не приходилось. Развернутой цепью гитлеровцы и власовцы быстро шли на нашу батарею. В предрассветной мгле они казались зловещими тенями. Гитлеровцы подошли совсем близко, наступила, как мне показалось, критическая минута.

— По фашистской нечисти и предателям Родины... Шрапнелью!.. Беглый огонь!.. — скомандовал комбат капитан Полунин.

---

[*] **Николаев А.** Вспоминая минувшие дни // Совет. Мордовия. 1985. 7 авг. С. 4 ; **Его же.** Случай под Бобруйском // В боях за Родину. Саранск, 1990. С. 74 — 76 ; http://podvignaroda.mil.ru

Десятки шрапнельных снарядов разорвались в гуще врагов. Пьяные, они шли напролом, стремясь захватить батарею. Завязалась рукопашная схватка. Это был жестокий бой.

Когда рассвело, остатки вражеских солдат, видя бессмысленность сопротивления, начали сдаваться в плен. Но не сдавались власовцы, с яростью обреченных, зная что их ждет, они шли на смерть.

Более пятидесяти вражеских солдат и офицеров захватили мы в плен. Все артиллеристы батареи за эту ночную схватку были награждены орденами и медалями. Я был награжден орденом Красной Звезды.

Сколько их было, смертельных схваток, за долгие годы войны?! И все они и по сей день живут в памяти, их невозможно забыть. Равно как нельзя простить фашисту всех его злодеяний.

Участвовал я в штурме Кенигсберга, Франкфурта-на-Одере, и, наконец, Берлина. Как много и дорого мы отдали и заплатили за то, чтобы дойти до него. И какое ликование охватило всех нас, когда Берлин пал, фашистская Германия капитулировала.

40 лет прошло с тех пор, 40 мирных лет. Все реже строй ветеранов войны. К сожалению, годы и раны дают о себе знать. Но память о тех, кто отдал за свободу Родины самое дорогое — жизнь, кто кровью отстаивал каждую пядь земли советской — живет в сердцах благодарных людей. Память вечна. Мы не имеем права забывать, чтобы не разразилась на земле новая война.

Публикуется по изданию:
Николаев А. Вспоминая минувшие дни //
Совет. Мордовия. 1985. 7 авг. С. 4.

1990 г.

В начале июля 1944 г. большая группа немецко-фашистских войск и власовцев была окружена в районе города Бобруйска Белорусской ССР. Войсками 3-й армии под командованием генерал-полковника А. В. Горбатова в ходе боевых действий по ликвидации ее было захвачено в плен более 20 тысяч немецких солдат и офицеров.

Нелегко, конечно, приходилось и нашим войскам. От артобстрела приходилось переходить к рукопашной схватке, пуская в ход не только огнестрельное, но и холодное оружие.

Впрочем, мне хотелось бы рассказать об одном в некотором роде курьезном случае, который произошел со мною во время окружения и уничтожения данной группировки.

Зажатые со всех сторон, гитлеровцы яростно сопротивлялись, стремясь любым путем выйти из окружения. Оказавшись в безвыходном положении, они шли на любое коварство.

Например, командиру немецкой дивизии генералу фон Люфтицу удалось прорваться из окружения. С большой группой танков и артиллерией он выбил наш

мотострелковый полк из поселка Октябрьское и двинулся к северу от Бобруйска, но снова был окружен.

Темной ночью 1944 г. наша 44-я гаубично-пушечная орденов Суворова и Кутузова артиллерийская бригада р[езерва] в[ерховного] г[лавно]к[омандования], которая входила в состав войск 3-й армии, двигалась по шоссе Бобруйск — Минск, сжимая кольцо окружения фашистов. Я служил в этой бригаде в должности командира орудия со дня ее формирования и до конца войны. Шел мне в то время двадцатый год.

Часа в три ночи наша артиллерийская колонна внезапно остановилась. От большого потока движущихся войск впереди образовалась пробка. Я решил посмотреть, кто наши соседи и кто двигается за нами. За своим орудием я заметил огромный немецкий вездеход на гусеничном ходу, который пристроился к нам и вместе с нашей колонной двигался к фронту.

Такой вездеход я нигде прежде не видел. Ради любопытства подошел к нему ближе и был поражен тем, что увидел. Машина до отказа была набита немецкими солдатами: одни лежали на днище машины, другие сидели на корточках.

— Хороши соседи, — изумился я. — Надо их задержать.

Создав видимость, что в темноте я ничего не заметил, с беззаботным видом направился в противоположную сторону, ожидая каждую секунду выстрела в спину. Фашисты, видимо, не хотели создавать шума, надеясь, что я не заметил их коварства.

Отойдя в конец батареи, я незаметно оповестил об увиденном командира и личный состав ее, и мы с автоматами мгновенно окружили немецкий вездеход. По нашей команде: «Руки вверх! Бросай оружие!» — фашисты стали выпрыгивать из машины и складывать оружие.

В машине был сам командир гитлеровской дивизии генерал фон Лютвиц со своей личной охраной в составе около пятидесяти солдат и офицеров. Под покровом ночи они пристроились к нашей колонне, надеясь выйти через позиции советских войск или на подходе к ним к своим боевым частям. Не получилось! С поднятыми руками и безумным животным страхом на лице эти матерые убийцы сдались в плен. Их бесславное и позорное шествие по странам Европы закончилось в Бобруйском котле.

Позднее на допросе у командующего 3-й армии генерал-полковника А. В. Горбатова фашистский генерал признался, что он не ожидал такого стремительного и бескровного пленения, положительно отозвался о высокой боеспособности и бдительности бойцов Красной армии.

За предшествующие бои и за данный случай многие бойцы и командиры нашей батареи были награждены орденами и медалями. Орден Красной Звезды получил и я.

Публикуется по изданию:
Николаев А. Я. Случай под Бобруйском //
В боях за Родину. Саранск, 1990. С. 74 — 76.

К. Д. ОРЛОВА

Орлова Клавдия Дмитриевна (3.5.1923, с. Исса ныне Иссинского района Пензенской области) — участница боевых действий. В РККА — с 1943 г. Служила на радиолокационной станции. Участвовала в Советско-японской войне. С 1946 г. жила и работала в г. Рузаевке Мордовии. Награждена орденом Отечественной войны 2-й степени[*].*

2005 г.

В 1934 г. мы переехали в Башкирию, г. Давлеканово, где я окончила 8 классов и устроилась работать на мукомольный завод лаборанткой. У людей моего поколения детство и юность окончились 22 июня 1941 г. Началась война. Она вошла в каждый дом, в каждую семью. Мы были взволнованы, озабочены, хотя понимали, что в таких условиях не время для растерянности. Люди сплотились. И огромная страна встала на священный бой, собрав для этого все возможные и невозможные силы. Люди ковали победу на фронте и в тылу. Пока мужчины воевали, в городах проводились собрания девушек, участницы которых обращались с призывом к другим представительницам женского пола овладеть мужскими профессиями. Это движение получило широкий отклик. Меня послали учиться на шофера, по окончании курсов в мое распоряжение дали пожарную машину при заводе. Мы с подругой ходили в военкомат и подали заявление, чтобы нас отправили на фронт. Последовал отказ, сказали: «Ждите».

В 1943 г., весной, нас собрали на занятия: учили, как обращаться с винтовкой, с гранатой, как выкопать себе яму так, чтобы все тело было наравне с землей, — это называлось всеобучем.

В августе нас призвали в армию и отправили в Москву, где мне очень повезло: меня определили учиться на командира отделения в зенитную батарею СОН-2 (станция орудийной наводки). Эта школа находилась в г. Гжель. Проучили нас 6 месяцев и отправили на фронт. Наша батарея состояла из 36 человек: 20 девушек и 16 мужчин. Комбатом был капитан Тикиджихамбурвян, техник-лейтенант — Прокоменко. Наша батарея именовалась 216-й отдельной зенитно-артиллерийской батареей СОН-2. Мы были направлены на Второй Белорусский фронт, которым командовал К. К. Рокоссовский. Мы работали на радиолокационной станции, которая обнаруживала вражеские самолеты — их дальность, высоту и скорость, и эти данные передавались на зенитные батареи, которые стреляли уже прицельно и сбивали врагов. Самолеты высвечивались в виде треугольников на наших экранах, похожих на телевизионные.

Вначале нас направили на охрану г. Кричева: это в 15 км от линии фронта, сюда подходили поезда с солдатами, военной техникой, а с фронта — вагоны с

Зернов А. Н., Котков С. К. Шагнувшие в бессмертие. Саранск, 2005. С. 142 — 144 ; http://podvignaroda.mil.ru

ранеными. Вот здесь мы и получили боевое крещение. Фашистские самолеты налетали бомбить этот город, в том числе и железнодорожную станцию, где скапливалось несколько эшелонов, не успевших разгрузиться. Я работала в ту ночь. По нашим данным зенитки сбивали вражеские самолеты, но некоторые из них все же успели сбросить бомбы на вагоны с ранеными и оружием. И утром мы получили приказ хоронить сгоревших солдат. В землянки мы вернулись седыми.

Наша батарея была секретной, каковых было мало, а там, где они все-таки были, немцы больше теряли самолетов.

В сентябре 1943 г. освободили Смоленск, нашу батарею отправили туда. Мы заняли свои позиции и круглосуточно дежурили на станциях, которых было две: одна передающая, другая приемная. Первая направляла электромагнитные волны в сторону предполагаемой цели (самолета), которые, отразившись от нее, поступали на вторую установку, и мы подсчитывали все данные о самолете. Они шли потом по кабелю прямо на пушки зенитных орудий. Когда наши войска освобождали Польшу, Венгрию, нас за границу не отправляли, а до самого конца держали в Смоленске.

5 мая 1945 г. мы получили приказ грузиться в вагоны, все думали, что нас отправят по домам, так как даже в День Победы мы находились в вагонах, но, как оказалось, мы ошиблись. 11 мая в сформированном составе нас отправили на Дальний Восток, где мы принимали участие в войне с Японией. И только в ноябре 1945 г. я вернулась домой.

Публикуется по изданию:
Зернов А. Н., Котков С. К.
Шагнувшие в бессмертие.
Саранск, 2005. С. 142 — 144.

Б. А. ПАНКРАТОВ

Панкратов Борис Александрович (19.6.1925, д. Попково ныне Тейковского района Ивановской области) — участник боевых действий. В РККА — с 1942 г. С 1943 г. служил в полковой школе при стрелковой дивизии. Участник Парада Победы в г. Москве 24 июня 1945 г. Демобилизован в 1946 г. После войны работал в Мордовии. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени[*].

1995 г.

Солнечное тихое утро 22 июня 1941 г. мне запомнилось на всю жизнь. В этот день июнь как будто хотел показать все свои прелести. Но для нашей семьи он начался тревожно — провожали в армию моего старшего брата Константина. Предчувствуя приближение войны, большинство родных и близких не скрывали слез. Так как в нашей небольшой деревеньке, расположенной в 20 километрах от знаменитого древнего Суздаля, в то время не было ни радио, ни приемников, о страшной беде узнали только в военкомате. Там же отца предупредили о возможной мобилизации. В начале апреля 1942 г. проводили в армию и его. У матери на руках осталось пятеро сыновей. Я, старший, заканчивал десятый класс. Для нашей семьи, как, впрочем, и для многих других в деревне, начались трудные и тревожные дни ожидания весточки с фронта. Сводки не радовали. Уже проводил в армию многих старших друзей. В деревне получили первые похоронки. Не миновала эта участь и нашу семью. В извещении было написано: «Ваш муж и отец Панкратов Александр Иванович пал смертью храбрых... похоронен в д. Максимовка Уваровского района Московской области». Эта деревня, как выяснилось после войны, когда всей семьей ездили на могилу отца, расположена недалеко от Бородинского поля. Ох уж это ратное поле — судьба России! Какой страшной ценой народ заплатил за будущее страны! На братской могиле, где покоятся останки отца, на памятнике выбита надпись: «Их было десять тысяч». А сколько таких могил от Волги до Берлина!

...В начале ноября 1942 г. и я получил повестку о призыве в армию. Сборы были недолгими. В родной школе устроили прощальный вечер. А дальше — «По вагонам!», и в путь, в неизвестность. Москва, Ярославский вокзал, Комсомольская площадь, метро, Чернышевские казармы — все было впервые, в диковинку. Нам, семнадцатилетним мальчишкам, приятно было сознавать причастность к чему-то очень важному и ответственному.

Из Чернышевских казарм наша команда под руководством сержанта Корнилова направилась на Киевский вокзал и далее в поселок Солнцево. В пути следования узнали, что мы зачислены в 142-й батальон аэродромного обслуживания, который базировался на полевом аэродроме возле Внукова. В расположении части нас встре-

[*] Ветераны войны вспоминают. Саранск, 1995. С. 59 ; http://podvignaroda.mil.ru

тил командир батальона капитан Заренба, который объяснил задачи батальона, авиационных полков, нашего действующего фронтового аэродрома по защите Москвы от вражеских бомбардировщиков.

Что такое налет вражеской авиации, мы узнали в первую же ночь, когда была объявлена воздушная тревога и началась бомбардировка аэродрома. А через несколько дней мы участвовали в похоронах летчика-истребителя, видели слезы товарищей и слышали клятву отомстить за друга.

Так как на нашем аэродроме базировались истребительный полк и полк штурмовой авиации, мы быстро научились распознавать наши самолеты: И-16, ЛаГГ-3, Як-1, Ил-2, Пе-2 и другие. По характерному звуку и форме безошибочно определяли немецкие «юнкерсы», «мессершмитты», «рамы».

Почти ежедневно наши самолеты совершали учебные полеты или уходили на боевые задания: истребители — на перехват немецких бомбардировщиков, идущих на Москву, а штурмовики — за линию Западного фронта, который в то время проходил у городов Гжатск, Вязьма, Ржев и т. д. С первых дней службы снежная зима создавала много хлопот по уборке снега с летного поля и стоянки самолетов, дороги к складам боеприпасов и горюче-смазочных материалов.

После ускоренной военной подготовки, принятия присяги, приема в комсомол, присвоения мне первого воинского звания — ефрейтора — я был назначен командиром отделения противохимической защиты, основная задача которого сводилась к обслуживанию поста воздушного наблюдения, оповещения и связи и проведению работ по маскировке самолетов, летного поля и всех сооружений при аэродроме. Наблюдательный пост располагался над командным пунктом штаба 516-го истребительного авиационного полка. Командовал полком майор Щербаков — «первый сокол», как дружески называли его в нашем батальоне. Командир полка и его помощники очень строго следили за нашим постом и не прощали ошибок или опозданий с сообщением о приближении вражеских самолетов.

В связи с угрозой применения немцами боевых отравляющих веществ в июле 1943 г. я был командирован в Москву на месячную стажировку, где получил необходимые знания, инструкции и наставления по противохимической защите.

После разгрома немцев под Сталинградом и перехода в наступление наших войск в районах Ржева и Вязьмы налеты вражеской авиации на Москву и на наш аэродром практически прекратились. Иногда появлялись разведывательные самолеты и то на большой высоте. Вслед за освобождением Вязьмы наш батальон перебазировался в этот город, а точнее, остатки этого города. Отступая, фашисты уничтожили все, что было можно. Поэтому личный состав батальона вынужден был размещаться в землянках и палатках.

В связи с объединением двух батальонов аэродромного обслуживания молодые солдаты со средним образованием, в том числе и я, были направлены в полковую школу при 31-й запасной стрелковой дивизии, располагавшейся в Алабинских лагерях. После ее окончания и присвоения звания сержанта я был назначен командиром отделения, а затем помощником командира взвода в этой же школе, во втором учебном батальоне, где были две роты — пулеметная и минометная, а также артди-

визион. Курс обучения пулеметчиков и минометчиков продолжался не более трех-четырех месяцев, а артиллеристов — четыре-пять месяцев. Пулеметная рота кроме стрелкового оружия, винтовок и автоматов имела на вооружении станковые пулеметы «максим», минометная рота — 82-миллиметровые батальонные минометы, а артдивизион — 122-миллиметровые гаубицы и макет установки р[еактивного] с[наряда] (катюши).

В учебном батальоне была исключительно высокая дисциплина. Занимались, как правило, по десять-двенадцать часов в сутки, совершали марш-броски на 50 — 100 километров. Курсанты к учебе относились со всей ответственностью, зная, что после окончания школы в качестве командиров расчетов или орудий пойдут в маршевые роты, а затем на фронт. Конечно, занятия сводились в основном к практической учебе: заряжай, наводи, стреляй, разряжай. На учебные стрельбы планировался минимальный расход боеприпасов: двадцать патронов на одного курсанта-пулеметчика и по одной мине или по одному снаряду на курсанта-минометчика или артиллериста. Последний выпуск курсантов в нашей полковой школе состоялся в марте 1945 г. Почти все они были направлены на Дальний Восток.

В начале апреля 1945 г. меня и еще троих сержантов вместе с командиром взвода лейтенантом Зверевым вызвали в штаб батальона, где было объявлено о том, что нам доверено участвовать в параде войск Московского гарнизона на Красной площади 1 Мая. Естественно, радости не было предела. На другой день мы уже были в столице в составе механизированного батальона, располагавшегося в районе парка «Сокольники». Начались ежедневные занятия по строевой и политической подготовке. Все мечтали, чтобы Берлин пал и война закончилась к 1 Мая и чтобы первомайский парад стал Парадом Победы. Однако этого не произошло.

Утром 1 Мая подъем был объявлен в 4 часа, а через час была дана команда: «По машинам!». Водители волновались больше всех. Вдруг случится что-то непредвиденное с техникой во время движения и особенно на Красной площади? Еще через час были на исходной позиции на площади Свердлова и гуляли в сквере перед Большим театром. Все прилегающие к Красной площади улицы были заполнены войсками и празднично одетыми москвичами. Ровно в 10 часов командующий парадом генерал-полковник П. А. Артемьев объявил о его начале. Заиграл мощный сводный оркестр, и пошли по Красной площади мимо Мавзолея безупречными квадратами войска, курсанты академий, суворовцы, нахимовцы, военная техника, наша моторизованная часть, танки, артиллерия. С трибуны Мавзолея участников парада приветствовали руководители партии и правительства. Впервые мне довелось увидеть И. В. Сталина, В. М. Молотова, Г. М. Маленкова и других.

После парада войск началась демонстрация трудящихся Москвы. Вечером я снова пришел на Красную площадь, любовался праздничным салютом, радовался приближению дня окончательной победы над врагом.

День Победы люди встречали по-разному. Я не мог усидеть в казарме — ушел в «Сокольники». Мысли уносили домой, к матери с братишками; с болью вспоминал о погибших отце, двоюродных братьях, многих товарищах, навсегда оставшихся на полях сражений; думал о будущем. Вспомнил, что, когда возвращались с перво-

майского парада, взгляд остановился на вывеске одного из зданий недалеко от Крымского моста в центре Москвы: «Институт цветных металлов и золота имени М. И. Калинина». Забегая вперед, скажу, что в этот институт на заочное отделение геологического факультета поступил уже в январе 1946 г. Вечером 9 Мая был на Красной площади. Вновь, как и 1 Мая, смотрел праздничный салют, видел радость и ликование людей.

Приблизительно через неделю стало известно о том, что наш механизированный батальон вновь включен в состав частей Московского гарнизона для участия в Параде Победы. Объявлен несколько обновленный список участников и командный состав: командир батальона полковник Терегулов, командир нашей роты капитан Денисов, командир взвода старший лейтенант Столяров, помощник командира взвода лейтенант Зверев. Я был назначен командиром отделения. Рядовой состав включал солдат, наиболее отличившихся в боях. Подготовка проходила по программе первомайского парада. Времени было достаточно, что позволяло в перерывах между занятиями устраивать походы в театры Москвы.

И вот наступил воскресный день 24 июня — день Парада Победы, которую советские люди ждали долгих 1 418 дней и ночей. В 5 часов утра все были на своих заранее определенных местах. Небо хмурилось, начался дождь. Техники и командиры еще и еще раз проверяли готовность материальной части, самочувствие и форму участников парада. Проверку осуществляли командующий войсками Московского военного округа генерал-полковник П. А. Артемьев и его заместители. Исходной позицией нашей части, как и во время первомайского парада, была площадь Свердлова. Несмотря на раннее утро и мелкий моросящий дождь, все прилегающие улицы были заполнены москвичами-демонстрантами.

В 10 часов диктор Левитан объявил по радио о том, что на Красную площадь выехал на белом коне заместитель Верховного главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Затем раздались четкие слова командующего парадом Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского: «Товарищ Маршал Советского Союза! Войска действующей армии, Военно-морского флота и Московского гарнизона построены для парада». После этого Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский начали объезд, поочередно приветствуя войска сначала сводных полков от десяти фронтов и сводного полка Военно-морского флота, затем слушателей военных академий и военные части Московского гарнизона. Объехав войска, Г. К. Жуков выступил с речью, которую закончил здравицей в честь советского народа-победителя и воинов его вооруженных сил. Был исполнен Гимн Советского Союза и прозвучал артиллерийский салют.

Прохождение войск перед трибунами Мавзолея начал сводный полк Карельского фронта. Вслед за сводными полками на Красную площадь вышла специальная рота с вражескими знаменами, которые были брошены к подножью Мавзолея. Затем на брусчатку вступили части Московского гарнизона. При подходе нашего батальона к Красной площади дождь усилился, но никто из нас не обращал на это внимания. Все взоры были устремлены на трибуны Мавзолея — на руководителей страны и армии, на груду вражеских бело-черных знамен со свастикой.

В 12 часов намечалась демонстрация трудящихся Москвы — своеобразный парад тружеников тыла. Но дождь помешал ее проведению.

Возвращаясь с парада, мы проехали по Большой Ордынке, Садовому кольцу. На всем пути нас приветствовали москвичи, забрасывали цветами, а вездесущие мальчишки умудрялись забраться в машины и посидеть с нами, солдатами-победителями.

Всего два часа продолжался Парад Победы, но он остался в памяти на всю жизнь.

Вечером после парада, торжественного построения и вручения подарков я снова пошел на Красную площадь, любовался праздничным фейерверком и с удовольствием наблюдал веселье москвичей, гостей столицы и, конечно, участников парада, приехавших прямо с фронта. Все радовались победе, тому, что остались живы, радовались встрече с родными и близкими, не скрывая слез, оплакивали тех, кому не суждено было дожить до этого незабываемого часа.

Мне посчастливилось встретить бывших выпускников нашей полковой школы, которые прошли с боями от Курска, Харькова или Ленинграда до Берлина. Мы поклялись не забывать наших боевых друзей, которые остались навечно лежать в опаленной войной земле.

Публикуется по изданию:
Панкратов Б. А. Два парада //
Ветераны войны вспоминают.
Саранск, 1995. С. 59 — 64.

А. Ф. ПАНФЕРОВ

Панферов Александр Федорович (1923, с. Конопать ныне Старошайговского района Республики Мордовия) — участник боевых действий. В РККА — с 1942 г. Принимал участие в битве под Сталинградом, освобождении Украины. Награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, медалями[*].

2005 г.

<...>

Моя юность прошла на кровавых рубежах Великой Отечественной войны.

После окончания средней школы я поступил учиться в Мордовский педагогический институт имени Полежаева на физико-математический факультет. Моими учителями были Н. И. Васильев, Ф. Т. Жариков, А. И. Чикин и др., они сыграли большую роль в моем становлении как преподавателя, которым я проработал 45 лет.

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война... Было воскресенье, хороший теплый день. Восемнадцатилетним юношей я сдавал экзамен за первый курс. В двенадцать часов дня по радио передали выступление заместителя Председателя Совета народных комиссаров В. М. Молотова. Через некоторое время, в августе 1941 г., здание пединститута отдали под госпиталь, а занятия стали проходить в Темникове.

В марте 1942 г. меня призвали в ряды Красной армии и направили во второе военно-пехотное училище г. Орджоникидзе. Из Мордовии туда направили 600 человек. В июне 1942 г. молодые неопытные курсанты училища, в черных гимнастерках, без оружия, со стеклянными фляжками, которые сразу же разбились, в обмотках на ногах, были направлены на фронт.

17 июля 1942 г. началась Сталинградская битва, которая продлилась до 2 февраля 1943 г. Я был ее непосредственным участником. В этот период, в июле 1942 г., произошли события, которые запомнились мне навсегда.

28 июля, в разгар оборонительных боев, был подписан и немедленно отправлен в войска приказ № 227 народного комиссара обороны И. В. Сталина — «Ни шагу назад!». Документ предлагал «железной рукой пресекать пропаганду того, что мы можем и должны якобы отступать дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда». Приказ был зачитан и в том полку, где служил я, и каждый солдат должен был поставить свою подпись под ним.

Вскоре после этого часть, в которой я находился, попала в окружение, и, чтобы выбраться из него, нужно было переправляться вплавь через Дон, на противоположном берегу которого были наши войска. В кромешной темноте, по цепочке

[*] **Зернов А. Н., Котков С. К**. Шагнувшие в бессмертие. Саранск, 2005. С. 82 — 84, 131 — 132 ; http://podvignaroda.mil.ru

вылезая из оврага, пробирались к Дону 60 человек. Мы по очереди несли раненую девушку-санитарку, ложились на землю, когда ярко вспыхивали ракеты. С противоположной стороны реки подали лодку. В нее положили санитарку и сел капитан, который выводил солдат из окружения. Остальные связали свои вещи и с винтовками на вытянутых руках поплыли. Часть курсантов, кто не умел плавать, отправились в деревню за лодками, но уже не вернулись — их забрали фашисты. Уже всходило солнце, как вдруг появились немцы, которые стали расстреливать плывущих солдат. Очень много тогда утонуло. Обессилев, я, как и другие курсанты, бросил вещи и винтовку в реку и полуголым выбрался на берег. Те, кто остался в живых, какое-то время голодали, питались только помидорами и арбузами, которые росли на бахче. Так мы провели целую неделю. После этого специальный отдел Смерш провел тщательную проверку, и нам дали новое обмундирование.

23 августа 1942 г. было самым тяжелым днем для курсантов — полк понес огромные потери. Он находился в составе 62-й армии в районе Малых Россошек. Немцы перешли в наступление и прорвали оборону Красной армии, вышли к Волге. Над донской степью стояли знойные дни. В раскаленном воздухе, содрогавшемся от разрывов снарядов и мин, поднимались огромные фонтаны земли. Утро каждого дня начиналось воем мессеров и бомбардировщиков, артиллерийской канонадой, ревом моторов и скрежетом гусениц, пулеметной и автоматной стрекотней. По нескольку раз в сутки фашисты бросались в яростные атаки, пытаясь во что бы то ни стало сбросить русские войска в Дон.

Позиции курсантов местами проходили по полям переспелых хлебов, и немцы перед атаками поджигали их, чтобы едким дымом выкуривать наших воинов из окопов и траншей. Трудно было держаться под плотным неприятельским огнем и в дыму хлебного пожарища, и все же нас не покидали стойкость и мужество.

Наступило утро 19 ноября 1942 г. Началось контрнаступление наших войск. Рев гвардейских минометов, огненные хвосты катюш, гул разрывов не затихали ни на минуту. 23 ноября всех облетела радостная весть — танковые корпуса Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились в районе Калача-на-Дону, таким образом была окружена 330-тысячная армия Паулюса.

Наступила зима. Под огнем противника, по пояс в снегу, часто на руках вынося из сугробов военную технику, шли наши подразделения вперед. Позади оставались освобожденные районы.

2 февраля прозвучали последние залпы исторического сражения под Сталинградом, закончившегося полной победой советских войск. Победой, в которую наш курсантский полк внес достойный вклад.

После Сталинграда, в сентябре 1943 г., мне пришлось освобождать Донбасс, Украину. В одном из сражений я получил ранение. До позднего вечера пролежал в окопе, перевязал бинтом ногу, из плеча сочилась кровь. Я и другие солдаты пошли в кромешной темноте. Не зная, куда идти, мы решили остановиться, чтобы не наткнуться на немецкие войска. Через некоторое время мы увидели старика на повозке. Он показал нужное направление и отвез раненых в санбат, где солдат разместили в палатках. Вечером этого дня за нами приехала машина, которая до-

ставила нас в госпиталь. Последний располагался в школе. Больные находились в тяжелейших условиях: лежали на двухэтажных нарах, матрасы и подушки были набиты соломой, катастрофически не хватало медикаментов, бинты стирали и сушили, в ранах заводились черви, вши распространяли заразу. Свидетелем всего этого стал я. Среди больных практически не было грамотных, поэтому по просьбе военных врачей стал писать истории болезни.

После госпиталя меня направили учиться в Вольское авиационно-техническое училище, после окончания которого я служил в морской авиации Черноморского флота.

Войну я закончил под Одессой в авиационном полку. В 1946 г. меня как бывшего студента пединститута демобилизовали из армии. Я окончил Московский финансово-экономический институт. Работал всю жизнь преподавателем статистики, затем бухгалтерского учета в учебном центре Госкомстата ЦСУ СССР.

Имею ордена Отечественной войны и Красной Звезды, несколько медалей. Но самой большой и заслуженной наградой я считаю медаль «За оборону Сталинграда».

Публикуется по изданию:
Зернов А. Н., Котков С. К.
Шагнувшие в бессмертие.
Саранск, 2005. С. 82 — 84, 131 — 132.

И. Г. ПЕЛЬДЯЕВ

Пельдяев Иван Герасимович (1923, с. Перхляй ныне Рузаевского района Республики Мордовия) — участник боевых действий, партизанского движения. На фронте — с 1941 г. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени[*].

2005 г.

Фашисты от нас были километрах в шести, граница между нами — р. Нарев. И в первый же час войны, будь она проклята, мы вступили в неравный бой с ударными силами противника. Вместе с пограничниками продержались несколько часов, и немцы, не останавливаясь и не обращая внимания на наши недобитые части, рванули в Белоруссию. Большинство из красноармейцев с оружием группами и в одиночку потянулись на восток через леса и болота догонять своих, но фронта впереди не было. Среди этих окруженцев оказался и я. Зрелище было жуткое: на лесных полянах — разбитые советские танки, пушки, повозки и наши неживые товарищи. После месячного блуждания на опушке леса встретился мне старик с мальчишкой. Они собирали сушняк на топку и складывали в тележку. Рядом была небольшая белорусская деревенька. Дня через три он свел меня через внука с командиром Красной армии Иваном Курвяком. Еще позже вокруг него уже собралась группа рядовых солдат. Так постепенно стал оформляться наш партизанский отряд...

...Ночевали как-то с группой из пяти человек на хуторе на сеновале. Хозяин-старик под утро будит: «Немцы, фашисты!». Глянули: почти рядом по петляющей дороге — подвод двадцать. На них — молодежь, рядом идут конвоиры-немцы. Нас бы они и не обнаружили. Но жалко очень парней. Забежали по тропе вперед, зашли в развалины маслобойни и открыли огонь вдоль колонны из автоматов. Ребятишки разбежались, уцелевшие немцы на телегах умчались прочь. Позже мы целые вагоны с отправляемыми в Германию людьми отцепляли.

Публикуется по изданию:
Зернов А. Н., Котков С. К.
Шагнувшие в бессмертие.
Саранск, 2005. С. 24 — 25.

[*] **Зернов А. Н., Котков С. К.** Шагнувшие в бессмертие. Саранск, 2005. С. 24 — 25 ; http://podvignaroda.mil.ru

А. И. ПЕРЕГУДИН

Перегудин Александр Иванович (30.12.1924, д. Танеевка ныне Октябрьского района г. Саранска — 24.11.1994, г. Хабаровск) — участник боевых действий. Полный кавалер орденов Славы (18.5.1944; 21.9.1944; 28.4.1945). На фронте — с 1943 г. Окончил школу младших командиров в г. Кулебаки Горьковской области. Воевал на Воронежском и Втором Украинском фронтах. Форсировал Днепр, освобождал Украину, Чехословакию. Участник Парада Победы в г. Москве 24 июня 1945 г. Награжден двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, медалями[*].

1986 г.

Глава первая
«КТО ЖЕЛАЕТ В РАЗВЕДКУ?»

Офицеры из действующей армии приезжали в 83-й стрелковый запасной полк за пополнением почти ежедневно. Нас строили повзводно, и в морозном воздухе слышалось: «Артиллеристы, пять шагов вперед, марш!», «Связисты, выходи!»... Разобрав «спецов», начинали формировать пехотные маршевые роты. В них зачисляли всех, кто окреп от ран и до госпиталя имел какое-то отношение к царице полей. Ждал и я своего часа. Хотелось поскорей на передовую, мечтал догнать родной полк, в рядах которого принял боевое крещение, переправлялся через холодный Днепр, вместе со своими товарищами освобождал от врага Киев.

Порядки в запасном полку были строгие. Подъем — в пять утра, легкий завтрак — и до обеда полевые занятия. Во второй половине дня — политбеседа или строевая подготовка. Мы, считавшие себя обстрелянными фронтовиками, тяготились тем, что приходилось атаковать в снежной круговерти условного противника, когда на Правобережной Украине шли напряженные и тяжелые бои.

После ужина, собравшись в натопленной казарме, вспоминали о боях, в которых довелось участвовать, о друзьях-товарищах...

Было что вспомнить и мне. Изменчива фронтовая судьба. Присягу принял в сентябре 1942 г. Два месяца служил в учебном полку. Затем еще три — в школе младших командиров. Готовили из нас командиров расчетов тяжелых пулеметов, но повоевать в этой должности не пришлось. Стрелковый полк, куда получил назначение, понес большие потери в младшем комсоставе, и меня определили заместителем командира взвода. А потом неожиданно для себя стал минометчиком. В минометном взводе стрелкового батальона и принял первый бой.

Помнится он отчетливо, до мельчайших деталей. Было это под городом Сумы ненастным январским утром 1943 г. Сначала заходила под ногами земля от близких

[*] Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2004. Т. 2. С. 158 ; Война на всех одна. Саранск, 2015. С. 266 — 267.

разрывов — началась артиллерийская подготовка. И наш расчет выпустил три десятка мин по обнаруженным накануне целям. Видел в бинокль, как взметали они среди вражеских траншей желтый песок, обломки бревен, казавшиеся на таком расстоянии не больше спичек. Потом пошли вперед пехота и танки.

Мы сменили огневые позиции, били по целям, указанным командиром батальона. Подавили пулемет, который мешал наступлению на правом фланге, пятью выстрелами разворотили дот в глубине обороны. И вдруг какая-то горячая волна подхватила, швырнула на землю. Когда пришел в себя и огляделся, понял, что батальон наш остался без минометной поддержки. Артналет противника густо накрыл позиции взвода. Материальная часть была выведена из строя, люди убиты или ранены. Из моего расчета не уцелел больше никто.

Подбежал санитар.

— Куда тебя? — крикнул, торопливо доставая бинты. Ощупал себя — вроде нигде не задело. Только голова как чугунная и слышу плохо.

— Контузило только? Сам можешь идти? Тогда давай в медпункт, — скороговоркой выпалил санитар, не слушая моих ответов, и поспешил к истекающему кровью бойцу из соседнего расчета.

Идти в тыл? Никогда! Отпрашиваться было не у кого. Прихватил оружие и пошел туда, где батальон штурмовал высоту. Пристроился к первому попавшемуся взводу, да так в нем и остался почти на год. Месяцев пять воевал рядовым автоматчиком, потом стал командиром отделения, помкомвзвода.

Тот год стал моей солдатской академией. Теория теорией, но что значит она для пехотинца без его многотрудной армейской практики! Учиться пришлось самым, казалось бы, простым вещам: как одеться потеплее, чтобы не замерзнуть за ночь в окопе, как распорядиться сухим пайком. В первый раз, помнится, открыл консервную банку на сильном морозе и стал грызть буквально заледенелую кашу с мясом. И тут увидел, что рядом пожилой боец пробил в банке штыком небольшое отверстие, ямку в снегу пехотной лопаткой вырыл — диаметром на ширину лезвия, сбегал к танкистам, намочил в солярке кусок пакли, опустил в ямку, поджег, а сверху на две железки, положенные крест-накрест, приспособил банку. Через десять минут он ел горячую кашу с мясом, а вокруг стоял такой аромат, что мне только облизываться оставалось.

Весь смысл солдатской науки в том, чтобы себя подготовить для боя, в бою самому уцелеть, а врага — уничтожить. Как же трудно давалась нам, восемнадцатилетним, эта наука! Мы тянулись к опытным, обстрелянным бойцам, старались хоть в чем-то быть на них похожими — и в жарких схватках с фашистами, и в будни. Для меня таким учителем был Федор Максимович Старостин. Отвоевал он всю гражданскую, в 1929 г. сражался с белокитайцами на КВЖД. Перед первым серьезным боем он предложил мне в атаке держаться рядом. Обещал помочь да и прикрыть в случае чего. И слово свое Федор Максимович сдержал. В том бою я по крайней мере дважды обязан был ему жизнью. Наступали мы по изрезанному балками полю. Путь свой в атаке Старостин выбирал таким образом, чтобы как можно меньше быть под прицельным огнем. Многих из нашей роты сразили

вражеские пули и осколки, а мы добежали до гитлеровских траншей без единой царапины.

В пяти метрах перед окопом противника Федор Максимович опередил меня — штыком и выстрелами в упор расчистил поредевшему отделению дорогу. Я, по правде сказать, растерялся, когда началась рукопашная, раньше вот так — лицом к лицу с врагом — сходиться не приходилось. Замешкался перед тем, как прыгнуть в окоп, и чуть было не угодил под автоматную очередь. Старостин вовремя заметил, что целится в меня немецкий ефрейтор, ударил фашиста прикладом.

На фронте говорили: уцелел в первой атаке, и во второй пуля облетит. Есть в этих словах доля истины. Первая атака, первая рукопашная многому учили молодых солдат. От боя к бою накапливался опыт, который впоследствии помогал с честью выходить из самых сложных ситуаций.

Однажды стояли мы в боевом охранении. Когда стемнело, из тыла пришли несколько бойцов в пестрых маскхалатах. У всех — новенькие автоматы, ножи в черных чехлах. Ребята, видать по всему, ловкие, крепкие. Оказывается, на нашем участке намечался ночной поиск, и разведчики прибыли понаблюдать за передним краем немцев. Расспросили нас, как они ведут себя, где у врага пулеметные точки, далеко ли от наших окопов граница минного поля. Часа через четыре они поползли в сторону фашистской передовой. Провожали их мои подчиненные одобрительным шепотом. Дескать, вот люди! Рискуют каждый день. Легко ли работать, когда кругом гитлеровская нечисть?

Под утро разведчики вернулись. Сначала бережно опустили в окоп своего товарища, убитого в короткой стычке уже на нейтральной полосе. Потом втолкнули в траншею связанного гитлеровца. Подумал тогда: вот бы научиться ходить за языком. Было мне всего девятнадцать лет, а кто в такие годы не мечтает о подвиге? Одно знал: нужны для разведки особые качества, о которых приходится только мечтать. Разве думал, что пройдет всего несколько месяцев и мне предстоит вот там же ползти через нейтралку, караулить в засадах языков?

В боях за Киев в ночной атаке был ранен. Попал в госпиталь, оттуда — в запасной полк.

* * *

...Как-то по взводам прошел слух о том, что приехали какие-то необычные «покупатели». Два офицера отбирали в неизвестно какое подразделение всего пять бойцов. Ходили по ротам, беседовали, спрашивали, кто и откуда родом, где воевал, какие имеет награды.

Дошла очередь и до нас. В избу вошел капитан в хорошо сшитой шинели. Снял ее, аккуратно повесил на гвоздик. На новенькой габардиновой гимнастерке сверкнули ордена и гвардейский знак. Окинув нас веселым взглядом, капитан спросил без всякой подготовки:

— Кто желает в разведку? Прибыли мы к вам из 42-й гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии набирать бойцов в разведроту...

Со скамейки поднялся сержант Александр Ваганов, высокий, широкоплечий, с дерзким взглядом черных глаз. Я знал, что он всеми силами рвался на передовую.

— Вот это дело другое, — оглядев Ваганова, сказал офицер, — есть еще желающие?

Вспомнились тут ребята, которых видел я в окопе боевого охранения, их строгие, сосредоточенные лица. Неужели не смогу быть хоть немного похожим на них? Решительно встал, одернул гимнастерку, представился как положено и сказал:

— Я хочу в разведку!..

На следующий день мы, пятеро бойцов в видавших виды шинелях, ехали в кузове старенькой полуторки по разбитой прифронтовой дороге. С сержантами Василием Матросовым, Иваном Ревиным и рядовым Николаем Кулаковым мы с Александром Вагановым познакомились у штаба полка, куда пришли за документами. Все они успели повоевать. И наверное, каждый в душе считал себя уже настоящим разведчиком, ждал, что завтра пошлют его в поиск, который нам казался обыкновенной рукопашной в занятой врагом траншее. Ну а с рукопашным боем мы были уже хорошо знакомы.

Однако, к нашему удивлению, с поиском пришлось повременить...

* * *

Встретили нас хорошо. С каждым побеседовал командир отдельной разведроты дивизии гвардии капитан Белов. Интересовало его буквально все: кто родители, чем занимался до войны, кем хотел стать, если б не было войны, где и как воевал, видел ли близко врага, занимался ли спортом... Мы сразу поняли, что так подробно расспрашивает нас ротный не из праздного любопытства. Разведчики действуют по ту сторону линии фронта, среди врагов. И не случайно есть армейская присказка: с этим я пойду в разведку, а вот с ним — нет. В ней — высший смысл доверия (или недоверия) к человеку.

Поведал я гвардии капитану Белову о своих родных и близких. Начал с отца, Ивана Васильевича. Он всю гражданскую прошел, был на фронте с первых дней и этой войны. В декабре 1941 г., когда раненого отца везли в тыл, под Ельцом санитарный поезд разбомбили фашистские стервятники. Похоронку мать получила почти через год, когда я уже сам воевал. Отомстил за отца врагу в первом же бою, но считал, что счет с гитлеровцами тем не исчерпан. Много всего на душе накипело. Столько хороших товарищей погибло на глазах! Столько видел разрушенных врагом сел и городов, страдания людского, что сам себе поклялся мстить фашистам, пока воюю.

А до войны мы сеяли хлеб. Есть в Саранском районе Мордовской АССР деревня Танеевка. В ней родился и вырос. Рано начал помогать отцу и матери в поле. Хотел стать агрономом, кормить людей вволю вкусным пшеничным хлебом. Война помешала. Рвался на фронт вслед за отцом, да не пустили, мал, говорят. Но на строительство оборонительных линий взяли. Надо сказать, невеселая нам досталась работа. По прямой от Москвы река Инсарка, что впадает в Мокшу,

находится в 450 километрах. А на ее правом берегу мы рыли окопы в полный профиль, противотанковые рвы, обшивали их стенки досками, строили долговременные огневые сооружения, вкапывали надолбы. Сердце у нас болело от мысли, что враг может прорваться так далеко. Не дождался, когда исполнится восемнадцать, ушел на фронт добровольцем. Провожали родные по старинному русскому обычаю — с песнями и со слезами. Дед Федот ради такого случая все свои Георгиевские кресты надел, заслуженные еще под Порт-Артуром. Полным георгиевским кавалером вернулся он в свое время с войны и мне наказал привезти наград не меньше, стоять за родную землю так же стойко, как испокон веков делали это все мужчины в нашем роду. Из поколения в поколение передавались предания о Перегудиных, сражавшихся против иноземных захватчиков.

Отец деда Федота, например, бился с турками на Шипкинском перевале, а прадед, по свидетельствам старожилов села, принимал участие в войне 1812 г. Так это или не так — проверить трудно. И в архивах конечно же нет на этот счет сведений. Но я хорошо помню своего дедушку и отца. Были они настоящими солдатами.

Есть в нашем русском национальном характере такая особенность: когда родную землю нашу топчет враг, воинами становятся все. И какими воинами! Это в крови нашей, перешло от далеких предков, тысячелетиями отражавших удары с востока и запада.

В народе говорят: потомственный рабочий, потомственный хлебороб. Но нет в нашем языке таких слов: потомственный воитель, потому что им обязан быть каждый человек, который в тяжелую для Отчизны годину способен держать оружие в руках. Оттого и не знал поражений русский народ. Даже в самое страшное время накапливал он силу, против которой не мог устоять ни один завоеватель.

* * *

Несколько дней новичков в разведроте не брали никуда. Наши новые товарищи к ночи уходили на задание, днем отсыпались или сидели на передовых постах — вели наблюдение за противником. А мы под руководством гвардии сержанта Александра Варенова проходили курс молодого разведчика. Был наш учитель года на два старше нас, воевал с первых дней Великой Отечественной. Фашистов ненавидел так, что мы порой удивлялись, как он доводил языков целыми и невредимыми до штаба дивизии. Вел счет им Варенов, как охотник добытому зверю. Он и походил на охотника — это отмечали все, кто бывал с Александром в поисках. Слыл разведчик настоящим следопытом, мог часами терпеливо подкарауливать в засаде зазевавшегося гитлеровца. Мы с ним быстро сдружились и многое от него переняли. Надо сказать, что своим становлением как разведчика я обязан нашему помощнику командира взвода — гвардии сержанту Варенову.

Занимались мы с утра до вечера вначале на местности в тылу дивизии, потом — на передовой. Учил нас Варенов бесшумно передвигаться ползком и короткими перебежками. Сколько километров преодолели таким образом! Кое-кто из нас стал даже роптать. Дескать, надоело землю бесполезно утюжить, пора и за настоящее дело

приниматься. Услышав это, Александр, по своей привычке налегая на «о» — сразу видно, парень из Ивановской области, — назвал всех, кого он помнит, разведчиков, погибших оттого, что в тылу противника не сумели обойтись без шума. А потом он продемонстрировал нам «верх искусства» — приказал повернуться кругом и прошел по густому кустарнику в двух шагах от нас, да так, что ни одна ветка не хрустнула. Как ни старались повторить этот, по выражению Ваганова, фокус, ничего не получилось. Вздохнули мы и приналегли на тренировки.

Больше всего времени уделял гвардии сержант Варенов наблюдению за противником и местностью. Казалось, чего проще — смотри в оба, подмечай все и заноси увиденное на схему. Однако скоро мы поняли, что до настоящих разведчиков по этой части нам далеко.

Помню, вышли мы на один из батальонных наблюдательных пунктов. Стояла не по-зимнему теплая погода, снег под яркими солнечными лучами слепил глаза. Перед нами расстилалась равнина с редкими кустами. Только там, где проходила вражеская оборона, были пологие холмы. Варенов определил каждому свой сектор наблюдения и приказал через полчаса доложить ему, что мы сумели разглядеть на немецкой передовой. Сколько ни напрягал зрение, ничего существенного обнаружить не удалось. Метрах в пятистах впереди — ломаная линия траншей, казавшихся безлюдными. Какие-то кочки, впадины по переднему брустверу. Один только раз что-то блеснуло на солнце на небольшой высотке — будто зеркальце солнечный луч поймало.

Выслушав меня внимательно, Варенов перечислил все то, что было на самом деле на переднем крае фашистов. Один из бугорков — пулеметная точка. «Зеркальце» на высотке — наблюдательный пункт: солнце отразилось в стеклах стереотрубы. Чуть правее от него — укрытие на отделение. Над ним, если приглядеться, курился легкий дымок. Немцы грелись у печки. Дважды за полчаса по ходу сообщения прошли на передовую гитлеровцы. Один раз — двое, другой — четверо. И окончательно сразил меня Александр, сказав, что немцы на завтрак сегодня не пили, как обычно, кофе. Прочитав на моем лице удивление, он добавил: после кофе немцы любят покурить всласть, а сегодня дымков над окопами и около укрытия раз-два и обчелся.

Главное, что в совершенстве обязан уметь делать разведчик — это смотреть в оба и слушать. Действительно, методом наблюдения и подслушивания мы собирали большую часть информации о противнике. Конечно, дерзкий поиск в тылу врага или засада выглядят более впечатляюще, нежели дежурство на наблюдательном пункте. И нам так поначалу казалось. Но впоследствии я на собственном опыте убедился, что был не прав. Однажды командир взвода приказал нам вести наблюдение за передним краем обороны противника в районе населенного пункта Сокиряны, что в Молдавии. Мне не раз приходилось выполнять подобные задания, поэтому быстро взял бинокль, компас, часы, планшет со схемой местности и направился по ходам сообщения на передовую. Н[аблюдательный] п[ункт] мы с гвардии сержантом Ревиным выбрали неподалеку от боевого охранения одного из стрелковых батальонов. Предварительно представились его командиру, договорились о взаимодействии с передовыми наблюдателями из пехоты.

Потянулись томительные часы дежурства. У фашистов все было, как всегда: вовремя пообедали, поужинали, в известный нам срок сменили прислугу у дежурных огневых средств. Мы уже думали, что зря нас послали на этот участок обороны — вполне хватило бы бойцов из стрелковых рот, которые вели наблюдение со своих н[аблюдательных] п[унктов] неподалеку от нас. И вдруг мы увидели несколько немцев, идущих по траншее из глубины узла сопротивления. На первый взгляд немцы как немцы: обмундирование потрепанное, каски солдатские. Пригляделся внимательно, определил, что один из них младший офицер и на лицо молод. А рядовые фашисты — все как на подбор в возрасте. Но офицер был почему-то на удивление вежлив и предупредителен по отношению к солдатам. То вперед их пропустит, то приостановится и вытянется. Дошли они до окопа с пулеметом — пулеметчики перед ними вытянулись. Понятно нам стало, что пожаловало на немецкую передовую высокое начальство. Следовательно, ожидалась здесь какие-то важные изменения.

Сообщили мы о своих выводах командиру роты, тот пошел на доклад к начальнику разведки дивизии гвардии майору И. И. Зиме. Ночью разведчики в ходе поиска взяли без шума языка. Он оказался «разговорчивым» и рассказал о подготовке гитлеровцев к наступательным действиям. Встретили наши войска врага как полагается — цели своей фашисты не добились.

Много еще можно вспомнить случаев, когда умение все видеть и слышать помогало нам разгадывать замыслы врага. Уже в боях на территории Румынии гвардии сержант Матросов засек ночью с поста подслушивания движение крупной колонны танков противника. Оказывается, сняли с этого участка фронта немцы целую танковую часть и перебросили ее в то место, где намечали нанести удар. Действуя в составе наблюдательного поста, гвардии сержант Ревин обнаружил появление в боевых порядках гитлеровцев венгерских кавалеристов. Гвардии майор Зима сразу же сделал вывод о том, что вскоре враг попытается прорваться из окружения. Перебросил командир дивизии на этот участок две пулеметные роты, и ударили они кинжальным огнем по гитлеровцам. К вечеру наши тыловики поймали больше сотни лошадей. Их передали бойцам конно-механизированной группы генерала Плиева, потерявшим в боях много коней.

Однако все это было позже, а пока мы учились у гвардии сержанта Александра Варенова преодолевать нейтральную полосу, действовать в группах захвата и обеспечения, надежно блокировать входы в блиндажи и доты, организовывать засады. Немало времени посвятил они ознакомлению со штатной структурой гитлеровских соединений, частей и подразделений, а также тактикой их действий в основных видах боя. Занимались мы и военной топографией, постигали сложное искусство хождения по азимуту, учились быстро и с высокой точностью определять координаты целей.

Нам, разведчикам, как говорят, по долгу службы положено хорошо знать врага: особенности поведения фашистов, их наклонности, черты характера, привычки. Без таких знаний в тылу противника не обойтись. Немало сведений на этот счет мы почерпнули у «старожилов» 44-й отдельной разведроты. Сходились они в одном: «средний» гитлеровец — исполнительный, дисциплинированный солдат. Он ни-

когда не задумывается о последствиях действий, если выполняет приказ командира. Как выразился однажды Варенов, по живым детям пойдет строевым шагом, скомандуй ему офицер: «Марш!». В профессиональном отношении враг подготовлен хорошо — даже те из солдат, кто на фронт попал недавно, уверенно ведут себя, метко стреляют. Почти все офицеры неплохо владеют приемами самозащиты без оружия или бокса. Это надо учитывать, когда вражеский офицер намечен в качестве языка. Лучше всего — вывести его временно из строя, а потом уже вязать и тащить.

Но при всем при этом — полнейшее отсутствие инициативы, выдумки, солдатской смекалки. Я быстро пришел к выводу, что у фашистов право на какие-то самостоятельные действия имеют только большие начальники, которые находятся на приличном расстоянии от передовой и общаются с подчиненными по телефону или через посыльных. Стоит нам перерезать линию связи или перехватить посыльного, гитлеровцы начинают выполнять последний по времени полученный приказ, если даже обстановка изменится до того, что он становится абсурдным.

Но сказанное выше было характерно только для коллективного мышления (если можно так выразиться) нашего врага. Приказ выполнялся до тех пор, пока немецкий солдат не оставался предоставленным самому себе. Давно заметил: одиночный гитлеровец при захвате сопротивляется только в первые секунды, и то скорее от испуга. Потом — лапки кверху. Страх, обыкновенный страх был в основе высокой исполнительности и дисциплинированности фашистов. Каждый думал: сосед по позиции донесет, если увидит, что он нерасторопно выполняет приказ. Дух прусской палочной дисциплины главенствовал в вермахте надо всем.

Если знаешь слабости врага, можно легко их использовать для своей победы. Мы часто небезуспешно использовали педантизм фашистов, стремление к шаблону, боязнь самостоятельно принять решение. Вот простой пример. Немцам, выставленным на осветительные посты, было приказано пускать ракеты с определенным интервалом: иногда он составлял минуту, иногда — две или пять. Это зависело от обстановки на передовой. Мы высчитывали этот интервал и передвигались по нейтралке, когда фашисты смотрели на часы, чтобы точно по времени выпустить очередную ракету.

Во время одного из поисков произошел такой курьезный случай. Сняли мы задремавшего вражеского часового, оттащили за километр. Гвардии рядовой Яблоневский стал его допрашивать. Прежде всего пленный попросил, чтобы мы, если нас поймают, не разболтали на допросе о его сне на посту. Дескать, все равно нам не поверят, а если соврем, он за нас похлопочет о снисхождении.

Или такой факт. В одном из румынских сел блокировали мы ночью дом, где спали четыре немецких связиста. Надеялись взять хотя бы одного, а пленили всех четверых. Подсоединился Яблоневский к линии связи, которая вела к дому, и хриплым голосом грубо приказал одного оставить охранять винтовки, а троим выйти на улицу, где их будет ждать высокий начальник. И что вы думаете? Вышли! Мы всех троих сразу окрутили, а потом и четвертого прихватили.

Служба в разведывательной роте существенно отличалась от той, к которой мы привыкли в стрелковых подразделениях. Потери разведчики несли небольшие. Люди,

подолгу находясь на одном месте, впитывали в себя дух славных боевых традиций, появившихся еще в первые месяцы после формирования дивизии, все делали для того, чтобы приумножить их.

А традиции были в нашем прославленном соединении богатые. Дивизия сформировалась на базе 1-й гвардейской Краснознаменной стрелковой бригады в июле 1942 г. на Западном фронте. В сентябре того же года получила свой номер. В составе войск Западного, Воронежского, Первого и Второго Украинских фронтов участвовала в Ржевско-Сычевской и Ржевско-Вяземской операциях, Курской битве, в освобождении Левобережной Украины и форсировании Днепра. Затем, когда я уже служил в разведроте, дивизия громила врага в Уманско-Ботошанской, Ясско-Кишиневской, Дебреценской, Будапештской, Братиславо-Брновской и Пражской наступательных операциях. За боевые заслуги в сентябре 1943 г. удостоена почетного наименования Прилукской, награждена орденами Ленина и Богдана Хмельницкого.

В частях дивизии за годы войны двадцать восемь солдат и офицеров стали Героями Советского Союза.

Разведчики гордились всем этим и считали наше соединение лучшим на Втором Украинском фронте. Так это было или нет, не мне судить, но когда формировался сводный полк для Парада Победы, представителей из нашей дивизии послали больше, чем из остальных. А брали в Москву тех, у кого на гимнастерке тесно было от боевых орденов. Но об этом позже...

Жили мы дружно. Чистое пламя совместно выполняемого в особых условиях долга выжигало из людей все случайное, мелочное в отношениях, и оставался прочный сплав армейского братства. Помню, как перед первым поиском, в котором довелось участвовать, подошел ко мне Варенов и сказал, чтобы я, если меня ранят, не волновался — вытащит. И сразу легче стало на душе. В свою очередь пообещал, если придется, поступить так же. В поиске не отвлекали посторонние мысли. Потом узнал, что все разведчики давали друг другу такие торжественные обещания, несмотря ни на что, приходить на выручку.

И слово свое мы держали как клятву. В одном из поисков гвардии младший сержант Сергей Попов вынес из-под обстрела раненого командира взвода. Вражеская оборона проходила по берегу полноводной реки. Отважный разведчик на подручных средствах переправил офицера к своим, а затем вернулся к товарищам, которые прикрывали огнем отход разведгруппы с языком. За это Попов был награжден орденом Красной Звезды.

А вот другой случай. Как-то нам пришлось прорываться через боевые порядки врага. Дело было ночью, в ненастную погоду. Где свои, а где чужие, сразу и не понять. В этой неразберихе потерялся один из разведчиков. Что с ним — ранен, убит, — никто не знал. Решили вернуться. Снова запели над головами пули, где-то совсем рядом стали рваться мины. Немцы, видимо, посчитали, что их атакуют. А нас было всего шесть человек. Седьмого нашли через полчаса убитым. Вынесли павшего товарища к своим, похоронили с воинскими почестями.

Не помню случая, чтобы кто-то из нас посмеялся над недостатками товарища. Вместе радовались успехам друзей, разделяли, как могли, их горе. А его в то лихое

время было много. Часто приходили письма с недобрыми вестями. У одного брат погиб в бою, у другого отец без вести пропал. Прочитает такое боец, оцепенеет, потемнеет весь. Вот и старались все вместе исподволь, ненавязчиво отвлечь его от тяжелых мыслей.

На месте стоянки всегда поддерживался образцовый порядок. Располагались мы, как правило, в тылу частей второго эшелона, неподалеку от штаба дивизии. Значит, находились всегда на виду у дивизионного начальства. Это, конечно, подтягивало нас, хотя дело и не в этом: сама обстановка, в которой постоянно находились мы, приучала к уставной выверке поступков, к крепкой самодисциплине.

Командиры в подразделении были строгие — скидок не делали ни для кого. Будь ты хоть весь усыпан орденами и сам комдив с тобой за руку здоровается, нарушил дисциплину — получишь взыскание. А кое-кого и из роты отчисляли — отправляли «для дальнейшего прохождения службы» в стрелковые полки. Но это — исключение. Вообще-то случайных людей среди нас не было — отбор в разведроту проводился тщательный.

Выделялись разведчики и своим внешним видом, хотя доставалось нашему обмундированию в поисках да и на передовых наблюдательных пунктах изрядно. Для того чтобы разведчики были и по внешнему виду орлами, начальник штаба гвардии полковник Ф. Ф. Бочков разрешил гвардии капитану Белову иметь в штате роты портного и сапожника.

Пищу готовили в отдельной кухне три раза в день. Наш повар дядя Федя (так уважительно, по-родственному называли разведчики пожилого бойца, который разменял третью войну) к своим обязанностям относился серьезно. Говорил, что на пустой желудок немца не одолеешь, и был, конечно, прав. Придешь из поиска уставший, сил, кажется, нет до нар добраться, а нальют тебе миску вкусных наваристых щей, наложат заправленной мясом каши, выпьешь компота — его у нас заготавливали впрок — и усталость как рукой снимет.

Бойцы ротного тыла, а их у нас было пять человек, исправно вели прикухонное хозяйство. Держали коров, свиней, другую живность. Если выпадал случай, заготавливали мясо. Гвардии рядовой Загоруйко мастерски коптил окорока, грудинку, делал очень вкусную ветчину, колбасы нескольких сортов. Незадолго перед боями в Карпатах у нас целый день шла такая заготовка. Осколками бомбы, сброшенной наугад (видимо, немецкий летчик увидел дым, поднимающийся над лесом от походной кухни), убило двух быков, которые возили телегу с тыловой поклажей. Решили, чтобы не пропадать добру, накрутить побольше колбас.

В тот день у кухни работала вся рота. Одни разделывали туши, другие рубили мясо, третьи мыли внутренности, начиняли их фаршем, приготовленным по известному одному Загоруйко рецепту. Наш повар оборудовал под коптильню заброшенную землянку — трубу над ней поставил, перекладины внутри приспособил. Для топлива навезли можжевельника — воза два или три.

Колбаса получилась на славу.

Справедливости ради следует сказать, что до появления в роте гвардии рядового Загоруйко основной пищей в тылу противника были у нас сухари да сахар. Консервы

мы старались не брать — был риск оставить после себя пустую банку, да и выпускали их в то время в неудобной для нас упаковке — не понесешь же в небольшом сидоре двухкилограммовую банку тушенки! Так бы мы, наверное, и постились до конца войны, не предложи как-то Федор Иванович накоптить колбас. С тех пор каждому перед выходом на задание старшина роты гвардии старшина Веселов вручал по палке, а то и две копченой колбасы. Была она вкусной и питательной.

Спали мы в сухих, обшитых досками землянках. Если штаб дивизии перемещался в новое место, разведчики готовили для себя удобное жилье. Давно научила война бойцов: если на трудное дело они идут с добрым настроением, то горы могут свернуть. А оно, это настроение, появляется у людей после крепкого сна в теплом месте. Поэтому сил никто не жалел, когда требовалось выкопать землянку, устроить сушилку для одежды и обуви, соорудить нары, сложить печь.

Душой всего этого был наш гвардии старшина Петр Андреевич Веселов. Все сложное ротное хозяйство держалось на нем. Мы не видели, когда Веселов спит, — всегда он был чем-то озабочен, деловит, по-уставному подтянут. Чувствовалась в нем военная косточка. Еще до начала Великой Отечественной остался Петр Андреевич на сверхсрочную. Первый бой принял с фашистами 24 июня. Участвовал почти во всех больших сражениях войны — под Москвой, под Сталинградом, под Курском. Было у старшины столько наград, что все их он укрепил на гимнастерке только раз — в День Победы. А постоянно носить ордена и медали считал делом нескромным.

Членом коммунистической партии Веселов стал в 1941 г. Для нас он был олицетворением настоящего коммуниста: отличали его хорошая политическая подготовка, высокое ратное мужество и мастерство, личная скромность, такт в отношениях с подчиненными, теплая забота о нас. Всегда мы были обеспечены всем необходимым для боя и отдыха. Не помню случая, чтобы возвратившихся из поиска не ждала горячая пища.

Коммунисты роты избрали гвардии старшину Веселова парторгом. Не раз нам, комсомольцам, доводилось слышать его выступления на открытых собраниях. Говорил Петр Андреевич всегда коротко и по существу дела, но так, что хотелось пойти на самое трудное задание и выполнить его безукоризненно.

Для тех, кто потерял в годы войны родителей, Веселов, несмотря на свои тридцать лет, сумел стать вместо отца. Не случайно шли к нему люди со своим горем — для каждого наш парторг умел найти душевное слово, ободрить, утешить.

Самые добрые воспоминания остались у меня о наших командирах. Какие это были люди! Часто к разведчикам заглядывал командир дивизии генерал-майор Федор Александрович Бобров. Обязательно интересовался, как мы питаемся, когда в последний раз мылись в бане, меняли белье. Расскажет о задачах, которые стоят перед дивизией, как будто невзначай заметит, что давно не баловали его сынки хорошим «гостинцем».

— Как, товарищ генерал? — удивлялся кто-нибудь из бойцов. — А вчера мы языка приволокли?

— Вчера уже прошло, а мне надо знать, что сегодня враг задумал, — отвечал на это наш батя.

И мы снова шли в поиск, чтобы снабдить штаб самой свежей информацией о противнике.

О себе наш комдив не рассказывал, но мы знали, что родился Федор Александрович в деревне Чакши Витебской области в крестьянской семье. Был участником Первой мировой войны. В 1917 г. вступил в Красную гвардию, а через год стал членом партии большевиков. На фронтах Великой Отечественной с первых ее дней. Нашей дивизией генерал-майор Бобров командовал с июля 1942 г. Под его началом соединение стало гвардейским, удостоено трех орденов.

По торжественным случаям, а также во время жарких наступательных боев генерал-майор Бобров надевал ордена: Ленина, Красного Знамени, Суворова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени. Эти высокие награды Родины — признание заслуг командира дивизии, его мужества, ратной отваги. Стоило посмотреть на то, как управлял боем соединения Федор Александрович на командно-наблюдательном пункте! Высокий, богатырского сложения, с усами вразлет, он напоминал нам былинного богатыря из русской сказки.

Ни разу не видели мы генерал-майора Боброва чем-то раздосадованным, излишне строгим. Тон разговора всегда доброжелательный. Обращался комдив ко всем без исключения на «вы». Если требовалось кому-то сделать замечание, тщательно подыскивал слова, чтобы не обидеть человека даже невзначай.

Погиб генерал-майор Бобров в Карпатах 25 сентября 1944 г. Похоронен с воинскими почестями в Черновцах. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1945 г. ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

На меня было возложено скорбное поручение — увезти в Москву и передать семье личные вещи нашего комдива. Не скрою, очень волновался, когда позвонил около двери, на медной табличке которой прочел выгравированную надпись: «Ф. А. Бобров». Всего неделю назад мы установили над могилой мраморный памятник с такой же медной пластинкой, крепко привинченной болтами.

Дверь мне открыла жена Федора Александровича — худенькая женщина со строгими, заплаканными глазами, в черном вдовьем платье. Узнав, кто я и зачем приехал, радушно пригласила пройти в гостиную. Вскоре с лекции пришел сын комдива — высокий, крупный парень, очень похожий на своего геройского отца. В последний раз они видели Федора Александровича летом 1942 г. и были признательны мне за рассказ о нашем командире. Привез я им несколько любительских альбомов, парадный мундир со всеми наградами, именное холодное оружие — кортик и... два чемодана подарков от разведчиков. Помнится, были это красивые вещи, взятые в качестве трофеев в гитлеровских обозах. Но жена нашего командира решительно отказалась их принять. А вот за продукты поблагодарила. В 1944 г. Москва жила по карточкам, и людям по ним выдавалось немногое. Признаюсь, что и тут я схитрил, сказал, что все продукты получены мною с продсклада и являются пайком комдива за несколько недель.

Иными чертами характера по сравнению с Бобровым обладал дважды Герой Советского Союза гвардии полковник Павел Иванович Шурухин — заместитель командира дивизии. Был он человеком вспыльчивым, мог, как говорится, в пух и

прах разнести провинившегося. А если тот после нагоняя быстро исправлял ошибку, при всех целовал троекратно и объявлял молодцом. Бойцы прощали замкомдиву его резкость. А когда шел бой, гвардии полковник Шурухин не мог усидеть в блиндаже или укрытии на командно-наблюдательном пункте. Брал он автомат и шел в цепь — туда, где дело больше всего не ладилось. Не раз видел его в атаке. Поднимал бойцов и вел их на врага, не обращая внимания на пули и осколки. Как это бывало на фронте, погиб отважный офицер не в жарком бою, а от случайной мины, на которую наскочил на горной дороге его «виллис»...

Случайный осколок оборвал жизнь и командира нашей роты гвардии капитана Белова. Произошло это уже в Северной Трансильвании. Несколько дней ходили разведчики сами не свои. Мстили мы врагу за своего ротного как умели, справляли горькую тризну по человеку, которого любили.

Был Белов высокого роста, русоволос, с открытым мужественным лицом. На гимнастерке — тесно от наград. Орден Красной Звезды наш ротный получил еще летом 1941 г., когда награждали очень скупо.

«Делай, как я!» — этот принцип, используемый нынешними командирами в боевой учебе, был жизненным правилом гвардии капитана Белова. Когда, как выражался Варенов, нам «не шла масть» — то есть разведчики возвращались с пустыми руками, — командир роты возглавлял поиск и приводил самого «отборного» немца. Он лучше всех стрелял из любого оружия, отличался силой и ловкостью, всегда подчеркнуто аккуратно носил военную форму. Свой офицерский паек командир всегда отдавал старшине — на общий стол. Из личных вещей у него был видавший виды чемоданчик с самым необходимым да планшет. Уважали разведчики Белова за требовательность — одну для всех — и вместе с тем отеческую заботу о бойцах.

Начальник разведки дивизии Герой Советского Союза гвардии майор Иван Иванович Зима был прекрасным организатором нашего многотрудного дела. При его участии были подготовлены самые дерзкие походы в тыл врага. Иван Иванович (так уважительно между собой звали бойцы офицера) нередко сутками не уходил с передовых наблюдательных пунктов и сам по несущественным на первый взгляд деталям составлял полную картину поведения противника. Иногда после этого нам не требовалось идти в поиск — данные, по крупицам собранные нашим «главным разведчиком», отвечали на все вопросы комдива.

Любил он подолгу слушать наши доклады после возвращения из вражеского тыла. Интересовало гвардии майора Зиму все: как поставлена у немцев служба в боевом охранении, когда им носят пищу и сколько человек; видели ли мы пустые ящики из-под боеприпасов, встречали ли линии связи, а если встречали, то какого цвета был провод... Иные даже начинали нервничать от такого обилия самых неожиданных вопросов. Таким Иван Иванович говорил, что разведчик обязан все замечать и уметь делать из этого выводы. Сам он делал это блестяще. Если заметили мы штабеля ящиков из-под снарядов, значит, по каким-то причинам фашисты не могут доставить на огневые позиции боеприпасы, иначе обратными рейсами они бы вывезли тару. Если мы встречали красный провод, то он вел на передовой КНП. Фашисты всегда действовали по инструкциям, а они предписывали использовать

для важных линий связи провод в красной изоляции. Словом, умел начальник разведки анализировать наши сведения о противнике и нас учил размышлять.

Трудно было отказать офицеру в личном мужестве. Героем Советского Союза он стал за форсирование Днепра. Первым из дивизии переправился с группой разведчиков гвардии майор Зима на правый берег и почти сутки руководил боем по расширению захваченного плацдарма.

Стали привычными слова, что на фронте сама обстановка воспитывала у воинов храбрость, стойкость, стремление любой ценой добиться победы над врагом. Но, мне кажется, это не совсем точно отражает суть происходившего со всеми нами. Обстановка постоянной опасности, скорее, проверяла, как политработникам, командирам удавалось воспитывать бойцов. До сих пор благодарны мы своим фронтовым педагогам. Умели они зажечь сердца людей огнем нашей большевистской правды.

Политбеседы, которые проводил в разведроте начальник политического отдела дивизии гвардии полковник Борис Алексеевич Питерский, становились для нас уроками любви к Родине, ненависти к ее врагам. Часто политработник просил нас рассказать, что мы видели в освобожденных от фашистских оккупантов городах и селах Украины, Молдавии. Поднимались бойцы и гневно говорили о зверствах врага, о горе и слезах советских людей. И вставали перед глазами разрушенный Киев, рвы с тысячами погибших в Бабьем Яру...

Нередко в ходе политбесед разведчики читали письма из дома. В них отцы, матери, младшие братья и сестры писали о том, как работали, давая армии все необходимое для победы. Легко становилось на душе после таких вот откровенных бесед. Ведь фронт силен тылом — это понимал каждый. А в тылу люди для нас ничего не жалели.

Разведчики на политзанятиях выступали по самым различным темам. Раскрывали значение успехов на фронтах, говорили о необходимости всегда поддерживать крепкую дисциплину, организованность во всем. Примеры брали из жизни роты. Отмечали, что передовые разведчики неуклонно следуют требованиям устава, всегда подтянуты и опрятно одеты. А тот, кто небрежен в малом, может допустить промах и в большом. Был у нас случай, когда один из молодых бойцов небрежно почистил после поиска автомат. Оружие подвело своего хозяина — в решающую минуту боя произошел перекос патрона...

Активно работала наша комсомольская организация, которую возглавлял гвардии сержант Василий Матросов. Члены бюро многое делали для обобщения опыта лучших разведчиков. Проводили вечера, посвященные этому, выпускали бюллетени. В них сжато, но поучительно говорилось о том, как действуют наши правофланговые при выполнении различных задач, какие качества помогают им образцово проводить поиски, организовывать засады, вести наблюдение.

* * *

Но вернемся к рассказу о тех днях, когда подходила к концу наша учеба. Все чаще на лице гвардии сержанта Варенова появлялась довольная улыбка, когда он наблюдал за нашими действиями. Да и обстановка требовала, чтобы в тыл фаши-

стов ходило больше разведчиков. Близилась Уманско-Ботошанская наступательная операция советских войск. Ответственные задачи по уничтожению крупной группировки противника были поставлены и нашей 42-й гвардейской стрелковой дивизии. А для того чтобы громить врага, надо хорошо знать его. Вот почему по два-три раза в неделю разведгруппы пробирались через нейтральную полосу, охотились за языками, определяли силы и средства противника. Сведения, собираемые моими новыми товарищами, очень ждали в штабе дивизии. Мы, молодые разведчики, места себе не находили, глядя на то, как нелегко приходится разведчикам. Все жили одним: скорей бы взяться за настоящее дело.

Глава вторая
ОТ УМАНИ ДО ПРУТА

Однажды вечером нас собрал гвардии капитан Белов. Он развернул карту и указал концом остро отточенного карандаша на один из населенных пунктов, расположенных невдалеке от переднего края обороны гитлеровцев. Даже нам, новичкам, стало понятно, что хутор Гриненьки враг будет удерживать, несмотря ни на какие потери. Он являлся центром нескольких важных коммуникаций: железнодорожная ветка, шоссейная и две улучшенные грунтовые дороги образовывали транспортный узел, значение которого для снабжения противостоящей нам дивизии вермахта было трудно переоценить. С наших наблюдательных постов поселок едва просматривался. Единственно, что сумели обнаружить разведчики, — усиленные инженерные работы на его восточной окраине. Командир роты поставил задачу: провести поиск, вскрыть систему вражеской обороны в Гриненьках, взять пленного.

— На задание пойдут гвардии старший сержант Варенов (старшим), гвардии сержанты Матросов, Ревин, Ваганов и Перегудин, — объявил он.

Поняли мы — этот поиск будет нашим экзаменом.

На подготовку к выполнению задания гвардии капитан Белов дал двое суток. На следующий день мы, не дожидаясь рассвета, отправились на передовую. По ходам сообщения вышли к артиллерийским разведчикам, занимавшим н[аблюдательный] п[ункт] в промежутке между батальонными районами обороны. Устроились они на этой неприметной высотке основательно. Под одним из бугров отрыли нечто вроде землянки. Щели, через которые вели наблюдение, закрывали изнутри белой марлей. Маскировка была такой, что н[аблюдательный] п[ункт] не просматривался даже с расстояния десяти шагов.

Встретили нас приветливо. Старший наблюдательного поста, высокий рыжеусый сержант, обстоятельно рассказал обо всем замеченном в ближнем тылу гитлеровцев за прошедшие сутки. Не мог не подивиться я острому глазу артиллериста. Ему было известно, что вчера фрицам почту не приносили, а вот шнапс доставили вовремя. Одну пулеметную точку перенесли на 300 метров влево. Это сразу насторожило Варенова. Он долго разглядывал старую и новую позиции через стереотрубу, о чем-то негромко расспрашивал сержанта. Наконец решил, что гитлеровцы были обеспокоены вчерашней неудачной попыткой полковых разведчиков проникнуть по

лощинке в их тыл. Вот и «закрыли» они эту лощину еще одним пулеметом. Два других напротив нее стояли уже давно.

Сержант-артиллерист сообщил также, что фашисты на северо-восточной окраине Гриненьков по ночам, видимо, строят дзот. Вчера днем в поселок пришли три подводы с бревнами. Их сгрузили возле остатков сгоревшей избы. А за ночь груда бревен «похудела» почти наполовину. «Не кинотеатр же они строят в темноте?» — заметил сержант. Свой вывод о месте будущего дзота он сделал на основании изучения рельефа местности: на северо-восточной окраине имелся удобный проход к поселку со стороны нашей передовой. Его-то и решили гитлеровцы, по всей вероятности, «запечатать» огнем из тщательно замаскированного инженерного сооружения. «Ну ничего, начнется наступление, артиллеристы дзот разнесут», — добавил сержант.

Последнее сообщение особенно заинтересовало гвардии сержанта Варенова. Он долго что-то прикидывал, минут десять неотрывно смотрел в стереотрубу, определил расстояние по карте от передовой до точки, указанной артиллерийским разведчиком. Потом вновь стал прилежно изучать вражескую оборону, поминутно советуясь с сержантом. Наконец, удовлетворенно хмыкнув, Александр весело оглядел нас и сказал:

— В Гриненьки пойдем через дзот. Уловили почему?

Догадаться было нетрудно. По ночам идут инженерные работы — значит, гитлеровцы заняты делом и не очень-то глазеют по сторонам. А сторожевое охранение в месте строительства дзота выставить они не догадались — это мы установили точно в результате длительного наблюдения. У артиллерийских разведчиков мы пробыли до вечера. Время зря не теряли. Каждый изучил и запомнил до мельчайших деталей все элементы своей и вражеской обороны, расположение на местности участков проволочных заграждений, минного поля. Определили, где по пути через нейтралку можно укрыться, если группа будет обнаружена, как отойти. Согласовали с артиллеристами порядок вызова отсечного огня в случае преследования группы противником.

И самое главное, мы наметили объект нападения — огневую позицию пулемета, расположенную на восточных склонах высоты 277,5, которая находилась на окраине поселка. С остальными оборонительными позициями ее соединял единственный ход сообщения, а вокруг окопов не было. Как нам подсказали артиллерийские разведчики, ночью возле пулемета дежурил всего один солдат. Менялся он в 6 утра. Решили: в группе захвата пойдут трое — гвардии сержанты Варенов, Ваганов и я. Гвардии сержанты Матросов и Ревин прикроют наши действия со стороны строящегося дзота, если нам придется «пошуметь» в окопе пулеметчика.

После ужина подготовка к поиску была продолжена. Мы, где ползком, где короткими перебежками, добрались до позиции боевого охранения стрелкового батальона, расположенной почти напротив выбранного нами для нападения объекта, расспросили находившихся там бойцов о поведении фашистов. Оказалось, позапрошлой ночью немцы сделали попытку взять здесь пленного, по ничего у них из этого не вышло. В результате стычки двух фашистов убили, остальные отошли. У нас ранило одного бойца. Но перестрелка продолжалась почти до самого утра. Видимо, противник был взбешен неудачей и решил за нее отомстить.

Это сообщение еще больше убеждало, что лучшего места для перехода нейтральной полосы не найти. Действительно, поставим себя на место противника. После ночной суматохи, перестрелки об укреплении обороны надо думать, а не о нападении. А мы вопреки логике поступили наоборот...

Как только стемнело, разведчики прослушали: не прекратили ли фашисты инженерные работы? Вскоре до нас донеслись еле слышные шорохи. Значит, дзот еще не построен.

Утро. На этот раз Ваганов увел нас подальше от передовой. Мы подыскали участок местности, похожий на тот, на котором придется действовать ночью. Недавно здесь проходила линия вражеской обороны, так что остались и траншеи, и участки проволочных заграждений, и воронки. В одном из окопов Александр установил наскоро сделанное чучело, разбитый немецкий пулемет. Раз пятнадцать имитировали мы нападение на огневую точку противника. Сначала Ваганову не нравилась наша медлительность, затем — несогласованность в действиях. На своем опыте он не раз убеждался в том, что в поиске счет идет на секунды и метры. Ошибся чуть-чуть — можешь сам погибнуть и задание сорвать.

Во время перекура Александр рассказал нам о том, как его сослуживец отступил от разработанного командиром плана проведения поиска. Надоело ему караулить двери вражеского блиндажа — отправился он туда, где происходило главное. А фашисты заметили разведчиков. Пришлось принять бой. В самую решающую минуту к врагу пришла помощь как раз из того блиндажа, от которого ушел боец. Поиск не удался, к своим вернулись двое из шести...

В расположение роты наша группа пришла после обеда уставшая и порядком замерзшая. Зато каждый точно знал, что ему предстоит делать в поиске. Я должен был контролировать пулеметчика со стороны передовой, Ваганов — слева, Варенов — справа. Выбрал он себе самое трудное направление. Как мы потом установили, метрах в сорока справа находился осветительный пост, и гитлеровец иногда заходил к пулеметчику «в гости». Решили еще перед поиском: первым набросится на врага Александр, а мы в случае необходимости придем к нему на помощь. Отход — по условному сигналу. Вызов огня артиллерии — зеленая ракета в сторону населенного пункта.

После обеда гвардии сержант Варенов отправился на доклад к командиру роты, а нам приказал как следует выспаться. Но сон не шел. Еще и еще раз перебирал в памяти события последних дней, размышлял о предстоящем поиске. Встреча с врагом ожидалась для меня необычной. Ведь как в бою? Столкнулся с фашистом в траншее, и все подчинено одному — уничтожить противника. А здесь надо взять его живым. Варенов не раз повторял нам: самая большая нелепость, когда разведчики «портили» языка, с трудом добытого. Зажми свою ненависть к врагу в кулак, не позволяй распускать нервы. Убитый фашист — это одно, а живой, доставленный в штаб, — совсем другое. Даст он сведения — будут спасены десятки, сотни жизней наших бойцов, погибнут враги.

Не случайно говорил нам это Александр. Он знал, что в первом своем поиске разведчики нередко вели себя, как в обычном бою. Устраивали «сабантуй» в тылу противника, а главное, для чего их посылали в поиск, не выполняли.

Мне так и не удалось тогда вздремнуть. Варенов же, вернувшись от командира, уснул моментально. Вот что значит привычка опытного разведчика!

Часов в шесть вечера встали, осмотрели оружие, перебинтовали автоматы, чтобы не выделялись они на фоне снега. Гвардии старшина Веселов выдал каждому по сотне патронов и по две Ф-1. Снарядили магазины, надели ватные брюки и телогрейки, а сверху — белые маскхалаты. Сдали старшине комсомольские билеты и красноармейские книжки. Варенов завязал в платок свои ордена, вручил этот тяжелый узелок старшине. Подмигнул при этом весело: дескать, и вам скоро придется делать такое.

Перед выходом из землянки Александр приказал нам попрыгать. У меня звякнули гранаты в кармане телогрейки. Переложил их так, чтобы не бренчали. Посидели по русскому обычаю и гуськом отправились к передовой. Разведчики всегда ходят строго след в след. След остается один — поди сразу разберись, сколько человек прошло. А если нарвется группа на минное поле, потери будут меньше.

Никто не провожал нас, не говорил длинных напутственных речей — не принято это в разведроте. Кроме того, сразу дали нам понять, что вышли мы на свою обычную работу.

Вот и передний край нашей обороны. Изредка вспыхивали осветительные ракеты, наполняя темноту ярким колеблющимся светом. Где-то простучал пулемет, и над полем по пологой дуге пронеслась короткая цепочка трассеров. И снова тихо. Только хрустел наст под подошвами, да слышалось дыхание товарищей.

Впереди меня шел гвардии сержант Василий Матросов. Интересный человек. Все свое свободное время посвящал живописи. Мастерски рисовал дружеские шаржи на нас, карикатуры на гитлеровцев. Родом Василий был из города Беломорска Карело-Финской АССР. Считал себя и в пехоте моряком, не расставался никогда с тельняшкой. Для нас оставалось загадкой, как Матросов сумел сохранить ее в передрягах фронтовой жизни. По характеру был вспыльчив, непоседлив, но в ответственные минуты зажимал свой характер в кулак. Во всем старался походить на Варенова. Так же, как он, стремился действовать обдуманно и наверняка.

Шумно дышал мне в затылок сержант Иван Ревин. Он из интеллигентной семьи. Очень любил музыку, понимал толк в литературе, сам писал стихи. Мы от Ивана никогда не слышали крепкого слова. При выполнении заданий отличался храбростью. Был надежным товарищем — на такого в тылу противника можно смело положиться.

Гвардии сержант Александр Ваганов... Высок ростом, строен, по-мужски красив. Удачлив в бою — один среди новичков разведроты имел награды. Задания командиров стремился выполнить подчеркнуто сноровисто, с блеском. Однако ему первому наскучили тренировки, когда мы проходили курс молодого разведчика. Быстро загорелся новым делом, да так же быстро и остыл. Насел на Варенова, дескать, знать ничего не хочу, посылайте на задание. А тот улыбнулся в ответ и предложил себя в роли вражеского часового, которого необходимо взять. Все мы с любопытством смотрели, что из этого выйдет. Подкрался Ваганов к нашему наставнику, прыгнул на него, а тот пригнулся, перебросил Александра через себя и скрутил в мгновение ока. Пришлось Ваганову всерьез взяться за науку.

Вот и окоп нашего боевого охранения. Выкурили по цигарке, осмотрели друг друга. Поиск начался.

...Ушла вперед группа разграждения — двое саперов со щупами в руках и один из разведчиков — проверить, тихо ли там, на немецкой передовой. Через час они вернулись: проходы в минном поле и проволочном заграждении были проделаны. Исчезли впереди гвардии сержанты Ревин и Матросов. Они первыми выйдут к объекту поиска и займут неподалеку от него огневую позицию — прикрыть нас в случае вынужденного отхода.

Настал наш черед. Один за другим поползли мы по нейтралке, стараясь не хрустеть подмерзшей к ночи корочкой льда на снегу. От воронки к воронке, от куста к кусту. Вот и сгоревший танк. Около него минуту передохнули и — дальше. Минное поле. Ориентировались на нем по колышкам, которыми саперы обозначили проход. Колючая проволока в два ряда, увешанная консервными банками. Зацепишься, такая музыка начинается... Проход в ней обозначен двумя кусками бинта. И здесь постарались саперы.

Совсем рядом раздался резкий хлопок... Я вжался в колючий январский снег. Над головою вспыхнула осветительная ракета, залив все вокруг мертвенным молочным светом. Впереди что-то звякнуло, послышался негромкий разговор. Поднял голову и замер. Метрах в пятнадцати были немцы! Ракета упала неподалеку, высветив на прощание наполовину построенный дзот. Подтянул автомат, взял его наизготовку. И только тут сообразил, что гитлеровцы нас не видят и, если открою стрельбу, поиск на этом закончится.

Расстояние от дзота до пулеметчика в окопе мы преодолели минуты за две короткими перебежками. Ракет больше никто не пускал, но Варенов вывел нас к цели с точностью до одного метра. Вот он — бруствер окопа и черный силуэт над ним. Как условились, Варенов обошел справа и нырнул в ход сообщения. Ваганов легко пополз влево. Я переместился вперед, чтобы не отстать от товарищей, когда те займут исходное положение для броска. И в этот момент совсем рядом раздался короткий вскрик и стон. Как мы узнали потом, наш командир лицом к лицу столкнулся в траншее с немецким солдатом, который нес термос. Пришлось командиру пустить в ход нож. Понял я, что от заранее разработанного сценария придется отступить, и, вскочив, обрушился на пулеметчика. Вот тут-то выяснилось, что в окопе было двое солдат. Один стоял, а второй сидел на ящике и, видимо, дремал.

— Вас ист лос, Вилли? — удивленно спросил он, поднимаясь.

Притиснув пулеметчика к стенке окопа, я выхватил из ножен финку, ударил ею второго гитлеровца. Тот молча мешком осел на землю. На помощь мне подоспели Варенов и Ваганов. Мы связали пулеметчика, засунули ему в рот вместо кляпа мою рукавицу и выволокли из окопа.

Фашисты обнаружили следы нашего посещения только часа через два, когда мы, сдав языка заместителю начальника разведки дивизии, пили чай в землянке.

— Пойдем посмотрим салют, — предложил нам Варенов. Мы вышли. Над вражеской передовой одна за другой взлетали ракеты. Ударил пулемет, затаратори-

ли автоматы. Над полем скрестились десятки красных цепочек — следов трассирующих пуль, безопасных теперь для разведчиков.

Почему так подробно рассказал о том поиске? Да потому, что был он первым, а главное — удачным. Поняли мы: в тылу противника можно работать надежно и четко. Надо только тщательно подготовиться, продумать все, обсудить с товарищами каждое свое действие. И самое трудное задание командира будет выполнено.

* * *

Последние недели февраля были заполнены для разведчиков множеством неотложных дел. По тому, какие мы получали задания, можно было без труда определить, что дивизия готовилась к наступательным действиям. Разведгруппы чуть ли не каждую ночь уходили к оборонительным линиям, расположенным в ближнем тылу противника. Мы незамеченными, украдкой, пробирались там, где вскоре должен был прокатиться грозный вал стали и огня. И чтобы ничто не могло его задержать, чтобы меньше атакующие роты несли потерь, разведчики внимательно изучали вражескую оборону, отыскивая пулеметные точки, закопанные по башню танки, артиллерийские и пулеметные батареи... Конечно, мы не могли знать всей картины — ее неторопливо, обстоятельно складывали из наших коротких донесений гвардии майор Зима, другие офицеры штаба дивизии. Однако даже отрывочные сведения говорили нам о многом. Враг сосредоточил на нашем направлении большое количество войск, много танков. Наиболее укрепленная в инженерном отношении линия обороны проходила неподалеку от железной дороги Умань — Гайсин. Там простреливался каждый метр земли перекрестным, многослойным огнем. Но это не пугало разведчиков.

Возвращаясь, мы видели, сколько нашей артиллерии подтягивалось к линии фронта. Пушки тянули мощные тягачи, автомобили-вездеходы. По оврагам и балкам стояли один к одному танки, поблескивая свежей заводской краской. От наблюдения с воздуха они надежно прикрывались маскировочными сетями — так что напрасно вынюхивали «рамы», где что было размещено в тылах. Но мы-то видели, какая накапливается сила, и старались так работать в поисках, на передовых наблюдательных пунктах, чтобы сведения о противнике были достоверными и своевременными. Это, надо сказать, в большинстве случаев удавалось.

Поиск, совершенный в ночь с 1 на 2 марта, запомнился мне особенно...

Сначала нам не повезло. Или выбранный в качестве объекта для нападения «ракетчик» (так мы называли фашистов, входящих в число осветительных постов) оказался слишком хлипким, или Ваганов не рассчитал удара... Возвращаться ни с чем? Какими глазами посмотрим на нашего ротного? Решили пробраться к высоте, на которой еще днем разглядели наблюдателя. Вдруг н[аблюдательный] п[ункт] и ночью действует? От того места, где мы находились, до высоты было метров 800 открытого поля. Значит, ползти надо минут 30 — 40. И назад столько же, если не больше. Но до рассвета оставалось всего три часа. Успеем ли вернуться затемно? Этот вопрос волновал каждого из нас. Задержит что-то, замешкаемся, не успеем

выбраться — и станет для нас этот бой последним, ведь находились мы в центре опорного пункта немецкого батальона.

Раздумывали недолго. Младший лейтенант Потемкин тронул каждого за правое плечо и бесшумно скользнул между кустами. Разведчики гуськом поползли следом, поплотнее прижимаясь к земле. То и дело в небе вспыхивали ракеты — вокруг становилось так светло, что видна была каждая ветка на деревьях.

Вдруг старший разведгруппы прекратил движение, поднял левую руку — подал сигнал, чтобы мы приблизились. Оказывается, офицер наткнулся на телефонный провод. При вспышке очередной ракеты я увидел на лице Потемкина довольную улыбку. Не понял вначале, чем она вызвана. Подслушать переговоры мы не могли — нечем было. Но тут Варенов вынул нож и перерезал провод. Все стало ясно. Обнаружив, что связи нет, фрицы пойдут по линии искать обрыв. Тут-то мы их и возьмем.

Ждать нам пришлось недолго. Минут через двадцать в темноте послышались шаги, потом мы услышали негромкий разговор. Шли двое, отчаянно ругая, как нам потом сказал младший лейтенант Потемкин, русских, холод, ветер и свое начальство. Вначале мы взяли того, кто шел вторым. Сработали гвардии рядовой Коробов и гвардии сержант Ревин так чисто, что немец, идущий первым, ничего не услышал. Через секунду скрутили и его. С ним сладили мы с Вагановым.

Тяжело тащить ползком на себе языка, но, право же, тяжесть эта была приятной. Целую ночь продолжался поиск, казалось уже, что солдатская удача обошла нас стороной, и вот такой успех.

Видимо, кое-кому он вскружил голову. Беспечно стали вести себя молодые разведчики, в том числе и я. Казалось, самое трудное позади. Однако через полчаса мы за свою беспечность чуть не поплатились жизнями. Преодолевая проволочные заграждения, гвардии рядовой Кулаков зацепился рукавом за колючку, дернул что есть силы, и вокруг поднялся страшный звон... «Включилась» нехитрая сигнализация — на проволоке висели пустые консервные банки, колокольчики из гильз. Вокруг стало сразу светло как днем — в небе одновременно вспыхнули десятки осветительных ракет. Поднялась беспорядочная стрельба. Быстрые молнии трасс замелькали прямо над нашими головами. И остались бы мы все на том заснеженном поле, если б не артиллеристы. Несколько батарей артполка нашей дивизии открыли огонь по переднему краю противника. Ползком, от воронки к воронке, мы пересекли нейтральную полосу. Троих из пяти зацепили осколки и пули. К счастью, ранения были легкими.

Производя разбор того поиска, гвардии капитан Белов прежде всего сказал о том, что в тылу врага расслабляться мы не имеем права ни на одну секунду. В большинстве случаев разведчики погибают из-за своей неосторожности, невнимательности, благодушия. Командир потребовал от нас строжайшей самодисциплины, высокой собранности. Кулакова приказал на неделю отстранить от боевой работы и отправить на кухню — пусть там осознает как следует свою вину. Надо заметить, что это было для нас самым тяжелым наказанием. На насмешки по адресу «помощников» работники нашего ротного тыла не скупились. Да и перед товарищами приходилось краснеть — они идут к немцам «в гости», а ты остаешься.

Уже через два дня Кулаков стал слезно просить командира, чтобы освободил он его от кухонных обязанностей, дескать, согласен хоть черту в зубы, но картошку чистить не будет. Не помогло. Так и пришлось Николаю целую неделю провожать и встречать нас из поисков.

5 марта 1944 г. началась Уманско-Ботошанская операция. В ходе ее 42-я гвардейская Краснознаменная стрелковая дивизия в тяжелых условиях весенней распутицы и бездорожья прошла 400 километров, последовательно форсировала такие крупные реки, как Южный Буг, Днестр, Прут были вписаны в боевую летопись дивизии те весенние дни 1944 г. Ратный подвиг моих однополчан по достоинству оценен Родиной: наше соединение меньше чем за месяц было награждено орденами Ленина и Богдана Хмельницкого. Свой вклад, и немалый, внесли в общий успех разведчики.

Нам приходилось трудно. Бойцы уставали до того, что засыпали стоя. Но уныния никто не испытывал. Каждый день прибавлял новые километры очищенной от фашистов родной земли. Сколько радости видели в глазах освобожденных советских людей! Мы шли впереди наступающих войск — на нашу долю приходилось больше цветов, улыбок, поцелуев. И больше слез. Отступая, гитлеровцы творили неслыханные злодеяния, жгли города и села, взрывали то, что уцелело от огня, уничтожали мирных жителей, не щадя ни стариков, ни детей.

...Улицы молдавского села, расположенного неподалеку от города Рыбницы, были заминированы. Пришлось остановиться, подождать саперов. Когда они окончили работу, мы увидели страшное зрелище: в переулках лежали сотни трупов селян, убитых несколько часов назад. Колодец в центре населенного пункта оказался доверху набит детьми. Видимо, палачи подводили по одному, аккуратно стреляли в ребячьи головки и сбрасывали. В одной из хат висели, распятые на стене, мужчина и женщина. Как нам рассказала чудом уцелевшая от расправы старушка, фашисты обвинили тех крестьян в сотрудничестве с партизанами. Долго мучили — из хаты больше часа раздавались крики. Потом, опьянев от крови, садисты согнали в центр всех жителей села и устроили массовую резню.

Поклялись мы тогда друг другу, что разыщем злодеев и воздадим им по заслугам. Установили по солдатской книжке убитого немца, найденного на околице, номер части, батальона, фамилию командира роты. После месяца самой настоящей охоты за карателями мы своего добились. Уже за Прутом, на территории Румынии, обнаружили, что взяли языка из этой части. На допросе он рассказал, где стоит в обороне рота, которая орудовала в том молдавском селе. Через несколько дней, глухой ночью, к палачам нагрянули «в гости» разведчики. Возмездие свершилось.

Шло наступление наших войск. Мы расплачивались с фашистскими изуверами за Бабий Яр и Хатынь, за разрушенные Смоленск, Киев, Минск. За кровь и слезы советских людей, испытавших иго оккупации...

Где находятся разведчики, когда враг отступает? В ближнем тылу противника — около промежуточных рубежей, подготовленных им к обороне, на коммуникациях, по которым идут к линии фронта резервы. Давно минули те времена, когда из-за одного языка, двух-трех солдатских книжек нам приходилось по нескольку суток

готовить поиск, часами поджидать гитлеровцев в засадах. В ходе наступления пленных мы приводили десятками.

Однажды нас вызвал командир роты. Глаза у него воспаленные, лицо бледное. Знаем — некогда поспать гвардии капитану Белову. Почти двое суток все разведчики на ногах. Дивизия безостановочно идет вперед, сбивая врага с наспех оборудованных оборонительных рубежей. Фашисты пытаются контратаковать. У железнодорожной станции Окница летчики обнаружили танки. Где их введут в бой? Этот вопрос сейчас у всех на устах.

Получили приказ: выдвинуться в район Окницы, найти танки, установить время начала движения колонны и направление. В дальнейшем идти по параллельному маршруту, точно установить рубежи развертывания. Связь — по рации. Если удастся, захватить пленного.

Наскоро перекусив, отправились в путь. Проникнуть во вражеский тыл было нетрудно — сплошной линии фронта не существовало. Отступали гитлеровцы с рубежа на рубеж в предбоевых порядках, а то и колоннами, прикрываясь мелкими группами. В любом месте, где не трещали автоматы, можно углубиться в тыл, тем более что местность здесь лесистая.

Вскоре мы вышли на проселочную дорогу, которая вела к станции. На удалении зрительной связи двигался разведдозор — двое бойцов во главе с гвардии сержантом Матросовым. Основное ядро группы вел гвардии старший сержант Варенов.

Патронов и гранат мы взяли больше обычного. Во время наступления лучший способ добыть языка, штабные документы — засада или налет. А эти виды разведки требуют немало боеприпасов.

Матросов поднял руку — значит, впереди враг. Действительно, с десяток немецких саперов минировали дорогу. Для чего? Не создается ли здесь очередной оборонительный рубеж? Обошли противника стороной, усилили наблюдение. Вскоре вышли на огромную поляну. На западной ее опушке полным ходом велись инженерные работы. Мы насчитали до пехотного батальона, но без танков. В его тылу занимали огневые позиции минометчики.

В эфир ушло сообщение: «В квадрате... организуется оборона на рубеже...».

И вновь разведгруппа углубилась в лесную чащу.

Непросто действовать в тылу противника, когда он поспешно отступает. Заранее ничего не рассчитаешь. Вражеские войска находились в непрерывном движении, все перемешалось: тыловые подразделения шли в общей колонне с боевыми, кругом — мелкие группы. Суета и неразбериха нам, конечно, на руку, но всегда существует риск внезапно напороться на фашистов.

...Впереди дружно заработали сразу три автомата, звонко ударил гранатный разрыв. Мы рассредоточились, укрылись за деревьями. Через минуту примчался возбужденный Матросов и доложил гвардии старшему сержанту Варенову, что разведдозор лоб в лоб столкнулся с пятью вражескими связистами, которые тянули две линии в юго-западном направлении. Четверо уничтожены, один взят в плен.

Наскоро допросив языка (на этот раз с нами был гвардии рядовой Яков Яблоневский, отлично знавший немецкий), мы узнали, что линии предназначались для

связи между батальонами и штабом 172-го пехотного полка, находившимся в двух километрах юго-западнее. Вновь наша радиостанция заработала на передачу: сообщили командованию координаты штаба, номер части, один из батальонов которой встал в оборону в полосе наступления нашей дивизии.

К полудню вышли в указанный район. Вдоль дороги, которая была четко видна на аэрофотоснимке, танков не оказалось. Решили устроить засаду, взять подходящего пленного и выяснить, куда они подевались. Место для засады выбрали у поворота дороги, в густых зарослях можжевельника. Влево и вправо гвардии старший сержант Варенов выслал по дозорному с задачей предупредить о появлении противника.

За полтора часа, пока мы сидели в засаде, по дороге прошли: колонна мотопехоты, отряд мотоциклистов до роты, две легковые машины под усиленной охраной. Все это двигалось в тыл фашистской группировки. Вывод напрашивался один: боясь окружения, немецкое командование выводит свои войска на промежуточный рубеж. О своем предположении мы сообщили в штаб дивизии.

Наконец на дороге появилось то, что мы ждали. К фронту шла одиночная специальная машина, в которой мы распознали передвижную ремонтную мастерскую, находившуюся на вооружении в танковых полках вермахта. Гвардии сержант Ревин метнул ей под колеса связку РГД*. Взрывом автомобиль подбросило, развернуло. Мы подбежали к летучке, вытащили из кабины перепуганного фельдфебеля. Водитель был убит. В будке обнаружили запасные детали к ходовой части танка. Поднатужившись, закатили исковерканную машину в лес, забросали ее ветками так, чтобы нельзя было заметить с дороги.

Яблоневский стал допрашивать пленного. Не сразу, но узнали, что вчера утром здесь находился танковый батальон — экипажи заправляли машины горючим. Командир батальона послал фельдфебеля на дивизионный технический склад за запасными частями и приказал прибыть на северные скаты высоты с отметкой 63,7. По всей вероятности, там батальон будет введен в бой. Мы сверили свою карту с той, что нашли в кабине летучки. Выходило так, что гитлеровцы собирают на левом фланге дивизии силы для контратаки.

Мне такие рейды по тылам противника нравились больше кратковременных поисков на передовом оборонительном рубеже. Было где проявить разведчикам военную хитрость, смекалку. Задача ставилась нам одна, но путей к цели вело множество, и мы сами выбирали, какой из них короче. В тот раз нам предстояло преодолеть до местонахождения вражеских танков 20 километров. Идти пешком или попытаться захватить автомобиль? Второе показалось предпочтительнее. За четыре-пять часов пешего марша многое может измениться.

Вскоре машина оказалась в наших руках. За руль сел переодевшийся гвардии сержант Матросов. Мы попрыгали в кузов, спрятались за пустыми ящиками. Через час разведгруппа была неподалеку от высоты 63,7.

Прочитав описание этого рейда, несведущий человек может решить, что все нам давалось легко: устроили засаду, взяли языка, узнали у него, что хотели, авто-

---

* Ручная граната Дегтярева.

мобиль захватили, поехали... Конечно, это не так. Глубокий поиск требовал полной самоотдачи, полного напряжения физических и духовных сил. А успех в скоротечных стычках с врагом приносили внезапность, точный расчет, стремление, несмотря ни на что, выполнить приказ командира. За месяцы службы в разведроте мы многому научились, приобрели опыт действий в самой сложной обстановке. Давался он нелегко. Мы теряли товарищей, глубоко переживали неудачи, которые конечно же были. Но бойцы извлекали из этого правильные уроки, в следующий раз искали и находили новые, неожиданные для врага способы добычи разведданных. И удача была на нашей стороне.

Не оставила она нас и тогда. Несмотря на то что фашисты тщательно замаскировали танки, мы их нашли. Батальон «тигров» стоял в глухом лесном урочище в ротных колоннах, ожидая сигнала на выдвижение. Острие его удара, видимо, предполагалось направить но левому флангу стрелкового полка, который, ведя тяжелый бой, теснил гитлеровцев с занимаемых ими позиций.

Наше сообщение командир дивизии генерал-майор Бобров оценил по достоинству. Штаб принял все мера к отражению контратаки. В момент выдвижения колонны по ней произвели удар штурмовики. Затем в дело включились гвардейские минометы. А довершили разгром гитлеровского батальона наши противотанкисты.

Впоследствии мы узнали, что данные о местонахождении танкового батальона гвардии майор Зима перепроверил: по нашим координатам он выслал офицерский разведдозор. Это известие мы восприняли без обиды. Каждый знал: за ошибку, допущенную разведчиками, дивизия могла дорого заплатить. Мы и сами как могли старались перепроверять собранные нами же сведения. Ведь никогда не исключалось, что противник прибегнет к дезинформации.

На какие только уловки не пускался враг, пытаясь подсунуть нам дезинформацию. Однажды мы обнаружили на убитом офицере планшет с топографической картой. На первый взгляд ценные материалы попали нам в руки: схема минно-взрывных и инженерных заграждений в глубине обороны на участке шириной почти 5 километров. Но послал гвардии майор Зима разведгруппу проверить эти сведения, и вышло все наоборот: там, где на карте значились минные поля, их не было, а участки местности, свободные от мин, оказались заминированными.

Каждый раз мы тщательно перепроверяли показание пленных. Надо заметить, что фельдфебель, взятый нами у дороги, тоже вначале говорил чепуху. Видимо, позабыл о карте, на которую сам аккуратно нанес маршрут движения от места заправки танков к подвижному складу и обратно до высоты 63,7.

Помнится, как нас пытались ввести в заблуждение двое гитлеровцев, захваченных в блиндаже около населенного пункта Ауэн. Порознь допрошенные, они сообщили разные сведения о дислокации своей части. При самой поверхностной проверке выяснилось, что оба врали. Пришлось нам искать более «сознательного» языка.

Однако таких убежденных гитлеровцев в конце 1944 г. мы встречали редко. Для большинства немцев и их союзников наступило время переоценки ценностей. Фашизм, обещавший только победы над «неполноценными» расами, все быстрее катился к полному краху. Это не могло не сказаться на настроении в

вермахте, а также румынских и венгерских солдат и офицеров. Все больше стало появляться перебежчиков, при захвате в плен солдаты противника охотнее поднимали руки вверх.

Но враг оставался врагом. И только Красная армия была способна довершить разгром военной машины фашистской Германии, отлаженной, оснащенной всем необходимым для упорного сопротивления. Мы хорошо усвоили простую истину: чем крепче каждый будет бить врага, тем скорее придет победа, тем быстрее прекратятся неслыханные страдания людей.

В середине марта 1944 г. я был представлен к высокой правительственной награде — ордену Славы 3-й степени. Об этом объявил капитан Белов, когда мы вернулись из очередного поиска. Столько лет прошло, а хорошо помню, как тепло поздравили меня товарищи с первым успехом, по достоинству оцененным командиром. Стал он возможен потому, что пришел опыт действий во вражеском тылу.

Замечу, что это только со стороны казалось, будто ордена на фронте мог получить тот, кому повезло. Командиры отделяли случайный успех от закономерного. Сколько раз был свидетелем мужества однополчан и всегда убеждался: героические дела вершили люди, внутренне готовые к подвигу. Подвиг — это вершина нравственного роста, до которой иному идти и идти. А иногда приходилось слышать, дескать, подбил боец из п[ротиво]т[анкового] р[ужья] два танка потому, что фашисты случайно ему борта под прицел подставили. Какое заблуждение, если не хуже! Хладнокровно выжидать момент для точного выстрела, когда до вражеского танка две сотни метров, может человек высочайшего героизма и выдержки, уверенный в себе.

На войне любая случайность, если присмотреться получше, вполне закономерна. Идут, предположим, двое рядом в атаку. Один добрался до окопа противника, задачу свою боевую выполнил, а второго ранило, как принято говорить, шальным осколком. Так ли это? В большинстве случаев первый передвигался хитро, применяясь и складкам местности, смотрел в оба по сторонам, чтобы опередить врага, а другой, которому «не повезло», ломился напрямик, не очень-то утруждая себя осмотрительностью.

Так было и у нас, разведчиков. Те, кому улыбалось трудное солдатское счастье, обычно сами шли к нему навстречу. И примером тому может служить поиск, за который все участвующие в нем бойцы, в том числе и автор этих строк, удостоены боевых наград.

* * *

Неподалеку от молдавского города Флорешты стрелковые полки были контратакованы свежими частями фашистов. Конечно же темп наступления резко замедлился. Из вышестоящего штаба гвардии капитан Белов вернулся озабоченным. Мы подозревали, что был у него неприятный разговор с командованием. Каждый день уходили в поиск разведчики, а появления перед фронтом дивизии новых сил противника не заметили... Требовалось срочно исправить положение: установить номера частей, их состав, возможный характер предстоящих действий.

Очередную разведгруппу решил возглавить сам гвардии капитан Белов. В ее состав включили наиболее опытных бойцов, а из молодых взяли одного меня. Чтобы не зазнавался, ротный сказал, что мне оказано особое доверие, которое надо оправдать храбрыми действиями. Посоветовал он брать во всем пример с гвардии сержанта Варенова — лучшего разведчика дивизии.

В поиск пошло четырнадцать человек — почти в три раза больше, чем обычно. Патронов и гранат мы взяли по два боекомплекта, да прихватили с собой ручной пулемет. Объявляя приказ, гвардии капитан Белов сообщил, что мы должны произвести налет на штаб немецкого батальона, расположенный, по сведениям армейских разведчиков, в одном из населенных пунктов за линией фронта. Наша задача — захватить документы и взять пленного, желательно офицера.

В путь двинулись, как только стемнело. Стремительным броском преодолели нейтралку, по оврагу углубились в тыл противника. За два часа быстрой ходьбы добрались до молдавского села, в центре которого размещался штаб. Наш ротный, взяв с собой двух разведчиков, сходил в село, чтобы на месте определить точную дислокацию вражеских подразделений, порядок охраны, связи.

Томительно потянулось время. За три месяца службы в разведроте я хорошо понял — нет ничего тяжелее ждать возвращения товарищей с задания. Лежишь, вслушиваешься в тишину, которая в любой момент может быть нарушена стрельбой, взрывами. Только став разведчиком, узнал, какой грозной бывает иногда тишина.

Через час с небольшим Белов вернулся. Судя по его сообщению, нас ждал нелегкий бой. В штабе все на ногах, на улицах села полно гитлеровцев. Неподалеку от окраины вдоль дороги стоит колонна танков и бронетранспортеров с заведенными двигателями. Не готовятся ли фашисты покинуть село? Командир роты принял решение времени зря не терять — ударить сразу же, а то уйдет батальон и ищи потом ветра в поле.

...Вот впереди замаячили беленые стены хат. Пробираясь по садам и огородам, мы вышли к объекту нашего налета — большому дому, в котором до войны, очевидно, размещалась школа. Гвардии сержант Варенов, закинув за спину автомат, вынул нож и исчез в темноте. Его задача — снять часового. Каждый из нас точно знал, что ему делать. Одни должны были собрать все бумаги в штабе, другие — блокировать его со стороны улицы. Мне и гвардии сержанту Максимову выпало взять языка.

Короткий вскрик не привлек внимания противника. Мы окружили дом, приготовили гранаты... Первую, противотанковую, гвардии старшина Веселов — парторг в ту ночь тоже был с нами — швырнул в стоящий около штаба бронетранспортер. Грянул взрыв. Из дома стали выбегать перепуганные гитлеровцы. Мы с Максимовым облюбовали одного из них — высокого офицера с портфелем, схватили его, уволокли в сад.

Захват языка стал сигналом для всех разведчиков. В упор ударили автоматы, в окна полетели гранаты. Связав как следует пленного, мы тоже включились в дело.

Тот бой длился не более пяти минут. Уничтожив всех, кто находился в штабе и около него, разведчики собрали документы и отошли к околице села.

Первое время нас никто не преследовал. Стремясь как можно дальше оторваться от противника, мы быстрым шагом уходили к линии фронта. Но через час по-

слышался лай овчарок. Гвардии капитан Белов приказал шестерым бойцам прикрыть отход основной группы. На прощание не было времени. Хлопнули друг друга по плечу и расстались — с некоторыми навсегда. Четверо наших друзей погибли, спасая нас. Мы уже ползли по нейтральной полосе, а позади все еще гремела стрельба.

Утром наступление возобновилось с новой силой. Очень пригодились генерал-майору Ф. А. Боброву добытые нами сведения о противнике. Тот долговязый обер-лейтенант, которого взяли мы с гвардии сержантом Юрием Максимовым, оказался на редкость осведомленным и разговорчивым. Да и документация пехотного батальона была ценной. Как только выдалась свободная минута, комдив приказал построить разведчиков, поблагодарил и сказал, что все будут награждены — живые и павшие.

Тех бойцов, кто остался прикрывать нас на обратном пути, мы нашли на следующий день. Все четверо отстреливались до последнего патрона. Гвардии младший сержант Никитченко взорвал себя и нескольких фашистов последней ручной гранатой. Похоронили героев с воинскими почестями неподалеку от того молдавского села, где разгромили вражеский штаб.

От поиска к поиску росло ратное мастерство моих товарищей. Все тяжелее становились узелки из платков, в которые разведчики завязывали свои ордена и медали, перед тем как сдать их на хранение старшине. И мне был вручен орден Славы 3-й степени. Когда генерал-майор Бобров приколол орден на гимнастерку, испытывал чувство приподнятости, хотелось научиться воевать еще лучше.

...Бои между Днестром и Прутом были особенно ожесточенными. Враг предпринимал отчаянные попытки остановить наступление. Но ни его контратаки, ни весенняя распутица не могли задержать советские войска. Граница Румынии приближалась с каждым днем.

В частях 42-й гвардейской стрелковой дивизии царил небывало высокий подъем. Только и разговоров было — сколько еще километров осталось пройти с боями, чтобы вышвырнуть врага из Советской Молдавии. Стоило одному полку продвинуться вперед, как об этом становилось известно в соседних, и атаки становились еще более яростными. Бобровцы — так бойцы нашего соединения называли себя — соревновались за то, чтобы первыми выйти к Пруту — пограничной реке. Разведчики, зная об этом, только посмеивались. Каждый из нас был уверен: первыми увидим Прут мы. Так оно впоследствии и оказалось.

Не могу не сказать о том, какой популярностью пользовались воины нашей роты среди пехотинцев, танкистов, артиллеристов. Не знаю каким образом, но вести о наших делах во вражеском тылу быстро распространялись. Как это часто бывает, реальные события обрастали такими фантастическими подробностями, что мы сами себя не узнавали в солдатских легендах. Попал я однажды с пустяковой царапиной (осколок мины на излете ударил в плечо) в медсанбат. Перевязала меня сестрица, спросила фамилию, чтобы записать в журнал, и замерла.

— Скажите, это вы тот самый Перегудин, который фашистского генерала в плен взял? — говорит, а сама с таким любопытством на меня смотрит.

Мне оставалось только удивляться. Генералов мы никогда языками не брали.

— Нет, — ответил медсестре, — не тот я Перегудин. Может, есть однофамилец где-то в другой дивизии. У нас, почитай, полсела такую фамилию носят.

— Что вы, — возразила она, — слышала недавно, что из нашей разведроты Перегудин генерала приволок.

Что верно, то верно. Были мы три дня назад в поиске, доставили в штаб унтерофицера. И вот за это короткое время людская молва «повысила» его в звании до генерала!..

Уважали в дивизии разведчиков. Считали нас лучшими из лучших бойцов. И ни разу я не слышал, чтобы кто-то позавидовал нашим наградам, более обильному пайку, всегда новенькому обмундированию. Ни для кого не было секретом, что фронтового лиха нам достается гораздо больше, чем представителям других армейских специальностей, что труд наш тяжел и опасен.

Разведрота — особое подразделение. Редко нам приходилось действовать как пехоте. Но в те мартовские дни 1944 г. мы дважды сходились с фашистами. И, надо сказать, дрались разведчики в открытом бою по-геройски.

В первый раз роту бросили в бой под населенным пунктом Змеица, когда три фашистских пулемета, находившиеся на окраине деревни, головы не давали поднять пехоте, которая атаковала опорный пункт. Происходило все это на глазах комдива, наблюдавшего за боем со своего КНП. Вызвал он гвардии капитана Белова и приказал «утереть пехоте нос».

По неглубокой лощине, поросшей кустарником, по пояс в ледяной воде мы обошли противника и дружно ударили с тыла. Разведчики так стремительно сблизились с фашистами, что те не успели открыть огонь. Началась рукопашная, а в ней мы кое-что понимали. Не выдержав удара, враг отступил. Путь стрелковому батальону был расчищен. За этот бой меня наградили орденом Красной Звезды.

Спустя неделю бойцы 44-й отдельной разведроты легли вокруг штаба дивизии в оборону, чтобы защитить его от внезапного удара вражеской мотопехоты, которая пыталась выйти из окружения. Признаться, при виде такого количества бронетранспортеров, мотоциклов под сердцем возник неприятный холодок. Противотанковых ружей у нас не было, ручной гранатой бронетранспортер не остановишь... Кое-кто из бывалых бойцов, вспомнив 1941 г., стал собирать связки гранат.

Мотоциклистов, которые вырвались вперед, мы встретили метким автоматным огнем. Потеряв с десяток машин, противник отступил и скучился на винограднике метрах в 300 от нас. И тут гвардейские минометчики напомнили и нам, и фашистам, что на дворе 1944 г. По сравнительно небольшому участку местности ударили одновременно два дивизиона катюш. Ничего более грозного я, признаться, не видел за всю войну. Словно гигантский вулкан ожил перед нами. С высотки дыхнуло пламенем, а потом все вокруг затянуло дымом и пылью.

Через полчаса гвардии майор Зима послал двух разведчиков за солдатской книжкой — узнать, какая часть пыталась выбраться из окружения. Вернулись они ни с чем: на месте виноградника был лишь пепел да обгоревшие остовы бронированных машин.

29 марта в районе небольшого молдавского села наша 42-я гвардейская совместно с 242-й стрелковой дивизией форсировала Прут. А первыми из гвардейцев на чужой земле побывали мы, разведчики. Нам было приказано установить силы и средства противника, занявшего оборону на противоположном берегу пограничной реки.

Разведгруппа переправлялась под утро на двух лодках. Перед тем как сесть в них, бойцы в маскхалатах молча постояли у кромки холодной воды, вглядываясь в темноту весенней ночи. На востоке небо заметно посерело. Через несколько часов займется новый день. В нашей памяти он останется навсегда. Ведь в тот день мы вышли на границу советской земли...

Глава третья
САМЫЙ УДАЧНЫЙ ПОИСК

Уманско-Ботошанская операция завершилась 17 апреля 1944 г. Ее значение трудно переоценить. Войска Второго Украинского фронта полностью очистили от врага юго-западные области Украины. Своих освободителей восторженно приветствовали жители десятков городов, сотен сел. Развивая наступление, части 42-й гвардейской Прилукской ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Богдана Хмельницкого стрелковой дивизии 8 марта с ходу форсировали реку Горный Тикач, 10 марта — Южный Буг. 17 марта стрелковые полки захватили плацдарм на правом берегу Днестра, южнее Могилева. 29 марта дивизия преодолела Прут и обеспечила обход Липкан с юга.

На протяжении трех недель мы форсировали четыре водные преграды, представляющие серьезное препятствие для войск. Противник конечно же делал все для того, чтобы сбить темп наступления дивизии. Противоположный берег встречал советских воинов плотным огнем. Фашистское командование лихорадочно перебрасывало силы и средства с одного участка обороны на другой, пытаясь предугадать, где дивизия будет вести активные действия. И каждый раз бой по захвату плацдарма начинался там, где враг меньше всего этого ожидал. Располагая своевременно добытой, достоверной информацией о противнике, офицеры штаба соединения тщательно планировали предстоящие операции. А снабжали командование сведениями о замыслах врага мы, разведчики.

За те три недели по крайней мере 12 раз разведгруппы переправлялись на противоположный берег разлившихся от весеннего паводка рек, чтобы вскрыть систему обороны гитлеровцев на участке, выбранном для форсирования, взять языка, установить характер местности, на которой в скором времени предстояло действовать передовому отряду дивизии. Поймы рек были залиты водой, и там, где на топографической карте значились дороги, удобные для переброски техники, теперь разлились озера с редкими заболоченными островами. Требовалось точно установить проходимость местности для гусеничных и колесных машин, найти участки берега, удобные для действий инженерных подразделений.

Весна в 1944 г. в Молдавии выдалась ранней. Реки вскрылись уже в первых числах марта. Это создавало для разведчиков дополнительные трудности. Непросто переправ-

ляться ночью, на виду наблюдателей противника, под постоянной угрозой обстрела. Вдвойне нелегко, когда по воде сплошным потоком идут льдины, река вышла из берегов, затопила прибрежные кустарники, большие участки леса. Каждую секунду лодка могла налететь на льдину, бревно, корягу. И тогда шансов на спасение у разведчиков оставалось немного. Разве можно выплыть в бурном потоке холодной воды?

Вот какой случай произошел с нами после поиска на правом берегу Днестра. Возвращались мы ободренные удачей — без особого шума взяли в плен румынского офицера. Но едва отчалили, как начались неприятности. От удара бревна лодка перевернулась, и мы оказались в воде. Хорошо еще, что глубина в том месте была небольшая, примерно по грудь. Что предпринять? Плыть назад? Но разве найдешь в темноте, под носом у противника плот или лодку? Да и враг мог обнаружить исчезновение офицера. Положение наше усугублялось еще тем, что одного из бойцов задела шальная пуля. Раненого мы держали на руках, сменяясь через каждые 10 — 15 минут — от тяжести немели руки.

Долго мы продержаться не могли. От холодной воды сводило тело, льдины норовили смести нас, опрокинуть в воду с головой. Их приходилось отталкивать руками. Командир разведгруппы принял решение послать за помощью. Требовалось ни мало ни много, как переплыть вплавь реку и перегнать к месту нашего «кораблекрушения» резервную лодку, спрятанную в укромном заливчике. Выбор командира пал на меня.

Чтобы плыть было легче, разделся, отдал друзьям оружие.

Течение сразу же подхватило, понесло. Изо всех сил боролся с ним, но напрасно. Вскоре я оказался метрах в пятистах ниже разведгруппы. Выбросило меня на песчаную, заросшую кустами, косу. Отдышался. Совсем рядом услышал разговор на чужом языке. Значит, опять на тот же берег попал. Не хватало, чтобы меня, полузамерзшего, безоружного, нашли немцы... Оттолкнулся от кустов, поплыл дальше. К счастью, наткнулся на связку досок. Вцепился в них что есть сил и стал помаленьку работать ногами. Минут через двадцать был на нашем берегу. Там повезло — встретил бойцов из саперной роты, которые готовили переправу. Приняли они меня сначала за немца. Видя это, хотел ругнуться, чтобы за своего признали, да не смог — так замерз. Но потом разобрались: спиртом оттерли, сухим обмундированием снабдили. Командир саперов выделил двух солдат — помочь найти лодку и переправиться на другой берег.

Вывезли мы втроем разведчиков. Через силу они уже держались, однако раненого спасли.

Долго мы удивлялись: провели в мартовской воде в общей сложности больше двух часов, а никто даже насморка не схватил! Только языка нашего в госпиталь для военнопленных пришлось отправить. А русским ребятам — хоть бы что. Но потом разговорились и оказалось: у каждого из нас таких случаев в памяти не один и не два. И в холодной воде купались, и голодали в немецком тылу по неделе, когда от преследования эсэсовцев по лесам уходили, и по трое суток без сна бывать приходилось... Видимо, есть у человека особый запас жизненных сил, который помогает держаться, когда, казалось, совсем невмоготу. И сила воли, конечно, нужна, чтобы наперекор всему выстоять, не согнуться.

Не раз замечал, что на фронте люди забывали думать о себе, о своем здоровье, жили одним — как можно лучше выполнить свой долг перед Родиной. И приходилось не раз быть свидетелем самых настоящих чудес. Один из наших товарищей до войны страдал язвой желудка. Каких только лекарств ни пил, диеты придерживался, на Кавказ минеральную воду пить каждый год ездил — ничего не помогало. На фронте он не лечился, ел с нами из одного котла, а о язве и не вспоминал. Однажды ранило его. В госпитале боец попросил врача сделать ему рентгенограмму желудка. Каково же было удивление разведчика, когда ему сказали, что язва зарубцевалась...

И раны наши заживали быстрее, чем это предполагали врачи. Увезут, бывало, разведчика в медсанбат — в чем только душа держится, а пройдет недели три — снова встречаешь его в роте. Глаза весело смотрят, и разговоры об одном: скорей бы в поиск...

Непросто давался нам опыт разведки противника, закрепившегося на противоположном берегу реки. Немало моих товарищей нашли свою могилу в холодных водах Южного Буга, Днестра, Прута, Сирета. Но тем не менее свои боевые задачи мы выполняли: приносили в штаб дивизии схемы отдельных участков вражеской обороны, приводили языков, рассказывали о всем увиденном в тылу фашистских войск. И когда гвардейцы успешно форсировали очередную водную преграду, а затем через понтонные мосты шли бесконечные колонны войск, гордостью наполнялись наши сердца. Мы делали все, что могли, для славных побед нашей родной дивизии.

7 апреля был освобожден румынский город Ботошани, а чуть позже — Пашкани. Здесь, между реками Сиретом и Молдовой, 42-я гвардейская дивизия перешла к обороне. Начались, как сообщало Совинформбюро, «бои местного значения и поиски разведчиков».

Чем занимались мы почти 4 месяца, до начала Ясско-Кишиневской операции? Со стороны может показаться, что ничего особенного на участке фронта не происходило. И наши, и вражеские войска подтягивали резервы, поглубже зарывались в землю, получали пополнение. Личный состав осваивал новую технику и оружие, готовился к действиям в горных районах Румынии. Иногда вспыхивала перестрелка, велся контрбатарейный огонь.

Мы, разведчики, за это время и дня не провели сложа руки. Командованию требовалась достоверная информация о частях 78-го армейского корпуса, занявшего оборону в предгорьях Восточных Карпат. Противник перед нами стоял серьезный. Дивизии первого эшелона усиливались отборными частями, переброшенными из Германии. Наши надежды на то, что союзники откроют второй фронт и оттянут на себя хоть часть фашистских войск, не оправдались. Бойцы шутили по этому поводу: «Второй фронт в Европе и не нужен, если есть Второй Украинский».

По мере стабилизации обстановки на нашем участке противник все больше укреплялся, каждый поиск давался разведчикам все труднее. Все чаще разведгруппы при попытке пробраться в тыл противника встречали огонь вражеских подразделений, находившихся в боевом охранении. Рота стала нести значительные потери. Возвращались мы, неся на плащ-палатках скорбный груз, и думали: «Неужели нельзя что-то сделать, чтобы и задачу выполнить, и друзей не потерять?».

Однажды разведчиков собрал гвардии майор Зима. Оглядел он наши печальные лица и предложил вместе «обмозговать» ситуацию. Языка мы не могли взять уже больше недели. По мнению начальника разведки, успех нам не сопутствовал из-за шаблонности действий. Немцы уже привыкли к тому, что, как только стемнеет, через нейтралку идет очередная разведгруппа. Естественно, во вражеских траншеях в это время все на ногах. В одиночку никуда и никто не ходит. Дежурные огневые средства охраняют секреты, выдвинутые метров на 100 — 150 вперед. Из секрета тоже никого не возьмешь — попробуй, подкрадись незамеченным, если 5 — 6 человек прислушиваются к каждому шороху!

— Надо менять тактику ведения поиска, — сказал в заключение гвардии майор Зима.

— А что если днем попробовать? — неуверенно предложил кто-то из нас.

Днем? Вначале мы дружно рассмеялись. Да нам носа не дадут высунуть из своего окопа! Фашисты каждый камень, каждый куст пристреляли. А как преодолеть минное поле, проволочные заграждения в три ряда?

— Может быть, нейтралку переползти ночью, под утро, а пленного захватить, когда немцы спать уйдут? — вмешался в разговор молчавший до этого Ревин.

— Пожалуй, это мысль! — отметил Иван Иванович. — Даю день на подготовку, и будем пробовать.

Обсудили все возможные варианты операции и пришли к выводу, что самое трудное предстоит нам после захвата языка. Отходить до своих окопов придется на виду у всполошенных налетом гитлеровцев метров 300. Значит, минимум 5 — 7 минут они будут обстреливать группу из всех видов оружия, включая минометы. Без активной поддержки нашей артиллерии здесь не обойтись. Командир роты обратился к начальнику штаба дивизии с просьбой выделить для обеспечения операции артдивизион и две-три минометные батареи. Гвардии полковник Бочков, дотошно проверив все наши расчеты, нашел, что для надежного подавления противника артиллерии потребуется больше. Два дивизиона, четыре минометные батареи обеспечивали работу разведчиков.

...В 3 часа ночи группа в составе пяти человек, среди которых был и я, без помех преодолела нейтральную полосу и заняла позицию в 60 метрах от выбранного нами объекта нападения — сторожевого поста. Летнее утро вступило в свои права. Восток опоясался узкой полоской зари, все громче щебетали птицы. Тишина и покой были вокруг, но мы знали, что где-то в тылу дивизий уже заряжены гаубицы. Около сотни стволов вот-вот обрушат на этот участок обороны врага снаряды и мины.

Вскоре нам стали отчетливо видны лица фашистов. Бессонная ночь не прошла для них даром. Все зевали, терли воспаленные глаза, напряженно всматриваясь в изрытое воронками поле, раскинувшееся между оборонительными позициями. Наконец в траншее появился офицер, подал команду. Гитлеровцы торопливо ушли по ходам сообщения в блиндаж, до которого было метров 200. Офицер расставил приведенных с собой пулеметчиков по позициям, с каждым о чем-то поговорил. Эти немцы, видимо, только проснулись и даже умыться и позавтракать не успели. Заспанные, они рассеянно поглядывали по сторонам, курили.

Момент для нападения был самый подходящий. В воздух взлетела красная ракета, и тут же за нашими спинами грозно загрохотала артиллерия. Прошелестели над головами снаряды, тяжело всколыхнули землю близкие разрывы.

Артиллерия била отсечным огнем по флангам и тылу участка обороны, выбранного нами для поиска. Гвардии лейтенант Торшин скомандовал: «Вперед!», мы ринулись вслед за офицером к вражеской траншее. Не ожидавшие ни артналета, ни нашего появления, фашисты не оказали сопротивления. Четверо из них были убиты, двое — пулеметчик и офицер, который не успел уйти в тыл, захвачены в плен.

Обратная дорога заняла всего 4 минуты. Фашисты, опешив от дерзости разведчиков, две минуты молчали. Потом они открыли по нашей группе сильнейший минометный огонь. Несмотря на это, мы без потерь добрались до своих окопов. Легкие ранения получили один из бойцов да немецкий пулеметчик, который не успел нырнуть в воронку, когда рядом начали рваться мины.

Еще раз мы убедились в том, что примененный неожиданно для врага тактический прием — самый верный путь к успеху.

Уже после окончания войны я узнал, что поиски днем в условиях сильной обороны противника широко практиковались и на других фронтах. Так, разведчики одной из дивизий Первого Белорусского фронта применили метод, получивший название «огневые ножницы». Суть его заключалась в том, что слева и справа от объекта нападения бойцы производили по выстрелу из трофейных фаустпатронов. Осколков они почти не давали, а ударная волна от мощных взрывов глушила фашистов, как рыбу в воде. После этого минометчики открывали отсечный огонь, и разведчики под их «зонтом» без суеты выбирали в окопе языка.

Стремление к самостоятельным, инициативным действиям в тылу противника, ошеломляющая фашистов дерзость, военная хитрость, основанная на точном знании повадок врага, — вот что помогало моим фронтовым друзьям успешно выполнять приказы командира. Примеров на этот счет можно привести немало.

Но особенно вспоминается один поиск. Сначала все шло по заранее разработанному сценарию. Мы без помех преодолели передовую позицию вражеской обороны, углубились в тыл. Ночь стояла темная, ненастная. Дул сильный ветер, вовсю хлестал дождь. Словом, погода была для разведчиков как по заказу. А то, что вымокли все до нитки, — это не беда. Потом, после возвращения, можно и обсушиться, и перед сном наркомовские сто граммов принять ради противопростудной профилактики. Правда, здесь надо заметить, что пить спиртное я за всю войну так и не научился. И от этого нас, молодых еще совсем ребят, берегли старшие по возрасту товарищи. Разрешали понемногу и чтобы только согреться.

Целью нашего поиска был блиндаж, расположенный на второй линии обороны фашистов. Передовым наблюдателям удалось засечь около него появление нескольких офицеров. Вывод напрашивался один — в блиндаже живут не рядовые немцы. Значит, лучшего языка нам и желать не надо. Только вот как его взять? Блиндаж конечно же охранялся, причем для большей надежности гитлеровские офицеры обычно выставляли, двух, а то и трех часовых, а неподалеку располагали осветительный пункт. Пока до дверей укрытия доберешься, многих можно в разведгруппе не досчитаться...

Перед поиском мы решили: если не удастся снять часовых, устроим налет. Поэтому и боеприпасов взяли больше обычного. Но, когда прибыли на место, поняли, что действовать по плану не придется. Неподалеку от офицерского блиндажа находился еще один, битком набитый спящими солдатами. Оба укрытия тщательно охранялись. Поняли: действовать нельзя ни тихо, ни громко. А как?

— Ребята, надо схитрить. Иначе офицера из блиндажа мы не вынем, — прошептал гвардии сержант Варенов. — Давайте сделаем так... — и он коротко изложил свой план.

Осветительный пост был выставлен метрах в ста в отдельном окопчике. К нему вела неширокая, но глубокая траншея. Ваганов и Яблоневский поползли к гитлеровскому «ракетчику», а четверо разведчиков расположились по обеим сторонам траншеи в кустах. Вскоре послышался короткий вскрик — Ваганов снял наблюдателя. А через минуту Яблоневский стал пускать одну ракету за другой и кричать что есть силы по-немецки: «Тревога! Вижу русских!». Эти слова немедленно продублировали часовые у блиндажей. Вскоре из них стали выскакивать немцы и разбегаться по своим позициям. А куда побежал самый главный на этом участке обороны начальник? На осветительный пост, чтобы узнать, откуда идут русские и сколько их. За коротышкой капитаном (как впоследствии выяснилось — командиром роты) поспешали трое дюжих автоматчиков. Их мы уничтожили холодным оружием, а капитана быстро связали и потащили к своим.

Минут пятнадцать — двадцать за нашими спинами было тихо. А потом поднялась стрельба...

Памятен и такой случай. Выбрали мы в качестве объекта для нападения дежурный расчет пулемета, находившийся на левом фланге ротного опорного пункта противника. Наблюдение, которое велось до самого начала поиска, подтвердило: у пулемета двое гитлеровцев. А когда мы ввалились в окоп, застали там одного. Сначала мы хотели уйти с тем, кого взяли, но гвардии сержант Ревин усомнился, правильно ли мы поступим. А вдруг через минуту явится второй и, увидев, что его напарник исчез, поднимет тревогу? Начнут немцы кидать осветительные ракеты, а мы — вот они, на открытом поле.

Решили остаться, и правильно сделали. Вскоре в окоп по ходу сообщения пробрался второй номер расчета. И его мы взяли без шума. Вместо одного приволокли двух языков.

Разные были поиски — удачные и неудачные. Иногда взятого с большим трудом языка теряли на обратном пути. Всякое случалось... Но мы не кивали на судьбу: тщательно анализировали свои действия, отыскивали в них ошибки и в следующий раз старались их не повторить.

В одном из моих наградных листов есть запись о двух поисках, проведенных 14 и 16 июля 1944 г. в районе городка Боланень. Расположен он на берегу неширокой, но быстрой реки Молдова. Оборона противника в том месте отличалась глубоким эшелонированием боевых порядков и была неплохо подготовлена в инженерном отношении. Стоит сказать, что нашей дивизии с началом Ясско-Кишиневской наступательной операции пришлось прорываться там через четыре оборони-

тельные линии, оснащенные долговременными огневыми точками с бетонными куполами, бетонированными траншеями, целым комплексом противотанковых заграждений. Шагу негде было ступить, чтобы не наткнуться на мины. Причем минные поля были смешанными: противотанковые мины стояли вместе с противопехотными. А сверху на сотни метров в ширину лежала спираль «Бруно» — коварная колючая проволока, в которой легко можно запутаться.

Естественно, командование нашей дивизии интересовало все о системе обороны противника по берегам Молдовы. Ведь близился день, когда эту реку надо будет форсировать под вражеским огнем.

К первому поиску мы готовились долго. Тщательно изучали поведение фашистов на их переднем крае, подступы к реке, порядок ее преодоления. О том, чтобы переправиться вплавь, не могло идти и речи. Сильное течение унесло бы далеко от объекта поиска. Резиновые лодки тоже не годились — одна пуля, и переправа обречена на неудачу. Лодки местных жителей гитлеровцы или уничтожили при отступлении, или угнали к противоположному берегу. Решили мы переправляться на плоту. В километре выше по течению Молдова делится на несколько рукавов, один из которых находился в расположении обороны наших войск. Там саперы связали из сухих бревен небольшой плот, а ночью мы перегнали его, стараясь не шуметь, к месту переправы. Чтобы противник не разглядел его днем, набросали на бревна ил, кучки водорослей, дерн с прибрежной травой и пришвартовали плот в таком виде к берегу в небольшом заливчике.

Поиск начался следующей ночью. Четверо разведчиков, среди которых был и автор этих строк, соблюдая все меры осторожности, поплыли через темную реку. Стояла ненастная погода: дул сильный ветер, моросил дождь. Как ни странно, непогода из нашего союзника превратилась в противника. Окоп боевого охранения — объект действий разведгруппы — оказался пуст. Немцы укрылись от сырости в блиндаже. Мы поняли, что без шума сегодня не обойтись: попробуй выкради незаметно одного гитлеровца из десятка, когда все они собрались в тесном помещении!

Вот и блиндаж. Рывком открыв его дверь, я метнул в темный проем гранату. Глухо ударил взрыв, послышались крики раненых. Не мешкая, мы ворвались в блиндаж, уничтожили огнем из автоматов оставшихся в живых фашистов (предварительно выбросив одного за дверь) и поспешили в обратный путь. Но дорога к реке была уже перекрыта. В упор ударили вражеские автоматы. Спасла нас темнота: под ее покровом мы отступили к блиндажу, заняли круговую оборону. Положение разведгруппы оказалось тяжелым. Понимали мы, что придут в себя гитлеровцы, увидят, что советских солдат всего четверо, и «прощай, мама!». А тут еще нашего командира, гвардии лейтенанта Торшина, зацепила пуля. Решили: двое прикрывают огнем, а один из нас несет командира к плоту. Выпало это сделать мне. До сих пор не знаю, как удалось прорваться к реке через плотное кольцо фашистов, разыскать в темноте плот. Видимо, есть у человека про запас качества, о существовании которых он в обычной обстановке и не догадывается.

Переплыл Молдову, отдал лейтенанта товарищам, поджидавшим нашего возвращения, и — обратно. Вернулся вовремя: враг подтянул подкрепление и, непре-

рывно бросая осветительные ракеты, пошел в атаку — против двух разведчиков действовало не меньше взвода пехоты. Только не знали гитлеровцы, что за их спинами в двух десятках метров затаился третий. Силуэты вражеских солдат, высвечиваемые их же ракетами, были видны как мишени в тире. Резанул по ним длинной очередью. Что тут началось! Кто-то из немцев заорал об окружении. Часть из них бросилась бежать, некоторые залегли и стали беспорядочно отстреливаться. Мои товарищи, услышав «голос» нашего верного ППС*, незамеченными пробрались ко мне. Обнялись по-братски, поспешили к реке. Вернулись к своим без пленного: в ночном бою он был убит.

Итак, задачу мы не выполнили. Поэтому через два дня в пяти километрах юго-западнее Боланень снова пошли в поиск. На этот раз действовали по-иному. Правее пехота затеяла перестрелку с фашистами, отвлекла их внимание. Переправились в лодке, найденной накануне в зарослях камыша. И опять чуть не произошла осечка: некстати вспыхнувшая осветительная ракета помогла гитлеровцам разглядеть нас в момент броска на пулеметную точку. Снова завязался неравный бой. Однако в расположение роты мы вернулись без потерь и с языком. Правда, в рожках автоматов не осталось ни одного патрона. Истратили их с толком: через два дня перебежчик на допросе в штабе сообщил, что той ночью фашисты потеряли убитыми и ранеными 20 человек. Один пропал без вести. Мы улыбнулись. Для них пропал, для нас — нашелся.

* * *

Обычно после возвращения из вражеского тыла мы прежде всего хорошо отдыхали. Поиск каждый раз требовал полной отдачи физических и духовных сил, так что валились ребята на нары в уютных землянках как подкошенные. Спали до обеда, а потом или готовились к новому походу за языком, или заступали в караул для охраны штаба. Те, кто был свободен от этого, тоже зря времени не теряли: изучали противостоящего противника (лекции нам обычно читал гвардии майор Зима), участвовали в тренировочных занятиях, которые проводил с разведчиками командир роты или один из командиров взводов. Без дела не сидел никто. Одни шли на передовые наблюдательные пункты, другие в который уже раз отрабатывали действия по захвату пленного в различных ситуациях. Каждое движение шлифовали до автоматизма. Когда счет времени идет на секунды и любая из них может принести тебе победу или поражение, раздумывать особенно некогда.

Молодые разведчики старательно разучивали боевые приемы взятия языка. Настоящим мастером на этот счет сделался со временем гвардии сержант Матросов. Невысокого роста, гибкий как кошка, сильный, он бы в мирное время вполне мог стать известным спортсменом по вольной борьбе или самбо. Любо-дорого было смотреть, как боролся Василий с двумя, а то и с тремя самыми здоровыми разведчиками! Изматывал всех так, что с ног валились. Не случайно поэтому Матросову чаще других доверяли брать языка или снять часового. Делал это он всегда без осечки.

---

* Пистолет-пулемет Судаева.

После войны появилось немало произведений, описывающих подвиги фронтовых разведчиков. В иных бойцов в маскхалатах показывали этакими лихими ребятами, которые шутя ходили в глубокий вражеский тыл и легко брали в плен старших офицеров, а то и генералов. Конечно, наша реальная фронтовая жизнь была совершенно иной. Труд разведчика, можно сказать, самый тяжелый солдатский труд, потому что во время выполнения задания врагов вокруг тебя всегда во много раз больше. Но, несмотря на это, ты должен победить. Ведь с успеха разведчиков начинается успех полка, дивизии, армии. Твоя победа — спасенные жизни однополчан. Вот почему разведчик обязан все сделать для того, чтобы точно выполнить приказ командира. Вот почему мы не жалели сил, времени на занятия, перенимая лучшие приемы работы наших опытных товарищей.

За полтора года службы в разведроте я принимал участие во многих поисках. Счета им не вел. Разведчики, как, к примеру, снайперы, зарубок на прикладе на память не делали. Да и мудрено было сосчитать все наши вылазки в тыл противника, если летом 1944 г. мы ходили к врагу «в гости» чуть ли не каждую ночь.

Многое стерлось в памяти за эти сорок лет, но самые удачные поиски помнятся, как будто состоялись недавно.

...Шла подготовка к Ясско-Кишиневской операции. Фашисты конечно же обратили внимание на то, что в ближнем тылу советских войск накапливаются танки, артиллерия, в больших масштабах осуществляется подвоз горючего, боеприпасов, резко усилила активность вражеская разведка. Нас даже стали привлекать к перехвату лазутчиков, пытавшихся проникнуть к штабу дивизии, складам, местам размещения частей и подразделений. Надо сказать, что и такие задания мои товарищи выполняли неплохо. Троих гитлеровцев захватили в плен, с десяток положили на месте. Но кое-какие сведения врагу получить удалось. Авиаразведка засекла передвижение к переднему краю противника нескольких крупных колонн мотопехоты, танков, грузовиков с пушками на прицепе. Стало быть, оборона фашистов усиливалась свежими частями. Откуда они пришли, с какой целью, чем вооружены, как укомплектованы личным составом? Эти вопросы прибавили немало седых волос генерал-майору Боброву.

Однажды пришел комдив к разведчикам, затеял неспешный разговор о положении на нашем участке фронта.

— Некачественных языков, сынки, добываете, — сказал он как бы между прочим, — рядовых таскаете, да ефрейторов. Ну что они могут знать? Номер своей части да фамилию командира роты? Мало этого сейчас. Нужен мне офицер, желательно штабной или, на худой конец, писарь из штаба.

Мы переглянулись. Действительно, в последнее время разведчики брали языков из боевого охранения противника или с первой линии обороны.

— Если надо, товарищ генерал, возьмем и штабного, — твердо заверил командира дивизии один из нас.

— Спасибо за обещание. Подойдите к начальнику штаба, у него есть кое-какие сведения.

Оказывается, авиаторы обнаружили возле одного из хуторов в 10 километрах за линией фронта скопление спецмашин. Значит, там располагается вражеский штаб. А чтобы уточнить, так ли это, послали в хутор группу.

Старшим впервые назначили меня. Волновался, конечно. Задание выпало на нашу долю ответственное, да и идти далеко.

Без приключений перебрались через линию фронта. Нашли лесную дорогу, по которой дошли до хутора. В хуторе нам удалось взять в плен немецкого майора — начальника оперативного отдела дивизии, переброшенного за несколько дней до этого на наш участок фронта из Югославии.

Не обошлось, однако, без заминки. Сопровождал майора по темной улице, как впоследствии выяснилось, его денщик с фонариком в руке. Мы и не думали нападать на них — брать языка решили после того, как выясним расположение и порядок охраны штаба. Но денщик поскользнулся, пятно света на мгновение переместилось с земли на спину идущего первым немца, и мы увидели, как блеснул на его кожаном плаще витой погон. Понял, более удобного случая взять офицера может и не быть.

Майор оказал отчаянное сопротивление. Долго барахтались мы вчетвером на тихой сельской улице. Когда, наконец, офицера связали, выяснилось, что второй немец под шумок улизнул. Нам стало не по себе. Через несколько минут здесь будут враги. Уходить в лес? А если по следам пустят собак? Приказал Яблоневскому спросить у майора, в какую хату они шли. Тот мотнул головой в сторону одного из домов. Решили отсидеться там. Расчет оказался верным. Фашисты прочесали вдоль и поперек весь хутор, устроили обыски во всех домах, а в тот, где встал на постой важный чин из штаба дивизии, заглянуть не догадались.

Примерно через час, когда шум и беготня вокруг стихли, мы, соблюдая все меры осторожности, покинули хату. Но напрямик к линии фронта не пошли — близилось утро, добраться в темноте до своих мы бы не успели. Я повел группу строго на запад. Почему поступил так, а не иначе, догадаться нетрудно. Взбешенные похищением начопера дивизии, гитлеровцы сделали все, чтобы перехватить группу на пути к своей передовой. Взятый через неделю пленный рассказал о чрезвычайных мерах по охране всех подступов к переднему краю. А в это время разведгруппа отдыхала после марш-броска в глухом овраге километрах в пяти западнее хутора. Следы свои мы посыпали смесью табака и перца — собаки наш след не взяли. Весь день мы вели наблюдение на дороге, подсчитывая, сколько боевой техники, живой силы противника прошло к линии фронта.

Назад двинулись, как только стемнело. Нейтралку преодолели без шума.

На первом же допросе офицер дал такие важные показания, что гвардии майор Зима сразу заторопился на доклад к генерал-майору Боброву. Оказывается, майор наизусть помнил дислокацию частей своей дивизии.

Все разведчики, принимавшие участие в том поиске, были награждены орденами. Меня наградили орденом Славы 2-й степени.

Приходилось слышать разговоры, что в хуторе нам просто повезло. На первый взгляд так оно и есть: гитлеровский майор подвернулся случайно. Не ожидали такой встречи ни мы, ни он. Но, с другой стороны, нам приказали взять штабного

офицера, и мы этот приказ выполнили. Если б не подвернулся майор, захватили бы другого. К своему «везению» разведчики шли трудным, опасным путем: через линию фронта, по тылам противника, где каждое неосторожное движение могло привести к срыву задания. От самообладания и выдержки зависело все. Нам удалось незамеченными пробраться в хутор, где находился штаб фашистской дивизии, а это непростое дело: через каждую сотню метров — парные патрули, все удобные подходы перекрыты секретами, сторожевыми постами. Но, самое главное, группа сумела без потерь выбраться из кутерьмы, которая поднялась в хуторе. Вот здесь я видел свою промашку. Увлекшись борьбой с офицером, мы позабыли о втором немце. Это чуть было не привело к плачевным результатам. На волоске висели и задание, которое поручил нам командир дивизии, и наши жизни...

Тот поиск был последним перед началом Ясско-Кишиневской операции. 20 августа 1944 г. утреннюю тишину нарушили громовые залпы тысяч орудий. Небосвод прочертили огненные стрелы катюш. Полки дивизий перешли в наступление. Мы были горды тем, что добытые нами сведения помогли командованию подготовить неотразимый удар по вражеской обороне.

Как только началось наступление, разведчики, используя промежутки в боевых порядках противника, прорывались в его тыл, на возможные пути отхода врага, подмечали, не вводит ли он свежие силы. Мы были на своем месте — впереди атакующих рот, помогали гвардейцам теснить и уничтожать фашистов.

...Наша разведгруппа находилась на одном из танков. Мы сидели на броне, укрывшись за башней. Никогда не завидовал пехоте, а здесь тем более. Тяжелую машину швыряло на ухабах, как лодку в шторм, свистели осколки от рвавшихся неподалеку мин, звонко ударяя на излете о броню. Горло было забито пылью и гарью. Подумал: хватит и легкого ранения, чтобы выпустить из рук скобу на башне и свалиться с танка...

Танкисты получили приказ выйти на рубеж в десяти километрах восточнее населенного пункта Пьятра-Нямц. На том наше взаимодействие заканчивалось. Разведгруппе, которую мне было поручено возглавить, командир роты поставил задачу вскрыть оборону противника на южной окраине этого румынского города, выйти на дорогу, связывающую Пьятра-Нямц с Тыргу-Нямцем, и установить, подходит ли по ней к противнику подкрепление.

Наконец танки веером разошлись по высоте, нацеливая острие атаки против гитлеровцев, занимавших оборону на опушке букового леса. Мы спрыгнули с машины, прошлись, разминая онемевшие ноги. Оглядел ребят. Гвардии сержанты Ревин, Матросов, гвардии рядовой Яблоневский... Испытанные во многих боях отважные бойцы. И на душе стало сразу спокойно. Ничего, что группе предстояло долго действовать в отрыве от своих. Нам, молодым разведчикам, командование доверило выполнение важного задания. И это придавало силы.

С группой был радист — гвардии сержант Петр Авраменко, прикомандированный к нам из роты связи. Он не раз ходил с разведчиками в поиски. Обладая огромной физической силой, Петр сам носил и радиостанцию, и запасные батареи питания к ней. Надо сказать, что груз этот был немалый.

Распростившись с танкистами, мы отправились в путь.

Предгорья Восточных Карпат — край сумрачных лесов, солнечных долин, быстрых горных рек, край пастухов, виноградарей. Перед нами открывались узкие полоски садов на холмах, веселые белые домики хуторов по долинам, мельницы у плотин. Видели мы крестьян — они торопливо косили ячмень, пшеницу, резали не совсем поспевший еще виноград. Спешили убрать урожаи до того времени, когда покатится по этой пышно цветущей земле огненная колесница войны. Обратили внимание мы на то, с какой бесцеремонностью относились гитлеровцы к местному населению. Под охраной тыловиков, которые и оружия толком носить не умели, двигались на запад огромные стада овец. По извилистым узким дорогам шли колонны подвод и машин — немцы вывозили зерно в свой тыл, а потом и в Германию. Так и чесались у нас руки устроить где-нибудь на особенно крутом повороте фашистам пробку на полдня, но приходилось сдерживать свои чувства. Главное ждало нас впереди.

И вот с вершины одного из холмов мы разглядели белые строения, уступами опускавшиеся вниз к реке. Сверил местность с топографической картой. Сомнений не было — мы у цели. Поручил Матросову и Яблоневскому осмотреть рубеж, на котором мы находились, а сам с Ревиным и радистом отправился поближе к городу. Встречу назначил через четыре часа у родника среди гранитных валунов, оплетенных колючим кустарником.

Вести разведку населенных пунктов, занятых противником, нелегко. Близко к городу днем не подойдешь, а ночью непросто оценить подготовленность строений к отражению атак. Пришлось нам подыскать место, с которого лучше всего просматривались окраины Пьятра-Нямц, и вести наблюдение с помощью бинокля.

Судя по всему, противник не ожидал столь быстрого продвижения советских войск. Инженерные работы только начались, в садах гитлеровцы рыли окопы, улицы перекрывали баррикадами из мешков с песком и валунов. Подвалы зданий приспосабливали к обороне.

Я начертил подробный план окраины, указал на схеме огневые точки в верхних этажах домов, танки, для которых готовились капониры. Обратил внимание на то, что фашисты спешно ставили на прямую наводку до двух артиллерийских батарей. Значит, им стало известно о появлении вблизи города советских танков. Об этом мы предупредили командование дивизии по радио. Впоследствии узнали, что танкисты, получив наше сообщение, нанесли удар по северной окраине Пьятра-Нямц, где противотанковая оборона была слабее.

Четыре часа пролетели незаметно. По возвращении к роднику нас ждало хорошее известие: гвардии сержант Матросов и гвардии рядовой Яблоневский сумели не только произвести тщательную разведку нескольких участков оборонительной линии вокруг города, но и взяли на редкость разговорчивого языка. Им оказался унтер-офицер — старший команды по конфискации «излишков» фуража у румынских крестьян. Команда ждала своего начальника в городе, а он решил навестить свою знакомую на одном из хуторков. Поехал на мотоцикле один и попал в руки разведчиков.

Во время допроса унтер-офицер сообщил, что оборона Пьятра-Нямц, по всей видимости, не будет упорной. Уже получен приказ об эвакуации тыловых подразделений из города. В задачу войск, обороняющих подступы к нему, входит лишь задержать русских, дав тем самым возможность организованно отойти основным силам.

— А вот дальше вас будут ожидать неприятности, — заявил унтер.

От друзей он слышал, что западнее Пьятра-Нямц длительное время создается мощная линия обороны. Местность там позволяет надолго остановить наступление. На командных высотах построены укрепрайоны, перекрывающие немногочисленные горные дороги.

Это известие нас особенно заинтересовало. Выходило, что главные испытания ждут дивизию впереди. Так оно впоследствии и оказалось. Сравнительно легко взяв Пьятра-Нямц, наше соединение встретило сильную оборону и на несколько дней вынуждено было прекратить активные действия. Но все это произошло через неделю после описываемых выше событий. А тогда мы тщательно допросили пленного, передали командованию дивизии закодированное подробное сообщение о результатах поиска в окрестностях Пьятра-Нямц и отправились в путь. Мы торопились приступить к выполнению второй части задания — выяснить, не подтягивают ли свои резервы гитлеровцы на помощь частям, которые отступали под натиском советских войск.

По дороге мы встретили танковую колонну противника численностью до батальона. Шла она от линии фронта — еще одно подтверждение тому, что наши сведения об организованном отступлении врага были верными. Некоторые танки тянули за собой на буксире тягачи... Значит, батальон совсем недавно побывал в бою. Об этом сообщил гвардии сержант Авраменко в штаб дивизии, как и о появлении кавалерийской части венгерских войск. Жалкий вид был у этих союзников Гитлера. Лошади отощали, солдаты сидели в седлах кое-как. Лица запыленные, злые. Видимо, не очень-то нравилось им теперь выполнять роль пешек в кровавой игре, затеянной Хорти!

К вечеру добрались до участка шоссейной дороги, на котором нам было приказано организовать наблюдательный пункт. Здесь мы впервые встретились с группой румынских крестьян, которые заготавливали в лесу дрова. Увидев военных, они вначале бросились врассыпную, но, различив звездочки на пилотках, остановились. Знали они с десяток русских слов, мы — немногим больше румынских, но это не помешало нам быстро понять друг друга. «Война — плохо, Русь — хорошо!», «Антонеску — капут!» — говорили крестьяне, улыбаясь нам. Мы спросили, не видели ли они здесь немцев. Румыны как могли объяснили, что по дороге немцы идут и едут, а в лесу их нет. Расстались по-дружески. Мы подарили румынам флягу русской водки, а они в ответ — две головки вкуснейшей брынзы.

Место для н[аблюдательного] п[ункта] выбрали самое подходящее: за кучей камней на высоте, с которой отчетливо просматривался перекресток шоссейной дороги с грунтовой — условный ориентир, назначенный начальником разведки дивизии, когда он ставил нам задачу. Стали считать, сколько единиц боевой и транспорт-

ной техники идет к линии фронта и обратно, какое количество вражеских солдат проходит перекресток, куда они направляются.

Этой арифметикой мы занимались до тех пор, пока совсем не стемнело. Поспали часа четыре, а затем отправились за очередным пленным — требовалось определить, нет ли в полосе наступления нашей дивизии новых частей. Языка взяли способом, известным еще со времен войны 1812 г. В воспоминаниях Дениса Давыдова есть сообщение о том, как партизаны заранее подпиливали одно-два дерева и обрушивали их на дорогу перед проезжавшими на подводах французами. И мы так сделали. Только пилы у нас не было — к стволу дерева привязали тротиловую шашку со стороны дороги. Прием этот мы применяли не раз. Взрывом перебивало ствол, и дерево с грохотом падало на проезжую часть дороги.

Ждать долго не пришлось. Возле упавшего бука приостановился, пытаясь его объехать, вражеский мотоциклист. А дальше все было, как обычно. Через полминуты ефрейтора мы связали и утащили в лес. А мотоцикл отогнали в густые заросли кустарника, предварительно проткнув шины и разбив карбюратор.

Язык выложил немногое, но и из этих его показаний нам стало ясно, что новых частей перед фронтом наступления дивизии нет. А старые наши «знакомые» поспешно отходят, прикрываясь арьергардами на промежуточных рубежах. К одному из таких рубежей спешил мотоциклист, чтобы на словах передать приказ командира переместиться на следующую оборонительную линию. Спешил, да не доехал.

Утром мы услышали звуки близкой перестрелки. Послал Яблоневского узнать, в чем дело. Оказывается, неподалеку наши бойцы теснили фашистов, отступающих по направлению к дороге. Но как было не помочь однополчанам! Заняли мы огневую позицию, с которой цепь гитлеровцев просматривалась особенно отчетливо, и, выждав удобный момент, почти в упор ударили из автоматов.

Многих не досчитались враги после того утреннего боя. А командир стрелковой роты — высокий светловолосый лейтенант с пышными, как у запорожца, усами, разобравшись, кто ему помог так «причесать» фашистов, крепко пожал нам руки.

Вспоминая те далекие дни, не могу не отметить высокое боевое мастерство моих товарищей. Инициатива, смелость, решительность, военная хитрость — такие необходимые каждому разведчику качества отличали их. Благодаря этому мы одерживали верх над сильным, коварным врагом, своевременно разгадывали его замыслы, оперативно снабжали командование дивизии достоверной информацией. Не зря так ценил своих «сынков» генерал-майор Бобров. Комдив не раз подчеркивал, что без разведчиков он бы не сумел сделать и половины задуманного по разгрому противостоящего нам противника. А мы старались оправдать эту высокую оценку новыми успехами в ратном труде, столь необходимом для победы.

К полудню добрались до штаба дивизии. Встретил нас гвардии капитан Белов, поздравил с успешным возвращением и тут же дал новое задание: произвести поиск в районе мыловаренного завода, расположенного в 15 километрах северо-западнее города Пьятра-Нямц.

— Знаю, отдохнуть бы вам не мешало, да послать больше некого — все ребята при деле, — сказал командир на прощание.

Да, время было горячее. Мы понимали это и не сетовали на усталость. Наскоро перекусили, пополнили у старшины боеприпасы и — в путь-дорогу. Но, несмотря на спешку, ротный тыл проводил нас как полагается. Наш портной дядя Федя и повар дядя Ваня (так уважительно, по-домашнему называли мы солдат, разменявших за жизнь третью войну) давно придумали свой ритуал проводов разведчиков на задание и встречи их после похода по вражескому тылу. Провожали они нас всех одинаково: старались сунуть в сидор самой вкусной колбаски, помогали половчей надеть снаряжение, финки точили каждый раз до остроты хорошей бритвы. Но встречали разведгруппы по-разному. Не раз доводилось видеть, как поутру занимали они свой «н[аблюдательный] п[ункт]» у лесной дороги, неторопливо скручивали цигарки огромной величины. Разглядев старыми дальнозоркими глазами, что группа вернулась без потерь и нет ни на ком свежих бинтов, начинали дымить веселее и, если разведчики шли налегке, без языка, ехидно спрашивали:

— Что, милки, обратно луна?

Знали они немудреную ссылку бойцов на светлую ночь, когда обходило стороной солдатское счастье. Но если впереди разведгруппы семенил, испуганно озираясь, гитлеровец, встреча была другой.

— Никак, молодцы, генерала ведете? — уважительно говорил кто-то из двоих. — Нет? Ефрейтора сцапали? Ничего, и до генерала доберетесь. Ребята вы хваткие...

Действовало это на разведчиков безотказно. Отличившиеся еще выше поднимали голову, а те, кому не повезло, в следующий раз готовы были пленного из-под земли достать.

Поднимали как могли нам настроение дядя Федя и дядя Ваня. По-доброму проводили они нас и в очередной поиск. На душе потеплело, и новые силы откуда-то пришли.

Нелегко на войне без таких вот встреч и проводов. Если складывались между бойцами доверительные отношения, рота становилась вторым домом. И совет отцовский кто-нибудь из старших по возрасту даст, и по-братски поддержит друг в трудную минуту. Не раз отмечал: в таких подразделениях потерь всегда было меньше и дела шли лучше.

Уточняя новую задачу по топографической карте, мы обратили внимание на то, что дивизия разворачивала фронт своих действий на северо-запад, в полосе ее оказались самые высокие хребты Восточных Карпат.

Впоследствии нам стало известно: направление главного удара изменила вся 40-я армия. Этим самым она способствовала успешному преодолению войсками Четвертого Украинского фронта Карпат и выходу их в район Ужгорода и Мукачево.

Раньше нам в горах действовать не приходилось. Но мы уже знали, что боевой опыт на войне — дело наживное. Приобретается он быстро теми, кто не сидит сложа руки, кто, выполняя завет великого Суворова, сам ищет противника, находит его и бьет первым.

Глава четвертая
РЕЙД В КАРПАТАХ

В начале сентября 1944 г. наша 42-я гвардейская Прилуцкая ордена Ленина, Краснознаменная, ордена Богдана Хмельницкого дивизия вела тяжелые бои в предгорьях Восточных Карпат. В иные дни темп наступления составлял всего 1 — 2 километра. Фашисты превратили все господствующие высоты в сильные узлы сопротивления и дрались с отчаянием обреченных. Кроме того, утром 5 сентября шесть немецких и венгерских дивизий нанесли по войскам 4-й румынской армии, повернувшей к тому времени оружие против гитлеровцев, удар из района Турды в южном направлении и за сутки продвинулись на 30 километров. Создавалась реальная угроза окружения советских и румынских войск, поэтому наша дивизия вместе с другими соединениями 40-й армии двинулась навстречу прорвавшемуся врагу.

Много дел было в те дни у нас, дивизионных разведчиков. Тактическая обстановка менялась непрерывно. Одна за другой уходили разведгруппы в тыл противника, чтобы уточнить его положение на местности, определить номера частей, состав.

...Из очередного поиска мы вернулись утром. Сдали пленного венгерского унтера в штаб и получили от командира роты разрешение несколько часов отдохнуть. Привели в порядок оружие, перекусили и только собрались поспать, как прибежал посыльный. Он передал приказ комдива: всей роте прибыть к штабной палатке. Одно это говорило о том, что дело нам предстояло необычное. Задачу на поиск ставил, как правило, или гвардии майор Зима, или его заместитель. Да и не ходили мы во вражеский тыл всей ротой. Кто-то высказал предположение о внезапном прорыве противника. Прислушались. Вокруг стояла тишина, только где-то на юго-западе, километрах в 10 от нас, работала артиллерия. Значит, не для боя мы были нужны.

Вскоре все выяснилось. Генерал-майор Бобров приказал нашей роте совершить глубокий рейд по тылам противника, перейти румыно-венгерскую границу (по пакту 1940 г.) и захватить единственный в полосе наступления дивизии перевал. Нам показали аэрофотоснимки. Подходы к перевалу прикрывал укрепрайон, который мог надолго задержать продвижение частей дивизии. Вот его-то и назначили нам в качестве объекта для нападения.

Командование располагало противоречивыми сведениями о численности противника в укрепрайоне. Один из взятых недавно пленных утверждал, что плато за горой Чахлеу обороняет венгерский погранполк полного состава из 65-й пограничной группы. Если верить ему, передовому отряду дивизии предстоял трудный штурм перевала. А мы могли ему только как-то помочь. Однако местные жители говорили о нескольких десятках пограничников. С ними вполне могла справиться наша рота. Судя по аэрофотоснимку, у[крепленный] р[айон] был хорошо подготовлен к круговой обороне. Восемь многоярусных дотов, бетонированные траншеи, соединенные ходами сообщения, блиндажи... Нам предстояло выяснить, кто занимает укрепрайон на плато, и действовать, сообразуясь с обстановкой.

На подготовку к рейду командир дивизии дал разведчикам сутки — немного, если учесть, что никто из нас не вел до этого поиск в горах. А ведь нам предстояло

преодолеть один из самых высоких хребтов Восточных Карпат. Движение по дороге, которая шла через перевал, исключалось. С плато она просматривалась на десятки километров. Значит, надо было идти в обход, по горным тропам.

Не знаю, кто предложил найти проводников. Скорее всего это был гвардии лейтенант Сергей Торшин, вернувшийся незадолго до того из госпиталя. Накануне офицер познакомился с румыном, который неплохо знал русский язык. Румын утверждал, что не раз ходил через границу и обратно. Часа через три после получения задачи мы увидели его и еще двух людей, одетых как пастухи, в расположении роты. Все повеселели: с проводниками можно было идти и ночью.

Вскоре на поляну, где стояла разведрота, прикатил видавший виды автомобиль. Начальник вещевой службы дивизии привез альпинистское снаряжение: метров по тридцать крепкой веревки на брата, страховочные пояса, крючья, металлические клинья. Разобрали мы это хитрое для нас хозяйство, стали примеряться, как будем его использовать. Конечно, было бы неплохо потренироваться, но до Карпат лежал неблизкий путь, а вокруг раскинулась равнина с редкими холмами. И все же урок альпинизма гвардии капитан Чуприн — наш новый командир — нам преподал. Выбрал он неподалеку огромный бук и приказал каждому разведчику с помощью снаряжения взобраться на его вершину. А остальные по очереди страховали действия товарища.

Незадолго до начала рейда гвардии капитан Чуприн объявил, что старшим пойдет он сам. Нечасто ходил в поиски наш командир, но какие это были громкие дела! Помню, однажды Чуприн возглавил разведгруппу, которая произвела дерзкий налет на вражеский узел связи. Исход боя с его охраной, вдвое превышавшей по количеству группу, решили быстрота, внезапность и натиск. Очень пригодилась нам тогда бутылка с зажигательной смесью, которую перед нападением бросил один из разведчиков в окно дома, занятого гитлеровским офицером. Кинулись немцы спасать добро своего начальника, а в этот момент мы нанесли удар. Два мешка с секретными документами принесли бойцы с собой из поиска.

Гвардии капитан Чуприн был строгим командиром. Расхлябанности не терпел ни в чем. Вполне мог отстранить от поиска бойца, если на обмундировании его не хватало пуговицы, требовал предельно точного исполнения приказов, однако всячески одобрял инициативу подчиненных. Да и как нам было обойтись без этого необходимого каждому военному человеку качества? Ведь в тылу врага разведчик зачастую действует самостоятельно — подсказки со стороны ждать ему не от кого. Однако мы не путали самостоятельность с недисциплинированностью. Употребил свою смекалку, хитрость для точного выполнения задания — честь тебе и хвала. Отступил хоть на полшага от приказа, и сам можешь погибнуть, и товарищей подведешь.

Рядовой Николай Кулаков, находясь в засаде, неожиданно для всех нас открыл огонь по группе противника, которую мы должны были пропустить. В завязавшейся перестрелке мы уничтожили вражеских связистов — в плен взять никого не удалось. А Кулаков погиб. Вот к чему привела самодеятельность одного из нас. Не случайно гвардии капитан Чуприн говорил, что в разведке нужны особая собранность, умная храбрость, расчетливая дерзость.

Проводники посоветовали нам часть поклажи навьючить на мула. Признаться, вначале к этому предложению кое-кто отнесся скептически. Привыкли мы ходить налегке, да и расстояние до перевала, измеренное по карте, казалось не очень большим. Но проводники убедили нас в том, что в горах свои мерки пройденного пути. Так оно и оказалось. Мы рассчитывали уложиться в трое суток, а потратили на движение к плато более пяти. Словом, мул пригодился.

Готовились к действиям не только разведчики. Бывая в стрелковых полках, у артиллеристов, танкистов, я обращал внимание на то, как тщательно вели подготовку к боям в Восточных Карпатах бойцы и командиры. Проводились специальные учебные сборы, на которых инструкторы по альпинизму, те бойцы, кто до службы в армии жил в горных областях нашей страны, передавали гвардейцам свой опыт преодоления отвесных круч, горных рек, ущелий. В артиллерийских подразделениях изготовляли лебедки, лямки, тормоза для орудий. Дымили походные кузницы — специалисты перековывали лошадей. В мастерских полным ходом шло изготовление вьючных седел, волокуш. Саперы запасались инструментом и материалами, необходимыми для постройки мостов, переходов.

Жаль, что не было у нас времени для более основательной подготовки. Шли разведчики по Восточным Карпатам первыми, прокладывая путь всей дивизии.

Рейд начался поздним вечером 7 сентября 1944 г. Вперед ушел боевой дозор, возглавляемый гвардии лейтенантом Торшиным. Рядом с офицером находился один из проводников. За дозором, на удалении 80 — 100 метров от него, цепочкой вытянулась вся рота. Как только приблизились к передовой, разошлись на параллельные маршруты боковые дозоры. Их задача — предупредить разведотряд от неожиданного нападения врага со стороны флангов.

Шли мы по узкой тропе, петлявшей между толстыми буками, грабами, густыми зарослями колючих кустарников. Над головой, запутавшись в кронах деревьев, горели яркие звезды. Было так тихо, что слышали мы лай собак из деревни, расположенной в пяти километрах. Путь наш лежал пока по равнине с редкими возвышенностями. Только к утру почувствовал, что движемся по небольшому подъему.

Вокруг словно и не было войны. Чем выше разведотряд поднимался в Карпаты, тем чаще встречались стада овец на обширных лесных полянах. Гвардии капитан Чуприн решил уклоняться от встреч с пастухами, считая, что слух о нашем рейде может дойти до врага. Но проводники на это только рассмеялись. От глаз горцев нам не скрыться, сказали они, однако остерегаться пастухов не следует. Жители здешнего края ненавидят немецких фашистов и их румынских и венгерских холуев. Давно убедились они, что настоящие друзья идут с востока.

Когда мы вступили в Румынию, нам сразу бросилась в глаза крайняя, прямотаки нищенская бедность деревень и поселков этой страны. Многие избушки вросли в землю, покосились. Вместо стекол в окна были вставлены склеенные куски слюды. Поля состояли из крошечных клочков земли, разделенных межами. Скота у крестьян мало, коровенки худые, лошади старые. Как нам объяснили, те крохи, которые не успевали собрать гитлеровские «друзья» румынского народа, грабили эмиссары правительства Антонеску и местные богатеи.

Немецкие и румынские фашисты клеветали на нашу армию, пытались изобразить ее скопищем разбойников, пришедших мстить всему народу. Не было ничего удивительного в том, что часть местного населения в первое время побаивалась нас. Но стоило простым румынам поближе познакомиться с советскими воинами, как от недавнего недоверия не осталось и следа. Потянулись из лесов жители городов и деревень к своим родным очагам.

С неподдельным восхищением смотрели они на танковые колонны, артиллерию, которые шли по дорогам в глубь страны. Поражали румын четкий порядок во всем, организованность советских войск, высокая дисциплина личного состава.

С жителями восточных предгорий Карпат, которых мы встречали во время рейда, быстро установились самые теплые, сердечные отношения. Они снабжали разведчиков вкусной брынзой, густым овечьим молоком, свежим мясом. Обычно молчаливые, замкнутые, привыкшие к уединению, пастухи преображались, когда выпадала возможность поговорить с нами.

Горцев можно было понять — мы оказались первыми советскими людьми в их краях. Вопросы через наших проводников они задавали самые неожиданные. «Правда, что Советы отберут в счет контрибуции всех овец?», «Что будут делать с Антонеску?», «Будет ли после победы над Германией существовать Румыния?». Мы отвечали, что советские воины — не грабители. Антонеску и других поджигателей войны будет судить сам румынский народ, который уже повернул оружие против гитлеровской Германии. А Румыния обязательно будет жить и цвести — именно за ее будущее проливают сейчас кровь советские и румынские бойцы...

Через три дня утром мы увидели величественные вершины Восточных Карпат. Сначала впечатление было такое, что на горизонте громоздятся большие тучи. Приглядевшись, поняли — это горные хребты, покрытые вечными снегами. Прямо перед нами высилась Чахлеу. Идти до плато под перевалом оставалось ровно сутки.

Дорога сближает людей. Выполнение ответственного боевого задания — тем более. Крепко сдружились мы с нашими проводниками. Были они невысокого роста, черноволосые, с улыбчивыми карими глазами. По возрасту годились нам в отцы. Жаль, не помню сейчас, как их звали. Коренные жители этого горного края, проводники были скоры на ногу и нас поторапливали веселыми шутками. Все трое хорошо говорили по-русски — изучили наш язык еще в молодые годы, когда воевали плечом к плечу с русскими воинами в 1916 г. против немцев. Те далекие годы вспоминали румыны с гордостью. Еще тогда убедились они в высоких духовных качествах людей из России, полюбили их за отзывчивость, щедрость души.

Когда правящая верхушка Румынии ввергла страну в войну против СССР, наши проводники отказались от призыва в армию. Четыре года вели они лесную жизнь, полную лишений и тревог.

Забегая вперед, скажу, что за помощь в проведении рейда командир дивизии вручил нашим проводникам медали «За отвагу». Если живы они сейчас, уверен: эти советские награды напоминают нашим соратникам в борьбе с общим врагом о славных событиях сентября 1944 г. ...

Идти с каждым часом становилось труднее. Часто стали встречаться каменистые осыпи. На них проводники требовали от нас особой осторожности. Вниз смотреть не хотелось — такой глубины было ущелье. А камешки предательски выскальзывали из-под подошв, шелестели по склону, оставляя за собой белесые струйки пыли. Нелегко приходилось всем нам: кружилась голова от разреженного воздуха, подкашивались ноги. Однако отдыхали мы не более чем по тридцать минут после пяти часов непрерывной ходьбы. Приходилось торопиться. Мы, конечно, не знали, когда возобновится наступление, но по всем признакам времени до «Ч» оставалось немного. Видели разведчики, с какой поспешностью тыловики подвозили на передовую боеприпасы, топливо для танков, как подходили из тыла свежие части и размещались в выжидательных районах, готовясь к штурму Карпат. Каждый из нас жил одним: с честью выполнить приказ командира, не подвести однополчан, которые там, внизу, ждали заветного сигнала атаки.

Служба в разведроте наложила на бойцов свой отпечаток. Немногословные были они, отличались сдержанностью, излишней суровостью, несвойственной, конечно, молодым людям нашего времени. Берегли в бою друг друга больше, чем себя. Быстро крепла у нас фронтовая дружба, до сих пор помнятся боевые друзья.

По-разному сложились их судьбы. Гвардии сержанта Василия Матросова в одном из поисков на территории Венгрии тяжело ранило. Вынесли мы его к своим, но ногу все-таки пришлось ампутировать. Александра Варенова крепко зацепило осколком при выходе из Карпат. Провожали его в госпиталь мы всей ротой. После этого наши пути-дороги разошлись. Видимо, после выздоровления Александр воевал в другом соединении.

С гвардии сержантами Александром Вагановым, Иваном Ревиным, гвардии рядовым Яковом Яблоневским мы служили вместе до самой победы. Немало славных дел совершили они, награждены многими орденами и медалями. Подробнее хочу рассказать о Яблоневском. Немецкий Яков выучил еще до войны — этим языком в совершенстве владели его родители. Семье не удалось эвакуироваться на восток. Почти два года Яблоневский провел в оккупации и такого там насмотрелся, что нам хорошо была понятна причина его яростной ненависти к фашистам.

Когда наконец пришло освобождение, Яблоневский сразу же записался добровольцем в Красную армию. Однако по причине слабого здоровья он попал не в боевую часть, а в фельдшерскую школу. Не знаю, как бы сложилась фронтовая судьба Якова, не повстречайся он однажды с гвардии майором Зимой. С удивлением обнаружил начальник разведки дивизии, что этот щуплый медбрат знает немецкий язык лучше его переводчиков. Так, неожиданно для себя, гвардии рядовой Яблоневский оказался в 44-й отдельной разведывательной роте. Со временем стал ходить в поиски. И тут увидели все, что Яков — отважный боец и верный товарищ. Не раз выручал разведчиков его безупречный немецкий.

В рейд по Карпатам пошла и Лена — наш ротный санинструктор. Жаль, не помню ее фамилию. Знаю только, что родом она из Ленинграда. Первое время в поиски Лену не брали. Считали мы, что не женское это дело. Дошла девушка до комдива, но своего добилась. Из нее получился замечательный разведчик. Все поручения командира

группы выполняла она по-женски аккуратно, точно и с умом. Во вражеском тылу действовала настойчиво, отважно, ни в чем не уступая мужчинам. Меньше чем за год Лена была награждена орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, Красной Звезды. Трагично сложилась ее судьба. В поисках, где приходилось ходить по лезвию ножа, уцелела, а от случайного выстрела не уберeглась. Умерла Лена на наших руках в кузове попутной машины по пути в медсанбат...

Давно подметили мы такую особенность: чем сложнее были задачи, которые требовалось нам решить, тем активнее, целеустремленнее проводилась в разведроте политическая работа. И во время рейда по Восточным Карпатам, на коротких привалах, когда сил, казалось, не хватало на то, чтобы свернуть цигарку, гвардии капитан Чуприн собирал бойцов в кружок, рассказывал о содержании принятых радистом сводок Совинформбюро. Незаметно разговор он переводил на то, какое значение будет иметь успешно проведенная нами операция, скольким бойцам из стрелковых частей мы сумеем спасти жизнь, если выкурим врага из его бетонированных нор.

Внимательно слушали нашего командира и проводники. Для них было в диковинку, чтобы офицер вот так запросто мог беседовать по душам со своими подчиненными. В румынской армии офицерами служили представители господствующих классов. Они старались обходить солдат и младших командиров стороной. Немало удивлялись эти господа, отчего «низших чинов» вдруг стало не нужно гнать в атаку или силой держать в окопах после того, как Румыния объявила войну гитлеровской Германии. Словом, что из себя представляет классовый антагонизм в буржуазной армии, мы узнали не из книг, а увидали собственными глазами.

Между советскими и румынскими бойцами быстро установились хорошие отношения. Когда Румыния объявила войну фашистской Германии, мы увидели совсем другую армию, нежели та, которая недавно отступала под ударами наших войск. Гордостью светились лица румынских солдат, идущих в одном с нами строю к победе. Стойко они сражались. Помню, когда бои шли за Сиретом, прибыл в штаб дивизии офицер румынской армии и сказал, что неподалеку гитлеровцам удалось окружить одну из пехотных частей. Оказывается, более суток бились там наши союзники. Подошли к концу боеприпасы, и они были вынуждены обратиться за помощью. Командир дивизии перенацелил удар двух стрелковых полков. «Дали прикурить» немцам и гвардейские минометчики. Благодаря этому румынская часть вышла из огненного кольца и, пополнив боеприпасы, возобновила наступление.

Таких примеров можно привести немало.

Еще более окрепла боевая дружба советских и румынских воинов, когда соединения 40-й армии в тесном взаимодействии с частями 4-й румынской армии 25 октября 1944 г. завершили освобождение Северной Трансильвании. Позднее тот день был объявлен Днем румынской Народной армии.

* * *

Однако продолжу рассказ о рейде нашей роты. На последнем привале у подножия Чахлеу состоялось ротное комсомольское собрание. Первым после доклада

командира выступил гвардии сержант Варенов. Перед лицом своих товарищей Александр попросил гвардии капитана Чуприна поручить ему завтра самое ответственное дело. Всех нас призвал он идти в бой смело, дружно, бить врага без пощады.

Рассказал Варенов разведчикам, что мы видели с ним за два дня до рейда.

...Шел обычный поиск. За языком на этот раз мы поехали верхом. Много лошадей бродило вокруг расположения штаба дивизии — накануне наши бойцы основательно потрепали здесь венгерскую кавалерийскую часть. Поймали двух, поправили седла и в путь.

Вскоре выехали на широкое поле, уставленное скирдами ячменной соломы. Судя по всему, несколько часов назад на нем гремел жаркий бой. Догорала танкетка, возле нее лежали трое немцев, срезанных, видимо, одной пулеметной очередью. Кругом — брошенное оружие, россыпи пустых гильз, какое-то тряпье. И вдруг я заметил вражеского солдата, который, присев на корточки, чем-то старательно занимался. Подъехали поближе и увидели отвратительную по своей жестокости картину: венгерский улан сидел на раненом советском бойце и кромсал ему спину ножом! Расправились мы с этим палачом, оказали раненому первую помощь, отвезли его в медсанбат.

— Уверен, и среди тех, кто сидит сейчас в УРе, есть такие негодяи, — закончил свое выступление Варенов. Мнение комсомольцев было единым: действовать на плато по-гвардейски, бить врага не числом, а умением. Никакой пощады тому, кто будет сопротивляться!

Закончилось собрание, и снова в путь. Справа — отвесная скала, а слева — бездонная пропасть. Кое-где уже приходилось пускать в ход альпинистское снаряжение. В одном месте недавний обвал перекрыл тропу. Первыми, не знаю даже как, перебрались через этот опасный участок проводники. Они закрепили веревки, по которым переправились разведчики. Неприятное ощущение, когда перед глазами нависшие над тобой скалы, а где-то далеко внизу беснуется в тумане горный поток.

И вот узкая, шириной не более метра, тропа оборвалась. Румыны сказали нам, что дальше этого места ходили только они — пастухи так высоко в горы не забираются. Проводники тщательно осмотрели снаряжение каждого разведчика, посоветовали нам снять с себя и оставить здесь все лишнее. Взяли мы с собой только оружие, взрывчатку, радиостанцию. Остальные вещи сложили в неприметном месте, завалили камнями. К чахлому кусту привязали на длинную веревку мула. И начался «настоящий альпинизм». Участок до выхода на плато протяженностью не более 400 метров мы штурмовали почти 12 часов. Но зато пробрались в тыл укрепленного района противника незамеченными.

— Товарищи! А ведь мы уже на территории фашистской Венгрии, — объявил наш командир, когда разведчики, донельзя измотанные последним переходом, собрались в неглубокой лощине, за которой начиналась изрезанная расщелинами, покрытая огромными валунами местность. Горное плато перед перевалом — конечная цель нашего рейда.

Бойцы с интересом смотрели по сторонам. Перед нами раскинулся край вечных снегов. Кругом — скудная растительность, голые камни. Небо вместо привычного

нам голубого — фиолетовое. Солнце обжигает, а температура воздуха низкая. Мы порядком замерзли и с грустью вспоминали об оставленных на месте последнего привала телогрейках.

Около 30 лет назад в этом суровом краю побывали русские войска. На одном из привалов гвардии капитан Чуприн поведал нам о боевых действиях 8-й армии, которой командовал генерал А. А. Брусилов, по захвату перевалов через Восточные Карпаты в январе 1915 г.

В те времена героизм простых русских солдат, предводимых Брусиловым, не был поддержан и развит. Наступление, столь удачно начатое, захлебнулось по вине главного командования русской армии. В 1944 г. атакующий порыв советских войск не смогли остановить ни горные кручи, ни многочисленные оборонительные линии врага.

...На рекогносцировку гвардии капитан Чуприн взял самых опытных разведчиков. В их числе оказался и я. Где ползком, где короткими перебежками вышли мы на северо-восточную окраину плато и заняли наблюдательный пункт на верхушке огромной груды камней, с которой укрепленный район был виден как на ладони. Ничего не скажешь, крепкий орешек стоял на пути дивизии. Система долговременных огневых сооружений была рассчитана так, чтобы весь выход на плато со стороны западных склонов простреливался многослойным артиллерийско-пулеметным огнем. Удобные для передвижения участки местности были, как оказалось позже, заминированы. Танкоопасное направление перекрывалось глубоким рвом и многочисленными ловушками. Оглядев укрепрайон, гвардии капитан Чуприн мрачно заметил, что здесь работы для всей дивизии не на один день.

Рассредоточившись, стали вести наблюдение. Вынул и я свой трофейный цейсовский бинокль...

На плато у горы Чахлеу у нас не было времени на обстоятельное изучение противника. Немного времени оставалось до начала наступления советских войск. Удар на северном фланге Второго Украинского фронта, в котором принимала участие и 42-я дивизия, был вспомогательным, но тем не менее значительно облегчил действия войск Четвертого Украинского фронта. Конечно, всего этого мы тогда не знали, однако догадывались о важности нашего рейда. Не случайно генерал-майор Бобров послал на задание разведроту. Операцию по овладению перевалом необходимо было выполнить быстро и с полной гарантией успеха.

Первый важный вывод, который сделали мы, заняв наблюдательный пункт, — нас здесь никто не ожидал. Оборонительные сооружения были пусты. Службу спустя рукава несли несколько патрулей, да и в полукилометре от укрепрайона находилось сторожевое охранение. Повсюду царила беспечность. Солдаты бесцельно бродили по двору.

Предварительный подсчет сил противника убедил нас в том, что здесь находилось около двух взводов. Правда, отметили мы и то, что оборонительные сооружения были рассчитаны не меньше чем на пехотный батальон. Как потом выяснилось, командование северо-восточного пограничного округа Венгрии только ждало сигнала от погранзастав на развертывание основных сил в угрожаемом месте.

Первым делом командир роты послал двух разведчиков перерезать телефонный провод, проложенный от казармы к сторожевому охранению. Затем мы пробрались к окопам, занятым пограничниками, и окружили их. Каково же было изумление венгров, когда перед костром, на котором они варили кашу, появился гвардии капитан Чуприп с одним из проводников и через переводчика потребовал сложить оружие! Никто даже попытки не сделал взять винтовку из козел. Мы обыскали каждого, забрали гранаты, ножи, спички, отвели пограничников в лощину и допросили унтер-офицера — старшего в охранении. Запинаясь, он сказал, что смена придет к ним только утром. В укрепрайоне вместе с его подчиненными — 42 человека, четверо из них офицеры. На вооружении — 9 ручных пулеметов, у всех — винтовки. Прислуги у орудий, установленных в дотах, нет. Артиллеристы вызываются по сигналу командира роты вместе с основными силами.

На вопрос, будут ли пограничники оказывать сопротивление в случае атаки советских войск, унтер ответил, что получен и доведен до каждого приказ о расстреле на месте за попытку измены. Он добавил: рота в оборонительных сооружениях способна удерживать дорогу на перевал в течение суток, а то и больше. Боеприпасов, продуктов, воды хватит на полный состав укрепрайона на неделю. За сутки подойдет подкрепление, и перевала Красной армии не видать.

Гвардии капитан Чуприн начертил схему укрепрайона и предложил пленному показать на ней, где расположены склад боеприпасов, входы в оборонительные сооружения, командно-наблюдательный пункт, источник воды. Унтер выполнил все, что ему сказали. Для проверки командир роты предложил это же сделать одному из рядовых пограничников. Показания совпали.

План по захвату укрепрайона был составлен тут же, после тщательного анализа обстановки. Расчет основывался на внезапности и незнании противником наших сил. Дождавшись, когда окончательно стемнеет, гвардии капитан Чуприн повел роту к белевшим вдалеке строениям. Командир заранее определил, кто из нас блокирует входы в казематы, кто захватывает склад с боеприпасами. Два десятка разведчиков должны были окружить казарму. Впоследствии мы немало удивлялись ротозейству венгерских пограничников, выставленных для охраны стратегически важной дороги через перевал. Наверное, считали они себя в глубоком тылу. Из окон доносилось до нас нестройное пение подвыпивших офицеров, часовые сошлись за углом одного из зданий и разожгли костер. Их мы разоружили в первую очередь.

Через минуту наши посты были расставлены там, где только что нес службу караул. Взята в плотное кольцо казарма. В нее отправились четверо: гвардии лейтенант Торшин с гвардии сержантом Вареновым, проводник и пленный унтер-офицер, которому гвардии капитан Чуприн растолковал через переводчика, что он обязан сказать своим товарищам. Через минуту в казарме все стихло, потом грянул выстрел. Как оказалось впоследствии, не выдержали нервы у одного из венгерских офицеров. Ни в кого он не попал, а второй раз выстрелить не успел — Александр выбил пистолет и на всякий случай связал ему руки. Потом в дверях появился первый венгр с поднятыми руками. Один за другим выходили они к нам — растерянные,

оглядываясь по сторонам. Наверное, думали увидеть полк русских солдат, окруживших укрепрайон. Именно об этом сказал им унтер-офицер.

Отвели мы пленных в лощину, где находились те, кто стоял в охранении, вынесли из казармы все оружие. А потом загремели взрывы. Взлетел на воздух склад с боеприпасами. Были подорваны пулеметные точки, приведены в негодность прицельные приспособления и затворы орудий, засыпаны входы в оборонительные сооружения. Словом, командование северо-восточного пограничного округа хортистской Венгрии ждало потрясение: укрепрайон, запиравший путь в глубину Восточных Карпат, перестал существовать.

В эфир полетело сообщение об успешном выполнении задания. Передал его гвардии старший сержант Виктор Угольников — радист, прикомандированный к нам из роты связи.

Через день по дороге на перевал уже шли колонны советских войск.

Разбор нашего рейда произвел командующий 40-й армией генерал-лейтенант Ф. Ф. Жмаченко на совещании командиров дивизий и отдельных бригад. Как нам сообщил впоследствии генерал-майор Федор Александрович Бобров, он высоко оценил действия 44-й отдельной разведроты и, поставив нас в пример всем собравшимся, потребовал широко распространить наш боевой опыт по захвату узлов сопротивления противника, прикрывавшего путь к горным перевалам.

Действительно, благодаря умелым, решительным действиям моих товарищей наша дивизия сумела за 10 дней боев в Восточных Карпатах продвинуться на 75 километров, тогда как правофланговые соединения потеряли много времени на штурм своих перевалов. Достаточно сказать, что они за 10 дней прошли всего 30 километров.

По распоряжению командующего армией все принявшие участие в рейде бойцы и командиры были представлены к награждению орденами. Мне вручили орден Славы 1-й степени. Напоминает он о первой победе, одержанной разведчиками в Восточных Карпатах.

Ясско-Кишиневская наступательная операция советских войск шла к концу. Однако сопротивление врага не ослабевало. Как мы узнали впоследствии, немецкое командование направило на помощь окруженной группировке «Южная Украина» отборные части и соединения из Венгрии. Одновременно с этим была сделана еще одна попытка остановить наступление войск Четвертого Украинского фронта на Ужгород и Мукачево. Помочь им преодолеть Карпаты — такую задачу получили соединения 40-й армии, в том числе и наша дивизия.

Если посмотреть на географическую карту, кратчайший путь через Восточные Карпаты от румынского города Пьятра-Нямиц, взятого 42-й гвардейской еще до выхода на перевал, лежал строго на запад. В этом направлении и горы сравнительно невысокие, и дорог больше. Но красная стрела на карте комдива своим острием повернула на северо-запад. Нам предстояло пройти с боями более 300 километров по самым высоким горам Карпатского массива, овладеть городами Топлица, Бистрица. Именно в этом направлении вскоре после возвращения из рейда были высланы разведгруппы с целью установить наличие противника на всех командных высотах, лежащих по маршруту дивизии, определить проходимость горных дорог, исправность

мостов и мостовых переходов через ущелья и реки. Конечно же требовались языки из частей, занимавших вторую и третью оборонительные линии, которые были заблаговременно подготовлены врагом в инженерном отношении и представляли серьезную преграду для наступающих войск. 42-ю гвардейскую стрелковую дивизию ждали новые испытания.

Глава пятая
РАЗВЕДГРУППА ДЕЙСТВУЕТ В ГОРАХ

Весь сентябрь и большую часть октября 1944 г. наша дивизия вела тяжелые бои в Восточных Карпатах. По узким долинам, зажатым между отвесными скалами, пробивались вперед полки, взламывая вражескую оборону, заранее подготовленную в инженерном отношении, оснащенную всем необходимым для упорного сопротивления. Все пустили в ход фашисты, чтобы остановить советские войска: минировали немногочисленные в тех краях дороги, устраивали на них завалы, взрывали мосты через бурные горные реки. Их огневые точки в опорных пунктах были расположены в несколько ярусов — штурмовать укрепления противника нашим однополчанам приходилось под ураганным огнем. А артиллерии в горах зачастую негде было развернуться — условия местности не позволяли использовать ее массированно, на решающих участках. Только минометы выручали пехоту. Сколько раз приходилось видеть, как минометчики продвигались вслед за атакующей цепью, волоча на себе по узким тропам над пропастью минометный ствол, опорную плиту и боеприпасы. Непросто было действовать в горах и танкистам: местность зачастую полностью воспрещала маневр, да и скорость негде развить, чтобы выйти противнику в тыл, отрезать пути его отхода.

Было немало проблем в Карпатах и у нас, разведчиков. Вылазки во вражеский тыл показали, что нам необходимо всерьез заняться горной подготовкой, во многом пересмотреть тактику действий разведгрупп, приобрести умение четко ориентироваться на резкопересеченной местности. Освоить все это требовалось как можно быстрее — дивизия стала нести немалые потери, темп наступления частей резко снизился.

Несколько неудачных поисков навели нас на мысль о том, что в горах боевую задачу сподручнее выполнять разведвзводу, усиленному одним-двумя расчетами минометов. Действительно, попробуй возьми языка, если свои опорные пункты фашисты размещали на командных высотах, подступы к которым отлично просматриваются и простреливаются. Сторожевые охранения противник выставлял тоже на возвышенностях, причем одна группа обязательно подстраховывала другую. Между ними нередко прокладывалась телефонная связь. Так что нападение разведгруппы из нескольких бойцов на одну из позиций, взаимно прикрытых огнем автоматического оружия, не давало нужных результатов. Даже если разведчикам удавалось взять пленного, на обратном пути они подвергались ожесточенному обстрелу, несли потери, часто теряя при этом и языка. А первый же поиск, в который пошел наш взвод, усиленный минометчиками, стал успешным.

Было это неподалеку от реки Бистрица. Противнику удалось остановить передовой отряд дивизии в узкой долине, протянувшейся на два десятка километров в северо-западном направлении. Сбить врага с занимаемых им высот не удалось, хотя комдив ввел в бой стрелковый и танковый полки. Но и фашисты вели себя на удивление пассивно, хотя имели хорошую возможность контратаковать обессиленные многочасовым штурмом части. Авиаразведка засекла на одной из горных дорог большую колонну грузовиков и танков, которая направлялась к линии фронта. Требовалось разгадать планы противника, а для этого необходим был пленный из состава колонны или из подразделений второго эшелона. Ведь скорее всего именно им и предстоит вести активные действия.

Учитывая сложность задачи, гвардии майор Зима дал нам на подготовку целый день. Наш командир взвода гвардии лейтенант Торшин, взяв с собой меня и командиров отделений, провел рекогносцировку на одном из наблюдательных пунктов батальона первого эшелона. В ходе ее мы наметили объект поиска — окоп, расположенный на высоте с каменным выступом на вершине. По всей вероятности, там находился командно-наблюдательный пункт противника, охраняемый группой автоматчиков и пулеметом. Чуть ближе к нам мы заметили на высоте, условно названной «Красной», огневые позиции пехоты численностью до взвода, а влево и дальше объекта для нападения — огневую позицию тяжелого пулемета.

На пути к цели нам предстояло преодолеть передний край вражеской обороны и минное поле, прикрывающее открытый правый фланг опорного пункта второго эшелона.

Учитывая это, гвардии лейтенант Торшин решил идти к КНП противника в обход, через горный массив, поросший густым лесом. Прикинув маршрут, мы поняли: испытание взводу предстоит серьезное. Десять километров по узким горным тропам, ночью — по плечу лишь крепким, выносливым людям. Но кое-какой опыт у нас имелся. Со времени похода к укрепрайону на перевале прошла неделя. Кроме того, мы были гарантированы от неожиданностей на переднем крае обороны фашистов — это внушало каждому определенный оптимизм. На первой дороге нас, конечно, не обнаружили бы, но на обратном пути боя избежать было бы невозможно.

Гвардии лейтенант Торшин разделил взвод на три группы. Первая группа предназначалась для захвата языка. Возглавить ее было поручено мне. Вторая и третья обеспечивали наши действия. Два расчета минометчиков Торшин придал одной из групп обеспечения.

Подробно объяснив, кто чем будет заниматься в момент нападения на вражеский командно-наблюдательный пункт, офицер повел нас в тыл, где находился личный состав взвода. Нас ждало тренировочное занятие, цель которого — дать разведчикам практику в действиях в горах. Нашли участок местности, схожий с тем, где нам предстояло вести поиск, не поленились отрыть несколько окопов на каждой из трех высоток. В них укрылись разведчики из первого взвода, которые имитировали противника. Гвардии лейтенант Торшин подобрал самых глазастых бойцов. Самым тщательным образом отрабатывали все: подход к обороне противника, преодоление участка минно-взрывных заграждений, нападе-

ние группы захвата на охрану КНП, взятие пленного (роль языка сыграло чучело, «одетое» в немецкий мундир), отход под прикрытием огня групп обеспечения, отрыв от преследования с устройством двух засад для того, чтобы взвод ушел как можно дальше в горы...

Все это повторили дважды. Торшин постоянно усложнял тактическую обстановку, от каждого бойца требовал дерзких, инициативных действий. Ведь ночью в горах в любой момент можно отстать от основного ядра группы. Значит, мы обязаны уметь вести бой и в одиночку. Пословица «Один в поле не воин» не для нас — фронтовая практика не раз убеждала, что хорошо подготовленный разведчик справится и с десятью врагами. Главное, чтобы были воля к победе, отвага и мастерство...

Занятие продолжалось с небольшим перерывом на обед до позднего вечера. Мы порядком уставали, но настроение было боевое, каждый точно знал, как он будет действовать в поиске. А это всегда придает уверенность в своих силах.

После ужина и непродолжительного отдыха вышли в путь. Двигалась разведгруппа быстро. А чтобы не отставали минометчики со своей громоздкой поклажей, мы прихватили двух мулов. Эти неприхотливые, выносливые животные везли и минометы в разобранном виде, и боеприпасы. Так был использован опыт предыдущего рейда по тылам противника.

Разведдозор в составе четырех бойцов под командованием гвардии сержанта Ревина шел в 100 — 150 метрах впереди. В него командир взвода назначил самых выносливых, инициативных, решительных. Мы не знали, есть ли на нашем пути вражеские секреты, и были в постоянной готовности немедленно вступить в бой. Благодаря бдительности, смелости подчиненных гвардии сержанта Ревина группа без помех преодолела горный массив. А ведь в одном месте — у развилки троп — нас ждала засада. Но вел враг себя беспечно: несколько фашистов спали, трое разожгли костер и грелись. По еле заметным отблескам пламени на скале Ревин определил, что впереди кто-то есть, условным сигналом сообщил об этом Торшину. Командир, убедившись, что без стычки не обойтись (гитлеровцы перекрыли единственную в тех краях тропу), приказал бойцам двух отделений уничтожить врага холодным оружием.

Минут через двадцать путь был свободен.

...Примерно к часу ночи мы вышли к цели. Было тихо. Только в трех километрах северо-восточнее (там, где проходил передний край противника) в темное небо взлетали осветительные ракеты. Нас здесь не ждали, и это значительно увеличивало шансы на успех. Приданные взводу саперы проделали проход в минном поле, обозначив его колышками с белыми тряпками.

Первым делом каждая группа заняла исходное положение для боя. Подчиненные гвардии старшего сержанта Варенова выдвинулись на опушку небольшой рощи, заняли позицию как раз напротив вражеского пехотного взвода, имея задачу прикрыть огнем действия группы захвата и обеспечить наш отход с языком. Бойцы из группы обеспечения № 2 с ротными минометами обосновались метрах в трехстах левее, на скатах высоты, чтобы в случае необходимости подавить тяжелый пулемет и не допустить контратаки противника из ротного опорного пункта, находившегося за КНП.

К двум часам ночи мы сосредоточились неподалеку от объекта, выбранного для налета. Своих подчиненных я разделил на две группы. Шестеро разведчиков поползли к траншее, в которой находилось непосредственное охранение КНП, а я с тремя бойцами — к окопу, над которым еще днем мы заметили блеск стекол стереотрубы. Мы были от него уже в метрах пяти, когда сзади послышался шум ожесточенной схватки. Затем грянул выстрел, наперебой заговорили автоматы. Поняв, что мешкать больше нельзя ни секунды, скомандовал: «Вперед!».

В окопе было трое гитлеровцев. Двоих мы закололи, а одного, в офицерском мундире, быстро связали и потащили к черневшей на фоне горы роще, где нас дожидался гвардии лейтенант Торшин с одним из разведчиков.

Между тем ночной бой разыгрался. Наши минометчики подавили тяжелый пулемет, а бойцы из группы Варенова затеяли оживленную перестрелку с фашистами, засевшими на высоте «Красная». Это было нам на руку, так как противник сосредоточил на них все свое внимание, и мы целые и невредимые, с языком преодолели открытый участок местности и вскоре достигли рощи.

Группы обеспечения отходили от укрытия к укрытию, прикрывая друг друга огнем. Немцы попытались нас преследовать, но наткнулись на сильный огонь группы захвата из рощи и вынуждены были бросить свою затею. Правда, потом, когда разведгруппа шла уже по узкой горной тропе, вслед за нами кинулись эсэсовцы, занимавшие оборону правее, но их ждал подготовленный заранее сюрприз. Саперы поставили с десяток снятых немецких противопехотных мин в том месте, где начиналась тропа, и эсэсовцы на них напоролись. Послышались взрывы, испуганные крики. Расстреляв вслед нам наугад по рожку патронов, гитлеровцы отстали.

В свое расположение мы вернулись без потерь и с ценным языком — оберлейтенантом. Он в тот момент дежурил на командно-наблюдательном пункте. На допросе офицер, желая, видимо, произвести хорошее впечатление, взахлеб хвалил разведчиков за смелые, энергичные действия в ночном поиске.

Ведение разведки в горах требовало от нас определенных навыков в ориентировании на местности. Маршрут по карте можно было изучить только приблизительно, выдерживать точное направление по азимуту было трудно, потому что движение по прямой от ориентира к ориентиру исключалось. Порой приходилось больше полагаться на чутье, чем на карту. Выручали разведчиков и проводники. Простые пастухи, крестьяне горных деревушек, рабочие лесозаводов охотно соглашались помочь нам выйти в намеченный район. Не помню случая, чтобы кто-то из них подвел советских бойцов. Переходы по тропам, неизвестным фашистам, сохраняли нам силы, способствовали успешному выполнению боевых задач.

От поиска к поиску росло мастерство наших товарищей, увереннее становились их действия. Гвардии майор Зима пришел к выводу, что командирам разведгрупп надо давать больше самостоятельности. Тактическая обстановка при ведении боя на горно-лесистой местности значительно менялась за короткие промежутки времени. Поэтому нам обычно назначался район действий и несколько вероятных объектов для нападения. Мы сами выбирали, где нанести по врагу удар, и, надо сказать, редко обманывали ожидания командиров.

Постепенно из противника горы превратились в нашего союзника. Поняли разведчики, что на горной дороге можно легко организовать засаду и даже малыми силами нанести врагу существенный урон.

Нам нравился этот вид разведки тем, что можно было неторопливо выбрать подходящий объект для нападения — по дороге идут и едут много солдат противника. Мы пропускали колонны, подсчитав количество боевых машин, грузовиков, подвод, определив направление их движения. Не обращали внимания на вражеских тыловиков, которые обычно ничего не знали. Мы ждали мотоциклистов, одиночные легковые, радийные машины. Интерес представляли небольшие группы противника, идущие к передовой. Заметив их на горном серпантине на приличном расстоянии, мы основательно готовились к бою и начинали его в самую выгодную для нас минуту. И победа была на стороне разведчиков.

Помню, один румынский пастух вызвался вывести нас по кратчайшему пути на дорогу, связывавшую Ватра-Дорней с Нэсудом и имевшую для гитлеровцев огромное значение.

Наш взвод вытянулся цепочкой по тропе, петляющей по горному склону среди низкорослых деревьев и огромных валунов. Идти легко — тщательно подогнанная одежда не стесняет движений, да и не взяли мы на сей раз минометов и пулеметов. У каждого автомат, по 300 патронов к нему да по десятку ребристых Ф-1. Продовольствия взяли на два дня — столько времени дал нам гвардии капитан Чуприн для захвата пленного из состава свежих сил противника, перебрасываемых навстречу дивизии из глубокого тыла.

Привычными стали для нас рейды по горам — ноги не дрожали, как в первые дни, в груди не кололо. Мы уже почти ни в чем не уступали пастухам, не отставали от проводника, хотя он шел размашисто по узкой, в полметра всего, тропе. Мы научились определять по окружающей растительности, на какой примерно высоте находимся. Дубравы расположены до 400 — 700-метровой высоты, дальше тянутся к небу огромные буки, между которыми белеют родные сердцу березки, пламенеют клены, грабы. Кое-где видны и бархатные широкие листья грецкого ореха. Выше наступает царство елей и пихт.

Значит, мы достигли перевала. И точно — за поворотом тропы раскрывается величественная картина страны гор. Далеко внизу вьется серебристая нитка шоссе. В бинокль отлично видно, что дорога забита колоннами техники. Враг перебрасывает резервы, пытаясь остановить наступление советских войск. Какие части идут к фронту, где их используют — на эти вопросы разведчикам предстоит дать ответ.

Спуск занял полдня. И вот мы у шоссе. Оно протянулось по узкому карнизу над пропастью. На некоторых участках в отвесной каменной стене — расщелины, заросшие кизилом, колючим боярышником. В одной из них мы должны организовать засаду.

Посылая нас во вражеский тыл, гвардии капитан Чуприн выглядел озабоченным. Языка роте не удавалось взять уже более двух суток. Причину мы знали: поиски последнее время готовились торопливо, проводились на труднодоступной местности. Да и противник был у нас серьезный: отборные части из состава эсэсовской

дивизии, переброшенной из Чехословакии. Давно мы не встречали таких вышколенных громил, одетых в ненавистную нам форму.

Можно, конечно, рассуждать, что есть немало других способов добыть информацию о противнике: авиаразведка, наземное наблюдение, подслушивание телефонных разговоров. Но все-таки контрольного пленного ничто не могло заменить. У нас даже говорили: «День без языка — неприятное происшествие, два дня — чрезвычайное происшествие». Уходя в поиск, мы знали, какая лежит на нас ответственность, и твердо обещали своему командиру, что без пленного не вернемся.

Уже смеркалось, когда мы выбрали место, удобное во всех отношениях для засады — у крутого поворота дороги в густых кустах. Двое разведчиков заняли наблюдательный пункт на скале, нависшей над дорогой. С нее шоссе отлично просматривалось на добрых полкилометра. Связь с нашим н[аблюдательным] п[унктом] поддерживалась с помощью электрического фонарика. Идет одиночная машина — серия световых вспышек, колонна — одиночные вспышки.

Гвардии лейтенант Торшин каждому указал огневую позицию, объяснил порядок действий во время нападения на противника. Особенно тщательно он проинструктировал разведчиков из группы захвата, в которую входил и автор этих строк. Ведь наша задача — взять в кутерьме короткого, жаркого боя языка. Как иногда бывало? Увлекутся бойцы перестрелкой с врагом, и в результате никаких пленных. Документы с убитых собрать — это тоже неплохо, но нет ничего лучше разговорчивого гитлеровца. Бывало, с испугу такое выложит язык, что в штабе дивизии поднималась веселая суматоха. Комдив сразу к радиостанции — сообщить об услышанном по команде в армию. Разведчики ходят орлами, принимают поздравления, кто-то советует в гимнастерке дырку вертеть — для новой награды... Хорошо! А если не рассчитаем все, как надо, опростоволосимся — ничего, кроме сочувственного «Что, милки, обратно луна?», в свой адрес не услышим.

Засада у дороги хоть и менее активный по сравнению с другими способ ведения разведки, но напряженный в психологическом плане. Проходит час, второй, третий, мимо тебя, не таясь, катит враг, ты смотришь на него через прорезь автоматного прицела, рука поглаживает холодную ребристую поверхность «лимонки», готовой к взрыву, а ничего такого, чтобы, как говорили разведчики, «облегчить душу», предпринять нельзя. Видел не раз — иные мучительно переносят это вынужденное бездействие, зубами скрипят от досады, что нельзя резануть очередью по этим самодовольным, наглым физиономиям. И у меня всегда руки чесались, но сдерживался, и другие терпели.

Однако засада не принесет успеха, если среди разведчиков найдется невыдержанный человек.

— Когда ты выполняешь боевое задание, — говорил гвардии майор Иван Иванович Зима, — ты эмоции сдай на хранение старшине, вместе со своими документами... Злость к врагу всегда имей при себе, она в любом деле поможет, а нервы нам надо держать в упряжке.

Медленно тянулось время и на этот раз. У поворота горной дороги, в колючем кустарнике, мы просидели без малого пять часов, пока не дождались нужной нам

одиночной машины. В сторону передовой ехал дизельный грузовик с будкой вместо кузова. С наблюдательного поста просигналили фонариком: объект для нападения подходящий. Гвардии лейтенант Торшин, посуровев лицом, подал команду:

— Приготовиться!

Один из разведчиков выскочил на дорогу в метрах пятидесяти перед местом засады и рассыпал по асфальту «орехи» — сваренные из коротких острых стальных прутков колючки. Как их ни кидай — один шип всегда вверх смотрит. Удобная штука останавливать вражеские автомобили!

И вот из-за поворота медленно выворачивает радийная машина. Хлопнули проколотые скаты — ее потянуло к обрыву. Водитель резко затормозил, выскочил из кабины. К нему бросились разведчики из группы захвата. Двое — к водителю, двое — к кабине, где сидел какой-то чин. А будку ребята на всякий случай держали под прицелом. В то время как мы боролись с фашистами, которые ехали в кабине, из будки, почувствовав неладное, начали выпрыгивать другие связисты.

Ночную тишину разорвали автоматные очереди.

Потом было установлено, что бой на дороге продолжался всего четыре минуты. Мы уничтожили пятерых гитлеровцев, двоих взяли в плен. Машину сбросили с обрыва, предварительно выключив зажигание, чтобы она не загорелась на дне пропасти. Затем разведгруппа ушла в горы.

К сожалению, пленные не располагали сведениями, интересовавшими командование дивизии. Единственное, что мы сумели от них узнать, — место дислокации штаба, к которому связисты были приписаны. Пригодились и кодировочные таблицы, найденные среди прочих документов в будке. Но вопрос, какие войска перебрасываются из Венгрии на усиление вражеской группировки, противостоящей 40-й армии, оставался без ответа. Гвардии лейтенант Торшин принял решение продолжить активные действия во вражеском тылу.

Засада хороша тем, что ее не надо тщательно готовить. Необходимо только найти такое место, где наиболее вероятно появление одиночных солдат, офицеров или небольших групп противника. Находясь в засаде, разведчики в любой момент могут вступить в бой, а враг не подозревает об опасности, ведет себя беспечно. В ходе боя он обычно не оказывает упорного сопротивления, потому что растерян, находится под плотным огнем.

В горах мы чаще всего применяли этот вид ведения разведки. Условия местности позволяли хорошо замаскироваться, внезапно напасть на врага и быстро отойти с языком. Место для засад мы выбирали у дорог и горных троп, неподалеку от источников воды, у мостов, в теснинах. Действовали ночью и днем. Вот и в тот раз вторую засаду мы организовали часов в 9 утра на проселке, ведущем в горную деревушку, где, по данным воздушной разведки, стояла какая-то часть. Правда, чтобы добыть нужные сведения, нам пришлось выдержать трудный бой, но мы были довольны тем, что и задачу выполнили.

Объектом нападения стала колонна, состоящая из трех грузовиков, бронетранспортера и легковой машины. Легковушка сразу привлекла внимание гвардий лей-

тенанта Торшина. Не беда, что противника оказалось раза в три больше разведчиков. Внезапность нападения во многом уравновешивала силы.

…В бронетранспортер полетела граната, по грузовикам ударили двадцать автоматов. Участок дороги, на котором остановилась колонна, мгновенно превратился для врага в сущий ад. Промахнуться из автомата на расстоянии 50 шагов невозможно — фашисты валились как подкошенные. Организованное сопротивление нам оказали только те, кто был в легковой машине. Очередью из нее смертельно ранило гвардии сержанта Евдокимова. Пришлось и нам открыть огонь на поражение. Из четверых офицеров уцелел только один. Его-то и взяли в качестве языка.

Наскоро обыскали трупы, прихватили два портфеля с документами, картами. Подвели итог боя. Потери врага составили около шестидесяти убитыми, у нас — двое убито, четверо легко ранено.

Добытые нами сведения помогли командованию дивизии в организации дальнейшего наступления по северной части Трансильвании. Окончательно она была очищена от фашистов 25 октября 1944 г.

Вспоминая те осенние дни, не могу не отметить ратную доблесть бойцов из 44-й отдельной разведроты — моих боевых товарищей. За месяц действий в Восточных Карпатах мы приобрели немалый опыт ведения разведки на горно-лесистой местности, который впоследствии очень нам пригодился в Венгрии и особенно в Чехословакии. Благодаря разведчикам командир дивизии всегда располагал точными данными о противнике, о его намерениях, составе. Это позволяло наносить по врагу сокрушительные удары, избегать больших потерь при штурме укрепрайонов, находившихся в полосе наступления дивизии.

Конечно, не всегда все шло гладко. Иногда горы преподносили нам неприятные сюрпризы. Так было, например, в первой половине октября, когда из-за непогоды наша разведгруппа сбилась с маршрута и почти двое суток выходила к объекту, намеченному штабом для налета. Достигнув его, мы убедились в том, что опоздали — противник за это время переместился в другое место.

Остался в памяти и рейд по вражеским тылам в верховьях реки Самош. В нашу задачу тогда входило установить расположение, силы и состав резервов противника, определить, какие танковые и пехотные части могут быть переброшены к линии фронта. В результате наблюдения и опроса местных жителей мы сумели добыть достаточно полные сведения на этот счет. Однако пленного взять не удалось. И потому нумерация вражеских частей, идущих на передовую, осталась для нас тайной.

Последний случай особенно поучителен. В рейд пошли разведчики, не имевшие достаточного опыта действий в горах. Мы имели прекрасную возможность два раза взять языка, но в первый раз бойцам помешала усталость после продолжительного перехода по горным кручам, во второй — противнику удалось уйти от преследования. Как впоследствии оказалось, нападение мы произвели на группу альпийских стрелков, получивших хорошую подготовку еще в боях на Северном Кавказе. Это мы установили по документам, найденным у убитого фашиста.

Из той неудачи мы извлекли серьезный урок. Организовали горную подготовку для молодых разведчиков, подучили их, и дело пошло на лад.

Немало пленных, важные документы, в том числе и штабные бумаги, мы захватывали в ходе наступательных боев, которые вела наша дивизия в Карпатах. Эти сведения позволяли в условиях быстроменяющейся обстановки оперативно определить степень подавления обороны противника, уточнить на местности расположение огневых средств, боевой состав и пункты сосредоточения ближайших резервов, установить направление перемещения штабов, начало отхода обороняющихся. Вот почему в атакующие батальоны часто направлялись отдельные разведывательные дозоры в составе разведвзвода, усиленного двумя-тремя пулеметными отделениями. Нередко нам придавались бронемашины, мотоциклы. Часто садились на лошадей, которые в условиях гор были незаменимым средством для передвижения.

Бойцы 2-го взвода пешей разведки неплохо проявили себя в период наступления под населенным пунктом Ресточ, расположенным на западных отрогах Карпат. Именно там мы удачно действовали в качестве отдельного разведывательного дозора, высланного от дивизии. В нашу задачу входило: установить, какой противник занимает оборону между шоссейной дорогой Ресточ — Бая-Маре и рекой Самош, его силы, состав, возможные пути подхода резервов.

До определенного рубежа мы должны были передвигаться за боевыми порядками батальона, находившегося во втором эшелоне стрелкового полка, а затем, использовав неприкрытый стык между флангами отступающего врага, проникнуть в его тыл. Такой прием мы применяли не раз — выше я подробно описывал тактику действий разведчиков при переходе линии фронта во время наступления. Скажу только, что поздней осенью 1944 г. мы располагали значительным арсеналом тактических новинок, позволявших выполнять эту непростую задачу в короткий срок и без потерь.

А делалось это так. На одном из узких участков фронта артиллерия «ставила» огневой вал, перемещая его в глубину вражеской обороны. Вслед за разрывами снарядов разведчики быстро преодолевали простреливаемый с флангов коридор и, используя складки местности, уходили в тыл.

Применяли и такой прием. На каком-то одном участке пехота создавала видимость особенно активных действий, и мы без стрельбы «под шумок» уходили вперед. Главное — преодолеть район расположения вторых эшелонов, а потом разведдозор на резкопересеченной местности терялся как иголка в сене.

В горах характер предполагаемых действий врага зачастую подсказывали условия местности. Надо только уметь мысленно поставить себя на место противника. Где лучше всего занять оборону, чтобы вывести основные силы из-под удара? Конечно, на скатах высот, обращенных в сторону наступающих. По каким дорогам целесообразнее организовать отход, перебросить на угрожаемое направление резервы? По высотам, закрытым от наблюдения противодействующей стороны. На них-то и обращали мы особое внимание.

Во время одного из поисков до указанного гвардии майором Зимой рубежа мы продвигались в непосредственной близости от поспешно отступающего противника, сообщая по радио в штаб о его попытках оторваться от соприкосновения со стрелковыми полками дивизии. Ведь самое неприятное в наступлении — потерять

врага, позволить ему уклониться от ударов. Не выталкивать фашистов, а уничтожать их — вот что было главное. Поэтому командиры стремились постоянно сохранять соприкосновение с частями гитлеровских войск, не давали им как следует закрепляться на промежуточных рубежах. Только это позволяло наносить гитлеровцам потери в живой силе и технике, приближало час полного разгрома военной машины фашистской Германии.

Примерно раз в полчаса наш радист выходил на связь, и мы передавали в штаб данные о действительном положении противника на местности. Было установлено, что отступление носит организованный характер, паники не наблюдалось, части неплохо прикрыты от ударов с воздуха. Отход вражеской дивизии осуществлялся в основном вдоль шоссе, связывавшего Деж с Ресточем. На рубеже — изгиб реки, гора с голой вершиной — была подготовлена оборона пехотного батальона неполного состава и танковой роты. Танки находились в капонирах, вырытых на скатах высоты 77,2 южнее 250 метров от развалин хутора.

Разведвзвод полного состава, усиленный тремя станковыми пулеметами, обладал достаточной огневой мощью, чтобы в случае необходимости осуществить налет на узел связи, штаб или пункт управления. Такой вид ведения разведки мы применили, когда внезапно встретили небольшую колонну спецмашин, которая направлялась в сторону Ресточа. Охраняли ее всего шесть мотоциклистов. В результате короткого ожесточенного боя мы разгромили, как выяснилось впоследствии, подвижный узел связи армейского подчинения. Пленных, правда, взять не удалось, а документами набили под завязку четыре мешка. Но главное, разведдозор нарушил систему связи противника на небольшом участке фронта. Что это значило для фашистов в условиях отступления, догадаться нетрудно.

Активные виды ведения разведки в полосе отступающих вражеских войск (засада, налет, бой) мы применяли только в том случае, если полностью были уверены в успехе. Ведь наша основная задача — не уничтожать противника, а собирать о нем сведения. Крупные группировки мы обходили (в горах сделать это нетрудно), сообщая о них по радио в штаб дивизии. Встретив в глубине обороны промежуточный рубеж, искали брешь в боевых порядках фашистов и действовали методом просачивания.

Передвигался разведдозор перекатами от одного рубежа к другому, выбрасывая по сторонам и вперед дозоры численностью 5 — 7 бойцов. Ими мы охватывали всю ширину коридора, в котором нам было поручено вести разведку. Основное ядро шло примерно по его центру. Если дозор замечал противника, об этом условным сигналом извещался гвардии лейтенант Торшин, после чего наш командир выдвигался к дозору и лично вел наблюдение. Это позволяло избежать неточностей при анализе действий фашистов.

...После боя с вражескими связистами мы постарались побыстрее выйти из района, где встретили их. Существовала опасность, что они успели передать сообщение о нашем появлении в тылу группировки гитлеровских войск. Если это было так, фашисты все сделают для того, чтобы уничтожить разведчиков.

Мы решили запутать следы: свернули с каменистого проселка в лес, в темпе прошли с десяток километров по узким просекам и по руслу горного ручья подня-

лись на 400 метров выше долины, по которой отступал противник. Там встретились с венгерскими дезертирами. Было их пятнадцать человек. Старшим они выбрали пожилого пехотинца с большими рабочими руками. Он немного разговаривал по-нашему — научился языку, когда в 1915 г. попал в плен на русско-германском фронте. Мешая русские слова с венгерскими и отчаянно при этом жестикулируя, старший сказал нам, что всех их мобилизовали насильно, что война с Россией не пользуется успехом у простых венгров, что они вот уже месяц скитаются по лесам. Оружия у его товарищей не было, обмундирование выглядело потрепанным от жизни в лесу, на лицах — печать голода и лишений. Поделились мы с венграми продуктами, посоветовали им идти навстречу советским войскам и сдаться в плен. А то, неровен час, напорются на гитлеровцев или на хортистов... Видели мы по дороге немало повешенных с табличкой на груди, на которой было написано «Дезертир»...

В горах легко найти удобное место для организации наблюдательного пункта. С высот долины просматривались на 8 — 10 километров. Наблюдению способствовали чистый воздух, однотонная окраска местности. Часа через два после встречи с венграми мы заняли н[аблюдательный] п[ункт] на вершине горы, с которой как на ладони были видны две дороги, проходившие по долине реки Самош. Их особенно активно использовало гитлеровское командование для переброски резервов к линии фронта.

Дежурили разведчики на наблюдательном пункте по двое, остальные тем временем отдыхали — почти сутки мы были на ногах, а переходы по горам отнимали немало сил.

Многое может увидеть с н[аблюдательного] п[ункта] опытный разведчик. Вот и на этот раз мы засекли перемещение к линии фронта двух танковых батальонов, колонны грузовых машин с пехотой в кузовах, нескольких артиллерийских подразделений. Нашу радиограмму об этом по достоинству оценили в штабе дивизии. Через полчаса над долиной показались штурмовики с красными звездами на крыльях. Они развернулись прямо над нами и на бреющем полете устремились за ушедшими на восток колоннами. Вскоре оттуда послышались глухие звуки разрывов. Как мы узнали позднее, авиация здорово потрепала вражеские резервы. А при подходе к месту ввода в бой по ним славно поработали гвардейские минометчики...

К вечеру мы вышли в район расположения корпусных резервов противника. Здесь фашисты лихорадочно готовили линию обороны. Опорные пункты они оборудовали на склонах высот, обрамляющих долину реки Самош. Большинство позиций не были еще как следует замаскированы — это облегчало нашу задачу. На карте командира взвода один за другим появлялись условные знаки, которые свидетельствовали о закопанных танках, артиллерийских батареях, установленных на прямую наводку, командно-наблюдательных пунктах, минно-взрывных заграждениях, танковых ловушках... Мы стремились поточнее определять координаты целей. Ведь от этого во многом зависела точность ударов нашей авиации, залпов артиллерии, а значит, и степень подавления вражеской обороны перед атакой.

Перед возвращением к своим необходимо было взять контрольного пленного. И вновь началась охота за языком. В результате тщательного наблюдения мы устано-

вили, что по тропе, ведущей к вражескому КНП, изредка ходят одиночные солдаты, по всей видимости, — связные. Связной — желанная добыча для разведчиков. Знает он, где, какие подразделения расположены, фамилии их командиров. Словом, зачастую связной осведомлен обо всем гораздо больше, чем иной офицер.

Место засады мы выбрали в том месте, где тропу пересекал ручей. Через него были переброшены два бревна, соединенные скобами. На берегу ручья рос огромный бук. Одна из его толстых ветвей протянулась прямо над тропой. На дерево взобрался гвардии лейтенант Торшин. Невысокого роста, гибкий, он обладал силой циркового борца. Даже в шутку бороться с Торшиным никто из нас не рисковал. Все знали, что кончится это ловким захватом и броском, после которого оставалось считать синяки да шишки.

Торшин лег на ветвь, затаился. Мы расположились в густых кустах по обе стороны тропы. Минут через сорок послышались неторопливые шаги, и на мосту показался высокий гитлеровец с огромной сумкой через плечо. Балансируя руками, он перебежал по бревнам через ручей. Тут-то наш командир на него и прыгнул, как рысь на лося. Устоял враг на ногах, только покачнулся, и неожиданно для всех нас бросился обратно. Мы, признаться, растерялись. Бежать за ним? Стрелять? Но Торшин висел на пехотинце, сдавив ему шею, и вполне можно было угодить в своего командира. К счастью, пробежал наш будущий язык всего метров 30, а потом споткнулся о камень и упал. Торшин ловко провел прием, а тут и мы подоспели.

Пленный оказался полковым почтальоном — нес на КНП части кучу пакетов, адресованных командиру. Почтальон был намного ценнее связного. Да и пакеты представляли немалый интерес.

Как только стемнело, двинулись в обратный путь. Шли быстро, знали: данные об оборонительных рубежах в глубоком тылу противника с нетерпением ждали в штабе дивизии.

Наступление продолжалось. И как ни цеплялся враг за свои оборудованные по последнему слову инженерной науки позиции на западных предгорьях главного хребта, остановить натиск советских войск ему не удалось.

Глава шестая
ПОМНИТ НАС ТИССА

Венгрия. Произношу это слово и вспоминаю то хмурое октябрьское утро 1944 г., когда части нашей дивизии во взаимодействии с другими соединениями 40-й армии выбили фашистов из пограничного города Сату-Маре. Катила свои мутные от обильных дождей воды Самош, унося на запад обломки лодок, полузатонувшие понтоны, на которых пытались переправиться остатки подразделений противника, разбитых в последних ожесточенных боях на румынской земле. Перед бойцами лежала страна, которая больше трех лет вместе с гитлеровской Германией вела разбойничью войну против нашей Родины. Мы конечно же не отождествляли Венгрию Хорти с венгерским народом, вдоволь настрадавшимся под двойным игом, но знали, что впереди нас ждут суровые испытания. Обманутые геббельсовской пропа-

гандой, венгерские солдаты зачастую оказывали упорное сопротивление, но не было такой силы, которая помешала бы советским воинам совершить правое, благородное дело — вернуть людям счастье мирной жизни.

25 октября мы перешли румыно-венгерскую границу, а в первых числах ноября 1944 г. достигли Тиссы — второй по величине после Дуная реки Юго-Восточной Европы. Это был бой, продолжавшийся 10 дней подряд. Части дивизии безостановочно шли вперед, сбивая заслоны противника, обходя узлы сопротивления. Мы без колебаний оставляли в своем тылу вражеские гарнизоны — их блокировали и уничтожали войска второго эшелона.

Сутками без отдыха были на ногах и разведчики. Командир дивизии гвардии генерал-майор С. П. Тимошков, месяц назад сменивший на посту убитого осколком мины гвардии генерал-майора Боброва, требовал знающих свежих языков. В то время мне пришлось заменить раненого командира разведвзвода, поэтому не раз слышал, как выговаривал комдив гвардии майору Зиме, если очередной пленный не располагал необходимыми сведениями.

Мы старались брать офицеров, и это часто удавалось, особенно после того как стали применять прием, предложенный гвардии младшим лейтенантом Потемкиным. Заключался он в том, что разведгруппа действовала в составе одной из рот второго эшелона наступающего батальона. Мы выжидали момент, когда подразделениям первого эшелона удастся обойти противника. Здесь оставалось смотреть в оба: едва только враг начинал поспешно отступать, мы во взаимодействии с одним из стрелковых взводов врывались в его боевой порядок и отсекали место, где находился штаб батальона или, на худой конец, командир роты. А дальше все было просто — дружная атака, меткий огонь, который выбивал окружение облюбованного нами фашиста чином повыше, и быстрый отход со взятым пленным. Таким образом только за день под населенным пунктом Кишварда мы захватили двух обер-лейтенантов и гауптмана.

По-иному стали проводить мы и ночные поиски. Брали трофейный автомобиль или несколько мотоциклов и при поддержке огня минометчиков проскакивали в тыл противника. Успех дела здесь решала скорость. Летели стрелой с включенными фарами. Старались забраться как можно дальше, потом технику бросали и выходили на дорогу, по которой больше всего двигалось отступающих войск противника. Там устраивали засаду.

Что только не двигалось в те дни на дорогах в тылу немецких войск. Шли танки вперемежку со стадами коров и овец, колонны автомобилей, груженных чем попало, тягачи с артиллерией, облепленные пехотинцами... Мы не обращали на них внимания — ждали легковые машины.

Вот и в тот раз, помню, взволнованно прошептал я не на ухо гвардии рядовой Николай Низельников:

— По звуку, товарищ сержант, по звуку слышу — легковушка!

Из-за плотной завесы дождя машину не видно, но звук работающего на высоких оборотах двигателя и впрямь отличается от громкоголосого дизеля.

Взяв с собой гвардии сержанта Н. Курбатова и еще одного разведчика, я вел их к дороге. Наиль достал гранату, мы залегли, и она тут же полетела под передние

колеса «опеля». Взрыв был приглушен дождем. Яркая вспышка на миг выхватила из темноты блестящий радиатор автомобиля, испуганные лица фашистов за мокрым ветровым стеклом. И почти сразу в ответ — очередь из автомата. Мы тоже открыли огонь. Через пару минут все было копчено. У нас потерь не было, у немцев — трое убитых и один легко ранен. Его-то и взяли с собой, предварительно перевязав плечо. Из машины прихватили оружие и портфель с документами.

* * *

Из сводок Совинформбюро мы знали, что главные события на огромном — от Югославии до Чехословакии — Втором Украинском фронте происходят под Будапештом. Враг предпринимал отчаянные попытки, чтобы остановить советские войска. И вот случилась у нас в ноябрьские дни заминка. Полки вышли к полноводной Тиссе, но с ходу преодолеть эту серьезную водную преграду не смогли. Сказывалась усталость личного состава после непрерывных многодневных боев. Осенняя распутица мешала вовремя подвозить боеприпасы и горючее, сковывала маневр войск.

И снова послали вперед разведку. В поиск на правый берег Тиссы собрался взвод гвардии лейтенанта Максимова. Мы помогли бойцам подготовить снаряжение, проверили надувные лодки — на них разведчикам предстояло переправиться через реку. С тревогой вглядывались в изнуренные лица боевых друзей. Хотя бы одну ночь поспать, и вдвое легче будет им там, в тылу врага. Но об этом приходилось только мечтать.

Взвод ушел в ночь. Мы, выбрав место посуше, улеглись вповалку на плащ-палатках. Но спать вдруг расхотелось. С тревогой прислушивались к тишине, ставшей такой зыбкой, неустойчивой. И вдруг в том месте, где намечалась переправа, к низким тучам взлетели десятки осветительных ракет. Застучал один пулемет, второй, третий. Заухали минометы. Как мы узнали через несколько часов, лодки противник обнаружил на середине реки. Потеряв убитыми и ранеными половину личного состава, первый взвод ни с чем вернулся назад.

— Следующей ночью — ваша очередь, — сказал мне гвардии майор Зима, — но задача у вас будет посложнее...

Действительно, дело нам предстояло непростое. Взять контрольного пленного перед наступлением — это само собой. Главное — постараться захватить плацдарм и обеспечить переправу роты автоматчиков, которая должна была держаться до форсирования реки основными силами передового отряда стрелкового полка.

Гвардии майор Зима сообщил, что в случае удачи комдив обещал всех представить к награждению орденами.

В тот раз мы особенно тщательно выбирали объект поиска. Решили, что целесообразнее всего взять языка из расчета зенитного орудия, которое находилось примерно в полукилометре от берега. Почему не подыскали ничего ближе? Рассудили, что, если придется открыть стрельбу, это непременно вызовет панику у фашистов. Откуда им знать, сколько нас у второго оборонительного рубежа? По-

шумим больше — сойдем за роту или батальон. Главное, гранат и патронов взять с собой побольше.

Нам придали радиста, чтобы могли сообщить о том, как идут дела на правом берегу. Если взводу удастся захватить плацдарм, мы должны дать об этом сигнал. Жаль, не запомнил фамилию невысокого серьезного паренька из роты связи, который пошел с нами в поиск. В ночном бою он дрался по-гвардейски — умело и бесстрашно.

Ребята из взвода конной разведки сходили на подвижной склад инженерного имущества за резиновыми лодками. Видно было, как переживали за нас товарищи, которые на этой стороне оставались. Ратный труд не просто сближает в недавнем прошлом незнакомых друг другу людей. Он роднит их, сплачивает в дружную боевую семью. Вот и тем вечером перед решающим броском через Тиссу товарищи старались ободрить нас незамысловатой шуткой, кто-то протягивал другу флягу со спиртом (вдруг выпадет искупаться, вода — лед). Бывалые разведчики разъясняли молодым, как без всплесков грести на сильном течении, как уберечься в ночном бою от шальной пули наука тут нехитрая, главное побыстрее сойтись врукопашную.

На войне лучше учиться на чужих ошибках, чем на своих собственных. Мы тщательно разобрались, отчего не удался первый поиск, и пришли к выводу: плыть надо плотной группой — меньше опасность быть обнаруженными в момент горения факела ракеты. Переправляться решили в том же месте. Расчет здесь простой: не ожидают фашисты от нас такой дерзости. Наверняка будут вести более пристальное наблюдение выше или ниже по течению, а не здесь, у разбитой взрывом сосны.

На наше счастье вечером пошел сначала дождь, потом снег. Все окрест затянуло белесой мглой. Враг, конечно, отреагировал на такой погодный сюрприз по-своему: количество осветительных постов увеличил вдвое. Методично, раз в две-три минуты, взлетали ракеты, выхватывая из темноты черную гладь воды, кусты ракит, облепленные снегом. Время от времени открывал огонь пулемет. Подумали и о том, что сильное течение может стать нашим союзником. В случае чего оно вынесет лодки из-под прицельных очередей.

Когда под зыбким резиновым днищем нашей лодки зашуршал песок, мы сразу же выскочили на берег и развернулись в цепь, чтобы сподручнее было атаковать фашистов, если они находились здесь. Но правый берег Тиссы встретил нас тишиной. Матросов прокричал два раза филином — на этот звук пришли остальные лодки. И вот под самым носом ничего не подозревавшего противника оказались 25 бойцов. У каждого — по три сотни патронов, по 20 ручных гранат. С таким боезапасом жить можно. Веером рассыпались по мокрому песку. В 50 метрах от уреза воды обнаружили пустые окопы. Из них еще не выветрился специфический противный запах гитлеровцев. Все они ежедневно посыпали себя каким-то зловонным порошком от вшей. Он-то и смердил так, что тошно было.

На пути к огневой позиции зенитного орудия мы не встретили никого. Это несколько удивило и озадачило нас. Еще вчера немцы не пропустили разведгруппу дальше середины Тиссы, а сегодня по их передовой идет целый взвод. Нет ли здесь какого-нибудь подвоха? Позднее выяснилось: оголили этот участок фронта фашисты не от хорошей жизни. Пленный потом рассказал, что за два часа до начала поиска коман-

дир пехотного полка снял отсюда роту и перевел ее на правый фланг — туда, где фашистские разведчики обнаружили на нашем берегу скопление машин с понтонами. Вот и посчитало немецкое командование важным усилить тот участок обороны. Подумали — не захотим мы второй раз подряд соваться здесь под их пулеметы.

Метрах в ста от зенитки остановил взвод, шепотом приказал бойцам рассредоточиться и занять оборону фронтом в сторону ближайшей позиции противника. Вдруг, когда мы будем хозяйничать у орудия, кто-то из немцев решит прийти расчету на помощь? С собой взял самых опытных: гвардии сержантов Матросова и Репина, гвардии рядовых Яблоневского и Низельникова. Подобрались к позиции, соблюдая все меры предосторожности, но зенитчики все-таки всполошились. Один из них, направляясь куда-то, случайно наткнулся на Ревина. Пришлось скомандовать: «Огонь!». Из пяти автоматов мы тщательно прочесали все вокруг орудия. Сразу же загремели автоматы залегших неподалеку разведчиков. Они открыли стрельбу по фашистам, которые, услышав в своем тылу такой хорошо знакомый им «разговор» ППС, выскочили из окопов. Что тут началось! Уцелевшие гитлеровцы бросились наутек, в воздух взлетели осветительные ракеты. На всем участке фронта протяженностью 5 — 7 километров поднялась беспорядочная стрельба.

Мы быстро осмотрели позицию и обнаружили за орудием трясущегося от страха немца. Увидев нас, он поднял руки, стал что-то истерично кричать.

— Просит не убивать, говорит, трое детей у него, — быстро перевел Яков.

— Он пленный, никто его убивать не собирается, — попросил перевести я и приказал одному из разведчиков зарядить зенитную пушку. Нырнул в казенник первый снаряд из обоймы, щелкнул затвор. Ревин, вращая рукоятки подъемного и поворотного механизма, навел ствол в сторону высоты. На ней мы еще вчера разглядели опорный пункт противника. А я надавил на педаль ножного спуска... Очередь из пяти выстрелов прогремела так звонко, что у всех нас заложило уши. Цепочка трассеров пронеслась над полем и погасла на высоте. Эхом донеслись оттуда звуки разрывов. На некоторое время даже огонь стих: немцы, видимо, растерялись от неожиданности (в тылу — советская артиллерия?!), а разведчики, ничего не поняв, бросились к позиции, думая, что мы попали в беду. Потом перестрелка разгорелась с новой силой.

Мы опорожнили все заготовленные расчетом для дневной стрельбы обоймы и поспешили к левому флангу плацдарма. Во вражеские окопы полетели десятки гранат, разведчики дружно закричали: «Ура!».

Паника на войне — страшная вещь. Наверное, показалось немцам, что наступает на них не меньше батальона. Они выскакивали из окопов и попадали под очереди своих же пулеметов с высотки, где находился командно-наблюдательный пункт немецкого полка. А с тыла из-за укрытий били из автоматов мы...

Через полчаса в эфир полетело короткое сообщение о том, что плацдарм захвачен. Из штаба дивизии передали: начинается форсирование, необходимо как-то отвлечь противника от реки. Мы знали, что, когда бойцы находятся на понтонах, плотах, лодках, они беззащитны от огня.

Как отвлечь врага от переправы? Нам оставалось одно — обратить внимание фашистов на себя. Оставил я легко раненного гвардии сержанта Курбатова с плен-

ным, приказал ему встречать наших, а сам повел поредевший уже взвод в еще одну атаку — на высоту, по которой мы совсем недавно били из трофейной зенитки. На этот раз немцы ответили плотным огнем. Чувствовалось, от испуга они отходят, их оборона стала более организованной, один из взводов, выбитых нами из окопов, сделал попытку контратаковать. Плохо бы пришлось разведчикам, если бы радист не вызвал огонь минометов, выделенных для нашей поддержки. Батарея еще вчера днем пристрелялась по всем отчетливо видимым ориентирам, поэтому первые же залпы плотно накрыли вражескую цепь. Немцы залегли.

Между тем наступало утро. Небо за спиной светлело, гасли звезды, плотный ветер разогнал тучи. Что предпринять? Пройдет еще немного времени, и фашисты разберутся, что против них всего один взвод — 19 человек. Трое погибли в ночном бою, двоих тяжело ранило, Курбатов ждал наших на берегу. С такими силами нам не продержаться и часа. Решил запросить штаб. Ответили — держаться несмотря ни на что, помощь на подходе.

Фашисты пошли в атаку. Мы подпустили их поближе, ударили из двух захваченных в ночной суматохе пулеметов. Немцы залегли и стали что-то орать.

— Кричат, не стреляйте, свои, — сказал мне Яблоневский.

— А ты крикни в ответ, что ошибка вышла, извиняемся, мол, — посоветовал я нашему переводчику.

«Переговоры» заняли минут десять. Потом фашисты встали и пошли к занятым нами окопам. Вот тут-то мы и встретили их автоматным и пулеметным огнем...

Завязался мой, пожалуй, самый трудный за всю войну бой. Отбили мы атаку, вторую. Заметили, что немцы стали обходить нас с правого фланга. В предрассветных сумерках было отчетливо видно, как перебегают они от укрытия к укрытию, накапливаясь в лощине для удара в тыл. И в этот момент со стороны реки грянуло родное грозное «Ура!». Рота автоматчиков, достигнув берега на плотах, с ходу атаковала фашистов.

Вскоре бойцы уже деловито занимали окопы. По занятым нами позициям стала пристреливаться вражеская артиллерия. Но и наши артиллеристы не дремали. Где-то за Тиссой раздались залпы, над головами прошелестели тяжелые снаряды, разорвались в тылу противника. Еще и еще ударили дивизионы, и вражеский огонь поутих.

— Командир! Смотри — идут! — крикнул Низельников, показывая рукой в сторону недалекого темного леса. Действительно, нас атаковали примерно две пехотные роты. Атаку отразили с большими для врага потерями. Во второй раз цепь была реже, но впереди ее шли, тяжело покачиваясь на ухабах, три тяжелых танка. Мелькнула мысль: «Только „тигров“ нам не хватает! Чем их остановить?».

Ни у нас, ни у автоматчиков не было противотанковых средств.

— Эх, бутылочки бы сюда «Кто смелый!», — мечтательно протянул один из автоматчиков.

Вспомнил, видимо, 41-й год и знаменитые бутылки с зажигательной смесью «КС». Их-то и называли старые бойцы «Кто смелый!» — точно метнуть ее с расстояния десяти метров на крышу моторного отделения вражеского танка мог человек не из робкого десятка.

Но обошлись без бутылок и п[ротиво]т[анковых] р[ужей]. Танки конечно же заметили и на левом берегу. Командир переправлявшегося в первой волне стрелкового полка дал команду, и артиллеристы выкатили на прямую наводку 76-мм пушки. Двух «тигров» они подожгли, а последний уполз восвояси.

Под прикрытием нашего огня через Тиссу переправился сначала батальон, а потом и весь полк. Когда мы подплывали к левому берегу на своих «резинках», саперы уже приступили к сборке понтонного моста. Вскоре на плацдарм были переброшены танки. 42-я гвардейская пошла вперед.

Генерал-майор С. П. Тимошков выполнил обещание. Все разведчики нашего взвода были представлены к орденам. Мне о событиях на Тиссе напоминает орден Отечественной войны 1-й степени.

В боях на правом берегу Тиссы нашей дивизии противостояли части горно-стрелковой дивизии венгров. Своего противника мы, разведчики, знали хорошо. Нам было известно, что немцы не очень-то доверяли союзникам. В их памяти были еще свежи события второй половины октября 1944 г., когда более десяти тысяч венгерских солдат и офицеров сдались в плен советским войскам. Поэтому рыхлые боевые порядки венгерских частей были укреплены подразделениями гитлеровских пехотных полков. На главных направлениях были немецкие части.

Сведения о том, кто занимает перед нами оборону или контратакует нас, говорили о важности происходящих событий. Так, в ходе одного из ночных поисков мы взяли в плен венгерского капитана. Он оказался отъявленным фашистом и на допросе в разведотделе штаба дивизии молчал. Но сам факт расположения отдельной венгерской части свидетельствовал о том, что наши активные действия гитлеровское командование ждет на другом направлении. Этим не без успеха воспользовался гвардии генерал-майор Тимошков.

* * *

К исходу 20 ноября мы были в 15 километрах от реки Гернад. Насколько упорное сопротивление дивизии оказывал противник, можно судить по темпам наступления. За 14 дней мы прошли всего около 50 километров. Очень мешали продвижению частей тяжелые погодные условия. В ноябре осадки в виде дождя и снега, который сразу же таял, выпадали 16 дней. В третьей декаде грунтовые дороги стали совершенно непроходимыми для автотранспорта. Подвоз топлива для танков и тягачей, боеприпасов осуществлялся преимущественно гужевым транспортом. А много ли снарядов навозишь на крестьянских подводах, если лошадей нечем кормить?

Войска были полностью лишены авиационной поддержки.

И тем не менее дивизия упорно двигалась вперед, тесня врага. Разведгруппы днем и ночью прочесывали местность перед наступающими частями, добывая сведения о противнике, отыскивая наиболее удобные для движения дороги. Мы хорошо знали, какая ответственность лежит на нас. Ведь что такое в условиях наступления предупредить, например, свое командование о готовящемся контрударе? Будут спасены жизни однополчан, а враг понесет потери, и дивизия, пусть не намного,

но продвинется к рубежу, указанному командующим армией. Значит, и День Победы приблизится.

...Все началось, как мы потом узнали, с перехвата и расшифровки радиограммы, посланной из штаба одной из дивизий 8-й армии вермахта в штаб корпуса. Судя по ее содержанию, гитлеровский генерал сомневался в успехе контрудара, если полки не будут пополнены личным составом и техникой. Ответ перехватить не удалось, но было известно, что указанная дивизия являлась наиболее боеспособным соединением на нашем участке фронта. Кому, как не ей, попытаться остановить наступление советских войск на этом участке?

Для того чтобы выяснить, происходит ли пополнение частей противника свежими силами, определить, где концентрируются войска для контрудара, в каком направлении он будет нанесен, во вражеский тыл пошли несколько разведывательных групп. Одну из них поручили возглавить мне.

Для тщательной подготовки в тот раз времени не было. Уточнили у гвардии майора Зимы задачу, получили у старшины боеприпасы, продовольствие и отправились в путь. Нам было приказано произвести разведку противника и местности в направлении населенный пункт Клозень — группа отдельных домов на противоположном берегу реки Гернад. Именно там, по предположению командования дивизии, мог оказаться район расположения вражеских резервов.

В поиск отправились вчетвером. Из тех, с кем довелось начинать службу в разведроте, в группе был только один — гвардии сержант Ревин. Гвардии рядовые Семин и Броневой недавно прибыли из запасного полка. Опыта у них было маловато, но стремление приобрести его как можно скорее чувствовалось во всем.

Ночами заметно подмораживало, но, несмотря на это, на нас были неизменные ватники, легкое х/б да кирзовые сапоги. Мы считали, что в тылу противника лишняя одежда ни к чему. Погреться, если замерз, можно и быстрой ходьбой, зато в рукопашной схватке с врагом ничто не помешает, не стеснит движения.

Нейтральную полосу преодолели испытанным много раз способом — с позиций стрелкового полка, которому удалось больше других продвинуться в глубину захваченной противником территории. Мы не сразу двинулись в немецкий тыл, а некоторое время двигались параллельно основной линии фронта, чтобы ввести противника в заблуждение. Знали, что, по твердому мнению немцев, разведчики должны были вести поиск совсем не так.

Шли мы, несмотря на темную осеннюю ночь, от укрытия к укрытию, тщательно обследуя местность одиночными дозорными. Прием простой: один разведчик уходил вправо, другой — влево, а двое ждали их возвращения. Затем группа в полном составе продвигалась еще на 250 — 300 метров, и все повторялось.

Вернувшись после одного из таких челночных поисков, гвардии рядовой Семин взволнованно доложил, что ему чуть было не довелось погреться вместе с немцами у костра. Сколько гитлеровцев в овраге, Семин не разглядел, но утверждал, что очень много. Отправились мы к оврагу все вместе. Действительно, на протяжении около двухсот метров горели костры, возле которых вповалку лежали фашисты. Подсчитал, сколько горит костров, сколько примерно немцев у каждого.

Выходило — перед нами не менее батальона. Что это, резерв полка или одно из подразделений части, которая составляет резерв дивизии? Обследовали это место со всех сторон, примерились, можно ли взять здесь пленного. Поняли, что без шума не обойтись. Куда ни глянь — дозоры, парные патрули.

В каждом отделении были дежурные, которые прислушивались ко всяким шорохам.

Точно определив на местности координаты батальона, я нанес их на карту. Вспомнил тактические нормативы гитлеровских войск. На какой площади обычно располагается пехотный полк? Какое примерное расстояние между батальонами? Эти цифры подсказали нам направление дальнейших действий.

Часа через два — новая удача! Двигаясь по просеке, мы услышали тревожное: «Хальт! Шиссен ауф!»[1]. Остановились, замерли, но немецкий часовой, видимо, принял нас за коз или кабанов, которых в тех краях было немало. Свернули в сторону, обошли опасное место и... наткнулись на бронетранспортер, стоявший на опушке леса. Невдалеке находился второй, за ним — третий, четвертый. Около бронетранспортеров на лапнике спали фашисты. Мотопехотное подразделение рядом с пехотным батальоном! Это уже было кое-что.

Еще через час пути мы оказались в мелколесье. Дохнуло сыростью, стали попадаться ямы с водой, и вскоре мы уткнулись в продолговатое озеро с топкими берегами. Догадался, что перед нами старое русло реки. Значит, Гернад течет неподалеку.

При получении задачи на поиск мы не уточнили способ переправы через эту неширокую, но быструю реку. Думали, найдем где-нибудь лодку. Однако, к сожалению, ночью, на незнакомой местности отыскать ее не удалось. Зато обнаружили понтонную переправу, по которой одна за другой шли автомобильные колонны. Машины двигались на больших интервалах, с притушенными фарами. Подсчитали мы пропускную способность моста и хотели идти дальше, как увидели несколько грузовиков, направляющихся к переправе со стороны линии фронта. Решение пришло мгновенно. В темноте нам удалось незамеченными запрыгнуть в кузов одного из автомобилей. Так что Гернад мы «форсировали» с комфортом, лежа на набитых чем-то мягким мешках. И вдруг, когда под колесами грузовика отстучали стыки между понтонами, он остановился. Совсем рядом раздалась немецкая речь, потом заскрипел задний борт, и к нам в кузов тяжело перевалились двое в мокрых шинелях. Один из них, нащупав в темноте чей-то сапог, расхохотался и громко заговорил со своим спутником. Как я пожалел, что не пошел с нами в поиск Яблоневский! Но делать нечего. Толкнул в бок Ивана Ревина. Тот без слов все понял, осторожно вынул из чехла финку... Мы быстро управились с гитлеровцами. Из документов, которые обнаружили в их карманах, узнали, что они появились здесь только вчера. Значит, пополнение все-таки прибывает.

Вскоре мы уже шли по обочине раскисшей от непрерывных дождей дороги к объекту нашего поиска. Предположение командования дивизии подтвердилось: вражеские части готовились к проведению контратаки. Где немцы намеревались это

[1] «Стоять! Стреляю!».

сделать, установили разведчики из группы гвардии старшего сержанта Ваганова. Его подчиненным удалось взять в плен штабного писаря.

Наши разведданные помогли командованию сорвать замысел врага. 30 ноября 1944 г. части дивизии успешно форсировали реку Гернад и устремились к городу Монай. Взяв его в ходе двухдневного штурма, дивизия после ожесточенных боев вышла 20 декабря на венгеро-чехословацкую границу.

Свою задачу мы выполнили: отход группировки фашистских войск из-под Будапешта на север и северо-запад был обречен на неудачу. А соединения врага, находившиеся в северной части Венгрии и в Чехословакии, не смогли оказать ей никакой помощи. Мы с гордостью сознавали, что свое дело сделали на совесть.

Бойцы 44-й отдельной разведроты первыми из дивизии побывали в Румынии, Венгрии. Теперь перед нами была Чехословакия. С радостью готовились мы пересечь границу этой страны, потому что знали: там нас ждут добрые друзья.

Нашему командованию удалось установить связь с несколькими словацкими партизанскими отрядами, которые действовали в густых лесах на восточных склонах Словацких Рудных гор. Как мы узнали уже позже, была достигнута договоренность о взаимодействии в ходе предстоящей наступательной операции. Партизаны взяли на себя задачу в день начала наступления совершить несколько диверсий на вражеских коммуникациях. Где взорвать мост через реку, где завалить вход и выход из туннеля, устроить обвал на горной дороге... Трудно переоценить значение этого для успешных действий войск. Но у партизан было мало взрывчатки, а забросить ее самолетами не удавалось из-за непогоды. Доставить взрывчатку поручили разведчикам.

Мне, к сожалению, не удалось участвовать в той почетной для разведчика операции. К словацким партизанам пошли бойцы первого взвода. Поход начался в последних числах декабря 1944 г. и продолжался 8 дней. Вернулись наши боевые товарищи, измученные многокилометровым маршем, который проходил вне дорог, по горным склонам. На обратном пути отряд обнаружили гитлеровцы. Разведчикам с трудом удалось оторваться от преследования. При движении напрямик через лес по глубокому снегу люди вымотались и взмокли, а ночью ударил редкий в тех краях двадцатиградусный мороз...

Тем не менее настроение у бойцов было приподнятое. Они говорили, что побывали в партизанском отряде, как дома погостили. Словаки встретили разведчиков приветливо, отвели им лучшие землянки, устроили праздничный ужин, хотя с продовольствием у них оказалось туго. Взрывчатку, принесенную в вещмешках, обещали использовать так, чтобы фашисты на себе почувствовали, как прочна боевая дружба между партизанами и бойцами Красной армии.

Словацкие патриоты снабдили разведчиков важной информацией об обороне противника, назвали удобные для движения войск дороги через перевалы, показали на местности, где находятся тропы, неизвестные гитлеровцам. Значение этих сведений в преддверии наступления трудно переоценить. Когда в январе 1945 г. наша дивизия перешла венгеро-чехословацкую границу и нанесла удар по врагу в направлении города Плешивец, данные, собранные словацкими партизанами, помогли полкам выполнить боевую задачу в точно установленный срок и с небольшими

потерями. А смелые диверсии в тылу вражеских войск вызвали затруднение в переброске резервов, в подвозе боеприпасов, воспретили отход отдельных частей.

В конце января 1945 г. наша дивизия вместе с другими соединениями 40-й армии вышла в район города Брезно. Здесь, как мне потом рассказывали сослуживцы, на командный пункт пришли четверо партизан из отряда А. М. Садиленко. Впрочем, отряд этот был настолько велик, что народные мстители с гордостью именовали его соединением. По сути дела, так оно и было — в тылу фашистов в районе Брезно действовало несколько тысяч хорошо обученных, вооруженных бойцов. Воевали в партизанских бригадах и советские люди — из числа бывших военнопленных, которым удалось бежать из гитлеровских концлагерей.

Партизаны из соединения А. М. Садиленко несколько раз подряд нарушали железнодорожное сообщение на участке Брезно — Банска-Бистрица. Так, 20 января в результате подрыва вражеского эшелона движение на этом участке было прервано на несколько часов. Все это, конечно, путало планы гитлеровского командования. Несколько эшелонов, груженных боевой техникой, боеприпасами, живой силой, так и не попали на фронт.

Надо добавить, что город Брезно был освобожден 28 января в результате совместных действий нашей дивизии и словацких партизан.

К сожалению, мне не довелось участвовать в тех славных событиях. О них я узнал уже весной 1945 г. 19 декабря пришлось расстаться со своими товарищами. В числе других бойцов я был послан на учебу. Уезжал с чувством не до конца исполненного долга. Приближалась пора решающих сражений, а тут надо ехать в тыл. Утешало лишь то обстоятельство, что через три месяца вернусь в родную дивизию.

Глава седьмая
ВЕСНА ПОБЕДЫ

И вот учеба позади. До штаба дивизии, находившегося неподалеку от словацкого города Зволена, я добрался на видавшей виды полуторке. Водитель взял меня с одним условием, чтобы помогал ему вытаскивать машину, если застрянем. Весенняя дорога была разбита тысячами гусениц и колес, поэтому подпирать задний борт приходилось часто. Испачкался так, что проходивший по двору дома, занятого под штаб, гвардии майор Зима едва меня узнал. А узнав, искренне обрадовался. Его можно было понять: победа в Будапештской операции давалась нелегкой ценой. Дивизия несла потери, немало бойцов недосчиталось и в 44-й отдельной разведроте. Одним словом, прибыл я вовремя.

— Устал с дороги? Нет? Тогда — за дело. Сходишь для разминки сегодня в поиск с Вагановым, а через пару дней отправим на самостоятельное задание, — сказал Иван Иванович.

Вернулся я 3 марта 1945 г. . Наша дивизия к тому времени больше двух месяцев вела наступательные бои на территории Словакии. Свыше 100 километров прошли гвардейцы. Гитлеровцы оказывали отчаянное сопротивление.

— Во втором взводе пешей разведки (в нем я был помощником командира) из тех, с кем начинал службу, осталось всего пять человек, — рассказывал гвардии старший сержант Ваганов.

Он коротко перечислил, кто и при каких обстоятельствах погиб, кто ранен, представил новичков. Вздохнул мой тезка, помолчал и стал объяснять задачу, поставленную командиром роты на поиск.

К врагу мы тогда сходили удачно: никого не потеряли, приволокли с собой двух фашистов да с пяток уничтожили в короткой схватке на нейтральной полосе.

14 марта дивизия во взаимодействии с другими соединениями 40-й армии в ходе ночного штурма взяла Зволен. До начала Братиславо-Брновской наступательной операции оставалось 11 дней.

Перед нами была сильная, насыщенная инженерными сооружениями и заграждениями оборона. Мы знали, что главная ее линия проходит по правому берегу реки Грон, разлившейся в результате весеннего паводка. Достаточно сказать: только в полосе предстоящего наступления дивизии мы насчитали до 15 дзотов, приспособленных для кругового обстрела, увидели глубокие траншеи, ходы сообщения. Вторая полоса обороны и тыловые рубежи проходили по рекам Нитра, Ваг, Морава. Было заметно, что подготовили их немцы с учетом сильнопересеченной, покрытой лесами местности.

Как мы поняли из задач, поставленных разведгруппам накануне нового наступления, прежде всего нашей 42-й гвардейской стрелковой дивизии предстояло участвовать в освобождении города Банска-Бистрица. Расположен он на правом берегу реки Грон, километрах в тридцати от Зволена. Из показаний пленного нам было известно, что единственный в тех краях мост заминирован. Командир дивизии решил попытаться в самом начале наступления захватить его. Этим бы решались все проблемы с переправой частей на противоположный берег Грона.

Наш взвод получил приказ: после того как левофланговый полк дивизии выйдет к реке, переправиться через нее, обойти узел сопротивления фашистов, прикрывающий северо-восточную окраину Банска-Бистрица, и нанести внезапный удар по охране моста. После этого приданные нам саперы разминируют его. Сигнал о том, что мост в наших руках, — серия красных ракет в сторону города.

Огромную сложность представляла переправа через Грон. Лодки не годились — бешеное течение сразу же унесет их далеко в сторону. Начинать бой за мост с левого берега бессмысленно — враг может взорвать его в любой момент. Долго ломали голову, как нам поступить, пока кто-то не вспомнил, как переправлялись у них в селе до войны вдоль каната, натянутого над рекой. Но каким образом натянуть канат, если на противоположном берегу противник? Саперы предложили изготовить что-то похожее на катамаран — устройство, способное под воздействием сильного течения пересечь под прямым углом реку и перетянуть за собой тонкий стальной трос. Потом по нему переправится на лодке-одиночке разведчик и закрепит трос на дереве.

Поиск начался в ночь на 25 марта. События развивались точно по разработанному плану. Правда, потом не обошлось без неожиданностей. Один разведчик

был ранен во время переправы, другой — едва мы высадились на правый берег. Пришлось оставить их под охраной одного из бойцов возле реки.

Пулеметный огонь становился все плотнее, а укрыться от него было негде — между местом высадки и мостом лежали луга. Слева от нас темнел лес. В него-то мы и устремились короткими перебежками.

Лес — густой, темный — укрыл нас от пулеметных очередей. В свете полной луны на ветках серебрились готовые лопнуть почки. А кто-то падал на теплую, уже прогревшуюся после холодов землю... По дороге, к которой мы вышли, одна за другой мчались машины. Видимо, фашисты перебрасывали из города Мартина, расположенного в тылу, подкрепления.

Пересекли шоссе, пошли по левому кювету к мосту...

Гитлеровское командование не без оснований считало город Банска-Бистрица ключевым узлом сопротивления в северо-западной части Словакии. С востока город прикрывали три оборонительных пояса. Дороги, ведущие к нему, обстреливались из дзотов. Но, готовясь к поиску, мы знали, что южнее и северо-восточнее города соединения 40-й армии уже захватили плацдармы на правом берегу Грона и вот-вот должны были окружить город. А наша дивизия наносила удар с фронта, и от того, как мы выполним задачу по захвату моста, зависело многое.

Метрах в двухстах от реки мы неожиданно столкнулись с группой гитлеровцев, которые шли к городу. Что главное в ночном бою? Быстрота и натиск, мощный огонь. Пусть думает противник, что перевес сил не на его стороне — у страха глаза велики. Опрокинули мы тех фашистов, добежали до моста, готовые вступить врукопашную с охраной, но... обнаружили в окопах только брошенный пулемет. Перетрусили немцы, услышав в своем тылу стрельбу, и удрали. Саперы сразу же приступили к разминированию моста. Подсвечивая фонариками, они тщательно обследовали фермы, настил, нашли и перерезали провода, которые вели к ящикам со взрывчаткой. А мы дали условный сигнал ракетами и, разделившись на две группы, легли в оборону по обеим сторонам моста.

Через полчаса на правый берег Грона непрерывным потоком пошли стрелковые и танковые подразделения.

Утром 24 марта полки дивизии достигли окраин: города Банска-Бистрица. Начались упорные бои за каждый квартал. Горячий свинец хлестал почти из каждого подвального окна, с чердаков. Улицы были перегорожены баррикадами.

К тому времени гвардейцы имели богатый опыт боев в населенных пунктах. Созданные накануне штурмовые группы численностью до усиленной роты выкуривали врага из домов. В одной из таких групп довелось действовать и нашему взводу. А к вечеру наша штурмовая группа во взаимодействии с другими очистила от противника железнодорожный вокзал.

Какой урок мы вынесли из того боя на городских улицах? Для достижения успеха необходимы прочная локтевая связь и надежное взаимное огневое прикрытие. Лучше всего действовать, как в рукопашной — парами, все время наблюдая друг за другом и контролируя действия противника вокруг себя и своего напарника в радиусе 25 — 50 метров. Надо предупреждать товарища, если думаешь бросить гра-

нату, отсекать от него автоматным огнем врага, быть в постоянной готовности оказать ему любую помощь. И он должен действовать так же — тогда будет больше шансов самим уцелеть и врага уничтожить. При стычке с противником внутри многоэтажного дома мы знали: хозяин положения тот, кто сумел захватить лестницу. Поэтому бойцы в первом броске старались прорваться как можно выше, а потом методично выбивали фашистов с этажей. Здесь был учтен и психологический момент. Когда гитлеровцев теснили снизу вверх, они понимали, что деваться им некуда, и сопротивлялись до последнего патрона. А когда бой распространялся сверху вниз, враг чаще всего покидал здание. Бороться с ним на улицах становилось конечно же легче.

Бои на улицах Банска-Бистрицы были нехарактерным эпизодом для действий разведчиков. С нас никто не снимал главной задачи: своевременно обеспечивать командование дивизии достоверной, исчерпывающей информацией о противнике. Как только город был освобожден, разведгруппы ушли по направлению к населенному пункту Кремниц, также превращенному врагом в сильный узел сопротивления. Дело осложнялось тем, что здесь были взорваны все туннели, по которым проходили железные и шоссейные дороги. Пришлось нам отыскивать обходные пути — через горные перевалы. В этом разведчикам очень помогли местные жители.

...Мы двигались по узкой лесной дороге. До Кремница было еще километров 15 незнакомого пути. Неожиданно из чащи вышли четверо мужчин в крестьянской одежде. Встреча была самой дружеской. Мешая словацкий язык с русским, крестьяне выразили твердую уверенность в том, что этой весной с Гитлером мы покончим и вся Чехословакия станет свободной. Потом из торопливо развязанного мешка на свет появились бутылка вина, шмат сала, круглый хлеб, несколько луковиц... От спиртного мы отказались, а перед соблазном перекусить не устояли. Я спросил у одного из словаков, на вид самого старшего, как пройти к Кремницу, чтобы не встретиться с фашистами. Наши новые знакомые согласились провести нас через горы. Они отлучились на несколько минут и появились вооруженными. У старшего на плече висел немецкий автомат, у остальных — винтовки. На наш вопрос, не партизаны ли они, словаки, весело прищурившись, ответили, что днем они крестьяне, а по ночам партизанят.

Дорога с проводниками оказалась вдвое короче. По разведанному нами маршруту прошла вся дивизия. И уже в ночь на 3 апреля она сосредоточилась на правом фланге немецкой обороны неподалеку от города. К утру совместным штурмом трех соединений Кремниц — важный узел сопротивления фашистских войск на южных склонах хребта Великая Фатра — был взят.

Не могу не рассказать о том восторге, с каким жители словацких городов и сел встречали войска Красной армии. Нам по славянскому обычаю протягивали хлеб-соль, предлагали умыться с дороги и держали наготове белоснежные, вышитые полотенца. Нас упрашивали отведать фруктов, которые выносили на огромных подносах из каждого дома. Бойцов наперебой приглашали в хаты, где уже стояли накрытые столы. Девушки дарили нам свои песни.

Еще в Румынии мы стали выезжать в поиски на лошадях, хотя и считались взводом пешей разведки. Верхом было удобнее действовать в горно-лесистой ме-

стности. Случалось, наши кони ранили ноги. В Словакии крестьяне сами предлагали разведчикам заменить больных лошадей здоровыми. А для сравнения скажу, что в Венгрии тамошние кулаки-богатеи, чтобы не достались лошади русским, выкалывали животным глаза. Бедняки же были в основном без тягла и помочь нам ничем не могли. Факт на первый взгляд незначительный, но говорит он о многом.

* * *

Наступление продолжалось. Темп его составлял 25 — 30 километров в сутки. Если принять во внимание, что двигались войска по горам и повсюду встречали прочную оборону противника, это не так уж и мало. В начале апреля наша разведгруппа устроила засаду неподалеку от города Превидза. Нам нужен был язык из состава гарнизона города. Посылая взвод на задание, гвардии майор Зима подчеркнул, что рядовой из обозной команды его не устроит, а офицер будет как раз кстати.

— Офицер так офицер, — сказал на это гвардии сержант Наиль Курбатов, хотя мы знали, что ему вовсе небезразлично, кого брать. Фашистских офицеров он особенно ненавидел. В 1942 г. Наиль раненым попал гитлеровцам в плен и почти год находился там. Подметил он: рядовые немцы мучили пленных, так сказать, по долгу службы, особо себя этим не утруждая. А гитлеровские офицеры — из-за склонности к садизму, находя в пытках и издевательствах острое удовольствие.

В поиск за вражескими офицерами Наиль ходил охотнее — вел им свой счет. И на этот раз настроен он был решительно. Видимо, каждому запала в душу беседа, которую провел с нами перед поиском начальник политотдела. От него мы узнали, почему так важно побыстрее выбить фашистов из района, расположенного между городами Превидза и Тренчин. Здесь были расположены многочисленные заводы и фабрики, которые в огромных количествах производили взрывчатые вещества и боеприпасы для вермахта. В артиллерийско-технических мастерских немцы ремонтировали пушки и самоходные орудия. Авторемонтный завод в Тренчине занимался восстановлением танков. Конечно же без всего этого оставаться гитлеровцам не хотелось. Вот почему так цеплялись они за каждый клочок земли на подступах к Превидзе.

Вышли к шоссейной дороге, связывающей город с Братиславой. Гвардии старший сержант Ревин предложил устроить засаду около моста над железной дорогой. Тщательно обследовали местность вокруг, наметили пути отхода, распределили между собой обязанности. Прежде всего подготовили толстый канат. Один его конец крепко привязали к дереву, натянули, примерили, хватит ли длины каната до дерева на противоположной стороне дороги.

Мимо нас то и дело с ревом проносились грузовики с пушками на прицепе, с кузовами, набитыми вражескими солдатами. Грохотали траками по бетонке самоходки и танки, катили громоздкие бронетранспортеры. Мы подсчитывали, сколько в каком направлении прошло войск, и до боли в глазах вглядывались в темноту, отыскивая свет одной низкорасположенной фары. Кто ездит на одиночных мотоциклах? Офицеры связи — то, что нам было нужно.

Далеко за полночь вдалеке послышался тарахтящий звук. Затем по стволам сосен заплясал желтый луч. Мотоцикл! В мгновение канат туго натянут над полотном дороги. Удар! И двое в черном обмундировании распластались около кювета. Мотоцикл был, как перышко, отброшен в кусты.

Не мешкая ни секунды, мы подхватили немцев, унесли их в лес. Через несколько минут пленные пришли в себя. По документам оказалось, что один из них был обер-лейтенантом, офицером связи штаба 8-й армии. Гвардии рядовой Яблоневский сразу же приступил к допросу. Ошалевший от всего происходящего с ним, обер-лейтенант рассказал, что ему было поручено доставить пакет в часть, которая находилась в южном секторе обороны Превидзы. Эту задачу он выполнил и катил обратно в штаб армии. По словам офицера, он помнил отчетливо расположение на месте оборонительных укреплений. Значит, взяли того, кого надо. Через несколько часов мы привели пленных в расположение роты. В результате командование дивизии получило ценные сведения об обороне противника на подступах к Превидзе.

К вечеру следующего дня город был полностью очищен от врага. Части дивизии вновь пошли вперед по заболоченным поймам разлившихся рек, через завалы и минные поля, в обход узлов сопротивления фашистов.

С 13 апреля до конца войны наша 42-я гвардейская стрелковая дивизия вела боевые действия в составе 53-й армии Второго Украинского фронта. В ее рядах мы участвовали во взятии города Годонин, расположенного на правом берегу притока Дуная — реке Морава. Запомнилась мне та победа тем, что жители Годонина встретили советские войска звоном колоколов. В грузовик, в котором ехал наш взвод, летели букеты подснежников. Люди улыбались нам, размахивали красными флажками, отовсюду гремело «Слава Красной армии!».

Темп наступления был высоким. Войска безостановочно шли днем и ночью, зачастую смело вступая в бой с превосходящими силами противника. Мораву дивизия преодолела в темное время суток, не дав противнику как следует закрепиться на ее правом высоком берегу. Хочу отметить, что удобное для переправы место нашли мы, разведчики.

Со второй половины апреля все чаще в приказах, отдаваемых комдивом, и в разговорах между бойцами звучало короткое слово — Брно. Каждый из нас знал: взятие этого крупного города открывало путь на Прагу.

Штурм Брно — славная веха в боевой летописи нашей дивизии. После того как советские войска форсировали Мораву, немецкое командование создало вокруг Брно несколько оборонительных рубежей. Особенно мощные укрепления были возведены на берегах Свитавы и других рек. Из показаний пленных нам было известно, что обороняют город эсэсовские части, собранные для этого по всей Чехословакии. Много было здесь у врага танков, артиллерии, в том числе и крупных калибров.

Откуда у командования появились такие данные? Часть важных сведений добыли бойцы 44-й отдельной разведроты. Разведывательные группы побывали в юго-восточных предместьях Брно, взяли несколько языков. Одну из них доверили возглавить мне.

Ночью приметы весны неброски. Мягче стали ветки деревьев — это чувствовалось, когда они касались лица. Ветерок стал теплее, смелее пели птицы в лесу.

Полз я по-пластунски, перебираясь через открытое место, и чувствовал, как пахнет молодая трава, и от этого запаха, знакомого каждому деревенскому человеку, было приятно на душе.

Линия обороны фашистов проходила по окраине предместья. Улицы были перегорожены баррикадами из мешков с песком, каменные дома представляли собой многоярусные оборонительные сооружения, подвалы строений стали дотами. Сторожевые охранения противник выставил метрах в трехстах от своих передовых траншей — на небольших возвышенностях, покрытых садами. Одно из них мы наметили в качестве объекта поиска.

Взять пленного оказалось труднее, чем мы предполагали. Гитлеровцы были настороже. Очень часто взлетали ракеты, и от них становилось светло как днем. В окопах переговаривались — значит, все на ногах. Решил отвлечь врага. Трое разведчиков из группы обеспечения поползли вправо и расположились напротив соседнего поста. Еще вечером я договорился с минометчиками, чтобы они по нашему сигналу обстреляли фланги позиции, на которой предстояло действовать разведгруппе. Сигнал — зеленые ракеты в направлении целей.

Вот они глухо хлопнули в вышине, залив участок вражеской обороны изумрудным светом. И тотчас же за спиной ударили залпы. Открыли огонь из автоматов и бойцы из группы обеспечения. Немцы, естественно, подумали, что нападение совершено там, где запели над их траншеями пули, взорвались мины. Этим мы воспользовались: без помех подползли к окопу, в котором находился пулемет, и дружно навалились на фашистов. Двоих уничтожили холодным оружием, а одному «предложили прогуляться» до штаба дивизии.

Во время одного из поисков мы встретились с разведчиками партизанского отряда «Мститель», который действовал неподалеку от Брно. Партизаны попросили провести их в расположение советских войск. Зачем — не сказали. Военную тайну чехословацкие патриоты хранить умели. Впоследствии оказалось, что передали они командиру дивизии карту с нанесенной дислокацией вражеских частей, занимавших оборону южнее и юго-восточнее Брно.

Последний поиск перед штурмом этого крупнейшего административного и промышленного центра Чехословакии состоялся в ночь с 22 на 23 апреля. Гвардии майор Зима приказал разведгруппе, возглавить которую поручил мне, взять контрольного пленного из опорного пункта, прикрывавшего участок железнодорожной магистрали Брно — Вена. Запомнился нам тот поиск и тем, что вместо одного языка мы привели сразу пять. А дело было так.

Достигнув траншеи боевого охранения, мы увидели, что в ней никого нет. Даже растерялись вначале — еще вечером, ведя наблюдение с н[аблюдательного] п[ункта] полка, обнаружили здесь нескольких гитлеровцев. Поворачивать назад? Решил попробовать взять пленного на первом оборонительном рубеже.

Ползком и короткими перебежками преодолели триста метров, отделявшие нас от вражеских окопов. Неподалеку от них, в неглубокой лощине перевели дух, прислушались. На передовой тихо. Ни выстрела, ни осветительной ракеты... Впечатление было такое, что попали мы в сонное царство. Подкрались к окопу, спрыгнули

в него. Гвардии рядовой Николай Низельников с двумя разведчиками сразу же занял оборону, блокируя возможный подход немцев слева, а мы с гвардии сержантом Ревиным пошли вправо, туда, где еще вечером заметили блиндаж.

По пути к нему обнаружили пулемет без прислуги. Было чему удивляться! Обычно немцы ни на миг не отходили от оружия. Вот и вход в блиндаж. Осторожно приоткрыл дверь. Взгляду открылась такая картина: двое сидели у стола, в свете свечи лица их выглядели утомленными, угрюмыми. Четверо спали на нарах. Год назад я бы, не раздумывая, швырнул в блиндаж гранату и потом уже стал искать среди уцелевших фашистов языка. Но сейчас, в апреле 1945 г., делать этого не стал. Открыл дверь пошире и, держа автомат наизготовку, шагнул в круг света. Следом вошел Ревин.

Увидев нас, оба немца как по команде встали и подняли руки. Странное дело, они даже не испугались. Наоборот, тот, кто был постарше, несмело улыбнулся.

Ревин пересек блиндаж и стал будить остальных. Трое поднялись без фокусов, а высокий, здоровый ефрейтор выдернул откуда-то из-под шинели, которая лежала вместо подушки, пистолет. Иван опередил фашиста — ударил его прикладом автомата.

— Вир — фольксштурм[2], — сказал один из немцев, показывая на себя, — эр — эсэсман[3], — добавил, ткнув пальцем в упавшего.

С приходом Яблоневского выяснилось, что немецкое командование в первые окопы посадило фольксштурмистов, приставив к ним в качестве командиров эсэсовцев. А вторую линию занимал батальон СС. Утром следующего дня мы разглядели, что троим пленным было далеко за 60, а двоим не исполнилось и 16 лет. Вот кого бросал Гитлер в бой, пытаясь остановить наступление советских войск в Чехословакии.

23 апреля в 10 часов 30 минут воздух потрясли залпы артиллерии. Вперед пошли танки и пехота. Оборона на переднем крае противника была смята. Развивая наступление, в прорыв устремились танкисты из 6-й гвардейской армии. Мы в этот момент находились неподалеку от командно-наблюдательного пункта дивизии и хорошо видели, как сотни бронированных машин, расстреливая врага в упор, атаковали узлы сопротивления в оперативной глубине обороны фашистов...

Два дня и две ночи шла ожесточенная борьба на подступах к Брно. Мои сослуживцы занимались своим обычным делом: вели разведку укреплений противника в полосе наступления дивизии, занимались сбором сведений о вражеских резервах, которые были на подходе к полю боя, изучали местность, искусственные и естественные препятствия... Наш разведвзвод помогал пехоте выкуривать гитлеровцев из рабочих кварталов Брно на его южной окраине. Рядом с нами, плечом к плечу, дрались чехословацкие партизаны, примкнувшие за день до этого к штурмовой группе. Были они храбрыми, умелыми бойцами. Многие из партизан до войны жили здесь, работали на брновских фабриках и заводах. Отлично зная все проходные дворы, они выводили нас на фланги и в тыл вражеских опорных пунктов, помогали ориентироваться в лабиринте узких улиц. Вскоре город был очищен от врага, и вновь

[2] Мы — народное ополчение.

[3] Он — эсэсовец.

столица нашей Родины салютовала войскам Второго Украинского фронта, одержавшим блистательную победу.

В Брно части 42-й гвардейской стрелковой дивизии пробыли ровно один день. 28 апреля колонна грузовиков с пехотой в кузовах устремилась по шоссе на северо-восток. Впереди ее на мотоциклах и трофейном бронетранспортере двигался разведывательный дозор — второй взвод нашей роты. Лица приятно обдувал теплый весенний ветерок. Настроение у всех было приподнятым.

Путь наш лежал к тому месту, где 140 лет назад произошло знаменитое Аустерлицкое сражение. Тогда тут сошлись войска Наполеона и чудо-богатыри Кутузова. Сейчас наступал и наш черед показать силу русского оружия.

На Праценских высотах я стал свидетелем искреннего интереса советских бойцов к делам наших героических предков, к истории нашей Родины. Неподалеку от памятника русским воинам, павшим в Аустерлицкой битве, находился небольшой музей, экспонаты которого рассказывали о событиях 1805 г. Фашисты оборудовали в домике артиллерийский наблюдательный пункт. Видимо, рассчитывали они на то, что по святыне ратного мужества русского народа наши войска огонь открывать не станут. Правильно, конечно, рассчитывали, да не учли, что наступают на них правнуки тех, кто 140 лет назад стоял здесь насмерть. Разведчики из 242-й стрелковой дивизии среди белого дня пробрались в тыл противника, выбили гитлеровцев из музея и обороняли его до подхода наших войск.

Пражская наступательная операция началась для 42-й дивизии 8 мая — за день до Победы. Противник отчаянно сопротивлялся. Тысячами жизней заплатила Германия за авантюристическую политику правительства Деница, которое отдало группе армий Шернера приказ пробиваться на запад к американцам. Наша дивизия в составе других соединений 53-й армии совершила марш из-под Брно под Прагу. Надо было отрезать врагу отход в западном направлении, помочь чехословацким патриотам, поднявшим в Праге восстание против ненавистных оккупантов.

Впервые за всю войну от нас, разведчиков, гвардии майор Зима не требовал языков. Они были уже не нужны. Стремительно передвигаясь на северо-запад, части дивизии расчленяли боевые порядки противника, окружали их и принуждали к массовой сдаче в плен.

Много лет спустя люди будут петь: «Последний бой — он трудный самый...». Уверен, если б воины знали, что ведут свой последний бой, он действительно показался бы самым трудным за всю войну. Но знать этого мы не могли, и последний наш бой ничем не отличался от предыдущих. 8 мая, где-то около полудня, 2-й взвод пешей разведки пресек попытку противника прорваться на запад. Бойцы действовали, как всегда, умело и мужественно. Никто не думал о том, что вполне может оказаться последним убитым в роте. Мы метким огнем сдержали натиск эсэсовцев, которым, по всей видимости, терять было нечего. Боясь справедливого возмездия, фашисты намеревались укрыться от него под крылышком американцев. Не вышло. Остановили гитлеровцев, а затем контратаковали, рассеяли на мелкие группы и уничтожили.

Еще одной братской могилой стало больше на территории Чехословакии — двое разведчиков погибли. Похоронили их с воинскими почестями.

Вечером 9 мая бойцы нашей разведроты разрядили в воздух автоматы, салютуя долгожданной Победе. А 12 мая мне посчастливилось наблюдать, как капитулировали последние части группы армий «Центр». Несколько разведчиков на грузовике с пушкой на прицепе прибыли в район населенного пункта Костелиц, где находился штаб эсэсовской дивизии. Заняв на всякий случай оборону у перекрестка дорог, неподалеку от окраины городка, мы стали ждать. Часа через два увидели колонну немцев, направляющуюся к нам из Костелица. По шесть в ряд шли по шоссе те, кто долгих четыре года был злейшим нашим врагом. Шли хмурые, небритые, в расстегнутых мундирах, без оружия и знаков различия.

Целый день мы направляли колонны к местам расположения лагерей для пленных. Все порядком устали. Да и надоело смотреть на фашистов. Мысли были уже о другом. О мирной жизни после такой тяжелой войны, о тех, кто ждал нашего возвращения на Родину. А мимо нас, поднимая тучи пыли, тянулись бывшие завоеватели Европы. В нагретом воздухе лениво полоскались простыни, укрепленные на палках, в кюветах лежали горы оружия, которое никогда больше не будет стрелять.

В хлопотах по приему пленных я как-то не осознал, что с этого дня больше никто не скажет нам: «Слушай боевой приказ!». Смысл происходящего дошел до меня под вечер, когда мы с гвардии старшиной Веселовым увидели очень символическую сцену.

По пустынной улице Костелица брел отставший от своих немецкий пехотинец. Вдруг он остановился, огляделся по сторонам и быстро поднял с земли железный крест — высшую награду бывшей гитлеровской Германии. Еще два шага, и снова нагнулся немец, поднял несколько крестов. А потом он остановился как вкопанный. Перед ним лежала груда самых различных орденов, медалей, знаков отличия... Постоял, постоял солдат бывшего вермахта около этой бижутерии, достал из кармана кресты, бросил их в кучу, плюнул и торопливо зашагал по дороге. Вот тогда-то до конца поняли мы, что войне настал конец.

Глава восьмая
МОСКВА, 24 ИЮНЯ...

Чем мне запомнились первые дни после капитуляции вражеских войск под Прагой? Необычной, звонкой, какой-то торжественной тишиной. Не грохотали взрывы, не гремели по дорогам гусеницы танков. Вместо привычной автоматной перестрелки слух ловил птичий гомон. Радовала сердце первая листва на деревьях, дружная зелень озимых на полях...

Разведчики неторопливо обживали новое место. Рыли просторные землянки, обшивали их тесом. Когда меня вызвали в штаб дивизии, мы с гвардии старшим сержантом Ревиным как раз делали заготовки из досок. Отряхнул свежие опилки с гимнастерки, почистил сапоги и отправился знакомой тропой между соснами-великанами.

— Вам, товарищ Перегудин, оказана высокая честь, — сказал начальник штаба, когда я вошел в его палатку и представился. — На Параде Победы, который состоится в Москве, вы понесете боевое знамя нашей дивизии...

Не берусь описывать чувства, которые нахлынули после того известия... Вспомнилось, как в самые торжественные минуты нашей военной жизни, после побед в жарких сражениях проплывало боевое знамя перед строем, как поднималась в те мгновения в душе волна гордости за принадлежность к славной боевой семье гвардейцев...

На Парад Победы от дивизии ехало семь человек — представители всех полков и бригад. А старшим среди нас комдив назначил Героя Советского Союза гвардии майора Ивана Ивановича Зиму — нашего «главного разведчика». На сборы дали всего один вечер. Что началось в роте, когда товарищи узнали о поездке в Москву! Первым делом они критически осмотрели мое обмундирование. И хотя знали все, что приоденут нас перед парадом как следует, один вручил мне хромовые сапоги первого срока службы, другой — новую гимнастерку... От этого простого, искреннего проявления армейской дружбы к горлу подкатил тугой комок. А разведчики советовали, что первым делом посмотреть в Москве, как держаться при встрече с высоким начальством. Гвардии старшина Веселов порекомендовал приналечь на строевую, объяснив при этом, что весь мир будет смотреть на нас, представителей Красной армии, и надо выглядеть молодцом.

Утром следующего дня части дивизии были построены для торжественных проводов нашего боевого знамени на Парад Победы. Под праздничные звуки оркестра знамя вынесли на середину строя и вручили его мне. Командир дивизии обратился к воинам с речью. Он напомнил о боевом пути соединения, подчеркнул, что гвардейский стяг звал воинов на подвиги во имя Родины. И в Москве на Красной площади боевое знамя дивизии будет олицетворять собой героизм, отвагу гвардейцев, могучую силу победившего советского народа.

Слушал эти проникновенные слова, и перед глазами вставали картины сражений, в которых участвовали мои друзья, не дожившие до этого счастливого дня. Не только тех, кто стоял в шеренгах здесь, на лесной поляне, под Прагой, доверили нам представлять на параде, но и павших в боях за Родину: генерал-майора Боброва, ротного — гвардии капитана Белова, нашу отважную Лену. И еще многих товарищей, которые лежали в братских могилах.

Перед отъездом гвардии майор Зима принял под расписку объемистый тюк. В нем находились штандарты и знамена разбитых нашей дивизией фашистских частей. Закончили они свое бесславное существование на брусчатке Красной площади перед Мавзолеем В. И. Ленина.

Одно из знамен, помеченных свастикой, всего три недели назад захватили бойцы 44-й отдельной разведроты.

А случилось это так. На шоссе мы увидели несколько грузовиков. В кювете догорал «опель». Вокруг машин залегли фашисты и вели такой сильный огонь из автоматов и пулеметов, что головы нельзя было поднять.

— Помогите, ребята! — обратился к нашему взводному старший лейтенант — командир стрелковой роты. — Целый час возимся. И чего они уцепились за эти грузовики?

Оценив обстановку, гвардии старший лейтенант Торшин понял, что наши пехотинцы наткнулись на штаб какой-то вражеской части. Большинство перебегавших от

укрытия к укрытию фашистов были офицерами. Среди грузовиков мы разглядели штабной автобус, предназначенный для отдыха высоких чинов в полевых условиях.

— Поможем пехоте, Перегудин? — обратился ко мне командир. — Обойди с хлопцами гадов с тыла, вон там, за поворотом дороги...

Взяв с собой шестерых разведчиков, я выполнил приказ Торшина. Мы ползком преодолели метров триста и почти в упор ударили по фашистам из автоматов. В этот момент в атаку поднялись стрелковая рота и остальные разведчики.

...Мы прорвались к штабному автобусу. Из него отстреливались двое офицеров. Пришлось кинуть в дверь ручную гранату. После взрыва я забрался в салон и там увидел эту иссеченную осколками бархатную тряпку. Сразу и не понял, что это вражеское знамя, под которым гитлеровцы совершали свои злодеяния: грабили и убивали, жгли и разрушали. Пинком вышвырнул его на асфальт.

— Не бросай! — сказал Торшин, — отдадим его в штаб. Авось пригодится.

Пригодилось...

В венгерском городе Мишкольце собрались все бойцы и командиры Второго Украинского фронта, назначенные в парадный расчет. Начальник штаба фронта генерал-полковник М. В. Захаров вручил мне ордена Славы 1-й степени и Отечественной войны 1-й степени.

— Ничего что поздно, зато сразу два, — пошутил он, прикрепляя награды к гимнастерке, — вот сейчас и по Москве не стыдно пройтись.

Вечером того же дня состоялись проводы участников парада. Нас ждали сверкающие свежей краской вагоны, удобные, на четырех человек купе. Заиграл оркестр, и поезд медленно отошел от перрона вокзала, который несколько месяцев назад мы брали штурмом, выбивая из пристанционных построек эсэсовцев.

Днем и ночью без остановок, по «зеленой улице» шел наш состав. Мелькали за чисто вымытыми вагонными окнами города и села. Жизнь брала свое: зеленели изумрудом первых всходов поля, сады стояли в белом кипении цветов. Приветливо улыбались нам люди. После Чопа бойцов стали встречать букетами весенних цветов, музыкой. Вглядывались в окна вагонов чьи-то матери, жены, надеясь разглядеть среди бойцов своих сыновей, мужей. Около них стояли дети с серьезными не по возрасту глазами.

И вот длинная дорога позади. Поезд прибыл на Киевский вокзал столицы. Раздалась команда: «Выходи строиться!», и вторая: «Расчехлить знамена!». Упругий ветер расправил тяжелый шелк полотнищ, подхватил гвардейские и орденские ленты... Оркестр заиграл марш, и колонна Второго Украинского фронта двинулась по Большой Дорогомиловской, по Арбату, Садовому, Тверскому бульварам в направлении Сокольников.

Было часов шесть утра, но на московских улицах мы увидели много людей. Гремела медь военного оркестра, раздавалась мерная поступь войск, плыли алые знамена. А кто шел в стройных колоннах! Лучшие из лучших, все как на подбор рослые, крепкие. На гимнастерках сверкали ордена.

— Милые! — шептали женщины. — Мы вас четыре года только на картинках в газетах видели... И вот вы идете... Живые!

Когда мы поворачивали с бульвара на улицу Кирова, колонна внезапно остановилась, хотя команды на это никто не давал. Воины оказались в тесном кольце людей, которые, видимо, шли с ночной смены. Начались крепкие объятия, у рабочих навертывались слезы радости. Москвичи встречали победителей, и были те минуты высшим проявлением любви советского народа к Красной армии, гордости за нас, фронтовиков.

Тренировки проходили на площади перед входом в парк Сокольники, вначале с утра до обеда, а потом по ночам. Дело в том, что посмотреть на нас каждый день собиралось столько людей, что заниматься строевой подготовкой в составе сводного полка было попросту негде. Вот и принял Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский решение тренироваться в полночь. Электрики установили дополнительные светильники, прожектористы привезли свои «фабрики света» — на площади стало как днем.

Целый месяц отрабатывали мы четкий строевой шаг, учились держать равнение в шеренгах, а 36 знаменщиков, в том числе и я, — красиво, ровно нести боевые знамена полков, бригад, дивизий Второго Украинского фронта. Многих из них я знал. Ведь знаменосцами часто были разведчики. И это, по-моему, справедливо. Кто охранял знамена в боевой обстановке? Разведчики. У кого на гимнастерках тесно от наград? У разведчиков.

На первой же тренировке, во время перерыва, ко мне подошел высокий, побогатырски сложенный старший сержант. На груди — восемь боевых орденов.

— Смотрю, лицо как будто знакомое, — начал он. — И где мы с тобой встречались?

Потом вспомнили — еще в Молдавии. Возвращались мы из поиска. Настроение у всех приподнятое — никого не потеряли, задачу выполнили. И вдруг — стрельба поднялась. Прислушались. Огонь вели из ППШ*. Решили помочь братьям-славянам. Подобрались осторожно и ударили по врагу с тыла. Выручили мы, оказалось, разведчиков из соседней дивизии. Не повезло им. Только начали поиск и наткнулись на гитлеровцев. Пришлось принять бой.

С другими разведчиками встречался в более «мирной» обстановке — на армейских сборах по обмену опытом. Рассказывали мы друг другу, как действовали в тылу врага, делились приемами сбора информации о противнике. Польза от тех мероприятий была немалой. Кое-что из опыта, накопленного в других соединениях армии, мы успешно применяли в своей практике.

Участники парада были искренне тронуты теплым вниманием москвичей, их заботой о всех мелочах нашего быта. В увольнение мы ходили каждый вечер, и внизу, в вестибюле здания, нас всегда ждали билеты на самые интересные спектакли московских театров. Еду готовили повара из лучших ресторанов. На столах было все, что душа пожелает. В первое время мы, привыкшие к обильному фронтовому пайку, не очень-то обращали внимание на это изобилие. А потом, когда узнали, что жители Москвы до сих пор питаются более чем скромно, по карточкам, стали смотреть на заставленные деликатесами столы по-другому. Многие из нас после обедов,

* Пистолет-пулемет Шпагина.

ужинов выходили из столовой со свертками в руках. Предназначались они в основном для расположенного неподалеку детского дома. Угощали потихоньку бойцы малышей лакомствами и были счастливы, когда в детских глазах видели радость.

* * *

И вот долгожданный день наступил. Ранним утром 24 июня 1945 г. сводный полк Второго Украинского фронта в количестве тысячи человек двинулся по улицам Москвы на главную площадь Страны Советов. На всех бойцах и командирах было новое обмундирование, пошитое специально к параду, оружие начищено: холодно сверкала сталь штыков. Мерно покачивалось боевое знамя нашей гвардейской дивизии, и его шелк мягко касался лица.

На всем пути от Сокольников до Красной площади мы не видели на тротуарах свободного места. Москвичи приветствовали героев Великой Отечественной войны. Глядя на празднично одетых людей, на их улыбки, тысячи букетов, мы ощущали такой прилив сил, что казалось, еще чуть-чуть — и полетишь над летней московской улицей.

Оркестра с нами не было, но тысячи орденов и медалей на мундирах бойцов вызванивали в такт шагам праздничную мелодию. И стал тот легкий малиновый перезвон лучшей музыкой, которую я когда-нибудь слышал.

10 часов утра. Красная площадь. С неба струился мелкий холодный дождь. Наш сводный полк стоял неподалеку от Музея Владимира Ильича Ленина. С последним ударом Кремлевских курантов раздалась команда Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского: «Парад, равняйсь!.. Смирно!». И справа, совсем рядом с нами грянула торжественная, близкая для каждого русского человека мелодия Глинки «Славься!». Признаться, то, что происходило в последующие за этим минуты на площади, я разглядел с трудом. Глаза на миг затуманили слезы, о которых станут потом петь, что пополам с ними была наша радость.

Один за другим проходили сводные полки фронтов по Красной площади. Каждый — под свой марш, который исполнял сводный оркестр Красной армии. И вот настал наш черед. Поплотнее обхватил ладонями древко боевого знамени, поднял его выше. «Полк, смирно! Шагом, марш!» — раздалась команда Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского.

Сырой ветерок бережно перебирал складки стяга. Плечом к плечу шли мы по древней брусчатке мимо Мавзолея Владимира Ильича Ленина. Шли по Красной площади победители, и каждый мысленно давал себе клятву во все времена беречь Родину-мать, надежно охранять мирную жизнь своего народа, быть до конца верным нашей партии! Четыре десятилетия своей службы в Советской армии я держал эту клятву и буду верен ей всегда.

Публикуется по изданию:
Перегудин А. И. Разведчики идут в поиск.
М., 1986. 157 с.

М. Т. ПЕТРОВ

Петров Михаил Трофимович (19.10.1924, с. Мордовская Паёвка ныне Инсарского района Республики Мордовия — 24.6.2013, г. Саранск) — участник боевых действий. На фронте — с 1942 г. Войну окончил в г. Берлине. Народный писатель Республики Мордовия. Награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда»[*].

16 июля 1969 г.

НА ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ
(Записки из фронтового блокнота)

У каждого человека есть какая-то вещь, которой он особенно дорожит. Такая вещь есть и у меня. Это — фронтовой блокнот. Небольшого размера, с истрепанными корками и пожелтевшими листочками, он неказист с виду. Но я не променяю его ни на какие сокровища. В нем записи тех несравненных времен, ставших уже далекими, когда решалась судьба моей Родины.

Я часто перелистываю его, читаю выцветшие карандашные строчки, и в моем воображении возникают образы моих боевых товарищей, с которыми прошел трудный путь войны, делился радостями, горем — всем, что стояло на пути фронтовой жизни.

Вот некоторые из этих записей.

1. Наступление

5 марта 1945 г.

Бои, бои, бои…

Вот уже около месяца тесним мы врага. Наступление идет по всему Второму Белорусскому фронту. Противник отступает на запад и север. Отступая, отчаянно сопротивляется. Он еще на что-то надеется…

Наша радиостанция придана командиру танкового корпуса генерал-лейтенанту Панфилову. Мы не отстаем от него ни на шаг. Он на передовую — и мы на передовую, он в тыл — и мы в тыл, куда бы он ни поехал — всюду за ним. Наша задача — обеспечить его оперативной связью с командирами частей. Связь с армией держит другая радиостанция, которая передвигается вместе со штабом корпуса.

Перемещаясь с места на место, мы часто встречаемся с колоннами бойцов, идущими следом за отступающим противником. И каждый раз наш шофер, высунувшись из кабины, спрашивает:

---

[*] ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 60. Л. 104 — 115 ; Мордовия, XX век: культурная элита. Саранск, 2013. Ч. 2. С. 57.

— Пензенские есть?

Ответы бывают разные, чаще всего с подковыркой, вроде таких:

— Были, да сплыли.

— К теще на блины побежали и тебя с собой звали.

Но иногда отвечают утвердительно:

— Есть.

— Откуда?..

— Из… (такого-то) района.

— А я из самой Пензы.

На этом разговор обычно прерывается. И хотя шофер не успевает разглядеть даже лица земляка своего, он остается чрезвычайно доволен.

Почти не переставая, моросит холодный дождь. Непогода порою заставляет генерала оставлять свой «виллис» и забираться к нам на радиостанцию. Не для связи с частями (это само собой), а так просто, чтобы отдохнуть, погреться. У нас постоянно топится печка, в машине тепло, уютно. Работаем в одних гимнастерках.

Генералу нравится наш уют. По всему, и экипажем доволен. Во всяком случае, с нами он сдержан, тактичен, хотя и проскальзывает в его словах некоторая ирония.

Наш экипаж он называет «интернационалом». Это потому, что мы представляем разные национальности. Начальник радиостанции лейтенант Коган — еврей, радист Строков и шофер Ручкин — русские, радист Михайличенко — украинец, я мордвин. Хотя и разные по национальности, мы, однако, живем очень дружно, готовы друг за друга, как говорится, хоть в огонь и воду.

Сегодня у генерала было особенно хорошее настроение. Когда стояли у штаба, он неожиданно открыл к нам дверь и, не входя в рацию, весело спросил:

— Как дела, «интернационал»?

— Как всегда, товарищ генерал, — ответил за всех Строков. — Служим, хлеб жуем — не тужим.

В такой манере разговаривать с командиром корпуса смеет только он один. Его зовут Жорой. В экипаже он самый молодой — 1925 года рождения. Москвич. В армию пошел добровольцем, после того, как с фронта пришло известие о гибели отца…

С генералом у него каким-то образом сложились довольно необычные отношения. Жора, будучи по званию младшим сержантом, относился к нему так, словно не чувствовал разницы в их положении. Он позволял себе делать ему замечания, спорить, особенно когда речь заходила о Москве и ее достопримечательностях. И генерал все это ему прощал. Больше того, разрешал. И нам со стороны даже казалось, что ему нравились Жоркины выходки. В эти минуты он в какой-то степени походил на отца, забавлявшегося избалованным сынком.

— Заходите, товарищ генерал, — пригласил Жора.

— Опять егозишь, — с притворной строгостью заметил генерал. — Письмо от матери получил?

— Так точно.

— Что пишет? Как там Москва?

— Москва ждет победы, товарищ генерал.

Командир корпуса широко улыбнулся. Ответ ему понравился.

— Вот что, — сказал он, — можешь написать маме: до победы уже близко. Сегодня наши войска вышли к Балтийскому морю. Восточно-померанская группировка противника отрезана. Возьмем Данциг, а потом — за Одер, в самое логово.

— Вот здорово! — воскликнул Жора.

— Мне тоже кажется здорово, — усмехнулся генерал и ушел, очень довольный тем, что смог обрадовать нас такой замечательной новостью.

2. Другие нынче времена

17 марта.

Наш корпус повернул на северо-восток. Наступаем на Данциг. С нами — другие воинские части. Дороги забиты колоннами бойцов, танками, машинами.

…Моросит мелкий холодный дождь. Мы стоим на обочине дороги и через опущенное окно радиостанции смотрим на останавливающуюся рядом колонну пехотинцев. Командир корпуса, оставив нас, поехал вперед узнать причину образовавшейся пробки.

Бойцы в плащ-палатках. На их мокрых лицах усталость. Но они не унывают, пробуют шутить, подтрунивают друг над другом.

— Пензенские есть? — как всегда допытывается наш водитель.

— Толстопятые в обозе остались, — со смехом отвечает рослый боец с автоматом на шее, заботливо прикрытым плащ-палаткой.

Дорога и прилегающее поле усеяны листовками. Солдат с автоматом брезгливо поднимает из-под ног одну и долго разглядывает ее.

— Что пишут? — интересуется шофер.

— «Смерть, кровь, разрушение…» — не торопясь читает солдат.

Листовка вражеская. В ней угрозы в наш адрес, в адрес советского народа. Есть намек на применение какого-то нового страшного оружия.

— Грозился черт луну слопать, да рот разорвал, — резюмирует солдат, кончив чтение и бросив бумагу в сторону.

Вокруг смеются.

А мне вспоминается осень 1942 г. под Сталинградом, когда мы, специальная группа бойцов, по поручению особого отдела рыскали по балкам, собирали и уничтожали заброшенные с самолета вражеские листовки. В тех листовках немецкое командование агитировало красноармейцев сдаваться в плен. Сейчас другие времена. Сейчас не до агитации. Ему остается только делать страшную морду, как обычно поступают раненые звери, прижатые рогатиной.

По колонне сообщают: пробка ликвидирована. Раздается команда, и движение возобновляется.

— До свидания, земляк, — кричит шофер солдату, читавшему листовку.

— До встречи в Берлине, — не оборачиваясь, громко отвечает тот.

3. Немцы

30 марта.

Данциг наш. Правда, на восточной окраине еще идут бои, немцы оказывают сопротивление. Но судьба города уже решена.

Свободные от дежурства, мы с Жорой выходим на улицу и завязываем разговор с немцами — настоящими, «цивильными». К нам присоединяется Ручкин, наш шофер.

Немцев четверо. Они стоят полукругом и изучающе разглядывают нас.

Немцы как немцы. Трое явно из рабочего люда — простоватые, с крупными узловатыми руками. Четвертый с животиком и выхоленной кожей, какая обычно бывает у людей, не знающих худой пищи.

— Ур есть? — начинает допрос Ручкин.

«Ур» — значит часы, одно из немногих немецких слов, заученных им. Кстати, у него было уже с дюжину трофейных часов, но ему казалось мало. Он пускался на всевозможные обменные комбинации, не останавливался ни перед чем, чтобы пополнить свою коллекцию.

— Ты, буржуйчик, ур, спрашиваю, есть? — наставил Ручкин палец на немца с животиком.

Тот непонимающе пожал плечами:

— Нихьт ферштейн.

— Ишь, мерзавец, — заметил шофер, — будто не понимает… Все понимает. Ур! — еще настойчивее потребовал он, подкрепляя слова замысловатой жестикуляцией. — Ферштейн?

— Брось, — одернул его Жора.

— Я же не задарма, — обиделся Ручкин. — Могу с ним на мыло махнуть. На наше русское мыло.

В это время один из немцев с худым болезненным лицом взял его за рукав и потянул к себе:

— Камрад, камрад…

— Чего тебе? — повернулся к нему Ручкин.

Немец торопливо полез в грудной карман, и мы увидели, как на его ладони заблестели серебряные часы с крышкой. Ручкин осторожно, словно это была мина замедленного действия, принял часы и стал внимательно их рассматривать.

— Смотрите, братцы! — воскликнул он в радостном изумлении, открыв крышку.

Часы оказались необычными. В том месте, где должна была находиться секундная стрелка, имелось круглое оконце, в котором появлялись [по]очередно изображения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. По-видимому, эти изображения были нарисованы на диске, который вращался вместо секундной стрелки под циферблатом.

Ободренный нашими дружескими взглядами, немец принялся с жаром что-то объяснять, подкрепляя слова мимикой, жестами. Однако мы ничего не понимали. Возможно, он пытался рассказать о том, как в условиях террора, постоянной слеж-

ки гестапо ему удалось смастерить эту уникальную вещь. Немец несколько раз произносил доступные слова: «товарищ», «коммунист», «Тельман», «Новая Германия».

Шофер, еще с минуту назад требовавший «ур», наотрез отказался принять такие часы. Да мы и не позволили бы ему это сделать. В жесте рабочего было нечто символическое, и мы понимали, что принять от него такой подарок могут только более достойные, более авторитетные представители нашей армии-освободительницы.

— Надо его к генералу сводить, — сказал Жора. — Там с ним поговорят.

Ручкин повел немца в штаб, а мы остались стоять лицом к лицу с нашими необычными собеседниками, совершенно не зная, как и о чем говорить.

Воспользовавшись паузой, «буржуйчик» достал изящный портсигар, закурил. Нам было странно, что он не предложил сигарету ни одному из своих товарищей, хотя, как нам показалось, им тоже хотелось курить. Мы, советские люди, так и поступали. Мы обычно делились друг с другом всем, что имели.

Поведение «буржуйчика» возмутило Жору. Он достал из кармана пачку «Беломора», подаренную ему генералом, и протянул рабочим:

— Закуривайте.

Те с достоинством приняли папиросы, закурили и оба заулыбались, чрезвычайно довольные. «Буржуйчик» тоже потянулся за папиросами. Жора хотел было ему отказать, но потом передумал: пусть и этот попробует, какие есть советские папиросы.

Папиросы «буржуйчику» явно понравились. Он начал что-то говорить, прикладывая ладонь к груди.

— Что он говорит? — посмотрел на меня Жора.

— А шут его знает.

— Хорошо бы поляка найти, их тут много, без поляка не обойдешься.

Нам повезло. Поляк попался из военных. Ехал куда-то на мотоцикле и остановился, приветствовал нас на довольно чистом русском языке.

— Немецкий знаешь? Спроси, чего хочет от нас этот тип, — попросил Жора, показывая на «буржуйчика».

Наш случайный переводчик, выслушав немца, рассмеялся.

— Немцы приветствуют вас на своей земле, — перевел он слова «буржуйчика». — Только их ли эта земля?

Поляк достал из кармана какую-то листовку и, тыча в нее пальцем, стал что-то объяснять. Немцы как-то сразу скисли и вскоре ушли, ничего не сказав на прощание.

Мы угостили поляка папиросами и спросили, что это за листовка, которой он так огорчил немцев.

— Листовка называется: «Войско Польское у Балтики».

Он охотно перевел ее содержание. Вот что было в ней написано:

«…После шести лет польское знамя снова развевается над побережьем. Польша возвращается на Балтику. Возвращается более сильная, чем прежде, чтобы прочно

закрепиться на море. В борьбе за Балтику мы вышли на границы 1939 г. Больше не будет „коридора“!.. Мы должны вновь обрести Западное Поморье!..

Плечом к плечу с Красной армией — вперед, на Щецин и Берлин!».

4. Мы и они

28 апреля.

После короткого отдыха наш корпус снова пошел в наступление. Только теперь идем не на северо-восток, а на запад.

Одер остался позади, а мы дальше и дальше. Враг уже не оказывает того сопротивления, как в Восточной Пруссии и Померании. Он деморализован. Дороги забиты толпами военнопленных.

Наступаем без передышки. Но никто не чувствует усталости. В частях царит воодушевление. Когда наша радиостанция, следуя за командиром, останавливается в бригадах, танкисты не упускают случая, чтобы задать один и тот же вопрос:

— Как там Берлин, еще не сдался?

Они считают радистов наиболее осведомленными людьми. Но мы сами знаем только то, что сообщается в сводках Совинформбюро.

Вчера в небольшом городке близ Пренцлау генерал проводил совещание с командирами. Городок был взят, по сути дела, без боя, но в нем каким-то образом занялись пожары. На наших глазах загорелся двухэтажный дом. Жильцы даже не пытались тушить его. Прихватив кое-какие пожитки, они уходили подальше от пожарищ.

— Шею бы свернуть поджигателям, — кипятился Жора.

Совещание кончилось быстро. Генерал вышел с красным озабоченным лицом и сразу направился к своему «виллису».

— По машинам! — тотчас раздалась команда.

Жора бросился к генеральскому вездеходу.

— Товарищ генерал, а как же они?

— Что? — не понял тот.

— Дома горят.

— Ну и что?

— Там же люди. Людей жалко.

— Они нас не жалели…

— То они, то мы, — с решительным видом заметил Жора.

Вокруг притихли. Офицеры, принимавшие участие в совещании и не знавшие об особых отношениях между Жорой и генералом, были поражены дерзостью младшего сержанта, осмелившегося поучать командира корпуса. Дай генерал им знак, они бы стерли его в порошок. Но генерал промолчал. Чуть подумал, приказал начальнику штаба:

— Распорядитесь. Город не покидать до тех пор, пока не будут уничтожены все очаги пожара.

Он дал знак шоферу, и «виллис» покатил по дороге. Мы поехали за ним. На душе было как-то по особому легко и радостно, словно мы только что одержали очень важную победу.

5. Первый день мира

9 мая.

Вот уже несколько дней стоим близ города Висмар и не слышим больше ни выстрелов, ни взрывов мин и снарядов. Война для нас кончена. Передовые части фронта встретились с английскими войсками.

Наша радиостанция находится все еще при командире корпуса. Но он уже не пользуется ею. В эфире установилась относительная тишина. Нам не приходится включать передатчик. Работает только приемник. С разрешения начальника рации время от времени ловим Москву, слушаем последние известия. Все ждем важного сообщения.

7 мая дежурный на рации Михайличенко наткнулся на волну Би-би-си, которая вела передачу на русском языке. Передавалось сообщение о подписании в Реймсе предварительного протокола о капитуляции германских вооруженных сил. Немецкое командование принимало на себя обязательство отдать приказ о полном прекращении военных действий…

Как все обрадовались! Однако мы понимали, что это еще не конец войны. Капитулируя перед Западом, немцы продолжали сражаться на многих участках Восточного фронта.

И вот сегодня наконец услышали то, что ждали все эти годы: в Берлине подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Я пишу эти строки, а там, за окном радиостанции, идет пальба из карабинов, автоматов, пистолетов. Но это пальба не по мишеням. Это — салют Родине, выдержавшей за четыре года такие испытания, какие не испытывало еще ни одно государство. И это уже последняя пальба. С сегодняшнего дня все пойдет иначе. Сегодня — первый день мира.

ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 60. Л. 104 — 115.
Машинопись. Копия.

А. А. ПИСАЧКИН

Писачкин Александр Алексеевич (2.8.1922, бывшее село Коммуна «Борьба» на территории Инсарского района Республики Мордовия — 8.12.2008, г. Саранск) — участник боевых действий. В РККА — с 1942 г. Сражался под Прохоровкой. Принимал участие в освобождении Украины, в форсировании Днепра. В Корсунь-Шевченковском котле попал в плен, совершил побег. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями[*].

1995 г.

Приятно сознавать, что среди воинов, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной, было много уроженцев Мордовии. И сам я, инсарец, на огненных дорогах войны не раз видел своих земляков — темниковцев и краснослободчан, зубовополянцев и атяшевцев. От таких встреч всегда теплело на сердце.

Когда началась война, я учился в школе. Мои ровесники уходили на фронт, а меня не брали. Писал в Кизеловский военкомат Пермской области одно заявление за другим: «Хочу на фронт добровольцем». И вот наконец я — курсант Камышловского пехотного училища. Проучился четыре месяца и в мае 1943 г. оказался в 38-й стрелковой дивизии под городом Россошь.

Личный состав дивизии представлял собой конгломерат тридцати народов страны. Наш путь к фронту пролегал через поле, где только что закончилось гигантское танковое побоище в Прохоровке. Так в составе Степного, а затем Воронежского фронтов оказались под городом Сумы. Здесь, на стыке Центрального и Юго-Западного фронтов, выполняем задачу по сковыванию войск противника, не позволяя ему усиливать оборону на направлении главного удара наших войск.

Приведу один из боевых эпизодов того времени. 8 августа дивизия получила приказ атаковать позиции противника. Накануне соединение демонстрировало свое прибытие. Днем на виду самолетов-разведчиков колонны двигались в одну сторону, ночью — в другую. Атаке предшествовала двадцатиминутная артподготовка. И вот на позиции гитлеровцев пошла наша пехота.

Обычно в направлении действий ударных сил обрушивались танки, на окопы пикировали штурмовики, ошеломляюще работали легендарные катюши. Тут и наступающей пехоте обычно было веселее. Наше дело обстояло иначе. Без проведения разведки, не имея средств усиления, нам предстояло штурмовать вражеские укрепления, идти в атаку на прицельный свинцовый дождь.

В тот день мы понесли огромные потери. Из строя вышло 2 297 человек, что составляло более 32 процентов личного состава. За столь неоправданные потери командир дивизии полковник Скляров был отстранен от должности. Его биография во многом была типична: 1891 года рождения, по профессии сапожник, три класса

[*] **Зернов А. Н., Котков С. К.** Шагнувшие в бессмертие. Саранск, 2005. С. 209 — 213 ; http://podvignaroda.mil.ru

образования. Прошел Гражданскую войну. В 1932 г. окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. Позднее он погиб в боях под Житомиром, будучи генералом и командиром 218-й стрелковой дивизии, получившей наименование Ромаданской, а затем и Киевской.

Очередным нашим комдивом становится подполковник Ф. С. Есипов, уроженец Самары. Под его командованием дивизия справилась с поставленной задачей. Противника удалось не только удержать, но и ослабить. Это позволило нашим танковым соединениям на левом фланге фронта, под Ахтыркой, развить успех, и 167, 232 и 340-я дивизии вошли в город Сумы без выстрела. Они получили наименование Сумских, а 38-я стрелковая дивизия, обескровленная на подступах к городу, отмечала гибель комдива Есипова и начальника артиллерии полковника Ф. И. Гричухи. Их могилы находятся в центре города Сумы.

В этих боях геройски погиб наш земляк, командир взвода автоматчиков Александр Иванович Перлов, уроженец села Курташки из-под Ширингушей, 1924 года рождения. Он похоронен в двух километрах к юго-востоку от села Малая Чернетчина. Получили ранение под Сумами старший лейтенант Иван Сергеевич Исмалкин, родом он был из села Парапина Ковылкинского района, и младший лейтенант Сафа Мамин из села Кочетовка ныне Зубово-Полянского района.

Есть казенное сухое слово на войне — потери. Для его характеристики применяется численный показатель — статистика. Но за каждой цифрой заключена трагедия не только тех, кто погиб и искалечен, но и их родных и близких, а также товарищей по оружию, черед которых еще не пришел. Вот и на моих глазах гибли и страдали изувеченные люди. Осколком мины оторвало ногу командиру топографического отделения Александру Николаевичу Желтову. Им занялись санитары. Мы же продолжали выполнять задачу — топопривязку 6-й гаубичной батареи 214-го артполка.

Рядом ведет наступление 48-й стрелковый полк. Действия отступающего противника грамотные. Немец — умелый вояка. Все делается уверенно, не спеша. Главные силы отводятся за реку Псел, а предместное прикрытие осуществляет самокатный батальон с огневой поддержкой из шести минометов. Попытка наступающих взять с ходу село Васильевка успеха не приносит. Фашисты ведут плотный огонь, прижимают атакующие подразделения к земле. Местность, где идет бой, поросла высокой, по пояс, травой. Это облегчает задачу наступающих.

Начальник разведки полка старший лейтенант А. З. Лебединцев усилил группу разведчиков связистами, ездовыми, писарем и другим подобным воинством. Отряд из 35 человек двинулся во фланг противнику. В двух километрах от села местность оказалась сильно заболоченной. Здесь велись торфоразработки. Бойцы пробирались по берегу болота, перебежками двигались между кучами сухого торфа. Здесь их немцы обнаружили, и сюда полетели мины. Но военное счастье оказалось на стороне наступавшей группы. Мины, попадая в болотную трясину, не разрывались. А по фашистам ударили наши орудия. Пока немцы укрывались в окопах, разведгруппа бросилась вперед и оказалась вплотную к противнику. В ход пошли гранаты. Бойцы попрыгали через траншеи, устремились к хатам. Из них в панике выскакивали немецкие солдаты.

В окопе Лебединцеву удалось скрутить матерого фельдфебеля, который, хотя и был ранен, но оказал сильное сопротивление. У пленного нашли ценные документы, в том числе топокарту с нанесенной обстановкой, указанием оборонных средств противника. Тем временем разведчики вели бой у окраинных домов. Через хаты летели ручные гранаты. В спешно покинутой противником Васильевке наши разведчики увидели грузовик, кузов которого был заполнен велосипедами. Под ними были спрятаны шесть стволов минометов и ящики с боевыми припасами к ним — вся огневая позиция минометной батареи. В кирпичном особняке на столе зумерили телефоны. Со всех сторон к ним тянулись кабельные линии. Здесь располагался штаб, спешно покинутый бежавшими немцами. Однако было ясно, что противник предпримет ответные меры. Отряд разведчиков малочислен. Необходимо было закрепиться здесь и ждать атаку.

Вскоре появились три мотоколяски. Сидевшие в них немецкие солдаты вели пулеметный огонь длинными очередями. Но к встрече врага было все подготовлено. За трофейными пулеметами улеглись начальник разведки полка и командир взвода разведчиков. Отряд ждал команды, и только мотоциклисты приблизились к расчетной точке, грянул дружный залп. Немцы были убиты, а к трофеям прибавилось еще два уцелевших мотоцикла и три пулемета. Всего в этом бою было уничтожено десять солдат противника, а мы потеряли одного.

Разведчики радовались трофеям: продукты на ужин и бумага для писем, часы и зажигалки. Особый восторг вызывали карманные фонарики с батарейками. Все эти незатейливые вещи солдатского обихода, привычные для немца, тогда были недоступны для нашего солдата. Добывать огонь, чтобы раскурить самокрутку, нам чаще всего приходилось с огнивом, нанося скользящий удар железной пластинки о кусочек кремня, метя искру на конец опаленного ватного жгута. А потом требовалось раздувать дымящийся жгутик до возгорания.

На следующий день Лебединцев докладывал командиру полка майору Бунтину о подробностях боя за Васильевку. Майор, довольный успехом разведчиков, спросил, каково желание героев дня.

— Вы обещали, если возьму Васильевку, котелок спирта! — сказал Лебединцев.

Майор молча подписал бумагу. В этот день разведчики праздновали свою победу. Им выдали две фляжки спирта и две банки американской тушенки.

Наступление продолжалось. Мы часто меняли дислокацию. В случае передышки нас, топографов, нередко упражняли в решении огневых задач, в наведении на разноудаленные цели, согласно ориентирам.

Однажды, когда мы с товарищем занимались отработкой топокоманд, мимо проходила группа пехотинцев. Один из красноармейцев остановился, прислушался к нашим командам. Он был худощав, с поседевшими висками. Но под обмундированием с чужого плеча угадывалась былая выправка. Вдруг этот человек стал выдавать нам решения огневых задач твердо, по-командирски ясно и с быстротой, неслыханной для нас, молодых артиллеристов. Мы были удивлены, пристыжены. Засыпали его вопросами и стали приглашать к нам в артиллерийский полк. Но пехотинец как-то сразу потух, сгорбился, превратившись в усталого пожилого че-

ловека. Он повесил на плечо винтовку и горько произнес: «Нет, ребята, теперь я сам себе не хозяин... Командовал недавно линкором на Черноморском флоте, разжалован в рядовые, в пехоту». Увы, нам недоставало профессионализма. Мы несли страшные потери, в то время как цвет армии, командный состав, был выбит необоснованными репрессиями.

Наш путь пролегал с боями от города Гадяча через Лубны к Григоровке, к которой мы устремились после форсирования Днепра. Прошло более сорока лет с того момента. Я листаю старую школьную тетрадь — журнал боевых действий начальника оперативного отдела штаба 38-й стрелковой дивизии капитана Василия Ивановича Петрова. Имя этого человека известно. Впоследствии он был главкомом сухопутных войск, заместителем министра обороны страны, Маршалом Советского Союза, ныне в отставке.

Читаю запись, датированную 23 сентября 1943 г.: «Вышли на рубеж — восточный берег Днепра — и приняли боевой порядок. Озеро Остун, село Бучаг, ведем разведку за противником. Подготавливаем перевозочные средства для форсирования. Авиация противника по 50 — 70 самолетов с 12 до 20 часов бомбила переправу восточнее Григоровки и прилежащие районы».

Здесь военный лаконичный язык не передает всю ту полную напряжения, драматизма и опасности боевую жизнь, память о которой всплывает в моем сознании эпизодами, сменяющими друг друга, дополняя и расшифровывая записи офицера штаба.

Немецкое командование, разгадав наши намерения, нанесло мощные бомбовые удары по району переправы и местам сосредоточения наших войск. Фашистские стервятники роем кружили над Днепром, безнаказанно сеяли смерть в рядах наступающих. Но в воду вступали все новые и новые подразделения, упрямо стремящиеся к противоположному берегу, на котором нас ожидали суровые испытания. После каждой воздушной атаки солдаты кляли наших авиаторов, которых не было видно в небе над Днепром. Откуда нам было знать, что истребители 2-й воздушной армии не могли взлететь с соседних аэродромов, так как отсутствовало горючее для заправки.

С рассвета части 38-й стрелковой дивизии (29, 48 и 343-й стрелковые полки и 214-й артиллерийский полк) занимались подготовкой плавсредств, сбором рыбацких лодок, постройкой плотов. В дело шли бревна разобранных построек, бочки из-под горючего, деревья, доски, жерди, веревки, проволока. Днепр — это могучий водный поток восьмисотметровой ширины и глубиной 10 — 12 метров. Многих волновала переправа. Все же на земле солдату как-то надежней. Особенно переживали те, кто не умел плавать. Таких среди нас было немало. Но приказ есть приказ, а «на миру и смерть красна». Нашим войскам предстояло закрепиться на Букринском плацдарме под Киевом.

Преимуществ у нашего противника было более чем достаточно. Могучая река казалась непреодолимой преградой, а правый берег, на котором находились фашисты, представлял собой сплошные кручи, сыпучие обрывы, местами прорезаемые крутыми оврагами. Естественная преграда надежнее любой крепостной стены. Фортификационные возможности правобережья усиливали возвышающиеся над местностью холмы, на полевых картах обозначаемые как высоты 244,5; 209,7; 205,2.

Оттуда зарытому в землю противнику мы видны были как на ладони. Местность свободно простреливалась любым видом оружия. Нам предстояло испытать свою судьбу. А тут еще «юнкерсы» с жутким воем утюжили цели. Каждая новая атака приносила новую смерть. Но десант завершал свою подготовку. И эту могучую, заведенную на штурмовой бросок машину уже было не остановить.

Ночь штурма выпала очень теплой. Над рекой стояла плотная пелена тумана. Это был хороший знак судьбы. На вражеском берегу тревожно вспыхивали и гасли оранжевые ракеты. В час ночи отчалили две роты 29-го полка. Им предстояло высадиться южнее села Григоровки. А рота 48-го полка должна была ворваться через ущелье рядом с могучим утесом на северной окраине этого села. Несколько ранее к берегу противника отчалил взвод разведки 48-го полка, где командиром был лейтенант А. И. Зайцев, кстати, выпускник Саранского пехотного училища.

Мы ждали. Казалось, время остановилось. Наконец вспыхнула сигнальная ракета и раздалась команда: «Вперед!». Плоты с пушками и батарейцами, лодки с разведчиками, управленцами, связистами разом растворились в туманной мути. А там, на правом берегу, уже разгорелся бой. Противник вел по реке бешеный заградительный огонь. Наша лодка резала туман, неслась к вражескому берегу. Вокруг бушевало столпотворение разрывов, фонтанных брызг, вой осколков. Мы, подменяя друг друга, старались грести изо всех сил.

Первыми из артиллеристов 214-го артполка на правый берег ступили бойцы пятой батареи второго дивизиона. Взвод лейтенанта Владимира Дони выкатывал на руках орудия по песчаной крутой дороге, и сразу прямой наводкой обе пушки ударили по врагу. Пехота при поддержке артиллеристов смогла потеснить противника, отодвинуть фрицев в огороды. А на образовавшийся плацдарм причаливали другие подразделения. Усиливался натиск наступающих. На берег выкатывали орудие за орудием. Подъем на высокий склон был усеян трупами, стонали раненые. Некоторые пушки заваливало в воду у самого берега. И тогда на помощь батарейцам устремлялись все, кто оказывался рядом. Не было задачи важнее, чем усилить огневую мощь штурмовой группы. Кто знает, что ждет десантную группу в ближайшее время? А пока, ощутив под ногами твердую землю, все мы стремились на траншеи противника. В хаосе яростного боя раздавались команды. Одна за другой следовали атаки и контратаки. В рукопашной схватке сошлись разом многие сотни людей.

Не только я, многие из тех, кто прошел войну, считают, что штыковая схватка — самое страшное в сатанинском наборе кровавой вакханалии войны. Озверелые люди остервенело бросаются друг на друга с перекошенными злобой лицами, глазами, пожирающими врага и не видящими никого другого вокруг. С хрустом вонзаются штыки, обрушиваются на головы приклады, всполохи выстрелов в упор. Наконец враг не выдерживает нашего натиска. Немцы бегут, оставляя убитых и раненых. Многие попадают в плен.

Эта первая победа на правом берегу Днепра была нелегкой и кровавой. Те, кто выстоял, проявили настоящий героизм. Алексей Гуляев, мой товарищ и земляк из Краснослободска, сразил в этом бою двоих гитлеровцев. В разгар боя тяжелое ра-

нение получил Василий Ильин. Его, истекающего кровью, подхватил комсорг полка старший лейтенант Евгений Гегечкори и перенес в медицинский пункт. Жизнь воина была спасена. И таких эпизодов было множество. Из них, по существу, состояла наша фронтовая жизнь. И здесь, на Букринском плацдарме, судьба каждого из нас была наиболее напряженной, наиболее экстремальной.

В одной из хат младший лейтенант Степан Колбасенко застал страшную картину: горем убитая мать держала на руках грудного ребенка, у которого только что осколком оторвало правую ручонку. Степан понял: дорога каждая минута. Перетянув наскоро торчащий обрубок, он с матерью и ребенком добрался через ад бушующего боя до лодки, пересек кишащий взрывами Днепр и доставил раненого в госпиталь.

Встреча спасенного когда-то малыша с героем-спасителем произошла на моих глазах спустя много лет. В 1987 г. мы, однополчане 38-й стрелковой дивизии, посещали места былых боев. В Григоровке Степан увидел пожилую женщину, стоящую вместе с сыном. В них опознал спасенных им людей, Василия Диденко и его мать.

Из тридцати воинов взвода разведки лейтенанта Зайцева из этого боя живыми вышли только 12 иссеченных осколками, контуженных бойцов. Но к ним на помощь спешила рота старшего лейтенанта Михеева. Воинам этого подразделения удалось к рассвету захватить в яростном бою ключевую высоту 244,5. Но солнце уже проснулось, и над Днепром растаял туман. А это обстоятельство начисто лишало наступающих тех преимуществ, которые были в условиях полной темноты и ограниченной видимости.

Более сотни фашистских самолетов взмыли в небо и, оглушая ревом окрестность, обрушились на переправу, на тех, кто успел закрепиться на правом берегу. Началась наиболее драматичная страница эпопеи боев за отвоеванный Букринский плацдарм. Подразделения 48-го полка наскоро окапывались на крутых берегах Днепра. Бойцы пытались укрыться от бомб под двадцатиметровым обрывом. Но не было спасения от бомб и здесь. Бомбы смешали смельчаков с дымом, гарью, землей. Земля задавила и тех, кто искал спасения, закопавшись под обрывом.

Долгие десятилетия эти места хранили и продолжают хранить тайну жестоких боев. И лишь вешние воды рукотворного Каневского водохранилища постепенно подтачивали и разрушали утес. И когда отваливалась вершина, то часто вместе с землей белые кости безвестных героев падали в мутные грязные волны.

А тогда недалеко от обрыва на гребне утеса стояла полуразрушенная дымящаяся хата. Возле нее на коленях присел знавший цену окопной жизни боец. Он ощипывал курицу. И когда по команде «Воздух!» все вокруг попытались укрыться, он продолжал свое дело. Бомбы терзали вершину, град осколков прошивал все вокруг. Но атака закончилась. Все стихло. Возбужденные бойцы со смехом покидали спасительные воронки, щели, траншеи. Вдруг все приутихли. Они увидели страшную картину гибели своего товарища. Он лежал без головы. Из шеи толчками хлестала кровь, а руки убитого продолжали цепко сжимать обезглавленную незадолго перед тем курицу. Война была одинаково беспощадна к смельчакам и трусливым, к умудренным опытом и новичкам. Перед смертью все были равны.

Стратегическое значение Букринского плацдарма было одинаково хорошо понятно не только нам, стремящимся развить наступление, освободить Киев. Фашистское командование делало все возможное, чтобы ликвидировать опасность, сбросить уцепившихся за правый берег Днепра воинов четырех наших армий. Днем и ночью гитлеровцы бросались в атаки, нередко даже в психические, шли в бой пьяные, надеясь наглостью загнать нас в Днепр. Их самолеты методично обрушивали бомбовые удары. Только за 25 сентября они сделали более 150 вылетов. От гула мин, снарядов мы теряли ощущение времени, плохо слышали. В гари порохового дыма друг друга не различали. Но за это время адаптировались, надежно окопались. И так продолжалось полтора месяца. В тяжелых упорных боях плацдарм удалось расширить по фронту на одиннадцать, а в глубину до восьми километров. Но отсутствие возможности использовать среднюю и тяжелую артиллерию, танки и другие средства прорыва тормозили дальнейшее наступление на этом участке.

26 сентября вечером мы все оказались свидетелями совсем необычного зрелища. За линией фронта в тылу немцев темное небо располосовали лучи десятков прожекторов. В места, где лучи сходились, устремлялись бегущие огоньки грассирующих лент. Часто они в конце своего пути завершались яркими вспышками. А над нашими головами в сторону играющих сполохов летели и летели самолеты Ли-2. Нетрудно было узнать, что это происходила выброска нашего десанта. Однако получить более полные сведения удалось спустя много лет.

В ноябре 1978 г. в санатории «Зеленая роща» города Уфа мне встретился участник той десантной операции сибиряк В. С. Кузняков. Семнадцатилетним юношей он стал воином-десантником пятой гвардейской воздушно-десантной бригады 2-й воздушной армии. По его словам, из 4,5 тысячи выброшенных за Днепр парашютистов вернулись живыми всего 270 человек. Это была одна из неудачных, в ряду других, за годы минувшей войны наступательных операций с широким применением воздушно-десантных войск.

Утро 29 сентября противник начал с сильной артиллерийско-минометной подготовки. Затем при поддержке танков и самоходок пошел в наступление. Ему удалось вновь овладеть высотой 244,5. Не останавливаясь, гитлеровцы устремились вниз по склону.

Наводчик 214-го артполка А. М. Калугин подпустил наступающих на близкое расстояние и прямой наводкой ударил из своей полуавтоматической пушки Зис-3. От меткого попадания сразу было уничтожено несколько десятков гитлеровцев. Калугин перенес огонь на другие цели противника и поразил три пулеметные точки и два миномета.

Атака врага захлебнулась. Потерпев неудачу, неприятель обрушил на наши позиции шквальный огонь. Погиб командир орудия, был ранен заряжающий. Ситуация осложнилась тем, что в новую атаку немцы бросили танки и самоходные орудия. Но рядовой Калугин не дрогнул. Его пушка продолжала вести огонь. В этом бою на месте застыли два подбитых танка, выведено из строя более трех десятков вражеских солдат, подавлена минометная батарея.

Мой фронтовой друг и земляк Алексей Гуляев вместе с разведчиком Масловым прибыл на передовую у села Иваньков, что в четырех километрах к югу от Григоровки. Прибыл для выполнения задания по разведке огневых средств противника на участке 48-го полка. Наблюдение бойцы вели с дерева по очереди. За час до рассвета собранные данные передали в штаб. Усталые после ночного бдения разведчики прилегли вздремнуть. Алексей облюбовал неглубокую траншею, укрылся плащ-палаткой, а Маслов прикорнул на брустверe окопа.

Осенний рассвет был оглашен дружным залпом наших орудий. Немцы мгновенно отреагировали ответным огнем из множества стволов. Их снаряды пришлись по нашему переднему краю. От прямого попадания термитным снарядом тело Маслова буквально испарилось. На месте его гибели остался только ободок от бинокля. А Алексей... На нем сгорела одежда, обожженное коричневое тело было иссечено осколками, глаза выбиты из орбит, изо рта далеко торчал язык. Я, потрясенный увиденным, стоял над телом погибшего друга. Хоронили мы Алексея на северном склоне высоты 205,2. Почтили память солдата трехкратным ружейным салютом.

Из семьи Гуляевых, проживающих в городе Краснослободске, на фронте сражались семь человек: шесть братьев и сестра. Старший — Иван, 1904 года рождения, Василий — 1907 г. р., Елизавета — 1914 г. р., Николай — 1917 г. р., Георгий — 1919 г. р., Алексей — 1924 г. р. и Владимир — 1925 г. р. Алексей и Владимир погибли в один день — 15 октября 1943 г. И что поражает: погибли оба на Днепре! Только Владимир лег в землю под Днепродзержинском. Вскоре после войны не стало и Ивана, сказались фронтовые раны.

Однако Иван дошел до Берлина. Однажды в конце войны в Германии у него сильно разболелся зуб. Пришлось обратиться в госпиталь. Открыл дверь в кабинет и спросил женщину в белом халате, где можно найти стоматолога. Врач повернулась, и у Ивана перехватило дыхание, рука невольно отпустила щеку. Пропала боль. Перед ним стояла Лиза, родная сестра! И такие встречи иногда бывали на войне.

Мне пришлось выполнить тяжкий долг — поведать семье Гуляевых подробности гибели Алексея. Судьба так распорядилась, что из двоих, взявших обязательство навестить родителей после войны, выполнить обещанное суждено было мне. Мать, Мария Васильевна, слушала меня без укора, лишь спросила тихо: «Леша не мучился перед смертью?». Ох как нелегко было смотреть в глаза этой женщине! «Нет», — ответил я.

Горяча была букринская земля. Фашисты яростно бросались в бой, надеясь утопить нас в Днепре. Редкий день обходился одной схваткой. 26 сентября мы отбили восемь, а 30[-го] — шесть атак пехоты с танками и авиацией. Батальон 29-го полка, занимая позицию южнее Григоровки, целых два часа выдерживал 29 сентября штурм сорока неприятельских танков и восьмидесяти самолетов. Пехота, пьяная, шла в полный рост. Но наш батальон выдержал этот натиск и даже продвинулся вперед.

3 октября на южную окраину Григоровки был произведен сильнейший артиллерийский налет противника. Самочувствие было ужасное. Хотелось стать муравьем и зарыться глубоко в землю от кошмарного ада.

12 — 15 октября наши войска провели мощные наступательные бои. Части дивизии продвинулись от 100 до 500 метров. Каждый отвоеванный нами шаг стоил больших жертв. В полках оставалось до двадцати активных штыков. Особенно быстро таяло свежее пополнение. Но 38-я стрелковая дивизия выполнила свою задачу и 5 ноября 1943 г. получила новое назначение.

События на Букринском плацдарме вписывались в картину общего наступления на Украине и имели продолжение в большом сражении, завершившемся Корсунь-Шевченковским котлом, где были окружены и уничтожены 10 фашистских дивизий. И все это было далеко не просто.

После месячной обороны на берегу Днепра у села Долина Обуховского района Киевской области части нашей дивизии провели успешное наступление и продвинулись до города Белая Церковь. 10 января 1944 г., согласно распоряжению штаба, маршевыми колоннами мы двинулись в новый район под Звенигородку Черкасской области. Но пункты назначения в дороге менялись. Были обильные снегопады. Более ста километров бойцы прошли по глубокому снегу. Наконец 13 января полки нашли свой адрес: село Босовка Лысянского района Черкасской области. На следующий день мы должны наступать в сторону райцентра.

Я с четвертой батареей всю ночь находился в дороге. Прибыв в пункт назначения, батарейцы сразу приступили к занятию боевого порядка. Прибывали и другие подразделения. Но неожиданно слух уловил нарастающий гул. Все ближе и ближе. В утренней синеве рассвета по всей шири горизонта приближался рев танков. Вот и они, а за ними тесными рядами, колыхаясь, шла пехота. Мгновенно вспыхнул бой. Сотрясалась земля. Мы бились до последнего снаряда, которых имелось только по 25 штук на ствол. В пехоте тоже негусто: по горсти патронов. Двадцать танков врага остановились, пылали на месте. Но и у нас были большие потери. Под сильным огнем противника пришлось отходить.

Я забежал в штаб полка. Комсорг полка Гегечкори скомандовал: «В машину!». Мы нырнули в трофейную легковушку. По мосту бьют танки. Едем вниз через овраг. Застряли. Я спохватился: «А знамя... знамя полка где?». «Назад!» — крикнул старший лейтенант, и мы бросились, обгоняя друг друга, вверх по склону к хате. А навстречу, словно на параде, плотной шеренгой в белой маскировочной форме шли фашисты, строча из автоматов на ходу. До них только 200 метров! Наш поступок граничил с самоубийством. Гегечкори метнулся в хату. Я, пробежав вперед, прыгнул в канаву, передернул затвор карабина, открыл огонь. Передо мной вспыхнули снежные вулканчики, зарикошетили и запели пули. Гегечкори камнем вылетел из двери и, как ящерица, ползком уходил по земле, прижав древко с зачехленным знаменем, перебегал и падал. Следом выбежал растерявшийся знаменосец и, вскинув руки, медленно опустился на снег. В какой-то миг в несколько прыжков я оказался за хатой. Стрелой кинулся к оврагу. Под свист пуль кубарем скатился в обрыв. Не помню, как оказался на другом берегу.

Самая яркая картина, которая и сейчас стоит перед моими глазами, — это скачущий по заснеженному полю всадник, пригнувшийся к луке седла со знаменем наперевес. За ним на большой скорости гнались два немецких танка, стреляя на

ходу. У меня перехватило дыхание, к горлу подкатил ком. «Держись, дружище!» Душой я был с ним!

К счастью, комсорг наш остался жив и спас честь полка. Но я его больше не видел: разошлись с того дня наши военные дороги... Я догнал своих. На уцелевших машинах 214-й артполк с командиром П. С. Кобзаренко к 12 часам ночи, двигаясь на запад, остановился в селе Кривец Маньковского района Черкасской области. От страшной усталости мы в хатах заснули мертвецким сном.

Как только забрезжил рассвет, в хате раздался истошный крик: «Что вы спите, немцы в селе!». В ста — ста двадцати метрах за прудом стояли белые с черными крестами фашистские танки и крыли разрывными пулями в нашу сторону. Я бросился догонять однополчан, уходящих из села. Километра три бежала колонна по искрящемуся снегу. Здесь были пешие, конные, тесно заполненные ранеными машины.

Колонна спустилась в село Антоновка.

На перекрестке дорог меня остановил майор Макевнин и приказал собрать своих людей, что я и сделал. Но в это время из-за хаты, в 20 метрах от нас, на дорогу выполз «тигр» и открыл из крупнокалиберного пулемета огонь. Свистели пули, падали люди. Рванулись очумелые лошади, ломая оглобли. Я укрылся в картофельной яме, где уже были мои товарищи. У нас в карабинах ни одного патрона, нет гранат. Послышался рев новых танков. Мы выглянули из ямы и увидели, как они расстреливали все живое, давили гусеницами, опрокидывали машины с ранеными. Кровь лилась рекой.

Мы побежали огородами прочь от страшного места, где творилось чудовищное злодеяние — омерзительное, садистское уничтожение беззащитных людей. Нам удалось укрыться на краю села, где я оказался в паре с командиром орудия Михаилом Бондаренко. С ним мы пытались ночью пройти через фронт, но неудачно.

Вдруг слышим за хатой на дороге немецкую речь. Укрыться, но куда? В подпол — пол земляной. На чердак — уже поздно. На печь? Запрыгнули и укрылись каким-то барахлом. Хозяйка, Пелагея Бондаренко (однофамилица Михаила), посадила на край печи пятилетнюю дочь Нину. Четырнадцатилетняя Марийка осталась у стола, а сама она упала на койку, застонала.

Вошли четыре немца. Один подошел осмотреть печь. Нина подняла испуганный рев. Мать усилила стон. Солдат остановился, спросил у Марийки: «Матка кранк?». Пелагея еще громче застонала, она знала, что за укрывательство русских солдат фашисты расстреливают семью, а хату сжигают. Солдаты вышли. Нам хватило трех минут, чтобы перебраться на чердак. Фашисты вскоре вернулись и встали на постой. В сад завели дальнобойное орудие. Оно потом то и дело вело огонь. Поставили часовых.

Пелагея изредка ухитрялась поддерживать нас пищей: напечет картофельные деруны и, будто не получаются, ломает блин ножом, бросает в помойное ведро на тряпку, а Нина кричит: «Мамо, ще ж ты робишь, вин жешь — гарный!». А потом, выйдя в сени и оглядевшись, бросает тряпку с содержимым на чердак. Хуже было с водой.

Только двадцатого февраля немцы убрались. И мы спустились с чердака. Голова кружилась, ноги подкашивались. Снег уже растаял, и земля раскисла. А хозяйку нашу не узнать: похудела, не осталось и половины. Дала в дорогу горбушку хлеба, несколько картошек и пару луковиц. Так мы расстались. И навсегда! Я уже не застал потом ее в живых, святую женщину-мать.

Простившись, пошли через сад и оказались на берегу разлившейся реки. Ползком переправились по льдине. За двое суток прошли по пояс в грязи не более шести километров. К утру силы нас покинули окончательно. На третью ночь в поле возле скирды соломы наткнулись на группу прятавшихся в ямах местных жителей. Это были шофер Харченко, Антон Журило, Антон Полищук.

Ночь показала, что с нами им не по пути: нас заедали вши, и они ушли в запасные землянки. Мы кормились мерзлой свеклой, набранной из остатков куч в поле. 28 февраля собрались в очередной раз за свеклой и обнаружили по соседству новое обиталище. В яме прятался сильно больной обросший человек, бежавший от гестаповцев из каменоломен. То был еврей Дайман Давид Маркович. Он просил о помощи: хлеба, горячей воды. Недолго думая, мы решили отправиться в Березовку добыть хлеба, посуду для воды, спички. Просили Давида держать яму закрытой, так как ежедневно за соломой приезжали немцы. Но он не внял нашему совету. День в Березовке мы прятались в подвале крайней хаты Пелипа Кандыбы. Вечером собрали богатую добычу, хотя село кишело немцами. Уверенные, что теперь можно двигаться к линии фронта, мы летели как на крыльях. Но землянки оказались разрушены. Даймана не было. На снегу виднелись следы вражеских сапог, саней. Ясно: надо немедленно уходить, покидая хорошо послужившую «крепость».

Когда рассвело, наскоро спустились в балку в поисках щели, кустарника. Неожиданно с обоих берегов оврага появились немецкие солдаты. Мы за редким кустарником упали лицом вниз, уткнулись в снег, надеясь, что пронесет. Тупой удар в бок и окрик: «Ауф! Партизан!». Так 1 марта 1944 г. мы оказались в плену. Первые минуты были минутами страшной растерянности. Но мною все больше овладевала мысль о побеге, пусть даже ценой жизни.

Солдаты приконвоировали нас под оружием в Березовку и сдали конвою, сопровождавшему местных жителей в Уманьский концлагерь. 5 марта нас туда пригнали. Построили, пересчитали, загнали в сарай, раздели догола, разули на каменном полу и более часа издевательски обыскивали. У одного солдата нашли в кармане патрон. Били нещадно. Затем повели в «баню».

Белье отобрали в прожарку, а нас, стоящих босыми на холодном цементном полу, стали обливать из шланга ледяной водой. Только на следующий день подняли лагерь на обед с помощью крепких кулаков полицаев и немецких овчарок. Пищу давали один раз в сутки. Буханка хлеба на 10 человек и баланда из немытой мерзлой свеклы, изрубленной лопатой, подсолнечный жмых, и все это без соли.

7 марта на рассвете услышали приближение фронта. Лагерь разбили на 10 колонн по тысяче человек. Окруженных охраной с собаками, нас погнали по холодной весенней грязи. Понурые, изможденные, многие босиком, люди еле тащились. В дороге не кормили. Но у каждого села колонну встречали женщины с картошкой,

ячменным, кукурузным хлебом. Все это они кидали пленным. Голодные, отчаявшиеся люди набрасывались на еду, вырывали друг у друга, образовывалась свалка, и дело нередко кончалось гибелью.

Но люди находили в себе силы для побега. Часто платили за это своей жизнью. Расстреливали беспощадно, даже стариков. Я накапливал опыт и терпеливо ждал своего момента, и он настал. Село Крутые Кодымского района Одесской области. Слева от колонны женщины кидали пленным продукты, там дикая свалка. Конвоиры с собаками бросились туда. Я в хвосте колонны. Конвоир отвернулся, разговаривает с женщиной. Мгновенный прыжок, и я в лощине, ползу в сад. Прижался к земле, растворился. Несчастных погнали. И вот она — свобода! Не верится! Сердце бьется. Случилось так, что иду босым по снегу. 10 километров прошел на восток. Отказала нога. Ползу. В селе Александровка меня подобрали, и я с воспалением легких лежал у местного жителя Емельяна Черного. Мой побег удался 14 марта 1944 г. А через пять дней посчастливилось в селе Крутые встретиться со своими войсками. Но все по порядку...

В Александровке появились немцы. Мне, больному, с большим трудом пришлось перебраться в село Крутые и спрятаться там до прихода наших. С температурой, шатаясь, пошел представиться офицеру органов Смерш и рассказал ему все, как на исповеди, надеясь на помощь. Рассчитывал на сочувствие и человечность. Но он зашелся криком: ему в каждом виделся шпион и предатель. Прокричавшись, отправил меня в военкомат, оказавшийся за 60 километров в селе Чечелник. Потом в составе 310-го запасного полка Третьего Украинского фронта я стал готовиться к новым боям. Но пришло распоряжение солдатам с моей судьбой пройти госпроверку. Это был невыносимо унизительный отрезок в моей жизни. 30 сентября 1944 г. майор особого отдела вызвал к себе и заявил: «Проверка окончена. Вы являетесь честным воином!». Вручили оружие, дали взвод и отправили охранять пленных немцев, «предателей родины», «врагов народа». И опять колючая проволока, на которую без содрогания и тошноты невозможно было смотреть. Гнетущий осадок остался на всю жизнь! Такова была моя судьба и судьба многих моих однополчан. Но отвечать за поражение дивизии сполна выпало на долю ее командира, полковника А. Д. Короткова.

Трагически завершилась судьба этого четвертого командира 38-й стрелковой дивизии: он был расстрелян у села Голодьки Жашковского района Черкасской области. Произошло это так: 3 февраля 1944 г. по приказу нового начальника штаба дивизии в 14 часов весь офицерский состав дивизии вывели на окраину села, к глубокому оврагу, на дне которого была вырыта свежая могила. Возле нее, перед строем офицеров, с черной повязкой на глазах, со скрученными за спиной веревкой руками и, в нарушение принятых обычаев, с кляпом во рту стоял коренастый офицер: разжалованный командир дивизии. С плеч его темно-коричневого кожаного пальто сорваны погоны, без боевых наград и папахи. Ноги, обутые в белые бурки, широко расставлены.

Прозвучал приговор военного трибунала. Раздался залп. К упавшему подбежал офицер связи и, демонстрируя особую преданность, со словами: «Собаке — соба-

чья смерть», разрядил в убитого свой автомат. Процедура расправы завершилась. На душе присутствующих офицеров, переживших горечь поражения в неравном бою, отступление дивизии, ее разгром, было невыносимо тяжело. И многих оставшихся в живых до сих пор мучают угрызения совести, чувство мучительного позора за несправедливый приговор, за ту расправу, за тот выстрел в мертвое тело, за все, что произошло на наших глазах.

Долгое время постыдное клеймо предателя висело несмываемым пятном на поруганной памяти полковника Короткова. Это обвинение не могло косвенно не задевать честь тех офицеров дивизии, которые были соратниками обвиненного по всей строгости военного времени и дополнительных мер, согласно приказу Сталина под названием «Ни шагу назад!».

20 августа 1956 г. на имя главного военного прокурора Советской армии за подписью капитана Р. М. Ростова была подана апелляция в связи с необоснованным обвинением полковника Короткова в измене Родине. «В этот день, — пишет Ростов, — во время боя я был вместе с командиром дивизии, вместе с ним отстреливались от преследования немецких автоматчиков. Однако при расследовании эти факты никого не интересовали... Прошло полвека, как я продолжаю считать, что хотя Коротков профессионально далекий от совершенства, баловень карьерного продвижения, и мог допустить некоторые промахи за десятидневное управление соединением, но он, безусловно, был преданный Родине, делу партии и народа, коммунистическому режиму. Обвинить такого человека в измене не только цинично, кощунственно, несправедливо, но и является святотатством».

Коротков Андрей Данилович — 1899 года рождения, уроженец Челябинской области, из крестьян. Как и прежние комдивы 38-й стрелковой дивизии, имел образование 3 класса церковно-приходской школы, окончил военные курсы комсостава. В Отечественной войне — с 1942 г. За бои на Северном Кавказе, под Нальчиком, в марте 1943 г. за умелое руководство полком в 237-й стрелковой дивизии был награжден орденами Красного Знамени и Александра Невского. Будучи заместителем командира 337-й стрелковой дивизии, за форсирование Днепра награжден орденом Ленина.

38-я стрелковая дивизия 14 января под Босовкой, после изнурительного похода по глубокому снегу от города Белая Церковь, с ходу вступила в бой и приняла на себя ударную группировку свежих фашистских сил, поддержанных 70 танками, рвавшимися на Белую Церковь и Киев. Этот удар проморгали штабы 40-й армии и Первого Украинского фронта. За допущенную военно-стратегическую ошибку пришлось расплатиться своей жизнью командиру 38-й стрелковой дивизии А. Д. Короткову.

К сожалению, вопрос остался еще открытым: Коротков до сих пор не реабилитирован...

Публикуется по изданию:
Писачкин А. А. Букринский плацдарм // Подвиг народный.
Саранск, 1995. С. 303 — 319.

1999 г.

После поражения в районе Винограда Черкасской области 38-я дивизия Второго Украинского фронта получила значительное подкрепление людьми и вооружением, и теперь ее бойцы испытывали высочайший накал наступательного порыва. Ежедневно, в любую погоду, днем и ночью, без отдыха, а часто и сна, с боями по грязи и полой воде, без провианта и обозов, на «бабушкином аттестате» (соленая капуста с картошкой в мундире, без хлеба), в изношенных, порою без подошв, валенках преследовали врага, не давая ему закрепиться на промежуточных рубежах. Кончался март 1944 г.

В результате наступления войск Второго Украинского фронта противник на Уманско-Ясском направлении был разгромлен и отброшен за Днестр, в предгорье Карпат. Наши войска форсировали Прут, вышли на государственную границу СССР и освободили северную часть Румынии.

38-я стрелковая дивизия с честью выдержала труднейшие испытания, за что ей 8 апреля было присвоено почетное наименование «Днестровская», а 24 апреля 1944 г. она стала Краснознаменной.

Выход на государственную границу и захват плацдарма на румынской территории в предгорьях Карпат поставил перед командованием и бойцами дивизии новые задачи, главной из которых стало ведение боевых действий в горных условиях.

Некоторые жители освобожденных районов, обманутые лживой пропагандой гитлеровцев и их прихвостней, поначалу ушли в леса и горы, но основная масса встретила наших солдат дружелюбно и оказала всемерную помощь. Так, почти все население румынской деревни Луакашара помогало 38-й стрелковой дивизии переправляться через реку Сучаву.

Кстати, любопытный случай произошел в одноименном городе Сучаве 9 апреля. 343-й стрелковый полк расположился на ночлег в домах местного населения. Воины сытно поужинали мамалыгой, кое-кому перепало разогреться вином, и все в благодушном настроении расположились на ночь. Однако спокойно заснуть мешало назойливое стрекотание одиночных самолетов, напоминающих наши кукурузники. То были немецкие самолеты. Они всю ночь сбрасывали то в одном, то в другом месте бомбы. Одна из них угодила в домик, где квартировал командир роты старший лейтенант Н. В. Первов. От взрыва жилище развалилось, но чудо: Николай Васильевич был выброшен воздушной волной с «мягкой посадкой» в окно и совершенно не пострадал. Такое бывает только на войне!

У города Фэлтичени на пути 38-й стрелковой дивизии непреодолимой стеной встали поросшие буковыми лесами Карпатские горы. Линия фронта прошла по лощине между обрывами высот. Здесь в живописном очаровании пейзажа, где, казалось бы, только отдыхать душой, теперь даже одиночный винтовочный выстрел вызывал каскад гулкого грохота, катившегося по ущелью.

От Черного моря и до северных границ Румынского государства пролегла оборонительная полоса. Один из таких укрепленных районов расположился перед позициями нашей 38-й стрелковой дивизии севернее населенного пункта Нямцу. Его

доты прячутся на обрывах высот, поросших лесом и кустарником, с которых хорошо обозревается окрестность для обстрела.

Активно выполнять новые задачи уже было нельзя: войска устали, требовалось подтянуть отставшие фланги. Сильно ослабло материальное обеспечение из-за бездорожья. У противника же все необходимое под руками. В создавшемся положении самое разумное — сделать паузу. В те времена уже было не привыкать перед рывком создавать заделы для будущего наступления: отвоевывать плацдармы, проводить разведку, готовить проходы и прочее.

Задолго до подхода к Карпатским отрогам вопрос ведения горной войны на чужой территории беспокоил умы и командира 38-й стрелковой дивизии С. П. Тимошкова, и командира 104-го корпуса А. В. Петрушевского, и командующего 40-й армией генерал-лейтенанта Ф. Ф. Жмаченко. У кого-то из них (на этот счет есть разные мнения) возникла мысль обхода румынского укрепрайона с запада, через отроги Карпат, и одним из пунктов выполнения плана выдвигалась необходимость формирования особого горного отряда.

14 апреля 1944 г. последовал приказ командира 104-го стрелкового корпуса, опиравшегося на директиву 0144 командарма 40-й [армии], комдиву 38-й стрелковой дивизии о формировании специального отряда для действий в Карпатских горах с задачей: «Действие в направлении Тыргу-Нямца и далее на запад по шоссе. Захватить и прочно удерживать Бистричиору, ведя разведку на Регин. Изучать перевалы, горные тропы и места для прохождения войск...». Формирование возлагалось на комдива Тимошкова. В состав отряда требовалось подобрать физически крепких солдат, прошедших медицинский осмотр, и офицеров, знавших горную войну.

Формирование горного отряда по каким-то причинам задержалось и шло со скрипом, но 24 апреля в штабе 38-й стрелковой дивизии состоялось совещание, и там было принято окончательное решение о проведении Карпатского рейда в тыл оборонительных укреплений румын. На этом совещании присутствовали командарм Ф. Ф. Жмаченко и комкор А. В. Петрушевский. Только теперь было решено послать на прорыв румынской обороны и в тыл к ним не один, а три отряда, созданных на базе первых батальонов 48, 29, 343-го стрелковых полков 38-й стрелковой дивизии.

Начальник разведки дивизии Михаил Федорович Чередник вспоминает: «Я знал о комплектовании горных отрядов в конце апреля 1944 г. численностью каждый от 800 до 900 человек, под общим руководством замкомдива полковника Сажина».

Неудачная попытка состоявшегося 27 — 29 апреля наступления с целью прорыва румынских у[крепленных] р[айонов] в лоб в районе Бороая-Оглизий убедила командование в том, что нужно искать иное тактическое решение боевой задачи и удар следует переместить южнее — у города Тыргу-Нямц.

А одним из средств на пути к достижению цели считалось форсированное создание горных отрядов, и теперь формировали их, не оглядываясь на установки приказа. Времени на ремонт обуви уже не было. Медицинские пакеты были выданы только санитарам, другим не хватило. Велосипедов, ракетниц с ракетами, 120-миллиметровых минометов, анодного питания для раций, походной кухни не оказалось.

От 45-миллиметровых противотанковых пушек отказались. Много чего не хватало: сигнальных фонариков, топокарт с описанием местности...

Всем отрядам был выдан на пять дней сухой паек: сухари и тушенка. Запаслись и боеприпасами по 250 патронов на карабин, по 2 — 3 диска на автомат, по 50 мин на каждый 82-миллиметровый ствол, загрузились и расчеты станковых пулеметов.

Окончательное формирование отрядов завершилось 30 апреля. Главную роль здесь играли люди. Приведу только один пример. К отобранным лучшим солдатам 343-го стрелкового полка было добавлено около 600 курсантов резерва. То были истинные гвардейцы: стройные красавцы, рослые, хорошо обученные боевому мастерству воспитанники сержантских рот из центральных районов России. Только бы на парад — загляденье! Достойным был и подбор офицерского состава, как например: командир отряда капитан Владимир Данилович Концевой (замком полка), заместитель командира отряда майор Григорий Яковлевич Есин (в прошлом опытный командир партизанского движения в брянских лесах), боевой и опытный командир минометной роты старший лейтенант Николай Васильевич Первов, любимец солдат. Кого бы ни назвал — один другого лучше. Цвет не только дивизии, но и всей 40-й армии!

Обеспечивалась и скрытность формирования отрядов. Материальное снабжение и построение на смотр каждого из них проходили в церкви населенного пункта Фэлтичени.

С наступлением сумерек в трех-четырех километрах от линии фронта, в горах, были построены отряды. Сюда приехали командарм 40-й армии генерал-лейтенант Жмаченко, командир корпуса генерал-лейтенант Петрушевский, комдив генерал-майор Тимошков. Важность предстоящего прорыва расценивалась столь значительно, что сюда прибыли и представители штабов на «виллисах» при всех регалиях. Шеренги увеличивались все новыми и новыми пополнениями. Тут были представители Тамбовской, Пензенской областей, Мордовии и других.

Отряды разрастались, как снежный ком. Ставить на учет новичков с занесением в ведомости и выдавать красноармейские книжки из-за отсутствия времени не имело никакого смысла. До последней минуты командиры отрядов не знали своей задачи, полного состава своих подразделений.

Перед строем с горячей речью выступил командир дивизии, начав по-суворовски: «Мои горные орлы! Перед вами неприступные Карпатские горы, в которых враг укрылся за мощные укрепления оборонительных сооружений. Мы должны взять подступы к горным перевалам. Мы возьмем карпатские перевалы, которые враг считает неприступными!..». Была поставлена задача прорвать линию обороны румын. Речь комдива взволновала солдатские души, и они были полны решимости выполнить поставленные задачи.

Отряды маршем двинулись в надвигающуюся тьму, минуя село Гроший, и, развернувшись, с ходу пошли в атаку. Противник был застигнут врасплох. В 23.00 без единого артиллерийского выстрела отряды прорвали совместную оборону румын и немцев. В едином порыве все устремились вперед: автоматчики, стрелки, пулеметчики, минометчики. Наступающих поглотила тьма букового леса.

У минометчиков упала в окоп лошадь, навьюченная грузом мин, и в тот же миг с правого фланга в двадцати — тридцати метрах из-за деревьев в упор открыли огонь немецкие «шмайсеры». Атакующие залегли и стали отвечать на вспышки вражеских выстрелов. Неожиданно у Петра Левченко кончились патроны, и пока он перезаряжал свой автомат, находившийся с ним рядом двоюродный брат Вячеслав Лукьянов прополз вперед на 5 — 6 метров, чтобы надежней поражать врага, и, отстреляв полный диск, приподнялся для броска гранаты. Но в то же мгновение на свету очередной автоматной вспышки Петр увидел силуэт, принял его за фашиста и пустил в него длинную меткую очередь наверняка. Так сразил он наповал близкого, родного человека, с которым не один день войны ели из одного котелка.

Левченко пережил войну и вернулся в родные края. Но до конца дней своей жизни хранил он тяжкую тайну в душе. Ни с кем не разделил горя своей нечаянной вины. А Феодосии Парфеновне, матери Вячеслава, так и не мог смотреть пристально в глаза, отводил взгляд в сторону, а рассказать, что Вячеслав принял смерть от его пули, — тем более. Да и ни одна мать в мире не поймет подобного и не простит даже нечаянной оплошности.

Горные отряды продолжали свое ночное победное шествие. Беспокоило то, что полоса обороны противника не была обработана огнем нашей артиллерии: не подавлены минометные и артиллерийские батареи, пулеметные точки, живая сила врага. Румынские и немецкие части выталкивались на фланги, в глубину тыла, хотя при этом тоже несли потери от горных стрелков. Отважный рейд подвергался огромному риску. Но смельчаки верили своему командованию в том, что в прорыв следом за ними войдет кавалерийский корпус.

Место боевых действий представляло из себя горы, поросшие лесом, лощины, овраги, бурелом и просто поваленные деревья, бесконечные спуски и подъемы. Двигались только по тропам, да и то с проводником. Такого густого леса не встречали даже воевавшие в 1942 г. на Кавказе.

Всю ночь шли на ощупь, спотыкаясь на каждом шагу. На рассвете перед ними открылось внушительное зрелище: высота 610 м в шести километрах от передовой. Островерхий купол круто уходил в небо, скаты, поросшие лесом, раскинулись до двух километров в разные стороны.

Горный отряд 343-го стрелкового полка, используя момент внезапности, с ходу вступил в сражение. Пик вершины ощетинился залпами минометного и ружейно-пулеметного огня румын. Бой длился около одного часа, и главным образом рукопашный. Особую дерзость, умение и ловкость действия в бою проявили хорошо обученные курсантские роты резервного пополнения. Они буквально ошеломили врага своей дружной стремительностью и напористостью. Румыны бежали, оставив много убитых, пленных и раненых. Минометчики даже не успели развернуть свои стволы, как роты двинулись в новое наступление. В отряде на базе 343-го стрелкового полка, как и других, находился проводник при командире отряда. На пути движения встречались местные жители, покинувшие свои жилища и обосновавшиеся в шатрах. Никто не вникал, почему они здесь. И только позднее было установлено, что в большинстве своем это были переодетые немецкие и румынские радисты-разведчики.

Ко второй половине дня 1 мая отряд вышел на опушку леса. Позади осталось 12 километров. Разведка установила, что впереди метрах в трехстах румынский саперный батальон расчищает сектор обстрела и готовит траншеи.

Капитан Концевой приказал выдвинуть на опушку леса пулеметный взвод, что и было сделано весьма искусно и настолько оперативно, что противник даже не заподозрил.

В лагере румын все шло своим чередом: солдаты строились на обед, гремели котелками. Кухни не было видно, видимо, пищу доставляли в термосах. Среди румынских солдат были и немцы, очевидно, для контроля и придания стойкости непрочному союзнику.

Выбрав удобный момент, командир отряда дал команду: «Огонь!». Одновременно двенадцать пулеметов оглушили окрестность сплошным гулом и настолько парализовали противника, что солдаты окаменели от неожиданности и падали прямо в строю, скошенные меткими очередями. Сплошное месиво живых и мертвых тел!.. Тех, кто бросился бежать на высоту, пулеметы доставали легко. Под дружное «Ура!» пехотинцы ворвались в стан врага и огнем, штыком, прикладом довершили полный разгром врага. Стон, крики, русский мат — все смешалось в этой схватке.

В суматохе сбежал проводник, и теперь исчезла возможность доставить пленных в штаб дивизии, а потому всех пришлось расстрелять.

Утром 2 мая горный отряд штурмом овладел двугорбой высотой 800, господствующей над населенным пунктом Нямцушору. Чтобы добраться до ее вершины, пришлось крепенько попотеть. С ее высоты открылась величественная панорама, но бойцам не до эмоций: там, внизу, несколько левее, наша цель — Нямцушору, который надо взять! С горы, в радиусе полукилометра вокруг, видно как на ладони: в стане врага объявлена тревога. Немцы и румыны бегают, как в муравейнике, волокут артиллерию, устанавливают минометы. Командир горного отряда приказал срочно накрыть технику врага, но у минометчиков заминка: никак не могут найти удобную позицию своим батареям, мешает высокий лес, мины путаются в ветвях и разрываются над головой. Наконец расчеты расположились в колонну в овраге, а два ствола установили на берегу оврага. Старший лейтенант Первов точно рассчитал цели — результат попадания был великолепен. Такого «огонька» стоило бы подсыпать еще и еще, но боеприпасы надобно беречь, и связи хорошей нет. И пополнения нет.

Пехотные подразделения окапываются по скатам горы. Концевой распорядился провести разведку и наблюдение за противником и принял решение на Нямцушору не наступать, главным образом, из-за недостатка боеприпасов. Кроме того, от пленных румын известно, что в окрестностях города, на подступах к перевалу, располагается полнокровная горностелковая 8-я румынская дивизия и недалеко — немецкий погранполк. Силы солидные. Рисковать опасно. На совете командиров решили оборонять высоту до прихода главных сил — кавалерийского корпуса. С вечера противник перешел в атаку.

В лесу стоял сплошной грохот. Румынская пехота шла во весь рост на позиции горного отряда. Стрелки подпускали противника не дальше ста — ста пятидесяти метров и расстреливали наверняка, в упор, а вражеская пехота, вместо того чтобы

залечь, удирала во все лопатки, и потери ее увеличивались. К вечеру во втором эшелоне за румынами пошли немцы. Фашисты использовали свое преимущество в артиллерии и избытке боеприпасов всех классов. В отряде скопилось много раненых, располагали их прямо на земле. Эвакуировать было некуда. Перевязочный материал кончился, в дело пошло нижнее белье.

На линии фронта дивизии был слышен гул сражения. Боеприпасы подходили к концу. Всю ночь ждали подхода главных сил, но их не было. В отряде была всего одна рация, которая приводилась в действие вращением динамика солдатом-связистом. От командира дивизии получили заверение: «Ждите, к утру направляется помощь. Держитесь стойко!».

Получив надежду, вконец измотанные бойцы и командиры потеряли бдительность. Перестали вести разведку, да и кому ее вести: все были «привязаны» к своим траншеям.

Утро следующего дня началось с массированного обстрела во много раз превосходящего во всем противника, и особенно в артиллерии и минометах. Из окопов не высунуть головы. Все заволокло дымом: протянешь руку — не видать. Кругом — гарь. Сплошной гул. Противник перешел в атаку.

В лощине скопилась масса раненых; стоны, душераздирающие крики, призывы о помощи, русский отчаянный мат! Командир отряда Концевой ранен в голову, но продолжает управлять боем.

К обеду третьего дня немцы заняли на склоне высоты окопы и сделали попытку отсечь пехоту от минометчиков, но увы: ничего не вышло! Все в отряде, кто способен держать оружие, скопились на гребне высоты, а он имел очень крутой спуск. Давление врага было сильным, и некоторые не удерживались, скатывались вниз, где их и пристреливали. Держаться пришлось насмерть, уцепившись в прямом смысле — зубами! Немцы перегруппировали свои силы.

Минометы старшего лейтенанта Первова, как известно, находились в овраге, а два расчета — на поляне [у] берега. Здесь же скопилось более ста пятидесяти раненых. Настроение у всех подавленное, обстановка тягостная.

Расчеты, минометы которых находились на берегу, чтобы произвести установку и выстрел, выбегали из укрытия и потом снова прятались. Только командир роты Первов оставался на своем посту, укрывшись за корень вывороченного дерева, и фортуна его оберегала до поры до времени. Наконец и она не выдержала: от прямого попадания оба расчета вместе с их оружием разлетелись на кусочки, а их командир был ранен в ноги.

Через полчаса вдруг обстрел прекратился, и установилась такая необычайно звонкая тишь, что всем оставшимся в живых почудилось, будто кончилась война.

Раненого командира роты перенесли в лощину и наспех перевязали. Кто-то оказался мастером, изготовил наспех костыли. Появившийся здесь капитан Концевой сообщил, что боеприпасов хватит только на один час боя. Он приказал Первову сопровождать группу раненых, конечно, всем с оружием, и сам по той же самой причине передал бразды правления майору Есину. Перед своим уходом по рации он приказал отрядам Романова и Кошелева прорываться на соединение к высоте 610.

50 человек, раненых, но способных двигаться, отправились на соединение к своим за линию фронта. Добраться удалось только единицам, да и то, если бы горемычную восьмерку не встретила посланная на помощь группа из 13 бойцов с лошадьми и продовольствием, не дошли бы и они.

На высоту 800 прорвался отряд Кошелева, и теперь объединенными силами с небольшим подкреплением в боеприпасах можно было смело рисковать.

Оставшиеся раненые поняли, что их бросают на произвол судьбы. Ссылаясь на Бога, они слезно умоляли не оставлять их на поругание врагу, пожалеть и пристрелить без казни и изуверств, которые проделают над ними немцы.

5 мая все три отряда соединились в районе высоты 610. А шестого начались жесточайшие бои по отражению наседавшего со всех сторон противника. Отряды заняли круговую оборону. Положение сложилось исключительно критическое: боеприпасы на исходе, продовольствие кончилось два дня назад. Немцы и румыны, зная безысходное положение отрядов, обнаглели: шли в атаку во весь рост, румынские офицеры при аксельбантах. Это были представители королевской горно-стрелковой дивизии. Рукопашные — каждый день. Вражеские солдаты просачивались через наши позиции ночью, в кромешной тьме между деревьями и лощинами.

Перед траншеями были навалены вражеские трупы штабелями, а через них живые все лезли и лезли. Трупы никто не убирал. На теплом майском воздухе они разлагались. Дышать было невозможно. Нос забивало сладковатое трупное зловоние, от которого мутило и тошнило, но наступал новый бой, атаки, рукопашные... Спали только по два-три часа в сутки. Да и какой то был сон — скорее полуобморок.

К тому времени в отрядах уже забыли про минометы: не было мин, а об артиллерии можно было только мечтать. Ох как нужна была помощь! Майор Есин, склонившись над рацией, неустанно повторял: «Штаб, штаб, помогите артогнем, людьми, боеприпасами, оружием. Держимся из последних сил... Как слышите? Прием...». Но штаб молчал.

Кончились боеприпасы, лошадей, что уцелели, съели, жевали молодые побеги деревьев и листьев. В ночное время приспособились ползать по-пластунски на нейтральную полосу за немецкими «шмайсерами» и боеприпасами. Теперь у каждого солдата появились автомат и достаточно боеприпасов, лазить приходилось раза по четыре. Блестяще научились пользоваться оружием врага. Случалось, что доставали и солдатские ранцы с едой, где были ломтики сыра, плитки шоколада, колбаски, хлеб, во фляжках — шнапс. А у нас нечем было накормить даже раненых, которые умирали в страшных мучениях от гангрены. Почти все они были воспалены, находились в бессознательном состоянии. Их тела покрыты темно-красными лаптами, из ран сочился гной с кровью. И, сама по себе, эта сатанинская музыка: стон, вопли, душераздирающие крики, проклятья. Но что могли сделать те, кто сражался? Каждого ждала такая же участь. Наступило отупение и безразличие. Но все, кто держал оружие, находили в себе силы для нового сражения.

10 мая в отряд Кошелева прорвался 3-й батальон 48-го стрелкового полка и доставил немного боеприпасов и продовольствия, которыми он поделился со всеми. Но это была капля в море.

В одном из боев сильно контузило Александра Божедомова, минометчика отряда 343-го полка. Он лежал окровавленный и присыпанный землей. Его считали погибшим. Да и кому было заниматься трупами, когда все склоны высоты были усеяны такими же окровавленными телами? Лежал он мертвецом вторые сутки. А живые уже забыли о времени. Им казалось, что так было всегда, прошлого никогда не было, и сегодня — как вчера и позавчера: атаки, бой, гибель — и конца тому не будет.

В горном отряде 2-го стрелкового полка воевал мой земляк, сосед из села Пачелмы Пензенской области Кузнеделев Василий Семенович.

— До сих пор не пойму, — рассказывает Василий Семенович, — почему я тогда проснулся в тревоге? Глянул вперед — и мурашки пошли по телу, спина покрылась холодным потом. По всей долине движутся на нас густые цепи румынских солдат с офицером при аксельбантах на груди, и так близко, что было видно каждое лицо. Я закричал во всю мочь и дал очередь из автомата...

Но потом у него автомат замолчал и никак не хотел работать. Проснулся первый номер, бросился к пулемету, раздалась короткая очередь, и, как нарочно, замолчал максим: перекос ленты. Напарник Василия схватил свой карабин и, как со старта, приготовился дать деру, но Василий спокойно заявил: «Разницы нет, кто тебя убьет — румын или комбат за паникерство». Он взял у него карабин и стал стрелять по румынам. Тем временем первый номер устранил перекос, открыл уничтожающий в упор огонь по врагу. Кузнеделев встал у пулемета на колени и, чтобы не допустить нового перекоса, поддерживал, направляя ленту. Он забыл об осторожности и маскировке. Целых четыре ленты расстреляли пулеметчики. Били, пока не закипела в кожухе вода. А как румыны шли? Словно призраки. Но и бить их было удобно. Они не ложились, не окапывались, а удирали во весь рост. Первые наши два взвода попали спящими в плен. И не проснись вовремя Василий Кузнеделев, туго пришлось бы отряду. Они вдвоем уложили целую роту противника.

На следующий день снаряд накрыл пулемет Василия, а сам он был ранен осколком в живот. Туго ему пришлось: почти полпути на своих ногах выходить из окружения, а потом на повозке, да так, чтобы от тряски не издавать стона. Проходили-то через румынскую линию обороны.

В медсанбате пролежал две недели. Услышал про него генерал Тимошков. Расспросил о пережитом, велел адъютанту записать фамилию героя на награждение.

С тех пор прошло 25 лет, и однажды летом, в 1967 г., в городе Воронеже нашла та награда солдата — медаль «За отвагу».

11 мая в 22.15 командиру отряда Есину через вестовых передали устный секретный приказ заместителя командира дивизии полковника Сажина о переходе на новые позиции и разъяснение: за оставление минометов и пулеметов — расстрел, раненых не брать и им об этом не говорить, двигаться цепью. Соблюдать строжайшую тишину, огня не зажигать.

Минометчики о приказе не ведали. Мимо них в 23.00 с высоты 610 в строгой тишине прошли командование с проводником-румыном впереди и полковник Сажин в окружении автоматчиков. Потом двинулись остальные по указанному распорядку. Последними снялись с места минометчики, которые попрощались с ранены-

ми, а их оставалась не одна сотня и в других отрядах. Им обещали вернуться с носилками и медицинской помощью.

В самом хвосте выходили из окружения минометчики. Погрузили личное оружие, стволы минометов, плиты, саперные лопаты и, боясь расстрела, даже пустые лотки для мин. Темп движения был взят сразу высокий — ускоренным шагом. В лесу стояла кромешная тьма, особенно в оврагах и лощинах с кустарником.

Около двух часов ночи в цепи упал один из минометчиков, обессилевший от тяжести, голода и бега. Затем упал второй. Пока их поднимали, делили ношу — замешкались. Цепочка оборвалась, дали сигнал остановиться, но в ответ услышали: «Вперед! За остановку — расстрел!».

Всего отстало более ста семидесяти человек. Командир отряда Кошелев, истинный самородок, хоть и не мог читать топографическую карту, но он взял на себя ответственность и приказал тяжелую солдатскую технику зарыть до лучших времен. Тем и спас ценные человеческие жизни.

А на высоте 610 продолжалась перестрелка. Майор Есин с группой прикрытия и оставшимися ранеными отвлекал внимание румын и немцев от выходящих из окружения. Стрельба велась около часа, а потом, ориентируясь по компасу со своей группой в сто тридцать человек, ему удалось вырваться из кольца, но уже другим путем. На пути его группы не встретились ни отставшие, ни колонна Сажина. При переходе через линию фронта отряд попал под артобстрел, бросился на прорыв. Основная группа вырвалась, но были и потери убитыми и пленными.

А те отставшие 170 человек шли самостоятельно наугад, но нарвались на немцев. Бросились в разные стороны, основной костяк занял круговую оборону. Выйдя к поляне, приняли бой. Сражались весь день 12 мая. Фашисты посчитали эту группу за все отряды, подтянули артиллерию. Но оборонявшиеся, разделившись на небольшие группы, стали уходить на высоту 610, где имелись трофейное оружие, боеприпасы и оборудованные позиции. С передовой линии фронта слышали звуки неравного боя наших окруженцев с превосходящими силами противника. Помогали им и те из раненых, кто мог еще как-то шевелить руками. Но сопротивление было подавлено. Враг торжествовал. Его солдаты расстреливали в голову раненых бойцов горных отрядов.

Два укрывшихся в скалах солдата из бывших курсантов дождались, когда враг оставит высоту, и решили поискать боеприпасы и что-либо из съестного и набрели на «труп» Александра Божедомова. В момент обыска мертвец застонал. Напоили его водой, раскопали, привели в чувство. У контуженого болела и кружилась голова, страшно ломило правое ухо, из которого, как и из носа, текла кровь. Товарищи не оставили однополчанина в беде. Им также, как и ему, было по восемнадцать лет. 14 мая направились они к линии фронта, но напоролись на патруль румын и были пойманы. На допросе добивались от них признания в том, что они разведчики-парашютисты. За «непризнание» поставили к забору возле штаба на расстрел. Но не расстреляли, отправили в концлагерь в город Бкэу. Через три месяца лагерь стали вывозить в Германию, по дороге трем товарищам удалось совершить побег из плена. С большим риском для жизни сумели перейти линию

фронта в районе восточнее города Бузэу. И тут вместо долгожданного отдыха — государственная проверка по линии органов Смерш. Страшно вспомнить защитнику Родины все те унижения и оскорбления человеческой личности, через которые он прошел. Нередки были случаи, когда люди, перенесшие нечеловеческие муки плена, после Смерша сходили с ума. «Мне и моим товарищам, — писал в письмах А. Божедомов, — задавали провокационные вопросы: „Подумайте и назовите номер абверовской группы, которая забросила вас к нам. Вам лучше будет!“. Нас считали шпионами, диверсантами, а отсюда и допросы с применением пыток. Абакумовские ястребы устраивали такие „торжественные встречи“ своим соотечественникам, что приходилось проклинать родную мать, что родила тебя на белый свет. Они придумывали себе план производства шпионов. И чем больше их „наплодили“, тем больше наград получали. Вот они и старались за счет несчастий солдат».

После проверки Александр Божедомов воевал в Румынии, Югославии, Венгрии, Австрии, Чехословакии, в Маньчжурии. Участвовал в боях за Белград, Будапешт, Вену, Прагу. Служил в Порт-Артуре. Органы зорко продолжали следить за ним. Так, например, четыре раза командование представляло его к орденам и медалям, и все четыре раза просьбы о награждении были отклонены. Долгие десятилетия продолжали держать его под колпаком КГБ. Профессору истории и доктору экономических наук дважды отказывали в звании заслуженного деятеля науки ЧАССР, а ведь А. И. Божедомов был первый доктор экономических наук четырех автономных республик на Северном Кавказе. Имел 127 научных работ, две книги. В одном вузе проработал 29 лет. Имел в трудовой книжке 30 благодарностей, но прежний «грех» не давал ему права быть равным среди неравных.

Во всех странах мира, как и раньше в России, пленных считали и считают жертвами чужой вины, вины командования. А у нас многие десятилетия несчастный защитник Родины, искалеченный ранами, истерзанный душой, подвергался дискриминации государственных органов за чужие просчеты, ошибки, бездарность.

Приведу слова по этому поводу кадрового военного, председателя совета ветеранов 38-й стрелковой дивизии, полковника в отставке, окончившего Военную академию имени М. В. Фрунзе и работавшего в аппарате Министерства обороны, своего однополчанина Александра Лебединцева: «Теперь у оставшихся в живых до смертного часа будут саднить не только боль и раны, увечья от контузии, но и боль в душе — самая страшная рана о том, как многие были брошены, оставлены на смерть или на муки плена. Я хорошо понимаю теперешнее состояние А. И. Божедомова. Его письма — это не только выводы рядового минометчика, обиженного судьбой. В его судьбе воплотилось самое тяжелое, что было уготовлено русскому солдату, как в шолоховской „Судьбе человека“. Он вынес все, но и не только вынес, перенес, пережил и сумел не опуститься до той степени отчаяния, когда запивают и катятся по наклонной. Наоборот, он стал ученым, профессором, доктором экономических наук и теперь с высоты своего громадного интеллекта начинает разбирать все, но так и не находит ответа и еще более отчаивается.

У него уже был инсульт, вследствие этого плохая речь, забывчивость... Он приезжал в Москву, и я помогал ему добиваться фронтовой инвалидности, но, к сожалению, из этого ничего не вышло: нет справок.

А кто бы их давал тогда в Карпатских горах? Его боль мне понятна, но я не мог изменить теперь что-либо или предать анафеме усопших генералов и начальство от комбатов и выше».

В описываемых мною событиях погибли тысячи людей, но самое печальное: их подвиги нигде не отмечены, и фамилии нигде не числятся. Нет их могил. Погибшие герои не заслужили даже похоронки.

Что касается общей оценки действий горных отрядов, то командарм 40-й армии Ф. Ф. Жмаченко, к сожалению, был недоволен выходом из окружения.

На наш взгляд, серьезная причина трагедии отрядов крылась в том, что с самого начала руководство поручалось то полковнику Сажину, то командиру отряда Кошелеву, то вмешивался сам Тимошков. К тому же командование армии, корпуса и дивизии, предпринимая этот рейд, заранее знало, что успех развить и поддержать будет нечем, а значит, операция обречена.

В этом и скрыта разгадка трагедии горных отрядов, ставших, по сути, отрядами смертников.

Публикуется по изданию:
Писачкин А. А. Тайна горных отрядов //
Эхо войны. Саранск, 1999. С. 148 — 161.

2005 г.

Я родился в Мордовии в 1922 г. С 1939 по 1942 г. жил на Урале, в Кызыле. Учился в Камышловском горном техникуме Свердловской обл[асти], в армию призван не был по состоянию здоровья — плохое зрение. Но я мечтал быть военным. Активно занимался спортом: гимнастика, брусья, турник, имел значок ГТО 2-й ступени. В 1941 г. на 3-м курсе меня направили на практику в шахту, после ее прохождения бросил техникум. Продолжил учебу в 10-м классе в г. Губасе. Все это время меня не оставляла надежда попасть на фронт. В 1942 г. по окончании 10 классов я все-таки был призван в армию и направлен в Свердловскую обл[асть] в Камышловское пехотное училище. Но в октябре заболел, попал в госпиталь, после которого работал с 25 октября по 25 апреля 1943 г. воспитателем в ремесленном училище энергетиков. 27 апреля направлен снова в К[амышловское] п[ехотное] у[чилище], но изъявил желание ехать на фронт и в мае 1943 г. оказался в 38-й стрелковой дивизии под г. Россошь Воронежской обл[асти].

Я служил в 214-м артиллерийском полку, во 2-м артиллерийском дивизионе сначала писарем штаба дивизиона, потом комсоргом 2-го дивизиона и замом комсорга 214-го артполка.

7 июля 1943 г. мой полк вступил в боевые действия под Прохоровкой, где велись усиленные танковые бои — более 1 000 машин с обеих сторон. Это было

последнее сражение в Курской битве, в котором немецкие танковые части понесли поражение, а все наши войска наступали к Южному Крыму. 16 июля 1943 г. заняли оборону на рубеже Проходная — Прутки — Мартыновцы. Дивизия 6 августа перешла в подчинение 50-го стрелкового корпуса 38-й армии, которой командовал генерал-полковник Чибисов Николай Евлампович*.

В 7 ч[асов] 30 мин[ут] утра после 30-минутной артиллерийской подготовки перешли в наступление, но неудачно. В ходе боевых действий под Малой Чернетчиной дивизия понесла большие потери. С 8 августа по 30 декабря были ранены уроженцы Мордовии старший лейтенант И. С. Исмалкин, младший лейтенант Мамин Сафа, убит командир взвода автоматчиков А. И. Перлов.

Дивизия потеряла основную ударную силу под Сумой, но наименование «Сумские» дали частям, которые вошли в уже освобожденный город. Первый командир дивизии полковник Скляров за большие потери был отстранен от должности. Следующим на этой должности оказался подполковник Ф. С. Есипов, уроженец Самары. Под его командованием дивизия справилась с поставленной задачей: противника удалось не только удержать, но и ослабить. Благодаря этому 167, 232, 340-я дивизии вошли в г. Сумы без единого выстрела.

Затем с боями прошли от г. Гадяча через Лубны к Григоровке, форсируя Днепр. Немецкое командование, разгадав наши намерения, нанесло мощные бомбовые удары по району переправы и местам сосредоточения наших войск. После каждой воздушной атаки солдаты кляли наших авиаторов, которых не было видно над Днепром. Они не знали, что истребители 2-й воздушной армии не могли взлететь с соседних аэродромов, так как отсутствовало горючее для заправки. Первыми из артиллеристов 214-го артполка на правый берег ступили бойцы 5-й батареи 2-го дивизиона, сразу же завязалась рукопашная схватка. Стратегическое значение Букринского плацдарма осознавалось не только нами, солдатами, стремящимися развить наступление, чтобы освободить Киев, но и врагом. Фашистское командование делало все возможное, чтобы ликвидировать опасность, сбросить уцепившихся за правый берег Днепра воинов четырех наших армий. В тяжелых и упорных боях плацдарм удалось расширить по фронту на 11, а в глубину до 8 км. За форсирование Днепра звание Героя Советского Союза получили 16 человек.

В ноябре — декабре дивизия находилась в обороне, поскольку отобрали всю пехоту, были лишь специальные войска: саперы, пулеметчики, минометчики. Из местных украинцев набрали людей, учились они 3 — 4 дня, но полностью укомплектовать дивизию так и не удалось. После месячной обороны на берегу Днепра у с. Долина Обуховского района Киевской обл[асти] части дивизии провели успешное наступление и продвинулись до г. Белая Церковь. 10 января 1944 г. согласно распоряжению штаба маршевыми колоннами двинулись в новый район под Звенигородку Черкасской обл[асти]. Но пункты назначения в дороге менялись. Были обильные снегопады. Более 100 км бойцы прошли по глубокому снегу. 13 января полки нашли свой адрес: с. Босовка Лысянского района Черкасской обл[асти] 14 января в

* Настоящее имя генерала 38-й армии — Чибисов Никандр Евлампиевич.

12 ч[асов] дня был дан приказ начать наступление на Лысянку, но немцы опередили. Утром они уже шли с юго-востока на Босовку. Главная сила — «Волония» — танковая бригада бельгийских офицеров, которые не брали в плен. Они попали в подчинение командующему танковой дивизей СС «Викинг» опергруппенфюреру СС Герберту Отто Вилли. 3 полка — «Вестланд», «Остланд», «Нормандия» — бросили в наступление от 75 до 100 танков «тигр», самоходные орудия, огромное число пехотинцев. У нас же винтовки не срабатывали от холода, автоматы давали сбой при стрельбе, было всего 600 снарядов, 36 орудий. Этого хватало только для разведки боем. Часть танков подожгли немцы, остальные уничтожили сами, чтобы фашистам не достались. Под сильным огнем противника пришлось отходить. Когда я забежал в штаб полка, комсорг полка Гегечкори скомандовал: «В машину!». Оба нырнули в трофейную легковушку, поехали вниз через овраг. Я спохватился: «А знамя... знамя полка где?». Мы бросились к хате. Наш поступок граничил с самоубийством: навстречу, словно на параде, плотной шеренгой в белой маскировочной форме шли фашисты, строча на ходу из автоматов. До них было не больше 200 м. Гегечкори вылетел из-за двери и ползком со знаменем стал отходить от дома.

Самая яркая картина, которая и сейчас стоит перед моими глазами, — это скачущий по заснеженному полю всадник, пригнувшийся к луке седла со знаменем наперевес. За ним на большой скорости гнались два немецких танка, стреляя на ходу. Комсорг остался жив и спас честь полка.

Я догнал своих. На уцелевших машинах 214-й артполк с командиром П. С. Кобзаренко остановился в с. Кривец Маньковского района Черкасской обл[асти]. На рассвете сюда пришли немецкие танки. Мне был дан приказ собрать своих людей. Но оказалось, что у нас в карабинах нет ни одного патрона, нет гранат. А танки расстреливали все живое, давили гусеницами и опрокидывали машины с ранеными. Я сделал вид, будто меня убили. Выждав, пополз к какому-то погребу. Удалось укрыться на краю села в паре с командиром орудия Михаилом Бондаренко. С ним пытались ночью перейти через линию фронта, но неудачно. Укрыться помогла Пелагея Бондаренко (однофамилица Михаила). Мы запрыгнули на печь, на край которой хозяйка посадила пятилетнюю дочь Нину. Вошли четыре немца. Один из них подошел осмотреть печь. Нина подняла испуганный рев. Мать упала на кровать и застонала. Солдаты вышли. Нам хватило 3 мин[ут], чтобы перебраться на чердак. Фашисты вскоре вернулись и встали на постой. Пелагея изредка ухитрялась поддерживать нас пищей: бросала тряпку с едой на чердак. Хуже было с водой. На чердаке жили с 15 января по 20 февраля. Когда уходили, женщина дала в дорогу горбушку хлеба, несколько картошек и пару луковиц. Так мы расстались с ней навсегда.

Ползком переправились по льдине. За двое суток прошли по пояс в грязи около 6 км. На третью ночь в поле возле скирды соломы наткнулись на группу прятавшихся в ямах местных жителей. Переночевали в соломе. Под утро услышали немецкую речь. Четверо фашистов стояли на соломе и накладывали ее на повозку. Лежать, не двигаясь, пришлось часа четыре, пока незваные гости не уехали. Некоторое время жили в ямах, ели мерзлую свеклу, набранную в поле, и сырую курицу. 28 февраля собрались в очередной раз за свеклой и обнаружили нового соседа.

В яме прятался тяжелобольной человек — Дайман Давид Маркович. Он умолял о помощи, просил хлеба и горячей воды. Недолго думая, мы решили отправиться в д. Березовку. Просили Давида держать яму закрытой, так как ежедневно за соломой приезжали немцы. Когда вернулись, то увидели, что яма взорвана. Даймана не было. В стороне от соломы на земле были видны следы от сапог и собачьих лап. Испугавшись, что Дайман выдаст нас, решили уходить. Неожиданно появились немецкие солдаты. Я и Бондаренко упали лицом вниз и выбросили документы.

Так 1 марта 1944 г. мы оказались в плену. Солдаты привели нас под ружьем в Березовку и сдали конвою, сопровождавшему местных жителей в Уманский концлагерь. Еще в деревне я написал на клочке бумаги, что, если не убегу, пусть считают, что погиб за Родину. 5 марта были уже в Умани. Пленных построили, пересчитали, загнали в сарай, обыскали. Затем повели в «баню»: обливали из шланга ледяной водой. Еду дали на следующий день: буханка хлеба на 10 человек, баланда из немытой, мерзлой свеклы, изрубленной лопатой, подсолнечный жмых. И все это — без соли. Каждый день расстреливали. Из 70 тыс. пленных в живых осталось только 8 тыс. человек. 7 марта, узнав о приближении фронта, немцы разбили лагерь на 10 колонн и погнали по холодной весенней распутице. В дороге не кормили. Но люди находили в себе силы для побега. Часто платили за это своей жизнью. У с. Крутые Кодымского района Одесской обл[асти], когда конвоир отвернулся, я прыгнул в лощину и пополз в сад. 10 км босым прошел по снегу на восток. В Александровке с воспалением легких лежал у местного жителя Емельяна Черного. Хозяйка выдавала меня за 14-летнего сына, больного тифом. Когда здесь появились немцы, пришлось перебраться в с. Крутые и прятаться там до прихода советских войск. Сразу же я пошел представиться офицеру органов Смерш и рассказал ему все, надеясь на помощь. Но тот зашелся криком: ему в каждом виделся шпион и предатель. Отправили меня в военкомат в с. Чечелник, и в составе 310-го запасного полка Третьего Украинского фронта я стал готовиться к новым боям. Но вскоре пришло распоряжение, чтобы все солдаты, побывавшие в плену, прошли госпроверку. 30 сентября 1944 г. майор особого отдела вызвал меня к себе и заявил: «Проверка окончена. Вы являетесь честным воином». Меня отправили охранять пленных немцев, «предателей Родины», «врагов народа». И опять — колючая проволока, на которую без содрогания и тошноты невозможно было смотреть. Гнетущий осадок остался на всю жизнь.

Публикуется по изданию:
А. Н. Зернов, С. К. Котков.
Шагнувшие в бессмертие.
Саранск, 2005. С. 209 — 213.

А. И. ПЛЕХОВ

Плехов Александр Иванович (1922, ныне Большеуковский район Омской области) — участник боевых действий. На фронте — с 1942 г. Служил в должностях от помощника командира взвода до помощника начальника штаба полка. Дошел с боями до Берлина. Был дважды ранен и контужен. С 1971 г. — житель г. Саранска. Награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, Красной Звезды, медалями. Как освободитель Украины в знак благодарности от ее жителей получил звание почетного гражданина городов в Днепропетровской и Одесской областях[*].

1996 г.

В СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ

«Ни шагу назад!» — как священному
долгу,
Был верен советский солдат.
Не смели забыть: за спиной —
Дон и Волга,
За нами — родной Сталинград.

Лето 1942 г. Кто из людей старшего поколения не помнит это тревожное время? Фашистские полчища, имея численное превосходство, рвались к Волге, к Сталинграду, стремясь захватить этот важный стратегический пункт и крупнейший промышленный район нашей страны.

Советское командование, придавая этому направлению первостепенное значение, считало, что только упорной обороной можно сорвать вражеские планы, обеспечить целостность всего фронта. Ставка непрерывно посылала в район Сталинграда новые силы.

В числе соединений, прибывших сюда во второй половине июля, была 321-я стрелковая дивизия, сформированная в Забайкальском военном округе.

Выгрузившись, части в походных порядках выдвигались к Дону, в район станиц Новогригорьевская и Кременская. Им предстояло в короткий срок совершить почти двухсоткилометровый марш по открытой местности, бездорожью и сыпучим пескам под палящими лучами солнца.

Сосредоточившись в районе малой излучины Дона, дивизия стала переправляться на правый берег реки. Нелегкое дело форсировать Дон, не имея необходимых переправочных средств. Однако поставленная задача была успешно выполнена. Переправившись, части дивизии с ходу вступили в бой. Здесь, на даль-

[*] **Плехов А. И.** Дороги привели в Берлин. Саранск, 1996. С. 4 ; Этих дней не смолкнет слава. Саранск, 2000. С. 150 ; http://saransk.bezformata.ru/listnews/pochemu-rossiya-zashishaet-ukrainu

них подступах к Сталинграду, началась славная фронтовая биография дивизии, которой будет суждено с честью пронести свое боевое знамя до Берлина, до нашей Великой Победы.

В первые дни наступления ее части, преодолевая упорное сопротивление врага, выбили его из семи населенных пунктов и заняли несколько важных в тактическом отношении высот. Однако общее положение на сталинградском направлении продолжало все больше обостряться. Противник прорвал центральную полосу обороны советских войск и вышел к Дону. А 13 августа 6-я немецкая армия начала наступление на своем левом фланге, в частности, в полосе обороны 4-й танковой армии генерала Батова, в составе которой сражалась наша 321-я дивизия.

Клетский плацдарм... Кто из участников боев на Дону не помнит «пятачок», во всех направлениях простреливаемый неприятелем?!

Над донской степью стояли знойные дни. В раскаленном воздухе, содрогавшемся от разрывов снарядов и мин, поднимались огромные фонтаны земли. На меловых сопках они казались белыми облаками на горизонте. Утро каждого дня начиналось воем мессеров и бомбардировщиков, артиллерийской канонадой, ревом моторов и скрежетом гусениц, пулеметной и автоматной стрекотней. По нескольку раз в день фашисты бросались в яростные атаки на наши позиции, пытаясь во что бы то ни стало сбросить дивизию в Дон, форсировать его и устремиться к Сталинграду.

Позиции наших стрелковых подразделений местами проходили по полям переспелых хлебов, и гитлеровцы перед атаками поджигали их, чтобы едким дымом выкуривать советских воинов из окопов и траншей. К тому же создавалась дымовая завеса, под прикрытием, которой враги шли в атаки. Трудно было под плотным неприятельским огнем и в дыму хлебного пожарища удержаться на позиции, и все же в такие критические минуты воинов не покидали стойкость и мужество.

«Как самое страшное, жуткое запомнились мне ночные пожары, зарево над донской степью, — вспоминает минометчик И. В. Кузьмин. — Голосят бабы, ревут ребятишки, а зерно горит: дым тяжелый — не поднимается кверху, ползет по земле, запах его разносится на многие километры вокруг».

В числе воинов дивизии — вчерашних хлеборобов — был мой земляк по Саранску Я. А. Полежаев, парень из большой крестьянской семьи... Выпускник Оренбургского сельхозинститута, был назначен главным агрономом в один из туркменских совхозов. Не спасовал молодой специалист, потому что труд в этой семье всегда почитался. Строил честолюбивые планы: собирался в короткий срок вывести хозяйство в передовые, засеять его поля высокоурожайными сортами пшеницы.

В 1939 г. Родина призвала Якова к исполнению гражданского долга. Действительную службу начал радистом Кубанского эскадрона одной из кавдивизий, стоявших в Забайкалье. Потом была Монголия, танковая дивизия. Тут и грянула война. В Чите, куда он был направлен для аттестации на офицерское звание, получил назначение в формирующуюся 321-ю стрелковую дивизию. Младший лейтенант Полежаев стал связистом. В боях ему не раз приходилось браться за автомат. Здесь, под Сталинградом, получил он первую награду — медаль «За боевые заслуги».

В жестоких и кровопролитных боях героически сражались с гитлеровцами все наши подразделения. Разве забудется ратный труд артиллеристов истребительно-противотанковой батареи старшего лейтенанта А. М. Васильева — комсомольцев М. Пуртова, А. Булыгина, И. Седько, Н. Левина, В. Трофимова. Наводчик С. Мурандинов только в одном бою уничтожил три вражеских танка. В другом — отважный боец, имея при орудии всего десяток снарядов, смело вступил в смертельную схватку с двумя десятками танков и четыре из них поджег. В неравном поединке герой погиб, но ценой своей жизни обеспечил выполнение полком боевой задачи.

Многое повидали на своем длинном боевом пути солдаты, а в памяти их, как вчерашний день, подвиг товарища в донской степи.

«Тот дзот был словно заколдован, — вспоминает бывший ротный комсорг 488-го стрелкового полка Виталий Зеленков. — Неприметным бугорком прилепился он на перепаханном снарядами взгорке, не давал поднять головы. По нему били минометы. Но таял дым, оседали комья земли, и снова свинцовый дождь полоскал донскую степь.

А время бежало. И так нужно было заставить замолчать проклятый дзот, пробиться на высотку! Мы не сразу заметили движущуюся по-пластунски небольшую фигуру солдата. Увидели, как он вырос в считанных метрах от огневой точки врага. Первая граната, видно, не достигла цели. Боец замахнулся второй раз. Глухо прогремел взрыв. Солдат упал, призывно махнув нам рукой. Мы тогда не знали, что последнюю гранату он бросил уже будучи смертельно раненным. Только после боя нам стало известно имя героя. Им оказался комсомолец Геннадий Седойкин. Было ему девятнадцать».

Тяжело приходилось нашим подразделениям. Лавиной, казалось, шли фашистские солдаты и техника, но упирались они в советские окопы, словно в пружину, отбрасывающую назад.

Труден был бой под станицей Логовской. В тот день, как и в предыдущие, утром в воздухе появились вражеские бомбардировщики. Бомбы рвались на всем участке обороны 484-го стрелкового полка. Как и следовало ожидать, после бомбежки фашисты пошли в атаку. Командир полка майор Епанчин был уже на своем н[аблюдательном] п[ункте]. Тяжелая обстановка развертывалась перед его глазами. Танковый десант противника, прорываясь на высоту вблизи Дона, крушит передовые позиции наших подразделений фланговым огнем. Кое-где врагу удалось занять наши окопы. Создавалась угроза окружения и разгрома полка. Один за другим следовали приказы и распоряжения. Начальник артиллерии полка старший лейтенант Репин умело координирует действия артиллерийских и минометной батарей, просит огня «сверху». Ударили батареи артдивизиона, загремели противотанковые пушки, в глубине обороны откликнулись грозные стволы пушек р[езерва] г[лавного] к[омандования].

Стрелковые батальоны ведут прицельный огонь по бегущим за танками автоматчикам. На отдельных участках обороны на крестатые танки летят гранаты и бутылки с горючей смесью. Постепенно наступает перелом в ходе сражения. Фашисты, оставив на поле боя десяток подбитых и горящих танков и более полусотни убитых солдат и офицеров, отошли на прежние позиции.

Немало танков и пехоты пришлось в тот день на батальон старшего лейтенанта Корсакова 488-го стрелкового полка. Стойко держались роты лейтенантов Новикова, Павлова, Чемберга. Дрались сибиряки самоотверженно. Сам комбат Корсаков со станковым пулеметом отбивал атаку гитлеровцев, пытавшихся захватить батарею противотанковых пушек.

Натиск фашистской пехоты и танков повторился на следующий день. За оврагом послышался шум моторов. Комполка Епанчин поднес к глазам бинокль и в нескольких сотнях метров увидел гитлеровцев. «Задержите немцев на высоте, покуда я подниму резервный батальон!» — приказал майор начальнику штаба полка Литвинцеву и, выскочив из блиндажа, устремился на хутор Лопушино. В этот критический момент большинство штабных офицеров по указанию командира полка отправились в батальон и роты. Епанчин оказался на самом опасном и ответственном участке развернувшегося боя. Благодаря его усилиям обстановка начала меняться в нашу пользу. И тут вражеская пуля сразила майора. Его, тяжело раненного в ногу, вынес с поля боя адъютант.

После госпиталя майор Епанчин воевал в других соединениях. Уже после войны мы узнали, что наш первый комполка стал Героем Советского Союза. Долгое время он служил в Министерстве обороны страны. А в 1991 г. неожиданно и с глубокой скорбью прочитали в газете «Красная Звезда» некролог о его кончине.

Особенно напряженными и опасными для нашей дивизии, уже ослабленной в многодневных кровопролитных боях, были последующие два дня августа, когда 376-я и 100-я пехотные дивизии противника, поддержанные танками и авиацией, усилили натиск. Как и прежде, стойко держались наши части, однако превосходящие во много раз силы врага начали теснить их. Для усиления обороны 321-й стрелковой дивизии командующий 4-й танковой армией генерал Батов перебросил с центрального участка армейской обороны истребительную бригаду и истребительно-противотанковый артиллерийский полк. В свою очередь командующий войсками Сталинградского и Юго-Восточного фронтов генерал-полковник Еременко распорядился усилить это направление стрелковыми и артиллерийскими частями 21-й армии. Он также передал из своего резерва в распоряжение командующего 4-й танковой армией истребительно-противотанковую бригаду. В ходе двухдневных боев в полосу нашей дивизии была, таким образом, оттянута немалая часть резервов. А именно этого добивался противник, предпринимая здесь наступление. Его удар в направлении Перекопки был, по заключению командарма Батова, всего лишь отвлекающим. И этот удар стоил нашей дивизии многих и многих человеческих жизней.

В решительное наступление враг перешел 15 августа. После двухчасовой артиллерийской и авиационной подготовки 6-я немецкая армия одновременно нанесла два удара: главный — на Сиротинскую, и вспомогательный — на Трехостровскую. Тем временем части 321-й дивизии удерживали плацдарм в северной части малой излучины Дона. В дивизии оставалось менее тысячи активных штыков, однако численный недостаток личного состава в какой-то мере компенсировался мужеством и героизмом бойцов, командиров и политработников, упорством и солдатской смекалкой при отражении атак противника.

Немаловажное, а порой решающее значение в удержании позиций имели умелое взаимодействие с соседними соединениями и взаимовыручка. Здесь, на Дону, воины нашей дивизии кровно подружились с гвардейцами 40-й дивизии. Это они в один из памятных для забайкальцев день подставили свое плечо и помогли удержать позиции.

40-я гвардейская дивизия прибыла в малую излучину Дона на несколько дней позже нас. Вчерашние авиадесантники в первых же схватках с противником проявили величайшее самопожертвование и подлинный героизм. Весть о беспримерном подвиге шестнадцати воинов-гвардейцев из сороковой дивизии облетела все наши подразделения.

Это произошло вблизи населенного пункта Дубовый. Здесь на высоте 180,9 занимали оборону 15 бойцов, 16-й — командир, младший лейтенант В. Д. Кочетков. Им было приказано удерживать высоту до прихода подкрепления.

А в это время враг возобновил наступление. Встретив отпор, он отступил. Но после этого против горстки бойцов была брошена уже рота. Она понесла большие потери, но также не смогла взять высоту. Разъяренные гитлеровцы до наступления темноты вновь и вновь атаковали, но по-прежнему безрезультатно. Младший лейтенант Кочетков и его бойцы продолжали удерживать высоту. Тогда, дождавшись рассвета, немцы атаковали их силами до батальона пехоты и 12 танками.

Дорого заплатил враг за эту высоту. Все ее склоны были усеяны трупами солдат и офицеров, прежде чем танки после многочасового неравного боя приблизились к вершине. К этому времени оставались в живых лишь четверо героев. Они уже подожгли две вражеские машины. Патроны кончались, но ведь были еще ручные гранаты. И бесстрашные гвардейцы ценою своих жизней подорвали еще четыре танка. Подоспевшее подкрепление отбросило противника от высоты.

Командующий армией высоко оценил доблесть и мужество воинов-гвардейцев. Шестеро из них посмертно были награждены орденами Ленина, остальные — орденами Красного Знамени.

В подтверждение и в дополнение к вышесказанному об обстановке на нашем участке фронта в первый месяц боев хочется привести рассказ окопного командира и политработника первого батальона 484-го стрелкового полка старшего лейтенанта Николая Петровича Алексеева.

«Батальон и пулеметная рота вступили в бой 5 августа 1942 г. Во второй половине дня на нашем участке было остановлено продвижение немецких частей. Однако 6 августа противник в течение всего дня неоднократно предпринимал атаки, но успеха не достигал.

Нам было трудно. Силы были неравными. Враг располагал танками, огнеметами, мы этих средств не имели. Наши артиллеристы, отражая атаки, вели огонь по танкам прямой наводкой. И сами несли потери. Вся нагрузка ложилась на взвод противотанковых ружей, пулеметную и стрелковые роты.

В боях 6 августа пулеметная рота потеряла командира отделения старшего сержанта Ощепкова, замполита Мамаева, красноармейцев Четверика и Жаркой. Получили тяжелые ранения ефрейтор Борисенко, красноармейцы Золотухин и Димов.

Особенно тяжело пришлось 8 августа. Немцы развернули усиленное наступление на всех участках фронта. На одном из них им удалось вклиниться в линию нашей обороны. Вместе с танками прошел огнемет, подбить который не удалось, и его огонь создал панику (горела степная трава, неубранная рожь). С большим трудом удалось отбить атаку, не пропустить пехоту врага и восстановить линию обороны.

И в этот день мы понесли потери, и немалые. Убиты храбрый командир отделения старший сержант Тыкшеев, ефрейтор Сапожников, красноармейцы-комсомольцы Покомаренко и Хозяинов. Получили тяжелые ранения командир отделения сержант Кузьменков, красноармейцы Золотарев, Менькин, Болдыгеров, Егоров. Тяжело ранен командир пулеметной роты младший лейтенант Нестеренко. Но батальон не отступил.

С наступлением темноты стали наводить порядок. Вынесли тяжелораненых, тех, которых не представилось возможности отправить в медсанбат. Собрали трупы убитых, проверили оставшийся личный состав. После ранения командира роты его функции легли на меня...

Потеря двух командиров в один день меня взволновала до глубины души. Нестеренко по специальности был инженер-горняк, работал в г. Черемхово. Его ранение было тяжелое, и он скончался в пути следования в госпиталь. В этот день погиб и командир взвода лейтенант Лисовенко.

...Август 1942 г. для нашей дивизии был напряженным. Противник превосходил нас по вооружению и численности. Часто вспоминаю бой 13 августа.

Во второй половине дня немцам удалось прорвать оборону на стыке с соседней дивизией. Наш батальон получил приказ на отход для занятия нового рубежа, но отойти не успел и был взят в кольцо. Стали пробираться по балке к долине реки Дон, но и она оказалась перекрытой немцами. Комбат Смычек собрал всех командиров на совещание. Вносили предложения. Комбат обратился ко мне: „А как считает Алексеев?“. Я поддержал предложение о занятии круговой обороны, себя не выдавать, боевому охранению стрельбу не открывать, действовать врукопашную, а в случае необходимости из всех средств открыть огонь. Отходить организованно. Удержаться нужно было до наступления сумерек.

Решение было правильным. Незадолго до наступления темноты наше боевое охранение столкнулось в балке с немецкой разведкой и завязалась перестрелка. Батальон открыл огонь из всех средств, в том числе и по колонне танков, которая стояла в 300 метрах от нас. Для немецких танкистов огонь был внезапным: экипажи отдыхали. Не вступив в бой, они двинулись в тыл своих войск.

Мы организованно вышли изо рва и с наступлением темноты отошли по освободившемуся от противника пути на новый оборонительный рубеж.

Незабываемыми остались сражения 15 августа. Для нашей и особенно соседней дивизии они не были успешными, пришлось оставлять занятые позиции.

В этот день наш батальон занимал наиболее выгодный огневой рубеж по рельефу местности, и немцам не удалось прорвать оборону. Прорвав оборону в стыке с соседней дивизией, противник продолжал рваться вперед, а при продвижении попадал под наш обстрел и нес большие потери в живой силе. Пулеметчики вели огонь с близкого расстояния и даже применяли гранаты. Другого выхода не было.

Мы оказались в полуокружении, но комбат продолжал держать занятый рубеж и без приказа отходить не решался.

Получилось так, что командный пункт командира полка майора Епанчина оказался занят немцами, и батальон потерял с ним связь. Связные с трудом разыскали новый командный пункт. Батальону пришлось стоять насмерть. К концу дня комбат получил приказ на отход и, собрав командиров рот, приказал мне и взводу п[ротиво]-т[анковых] р[ужей] прикрывать его.

Мы заняли огневые позиции, открыли огонь по действующим очагам противника, подавили или заставили немцев прекратить стрельбу. Батальон быстро отходил. Но в это время наблюдатели передали: „Танки слева!“. На нас двигалась группа танков из станицы Логовской. Терять времени было нельзя, и я отдал приказ: прекратить огонь, подготовиться к отражению танковой атаки, огонь открывать по моей команде, гранаты использовать с близкого расстояния!

Огонь оказался неожиданным и мощным. Первые танки развернулись и пошли обратно, а за ними — и остальные. Из девяти машин две охватило пламя. От наших бронебойнозажигательных пуль в Логовском загорелось два дома, откуда немцы вели минометный огонь. Батальон и мы отошли без потерь.

В конце августа стало известно, что в излучине Дона позади нас на выгодном рубеже возведена оборонительная полоса, которую занимала другая гвардейская дивизия с приданными артиллерийскими средствами, в том числе гвардейскими дивизионами катюш. В один из тех дней к вечеру мы прошли эту оборонительную полосу, заняли отведенный для нас рубеж, а затем отражали атаки немцев.

С помощью катюш перешли в контрнаступление. Противник отступал в панике, на поле боя оставляя много подбитой техники, неубранные и незарытые групповые могилы с убитыми. Ранее оставленная нами территория была освобождена.

В сентябре и октябре наш полк и вся дивизия на занятом рубеже в излучине Дона стойко держали оборону».

Мужественно переносили трудности фронтовой жизни женщины. Вся медицинская служба от санинструктора в роте и батальоне до врачей медсанбата в основном была укомплектована ими. Не жалея своих сил и здоровья, они мужественно боролись за жизнь солдат и офицеров. Военврач 3-го ранга З. В. Андриевская по 15 и более часов в сутки не выходила из операционной палаты. Отважной фельдшерицей звали в 484-м стрелковом полку командира санитарного взвода второго батальона Надежду Донцову.

В небольшом овражке, глубина которого плохо защищала от пуль, размещался пункт первой помощи. Почти круглосуточно поступали раненые, которых нужно было эвакуировать в полковую санчасть. Спокойным, привычным движением Надя накладывала на раны повязки. Простые, по-матерински ласковые и теплые слова фельдшерицы облегчали страдания товарищей, успокаивали их. Не один десяток тяжело раненных бойцов, рискуя собственной жизнью, она вынесла с поля боя. А как только стихали бои и на медпункте никого не оставалось, Надя спешила в санроту, чтобы пополнить запасы перевязочных средств и медикаментов.

В славную летопись дивизии вошло имя санинструктора того же полка комсомолки Тани Дика. Сотни бойцов и командиров обязаны ей жизнью. Столько раненых воинов вынесла Таня на своих хрупких плечах с поля боя! Спасая их, она погибла на огненной сталинградской земле.

В сентябре 1942 г. сменив полковника А. И. Валюгина, в командование дивизией вступил генерал-майор И. А. Макаренко.

Более трех месяцев до ноябрьского контрнаступления в жестоких и кровопролитных боях части дивизии отбивали натиск фашистских войск, пытавшихся сбросить их в Дон. Но забайкальцы устояли.

Когда обращаешься к тому далекому суровому времени, не можешь сдержать своего восхищения мужеством и отвагой командиров и политработников переднего края. Нелегко было цементировать передний край при явном преимуществе противника.

Повышение боеспособности частей обеспечивалось большой идейно-воспитательной работой партийных и комсомольских организаций. Во всех подразделениях были созданы группы агитаторов, способных живым словом и личным примером увлекать бойцов на боевые подвиги.

Плодотворное влияние на политико-моральное состояние защитников Сталинграда оказывали сводки Совинформбюро, которые передавались по радио и публиковались во фронтовых газетах. Выпускались специальные листовки с обращением к воинам держаться стойко, не дать врагу прорваться к Волге. Задачей нашей дивизии было удержать Дон.

Радиопередачи принимались полковой рацией. В те тревожные дни, когда в течение часа могла измениться обстановка, с нетерпением ждали известий. Особенно тревожились за исход боев в самом Сталинграде.

Поздними вечерами в землянке заместителя командира полка по политчасти Д. К. Липоватого собирались партийные и комсомольские работники, обсуждали обстановку на участке, то, что удалось выполнить, ставили задачи на завтрашний день. Записывали свежие сообщения Совинформбюро и рано утром, а то и сразу же, наспех перекусив, отправлялись в батальоны, где часто и ночами не утихали бои, создавалась критическая обстановка. Да и считалось ночное время лучшим моментом для политической работы на переднем крае — в ротах.

Вспоминается, как секретарь партбюро старший лейтенант Акулов и полковой агитатор старший лейтенант Морозов, уставшие, запыленные, вечерами возвращались в штаб полка, делились с офицерами положением дел в батальонах, рассказывали о стойкости солдат и офицеров, о взаимовыручке подразделений.

В политической работе на переднем крае старались использовать даже самые короткие передышки между боями. Батальонные и ротные агитаторы, снабженные сводками Совинформбюро и другими материалами, доходили до каждого отделения, до каждого солдата. Благодаря оперативному применению средств массовой информации воины знали обстановку, сложившуюся под Сталинградом, в том числе и на Дону, а также положение на всем советско-германском фронте. И гордились тем, что дивизия стойко удерживает свои позиции. Это вселяло надежду, укрепляло моральный дух солдата, звало его на новые подвиги.

Многие агитаторы подразделений проявляли личный героизм. В батарее 70-миллиметровых пушек одним из агитаторов был комсомолец Иван Семин, командир орудия. Отважный, находчивый артиллерист. В оборонительных боях его расчет показал стойкость, выдержку, грамотность ведения огня. Немало живой силы и техники врага уничтожил. Об одном из его выдающихся подвигов рассказ впереди.

Добрую память у воинов первого батальона оставил комсомольский вожак Владимир Кульков. Достойного организатора и мужественного бойца командование направило на курсы младших лейтенантов. По окончании учебы молодой офицер был назначен комсоргом полка. Находясь постоянно в передовых подразделениях, он личным примером увлекал молодежь на подвиги. В одном из жестоких боев Володя пал смертью храбрых при освобождении Украины.

На участке обороны дивизии вот уже которую неделю воцарилось затишье. Удерживая рубежи в районе Мелоклетского, мы готовились к наступательным действиям. Одновременно велась активная разведка позиций и огневых средств противника. Формально люди еще ничего не знали о предстоящем наступлении, но многие признаки показывали солдатам, что близятся решающие события.

И вот наступило утро 19 ноября. В 7 часов 30 минут в тылу, за Доном, раздался мощный рев тяжелых гвардейских минометов. Мелькнули в облаках огненные хвосты катюш и исчезли за туманом. Оттуда пронесся вибрирующий гул разрывов. Справа и слева от наших позиций слышатся «жернова» гордости нашей артиллерии — катюш. Следом за их залпами вступила в свои права дивизионная и армейская артиллерия. На вражескую оборону обрушиваются тысячи снарядов и мин. Удар невиданной силы! В воздухе стоит сплошной гул, не прекращающийся в течение 80 минут.

В последующих наступательных операциях — на Северском Донце, на Днепре, Висле, Одере — мы испытали высокие чувства от мощи продолжительных артподготовок, но эта осталась в памяти неописуемой: слышалась впервые, да еще в такой трудный период войны. Стихотворение «Перелом» я посвятил этому дню.

В 8.30 раздался залп тяжелых минометов — сигнал к атаке. После мгновения затишья на плацдарме вдруг все ожило. За танками устремились наши стрелковые подразделения — пехота.

Первые две линии траншей противника были взяты сразу, однако за ближайшие высоты развернулся ожесточенный бой. Оборона противника была построена по типу отдельных опорных пунктов, соединенных траншеями полного профиля. Каждая высота представляла сильный опорный пункт. Подступы к высотам заминированы и прикрыты проволочными заграждениями.

321-я стрелковая дивизия выступала в ударной группировке 65-й армии (новое наименование 4-й танковой армии) Донского фронта. Справа от нас находилась 304-я стрелковая дивизия, слева — 23-я.

Перед частями нашей дивизии — высота 135,0. На ней обозначалось одиннадцать дзотов противника, изрыгающих пулеметный ливень. За высотой — лающий голос немецких шестиствольных минометов, гул артиллерийских точек. Правофланговый 484-й стрелковый полк залег в кустарнике под кинжальным огнем

дзотов. Давит враг и на соседа справа — 304-ю дивизию. Требуется поддержка огнем. И вот высота накрыта огнем армейской артиллерии. Она взята. Штурмуя дзоты, развязали руки 304-й дивизии, которая теперь могла зацепиться за восточную окраину хутора Мелоклетского.

На этот счет командарм П. И. Батов писал: «Макаренко, захватив высоту 135,0, дальше не пошел, а под Логовским не сдвинулись с исходных позиций. Однако успех не всегда измеряется километрами. Если бы не подоспела умелая и своевременная помощь 321-й, Меркулов (комдив 304-й дивизии. — *А. П.*) застрял бы в центре, это во-первых. А во-вторых, что самое важное, 321-я дивизия при содействии 23-й дивизии полковника П. П. Вахрамеева в первый день прорыва связала 376-ю немецкую дивизию и до полусотни танков, заставила их втянуться в тяжелый бой. С точки зрения главной задачи армии — это был успех, и немаловажный. 19 ноября самым опасным было бы, если бы пресловутый фон Даниэльс кое-что понял в обстановке и нанес удар во фланг 21-й армии; но он по уши увяз в районе Осинки — Логовский, и этим 65-я армия обязана генералу Макаренко и его частям, геройски отбивавшим здесь контратаку за контратакой».

В ближайших тылах в районе Логовского у противника были солидные танковые резервы, которые он ежечасно бросал с контратакующей пехотой. До полудня 20 ноября дивизии пришлось отбить десять контратак, и только 21 ноября ее частям удалось овладеть Логовским.

Как вчерашний день, помнятся те кровопролитные бои А. Д. Краснодеду. Лейтенант Краснодед командовал ротой, когда началось мощное наступление наших войск за высоты, с которых открывался путь к Сталинграду. Ранен комбат Смычек, вышли из строя несколько ротных и взводных командиров. Батальон возглавил адъютант старший П. Ф. Данченко, а на его должность был назначен Краснодед. Командование ротами взяли на себя политруки. Взводами командовали сержанты. Фашисты зверели, с утра до вечера контратаковали боевые порядки рот. Связь беспрерывно нарушалась. Управлять боем с каждым часом становится труднее и сложнее. Комбат Данченко идет на самый трудный участок, на другой посылает Краснодеда с задачей стоять на позициях насмерть.

Овладев Логовским, части дивизии из района Осинок поспешили на помощь соединениям левого фланга армии, отрезая частям 376-й немецкой дивизии пути отхода на юг. В ночь на 24 ноября пал под ударами советских войск опорный пункт противника на Дону — Трехостровская.

23 ноября войска облетела радостная весть — танковые корпуса Юго-Западного и Сталинградского фронтов, продвигавшиеся навстречу друг другу, соединились в районе Калача, тем самым была окружена 330-тысячная армия Паулюса под Сталинградом. К исходу того же дня соединения 65-й армии взяли в кольцо сиротинскую группировку противника, действующую в излучине Дона.

Итак, первый этап контрнаступления советских войск — операция на окружение врага «Уран» — успешно осуществлен. На очереди были захват Вертячего, форсирование Дона. Взять Вертячий — означало запереть кольцо окружения на замок. Ударные дивизии 65-й армии, в том числе наша 321-я, напрягая все силы,

двигались к донским переправам. Отходя к реке, противник оставлял подвижные отряды: автоматчики с танками, противотанковые орудия, кочующие шестиствольные минометы. Нашим частям теперь приходилось иметь дело главным образом с остатками разбитых немецких и румынских дивизий.

Судьба. Это слово чаще всего соотносится с жизнью человека. Но на войне вершились судьбы частей и соединений, порой так же неожиданно, как у человека.

Накануне форсирования Дона в районе Вертячий — Песковатка наша 321-я, а также 4-я и 40-я гвардейские дивизии были выведены во второй эшелон с замыслом нарастить ими удар после броска через реку. Однако командующий фронтом забрал эти дивизии в свой резерв, а вскоре они были переподчинены: переданы 5-й танковой армии Юго-Западного фронта, продвигавшейся наперерез железной дороге Сталинград — Ростов-на-Дону.

Успешно отбив в районе Суровикино атаки танковых и пехотных дивизий противника, соединения 5-й танковой армии прочно закрепилась на реке Чир.

ОТ ЧИРА ДО МИУСА

На Чире, в снегах Калитвы, под Лихою,
В поселках горняцкой земли —
Мы всюду врагу не давали покоя,
На запад сердца нас вели.

Известно, что Гитлер предпринял попытку деблокировать окруженную немецкую армию под Сталинградом. Большие надежды он возлагал на вновь созданную группу армий «Дон» (до 30 дивизий) под командованием генерала Манштейна. Одна из его группировок — Морозовско-Тормосинская — оказалась в полосе действий 5-й танковой армии, и на нашу дивизию выпало немало схваток с сильным врагом.

Часто мне вспоминаются бои за станцию Секретев. Наши стрелковые батальоны, встреченные плотным артиллерийским и пулеметным огнем бронепоезда, залегли в заснеженной степи, вынуждены были окопаться в промерзшей земле. В морозном декабрьском воздухе с неистовым воем рвется шрапнель, от которой трудно спастись даже в окопе, стучат вражеские крупнокалиберные пулеметы, трещат автоматные очереди — головы не поднять. Ледовый панцирь на реке Чир еще слаб, не может удержать танки, которые могли бы обойти станцию и ударить по врагу с фланга и тыла.

Помнится вечерний приезд на КП нашего полка, в хутор Дубовый, командира дивизии генерал-майора И. А. Макаренко. У комдива с командиром полка майором А. Д. Гурским шел, в частности, разговор о броде на Чире в районе Секретева. По оперативной карте трудно было определить точное местонахождение брода, скрытого подо льдом и снегом. Пришлось обратиться к местным жителям.

И вот брод найден, и наши танки под прикрытием темноты пошли вперед на южный берег реки. В то же время части дивизии пошли на штурм станции, и под их

натиском, а также под угрозой охвата с тыла танками враг был вынужден 20 декабря оставить важный железнодорожный пункт.

В моем фронтовом дневнике после записи о боях за Секретев особо помечены населенные пункты Старая Дербеновка и Дальнеподгорский, бои за которые мы вели в последней декаде декабря 1942 г. Без записи они в четкой памяти. Здесь наши части были встречены крупными силами пехоты и танков врага. Тех танков, что входили в морозовско-тормосинскую группировку Манштейна. Нелегкой была победа наших частей под Новодербеновкой. Особенно большие потери понесли танкисты частей, которые были приданы нашей дивизии. Храбрые воины бросали свои тридцатьчетверки в самое пекло, уничтожая фашистов не только свинцом, но и гусеницами.

Тяжело было нам, пехотинцам, видеть, как от вражеского огня вспыхивали наши танки и из них, точно факелы, выскакивали братья-танкисты и падали на снег. Пехотинцы спешили к ним на помощь, обгоревших уводили или уносили в санчасть.

Преследуя врага, полк подходил к станции Обливская, которую противник превратил в сильно укрепленный опорный пункт. На подходе к ней на батальоны с трех сторон обрушился пулеметный огонь. На железнодорожном полотне через каждые 100 — 150 метров противник установил станковые пулеметы, а между ними, в глубине, — крупнокалиберные. На путях изрыгают огонь два вражеских бронепоезда. Железнодорожный мост через реку Чир охраняется пулеметными расчетами.

484-й стрелковый полк, которым теперь командовал подполковник Е. К. Баранов, штурмом овладел железнодорожной насыпью и, зацепившись за нее, занял несколько станционных строений. Захваченный клещами наших подразделений, а также подразделениями других частей, враг был выбит из Обливской с большими для него потерями. И наши батальоны многих недосчитались после этого тяжелого боя. Погиб здесь мой земляк-сибиряк телефонист Иван Козловский.

1943 г. жители Обливской встречали вместе со своими освободителями. Но воинам праздновать не довелось — надо было без передышки преследовать врага, выполнять поставленную боевую задачу.

Отрадно отметить, что вместе с нашей дивизией освобождали станцию Обливскую гвардейцы 40-й дивизии, с которой мы кровно породнились на Дону и с которой шли рядом на запад, очищая родную землю от фашистской нечисти.

Если подвести итог выполнения дивизией распоряжения штаба армии на последнюю декаду декабря, то можно сказать: задача нашими полками была выполнена. Дивизия имела фронт для наступления с исходного положения 14 километров. Впереди лежали высоты 135,7, 150,6, 172,4, 158,3, которые были укреплены противником в течение 10-дневного его пребывания на них. Эти высоты давали ему преимущество: с них он имел возможность вести хорошее наблюдение и прицельный огонь по наступающим советским частям.

На участке наступления нашей дивизии населенные пункты были слишком удалены друг от друга (15 — 20 км), что не давало возможности своевременно организовывать обогрев, отдых и питание для личного состава.

Перед фронтом дивизии оборонялись части 336-й немецкой дивизии. Противник имел на вооружении большое количество станковых пулеметов, орудий, минометов, в достаточном количестве боеприпасы.

После поражения на станции Обливской немцы стали отходить по всем дорогам на Чернышки и Морозовск.

Преследуя противника, полки шли в направлении на Красный Богдан, Елкино, Верхнегнутов. 484-й стрелковый полк, двигаясь в авангарде и встретив сопротивление немцев у 3-го отделения совхоза № 79, с боем занял его и захватил при этом большое количество трофеев.

Продвигаясь совместно с частями 333-й стрелковой дивизии, полк овладел Верхнеаксеновской, в дальнейшем, изменив свое направление на северо-запад, занял 3-е отделение совхоза № 87, где оборонялись остатки бежавших немцев из частей обливской группировки и разбитых подразделений 336-й пехотной дивизии. Оказав небольшое огневое сопротивление, противник отошел в южном и юго-западном направлении.

Продолжая дальнейшее выполнение поставленной задачи, 484-й стрелковый полк в 2 часа 2 января вел бой на восточной окраине Красного Богдана. К этому времени с западного направления подошел 493-й стрелковый полк. Совместными действиями двух полков Красный Богдан был взят. В результате проведенного боя было уничтожено до 120 солдат и офицеров противника, взято в плен 26 солдат, захвачены большие трофеи, в том числе продовольственные.

К 17 часам этого же дня части дивизии достигли населенных пунктов Елкин, Соколов. К исходу 3 января 484-й и 493-й стрелковые полки заняли Верхнегнутов, а 488-й стрелковый полк — Соколов.

Тесня врага, полки дивизии встречали яростное сопротивление. Гитлеровцы стали применять новые тактические приемы: пропустят на каком-то участке вперед наши подразделения, затем с флангов пытаются отсечь их от основных сил, чтобы, окруженных, уничтожить. Подобную «штучку» они предприняли на участке нашего полка.

Под натиском наших подразделений противник отходил на новые позиции. Отходя, оставил «мешок», который заполнили батальоны. В створ «мешка» входили мелкие подразделения в сопровождении орудия старшего сержанта Ивана Семина из батареи 76-миллиметровых пушек.

Уже смеркалось. Вдруг справа, в 700 — 800 метрах, словно из-под земли выросла цепь неприятельских автоматчиков. Это была засада.

В морозном воздухе затрещали автоматные очереди, засвистели вражеские пули. Подразделения залегли, открыли ответный огонь, которого, однако, было недостаточно для того, чтобы отразить натиск роты автоматчиков.

Буквально через несколько секунд в расположении наших подразделений раздался орудийный выстрел, за ним — второй. Командир расчета Иван Семин, не растерявшись, быстро развернул орудие в сторону неприятеля, установил его на прямую наводку и открыл огонь. Прицел был точным. Было видно, как в радиусе разрывов снарядов падали гитлеровцы.

Фашисты рассчитывали на успех и, поливая огнем из автоматов, бежали вперед. Расстояние до них быстро сокращалось. Оставалось уже метров триста, когда снаряд, посланный из орудия Семина, поставил точку: оставив на снегу до полусотни убитых автоматчиков, гитлеровцы повернули назад.

Вскоре после этого боя на груди отважного артиллериста комсомольца Ивана Семина засиял орден Ленина — первая в полку высшая награда Родины рядовому воину.

Совершив с боями свыше ста километров при преследовании отходящего противника, наши стрелковые подразделения получили недостаточную поддержку артиллерии; за неимением горючего и в условиях глубоких снегов она растянулась по всему пути движения передовых частей. Захваченные у противника склады с продовольствием использовались для улучшения питания воинов, а орудия с боеприпасами были направлены против врага.

Перед частями дивизии на 5 января была поставлена задача овладеть рубежом Большой Хлоповский, отм[етка] 133,4, Мал[ый] Хлоповский. Встречая и подавляя сопротивление противника, части заняли Широкоатамановский, совхоз имени Сталина и достигли цели. В бою на последнем рубеже было уничтожено до 150 гитлеровцев и выведено из строя до 200 человек, захвачены большие трофеи.

В дальнейшем 321-я стрелковая дивизия, продолжая с боями преследовать отходящего противника, к исходу 6 января должна была овладеть рубежом Нижний Вязовый, Крылов и в дальнейшем преследовать противника в направлении совхоза № 36, Исаев, Байнаринка, Привольный.

Во исполнение приказа штаба армии были поставлены задачи: 493-му стрелковому полку овладеть северо-западной окраиной Крылова, 488-му — наступая через высоту 197,3, овладеть юго-восточной окраиной хутора, 484-му полку сосредоточиться в Верхне[м] Вязовом и быть в готовности для развития успеха одного из действующих впереди полков.

Однако немцы перевернули расчеты командования. Вот что произошло 9 января 1943 г.

Части дивизии приблизились к переднему краю противника, но в 400 — 500 метрах от него из-за сильного пулеметного и минометного огня вынуждены были приостановить продвижение. В создавшейся обстановке командир 493-го стрелкового полка принял решение — обойти высоту и ночной атакой овладеть хутором с северо-востока.

В ночь на 9 января подразделения полка начали наступление. Прорвав передний край обороны, завязали бой с перешедшими в контратаку фашистами. Командование дивизии ввело в бой 488-й стрелковый полк, два батальона которого начали быстро продвигаться в направлении северо-восточной окраины хутора.

По наступающим нашим подразделениям противник усилил артминометный и пулеметный огонь. Взламывая сопротивление врага, 2-й и 3-й стрелковые батальоны 488-го полка и подразделения 493-го полка продолжали продвижение вперед. Враг, не выдержав натиска советских воинов, начал бежать. Группа бойцов и командиров численностью 150 человек на рассвете 9 января ворвалась на окраину хутора и начала громить в панике бегущих гитлеровцев. В это время со стороны

Сенного они бросили роту автоматчиков, которая отрезала продвижение остальных советских подразделений, а крупный немецкий гарнизон Крылова стал окружать наших бойцов.

Все попытки прорваться к окруженным успеха не имели. Части дивизии, понеся большие потери, вынуждены были залечь перед передним краем обороны врага, продолжая вести огневой бой.

Превосходящий в несколько раз по численности противник все больше и больше сжимал кольцо окружения. Ряды храбрецов поредели, боеприпасы были на исходе. Горстка отважных в количестве 20 — 25 человек, не имея больше патронов, бросилась в штыковую. Рассвирепевший враг, выставив пулеметы, в упор начал расстреливать героев.

Так погибли бойцы и командиры Красной армии, герои Великой Отечественной войны, с презрением отвергшие ультиматум о сдаче в плен. В их числе — командиры стрелковых батальонов 488-го полка капитан Кудренко и старший лейтенант Панов, заместитель командира батальона по политчасти капитан Таранцев, комсорг лейтенант Вовк, командир батальона 493-го полка старший лейтенант Рабинович, младший сержант Савинов, красноармейцы Белокопытов, Быков и другие. Все бойцы и командиры, павшие смертью храбрых в этом неравном бою, посмертно награждены орденом Отечественной войны 1-й степени.

В центре хутора Крылов возвышается монумент славы. На высоком постаменте — скульптура советского солдата, напряженно снимающего автомат. Его взор устремился на братскую могилу, в которой покоится прах погибших героев. Их фамилии выбиты на надгробных камнях.

И кажется, что этим пронзительным взглядом, этим до судороги в кулаке сжатым автоматом солдат как бы говорит: «Мы отомстим за вас, друзья!».

В скорбном списке на граните есть имя второго моего земляка-сибиряка — Ивана Харюшина из Большеуковского района Омской области.

В те январские дни наш 484-й стрелковый полк вел бои в районе хутора Верхний Вязовый. Укрепившись на возвышенности, враг наносил ощутимые огневые удары по нашим позициям, используя танки и самоходные орудия, которые неожиданно появлялись на гребне возвышенности и прямой наводкой открывали огонь. В одну из таких вылазок врага, 14 января, разрывом снаряда самоходного орудия, открывшего огонь прямой наводкой, я был ранен и контужен в голову.

15 января из района Крылова противник начал отступление в юго-западном направлении. Наши части преследовали его и к исходу того же дня достигли совхоза № 36 (Суховский). Сосредоточив большое количество артиллерии, автомашин, обозов, враг встретил наши подразделения огнем. Приняв боевой порядок, они открыли по вражеским огневым точкам огонь и заставили их замолчать.

В то же время была организована разведка в направлении Верхнекольцов — Нижнекольцов. Получив сведения от разведчиков, подразделения 16 января, сбив арьергардные группы противника, достигли Верхнекольцова. 16 января дивизия сосредоточилась в районе населенных пунктов Исаев (484[-й] и 493[-й] с[трелковые] п[олки]) и Павлов (488[-й] с[трелковый] п[олк]), а 19 января форси-

ровала реку Северский Донец и вышла на исходные позиции для дальнейшего наступления.

Скаты высот, что на правом берегу Северского Донца, в районе хуторов Богатов и Ольховчик, хорошо памятны воинам — участникам боев на Белокалитвинской земле. Наши части приняли там еще дополнительный участок от 54-й гвардейской дивизии.

Гитлеровцы, имея удобный рубеж обороны, упорно сопротивлялись, нанося частыми артналетами удары по переднему краю и по самим населенным пунктам, где размещались советские батареи, тыловые подразделения и службы. Наша артиллерия отвечала тем же. Здесь мы стали чаще видеть работу батарей катюш, которые неожиданно появлялись в Ольховчике и, отстрелявшись, исчезали.

К этому времени исполнился месяц наступательных боев дивизии в составе 5-й танковой армии, и штабом был подведен итог: освобожден 21 населенный пункт, уничтожено 1 240 солдат и офицеров противника; взято в плен — 59. Среди трофеев: орудий — 20, минометов — 6, пулеметов — 15, автомашин — 34, повозок — 135, тракторов — 6, лошадей — 48, рогатого скота — 150 голов, складов продовольствия и боеприпасов — 4. За этот период уничтожено большое количество боевой техники врага.

Следует отметить, что части дивизии вели наступательные бои, преследование противника по пересеченной местности, по глубокому снегу, что затрудняло нормальный подход полковых и дивизионных тылов вслед за передовыми частями. За неимением достаточного количества горючего артиллерия дивизии отставала и подчас не принимала участия в боях. Ввиду большой растянутости армейских и фронтовых тылов дивизией не был так же обеспечен своевременный подвоз продовольствия.

И все же, несмотря на это, брала верх положительная сторона — высокое моральное состояние бойцов и командиров, желание быстрейшего разгрома врага, освобождения своей Родины от оккупантов.

Под огнем противника, по пояс в снегу, зачастую на руках вынося из сугробов боевую технику, шли наши подразделения вперед. Позади остались освобожденные Суровикинский, Обливский, Морозовский, Тацинский, Белокалитвинский районы.

2 февраля 1943 г. прозвучали последние залпы исторического сражения под Сталинградом, закончившегося полной победой советских войск. Победой, в которую наша 321-я стрелковая дивизия внесла достойный вклад. Ее усилия и успехи в этой битве высоко оценены: она будет преобразована в 82-ю гвардейскую стрелковую дивизию, а воины ее удостоены медалей «За оборону Сталинграда». Многие солдаты и офицеры награждены боевыми орденами и медалями Советского Союза.

Находясь теперь вдали от Сталинграда, мы сердцем были рядом с воинами дивизий, которые в составе 65-й армии сражались с окруженной под Сталинградом немецкой группой войск, выполняя операцию «Кольцо». И радовались их успехам. Наступит время — и мы с некоторыми дивизиями снова окажемся рядом в наступательных операциях.

А в эти дни впереди у нас был сильно укрепленный врагом Лиховской узел. Сдать узловую станцию Лихая для врага означало потерпеть крупное поражение, и он встретил наши наступающие части всей мощью имеющегося у него оружия.

321-я стрелковая дивизия с приданным ей 179-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком (ИПТАП) под командованием майора Д. И. Нежина и майора А. М. Корчагина обошла с двух сторон стрелковыми полками под командованием подполковника Е. К. Баранова (484[-й] с[трелковый] п[олк]) и Я. О. Харченко (493[-й] с[трелковый] п[олк]) и в течение двухчасового боя штурмом 13 февраля овладела Лиховским железнодорожным узлом. 488-й полк подполковника П. Н. Черепанова продолжал наступление на Чичерин, Комиссаровку, Замчалов.

В лиховском бою было убито 80 и взято в плен 320 гитлеровцев. Иптаповскими боевыми расчетами сержантов К. П. Кайдалова и П. М. Григорьева, ставших потом Героями Советского Союза, и рядового Золотовского уничтожено 15 танков. Значительными были наши трофеи: орудий и минометов — 17, танков — 15, пулеметов — 32, автомашин — 75, паровозов — 7, вагонов — 100, складов с боеприпасами — 2 и 3 склада с продовольственным зерном.

Всесоюзное радио в передаче «В последний час» сообщало тогда: войска генерал-майора И. Т. Шлемина, продолжая наступление, 13 февраля 1943 г. овладели городом и крупным железнодорожным узлом Лихая, городом и железнодорожной станцией Зверево.

А Совинформбюро известило: 14 февраля 1943 г. с небольшими боевыми перестрелками с оставшимися недобитыми фашистскими арьергардными частями 321-я стрелковая дивизия к 15 часам освободила горняцкий поселок Гуково (ныне — центр города Гуково) и прилегающие к нему хутора (то были Ясный, Замчалов, Аникино, Чуево, Розетта, Трудовой).

В этот же день, 14 февраля, части нашей дивизии вступили на многострадальную украинскую землю. Первыми населенными пунктами освобождения на нашем участке фронта были Александровка, станция Красная Могила.

О втором память моя хранит особо. Здесь мы встретили толпу людей возле разорванного прямым попаданием вражеского снаряда красноармейца. Женщины плакали, солдаты стояли с непокрытыми головами. Тяжелое чувство на сердце у всех нас, повидавших немало трагедий, но такое...

Продолжая продвижение на запад, наши части 16 и 17 февраля освободили шахты № 1, 2, село Дарьевка и город Ровеньки. Впереди было Дьяково. Отступая, враг огрызался, применяя артиллерию и танки.

В бою под населенным пунктом Дьяково отличился заместитель командира 484-го стрелкового полка майор М. А. Рыжков. Находясь среди наступающих подразделений и встретившись с танками врага, он попросил у молодого бойца противотанковое ружье, залег с ним поудобнее и взял на мушку бронированную махину. Первым же выстрелом майора один из танков был поражен. Два других были подбиты солдатами. Мы удивились меткости майора, который, кстати, носил очки и, казалось, не мог метко стрелять.

Селом Дьяково мы овладели 18 февраля, а 19 числа — Дибривкой. 24 февраля достигли реки Миус в районе села Дмитровка Снежнянского района.

На Миусском рубеже 20 марта военный совет 5-й танковой армии в составе генералов Шлемина, Туманяна и Данилова радиограммой поздравил весь личный состав 321-й стрелковой дивизии с преобразованием ее в 82-ю гвардейскую стрелковую дивизию (приказ Н[ародного] к[омиссариата] о[бороны] № 130 от 19 марта 1943 г.).

Западный берег Миуса высокий и крутой. На нем немцы закрепились накрепко — ведь за Миусом — Донбасс с ценными полезными ископаемыми, так необходимыми Германии. Для дальнейшего наступления нужно было усилить войска, требовалась и соответствующая подготовка, перегруппировка войск. И она началась вскоре после окончания Сталинградской битвы.

321-я стрелковая, теперь уже 82-я гвардейская, дивизия передавалась 62-й армии генерала Чуйкова, которая после завершения Сталинградской битвы была передислоцирована в район Купянска Харьковской области. Нам предстоял марш-поход с Миуса в район Старобельска, через Ворошиловград.

В один из дней марша, в селении Рафаиловка Ворошиловградской области, командованием и политотделом дивизии был проведен митинг личного состава, посвященный радостному событию — присвоению дивизии звания гвардейской. Этим была дана высокая оценка ее боевых действий в Сталинградской битве и при освобождении Ростовской области.

НА ИЗЮМ-БАРВЕНКОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Забыть ли изюмское жаркое лето,
Меловые сопки Донца,
И штурм полноводной реки на рассвете,
За речкою — море свинца...

Три с половиной месяца дивизия находилась на отдыхе и в подготовке к предстоящим боям. Части и отдельные подразделения получили пополнение личного состава и вооружения. Нашим ветеранам запомнились населенные пункты Ворошиловградской области, в которых стояли наши части и в которых население добродушно приветило воинов Красной армии. Это Кабанье, Лозовивка, Белосвитовка, Краснорецк, Козиновка Старобельского и Кременского районов. В эти весенне-летние месяцы мы внимательно следили за ходом боевых действий на всех участках советско-германского фронта. Как известно, с февраля по апрель 1943 г. наступление советских войск приостановилось, и мы чувствовали, что после стратегической паузы на каких-либо участках фронта разгорятся сражения. Так оно и случилось. 5 июля началась небывалая по размаху и напряженности Курская битва.

Изо дня в день мы ожидали приказа о снятии с насиженных мест в тылу. Но прежде чем продолжить повествование о том, что ждало дивизию завтра-послезавтра, нужно рассказать о торжественной странице в ее биографии.

15 июня 1943 г. в местечке Залиман Кременского района Харьковской области военный совет 8-й гвардейской армии вручал дивизии гвардейское знамя. Для принятия знамени от полков были выделены представители, а от армии присутствовали: командующий — гвардии генерал-лейтенант Чуйков, член военного совета гвардии полковник Чернышов, представители родов войск и служб. Присутствовал командир 29-го гвардейского стрелкового корпуса гвардии генерал-лейтенант Фоканов, представители соседних дивизий: 27-й и 47-й гвардейских, с которыми мы были знакомы по недавним боям.

Перед парадом представителей командующий 8-й гвардейской армией генерал Чуйков вручил гвардейское знамя командиру 82-й гвардейской стрелковой дивизии, гвардии генерал-майору Макаренко. В произнесенной речи командующий выразил уверенность в том, что личный состав дивизии и в грядущих боях со злейшим врагом человечества — германским фашизмом — еще не раз покажет образцы мужества, отваги и героизма.

Приняв гвардейское знамя, командир дивизии генерал-майор Макаренко от имени бойцов и командиров 82-й гвардейской дивизии дал клятву: «Товарищи бойцы, командиры и политработники — воины славной дивизии! Сегодня в нашей боевой семье — большой праздник, память о котором будет жить в каждом из нас до тех пор, пока бьются сердца. Нам вручается символ воинской чести — знамя славной советской гвардии. Право называться советскими гвардейцами завоевано лучшими сыновьями нашей дивизии в ожесточенных боях с немецко-фашистскими захватчиками на подступах к героическому городу Сталинграду.

Широкие донские степи, воды тихого Дона, Чира и Северского Донца, видавшие немало пролитой фашистами черной крови, могут быть свидетелями того, что бойцы, командиры и политработники 82-й гвардейской стрелковой дивизии стойко, мужественно, героически дрались за свое социалистическое Отечество, за каждую пядь родной земли, не жалея крови и своих жизней. Наши питомцы боевые товарищи: Хомяков, Кудренко, Панов, Воропаев, Фархутдинов, Вовк, Дика, Андреева, Давиденко, Налойченко, Куренков, Мурандинов и многие другие — по-гвардейски сражались за Родину, погибли в боях как герои, и память о них будет жить в веках. Бить ненавистного врага по-гвардейски мы учились на лучших традициях русской гвардии, увенчавшей себя за 260 лет своего существования неувядаемой славой. Мы впитали в себя неотъемлемые качества русской гвардии — безграничную любовь к своему народу и к своей Отчизне, беспредельное мужество, исполинскую силу, бесстрашие, жгучую ненависть к врагам. Используя богатый опыт Отечественной войны, мы учились бить хваленые войска так, как били наши гвардейцы на подступах к Москве и Ленинграду, как били их легендарные герои у стен Сталинграда.

Становясь под победоносное знамя советской гвардии накануне решающих сражений с немецко-фашистскими захватчиками, мы, воины славной 82-й гвардейской дивизии, клянемся: будем высоко нести это знамя путями побед до окончательного разгрома немецко-фашистской армии, до полной победы. Мы будем свято выполнять нерушимый закон Красной армии, рожденный в боях и скрепленный священ-

ной кровью лучших сынов социалистической Отчизны. Там, где наступает гвардия, враг не устоит! Там, где гвардейцы заняли оборону, враг не пройдет!

Мы будем настойчиво учиться в ходе боев, изо дня в день повышать свое воинское мастерство. Мы клянемся неустанно совершенствовать свою боевую выучку, крепить дисциплину, порядок и организованность в каждом нашем подразделении, как требует от нас главнокомандование Красной армии. Клянемся свято блюсти честь гвардейскую в нашей учебе на поле боя.

Принимая гвардейское знамя, я от имени всех бойцов, командиров и политработников заверяю командование нашей армии и через него весь многомиллионный советский народ, коммунистическую партию, советское правительство в том, что это знамя будем оберегать как святыню и приложим все свои силы к тому, чтобы приблизить час окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков.

Пусть с каждым днем растет и крепнет наша гвардейская дивизия, приумножает воинскую славу могучего народа, ведущего священную войну, Отечественную войну!

Пусть с каждым днем растет и крепнет наша гвардейская сила! Смерть немецким захватчикам!».

По всему было видно, нам предстоит возвращать Родине Донбасс, освобождать Левобережную Украину. И вот приказ получен — части нашей дивизии двинулись в район города Изюма Харьковской области, на Северский Донец.

Северский Донец... С этой рекой мы уже были знакомы с зимы, с боев в районе Богатова и Ольховника, в Белокалитвинском районе. Тогда мы переходили по ледяному панцирю реки, теперь же предстояло с боем форсировать водную ширь Донца, с прорывом обороны сильного противника и занятием плацдарма на правом берегу.

Высокий и крутой, с меловыми сопками, он господствовал над местностью на левом берегу, что ставило наши войска в невыгодное положение.

Части дивизии заняли исходное положение в лесном массиве, в четырех километрах ниже по реке от города Изюм. Передовые подразделения окопались вдоль опушки леса, у самой реки. Большой лесной массив упрятал десятки батарей, множество бронетехники, автомашины, резервные части и соединения нашей 8-й гвардейской армии. Здесь же размещались тыловые подразделения, службы, в том числе медицинская.

Предстоящее форсирование довольно-таки широкой реки потребовало от личного состава подразделений, особенно саперов, напряженного труда, смекалки, мастерства. Необходимо было в кратчайшие сроки подготовить средства для переправы подразделений, вооружения, боеприпасов. Легко сказать — переправить стрелковые батальоны. Сколько же надо для этого плавсредств! Лодок, плотов, бревен не хватало. Приходилось больше рассчитывать на переход реки вброд и вплавь. Кстати, один брод был на участке полка, но его, конечно, мало на несколько подразделений. А плавать многие солдаты не умели. Да и владеющим этим «искусством» нелегко было переплыть в обмундировании и с солдатской выкладкой.

Вспоминается, с какой энергией и ответственностью работал на месте переправы полковой инженер гвардии старший лейтенант Александр Баранов. Все возмож-

ное и, казалось, невозможное сделал руководитель инженерной службы с полковыми саперами и солдатами других подразделений, и полк преодолел водный рубеж. А вот ему самому не суждено было ступить на противоположный берег: вражеская пуля сразила офицера еще на своем берегу.

Наблюдательный пункт командира 242-го гвардейского полка (бывший 484-й с[трелковый] п[олк]) гвардии подполковника Баранова был оборудован на массивном дереве, в десятках метрах от переднего рубежа обороны. С него хорошо просматривалась оборона противника, вся местность в глубине обороны, до самых меловых сопок за долиной, за которыми скрывалось множество огневых точек врага. Отсюда как на ладони видны вдалеке села Каменка, за ней — Сухая Каменка, а в сотнях метрах от реки во всех деталях просматривается хутор Шевченко, который полк должен взять в первый день наступления.

И вот наступил день 17 июля, к которому готовились и который ждали. В 4 часа 50 минут, еще до восхода солнца, на участке нашей 8-й гвардейской армии (кстати сказать, и на участке соседней с нами 1-й гвардейской армии) началась мощная авиационная и артиллерийская подготовка, сопровождаемая грозным напевом батарей гвардейских минометов — катюш. Полтора часа громы и молнии метались над вражеской обороной. Казалось, на вражеском берегу не осталось живого места.

Вместе со стрелковыми батальонами, сжавшись пружиной, готовая к броску к реке, ждала сигнала полковая рота автоматчиков гвардии старшего лейтенанта Игнатенко. И только наша артиллерия перенесла огонь в глубину обороны противника, с того берега донесся знакомый девичий голос: «Ребята, ко мне!». И ребята узнали этот голос. Это была Галя Гордеева, санинструктор, направленная в роту перед наступлением.

Под прикрытием тумана и дымовой завесы Галя незаметно для всех переплыла реку и укрылась в зарослях камыша у противоположного берега.

Понятно, что позвало восемнадцатилетнюю девушку на рискованный шаг. Не будем осуждать ее за самовольный поступок. Он схож с поступками многих известных молодых патриотов периода Великой Отечественной войны.

Галин призыв явился для автоматчиков ярче сигнальной ракеты — рота в вихре бросилась в реку. Преодолев водный рубеж, достигла первого ряда вражеских траншей и завязала рукопашный бой с гитлеровцами. Как позже стало известно, наше наступление не было внезапным для противника, который в момент нашей артподготовки маневрировал по заранее продуманному плану и таким образом сохранил большие силы.

Закрепившись в первых траншеях, рота бросилась на вторую вражескую линию. И в это время, когда Галя оказывала медицинскую помощь раненому бойцу, вражеская пуля сразила ее. Еще на левом берегу был убит командир роты Игнатенко, некоторые бойцы получили ранения.

Решительно и упорно действовали стрелковые батальоны. К 8 часам утра они закрепились на занятых первой и второй линиях вражеских траншей.

Полк и другие части дивизии и армии получили приказ продвигаться вперед, расширяя плацдарм. Однако нарастающее сопротивление врага не давало возможности достичь такого же успеха, какой мы имели при форсировании реки.

Как сказано выше, наше наступление не было для противника неожиданностью. Ему известны были ориентировочные даты и направления наших ударов прорыва.

Враг создал на участках прорыва глубокоэшелонированную оборону. Сюда были переброшены крупные силы, особенно танковые. К этому времени немецкое наступление на Курской дуге прекратилось, и, чтобы удержать за собой Донбасс, гитлеровское командование перебросило сюда из-под Харькова и Орла 6 дивизий, из них 5 танковые. На подмогу немецким частям, находившимся на участке нашей дивизии, подходили соединения двух танковых дивизий.

Активизировала свои действия вражеская авиация, которая группами по 20 — 30 самолетов-бомбардировщиков под прикрытием истребителей наносила удары по переправам и нашим частям.

Части нашей дивизии и другие соединения 29-го гвардейского корпуса поднимались несколько раз в атаки, но их встречал массированный огонь противника. Враг повсеместно вводил в бой танки, усиливал действия артиллерии.

Многим из нас запомнился день 19 июля. Гитлеровцы непрерывно переходили в контратаки, поддерживаемые десятками танков. С утра они бросили в контратаку против правого фланга нашей дивизии со стороны Каменки пехотный полк в сопровождении 48 танков, а со стороны Сухой Каменки — полк пехоты с 50 танками. Всем нашим подразделениям хватило работы до седьмого пота — стрелкам, бронебойщикам... Но больше других досталось орудийцам всех «рангов» — полковым, дивизионным, армейским. Артиллеристы били по танкам прямой наводкой с ближнего расстояния, в упор разили достигших наших траншей.

И гвардейцы устояли па своих позициях. Бои затянулись, не прекращались ни на один час. И в сводках Совинформбюро сообщалось о них как о боях местного значения.

Наши части наносили по контратакующему врагу ощутимые удары. Враг нес большие потери. Но и наши подразделения редели. В один из тех дней все подразделения 242-го гвардейского стрелкового полка облетела скорбная весть: погиб командир полка гвардии подполковник Ефим Константинович Баранов, любимец части.

Подполковник Баранов пришел в полк в начале января с должности начальника оперативного отдела штаба нашей дивизии. Знали мы его как опытного и волевого командира, душевного человека. Его знал каждый полковой боец: в боевой обстановке он каждый день посещал подразделения, в походах — находил время, чтобы в часы привала побеседовать с солдатами и командирами, а то и вместе с ними повеселиться, даже сплясать. Долго не верилось скорбной вести. Но война есть война, перед смертью, как говорится, все равны.

За день до своей гибели командир полка решил проверить по своему обычаю боевое и психологическое состояние личного состава 1-го стрелкового батальона Данченко, заодно вручить правительственные награды отличившимся в боях воинам. По долгу службы я должен идти с ним. Вечерело, когда мы — комполка, его ординарец и я — спустились на паром. Полная луна в безоблачном небе серебряным светом освещала гладь Северского Донца, заречную долину — наш плацдарм и меловые сопки за ним. Наш плот оказался в поле зрения врага как на ладони. Не

успели достичь середины реки, как зашипели, падая в воду, вражеские мины, поднимая фонтаны. К счастью, до берега мы доплыли благополучно.

Штаб батальона размещался в небольшом хуторе Шевченко, что примерно в километре от реки. На всем нашем пути то и дело падали снаряды и мины. Ход сообщения был неполного профиля, и мы с командирским ординарцем, склоняясь, прятали головы. А вот наш командир ни разу не среагировал на падающие почти рядом смертоносные тела. И мне подумалось тогда: какой же смелостью, нет, каким бесстрашием, какой силой воли обладает этот человек! И к чему здесь эта храбрость? И мой укор, как увидим, был обоснован.

В блиндаже было тесно от пришедших из подразделений солдат, сержантов и офицеров для получения правительственных наград. Здесь собрались и командиры рот, которых пригласил комбат Данченко. Боевая обстановка не располагала к долгой беседе, и все же комполка после официальной части — вручения наград — не упустил момента разъяснить воинам обстановку в полосе действий полка и дивизии и задачи предстоящих дней. Поинтересовался психологическим настроением на переднем крае и тем, как воины обеспечиваются питанием, как доставляются письма и газеты.

Из батальона мы возвращались поздно, только при лунном свете и блеске трассирующих пуль, то и дело летящих с вражеской стороны. Возвратились «домой» благополучно, довольные исполненным долгом.

На следующий день командир полка пошел во второй стрелковый батальон к капитану М. Д. Грибову. На этот раз взял с собой помощника начальника штаба полка по тылу капитана Сыромятникова. Ушел и не вернулся на свой КП. На плацдарме осколок вражеской мины поразил горячее сердце отважного командира. Похоронили мы его в Красном Осколе со всеми доступными в боевой обстановке воинскими почестями, рядом с могилами воинов, умерших в медсанбате от тяжелых ранений.

В те дни боев до нас дошла весть о том, что в Голой Долине (ее прозвали «мертвой») погиб смертью храбрых командир соседней 79-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Н. Ф. Батюк, герой Сталинградской битвы.

Наши войска на Северодонецком плацдарме понесли большие потери. В этом мы еще раз убедились, когда в 1975 г. провели в городе Изюме встречу однополчан дивизии. Оказалось, что в братских могилах в Каменке, Сухой Каменке, в Долгеньком и других населенных пунктах покоятся сотни и тысячи павших советских воинов.

12 августа наша дивизия, да и все соединения 8-й гвардейской армии, передав свои позиции на плацдарме 6-й и 12-й армиям, вышли во второй эшелон, в лесной массив на левом берегу Северского Донца.

В один из этих дней к нам прибыл новый командир 242-го гвардейского стрелкового полка — майор И. Ф. Сухоруков, донской казак, участник Гражданской войны. Первое же знакомство с ним открыло интересное совпадение событий: оказалось, что Иван Федорович родом из хутора Мелоклетского — того хутора, который наша дивизия освобождала осенью сорок второго года. И он сам тогда сражался на родной клетской земле, в малой излучине Дона. Вспоминаю о посещении в те дни нашего полка комдивом И. Л. Макаренко. Вел он дивизию с

клетского Дона, и не раз мы встречали его в боевой обстановке. Нас поразила еще одна добрая черта дивизионного «бати» — забота о солдатах. Разговаривая с командованием и руководителями служб полка, он (дословно помню) сказал: «Кормите солдат, чтобы они были жирными!». Отеческая забота комдива о личном составе чувствовалась на всех этапах нашего боевого пути, вплоть до Днестра, потом он ушел из дивизии.

Боевые действия сменивших нас 6-й и 12-й армий не изменили обстановки на плацдарме. Их мощное наступление 17 августа не имело успеха. Это объяснялось прежде всего тем, что противником была обнаружена переправа войск через реку, и он предугадал приблизительное время нового наступления советских войск. Внезапности и на этот раз не получилось, враг из надежных укрытий открыл уничтожающий пулеметный и орудийный огонь по нашим войскам. Ценой больших потерь удалось продвинуться лишь на 1 — 2 километра. И на второй день наступления удар войск был безуспешным.

Обстоятельства, сложившиеся на плацдарме, заставили командующего фронтом Р. Я. Малиновского досрочно ввести недостаточно подготовленную после тяжелых боев 8-ю гвардейскую армию на плацдарм, в стык 6-й и 12-й армий. И снова части нашей дивизии переправляются через Северский Донец, занимают позиции перед сильным врагом.

Прошел месяц со дня первого нашего наступления с форсированием реки, а войска не могут развить плацдарм в тактический простор, создать условия для действий механизированных частей и соединений.

И вот настал день нового наступления с участием нашей дивизии и в целом 8-й гвардейской армии. Перед 29-м гвардейским стрелковым корпусом была поставлена задача — одним броском овладеть населенными пунктами Сулаговка и Долгенькое.

В отличие от предыдущих наступательных операций эта оказалась для противника внезапной.

На рассвете 22 августа наша артиллерия нанесла по противнику мощный удар, на позиции врага направили бомбовые удары и бортовой огонь штурмовики 17-й воздушной армии генерала В. А. Судец. И когда огневой вал был перенесен в глубину обороны противника, наша пехота поднялась. За цепью цепь уходили в атаку. Разгорались бои за первую, вторую, третью линии траншей. Поддерживая пехоту, танки и самоходные орудия били прямой наводкой по врагу. Были введены в бой механизированные силы армии и фронта.

На следующий день соединения армии, в том числе 82-я гвардейская дивизия, после артиллерийской подготовки снова пошли в атаку, очистили село Долгенькое и вышли на опушку леса, что южнее села. Однако тут наши танки попали под прицельный огонь вражеских танков, закопанных в землю и хорошо замаскированных в кустарниках. Огонь противника велся прямо наводкой. Наши танки запылали. Кроме того, немцы применили против наших танков управляемые торпеды, которые запускались из окопов и управлялись по проводам. От удара торпеды танк разрывался на огромные куски металла.

За ночь гитлеровцы подтянули к опасному участку немалые резервы. Наши войска встретили яростное сопротивление врага, который любой ценой прикрывал прорыв наших войск к Барвенкову, ибо потеря его и Донбасса грозила немцам катастрофой. И избежать ее оккупантам не удалось. Хорошо скоординированные действия стрелковых и механизированных соединений и частей достигли намеченной цели. 12 сентября наши войска овладели городом Барвенково.

В приказе Верховного главнокомандующего в числе соединений, отличившихся в боях за Барвенково, отмечалось соединение генерал-майора Макаренко (82-я гвардейская дивизия), личному составу была объявлена благодарность.

Нашей дивизии и армии предстоял путь с боями к Днепру, к городу славы Днепрогэса и «Запорожстали» — Запорожью.

У СТЕН ЗАПОРОЖЬЯ

И памятна нам запорожская осень —
Горячая битвы пора.
Мы с гордостью звание города носим,
Как братья народа Днепра.

В середине сентября 82-я гвардейская дивизия занимала жесткую оборону западнее города Барвенково, отражая атаки пехоты и танков противника. Гитлеровское командование в то время еще не отрешилось от мысли удержать Донбасс. И только после 15 сентября, когда выходом войск Юго-Западного и Южного фронтов на рубеж Барвенково, Красноармейское, Волноваха была предопределена судьба гитлеровских войск в Донбассе, а наступательные операции Степного, Воронежского и Центрального фронтов лишали гитлеровское командование возможности оборонять Левобережную Украину, генерал Манштейн отдал приказ об отводе основных сил армий «Юг» за Днепр, а на южном участке — за реку Молочная.

И все же наши части на всем пути к Днепру и Запорожью встречали упорное сопротивление противника. 28 сентября дивизия освободила Славгород, отсюда выходила, как говорится, на финишную прямую к Запорожью.

Как вчерашний день помнятся дни жарких боев в сухую и жаркую осень сорок третьего. Без передышки после кровопролитных боев на Северском Донце части дивизии шли на штурм Запорожского плацдарма — одного из нескольких плацдармов гитлеровского «Восточного вала», как называлась фашистами их оборонительная полоса вдоль всей линии Днепра. В конце сентября войска Юго-Западного фронта отбросили противника за Днепр на участке от Днепропетровска до Запорожья. Предстояли бои на ближних подступах к Запорожью.

Запорожскому плацдарму, который прикрывал подступы к таким важным экономическим районам, как Криворожье и Никополь с их железными и марганцевыми рудниками, враг придавал особое значение. Запорожье к тому же являлось узлом железнодорожных путей, по которым шло снабжение немецких войск, оборонявшихся на реке Молочной. Этот плацдарм был важен для противника и с чисто

военной точки зрения. Гитлер требовал от группы армий «Юг» сохранить его любой ценой.

Враг срочно стянул сюда подкрепления с различных участков фронта. Заранее построил сложную систему инженерных сооружений. Внешний н внутренний обводы Запорожского плацдарма состояли из рядов опорных пунктов, прикрытых непрерывной линией противотанковых и противопехотных препятствий, а между обводами — промежуточные опорные пункты. К тому же передний край внешнего обвода на всем протяжении был прикрыт противотанковым рвом от трех с половиной до пяти-шести метров глубины и ширины, причем некоторые участки рва были примерно на метр заполнены водой. На танкоопасных направлениях ров усиливался минными полями.

8-я гвардейская армия, согласно директиве командования Юго-Западного фронта, должна была в конце сентября сосредоточиться в 20 — 40 километрах от Запорожья, в стыке 12-й и 3-й гвардейской армий, подготовленных к наступлению на запорожский плацдарм.

На рассвете 1 октября воздух содрогнулся от громовых раскатов: ударила наша артиллерия на участке прорыва шириной в 25 километров. К мощному артиллерийскому налету подключились реактивные минометы. Затем покатилась по всей линии прорыва канонада всех видов орудий. После первых залпов, обрушившихся на первую линию траншей врага, огонь был перенесен на вторую линию. Так несколько раз на протяжении почти часовой артподготовки шел обманный маневр нашего командования. В первой половине дня части имели некоторый успех, неся врагу огромный урон. Пехотные войска нашей 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова под прикрытием танков ворвались в населенные пункты Васильевский, Новоукраинка, с ходу овладели станцией Янцево, селами Дружелюбовкой, Новостепнянским, Новомокрянским...

Хутор Васильевский. Небольшой населенный пункт, его нет даже на карте области, но он крупным планом врезался в память тех, кто брал его. Ивану Фроловичу Шиндину, бывшему командиру взвода автоматчиков 246-го гвардейского стрелкового полка, дорог был этот уголок запорожской земли: здесь погибли многие его боевые друзья по роте и командир стрелкового батальона М. Д. Грибов.

После боевой паузы 10 октября начался штурм запорожского плацдарма. Враг оказывал яростное сопротивление, особенно в полосе наступления 8-й гвардейской армии. В тот день ее части отразили одиннадцать контратак, в которых гитлеровцы применили тяжелые танки. В дуэль с вражескими «тиграми» и «фердинандами» вступили наши артиллеристы. 152-миллиметровые орудия 185-го гвардейского артполка, выдвинутые на позиции для прямой наводки, уничтожили до десяти танков. На счету огневого взвода гвардии лейтенанта Манякина было два «тигра».

Жаркими были схватки с врагом и во второй день штурма. Пехота и танки противника под прикрытием артиллерии бессчетно бросались в контратаки. Три орудия взвода Манякина были уничтожены. Оставались лишь одна пушка и два человека в расчете. Два «тигра» и «фердинанд», изрытая из жерл пушек бешеный огонь, шли прямо на позиции взвода. Под ураганным огнем Манякин подполз к

оставшемуся орудию и открыл огонь по бронированным машинам, подпустив их на близкое расстояние. Последовало пять выстрелов из орудия, от которых два фашистских чудовища пустили огненные языки и столбы дыма.

Вскоре в расположении батареи появился командир дивизии, наблюдавший за полем боя, за поединком артиллеристов с танками врага. Генерал тут же оставшимся в живых отважным артиллеристам вручил боевые ордена. Командир огневого взвода Манякин был удостоен ордена Красной Звезды.

...Третий день шли напряженные бои. Около полуночи вся артиллерия нашей армии произвела массированный, мощный артналет по точно разведанным целям. В атаку пошли танки, прикрывая следовавшую за ними пехоту. Взвод гвардии младшего лейтенанта Шиндина в числе передовых подразделений стрелкового батальона взрывается в последний перед городом населенный пункт — Зеленый — и выбивает из него врага. В этом бою отважного командира не миновала пуля. Иван Шиндин вернется из госпиталя в свою боевую семью, когда полк будет вести бои уже за Днепром, уничтожая никопольскую группировку немецко-фашистских войск.

Ломая яростное сопротивление врага, наши войска неуклонно приближались к Днепру. Батальон гвардии капитана А. Д. Краснодеда 242-го гвардейского стрелкового полка вместе с правым соседом — 246-м гвардейским полком Комарова — во взаимодействии с танкистами маршала бронетанковых войск Рыбалко первыми ворвались на окраину Запорожья.

Алексей Данилович Краснодед с похвалой вспоминает действия танкистов. Немцы открыли по танкам сильный огонь. Танкисты, видя, что пехота поднялась и идет за ними, местами опережая танки, дали полный ход и, невзирая на мощный огонь противника, вихрем ворвались в его оборону, сокрушая на своем пути огневые точки врага, уничтожая в панике удиравших фашистов. Благодаря решительному действию танкистов, наша пехота овладела рубежом с незначительными потерями.

О месте нахождения своего батальона комбат Краснодед доложил по рации начальнику штаба своего полка С. М. Литвинцеву. Другие батальоны подходили к городу левее.

Через час на КП командира 246-го гвардейского стрелкового полка прибыл комдив И. А. Макаренко. Генерал с командиром полка Комаровым и комбатом Краснодедом выехали на стык полка и батальона. Комдив указал рубеж овладения. Правый фланг батальона Краснодеда находился на железной дороге, идущей на Никополь, левый фланг захватывал деревню Вознесеновку. Полк Комарова наступал правее, в направлении к Днепрогэсу.

Противник в попытке вывести свои части на Хортицу и правый берег Днепра сильно начал давить на батальон Краснодеда. И плохо могло бы кончиться для него, если бы не выручка 246-го полка. На левом фланге полка и дивизии остальные наши батальоны завязали сильные бои с контратакующим противником.

Ночным штурмом советских войск завершилась ликвидация запорожского плацдарма врага, освобождение города Запорожье. Вечером слушали по радио приказ Верховного главнокомандующего генералу армии Малиновскому: «Войска Юго-Западного фронта, продолжая успешные наступательные действия, сломали ожесточенное сопротивление противника и сегодня, 14 октября, штурмом овладели круп-

ным областным и промышленным центром Украины городом Запорожье — важным транспортным узлом железнодорожных и водных путей и одним из решающих опорных пунктов немцев в нижнем течении Днепра...».

Всем участникам боев за город была объявлена благодарность. 82-я гвардейская стрелковая дивизия в числе других соединений, особо отличившихся, удостоена почетного наименования — «Запорожская».

В 23 часа 30 минут столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам, освободившим Запорожье, 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

Освобождая город, наш 242-й гвардейский полк вышел на знаменитый завод «Запорожсталь». Сердце обливалось кровью при виде изуродованного фашистскими варварами гиганта — славы нашей индустрии. Та же участь постигла и другие заводы Запорожья.

Советские войска стремились во что бы то ни стало предотвратить уничтожение Днепрогэса имени В. И. Ленина. Гитлеровские варвары задолго до своего отступления за Днепр начали готовить разрушение гидростанции. Они завезли на ее территорию более 200 тысяч килограммов взрывчатых веществ. Только в плотину тщательно заделали 40 тысяч килограммов взрывчатки, уложили 70 авиабомб весом по 300 килограммов. В машинный зал было заложено три вагона взрывчатки и десятки авиабомб.

Отступая с левобережной части Запорожья, оккупанты взорвали здание станции и уничтожили все ее оборудование, подорвали часть плотины, но полностью осуществить свои злодейские замыслы им не удалось. Части Красной армии сбили противника с его позиций на правом берегу Днепра и освободили территорию Днепрогэса. Мужество советских воинов спасло станцию от окончательного разрушения.

Территория Днепровской гидростанции имени В. И. Ленина весной и летом кажется огромным садом — так много здесь деревьев и цветов. И даже зимой лежат цветы у памятника Неизвестному солдату, спасшему Днепрогэс.

Известны многие имена воинов, предотвративших взрыв плотины, — добровольцев 19-го отдельного гвардейского батальона минеров Третьего Украинского фронта. Под непрерывным обстрелом фашистов они, рискуя жизнью, успели вовремя перерезать смертоносные провода. Все участники беспримерной операции были удостоены орденов и медалей.

В солдатской памяти и встречи с населением города. Со слезами радости после пережитого горя встречали запорожцы своих освободителей. Они рассказывали о страшных днях гитлеровской оккупации, о тысячах советских патриотов, расстрелянных и замученных фашистскими палачами. За два года от их рук погибло 35 тысяч запорожцев. Противотанковый ров на территории пригородного совхоза был забит трупами доверху. Почти 58 тысяч молодых жителей города фашисты принудительно угнали на каторгу в Германию.

Днем 14 октября в центре города состоялся митинг, посвященный освобождению Запорожья от немецко-фашистских захватчиков. На нем присутствовали тысячи горожан, воины частей, штурмовавших город. Выступали представители общественности, военного совета фронта, отличившихся дивизий.

ВПЕРЕДИ — ОДЕССА

Мы шли к Черноморью чрез реки,
лиманы —
По грудь ледяная вода.
Вернули Одессу, и Днестр, и каштаны.
Тех дней не забыть никогда.

После освобождения города Запорожье 82-я гвардейская стрелковая дивизия получила приказ — направление на Таврию, к реке Молочная, где продолжительное время шли ожесточенные бои с фашистами. Но через два дня марша дивизия была повернута назад, к северу от Запорожья. С 21 по 25 октября части дивизии переправились через Днепр в районе Войсковое. 26 октября овладели населенными пунктами Башмачка, Канцерополь, в дальнейшем вели бои по расширению плацдарма на правом берегу Днепра. С 4 по 7 ноября дивизия была сосредоточена в районном селе Соленое Днепропетровской области (правобережная территория, по которой пойдет дивизия, относится к Днепропетровской области). Из села Соленое мы пошли в южном направлении. Враг по-прежнему оказывал упорное сопротивление, и наше продвижение не отличалось темпами. На десять дней дивизия и, в частности, наш полк задержались на рубежах в районе населенных пунктов Любимовка и Любовь, а в Николай-Поле простояли целый месяц. Но зато были основания: для дальнейшего решительного наступления нужна была подготовка, требовалась перегруппировка сил. Многие механизированные соединения и части были еще на левом берегу Днепра.

В моей памяти, да, думаю, не только в моей, ч[резвычайное] п[роисшествие], случившееся в те дни на дивизионном складе противотанковых и противопехотных мин. Склад размещался в селе Любовь, в пяти-шести километрах от передовых частей, находившихся в обороне. Работники минного склада нарушили технику безопасности: оскладировали мины высоким штабелем. И под действием большой силы тяжести нижние ряды мин взорвались, взорвался весь склад. Взрыв оказался настолько мощным, что с крыш домов почти всего села полетела черепица, несколько человек пострадали. Гром взрыва и воздушная волна прокатились до соседних поселков, в том числе до нашего Николай-Поле.

31 декабря дивизия овладела районным центром Томаковкой, и новый, 1944 г., год мы встретили здесь. Тепло приняли жители села своих освободителей. Между томаковцами и ветеранами дивизии установилась дружба, и воины-освободители не раз после войны были гостями в этом селе.

Итак, наступил новый 1944 г., от которого ждали многого. И мы не ошиблись. Забегая вперед, скажу: через семь месяцев дивизия будет далеко за пределами нашей страны, на Висле, выйдет на финишную прямую к Берлину.

Однако новый год не принес нам легких побед. Гитлеровское командование, стремясь удержать в своих руках Никопольско-Криворожский район с богатейшими запасами марганцевых и железных руд, принимало все меры к сдерживанию наших

войск на сильных оборонительных укреплениях, бросало в бой крупные силы, все свои резервные части.

Перед 8-й гвардейской армией была поставлена задача идти на Апостолово, в обход Никополя. Выходом на Апостолово советские войска ставили противника в катастрофическое положение — никопольский гарнизон, войска врага на плацдарме лишались коммуникаций, попадали в окружение.

Другим сдерживающим фактором для нас были неблагоприятные метеорологические условия. Уже в январе, особенно в начале февраля, заморозки сменялись оттепелями. Снег переходил в дождь, дождь — в мокрый снег. По-весеннему разлились речки, в балках бушевала вода. Приходилось одновременно вести бои с сильным врагом и бороться со стихией. Преодолевая яростное сопротивление гитлеровских войск и неимоверные трудности продвижения по бездорожью, по непролазному месиву чернозема, наши войска медленно, пошли вперед, возвращая Родине поселки, города, никопольские марганцевые рудники. Разве можно забыть хоть один из тех нелегких дней! Многие орудия никак не удавалось протащить через грязь и переправить через балки и овраги, заполненные водой. Выручала конная тяга, но и для лошади был предел. Боеприпасы доставлялись вручную, в заплечных ящиках, в мешках, на повозках. Нашим войскам помогало местное население. Днем солдаты промокали в лужах и под дождем, ночью одежда становилась колом. Люди мерзли. Были случаи, когда раненые по этой причине умирали.

1 февраля после артиллерийской подготовки дивизии 8-й гвардейской армии прорвали оборону противника. Вслед за стрелковыми частями устремились вперед танки 4-го механизированного корпуса. Этим самым была решена участь мощной группировки гитлеровских войск, удерживавшей многие месяцы плацдарм на обоих берегах Днепра в районе Никополя и прикрывавшей рудники.

На участке Апостолово, Перевизские Хутора были разбиты наголову две неприятельские дивизии, образовался прорыв в линии фронта противника, крайне опасный для него. Очевидным стало, что в районе Марганец, Чумаки, Чкалово попали в полуокружение до шести немецких дивизий, которые будут прилагать все усилия, чтобы остановить наше продвижение и вырваться в оставшуюся горловину через Апостолово и Большую Костромку.

Перед войсками армии, в том числе нашей 82-й гвардейской дивизии, была поставлена задача — захватить Апостолово, Марьянское, Чертомлык, Шолохово и тем самым перерезать пути отхода немецким частям из района Никополя на запад. Она была успешно выполнена — 15 февраля наши войска разгромили противника в Апостолово и, преследуя его, захватили с ходу несколько населенных пунктов, в том числе Большую Костромку, Новосеменовку. Позади в полосе нашей дивизии остались Александровка, Чумаки, Черниговка, Бузулук, Павлополье, Буденный, Мироновка, Ольго-Ивановка, Журавлевка, Шевченко, Екатериновка, Каменка и другие населенные пункты.

После падения Апостолова и Большой Костромки немецкие войска начали стремительный отход из Никополя, покидая марганцевые рудники, за которые так упорно держались.

На очереди перед советскими войсками стояла очередная задача — отбросить противника за реку Ингулец. Развернулись упорные четырехдневные бои на подступах к ней. И опять же вмешалась распутица. Особенно мешала в подтягивании артиллерии, в подвозе боеприпасов и продовольствия. И все же советские воины творили чудеса. В условиях полного бездорожья, без активной поддержки артиллерии натиск частей 82-й гвардейской дивизии достиг цели. За один день 29 февраля они прошли 16 километров и вышли на берег реки Ингулец.

На очереди захват плацдарма па правом берегу реки, с которого войска армии и нашей дивизии должны начать общее решительное наступление в направлении на Троицко-Сафоново и Новый Буг. 3 марта они форсировали в нескольких местах Ингулец и, продвинувшись за день боя на 5 — 6 километров, захватили несколько разрозненных плацдармов, соединили их воедино с глубоким выступом в глубину обороны противника. Вцепившись в правый берег реки, части армии переправили через нее артиллерию, танки, боеприпасы.

Бои за овладение плацдармами были нелегкими. После продолжительного наступления от Днепра в частях нашей дивизии ощущался острый недостаток в личном составе. Командованию пришлось в какой-то мере пополнить передовые подразделения солдатами тыловых подразделений и служб.

6 марта мы прорвали оборону противника и вышли на рубеж Зеленое, Новомалиновка, Зеленый Гай, Веселый Став. В этот период был осуществлен ввод в прорыв конно-механизированной группы генерала Плиева. В результате стремительного и глубокого вклинивания наших войск вдоль железной дороги Новый Буг — Николаев для противника создалась обстановка почти полного окружения. Гитлеровцы создали группу прорыва из трех пехотных дивизий и танков и начали наносить удары в западном и северо-западном направлениях. Опасаясь повторения Сталинграда, они в отчаянии бросались в безнадежные контратаки. Увязая по колено в грязи, шли в рост на наши позиции. Встреченные кинжальным пулеметным огнем, они устилали трупами раскисшие пашни. Артиллеристы вели огонь прямой наводкой по наступающей немецкой пехоте, шедшей на верную гибель.

Ценой огромных потерь противник занял Новоселовку, прорвался к Новогороженo, однако ненадолго. Наши танки с ходу врезались в боевые порядки немецкой пехоты, расстреливая солдат, круша артиллерию. Гитлеровцы в панике побежали. Они падали в грязь, опять поднимались, метались на месте, обезумев от охватившего их ужаса. Тысячи немецких солдат, бросая оружие и сбрасывая с себя одежду, бежали назад.

Убедившись в невозможности прорыва через наши боевые порядки днем, немцы решили пойти на ночной прорыв. Они шли, не обращая внимания на наш огонь. Потерь ночью не видели и гибли сотнями, тысячами.

Днем было установлено (по трупам фашистских солдат, наваленных буквально штабелями), что гитлеровские войска пытались выйти на реку Ингул и спастись на ее правом берегу.

Гитлеровцы пытались прорваться на запад и в последующий день. Колоннами и отдельными группами они брели по колено в грязи, невзирая на наш огонь. Шли измученные солдаты, вчера еще жестокие и неумолимые захватчики.

14 марта разгром противника в районе населенных пунктов Новосергеевка, Новогорожено, Тарасовка, Зеленый Гай был завершен. За два дня боев были разгромлены 6 дивизий, нанесен значительный урон еще четырем дивизиям противника. Было убито около 25 тысяч, взято в плен около 10 тысяч немецких солдат и офицеров. Огромны были и трофеи оружия, автомашин, танков, самоходных орудий, бронетранспортеров.

Позади нашей дивизии остались поселки Шевченковский, Андреевка, Свердловка, Швейцария, Казбек, Михайловка, Зеленый Гай, Бурячков, Владимировка, Н[ово]владимировка, Баштанка (районный центр Николаевской области), Новогригорьевка и другие населенные пункты. Впрочем, не все селения, которые освобождал наш полк, сохранились в моей памяти. Многие помогает вспомнить дневник.

Участники боев в Апостолове, под Ингульцом и Ингулом помнят, конечно, что наши войска имели дело с вновь созданной Гитлером 6-й немецкой армией — армией мстителей за Сталинград, которой чудом удалось избежать участи своей предшественницы. Хотя не в полном смысле слова «избежать». Как сказано выше, десятки тысяч немецких солдат и офицеров в попытках прорыва из полуокружения были уничтожены и взяты в плен. На запад, на Южный Буг прорвались немногие захватчики.

19 и 20 марта выдвинутые вперед наши стрелковые полки форсировали Южный Буг. Труднее было из-за отсутствия понтонных средств переправить артиллерию и танки. И опять-таки вмешалась погода... С моря подул ветер и пошла в лиман вода, создавалась угроза затопления некоторых захваченных плацдармов. Командованию пришлось вернуть на левый берег некоторые части.

Войска 29-го гвардейского стрелкового корпуса, в том числе нашей дивизии, форсировали Южный Буг, прорвали оборону противника с Андреевского плацдарма и перешли в решительное наступление. К 29 марта армия вышла на рубеж Киево-Александровка, Песчаный Брод, Широколаповка, а 31 марта — на водный рубеж: Тилигульский лиман.

Для дальнейших наступательных действий на тактическом просторе стрелковым частям требовалась помощь танков и артиллерии, но они не могли переправиться через Южный Буг без моста. Самоотверженным трудом саперов, не покладавших рук ни днем ни ночью, в кратчайший срок был сооружен 16-тонный мост через все русло реки в момент ее весеннего разлива. Теперь и конно-механизированная группа генерала Плиева переправилась через Южный Буг, вошла в прорыв и наступала в направлении станции Раздельная.

Гвардейские части с ходу форсировали и Тилигульский лиман, отразив все попытки врага помешать их продвижению. 6 апреля войска нашей армии, преодолев реки и лиманы, бесчисленные мелкие заливы, подошли к последнему перед Одессой Хаджибейскому лиману — серьезной преграде на пути. Самая узкая часть его равнялась 800 метрам, а глубина доходила до двух метров. Противник мог организовать оборону на правом берегу, но войска нашей армии опередили его и с ходу форсировали лиман.

Ворота на Одессу были открыты. 8-я гвардейская армия и конно-механизированная группа Плиева были направлены туда в обход с запада и юго-запада.

Политотдел армии обратился к воинам с воззванием. «Товарищи гвардейцы, — говорилось в нем, — мы шли к Одессе, преодолевая ожесточенное сопротивление врага, распутицу, трудности... Вернем, товарищи гвардейцы, Советской Родине Одессу. Выполним до конца свой воинский долг, как его выполняли доблестные воины, оборонявшие Одессу в 1941 г., освободим Одессу от фашистских мерзавцев!».

И под напором советских воинов враг отступал. Наших воинов вдохновляло то, что они должны принять участие в освобождении последнего крупного города Украины. Всем хотелось к Первомайскому празднику сделать Родине подарок — освободить красавицу Одессу, выйти к Днестру.

Утром 9 апреля войска, наступавшие на Одессу, увидели окраину города, заводские корпуса, крыши жилых кварталов. Вернувшиеся оттуда разведчики сообщили, что портовые сооружения и почти все лучшие городские здания, в том числе знаменитый оперный театр, заминированы. Об этом же рассказывали жители Одессы, прорвавшиеся к нам.

Готовясь к отступлению, гитлеровские изверги хотели оставить после себя выжженную пустынную землю, груды развалин. Город надо было сохранить во что бы то ни стало. На партийных собраниях в подразделениях фронта было решено: артиллеристам не открывать огня по городу, летчикам не бомбить городские кварталы!

Наступление непосредственно на город началось ночью без артиллерийской и авиационной подготовки. Стрелковые подразделения и танки штурмовали оборонительные позиции врага на различных направлениях внезапными для него ударами и в ночь на 10 апреля ворвались на улицы города. 10 апреля столица нашей Родины Москва салютовала войскам, освободившим Одессу.

13 апреля 82-я гвардейская дивизия совместно с другими частями освободили районный центр Овидиополь. Через день форсировали Днестр в районе Маяки-Беляевка и вступили в бой по расширению плацдарма на правом берегу полноводной реки. Пройдя десяток километров по узкой полосе между Днестром и плавнями, части встретили упорное сопротивление противника, занявшего выгодное оборонительное положение перед молдавским селением Паланкой. Завязались многодневные бои. Здесь мы потеряли заместителя командира полка по строевой части гвардии майора Павла Филипповича Данченко. Умелый, волевой командир стрелкового батальона, он прошел путь полка с первого дня боев под Сталинградом. Похоронили его на площади села Маяки. На Днестровском плацдарме я получил второе ранение.

В конце апреля, в связи с весенним паводком и напором воды с Черного моря, наш плацдарм затопило и войскам пришлось оставить его.

1 мая мы встречали вместе с жителями Беляевки и Маяков. Встречали с приподнятым настроением (от общих успехов на фронте и недавних наших, в частности). Дивизия за успешные действия в Одесской операции была удостоена ордена Богдана Хмельницкого 2-й степени, многие ее воины награждены орденами и медалями Родины.

НОВЫЙ ДНЕСТРОВСКИЙ ПЛАЦДАРМ

И снова Днестр — рубеж-река,
Бои на Буторском плацдарме.
Уж рядом Яссы, а пока
В тревогах дни у наших армий.

После боев на Днестровском плацдарме в районе Маяки — Беляевка отдыхать нашим частям не пришлось. По приказу командующего фронтом 8-я гвардейская армия должна была перебазироваться на правое крыло Третьего Украинского фронта. В ночь на 1 мая войска, в том числе 82-я гвардейская дивизия, двинулись в район Григориополя и Пугачены, что севернее Тирасполя.

Думается, этот переход в памяти всех его участников. На марше в степи нас настигла стихия. Сначала потоками холодного воздуха поднялась буря, затем разразился снежный буран, ударил мороз. А войска были уже переодеты в летнюю форму одежды. Немало солдат тогда попало с простудными заболеваниями в санроты и медсанбат.

Идем походным маршем день, второй, третий... Никто, кроме командования, не знал, когда и где будет остановка. И вот, совершив стодвадцатикилометровый переход, войска 3 мая вышли к берегу Днестра и получили задачу сменить части 5-й гвардейской армии на плацдарме на правом берегу реки в районе Пугачены, Шерпены.

Наш полк и, очевидно, вся дивизия сосредоточились в районе селения Бутор, что на высоком восточном берегу Днестра. Отсюда мы увидели ленту реки, за ней — лесные массивы, а между ними, вдалеке, какой-то населенный пункт. На плацдарме гремело и дымилось, иногда появлялись над ним и за ним эскадрильи наших штурмовых Илов, которые с бреющего полета запускали по вражеским укреплениям и траншеям реактивные снаряды и вели бортовой огонь из пулеметов. Со стороны зрелище хорошее, но каково там, на плацдарме, нашим гвардейцам, которым приходилось отражать яростные контратаки врага.

Заднестровский плацдарм растянулся по фронту на 12 километров и имел глубину от 5 до 8 километров. За ним по господствующим высотам проходила линия обороны противника. Правее плацдарма в лесных массивах размещались батареи тяжелых орудий и резервные войска немцев. Враг имел немалые силы, а у наших частей еще не было сильных огневых средств, даже противотанковых и противопехотных мин. Так что нам приходилось думать об организации жесткой обороны.

Отсюда до Кишинева было около 30 километров, до Ясс и того меньше. Гитлеровцы могли догадываться, что с этого плацдарма советское командование начнет наступление, и приняли все меры, чтобы ликвидировать надвигающуюся угрозу. А наше командование тоже догадывалось, что противник попытается отбросить советские войска с правого берега Днестра на левый, и приказало укрепить оборонительные рубежи и на плацдарме, и на левом берегу Днестра.

Обстановка была сложной, опасной. Противник сосредоточил четыре пехотные дивизии и до 250 танков. Наши же дивизии к этому времени не успели получить пополнение ни в живой силе, ни в технике.

8 мая в дивизии произошла смена руководства: вместо И. А. Макаренко в командование соединением вступил генерал-майор Г. И. Хетагуров.

Хетагуров... Эта фамилия некоторых из нас толкнула на догадку: уж не родственник ли он Валентине Хетагуровой, которая до войны бросила клич: «Девушки, — на Дальний Восток!». Оказалось, что наш новый комдив — муж Валентины, и долгое время служил на Дальнем Востоке.

Как и следовало ожидать, 10 мая ночью враг обрушил по нашему переднему краю и глубине обороны мощную, 40-минутную артиллерийскую подготовку, после чего, поддержанные авиацией, двинулись в атаку пехота и танки. Наступление противника было неожиданным для наших войск, однако первые атаки были отражены.

На рассвете враг возобновил артиллерийскую и авиационную подготовку и, введя в бой до 50 танков и самоходных орудий при мощной поддержке до 40 бомбардировщиков, потеснил правофланговые части 28-го гвардейского корпуса до центра населенного пункта Пугачены. Командованию стало ясно, что противник стремится через Пугачены вдоль Днестра выйти к нашей переправе и тем самым отрезать от нее части 28-го и 4-го гвардейских корпусов. Командир 28-го корпуса генерал-майор С. И. Морозов оказался в окружении в лесу у селения Вайново, уже занятого врагом.

При такой обстановке корпусам необходима была поддержка войсками и артиллерией. Первым шагом этого была переправа на плацдарм 246-го гвардейского стрелкового полка нашей дивизии (комполка гвардии подполковник В. С. Клепиков) и саперного батальона. Остальные части дивизии затемно переправить не удалось. Полк Клепикова действовал под защитой всей артиллерии дивизии, занявшей выгодные позиции на высоком восточном берегу Днестра. Взаимодействуя с подразделениями другого соединения, 246-й гвардейский полк вывел из окружения штаб и командира 28-го гвардейского стрелкового корпуса.

В это время на восточный берег реки была подтянута корпусная и армейская артиллерия, активизировала действия наша авиация, особенно штурмовая. Когда вспоминаешь дни боев на Буторском (называют его еще плацдармом Пугачены), в зрительной памяти предстают действия наших штурмовиков — «летающих танков». Бесстрашные летчики буквально утюжили оборону врага. И болью обжигало сердце, когда на наших глазах, пораженные огнем противника, они падали, порой разрывались в воздухе на большие куски.

Не бездействовала авиация противника. Она то и дело разрушала понтонные мосты через Днестр, и нашим саперам приходилось под огнем вновь восстанавливать их. Вражеские мессеры неожиданно появлялись на низкой высоте, над самой водой, и поливали пулеметным огнем не только понтоны, но и лодки.

242-й и 244-й гвардейские стрелковые полки нашей дивизии переправились следующей ночью и были выдвинуты в район действий 246-го гвардейского полка, где развернулись в боевой порядок. Переправились на плацдарм дивизионы 185-го гвардейского артиллерийского полка и отдельный истребительно-противотанковый дивизион под командованием гвардии майора П. С. Репина, бывшего начальника артиллерии нашего стрелкового полка.

Едва части заняли боевые порядки, на рассвете после артподготовки при поддержке танков и самоходных орудий вражеская пехота возобновила атаки. Наши полки и артиллерийские подразделения во встречном бою опрокинули противника, вышли на западную окраину Вайново и закрепились там. Закрепились и с часу на час ждали атаки врага, а он не действовал, вопреки нашим ожиданиям. Но были дни, когда частям дивизии приходилось отбивать по 7 — 8 атак. На некоторых участках завязывались рукопашные схватки. Обе стороны несли немалые потери.

Передний край нашей обороны проходил всего в 800 метрах от противника. Артиллерия врага все время держала плацдарм под огнем, не молчали вражеские пулеметные точки. Наши части отвечали тем же. Обменивались и бомбовыми ударами. А по ночам действовали разведывательные группы.

Прерывая ход событий на плацдарме, расскажу об одном эпизоде, драматическом случае, произошедшем в нашем стрелковом батальоне в один из тех дней. Кстати, чего только не бывало на войне! Знаю случаи, когда в медсанбаты поступали раненые с неразорвавшимися в их телах ротными минами, и бесстрашные врачи-хирурги искусно оперировали, спасали жизнь бойцам. В нашем полку, когда мы вели бои на Чире, произошла редчайшая история с комбатом (фамилию его не помню). Орден Красной Звезды носили тогда на левой стороне груди, напротив сердица. Вражеская пуля попала в середину ордена, выгнула его, словно бородком на наковальне. Каково же было наше удивление при виде изуродованной награды, все разделяли радость командира, как оказалось награжденного жизнью. Не будь на груди ордена, пуля сразила бы его насмерть.

Возвращусь, однако, к эпизоду, произошедшему на нашем плацдарме. Это случилось днем во время артобстрела наших позиции. В одной из землянок находились пятеро наших бойцов. В гуле орудийных выстрелов и грохоте разрывов снарядов на мгновенье они услышали треск деревянного перекрытия землянки и удар о землю тяжелого предмета. Тут они увидели почти у своих ног хвостовую часть снаряда, врезавшегося в землю, но, к счастью, неразорвавшегося. Можно представить состояние бойцов при виде смертоносного предмета. После они рассказывали, что на минуту оторопели, не могли ни с места сдвинуться, ни слова сказать. Их называли потом родившимися в сорочке.

На плацдарме шли позиционные бои. Под их прикрытием наши части, предвидя очередной натиск гитлеровцев, совершенствовали свою оборону. Было завершено оборудование трех линий траншей полного профиля с ходами сообщения и укрытиями для личного состава. Саперы перед передним краем установили сплошное минное поле в пять рядов. Оно прикрывалось сетью проволочных заграждений и спиралей «бруно». Полковая и дивизионная разведки доносили о нарастающей концентрации немецких войск и техники. Все говорило о том, что противник в ближайшее время предпримет наступление.

Предвидение командования подтвердилось. Утром 31 мая на боевые порядки дивизии обрушился шквал огня, артподготовка продолжалась полчаса. За ней последовал бомбовый удар. Казалось, на участке нашей обороны не осталось ни клочка неперепаханной снарядами и бомбами земли. Но гвардейцы и на этот раз не дрогнули.

Гитлеровцы, уверенные в том, что после такой обработки от нашей обороны ничего не осталось, пошли в атаку в полный рост. Но встретили мощное огневое сопротивление, артиллерия по-гвардейски встретила врага. Она отсекла вражескую пехоту от танков, которые вскоре напоролись на минное поле. И тут подоспела на помощь наша штурмовая авиация, которая поработала на славу. Кострами запылали вражеские танки, взлетали в воздух огневые точки, подкошенными падали пехотинцы. Уцелевшим частям противника ничего не оставалось, как под прикрытием повторного артналета уйти на исходный рубеж. После этой неудавшейся попытки бросить наши плети в Днестр гитлеровцы больше не пытались атаковать.

На третьи сутки после этого памятного боя 82-ю гвардейскую дивизию сменили части другой армии. Выведенная па восточный берег Днестра наша дивизия заняла те же окопы, которые готовили гвардейцы до переправы за реку. Но вскоре пришло распоряжение: ночным маршем выйти в лес юго-восточнее села Павловка, где дивизия должна была привести себя в порядок и приступить к плановым занятиям. Но где предстояло вести наступательные бои, командование еще не знало. Все мы жили догадками, ожиданием приказа на выступление. И никто не мог подумать, что судьба забросит нас далеко от здешних мест.

Среди ярких фронтовых дат, сохранившихся в моей памяти, день 12 июня 1944 г., когда дивизии на торжественном митинге вручалась награда за освобождение Одессы. Командарм В. И. Чуйков прикрепил к боевому знамени дивизии орден Богдана Хмельницкого 2-й степени и в краткой своей речи высоко оценил доблесть, проявленную гвардейцами на Буторском плацдарме.

А через несколько дней был получен приказ — подготовить дивизию к погрузке в эшелоны. 8-я гвардейская армия в полном составе перебрасывалась на Первый Белорусский фронт.

Отведенные несколько дней на подготовку к переброске войск эшелонами были насыщены необычной работой. В полках, да и в других частях и подразделениях числилось немало лошадей. Надлежало заготовить для них на трое суток сена. Все подразделения участвовали в этом. Немало дел было у артиллеристов: нужно было подготовить крепеж для установки орудий на платформы. Впрочем, у всех подразделений были свои задачи.

18 июня в путь тронулся первый эшелон дивизии во главе со штабом, за ним — полки. Наш полк грузился на станции Мигаево. Хорошо помню, как первый раз дрогнул вагон и как прощались мы с Приднестровьем, которое вписано в биографию дивизии и которое оставило в наших сердцах памятные отметины. Эшелоны неслись в неизвестную даль, но в каждом из нас разгорелась гордость: едем-то на Первый Белорусский, на главный фронт, к Жукову.

Украину мы прошли вдоль, теперь пересекаем поперек. Раньше, в боевой обстановке, кажется, не замечали всех прелестей степной части республики. Мне особенно понравилась природа Винницкой и Житомирской областей — живописные пейзажи степного раздолья с великолепными рощами широколиственных деревьев. За Жмеринкой пересекли Южный Буг — реку, которую с боем форсировали, когда шли на Одессу. И вот кричим: «Здравствуй, Буг!».

Позади остались Винница, Казатин, Житомир, Коростень, Сарны. Впереди — еще не освобожденный Ковель. Станция Антоновка — конечный пункт нашего марша. Полк, выгрузившись, направился походным маршем к месту дислокации в лесном массиве.

ОТ КОВЕЛЯ ДО ВИСЛЫ

Сметала фашистов свинцовая вьюга
С священной советской земли.
И вот позади уж граница на Буге,
Мы к Висле с победой пришли.

Лето 1944 г. Завершалось очищение страны от фашистской нечисти, на многих участках наши войска вышли на государственную границу. Перед нами оставалась неширокая полоса неосвобожденной земли с городом Ковелем. Все мы ждали еще больших перемен на советско-германском фронте — начиналась грандиозная стратегическая операция четырех фронтов, вошедшая в историю Великой Отечественной войны под кодовым названием «Багратион».

На Сталинградском, Донском, Юго-Западном и Третьем Украинском фронтах наша дивизия боевые действия вела в степных районах, личный состав, особенно командование, имели хороший опыт ведения наступательных боев на открытой местности. Теперь же предстояло воевать в лесистой местности, для чего требовалась соответствующая подготовка. И дивизии было отведено несколько дней для командно-штабных учений, а также для обучения личного состава владению оружием, умению вести оборонительные и наступательные бои. Дивизия только что получила значительное пополнение личного состава, большая часть которого не имела боевого опыта. Поэтому ее и поставили во второй эшелон.

Учения проводились ежедневно. Огромный лесной массив прочесывался подразделениями по заданным азимутам и без. В специально отведенных местах проводилась огневая подготовка солдат пополнения, командиры учили и способам быстрой и правильной организации обороны, вплоть до рытья окопов и траншей. Большое место отводилось взаимодействию подразделений, наведению телефонной связи и многим другим вопросам.

В то время как стрелковые подразделения проводили учения, артиллерийские части и подразделения, включая батареи и роты 82-миллиметровых минометов, выдвигались вперед, в боевые порядки первого эшелона.

8-я гвардейская армия вводилась в бой 18 июля западнее Ковеля. Ее атакам предшествовала мощная артиллерийская подготовка, длившаяся три часа. Подавив огневые точки и прочие средства противника, войска почти без потерь прорвали передний край его обороны, молниеносно овладели городом Маценов, с ходу форсировали реку Западный Буг и вступили в пределы Польши.

Вот и мы ощутили высокое чувство радости и гордости за свою страну — вышли на Государственную границу СССР. Помнится, воины какой-то части фотографиро-

вались у пограничного столба, хотелось и нам послать на родину фотографию радостного момента, но с нами не было фотографа.

Помнится и то, как на переправе через Западный Буг приветствовал и благословлял солдат на бой наш командарм В. И. Чуйков, которого мы уже знали в лицо и которого ценили.

В прорыв, осуществленный 8-й гвардейской армией, грозной силой пошли танки 2-й гвардейской армии генерала С. И. Богданова. Как нам стало известно позже, танкистам хватило двух дней, чтобы, сломив врага в упорных боях, достичь берега Вислы, в районе Демблина. Затем танковые корпуса, развивая успех вдоль восточного берега, достигли предместья Варшавы — Праги.

Дивизии 8-й гвардейской армии тоже стремительно продвигались на запад, в направлении на Люблин и Гарволин. Позади остались города Хелм, Парчев... Совместно с войсками 69-й армии соединения нашей армии с ходу, на плечах разбитого врага переправились на западный берег Вислы южнее Варшавы и захватили два плацдарма — у Магнушева и Пулавы. Из-за возросшего сопротивления немецких войск продвижение наших дивизий приостановилось.

Мы продолжали оставаться во втором эшелоне и только готовились к переправе через Вислу. Но тут обстановка резко изменилась. Опасаясь нанесения противником удара с севера вдоль восточного берега Вислы, чтобы отрезать группировку нашей армии на Мангушевском плацдарме, командарм Чуйков поставил 82-й и 88-й гвардейским дивизиям задачу на отражение предполагаемого удара противника, который оказал упорное сопротивление 2-й танковой и 47-й общевойсковой армиям.

4 августа наши части заняли оборону в районе Свидера. Однако противник не предпринимал здесь наступления. И все же он подверг войска сильной бомбардировке, продолжавшейся полдня и всю ночь.

Во время вражеской бомбежки погибли командир 19-го отдельного саперного батальона гвардии майор Гришанов, полковой инженер гвардии капитан Попов. Не миновала беда наш 242-й гвардейский полк. Погиб командир 2-го стрелкового батальона гвардии капитан В. М. Рябов. Насмерть придавило разрушившейся стеной траншеи от рядом разорвавшейся бомбы оперуполномоченного гвардии капитана П. В. Владимирова. Был ранен наш комполка гвардии подполковник И. Ф. Сухоруков. Погибли здесь наши две девушки — санинструктор Шура Александрина и телефонистка Шура Сердюк. Назвал я только тех, кого знал, были и другие погибшие и раненые в нашем полку. А с комбатом Василием Рябовым я был в дружеских отношениях. Был он родом из города Камышина, что на Волге, отслужил срочную службу, но, как и всем его сверстникам (1918 года рождения), на долю выпало без отпуска продолжить воинскую службу — на войне. Прошел с полком сквозь огонь и воду два года, начал с роты п[ротиво]т[анковых] р[ужей] и заслужил продвижение до комбата. Это в песне поется: смелого пуля боится. А сколько смелых и храбрых потеряли мы в боях! Таких, как комполка Баранов и комбаты Данченко, Грибов, Рябов. Да сколько еще на пути к Берлину потеряем. Видать, у каждого своя судьба.

Через Вислу части дивизии переправились 11 августа, это было в районе Тернова. Хотя и под огнем противника, но переправа прошла удачно. Как-то неожиданно

дивизия перешла в оперативное подчинение 4-му гвардейскому стрелковому корпусу. На следующий день наши части заняли оборону на рубеже Стара, Целинов, Сухая Воля, Босипов. Едва успели окопаться, как во второй половине дня пехота и танки врага прорвали оборону на левом фланге 47-й гвардейской дивизии и вышли к кирпичному заводу, где занял оборону наш 242-й гвардейский полк. Два часа продолжался упорный бой. Совместно с 47-й дивизией гвардейцам 82-й удалось опрокинуть врага, окружить до батальона пехоты с несколькими танками. За ночь эти силы противника были уничтожены.

После ранения комполка Ивана Федоровича Сухорукова на должность командира 242-го гвардейского стрелкового полка был назначен гвардии полковник Сергей Иванович Носков, опытный военный человек, и полк на плацдарме действовал под его командованием.

18 августа наша дивизия была возвращена в 29-й гвардейский стрелковый корпус, который находился в первом эшелоне 8-й гвардейской армии, и мы продолжали оставаться в авангарде действующих соединений. Уже на другой день дивизией была проведена разведка противника боем. В ней участвовало по одному батальону от 242-го и 244-го гвардейских полков. Силы — не ахти какие большие. Но не всегда числом добивались успехов. Наше командование помнило суворовское учение. Хотя, должен сказать, случались у нас и неоправданные разведки боем, заканчивавшиеся большими жертвами.

На этот раз операция была удачной. Под мощным артиллерийским прикрытием батальоны внезапно атаковали вражеское боевое охранение и выбили его из траншей. Было захвачено семь пленных, которые дали ценные показания, позволявшие командованию точно установить очертание переднего края обороны противника, раскрыть его огневую систему, особенно на господствующих высотах севернее Марьямполя, с которых просматривались боевые порядки нашей дивизии.

С учетом показаний пленных составили план наступательного боя. И удар по врагу был сокрушительным. Враг понес большие потери в живой силе и технике и отошел на второй оборонительный рубеж Генрикув, Мониохи, Эмилов. Впереди перед нашим полком — Мониохи. На исходе того же дня дивизия штурмовала и эти населенные пункты. Бой ушел в ночь и продолжался до рассвета, переходя местами в рукопашные схватки. К утру 21 августа части дивизии овладели Гловачувом и, предвидя контратаки противника, заняли оборону.

Недолго пришлось ждать ответный ход противника. Подтянув резервы, он контратаковал наши боевые порядки с нескольких направлений. В особо опасном положении оказался 244-й гвардейский стрелковый полк, выдвинувшийся клином вперед. Ночью крупные силы немецкой пехоты и до 60 танков обошли его с фланга и прорвались ему в тыл. Завязался неравный бой в окружении. Гвардейцы дрались героически, но боеприпасы были на исходе. Пал смертью храбрых командир 4-го стрелкового батальона гвардии капитан Глыбин. Погиб поспешивший ему на помощь командир 3-го батальона гвардии старший лейтенант Гвазов. И все же полк вырвался из окружения и соединился с главными силами дивизии.

Вспоминается боевое напряжение в стрелковых батальонах нашего полка. Комбаты Никитин, Семченко и Онищенко просили поддержки артогнем. С передовой поступали и поступали раненые, теряли подразделения и убитыми.

После этого тяжелого боя был получен приказ на переход к жесткой обороне. Чтобы выстоять после немалых потерь, пришлось поглубже закопаться в землю. День и ночь трудились гвардейцы, совершенствуя оборону.

Гитлеровцы пробовали прощупать прочность нашей обороны, но получали достойный отпор, после чего обе стороны ограничивались взаимным обменом артиллерийскими и пулеметными короткими налетами, в основном по засеченным целям.

Так, в позиционной борьбе, закончился август и прошла первая декада сентября. В ночь на 10 сентября нашу дивизию сменила 27-я гвардейская дивизия, а наши полки и другие подразделения сосредоточились в лесах восточнее Малень и Тшебень. Получена возможность на приведение личного состава в порядок: мылись в бане, меняли белье, чинили обмундирование.

Но отдых оказался коротким. Уже с наступлением темноты дивизии предстояло совершить марш, чтобы в устье реки Пилица сменить 3-ю польскую пехотную дивизию. Шли через Тшебень, Магнушев, Вильковице, Дольне, Железна Стара. Местность неприглядная, казалась непригодной для обороны.

И действительно, восточный берег Пилицы, на котором нам пришлось обороняться, представлял собой совершенно открытую местность, которая с противоположной стороны просматривалась и простреливалась во всех направлениях. Части дивизии получили приказ — поглубже окопаться, создать прочную оборонительную систему. И она была создана, но и здесь долго не пришлось пользоваться плодами своих трудов. 2 октября нашу дивизию сменило другое гвардейское соединение.

Выведенная во второй эшелон корпуса 82-я гвардейская дивизия развернула боевую учебу личного состава, готовясь к новым боям. 25 ноября она вновь была переведена в первый эшелон. Заняла оборону на рубеже Богушков, Грабув, Залесны.

В те дни наши южные фронты проводили наступательные операции, в частности Будапештскую, и мы ждали свой черед на наступление большого масштаба, но пока не было предпосылок к этому. Пока вели строительство дорог в труднопроходимых местах. Кое-где саперы прокладывали деревянные колеи. Мощных механизированных сил не было на плацдарме.

А наше командование было озабочено уточнением группировки противника, противостоящей нам. Необходимы были языки, но их не удавалось захватить. Кто-то придумал проложить подземный проход к первой траншее противника. Несколько суток дивизионные саперы и разведчики, как кроты, трудились под землей и достигли цели: проложили невидимый путь к подбитому танку, за которым начиналось вражеское минное поле.

В полночь раздался взрыв удлиненного заряда, от которого сдетонировали расположенные поблизости вражеские противопехотные мины. Группа захвата тут же бросилась в немецкую траншею, захватила одного оторопевшего от неожиданности ефрейтора и благополучно возвратилась назад. Таким же способом был добыт и второй, контрольный пленный.

С тех пор разведрота гвардии старшего лейтенанта П. И. Шевченко стала еще более популярной в дивизии и во всей 8-й гвардейской армии. В грядущих боях она не раз еще покажет себя.

На фронте было немало встреч родных фронтовиков, особенно братьев и сыновей с отцами. Встречи неожиданные и готовящиеся. У меня же состоялась встреча с сестрой Тоней. Из ее письма я узнал, что она служит в части, дислоцировавшейся неподалеку от Магнушевского плацдарма — в городе Люблин. Дивизия в декабре занимала рубеж во втором эшелоне, и командир полка дал мне трехдневный отпуск для поездки к сестре. С ней мы не виделись много лет, и какова же была радость встречи после долгой разлуки! К счастью, виделись мы не в последний раз. Похоронка обошла избу матери. И отец вернулся с фронта. Только вот младшего братишку Павла, откомиссованного и шедшего домой, убил бандит из соседней с нашим селом деревни.

В ВИСЛО-ОДЕРСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Ведут нас к Берлину сердца и дороги,
Недолог тот день — мы дойдем!
До Одера, Шпрее и в темной берлоге
Фашистского зверя добьем!

Под мощными ударами Красной армии страшный вал войны катился на запад. Туда, откуда он пришел на нашу страну.

Будучи на Вислинском плацдарме, под Магнушевом, мы видели на стратегических картах огромные стрелы, острием упиравшиеся в Берлин. Да и сами чувствовали, для чего наша 8-я гвардейская армия переброшена с Третьего Украинского на Первый Белорусский фронт. Гвардейцы Сталинграда заслужили честь быть на главном направлении удара.

До Берлина было еще далеко. Мы знали, впереди нас ожидают неимоверные трудности, жестокие бои и большие потери. Но без всякого сомнения верили в недалекую победу. Невозможно было не поверить, видя во всем преимущество Красной армии над армией фашистской Германии. Нашу пехоту теперь сопровождали могучие силы танковых армий и корпусов, артиллерийско-минометных соединений и частей, в воздухе господствовала наша авиация.

Под угрозой нашего мощного накатывающего освободительного вала между Вислой и Одером противником было создано семь мощных оборонительных полос, эшелонированных в глубину до 500 километров. Для сокрушения этой обороны советским командованием была разработана одна из крупнейших стратегических операций, вошедшая в историю как Висло-Одерская. Наступление должно было начаться с завислинских плацдармов: Магнушевского (8-я гвардейская армия), Пулавского (69-я армия) и Сандомирского (Первый Украинский фронт).

Известно, что начало операции, по просьбе западных союзников, войска которых потерпели поражение в Арденах, с 20-х чисел января было перенесено на более ранний срок, на 14 января 1945 г.

Наша дивизия, усиленная артиллерийскими и минометными частями, заняла исходное положение для наступательных боев, приняв боевой порядок в два эшелона. В первом эшелоне были 246-й и 244-й гвардейские полки, во втором — 242-й гвардейский полк. Полки тоже имели двухэшелонное построение, с выдвижением в первый эшелон штурмовых групп.

Наступление началось на рассвете 14 января. И хотя артподготовка продолжалась всего лишь 25 минут, мощь огневого удара была огромной. Плотность артиллерии на участке прорыва дивизии составляла 260 стволов на километр фронта.

Неотступно следуя за огневым валом, стрелковые полки уже к 10 часам прорвали главную полосу обороны противника. В 244-м гвардейском полку наиболее успешно действовал 2-й батальон под командованием гвардии капитана Ф. К. Сарычева. В бою за первые две траншеи батальон уничтожил свыше 600 и взял в плен 75 гитлеровских солдат и офицеров, уничтожил 52 пулеметные точки, 10 противотанковых орудий. И когда фашисты бросили против батальона 10 автомашин с пехотой и несколько танков, Сарычев сломил сопротивление врага, нанес ему большой урон.

В 246-м гвардейском стрелковом полку отличился батальон гвардии капитана Б. В. Беляева. Комбат лично повел гвардейцев а атаку. Воодушевленные примером командира, они бросились вперед с неудержимой силой. Беляев в ходе боя оказался там, где становилось на пути сложнее и требовалось комбатовское вмешательство. Как, например, в 9-й роте, которую немцы прижали к земле огнем из хорошо замаскированного дота, а командир роты гвардии старший лейтенант Синельников был убит. По целеуказанию комбата вражеский дот был подавлен огнем артиллерии, и атака возобновилась.

В первый день наступления дивизия овладела двумя оборонительными линиями (позициями) противника. Утром второго дня после 40-минутной артподготовки полки первого эшелона стремительно двинулись вперед, перерезали железную дорогу Варка — Радом и вышли на новый рубеж, что означал: тактическая оборона противника прорвана полностью. За два дня наступательных боев немцам нанесен большой урон в живой силе и боевой технике.

Вечером 16 января был услышан по радио приказ Верховного главнокомандующего. В нем отмечалось, что войска Первого Белорусского фронта за трое суток продвинулись вперед на 60 километров, пробив брешь в обороне противника шириной до 120 километров. В числе генералов, войска которых добились наибольшего успеха, была названа и фамилия командира 29-го гвардейского стрелкового корпуса. А на следующий день мы получили выписку из этого приказа. За проявленные героизм, мужество и отвагу Верховный главнокомандующий объявил благодарность всему личному составу 82-й гвардейской стрелковой дивизии.

А из дивизии в свою очередь последовали представлении лучших бойцов и командиров к правительственным наградам. В частности, было возбуждено ходатайство о присвоении званий Героя Советского Союза Б. В. Беляеву и Ф. К. Сарычеву. И оно было удовлетворено. Этого высокого звания удостоились также командир стрелковой роты гвардии капитан Н. Ф. Шарко и командир батареи гвардии капитан А. С. Попов.

Наши войска вышли на тактический простор и непреклонно шли вперед. Наступление велось круглосуточно, без передышки. В ночь на 19 января комдив Г. И. Хетагуров приказал дать частям отдых, подтянуть артиллерию и тылы, а затем уж продолжать наступление. Но тут же был получен приказ командарма: на рассвете нанести внезапный удар по Лодзи с запада.

Рано утром все наши стрелковые полки, а также приданный тяжелый танковый полк развернулись западнее Лодзи и после мощного 15-минутного артналета начали атаку. На глазах командарма первым ворвался в Лодзь 242-й гвардейский стрелковый полк под командованием гвардии полковника С. И. Носкова, частично посаженный на танки армейского танкового полка. Затем в бой вступили и остальные силы дивизии.

Немногим гитлеровцам, оборонявшимся здесь, удалось прорваться на юг. Остальные были перебиты, а 570 солдат и офицеров захвачены в плен.

242-й гвардейский полк по приказу командарма оставался в Лодзи на три дня для несения комендантской службы, остальные части дивизии получили приказ немедленно наступать на Згеж. 246-й гвардейский полк, усиленный батареей с[амоходно]-а[ртиллерийских] у[становок] и и[стребительно]-п[ротивотанковым] д[ивизионом], под командованием гвардии капитана П. С. Репина начал марш на Згеж первым.

До сих пор в зрительной памяти день 19 января 1945 г. Жители города Лодзи с ликованием и цветами встречали на улицах своих освободителей. Они рассказывали нам о тяжелых годах фашистской оккупации с 1939 г. По радио был передан приказ Верховного главнокомандующего, в котором объявлялась благодарность войскам, участвовавшим в боях по разгрому лодзинской группировки немецко-фашистских войск. Опять же, как несколько дней назад, среди генералов, войска которых сражались за Лодзь, была названа фамилия Хетагурова. Столица нашей Родины Москва салютовала освободителям Лодзи 24 залпами из 324 орудий. 29-му гвардейскому стрелковому корпусу присвоено почетное наименование Лодзинского, Лодзинским стал и наш 242-й гвардейский стрелковый полк, и однополчане поздравляли друг друга с новым почетным званием.

На оперативных картах стрелы указывали путь нашей дивизии к крепости Познань. Овладев городами Згеж и Шварзенец, 82-я гвардейская дивизия в авангарде 29-го гвардейского стрелкового корпуса двинулась по заданному ей курсу — на Познань.

На подступах к Познани наши части натыкались на упорное сопротивление противника. Особенно серьезную опасность для нас представляли фаустпатронники, которые засели на хуторах, у перекрестков дорог, в противотанковых рвах. И все же в ходе шестидневных боев дивизии удалось овладеть рубежом Яниково, Глувенец, Зеленец. А внезапной ночной атакой наши части захватили вражеский аэродром с 350 самолетами и планерами. Помнится, как нашим подразделениям был отдан приказ на борьбу с вражескими авиадесантниками, выбросившимися у нас в тылу. Задание было выполнено успешно — все парашютисты перебиты или взяты в плен.

В эти дни и у нас были потери. Скончался после операции смертельно раненный командир 244-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковник Ва-

силий Андреевич Усков. А в 246-м гвардейском полку погиб отважный комбат гвардии капитан П. С. Страшко.

Познань — старинная крепость на реке Варта. На самом высоком месте находилась цитадель — центральный форт, опоясанный глубоким и широким рвом с кирпичными стенами и земляным валом. Под наземными сооружениями располагались глубокие подвалы с бойницами, которые выходили в ров.

Цитадель являлась ядром крепости и была удалена от внешних фортов на 5 — 8 километров. В разрывах между фортами находилось около двадцати дотов и дзотов.

Впереди фортов по всему обводу города проходил противотанковый ров. Все это создавало мощное оборонительное поле. Большой, густонаселенный город затруднял маневренность войск. Было много старинных зданий с толстыми стенами, их с трудом пробивали далее снаряды 203-миллиметровых гаубиц. Надо было буквально выкорчевывать из каждого дома упорно оборонявшихся гитлеровцев, но для этого требовалась пехота. А в стрелковых частях к тому времени был большой недокомплект. Однако в результате решительных действий наших штурмовых отрядов в первую неделю февраля жилые кварталы города были очищены от врага. Артогнем и ударами авиации наземные сооружения фортов были разрушены. Гарнизоны цитадели и восточных фортов ушли в подземные казематы и продолжали отчаянно сопротивляться. Дорогой ценой пришлось нашим войскам брать крупные здания, кварталы, мосты. И здесь необходимо несколько подробнее рассказать о действиях наших частей и подразделений до подхода к цитадели.

Вокруг Познани немцы возвели два оборонительных обвода. Внешний обвод, проходящий в 4 — 6 километрах от городской черты, состоял из трех линий траншей, развитой системы ходов сообщения и отсечных позиций, многочисленных дотов и дзотов, эшелонированных в глубину. Промежутки между ними простреливались фланкирующим и перекрестным огнем. На внутреннем обводе насчитывалось 18 крепостных фортов и 54 дота, соединенных между собой подземными ходами. Каждый форт представлял собой двух- или трехэтажное подземно-наземное сооружение с кирпичными стенами и сводчатыми каменными перекрытиями толщиной до трех метров. С внешней стороны все форты были обнесены рвами шириной до 10 — 12 и глубиной 8 — 10 метров, а также земляным валом и высокими металлическими изгородями. В изломах рва размещались боевые казематы с множеством бойниц, из которых ров простреливался кинжальным пулеметным огнем и фаустпатронами. Гарнизон форта насчитывал от 150 до 600 человек, большей частью из числа войск СС. Все форты и доты были связаны между собой и расположенной за ними цитаделью единой огневой системой.

На пути движения нашей дивизии оказалось 5 фортов, 27 дотов и 7 дзотов, а также противотанковые рвы большой ширины и глубины.

242-й гвардейский стрелковый полк И. Ф. Сухорукова был нацелен на форт № 15, на форты № 16 и № 17 — направлен 246-й полк В. С. Клепикова, а на форт № 18 — 244-й полк, которым после гибели В. А. Ускова стал командовать гвардии подполковник Н. П. Павленко. Каждый полк усиливался одним 203-миллиметровым орудием, предназначенным в первую очередь для разрушения стен фортов и дотов. Наши части имели трофейные фаустпатроны.

Наступление советских частей, начатое 1 февраля, разворачивалось медленно и трудно. 242-й гвардейский полк атаковал пригород Голенцин и, развернувшись фронтом на восток, после двухчасовой огневой дуэли стал постепенно продвигаться вперед, штурмуя буквально каждый дом.

Трудный бой вел 244-й полк, особенно тяжело досталось батальону Сарычева, на который немцы несколько раз бросались в контратаки, они возобновились и на рассвете следующего дня. Стрелковая рота Героя Советского Союза Н. Ф. Шарко, являвшаяся штурмовой группой, несколько часов вела тяжелый бой, нанесла противнику большой урон в технике и живой силе. Но и рота не обошлась без потерь: тяжело ранен командир Николай Филиппович Шарко.

Успешными были первые дни в полку В. С. Клепикова, который раньше других прорвался за внутренний обвод и завязал бой в пригороде Виняры. Но в дальнейшем так же, как другим полкам, пришлось отвоевывать у врага метр за метром и драться за каждый дом, за каждый этаж.

В этом бою наибольший успех пришелся на батальон Героя Советского Союза гвардии майора Б. В. Беляева. Комбат сформировал две группы из добровольцев по 6 человек в каждой. Их возглавил гвардии старшина Г. М. Запорожец и гвардии сержант Н. С. Иванов. В ночь на 5 февраля обе группы просочились в расположение противника и, пустив в ход все имевшиеся в их распоряжении оружие, создали такое впечатление, будто в тыл противника прорвались внушительные силы. В стане врага возникло замешательство, близкое к панике. Этим и воспользовался Клепиков. К утру полк почти без потерь овладел Винярами.

А из полка Павленко дошла до командования дивизии горестная весть. Там продвижение задержалось более чем на сутки из-за искусно замаскированной в роте огневой точки врага. Командир штурмовой группы гвардии лейтенант И. Л. Белецкий с десятком бойцов пополз по-пластунски к дзоту. По командиру полоснула пулеметная очередь. Обливаясь кровью, он поднялся во весь рост, пошел на дзот и упал, закрыв своим телом амбразуру дзота.

Дерзко и умело действовали в те дни дивизионные разведчики гвардии старшего лейтенанта П. И. Шевченко. Об их действиях первыми узнали в нашем полку, поскольку разведчики ворвались в форт № 15, который штурмовал 242-й полк. Разведгруппа во главе с гвардии младшим лейтенантом А. В. Андреевым, обойдя форт с тыльной стороны, бесшумно сняла охрану крепостного моста и, проникнув в казематы, забросала гитлеровцев гранатами и обстреляла фаустпатронами. Тут же в бой подключилась вся разведрота. В этом бою осколком вражеского снаряда был тяжело ранен А. В. Андреев. Разведчики уничтожили свыше ста и захватили в плен 80 гитлеровцев.

За выдающиеся боевые успехи А. В. Андрееву было присвоено звание Героя Советского Союза, а члены его группы — старшины Негодяев, Морозов, Дьяченко и рядовые Еремеев и Аверьянов получили ордена Красного Знамени и ордена Славы.

В тот день части дивизии облетела трагическая весть о гибели командира 246-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковника Вениамина Степановича Клепикова.

Его полк вел тяжелый бой с контратакующим противником, бросившим с пехотой тяжелые танки и самоходки. Кинув в бой свои последние резервы, Клепиков отбил контратаки врага, уничтожил 11 его танков, 5 самоходных орудий и свыше батальона мотопехоты. Из-за большой задымленности, мешавшей обзору поля, и чтобы ближе к боевым порядкам, командир полка сел в с[амоходно]-а[ртиллерийскую] у[становку] и выдвинулся вперед для управления боем. И это был его последний бой. В объятой пламенем самоходке командир полка погиб.

В командование полком вступил начальник оперативного отдела штаба дивизии гвардии капитан А. И. Попов.

9 февраля, произведя перегруппировку сил, 82-я гвардейская дивизия возобновила наступление. На этот раз ее поддерживали две батареи большой мощности — 203- и 280-миллиметровых орудий. Все четыре форта, находившиеся в полосе дивизии, были взяты, при этом пленено 900 гитлеровцев, захвачено много оружия и боеприпасов.

Наступление наших частей развивалось, они непреклонно продвигались к цитадели.

Основные силы 8-й гвардейской армии были уже в Германии, на Одере, а нашему 29-му гвардейскому стрелковому корпусу предстояло штурмовать грозную крепость с ее многочисленным гарнизоном. Командование решило штурмовать ее с юга и юго-запада силами 74-й и 82-й гвардейских дивизий. С севера крепость блокировалась 27-й гвардейской дивизией.

Вскоре наша 82-я дивизия передала свой боевой участок 27-й дивизии и перегруппировалась на юго-западные подступы к цитадели. Предстояло разгромить так называемую группу Эвереста, а затем овладеть равелином №1 и двумя редутами. На усиление дивизия получила значительные артиллерийские силы — полки, бригады, дивизионы.

Все три полка дивизии наступали одновременно, в одном эшелоне. Зато они строили свой боевой порядок в три эшелона.

Отдельный истребительно-противотанковый дивизион гвардии майора П. С. Репина занял огневые позиции на участке 242-го гвардейского стрелкового полка, ближе к крепостным воротам — к месту вероятной вражеской танковой контратаки.

Начало штурма цитадели было назначено на 18 февраля. Оставалось около суток для того, чтобы частям занять исходное положение.

В 246-м полку опять беда: во время рекогносцировки попал на мушку снайпера командир полка гвардии капитан А. И. Попов. По приказу комдива полк принял начальник штаба А. В. Плякин.

Трагедия не обошла и 242-й гвардейский стрелковый полк. Сильному бомбовому и артиллерийскому удару противника подвергся 3-й стрелковый батальон, и в один час погибли командир батальона гвардии капитан С. С. Онищенко и адъютант гвардии старший лейтенант Слуцкий. Сколько фронтовых дорог прошли они вместе, неразлучно, пули и осколки миновали их. А тут — сразу наповал обоих...

Семен Семенович Онищенко будто в предчувствии своей скорой гибели, в дни отдыха на Висле попросился на побывку к старикам-родителям в свой городок Сумы. Через семь лет встретился с отцом и матерью, пережившими страшную оккупацию. И снова попрощался с ними. Теперь — навсегда.

Передний край 82-й гвардейской дивизии проходил через католическое кладбище, что находилось возле самой цитадели. Вместо окопов приспосабливались склепы. Ночами в морозном воздухе раздавался скрип полозьев по снегу — подвозили к крепостному рву для его завала доски, бревна, разный домашний скарб. После был придуман другой способ наведения завалов для переброски на противоположную сторону рва как пехоты, так и артиллерии с броневой техникой.

И вот наступил момент штурма крепости. Тысяча орудий и минометов разных калибров обрушила удар по крепостным сооружениям, которые не могли пробить даже тяжелые снаряды. И вот вступает в действие второй, плановый вариант — огонь перенесен на внутренние строения и огневые точки крепости, саперы-подрывники проделывают проходы в крепостной стене, штурмовые группы с помощью длинных лестниц спускаются в ров и поднимаются на земляной вал. Снаряды 203- и 280-миллиметровых орудий сделали свое дело — сокрушили редуты и равелины. Бомбардировочная авиация все дни осады цитадели наносила удары по артиллерийским точкам противника, бонны с лестницами и штурмовыми мостиками бросались к неприступному, как казалось врагу, земляному валу.

Наибольший успех в первые часы штурма имел 246-й полк и его 3-й батальон под командованием Героя Советского Союза гвардии майора Б. В. Беляева. Он первым устремился в пролом крепостной стены, личным примером увлекал за собой бойцов. Рядом с ним шли командир роты гвардии капитан Ш. С. Абрамов, гвардии сержант Левчин, комсомолец Стругачев. Фашисты, отстреливаясь из-за деревьев и памятников, вынуждены были отойти внутрь крепости. В это время вражеская пуля сразила героя-командира Беляева.

19 февраля штурм цитадели получил дальнейшее развитие. Утром сюда прорвались бойцы одного батальона. Затем появился и командир полка А. В. Плякин вместе со своим замом по политчасти И. Д. Кучерявым. А 244-й полк под командованием К. Ф. Павленко вел тяжелый бой во рву. Полк был усилен отдельным истребительно-противотанковым дивизионом майора Репина.

К вечеру того дня бойцы Плякина прочно закрепились внутри цитадели, а в полку Павленко батальон Сарычева овладел земляным валом. Но вместе с известием об успехе пришло другое сообщение: на земляном валу погиб Герой Советского Союза гвардии капитан Ф. К. Сарычев.

В бою за цитадель после тяжелого ранения выбыл из строя Герой Советского Союза гвардии старший сержант Николай Семенович Иванов.

Развивая успех, части дивизии при поддержке тяжелой артиллерии танков и самоходных орудий 21 февраля шли на штурм редутов и водружали на них Красные флаги. Первым на редут поднялся агитатор штурмовой группы 246-го полка гвардии сержант А. Незаметдинов. Его сопровождали младший лейтенант Ступников и младший сержант Стругачев. За проявленную отвагу каракалпаку А. Незаметдинову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Упорно сопротивлялись 242-му гвардейскому полку вражеские защитники редута № 1, но и здесь гвардейцы успешно выполнили свою задачу. 23 февраля, в день 27-й годовщины Красной армии, врагу был нанесен сокрушающий удар. 242-й полк,

овладев редутом № 1, вышел к редуту № 3. А здесь отличился командир штурмовой группы гвардии старший лейтенант М. Р. Иванов. После взятия редута он с десятью бойцами ворвался в крепость, уничтожил там около 30 и пленил 1 200 гитлеровцев, а затем водрузил на главном здании красный флаг. Михаилу Романовичу Иванову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Все меньше и меньше крепостных сооружений оставалось в руках фашистов. На площадь стали сводить пленных. Крепость пала. Та самая крепость, на которую Гитлер возлагал большие надежды при создании оборонительного пояса, проходившего через Бреславу, Кюстрин, Познань, Данцинг. Крупный железнодорожный узел, имевший большое стратегическое значение, был теперь в руках Красной армии.

23 февраля 1945 г. столица нашей Родины Москва салютовала дважды. Первый салют был в честь годовщины Красной армии, второй — в честь войск, овладевших городом и крепостью Познань — мощным опорным пунктом обороны фашистов, прикрывавшим подступы к реке Одер, войскам, ликвидировавшим 60-тысячную группировку немецких войск.

Гвардейцы Сталинграда — воины 8-й гвардейской армии в боях за Познань проявили самые высокие качества советских бойцов: мужество, отвагу, героизм. Только в нашей 82-й гвардейской Запорожской дивизии семь человек стали Героями Советского Союза, тысячи солдат и офицеров были удостоены орденов и медалей Родины, в том числе: 6 человек — ордена Ленина, 21 — ордена Боевого Красного Знамени, 3 — ордена Богдана Хмельницкого, 14 — ордена Александра Невского, 668 — орденов Славы, 382 бойца — ордена Красной Звезды. 246-му гвардейскому стрелковому полку и 185-му гвардейскому артиллерийскому полку были присвоены почетные наименования — Познанские.

В боях за Познань отличились и мои однополчане из Мордовии. Рота автоматчиков гвардии старшего лейтенанта 246-го гвардейского стрелкового полка Ивана Фроловича Шиндина совершила немало дерзких бросков в расположение гитлеровцев, уничтожив не один десяток фашистов. В одном из уличных боев ротный командир получил пулевое ранение в грудь. Задело легкое. И все же гвардеец успеет «подремонтироваться» в госпитале для завершающего наступления советских войск — битвы за Берлин. Подвиг отважного командира был отмечен орденом Богдана Хмельницкого.

Нелегким и опасным делом было корректирование артогня в уличных боях. Приходилось порой вызывать огонь на себя. Не одна минометная батарея и пулеметная точка, не одна сотня гитлеровцев были уничтожены в Познани по корректировке начальника разведки артдивизиона 185-го гвардейского артиллерийского полка Виктора Андреевича Манякина. Отважный и умелый офицер получил орден Отечественной войны 2-й степени.

В познанских боях дивизионные связисты проявили чудеса отваги, находчивости, мастерства, обеспечивая бесперебойную связь командования и штаба дивизии с частями и отдельными подразделениями. За умелое руководство действиями батальона связи его начальник штаба гвардии капитан Яков Антонович Полежаев был награжден орденом Красной Звезды.

При освобождении Познани среди комсомольцев зародилась инициатива: уничтожить врага его собственным оружием. Комсорг полка гвардии старший лейтенант Александр Васильевич Сорокин овладел немецким фаустпатроном и стал обучать молодых бойцов этому мастерству. Заслуги комсомольского организатора были отмечены орденом Богдана Хмельницкого.

Нелегко приходилось в уличных боях и медикам, нашим славным труженикам войны. Есть что вспомнить из познанской битвы военфельдшеру Вере Ивановне Бороненковой, удостоенной ордена Красной Звезды.

Пока дивизии 29-го гвардейского стрелкового корпуса и 39-я гвардейская дивизия штурмовали крепость в Познани, основные силы 8-й гвардейской армии вместе с 1-й танковой армией генерала М. Е. Катукова вышли на границу Германии, пересекли ее и устремились в глубь территории противника. Взломав Мезеритский укрепленный район врага, в конце января вышли к Одеру и захватили плацдарм.

22 марта части 8-й гвардейской и 5-й ударной армий ликвидировали разрыв между двумя плацдармами. Теперь они соединились в один большой плацдарм. Но в его центре оставалась цитадель Кюстринской крепости с многочисленным вражеским гарнизоном. Крепость Кюстрин запирала прямые пути к Берлину, поэтому ее справедливо называли воротами германской столицы.

Цитадель крепости находилась на острове, образованном Одером, Вартой и их притоками. Подступы к нему прикрывались разливом вешних вод. С сушей цитадель соединяли лишь дамбы и насыпи дорог. Противник крепко запер эти пути, усеяв дамбы и насыпи полевыми укреплениями.

Потребовалось немало времени и сил перед тем, как после мощных ударов нашей артиллерии и авиации штурмовые отряды 82-й и 35-й гвардейских стрелковых дивизий 29 марта ворвутся в осажденную крепость и остатки гарнизона капитулируют.

На этом закончились боевые действия 82-й гвардейской стрелковой дивизии, как и всей 8-й гвардейской армии, в Висло-Одерской наступательной операции.

ДОРОГИ ПРИВЕЛИ В БЕРЛИН

Все дальше на запад семьею орлиной
Шагали в гвардейском строю,
В победном сраженье в фашистском
Берлине
Мы песнь дописали свою.

Овладев крепостью Кюстрин, 82-я гвардейская дивизия сосредоточилась на Заодерском плацдарме, на стыке с 5-й ударной армией. До всеобщего наступления оставались считанные дни.

Готовясь к решающей битве, командование, партийные и комсомольские организации проводили работу по укреплению морально-политического состояния,

разъяснению воинам значения операции, завершающей победоносное окончание Великой Отечественной войны. Готовили людей к ожесточенным боям с коварным и сильным противником, используя все формы партийно-политической работы.

Накануне наступления военный совет фронта обратился к бойцам и офицерам. В тексте обращения говорилось: «Войска нашего фронта прошли за время Великой Отечественной войны тяжелый, но славный путь. Боевые знамена частей и соединений овеяны славой побед, одержанных под Сталинградом и Курском, на Днепре и в Белоруссии, под Варшавой и в Померании, в Бранденбурге и на Одере. Славой наших побед, потом и своей кровью завоевали мы право штурмовать Берлин и первыми войти в него, первыми произнести грозные слова сурового приговора нашего народа немецким захватчикам. Призываем вас выполнить эту задачу с присущей вам воинской доблестью, честью и славой. Вперед на Берлин!».

В полосе наступления Первому Белорусскому фронту противостояла более чем полумиллионная группировка с пятью тысячами орудий и минометов, 860 танками. Семидесятикилометровое пространство от Одера до Берлина — это глубокоэшелонированная оборона, несколько промежуточных и отсечных рубежей и Берлинский укрепленный район. Созданию прочной обороны способствует местность, покрытая почти сплошными лесными массивами и изрезанная большим количеством рек, каналов и ручьев, малыми и большими озерами. На путях к Берлину много крупных и мелких населенных пунктов с каменными зданиями. Большинство из них использовано для создания опорных пунктов и узлов сопротивления. На дорогах и подступах к населенным пунктам гитлеровцы построили плотную систему противотанковых препятствий, включающую лесные завалы, надолбы, рвы, баррикады, проволочные заграждения. Берлинский укрепленный район состоял из трех мощных оборонительных обводов.

А перед нашим Кюстринским плацдармом — мощная оборона противника глубиной от 20 до 40 километров. Первая полоса имеет 3 — 4 полиции, каждая из 3 — 4 траншей, связанных между собой ходами сообщения. Передний край прикрыт многорядными минными полями, проволочными заграждениями. На танкоопасных направлениях — противотанковые рвы и одиночные окопы для фаустпатронщиков.

И этот рубеж врага предстоит нашим войскам прорвать, затем преодолеть Зеловские высоты — вторую, наиболее трудную полосу — и форсировать реку Флисс — третью полосу вражеской обороны.

С напряжением ждем все начало сражения. Передний край наших частей и подразделений проходил вдоль опушки большого лесного массива. Лес спрятал резервные войска, сотни артиллерийских и минометных батарей, танковые армии и корпуса, тылы. Как перед грозой бывает тихо, так и на нашем плацдарме тишина.

И вот в 5 часов утра 16 апреля, за два часа до восхода солнца, предрассветная тишина взорвалась грохотом десятков тысяч орудий и минометов. Земля задрожала. Тысячи молний неистовствовали в небе и на земле. Казалось, горела сама земля, горели камни, железо, сталь, бетон. Клубы дыма и пыли стеной вздыбились до самого неба. Над вражескими позициями все выше и выше поднималось зарево пожаров.

В небе гул сотен советских бомбардировщиков. Мощнейшая 30-минутная артподготовка завершается залпами реактивной артиллерии. Тут же в полосах 8-й гвардейской, 3-й и 5-й ударных и 69-й армий вспыхнули 140 зенитных прожекторов и сотни фар танков непосредственной поддержки пехоты. Величественное зрелище! И враг ослеплен, ошарашен.

В небо взвиваются тысячи разноцветных ракет — сигнал к атаке. Советские войска устремились вперед. Враг настолько оглушен и подавлен, что первые полчаса не мог ответить огнем. Главная полоса обороны противника к полудню прорвана. Однако при подходе к Зеловским высотам на наши войска обрушивается шквал пулеметного и артиллерийского огня. Ожили вражеские огневые точки. В бой включены неприятельские зенитки. Продвижение наших войск затормозилось.

Зеловские высоты — этот естественный рубеж — господствуют над окружающей местностью. Крутые — до 40° — скаты стеной встали перед нашими войсками. Именно тут враг рассчитывал остановить и обескровить нас, сосредоточив здесь огромное количество своих сил и средств. Недаром фашисты называли Зеловские высоты «замком Берлина».

Советское командование вводит в бой танковые армии. Но Зеловские высоты оказались для них слишком трудным препятствием. Не могут танки и самоходки взобраться на крутые скаты. И вынуждены искать более пологие подъемы. Потребовались новые усилия, чтобы основательно подавить оборону гитлеровцев артогнем и бомбовыми ударами авиации. Бои за высоты принимали все более затяжной характер. Попытки овладеть городом Зелов в первый день наступления оказались безуспешными. Прорвав первую оборонительную полосу, советские войска натолкнулись на организованную оборону противника на уже занятой его войсками второй полосе.

Лишь на исходе дня 16 апреля после короткой, но яростной схватки танкисты 11-го гвардейского танкового корпуса, обойдя крутизну скатов и повернувшись фронтом на север, овладели сильным опорным пунктом Людвигслуст.

Первый день наступления показал, что враг будет упорно сражаться за каждый рубеж. В его части влилось немалое количество особых команд из войск СС, им было приказано, как показали пленные, расстреливать на месте всех, кто попытается отходить или ослабить сопротивление. Нашим частям предстояло брать с боем каждый окоп, каждую ячейку, не говоря уж о кварталах населенных пунктов.

Наступление второго дня началось после тридцатиминутной мощной артиллерийской подготовки. На каждом километре фронта действовало свыше двухсот стволов орудий и минометов. Пошла в атаку наша пехота, сопровождаемая танкистами 1-й гвардейской танковой армии генерала М. Е. Катукова. С воздуха — поддержка 16-й воздушной армии генерала С. И. Руденко.

В разгар боя штурмовики 9-го штурмового авиакорпуса, возглавляемые заместителем командира 33-го гвардейского штурмового авиаполка Героем Советского Союза майором Н. И. Белавиным, поддерживая наступление частей 8-й гвардейской армии, сбросили на парашютах в расположение боевых порядков 82-й гвардейской дивизии два метровых ключа, подобных историческим ключам, которые

были вручены русским войскам во время Семилетней войны 1756 — 1763 гг. при взятии Берлина. В обращении авиаторов говорилось: «Гвардейцы, друзья, к победе — вперед! Шлем вам ключи от берлинских ворот!». Эти символические ключи были изготовлены рабочими Ленинградского завода имени С. М. Кирова и присланы с наказом: «Открыть ворота на Берлин и этим ускорить победу над гитлеровской Германией».

Известно, что в 1760 г. Берлин капитулировал перед русскими войсками. И тогда в Россию был увезен символический ключ от берлинских ворот, а по всей Европе пронеслась фраза генерал-фельдмаршала П. Шувалова: «Из Берлина до Петербурга не дотянуться, а из Петербурга до Берлина достать всегда можно».

Весть о том, что ключи от Берлина находятся в дивизии, облетела полки. Всех охватили небывалый восторг и радость от сознания того, что они стали «владельцами» исторического ключа. Воины дали клятву во что бы то ни стало взять Берлин и водрузить над ним Знамя Победы.

Во взаимодействии с гвардейцами 44-й танковой бригады подразделения 57-й гвардейской дивизии и 27-й мотострелковой бригады ворвались в Фридерсдорф и овладели им. Противник быстро опомнился, подтянул резервы, в том числе танки, и начал предпринимать яростные попытки отбить населенный пункт. Жарко пришлось пехотинцам и танкистам. За три часа были отражены четыре вражеские атаки, причем каждый раз гитлеровцы бросали в бой по 20 — 25 танков. Все контратаки врага отбиты. На поле боя он оставил 11 танков, 8 орудий, 15 автомашин и до двухсот солдат и офицеров.

Воины-гвардейцы 8-й армии и танкисты-катуковцы рвутся вперед. И вот прорван наиболее сильный участок второй полосы обороны врага. Штурмом взяты мощные опорные пункты Зелов, Зидлунг, Черников, Дольгелин. Ключевые позиции противника, какими являлись Зеловские высоты, пали и оказались в руках советских войск. За высотами — третья полоса вражеской обороны с передним краем по реке Флисс.

На 18 апреля перед 82-й гвардейской дивизией ставилась задача форсировать реку Флисс и овладеть четырьмя господствовавшими высотами.

Сорокапятиминутная артиллерийская подготовка, и наша пехота пошла вперед. Первым форсировал реку и стремительно атаковал безымянные высоты западнее Герльсдорфа 242-й гвардейский стрелковый полк. Комдив Хетагуров тотчас представил его командира гвардии полковника Сухорукова к званию Героя Советского Союза. Спустя некоторое время преодолели реку Флисс и подразделения 244-го гвардейского полка. А к 14 часам противник был выбит с высот и из рощи юго-восточнее Ворина. Закрепившись на этом рубеже, полки атаковали Ворин и к вечеру овладели им. А ночью обходным маневром с востока и севера захватили еще один важный опорный пункт гитлеровцев — Яснфельде.

В этих боях снова отличились роты автоматчиков Героя Советского Союза М. Р. Иванова и И. Ф. Шиндина.

В ожесточенных боях на улицах города-крепости Познань рота автоматчиков гвардии старшего лейтенанта Шиндина была на острие атак, и, как было сказано выше,

в одном из боев Иван Фролович был ранен в грудь. И все же успел гвардеец «подремонтироваться» в госпитале для исторического наступления на Берлин. И вот его родная рота штурмует вражеские позиции. Но, как говорится, судьба человека. Окопные командиры надолго не задерживаются в боевом строю. Вражеская мина накрыла отважного командира. Тяжело раненного, его снова отправляют в госпиталь.

Наступательный порыв гвардейцев нарастал. И следующий день был результативным для частей нашей дивизии, особенно для 242-го гвардейского полка. На пути вдоль Берлинского шоссе в направлении Мюнхеберга стеной встали крупные силы немецкой пехоты с танками и артиллерией. С утра появилась вражеская авиация, наши части подвергались массированной бомбежке и обстрелу из бортового оружия. А со стороны Мюнхеберга — сильному артиллерийскому огню. Необходимо было незамедлительно ликвидировать этот опорный пункт противника. Комдив Хетагуров принял решение: 242-му гвардейскому полку — лесами зайти в обход города с запада, остальным полкам — по команде из штаба дивизии атаковать с востока.

С командиром 242-го полка поддерживалась непрерывная радиосвязь. И когда он донес, что его полк, преодолев лесной массив, обошел Мюнхеберг и развернулся фронтом на восток, командирам 244-го и 246-го гвардейских стрелковых полков была подана команда на атаку. Два полка завязали огневой бой и приковали к себе внимание гитлеровцев. А тем временем полковник Сухоруков на своих и трофейных бронетранспортерах и автомашинах почти беспрепятственно ворвался в город со стороны Берлина. Попавший в ловушку враг отчаянно сопротивлялся, но наши штурмовые группы, вооруженные трофейными фаустпатронами, брали квартал за кварталом. И вот опорный пункт врага в наших руках. Командарм Чуйков подписал ходатайство о присвоении командиру 242-го гвардейского стрелкового полка гвардии полковнику И. Ф. Сухорукову звания Героя Советского Союза, передал личному составу дивизии благодарность и просил командира дивизии представить к награждению особо отличившихся воинов-гвардейцев.

Многие в нашем 242-м гвардейском полку были представлены к наградам. Помнится, командир стрелковой роты И. И. Рунов получил полководческий орден — Суворова 3-й степени, командиры батальонов — ордена Красного Знамени.

В те дни генерал Г. И. Хетагуров по приказу командарма вступал в должность командира 29-го гвардейского стрелкового корпуса. Командиром 82-й гвардейской стрелковой дивизии был назначен Герой Советского Союза генерал-майор Михаил Ильич Дука, бывший партизанский командир.

И в 242-м гвардейском полку неожиданная новость: после окончания боев за Мюнхеберг Иван Федорович Сухоруков тяжело ранен в грудь и в ногу.

82-я гвардейская дивизия своим выходом на тыловой оборонительный рубеж немцев западнее Зеловских высот значительно облегчила прорыв второй полосы их обороны главными силами 8-й гвардейской армии. В какой-то мере она помогла и 5-й ударной армии, наступление которой вдоль шоссе Кюстрин — Берлин развертывалось теперь особенно успешно.

В те дни много было примеров личного и коллективного героизма наших воинов. Вот еще один эпизод, ставший известным по армейской печати.

227-й гвардейский стрелковый полк подполковника А. И. Семикова, уроженца города Темникова Мордовии, встретил на пути пять закопанных фашистских танков. С ними не могли справиться ни тяжелые орудия, ни залпы катюш. Броня этих танков прикрывалась штабелями дорожного булыжника. Семиков заслал к ним в тыл опытных саперов с фаустпатронами и взрывчаткой. После нескольких взрывов танки прекратили огонь, их экипажи сбежали.

На полк Семикова обрушился сильный артиллерийский удар, за ним началась яростная контратака пехоты, примчавшейся на автомашинах и броневиках. После двухчасового боя полку с помощью соседей-танкистов удалось опрокинуть противника. На поле боя осталось несколько сот убитых немецких солдат и офицеров, горело восемь броневиков и два сбитых самолета. Были потери и с нашей стороны. Командира полка А. И. Семикова тяжело ранило. По представлению командующего армией ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

После падения Мюнхеберга сопротивление противника несколько ослабело. Потрепанные и понесшие потерн немецкие части вынуждены были отходить. Наши части с ходу прорывали каждый вражеский рубеж. 21 апреля дивизии гвардейского стрелкового корпуса достигли пригородов Берлина — Бернау, Эркнер, Рюдерсдорфа. Были созданы благоприятные условия для полного окружения фашистской столицы. С этой целью 8-ю гвардейскую армию повернули на юго-восточную и южную окраины Берлина.

Предстояли тяжелые бои на улицах и площадях Берлина. Воинам 8-й гвардейской армии не занимать опыта таких боев — совсем недавно они штурмовали кварталы Познани и Кюстрина. Тогда совместные действия стрелков, артиллеристов и танкистов, саперов и химиков в штурмовых группах и отрядах оправдали себя. Теперь по их принципу командование перестраивало боевые порядки подразделений.

А пока на пути советских воинов Шпрее — довольно-таки широкая река, серьезная преграда. О ней, как о сильном рубеже обороны противника, мы слышали. Теперь она перед нашими глазами, у наших ног. Нет, не страшила река советских воинов — слишком много водных преград осталось за их плечами. И куда грознее этой реки — Северский Донец, Днепр, Днестр, Висла, Одер.

Сохранившийся автомобильный мост, под который гитлеровцы заложили мины и фугасы, воинам соседней 39-й гвардейской дивизии пришлось брать с применением военной хитрости и храбрости. В результате вся дивизия с артиллерией и танками перешла через реку. Некоторые части 29-го гвардейского стрелкового корпуса, сняв охрану железнодорожного моста в районе Адлерсхофа, также переправились через Шпрее. Им удалось захватить большой плацдарм на западном берегу и занять еще один шоссейный мост через реку Даме.

В полосе наступления 82-й гвардейской дивизии не уцелело ни одного моста. Не дожидаясь подхода автомашин-амфибий, воины дивизии преодолели водную преграду с помощью подручных средств и вплавь. Одним из первых достиг противоположного берега Шпрее командир дивизии генерал-майор Дука. Заметив на той стороне несколько лодок, он сбросил с себя китель, снял обувь и первым бросился в реку. Холодная весенняя вода не остановила его. Подплыв к противо-

положному берегу, он отцепил две лодки, связал их и перегнал на наш берег. Разведчики поспешили за командиром. Вскоре передовые подразделения форсировали реку на лодках и баржах.

Подъем в частях был небывалым. Раненые не покидали боевых порядков и только после строжайших приказов направлялись в медсанбат. В боевых порядках первого стрелкового батальона 242-го полка — огневой взвод 45-миллиметровых пушек гвардии младшего лейтенанта М. И. Сергеева. Ведя бой на западном берегу Шпрее, Сергеев был серьезно ранен, но не ушел с поля боя, пока там основательно не закрепились стрелковые подразделения. Командир стрелковой роты того же полка А. К. Малик в этом бою получил два ранения, но нашел в себе силы управлять ротой до подхода других подразделений.

Справа от нас форсировала Шпрее 27-я гвардейская стрелковая дивизия. Противник предпринял сильные контратаки, но все они были отбиты.

Дивизии 29-го гвардейского стрелкового корпуса продолжали наступление и через несколько часов с ходу форсировали Тельтов-канал. Развивая успех, овладели несколькими пригородами Берлина и, наконец, ворвались на южную окраину фашистской столицы.

В бою за пригород был смертельно ранен в голову командир первого штурмового батальона 242-го гвардейского полка гвардии капитан И. И. Никитин. Прошел с полком почти весь его боевой путь, в каких только сражениях не участвовал, и пули и осколки миновали его. А он на передовой — не признает ходов сообщения. Невысокого роста, коренастый, энергичный, скорее не ходил, а бегал. Не раз старшие по службе товарищи и заместитель его по политчасти гвардии капитан Гришин отчитывали комбата за излишнюю храбрость.

Вот и в этом бою: все надели каски, как было приказано, а его темноволосая голова совсем «босая». Где-то в бою слетела с нее фуражка, а поднять ее — миг боевой обстановки не дал. На моих глазах умирал отважный комбат, замечательной души человек, любимец части.

Тем временем батальон Никитина вместе с другими подразделениями полка пробивал дорогу к центру Берлина. Вот уж позади район Иоганисталь, аэропорт Адиерсхоф. У Тельтов-канала наши части встретились с войсками Первого Украинского фронта. 26 апреля оказался в наших руках центральный аэропорт Темпельхоф — единственное у врага окно в воздух.

У гвардейцев Сталинграда имелся солидный опыт штурма крупных городов и даже крепостей. Но то, с чем они встретились в Берлине, не шло ни в какое сравнение с тем, что было им знакомо.

Здесь оборонялись наиболее стойкие части СС, юнкера, отпетые нацисты. Дрались они с отчаянием обреченных и в жилых домах, и на лестничных клетках, и в подвалах, и на чердаках, и на крышах, и в подземных тоннелях канализационной системы, и в метро. Гитлеровцы минировали не только дома, но даже мебель в них.

Труднопреодолимыми препятствиями оказались превращенные в неподвижные огневые точки тяжелые танки врага, вкопанные в землю. Опорные пункты, включавшие несколько зданий, а иногда целый квартал, объединились в узел сопротив-

ления. Повсюду на домах и щитах были надписи с призывами драться до последнего. В листовках, сбрасываемых фашистскими самолетами, говорилось, что в Берлине до 600 тысяч домов, и каждый дом — это крепость. По нашим войскам вели огонь сотни орудий и минометов, тысячи пулеметов и автоматов. Фаустпатроны летели из подвалов, окопов, с крыш колоколен. Рев самолетов, гул танковых моторов, выстрелы пушек и минометов, разрывы авиабомб, снарядов, мин, треск пулеметов и автоматов слились в непрерывный гул.

Попробуй тут, в лабиринте улиц и переулков, в развалинах домов и в баррикадах разобраться, где проходит рубеж. Особенно трудно было ориентироваться летчикам. И как сложно было управлять частями и подразделениями. Надежной гарантией, конечно, были опыт и постоянная связь.

А наши связисты всегда были на своем месте. Много добрых слов слышали мы о командире батальона связи Я. А. Полежаеве. На встрече ветеранов дивизии в городе Одессе комдив М. И. Дука вспомнил, как при форсировании Шпрее и в боях на улицах Берлина почти всегда рядом с ним находился комбат Полежаев, обеспечивая бесперебойную радио- и телефонную связь с частями и отдельными подразделениями.

Связь командования и штаба дивизии с 242-м гвардейским стрелковым полком обеспечивал командир телефонно-кабельной роты А. С. Ткач, кавалер ордена Александра Невского, а внутри полка — командир роты связи А. Ф. Кузлякин. Что и говорить, дивизионные и полковые связисты заслужили добрую славу. Недаром один из них — командир линейного взвода И. Л. Иванов был удостоен чести представлять дивизию на Параде Победы.

Овладев аэропортом Темпельхоф, 29-й гвардейский стрелковый корпус развернулся фронтом на север и после короткой артподготовки устремился к Ландверканалу. Посаженный на танки и самоходки 242-й гвардейский стрелковый полк с ходу форсировал его. Остальным полкам дивизии удалось преодолеть его утром следующего дня. Опомнившись, враг обрушил на наши части, казалось, всю имевшуюся у него огневую мощь, чтобы ликвидировать плацдарм. Немцы непрерывно бросались в контратаки. Нашей пехоте нужна была поддержка артиллерии. И она получила эту поддержку. Полковая и дивизионная артиллерия неотступно следовала за стрелковыми подразделениями.

Вот как вспоминал часы этого боя начальник разведки артдивизиона 185-го гвардейского артиллерийского полка гвардии старший лейтенант В. А. Манякин из Мордовии: «Чтобы отбросить наши части с плацдарма, немцы беспрерывно контратаковали. Положение было тяжелое. Мной был вызван артогонь нашего полка, можно сказать, на себя. Снаряды ложились буквально в десятках метрах от командного пункта стрелкового батальона, с которым я находился и откуда корректировал артогонь. Все контратаки врага были отбиты, плацдарм остался в наших руках».

Исключительную отвагу, инициативу, находчивость проявили дивизионные разведчики гвардии старшего лейтенанта П. И. Шевченко, заслужившие добрую славу в предыдущих боях. Бесстрашные, они спускались в темные тоннели метрополитена, чтобы разведать пути к центру Берлина, под огнем вражеских пулеметов преодолевали каналы и вступали в схватки с врагом.

Армейская газета «Знамя Победы» писала об одном из эпизодов тех дней:

«...Шесть гвардейцев во главе с командиром Павлом Шевченко должны на рассвете пробиться к каналу и переправиться через него. В комнате, отбитой накануне у немцев, дежурил гвардии сержант Романов. Он ходил от окна к окну, от двери к двери, готовый ко всяким неожиданностям.

Командир Павел Шевченко, усталый, как и все бойцы, смотрел через выбитое окно на улицу, где на мостовую со всех сторон шепеляво шлепались пули, взметая медные искры из камня. Еще один канал, а там и рейхстаг. Оценив и взвесив все, облегченно подумал, еще раз посмотрев на часы: „Начинаем!“.

...Первыми двинулись вперед гвардии старшина Федоров и старшие сержанты Селезнев и Посохов. Стремительными перебежками, ползком, а где и кувырком, от дома до дома, прячась от обстрела, в развалинах и дыму храбрецы быстро преодолели небольшое расстояние до канала. Вот они на берегу. Мост, который был единственной надеждой для быстрой переправы, немцы взорвали. Только стальной трос, неведомо как уцелевший, рядом с разрушенным мостом, провисая над водяной пропастью, тонкой нитью скреплял два разных берега.

Шесть гвардейцев бросились влево к высокой арке железнодорожного моста. Он был еще цел. На той стороне у его опоры суетились немцы. Судьбу моста решала минута.

Над головами гвардейцев с треском лопались разрывные пули, над водой и на валу ухали „фаусты“, с поющим воем тяжело падали рядом снаряды и мины.

Гвардейцы бежали к мосту. Упал на землю, обливаясь кровью, раненный в ногу Посохов, свалились старшина Федоров и старший сержант Селезнев — снаряд упал в считанных метрах.

Трое живых — Шевченко и однофамильцы ефрейтор и сержант Романовы подскочили к мосту. Короткая автоматная очередь, и вражеский подрывник кубарем скатился в канал и скрылся под водой. Второй гитлеровец пал на берегу. Бикфордов шнур фугаса остался незапаленным.

Укрывшиеся за булыжником берегового вала, обстреливаемые со всех сторон, три советских героя четыре часа обороняли мост до самого прихода группы стрелков другого подразделения.

Освирепев до предела, фашисты сосредоточили весь свой огонь на мосту. Вскарабкаться на него было невозможно — железо и огонь сметали все живое в воду, но и медлить с переправой было нельзя.

Трое гвардейцев вернулись снова к взорванному мосту. Секунда решимости — и сильные руки командира быстро вцепились в железный трос — Павел Шевченко первым повис в воздухе над водой. Перебирая трос руками, стал перебираться за ним на противоположный берег гвардии сержант Романов. Это было сверхчеловеческое усилие, испытание на растяжение прочности человеческих жил и силы души, так как сапоги, гранаты, фауст и автомат с диском стопудовой гирей тянули к воде, как бы желая оторвать измученное тело от вцепившихся до крови в трос мозолистых рук солдата. Немецкий пулеметчик начал строчить по болтающимся на канате воинам. Пули противно свистели, но умирать никто не собирался. Надо живым перебраться и вцепиться в тот берег. И сила жизни победила...

Камнями падали вниз на берег невредимые гвардейцы. Переведя дыхание, командир Шевченко приподнялся с земли и с плеча пустил „фауст“ в немецкого пулеметчика. Взрыв раздался в окне, и дымом заволокло подъезд дома, где засели фашисты. Не успели немцы опомниться, как в коридоре нижнего этажа застрочил из автомата сержант Романов. Кошкой прыгнул он к окну и сильным рывком руки отбросил немца от пулемета. Гвардии ефрейтор Романов вскочил на второй этаж, ножом и огнем своего оружия уничтожил несколько гитлеровцев, а затем быстро привязал к шесту полотнище красной материи, забрался на чердак дома и в окно крыши выставил свой алый стяг.

Очищая берег от последних вражеских засад, к взорванному мосту подобрались пехотинцы. Кто-то крикнул: „Красный флаг за каналом. Вперед! Там наши!“.

Вид красного полотнища, победно развевающегося над крышей дома за каналом, еще больше окрылил бойцов, вдохнув в них могучую силу боевого порыва. Невзирая на обстрел, бросая на обломки моста бревна и доски, вплавь и по канату бойцы устремились на противоположный берег, к центру Берлина, к рейхстагу...».

27 апреля дивизионная газета издала листовку, которая облетела части и подразделения. Вот ее содержание:

«ВПЕРЕД НА ШТУРМ! БЕРЛИН ПАДЕТ ПОД НАТИСКОМ РУССКИХ!

Товарищи! Мы близки к цели. Кольцо Берлина с каждым днем, с каждым часом сжимается все туже.

Ускорим разгром окруженного врага еще более мощным и сокрушительным ударом!

НАЖМЕМ, ГВАРДЕЙЦЫ!

Мы пришли сюда от Сталинграда. Пусть же слава сталинградцев мощным набатом прозвучит над Берлином.

Будем драться так, как герои роты старшего лейтенанта Павла Шевченко — старшина Федоров, сержант Ковалев, старший сержант Посохов, сержант Романов, старший сержант Исмаилов.

Вчера они окружили четырехэтажный дом, где засели немцы, и штурмом овладели им. 30 гитлеровцев они убили, а 24 взяли в плен.

СЛАВА ВАМ, РУССКИЕ БОГАТЫРИ! НАРОД НЕ ЗАБУДЕТ ВАШИХ ПОДВИГОВ!».

Слева от нашей дивизии готовилась к штурму Ландвер-канала 79-я гвардейская дивизия.

Когда мне попадается на глаза фотография памятника советскому воину в берлинском Трептов-парке, я невольно вспоминаю те дни боев и мемуарный рассказ нашего командарма В. И. Чуйкова о солдате, ставшем прообразом скульптурного солдата с девочкой на руках:

«...За час до начала артподготовки знаменосец 220-го гвардейского полка сержант Николай Масалов принес знамя полка к Ландвер-каналу. Его сопровождали два ассистента. Гвардейцы знали, что здесь находятся Гитлер и главный узел связи, через который главари третьего рейха еще продолжают руководить войсками, вынуждая их вести бессмысленные кровопролитные бои.

До атаки осталось 50 минут. Наступила тишина, как перед бурей, — тревожная, напряженная. И вдруг в этой тишине, нарушаемой лишь треском пожаров, послышался детский плач. Словно откуда-то из-под земли, глухо и призывно звучал голос ребенка. Плача, он повторял одно понятное всем слово: „Муттер, муттер...“.

— Кажется, это на той стороне канала, — сказал товарищам Масалов. Оставив у знамени ассистентов, он пришел к командиру:

— Разрешите спасти ребенка, я знаю, где он. Затрещали пулеметные очереди. Сержант Масалов полз вперед, как лист, прижимался к асфальту, временами прячась в неглубоких воронках от снарядов и мин. Вот он пересек набережную и укрылся за выступом бетонированной стенки канала. И тут снова услышал голос ребенка. Тот звал мать жалобно, настойчиво. Он будто торопил Масалова. Тогда гвардеец поднялся во весь рост — высокий, могучий.

...Масалов перекинулся через барьер канала. Прошло еще несколько минут. На миг смолкли вражеские пулеметы. Затаив дыхание, гвардейцы ждали голос ребенка, но было тихо. Ждали пять... десять минут. Неужели напрасно рисковал Масалов? Несколько гвардейцев, не сговариваясь, приготовились к броску. И в это время все услышали голос Масалова:

— Внимание! Я с ребенком. Прикройте меня огнем. Пулемет справа, на балконе дома с колоннами. Заткните ему глотку!

Но подошел момент артподготовки. Командующий артиллерией армии генерал Пожарский уже дал команду:

— Натянуть шнуры... Огонь!

Тысячи орудий и минометов ударили по врагу. Тысячи снарядов и тысячи мин как бы прикрывали выход советского воина из зоны смерти с трехлетней немецкой девочкой на руках.

Передав девочку санитарам, сержант Масалов снова встал у знамени полка, готовый к броску вперед...»

Противник оказывал все возрастающее сопротивление, вел массированный артогонь из парка Тиргартен, обстреливал наступающих фаустпатронами, поливал из крупнокалиберных пулеметов.

Перед дивизиями корпуса были Ангальтский и Потсдамский вокзалы. Их толстые кирпичные стены представляли собой сильные опорные пункты.

Бои здесь затянулись на четверо суток. Каждый метр давался ценой громадных усилий. Ведь за вокзалами, в восточной части Тиргартен-парка, находятся рейхстаг и имперская канцелярия, а в ней — бункер Гитлера.

Тогда мы, полковые, не знали, что рано утром 1 мая на командный пункт одной из дивизий 8-й гвардейской армии прибыл в качестве парламентера нацистский генерал Кребс. Пока он на КП командарма Чуйкова выторговывал у советского руководства перемирие, отвергая безоговорочную капитуляцию фашистской Германии, наши войска усилили натиск. В тот же день у Бранденбургских ворот, в 200 милях от рейхстага, войска 8-й гвардейской армии встретились с дивизиями 3-й и 5-й ударных армий, штурмовавших Берлин с северо-востока. А над рейхстагом уже развевалось алое Знамя Победы.

Не выдержав натиска советских войск, немцы утром 2 мая согласились на безоговорочную капитуляцию и начали сдаваться в плен. Из подвалов и бункеров выходили с поднятыми руками солдаты и офицеры.

Ночь на 2-е мая мы провели в рейхсканцелярии. Распластавшись на паркетном полу, спали после трудных и бессонных ночей. Вскоре узнали, что 24 залпами из 324 орудий Москва возвестила всему миру о падении Берлина. В честь победы в Берлине Родина щедро наградила своих защитников и победителей. 29-й Лодзинский гвардейский стрелковый корпус был награжден орденом Красного Знамени. Этого же ордена удостоены все его три дивизии, в том числе наша 82-я гвардейская Запорожская ордена Богдана Хмельницкого стрелковая дивизия. А 244-му гвардейскому полку выпала честь быть удостоенным почетного наименования — «Берлинский». Тысячи воинов были награждены орденами и медалями Союза ССР. Все участники этого сражения получили медали «За взятие Берлина».

До полной победы Советского Союза над фашистской Германией оставалось 6 дней.

А в моей фронтовой поэтической тетради в те дни появились два стихотворения, одно из них — «Берлин, 2 мая»:

Тихо вдруг стало, как после грозы.
Взяв, обживаем мы рейхсканцелярию.
В панике, бросив правленья бразды,
Смылась нацистская гроссвакханалия.

Сдался советским войскам гарнизон.
Спим — на паркете солдатские головы.
Шутит братва: исторический сон —
В день Первомая во вражеском логове.

Утро настало — кругом тишина,
Свежей махрою «казарма» напитана.
С болью на сердце сказал старшина:
«Жаль, потеряли комбата Никитина».

Да, был «мартен» у рейхстага вчера,
Вон купола почернели, зеленые.
Длинной колонной идет немчура.
И без бравады теперь, нехоленая.

Где же нацистская рать главарей?
(Призрак их бродит по рейхсканцелярии.)
Может, уж взяты, а может, в норе,
Может, попрятались где-то в Швейцарии.

Гляну на купол: на фоне небес
Гордо колышется знамя победное.
Славненький вид с разных точек окрест,
Видит его вся планета, наверное.

Долго хоть шли мы к победной весне,
Верили — будем в фашистской обители.
Хлопцы рейхстаг вновь «берут» — на стене
Подписи ставят свои, победители.

На этом боевые действия 82-й гвардейской дивизии закончены, и она была сосредоточена в лагере Глау, где находилась до 10 мая.

К этому времени 19 воинов дивизии были удостоены звания Героя Советского Союза, 34 стали кавалерами ордена Славы трех степеней. Тысячи солдат и офицеров награждены многими орденами и медалями Советского Союза.

8 мая для нас стало самым радостным днем. Находясь в Берлине, мы одни из первых узнали о конце войны. Вечером того дня до нас дошла весть о подписании акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Ночь на 9 мая мы почти не спали. Радости не было предела, мы поздравляли друг друга с Победой, писали письма домой.

И как было не радоваться! Прошли такую войну и остались в живых. А мы ежедневно, ежечасно, ежеминутно смотрели смерти в лицо. Многие из нас испытали ожоги свинца и удары контузии, но, к счастью, выжили.

Радовались и с тяжелым чувством вспоминали фронтовых друзей, которых безвозвратно потеряли на длинном боевом пути. Многие из них сложили свои головы совсем рядом с Победой — в Берлине.

9 мая наш героический народ с большим ликованием праздновал День Победы над германским фашизмом. Столица нашей Родины — Москва салютовала доблестным Вооруженным Силам тридцатью залпами из тысячи орудий. День 9 мая в Берлине начался с салютов из стрелкового оружия. Победители палили, не жалея патронов, радостно и гордо восклицая: «Победа!», «Мир!», «Слава Советской Родине!».

В тот день я написал небольшое стихотворение «Победа!»:

Запомним, друзья, лето сорок второго,
Над Доном стальную пургу.
Сказали тогда мы решительно, строго:
«Ни шагу назад! Смерть врагу!».

Пусть долгие дни нас гроза обнимала —
Мы шли непреклонно вперед,
За вражеским черно-коричневым валом,
По тысяче трудных дорог.

И слава чуйковцев полетом орлиным
Над милой землею летит,
Победные стрелы скрестились в Берлине,
И стяг над рейхстагом горит.

Закончили славно поход исполинский —
От Дона до Шпрее-реки
И Лодзинский, Познанские и Берлинский
Гвардейские наши полки.

Победа! Победа! Салютов раскаты
Над мирной землею гремят.
Священную память о павших солдатах
Пусть люди в сердцах сохранят.

Большой и трудный, но славный боевой путь прошла дивизия — от Сталинграда до Берлина. Она достойно стала называться: 82-я гвардейская Запорожская Краснознаменная ордена Богдана Хмельницкого стрелковая дивизия, в составе которой были:

242-й гвардейский Лодзинский Краснознаменный ордена Суворова стрелковый полк;

244-й гвардейский Берлинский Краснознаменный ордена Кутузова стрелковый полк;

246-й гвардейский Познанский Краснознаменный ордена Кутузова стрелковый полк;

185-й гвардейский Познанский Краснознаменный ордена Александра Невского пушечный артиллерийский полк;

86-й отдельный гвардейский ордена Александра Невского истребительно-противотанковый дивизион;

91-й отдельный гвардейский ордена Александра Невского саперный батальон;

111-й отдельный гвардейский батальон связи;

88-й отдельный гвардейский медико-санитарный батальон;

83-я отдельная гвардейская разведрота;

87-я отдельная гвардейская авторота;

отдельный гвардейский учебный батальон и другие спецподразделения.

11 мая дивизия покинула Берлин. В первые мирные месяцы она дислоцировалась на Эльбе, в районе города Риза, в Лейпциге, Эрфурте, Ордруфе, Эйзенахе. Штаб 8-й гвардейской армии размещался в Веймаре — столице Тюрингии.

Командир нашего 242-го гвардейского стрелкового полка гвардии полковник Сухоруков в очередной раз вернулся из госпиталя в июне, а в ноябре мы с грустью провожали его в другую дивизию, куда он был назначен заместителем командира дивизии. Полк принял подполковник Сирый.

В то время происходило укрупнение соединений и частей. В наш полк влился негвардейский полк. То же самое происходило и в других частях: полк — в полк, батальон — в батальон.

В 1945 г. дважды объявлялась демобилизация личного состава Красной армии старших возрастов, вплоть до 1917 г. включительно, а также солдат и сержантов более молодого возраста, имевших некоторые гражданские специальности. С одной стороны, была радость — едут люди домой после такой войны, а с другой — грустно расставаться боевым друзьям, и, может, навсегда.

Уже тогда, летом сорок пятого года, после только что закончившейся войны, западные союзники строили коварные планы против Советского Союза и стран Юго-Восточной Европы, приведшие к холодной войне. Американское руководство, сбросив без всякой необходимости две атомные бомбы на японские города, явно рассчитывало запугать нас и остальной мир и диктовать свою внешнюю политику.

Советское руководство понимало опасность англо-американской военной стратегии и держало вооруженные силы страны начеку. Вскоре Америка перестала быть монопольной ядерной державой. Нашим руководством предпринимались меры по укреплению демаркационной линии, разделяющей советские и союзнические войска в Германии. На переднем крае защиты мира на западе стояла наша 8-я гвардейская армия, почти полвека являясь главной силой Западной группировки советских войск и Варшавского Договора. Мы гордились своей армией, имевшей легендарную историю, единственной армией, которая в годы войны была удостоена высшей награды Родины — ордена Ленина.

Сколько поколений солдат и офицеров прошло службу в 8-й гвардейской армии! Все они были верны традициям первого, героического поколения, ставшего честью и совестью Красной армии и советского народа. С некоторыми воинами послевоенных лет нам посчастливилось встретиться в дни торжеств юбилеев освобождения крупных городов страны. Теперь наши войска выведены из Германии, и трудно представляется будущее гвардейской армии.

82-я гвардейская Запорожская Краснознаменная ордена Богдана Хмельницкого стрелковая дивизия в 1947 г. была расформирована. Судьба разбросала офицерский состав: одни были выведены в запас, другие пополнили части и соединения разных военных округов.

Публикуется по изданию:
Плехов А. И. Дороги привели в Берлин.
Саранск, 1996. С. 12 — 100.
Опубликовано частично:
Плехов А. И. В Сталинградской битве //
Подвиг народный. Саранск, 1995. С. 104 — 118 ;
Плехов А. И. Дороги привели в Берлин //
Подвиг народный. Саранск, 1995. С. 353 —364 ;
Плехов А. И. Они сражались за родину //
Этих дней не смолкнет слава... Саранск, 2000. С. 150 — 156 ;
Плехов А. И. В тот памятный… // Солдаты Победы.
Саранск, 2005. С. 110 — 116 ;
Плехов А. И. Мы одними из первых узнали о капитуляции
фашистской Германии // Вечер. Саранск. 2010. 30 апр.

Т. Д. ПОГОДИН

Погодин Тихон Дмитриевич (род. в 1904 г.) — участник боевых действий. На фронте — с 1941 г. Сражался в битве под г. Москвой. После демобилизации по ранению жил и работал в г. Саранске. Награжден орденом Славы 3-й степени, медалями, в том числе «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.»[*].

Не позднее 1966 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О БОЕВЫХ ДЕЛАХ 326-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Это было 14 декабря 1941 г. Я служил первым наводчиком пулемета в 1-м отделении 3-го взвода 3-й пулеметной роты 326-й стр[елковой] д[ивизии]. В этот день меня послали в разведку вместе с Михаилом Ивениным в район одной из деревень на территории Тульской области. Жители показали нам направление. Входим в эту деревушку. Жители рассказывают нам, что фашисты недавно отступили. Показали, куда именно. Мы доложили об этом Панфилову — подполковнику, командиру минометного батальона. Был отдан приказ о наступлении. Мы с Александром Ивановичем Чуприковым (впоследствии погиб) первыми ворвались в село. В ходе боя село было очищено от гитлеровцев. Были взяты нами в плен 10 эсэсовцев, которые поджигали дома в советских селах. Эсэсовцы были расстреляны. Во время этого боя погиб и наш командир Панфилов. В первые же минуты боя мы уничтожили двух фашистов, остальные бежали. После этого мы продолжали наступление. Затем я был ранен. Лежал в госпитале, чудом выжил. В 1942 г. был демобилизован из армии.

ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 38. Л. 197.
Машинопись. Копия.

[*] ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 38. Л. 197 ; http://podvignaroda.mil.ru

Н. И. ПОЛБИЧЕВ

Полбичев Николай Иванович (1896, с. Подлесная Тавла ныне Кочкуровского района Республики Мордовия) — участник боевых действий. В РККА — с января, на фронте — с июня 1942 г. Воевал на Сталинградском, Юго-Западном и Четвертом Украинском фронтах. Пулеметчик стрелковой роты 903-го горнострелкового Севастопольского ордена Богдана Хмельницкого 2-й степени полка 242-й горнострелковой Таманской Краснознаменной дивизии. После демобилизации жил и работал в родном селе. Награжден орденом Славы 3-й степени[*].

1970 г.

После утомительного похода солдаты расположились на лесной опушке, неподалеку от белокаменной деревни с остроконечными крышами. Их не радовала весна, да они ее и не замечали. Здесь, на севере Германии, было и в апреле прохладно, сыро. С неба, затянутого лохматыми облаками, доносился клекот журавлей. Должно быть, они летели в Россию, где уже не грохочут орудия и не содрогается земля от взрывов. Скоро конец войне, и мы возвратимся в свои дома. А пока — у каждого в руках винтовка, и рядом дымит видавшая виды походная кухня, обдавая нас ароматным запахом русского борща.

Я думаю о своем далеком эрзянском селе, где в эту пору уже зацветают подснежники на берегах речушки Тавлы. Вижу, как наяву, свою старушку, которая выгоняет буренку на луга. И как-то сразу чувствую усталость, опускаюсь на край канавы, подложив под голову вещевой мешок. Много дорог прошел и проехал я за четыре огненных года, во многих кровопролитных сражениях глядел смерти в глаза, а остался жив и невредим. Теперь я в запасном батальоне, куда собрали таких же, как я, пожилых солдат. Говорят, что не сегодня завтра нас будут демобилизовывать из армии, и потому-то мы живем ожиданиями долгожданных перемен в своей судьбе.

К полудню нас выстраивает комбат, черноволосый, низенький капитан с тремя орденами на груди. За минуту сотня солдат вытягивается словно по нитке в шеренги: наверняка объявят приказ о демобилизации!..

— Из штаба поступили разведданные. За немецкой деревней Хейндорф, в лощине, скапливаются крупные силы противника, — сообщает капитан и твердеет его простуженный голос. — Надо узнать во что бы то ни стало, что еще замышляет враг.

Солдаты молчат. Суровы их обветренные лица. Я хочу напомнить капитану, что ведь отныне мы запасники, но не решаюсь. Между тем комбат обращается к нам, и черные чуть раскосые его глаза сияют, подбадривают нас: мол, вы же ветераны, прошли огни и воды!

— Кто из вас, братцы, служил в разведке? Кто желает отличиться?

---

[*] http://podvignaroda.mil.ru

Точно окаменели шеренги, никто не шелохнется. Год назад на такой зов сразу нашлись бы охотники. А теперь, под конец войны... После короткого раздумья мой сосед решительно вскидывает руку:

— Я служил в дивизионной разведке!

Он высок ростом, широкоплеч, но неуклюж, словно медведь-увалень. В роте звали его Тихоней, — при людях слова выговорить не осмеливался. Теперь я удивился: как это такой мог быть разведчиком? Не иначе, выхваляется! По команде капитана он выходит из строя. Замечаю, что синеет возле его бровей едва заметный шрам, и тонкие морщины стягивают скулы. Рядом с ним становится щупленький, хилый мужчина с огненно-рыжими волосами. Они оглядывают мою рослую фигуру, ощупывают глазами мускулистые руки, словно видят впервые, и предлагают:

— Пойдем с нами, уж повоюем в последний раз!..

Хотя я никогда не служил в разведке, но согласился.

Надо же выполнять приказ командира.

Когда прохладная тьма окутала окрестности, мы поднялись на холмик и поползли к лощине вдоль дороги. Впереди — Тихоня. Он словно превратился в мышь, его не видно и не слышно. Рядом со мной щупленький, извивается ящерицей. Под пилоткой он повязал черный платок, чтобы не выдали его рыжие волосы! И смех и грех! Нам надо незаметно подняться на пригорок, к белокаменному зданию, где будто бы разместился немецкий штаб. Захватить там языка, а если не удастся, раздобыть документы. Поневоле остановились возле моста.

Впереди я замечаю черную фигуру, которая хорошо просматривается снизу и выделяется на фоне пригорка. Не иначе, фашист! Я плотнее прижимаю к себе автомат, нащупываю курок и не дышу. Но тут замечаю, как на мосту взмахнул рукой наш ведущий, командир группы: мол, пошли! Оказывается, напугала меня корзина с огромной бутылью посредине, которую, видимо, фашисты невзначай уронили с машины или поставили специально. Благополучно добираемся до белокаменного дома. Я замер у старой липы, простирающей ветки над волнистой черепичной крышей. Мои товарищи притаились в прошлогодней полыни. Часовой в шинели и с автоматом наперевес шагает от липы к дому. Я отчетливо слышу, как железные подковы на его сапогах со скрежетом вдавливают камешки и битое стекло в землю. Мне кажется, что обернется он назад и сразу же меня увидит. Я прильнул к дереву.

Часовой возвращается назад. Он наваливается спиною на липу и постукивает каблуками. Я отчетливо слышу его хрипловатое дыхание... Тут мне бы и схватить немца! Да что-то растерялся, замешкался я... Видно, сказалось, что в разведке в первый раз... Но вот метнулась тень из полыни, и часовой не успел даже крикнуть. Это кошкой прыгнул на него наш командир группы. Затем он подбежал к зданию и одну за другой метнул в окно две противотанковые гранаты.

Вот так Тихоня! Гулкие взрывы обдают меня едким дымом. Тут подбегает командир группы. В руках у него две полевые сумки. Обычно молчаливый и вежливый, он сильно толкает меня в спину:

— Бежим!

Мы кинулись в лощину. А на пригорке пришли в себя фашисты и открыли по нам огонь из минометов. Взрывы справа, слева, спереди. Тяжело застонал командир группы и умолк. Когда я склонился над ним, он уже был мертв, только липкая кровь сочилась из головы.

— Тащи его! — скомандовал рыжий, а сам схватил полевые сумки, добытые Тихоней в фашистском штабе.

Вот где только потребовались мои богатырские силы!

Мина разворачивает мост. Осколки и расщепленные доски пролетают над нами. Нам ничего не остается, как перейти реку по тонкому льду. Но сразу же проваливаемся, и ледяная вода змеей заползает под телогрейку и в голенища сапог. Вот и спасительный берег. А дальше, уже за холмом наши позиции. На последнем рубеже свалился от вражеской пули и мой друг. Он едва прошептал.

— Мне амба. Ползи старина!

Я благополучно добрался до своих и вручил капитану полевые сумки офицеров фашистского штаба.

Потом меня вызвал к себе комбат. Он сидел за самодельным походным столом и писал:

— Оформляю на тебя наградной лист, — объявил капитан.

Больше мне не пришлось ходить за языком. Это был наш последний бой. Вскоре возвратился в родное село и начал работать в колхозе...

Публикуется по изданию:
Полбичев Н. И. Последний бой //
Бойцы вспоминают…
Саранск, 1970. С. 188 — 192.

С. А. ПОЛЕЖАЕВ

Полежаев Семен Антонович (12.9.1918, г. Саранск — 19.9.1982, там же) — участник боевых действий. Герой Советского Союза (1944). В РККА — с 1936 г., на фронте — с 1941 г. Окончил Чкаловское военно-авиационное училище летчиков (1940). Командир эскадрильи 16-го гвардейского авиационного полка 1-го гвардейского авиационного корпуса авиации дальнего действия. Гвардии майор. К декабрю 1943 г. совершил 224 боевых вылета на бомбардировку военно-промышленных объектов в глубоком тылу противника. В 1948 — 1950, 1952 — 1959 гг. — министр торговли МАССР. Депутат Верховного Совета МАССР (1955). Награжден двумя орденами Ленина, двумя — Красного Знамени, медалями[*].

1942 г.

Последний полет в глубокий тыл врага никаких трудностей для летчика не представлял, не считая усталости при длительном пребывании в воздухе. Погода от самого аэродрома до цели не превышала 2 — 3 баллов, а в районе вражеского города — полный штиль. Даже в такую осеннюю темную ночь штурман мог находить нужные площадные ориентиры, уцепиться за них и вести корабль по маршруту. Что я видел на территории врага? Наши заклятые враги — румыны очевидно успокоили себя тем, что линия фронта далеко, и их никто не достанет. Я прошел над крупным городом, где ярко горел электрический свет, ходят трамваи, автотранспорт, даже само логово врага плохо замаскировано. Все это наполняло нас, летчиков, жгучей ненавистью, хотелось как можно больше нанести врагу ущерба, отомстить за страдание нашего народа в оккупированных районах. Когда я вывел свой корабль на боевой курс, передал своему штурману гвардии капитану Рода, чтобы он поточнее сбросил бомбы, отплатил врагу за семью нашего товарища Сергея Куликова. Наши бомбы угодили в восточную часть города, где возникло 2 крупных очага пожара. Надо сказать, что в этот полет наши штурманы выполнили свою задачу образцово. Они вели прицельное бомбометание. Город горел. Это для всех нас высшее удовлетворение налетом. Отдохнув, мы снова возьмем курс на Запад. Снова нанесем врагу не один такой удар.

Публикуется по изданию:
Полежаев С. А. За правое дело снова готов в полет //
Правое дело. 1942. 17 сент.
(НА НИИГН. Ф. И-143. Л. 261 — 262)

[*] Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2004. Т. 2. С. 180 ; Война на всех одна. Саранск, 2015. С. 170 — 172.

1965 г.

<…>

…Ночь на 30 августа 1942 г. Нам предстояло бомбить Берлин — логово фашистов. Лишь одно это слово зажигало ненавистью наши сердца. Летчики, штурманы, радисты тщательно изучили боевое задание. Нас подробно ознакомили с районом предстоящих действий, организацией противовоздушной обороны крупных городов Германии. Перед нами был подробный план Берлина с указанием объектов, по которым каждой группе летчиков предстояло нанести бомбовый удар.

Метеорологическая обстановка не предвещала ничего хорошего на маршруте полета: грозовые разряды, сплошная фронтальная облачность, ливни. Грозовые облака стояли сплошной стеной, толщиной в 3 — 4 километра. Но мы надеялись на улучшение погоды непосредственно над целью. Так оно и получилось. Над территорией Германии погода улучшалась, а на путях к Кенигсбергу, Данцигу и Берлину небо стало совсем чистое.

Налет в ночь на 30 августа 1942 г. по своим масштабам превышал предыдущие. Одновременному удару подверглись крупные города центральной и восточной Германии. Такой массированный налет дезорганизовал противовоздушную оборону. Однако Берлин встретил нас «недружелюбно»; он был сильно прикрыт зенитно-артиллерийским огнем и мощными прожекторами.

Первыми бомбежку начали экипажи дважды орденоносца капитана Даньшина, Героя Советского Союза капитана Молодчего, капитанов Гаранина и Андреева. Бомбили удачно. На земле возникали пожар за пожаром. Нашему экипажу было задание бомбить ту часть города, где расположены химический, кабельный заводы, автозавод. Когда самолет заходил на цель, его поймали десятки прожекторов. Пришлось лететь в огневом кольце взрывов зенитных снарядов. Иногда взрывные волны подбрасывали самолет.

Штурман экипажа капитан Рода точно вывел самолет в указанное место. В результате бомбардировки возникли два пожара и один сильный взрыв.

В эту ночь на вражеское логово были сброшены сотни бомб различного калибра. После более девятичасового полета, на рассвете 30 августа экипажи произвели посадку на свой аэродром.

...Сентябрь 1942 г. В жизни нашего полка большое событие. За успешные боевые действия полку одному из первых присвоили звание 2-го гвардейского авиационного полка дальнего действия.

На подмосковный аэродром прибыло командование авиасоединения. Командир полка майор Тихонов и комиссар полка Дакаленко приняли гвардейское знамя. Полк дал гвардейскую клятву:

«Мы клянемся, что врученное нам гвардейское знамя покроем славой и воинской доблестью и с гордостью пронесем его на Запад до полного разгрома немецких захватчиков».

На аэродроме нас поздравили писатель Илья Эренбург и председатель райсовета Фрунзенского района города Москвы. Они говорили о единстве фронта и тыла, о героическом труде советского народа.

Теперь мы гвардейцы. С еще большей ответственностью идем на выполнение боевых заданий.

Мы бомбили военные объекты Бухареста и Варшавы, в начале сорок третьего делали налеты на Кенигсберг, Данциг и Тильзит.

Во время Сталинградской битвы действия нашей авиации дальнего действия особенно активизировались. Налеты на тылы противника были более массированными. Вместе с тем и сопротивление врага стало более упорным. В июле 1943 г. нам было дано задание — уничтожить скопления войск и техники в районе Орла и Курска. Приходилось делать по два вылета в ночь. Противник прикрывал свои войска и днем и ночью истребительной авиацией.

20 июля наш экипаж второй раз за ночь вылетел бомбить скопление фашистов в городе Карачев (около Брянска). Над самой целью нас сбил истребитель противника. Самолет загорелся. На горящем самолете я смог пролететь 4 — 5 минут, а потом и сам стал гореть...

Тогда решил дать команду выброситься экипажу на парашютах. Последним выбросился сам. Приземлился километрах в 20 от города, на территории, занятой противником. Скитался 3 дня и 3 ночи, пока не перешел линию фронта под самым носом у немцев.

Все члены экипажа также вскоре вернулись в свою часть, пробыв некоторое время у партизан в брянских лесах.

Невзгоды не сломили боевого духа экипажа. Вернувшись в свою часть, мы вновь брались за оружие и продолжали боевую работу. За годы войны мы сделали свыше 300 боевых вылетов, сбросив на головы врага 400 тонн смертельного груза.

Публикуется по изданию:
Полежаев С. А. В небе фронтовом //
Совет. Мордовия. 1965. 8 мая. С. 2.

Не позднее 1969 г.

В боевую деятельность, как воин нашей Советской армии, я включился молодым, но вполне подготовленным офицером военно-воздушных сил.

Через год, после окончания авиационной школы, я был назначен в дальнюю авиацию. Начиная свою боевую работу с первых же дней войны, я был твердо уверен в том, что, сколько бы война ни длилась, она должна кончиться благополучием нашего народа.

Мне очень запомнились в памяти дни 1942 г. Войска немцев подходили к Сталинграду. Сердце било тревогу за спасение города-героя. Нас перебазировали на эту операцию в г. Тамбове. Делали по 3 — 4 вылета в день, а часто приходилось летать и днем, и ночью.

Морозы доходили до 30 — 35 градусов. Время для отдыха не оставалось. Тяжело было готовить и эксплуатировать материальную часть. На защиту города Сталинграда я сделал 20 ночных и 6 дневных боевых вылетов.

За 4 года боевых действий я сделал 290 ночных и 10 дневных боевых вылетов. Мне больше всего приходилось делать налеты на крупные военно-хозяйственные объекты противника. Около десятка вылетов я посвятил бомбометанию города Кенигсберга. Бомбил промышленные объекты в столице немцев — Берлине, а также в столицах сателлитов гитлеровской Германии — Бухаресте, Будапеште, в городах Данциге, Штеттине, Варшаве, нефтяные промыслы в Плоеште и много других.

Мне очень хорошо запомнился один из удачных налетов на город Кенигсберг в апреле 1943 г. Из города Кенигсберга немцы начали наступление на советскую Прибалтику, на наш город Ленинград. В день перед взлетом на аэродроме царило особое оживление. Мне пришлось летать в сложных метеорологических условиях. На пути встречалась высокая облачность. Летая за облаками, скрывались наземные ориентиры. Длительное время полет совершался с применением кислорода.

Точно в назначенный час мой самолет появился над Кенигсбергом. Немцы встретили «гостей» недружелюбно. Посыпался мощный огонь зенитной артиллерии.

В течение более двух часов наши самолеты эффективно бомбардировали объекты Кенигсберга. Наблюдались многочисленные пожары, сопровождавшиеся сильными взрывами. Пламя пожаров было видно с расстояния более 100 км. От сброшенных с моего самолета бомб возникло два больших пожара.

В августе 1943 г. перед нами была поставлена задача — бомбить фашистское логово — Берлин.

Я вылетел на выполнение этого задания в среде первых экипажей. Маршрут полета был нелегким: через фронтальную облачность, обходя грозы. Немцы сильно перекрывали свою столицу зенитно-артиллерийским огнем и мощными прожекторами. Бомбы с моего самолета упали в ту часть города, где расположены химический завод, автозавод, кабельный завод. От моих бомб возник один крупный очаг пожара, видимо, горел склад с горючим. Продолжительность этого полета была 10 час. 15 мин.

При бомбометании объектов города Бухареста в сентябре 1942 г. румыны, очевидно, успокоили себя тем, что линия фронта далеко, и их никто не достанет. По пути к цели я пролетел над крупным городом, где горел электрический свет, ходили трамваи, автотранспорт, да и цель-то сама была плохо замаскирована. Все это наполняло во мне жгучую ненависть, но хотелось как можно больше нанести врагу ущерба, отомстить за страдания нашего народа. Наши бомбы угодили в восточную часть города. В результате бомбометания экипажами город горел. Это для всех нас летчиков высшее удовлетворение полетом.

300 вылетов, сделанных мною за период войны, много не похожи друг на друга, но по своему назначению они дополняли друг друга.

Очень много страданий пережито в годы войны. Два раза пришлось быть сбитым, спасались на парашюте.

Особенно хочу описать один из ответственных полетов на столицу Финляндии — Хельсинки, зимой 1944 г. Измотав свои силы, Финляндия к этому времени была на грани выхода из войны. Налеты нашей авиации на ее столицу и другие города заставляли ускорить решение финн[ов] выйти из создавшегося положения. Для выполнения такой задачи метеорологические условия были крайне

неблагоприятные. Стояли сильные морозы на земле. На высоте они увеличивались вдвое.

Финны при помощи немцев сделали мощную оборону города. Полет осложнялся пролетом через Финский залив. На высоте 5 000 — 6 000 км температура достигала 60 градусов. Моторы понижали температуру. Часто давая перебои, вследствие перебоев в работе моторов, отказывали в работе контрольные приборы. Кроме защиты зенитной артиллерии, Хельсинки были прикрыты аэростатами. Я свой экипаж повел на цель с севера — с суши, надеясь по прямой уйти в Финский залив. Подойдя к цели, я убедился, что мой расчет был разгадан финнами. Меня поймали прожекторами, и беспощадно стала бить зенитная артиллерия. Делать было нечего, надо было продолжать боевой путь. Я чувствовал, как по [обшивке] самолета иногда бьют осколки снаряда. Была пробита кабина штурмана. Стало сильно задувать в мою кабину, осложняя управляемость самолетом.

Выполнив задание и с трудом возвратившись на аэродром, при осмотре самолета было обнаружено 60 пробоин, 7 из них грозили продолжению полета. В решительном наступлении на Берлин я принимал участие в прорыве обороны немцев. На эту операцию приходилось делать полеты почти ежедневно. В настоящее время, спустя два года после последних моих боевых вылетов, я радуюсь, вспоминая свою боевую работу, и довольствуюсь тем, что она внесла некоторую долю в общую победу нашего народа в Великой Отечественной войне. <…>

ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 51. Л. 20 — 23.
Машинопись. Копия.

1972 г.

ПУТЬ К ШТУРВАЛУ

В жизни каждого человека есть такие события, которые остаются в памяти на всю жизнь. Есть они и у меня. О самых памятных днях я часто вспоминаю, рассказываю молодежи. Мне хочется вселить в нее хотя бы частицу пережитого, зажечь искру мужества.

...Мечта стать настоящим летчиком родилась у меня в юношеские годы. Учился в Саранском педагогическом техникуме, учился отлично, но мысль о небе ни на минуту не покидала меня.

К моему счастью, в 1935 г. в Саранске открылся аэроклуб. И мы, любители, часами пропадали в аэроклубе, изучали материальную часть самолетов, мастерили модели и запускали их в воздух.

В те годы авторитет авиации возрастал быстро. В 1934 г. случилась катастрофа с ледоколом «Челюскин», затертым во льдах Арктики, экипажу грозила смертельная опасность. Вся страна, весь мир следили за спасательными операциями. Летчики совершили здесь буквально чудеса. Советское правительство впервые присвоило летчикам, отличившимся при спасении челюскинцев, звание Героя Советского Союза.

В июле 1936 г. Чкалов, Байдуков и Беляков совершили дальний беспосадочный перелет Москва — остров Удд. Через год снова перелет — Москва — США через Северный полюс.

21 мая 1937 г. Водопьянов впервые в истории совершил посадку в районе Северного полюса. Летчицы Гризодубова, Осипенко, Раскова установили женский международный рекорд дальности полета без посадки.

Вся страна жила достижениями авиаторов. Середина тридцатых годов была порой авиационных триумфов. Крылатые люди становились любимцами народа. Все это производило огромное впечатление на молодежь — мы стремились в небо.

В 1935-м — выпускной вечер в педагогическом техникуме. Кем быть? Идти учителем? Значит, расстаться с мечтой, забыть о самолетах? Но я еще молод. Учиться на летчика меня могут принять через год. Посоветовался с другом. Пришли к обоюдному решению: поступить в десятый класс средней школы, получить побольше знаний.

И вот нас, выпускников средней школы, пригласили в редакцию газеты «Красная Мордовия» и попросили рассказать, кем мы хотим стать после окончания школы. Дошла очередь до меня. Я твердо заявил: «Буду летчиком!». Сбыться моему желанию помог комсомол.

Вместе с другими сверстниками иду в Саранский горком комсомола. Секретарь горкома Александр Леонтьевич Киселев (ныне кандидат философских наук) направил меня на медицинскую комиссию.

Начались мучительные дни. Пройду или не пройду?

Медицинская комиссия длилась почти неделю. В последний, заключительный день остался с глазу на глаз с приемной комиссией. О чем говорят врачебные данные? Здоров, но не могу служить в авиации из-за ног: оказывается, они у меня на два сантиметра короче против нормы для летчика. Слезы выступили на глазах. Смотрит на меня председатель комиссии полковник-авиатор и шутливо говорит врачам: «Он еще молод, ноги подрастут, так что можно пропустить».

Приняли. И вскоре меня направили в Оренбургское военное авиационное училище летчиков.

Потребовалось полтора года теоретической подготовки для того, чтобы впервые взять штурвал самолета под наблюдением инструктора. За это время мы, курсанты, физически окрепли, подружились. Летом и зимой усиленно занимались спортом. Исправно несли службу.

Теоретическая подготовка закончена. Командование училища решало вопрос, в каком виде авиации продолжить дальнейшее обучение того или иного курсанта. Учитывалось и наше личное желание. Сначала я колебался, но после недолгих раздумий твердо решил идти в бомбардировочную авиацию.

К концу 1938 г. окончил курс обучения на самолете У-2, а к концу 1939 г. — на боевом по тому времени самолете Р-5. Теперь мы должны были служить в строевых частях ВВС. Но этого не случилось: нас оставили в училище еще на год. Поступили новые машины, которые были на вооружении в строевых частях, бомбардировщики «СБ». Этот самолет показал отличные боевые и летные качества в небе Испании. Он получил сентиментальное название — «Катюша».

Вновь начались полеты с инструктором. Шло время. В июне 1940 г. в своей летной книжке инструктор лейтенант Аввакумов записал: «Курсант Полежаев технику пилотирования на самолете „СБ“ усваивал легко и отлично. Летает уверенно, инициативен, решителен. Дисциплинирован».

Характеристика была мне путевкой в самостоятельную жизнь, в офицерский корпус военно-воздушных сил Красной армии. Присвоили звание лейтенанта, назначили командиром экипажа.

Не хотелось расставаться с коллективом. Стены школы и летные поля ее аэродромов с прекрасной учебной техникой, особенно инструкторским составом, стали для нас родным домом. Но Родина посылала нас в строевые авиационные части.

Мы прибыли во вновь формирующуюся часть в город Орел. Дальнебомбардировочный полк в основном был укомплектован, не хватало несколько летчиков в третью эскадрилью. Состав ее молодой. Видимо, поэтому командиром эскадрильи был назначен опытный офицер, участник боевых действий на Дальнем Востоке у озера Хасан капитан Степанов. Я, Молодчий, Курносов, Галактионов старались подражать командиру, учились летному мастерству. Нашим идеалом в полку был сам командир полка подполковник Балашов. За участие в боевых действиях в Испании ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Это был очень энергичный командир.

Мы сумели освоить новую материальную часть самолета «ДБ-ЗФ» (дальний бомбардировщик), а в начале 1941 г. перешли на полеты в ночных условиях и сложной метеорологической обстановке.

Каковы они, ночные полеты? Расскажу хотя бы об одном.

Вот по освещенной сигнальными фонарями взлетной полосе быстро несется «ДБ-ЗФ». Он плавно отрывается от земли, через несколько секунд его бортовые огни замерцали в темном небе.

Волнуюсь: ведь это мой первый полет ночью. В соседней кабине — инструктор лейтенант Тарасенко. Что он думает обо мне? Задание на первый взгляд несложное — взлет, полет по кругу и посадка. Но когда впервые взлетаешь в ночь, когда за тобой следит не только инструктор, но следят и с земли, даже такой обычный полет является сложным. Потребовалось десять полетов с инструктором, чтобы заслужить оценку «добро». Только теперь я почувствовал, что наш экипаж стал полноценным, способным выполнять боевые задания и днем и ночью.

ИДЕТ ВОЙНА НАРОДНАЯ…

В мирную жизнь война ворвалась неожиданно. Фашисты вероломно напали на нашу Родину.

Рано утром 22 июня нас разбудили резкие удары в рельс. Первая мысль: учебная тревога. Я побежал на командный пункт, где уже были командир и начальник штаба полка, командиры эскадрилий. Получив команду «По самолетам!», экипажи кинулись занимать свои места. На аэродроме кипела работа. Техники и оружейники расчехлили машины, подготавливали к запуску моторы, учебные бомбы, про-

сматривали пулеметы. Аэродром ожил. Вой моторов нарушил утреннюю тишину. Вновь команда: «Рассредоточить самолеты по окраине аэродрома!».

Собрали летный состав. Командир полка подполковник Балашов объявил: «Фашистская Германия напала на нашу Родину». Чувство огромной тревоги охватило всех. Уже тучи черных стервятников заполняли небо Украины и Белоруссии, обрушивая бомбовые удары на советских людей. Горели города и села, хлеба. Лилась кровь детей, женщин и стариков.

«Неужели война?» — мысленно спрашивал каждый самого себя.

Весь день 22 июня мы находились у своих самолетов. Только под вечер полк получил первое боевое задание: бомбить железнодорожную станцию в Закарпатье. Стали к готовиться к вылету. Штурманы и летчики разрабатывали маршруты полета, уточняли последние расчеты. Техники и механики заправляли машины бензином и маслом на длительный ночной полет. Подвешивались теперь уже не учебные, а смертоносные боевые бомбы, готовилось огнестрельное оружие. Вскоре экипажи вызвали на к[омандный] п[ункт]. Но в чем дело? Для получения последних указаний не были вызваны экипажи, которые показывали лучшую учебно-боевую подготовку в полку. Остались у своих самолетов экипажи Молодчего, Гаранина, Соловьева, мой экипаж, даже экипаж капитана Степанова. Мы были в недоумении, завидовали товарищам.

С тревогой следили за ними, как они одевали парашюты, садились в кабины. И вот над аэродромом взвилась зеленая ракета. Самолеты стали выруливать для взлета. Уходили на боевое задание экипажи первой эскадрильи, за ними — второй и третьей. Самолеты делают круг на аэродромом и, набирая высоту, ложатся курсом на юго-запад. «Счастливого пути, дорогие товарищи!»

Нас же собрали на командный пункт, зачитали приказ: сдать свои самолеты техническому составу. Когда мы расписывались в бортовых книгах о сдаче исправных самолетов, на глазах у многих выступили слезы. В полночь получили команду приготовиться к отъезду. Нам разрешили сходить на квартиры, захватить все необходимое в дорогу. Простившись с родными и семьями, поездом выехали в Воронеж. И вот мы на Воронежском заводском аэродроме. Только здесь стало ясно, что мы должны переучиться на новом самолете Ер-2, машине, которая еще не успела полностью пройти даже государственные испытания.

Итак, мы очутились в новом полку. Снова началась напряженная учеба. Основным костяком в полку были старые, опытные летчики с линий гражданской авиации — Андреев, Краснухин, Горняков. Они летали на международных линиях. Теперь уже не было и речи о том, чтобы нам, молодым военным летчикам, быть в первых рядах среди этих асов. Мы это понимали и старались перенять их опыт.

Окончив обучение, в августе 1941 г. наш полк влился в авиадивизию, которой командовал комбриг Михаил Водопьянов. Впереди предстояли бои, горячие схватки с озверелым врагом.

Обстановка на фронте в первое время складывалась в пользу противника, который развивал стремительное наступление.

В военных сводках с каждым днем появлялись все новые направления вражеских ударов: Брестское, Белостокское, Вильненское. 16 июля было названо Смоленское. Стало очевидно, что враг рвется к Москве.

Несмотря на большие потери, гитлеровцы вводили в бой все новые авиационные части. В связи с продвижением линии фронта нашим самолетам дальнего действия пришлось вести свои боевые операции с подмосковных аэродромов.

В конце августа мы прилетели на подмосковный аэродром, получили первое боевое задание: бомбить логово немецких фашистов в Восточной Пруссии — Кенигсберг.

Многим даже не верилось, как можно долететь от Москвы до Кенигсберга и обратно, ведь продолжительность полета составляет около девяти часов. Однако ненависть к врагу, беззаветная любовь и преданность Родине помогали нам идти на выполнение любого задания и бить врага в глубоком его тылу.

...Отличная бетонированная взлетная полоса на аэродроме. Самолеты, заполненные до отказа бомбами и горючим, стоят в сумрачной мгле, ожидая взлета.

Экипажи, проверив снаряжение, садятся в кабины, запускают моторы. Зеленая ракета. Самолеты один за другим, отмеривая метры взлетной полосы, отрываются, берут курс на Кенигсберг. Впереди шесть часов полета над территорией противника. Высота четыре с половиной тысячи метров. Подаю команду экипажу: «Одеть кислородные маски и открыть баллоны с кислородом!».

Пересекли линию фронта. Перед нами открылась жуткая картина. Справа и слева огни пожаров. Это немцы сжигали наши города и села, разрушали промышленные предприятия и железнодорожные станции. Летим дальше. Высота 6 000 метров. Подлетаем к берегам Балтийского моря. Остается еще немного. Над целью — прожектора. Зенитная артиллерия начинает обстреливать впереди идущие самолеты. Я подаю команду штурману капитану Блощицину: «Заход будем делать с севера, со стороны моря».

Штурман дает команду лечь на боевой курс. Еще одна, две минуты — и бомбы сброшены. В городе вспыхнули три больших пожара. Мы попадаем в скрещение прожекторов. Маневрируя по направлению к высоте, проходим через весь город на юг, берем курс на восток, к родному аэродрому.

Посадку мы должны были произвести на аэродроме города Липецк[а]. Я не знал этого аэродрома, и нам необходимо было ночью найти его. Снижаться до подхода к линии фронта было нельзя: можно попасть под обстрел зенитной артиллерии.

А когда прошли линию фронта, снизились до высот полутора тысяч метров, стали детально восстанавливать ориентировку. У радиста Ревтова отказала радиостанция, мы потеряли связь с землей. Положение становилось критическим. Штурман начал теряться, допускать ошибки.

По времени мы должны быть на аэродроме, а его под нами не оказалось. Стало ясно: потеряли ориентировку. В этих условиях я принял решение: на экономичном режиме работы моторов идти до полного расхода горючего. Это позволяло нам продержаться в воздухе до начала рассвета. Когда в баках оставалось бензина на 30 минут полета, я стал подбирать место для посадки. Облюбовали площадку, снижаемся для посадки. Вот уже выпущены шасси, зажжена фара, осталось только выпустить щитки.

Штурман, наблюдавший за землей, сообщил мне, что мы садимся на подсолнухи. Пришлось уйти на второй круг. Выбрали другую площадку. Это было сжатое поле. На него и сделали благополучную посадку.

Утром к нам подошел тракторист, сообщил, что мы находимся в сотне километров от Борисоглебска. И только после того, как подослали горючее, мы перелетели на свой аэродром.

Так было совершено первое боевое крещение. 9 часов 10 минут в полете, из них 6 часов в кислородных масках. Возвратившись на аэродром, мы узнали, что из этого боевого вылета не вернулся наш любимый командир эскадрильи капитан Степанов. Горю не было предела. Мы потеряли человека, который был олицетворением боевой выучки.

Последние месяцы 1941 г. были суровым испытанием для нашего народа и его вооруженных сил. Враг подошел к Москве. С приближением линии фронта нависла непосредственная угроза нашей столице с воздуха.

В конце июля начались первые массированные налеты на Москву. Сотни тысяч трудящихся поднялись на защиту столицы своей Родины. Днем и ночью возводились оборонительные сооружения. Пиратские налеты на Москву обходились гитлеровцам гибелью многих экипажей, но враг, несмотря на потери, продолжал наступать.

В такое суровое время нашему полку, как и другим частям дальней авиации, временно пришлось прекратить полеты в глубокие тылы противника, переключиться на боевые действия непосредственно на линии фронта. Начались дневные полеты и атаки с воздуха скоплений живой силы и техники противника, находящихся под Москвой. Ночью же делали налеты на вражеские аэродромы, с которых враг пытался наносить удары по Москве и другим нашим городам.

Эти, несвойственные для нашего вида авиации боевые действия по ближним к линии фронта объектам противника, да еще без какого-либо прикрытия со сторон[ы] истребительной авиации, изматывали силы экипажей, приводили к потерям. Не вернулся с задания экипаж старого летчика Хорпякова. Многие экипажи, потеряв машины, возвращались на аэродром пешком и снова начинали нести боевую службу.

А сколько героизма проявляли наши летчики!

Вот на аэродром опустился самолет с тяжело раненным штурманом. Летчик старший лейтенант Молодчий привез убитого в воздухе стрелка-радиста. Молодой летчик Ракитянский потерял ориентировку, зашел на большой высоте в запретную зону и совершил посадку с остатками полотна аэростата на крыле.

В ночь с 6 на 7 августа летчик истребительной авиации комсомолец младший лейтенант Виктор Талалихин, контролируя один из участков воздушного пространства на подступах к Москве, встретился с немецкими бомбардировщиками «Хейнкель-3». Виктор был ранен. Расстреляв все патроны и видя, что «хейнкель» продолжает полет, он настиг его и отрубил винтом своего самолета хвостовое оперение вражеской машины. Фашистский пират камнем пошел к земле. А Талалихин благополучно приземлился на парашюте.

Усилиями армии и народа враг был остановлен. Советская армия, перейдя в решительное контрнаступление, разгромила подмосковную группировку немецко-

фашистских войск. На полях Подмосковья был похоронен миф о непобедимости фашистской армии.

Во время переформирования наш полк пополнился новыми экипажами, возвратился на фронт. Кончилось наше почти двухмесячное томительное пребывание на тыловом аэродроме, многие наши летчики, штурманы, радисты, техники получили первые высокие правительственные награды — ордена Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, боевые медали. Александру Молодчему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Враг, потрепанный в боях под Москвой, становился злее. Теперь он уже не рассчитывал на легкую победу. Испытал силу наших наземных войск, почувствовал бомбовые удары нашей авиации не только на фронте, но и в глубоком тылу. Немцы вынуждены были больше отвлекать сил на защиту своих объектов — железнодорожных узлов, аэродромов, мостов, которые стали теперь целями для наших бомбовых ударов. Нам необходимо было срывать бесперебойную работу заводов, не давать противнику подтягивать подкрепления к фронту.

Начались налеты на железнодорожные узлы Вязьма, Смоленск, Витебск, Ржев, Орша, Курск, Орел.

Летать в тылы противника, конечно, было трудно, но экипажи выполняли свои задания. Вот только один эпизод героизма наших летчиков.

Март 1942 г. Ночь. Через снежную метель пробивается одинокий самолет. Задание выполнено. Он подбит. Один мотор заглох еще над целью. Цель поражена. Трудно экипажу дотянуть машину до дома. Самолет кренится, теряет высоту. Разрядился аккумулятор, радиостанция молчит. А до линии фронта еще далеко. Летчику неимоверно тяжело вести машину. Штурман Сергей Куликов, помогая летчику, уперся обеими ногами в левую педаль управления, стараясь уменьшить давление. Нужно облегчить самолет. Летчик капитан Молодчий приказывает сбросить на землю кислородные баллоны, вооружение. Но и это не дает должного эффекта. Машина продолжает снижаться. Высота 3 000, 2 000, 1 000 метров.

Идет второй час полета на одном моторе. Где находится самолет? Земли не видно, потеряна ориентировка. Тогда командир предлагает экипажу покинуть самолет.

— Мы с вами, товарищ капитан, — отвечают члены экипажа, поняв, что Молодчий решает садиться вслепую.

Левый мотор тоже начинает барахлить. Высота 2 000 метров. Штурман замечает: внизу промелькнула земля. Вгляделся: лесной массив. Садиться нельзя. Но вот среди леса появляется более светлое пятно — непременно поляна. Молодчий впился в светящиеся приборы. Самолет, скользнув по земле, прополз метров двадцать пять и замер.

Этот эпизод особенно запомнился в деталях. Ведь через несколько дней мне пришлось на этом самолете делать взлет и перегонять его на свой аэродром. Когда меня доставили к самолету жители близлежащей деревни, я не мог поверить: как можно было остаться невредимым, посадив ночью самолет на пятачок в лесном массиве? Нам пришлось вырубить около трехсот деревьев, сделать просеку, для того чтобы взлететь с этой площадки, находящейся в районе станции Бологое.

Не прошло и месяца, как в таком же положении оказался и мой экипаж.

В начале апреля мы бомбили железнодорожную станцию Смоленск — Сортировочная, прикрываемую сильным огнем противовоздушной обороны. При заходе на цель на высоте около 5 000 метров осколком снаряда зенитной артиллерии был выведен из строя правый мотор. На одном моторе мы сумели отбомбиться, но самое трудное было впереди. До аэродрома около трех часов полета. Летим и чувствуем, как машина теряет высоту. Не имея возможности продолжать полет, сделали благополучную посадку на запасном аэродроме.

У РАБОЧИХ ЗАВОДА

Боевой опыт 1941 г. и начала 1942 г. выявил недостатки в некоторых деталях самолета Ил-4. Особенно летные экипажи предъявляли претензии к бортовому вооружению самолета. Установленные три скорострельных пулемета системы «шкас» не обеспечивали надежную оборону экипажа от самолетов противника, вооруженных крупнокалиберными пулеметами и пушками.

Нас все чаще стали наведывать конструкторы. Однажды меня вызвали к командиру дивизии для получения особого задания. Предлагалось вылететь на авиационный завод для перевооружения нашего самолета новой системой пулеметов.

И вот мы на заводе. Рабочие расспрашивали нас о боевых действиях, о жизни фронта, тревожились за судьбу Родины.

Началась подготовка к установке на наш самолет других крупнокалиберных пулеметов. Двадцать дней подряд летали с конструкторами, испытывали новое вооружение. Это была кропотливая, но интересная работа.

Последний испытательный полет. Даем заключение: крупнокалиберные пулеметы системы Дегтярева работают отлично. Теперь экипажам веселее будет на фронте. Есть чем встретить противника.

На следующий день мы должны вылететь на фронт. Придя утром на аэродром, не узнали свой самолет. Перед нами, расправив крылья, стоял совершенно новый, с символической надписью во весь фюзеляж: «Беспощадный». Это рабочие ночью покрасили нашу машину и сделали памятную надпись. Мы поблагодарили людей за душевный прием, попрощались, сели в самолет и взяли курс на запад. Через несколько дней мы уже сами встречали рабочих, приехавших к нам в полк для переоборудования вооружения на самолетах всего полка.

БОМБЫ ЛЕТЯТ В ЦЕЛЬ

Полку было приказано: нанести бомбовые удары по глубоким тылам противника. Это были в основном административно-политические и крупнопромышленные объекты противника.

Мы получили задание: бомбить Берлин — логово фашистского зверя. Одно это слово зажигало ненавистью сердца летчиков. С чувством величайшей ответственности готовились в далекий и тяжелый путь, чтобы нанести врагу новый удар.

Летчики, штурманы, радисты тщательно изучали боевое задание. Нас подробно знакомили с районом предстоящих действий, организацией противовоздушной обороны крупных городов Германии.

Перед нами подробный план Берлина с указание объектов, по которым каждой группе летчиков предстояло нанести бомбовый удар.

Инженеры и техники заправляли самолеты горючим, выслушивали моторы, тщательно проверяли каждый винтик, стараясь предусмотреть всевозможные в полете неожиданности.

Оружейники подвешивали бомбы, проверяли исправность бортового оружия. Экипажи обеспечивались продовольствием и аварийными пакетами.

Когда мы вылетели, метеорологическая обстановка не предвещала ничего хорошего: грозовые разряды, сплошная облачность, ливень. Была одна надежда — улучшение погоды непосредственно в районе цели. Так оно и получилось. Над территорией Германии погода значительно улучшилась.

Фронтальная облачность уходила на восток, а на пути к Кенигсбергу, Данцигу и Берлину небо стало совсем чистым. Только местами серая дымка закрывала земные ориентиры.

Налет по своим масштабам превышал все предыдущие: одновременному удару подверглись крупные города центральной и восточной Германии.

Хорошая организация полетов позволила нам образцово выполнить боевое задание. Я взлетел с аэродрома не первым. Поэтому мне довелось наблюдать бомбометание впереди идущих экипажей. Вблизи Данцига мы увидели многочисленные пожары. Бомбежка была в разгаре: одну за другой сбрасывали бомбы летчики Андреев, Геранин, Тихонов.

Берлин встретил нас настороженно. Он был хорошо прикрыт зенитно-артиллерийским огнем, небо светилось прожекторами. Пролетая, я видел, как несколько десятков прожекторов поймали впереди идущий самолет. Вокруг море огня, но летчик, маневрируя, уверенно сбросил бомбовый груз на город и вывел машину на обратный курс.

Освобождаются от бомб второй, третий экипажи. Полыхают пожары, гремят взрывы. Этот район города бомбят экипажи Даньшина, Краснухина, Храпова, Виноградова и других. Нашему же экипажу приказано бомбить другую часть города, где расположены химический, кабельный, сталелитейный, оптический заводы.

При заходе на цель наш самолет осветили прожекторы. Пришлось лететь в огненном кольце от взрывов снарядов зениток. Взрывные волны подбрасывали машины. Штурман капитан Рода точно вывел самолет на боевой курс. Бомбы полетели в цель. Вместе с нами этот район Берлина бомбили экипажи майора Швец и майора Брусницына.

После десятичасового полета, на рассвете, усталые, но радостные экипажи произвели посадку машин на подмосковном аэродроме Монино.

Весь следующий месяц мы летали бомбить глубокие тылы врага. Нашей целью были объекты Варшавы, Будапешта, Бухареста. От наших ударов с воздуха содрогались нефтяные вышки Плоешти и причалы портов Данцига.

МЫ — ГВАРДЕЙЦЫ

Полк подружился с боевой славой. Теперь только новички не имели боевых наград. Росла семья Героев Советского Союза. О боевых делах наших летчиков все чаще стали писать в центральных газетах «Правда», «Комсомольская правда», «Известия», «Вечерняя Москва», «Красная звезда».

На аэродром ежедневно приезжали корреспонденты и фотокорреспонденты. Некоторым из них удается получить разрешение слетать на боевое задание. А тут еще незабываемое событие в жизни полка: за успехи в боях ему присвоили звание второго гвардейского авиационного полка дальнего действия. Для вручения знамени прибыло командование авиасоединения. На митинге выступали писатель Илья Эренбург, председатель фрунзенского райисполкома города Москвы Шилина.

Член военного совета авиации дальнего действия дивизионной комиссии Гурьянов вручил гвардейское знамя.

— Гурьянов, Государственный Комитет Обороны, — сказал он,— присвоил вам звание гвардейцев. В боях с немецкими захватчиками вы завоевали эту честь, проявили доблесть и мужество. Под знаменем великого Ленина вы победите врага, нанесете ему еще более мощные удары.

Командир полка гвардии майор Тихонов и комиссар полка гвардии старший батальонный комиссар Даналенко, преклонив колени, целуют знамя. Затем гвардии майор Тихонов читал текст клятвы, а мы повторяем за ним: «Мы клянемся, что врученное нам гвардейское знамя покроем славой и воинской доблестью и с гордостью пронесем его на запад до полного разгрома немецких захватчиков».

Закончилось торжество. Полк под гвардейским знаменем направился в Дом Красной армии. Там был большой концерт. Вечером для всего личного состава полка был организован товарищеский ужин.

Разгром немцев под Москвой был ошеломляющим. Начиналась заря нашей победы. Однако враг был еще силен. Мы знали, что противник обладает количественным превосходством в некоторых видах боевой техники, в том числе и в самолетах, знали, что он готовится к наступлению.

Немецкое командование весной 1942 г. бросило всю мощь своей армии на Волгу и Кубань, намереваясь отрезать и захватить Северный Кавказ и Баку, лишить наши самолеты, танки и другую технику горючего. Продолжались массированные налеты авиации на наши крупные города, в том числе и на Москву.

Чтобы парализовать действие вражеской авиации, мы продолжали наносить удары по аэродромам противника, в частности в районе Брянска и Рославля.

В ночь на 17 августа наш экипаж вылетел для нанесения удара по аэродрому Сеща. В бомбовых отсеках — бомбы не только мгновенного, но и замедленного действия. При подходе к цели, к нашему удивлению, аэродром молчал. Это наводило на мысль, что в этом районе барражируют ночные немецкие истребители.

Удачно отбомбились, летим обратно на свой аэродром. Не долетая до Калуги, получили радиограмму: аэродром закрыт грозовой облачностью. И мы пошли на запасной аэродром Песочня.

При последнем заходе, на четвертом развороте радист доложил, что заметил какой-то самолет, который пересек наш курс. Это был немецкий истребитель. Фашистский летчик открыл огонь из своих пушек и пулеметов. Вдребезги разбита приборная доска, осколки стекла брызнули в лицо. Застонал радист. Самолет стал терять управление. А высота не более двухсот метров. Что делать? Даю команду экипажу: «Выброситься на парашютах!». Все покинули самолет. Высота была малой настолько, что когда распустился парашют, ноги сразу коснулись верхушек деревьев.

Наутро мы были все подобраны нашими товарищами с аэродрома Песочня. Они-то нам и рассказали, что нас, видимо, от самой цели преследовал самолет противника.

ЗА СТАЛИНГРАД!

Битва за Сталинград началась в середине июля 1942 г. Обстановка на фронте была тяжелой.

17 июля на дальних подступах к городу на Волге, большой излучине Дона, передовые части 62-й и 64-й армий завязали кровопролитные бои с противником.

Наши войска сдерживали натиск более чем полумиллионной вооруженной до зубов армии противника. На поддержку немецких войск гитлеровцы бросили лучшие силы своей авиации. На этом направлении немцы сосредоточили более 1 200 самолетов — во много [раз] больше, чем вся наша авиация, оборонявшая город.

В городе шел бой за каждый дом, за каждый этаж. Небывалые размеры приняла воздушная битва. Гитлеровцам она обошлась дорого. Летчики с каждым днем увеличивали счет сбитым вражеским машинам. Потери гитлеровцев были настолько велики, что им пришлось передислоцировать авиационные части с Ленинградского и других фронтов.

В тяжелые для Сталинграда дни дальняя авиация тоже держала оборону города. Наш полк был переброшен на аэродром в район Тамбова. Начались необычные для нас полеты. Мы стали выполнять задания и днем и ночью.

20 сентября наш экипаж дважды бомбил район скопления войск противника в двадцати километрах северо-западнее Сталинграда. 22 сентября бомбы падают на вражеские эшелоны на станции Лихая. Полк нес потери. Но большинство сбитых экипажей возвращались в свою часть: спасались на парашютах.

Особенно тяжелыми были дневные полеты. Район боевых действий у Сталинграда прикрывался истребительной авиацией противника. Нам, одиночным экипажам, приходилось проявлять исключительное мастерство и хитрость, чтобы незамеченны-м[и] подойти к цели и поразить ее. Помогала облачность. До самой цели приходилось лететь в облаках, лишь для сбрасывания бомб выходить под нижнюю их кромку.

В ноябре-декабре 1942 г. противник по-настоящему почувствовал мощь советской авиации. Наша авиация днем и ночью разрушала воздушный мост, по которому немцы пытались снабжать окруженные войска Паулюса продовольствием и боеприпасами. Была организована настоящая воздушная блокада. 2 февраля 1943 г. окруженная группировка войск Паулюса капитулировала.

Успехи советских войск укрепили уверенность в победе. Лично для меня 1942 г. был годом больших и радостных событий: в июле меня приняли в члены коммунистической партии. 31 декабря на страницах центральных газет мы читали указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении личного состава авиации дальнего действия. Среди награжденных орденом Ленина — моя фамилия. Это была моя первая награда.

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

С первых дней Орловско-Курской битвы наша авиация стала наносить сокрушительные бомбовые удары по войскам противника.

Наш полк, наносивший до этого удары по дальним тылам противника — Кенигсбергу, Данцигу, Двинску, Тильзиту, вновь стал получать задания — громить войска и технику поблизости с передним краем. Целями у нас стали железнодорожные станции и аэродромы Орла, Курска, Брянска, Рославля. Делали по два вылета в ночь, находились в воздухе по шесть — семь часов. Противник отвечал на наши налеты усилением противовоздушной обороны этих объектов. Все чаще стали случаи нападения на наши самолеты ночных истребителей.

19 июля 1943 г. наш экипаж получил задание на бомбежку скопления войск и боевой техники противника в Карачеве. Первый вылет прошел благополучно, мы успешно выполнили задание. Пока техники готовили самолет ко второму вылету, мы успели перекусить и немного отдохнуть.

В половине ночи наш самолет взлетел с аэродрома Монино и взял курс на Карачев. Было около двух часов ночи. Вот уже видна цель. Высота 4 000 метров. Штурман Володя Московский кладет бомбардировщик на боевой курс, а сам прильнул к прицелу. В это время стрелок-радист Ревтов доложил: «Параллельным курсом следует какой-то самолет». Этих слов штурман не мог слышать, был отключен от переговорного аппарата.

Несколько команд Володи Московского: «Вправо, влево, прямо». Чувствую запах сработанных пиропатронов. Бомбы брошены. В это время началась перестрелка нашего радиста с самолетом противника. У нашего бомбардировщика загорелась правая плоскость. Стараюсь сбить пламя. Не удается. До линии фронта полсотни километров. Во что бы то ни стало надо дотянуть до своих. Пламя проникает в кабину. Вести самолет становится невозможным. Даю команду экипажу покинуть машину.

Я остался один. Последний раз смотрю на приборы: высота 2 000 метров, скорость около 600 километров в час, время два часа ночи. Открываю колпак кабины, перевешиваюсь через борт. Удар о левую плоскость, и я в свободном падении. Небольшое усилие за рукоятку троса парашюта, тормозящий толчок — надо мною белый купол. Вижу, как в стороне падают горящие детали распавшегося самолета. Ударяюсь о землю. Мысли работают молниеносно. Нужно погасить, свернуть парашют. В темноте выкапываю небольшую яму, засыпаю парашют и летный шлем.

Наступил рассвет. Слышу лай собак и пение петухов. Недалеко деревня, занятая немцами. Надо уходить. Перебираюсь в ржаное поле. Вынимаю летную карту,

компас, сверяю с часами. По всем расчетам, нахожусь километрах в пятнадцати от линии фронта. Надо пробираться к своим.

По орловскому шоссе несутся вражеские машины, переполненные вооруженными солдатами, проходят танки и бронемашины. Днем передвигаться невозможно: увидят. Намечаю маршрут для ночи. Одолевают сон, усталость. Прилег, заснул. Отдохнув, набрал колосьев ржи — утолить голод. Ночью переполз через железную дорогу, прошел мимо какого-то хутора, не обозначенного на карте. Дальше идти опасно. Необходимо днем снова разведать местность. Под утро пошел дождь, наполняя водой колеи полевых дорог. Я с жадностью пил воду, процеживая через носовой платок. Лишь на двенадцатые сутки, усталый и измученный, вернулся я в свою родную часть. В полку уже перестали меня ждать, в Саранск послали родным извещение о моей смерти.

И каковы были удивление и радость, когда мне был предоставлен отпуск. На самолете прилетел в свои родные края. Встретился с семьей, друзьями.

Вскоре получил новую боевую машину, и снова наш экипаж поднялся в небо. Бомбили железнодорожные станции и аэродромы занятого врагом Курска, Белгорода, Нежина, Гомеля, Орши, Витебска, Минска, Пскова, Полоцка.

В боях за Курск и Орел наш полк потерял замечательных летчиков, а я — своих товарищей Васю Соловьева и Героя Советского Союза Алексея Гаранина. Они погибли, но их героизм и отвага до настоящего времени служат примером для молодых воинов. Именем Алексея Гаранина ныне названа одна из улиц города Новосибирска.

В СЕМЬЕ ГЕРОЕВ!

Зима 1943 г. была заключительным этапом более чем двухлетней борьбы наших войск и жителей осажденного Ленинграда с озверелым фашизмом. Нам приходилось иногда бомбить скопление войск немцев на этом участке фронта. Постоянные же полеты полку пришлось вести с осени 1943 г. К этому времени полк перебазировали на новый аэродром. Начались ежедневные вылеты. Мы выводили из строя дальнобойную артиллерию противника, уничтожали живую силу.

В декабре получили задание бомбить объекты противника в Хельсинки. Полеты на северо-запад полк продолжал до весны 1944 г.

После одного из вылетов на объекты Хельсинки мы со штурманом написали боевое донесение и пошли отдыхать. Крепко спалось после длительного полета. В полночь нас разбудил начальник штаба полка:

— Генерал-майор Балашов вызывает.

«Что это значит? Все экипажи спят, а нас вызывают к командиру дивизии», — недоумевал я.

Разбудил весь экипаж. По тревоге явились в штаб дивизии.

— Товарищ генерал-майор, экипаж гвардии майора Полежаева прибыл по вашему приказанию для получения задания! — отрапортовал я.

В кабинете комдива находились начальник штаба, начальник политотдела дивизии. Комдив Балашов, улыбнувшись, сказал:

— Задание давать не буду. Даю два дня отпуска, — и зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР: «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали „Золотая Звезда“ гвардии майору Полежаеву Семену Антоновичу».

От неожиданного известия закружилось в голове. Слезы выступили на глазах от радости. Только и помню, что мог сказать:

— Служу Советскому Союзу!

Утром командование полка устроило в столовой торжественный завтрак в честь награжденных.

В апреле я вылетел в Москву для получения награды. Собрались у Спасских ворот Кремля летчики и танкисты, пехотинцы и артиллеристы, работники искусства. Получив пропуска, мы вошли в Кремль.

Торжественный церемониал, фотографирование награжденных. К ордену Ленина и двум орденам Красного Знамени у меня прибавился еще орден Ленина и медаль «Золотая Звезда». Радости не было предела. Теперь я в семье Героев Советского Союза!

* * *

Триумфальное наступление наших войск в 1944 г. продолжалось. Очищались от оккупантов города Украины и Белоруссии. Освобожденный от блокады Ленинград приступил к залечиванию ран, нанесенных врагом во время блокады.

В мае мы перелетели на аэродром города Чернигова. Еще не вошла в свои берега река Десна. Леса и сады Украины наполнялись ароматом молодой листвы.

Многие объекты, по которым мы раньше наносили бомбовые удары, остались далеко в советском тылу. Теперь нашими целями стали военные объекты Полоцка, Минска, Кишинева, Ясс, Барановичей, Двинска, Тильзита.

В новых боях полк потерял несколько экипажей. Не вернулся с задания летчик Рассоха и штурман Мироков, погиб экипаж летчика Иванца. На место погибших шло молодое пополнение. В июне к нам прибыли девять экипажей

Мне пришлось временно прекратить боевые вылеты, заняться учебно-боевой подготовкой летчиков-новичков. В течение двух недель были подготовлены летчики Лысенко, Комаренко, Халмурадов и другие.

Аэродром под Черниговом. Население деревни Количевка, в которой мы разместились, всячески помогало нам: с радостью представляло свои хаты для размещения наших экипажей, скорбело вместе с нами о тех, кто не вернулся с задания.

Возвращаясь на свой аэродром, экипаж молодого летчика Комаренко не заметил за собой ночного истребителя немцев. Воровски подкравшись к самолету, фашист поджег его. Это была тяжелая утрата. Хоронить экипаж вышла вся деревня, в основном женщины и старики. Ежедневно на могиле обновлялись живые цветы, которые приносили колхозники.

В свободное от полетов время наши люди помогали восстанавливать колхоз. Мне, например, несколько раз приходилось ходить на мельницу и ремонтировать ее.

Фронт уходил все дальше на запад. Освобождали новые города и населенные пункты. Мы расстались с жителями Количевки и перебазировались на освобожденный аэродром Барановичи. Вскоре получили боевое задание: бомбить военные объекты Будапешта. И если в сентябре 1942 г. полеты на Будапешт отнимали у нас более десяти часов, теперь же в наших штурманских расчетах было лишь пять.

...Темная сентябрьская ночь озарена многочисленными прожекторами, разрывами зенитных снарядов. Штурман Фагозин делает последние расчеты боевого курса. 23 часа 10 минут. Высота пять километров. Внизу Будапешт. Нажата боевая кнопка, машина слегка вздрагивает — это из бомбовых люков вниз сброшен смертоносный груз. Внизу — металлургические и машиностроительные заводы, нефтехранилище, большие склады, казармы. Ослепительно вспыхивают пожары. Вместе с бывалыми летчиками участвуют в налете и молодые. Экипаж летчика Харитонова целиком комсомольский.

Исключительное мужество и находчивость проявил летчик Симонов. На его машине отказал левый мотор, возникла опасность воспламенения самолета. Пришлось летчику возвращаться на одном моторе. И все же пилот дотянул благополучно до своего аэродрома. Бомбили мы порты Либавы и Риги, железнодорожные узлы Мемень, Инстербург и Штатгарт.

Интересный эпизод произошел с экипажем майора Лобанова при бомбежке окруженных войск немцев в районе Риги.

Мы вылетели на бомбежку порта и железнодорожной станции. Окруженная группировка немцев в предсмертных судорогах сильно защищалась. Порт и станция были прикрыты сильным огнем зенитной артиллерии. Один из снарядов разорвался рядом с самолетом майора Лобанова. Был выбит штурманский люк, а штурман майор Заяц выброшен взрывной волной из кабины. Ничего не оставалось нашему бойкому Зайчику, как распустить парашют над самой целью. Приземлился он на станции среди железнодорожных эшелонов. На земле ни души. Немцы, видимо, спасаясь от бомбежки, убежали в укрытие. Этим и воспользовался Заяц и в эту же ночь выбрался за пределы города. Две недели блуждал он по полям Латвии, стараясь найти выход к своим войскам, пока не вернулся в родной экипаж.

НА БЕРЛИН!

В марте 1945 г. мы перелетели на польский аэродром Белосток. Начались налеты на объекты фашистской Германии.

17 апреля наши бомбардировщики в районе западнее Кенигсберга только за час произвели свыше пятисот самолетовылетов, сбросив около пятисот тонн бомбового груза.

На подступах к Штеттину гитлеровцы всеми силами старались задержать наступление советских войск, а наши летчики в это время висели над вражескими переправами на реке Одер, уничтожали орудия и автомашины противника. Не прекращались ночные налеты на аэродромы противника. Особенно сильной бомбар-

дировке подвергался аэродром Свинемюнде. Это тот самый аэродром, с которого совершил побег из плена на «Хейнкеле-3» наш земляк Михаил Девятаев.

В конце апреля полк делал по два вылета в ночь. Бомбили в пригородах Берлина скопление танков, артиллерии, живой силы противника.

Берлинская операция по своему размаху была одной из крупнейших в Великой Отечественной войне. Более 3,5 миллиона солдат и офицеров, свыше 50 тысяч орудий и минометов, около 8 тысяч танков, около 9 тысяч самолетов участвовали в ней с обеих сторон. В этом сражении была уничтожена гитлеровская авиация. Те же немецкие самолеты, которые наши летчики не успели уничтожить, достались советским войскам.

2 мая Советская армия полностью овладела Берлином, 8 мая представители германского Верховного командования подписали в пригороде Берлина — Карлсхорсте — акт о безоговорочной капитуляции. Это был конец войны с гитлеровской Германией...

<…>

Публикуется по изданию:
Полежаев С. А. В небе военном //
Ради жизни на земле.
Саранск, 1972. С. 41 — 66.

Ф. В. ПОЛОВИНКИН

Половинкин Федор Васильевич (1.3.1921, с. Пурдошки ныне Темниковского района Республики Мордовия) — участник боевых действий. На фронте — с 1941 г. Старший лейтенант, командир пулеметной роты 13-го отдельного разведывательного батальона 25-го танкового корпуса, позже — офицер связи, старший адъютант моторизованного батальона автоматчиков 162-й танковой Новгород-Волынской бригады. Сражался на Юго-Западном, Сталинградском, Западном, Брянском и Первом Украинском фронтах. Награжден орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, медалями[*].

2005 г.

<...> В 1939 г. я был призван в армию. Начал службу на Украине, в Житомире. Находясь в воинской части, я обратился к ее командиру с просьбой направить меня учиться в Житомирское общекомандное училище. Моя просьба была удовлетворена. Я стал курсантом. Учиться было очень непросто, занятия длились по 10 — 12 ч в сут[ки], частые ночные тревоги, форсированные марши с преодолением водных преград, бесконечная полевая подготовка. Курсантам приходилось жить в условиях зимних морозов в летних палатках, в любых погодных условиях нести караульную службу, охранять склады с боеприпасами и т. д. — словом, в военном училище больше, чем где-либо, нам напоминали слова, сказанные А. В. Суворовым: «Тяжело в учении — легко в бою».

Возможно, мало кто знает, что в 1939 г. в армии были введены так называемые вегетарианские дни. Два дня в неделю, в среду и в пятницу, нас кормили гороховыми супами и пшенными кашами. Иногда давали сушеную рыбу (воблу), а вместо хлеба — сухари. В то время никаких каникул не было и отпусков, чтобы съездить домой, не предоставлялось. Поощрения — благодарность, а наказания за недисциплинированность — очень тяжелые. Кроме нарядов вне очереди, были строгий арест до 15 сут[ок], гауптвахта, а кое-кто попадал и в дисциплинарный батальон. Мне запомнился случай, когда один из наших курсантов, украинец Тарасюк, вышел из строя, чтобы купить булочки в магазине, расположенном в 15 — 20 м от входных ворот на территории училища. За такую «самоволку» его исключили из училища и направили в дисциплинарный батальон. В то время рядовым красноармейцам выдавали денежное довольствие от 3 до 7 руб., а вот нам, курсантам военного училища, выплачивали по 45 руб. ежемесячно. Я посылал деньги своей матери. Тогда я не курил и не выпивал. Однако потом, на войне, приучили: «Давай закурим по одной, давай закурим, товарищ мой» — и курить, и пить «свои боевые сто грамм». Но я и на фронте не злоупотреблял ни тем, ни другим.

---

[*] **Зернов А. Н., Котков С. К.** Шагнувшие в бессмертие. Саранск, 2005. С. 88 — 91 ; http://podvignaroda.mil.ru

Мы были «детьми разных народов», но стали настоящими братьями, сынами нашей огромной, могучей Родины — СССР. Кроме меня и других русских ребят, в Житомире учились украинцы, белорусы, мордва, казахи, евреи, грузины, чеченцы и др.

Шло время. Международная обстановка становилась все напряженней. Всякий раз приезжавших к нам лекторов спрашивали: «А будет ли война с Германией?». Отвечали примерно так: «Завтра или послезавтра — сказать нельзя, но война будет!». И, конечно, не просто так нас перебазировали на территорию Северо-Кавказского военного округа в Ростовское военное училище. В мае — июне 1941 г. мы находились недалеко от Новочеркасска. В нескольких сотнях метров от лагеря проходила железная дорога, по которой день и ночь шли на запад воинские эшелоны, груженные артиллерийскими орудиями, бронемашинами, танками и другой боевой техникой. Из того, что мы видели, из того, что мы слышали от наших командиров, политруков, мы, курсанты, без пяти минут лейтенанты, понимали, что отношения между СССР и Германией резко меняются в худшую сторону.

Утром 22 июня 1941 г. мы, курсанты палаточного городка, встали по команде «Подъем!». Рота была построена, и мы узнали, что Киев бомбили, что началась война.

В июле мы сдали выпускные экзамены, стали лейтенантами и разъехались по различным воинским частям. Сначала я попал под Полтаву, где формировалась дивизия. Меня назначили командиром стрелковой роты. Вскоре дивизия была направлена на фронт, а мне приказано ехать в Харьков, в штаб округа. И вот я в должности командира пулеметной роты во вновь сформированной дивизии, которая готова была выступить на линию боевых действий Юго-Западного фронта в районе Запорожья.

Передовая. Дивизия вступила в сражение с фашистскими войсками. Бои были оборонительные и очень тяжелые, в ходе которых часто приходилось отходить на новые рубежи, сооружать новые защитные полосы. А время шло. Закончился июль, потом август, наступила осень 1941 г., вот уже и декабрь. В конце месяца меня послали учиться в академию имени М. В. Фрунзе, которая в то время была переведена из Москвы в Ташкент. Там нас готовили для работы в штабе, для службы на командных должностях.

В июле 1942 г. нас экзаменовали и направили в Москву — в Наркомат обороны СССР. В это время шли ожесточенные бои на Южном фронте. И вот нас, группу в составе 13 человек офицеров, направили в распоряжение штаба Сталинградского фронта, откуда я попал в штаб одной из дивизий, но такового не оказалось, не было и самой дивизии, ее разгромили в боях. Тогда я был назначен офицером связи штаба 28-го танкового корпуса, который был тогда в г. Калач-на-Дону. Немцы с раннего утра до вечера непрерывно подвергали наши войска массированным бомбардировкам и наземным атакам, чтобы перейти Дон и открыть путь к Сталинграду. После продолжительных боев, как мне помнится, это было 23 августа 1942 г., немцы форсировали реку, и механизированные войска, колонны танков и артиллерии устремились в город. Гитлеровцы рассчитывали, что теперь их войска в Сталинграде и они возьмут его, но, как известно, этого им не удалось. Бои за овладение городом продолжались до февраля. К этому времени войска Красной армии взяли

в окружение немецкие группировки, которые затем были разгромлены, многие взяты в плен. Я командовал тогда ротой, где не было рядовых солдат, а в личный состав входили сержанты и офицеры. На вооружении здесь были английские бронетранспортеры на гусеничном ходу с пулеметами. После окончания Сталинградской битвы нас направили в Тулу, где мы получили пополнение в личном составе и новой боевой технике и пополнили состав 25-го танкового корпуса войск Брянского фронта.

Публикуется по изданию:
Зернов А. Н., Котков С. К.
Шагнувшие в бессмертие.
Саранск, 2005. С. 88 — 91.

Н. Ф. ПОЛЯКОВ

Поляков Николай Фролович (19.12.1925, д. Люля ныне Чамзинского района Республики Мордовия) — участник боевых действий. На фронте — с 1943 г. Разведчик. Принимал участие в форсировании Днепра, в боях за освобождение Польши, в штурме г. Берлина. Награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, медалями[*].

2005 г.

<...>

22 июня 1941 г. нас собрали всех и объявили, что на нашу Родину вероломно и без объявления войны напала фашистская Германия. С началом войны не только в моей жизни, но и в жизни всех людей нашей огромной страны произошла катастрофа. Мужчины уходили на фронт, женщины и дети работали, превозмогая свои возможности. Но мы верили, что умираем и трудимся не зря, что мы обязательно победим.

Я рвался на фронт, в душе была страшная злость на врага. В 17 лет я попал в армию, сначала прошел двухмесячную военную подготовку в учебке и в сентябре 1943 г. оказался на Центральном фронте, который вскоре был переименован в Первый Белорусский фронт, в разведроте артиллерийского полка. Вот как это произошло. Нас построили, и высокий широкоплечий капитан спросил: «Кто хочет служить в разведке?». Я подумал, что там кормят лучше, а убьют, так какая разница, кем умирать: разведчиком или танкистом. Сам по себе я был маленьким, щуплым, поэтому в группу прикрытия попал, а не в группу захвата, там ребята покрепче были.

Мы совершали вылазки на территорию противника за языком (пленным). В нашу задачу входило прикрытие отступления группы захвата.

Хорошо, что я попал в разведку. Если бы не она, я, возможно, не остался бы в живых. Я оказался рядом с солдатами, которые были не восемнадцатилетними сопляками, как я, а людьми, которые служили в армии с 1939 г., которые умели воевать, и только благодаря им остался жив. Первый мой бой, как говорится, боевое крещение, принял в операции по форсированию Днепра, потом участвовал в окружении немецкой группировки в Бресте, освобождал Варшаву и польский г. Лодзь, наступал на фашистов в районе г. Познань и, наконец, брал Берлин.

Расскажу о форсировании Днепра. Наша дивизия стояла севернее г. Радуль. Согласно плану боя, передовые стрелковые батальоны от каждой дивизии под прикрытием дымовой завесы стремительным броском на табельном и подручных десантных средствах должны переправиться на другой берег и захватить плацдарм. И вот утром 15 октября началась артиллерийская и авиационная подготовка. На берегу играл военный оркестр, воодушевляя бойцов на подвиги. Нам дали выпить по

[*] ***Зернов А. Н., Котков С. К.*** Шагнувшие в бессмертие. Саранск, 2005. С. 162 — 166 ; http://podvignaroda.mil.ru

сто граммов водки и пообещали: кто первый вступит на другой берег, тот получит звание Героя Советского Союза.

Под прикрытием огня артиллерии и ударов штурмовой авиации передовые батальоны приступили к форсированию Днепра. Я переплывал эту большую реку на плавсредстве, сделанном из камыша. Нас не было видно, так как вся река была в дымовой завесе. На подходе к правому берегу наш батальон был обнаружен немцами, и по нам начали стрелять. Пуля попала мне в руку, повыше кисти. Это было мое первое ранение. Но, несмотря на него, я все-таки добрался до правого берега. И, конечно, не первым, Героя не получил, но мне дали медаль «За отвагу». Младший сержант Пахомов из нашей роты был одним из первых, вступивших на берег. Он и получил это почетное звание.

Из нашей роты, кстати, многие получили тогда медали и ордена, потому что мы были в самом пекле, в первых рядах.

Разные события всплывают в памяти. Вот, например, за что я получил орден Красной Звезды.

Это было в польской деревне, уже не помню название, но где-то вблизи границы СССР и Польши. В одном из домов, стоявших на окраине, находилось пулеметное гнездо, которое держало подступы к населенному пункту. Я получил приказ от командира, который заключался в том, чтобы я незаметно обошел это здание с фланга и ликвидировал огневую точку. Я пополз в обход, но добираться таким образом было долго и тяжело, и я встал на ноги и побежал. Пулеметчик через некоторое время заметил меня и дал очередь в мою сторону. Я упал на землю и остальную часть пути полз. Стрельба послышалась вновь, но потом стихла. Через 15 — 20 мин[ут] я все-таки добрался до этого дома и сел под окном, из которого строчил пулемет. Немцы что-то говорили и изредка стреляли. Я с криком «Фашист капут!» кинул туда две гранаты. Устранив пулеметное гнездо, я дал возможность нашим солдатам продолжить наступление, за это получил орден Красной Звезды.

Была у меня на войне и такая ситуация, в которой я проявил трусость. Однажды мы, как обычно, перешли линию фронта и оказались на немецкой территории. Наш отряд был под угрозой пленения. Нас окружили, и я подумал, что довоевался. Я был комсомольцем, а немцы сразу расстреливали пленных, у которых находили партийные или комсомольские билеты. И я, испугавшись за свою жизнь, зарыл свой комсомольский билет в землю. Потом мы все-таки вырвались из окружения. И до сих пор я испытываю чувство стыда за этот низкий поступок. Были случаи, когда наши солдаты убивали пленных немцев: расстреливали, вешали, жгли. Особенно над ними измывались украинцы, белорусы, евреи, потому что у многих из них фашисты убили родственников. Немцы часто загоняли людей в церкви, амбары и сжигали их живьем, и люди, помня это, тоже убивали этих зверей. Я был свидетелем того, как двое украинцев облили немца бензином и подожгли...

Как-то мы шли по территории Белоруссии, рядом был белорус, он беседовал со мной и почему-то такой веселый был, что даже странно. Я спросил у него, в чем дело, а он ответил, что здесь, в этих полях и лесах, жил с рождения, что через пару километров будет его деревня и он увидит мать и двух сестренок. Мы подо-

шли к месту, где раньше был его дом, — теперь там лежали лишь обгорелые бревна. Он нахмурился и пошел куда-то, я за ним. На всей огромной улице стояли только два целых дома. Он зашел в один, но там никого не было, зашел в другой. Там была старушка, она рассказала, что фашисты убили его мать, а сестренок увезли куда-то. Белорус нахмурился, попрощался с ней и пошел к дороге, по которой шли наши войска. В это время по ней вели пятерых пленных немцев, захваченных в недавнем бою. Мой товарищ выхватил из-за ремня саперную лопатку и бросился на них. Одного зарубил, а другого ранил. Разве можно его за это осуждать? Много было таких историй, когда солдат возвращался в родную деревню, а там — ни дома, ни родных.

Однажды со мной произошла смешная ситуация во время боя.

Наши войска с плацдарма на р. Висла начали наступать в сторону Варшавы. И вот мы поднялись в атаку и с криками «За Родину! За Сталина!» бросились на немецкие окопы. Мы бежали смело, не останавливаясь и не прячась от пуль. Смотрю: в окопе сидит фашист и строчит из автомата по нам. У меня в душе такая злость загорелась, что думаю: «Вот сейчас добегу, прыгну в окоп и загрызу его». Я подбегаю с такой звериной злостью, но вдруг неожиданно подскальзываюсь, на заду доезжаю до окопа и падаю туда. А приземлился я, оказывается, прямо на немца. Упал я, лежу, и злость сразу прошла, а самому смешно стало. Потом я опомнился и скрутил его. После этого случая друзья долго надо мной шутили: «Как ты, Коля, немца-то оседлал?».

Было ли страшно мне на войне? Страх испытывают все люди, и особенно на войне, и я, конечно, тоже боялся. Много было там ужасов. Вот, например, солдат бежит в атаку, тут снарядом ему отрывает голову, а тело само по себе еще двигается, как у курицы. Или еще: парню оторвало обе ноги, а он рвется и кричит: «Дайте мне пятку почесать, братки, у меня очень сильно чешется нога, почему вы меня держите, ведь я просто хочу пятку почесать». Да, война — это ужас, это один сплошной кошмар.

Был у меня лучший друг — Витька Режев, пермяк, здоровый мужик. Дружба у нас была сильная. Мы все делили поровну, в атаку бежали всегда рядом. И вот где-то в Польше мы собирались идти в бой, выпили по сто граммов водки, он перекрестился. Витек вообще верующий был, под рубахой всегда икону носил, а когда Богу молился, никогда не просил ничего, а лишь говорил: «Пускай все будет как будет, и если у тебя написано, чтобы я умер, так пускай я умру тогда, когда надо». Мы поднялись в атаку, и только он встал в полный рост, как тут же рухнул на землю. Пуля попала точно в сердце, пробив икону. Да, хороший был друг. Я после войны к нему домой ездил, с женой разговаривал, детей у него двое осталось. Я вообще думаю, что настоящая мужская дружба может быть только на войне.

О Победе я узнал в Берлине, в госпитале. Это получилось так. Войска нашего Первого Белорусского фронта 25 апреля вышли в район северо-западнее Потсдама. В результате этого было завершено полное окружение немецкой столицы. Начались тяжелые и кровопролитные бои за Берлин. Сражения были страшные, немцы держались зубами за каждый метр своей столицы. Мы вели бои за одну улицу и никак не могли отвоевать ее. Командование решило пустить танки и тем самым помочь

нам, но улица была узкая, и машины не могли проехать. Тогда командир послал двух бойцов, чтобы они взорвали стену и дали танкам проехать.

Доползли они до середины, и вдруг — взрыв. Убило обоих. Следующими двумя солдатами были я и мой товарищ. Мы понимали, что ползем на верную гибель, потому что мы у немцев были как на ладони, но, понимая это, не могли не подчиниться приказу. Фашисты осыпали нас пулями, но нам как-то странно везло. Когда мы доползли до середины, меня ранило в кисть левой руки, но я не остановился, полз дальше. До стены осталась пара метров, я поднял голову и увидел летящую сверху гранату. За это время, пока она падала на землю, у меня вся жизнь перед глазами пролетела: как я был маленьким, как нас в Сибирь выслали, как учился в ФЗУ, как пошел в армию... Потом раздался взрыв, и я очнулся лишь 5 мая в госпитале. Оказывается, моего товарища убило, а я получил осколочное ранение в голову и сильную контузию. Потом я на мотоцикле возил солдатскую почту. В 1946 г. меня демобилизовали из армии по состоянию здоровья, и я вернулся в Мордовию. День Победы — это, безусловно, величайший день не только в моей жизни, но и в жизни каждого человека, каждого гражданина Советского Союза. Это день, когда закончились беды нашего великого народа. Каждый год 9 мая я выпиваю фронтовые сто граммов водки за Великую Победу. <...>

Публикуется по изданию:
Зернов А. Н., Котков С. К.
Шагнувшие в бессмертие.
Саранск, 2005. С. 162 — 166.

С. Я. ПОПКОВ

Попков Степан Яковлевич (род. в 1915 г.), житель Краснослободского района Мордовии. Участник боевых действий. В РККА и на фронте — с 1942 г. Гвардии техник-лейтенант. Механик-водитель танка. Воевал на Донском, Воронежском и Первом Украинском фронтах. Награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, медалями[*].

1975 г.

Это было под Белгородом. Наш танковый полк прорыва, в котором я служил механиком-водителем, перебросили под Новый Оскол, где к этому времени развернулись жестокие бои и готовилось наше наступление. Полк был вооружен тяжелыми танками «черчилль», полученными незадолго перед тем от англичан.

Полку была поставлена ответственная задача — прорвать оборону гитлеровцев, сделать проход для атакующих пехотных частей, обеспечить своим огнем их продвижение вперед. Он был выведен на рубеж атаки ночью, в поле. И как только забрезжил рассвет, танки пошли на прорыв.

Для немцев это было полнейшей неожиданностью. Уверенные в своем постоянном превосходстве в танках, они никак не ожидали этой атаки и на какое-то время растерялись. Этой растерянностью мы и воспользовались.

По команде командира экипажа танка старшего лейтенанта Юркевича направляю машину на обнаруживший себя в первые же минуты атаки немецкий дот. Засевшие в нем гитлеровцы вооружены только пулеметом и нашему танку, по существу, не страшны. Но огонь его надо подавить во что бы ни стало. С первых же трех наших выстрелов пулемет замолкает: снаряды танковой 75-миллиметровой пушки точно ложатся в цель. Танки достигают линии окопов. Гитлеровские автоматчики в полном смятении покидают укрытия.

Однако замешательство врага продолжается недолго. Он вводит в бой свои танки. Правда, они слабее наших. Но, как показал бой, «черчилли» имели тоже свой недостаток: их моторы работали на высокой марке бензина, и машины при попадании в них снаряда горели, как свечки. Но тогда об этом недостатке никто не думал. Важно было не упустить инициативы, выполнить поставленную задачу.

Первый танк наш экипаж подбил, когда тот, отделившись от других, подставил нам один из своих бортов. Шел он на малой скорости, взбираясь на взлобок. Этот-то момент и уловил наш командир. Со второго выстрела вражеская машина остановилась, а через минуту вспыхнула.

Однако едва мы покончили с этой машиной, как ударил один из немецких танков. Правда, бил он не прицельно, снаряды ложились то позади, то впереди нас. Но

[*] **Попков С.** Танки идут на прорыв // Знамя труда. 1975. 22 апр. С. 2 ; http://podvignaroda.mil.ru

если бы мы не маневрировали, он нас так или иначе накрыл бы. Немцам не хватило, может, какой-то минуты.

По приказу командира я развертываю машину, а расчет по его команде бьет из пушки по вражескому танку. Снаряд угождает в моторную часть, а, может, в бензобак, и он, как и первый, окутавшись огнем, вспыхивает.

Бой становится все ожесточенней. Немцы вводят в действие еще две танковые роты. Их становится на поле больше, и ведут они себя теперь смелей.

В такой момент важно не дать врагу взять перевес. Оценив обстановку, командир нашего полка подполковник Еремей, а он находился в одной из атакующих машин, приказывает всеми силами обрушиться на только что введенные в бой танки.

Поле окутано дымом. И что делается на нем, мы за грохотом в машине ничего не слышим, а только видим, как тут и там кострами пылают и немецкие, и наши машины, другие замерли в неподвижности и огрызаются своими пушками, подставив себя под удар тех, которые еще ведут бой.

Третий немецкий танк наш экипаж подбил в тот момент, когда он решил сманеврировать и зайти нам во фланг, свернул в сухую балку и на какое-то время подставил свой борт под удар. Этим мы и воспользовались.

Перевес был на нашей стороне. Вражеские танки начали отходить. В этот-то момент один из них и ударил по нашей машине. Снаряд угодил в бензобак, и танк через минуту вспыхнул. По команде старшего лейтенанта экипаж, а вместе с командиром он состоял из семи человек, через десантный люк покинул машину, по танковой колее стал отползать в тыл. А вот командир покинуть машину не успел. Едва он открыл люк башни, как его скосил вражеский автоматчик.

Полк в этом бою понес значительные потери, но поставленную задачу выполнил с честью. За этот бой командование наградило меня первой боевой наградой — медалью «За отвагу». После я был награжден второй такой же медалью... Но первая медаль до сих пор мне дороже других наград, как памятней других бой под Новым Осколом, хотя мне и приходилось участвовать в боях под Сталинградом, на Киевском плацдарме, под Прагой и Берлином.

Публикуется по изданию:
Попков С. Танки идут на прорыв //
Знамя труда. 1975. 22 апр. С. 2.

Т. В. ПОПКОВ

Попков Тимофей Васильевич (8.3.1923, с. Старое Шайгово ныне Старошайговского района Республики Мордовия — 1.1.1991, г. Саранск) — участник боевых действий. В РККА — с июня 1941 г. Окончил Киевское артиллерийское училище им. С. М. Кирова. Старший лейтенант. Воевал на Западном, Юго-Западном, Степном, Втором Украинском фронтах. Демобилизован в 1945 г. После войны работал в Мордовском госуниверситете. Награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, Красной Звезды, медалями, в том числе «За отвагу»[*].

1990 г.

Разгромив немецко-фашистские войска под Орлом и Курском, Красная армия развернула мощное наступление по всему фронту. Особые надежды остановить наше наступление фашистское командование возлагало на Днепр, считая его якорем спасения. «Скорее, Днепр потечет обратно, — хвастливо заявлял Гитлер после взятия Харькова, — нежели русские преодолеют его...». Однако на сей раз фашисты просчитались. Войска пяти фронтов: Центрального, Воронежского, Степного, Юго-Западного и Южного в результате успешного наступления освободили значительную часть территории, захваченной немцами в 1941 — 1942 гг., и к концу сентября 1943 г. вышли к Днепру.

Наша 53-я стрелковая дивизия входила в состав 7-й гвардейской армии Степного фронта. План заключался в том, чтобы с ходу форсировать Днепр и закрепиться на его берегу. Эта задача была успешно решена. В ходе продвижения к Днепру командир нашей дивизии издал приказ, в котором обязал всех командиров частей начать готовить плоты и другие переправочные средства.

25 сентября 1943 г. войска нашей армии, в том числе 53-й стрелковой дивизии, вышли к Днепру и, не дожидаясь подхода понтонных средств для наведения мостов, уже на следующий день на бревенчатых плотах, самодельных паромах, в рыбачьих лодках и на катерах приступили к форсированию Днепра. Я командовал взводом 45-миллиметровых пушек. На плотах пушки переправлялись на правый берег. Форсирование началось рано утром, неожиданно для немцев. Метров 500 — 600 мы плыли спокойно, а метров за 100 — 150 до берега немцы накрыли нас пулеметным и минометным огнем. Однако ощутимых потерь не причинили. Два батальона и батареи 45-миллиметровых пушек нашей дивизии закрепились на противоположном берегу в районе деревни Бородаевки, расположенной вдоль Днепра. Через несколько часов был наведен понтонный мост, по которому переправились вся наша дивизия и батареи 116-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона, в том числе и наша батарея.

[*] В боях за Родину. Саранск, 1990. С. 63 ; Мордовия, XX век: культурная элита. Саранск, 2013. Ч. 2. С. 76 — 77 ; http://podvignaroda.mil.ru

Форсировав Днепр, наши войска продолжали наступление, и за сутки с боями мы продвинулись на 10 — 15 километров. Но уже на второй день немецкие войска стали переходить в контратаки. Под натиском превосходящих сил противника дивизия была оттеснена до Бородаевки. Фашисты пытались отбросить нас с захваченного плацдарма на правобережье Днепра. Они ввели в бой танковую дивизию «Мертвая голова», вооруженную новыми машинами. Превосходя в боевой мощи наши войска на данном участке, фашистская армада с 27 сентября по 11 октября 1943 г. навалилась на наши позиции своими танками и авиацией. В течение полумесяца не прекращались бои за Бородаевку. Каждый день по восемь-десять раз она переходила из рук в руки. Особенно мешали немецкие самолеты, которые, используя солнечную погоду, с утра до вечера щедро поливали нас свинцовым огнем, бомбили наши войска. Из тысячи домов в Бородаевке остались лишь одни печные трубы.

На третий день после форсирования Днепра во время одной из контратак был тяжело ранен командир нашей батареи. Нужен был новый комбат. Командир дивизиона вызвал меня на к[омандный] п[ункт] и приказал исполнять обязанности командира батареи. Круг обязанностей расширился, стало больше заботы и ответственности. Вместо двух пушек и трех машин, как было прежде, мне пришлось управлять всей батареей, насчитывающей шесть 45-миллиметровых пушек и десять машин марки «виллис». Сорокапятки солдаты иронически называли «Прощай, Родина». Это потому, что они, в отличие от более мощных 76-миллиметровых пушек, стрелявших из закрытых позиций, находясь в трех километрах от передовых окопов, были вместе с пехотой, поддерживали ее огнем.

С 1 по 11 октября наша дивизия стойко и мужественно отражала немецкие контратаки, нанося фашистам ощутимые потери. Особенно запомнилось наступление, предпринятое 9 — 10 октября. Фашистское командование пыталось захватить, наконец, Бородаевку, сбросить нас в Днепр. Рано утром 9 октября оно направило против нас свои танки, поддерживаемые авиацией. Шли они быстро и напористо, утюжа окопы пехоты и тылы наших частей. Хлестали очереди «шмайссеров», били минометы. Мы открыли ответный огонь. Было подбито три немецких «тигра», уничтожено несколько пулеметных точек. Прижав немецкую пехоту к земле, наши солдаты перешли в контратаку. Сначала поднялось несколько десятков солдат, потом весь батальон. С криком «Ура!» ринулись на немцев. Пехоту сопровождали наши пушки. Не выдержав натиска, немцы отступили. Идя впереди с криками «Славяне, вперед!», воодушевлял бойцов комбат. Противник отступил до второго эшелона своих окопов возле школы, где размещались также его пулеметные точки. Они открыли бешеный огонь, который оказался весьма плотным. Наши солдаты залегли, стали окапываться.

Перегруппировав свои силы, противник опять перешел в контратаку. Мы вынуждены были оставить свои позиции. В панике расчет одного орудия моей батареи оставил пушку и побежал вместе с пехотой. Командир дивизиона приказал вернуть орудие, грозя, в случае невыполнения приказа, отдать под военный трибунал. Вместе с приданным мне взводом пэтээровцев мы контратаковали немцев и вернули орудие. В течение 9 октября нами было отбито восемь контратак против-

ника. За один день батальон потерял половину своего состава, в моей батарее погибло десять человек. Однако столкнуть нас в Днепр противник не смог. Плацдарм в районе Бородаевки мы удержали.

Зная, что немецкое командование не успокоится этим, ночью с 9 на 10 октября наши пехота и артиллеристы укрепляли позиции, перегруппировывали силы. Нам были доставлены боеприпасы. Прибыло подкрепление — новые артиллерийские подразделения: две батареи 76-миллиметровых пушек, две батареи 57-миллиметровых орудий и одна батарея 120-миллиметровых минометов. Это значительная помощь, которая подоспела вовремя. На этот раз соотношение сил было в нашу пользу. Более активно действовала и авиация, осуществляя прикрытие с воздуха. Самолеты непрерывно патрулировали над плацдармом, перехватывали и уничтожали вражеские бомбардировщики, массированными ударами штурмовали немецкие танки, атакующие наши войска на плацдарме.

Однако для моей батареи 10 октября было самым трагическим днем. В полдень, во время очередной атаки немецких войск, «тигры» уничтожили почти все орудия батареи. Ведя открытую дуэль с немецкими танками, расчет сражался около часа. Пять немецких «тигров» наступали на батарею, три из них мы сожгли. На помощь им подошла очередная группа танков. Расчеты орудий открыли по ним прицельный огонь, поражая одну за другой цели. Разумеется, снаряды наших сорокапяток были маломощными против толстой брони «тигра», отскакивали от нее рикошетом. Вокруг расчетов кипел настоящий ад. Солдаты и артиллеристы в этом бою показывали беспримерное мужество. Поставив пушки на высотку, артиллеристы пытались поразить немецкие танки. Однако и орудия при этом были подставлены под ответный огонь танков противников. Приближаясь метров на 500, немецкие «тигры» били по нашей батарее. Один из снарядов, выпущенный из танка под низким углом, прошел над балкой и точно ударил под колеса и раздвинутые станины одной из пушек. Она взлетела вместе с разорванными в клочья солдатскими телами вверх, перевернулась и упала, перекореженная. Другие расчеты продолжали яростное сопротивление. Это был последний бой с немцами, штурмующими наш плацдарм. Мы понесли очень большие потери: в батарее осталось всего пять человек и одно орудие. Но цель была достигнута. Плацдарм на правом берегу Днепра отстояли. За эти бои я был награжден орденом Красной Звезды.

Публикуется по изданию:
Попков Т. В. Плацдарм отстояли //
В боях за Родину. Саранск, 1990. С. 63 — 66.

И. С. ПОТЕШКИН

Потешкин Иван Сергеевич (22.2.1918, с. Урусово ныне Ардатовского района Республики Мордовия — 24.6.1992, там же) — участник боевых действий. Полный кавалер орденов Славы (26.4.1944; 12.12.1944; 19.4.1945). В РККА — с 1939 г., на фронте — с 1942 г. Помощник командира взвода пешей разведки. Воевал на Первом Прибалтийском фронте. Отличился в боях за освобождение Крыма, Восточной Пруссии. Награжден также орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалями[*].

14 марта 1969 г.

МЫ В БИТВАХ РЕШАЛИ СУДЬБУ ПОКОЛЕНИЙ...[**]

<...>

...В июне 1942 г. нас погрузили в эшелоны, а уже в августе наша часть вступила в бой в районе станции Котельниково под Сталинградом. Сильно укрепленный врагом город несколько раз переходил из рук в руки. Превосходство в танках позволило противнику нас потеснить. Мы заняли прочную оборону в районе населенного пункта Бекетовка (Сталинград).

Здесь развернулись горячие бои с численно превосходящими силами врага, фашисты цеплялись за каждый укрепленный пункт, за каждый кустик, ложбинку. Но мы стояли насмерть. В одном из боев меня ранило в ногу. Хотели отправить в госпиталь, но я наотрез отказался и пролежал в своей санчасти 18 суток. А когда поправился, меня пригласил командир части.

— Ну как, выздоровел, солдат Потешкин? — спросил он.

Я взял под козырек и бойко ответил:

— Так точно, товарищ командир...

— По всему видно — храбрый воин... Пойдешь в разведку. Сейчас как никогда нужны языки.

Так я стал с этого раза разведчиком, где командиром был мой земляк из Алатыря Надыршин.

Боевое крещение получил в конце октября 1942 г. Нас было четверо. Командир разведки поставил ближайшую задачу: воспользоваться покровом ночи, зайти в тыл противника, прощупать его боевое охранение, по возможности изучать расположение его подразделений. Шли ощупью. И вдруг солдат Кочан провалился то ли в блиндаж, то ли в яму. Дремавший на дне фриц спохватился и — наутек. Но мы [опередили] его и с живым трофеем вернулись обратно в свою часть. А когда об этом доложили командиру полка, он сказал:

---

[*] Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2004. Т. 2. С. 191 ; Война на всех одна. Саранск, 2015. С. 267 — 268 ; http://podvignaroda.mil.ru

[**] Литературная обработка текста Н. П. Егорова.

— Язык сослужит нам хорошую службу...

За образцовое выполнение боевого задания я был награжден медалью «За боевые заслуги». Вскоре наши войска из района Бекетовки перешли в наступление по железной дороге в сторону Ростова-на-Дону. Ожесточенные бои разыгрались в районе Котельникова, где были сосредоточены крупные вражеские силы. К этому времени гитлеровское командование создало здесь большой перевес материальных и людских сил с тем, чтобы создать ударные группировки для осуществления деблокирования окруженных под Сталинградом войск Паулюса. Но удержать укрепленные позиции ему не удалось. Он стал беспорядочно отступать.

Нам, конным разведчикам, приходилось гнать фашистов и брать в плен особенно румынских солдат, иногда не спешиваясь по четверо-пятеро суток.

Жаркие бои были и на подступах к Ростову-на-Дону. Противник яростно сопротивлялся. Пришлось рано утром форсировать Дон и закрепиться в районе одного населенного пункта на ближних подступах к городу. А когда стемнело, стали охотиться за языками. Взяли в плен четырех фашистов. Они рассказали о главных опорных пунктах сосредоточения вражеских подразделений. А в 12 часов дня Ростов-на-Дону был нами взят.

Это позволило развивать дальше наступление на Луганск и Донецк. В Донецке стояли в обороне с марта по июнь 1943 г., чтобы подтянуть тылы, пополнить 366[-й] полк 126[-й] стрелковой дивизии, в составе которого я воевал почти с начала войны и до ее окончания. Ходили в разведку. Здесь же освободили из немецкого концлагеря 800 измученных советских мужчин и женщин. Это было страшное зрелище. Фашистские молодчики довели их до того, что они не могли уже двигаться.

После короткой передышки воевали за взятие городов Горловки, Мелитополя. В апреле 1943 г. вступили в Крым, где заняли оборону под Севастополем.

Здесь произошло неожиданное. Надо было раздобыть во что бы то ни стало языка, чтобы прощупать силы противника на подступах к городу. После гибели под Донецком Надыршина командовать взводом разведки было поручено мне. Спасением для нас опять стала ночь. Надо же такому случиться: натолкнулись на вражескую, думали, немецкую, разведку, но это оказались чехи. Они попросили отпустить троих из них, чтобы привести остальную роту. Мы посоветовались и, поверив в их искренность, отпустили. Оказалось, не ошиблись. Рота солдат со всей амуницией добровольно сдалась в плен. В мае 1944 г. был освобожден город-герой Севастополь.

В боях за освобождение Крыма был награжден орденами Славы 2-й и 3-й степени. После освобождения Крыма форсировали в районе Херсона реку Днепр, погрузились в эшелон и направились к Смоленску. Не доехав 90 километров, спешились и встали на месячный отдых.

А потом суворовский марш до Витебска. Освободили Литву и в ее столице Вильнюсе водрузили Знамя Победы.

В октябре 1944 г. вступили в Восточную Пруссию. Выйдя на реку Неман, с боями вступили в Кенигсберг. Город был сильно укреплен. Каждый квартал, дом, комната, наконец, лестница были превращены врагом в неприступные крепости. Ожесточенные бои разыгрались за одно сильно укрепленное шестиэтажное здание,

где засела большая группа эсэсовцев. Мне было поручено ликвидировать этот сильно укрепленный вражеский пункт. С группой своих разведчиков по-пластунски под ураганным пулеметным огнем мы подползли к зданию. Ворвавшись в него, сняли часового. Потом при помощи одного немецкого солдата нащупали в подземном ходе комнату, где засела группа фашистских офицеров во главе с генералом. В темный проем полетели ручные гранаты, и вскоре оттуда стали выходить немцы с поднятыми руками, одного из них — немецкого генерала — пришлось брать мне. Около здания проходила канава. Идти через нее было опасно. Она со всех сторон обстреливалась. Пришлось волоком тащить его через воду. А когда пришли в расположение своей части, мне позавидовали: «Эх, Иван, и трофеец...».

<...>

Вскоре наша часть вновь вернулась в Крым, а в 1946 г. из Симферополя демобилизовался к себе на родину, в село Урусово...

<...>

Кроме названных орденов, имею орден Красной Звезды за взятие Данцига, а также медали: «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.» и две юбилейные медали.

Ратные подвиги советского народа, спасшего мир от фашистской чумы, будут жить в веках. <...>

ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 52. Л. 1 — 5.
Машинопись. Копия.
Опубликовано частично:
Потешкин И. С. Мы в битвах решали судьбу поколений //
Бойцы вспоминают... Саранск, 1970. С. 112 — 118.

1970 г.

<...>

10 апреля я получил задание — с группой разведчиков провести разведку одного населенного пункта. Действуя на переднем крае, мы ворвались в этот поселок, завязался бой. Под ураганным огнем фашистов наша группа в пять человек удержала окраину поселка, отразила натиск численно превосходящих сил врага. В неравном бою мы уничтожили 25 гитлеровцев, без единой потери со своей стороны. 14 апреля перед нами поставили новую задачу — преследовать противника и не дать ему закрепиться. Группа в десять человек ворвалась в село Бузов-Акташ и окружила заслон, оставленный неприятелем. В схватке мы уничтожили 26 гитлеровцев и около 30 взяли в плен. Мне удалось захватить здесь ценные документы и карты фашистов, которые были доставлены в штаб нашего полка. За участие в крымских боях я был награжден орденом Славы 3-й степени.

Затем наша дивизия была переброшена на Прибалтийский фронт. В составе 2-й гвардейской армии мы освободили Литву. Запомнился такой эпизод. На пути нашему взводу встретилась вражеская автомашина, в которой находилось около 20 немецких

пехотинцев. Мы преградили ей путь. Я бросил гранату и подорвал машину. Вражеские солдаты, находившиеся в кузове, были уничтожены. За это я был награжден орденом Славы 2-й степени.

Январь 1945 г. ... Наша часть сражается уже на территории Восточной Пруссии. Много раз приходилось под сильным огнем противника производить разведку переднего края его обороны. 4 февраля в районе Зортенен фашистская пехота и танки предприняли несколько контратак. Но наши бойцы отбили натиск врага. В этом бою я уничтожил из автомата десять гитлеровцев.

<...>

За участие в боях на территории Восточной Пруссии я был 19 апреля 1945 г. награжден орденом Славы 1-й степени. День Победы мы праздновали в Кенигсберге. Жаль, что не пришлось дойти до Берлина — логова фашистского зверя.

<...>

Публикуется по изданию:
Потешкин И. С. Мы в битвах решали судьбу поколений //
Бойцы вспоминают... Саранск, 1970. С. 115 — 116.

Г. М. ПРЕКИН

Прекин Григорий Макарович (1.4.1923, д. Трегубовка ныне Старошайговского района Республики Мордовия — май 2013, г. Саранск) — участник боевых действий. Журналист. В РККА — с марта, на фронте — с сентября 1942 г. Обучался в Астраханском военно-пехотном училище, но не окончил его в связи с расформированием. Был направлен на Северо-Кавказский фронт в отдельную роту химзащиты. Участвовал в освобождении Одессы, Венгрии. Войну закончил в Австрии. Награжден орденом Красной Звезды, медалями[*].

1978 г.

1. В ОДНОЙ ШЕРЕНГЕ

В годы минувшей войны мне довелось служить в редакции дивизионной газеты «За Отечество». Мы, дивизионные журналисты, заботились не только о том, чтобы вовремя выходила газета, чтобы в ней печатались интересные и оперативные материалы, но зачастую и сами доставляли газету в боевые порядки. У нас считалось священным правилом: газету должен получать боец в тот же день, когда она выходила. Тот, кто работал в дивизионке, знает, какой нелегкий труд выпадал на долю ее сотрудников. Нам приходилось выполнять буквально любую работу: перетаскивать наборные кассы со шрифтами, вращать печатную машину, разматывать рулоны бумаги. Но самым ответственным делом считалась доставка свежего номера на передовую.

Поскольку среди сотрудников редакции я был самым молодым (в ту пору мне шел двадцать первый год), на мою долю чаще всего выпадала почетная роль «экспедитора». Большей частью это случалось во время наступательных операций, когда редакция дивизионной газеты отрывалась от полевой почты, да и не было никакой целесообразности разыскивать ее. Газета должна быть доставлена в боевые порядки немедленно, ее с нетерпением ждали солдаты и офицеры.

И всякий раз в подобных случаях, едва наш печатник, молодой армянин Вараздат Восконян, успевал сделать последний оттиск, редактор майор Хизенко подзывал меня и с серьезным видом, но в то же время с какой-то неподдельной теплотой в голосе, говорил:

— Газету надо доставить, Гриша...

Так он называл меня за мою молодость. Я понимал майора с полуслова. Быстро завертывал тираж в плащ-палатку, вешал на ремень запасной диск и с автоматом за спиной выходил на первый перекресток.

Надо сказать, мне недолго приходилось ожидать попутной автомашины. Я вынимал из кармана газету и начинал «голосовать». Печатное слово на фронте было

[*] **Бородачев И.** Григорий Прекин на фронте работал военным корреспондентом // http://izvmor.ru/news/view/11773 ; http://pobediteli.ru/russia/povolzhye/mordoviya/p/pra-puz/index.html ; http://podvignaroda.mil.ru

очень популярным. Новости ловили с такой жадностью, что первый же водитель резко притормаживал и, высовываясь из кабины, спрашивал:

— Сводка Совинформбюро есть?

В какую-то долю секунды я запрыгивал в кузов и мчался к передовой. В эти минуты чувствовал, как я нужен со своей бесценной ношей ребятам, которые сейчас преследовали отступающего врага или, задержавшись на каком-нибудь промежуточном рубеже, готовились к новому броску.

Впрочем, не всегда приходилось догонять своих на автомашине. Бывало и по-другому...

В октябре 1944 г. полки 320-й стрелковой дивизии, форсировав реку Тиссу, во взаимодействии с частями других дивизий с ходу заняли город Сегед. В своем приказе Верховный главнокомандующий отметил боевые действия нашей дивизии и объявил благодарность воинам. Этот приказ и сводка Совинформбюро, накануне принятые по радио, были напечатаны в дивизионной газете. Нужно было быстрее донести эту новость до солдат и командиров.

Помню, мы с заместителем редактора капитаном Николаевым отправились в полки. Понтонные подразделения еще не успели навести переправу через Тиссу, и нам пришлось переправляться на плацдарм на какой-то утлой лодке. Как всегда, с нами был тираж газеты. Пока плыли до середины, было спокойно. Но неизвестно откуда налетели вражеские самолеты и начали бомбить переправу. Бомбы рвались на берегу, вздымали фонтаны воды, обдавая нас ледяными брызгами, осколки со свистом пролетали над головой. Мне, никогда не видевшему в жизни большой реки и не державшему весла в руках, пришлось туго. Лишь спокойствие и выдержка помогли удержаться в лодке и благополучно причалить к берегу. Но тут моя неопытность чуть не стоила нам обоим жизни. Причалив к берегу, я торопливо встал в лодке. Маленькое суденышко буквально заходило под ногами. Впереди — ни куста, ни травинки. С трудом мы выбрались на берег и оказались в расположении 478-го стрелкового полка, которым командовал майор Сиренко. Увидев нас, начальник штаба полка, усатый кубанец майор Чернецкий, со свойственной ему веселостью спросил нас:

— Каким чудом оказались у нас? — и уже более спокойным тоном добавил: — Немцы буквально висят над переправой.

Мы рассказали, как добирались в полк. Подошел парторг полка.

— Газета есть?

Я развернул плащ-палатку и подал капитану пачку свежего номера «За Отечество».

— Вот это хорошо. Сейчас же раздадим по ротам. — И, обратившись в нашу сторону, бросил: — А все-таки как вовремя вы прибыли, товарищи корреспонденты.

И он рассказал о том, как позапрошлой ночью их полк форсировал Тиссу, какой беззаветный героизм и отвагу проявили пехотинцы.

Через 2 часа полковой радист крутил ручку переносной радиостанции, а я диктовал в микрофон корреспонденцию «Как была форсирована Тисса». Закончив разговор по радио, радист, принимавший корреспонденцию, пообещал тут же доставить ее по назначению.

Небольшой коллектив редакции и типографии дивизионной газеты «За Отечество» жил напряженной боевой жизнью. Особенно запомнились бои на Миусских рубежах. Наша дивизия сражалась в составе 5-й ударной армии, которой командовал генерал-лейтенант Цветаев. Стояли жаркие июльские дни 1943 г. Взломав вражескую оборону на участке западнее Ростова, в направлении районного центра Куйбышево, наша дивизия, сминая контратаки врага, упорно продвигалась вперед.

В боевых порядках пехоты постоянно находились заместитель редактора старший лейтенант Александр Привалихин, литературный сотрудник старший лейтенант Максим Шепелев. Незадолго до наступления был ранен редактор газеты, и теперь вся тяжесть по выпуску газеты легла на заместителя редактора старшего лейтенанта А. Привалихина и ответственного секретаря редакции капитана М. Шапиро.

Александр Прокофьевич Привалихин, уже немолодой журналист, в прошлом донецкий шахтер, до войны проживал в городе химиков Константиновке. Он очень переживал за судьбу своих родных, оказавшихся на оккупированной территории. Чем ближе мы продвигались к Донбассу, тем больше волновался наш шеф и коллега Александр Прокофьевич, при этом его всегда неотступно преследовала мысль: «Что с ними, живы ли?». Неудивительно, что большую часть времени старший лейтенант проводил в частях, стремясь вместе с наступавшими бойцами вступить на родную донецкую землю.

Газета призывала громить врага так, как громят его герои Орловского направления. У меня сохранился номер газеты за 28 июля 1943 г. Он открывался стихотворной шапкой: «Нам цель боевая поставлена: на немца, на Запад, вперед! Приказ Верховного главнокомандующего к победе бойцов ведет!». Весь номер составлен из статей и заметок военкоров. В них чувствуется дыхание боя, наступательный порыв бойцов. Вот заголовки отдельных заметок: «Заслужим благодарность Верховного главнокомандующего», «Мы дрались по-сталинградски», «По примеру орловцев».

Сотрудникам редакции приходилось преодолевать опасные участки, чтобы добраться до наших траншей. Корреспондентам газеты были всегда рады в подразделениях. От них узнавали последние новости на фронтах, с ними охотно делились своим боевым опытом, рассказывали о стойкости и героизме товарищей. Случалось, что корреспондентам приходилось прятать блокнот в полевую сумку и вместе с бойцами отражать контратаки врага.

Это было уже на украинской земле. Литсотрудник младший лейтенант Алексей Сонин находился в боевых порядках одного из батальонов 476-го стрелкового полка. Гитлеровцы неожиданно перешли в контрнаступление. Вместе с другими бойцами смело отражал контратаку врага и младший лейтенант А. Сонин. А когда вышел из строя наводчик станкового пулемета, корреспондент залег за пулемет. Свинцовый дождь заставил гитлеровцев откатиться назад. В этом бою младший лейтенант был ранен в плечо и не мог возвратиться в редакцию. О ранении корреспондента сообщил в политотдел дивизии парторг полка. Он же со связным передал в редакцию и полевую сумку младшего лейтенанта Сонина, в которой был его блокнот.

Под Матвеевым Курганом, что находится в Ростовской области, редакция нашей газеты подверглась бомбежке вражеской авиацией. От прямого попадания бом-

бы в подвал, в котором размещалась типография, погибли старший печатник Дарьян, наборщик Яков Фишер, а печатник Вараздат Восконян и наборщик Леонтий Кудинов получили контузию. Долго восстанавливался слух у Кудинова. Однако наборщик не ушел в медсанбат, остался в строю.

Помню, редакция нашей дивизионки размещалась в венгерском городе Эгер. Передовые части дивизии уже форсировали Дунай и двигались на Будапешт. Получив очередное задание, я с пачкой только что отпечатанной газеты вышел на автомагистраль.

Вынул из кармана сложенную газету и стал «голосовать». Водитель «студебеккера» остановился, приоткрыл дверцу и громко крикнул:

— Садитесь, товарищ старший сержант, подвезу.

Я быстро вскочил на крыло и уселся рядом с шофером.

— Что новенького сообщает Совинформбюро? — нетерпеливо спросил ефрейтор.

Я протянул ему газету:

— Свежая, прочитайте.

— Спасибо. Я уже давненько не видел газет. Боеприпасы не успеваем подвозить. Вон сколько отмахали, скоро в Будапеште будем!

Я благополучно переправился по понтонному мосту через Дунай, разыскал наблюдательный пункт дивизии и через связных передал газету в полки.

В работе военного корреспондента, я бы сказал, самое главное — уметь поддерживать связь со своей редакцией. Где бы ты ни находился, как бы стремительно ни продвигалась твоя дивизия, служебный и моральный долг требовал от тебя вовремя передать материал в редакцию. Сейчас даже затрудняюсь сказать, каким именно путем я разыскивал месторасположение своей редакции.

Вырабатывалось какое-то невообразимое чутье, привычка отыскивать знаки, начертанные рукой какого-нибудь помпотеха автороты или работника штаба дивизии: «Хозяйство Рудого», и рядом стрелка, указывающая направление движения штаба с его многочисленными службами и медсанбатом. И еще можно сказать так: постоянное общение с людьми, стремление быть в курсе всех событий и, наконец, воинская смекалка подсказывали, где разыскивать своих собратьев по редакции. Честно говоря, я и сам удивлялся тому, как в огромном потоке движущихся войск неизменно отыскивал свой «ЗИС» с оборудованным кузовом, в котором находилось все несложное редакционное хозяйство дивизионной газеты.

Говоря об оперативности, я не могу не остановиться и на таком факте последнего, заключительного этапа Великой Отечественной войны. Мы находились в Австрийских Альпах, недалеко от города Брука, когда пришла долгожданная весть о капитуляции гитлеровской Германии. Эта новость не сходила с уст солдат и офицеров. Помню, и мы, сотрудники редакции, наборщики, печатники находились в том высоком расположении духа, какой свойствен был тому моменту. Однако продолжали трудиться с прежней энергией. Хотелось быстрее рассказать нашим воинам об их славной победе над врагом.

Дивизия спешила на соединение с союзниками. Майским вечером наш редакционный «ЗИС» остановился на горной дороге в образовавшейся автомобильной

пробке. Включаем радиоприемник и вдруг слышим знакомый голос диктора, передающего по слогам Приказ Верховного главнокомандующего о капитуляции Германии. Моментально сворачиваем в сторону, зажигаем коптилку и принимаем по радио приказ. Тем временем наборщики в машине начинают набирать с рукописных листков.

...Коротка майская ночь. Едва забрезжил рассвет, мы снова трогаемся в путь. На этот раз торопимся догнать свои передовые части. С собой мы везем листовку: «С победой вас, дорогие товарищи!».

Надо было видеть, каким блеском загорались у людей глаза, какой радостью светились лица, когда они жадно слушали слова Приказа Верховного главнокомандующего, поздравлявшего воинов с долгожданной Победой!

2. ПИСЬМО ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА

Сейчас уж не помню, кому из нас, сотрудников дивизионной газеты «За Отечество» 320-й стрелковой дивизии, пришла в голову мысль обратиться с письмом к писателю Илье Эренбургу, фронтовыми корреспонденциями и статьями которого зачитывались солдаты и офицеры. Редактор майор Иван Александрович Хизенко заметно оживился, когда мы высказали ему свое решение. Голубые глаза его засветились какой-то особой радостью. Ему было 27 лет. Кадровый политработник, участник войны с белофиннами, он, несмотря на свою молодость, обладал гораздо большим боевым опытом, чем кто-либо из сотрудников, хотя некоторым из них и перевалило за сорок.

— Это вы хорошо придумали, братцы! — говорил редактор. — Так и быть, поручаю связаться с писателем вам, Михаил Лазаревич, — и он обратился к ответственному секретарю капитану Шапиро.

— Что ж, это мы можем, — ответил капитан и сразу засуетился.

Мысль послать письмо известному писателю, о котором так много было разговоров в солдатской среде, настолько захватила нас, редакционных сотрудников, что медлить было просто нельзя.

— А о чем, собственно, писать? — вдруг спохватился ответственный секретарь и вопросительно глянул на редактора.

— Как о чем? Напиши, как мы воюем, сообщи, сколько истребил гитлеровцев Бочаров... И, вообще, попроси Илью Григорьевича написать несколько теплых слов солдатам и офицерам нашей дивизии.

Тут надо сказать, что редактор неспроста упомянул имя Бочарова. Старший сержант Иван Бочаров слыл в дивизии бесстрашным снайпером. 79 гитлеровцев истребил, обучил снайперскому искусству десятки солдат. Сам командующий Четвертым Украинским фронтом генерал-полковник Ф. И. Толбухин принимал Ивана Бочарова, имел с ним беседу, наградил его именными часами...

Письмо от Эренбурга ожидали с нетерпением. Даже наш шофер рядовой Петр Степанович Степочкин несколько раз справлялся у секретаря редакции капитана Шапиро:

— Мне пришло, товарищ капитан?

В ответ на это секретарь неизменно отвечал: «Рано еще, как будто и дел у Ильи Григорьевича больше нет, как отвечать на наши письма. Вон сколько пишет, читаешь в газетах?».

— А то как же, каждую статью его перечитываю несколько раз,— с донским акцентом отвечал уже немолодой, лет сорока пяти, водитель.

И вдруг в одно солнечное августовское утро 1944 г., когда наша дивизия удерживала плацдарм на Днестре в районе села Глинное, недалеко от Тирасполя, почтальон принес в редакцию объемистый пакет. На бланке «Красной Звезды» на нескольких листах был аккуратно отпечатан текст, а под ним стояла собственноручная подпись писателя Ильи Эренбурга.

По очереди письмо читали все сотрудники редакции. А когда оно обошло все руки, майор Хизенко распорядился дать письмо Эренбурга в очередной номер.

Никогда так старательно и быстро не набирали текст редакционные наборщики, как в этот раз. Чтобы ускорить работу, наборщики аккуратно разрезали листки на несколько частей, поделили их между собой, оживленно комментируя статью писателя.

— Нет, ты только послушай, — говорила молодая наборщица Лена Кунцевич, в прошлом работница типографии воронежской «Коммуны», обращаясь к Леонтию Васильевичу Кудинову из Нальчика, — мы первыми увидим победу! Вот тут так и написано...

Писатель Илья Эренбург так и назвал свою статью, предназначенную для нашей красноармейской газеты, — «Вы первыми увидите победу». Со всей страстностью публициста и мастерством большого писателя Илья Эренбург клеймил гитлеровских захватчиков, призывал солдат безжалостно уничтожать врага, ободрял словом, говорил, что победа уже близка. «Иван Бочаров не ждет международного трибунала: он судит и казнит презренных убийц», — гневно писал Эренбург.

Статью Эренбурга, опубликованную в нашей дивизионной газете «За Отечество» 9 августа 1944 г., перепечатали армейская и фронтовая газеты. Мы от души радовались этому событию. В какой-то мере в этом была и наша заслуга. Мы первыми проявили инициативу.

А между тем в нашу редакцию хлынул поток откликов на статью. Уже в следующем номере газеты от 11 августа, буквально через два дня, мы опубликовали подборку писем под рубрикой «Бойцы обсуждают статью писателя Ильи Эренбурга».

Под шапкой «Мы обязательно будем в Берлине!» печаталось несколько откликов фронтовиков. В одном из их, озаглавленном «Буду мстить беспощадно», младший лейтенант И. Уваров гневно писал:

«Волнующее обращение писателя Ильи Эренбурга призывает воинов нашей части к священной мести за Родину, за те страдания, которые Гитлер причинил каждому из нас.

Большое горе гитлеровцы причинили моей семье. В 1941 г, уходя на фронт, я оставил дома, в Смоленске, тринадцатилетнего братишку Васю. Когда фашисты заняли Смоленск, они начали угонять население в рабство, в ненавистную Германию. Мать спрятала Васю в погребе, но подлые изверги нашли его и расстреляли тут же, перед домом.

Могу ли я после этого измерить чувство гнева и мести, которые кипят в моей груди? Чем могут заплатить гитлеровцы за свои злодеяния? Я поклялся уничтожить каждого фашиста, которого встречу на своем пути. За невинную кровь брата, слезы и горе моей матери буду мстить им беспощадно, пока бьется в груди сердце, буду уничтожать проклятых зверей».

Слово Ильи Эренбурга, обращенное непосредственно к воинам нашей дивизии, вызвало небывалый энтузиазм.

«Подвиги героев будут нами повторены в грядущих боях с врагом. Призыв Ильи Эренбурга беспощадно мстить фашистским душегубам — это голос нашего сердца», — писал старший сержант Хотячук. Парторг подразделения гвардии лейтенант Иванов сообщал о том, с каким живейшим интересом читалась и перечитывалась статья писателя в отделениях. Он привел слова красноармейца Денисенко: «Благодарная Родина чтит боевые заслуги своих сынов. Она говорит о них устами своих выдающихся писателей, народ слагает и поет о героях песни. Каждый из нас хочет быть героем Родины».

Так отвечали воины нашей дивизии писателю Илье Эренбургу.

Через десять дней воины дивизии прорвали оборонительные рубежи гитлеровцев и пошли в наступление. Это был период, когда наша славная Советская армия начала освобождение от фашистского рабства народов балканских стран — Румынии, Венгрии, Болгарии и Югославии. И всюду наших воинов звало на подвиг боевое, страстное слово газеты. Один из номеров, посвященных наступлению наших войск, начинался шапкой на первой полосе: «Пусть каждого снова и снова к победе желанной ведет священное русское слово, заветное слово — вперед!».

Это слово не сходило со страниц газеты ни в дни нашего стремительного движения вперед по земле Румынии и Болгарии, ни в дни наступления в Австрийских Альпах.

Газета всегда была рядом с бойцами. Ее слово, зовущее вперед, воспринималось как слово матери-Родины, благословившей своих сынов на ратный подвиг.

<...>

Публикуется по изданию:
Прекин Г. Слово звало на подвиг :
(Из записок военного корреспондента) //
Край мордовский : лит.-художеств. сб.
Саранск, 1978. С. 79 — 87.
Опубликовано частично:
Прекин Г. Письмо Ильи Эренбурга //
Подвиг народный. Саранск, 1995. С. 136 — 141.

П. И. ПРЕСНЯКОВ

Пресняков Петр Иванович (1922, д. Екатериновка ныне Лямбирского района Республики Мордовия) — участник боевых действий. В РККА — с августа 1938 г., на фронте — с 1941 г. Гвардии лейтенант медицинской службы. Участник Парада Победы в г. Москве 24 июня 1945 г. Награжден двумя орденами Красной Звезды[*].

1999 г.

ЧЕРЕЗ ДВЕ ВОЙНЫ

В 1938 — 1939 гг. мне довелось учиться в Ленинградском военно-медицинском училище имени Щорса. Ленинград на нас, юношей, съехавшихся со всего Союза, произвел неизгладимое впечатление. Если верно определение, что среда общения является второй школой, то по отношению к Ленинграду оно верно вдвойне. Северная столица России — средоточие великолепных памятников культуры, истории и архитектуры. Это Исаакиевский собор, Петропавловская крепость, Казанский собор, Зимний дворец, Смольный... Не перечесть даже шедевры, которыми можно любоваться целыми днями. Само собой разумеется: жить и учиться в Ленинграде невозможно без посещения Эрмитажа и Русского музея, в которых мне довелось побывать несколько раз и слушать великолепные беседы экскурсоводов. Кажется, они вместили в себя лучшие творения разума и рук человеческих не только России, но и многих стран мира.

Учеба шла напряженная. Мы овладели основами практической медицины. Совершенно неожиданно она прервалась осенью 1939 г. 28 ноября нас, курсантов-выпускников, срочно вызвали в клуб и там зачитали приказ наркома обороны СССР маршала К. Е. Ворошилова о нашей мобилизации на войну с белофиннами. Так я стал командиром санитарного взвода 56-го стрелкового полка 8-й армии, которой командовал Г. М. Штерн. Хотя война и была недолгой, она складывалась для нашей армии тяжело. Финны на линии Маннергейма, представляющей современные военно-инженерные сооружения, оказали нашей армии упорное сопротивление. Моему санвзводу пришлось оказывать первую медицинскую помощь воинам на поле боя и переправлять их в госпитали. Уже там я насмотрелся на страдания совсем молодых людей, которые нередко после ранения становились инвалидами на всю жизнь.

13 марта 1940 г. война закончилась подписанием мирного договора между СССР и Финляндией. Нас вернули в Ленинград для завершения учебы. В сентябре 1940 г. я закончил училище по первому разряду и мне было присвоено звание «военфельдшер» с двумя кубиками на воротнике гимнастерки.

Служба моя началась в городе Каунасе. Там пришлось служить в 943-м отдельном батальоне связи штаба 11-й армии. По ритму нашей жизни чувствовалось приближение войны, хотя наша пропаганда и старалась успокоить советских лю-

[*] **Пресняков П.** Через две войны // Эхо войны. Саранск, 1999. С. 208 — 211 ; http://podvignaroda.mil.ru

дей, а ТАСС заявил в преддверии войны, что отношения с Германией развиваются нормально, и она не нападет на СССР.

У Гитлера же, видать, все было просчитано по-другому, и оставались отдельные дни до разбойничьего похода на Восток.

Уже 19 июня 1941 г. наш батальон вывели из Каунаса и разместили в форте под землей, не разрешая выходить из него. В ночь же на 22 июня поступил приказ: батальону выйти в ближайший лес. Здесь мы под открытым небом, на траве, улеглись спать. Но не суждено было спокойно досмотреть в ту предвоенную ночь солдатские сны.

В предрассветной мгле в небе волна за волной появились немецкие самолеты, которые ожесточенно бомбили Каунас, но, к счастью, наших войск там уже не было. Их своевременно вывели в летние лагеря.

Так для меня началась вторая война. Уже 22 июня у нас, медиков, работы было очень много. К 5 часам утра в наше расположение прибыли две грузовые автомашины нашего батальона связи с ранеными и убитыми солдатами. Пришлось раненым оказывать помощь и отправлять их в военный госпиталь. Обе руки были до локтей в крови.

Известно, что немцы, чтобы парализовать управление войсками Красной армии, принимали все меры к выведению из строя телефонной связи. Для этого широко использовали диверсантов. Поэтому мне пришлось выполнять не только обязанности военфельдшера, но и со связистами восстанавливать столбовую телефонную связь.

В батальоне связи служил шофером мой земляк, Борис Чикин, парень сорвиголова. Машина Бориса Чикина со связистами на борту проскакивала самые опасные места. Часто она попадала под немецкие бомбежки, но каким-то чудом оставалась невредимой. Вместе с Б. Чикиным мы отступали до самой Старой Руссы. Потом я потерял его из виду.

По-моему, нет ничего хуже и страшнее, чем отступать под натиском врага. Особенно усложняется в это время работа медиков. Раненым надо оказать помощь, ведь они истекают кровью. Их следует переправить в госпиталь, а враг наседает. Чего греха таить: не всегда удавалось вывести раненых из опасной зоны. Часть из них попадала в руки врага.

В июне 1942 г. был издан приказ наркома обороны СССР, по которому мужчины-медработники из частей связи переводились в пехоту. Так я оказался в 201-й латышской стрелковой дивизии командиром санвзвода стрелкового батальона. За боевые успехи в ноябре 1942 г. эта дивизия стала гвардейской, и у нее стал другой номер — 43-й.

Из района Старой Руссы начался второй этап нашей войны — наступательные бои, с которыми мы шли на Запад. Фактически мы передвигались по своему же маршруту, но в обратном направлении. Настроение у солдат поднялось, немцы стали отступать.

Санвзвод в стрелковом батальоне делил с солдатами все тяготы фронтового быта. Оказывал первую помощь раненым солдатам на поле боя. Санитары перетаскивали раненых под огнем противника в медпункт батальона, где их, образно говоря, сортировали: легко раненных направляли в медсанбат, а тяжело раненных — в госпиталь. Делать это было под огнем противника опасно, рискованно и непросто.

В санвзводе, которым я командовал, было 6 санинструкторов и 18 санитаров: по одному санинструктору в роте и по санитару во взводе.

Кроме того, на медпункте стрелкового батальона дежурили 2 санинструктора и 2 санитара, готовых принять раненых и продолжить оказание им необходимой по-

мощи, а также конюх с лошадью и телегой, готовый переправить раненых в тыл. Помню, в первом же наступлении под Старой Руссой за один день мы приняли и обработали более 100 раненых.

Война двигалась на Запад, то ускоряя, то замедляя свой шаг.

К осени 1944 г. наша дивизия вела бои уже на территории Латвии. Там в боевой обстановке у меня произошел занятный случай, о котором я хочу рассказать. Занимались мы, как обычно, своим делом: принимали раненых, обрабатывали их, переправляли в тыл. Вдруг мы с санитаром увидели немца с автоматом, который шел по опушке леса. Мы залегли под орешник, зарядили автомат. Как только фриц приблизился к нам, я крикнул: «Хальт! Хенде хох!». Он остановился. Высокий, здоровый. Я поднялся, подошел к нему, снял с него автомат. Он несколько раз произнес слова: «Гитлер капут!».

Подвели его к медпункту. Признаюсь: фотоаппарат и часы я у него отобрал. Переправить немца в штаб полка было не с кем. Непрерывно поступали раненые, в том числе принесли и старшину роты с сильно разбитой голенью.

Солдатская находчивость выручила.

Поблизости оказалась немецкая лошадь. Мы помогли старшине верхом сесть на лошадь, а поводырем до медсанбата — вести за уздечку лошадь — стал немец. Старшине дали автомат, которым он мог распорядиться по своему усмотрению, если немец предпримет непредвиденные действия.

Все обошлось благополучно. Немец исправно выполнил поручение, а его самого переправили в штаб полка. Командир полка полковник Меер одобрительно оценил мои действия и представил к награждению орденом Красной Звезды, который я и получил.

Войну наша дивизия закончила в городе Тукумсе Латвийской ССР. Там же пришлось наблюдать и принимать капитуляцию немецкой группировки «Курляндия», которая насчитывала в своем составе более 300 тысяч человек. Немцы шли колоннами в сторону Елгавы и Риги, складируя оружие в указанных местах. На лицах солдат — нескрываемая радость. Видать, и им осточертела война, а главное — они остались живыми и через какое-то время вернутся в свои семьи.

Мне посчастливилось 24 июня 1945 г. участвовать в Параде Победы на Красной площади в Москве в составе сводного полка Ленинградского фронта, который возглавлял сам командующий Маршал Советского Союза Л. А. Говоров.

Парад оставил в моем сознании неизгладимый временем след. Сводные полки продемонстрировали несокрушимую мощь наших вооруженных сил, их преданность своему народу, своему государству. Присутствовавшие на параде люди ликовали, не скрывали радости, ведь победу пришлось ждать очень долго и за нее была заплачена очень высокая цена.

Закончилась война... Но мне пришлось затем служить после небольшого перерыва еще пять лет в Германии.

Публикуется по изданию:
Пресняков П. Через две войны //
Эхо войны. Саранск, 1999. С. 208 — 211.

Содержание

В. И. Майков 7
Н. Ф. Майоров 8
А. А. Макаров 12
Н. П. Малкина 14
И. С. Мальчёнков 16
А. М. Мамаев 18
В. А. Манякин 20
М. М. Мартынов 22
А. П. Марусов 25
Е. Н. Марченков 27
Ф. Г. Матюшкин 29
М. Н. Матяев 105
Н. Н. Мельников 107
П. Д. Милкин 109
В. Б. Миронов 111
П. И. Митев 384
М. Митина 388
И. В. Митрофанов 390
И. М. Моисеев 394
С. И. Морозов 402
Т. А. Морозов 408
И. Н. Мотин 414
В. С. Мулихин 416
А. А. Мухин 418
С. И. Назаров 424
А. П. Назарова 439
М. А. Напечкин 441
М. В. Наумкина 443
И. Л. Наумченко 444
П. И. Нестеров 454
А. Я. Николаев 475
К. Д. Орлова 478
Б. А. Панкратов 480
А. Ф. Панферов 485
И. Г. Пельдяев 488

А. И. Перегудин 489
М. Т. Петров 578
А. А. Писачкин 585
А. И. Плехов 612
Т. Д. Погодин 676
Н. И. Полбичев 677
С. А. Полежаев 680
Ф. В. Половинкин 700
Н. Ф. Поляков 703
С. Я. Попков 707
Т. В. Попков 709
И. С. Потешкин 712
Г. М. Прекин 716
П. И. Пресняков 723

СВОД ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЕ МОРДОВСКОГО КРАЯ

Воспоминания

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: УСТНАЯ ИСТОРИЯ

Свидетельства участников боев, работников тыла и детей войны

Том 3

Составители: **Бикейкин** Евгений Николаевич,
Видяйкин Сергей Васильевич, **Задкова** Татьяна Юрьевна и др.

Редакторы: *Е. В. Глазкова, О. Б. Гнатовская, Е. Ф. Левщанова*
Корректор *Е. С. Панкова*
Макет *Ю. Г. Утукиной*
Компьютерная правка *Т. С. Смолиной*

Подписано в печать 23.03.2016. Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 59,15. Тираж 300 экз. Заказ №

ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия».
430005 г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в ГУП РМ «Республиканская типография “Красный Октябрь”».
430030 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Титова, 2а.
E-mail: tko-saransk@mail.ru